

ДЖЕЙМС КЛАВЕЛ

ГАЙДЗИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
амфора

Annotation

«Гайдзин» — это последний роман японской саги Джеймса Клавелла. Будучи продолжением «Тай-Пэна», он принимает сюжетную эстафету в 1862 году. В стране появляются гайдзины (иностранцы), горящие желанием вести с Ниппон торговлю. Однако японцы во главе с подневольным императором, соперничающими военачальниками и сражающимися друг с другом самураями всё ещё живут по законам, запрещающим даже использование колёс в повозках. Не менее экзотично и воодушевлённое повествование о любовных историях, словно вдохновлённых самим Александром Дюма.

- [Джеймс Клавелл](#)
  - [Титульный лист](#)
  - [Предисловие автора](#)
  - [Книга первая](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
  - [Книга вторая](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
    - [20](#)

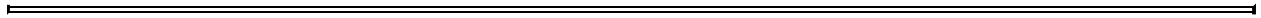
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [Книга третья](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
- [Книга четвертая](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
- [Книга пятая](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
  - [56](#)

- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)

- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

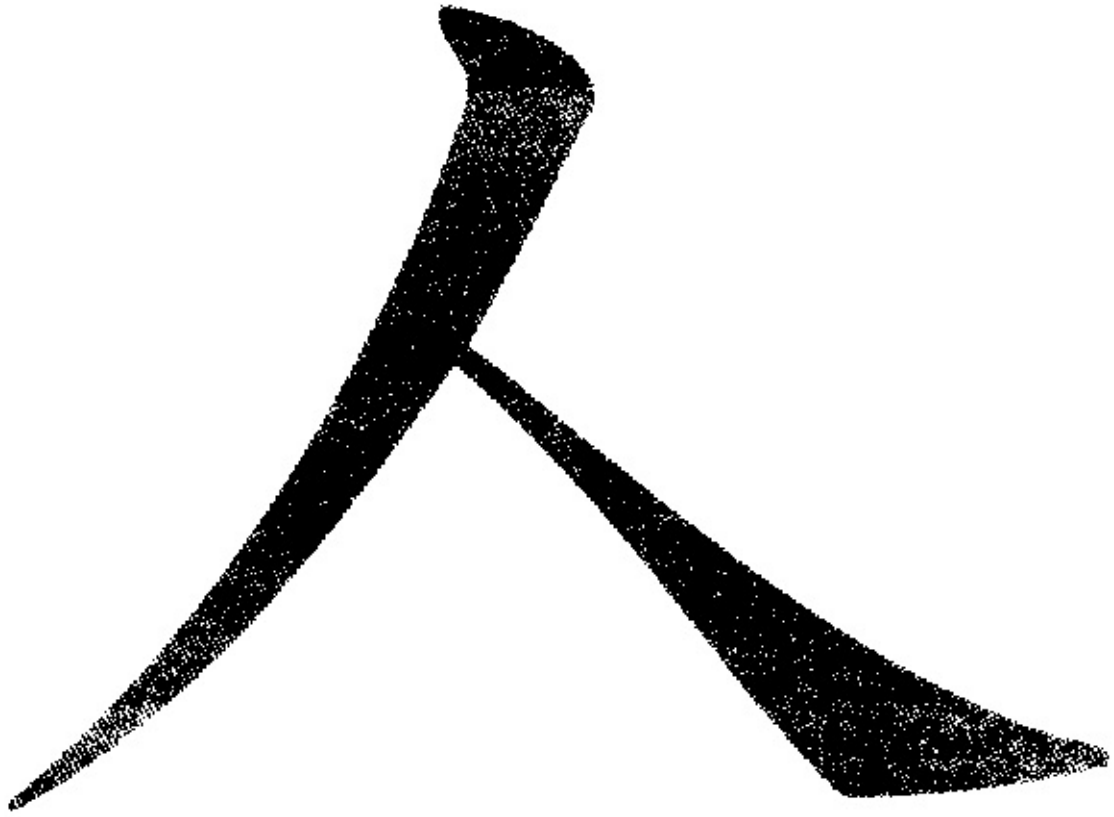

Джеймс Клавелл Гайдзин

*Этот роман
посвящается вам, кто бы вы ни были,
посвящается с глубокой благодарностью,
ибо без вас писатель во мне
не мог бы существовать...*

Титульный лист

Предисловие автора

«Гайдзин» означает «иностранец», «чужак». Действие романа разворачивается в Японии в 1862 году. Это не историческое, а прежде всего литературное повествование. Многие из описанных в нем событий представлены так, как о том свидетельствуют историки и исторические исследования, которые сами по себе не всегда обязательно излагают то, что происходило в действительности. В нем также не фигурируют какие-либо реальные лица или компании, которые существовали на самом деле или по чьим-то предположениям. Короли, королевы и императоры названы своими настоящими именами, как и несколько генералов и других высокопоставленных особ. За исключением этого я играл с *историей* — с её где, как, кто, когда и почему, — воссоздавая свою собственную реальность и, возможно, показывая истинную картину того, что происходило на самом деле.

Книга первая

ИОКОГАМА

14 сентября 1862

Обезумев от ужаса, всадница во весь опор скакала назад к берегу моря, который лежал в полумиле впереди; страх заставил её забыть об опасности: тропинки меж зеленеющими или покрытыми водой рисовыми полями были слишком узки и покаты для лошади, мчавшейся галопом. Солнце клонилось к закату. Девушка сидела на лошади боком, и хотя она слыла опытной наездницей, сегодня ей с трудом удавалось удержаться в дамском седле. Шляпка слетела с головы, зеленая амазонка — последнее творение парижской моды — была вся изорвана и забрызгана кровью; светлые рыжеватые волосы развевались на ветру.

Девушка стегнула лошадь, потом ещё раз и ещё. Впереди уже показались крошечные лачуги рыбацкой деревушки Иокогама, лепившиеся друг на друга у высокой ограды и каналов, окружавших со всех сторон Поселение, где жили иностранцы, за оградой всадница увидела шпили двух маленьких церквей и с благодарностью представила себе британские, французские, американские и русские торговые суда и десяток боевых кораблей, парусных и паровых, которые стояли в заливе по ту сторону Поселения.

Быстрее. По узким деревянным мостикам, через каналы и отводные канавы для воды, крест-накрест пересекавшие рисовые поля. Её конь был в мыле, на боку зияла глубокая рана, и он быстро терял силы. Вот он пугливо дернулся в сторону. Всадница едва не упала, но сумела удержать равновесие и в следующий миг свернула на широкую тропинку, которая пересекала деревню и вела к мосту через канал, опоясывавший Поселение; за мостом высились главные ворота, располагался пост самурайской стражи и японская таможня. Часовые — вооруженные двумя мечами самураи — заметили её и двинулись наперерез, преграждая дорогу, но она вихрем промчалась мимо и оказалась на широкой главной улице Поселения, тянувшейся вдоль самого берега. Один из самураев бросился бегом, чтобы предупредить своего офицера. Девушка натянула поводья, тяжело дыша.

— Au secours... a l'aide, помогите!

Улица была почти пустыня, большинство жителей Поселения отдыхали после обеда, зевали над счетами в своих конторах или

развлекались в увеселительных заведениях за оградой.

— Помогите! — выкрикивала она снова и снова, и те немногие, кто оказался в этот час на променаде, большей частью британские торговцы и свободные от службы солдаты и моряки, да ещё несколько слуг-китайцев удивленно подняли на неё глаза.

— Господь Вседержитель, погляди-ка туда! Это же та девчонка, из Франции которая...

— Что с ней такое? Бог мой, ты посмотри на её одежду...

— Во-во, она самая, такую не скоро забудешь. Ангельские Грудки её прозвали, приехала пару недель назад...

— Верно, её зовут Анжелика... Анжелика Бичо или Ричо, какое-то такое имя, чёрт их там разберет, этих лягушатников...

— Господи, да она вся в крови!

Люди начали стекаться к ней, кроме китайцев, которые тут же исчезли, умудренные тысячелетним опытом встреч с неожиданными опасностями. В окнах домов замелькали встревоженные лица.

— Чарли, ну-ка давай за сэром Уильямом, быстро! Боже Всемогущий, посмотрите на её лошадь, бедолага сейчас истечет кровью, позовите ветеринара, — выкрикнул дородный торговец. — А вы, солдат, быстро вызовите генерала и Главного Лягушатника, он её опекун... о, ради бога, да посланника же, французского посланника. Торопитесь! — Он нетерпеливо ткнул пальцем в одноэтажное здание, над которым развевался французский флаг, и проревел: — Бегом марш!

Солдат со всех ног бросился в указанном направлении, а сам торговец тяжелой трусцой заспешил к девушке. Как и все торговцы, он носил цилиндр, суконный сюртук, тесные, в обтяжку, штаны, туфли, и обильно потел на открытом солнце.

— Ради бога, что случилось, мисс Анжелика? — произнес он, хватаясь за поводья её лошади и с ужасом глядя на забрызганные грязью и кровью лицо, одежду, волосы. — Вы ранены?

— Мої, поп... нет, кажется, нет, но на нас напали... японцы напали на нас. — От страха её все ещё била крупная дрожь, грудь часто вздымалась после бешеной скачки. Пытаясь отдышаться и взять себя в руки, она откинула волосы с лица, потом настойчиво показала рукой вглубь острова, на запад, где на горизонте проступали очертания горы Фудзи. — Там... быстро... им нужна... им нужна помощь!

Те, кто стоял рядом, пришли в ужас и начали шумно передавать услышанное остальным и забрасывать её вопросами: Кто? На кого напали? Это французы или британцы? Напали? Где? Снова эти убудки с двумя

мечами? Где, чёрт побери, это произошло...

Все больше и больше мужчин выбегало на улицу, надевая на ходу фраки, сюртуки и шляпы, у многих в руках уже были пистолеты и мушкеты, а у некоторых — американские ружья последнего образца, заряжавшиеся с казенной части. Один из таких, широкоплечий бородатый шотландец, сбежал со ступеней внушительного двухэтажного здания. Над парадным крыльцом висела надпись «Струан и Компания». Он решительно протолкался к девушке через ревущую толпу.

— Тихо, ради бога! — крикнул он и продолжил в разом наступившей тишине: — Быстро, расскажите нам, что случилось. Где молодой мистер Струан?

— О, Джейми, же... я, я... — Девушка отчаянным усилием воли попыталась взять себя в руки; она выглядела совершенно потрясенной. — O mon Dieu! Боже мой...

Он протянул руку и мягко похлопал её по плечу, успокаивая, как ребенка. Она была всеобщей любимицей, и он обожал её, как и все остальные.

— Не тревожьтесь, теперь вы в безопасности, мисс Анжелика. Не спешите. Расступитесь, ради бога, дайте ей больше места! — Джейми Макфею было тридцать девять лет, он возглавлял отделение компании Струана в Японии. — А теперь расскажите нам, что произошло.

Она вытерла рукой слезы, откинула прилипшую к лицу прядь рыжеватых волос.

— Мы... на нас напали, напали самураи, — сказала она высоким тихим голосом с приятным акцентом. Все подались вперед, чтобы не пропустить ни слова. — Мы ехали... мы ехали по... по большой дороге... — Она снова показала рукой вглубь острова. — Вон там.

— Токайдо?

— Да, именно, Токайдо... — Эта большая прибрежная дорога, за пользование которой взималась подать, проходила примерно в миле к западу от Поселения и соединяла запретную столицу сёгуна, город Эдо, лежавший в двадцати милях к северу, с остальной Японией, также закрытой для всех иностранцев. — Мы... мы ехали верхом... — Она замолчала на мгновение, а потом слова полились словно сами собой: — Мистер Кентербери, Филип Тайрер, Малкольм... то есть мистер Струан... и я. Мы ехали верхом по дороге, а потом появились... как это сказать... длинная цепочка самураев со знаменами, и мы ждали, чтобы дать им пройти, а потом мы... потом двое из них набросились на нас, они ранили мистера Кентербери, напали на Малкольма — мистера Струана, который

выхватил пистолет, и на Филипа, который крикнул мне, чтобы я скакала за помощью. — Её опять начала бить дрожь. — Скорее, им нужна помощь!

Люди уже бежали за лошадьми и оружием. Стали раздаваться гневные выкрики:

— Кто-нибудь, вызовите войска!..

— Где это случилось? — крикнул Джейми Макфей, перекрывая весь этот гвалт и сдерживая охватившее его безумное нетерпение. — Можете вы описать место, где это произошло, где точно?

— Рядом с дорогой, не доезжая Кана... что-то, что начинается на «Кана».

— Канагава? — спросил он, называя маленькую придорожную станцию и рыбацкую деревушку на Токайдо, в миле от них через залив — в трех с небольшим, если двигаться вдоль берега.

— Oui... да. Канагава! Скорее!

Из струановских конюшен уже выводили оседланных лошадей. Джейми вскинул ружье на плечо.

— Не волнуйтесь, мы быстро их разыщем. Но мистер Струан? Вы не видели, ему удалось спастись... его не ранили?

— Non. Я ничего не видела, только самое начало, несчастный мистер Кентербери, он... я ехала рядом с ним, когда они... — Слезы потоком хлынули у неё из глаз. — Я не оглядывалась назад, я подчинилась без... и прискакала, чтобы вы помогли им.

Её звали Анжелика Ришо. Ей только что исполнилось восемнадцать. Сегодня она впервые выехала за ограду Поселения.

Джейми Макфей вскочил в седло, развернул лошадь и умчался. «Господь Всемогуций, — думал он, и сердце его сжималось от боли, — уже целый год, а то и больше, у нас не было никаких инцидентов с японцами, иначе я ни за что не отпустил бы его. Это моя вина, Малкольм — прямой наследник, и я отвечаю за него! Во имя Создателя, что же там, чёрт возьми, произошло?»

Макфей и ускакавшие с ним десяток торговцев, драгунский офицер и три его драгуна, легко нашли Джона Кентербери на обочине Токайдо, но вот смотреть на него, не отводя взгляда, оказалось гораздо труднее. У него была отрублена голова, кругом валялись рассеченные на части конечности. Все тело покрывали ужасающие раны, методично нанесенные мечом; почти каждая из них была бы смертельной. Ни Тайрера, ни Струана нигде не было видно, как и колонны самураев, о которой рассказывала Анжелика. Никто из прохожих ничего не знал об убийстве, кто совершил его, когда и

почему.

— А не может так получиться, что двух других похитили, Джейми? — спросил один из американцев, борясь с тошнотой.

— Не знаю, Дмитрий. — Макфей постарался заставить свой мозг работать. — Кому-то, наверное, нужно вернуться и сообщить сэру Уильяму и раздобыть... и привезти сюда саван или гроб. — С побелевшим лицом он внимательно изучал толпы проходивших мимо путников, которые нарочито избегали смотреть в его сторону, но при этом подмечали все.

Содержавшаяся в неизменном порядке, хорошо утрямбованная земляная дорога была заполнена дисциплинированными потоками пешеходов, шагавших в сторону Эдо, который позже станет называться Токио, или прочь от него. Мужчины, женщины и дети всех возрастов, богатые и бедные, сплошь японцы, не считая изредка попадавшихся китайцев в длинных халатах. Большею частью мужчины, все в кимоно самых различных покровов и добротности, и в самых разнообразных шляпах из материи и соломы. Торговцы, полунагие носильщики, буддийские монахи в оранжевых одеяниях, земледельцы, отправлявшиеся на рынок или возвращавшиеся с него, странствующие предсказатели судьбы, писцы, учителя, поэты. Много носилок и паланкинов всех видов с людьми или товарами, которые несли два, четыре, шесть, а то и восемь носильщиков. Несколько самураев, шагавшие вместе с толпой и выделявшиеся горделивой походкой и высокомерным видом, с ненавистью посмотрели на них, проходя мимо.

— Они знают, кто это сделал, знают все до единого, — сказал Макфей.

— Можешь быть уверен. Мать их ети! — Дмитрий Сывородин, к которому он обратился, плотно сбитый темноволосый американец тридцати восьми лет, в грубой одежде, был другом Кентербери и кипел от возмущения. — Мы, чёрт побери, запросто могли бы сейчас захватить одного из них.

Тут они заметили группу самураев из десяти-двенадцати человек, которые стояли у обочины дороги и наблюдали за ними. У многих в руках были луки, а все европейцы знали, с каким искусством самураи умеют ими пользоваться.

— Не так-то это просто, Дмитрий, — сказал Макфей.

Сеттри Паллидар, молодой драгунский офицер, отрывисто произнес:

— Справиться с ними будет очень легко, мистер Макфей, но делать это без надлежащего разрешения неразумно, если, конечно, они не попытаются напасть на нас первыми. Вам нечего опасаться. — С этими словами Паллидар отрядил одного драгуна в лагерь с приказом вернуться с

небольшим отрядом и привезти гроб. Было видно, что американца задели за живое его покровительственные манеры. — Вам, наверное, стоит прочесать местность в округе. Когда мои люди придут, они вам помогут. Более чем вероятно, что остальные двое лежат, раненные, где-нибудь поблизости.

Макфей передернулся и указал на труп.

— Или в таком же виде?

— Возможно, но будем надеяться на лучшее. Вы трое берите на себя ту сторону, остальные пусть разворачиваются в цепь и...

— Эй, Джейми, — нарочно прервал его Дмитрий, ненавидевший офицеров, мундиры и солдат, особенно британских. — Как насчет того, чтобы нам с тобой доскакать до Канагавы? Может быть, в нашей миссии кто-то что-то знает.

Паллидар не стал обращать внимания на враждебный тон, понимая его причину. Он был хорошо знаком с завидным послужным списком американца. Дмитрий был выходцем из казачьих переселенцев и являлся в прошлом кавалерийским офицером американской армии; его дед погиб, сражаясь против британцев в Американской войне 1812 года.

— Канагава — это удачная мысль, мистер Макфей, — сказал он. — Там обязательно должны знать, что за большая процессия самураев проходила здесь, а чем скорее мы отыщем виновного, тем лучше. Должно быть, это нападение произошло по приказу одного из их королей или князей. На этот раз мы сможем точно установить личность этого выродка, и тогда да поможет ему Бог.

— Будь прокляты все выродки на свете, — многозначительно добавил Дмитрий.

Вновь капитан, великолепный в своём безупречно аккуратном и чистом мундире, не дал себя спровоцировать, но и не оставил его слов без ответа.

— Вы совершенно правы, мистер Сывородин, — заметил он небрежным тоном. — И любому, кто назовет меня выродком, лучше побыстрее заручиться секундantom, выбрать пистолет или саблю, а также заранее запастись саваном и найти кого-нибудь, кто выроет ему могилу. Мистер Макфей, до заката времени у вас довольно. Я останусь здесь, пока не вернутся мои люди, потом присоединюсь к вам в ваших поисках. Если вы узнаете что-нибудь в Канагаве, пожалуйста, сообщите мне. — Ему было двадцать четыре года, и он боготворил свой полк. Он посмотрел на пеструю группу торговцев с плохо скрытым презрением. — Предлагаю вам... джентльмены... начать поиски. Развернитесь в линию, но не теряйте

друг друга из виду. Браун, вы отправитесь со второй группой и прочешите вон тот лесок. Сержант, вы за старшего.

— Есть, сэр. Поехали, ребята.

Макфей снял с себя сюртук и накрыл им тело, потом опять сел в седло. Со своим американским другом он поскакал в Канагаву, им нужно было проехать ещё одну милю.

Драгунский офицер остался один.

Это не похоже на другие нападения, нападения одиночек, подумал он, чувствуя, как в нем поднимается злость. Чёрт побери, они сполна заплатят за то, что напали на этих четверых, среди которых была женщина, и так подло убили англичанина. Дело кончится войной.

За несколько часов до описанных событий три всадника и всадница выехали из главных ворот Поселения, миновали таможеню, небрежно отдали честь стражникам-самураям, которые ответили на приветствие едва заметным поклоном, и лениво затрусили по извилистым тропинкам вглубь острова, направляясь к Токайдо. Все четверо считались прекрасными наездниками; лошади были легки на ногу.

В честь Анжелики мужчины надели свои парадные цилиндры и лучшие костюмы для верховой езды, и во всем Поселении не было человека, который бы не завидовал им. Всего в Поселении насчитывалось сто семнадцать постоянных жителей — дипломаты, торговцы, мясники, владельцы лавок, кузнецы, корабелы, оружейники, искатели приключений, игроки и множество неудачников и эмигрантов, живущих на деньги, присылаемые с родины, в основном британцы, клерки из числа евразийцев или китайцев, немного американцев, французов, голландцев, немцев, русских, австралийцев и один швейцарец. Ни одного ребенка. Пятьдесят-шестьдесят слуг-китайцев.

Джон Кентербери, британский торговец с красивым, резко очерченным лицом, выступал в роли проводника. Целью поездки было показать Филипу Тайреру, как верхом добраться до Канагавы, где время от времени происходили встречи с японскими чиновниками. Это место безусловно находилось в пределах отведенной для Поселения территории. Тайрер, которому шел всего двадцать второй год, прибыл вчера из Лондона через Пекин и Шанхай. Его прислали сюда в качестве вновь назначенного ученика-переводчика при Британской дипломатической миссии.

Утром, случайно услышав их беседу в клубе, к ним подошел Малкольм Струан:

— Вы позволите поехать с вами, мистер Кентербери, мистер Тайрер?

Сегодня прекрасный денек для прогулки, и я бы хотел пригласить мисс Ришо присоединиться к нам — она ещё совсем не видела страны.

— Почтем за честь, мистер Струан. — Кентербери мысленно благословил свою удачу. — Мы будем рады видеть вас обоих. Дорога удобная и живописная, хотя в самом селении смотреть почти не на что, особенно для леди.

— Вот как? — удивленно поднял глаза Тайрер.

— Канагава столетиями была оживленной почтовой станцией и традиционным местом отдыха для всех, кто следовал в Эдо и обратно. Там полным-полно Чайных домиков, как здесь называют большинство борделей. Некоторые из них весьма и весьма заслуживают визита, хотя там мы не всегда такие желанные гости, как в нашей собственной Ёсиваре по ту сторону болота.

— Публичные дома? — переспросил Тайрер.

Его собеседники рассмеялись, увидев выражение его лица.

— Они самые, мистер Тайрер, — ответил Кентербери. — Только они совсем не похожи на ночлежные дома и бордели в Лондоне или в любой другой стране мира. Они очень особенные. Да вы скоро и сами узнаете, хотя по традиции здесь каждый старается обзавестись собственной любовницей, если это ему по карману.

— Моего кармана на это никогда не хватит, — сказал Тайрер. Кентербери рассмеялся.

— Может быть, и хватит. Благодарение Богу, курс обмена валют благоприятствует нам, о да, уж вы мне поверьте! Этот Таунсенд Харрис оказался продувной бестией. — Он довольно заулыбался, вспомнив старика-янки. Харрис был первым американским генеральным консулом, назначенным сюда через два года после того, как командор Перри заставил японцев открыть свою страну внешнему миру, сначала в 53-м, а потом в 56-м году, появившись здесь со своими четырьмя Черными Кораблями — первыми пароходами в японских водах. Четыре года назад, после долгих лет переговоров, Харрис подготовил Соглашения, впоследствии ратифицированные крупнейшими державами, которые открывали доступ иностранным судам в некоторые японские порты. Эти Соглашения также устанавливали крайне благоприятный обменный курс между «мексиканцем» — серебряным мексиканским долларом, универсальной платежной единицей Азии, — и японским золотым обаном, так что если вы обменивали «мексиканцев» на обаны, а потом обратно на «мексиканцев», вы могли удвоить и даже утроить свой капитал.

— Пообедаем пораньше и в путь, — сказал Кентербери. — К ужину

вернемся без опоздания, мистер Струан.

— Отлично. Может быть, вы не откажетесь присоединиться ко мне и отужинать в столовой зале нашей фактории? Я даю небольшой банкет в честь мадмуазель Ришо.

— Весьма признателен за приглашение. Надеюсь, тайпэн чувствует себя лучше?

— Да, гораздо лучше, отец вполне выздоровел.

И едва они отъехали от Поселения, он стал ещё любезнее:

— О, мистер Струан, вы... как долго вы собираетесь пробыть здесь?

— Ещё неделю или около того, потом домой, в Гонконг. — Струан был самым высоким и самым сильным из них троих. Бледно-голубые глаза, рыжевато-каштановые волосы и лицо, выглядевшее гораздо старше своих двадцати лет. — Мне здесь нечего делать, наши операции в замечательно хороших руках. Я говорю о Джейми Макфее. Он поработал для нас выше всех похвал, открывая Японию.

— Голова у него редкая, мистер Струан, и это факт. Лучше не бывает. Леди уедет с вами?

— А, мисс Ришо. Думаю, она вернется со мной — от души на это надеюсь. Её отец попросил меня присматривать за ней, хотя формально обязанности её опекуна на то время, что она здесь, выполняет французский посланник, — сказал он словно между прочим, притворяясь, что не замечает, как вдруг осветилось лицо Кентербери или как Тайрер, совершенно покоренный девушкой, увлеченно беседует с Анжеликой по-французски, на котором Малкольм изъяснялся с большой осторожностью.

Местность была ровная и открытая, не считая густых зарослей бамбука да небольших рощиц, разбросанных тут и там; деревья уже были тронуты красками осени. Много уток и прочей дичи. На рисовых полях кипела работа, новые участки земли подготавливались для посевов. Узкие тропинки. Куда ни пойдешь, везде ручьи. Неистребимая вонь человеческих испражнений — единственного удобрения, употреблявшегося в Японии. Девушка и Тайрер, изящно держа в руках надушенные платки, не отнимали их от носа, хотя прохладный бриз с моря уносил с собой большую часть зловония и вместе с ним комаров, мух и других насекомых — неизбежное следствие летней влажности воздуха. Холмы вдалеке, сплошь покрытые густыми лесами, лежали как складки богатой парчи, тканной всеми оттенками красного, золотого и коричневого — буки, багряные и желтые лиственницы, клены, дикие рододендроны, кедры и сосны.

— Там так красиво, не правда ли, мсье Тайрер? Как жаль, что сегодня не так хорошо видно гору Фудзи.

— Oui, demain, il est là! Mais mon Dieu, Mademoiselle, quelle senteur,^[1]
— радостно отвечал Тайрер на прекрасном французском — обязательном дополнении к родному языку для каждого дипломата.

Кентербери чуть-чуть придержал лошадь и оказался рядом с Анжеликой, ловко оттеснив с этой позиции более молодого и менее опытного кавалера.

— Все в порядке, мадмуазель?

— О да, благодарю вас. Хорошо бы только немного проскакать галопом. Я так счастлива, что наконец-то очутилась за оградой.

С тех пор как она прибыла две недели назад с Малкольмом Струаном на пароходе компании, ходившем в Японию два раза в месяц, за ней был установлен самый тщательный присмотр и она нигде не появлялась без провожатых.

По-другому и быть не могло, думал Кентербери, в Иокогаме полно всякого отребья и, будем откровенны, иной раз даже пиратов, которые не станут церемониться с дамой.

— На обратном пути вы можете проскакать круг по ипподрому, если вам хочется.

— О, это было бы чудесно, благодарю вас.

— Вы замечательно говорите по-английски, мисс Анжелика, у вас восхитительное произношение. Вы посещали школу в Англии?

— Л-ла, мистер Кентербери, — рассмеялась она, и его словно обдало жаром; нежность её кожи, её красота кружили ему голову. — Я никогда не была в вашей стране. Моего младшего брата и меня воспитали тетя Эмма и дядя Мишель, она англичанка и всегда отказывалась говорить по-французски. Она была нам больше матерью, чем тетей. — На её лицо легла тень. — Это было после того, как мама умерла, подарив жизнь брату, а отец уехал в Азию.

— О, простите, мне жаль это слышать.

— Это было очень давно, мсье, и я всегда думаю о моей дорогой тете Эмме как о маме. — Её лошадь дернула поводья. Она бессознательным движением выправила её, погруженная в свои мысли. — Мне очень повезло.

— Это ваша первая поездка в Азию? — спросил он, зная ответ на этот вопрос и на многие другие, просто стараясь разговорить её. Обрывки информации о ней, слухи, сплетни перелетали от одного сраженного ею мужчины к другому.

— Да. — Вновь её улыбка осветила его и согрела до глубины души. — Мой отец торговец в вашей колонии Гонконг. Я приехала к нему на один

сезон. Он в дружбе с мсье Сератаром и любезно устроил для меня эту поездку. Вы, возможно, знаете его, Ги Ришо из компании «Братья Ришо»?

— Ну конечно, весьма достойный джентльмен, — вежливо ответил он, никогда с ним не встречавшись. Он знал об её отце только то, что рассказывали другие: Ги Ришо слыл изрядным волокитой, в остальном же был мелкой сошкой; он появился в Гонконге несколько лет назад и с тех самых пор лишь кое-как сводил концы с концами. — Для нас всех большая честь принимать вас здесь. Может быть, вы позволите мне дать обед в вашу честь в клубе?

— Благодарю вас, я спрошу у своего радушного хозяина, мсье Сератара. — Анжелика заметила, как Струан, усколавший вперед, оглянулся, и весело помахала ему рукой. — Мистер Струан был настолько любезен, что предложил сопровождать меня сюда.

— В самом деле? — Словно мы и сами не знали об этом, усмехнулся про себя Кентербери и задумался о ней, о том, как ему можно было бы поймать и удержать подле себя это сокровище и заработать достаточно денег, чтобы позволить себе роскошь иметь его, задумался о блестящем молодом Струане, которому это было куда как по карману, задумался также о слухах, что между компанией Струана и их главным соперником в торговле, компанией «Брок и Сыновья», вновь разгорается борьба за господство, связанная каким-то образом с гражданской войной в Америке, начавшейся в прошлом году.

Да, тут будет чем поживиться. Второй такой возможности заработать огромные деньги, как война, не существует. Обе стороны уже вцепились друг другу в глотки как одержимые: южные штаты более чем достойный противник для янки.

— Анжелика, смотрите! — Струан натянул поводья и вытянул вперед руку.

В сотне ярдов от них, внизу отлогого невысокого склона, протянулась большая дорога. Они все подъехали к нему и встали рядом.

— Я никогда не думал, что Токайдо окажется настолько широкой дорогой и что здесь будет так многолюдно, — сказал Филип Тайрер.

Не считая всего нескольких всадников, люди шли пешком.

— Но... но где же кареты, повозки, телеги? — вырвалось у неё. — И самое главное — где нищие?

Струан расхохотался.

— Ответ прост, Анжелика. Как почти все остальное в этой стране, они запрещены. — Он тронул свой цилиндр, заломив его покруче. — В Японии не разрешается пользоваться колесами или чем-то, что способно их

заменить. Приказ сёгуна. Никакими абсолютно!

— Но почему?

— Это единственный верный способ держать все остальное население в узде, не правда ли?

— Да уж, действительно, — сардонически рассмеялся Кентербери, потом показал рукой на дорогу. — Прибавьте к этому ещё и то, что каждый Том, Дик или Мэри в этой толпе, знатные они или нет, обязаны иметь при себе дорожные документы, разрешение путешествовать, даже просто находиться за пределами своей родной деревни — один закон для князя и для нищего. А вон посмотрите туда, это самураи — они единственные люди во всей Японии, которые имеют право носить оружие.

— Но как страна вообще может существовать без дилижансов и железных дорог? — Тайрер был озадачен.

— Она существует на японский манер, — сказал ему Кентербери. — Никогда не забывайте, что у японцев есть только один способ делать дела. Только один. Их собственный. Эти ребята единственные в своём роде, и уж на кого они точно не похожи, так это на китайцев, а, мистер Струан?

— Никак не похожи.

— Нигде никаких колес, мисс. Поэтому все: любые товары, пища, рыба, мясо, строительные материалы, каждый мешок риса, вязанка дров, рулон ткани, ящик чая, бочонок с порохом, каждый мужчина, женщина или ребенок, которые могут себе это позволить, — решительно все должно быть перенесено на чьей-то спине или отправлено в лодке, что означает морем, потому что рек, пригодных для навигации, как я слышал, у них нет совсем, только тысячи ручьев и речушек.

— Но как же насчет Поселения? Там ведь колеса разрешаются, мистер Кентербери.

— Верно, мисс, разрешаются. У нас там столько колес, сколько нужно, хотя их чиновники упирались, как сучьи... прошу прощения, мисс, — быстро добавил он, смутившись. — Здесь, в Азии, мы отвыкли от дамского общества. Так вот, эти чиновники, их называют бакуфу, они тут вроде нашей государственной службы, спорили насчет колес целые годы, пока наш посланник не сказал им катиться к... ну, э, он сказал, чтобы они прекратили возражать, потому что наше Поселение — это наше Поселение! Что же до нищих, то они тоже запрещены.

Она тряхнула головой, и перо на её шляпке весело заплясало.

— Это кажется мне невозможным. Париж, он... Париж заполнен ими, как и вся Европа; с нищенством невозможно бороться. Mon Dieu, Малкольм, вспомните ваш Гонконг.

— Столько нищих, сколько их в Гонконге, нет нигде, — кивнул Малкольм Струан с улыбкой.

Кентербери как-то странно улыбнулся.

— Нищих нет, потому что сам всемогущий правитель, сёгун, король всей этой страны, сказал: нищих не будет. Так что это закон. Любой самурай может проверить, хорошо ли отточен его клинок, на любом нищем, когда пожелает, — или на любом другом содомите... пардон... или, раз уж на то пошло, вообще на ком угодно, если только тот не самурай. Если вас ловят, когда вы просите милостыню, значит, вы нарушили закон, поэтому вы отправляетесь в каталажку, в тюрьму, а для всех попавших туда наказание одно — смерть. Это тоже закон.

— И другого наказания нет? — спросила девушка, глубоко потрясенная услышанным.

— Боюсь, что нет. Вот и получается, что все японцы — на удивление законопослушный народ. — Кентербери опять усмехнулся с иронией и посмотрел на извилистую дорогу, обрывающуюся в полумиле от них перед широкой мелкой речушкой, которую каждому путнику приходилось пересекать вброд, если он не хотел платить, чтобы его перенесли. На дальнем берегу стояла дорожная застава. Там все с поклоном предъявляли документы неизменным стражникам-самураям.

— Смотрите, — сказала Анжелика. На Токайдо они увидели группы людей, которые остановились и показывали руками в их сторону, удивленно разинув рот и громко переговариваясь, перекрывая никогда не смолкающий на дороге гул. На многих лицах читались ненависть и страх.

— Не обращайтесь на них внимания, мисс, мы просто странно выглядим для них, вот и все, что с них спрашивать. Очень возможно, что вы первая цивилизованная женщина, которую они видят в своей жизни. — Кентербери показал рукой на север. — Эдо в той стороне, милях примерно в двадцати. Разумеется, для нас он закрыт.

— За исключением официальных делегаций, — заметил Тайрер.

— Правильно, при наличии разрешения, которого сэр Уильям так ни разу и не получил; по крайней мере за то время, что я здесь, а я прибыл одним из первых. Если верить слухам, Эдо в два раза больше Лондона, мисс, в нем живет миллион душ и он фантастически богат, а замок сёгуна — самый большой в мире.

— А может оказаться так, что все это просто слухи, мистер Кентербери? — спросил Тайрер.

Торговец лучезарно улыбнулся.

— Врать они мастера, мистер Тайрер, и это святая правда. В этом им

нет равных во всем мире, и любой китаеза рядом с ними покажется вам архангелом Гавриилом. Не завидую я вам, кому придется переводить то, что они говорят, потому что, Господь мне свидетель, это будет совсем не то, что они хотят сказать!

Обычно Кентербери не был так разговорчив, но сегодня он имел твердое намерение произвести впечатление на девушку и Малкольма Струана своими познаниями, раз уж представилась такая возможность.

— А мы не могли бы получить разрешение отправиться туда, Малкольм? — говорила между тем Анжелика. — В это Эдо.

— Сомневаюсь. Почему бы вам не спросить у мсье Сератара?

— Спрошу. — Она заметила, что он произнес имя правильно, опустив немое «д» на конце, как она его учила. — Где она кончается, эта дорога?

После странной паузы Кентербери произнес:

— Мы не знаем. Вся страна для нас сплошная загадка, и совершенно ясно, что японцы хотят сохранить такое положение вещей и впредь и что мы им не нравимся, никто из нас. Нас здесь называют «гайдзинами», чужими людьми. Есть ещё одно слово — «идзин», оно означает «люди, не похожие на нас». Не знаю, в чем тут разница, кроме того, что «гайдзин», говорят, звучит не так вежливо. — Он рассмеялся. — В любом случае любви к нам они не испытывают. И мы действительно отличаемся от них — или они от нас. — Он закурил сигару. — В конце концов, они держали свою Японию закупоренной плотнее, чем комариная... держали закрытой ото всех почти два с половиной века, пока Старик Перри, Бакенбарды, не выбил пробку девять лет назад, — сказал он с восхищением. — По слухам, Токайдо кончается в большом городе, вроде как бы священном, под названием Киото, где живет их верховный жрец — его зовут микадо. Этот город такой особенный и священный, что, как нам говорили, закрыт вообще для всех, кроме очень немногих избранных японцев.

— Дипломатам позволено совершать поездки вглубь страны, — довольно резко заметил Тайрер. — Это разрешается Соглашениями, мистер Кентербери.

— Тут все зависит от того, как понимать эти Соглашения, и ещё от того, хотите ли вы сохранить голову на плечах. Я не советовал бы выходить за безопасную территорию, о которой мы условились с японцами, это несколько миль на север, на юг и вглубь острова, что бы там ни писали в Соглашениях — пока ещё нет, разве что вас будет сопровождать полк солдат, а то и два. — Несмотря на все своё самообладание, он чувствовал, что полная грудь девушки под зеленым облегающим жакетом завораживает его. — Мы здесь как в садке, но тут не так уж плохо. В нашем Поселении в

Нагасаки, это две сотни лиг на запад, то же самое.

— «Лиг»? Я не понимаю, — сказала Анжелика, пряча удовольствие, которое доставляло ей окружающее её вождение, и втайне забавляясь им. — Пожалуйста?

— Лига — это примерно три мили, мадмуазель, — с важностью произнес Тайрер. Он был высоким и стройным, недавно окончил университет и был без ума от её голубых глаз и парижской элегантности. — Вы, э, вы говорили что-то, мистер Кентербери?

Торговец с трудом оторвался мыслями и взглядом от её груди.

— Только то, что я не жду серьезных улучшений, когда откроются и другие порты. Скоро, очень скоро мы должны будем вырваться из этих крольчатников на простор, если хотим торговать по-настоящему, вырваться тем или иным способом.

Тайрер бросил на него острый взгляд.

— Вы говорите о войне?

— Почему бы нет? Для чего ещё существуют флоты? Армии? Это прекрасно сработало в Индии, в Китае, в любом другом месте. Мы — Британская империя, самая большая и лучшая из всех, когда-либо созданных на земле. Мы приехали сюда торговать и попутно можем дать им справедливые законы, порядок и сделать по-настоящему цивилизованной нацией. — Кентербери оглянулся на дорогу, царившая там враждебность раздражала его. — Уродливый народец, не правда ли, мисс?

— Mon Dieu, мне бы очень хотелось, чтобы они перестали так смотреть на нас.

— Боюсь, вам просто придется привыкнуть к этому. Такие взгляды вы встретите повсюду. Как говорит мистер Струан, Гонконг ещё хуже. И все равно, мистер Струан, — заговорил он с неожиданной почтительностью, — могу сказать вам откровенно, нам здесь нужен наш собственный остров, наша собственная колония, а не зловонная, гниющая полоска земли на самом берегу с милю длиной, которую невозможно оборонять и которая, не будь здесь нашего флота, беспрестанно подвергалась бы нападениям и угрозам! Нам необходимо захватить какой-нибудь остров, как это сделал с Гонконгом ваш дед, благослови его Господь.

— Может быть, мы так и поступим, — с уверенностью произнес Малкольм, согретый воспоминанием о своём знаменитом предке, тайпэне, Дирке Струане, основателе их компании, усилиями которого двадцать с небольшим лет тому назад, в 1841 году, была основана колония Гонконг.

Когда Анжелика поравнялась со Струаном, глаза его прищурились в улыбке. Он был открыто влюблен в неё с того самого момента, когда

впервые увидел её в Гонконге четыре месяца назад, она как раз только что приехала — и в одночасье покорила весь остров. Светлые волосы, идеальная кожа, темно-голубые глаза, приятно вздернутый носик, овальное лицо — его ни в коем случае нельзя было назвать хорошеньким, но оно обладало при этом некой странной привлекательностью, от которой захватывало дух, очень парижской. Кроме того, под чистотой и юной свежестью этого создания безошибочно угадывалась чувственность, которую она излучала постоянно, хотя и бессознательно, чувственность, которая требовала утоления.

— Не беспокойтесь насчет туземцев, Анжелика, — прошептал он, — они просто ошеломлены вашей красотой.

Она широко улыбнулась. Как императрица, величественно наклонила голову.

— Merci, Monsieur, vous êtes très aimable.^[2]

Выбравшись на дорогу, они стали быстро продвигаться вперед, внимательно следя за тем, чтобы не мешать движению. Но, хотели они этого или нет, их неожиданное присутствие и то, что огромное большинство изумленных японцев никогда раньше не видели людей такого роста, с такими необычными чертами лица и цветом кожи, волос и глаз, — особенно это касалось девушки, — не говоря уже об их высоких цилиндрах, фраках, узких брюках, сапогах для верховой езды и её сапожках, амазонке, высокой шляпе с кокетливым пером, дамском седле, — неизбежно создавало заторы на дороге.

И Кентербери, и Струан внимательно наблюдали за прохожими, но ни тот, ни другой не чувствовали и не предвидели никакой опасности. Анжелика держалась с ними рядом, притворяясь, что не замечает грубого хохота, разинутых ртов и, время от времени, рук, которые пытались дотронуться до неё. Её шокировало то, как многие мужчины небрежно подтыкали свои кимоно повыше, открывая узкие набедренные повязки и почти обнажая то, что должно быть прикрыто. «Дорогая моя Колетта, ты мне не поверишь, — подумала она, продолжая письмо своей лучшей парижской подруге, которое она закончит сегодня вечером, — но почти каждый из этих бесчисленных носильщиков на главной дороге носит только эту крошечную набедренную повязку, которая не скрывает почти ничего спереди и превращается в тонкую веревочку между ягодицами сзади! Клянусь тебе, это чистая правда, и могу сообщить, что у многих туземцев растут там довольно густые волосы, хотя эти части тела у большинства из них маленькие. Интересно, а у Малкольма...»

Она почувствовала, что краснеет.

— Эта столица, Филип, — сказала она, чтобы продолжить беседу, — она действительно под запретом?

— Нет, если верить Соглашениям. — Тайрер был на вершине блаженства. Всего несколько минут знакомства, а она уже опустила «мсье» и звала его просто по имени. — Соглашениями предусматривалось, что дипломатические миссии всех государств будут находиться в Эдо, в столице. Мне сказали, что мы оставили Эдо в прошлом году после нападения на нашу миссию. Безопаснее жить в Йокогаме под прикрытием пушек нашего флота.

— Нападения? Какого нападения?

— О, это какие-то сумасшедшие, которых здесь называют «ронины», — местные бандиты, убийцы, что-то вроде этого, — около десятка этих злодеев напали на нашу миссию среди ночи. На Британскую дипломатическую миссию! Представляете, какой поднялся шум! Эти дьяволы убили сержанта и часового...

Он замолчал. Кентербери свернул с дороги на обочину, натянул поводья и указал рукояткой плети вперед:

— Посмотрите-ка туда!

Они встали рядом с ним. Теперь и они могли видеть высокие узкие знамена над рядами самураев, мерно шагавших в их сторону из-за поворота дороги в нескольких сотнях ярдов впереди. Путники на Токайдо разбегались в разные стороны, тюки и паланкины торопливо опускали на землю, подальше от дороги, всадники быстро спешивались; потом все, мужчины, женщины, дети, опустились на колени у обочин, уткнулись головами в твердую землю и замерли так. Лишь несколько самураев остались стоять. Когда кортеж проходил мимо них, они почтительно кланялись.

— Кто это, Филип? — возбужденно спросила Анжелика. — Вы можете прочесть их значки?

— Сожалею, нет, пока нет, мадмуазель. Говорят, требуются годы, чтобы научиться читать и писать на их языке. — Ощущение счастья улетучилось, когда Тайрер подумал о том, какая работа ему предстоит.

— Может быть, это сам сёгун?

Кентербери рассмеялся.

— Исключено. Если бы это был он, тут оцепили бы все вокруг. Рассказывают, будто он одним движением пальца может собрать сто тысяч самураев. Но это какая-то важная птица, какой-нибудь местный король.

— А что мы будем делать, когда они будут проходить мимо? — спросила она.

— Мы поприветствуем их по-королевски, — сказал Струан. — Возьмем шляпы на отлет и трижды выкрикнем здравицу. А что сделаете вы?

— Я, *chéri*?^[3] — Она улыбнулась.

— Я склоню голову, как мы делаем, когда встречаемся в Булонском лесу с Его Величеством императором Луи Наполеоном. Что такое, Филип?

— Возможно, нам лучше повернуть назад, — обеспокоенно сказал Тайрер. — Я слышал, они вспыхивают, как порох, если кто-нибудь из нас оказывается рядом с их князем.

— Чепуха, — отмахнулся Кентербери. — Никакой опасности нет, они ещё ни разу не нападали на нас сразу целым отрядом — это не Индия, не Африка и не Китай. Как я уже говорил, японцы весьма законопослушны. Мы даже близко не подошли к границе, установленной Соглашениями, поэтому поступим так, как поступаем всегда: просто дадим им пройти, вежливо приподнимем шляпы, как сделали бы это при встрече с любым высокопоставленным лицом, потом двинемся дальше. Вы вооружены, мистер Струан?

— Разумеется.

— Я — нет, — заметила Анжелика несколько капризным тоном, наблюдая за знаменами, которые теперь покачивались в какой-нибудь сотне шагов от них. — Я полагаю, женщины тоже должны носить оружие, раз мужчины его носят.

Трое её спутников ошарашенно уставились на неё.

— Бог с вами, что за мысли. Вы, Тайрер?

Чувствуя себя неловко, Тайрер показал Кентербери маленький «дерринджер».

— Прощальный подарок моего отца перед отъездом. Но я никогда не стрелял из него.

— Это и не понадобится. Опасаться следует только самураев-одинок, которые путешествуют по одному или по двое, — фанатиков, которые ненавидят каждого, кто не японец. Или ронинов, — объяснил Кентербери, потом неосмотрительно добавил: — Не волнуйтесь, уже целый год, если не больше, как мы живем без всяких инцидентов.

— Инцидентов? Каких инцидентов?

— Да так, пустяки, — сказал он, не желая пугать её и пытаясь исправить свою оплошность. — Несколько нападений, совершенных двумя-тремя фанатиками, ничего серьезного.

Она нахмурилась.

— Но мсье Тайрер говорил, что было большое нападение на вашу

миссию в Эдо, что нескольких солдат убили. Это, по-вашему, не серьезно?

— Нет, это было серьезно. — Кентербери натянуто улыбнулся Тайлеру, и тот прекрасно понял его взгляд: ты полный идиот, если решаешься сообщить даме что-то хоть сколь-нибудь важное! — Но это были отщепенцы, просто-напросто банда головорезов. Чиновники сёгуната дали клятву, что найдут и накажут их.

Его голос звучал убедительно, но он спрашивал себя, какая доля правды известна Струану и Тайлеру: пятеро убитых на улицах Иокогамы в первый год. На следующий год двое русских, офицер и матрос с военного корабля, были зарублены насмерть, опять в Иокогаме. Несколько месяцев спустя — двое голландских торговцев. Потом молодой переводчик Британской миссии в Канагаве: его ударили кинжалом в спину и оставили истекать кровью. Хьюскен, секретарь Американского дипломатического представительства, разрубленный на дюжину кусков по дороге домой после званого ужина в Прусской миссии. А в прошлом году британцы — солдат и сержант, — зарезанные у дверей спальни Генерального консула!

Каждое убийство было подготовлено заранее и ничем не спровоцировано, думал он, распаляясь, каждое было совершено негодяем с двумя мечами. Ни разу японцам не нанесли никакой обиды — и хуже всего то, что ни разу ни один сукин сын так и не был пойман и наказан всемогущим бакуфу сёгуна, сколько бы ни вопило об отмщении руководство миссии и сколько бы обещаний ни давали эти джапские ублюдки. Наши доблестные вожди всего лишь стадо тупых баранов, чёрт бы их побрал! Они должны были приказать флоту немедленно прибыть сюда и разнести Эдо к чертовой матери, тогда весь этот ужас разом бы прекратился, мы смогли бы спокойно спать в своих кроватях без всякой охраны и разгуливать по своим улицам, по любым улицам, не косясь с опаской на первого встречного самурая. Эти дипломаты горазды только задницы лизать, и сей юный попугай — прекрасный образчик этой породы.

Он угрюмо рассматривал знамена, пытаясь разобрать иероглифы на них. Позади процессии, как только она полностью проходила мимо, путники поднимались с колен и трогались дальше. Те, что шли в одну сторону с колонной, двигались следом, отстав на почтительное расстояние.

Все четверо чувствовали себя странно, сидя в седлах, так высоко над рядами бедно одетых коленопреклоненных фигур по обе стороны дороги, головы в пыли, зады выставлены к небу. Трое мужчин старались не замечать открывшееся их глазам бесстыдство, смущенные тем, что с ними дама, которая была смущена не меньше них.

Ряды самураев-знаменосцев неотвратимо приближались. Они шли

двумя колоннами, примерно по сто человек в каждой, за ними были видны ещё знаменосцы и более плотные шеренги воинов, окружавшие черный лакированный паланкин, который несли восемь истекающих потом носильщиков. Дальше снова следовали самураи со знаменами, потом те, что вели под уздцы вьючных лошадей; замыкала шествие пестрая толпа носильщиков, нагруженных поклажей. Все самураи были облачены в серые кимоно с одинаковым гербом: три переплетающихся цветка пиона; этот герб был изображен также на знаменах и круглых соломенных шляпах, подвязывавшихся под подбородком. За поясом у каждого были заткнуты два меча — один короткий, один длинный. Некоторые несли за плечами лук со стрелами. Небольшое количество самураев было вооружено мушкетами, заряжавшимися со ствола. Одни были одеты более богато и изысканно, чем другие. Колонны воинов надвигались на них.

И тут Струан и его спутники увидели, что глаза всех самураев не мигая смотрят на них, и с растущей тревогой прочли в этих глазах и на каждом лице одно: клокочущую ярость. Струан первым оправился от шока, в который повергло их это открытие.

— Я думаю, нам лучше отъехать назад, подальше от...

Но прежде чем он или кто-нибудь из них успел тронуться с места, молодой широкоплечий самурай нарушил строй и бросился к ним, следом за ним ещё один. Они встали между европейцами и паланкином. Задышавшись от злости, первый швырнул своё знамя на землю и обрушил на них поток ругани, прогоняя прочь. Неожиданность этой яростной вспышки гнева парализовала их. В колоннах самураев произошло замешательство, но лишь на секунду. Подхватив утерянный было ритм, они тем же мерным шагом двинулись дальше. Стоявшие на коленях люди не шелохнулись. Но сейчас надо всем повисла глубокая, тошнотворная тишина, нарушаемая только глухим топотом множества ног.

Самурай опять набросился на них с проклятиями. Кентербери стоял ближе всех к нему. Чувствуя, как его мутит от страха, англичанин послушно тронул шпорами лошадь. Но по недомыслию начал поворачивать к паланкину, а не в противоположную сторону. Самурай тут же выхватил длинный меч, издал пронзительный клич сонно-дзёи! и рубанул со всей силы. В тот же миг второй самурай бросился на Струана.

Удар отсек Кентербери руку у самого плеча и проник глубоко в бок. Торговец недоумевающе уставился на обрубок, кровь из которого брызнула на девушку. Меч описал ещё одну страшную дугу. Струан лихорадочно пытался достать револьвер, но руки плохо слушались его. Вторым самурай бежал к нему с высоко поднятым мечом. Больше по счастью, чем

соображая, что делает, он увернулся с линии атаки, и меч лишь легко ранил его в левую ногу и полоснул по боку лошади. Та испуганно заржала и прыгнула назад, оттолкнув нападавшего в сторону. Струан прицелился и нажал на курок маленького «кольта», но лошадь в панике дернулась ещё раз и пуля пролетела мимо, не причинив японцу вреда. Он отчаянно попытался заставить животное стоять на месте и прицелился снова, не видя, что первый самурай подбегает к нему с другой стороны.

— Береги-и-ись! — завопил Тайрер, приходя в себя.

Все произошло так быстро, что ему показалось, будто весь этот кошмар существует только в его воображении — Кентербери, катающийся по земле от боли, его лошадь, уносившаяся вскачь, девушка, застывшая в седле как изваяние, Струан, поднимающий револьвер во второй раз, и самурайский меч, нацеленный на его незащищенную спину. Он увидел, как Струан отреагировал на его крик, обезумевшая лошадь прыгнула вперед, почувствовав шпоры, и клинок, который иначе неминуемо убил бы его, задел то ли уздечку, то ли луку седла, отклонился и врезался ему в бок. Струан дернулся в седле и взвыл от боли.

Этот звук подействовал на Тайрера, словно электрический разряд.

Он вонзил шпоры в бока своей лошади и налетел на второго самурая. Тот отпрыгнул в сторону, невредимый, заметил девушку и бросился к ней, подняв меч над головой. Тайрер развернул на месте свою перепуганную лошадь и увидел Анжелику, она смотрела на приближающегося самурая, оцепенев от ужаса.

— Скачите прочь, зовите на помощь! — крикнул он ей, потом опять устремился на своего противника, который снова ловко увернулся, мгновенно восстановил равновесие и, подняв меч, приготовился нападать.

Время замедлило свой бег. Филип Тайрер знал, что для него все кончено. Но сейчас ему казалось, что это уже не имеет значения, ибо за эту секундную передышку он успел заметить, как Анжелика развернула своего коня и, невредимая, поскакала обратно. О своём «дерринджере» он забыл. Бежать ему было некуда, да и времени предпринять что-то не оставалось.

На какую-то долю секунды юный самурай замешкался, с ликованием предвкушая момент убийства, потом сделал прыжок. Тайрер беспомощно постарался отступить назад. Тут грохнул выстрел, пуля швырнула японца на землю и его удар не достиг цели, ранив Тайрера в руку, но не опасно.

В первое мгновение Тайрер не поверил, что он все ещё жив, потом увидел Струана. Тот пьяно качался в седле, кровь обильно сочилась из раны в боку, револьвер был наведен на другого самурая, лошадь ошалело танцевала под ним.

Струан опять нажал на курок. Револьвер был в нескольких дюймах от уха лошади. Оглушительный выстрел окончательно перепугал животное, лошадь закусила удила и рванулась прочь, едва не сбросив седока. Самурай тотчас же бросился за ним следом, и это дало Тайреру те мгновения, в которых он так отчаянно нуждался. Англичанин вонзил шпоры в бока своей лошади, повернул прочь от дороги и галопом понесся на север, догонять Струана.

— Сонно-дзёи-и-и-и! — закричал им вслед самурай, взбешенный тем, что им удалось бежать.

Джон Кентербери извивался и стонал в пыли рядом с какими-то перепуганными путниками, все так же неподвижно стоявшими на коленях, не отрывая лба от земли. Юноша сердито сбил ногой цилиндр с головы Кентербери и одним ударом обезглавил его. Потом очень аккуратно вытер клинок о суконный сюртук и вложил меч в ножны.

И все это время кортеж продолжал движение, словно вокруг ничего не происходило, словно ничего не случилось; глаза подмечали все, но не видели ничего. И из путников-простолюдинов никто не оторвал головы от земли, даже не шевельнул ею.

Второй самурай, годами моложе первого, сидел на земле, скрестив ноги, и держался за плечо. Он скомкал рукав кимоно и прижал его к ране, чтобы остановить кровь. Меч, все ещё окровавленный, лежал у него на коленях. Его товарищ подошел к нему, помог подняться и вытер меч о кимоно ближайшего путника. Это оказалась старая женщина, которая задрожала от ужаса, но лишь сильнее уткнулась головой в землю.

Оба самурая были молодыми и крепкими. Они улыбнулись друг другу, потом вместе осмотрели рану. Пуля прошла навылет через мышцы в верхней части руки. Кость не была задета. Сёрин, старший из них, сказал:

— Рана чистая, Ори.

— Мы должны были убить их всех.

— Карма.

В это время мимо них начали проходить плотные ряды самураев и восемь насмерть перепуганных носильщиков с паланкином. Все притворялись, что двух самураев и трупа у обочины не существует. С огромной почтительностью оба юноши поклонились.

Шторки крошечного бокового окошечка паланкина на миг скользнули в сторону, потом снова закрылись.

— Вот, мистер Струан, выпейте это, — благожелательно произнес врач, возвышаясь над походной кроватью. Они находились в хирургической палате британской миссии в Канагаве, и ему удалось в основном остановить кровотечение. Тайрер сидел на стуле возле окна. Он и Струан появились в миссии около получаса назад. — Выпейте, и вы почувствуете себя лучше.

— Что это?

— Волшебный напиток — главным образом лауданум, это вытяжка из опиума и морфия моего собственного изготовления. Он снимет боль. Мне придется подлатать вас немного, но вы не волнуйтесь, я воспользуюсь эфиром, так что вы просто уснете.

Струан почувствовал, как его окатила холодная волна страха. Применение эфира в хирургии было недавним новшеством, его очень рекомендовали, но все же пока что оно считалось экспериментальным.

— Я... мне никогда не давали эфир и... и не делали операций, так что я... не думаю, чтобы я...

— Не тревожьтесь. Анестетики на самом деле вполне безопасны, если умело ими пользоваться. — Доктору Джорджу Бебкотту было двадцать восемь; двух метров ростом, он обладал под стать росту могучим сложением. — За последние пять-шесть лет мне много раз приходилось пользоваться эфиром и хлороформом, и они давали отличные результаты. Поверьте, вы ничего не почувствуете, и для больного это дар Божий.

— Это верно, мистер Струан, — сказал Тайрер, стараясь быть полезным и зная, что это у него все равно не получится. Его рану уже обработали йодом, зашили, перебинтовали и теперь он держал руку на перевязи, благословляя судьбу, что рана оказалась более-менее поверхностной. — Один приятель, с которым я познакомился в университете, рассказывал, что ему вырезали аппендицит, усыпив хлороформом, и ему не было больно ни капельки. — Он хотел, чтобы голос его звучал убедительно, но сама мысль о хирургической операции — и о гангрене, которая так часто наступала впоследствии, — пугала и его тоже.

— Не забывайте, мистер Струан, — спокойно продолжал Бебкотт, скрывая тревогу, — почти пятнадцать лет прошло с тех пор, как доктор Симпсон впервые применил хлороформ в хирургии, и это время мы не теряли даром. Я целый год ассистировал ему в Королевской больнице,

прежде чем отправился в Крым. — Его лицо помрачнело. — Там я тоже многому научился. Ну да ладно, та война закончилась, и слава Богу. Наш добрый приятель лауданум, кроме всего прочего, вызовет у вас и эротические сновидения, если вам повезет.

— А если нет?

— Вам повезет. Вы оба — редкие счастливики.

Струан вымученно улыбнулся, преодолевая боль.

— Нам повезло, что мы нашли здесь вас и очень быстро, уж это точно. — Инстинктивно доверяя Бебкотту, он выпил бесцветную жидкость и опять откинулся на спину, едва не потеряв сознание от боли.

— Пусть мистер Струан отдохнет немного, — сказал Бебкотт. — А вам лучше пойти со мной, мистер Тайрер, нам с вами ещё предстоит кое-какая работа.

— Разумеется, доктор. Струан, могу я принести вам что-нибудь, сделать что-нибудь для вас?

— Нет... нет, спасибо. Вам... вам вообще незачем ждать.

— Не говорите глупостей, конечно же, я останусь с вами. — Тайрер, нервничая, вышел вслед за доктором и закрыл дверь. — С ним все будет в порядке?

— Не знаю. По счастью, самурайские мечи всегда чистые и режут что твой скальпель. Извините, я оставлю вас на минуту. Я здесь сегодня единственное официальное лицо, и теперь, когда я сделал все, что мог, как врач, мне необходимо выполнить обязанности представителя Её Королевского Величества. — Бебкотт являлся заместителем сэра Уильяма. Он отправил катер миссии через залив в Иокогаму, чтобы поднять тревогу, послал китайского слугу за местным губернатором, ещё одного, чтобы тот выяснил, какой даймё, или князь, прошел через Канагаву пару часов назад, объявил боевую готовность отряду из шести солдат и налил Тайреру щедрую порцию виски. — Выпейте. Считайте, что это лекарство. Так вы говорите, убийцы что-то кричали, нападая на вас?

— Да, это... это было что-то вроде «соно... сонно-и-и-и».

— Мне это ни о чем не говорит. Ладно, будьте как дома, я вернусь через минуту. Мне нужно приготовить. — Он вышел.

Рука Тайрера, на которую наложили семь швов, ныла. Хотя Бебкотт накладывал швы мастерски, Тайрер во время процедуры с трудом удержался от крика. Но все-таки удержался, и сознание этого доставляло ему удовольствие. Что порождало в нем отвращение, так это токи страха, продолжавшие сотрясать все его тело словно гальванические разряды и вызывавшие безумное желание бежать куда-нибудь без оглядки, бежать и

не останавливаться.

— Ты трус, — пробормотал он, ужасаясь этому открытию.

Как и в операционной, в приемной так же резко пахло лекарствами, отчего его желудок был готов взбунтоваться в любой момент. Он подошел к окну и начал глубоко вдыхать свежий воздух, безуспешно пытаясь разогнать туман в голове, потом пригубил виски. Как всегда, вкус показался ему резким и неприятным. Он заглянул в бокал. То, что он там увидел, было скверно, очень скверно. По телу его пробежала дрожь. Он заставил себя смотреть только на жидкость. Виски был золотисто-коричневым, и, вдыхая его аромат, он вспомнил свой дом в Лондоне, отца, отдыхающего после обеда у камина с глотком бренди в бокале, мать, вяжущую на спицах с самодовольным видом, двух их слуг, убирающих со стола, — всюду тепло, уют, покой; это напомнило ему о кофейне «Гэрроуэй» на Корнхилл, где он так любил бывать, теплой, шумной, безопасной, и об университете, дружеской компании студентов, проделках, увлекательных, но вполне безопасных. Безопасных. Раньше в его жизни не было места опасности, а теперь? Им опять начала овладевать паника. Господь милосердный, что я здесь делаю?

Они благополучно ускакали от самураев, но ещё недостаточно отделились от Токайдо, когда наполовину перерубленная мышца передней ноги лошади Струана дала о себе знать: несшееся во весь опор животное шарахнулось в сторону, и Струан полетел на землю. Падение причинило ему жестокую боль.

С огромным трудом, все ещё слабея от страха, Тайрер помог Струану взобраться на свою лошадь, но ему едва удавалось поддерживать в седле своего более высокого и тяжелого спутника. Все это время его внимание было приковано к удалявшейся процессии, каждую секунду он ждал, что вот-вот появятся конные самураи.

— Вы сумеете не упасть, мистер Струан? Я поведу коня под уздцы.

— Да. — Струан посмотрел на свою собственную лошадь, которая жалобно заржала и снова попыталась пробежаться, но безуспешно: нога больше не служила ей. Кровь широкой лентой струилась по боку из жестокой раны. Лошадь остановилась, дрожа всем телом и пошатываясь. — Положите конец её мучениям и давайте поедем.

Тайреру никогда раньше не доводилось убивать лошадь. Он вытер вспотевшие ладони. «Дерринджер» имел два ствола и заряжался с казенной части двумя новыми патронами, которые сразу совмещали в себе пулю, пороховой заряд и капсюль. Животное рванулось было прочь, но далеко отбежать не смогло. Секунду-другую он поглаживал её по морде,

успокаивая, потом вставил пистолет ей в ухо и нажал на курок. Его поразило то, как мгновенно она умерла. Поразил и на удивление громкий шум, который наделал маленький пистолет. Тайрер убрал его назад в карман.

Он опять вытер руки; все звуки вокруг провалились куда-то, он словно пребывал в каком-то трансе.

— Будет лучше всего, если мы не станем выезжать на дорогу, мистер Струан. Лучше нам держаться поодаль, как сейчас. Безопаснее.

Путешествие отняло у них больше времени, чем он думал, из-за многочисленных канав и ручьев, через которые им пришлось перебираться. Дважды Струан почти терял сознание, и Тайреру приходилось напрягать все силы, чтобы удержать его в седле и не дать снова упасть. Крестьяне, работавшие на рисовых полях, либо делали вид, что не замечают двух окровавленных путников, либо с открытой неприязнью смотрели на них некоторое время, а потом возвращались к работе, поэтому Тайрер просто посылал им проклятия и упорно шел дальше.

Первый храм оказался пустым, если не считать кучки перепуганных бритоголовых буддийских монахов в оранжевых одеяниях, которые, едва завидев их, торопливо скрылись во внутренних комнатах. Во дворе храма они нашли фонтан. Тайрер с благодарностью припал к прохладной воде, потом зачерпнул чашку снова и поднес Струану; тот выпил, хотя боль была такая, что он ничего не видел перед собой.

— Спасибо. Сколько... сколько нам ещё?

— Совсем немного, — бодрясь, ответил Тайрер. Он совершенно не представлял, куда им двигаться дальше. — Мы вот-вот будем на месте.

У храма тропинка раздваивалась. Одна дорога вела к берегу и ещё одному храму, возвышавшемуся над деревенскими домами, вторая уводила вглубь городских кварталов, где тоже стоял храм. Сам не зная почему, Тайрер свернул к берегу.

Некоторое время дорога петляла в лабиринте узких улочек, возвращалась назад, потом вновь поворачивала на восток — и нигде они не встретили ни души, только глаза, глаза повсюду следили за ними. Потом перед Тайрером неожиданно возникли главные ворота храма, «Юнион Джек», часовой в алом мундире, и он едва не заплакал от облегчения и гордости, потому что их тут же заметили, один солдат бросился к ним на помощь, второй побежал за сержантом караула и через считанные секунды перед ним уже высилась внушительная фигура доктора Бебкотта.

— Господь Всемогуций, что с вами случилось, чёрт подери?

Ответить на вопрос было нетрудно — рассказывать было почти нечего.

— Вы когда-нибудь раньше ассистировали на операции?

— Нет, доктор.

Беккотт улыбнулся. Его лицо и манеры были мягкими, руки проворно двигались, раздевая полусонного Струана с такой же легкостью, как если бы он был ребенком.

— Ну, скоро попробуете, это будет полезный для вас опыт. Мне нужен помощник, а я здесь сегодня один. Вернетесь в Иокогаму к ужину.

— Я... я постараюсь.

— Вас, вероятно, будет тошнить — из-за запаха, главным образом, но вы не переживайте. Если будет рвать, пусть рвет в тазик, а не на пациента. — Беккотт ещё раз ободряюще посмотрел на Тайрера, между тем оценивая, спрашивая себя, насколько он может положиться на этого молодого человека, в чьих глазах читался ужас, закупоренный в душе, как в бутылке. Потом он опять опустил взгляд на Струана. — Теперь мы дадим ему эфир, а там и за работу. Вы говорили, что на пути сюда останавливались в Пекине?

— Да, сэр, на четыре месяца. Сюда я добирался через Шанхай и прибыл всего несколько дней назад. — Тайрер был рад возможности поговорить, это помогало ему отвлечься от пережитого кошмара. — В министерстве иностранных дел решили, что короткая остановка в Пекине и изучение китайских иероглифов поможет нам с японским языком.

— Пустая трата времени. Если вы хотите говорить на нем — кстати, большинство из нас здесь называют его японским, по аналогии с китайским, — так вот, если вы хотите читать и писать на нем как подобает, китайские иероглифы вам не помогут почти ничем. — Он передвинул обмякшее тело в более удобное положение. — Насколько хорошо вы знаете японский?

Тайрер ещё больше расстроился.

— Практически совсем не знаю, сэр. Так, несколько слов. Нам сказали, что в Пекине мы найдем японские, то есть японские учебники по грамматике и книги, но их там не оказалось.

Несмотря на то что последние события до крайности встревожили его, Беккотт оторвался на минуту от своего больного и громко расхохотался.

— Учебники по японской грамматике — такая же редкая штука, как драконий... зуб, и, насколько мне известно, японских словарей не существует вовсе, за исключением словаря отца Альвиту 1601 года на португальском — я сам его никогда не видел, только слышал о нем, — да ещё словаря преподобного Прайни, над которым тот работает уже бог знает

сколько лет. — Он осторожно снял со Струана белую шелковую рубашку, намокшую от крови.

— Вы знаете голландский?

— Опять же лишь несколько слов. Все ученики-переводчики, отправлявшиеся в Японию, должны были пройти шестимесячный курс, но министерство отправило нас с первым же пароходом. А почему именно голландский является официальным иностранным языком, которым пользуются японские чиновники?

— Он им и не является. Министерство иностранных дел ошибается, как ошибается в отношении многих других вещей. Но на данный момент это единственный из европейских языков, на котором говорят несколько бакуфу... я его сейчас приподниму слегка, а вы снимите с него сапоги, потом штаны, только аккуратно.

Тайрер подчинился, неуклюже орудуя здоровой левой рукой.

Теперь Струан лежал на хирургическом столе совсем голый. Рядом были разложены хирургические инструменты, баночки с мазями и флаконы с жидкостями. Бебкотт отвернулся, надел тяжелый непромокаемый фартук, и Тайрер вместо врача сразу увидел перед собой обыкновенного мясника. Его желудок сжался, и он едва успел добежать до таза.

Бебкотт вздохнул. Сколько сотен раз меня вот так выворачивало наизнанку, когда казалось, что уже и извергать больше нечего, а потом все равно рвало ещё. Но мне нужен помощник, так что этому юноше придется повзрослеть.

— Подойдите сюда, мы должны действовать быстро.

— Я не могу, я просто не могу...

Доктор тут же заставил свой голос звучать грубо.

— Вы немедленно подойдете сюда и будете помогать, или Струан умрет, а прежде чем это случится, я вышибу из вас дух к чертовой матери!

С трудом переставляя ноги, Тайрер подошел и встал с ним рядом.

— Не сюда, ради Создателя. Становитесь напротив меня! Держите ему руки!

От прикосновения рук Тайрера Струан на короткое мгновение открыл глаза, потом скользнул назад в свой кошмар, кривя рот и что-то невнятно бормоча.

— Это я, — прошептал Тайрер, не зная, что ещё сказать.

С другой стороны стола Бебкотт открыл небольшую бутылочку без этикетки и налил желтоватую маслянистую жидкость на толстую, сложенную в несколько слоев белую тряпицу.

— Держите его покрепче, — сказал он и прижал салфетку ко рту и

носу Струана.

В тот же миг Струан почувствовал, что задыхается, и с неожиданной силой вцепился в салфетку, почти отодрав её от лица.

— Ради бога, да держите же его! — прорычал Бебкотт. Тайрер опять схватил Струана за руки, забыв о своей ране, вскрикнул от боли, но сумел не разжать рук. От паров эфира его опять начало тошнить. Струан продолжал бороться ними, мотая головой, стараясь глотнуть воздуха, чувствуя, как его с головой затягивает в бездонную выгребную яму. Постепенно силы оставили его, и он затих.

— Отлично, — сказал Бебкотт. — Просто поразительно, откуда у больных иной раз берется такая силища. — Он перевернул Струана на живот, поудобнее устроил на столе его голову. Теперь стали видны подлинные размеры раны, которая начиналась на спине, шла вокруг бока под самыми ребрами и кончалась рядом с пупком. — Внимательно следите за ним. Если он шевельнется, тут же скажите мне. Когда придет время, дадите ему ещё эфира... — Но Тайрер уже снова сгибался над тазиком. — Живее!

Бебкотт не стал его ждать, предоставив рукам заниматься своим делом. Он привык оперировать в условиях гораздо хуже этих. Крым, десятки тысяч умирающих солдат — в основном холера, дизентерия, оспа, а потом ещё раненые, вой и стоны днём и ночью; и по ночам — Леди с Лампой, которая сумела сотворить порядок из хаоса, до неё безраздельно властвовавшего в военных госпиталях. Сестра Найтингейл, которая приказывала, уговаривала, угрожала, требовала, умоляла, но каким-то непостижимым образом все же осуществила свои новые идеи и вычистила грязь, прогнала безнадёжность и ненужную смерть, и при этом в любой час ночи находила время навещать больных и страждущих; высоко подняв над головой свою лампу с масляным фитильком или свечой, она освещала себе путь, переходя от кровати к кровати.

— Не понимаю, как ей это удалось, — пробормотал он.

— Сэр?

Он вскинул глаза и увидел Тайрера с бледным лицом, недоуменно уставившегося на него. Он совсем забыл о нем.

— Я просто вспомнил Леди с Лампой, — объяснил он, позволяя рту говорить, чтобы успокоиться, но не давая этому разговору мешать его сосредоточенной работе над рассеченными мышцами и поврежденными венами. — Флоренс Найтингейл. Она приехала в Крым всего с тридцатью восемью сестрами милосердия и за четыре месяца снизила смертность с сорока человек из каждой сотни до примерно двух.

Тайрер знал эти цифры, их знал любой англичанин, знал и с гордостью понимал, что эта женщина была ни больше ни меньше как основоположницей современной профессии ухода за больными.

— Какой она была... я имею в виду как человек?

— Сущей Мегерой, если ты не поддерживал чистоту и не выполнял её распоряжений. В остальном она была святой — в самом христианском смысле этого слова. Она родилась в Италии, во Флоренции, — отсюда и её имя, — хотя была англичанкой до мозга костей.

— Да. — Тайрер почувствовал теплоту, звучавшую в голосе хирурга. — Это чудесно. Просто замечательно. Вы хорошо её знали?

Глаза Бебкотта ни на миг не отрывались от раны и от его мудрых пальцев, которые прошли вглубь и обнаружили, как он и опасался, перерезанную кишку. Незаметно для самого себя он чертыхнулся. Осторожно начал искать второй конец. Зловоние усилилось.

— Вы упоминали голландский. Знаете, почему некоторые японцы говорят на этом языке?

Сделав над собой чудовищное усилие, Тайрер оторвал взгляд от пальцев доктора и постарался сжать ноздри. Он вновь почувствовал неудержимый позыв к рвоте.

— Нет, сэр.

Струан шевельнулся. Бебкотт тут же произнес:

— Дайте ему ещё эфиру... вот, правильно, не прижимайте слишком сильно... хорошо. Молодчина. Как вы себя чувствуете?

— Ужасно.

— Ладно, это ничего. — Пальцы снова принялись за поиски, действуя словно сами по себе, помимо воли доктора. Потом замерли. Бережно они вытянули наружу второй конец перерезанной кишки. — Вымойте руки и подайте мне иглу, которая уже с ниткой — вон там, на столе.

Тайрер подчинился.

— Хорошо. Спасибо. — Бебкотт начал шить. Очень умело и аккуратно. — Печень у него не пострадала, ушиблена немного, но порезов нет. Почка тоже в порядке. Итибан — по-японски это значит «очень хорошо». У меня есть несколько пациентов-японцев.

В награду за свою работу я заставляю их учить меня словам и выражениям. Я могу помочь вам с учебой, если хотите.

— Я... это было бы замечательно — итибан. Извините, из меня такой плохой помощник.

— Вовсе нет. Я терпеть не могу заниматься этим в одиночку. Я... ну, мне делается страшно. Забавно, конечно, но это так. — На какое-то

мгновение его пальцы заполнили собой всю комнату.

Тайрер посмотрел на лицо Струана — ни кровинки; всего час назад такое румяное и сильное, оно теперь вытянулось и стало зловещим; ресницы мелко подрагивали время от времени. Странно, подумал он, странно, каким невероятно голым Струан кажется сейчас. Два дня назад я даже не слышал его имени, а теперь мы связаны, как братья, теперь жизнь стала другой, она изменится для нас обоих, хотим мы этого или нет. И теперь я точно знаю, что он храбр, а я нет.

— Так вот, вы спрашивали о голландском, — произнес Бебкотт, едва слушая себя и целиком сосредоточившись на своей работе. — Примерно с 1640 года единственным чужеземным народом, с которым японцы имели контакты, не считая китайцев, были голландцы. Всем остальным было запрещено высаживаться в Японии, особенно это касалось испанцев и португальцев. Японцы не любят католиков, потому что те вмешивались в их политику где-то в 1600-х годах. В легендах говорится, что был момент, когда вся Япония чуть было не сделалась католической. Вы слышали что-нибудь об этом?

— Нет, сэр.

— Так вот, голландцев терпели по причине того, что они никогда не привозили сюда миссионеров, просто хотели торговать. — Он замолчал на мгновение, но его пальцы все так же продолжали накладывать маленькие аккуратные стежки. Потом его звучный голос снова загремел в маленькой комнате: — Поэтому нескольким голландцам, только мужчинам, никаких женщин, разрешили остаться, связав по рукам и ногам самыми жесткими ограничениями, и поселили их всех на созданном человеческими руками острове площадью три акра в бухте Нагасаки, который назывался Дэсима. Голландцы подчинялись любому закону, который вводили японцы, и приучились падать ниц перед кем нужно — изрядно тем временем богатея. Они привозили книги, когда им это разрешали, торговали, когда им это разрешали, и осуществляли торговлю с Китаем, которая всегда имела для Японии важнейшее значение — китайские шелка и серебро шли в обмен на золото, бумагу, лак, палочки для еды... вы, кстати, знаете, что это такое?

— Да, сэр. Я три месяца прожил в Пекине.

— Ах да, извините, я забыл. Ладно. Если верить голландским дневникам начала семнадцатого века, первый из сёгунов династии Торанага, сёгун для них то же самое, что для нас император, решил, что иностранное влияние противоречит интересам Японии, поэтому он наглухо закрыл страну и объявил, что отныне японцы не имеют права строить морские суда или покидать родные берега — любой, кто это делал, уже не

мог вернуться назад, а если возвращался, его должны были тут же убить. Этот закон до сих пор в силе. — Его пальцы вдруг замерли, потому что тонкая нить оборвалась на очередном стежке. Он выругался. — Подайте мне другую иглу. Нигде не могу раздобыть приличного кетгута,^[4] хотя шелк здесь хороший. Попробуйте вдеть мне ещё одну нить, только сначала вымойте руки, а потом вымойте их ещё раз, когда закончите. Спасибо.

Тайрер был рад заняться чем-нибудь и отвернулся, но пальцы плохо его слушались. К горлу опять подкатывала тошнота, в голове стучал тяжелый молот.

— Вы говорили что-то... про голландцев.

— Ах да, ну так вот. Мало-помалу, с большой осторожностью голландцы и японцы начали учиться друг у друга, хотя голландцам официально запрещалось учить японский язык. Десять лет назад бакуфу открыло школу, где японских детей учат голландскому... — Оба мужчины одновременно слышали топот бегущих ног.

Торопливый стук в дверь. Покрытый потом сержант-гренадер стоял на пороге, приученный никогда не входить в помещение во время операции.

— Прошу прощения, что прерываю вас, сэр, но по дороге к нам топают четыре этих вонючих пенька. Похоже на депутацию. Все они самураи, все четверо.

Доктор продолжал шить.

— Лим с ними?

— Так точно, сэр.

— Проводите их в приемную и скажите Лиму, пусть он за ними поухаживает. Я выйду к ним сразу же, как только смогу.

— Слушаюсь, сэр. — Сержант последний раз взглянул стеклянными глазами на стол и исчез.

Доктор наложил ещё один шов, завязал узел, обрезал нить, промокнул подтекающую рану и принялся за новый.

— Лим — один из наших китайских помощников. Наши китайцы выполняют за нас большую часть работы, когда нужно поработать ногами, — не то чтобы они говорили по-японски или... или заслуживали особого доверия.

— Мы... это было то же самое... мы обнаружили, что в Пекине все то же самое, сэр. Ужасающие лгуны.

— Японцы ещё хуже, хотя, по-своему, сказать так тоже будет неверно. Они не то чтобы обманщики, просто правда для них очень подвижна и зависит от прихоти говорящего. Очень важно, чтобы вы научились говорить по-японски как можно скорее. У нас нет ни одного переводчика из

наших собственных людей.

Тайрер посмотрел на него, разинув рот.

— Ни одного?

— Ни одного. Британский падре немного владеет их языком, но его мы использовать не можем: японцы люто ненавидят всех миссионеров и священников. Во всем Поселении есть только три человека, которые говорят на голландском: один голландец, один швейцарец, который сейчас служит у нас переводчиком, и один торговец из Капской провинции — ни одного англичанина. В Поселении мы общаемся со слугами на каком-то тарабарском варианте лингва франка, который называется «пиджин», как это делается в Гонконге, в Сингапуре и в других портах, открытых по договору с Китаем, а в делах прибегаем к услугам компрадоров, торговых посредников.

— В Пекине было то же самое.

Беккотт уловил раздражение в его голосе, но почуял что-то большее — притаившуюся за ним опасность. Он поднял глаза и с первого взгляда понял, что Тайрер на грани нервного срыва, что в любую секунду его снова вырвет.

— Вы держитесь молодцом, — произнес он ободряюще, потом выпрямился, разминая затекшую спину. Пот тек по нему ручьями. Он снова склонился над столом. Очень бережно он заправил кишку в полость и начал быстро зашивать другой порез, продвигаясь к поверхности. — Как вам Пекин? — спросил он. Не потому, что ему было интересно — он просто хотел, чтобы Тайрер продолжал говорить. «Лучше это, чем истерика, — подумал он. — Мне некогда нянчиться с ним, пока этот бедолага на столе не заштопан до конца». — Я ни разу там не был. Вам понравился город?

— Я, ну... да, да, очень. — Тайрер попробовал собраться с мыслями, борясь с дикой головной болью, от которой темнело в глазах. — Маньчжуры сейчас вполне присмирели, так что мы могли появляться где угодно совершенно спокойно. — Маньчжуры, кочевое племя из Маньчжурии, покорили Китай в 1644 году, и теперь страной правила их династия Цин. — Мы могли ездить верхом повсюду без... без каких-либо проблем... китайцы были... не слишком дружелюбны, но... — Духота в комнате и тошнотворный запах стали невыносимы. Он согнулся пополам над тазом и его снова вырвало, потом, все ещё чувствуя тошноту, он вернулся к столу.

— Извините.

— Вы рассказывали... про маньчжуров?

Тайреру вдруг захотелось закричать во все горло, что ему плевать на маньчжуров, на Пекин и вообще на все, захотелось убежать, скрыться от этой вони и собственной беспомощности.

— К дьяволу...

— Говорите со мной! Говорите!

— Мы... нам сказали, что... что обычно они очень грубы, высокомерны, и совершенно ясно, что китайцы их ненавидят смертельно. — Голос Тайрера звучал уныло, но чем больше он сосредоточивался на своём рассказе, тем дальше отступало это безотчетное желание бежать. Он неуверенно продолжил: — Э... похоже, все они боятся, что восстание тайпинов распространится за пределы Нанкина и захлестнет Пекин, и тогда настанет конец... — Он замолчал и внимательно прислушался. Привкус во рту был омерзительным, голова буквально раскалывалась на части.

— В чем дело?

— Я... мне показалось, я услышал какие-то крики.

Бebкoтт напряг слух, но все как будто было тихо.

— Давайте дальше про маньчжуров.

— Ну, э-э... это восстание тайпинов. По слухам, за последние несколько лет были убиты или умерли от голода свыше десяти миллионов крестьян. Однако в Пекине все спокойно — конечно, сожжение и разграбление Летнего дворца британскими и французскими войсками два года назад по приказу лорда Элджина как воздаяние за зверства тоже явилось для маньчжуров уроком, который они не скоро забудут. Теперь они знают, что убийство британских подданных уже не сойдет им с рук. Наверное, сэр Уильям и здесь отдаст такой же приказ. Об ответных мерах.

— Если бы мы знали, против кого эти ответные меры проводить, уже давно бы начали. Но против кого? Нельзя же обстреливать Эдо из орудий только потому, что несколько неизвестных убийц...

Их прервали сердитые голоса за дверью: грубоватый английский сержанта и чей-то гортанный японский, споря, перекрывали друг друга. Затем дверь в операционную распахнулась, и они увидели самурая, а позади него ещё двоих, которые грозно смотрели на сержанта, наполовину вытащив мечи из ножен. Два гренадера с ружьями на изготовку стояли в проходе. Четвертый самурай, старше остальных годами, вошёл в комнату. Тайрер вжался спиной в стену, холодея от ужаса и заново переживая смерть Кентербери.

— Киндзиру! — проревел Бebкoтт, и все замерли. Какое-то мгновение казалось, что старший из самураев, теперь окончательно взбешенный,

выхватит меч и бросится на него. Но тут Бебкотт круто повернулся к ним: скальпель в огромном кулаке, забрызганные кровью руки и фартук — гигантская демоническая фигура. — Киндзиру! — снова приказал он и ткнул скальпелем в сторону двери. — Убирайтесь! Дэтэ. Дэтэ... додзо. — Он окинул их всех яростным взглядом, потом повернулся к ним спиной и продолжил шить и промокать рану. — Сержант, проводите их в приемную — вежливо!

— Есть, сэр. — Помогая себе жестами, сержант пригласил самураев следовать за ним; те сердито затараторили между собой. — Додзо, — сказал он, пробормотав: — Ну, пошли, пеньки поганые. — Он снова поманил их. Старший самурай повелительно махнул рукой остальным и степенно двинулся за сержантом. Те тут же поклонились и поспешили следом.

Бебкотт неуклюже вытер каплю пота с подбородка тыльной стороной ладони и вернулся к работе; голова ныла, спину и шею сильно ломило.

— Киндзиру означает «запрещено», «нельзя», — сказал он, заставив голос звучать спокойно, хотя сердце бешено колотилось в груди, как бывало с ним всякий раз, когда рядом находились самураи с обнаженными или даже наполовину обнаженными мечами, а у него в руках не было ни пистолета, ни ружья со взведенным курком. Слишком много раз его вызывали врачевать тела, над которыми поработал самурайский меч, вызывали как к европейцам, так и к ним самим — распри и поединки между самураями в Йокогаме, Канагаве и соседних селениях никогда не прекращались. — Додзо означает «пожалуйста», дэтэ — «выйдите». Когда разговариваешь с японцами, очень важно почаще повторять «пожалуйста» и «спасибо». «Спасибо» — это домо. Всегда говорите эти слова, даже если вы кричите на них. — Он посмотрел на Тайрера, который так и остался стоять у стены, дрожа всем телом. — В шкафу есть виски.

— Я... со мной все в порядке.

— Нет, не в порядке. Вы все ещё в шоке. Плесните себе побольше. Пейте маленькими глотками. Как только я закончу, я дам вам чего-нибудь, чтобы вас больше не тошнило. Вам-не-о-чем-бес-покоиться! Понятно?

Тайрер кивнул. По его лицу вдруг побежали слезы, которые он не мог остановить, и, едва отойдя от стены, он обнаружил, что с трудом переставляет ноги.

— Что... Что это со... мной? — всхлипнул он.

— Просто шок, не переживайте. Это пройдет. На войне это нормальное явление, а мы здесь на войне. Я скоро закончу. Потом мы разберемся с этими сукиными детьми.

— А как... как вы будете с ними разбираться?

— Не знаю. — В голосе доктора появилась натянутость. Он промокнул кровь с раны свежим квадратиком белой ткани из быстро убывающей стопки — шить оставалось ещё много. — Полагаю, как обычно. Буду размахивать руками и кричать им, что наш посланник устроит им кровавую баню. Попробую выяснить, кто на вас напал. Они, разумеется, заявят, что знать ничего не знают о случившемся, что, вероятно, будет правдой — у меня такое чувство, что они вообще никогда ничего ни о чем не знают. Они не похожи ни на один другой народ, с которым мне приходилось встречаться. Уж не знаю, что это: глупы ли они, как пробки, или умны и скрытны до степени гениальности. Мы оказываемся не в состоянии проникнуть в их общество — наши китайцы тоже, — у нас нет союзников в их среде; сколько мы ни стараемся, мы не можем подкупить никого из них, чтобы он помогал нам. Мы даже не можем говорить с ними напрямую. Мы все так беспомощны. Ну как, вам лучше?

Тайрер выпил немного виски. Перед этим он, сгорая от стыда, вытер слезы, ополоснул рот и окатил голову водой.

— Не то чтобы очень... но спасибо. Я в порядке. Как там Струан?

Беккотт ответил не сразу.

— Не знаю. Наверняка никогда ничего нельзя сказать до самого конца. — Он вновь услышал шаги за дверью, и сердце глухо стукнуло у него в груди. Тайрер побледнел. В дверь постучали. Она немедленно открылась.

— Господи Иисусе, — выдохнул Джейми Макфей, приковавшись взглядом к залитому кровью операционному столу и огромной зияющей ране в боку Струана. — С ним все будет в порядке?

— Привет, Джейми, — сказал Беккотт. — Вы слышали о...

— Да, мы как раз едем с Токайдо, заглянули сюда наугад, разыскивая мистера Струана. Дмитрий остался снаружи. С вами все в порядке, мистер Тайрер? Эти ублюдки разрубили старину Кентербери на дюжину кусков и оставили их воронью... — Тайрер опять метнулся к тазу. Макфей обеспокоенно переминался с ноги на ногу у порога. — Ради Создателя, Джордж, мистер Струан поправится?

— Я не знаю! — вспыхнул Беккотт, без конца ломавший голову над тем, почему некоторые пациенты остаются жить, а другие, с ранениями более легкими, умирают, почему одни раны нагнаиваются, а другие заживают. Чувство полного бессилия перед непостижимостью, непредсказуемостью исхода выплеснулось наружу с потоком злобных слов. — Он потерял пинты крови, я ушил ему перерубленную кишку, три рассечения, остались

ещё три вены и две мышцы, рана закрыта, и один Господь знает, сколько гадости попало туда из воздуха, чтобы инфицировать её, если именно это и является причиной осложнений или гангрены. Я не знаю! Чёрт меня подери, не знаю! А теперь выметайтесь отсюда к чертовой матери. Займитесь этими четырьмя пакостниками-бакуфу и узнайте, чьих это рук дело, клянусь Богом.

— Да, Джордж, конечно, извините, — пробормотал Макфей, не находивший себе места от тревоги за Струана и потрясённый этой вспышкой гнева у Бебкотта, который обычно был так невозмутим. Он торопливо добавил: — Мы постараемся... Дмитрий мне поможет... только мы уже знаем, кто это сделал: мы тут поднажали слегка на одного китайского лавочника в деревне. Получается чертовски странная штука: все эти самураи были из Сацумы и...

— Где это, чёрт возьми?

— Он сказал, это такое королевство на южном острове, рядом с Нагасаки, миль шестьсот или семьсот отсюда и...

— Так какого дьявола они делают здесь, спрашивается?

— Этого он не знал, но поклялся, что они собираются ночевать в Ходогайе — Филип, это что-то вроде почтовой станции на Токайдо, десяти миль отсюда не будет — и их король был с ними.

Сандзиро, правитель Сацумы, дородный бородатый мужчина сорока двух лет в голубой накидке из тончайшего шелка, владелец двух мечей, которые не имели цены, прищурившись, смотрел безжалостными глазами на своего самого доверенного советника.

— Так было это нападение полезно или вредно?

— Оно было полезно, господин, — ответил Кацумата, понизив голос: он знал, что шпионы прячутся повсюду.

Двое мужчин были одни, они сидели на коленях друг перед другом в лучших комнатах одной из гостиниц в Ходогайе, придорожной деревне на Токайдо на расстоянии едва двух миль от Поселения, если двигаться вглубь острова.

— Почему? — В течение шести столетий предки Сандзиро правили Сацумой, самым богатым и могущественным княжеством во всей Японии — не считая владений его ненавистных врагов из клана Торанага, — и он продолжал столь же ревностно оберегать его независимость.

— Оно поссорит сёгунат с гайдзинами, — сказал Кацумата. Это был худощавый, крепкий, как сталь, человек, непревзойденный мастер владения мечом и самый знаменитый из всех сэнсэев — наставников, преподававших воинские искусства в Сацуме. — Чем больше эти псы станут ссориться друг с другом, тем быстрее они вцепятся друг другу в глотки; чем скорее это произойдет, тем лучше, потому что это поможет нам наконец опрокинуть Торанага и всех их приспешников и позволит установить новый сёгунат, с новым сёгуном, новыми чиновниками, в котором Сацума займет главенствующее место, а вы сами станете одним из членов нового родзю. — Родзю было вторым названием Совета пяти старейшин, который правил страной от имени сёгуна.

«Одним из родзю? Почему только одним из пятерых, — подумал Сандзиро. — Почему не главой Совета? Почему не сёгуном — мой род достаточно знатен для этого. Два с половиной столетия сёгунов из клана Торанага — этого больше чем достаточно. Нобусада, четырнадцатый в их ряду, должен стать последним — клянусь головой моего отца, он станет последним!»

Нынешний сёгунат был учрежден военачальником Торанагой в 1603 году после победы в битве у Сэкигахары, где его войска собрали сорок тысяч вражеских голов. Сэкигахара дала Торанаге возможность устранить

практически всякую оппозицию, и, впервые за всю историю, он покорил Ниппон, Землю богов, как называли свою страну японцы, и объединил её под своей властью.

Немедленно этот блестящий полководец и правитель, сосредоточивший в своих руках абсолютную светскую власть, с благодарностью принял титул сёгуна — высшее звание, какого дано достичь смертному, — от беспомощного императора, который утвердил его, утвердил законно, в качестве диктатора. Торанага быстро сделал власть сёгуна наследственной, тут же выпустив указ, что отныне все мирские вопросы будут находиться исключительно в ведении сёгуна, в то время как император останется главой духовной власти.

Последние восемь столетий император, Сын Неба, со своим двором жил в уединении в императорском дворце в Киото. Лишь один раз в год выходил он из высоких стен, окружавших дворец, чтобы посетить священную обитель Исэ, но и тогда он был скрыт от посторонних глаз; люди никогда не видели его лица. Даже внутри дворцовых стен ширма отгораживала его ото всех, кроме самых близких родственников, как того требовали древние мистические протоколы, за соблюдением которых ревностно следили особые чиновники, передававшие свою должность по наследству.

Таким образом, любой военачальник, в чьих руках находились Дворцовые Врата, единолично решал, кто в них войдет и кто выйдет; такой человек владел, по сути, самим императором и его ухом, а через них — его влиянием и властью. И хотя все японцы безусловно верили в божественное происхождение своего императора и почитали его как Сына Неба, ведущего свой род от богини Солнца — линия, не прерывавшаяся с начала времен, — по сложившейся исторической традиции император и его двор не держали своей армии и не получали иного дохода, кроме того, который назначал им военачальник, установивший свой контроль над вратами; сумма менялась ежегодно по прихоти этого человека.

На протяжении десятилетий сёгун Торанага, его сын, а потом внук правили мудрой, хотя и безжалостной рукой. При последующих поколениях хватка сёгунов ослабела, менее значительные чиновники стали забирать себе все большую и большую власть, постепенно тоже делая свои должности наследственными. Формально сёгун оставался верховным правителем, но вот уже больше века он являлся лишь марионеткой — правда, его всегда избирали исключительно из ветвей рода Торанага, как и всех членов Совета старейшин. Нынешний сёгун Нобусада был избран четыре года назад, когда ему исполнилось двенадцать лет.

И ему недолго осталось жить на этой земле, пообещал себе Сандзиро, возвращаясь мыслями к текущей проблеме, которая его тревожила.

— Кацумата, эти убийства, сколь бы похвальны они ни были сами по себе, могут заставить гайдзинов зайти слишком далеко, а это было бы пагубно для Сацумы.

— Я не вижу никакого вреда, господин. Император хочет изгнать гайдзинов, как этого хотите вы, как этого хочет большинство даймё. То, что эти два самурая родом из Сацумы, также доставит удовольствие императору. Не забывайте, что ваше посещение Эдо увенчалось полным успехом.

Три месяца назад, действуя через посредников при императорском дворе в Киото, Сандзиро убедил императора Комэя лично подписать несколько «пожеланий», предложенных Сандзиро, и назначить его в сопровождение к императорскому посланнику, который должен был официально доставить свиток в Эдо и добиться его принятия сёгуном — «пожелание» императора, при условии, что оно попадало к тому, кому предназначалось, было крайне трудно проигнорировать. Последние два месяца он вел напряженные переговоры и, как ни выкручивались, какие отговорки ни придумывали старейшины и бакуфу, он возобладал над ними и теперь увозил с собой их письменное согласие на некоторые реформы, которые неизбежно должны были ещё больше ослабить сёгунат. Важным было и то, что он заручился их официальным согласием отменить позорные Соглашения, подписанные вопреки желанию императора, изгнать ненавистных гайдзинов и полностью закрыть для них страну, как это было до незваного появления и насильственного вторжения в их воды кораблей Перри.

— Тем временем как нам следует поступить с этими двумя глупцами, которые нарушили строй и убили без приказа? — спросил Сандзиро.

— Любое действие, которое ставит бакуфу в затруднительное положение, полезно для вас.

— Я согласен, что гайдзины вели себя вызывающе. Эти подлые черви не имели никакого права находиться в такой близости от моей особы. Мое знамя и знамя императора были в первом ряду, они ясно запрещали это.

— Так пусть гайдзины пожинают плоды того, что сами же и посеяли: никто не звал их сюда, они высадились на наши берега силой и силой закрепились в Йокогаме. С теми людьми, что есть у нас сейчас, напад внезапно, среди ночи, мы без труда уничтожили бы их Поселение и сожгли окрестные деревни. Мы могли бы атаковать сегодня же, и тогда проблема гайдзинов была бы решена раз и навсегда.

— Иокогаму мы можем сровнять с землей, если нападение будет внезапным. Но их корабли недосыгаемы для нас, мы не можем уничтожить их и их пушки.

— Это так, господин. И поэтому гайдзины немедленно нанесут ответный удар. Их флот обстреляет Эдо и разрушит его.

— Я согласен, и чем скорее, тем лучше. Но сёгунат оправится от этого нападения, а после Эдо гайдзины выступят против меня и нападут на мою столицу Кагосиму. Я не могу пойти на такой риск.

— Я думаю, что разрушение Эдо удовлетворит их, господин. Если Поселение сжечь, им не останется ничего, кроме как вернуться на свои корабли и отплыть назад в Гонконг. Когда-нибудь в будущем они могут вновь появиться здесь, но тогда, чтобы построить новое Поселение, им придется высадиться на берег крупными силами. И что ещё хуже для них, им потребуются сухопутные войска, чтобы охранять его.

— Они повергли в прах Китай. Их военная машина неуязвима.

— Здесь не Китай, и мы не сладкоречивые китайцы с трусливыми сердцами, чтобы позволить этой падали выпустить из нас всю кровь или запугать нас до смерти. Они говорят, что хотят лишь одного: торговать. Хорошо, вы тоже хотите торговать, в обмен на ружья, пушки и корабли. — Кацумата тонко улыбнулся и добавил: — Я предлагаю следующее: если мы сожжем и разрушим Иокогаму — а мы, разумеется, представим дело так, будто нападение было совершено по просьбе бакуфу, по просьбе сёгуна, — то впоследствии, когда гайдзины вернутся, тот, кто будет править сёгунатом на момент их возвращения, с неохотой согласится выплатить им незначительную компенсацию, а в обмен на это гайдзины с радостью согласятся порвать нынешние позорные Соглашения и станут торговать на любых условиях, которые мы решим для них установить.

— Они нападут на нас в Кагосиме, — возразил Сандзиро. — Мы не сможем отразить их нападение.

— Наш залив опасен для кораблей, а не открыт и удобен, как в Эдо. У нас есть береговые батареи и голландские пушки, о которых никто не знает. Мы становимся сильнее с каждым месяцем. И потом, такой акт войны со стороны гайdziнов объединил бы всех даймё, всех самураев и всю страну в одну несокрушимую силу под вашим знаменем. Армии гайdziнов не могут победить на суше. Это Земля богов, боги тоже придут к нам на помощь, — воодушевленно проговорил Кацумата. Ни в какую помощь богов он не верил, в очередной раз манипулируя Сандзиро, как делал это годами. — Божественный ветер, ветер камикадзе, разметал армаду кораблей монгола Кублай-хана шестьсот лет назад, почему не теперь?

— Верно, — сказал Сандзиро. — Боги заступились за нас тогда. Но гайдзины — это гайдзины, подлости их нет предела, кто знает, какую ещё хитрость они придумают? Глупо напрашиваться на нападение с моря, пока у нас не будет своих боевых кораблей, хотя я согласен, боги на нашей стороне и защитят нас.

— Поселение гайдзинов сейчас для вас как никогда легкая добыча. Эти два юноши, ожидающие вашего приговора, указали нам путь. Я молю, чтобы вы последовали им. — Секунду он раздумывал, колеблясь, потом заговорил ещё тише. — По слухам, господин, они являются тайными сиси.

Глаза Сандзиро сузились ещё больше.

Сиси — люди высокого духа, называемые так благодаря своей храбрости и подвигам, — были молодыми революционерами, которые стояли во главе невиданного доселе выступления против власти сёгуна. Они появились недавно, и предполагалось, что число их по всей стране не превышает полутора сотен.

Для сёгуната и большинства даймё они были безумными убийцами, бешеными псами, которых следовало уничтожить раз и навсегда.

Для большинства самураев, особенно рядовых воинов, они были верноподданными императора, ведущими смертельную войну со злом, стремящимися заставить клан Торанага упразднить сёгунат и вернуть всю власть императору, у которого, как сиси с жаром утверждали, она была незаконно отнята военачальником Торанагой два с половиной столетия назад.

Для простых японцев, крестьян, торговцев, и в особенности для гейш из Плывающего Мира и домов увеселения, сиси были героями из легенд, о которых слагались песни, по которым проливались слезы, которых обожали.

Все они были самураями, молодыми идеалистами, большинство происходили из ленных владений Сацумы, Тёсю и Тоса, некоторые фанатично ненавидели иностранцев, очень многие являлись ронинами — людьми-волнами, ибо были свободны, как волны, потому что лишились своего господина или же господин прогнал их за неповиновение или какое-либо преступление, заставив бежать из родного края, чтобы спастись от наказания; другие же отправились в изгнание добровольно, уверовав в новую безумную ересь, что для самурая может существовать долг превыше долга перед своим господином или перед своим родом — долг перед одним лишь правящим императором.

Несколько лет назад растущее движение сиси стало обретать форму небольших тайных групп, всецело посвящавших себя возрождению бусидо

— древнего свода упражнений и обрядов, воспитывающих в самурае самодисциплину, чувство долга, чести, умение умирать, владеть мечом и другим оружием, — искусства, о котором все давно забыли, если не считать нескольких сэнсэев, не давших бусидо умереть окончательно. Забыли, потому что два с половиной века в Японии, где раньше столетиями длилась одна непрерывная гражданская война, царил мир, поддерживавшийся жесткими законами сёгуната, запрещавшими всякие воинственные увлечения.

Мало-помалу сиси начали собираться вместе, обмениваться мнениями, строить планы. Школы мастерского владения мечом стали центрами недовольства. В среде сиси появились свои фанатики и радикалы, некоторые из них были хорошими людьми, некоторые — плохими. Но одна общая нить связывала их всех — все они являлись непримиримыми врагами сёгуната и выступали против открытия японских портов для чужеземцев и их торговли.

Преследуя свои цели, сиси на протяжении последних четырех лет время от времени устраивали нападения на гайдзинов и начали говорить вслух неслыханные вещи о всеобщем выступлении против законного правителя, сёгуна Нобусады, а также всеильного Совета старейшин и бакуфу, которые в теории выполняли его волю, а на самом деле самостоятельно регулировали все стороны жизни в стране.

Сиси выдвинули емкий лозунг — сонно-дзёи: «Почитайте императора и изгоните варваров» — и поклялись устранять любого, кто встанет у них на пути, чего бы им это ни стоило.

— Даже если они сиси, — сердито сказал Сандзиро, — я не могу допустить, чтобы открытое неповиновение на глазах у сотен людей осталось безнаказанным, сколь похвально оно ни было, — я согласен, что гайдзины обязаны были спешиться и пасть ниц, как предписывает обычай, и вести себя как цивилизованные люди. Да, они несомненно спровоцировали моих людей на нападение. Но это не служит оправданием для этих двоих.

— Я согласен, господин.

— Тогда дайте мне ваш совет, — раздраженно произнес Сандзиро. — Если они сиси, как вы говорите, и я уничтожу их или прикажу им совершить сеппуку, меня убьют ещё до истечения месяца, сколько бы телохранителей меня ни окружало... не пытайтесь отрицать это, я знаю. Отвратительно, что мощь их так велика, хотя большинство из них всего лишь простые госи.

— Возможно, в этом и заключается их сила, господин, — ответил

Кацумата. Госи стояли на низшей ступени самурайской иерархии. Обычно они происходили из семей обнищавших сельских самураев, немногим отличавшихся от крестьян-ополченцев старых дней, и почти не имели надежды получить образование, а вместе с ним и возможности продвигаться по службе, не могли надеяться, что их соображения и советы будут учтены или даже хотя бы выслушаны мелкими чиновниками, не говоря уже о даймё. — Им нечего терять, кроме своей жизни.

— Если у кого-то есть жалоба, я всегда готов выслушать, конечно же, я всегда готов выслушать. Особо одаренные юноши заслуживают и получают особое образование, наиболее достойные из них.

— Почему бы не позволить им повести сегодня ночью атаку на гайдзинов?

— А если никакой атаки не будет? Я не могу выдать их бакуфу — это неслыханно — или гайдзинам!

— В большинстве своём сиси всего лишь юные идеалисты, без мозгов или серьезных намерений. Часть из них просто разбойники и смутьяны, которые не нужны на этой земле. Однако некоторые из них могут оказаться весьма полезны, если правильно ими воспользоваться. Шпион донес мне, что старший из них, Сёрин, был в той группе, которая убила первого министра Ии.

— Со ка! Надо же!

Это случилось четыре года назад. Вопреки всем советам Ии, стараниями и уловками которого сёгуном стал именно Нобусада, предложил, в нарушение всех приличий, брак между этим мальчиком и двенадцатилетней сводной сестрой самого императора, а также, что было хуже всего, обсудил с гайдзинами и подписал ненавистные Соглашения. О смерти его никто не сожалел, и меньше всех Сандзиро.

— Пошлите за ними.

В комнате для аудиенций прислужница подавала Сандзиро чай. Кацумата сидел рядом с ним. Вокруг стояли десять самураев из числа его личных телохранителей. Все были вооружены. Кроме двух юношей, сидевших на коленях перед даймё и чуть ниже, хотя их мечи лежали на татами так, что до них можно было легко дотянуться в любой момент. Их нервы были напряжены до предела, но ни тот, ни другой этого не показывали. Девушка поклонилась и вышла, пряча свой страх.

Сандзиро не заметил её ухода. Он поднял с подноса маленькую изящную чашечку тончайшего фарфора, сделал глоток. Вкус чая показался ему превосходным, и в этот миг он наслаждался ощущением того, что

правит сам, а не им правят другие. Он притворился, что разглядывает чашечку и восхищается тонкостью работы, но на самом деле внимание его было приковано к юношам. Они ждали с бесстрастными лицами, понимая, что их час настал.

Он ничего не знал о них, кроме того, что рассказал ему Кацумата: что оба служили у него госи, солдатами-пехотинцами, как и их отцы до них. Каждый получал ежегодное жалованье в один коку^[5] — мера сухого риса, около пяти бушелей, считавшаяся достаточной, чтобы прокормить одну семью в течение одного года. Оба были родом из деревень рядом с Кагосимой. Одному исполнилось девятнадцать, второму, который был ранен и сидел с перевязанной рукой, — семнадцать. Оба посещали школу для избранных самураев, которую он основал двадцать лет назад для тех, кто с детства проявлял незаурядные способности. Обучение в школе велось глубже и шире, чем обычно, и включало изучение тщательно отобранных голландских руководств. Оба были прилежными учениками, оба были не женаты, оба посвящали все свободное время учебе и оттачиванию своего мастерства во владении мечом. Обоих когда-нибудь в будущем могло ждать повышение по службе. Старшего звали Сёрин Анато, младшего — Ори Риёма.

Молчание сгустилось.

Вдруг Сандзиро заговорил, повернув голову к Кацумате, словно никаких юношей не было перед ним:

— Если бы кто-то из моих людей, сколь бы ни выделялись они своими достоинствами, как бы их ни провоцировали и какие бы оправдания себе они ни находили, затеяли схватку, на которую я не давал разрешения, и эти люди остались бы потом досягаемы для меня, я бы непременно должен был покарать их самым строгим образом.

— Да, господин.

Он увидел, как сверкнули глаза его советника.

— Глупо выказывать неповиновение. Если бы такие люди хотели остаться в живых, их единственным спасением было бы бежать и стать ронинами, даже если бы им пришлось потерять при этом своё жалованье. Жаль было бы потратить их жизни впустую, окажись они достойными воинами. — Он перевел взгляд на юношей, внимательно их рассматривая. К своему удивлению, он ничего не прочел на их лицах, кроме все той же тяжелой бесстрастности. Его настороженность усилилась.

— Вы совершенно правы, господин. Как всегда, — добавил Кацумата. — Могло бы оказаться так, что такие люди, будучи избранными людьми чести, поняли бы, что нарушили вашу внутреннюю гармонию и

что у вас нет иного выбора, кроме как жестоко наказать их. Тогда эти особые люди, даже в качестве ронинов, продолжали бы блюсти ваши интересы, возможно, даже способствовали бы их продвижению.

— Подобных людей не существует, — сказал Сандзиро, втайне радуясь, что его советник согласился с его решением. Он обратил свои безжалостные глаза на молодых людей. — Не так ли?

Оба юноши постарались выдержать этот взгляд, но это у них не получилось. Они опустили глаза. Сёрин, старший из двух, тихо произнес:

— Такие... такие люди есть, господин.

Молчание стало ещё более гнетущим, пока Сандзиро ждал, когда и второй юноша выскажется перед ним. Ори чуть заметно кивнул, положил обе ладони на татами и поклонился ещё ниже.

— Да, господин, я считаю так же.

Сандзиро был доволен: без всякой платы он заручился их верностью и приобрел двух шпионов в движении сиси, отвечать за которых будет Кацумата.

— Такие люди были бы очень полезны, если бы они существовали. — Его голос звучал резко и непререкаемо. — Кацумата, немедленно напишите письмо бакуфу. Сообщите им, что два гози, чьи имена... — он задумался на мгновение, не обращая внимания на поднявшийся в комнате шорох, — поставьте любые, какие сочтете нужными... нарушили строй и убили нескольких гайдзинов сегодня днём за их вызывающе оскорбительное поведение: гайдзины были вооружены пистолетами, которые они навели на мой паланкин. Эти два человека, спровоцированные, как и все мои остальные люди, бежали, прежде чем их удалось схватить и связать. — Он опять посмотрел на юношей. — Что же касается вас двоих, вы явитесь сюда с первой ночной стражей и выслушаете своё наказание.

Кацумата быстро добавил:

— Господин, осмелюсь предложить, чтобы вы добавили в письме, что вы изгнали их, объявили ронинами, лишили их жалованья и назначили награду за их головы.

— Два коку. Объявите об этом в их деревнях, когда мы вернемся. — Сандзиро повернулся к Сёрину и Ори и махнул рукой, отпуская их.

Оба юноши низко поклонились и вышли. Он с удовольствием отметил темные пятна пота на спинах их кимоно, хотя день отнюдь не был жарким.

— Кацумата, относительно Иокогамы, — тихо сказал он, когда они вновь остались одни. — Пошлите наших лучших шпионов, пусть выяснят, что там происходит. Прикажите им вернуться до наступления темноты. И прикажите всем самураям находиться в готовности к бою.

— Да, господин. — Кацумата не позволил улыбке искривить его губы.

После того как юноши вышли от Сандзиро и миновали все кольца телохранителей, Кацумата догнал их.

— Следуйте за мной. — Он провел их через лабиринт садов к боковой двери, которая не охранялась.

— Немедленно отправляйтесь в Канагаву, в гостиницу Полуночных Цветов. Этот дом безопасен, там вы найдете других друзей. Торопитесь!

— Но, сэнсэй, — возразил Ори, — сначала мы должны забрать наши запасные мечи, доспехи, деньги и...

— Молчать! — Кацумата сердито запустил руку в широкий рукав своего кимоно и передал им маленький кошелек с несколькими монетами в нем. — Вот, возьмите. Вы вернете мне вдвое больше за свою дерзость. На закате я пошлю людей в погоню за вами с приказом убить вас, если вы будете пойманы в пределах одного ри. — Ри составляло примерно одну лигу, то есть около трех миль.

— Да, сэнсэй. Прошу извинить меня за грубость.

— Ваши извинения не принимаются. Вы оба глупцы. Вы должны были убить всех четверых варваров, а не только одного, — особенно девушку, потому что тогда все гайдзины сошли бы с ума от ярости! Сколько раз должен я повторять вам? Они не цивилизованные люди, как мы, и смотрят на мир, религию и женщин иначе! Вы показали себя неспособными учениками! Вы оба глупцы! Вы хорошо начали бой, но не сумели довести его до конца, отбросив жалость и страх за свою жизнь. Вы проявили нерешительность! Поэтому оказались побежденными! Глупцы! — повторил он снова. — Вы забыли все, чему я учил вас. — Вне себя от гнева, он наотмашь ударил Сёрина по лицу тыльной стороной ладони. Удар был жестоким.

Сёрин тут же поклонился, бормоча смиренные слова прощения за то, что своим поведением нарушил ва, внутреннюю гармонию, сэнсэя. Низко склонив голову, он отчаянно пытался справиться с болью. Ори остался стоять прямо, как шест, ожидая второго удара. Пощечина оставила жгучий след на его лице. В тот же миг и он согнулся в поклоне, почтительно извиняясь и боясь хоть чуть-чуть приподнять голову, которая тут же наполнилась пульсирующей болью. Он был по-настоящему напуган. Однажды их товарищ по школе, лучший боси среди них всех, грубо ответил сэнсэю во время учебной схватки. Не колеблясь ни секунды, Кацумата вложил свой меч в ножны, напал на него с голыми руками, обезоружил, поверг на землю, сломал ему обе руки и навечно прогнал

назад в его деревню.

— Пожалуйста, извините меня, сэнсэй, — произнес Сёрин с полной искренностью.

— Отправляйтесь в гостиницу Полночных Цветов. Когда я пришлю послание, выполните то, что я потребую от вас, безотлагательно, второго шанса у вас не будет! Безотлагательно, вы меня поняли?

— Да, да, сэнсэй, пожалуйста, прошу вас извинить меня, — пробормотали они хором, подоткнули свои кимоно и унеслись прочь, благодарные судьбе за избавление: Кацумата страшил их больше, чем Сандзиро. Много лет он был их основным наставником, как в воинских, так, тайно, и в других искусствах: стратегии прошлого, настоящего и будущего; он объяснял им, почему бакуфу и все Торанага, сколько их ни было, не сумели выполнить свой долг, почему необходимы перемены и как их осуществить. Кацумата был одним из немногих сиси, носивших звание хатамото — удостоенного высоких почестей вассала, в любое время имевшего прямой доступ к своему господину. Этот высокий титул обеспечивал ему личное годовое жалованье в тысячу коку.

— И-и-и-и, надо же, какой богатый, — прошептал Сёрин Ори, когда они впервые узнали об этом.

— Деньги — это ничто, ничто. Сэнсэй говорит, что когда у тебя есть власть, деньги становятся не нужны.

— Я согласен, но подумай о своей семье, о наших с тобой отцах, о деде, они могли бы купить себе немного земли, и тогда им не пришлось бы трудиться на чужих полях — и не пришлось бы время от времени искать ещё и дополнительную работу, чтобы заработать хоть что-нибудь сверх самого необходимого.

— Ты прав, — согласился Ори. Сёрин в тот раз рассмеялся.

— Нам-то нет нужды беспокоиться, мы никогда не получим даже сотни коку, а если бы и получили, то все равно потратили бы свою долю на девушек и саке и стали бы даймё Плывающего Мира. Тысяча коку — это все деньги, какие есть в мире!

— Нет, это не так, — возразил Ори. — Не забывай, что говорил нам сэнсэй.

Во время одной из тайных встреч Кацуматы с группой избранных учеников и последователей он сказал:

— Доход Сацумы составляет семьсот пятьдесят тысяч коку и принадлежит нашему господину, даймё, который делит его так, как считает нужным. Это ещё одна традиция, которая изменится при новом правлении. Когда великие перемены произойдут, доход любого владения будет

распределяться Государственным советом, в который сможет войти любой разумный самурай, любого звания, высокого или низкого, и любого возраста, при условии, что он наделен необходимой для этого мудростью и доказал, что является человеком чести. Этот закон будет единым для всех княжеств, поскольку страна будет управляться Верховным государственным советом в Эдо или Киото, избранным на равной основе из достойных самураев — под руководством Сына Неба.

— Сэнсэй, вы сказали, любой? Могу я спросить, включает ли это и самураев из рода Торанага? — спросил Ори.

— Никаких исключений не будет, если человек достоин избрания.

— Сэнсэй, пожалуйста, расскажите про род Торанага. Кто-нибудь знает счет их подлинному богатству, может исчислить земли, которыми они действительно правят?

— После Сэкигахары Торанага забрал у мертвых врагов земли, приносящие ежегодно пять миллионов коку, почти треть всего богатства Ниппона, забрал для себя и своей семьи. Навечно.

Среди потрясенного молчания, которое последовало за этими словами, Ори произнес то, о чем подумал каждый из них:

— С таким богатством мы могли бы иметь самый большой флот в мире, столько боевых кораблей, пушек и ружей, сколько нам нужно, мы могли бы создать лучшую армию, вооруженную лучшими ружьями, мы могли бы вышвырнуть всех гайдзинов с нашей земли!

— Мы даже могли бы вести войну на их территории и расширить наши пределы, — тихо добавил Кацумата, — и смыть позор минувших дней.

Они сразу поняли, что он имел в виду тайро, военачальника Накамуру, непосредственного предшественника Торанага на посту верховного правителя и его господина, великого крестьянина-генерала, который в те времена был стражем Дворцовых Врат и поэтому, в знак признательности, получил от императора высочайший титул, на который только мог надеяться человек низкородный, титул тайро, означавший «диктатор», — не титул сёгуна, к которому стремился одержимо, но никогда не мог бы получить.

Подчинив себе всю страну, главным образом за счет того, что убедил своего главного врага Торанагу принести клятву вечной верности и покорности ему и его сыну-наследнику, Накамура собрал гигантскую армаду кораблей и начал широкую военную кампанию против страны Тёсон, или Кореи, как её иногда называли, с целью пролить свет высокой культуры на эту землю и использовать её как первую ступень на пути к

Трону Драконов Китая. Но его армии потерпели в битвах неудачу и вскоре с позором отступили — как много веков назад, в прошлые эпохи, окончились столь же сокрушительным поражением две другие попытки японцев закрепиться на континенте. Трон Китая по сию пору оставался для Японии самым притягательным магнитом.

— Подобный позор должен быть смыт навсегда — как тот позор, который Сынам Неба пришлось вытерпеть по вине Торанага, узурпировавших власть Накамуры после его смерти, погубивших его жену и сына, сравнявших с землей их замок в Осаке и уже больше чем достаточно грабящих наследство Сына Неба! Сонно-дзёи!

— Сонно-дзёи! — откликнулись юноши. Глаза их горели.

Стемнело. Оба юных самурая выбивались из сил: страх гнал их вперед без остановки, и долгий путь совсем измотал обоих. Но ни тот, ни другой не хотел первым признаться в этом, поэтому они упорно продолжали бежать вперед, пока не достигли края леса. Теперь перед ними лежали покрытые водой рисовые поля, раскинувшиеся по обе стороны Токайдо, которая вела к окраине Канагавы, видневшейся невдалеке, и к дорожной заставе.

— Давай... давай остановимся ненадолго, — сказал Ори. Его измучила пульсирующая боль в ране, голова болела, грудь болела, но он не показывал виду.

— Хорошо. — Сёрин дышал так же тяжело, голова и грудь у него болели ничуть не меньше, но он рассмеялся. — Ты немощен, как старуха. — Он нашел сухой клочок земли и с удовольствием опустил на него. С большой осторожностью он начал изучать окрестности, пытаясь отдышаться.

Токайдо была почти пуста, передвижение по ночам обычно запрещалось бакуфу, и любой путник подвергался суровому допросу и жестоко наказывался, если не имел достаточно веского оправдания. Несколько носильщиков и последние из путников спешили к заставе у Канагавы, все остальные принимали горячую ванну или бражничали в безопасности гостиниц и постоялых дворов — их в этом придорожном селении было великое множество. По всей стране дорожные заставы закрывались с наступлением темноты и не открывались до рассвета и всегда бдительно охранялись местными самураями.

По ту сторону залива Сёрин увидел масляные фонари на набережной и в некоторых домах в Поселении, а также на кораблях, стоявших на якоре. Яркая луна, в половину круга, поднималась над горизонтом.

— Как твоя рука, Ори?

— Хорошо, Сёрин. Мы уже отошли от Ходогайи больше чем на ри.

— Да, но я не буду чувствовать себя в безопасности, пока мы не дойдем до гостиницы. — Сёрин принялся разминать шею, пытаясь унять ноющую боль в ней и в голове. Пощечина Кацуматы изрядно оглушила его. — Когда мы сидели перед господином Сандзиро, я подумал, что нам конец, Я решил, что он приговорит нас к смерти.

— Я тоже. — Произнеся эти слова, Ори почувствовал приступ дурноты, рука невыносимо болела, как и ходившая ходуном грудь, лицо все ещё горело от пощечины. Он рассеянно махнул здоровой рукой, разгоняя облако ночных насекомых. — Если бы он... я был готов схватить свой меч и отправить его в дальний путь, чтобы указать нам дорогу.

— Я тоже, но сэнсэй наблюдал за нами очень тщательно и убил бы нас, прежде чем мы успели бы шевельнуться.

— Да, ты снова прав. — Ори вздрогнул всем телом. — Его удар чуть не снес мне голову с плеч. И-и-и-и, обладать такой силой, невероятно! Я рад, что он на нашей стороне, а не против нас. Это он спас нас, он один, он склонил господина Сандзиро к своему мнению. — Лицо Ори вдруг стало серьезным. — Сёрин, пока я ждал, я... чтобы укрепить себя, сложил своё предсмертное стихотворение.

Сёрин тоже посерьезнел.

— Могу я услышать его?

— Да.

*Клич сонно-дзёи на закате,
Ничего не потрачено зря.
В ничто — мой прыжок.*

Сёрин задумался о стихотворении, смакуя про себя его красоту, равновесие слов и третий уровень их значения. Потом сказал с торжественным видом:

— Самурай поступает мудро, сложив своё предсмертное стихотворение. Мне это пока ещё не удалось, но я обязательно сложу его, тогда весь остаток жизни станет лишь нечаянной прибавкой к тому, что должно быть и уже исполнено. — Он повернул голову сначала в одну сторону, потом в другую, заводя вбок до предела, пока не захрустели позвонки и связки, и почувствовал себя лучше. — Знаешь, Ори, сэнсэй был прав, мы действительно проявили нерешительность и потому потерпели

поражение.

— Я замешкался, в этом он прав, я легко мог бы убить ту девушку, но её вид парализовал меня на мгновение. Я никогда... её невообразимые одежды, лицо, как некий странный цветок, с этим огромным носом, больше похожее на чудовищную орхидею с двумя огромными голубыми пятнами, увенчанную желтыми тычинками... Эти невероятные глаза, глаза сиамской кошки, тростник и солома под этой нелепой шляпой — так отвратительно и вместе с тем так... так притягательно. — Ори нервно рассмеялся. — Я был околдован. Нет сомнения, она — ками из краев, где всегда царит мрак.

— Сорви с неё одежды, и она окажется такой же, как все, но вот насколько притягательной, я... я не знаю.

— Я тоже подумал об этом. Интересно, на что бы это было похоже. — Ори на мгновение поднял глаза и посмотрел на луну. — Если бы мне довелось повалить её на подушки, думаю... думаю, я стал бы пауком-самцом для этой паучихи.

— Ты хочешь сказать, что она убила бы тебя потом?

— Да. Если бы я познал её, силой или нет, эта женщина убила бы меня. — Ори опять замахал рукой, прогоняя насекомых, которые начали по-настоящему досаждают им. — Я никогда не видел таких, как она... да и ты тоже. Ты ведь тоже это заметил, neh?

— Нет, все произошло так быстро, я пытался убить того большого уroda с пистолетом, а потом она уже умчалась.

Ори не отрываясь смотрел на далекие огоньки Йокогамы.

— Я спрашиваю себя, как её зовут, что она делала, когда добралась туда. Я никогда не встречал... она была так безобразна и вместе с тем...

Сёрин забеспокоился. Обычно Ори почти не обращал внимания на женщин, просто пользовался ими, когда это было ему нужно, позволял им развлекать его, прислуживать ему. Сёрин не помнил, чтобы, за исключением сестры, которую Ори обожал, тот когда-нибудь заговаривал хоть об одной из них.

— Карма.

— Да, карма. — Ори поправил повязку на ране, пульсирующая боль стала сильнее. Из-под повязки выступила кровь. — Но даже и в этом случае я не уверен, что мы потерпели поражение. Мы должны выждать, должны проявить терпение и посмотреть, что будет дальше. Мы всегда планировали напасть на гайдзинов при первой же возможности — я был прав, когда выступил против них в тот момент.

Сёрин поднялся.

— Я устал от серьезных разговоров о ками и о смерти. Со смертью мы

и так встретимся, и очень скоро. Сэнсэй дал нам жизнь для сонно-дзёи. Из ничего — в ничто, но сегодня у нас есть ещё один вечер, которым мы можем насладиться. Горячая ванна, саке, ужин, потом настоящая Повелительница Ночи, мягкая, сладкопахнущая, влажная... — Он тихо рассмеялся. — Нежный цветок, а не орхидея, с прекрасным носом и нормальными глазами. Пойдем...

Баркас с флагом королевского флота на корме выскользнул из вечернего полумрака и устремился к причалу Канагавы. В отличие от других причалов, которыми пестрел берег, этот был построен на редкость основательно, из дерева и камня, щит на высоких столбах горделиво возвещал на английском и японском: «Собственность Её Величества британской дипломатической миссии в Канагаве. Посторонним вход воспрещен». Баркас был битком набит морскими пехотинцами; матросы ловко орудовали веслами. Тонкая багровая полоса ещё окаймляла горизонт на западе. По морю гуляла крупная зыбь, луна красиво вставала в темном небе, свежий ветер разгонял облака.

На самом конце причала баркас поджидал один из гренадеров, охранявших миссию. Рядом с ним стоял круглолицый китаец в длинном глухом халате под горло, в руке он держал шест с масляным фонарем.

— Суши весла! — крикнул боцман. Все весла были немедленно подняты, сидевший на носу матрос прыгнул на причал и закрепил носовой конец. За ним быстро, но без толкотни и шума, на причал выбрались морские пехотинцы, тут же построившиеся в оборонительный порядок с ружьями наготове, пока их сержант внимательно изучал местность. На корме сидел морской офицер. И Анжелика Ришо. Он помог ей сойти на берег.

— Добрый вечер, сэра, мэм, — сказал гренадер, отдавая честь офицеру. — Это вот Лун, он состоит при миссии помощником.

Лун во все глаза таращился на девушку.

— Доб'лая вечила, са', васа за моя ходить сильна быстла лаз-лаз, хейя? Мисси моя ходить ладна.

Охваченная тревогой, Анжелика нервно посматривала кругом. Она была в капоре и голубом шелковом платье с турнюр, на плечи была наброшена шаль того же цвета, которая изумительно оттеняла её бледность и светлые волосы.

— Мистер Струан, как он себя чувствует?

— Не знаю, мэм, мисс, — доброжелательно ответил солдат. — Док Бебкотт, он лучший в этих водах, так что с беднягой все будет в порядке, ежели будет на то воля Божья. Он прямо страсть как обрадуется, увидев вас, — все тут про вас спрашивал. Мы-то вас раньше утра и не ждали.

— А мистер Тайрер?

— Здравехонек, мисс, рана пустяковая. Нам бы пора трогаться.

— Далеко идти?

— Ай-йа, нет далекий чоп-чоп ладна, — раздраженно проговорил Лун. Он поднял шест с фонарем и выставил его в ночь, что-то озабоченно бормоча на кантонском.

До чего наглый сукин сын, подумал офицер. Он был высокого роста, лейтенант королевского флота, звали его Джон Марлоу. Он и Анжелика двинулись следом. Морские пехотинцы тотчас же развернулись, прикрывая их со всех сторон, дозорные вышли вперед. — С вами все в порядке, мисс Анжелика? — спросил он.

— Да, благодарю вас. — Она плотнее закуталась в шаль, осторожно ступая в темноте. — Какой ужасный запах!

— Боюсь, это испражнения, которые здесь используют как удобрение, да ещё отлив добавляет. — У Марлоу были песочного цвета волосы и серо-голубые глаза. В свои двадцать восемь лет он являлся капитаном двадцатиоднопушечного парового фрегата Её Величества «Жемчужина». Правда, последнее время он исполнял обязанности флаг-адъютанта при адмирале Кеттерере, командовавшем военно-морскими силами в Японии. — Может быть, вам было бы удобнее в носилках?

— Благодарю вас, нет, все и так очень хорошо.

Лун шел чуть впереди по узким пустынным улочкам деревни, освещая им путь. Большая часть Канагавы лежала погруженная в глубокую тишину, хотя изредка они слышали шумный пьяный смех мужчин и женщин, доносившийся из-за высоких стен, в которых время от времени попадались маленькие дверцы с зарешеченными окошечками. На каждом шагу им встречалось множество разукрашенных вывесок на японском.

— Это постоянные дворы, гостиницы? — спросила она.

— Видимо, — осторожно ответил Марлоу.

Лун тихо хихикнул, услышав вопрос и ответ. По-английски он говорил совершенно свободно — язык он выучил в миссионерской школе. Однако, следуя приказу, тщательно скрывал это, всегда говорил только на пиджин, притворялся глупым и в итоге знал много секретов, которые имели огромную ценность и для него, и для руководителей его тонга, и для их общего вождя, Светлейшего Чена, Гордона Чена, компрадора компании Струана. Компрадор, обычно им был высокородный евразиец, являлся незаменимым посредником между европейскими и китайскими торговцами, он свободно говорил на английском и нескольких китайских диалектах, и к его рукам прилипало по меньшей мере десять процентов от каждой сделки.

«А, заносчивая юная мисси, питающаяся чужой неудовлетворенной страстью, — с бесконечным весельем размышлял Лун, знавший о ней много всего, — интересно, который же из этих дурнопахнущих круглоглазых первым распялит тебя на подушках и войдет в твои столь же дурнопахнущие Нефритовые Врата? К тебе в самом деле ещё никто не прикасался, как ты притворяешься, или внук Зеленоглазого Дьявола Струана уже познал с тобой Облака, Пролившиеся Дождем? Клянусь всеми богами, великими и малыми, я узнаю это совсем скоро, потому что твоя горничная является дочерью третьей двоюродной сестры моей сестры. Я уже знаю, что твои короткие волоски не ухожены и нуждаются в выщипывании, они такие же светлые, как на голове, и растут слишком густо, чтобы это могло понравиться цивилизованному человеку, но, полагаю, варвар этого просто не заметит. Ха!

Ай-йя, до чего интересна жизнь. Готов поспорить, это нападение и убийство доставят и дьяволам-варварам, и Пожирателям Нечистот с этих островов много неприятностей. Вот и чудесно! Пусть все они захлебнутся в собственных испражнениях!

Интересно получается, что внук Зеленоглазого Дьявола был так жестоко ранен, стало быть, скверный йосс всех мужчин этого рода простирается и на него; интересно, что новость об этом уже тайно летит в Гонконг с нашим самым быстрым курьером. Ах, до чего я мудр и предусмотрителен! Но, опять же, я родился в Срединном Царстве и потому, разумеется, стою выше них всех.

Однако встречный ветер для одного всегда надувает паруса другого. Это известие, несомненно, резко понизит стоимость акций „Благородного Дома“. Зная об этом наперед, я и мои друзья получим большую прибыль. Клянусь всеми богами, я поставлю десятую часть своей прибыли на первую же лошадь на скачках в Счастливой Долине, которая побежит под четырнадцатым номером — сегодняшней датой по варварскому исчислению».

— Хоу! — воскликнул он, вытянув вперед руку.

Центральные башенки храма темнели над улицами и переулками крошечных одноэтажных домов, стоявших каждый отдельно, но при этом кучками, как в сотах.

Два гренадера под началом сержанта охраняли ворота храма, хорошо освещенные масляными фонарями. Рядом с ними стоял Бебкотт.

— Привет, Марлоу, — произнес он с улыбкой. — Поистине неожиданное для меня удовольствие, мадемуазель, добрый вечер. В чем...

— Извините, доктор, — прервала его Анжелика. Она глядела на него

снизу вверх, широко раскрыв глаза, пораженная размерами англичанина. — Но Малкольм... мистер Струан... мы слышали, он был опасно ранен.

— Он получил довольно неприятный удар мечом, но рана зашита и сейчас он крепко спит, — как можно более легким голосом произнес Бебкотт. — Я дал ему успокоительное. Я отведу вас к нему через секунду. В чем дело, Марлоу, зачем...

— А Филип Тайрер? — снова прервала его она. — Он... его тоже серьезно ранили?

— Просто поверхностная рана, мадемуазель, вы в данный момент ничего не можете для них сделать, оба приняли снотворное.

— С ним все в порядке?

— Да, в полном порядке, — терпеливо ответил он. — Пойдемте, вы убедитесь сами. — Он повел их через внутренний двор. Стук копыт и звяканье уздечек остановили их. Обернувшись, они с удивлением увидели въезжающий во двор разъезд драгун. — Святой Боже, да это же Паллидар. Что он тут делает?

Они наблюдали, как драгунский офицер отдал честь морским пехотинцам и гренадерам и спешил.

— Продолжайте, — сказал Паллидар, не замечая Марлоу, Бебкотта и Анжелику. — Эти чертовы джапские ублюдки попытались, чёрт возьми, загородить нам дорогу, клянусь Господом! Жаль только, что эти выблядки изменили своё в господа-бога-мать растреклятое решение, а то сейчас бы они у меня уже кормили червей, будь я проклят, и... — Он увидел Анжелику и замолчал, похолодев от ужаса. — Господи Иисусе! О... послушайте, я... я самым искренним образом извиняюсь, мадемуазель, я... э... я никак не предполагал, что здесь могут быть дамы... э... привет, Джон, доктор.

— Привет, Сеттри, — сказал Марлоу. — Мадемуазель Анжелика, позвольте представить вам нашего просторечного капитана Сеттри Паллидара из восьмого драгунского полка Её Величества. Мадемуазель Анжелика Ришо.

Она холодно кивнула, он деревянно поклонился.

— Я... э... приношу свои глубочайшие извинения, мадемуазель. Док, меня прислали для охраны миссии на случай эвакуации.

— Адмирал уже направил нас сюда для этой цели, — резко заметил Марлоу. — С отрядом морских пехотинцев.

— Теперь, когда мы прибыли, вы можете отпустить их.

— Пош... предлагаю вам запросить новых распоряжений. Завтра. Тем временем я как старший офицер беру командование на себя. Старший род

войск, старина. Доктор, возможно, вы проводите леди навестить мистера Струана.

Беккотт озабоченно посмотрел, как они, выкатив грудь, сверлили друг друга глазами. Оба офицера нравились ему. Внешне они оставались дружелюбными, но под этой маской скрывалась готовность драться насмерть. Эти два молодых бычка когда-нибудь сцепятся по-настоящему — да поможет им Бог, если ссора выйдет из-за женщины.

— Я увижу вас обоих попозже, — сказал он, взял Анжелику под руку и увел её.

Бар клуба Йокогамы, самое вместительное помещение во всем Поселении и потому неизменное место всех собраний, сотрясаясь от людского рева, заполненный почти всеми принятыми в обществе обитателями Поселения — отсутствовали только те, кто упился в стельку или был очень болен. Собрание орало на разных языках, многие были вооружены, многие размахивали кулаками и кричали ругательства маленькой группе хорошо одетых людей, сидевших за столом на небольшом возвышении в дальнем конце бара; большинство из этих последних кричали что-то в ответ, генерал и адмирал были близки к апоплексии.

— Повторите это ещё раз, и, клянусь Господом, я вызову вас прогуляться...

— Иди к черту, недоносок...

— Ет'война, Уильям должен бы...

— Развернуть армию и флот, чёрт подери, и обстрелять Эдо...

— Сровнять эту ихнюю паскудную столицу с землей, клянусь Богом...

— Кентербери должен быть отомщен, Вельям обязан...

— Верно! Увиллим во всем виноватый, Джон Кент, он же мне все равно как брат родной...

— Послушайте, наконец. — Один из сидевших за столом принялся колотить деревянным молотком по столешнице, призывая всех к молчанию. — Меня зовут Уильям, чёрт побери! Уильям. Не Уильям, не Увиллим, не Вульем и не Выльем! Уильям Айлсбери, сколько раз должен я вам повторять! Уильям!

Три бармена, отпускавшие напитки за огромной стойкой, расхохотались.

— До чего жаркое дело эти собрания, народ прямо помирает от жажды, а, приятель? — весело крикнул один из них, протирая стойку грязной тряпкой. Бар был гордостью Поселения, его стойка была

намеренно построена на фут длиннее, чем стойка бара шанхайского жокей-клуба, считавшегося до этого самым большим в Азии, и вдвое длиннее стойки бара гонконгского клуба. Стена за их спиной была уставлена рядами бутылок с вином, спиртными напитками, бочонками с пивом. — Дайте же бедолаге сказать, ради бога!

Сэр Уильям Айлсбери, человек с деревянным молотком, вздохнул. Он являлся британским посланником в Японии, старшим сотрудником дипломатического корпуса. Остальные представляли за столом Францию, Россию, Пруссию и Америку. Его терпение лопнуло, и он сделал знак молодому офицеру, стоявшему позади стола. Тот, явно готовый к этому, — как и люди за столом, — немедленно достал револьвер и выстрелил в потолок. Кусочки штукатурки посыпались на пол среди разом наступившего молчания.

— Благодарю вас. Итак, — начал сэр Уильям голосом, полным сарказма, — если вы, джентльмены, угомонитесь на минутку, мы сможем продолжить. — Это был высокий представительный мужчина на исходе четвертого десятка, с худым лицом и торчащими ушами. — Я повторяю, поскольку принятое нами решение затронет всех вас, мои коллеги и я желали бы предварительно обсудить, как нам отреагировать на этот инцидент, — обсудить вместе с вами. Если вы, друзья мои, не хотите слушать или если у вас спросят ваше мнение, а вы не поделитесь им с минимальным количеством бранных слов и выражений — мы рассмотрим все дело в узком кругу, а потом, когда решим, что же БУДЕТ ДАЛЬШЕ, то с удовольствием сообщим вам об этом.

Ворчливое недовольство в толпе, но никакой открытой враждебности.

— Прекрасно. Мистер Макфей, вы говорили?

Джейми Макфей стоял в первых рядах, Дмитрий — рядом с ним. Поскольку Джейми возглавлял японское отделение компании Струана, крупнейшей в Азии, обычно именно он выступал от лица торговцев, кто имел собственные флоты вооруженных клиперов и торговых кораблей.

— Что же, сэр, мы знаем, что эти сацумы остановились на ночь в Ходогайе, это к северу отсюда, совсем недалеко, и их король вместе с ними, — сказал он, хмурясь, сильно встревоженный состоянием Малкольма Струана. — Его имя Садзирро, или как-то вроде этого, и я полагаю, нам сле...

— Я голосую за то, чтобы окружить сегодня ночью этих ублюдков и вздернуть содомита! — крикнул кто-то.

Грянул гром аплодисментов, который скоро утих посреди нескольких невнятных чертыханий и призывов «ради бога, давайте дальше».

— Прошу вас, продолжайте, мистер Макфей, — устало произнес сэр Уильям.

— Нападение, как всегда, было неспровоцированным, Джона Кентербери подло и зверски убили, один Господь Бог знает, сколько времени уйдет на то, чтобы мистер Струан поправился. Но это первый случай, когда мы можем назвать убийц — по крайней мере, их король может это сделать, и так же верно, как то, что Господь сотворил райские яблочки, этот король обладает достаточной властью, чтобы схватить этих мерзавцев и выдать нам, а также заплатить за урон... — Новые рукоплескания. — Они недалеко ушли, и с теми войсками, что у нас есть, мы сможем добиться у них правды.

Одобрительный рев и призывы к отмщению. Анри Бонапарт Сератар, французский посланник в Японии, громко произнес:

— Я бы хотел обратиться к мсье генералу и мсье адмиралу с вопросом, что они думают на этот счет.

— У меня на кораблях пятьсот морских пехотинцев... — тут же выпалил адмирал.

Генерал Томас Огилви прервал его, твердо, но учтиво:

— Данный вопрос касается сухопутной операции, мой дорогой адмирал. Мистер Серятард... — Седеющий краснолицый англичанин тщательно исковеркал имя француза и употребил слово «мистер», чтобы оскорбление было полным, — в нашем распоряжении тысяча британских солдат в палаточных лагерях, два отряда кавалерии, три батареи самых современных орудий, а также возможность вызвать ещё восемь-девять тысяч британских и индийских пехотинцев со вспомогательными войсками с Гонконга в течение двух месяцев. — Он поиграл золотым галуном своего мундира. — Невозможно представить себе проблему, которую войска Её Величества под моим командованием были бы не в силах разрешить самым оперативным образом.

— Я согласен, — кивнул адмирал, его голос потонул в одобрительных выкриках.

Когда они утихли, Сератар мягко спросил:

— Значит, вы выступаете за объявление войны?

— Ничего подобного, сэр, — ответил генерал. Их неприязнь была взаимной. — Я просто сказал, что мы в состоянии выполнить все, что от нас потребуется, когда потребуется и когда мы будем обязаны это сделать. Я также склонен считать, что все решения по данному инциденту следует принимать посланнику Её Величества совместно с адмиралом и мною без неподобающих дебатов и обсуждений.

Некоторые поддержали его, большинство же недовольно загудело, а кто-то крикнул:

— Это наше серебро и налоги идут в уплату за всю вашу шайку-лейку, так что мы в своём праве говорить, что и как. Про такую штуку, как парламент-то, слышали, клянусь Богом?

— Нападение совершено и на французскую подданную, — горячась, повысил голос Сератар, — следовательно, затронута честь Франции. — Свист, улюлюканье, сальные замечания в адрес девушки.

Снова сэр Уильям прибег к помощи молотка.

— Доктор Бебкотт уже поставил бакуфу в известность в Канагаве, — с раздражением произнес сэр Уильям, — и они уже заявили, что ничего не знают о случившемся и, по всей вероятности, станут придерживаться своей обычной тактики, неизменно заявляя то же самое и впредь. Один британский подданный был зверски убит, другой — опасно ранен, наша восхитительная юная иностранная гостья, к нашему стыду, была напугана чуть не до смерти — эти действия, как правильно указал мистер Макфей и как я ещё раз хочу подчеркнуть, впервые были совершены преступниками, личности которых мы можем установить. Правительство Её Величества не оставит это безнаказанным... — На мгновение его голос покрыла ревушая волна приветственных выкриков, потом он добавил: — Единственное, что нам предстоит определить, это меру наказания, а также то, как мы должны действовать дальше и какие назначить сроки. Мистер Адамсон? — обратился он к американскому посланнику.

— Поскольку американцы не подвергались нападению, я воздерживаюсь от официальных рекомендаций.

— Граф Сергеев?

— Мой официальный совет, — осторожно произнес русский, — напасть на Ходогайю, разнести её в клочья, и всех этих сацумов вместе с нею. — Граф был сильным, рослым мужчиной тридцати с небольшим лет, с благородным лицом и аккуратной бородой; он возглавлял посольство царя Александра II. — Сила, немедленная, могучая и беспощадная, — вот единственная дипломатия, которую японцы способны понять. Я почту за честь, если мой боевой корабль поведет это наступление.

Его слова были встречены неожиданным молчанием.

«Я полагал, что ваш совет окажется именно таким, — подумал про себя сэр Уильям. — И я не так уж уверен, что вы ошибаетесь. Ах, Россия, прекрасная, поразительная страна, какой стыд, что мы враги. Лучшее время своей жизни я провел в Санкт-Петербурге. Но все равно вам не утвердиться в этих водах, в прошлом году мы остановили ваше вторжение на японские

острова Цусимы, а в этом году мы не дадим вам украсть их Сахалин».

— Благодарю вас, любезный граф. Герр фон Хаймрих?

Пруссак был пожилым и говорил кратко и отрывисто.

— Я не могу советовать вам в этом вопросе, герр генеральный консул. Могу лишь официально сказать, что мое правительство сочло бы данный инцидент делом только вашего правительства, а не второстепенных сторон.

— Благодарю вас за ваши советы, джентльмены, — твердо произнес сэр Уильям, прерывая ссору, готовую вспыхнуть между ними. — Прежде чем принять решение, — сухо заговорил он, — раз уж мы все собрались здесь и мне впервые предоставляется такая возможность, я думаю, нам следует сформулировать нашу проблему: мы имеем законодательно утвержденные Соглашения с Японией. Мы здесь для того, чтобы торговать, а не завоевывать новые земли. Нам приходится иметь дело с местной бюрократией, этими бакуфу, которые весьма напоминают губку: в один момент они притворяются всесильными, в другой — беспомощно пасуют перед их отдельными королями. Нам так и не удалось добраться до подлинного средоточия власти, тайкуна или сёгуна — мы даже не знаем, существует ли он на самом деле.

— Он должен существовать, — холодно вставил фон Хаймрих, — потому что наш знаменитый немецкий путешественник и врач доктор Энгельберт Кемпфер, который жил на Дэсеме с 1690 по 1693 год, выдавая себя за голландца, писал о своём посещении сёгуна в Эдо во время их ежегодного паломничества.

— Это не доказывает того, что он существует сейчас, — язвительно заметил Сератар. — Однако я согласен с тем, что сёгун у японцев есть, и Франция одобряет попытку прямого контакта.

— Ваша идея восхитительна, мсье. — Сэр Уильям покраснел. — И как же нам следует её осуществить?

— Пошлите флот против Эдо, — тут же вставил русский, — потребуйте немедленной аудиенции, грозя в противном случае уничтожить город. Имей я в своём распоряжении такой прекрасный флот, как ваш, я бы сначала сровнял половину города с землей, а уже потом требовал бы аудиенции... даже лучше, я бы приказал этому тайкуну-сёгуну прибыть на рассвете следующего дня на борт моего флагмана и вздернул бы его. — Буря одобрительных выкриков.

— Это бесспорно один из действенных способов, — ответил сэр Уильям, — но правительство Её Величества предпочло бы несколько более дипломатичное решение. Далее: мы практически не располагаем достоверной информацией о том, что происходит в этой стране. Я был бы

признателен всем коммерсантам, если бы вы помогли нам собрать сведения, которые могли бы оказаться полезными для нас. Мистер Макфей, из всех торговцев вы должны быть наиболее информированным, вы можете что-то сказать?

— Ну, несколько дней назад, — начал Макфей, тщательно взвешивая слова, — один из наших японских поставщиков шелка сказал нашему китайскому компрадору, что некоторые из королевств — он употребил слово «княжества», а королей называл «даймё», наверное, так звучит «князь» по-японски — восстали против бакуфу, в особенности Сацума, и ещё какие-то другие, Тоса и Тёсю...

Сэр Уильям заметил интерес, тут же вспыхнувший в глазах остальных дипломатов, и спросил себя, разумно ли было задавать такой вопрос при всех.

— Где они находятся? — спросил он.

— Сацума — рядом с Нагасаки на Южном острове, который японцы называют Кюсю, — сказал Адамсон, — но вот Тёсю и Тоса?..

— Ну, в общем так, ваша честь, — вызвался из толпы американский моряк, и англичане с удовольствием услышали его ирландский выговор. — Тоса — это часть Сикоку, большого такого острова во внутреннем море. Тёсю лежит далеко на западе, на главном острове, мистер Адамсон, сэр, прямо там, где пролив. Мы через этот пролив часто ходили, в самой узкой части там никак не более мили. Это лучший, самый короткий путь из Шанхая и Гонконга досюда. Туземцы зовут его пролив Симоносеки, и мы там разок покупали у них рыбу и воду в городке, только нас там не больно жаловали. — Много других голосов подтвердили его слова, заявляя, что тоже часто пользовались этим проливом, но никогда не знали, что тамошнее королевство называлось Тёсю.

— Ваше имя, пожалуйста? — обратился сэр Уильям к американцу.

— Пэдди О'Флагерти, боцман американского китобоя «Альбатрос» из Сиэтла, ваша честь.

— Благодарю вас, — сказал сэр Уильям, и мысленно пометил для себя, что нужно будет потом послать за О'Флагерти и расспросить его обо всем поподробнее, а также выяснить, существуют ли карты этого района, и если карт нет, то немедленно приказать флоту изготовить их. — Продолжайте, мистер Макфей, — повернулся он к торговцу. — Восстали, вы говорите?

— Да, сэр. Этот торговец шелком — уж не знаю, насколько ему можно верить, — сказал, что идет этакая борьба за власть против главного тайкуна, которого он называл сёгуном, а также против бакуфу и какого-то короля или, как они говорят, даймё по имени Торанага.

Сэр Уильям увидел, как глаза на почти азиатском лице русского сузились ещё больше.

— Да, мой дорогой граф?

— Нет, ничего, сэр Уильям. Но не это ли имя правителя упоминал Кемпфер?

— Действительно, действительно. — Интересно, почему вы раньше не упоминали при мне, что знакомы с этими очень редкими, но весьма поучительными дневниками, которые были написаны на немецком языке; вы по-немецки не говорите, следовательно, они должны существовать в русском переводе. — Возможно, «Торанага» и означает «правитель» на их языке. Пожалуйста, продолжайте, мистер Макфей.

— Это все, что тот парень рассказал моему компрадору, но я обязательно постараюсь разузнать побольше. А теперь, — произнес Макфей вежливо, но твердо, — будем мы разбираться с королем Сацумы в Ходогайе сегодня ночью или нет?

Табачный дым колыхнулся в наступившем молчании.

— Может кто-нибудь добавить что-либо — про это восстание японцев?

— До нас тоже дошли слухи о нем, — сказал Норберт Грейфорт, глава японского отделения компании «Брок и Сыновья», главного соперника компании Струана. — Но я полагал, это каким-то образом связано с их верховным жрецом, этим микадо, который, судя по всему, живет в Киото, это такой город рядом с Осакой. Я тоже наведу справки. Тем временем, касательно сегодняшней вылазки, я присоединяю свой голос к предложению Макфея: чем скорее мы приструним этих мерзавцев, тем скорее обречем мир и покой. — Он был выше Макфея ростом и открыто ненавидел его.

Когда крики одобрения утихли, сэр Уильям с видом судьи, выносящего приговор, произнес:

— Итак, произойдет следующее. Во-первых, никакого нападения сегодня ночью не будет, и...

Крики «Подавайте в отставку, мы и без вас обойдемся, клянусь Богом, давай, ребята, покажем этим ублюдкам... Мы не можем, без поддержки войск нам...»

— Успокойтесь и слушайте, клянусь Богом! — прокричал сэр Уильям. — Если у кого-то мозги съехали набекрень настолько, что он отправится сегодня ночью в Ходогайю, ему придется отвечать не только перед японским, но и перед нашим законом. Я запрещаю это! Завтра я официально потребую — потребую — от бакуфу и от сёгуна принести

официальные извинения, принести немедленно, передать нам обоих убийц для суда и повешения и столь же незамедлительно выплатить денежное возмещение в размере ста тысяч фунтов стерлингов, а иначе пусть пеняют на себя.

Некоторые поддержали его, большинство — нет, собрание закончилось, и народ ринулся к стойке бара, многие уже были готовы взорваться, по мере того как споры становились все более пьяными и горячими. Макфей и Дмитрий протолкались на свежий воздух.

— Господи, как здесь хорошо. — Макфей сдвинул шляпу на затылок и промокнул лоб платком.

— Можно вас на два слова, мистер Макфей?

Джейми обернулся и увидел Грейфорта.

— Разумеется.

— Наедине, если вам угодно.

Эти два человека крайне редко говорили друг с другом о делах.

— Каковы последние новости о молодом Струане?

— Когда я видел его час назад, выглядел он неважно.

— Он умрет?

— Нет. Доктор заверил меня в этом.

Холодная улыбка.

— Откуда, чёрт побери, они могут знать наперед? Но если бы он умер, это могло бы стать концом «Благородного Дома».

— Ничто и никогда не в состоянии разрушить «Благородный Дом», Дирк Струан позаботился на этот счет.

— Не будьте так уверены. Дирк уже больше двадцати лет как мертв, его сын Кулум вот-вот последует за ним, и если Малкольм не выживет, кто тогда станет во главе компании? Не его же младший брат, которому всего десять лет. — В глазах его появился странный блеск. — Может, Старику Брокку и семьдесят три, но ни ума, ни хватки он пока не растерял.

— Однако мы по-прежнему «Благородный Дом», а Кулум по-прежнему тайпэн, — добавил Макфей, не отказав себе в удовольствии загнать Грейфорта колючку под кожу. — А Старик Брок по-прежнему не стюард жокей-клуба в Счастливой Долине и никогда им не будет.

— Это скоро придет, Джейми, это и все остальное. Кулуму Струану уже недолго осталось контролировать выборы стюардов в жокей-клубе, а если его сын и наследник тоже сыграет в ящик, что ж, посчитай нас и наших друзей, и ты увидишь, что мы без труда соберем необходимое количество голосов.

— Этого не будет.

Выражение лица Грейфорта стало жестким.

— Может статься, Старик Брок вскоре почтит нас здесь своим присутствием вместе с сэром Морганом.

— Морган в Гонконге? — Макфей постарался не выдать того, как ошеломила его эта новость. Сэр Морган Брок был старшим сыном Старика Брока и с большим успехом руководил конторой компании в Лондоне. Насколько Джейми знал, раньше Морган никогда не бывал в Азии. Если Морган вот так вдруг появился в Гонконге... какие новые козни затевает эта парочка на сей раз, спрашивал он себя в тревоге. Морган специализировался на торгово-банковских операциях и искусно протянул щупальца Броков в Европу, Россию и Северную Америку, постоянно беспокоя клиентов компании Струана и ставя препоны на торговых путях «Благородного Дома». С тех пор как в прошлом году началась гражданская война в Америке, Макфей, вместе с другими директорами компании, стал получать тревожные донесения о неудачах в реализации обширных американских планов «Благородного Дома», как на Севере, так и на Юге, планов, в которые Кулум Струан вложил огромные суммы. — Если Старик Брок и его сын осчастливят нас своим приездом, можете не сомневаться, что мы почтем за честь накормить их ужином.

Грейфорт хохотнул, но как-то невесело.

— Не думаю, что у них будет время; разве что они захотят проверить ваши книги, когда мы вас проглотим.

— Это у вас никогда не получится. Если я услышу что-нибудь о восстании японцев, я дам вам знать. Пожалуйста, поступите таким же образом. А теперь — спокойной ночи. — С подчеркнутой вежливостью Макфей приподнял шляпу и зашагал прочь.

Грейфорт рассмеялся про себя. Он был в восторге: семена как будто легли в благодарную почву. Старик будет счастлив собрать урожай, подумал он, выдрав побеги с корнем.

Доктор Бебкотт устало двигался по полутемному коридору миссии в Канагаве. В руке он держал масляный фонарь; поверх его шерстяной пижамы был наброшен ночной халат. Где-то внизу часы пробили два раза. Он рассеянно опустил руку в карман и сверился со своими часами-луковицей, зевнул, потом постучал в дверь.

— Мисс Анжелика?

Через мгновение её сонный голос спросил:

— Да?

— Вы просили сказать вам, когда мистер Струан проснется.

— А, благодарю вас. — Прошло ещё несколько секунд, потом он услышал звук отодвигаемого засова, и Анжелика вышла к нему. Волосы немного в беспорядке, ещё не окончательно проснувшись, в плотном халате, надетом на ночную рубашку. — Как он?

— Его подташнивает, и он как в дурмане, — ответил Бебкотт, провожая её назад по коридору и вниз, в операционную, где находились палаты для больных. — Температура и пульс у него подскочили немного, но иного, разумеется, трудно было ожидать. Я дал ему наркотик, чтобы унять боль, но он крепкий молодой человек и все должно быть в порядке.

Когда она побывала у Малкольма в первый раз, мертвенная бледность его чёрт поразила её, а стоявшее кругом зловоние вызвало непреодолимое отвращение. Ей никогда раньше не доводилось бывать в больнице, или операционной комнате, или в настоящей больничной палате. Помимо чтения статей в парижских газетах и журналах о смерти, болезнях, о волнах чумы и других смертельных заболеваний — кори, оспы, тифа, холеры, пневмонии, менингита, коклюша, скарлатины и прочих, — которые время от времени прокатывались по Парижу, Лиону, другим городам, большим и малым, она не сталкивалась с болезнью лицом к лицу. Здоровье у неё всегда было отменное; её дядя, тетя и брат были в равной степени благословенны.

Дрожа всем телом, она коснулась рукой его лба, убрав с лица намокшие от пота волосы, но, не в силах вынести тяжелый смрад, окружавший его кровать, тут же отпрянула и торопливо вышла.

В соседней комнате спокойно спал Тайрер. К её громадному облегчению, здесь не пахло. Она подумала, каким приятным было во сне его лицо, тогда как лицо Малкольма выражало муку.

— Филип спас мне жизнь, доктор, — сказала она. — После мистера... мистера Кентербери я была... мне... я... меня парализовало, а Филип, он встал со своей лошадью на пути убийцы и дал мне время спастись. Я была... я не могу описать, как ужасно...

— Как выглядел тот человек? Вы могли бы узнать его?

— Не знаю, это был просто туземец, кажется, совсем молодой, но я, право, не знаю, определить их возраст так трудно, а он был... был первым, которого я увидела так близко. Он был одет в кимоно, за поясом торчал короткий меч, а длинный, весь в крови и снова поднятый, чтобы... — Её глаза наполнились слезами.

Бебкотт успокоил её, проводил в отведенную ей комнату, дал чаю с каплей лауданума и пообещал разбудить сразу же, как только Струан проснется.

«И вот теперь он проснулся, — думала она, чувствуя, как ноги наливаются свинцом, к горлу подступает тошнота, голову начинает ломить и её наполняют мерзкие картины. — Я жалею, что приехала; Анри Сератар советовал мне подождать до завтра, капитан Марлоу был против этой поездки, все были против, так почему же я так страстно умоляла адмирала отпустить меня? Не знаю. Ведь мы всего лишь добрые друзья, мы не любовники, и не помолвлены, и не...

Или я начинаю любить его? Или мною руководила одна только бравада, стремление сыграть роль до конца, потому что весь этот ужасный день так похож на мелодраму Дюма, и не было на самом деле ни кошмара на дороге, ни бурлящего Поселения, ни записки Малкольма, которую принесли на закате: „Пожалуйста, приезжайте и навестите меня сразу, как только сможете“, написанной доктором по его просьбе. И я была не настоящая, я просто актриса, играющая роль героини в какой-то пьесе...» Бебкотт остановился.

— Вот мы и пришли. Вы найдете его изрядно утомленным, мадемуазель. Я зайду на секунду, чтобы убедиться, что с ним все в порядке, потом оставлю вас наедине на минуту или две. Он может впасть в забытие из-за наркотика, но вы не волнуйтесь. Если я вам понадоблюсь, я буду в операционной, это соседняя комната. Не переутомляйте его и не переутомляйтесь сами, и главное — ни о чем не тревожьтесь. Не забывайте, что вам сегодня тоже здорово досталось.

Она собралась с духом, изобразила на лице улыбку и вошла в комнату за ним следом.

— Хеллоу, Малкольм, мон шер.

— Хеллоу. — Струан был очень бледен, лицо его постарело, но взгляд очистился и просветлел.

Доктор с приятной улыбкой произнес несколько ничего не значащих фраз, прищурившись, внимательно посмотрел на него, быстро взял пульс, потрогал лоб, слегка кивнул в ответ каким-то своим мыслям, сказал, что состояние больного не внушает опасений, и вышел.

— Вы так прекрасны, — проговорил Струан, его обычно задорный голос звучал теперь чуть слышно. Он чувствовал себя странно: словно плыл куда-то и вместе с тем был накрепко прибит к кровати и влажному от пота соломенному матрацу.

Она подошла ближе. Тошнотворный запах никуда не исчез, как ни старалась она не замечать его.

— Как вы себя чувствуете? Мне так жаль, что вы ранены.

— Йосс, — ответил он, употребив китайское слово, которое означало

неудачу, удачу и волю богов. — Вы так прекрасны.

— Ах, chégi, как бы я хотела, чтобы этого никогда не случилось, я так корю себя за то, что попросила вас об этой прогулке верхом. И зачем мне вообще захотелось увидеть эти Японию?

— Йосс. Сегодня... сегодня уже следующий день, не так ли?

— Да, нападение произошло вчера днём.

Ему казалось, что его мозг лишь с большим трудом способен переводить её слова в понятную для него форму; столь же трудно было и ему самому составлять слова и произносить их. А ей приходилось все сильнее напрягать волю, чтобы остаться.

— Вчера? Будто целая жизнь прошла. Вы видели Филипа?

— Да, да, я была у него вчера вечером, но он спал. Я зайду к нему сразу, как выйду от вас, chégi. Вообще-то мне уже пора, доктор сказал, чтобы я не утомляла вас.

— Нет, не уходите пока, пожалуйста. Послушайте, Анжелика, я не знаю, когда я... когда я буду готов к путешествию, поэтому... — Он почувствовал острую резь в животе, его глаза закрылись на мгновение, но боль отпустила его. Когда её лицо снова возникло перед ним, он прочел на нем страх, но неправильно истолковал его. — Не волнуйтесь, Макфей позаботится, чтобы вас со... сопроводили назад в Гонконг в целости и сохранности, поэтому прошу вас, не волнуйтесь.

— Спасибо, Малкольм, да, я думаю, мне так и нужно сделать. Я отправлюсь туда завтра или через день. — Она увидела его мгновенное разочарование и торопливо добавила: — Разумеется, вы к этому времени будете чувствовать себя лучше, и мы сможем поехать вместе, ах да, Анри Сератар передает свои соболезнования...

Она в ужасе замолчала, увидев, как его лицо искривилось от приступа дикой боли. Он попытался согнуться пополам, но не смог, внутренности его сжались, стараясь изгнать из тела тошнотворный яд эфира, который словно напитал собой все поры, каждую клеточку мозга, но все усилия были напрасны: желудок и кишечник уже опустели от всего, что только могло там находиться — каждый спазм отзывался невыносимой резью в швах, каждый новый приступ кашля надрывал их чуть больше, чем предыдущий, и только малое количество зловонной жидкости изошло из него после всех этих адских мук.

В панике она метнулась к двери, чтобы бежать за доктором, и принялась лихорадочно шарить по ней, отыскивая ручку.

— Все в порядке, Анже... Анжелика, — произнес голос, который она едва узнала. — Оставайтесь ещё... на мгновение.

Он увидел ужас на её лице и снова ошибся, приняв его за проявление тревоги, глубокого сострадания — и любви. Страх покинул его, и он обмяк на подушке, собираясь с силами.

— Моя дорогая, я так надеялся, так горячо надеялся... конечно же, вы знаете, что я полюбил вас с самого первого взгляда. — Боль унесла с собой его силу, но полная уверенность, что он прочел в её глазах именно то, о чем молил Господа все это время, наполнила его душу великим покоем. — Кажется, я не могу сейчас нормально соображать, но я хотел... увидеть вас... сказать вам... Господи, Анжелика, пока я не увидел вас снова, я боялся этой операции, боялся снотворного, боялся умереть, уснуть и больше не проснуться, мне ещё никогда не было так страшно, никогда.

— Мне тоже было бы страшно... о, Малкольм, все это так ужасно. — Её кожа сделалась липкой, голова болела ещё больше, и она боялась, что её вот-вот вырвет. — Доктор уверил меня и всех, что вы скоро поправитесь!

— Теперь, когда я знаю, что вы любите меня, это не имеет никакого значения. Если я умру, таков мой йосс, а в нашей семье мы знаем, что нам... что никто из нас не избежит своего йосса. Вы — моя счастливая звезда, венец моих желаний, я... понял это в самый первый миг. Мы поженимся... — Слова замерли у него на губах. В ушах зазвенело, глаза слегка затуманились, ресницы затрепетали — опиум начал действовать, и Струан заскользил вниз, в преисподнюю, где боль не то чтобы переставала существовать, но преображалась в невесомую безболезненность. — ... Поженимся весной...

— Малкольм, послушайте, — быстро проговорила она, — вы не умрете, и я... alors, ^[6] я должна быть с вами откровенна... — И тут слова хлынули из неё сплошным потоком: — Я пока что не хочу выходить замуж, я не уверена, что люблю вас, просто не уверена, вы должны набраться терпения, и в любом случае, люблю я вас или нет, мне кажется, я никогда не смогу жить в этом ужасном месте или в Гонконге, если честно, я даже знаю, что не смогу, я не буду, это выше моих сил, я знаю, что умру здесь, сама мысль о том, чтобы жить в Азии, приводит меня в ужас, эта вонь, эти мерзкие люди. Я намерена вернуться в Париж при первой же возможности, там мой дом, и я никогда не вернусь сюда, никогда, никогда, никогда.

Но Малкольм не слышал ничего из того, что она говорила. Он витал в своих мечтах, не видя её, и бормотал:

— ... много сыновей, вы и я... так счастлив вашей любовью... молился... навсегда поселимся в Большом доме на Пике. Ваша любовь прогнала страх, страх смерти... я всю жизнь боялся смерти, она всегда так близко... близнецы, сестренка Мэри умерли такими маленькими, мой брат,

отец на краю могилы... дедушка тоже умер жестокой смертью, но теперь... теперь... все по-другому... поженимся весной. Да?

Его глаза открылись. На мгновение он отчетливо увидел её, увидел её вытянувшееся лицо, заломленные руки, отвращение, и ему захотелось кричать: ради бога, в чем дело, это всего лишь больничная палата, да, я знаю, что одеяло намочило от пота и под меня натекло немного мочи и испражнений, и все кругом смердит, но это потому, что меня ранили, чёрт побери, меня только ранили, и вот теперь я зашит и снова здоров, снова здоров, снова здоров...

Но ни единого слова не слетело с его губ. Он увидел, как она сказала что-то, распахнула дверь и убежала, но это был всего лишь кошмар, и хорошие, добрые сны звали его за собой. Дверь закачалась на петлях, и звук, который она издавала, бесконечным эхо отзывался в его голове: снова здоров снова здоров снова здоров...

Она прислонилась спиной к двери в сад, жадно глотая свежий ночной воздух, пытаясь вернуть себе самообладание. Матерь Божья, укрепи меня, даруй покой этому человеку и позволь мне поскорее уехать из этого места.

Беккотт приблизился к ней сзади.

— С ним все в порядке, не волнуйтесь. Вот, выпейте это, — произнес он сочувственно, протягивая ей опиат. — Это вас успокоит и поможет уснуть.

Она подчинилась. Вкус у жидкости не был ни противным, ни приятным.

— Он теперь мирно спит. Пойдемте. Вам тоже пора в постель. — Он помог ей подняться к себе. У двери в её комнату он на секунду задержался. — Спите спокойно. Вы будете спать спокойно.

— Я боюсь за него. Очень боюсь.

— Не бойтесь. Утром ему будет уже лучше. Вот увидите.

— Благодарю вас, теперь со мной все хорошо. Он... мне кажется, Малкольм думает, что он умрет. Это возможно?

— Совершенно точно нет. Он молод и полон сил, и я уверен, скоро он будет здоровее прежнего. — Уже, наверное, в тысячный раз Беккотт повторял эту затасканную фразу, скрывая правду: я не знаю, этого никто никогда не может сказать наперед, теперь он в руках Господа. — Спокойной ночи, и ни о чем не тревожьтесь.

— Благодарю вас. — Она закрыла дверь на задвижку, подошла к окну и распахнула тяжелые ставни. Усталость накатила на неё вязкой волной. Ночной воздух был теплым и ласковым, луна взошла уже высоко.

Анжелика разделась и, с трудом шевеля руками, вытерлась насухо. Её ночная рубашка намокла от пота и прилипла к телу. Она с удовольствием бы переделась, но не захватила с собой второй на смену. Внизу под окном раскинулся сад, большой и весь прочерченный тенями: деревья там и здесь, крошечный мостик над таким же игрушечным ручейком. Легкий бриз ласковой рукой пробежал по верхушкам деревьев. Множество теней, черных в ярком лунном свете.

Некоторые из них время от времени меняли место.

Оба юноши заметили её сразу же, как только она появилась из двери в сад в сорока шагах от них. Место для засады было выбрано удачно, отсюда они могли обозревать весь сад, а также главные ворота, караульное помещение и двух часовых, за которыми вели наблюдение. Они сразу же отползли поглубже в листву, пораженные её появлением и ещё больше тем, что по её щекам струились слезы.

— Что там случи... — начал было Сёрин и тут же умолк. Пеший патруль из сержанта и двух солдат, первый, который должен был попасться в их ловушку, появился из-за угла самого дальнего строения и направился в их сторону по тропинке, тянувшейся вдоль стены. Оба японца приготовились, потом замерли неподвижно; их черные, плотно облегающие тело одеяния, покрывавшие их целиком — была оставлена только прорезь для глаз, — делали их почти невидимыми.

Патруль прошел в двух шагах от них, и сиси могли бы легко и безопасно напасть на него из засады. Сёрин, как охотник, воин и предводитель в сражении, тогда как Ори скорее мыслитель и стратег, высказывался за то, чтобы напасть на первых же, кого увидят, но Ори решил, что они нападут лишь на патруль из одного или двух человек, если только не поднимется тревога и никто не помешает им проникнуть в оружейную комнату:

— Что бы мы ни делали на этот раз, мы должны действовать тихо, — говорил он перед вылазкой. — И осмотрительно.

— Почему?

— Это их миссия. По их обычаю это означает, что это их земля, их территория — она охраняется настоящими солдатами, поэтому мы вторгаемся в их владения. Если наш замысел удастся, мы напугаем их очень сильно. Если они поймают нас — значит, мы опять потерпим поражение.

Из своей засады они смотрели в спину удаляющемуся патрулю, отмечая, как тихо и осторожно двигались эти люди. Ори встревоженно прошептал:

— Мы никогда не видели таких раньше: эти солдаты очень хорошо обучены и дисциплинированы. В большом сражении нам придется трудно против них и их ружей.

— Мы всегда будем побеждать, — возразил Сёрин. — Тем или другим

способом, но мы скоро раздобудем ружья, да и в любом случае бусидо и наше мужество сметут их, как ураган. Мы легко справимся с ними. — Он был очень уверен в себе. — Нам следовало уничтожить этот патруль и захватить ружья.

— Если бы не наша одежда, они бы нас заметили. — Его взгляд вернулся к девушке.

— Мы легко могли бы убить всех троих. Легко. Потом захватили бы их карабины и снова перебрались бы через стену.

— Эти люди очень хорошие воины, Сёрин, они не похожи на тупоголовых торговцев. — Ори следил, чтобы его голос не выдавал его опасений, не желая обижать друга или задевать его чувствительную гордость. Он нуждался в качествах Сёрина не меньше, чем тот нуждался в его собственных, — он не забыл, что на Токайдо Сёрин спас его от пули, которая неминуемо убила бы его. — Времени у нас много. До рассвета ещё по меньшей мере две свечи. — Две свечи составляли примерно четыре часа. Он показал рукой на дверь. — Да и в любом случае она подняла бы тревогу.

Сёрин со свистом втянул в себя воздух, проклиная свою опрометчивость.

— И-и-и-и, глупый! Я глупый. Ты прав, снова прав. Прошу простить.

Теперь Ори обратил на неё все своё внимание. Что же такое есть в этой женщине, что она так тревожит меня и так завораживает, спрашивал он себя.

Тут они заметили, что рядом с ней появился настоящий великан. Судя по той информации, которую они получили в гостинице, это и был тот знаменитый английский врач, который чудесным образом исцелял любого, кто просил его о помощи, будь то японец или его соотечественник. Ори многое бы дал, чтобы понять, что огромный англичанин говорил девушке. Она вытерла слезы, покорно выпила то, что он ей подал, потом он проводил её назад в дом, закрыв и заперев за собой дверь.

— Поразительно... этот великан и эта женщина, — пробормотал Ори.

Сёрин искоса взглянул на него, уловив в голосе друга нотки, которые ещё больше насторожили его. Он все ещё злился на себя за то, что забыл о девушке, когда патруль оказался рядом. Он мог видеть только глаза Ори, и они ничего ему не сказали.

— Давай подберемся к оружейной, — нетерпеливо прошептал он, — или нападём на следующий патруль, Ори.

— Жди! — Очень осторожно, избегая резких движений, которые могли бы быть замечены, Ори поднес к лицу руку в черной перчатке —

больше для того, чтобы успокоить боль, нежели отереть пот. — Кацумата учил нас терпению, Хирага сегодня вечером дал нам тот же совет.

Вечером, достигнув наконец гостиницы Полуночных Цветов, они, к своей радости, обнаружили, что Хирага, их друг и глава всех сиси княжества Тёсю, вызывавший всеобщее и огромное восхищение, тоже остановился там. Новость о нападении на Токайдо уже дошла до него.

— Момент для нападения был выбран как нельзя более удачно, хотя вы и не могли знать об этом, — с теплотой сказал им Хирага. Это был красивый мужчина двадцати двух лет, высокого для японца роста. — Оно станет тем прутот, который воткнется в осиное гнездо Йокогамы. Теперь гайдзины как рассерженные шершни, они обязательно выступят против бакуфу, которые не будут, не могут сделать ничего, что успокоило бы их. Если бы только гайдзины нанесли ответный удар по Эдо! Если бы они сделали так и разрушили город, это послужило бы нам сигналом к тому, чтобы захватить Дворцовые Врата! Едва лишь император будет свободен, все даймё восстанут против сёгуната и уничтожат его и всех Торанага. Сонно-дзёи!

Они выпили за сонно-дзёи и за Кацумату, своего спасителя, который был наставником большинства из них и служил делу сонно-дзёи тайно и мудро. Ори шепотом рассказал Хираге об их плане украсть карабины.

— И-и-и-и, Ори, это хорошая мысль. И главное — осуществимая, — задумчиво произнес Хирага, — если вы проявите терпение и выберете подходящий момент. Такое оружие может быть очень полезно в некоторых операциях. Лично мне ружья внушают отвращение. Удавка, меч или нож мне больше по душе: они надежнее, тише и нагоняют куда больше страха, кто бы ни был жертвой — даймё или варвар. Я помогу. Я дам вам план миссии и одежду ниндзя.

Глаза Ори и Сёрина загорелись.

— Вы можете раздобыть её для нас?

— Конечно.

Ниндзя были тайной сектой мастерски подготовленных наемных убийц, действовавших почти исключительно под покровом ночи; черные одеяния, в которых они появлялись, помогали поддерживать в народе легенду об их способности становиться невидимыми.

— Одно время мы собирались сжечь здание миссии. — Хирага рассмеялся и опорожнил ещё одну бутылочку sake; подогретое вино делало его более разговорчивым, чем обычно. — Но потом решили, что будет полезнее просто держать её под наблюдением. Часто я отправлялся туда,

переодевшись садовником, или ночью в одежде ниндзя — удивительно, какие вещи можно там узнать, владея даже самым простым английским.

— И-и-и-и, Хирага-сан, мы и не знали, что вы говорите по-английски, — произнес Ори, пораженный этим открытием. — Где вы научились их языку?

— Где ещё можно научиться качествам гайдзинов, как не у самих гайдзинов? Мой учитель был голландцем с Дэсимы. Он изучал языки и говорил на японском, голландском и английском. Мой дед послал прошение нашему даймё, полагая, что следует разрешить одному такому человеку прибыть в Симоносеки, за собственный счет, для преподавания голландского и английского в течение одного пробного года, потом, возможно, разрешить им торговать. Благодарю вас, — сказал Хирага Ори, который наполнил его чашечку. — Гайдзины так легковёрны, но при этом так отвратительно любят деньги. Идет уже шестой год этого «эксперимента», а мы по-прежнему покупаем у них только то, что нам нужно, когда в состоянии заплатить их цену, — ружья, пушки, боеприпасы, картечь и некоторые книги.

— Как здоровье вашего почтенного деда?

— Он чувствует себя очень хорошо. Благодарю, что спросили. — Хирага поклонился в знак признательности. Их ответный поклон был ниже.

«Какое счастье иметь такого деда, — подумал Ори, — такая защита и опора для всех поколений в семье — у нас все по-другому, нам каждодневно приходится бороться за выживание, мы постоянно голодаем, выбиваемся из сил, чтобы заплатить налоги. Что теперь подумают обо мне отец и дедушка: я — ронин, мое столь нужное семье содержание в один коку потеряно».

— Я почел бы за честь встретиться с ним, — сказал он. — Наш сёя не похож на него.

Вот уже много лет дед Хирага, зажиточный крестьянин из деревни неподалеку от Симоносеки и тайный сторонник сонно-дзёи, был сёей. Сёя, назначенный или потомственный староста одной или нескольких деревень, имел огромное влияние среди крестьян: он был облечен судебной властью и отвечал за исчисление и сбор налогов и в то же время являлся их единственным защитником от произвола того феодала, на чьей земле стояла их деревня или деревни.

Земля находилась в собственности у фермеров и некоторых из крестьян, которые обрабатывали её, но по закону не могли с неё уйти. Самураям принадлежало все, что производилось в их ленном владении, а

также исключительное право на ношение оружия, но вот землей по закону они владеть не могли. Таким образом, и те и другие зависели друг от друга, из века в век раскручивая бесконечную спираль подозрительности и недоверия: соотношение того, какая часть урожая должна была пойти в этом году на уплату налога, а какая — остаться, всегда являло собой невероятно тонкий компромисс.

Сёя и должен был сохранять это шаткое равновесие. К советам лучших из них, и в делах куда более серьезных, чем дела деревни, иногда прислушивался и их прямой господин, и тот, что стоял над ним, а порой и сам даймё. Дед Хираги и был одним из таких.

Несколько лет назад в знак благоволения со стороны даймё ему было позволено купить низший самурайский титул госи для себя и своих потомков — традиционный способ для всех владетельных князей, как правило, погрязших в долгах, получить дополнительный доход с достойных такой чести просителей. Даймё Тёсю не был исключением.

Хирага громко рассмеялся, вино ударило ему в голову.

— Меня выбрали, чтобы я ходил в школу этого голландца, и много раз я жалел об оказанной мне чести, потому что английский — очень трудный язык и звучит он омерзительно.

— А много вас ходило в эту школу? — спросил Ори.

В затуманенном саке сознании прозвучал сигнал опасности, и Хирага понял, что рассказывает гораздо больше, чем следовало бы знать его собеседникам. Сколько учеников Тёсю ходили в эту школу, было делом Тёсю и являлось тайной; хотя Сёрин и Ори ему нравились и он восхищался ими, они по-прежнему оставались сацума, чужаками, которые лишь иногда были союзниками, часто же врагами и всегда потенциальными противниками.

— Всего три человека, мы учили английский, — сказал он, понизив голос, словно делился с ними секретом, и сократив настоящее число в десять раз. Внутренне держась настороже, он добавил: — Послушайте, теперь, когда вы стали ронинами, как я и большинство моих товарищей, мы должны сплотиться теснее, делая наше общее дело. Я планирую кое-что через три дня, вы могли бы помочь нам.

— Благодарим вас, но сначала мы должны дождаться известий от Кацуматы.

— Разумеется, он ваш вождь и наставник в Сацуме. Но в то же время, Ори, — рассуждал Хирага, — не забывайте, что вы ронины и будете ронинами до тех пор, пока мы не победим, помните, что мы — острие копья сонно-дзёи, мы выполняем всю работу, Кацумата же ничем не

рискует. Мы должны — должны — забыть, что я тёсю, а вы оба сацума. Нам необходимо помогать друг другу. Ваш план продолжить сегодняшнее нападение на Токайдо и украсть ружья очень хорош. Если удастся, убейте одного или двух охранников внутри миссии, это почти наверняка выведет гайдзинов из себя! Если вы сумеете проделать это тихо и не оставите никаких следов — тем лучше. Годится все, лишь бы хорошенько раздражить их.

Сведения, полученные от Хираги, позволили им без труда проникнуть в храм, пересчитать драгун и солдат и найти отличное место для засады. Потом неожиданно появилась девушка, следом за ней великан-доктор, потом они вернулись в дом, и с тех самых пор оба сиси не сводили одурманенного взгляда с двери, ведущей в сад.

— Ори, что мы будем делать теперь? — спросил Сёрин дрожащим от волнения голосом.

— Будем действовать по первоначальному плану.

Минуты проходили в тревожном ожидании. Когда отворились ставни во втором этаже и она появилась в окне, оба юноши поняли, что в их будущее прочно вошло нечто новое. Теперь она расчесывала волосы расческой с серебряной ручкой. Устало и равнодушно.

— В лунном свете она выглядит не так уродливо. Но посмотри на её грудь, и-и-и-и, если упасть на такую, тебя тут же подбросит ещё выше.

Ори не ответил, прикованный взглядом к образу в окне.

Вдруг на лице девушки отразилось замешательство, и она посмотрела вниз. Прямо на них. Хотя она никак не могла увидеть или услышать их, сердца у обоих гулко застучали в груди. Они ждали, затаив дыхание. Она опять устало зевнула. Ещё несколько раз провела расческой по волосам, потом положила её. Ори казалось, будто она так близко, что, стоит ему протянуть руку, он сможет коснуться её. В свете лампы, стоявшей на столе позади неё, Ори видел кружевную вышивку на шелковой ночной рубашке, набухшие соски под тонкой тканью и ту отрешенность на лице, которую заметил ещё вчера — неужели это было только вчера? — и которая остановила его руку, готовую отнять у неё жизнь.

Последний взгляд на луну, невидящий и отстраненный, ещё один полуприкрытый ладонью зевок, и она потянула ставни на себя. Но не закрыла их полностью. И не заперла.

Сёрин нарушил молчание и произнес вслух то, о чем оба они подумали в одно и то же мгновение:

— Влезть к ней было бы совсем нетрудно.

— Да, но мы пришли сюда, чтобы украсть оружие и посеять панику. Нам... — Ори замолчал, течение его мыслей вдруг приняло новое удивительное направление и впереди засверкала другая возможность, новый план, ещё более заманчивый, чем первый.

— Сёрин, — прошептал он, — если бы ты заткнул ей рот, взял её силой, но не убивал потом, просто оставил бы лежать без сознания, чтобы она смогла всем рассказать об этом, и начертал бы рядом знак, который связал бы нас с нападением на Токайдо, а потом мы вместе убили бы одного или двух солдат и исчезли бы с их ружьями или без — и все это на территории их миссии... Разве они не сошли бы с ума от ярости?

Короткий выдох с шипением вырвался из сжатых губ Сёрина, восхищенного красотой этого плана.

— Да, да, непременно. Но лучше все-таки перерезать ей горло и написать «Токайдо» её кровью. Иди ты, я постерегу здесь, так безопаснее, — и когда Ори заколебался, он добавил: — Кацумата сказал, что причиной нашего поражения была нерешительность. В прошлый раз ты проявил нерешительность. Зачем повторять ту же ошибку снова?

Решение было принято в долю секунды, и Ори бегом бросился к зданию, легкая тень среди множества других теней. Он достиг стены, слился с нею и начал карабкаться наверх.

Снаружи караульного помещения один из солдат тихо произнес:

— Не оборачивайся, Чарли, но я, кажется, видел, как кто-то пробежал к зданию миссии.

— Господи, зови сержанта, только осторожно.

Солдат потянулся, притворяясь, что разминает затекшую спину, потом не спеша вошёл в казарму. Там он быстро разыскал сержанта Тауэри, тихонько потряс его за плечо и, когда тот проснулся, повторил ему свой рассказ о том, что видел или думал, что видел.

— Как выглядело это чучело?

— Я только уловил какое-то движение, сержант, — по крайней мере, так мне кажется, — так что я вроде как бы и не уверен даже, может, это просто чертова тень какая или мне померещилось.

— Ладно, парень, пойду-ка я сам взгляну. — Сержант Тауэри разбудил капрала и ещё одного солдата и расставил их по местам. Потом взял с собой двух остальных и вышел в сад.

— Это было примерно вон там, сержант.

Сёрин видел, как они приближались. Он ничего не мог предпринять, чтобы предупредить Ори, который уже почти добрался до окна,

неразличимый в своём черном облачении на фоне стены. Он видел, как его друг уцепился за подоконник, приоткрыл пошире одну из ставен и исчез внутри. Ставня медленно вернулась на место. Карма, подумал он, и сосредоточил все своё внимание на той ситуации, в которой очутился сам.

Сержант Тауэри остановился посреди тропинки и теперь тщательно осматривал кусты и дом. Многие из ставен верхнего этажа были открыты или не заперты, поэтому он не обратил на них никакого внимания. Одна из них поскрипывала на легком ветру. Дверь в сад была заперта.

Через некоторое время он сказал:

— Чарли, возьми на себя ту сторону. — Он показал рукой туда, где прятался Сёрин. — Ноггер, ты осмотришь все напротив. Если там кто прячется, вытряхивайте его из кустов. И, чёрт подери, держите глаза открытыми. Примкнуть штыки! — Команда была исполнена мгновенно.

Сёрин ненамного вытащил меч из ножен — клинок тоже был зачернен перед ночной вылазкой, — потом встал в атаковую позицию, чувствуя, как сжалось все внутри.

Едва проскользнув в комнату, Ори проверил единственную дверь и убедился, что она закрыта на задвижку и что девушка крепко спит. Он извлек из ножен короткий меч, которым можно было пользоваться как кинжалом, и метнулся к кровати. Кровать была с балдахином, он впервые видел такую, все в ней было для него непривычно и удивительно: её высота, тяжелая основательность, столбы, занавеси, простыни. На мгновение он попытался представить себе, что чувствует человек, когда спит на такой кровати, так высоко над полом, потому что все японцы спали на футонах — легких квадратных матрасах, набитых соломой, — которые раскладывали на ночь и убирали утром.

Сердце бешено колотилось в груди, и он старался дышать как можно тише, не желая пока будить её, он не знал, что она приняла большую дозу снотворного. В комнате было темно, однако лунный свет проникал внутрь через неплотно прикрытые ставни, и он видел её длинные золотистые волосы, рассыпавшиеся по плечам, округлость её груди, очертания бедер, проступавшие под тканью.

Тонкий запах духов окутывал её, он почувствовал, как у него закружилась голова.

В этот момент из сада донеслись приглушенные голоса и кляцанье штыков... На какую-то долю секунды он испытал ужас. Ничего не видя перед собой, он поднял меч, чтобы прикончить её, но она не шевельнулась. Её дыхание осталось таким же ровным.

Он замер в нерешительности, потом бесшумно подошел к ставням и выглянул наружу. И увидел внизу солдат. Кого они заметили: меня, когда я бежал, или Сёрина? — в панике спрашивал он себя.

Если так, то я в ловушке; только это не имеет значения, я все ещё могу совершить то, за чем сюда пробрался, а может быть, они сами уйдут — у меня два пути для отступления: дверь и окно. Терпение, всегда советовал Кацумата. Думай головой, спокойно жди, потом без колебаний наноси удар и спасайся, когда придет подходящий момент — он всегда приходит. Твое самое верное оружие — внезапность!

Его желудок сжался в тугой комок. Один из солдат направлялся как раз туда, где они прятались. Хотя Ори точно знал, в каком именно месте находится Сёрин, он все равно не мог разглядеть его. Затаив дыхание, он ждал, что будет дальше. Может быть, Сёрин отвлечет их. Что бы ни случилось, она умрет, пообещал он себе.

Сёрин смотрел на приближающегося солдата, безнадежно пытаясь придумать, как ему выбраться из западни, и проклиная Ори. Они наверняка заметили его! Если я убью эту гайдзинскую собаку, мне никак не успеть добраться до остальных: меня пристрелят. До стены тоже не добежать незамеченным.

Ори поступил глупо, изменив план; конечно, они его заметили. Говорил же я ему, что эта женщина нас погубит — он должен был убить её ещё там, на дороге... Может быть, этот варвар пройдет мимо и даст мне время добежать до стены.

Лунный свет вспыхивал и гас на длинном штыке, когда солдат осторожно прощупывал им кустарник, приподнимая ветви то тут, то там, чтобы заглянуть поглубже.

Ближе, ещё ближе. Шесть футов, пять, четыре, три...

Сёрин оставался недвижим, маска на лице теперь практически закрывала ему глаза, он задержал дыхание. Солдат почти коснулся его, проходя мимо, потом двинулся дальше, остановился на мгновение, прошел ещё несколько шагов, опять потыкал штыком в листву, отошел ещё дальше, и Сёрин начал тихо дышать. Он чувствовал, как взмокла от пота спина, но знал, что теперь он в безопасности и через несколько секунд благополучно перемахнет через стену.

Со своего места сержант Тауэри мог наблюдать за обоими солдатами. Он свободно держал в руках ружье со взведенным курком, но пребывал в той же неуверенности, что и они, не желая поднимать ложную тревогу. Ночь была ясная, легкий ветер, яркий свет луны. Совсем нетрудно принять

тень за врага в этой вонючей стране, подумал он. Господи, хорошо бы сейчас оказаться в добром старом Лондоне.

В этот момент ближайший к месту засады солдат круто обернулся, выставив ружье перед собой.

— Сержант! — крикнул он, охваченный волнением и ужасом. — Здесь он, этот сукин сын!

Сёрин уже нападал на него, занеся длинный меч высоко над головой, но выучка спасла солдата в этот миг, и штык уверенно удержал Сёрина на расстоянии. Остальные тут же бросились к ним. Сёрин попробовал атаковать ещё раз, и опять длина ружья со штыком не позволила ему приблизиться. Он поскользнулся, увернулся от ответного выпада и бросился напролом через кусты к стене. Молодой солдат ринулся за ним следом.

— Береги-и-ись! — закричал Тауэри, когда увидел, как юноша вломился в кустарник, потеряв контроль над собой и одержимый одним слепым желанием убить.

Но солдат не услышал его окрика, он побежал дальше и погиб, пронзенный почти насквозь ударом короткого меча. Сёрин выдернул меч из груди поверженного врага, уверенный теперь, что спастись не удастся — англичане были уже в нескольких шагах от него.

— Наму амида буцу — Во имя Амида-буцу, — выдохнул он сквозь собственный страх, посвящая дух свой Будде, и крикнул «Сонно-дзёи!» — не для того, чтобы предупредить Ори, но как свой предсмертный клич. Затем со всей силой отчаяния вонзил короткий меч себе в шею.

Ори видел большую часть того, что произошло, но не самый конец. Когда солдат закричал и вступил в поединок с Сёрином, он, обезумев, метнулся к кровати, уверенный, что она сейчас вздрогнет и проснется, но, к его изумлению, она даже не пошевелилась, продолжая дышать все так же ровно и спокойно. Поэтому он замер над девушкой, чувствуя, как дрожат колени, и ожидая, что её глаза вот-вот откроются, подозревая какую-нибудь хитрость с её стороны. Ему хотелось, чтобы она увидела его, увидела его меч, прежде чем он им воспользуется. Потом раздался пронзительный вопль «сонно-дзёи!», и он понял, что Сёрин окончил свой земной путь; вслед за этим из сада донесся ещё какой-то шум. Но девушка по-прежнему лежала неподвижно. Его губы дрожа поползли в стороны, зубы оскалились, дыхание перехватило. Он вдруг почувствовал, что не в силах долее выносить это напряжение, поэтому зло потряс её раненой рукой, не обращая внимания на боль, и приставил клинок к горлу, готовый в ту же

секунду пресечь её крик. Она не пошевелилась и теперь.

Для него все это было похоже на сон; словно откуда-то со стороны он смотрел, как его рука трясет её снова — и опять ничего. Тут он вдруг вспомнил, что врач дал ей какое-то питье, и подумал: «Это одно из этих лекарств, новых лекарств варваров, о которых нам рассказывал Хирага». Ори шумно вдохнул от изумления, пытаясь как-то уложить в голове это новое открытие. Для верности он потряс её ещё раз, но она лишь невнятно забормотала во сне и глубже уткнулась в подушку.

Он вернулся к окну. Какие-то люди выносили тело солдата из кустарника. Потом он увидел, как они вытащили на открытое место Сёрина, волоча его за одну ногу, словно тушу какого-нибудь животного. Теперь оба тела лежали рядом, до странности похожие друг на друга в смерти. К ним подходили ещё солдаты, и он слышал, как из некоторых окон раздались громкие голоса: люди спрашивали, что случилось. Над телом Сёрина стоял офицер. Один из солдат сорвал с головы мертвого самурая черный тесный капюшон и маску. Глаза Сёрина были открыты, лицо искажено, рукоять короткого меча торчала из шеи. До Ори донеслись новые голоса, солдат внизу стало ещё больше.

Он услышал шум внутри самого дома, шаги в коридоре. Его внутреннее напряжение выросло до предела. Уже, наверное, в десятый раз он убедился, что дверь надежно заперта и снаружи её не открыть, затем отошел и спрятался за пологом кровати, достаточно близко, чтобы дотянуться до девушки при любом повороте событий.

Шаги стали громче. Стук в дверь. Полоса света под ней от масляной лампы или свечи. Стук повторился, более настойчивый на этот раз, слышались громкие голоса. Он поднял меч и приготовился.

— Мадемуазель, с вами все в порядке? — Это был Беккотт.

— Мадемуазель! — крикнул Марлоу. — Откройте нам! — Снова удары в дверь, теперь уже изо всей силы.

— Это мое снотворное, капитан. Она была очень расстроена, бедняжка, и нуждалась в сне. Я сомневаюсь, что она проснется.

— Если не проснется, я сломаю дверь к чертям собачьим, но все равно осмотрю комнату. Её ставни открыты, клянусь Богом! — Опять тяжелые удары в дверь.

Анжелика с трудом разомкнула веки.

— Que se passe-t-il?^[7] Что это? — пробормотала она, не проснувшись окончательно.

— С вами все в порядке? Tout va bien?^[8]

— Bien? Moi? Bien sûr... Pourquoi? Qu'arrive-t-il?^[9]

— Откройте нам дверь на минуту. Ouvrez la porte, s'il vous plaît, c'est moi,^[10] капитан Марлоу.

Ворча что-то себе под нос и ничего не соображая, она села на постели. Потрясённый, сжимая в руке меч, Ори смотрел, как он позволяет ей беспрепятственно перекатиться на край кровати и, покачиваясь, добрести до двери. Ей потребовалось некоторое время, чтобы отодвинуть засов и приоткрыть дверь; ручку она не отпустила, боясь потерять равновесие.

Беккотт, Марлоу и морской пехотинец держали в руках свечи. Их пламя танцевало и потрескивало на сквозняке. Все трое уставились на неё, разинув рты. Её ночная рубашка была очень французской, очень тонкой и прозрачной.

— Мы... э... мы просто хотели убедиться, что с вами все в порядке, мадемуазель. Мы... э... поймали человека, который прятался в кустарнике, — торопливо произнес Беккотт, — пустяки, беспокоиться не о чем. — Он видел, что она не понимает почти ничего из того, что он говорит.

Марлоу оторвал остолбенелый взгляд от её тела и заглянул поверх её плеча в комнату.

— Excusez moi, мадемуазель, s'il vous plaît,^[11] — смущенно пробормотал он на довольно сносном французском и осторожно протиснулся мимо неё, чтобы осмотреть комнату. Под кроватью ничего, кроме ночной вазы. Занавеси позади с этой стороны тоже никого не скрывали. — Боже, какая женщина! — Прятаться больше было негде: ни дверей, ни шкафов. Ставни скрипнули на ветру. Он широко распахнул их.

— Паллидар! Обнаружили там внизу ещё что-нибудь?

— Нет, — откликнулся Паллидар. — Никаких следов кого-то ещё. Вполне возможно, что он был здесь один и солдат заметил его, когда он бежал по саду. Проверьте, однако, все комнаты по этой стороне!

Марлоу кивнул и, чертыхнувшись, пробормотал себе под нос:

— А чем ещё, по-твоему, я тут занимаюсь? — Позади него занавеси балдахина шевельнулись от легкого дуновения ветра, приоткрыв ноги Ори в черных таби, японских носках на толстой подошве. Свеча Марлоу затрещала и погасла, и когда он задвинул запор ставень и повернулся назад в комнату, он не заметил таби в густой тени за кроватью. Он вообще мало что замечал, кроме силуэта Анжелики в свете свечей у порога. Девушка так и не проснулась окончательно. Он мог видеть каждую частицу её тела, и от этой картины у него захватило дух.

— Все нормально, — сказал он, смущаясь ещё больше от того, что рассматривал её, наслаждался её красотой, когда она была совершенно беззащитна. Напустив на себя деловитый вид, он быстро прошагал к двери. — Пожалуйста, закройте дверь и... э... спите спокойно, — попрощался он, страстно желая остаться.

Ещё больше сбита с толку, она что-то невнятно пробормотала и закрыла за ними дверь. Они подождали снаружи, пока не услышали, как засов со скрежетом встал на место. Бебкотт нерешительно произнес:

— Сомневаюсь, что завтра она вспомнит даже то, что открывала нам дверь.

Морской пехотинец вытер пот, увидел, что Марлоу смотрит на него, и не удержался от широкой ухмылки.

— Чему это вы, чёрт подери, так радуетесь? — спросил Марлоу, прекрасно зная причину.

— Я, сэр? Я ничего, сэр, — тут же выпалил солдат; ухмылка исчезла, сменившись выражением туповатого простодушия. «Дьявол заberi этих офицеров, все они одинаковы, — подумал он. — Красавчик Марлоу пускает слюни, как и все мы, вон как гляделки-то повылезли, так бы, поди, и слопал её вместе с кудряшками и всем, что у неё там ни есть под рубашкой. Надо же, чёрт, какая везуха: в жизни не видывал таких сисек! Ребятам рассказать, так ни за что не поверят, про сиськи-то». — Есть, сэр. Так точно, сэр. Нем как рыба, — с благочестивым видом пообещал он, когда Марлоу, хмуря брови, приказал ему держать язык за зубами насчет того, что они видели. — Вы правы, сэр. Ещё раз, сэр: никому ни словечка, — заверил он молодого офицера и пошел за ним к следующей комнате, думая о той, что осталась за спиной.

Анжелика стояла, прислонившись спиной к двери, и пыталась разобраться в том, что происходит — так трудно выстроить все по порядку: человек в саду, что за сад, да ведь это был Малкольм, Малкольм в саду Большого дома, нет, он внизу, раненый, опять не то, это же сон, а он говорил что-то про жизнь в Большом доме и о женитьбе... Малкольм, это он был тем мужчиной, который касался меня? Нет, он говорил мне, что умрет. Глупый, ведь доктор же сказал, что с ним все прекрасно, все говорят, что прекрасно, только почему прекрасно? Почему не хорошо, или отлично, или неплохо? Почему?

Она сдалась — желание заснуть пересилило все остальное. Луна сияла через щели в ставнях, Анжелика, пошатываясь, дотащила через полосы бледного света до кровати и с удовольствием рухнула на пуховую перину.

Со вздохом глубокого удовлетворения она до половины натянула на себя простыню и повернулась на бок. Через несколько секунд она уже спала.

Ори неслышно выскользнул из своего укрытия, поражаясь тому, что он до сих пор ещё жив. Даже несмотря на то что он вжался в стену вместе с мечами, его нельзя было не обнаружить при любом мало-мальски прилежном осмотре. Он увидел, что дверь и ставни заперты, а девушка тяжело дышит, положив одну руку под подушку, а другую поверх простыни.

«Хорошо. Она может подождать, — подумал он. — Сначала посмотрим, как мне выбраться из этой ловушки. Через окно или через дверь?»

Ничего не увидев сквозь щели ставень, он осторожно отодвинул запор и чуть-чуть приоткрыл одну половинку, потом другую. Внизу в саду все так же сновали солдаты. До рассвета оставалось почти три часа. Облака, густея, тянули к луне свои космы. Тело Сёрина бесформенной кучей лежало на тропе, напоминая подстреленного зверя. В первый момент Ори удивился, что ему не отрубили голову, потом вспомнил, что у гайдзинов не было обычая собирать головы врагов для подсчета или выставлять их на обозрение.

Трудно бежать этим путем и остаться незамеченным. Если они не ослабят бдительность, придется открыть дверь и попробовать выбраться через дом. Это означает, что дверь останется открытой. Лучше все же уходить через окно, если это будет возможно.

Он осторожно высунулся наружу и увидел под окном узкий уступ стены, который проходил и под другим окном, а потом поворачивал за угол — комната, в которой находился Ори, была угловой. Он почувствовал, как его охватывает возбуждение. «Скоро облака полностью закроют луну. Тогда я убегу. Я выберусь отсюда! Сонно-дзёи! Теперь она».

Действуя бесшумно, он установил задвижку так, чтобы ставни были слегка приоткрыты, потом вернулся к кровати.

Его длинный меч оставался в ножнах, и он положил его рядом на смятое покрывало из белого шелка. Белое, подумал он. Белая простыня, белая кожа, белый цвет — цвет смерти. То, что нужно. На белом удобно писать. Что это будет? Его имя?

Он неторопливо стянул с неё простыню. Ночная рубашка не укладывалась в сознании: странный предмет одежды, предназначенный скрывать все и ничего. Руки, ноги, грудь такие большие в сравнении с теми немногими женщинами, которые делили с ним ложе. Ноги длинные и прямые, ни намёка на привычную для него изящную изогнутость голени от

многолетнего сидения на коленях. Вновь он уловил запах её духов. Его взгляд скользил по ней, и он чувствовал, как в нем загорается желание.

С другими все было совсем не так. Он почти ничего не испытывал. Много легких и пустых разговоров и уверенный профессионализм. Его быстро доводили до оргазма, обычно после щедрых возлияний sake, чтобы был не так заметен их возраст. Теперь время принадлежало ему безраздельно. Она была юна — гостья из чужого мира. Боль в чреслах усилилась. И пульсирующий жар.

Ветер скрипнул ставнями, но это его не испугало, не ждал он опасности и изнутри дома. Все погрузилось в тишину. Она лежала на боку, чуть завалившись на живот. Мягкий уверенный толчок, потом другой, и она послушно перевернулась на спину, её голова удобно лежала щекой на подушке, волосы рассыпались волнами. Глубокий вздох в уютных объятиях перины. Маленький золотой крестик на шее.

Он наклонился над ней и просунул кончик острого, как бритва, короткого меча под тонкие кружева на вороте рубашки, приподнял их чуть-чуть и развернул меч вертикально, натянув ткань. Материя легко разошлась и упала. До самых пят.

Никогда ещё Ори не видел, чтобы женщина так открывала перед ним свои тайны. Страсть сдавила горло, не давая дышать. Пульсирующая боль в чреслах сделалась почти невыносимой. Крошечный крестик посверкивал. Во сне её рука непроизвольно шевельнулась, лениво легла между ног и осталась там. Он поднял её и убрал в сторону, потом развел тонкие щиколотки. Нежно.

Перед самым рассветом она пробудилась. Но не до конца.

Наркотик ещё действовал, и сны не отпускали её, странные, неистовые сны, эротические, сокрушительные, волшебные, мучительно-чувственные, ужасные — никогда раньше она не видела таких и не переживала их столь сильно. Через наполовину открытые ставни она увидела кроваво-красное небо на востоке; причудливые фигуры облаков, казалось, повторяли фантастические образы, проплывавшие в её голове. Когда она передвинулась, чтобы получше их рассмотреть, она почувствовала легкую боль в низу живота, но не обратила на неё внимания, а вместо этого застыла взглядом на небесной картине и позволила мыслям соскользнуть назад в сон, который необоримо манил её к себе. На самом пороге сна она почувствовала, что лежит нагая, томно запахнулась в рубашку, натянула на себя простыню. И заснула.

Ори стоял рядом с кроватью. Он только что выбрался из теплой постели. Его одеяние ниндзя лежало на полу. Вместе с набедренной повязкой. Мгновение он смотрел на девушку, задумавшись о ней в последний раз. Как печально, подумал он. Все, что бывает в последний раз, так печально. Он взял с кровати свой короткий меч и вытащил его из ножен.

В комнате на первом этаже Филип Тайрер открыл глаза. Обстановка была ему не знакома, потом он сообразил, что все ещё находится в храме в Канагаве, и вспомнил, что вчерашний день был ужасным, операция — жуткой, его поведение во время неё достойно презрения.

— Бебкотт сказал, что я был в шоке, — пробормотал он. Язык с трудом ворочался в пересохшем, наполненном горечью рту. — Господи, может это служить мне оправданием?

Ставни в его комнате были приоткрыты, ветер пошевеливал их, скрипя петлями. Он мог видеть рассветное небо за окном. «Небо красное с утра, пастухам не ждать добра». Интересно, будет сегодня шторм или нет, спросил он себя, потом сел на походной койке и осмотрел перевязанную руку. Повязка была чистой, без свежих пятен крови, и он испытал огромное облегчение. Если не считать головной боли и легкого озноба, он снова чувствовал себя вполне здоровым.

— О господи, как жаль, что я не проявил себя получше. — Он

попытался вспомнить, чем кончилась операция, но все в голове было так расплывчато и нечетко. Помню, я плакал. Плакать не хотелось, но слезы лились сами собой.

Усилием воли он прогнал от себя мрачные мысли. Потом выбрался из постели и настежь распахнул ставни; сегодня он снова твердо стоял на ногах и испытывал волчий голод. Под рукой оказался кувшин с водой, он побрызгал из него себе на лицо, ополоснул рот и сплюнул на кусты под окном. После этого сделал несколько глотков и почувствовал себя бодрее. В саду никого не было, в воздухе пахло гниющими растениями, обнажившимися на берегу после отлива. Из окна ему были видны часть стены храма и сад, но мало что ещё кроме этого. Через просвет в деревьях он заметил караульное помещение и двух солдат рядом с ним.

Теперь он видел, что его уложили в постель в рубашке и длинных шерстяных кальсонах. Его разорванный, перепачканный кровью сюртук висел на стуле, рядом лежали его брюки и сапоги для верховой езды, все в грязи после бегства через рисовые поля.

Ладно, мне ещё повезло, что я остался в живых. Он начал одеваться. Что со Струаном? И Бебкотт — скоро мне придется встретиться с ним.

Бритвы он не нашел, поэтому побриться не смог. Не было нигде и расчески. Ладно, это тоже пустяки. Он натянул сапоги. Из сада доносилось пение птиц, его ухо улавливало какое-то движение снаружи, редкие покрикивания японцев вдалеке, лай собак. Но не было звуков нормального города, английского города, просыпавшегося каждое утро от криков вроде «Горячие булочки!», «А вот водица, свежая водица!», «Устрицы из Колчестера, покупайте, покупайте» или «Только что из-под пресса, новая глава романа мистера Диккенса, всего один пенни, один пенни», «Покупайте „Таймс“, читайте все о грандиозном скандале вокруг мистера Дизраэли, все о скандале...»

«А что если меня теперь уволят со службы, — спрашивал он себя, и сердце его сжималось при мысли о возвращении домой в бесчестье. Он уже видел себя всеми презираемым неудачником, с позором изгнанным из Её Королевского Величества министерства иностранных дел, переставшим быть представителем величайшей империи, какую когда-либо знал мир. — Что подумает обо мне сэр Уильям? И что скажет она? Анжелика? Хвала Создателю, она благополучно доскакала до Йокогамы — захочет ли она знать меня после того, как услышит о моем недостойном поведении?»

О боже, что же мне теперь делать?»

Малкольм Струан тоже проснулся. Несколько секунд назад какое-то

шестое чувство опасности, неясный шум снаружи разбудили его, хотя сейчас он чувствовал себя так, словно не спал уже много часов. Он лежал на походной кровати, помня о прошедшем дне, об операции, о том, что он жестоко ранен и что, скорее всего, не выживет. Каждый вдох отзывался резкой болью. Как и малейшее движение.

«Но я не буду сейчас думать о боли, только об Анжелике и о том, что она любит меня... Вот только откуда взялся этот кошмарный сон? Мне снилось, что я ей противен и она убегает прочь. Ненавижу сны, потому что они неподвластны моей воле, ненавижу эту слабость и беспомощность, ведь я всегда был так силен, всегда воспитывался в тени моего героя, великого Дирка Струана, Зеленоглазого Дьявола. О, как бы я хотел, чтобы у меня были зеленые глаза, чтобы я был так же могуч. Он мой кумир, и я буду таким же, как он. Обязательно.

Как всегда, наш враг Тайлер Брок отслеживает нас, ждет удобного момента. Отец и мать стараются многое скрыть, но до меня, разумеется, доходят слухи, и я знаю больше, чем они думают. Старая А Ток, которая для меня больше чем мать, разве не вскармливала она меня, пока мне не исполнилось два года, не учила кантонскому диалекту и жизни вообще, не нашла мне мою первую девушку? Она шепотом пересказывает мне все сплетни и пересуды, то же самое делает мой дядя Гордон Чен, только он сообщает мне факты. „Благородный Дом“ шатается.

Ладно, мы справимся с ними со всеми. Я справлюсь. Именно к этому меня готовили, именно для этого я трудился всю свою жизнь».

Он откинул одеяло в сторону и поднял ноги, чтобы встать, — и не смог из-за боли. Попробовал ещё раз, опять безрезультатно.

— Ничего, — сказал он себе слабым голосом. — Ничего страшного, я сделаю это позже.

— Ещё яиц, Сеттри? — предложил Марлоу.

Одного роста с драгунским офицером, он был не так широк в плечах. Оба являлись аристократами, сыновьями старших офицеров действительной службы, оба имели красивые, мужественные лица, у Марлоу оно обветрилось несколько сильнее.

— Нет, спасибо, — отказался Сеттри Паллидар. — Два — это мой предел. Должен признаться, готовят здесь, по-моему, отвратительно. Я сказал слугам, что люблю яйца хорошо прожаренными, без этой слизи, но у них в головах песок вместо мозгов. Да и вообще, чёрт меня подери, не могу я есть яйца, когда они не лежат на кусочке доброго английского поджаренного хлеба. У них просто не тот вкус. Как вы думаете, чем все это

кончится, я о Кентербери?

Марлоу помолчал в нерешительности. Они сидели в столовой зале миссии за большим дубовым столом, за которым могли бы разместиться двадцать человек и который был привезен из Англии специально для этой цели. Угловая комната была просторной и приятной, окна, распахнутые в сад, впускали в дом белесый рассвет. Им двоим прислуживали трое слуг-китайцев в ливреях. Стол был накрыт человек на шесть. Яичница с беконом на серебряных подносах, подогреваемых снизу свечами, запеченный цыпленок, холодный окорок и пирог с грибами, почти прогоркший говяжий бок, галеты, пирог с сушеными яблоками. Пиво, портер и чай.

— Послушайте, Марлоу... — Паллидар замолчал, потому что открылась дверь и в комнату вошёл Тайрер. — О, хеллоу, вы, должно быть, Филип Тайрер из миссии. — Он представился сам, представил Марлоу и продолжил с оживленным лицом: — Очень жаль, что вам так не повезло вчера, но я горжусь возможностью пожать вашу руку. И мистер Струан, и мисс Ришо сказали Бебкотту, что если бы не вы, они бы погибли.

— Они так сказали? О! — Тайрер не мог поверить своим ушам. — Это... это случилось так быстро. В один миг все было нормально, а в следующий мы уже спасаемся бегством. Я перепугался до смерти. — Теперь, когда он произнес все это вслух, он почувствовал себя лучше, тем более что они отмахнулись от этого заявления, сочтя его за проявление скромности, помогли ему сесть и приказали слугам подавать его завтрак.

— Когда я зашел к вам ночью, вы спали как убитый, Бебкотт сказал нам, что дал вам снотворное, поэтому вы, наверное, ещё не слышали о пойманном убийце.

У Тайрера похолодело в животе.

— Убийце?

Они рассказали ему о ночном происшествии. И об Анжелике.

— Она здесь?

— Да, и как отважна эта леди!

На мгновение голову Марлоу заполнили мысли о ней. У него не было девушки, которой он отдавал бы предпочтение перед другими, ни дома, ни где-либо ещё — так, несколько кузин, могущих составить подходящую партию, но ни одной истинной дамы сердца. И он впервые был рад этому обстоятельству. Может быть, Анжелика останется здесь, и тогда... и тогда мы посмотрим.

Его охватило волнение. Как раз перед тем как год назад они, дымя трубой, вышли из родного порта Плимут, его отец, капитан королевского флота Ричард Марлоу, сказал:

— Тебе двадцать семь, сынок, и у тебя теперь свой корабль — пусть даже он больше похож на ночной горшок, — ты старший сын в семье, и пришло тебе время жениться. Когда ты вернешься из этого похода на Дальний Восток, тебе уже будет за тридцать. Если удача будет и впредь сопутствовать нам, я к тому времени стану вице-адмиралом и... ну, я смогу выделять тебе немного больше денег, только, ради бога, не говори об этом своей матери или братьям и сестрам. Пора тебе принять решение! Как насчет твоей кузины Дельфи? Её отец — офицер, пусть даже и в индийской армии.

Он пообещал отцу, что по возвращении сделает выбор. Теперь ему, возможно, не придется довольствоваться второй, третьей или четвертой кандидатурой в его матримониальном списке.

— Мисс Анжелика подняла тревогу в Поселении, потом настояла на том, чтобы вернуться сюда — мистер Струан попросил её срочно увидеться с ним. Похоже, дела у него не слишком хороши. Если честно, ранение весьма серьезное, поэтому я привез её. Она держалась как настоящая леди.

За столом повисло странное молчание; каждый знал, о чем сейчас думает другой. Молчание нарушил Филип Тайрер:

— Зачем этому убийце понадобилось забираться сюда?

Оба офицера уловили в его голосе нервную дрожь.

— Полагаю, для каких-нибудь новых пакостей, — ответил Паллидар. — Волноваться, впрочем, нет причин, мы поймали этого сукина сына. Вы видели сегодня утром мистера Струана?

— Я заглянул к нему, но он спал. Надеюсь, с ним все будет в порядке. Операция прошла не слишком успешно, и... — Тайрер замолчал, услышав сердитые голоса снаружи.

Паллидар подошел к окну, остальные последовали за ним.

Сержант Тауэри кричал полуголому японцу с дальнего конца сада, подзывая его к себе:

— Эй ты, подойди сюда!

Японец, судя по всему, садовник, был молод и хорошо сложен. Он стоял шагах в двадцати от них. Весь его наряд состоял из набедренной повязки, на плече он держал охапку веток и палок, часть которых была обернута в грязную черную материю, и, неуклюже согнувшись, собирал другие. На мгновение он выпрямился, потом начал сгибаться и выпрямляться, как заводной, униженно кланяясь в сторону сержанта.

— Господи, этим содомитам просто неведомо чувство стыда, — скривившись, произнес Паллидар. — Даже китайцы так не одеваются... и индусы тоже. У него же вся срамота наружу.

— Мне говорили, они одеваются так даже зимой, некоторые из них, — сказал Марлоу, — похоже, они совсем не чувствуют холода.

Тауэри опять крикнул японцу и махнул рукой, приказывая подойти. Тот продолжал кланяться, быстро-быстро кивая, но вместо того чтобы идти к англичанину, он, очевидно неправильно истолковав его жест, послушно повернулся и с тем же полупоклоном засеменил прочь, направляясь к углу здания. Проходя мимо окна столовой, он на миг поднял на них глаза, потом снова раболепно согнулся пополам, выказывая полную покорность, заторопился дальше к помещениям, где жили слуги, почти скрытый листвой, и пропал из виду.

— Странно, — пробормотал Марлоу. — Что?

— Да просто все эти поклоны и угодничество показались мне наигранными. — Марлоу повернулся и увидел белое как мел лицо Тайрера. — Господь милосердный, что с вами?

— Я... я... этот человек, мне показалось, что он... я не уверен, но, кажется, он был одним из них, одним из убийц на Токайдо, тот самый, которого подстрелил Струан. Вы не видели его плеча, оно не было перевязано?

Паллидар среагировал первым. Он выпрыгнул в окно, Марлоу, успевший схватить саблю, выпрыгнул следом за ним. Вместе они бросились к деревьям. Но никого не нашли, хотя обыскали все вокруг.

Солнце стояло уже высоко. Снова раздался мягкий стук в дверь, снова голос Беккотта позвал из коридора: «Мадемуазель? Мадемуазель?» Голос звучал тихо, он не хотел будить её понапрасну. Она не ответила. Анжелика, плотно закутавшись в пеньюар, застыла, как изваяние, посреди комнаты, едва дыша и не сводя глаз с запертой двери. Её лицо было мертвенно-бледным. Крупная дрожь опять начала сотрясать её тело. — Мадемуазель?

Она ждала. Через минуту шаги в коридоре затихли, она протяжно выдохнула, отчаянно пытаясь остановить дрожь, и опять принялась мерять шагами комнату: от окон с закрытыми ставнями к кровати, потом опять к окнам, — она ходила так уже несколько часов.

Я должна принять решение, думала она в отчаянии.

Когда она проснулась во второй раз, не помня, как просыпалась в первый, голова у неё была ясной, и она осталась неподвижно лежать в смятых простынях, довольная тем, что уже не спит, отдохнувшая, проголодавшаяся, с нетерпением ожидающая первую за день и самую восхитительную чашку кофе со свежей хрустящей французской булочкой, которые шеф-повар французской миссии в Йокогаме выпекал каждое утро.

Только я не в Иокогаме. Я в Канагаве, и сегодняшний день начнется с чашки отвратительного английского чая с молоком.

«Малкольм! Бедный Малкольм, я так надеюсь, что ему лучше. Мы вернемся в Иокогаму сегодня же, там я сяду на ближайший пароход до Гонконга, а оттуда — в Париж... но, боже, что я видела во сне, что видела!»

Ночные фантазии все ещё были ярки в её сознании, смешавшись с другими картинками: Токайдо, Кентербери с отрубленной рукой, Малкольм, такой странный, эти его слова о том, что они поженятся. Воображаемый запах хирургической палаты хлынул ей в ноздри, но она прогнала его из головы, зевнула и протянула руку за маленькими часами, которые лежали на прикроватном столике.

Шевельнувшись, она почувствовала, как её больно кольнуло в низу живота. В первую секунду она приняла это за признак того, что месячные у неё опять начнутся раньше времени, потому что не всегда они приходили регулярно, однако тут же отбросила это предположение как невозможное.

Часы показывали десять часов двадцать минут. Они были отделаны ляпис-лазурью — подарок отца, он преподнес его ей в Гонконге восьмого июля, в день её восемнадцатилетия, немногим более двух месяцев назад. «Сколько всего произошло с тех пор, — подумала она. — О, я буду так счастлива уехать назад в Париж, к цивилизации, чтобы никогда не возвращаться сюда, никогда, никогда, ни...»

Она вдруг поняла, что лежит под простыней почти нагая. К своему изумлению, она обнаружила, что ночная рубашка покрывала только её руки и плечи, а спереди была распорота сверху донизу и скомкалась под ней. Она недоуменно приподняла оба края. Желая рассмотреть все получше, она выскользнула из постели, чтобы подойти к окну, но опять ощутила легкое жжение в промежности. И теперь, при свете дня, заметила на простыне предательский мазок крови и нашла её следы у себя между ног.

— Как мои месячные могут...

Она принялась считать и пересчитывать дни, но получалась полная ерунда. Последнее кровотечение прекратилось две недели назад. Потом она заметила, что в добавление ко всему она ещё и немного влажная внизу, а уж этого она никак не могла объяснить... тут сердце её провалилось куда-то, и она едва не потеряла сознание, когда собственный мозг прокричал ей, что её сны были вовсе не снами, а реальностью — ею овладели силой, пока она спала.

— Это невозможно! Ты сошла с ума — это невозможно, — ошеломленно выдохнула она, чувствуя, как стены душат её, сжимаются вокруг неё. — О боже, пусть это будет сон, часть того сна. — Шаря перед

собой руками, она добралась до кровати. Сердце тяжело стучало в висках. — Ты не спишь, это не сон, ты не спишь!

Она снова лихорадочно осмотрела себя, потом осмотрела ещё раз, уже более тщательно. Её знаний хватило, чтобы пропали последние сомнения насчет происхождения этой влаги и насчет того, что её девственная плева порвана. Она не ошиблась. Её изнасиловали.

Комната закружилась у неё перед глазами. «О боже, я погибла, жизнь кончена, впереди лишь мрак и ужас, ибо ни один порядочный мужчина, ни один подходящий жених не назовет меня своей женой теперь, когда я осквернена, а брак — единственный способ для девушки подняться выше по социальной лестнице, обеспечить себе счастливое будущее, вообще какое-нибудь будущее, другого просто нет...»

Когда смятение немного улеглось, и она снова смогла видеть и соображать, Анжелика обнаружила, что лежит поперек кровати. Дрожа и путаясь, она стала восстанавливать события этой ночи. Я помню, что заперла дверь на задвижку.

Она повернула голову к двери. Засов был на месте.

Я помню Малкольма, мерзкий запах в его комнате, помню, как выбежала от него, помню спокойно спящего Филипа Тайрера. Потом доктор Беккотт дал мне питье, и я пошла наве...

Питье! О боже, меня одурманили! Если Беккотт может даже оперировать, давая людям эти лекарства, то, конечно, все это вполне могло бы случиться, естественно, я была беспомощна, но что мне сейчас толку от этого объяснения! Это случилось! Что, если у меня будет ребенок!

Её опять охватила паника. Слезы хлынули из глаз, и она едва не зарыдала в голос.

— Прекрати! — пробормотала она, прилагая все силы, чтобы взять себя в руки. — Прекрати! Тебе нельзя издавать ни звука, нельзя! Ты одна, больше никто не может тебе помочь, только ты, тебе необходимо сосредоточиться. Что ты теперь будешь делать? Думай! — Она несколько раз глубоко вдохнула, чувствуя, как ноет сердце, и попыталась заставить свой расстроенный мозг работать. — Кто это был?

«Дверь на запоре, значит, никто не мог войти в комнату через неё. Погоди минутку, смутно припоминаю... или это было лишь частью сна, перед тем как... кажется, я вспоминаю, что открывала дверь, открывала дверь Беккотту и... и этому морскому офицеру Марлоу... потом заперла её снова. Да, все правильно! По крайней мере, я думаю, что так все и было. Он ещё говорил по-французски... да, говорил, но плохо, потом они ушли, и я заперла дверь на задвижку, я уверена, что заперла. Но зачем они

стучались ко мне среди ночи?»

Она вновь и вновь пыталась найти ответ, но безуспешно, не уверенная до конца, что все это действительно происходило на самом деле; ночные картины уплывали во мрак. Некоторые из них.

«Сосредоточься!

Раз дверь заперта, значит, он пробрался в комнату через окно. Она изогнулась на кровати и посмотрела туда: деревянный брусок, которым запирались ставни, валялся на полу под окном.

Значит, кто бы это ни был, он проник в комнату через окно! Кто же? Марлоу, этот Паллидар или даже сам добрый доктор — я знаю, что все они хотят меня. Кто знал, что я приняла снотворное? Бебкотт. Он мог сказать об этом остальным, но никто из них, конечно же, не осмелился бы на такое злодейство, не рискнул бы отвечать потом за то, что забрался ко мне из сада, потому что, разумеется, я буду кричать на каждом углу...»

Крик, пронзительный и беззвучный, сотряс её тело изнутри, предупреждая: будь осторожна. Твое будущее зависит от того, насколько осторожно и умно ты себя поведешь. Будь осторожна.

«Ты уверена, что это действительно происходило сегодня ночью? Как же быть со снами? Возможно... нет, пока я не стану думать о них, но только врач может сказать мне наверняка, что со мной в действительности произошло, значит, идти следует к Бебкотту. погоди, ты могла... ты могла надорвать этот крошечный кусочек кожи во сне, когда металась в кошмаре — ведь это был всего лишь кошмар, не правда ли? Такое случалось с некоторыми девушками. Да, но они по-прежнему оставались девственными, и это не объясняет того, что у тебя там все влажно.

Вспомни Жанетту из монастыря, бедную глупенькую Жанетту, которая влюбилась в одного из торговцев и позволила ему все, а потом возбужденно рассказывала нам об этом во всех деталях. Она не забеременела, но про неё стало известно настоятельнице и на следующий же день она исчезла из монастыря навсегда. Позже мы узнали, что её выдали замуж за какого-то деревенского мясника, единственного мужчину, который согласился взять её.

Я никому ничего не позволяла, но это мне не поможет, доктор мог бы дать точный ответ, но и это мне не поможет, да и сама мысль о том, что Бебкотт или любой другой врач заглянет мне в душу, наполняет меня ужасом, к тому же Бебкотт в этом случае узнает мою тайну. Как я могу доверить ему такой секрет? Если об этом станет известно... Я должна сохранить все в тайне! Но как, как тебе это удастся, и что потом?

Ответ на это я найду позже. Сначала надо решить, кто был этот дьявол.

Нет, сначала смой с себя это зло, тогда мысли твои прояснятся. Ты должна ясно мыслить».

С отвращением она стряхнула с плеч рубашку и отшвырнула её в сторону, потом помылась тщательно и глубоко, стараясь вспомнить все известные ей способы предотвращения беременности, которыми с успехом воспользовалась Жанетта. Затем она надела халат и расчесала волосы. Почистила зубы зубным порошком. И только потом подошла к зеркалу. Очень внимательно рассмотрела лицо. Ни единого пятнышка, синяка или царапины. Она развязала пояс халата. Никаких следов на руках, ногах и груди — соски немного покраснели. Она опять подняла глаза и заглянула глубоко в своё отражение.

— Никаких изменений, ничего. И вместе с тем все.

Тут она заметила, что маленький золотой крестик, который она носила всю жизнь, не снимая даже на ночь, пропал. Она тщательно обыскала кровать, заглянула под неё, осмотрела все вокруг. Его не оказалось ни в простынях, ни под подушками, ни в складках полога. Последняя надежда — кружева покрывала. Она подняла его с пола и прошлась по ним пальцами. Ничего.

И в этот момент она увидела три японских иероглифа, грубо начертанных на белом шелке покрывала кровью.

Солнечный свет играл золотыми гранями крестика. Ори смотрел на него, сжав в кулаке тонкую цепочку, замороженный.

— Зачем ты взял его? — спросил Хирага.

— Не знаю.

— Не убить эту женщину было ошибкой. Сёрин был прав. Это была ошибка.

— Карма.

Они сидели в безопасности в гостинице Полуночных Цветов. Ори принял ванну, побрился. Он смотрел на Хирагу, не пряча глаз, и думал: «Ты не мой господин — я скажу тебе только то, что захочу сказать, не больше».

Он поведал ему о смерти Сёрина и о том, что забрался к ней в комнату, что она крепко спала и его появление не разбудило её, но не стал рассказывать остального, сказал только, что спрятался там и переждал опасность, а потом снял одежду ниндзя, понимая, что в ней его непременно схватят, завернул в неё свои мечи, соскользнул в сад, где едва успел собрать немного сухих веток, чтобы притвориться садовником, прежде чем его заметили, и как, даже после встречи с человеком с Токайдо, он все равно сумел убежать. Но ни слова больше о ней.

«Как смогу я выразить на языке смертных и рассказать всем, что благодаря ей я почувствовал себя равным богам, что когда я широко раздвинул её ноги и увидел её, я опьянел от желания, что когда я вошёл в неё, я вошёл в неё как любовник, а не как насильник, — не знаю почему, но это так, — медленно, нежно, и её руки обвились вокруг меня, она задрожала и прижалась ко мне, хотя так до конца и не проснулась, и держала меня так крепко, что я сдерживался и сдерживался, сколько мог, а потом излился в наслаждении невообразимом.

Я даже не подозревал, что это может быть так чудесно, так чувственно, приносить такое удовлетворение и самому ощущать такую полноту внутри. Другие были ничто по сравнению с ней. С нею я поднялся к звездам, но не по этой причине я оставил ей жизнь. Я очень много думал о том, чтобы убить её. Потом — себя, там, в её комнате. Но это было бы лишь проявлением себялюбия — умереть, достигнув вершины счастья, в таком мире с собой.

О, как я желал умереть. Но моя смерть принадлежит сонно-дзёи. Только сонно-дзёи. Не мне».

— Не убить её было ошибкой, — снова повторил Хирага, прерывая течение мысли Ори. — Сёрин был прав, её смерть помогла бы нам осуществить наш план лучше, чем что-либо другое.

— Да.

— Тогда почему?

«Я оставил её жить из-за богов, если боги существуют, — мог бы сказать он, но не сказал. — Боги вошли в меня и заставили сделать то, что я сделал, и я благодарен им. Теперь я исполнен. Я познал жизнь; все, что мне остается познать, это смерть. Я был у неё первым, и она запомнит меня навсегда, хотя для неё это был сон. Проснувшись, она увидит иероглифы, написанные моей собственной, а не её, кровью, и она поймет. Я хочу, чтобы она жила вечно. Сам я умру скоро. Карма».

Ори спрятал крестик в потайной карман в рукаве кимоно и сделал ещё несколько глотков освежающего зеленого чая, испытывая глубокое удовлетворение и неведомую доселе наполненность жизнью.

— Вы говорили, что готовите налет?

— Да. Мы намереваемся сжечь британскую миссию в Эдо.

— Хорошо. Пусть это произойдет поскорее.

— Это будет скоро. *Сонно-дзёи!*

В Июкогаме сэр Уильям сердито произнес:

— Скажите им снова, в последний раз, клянусь Богом, правительство

Её Величества требует немедленных репараций в размере ста тысяч фунтов стерлингов золотом за попустительство этому неспровоцированному нападению и убийству английского подданного — убийство англичан киндзиру, клянусь Богом! Мы также требуем выдачи нам этих убийц из Сацумы в течение трех дней, в противном случае мы примем надлежащие меры!

Он находился по другую сторону залива в небольшой душной комнате для аудиенций британской миссии. По обе стороны от него расположились прусский, французский и русский посланники, оба адмирала, британский и французский, и генерал — все в равной степени раздраженные и негодующие.

Напротив них с торжественным видом восседали на стульях два местных представителя бакуфу, начальник самурайской стражи Поселения и губернатор Канагавы, в чьей юрисдикции находилась и Иокогама. Они были одеты в широкие штаны, кимоно и поверх них мантии с широкими, похожими на крылья плечами; мантии были перехвачены в талии поясами, за которые у каждого были заткнуты два меча. С первого взгляда было ясно, что все они чувствовали себя неловко и внутренне кипели от возмущения. На рассвете вооруженные солдаты с беспрецедентной злобой забарабанили прикладами в двери таможен Иокогамы и Канагавы, вызывая высших чиновников и губернатора в миссию для безотлагательной беседы, назначенной на полдень, — спешка также до сих пор невиданная.

Меж двумя сторонами сидели переводчики: японец — на коленях, а швейцарец Иоганн Фаврод — скрестив ноги под собой. Их общим языком был голландский.

Встреча длилась уже два часа — английский переводился на голландский, голландский — на японский, тот — опять на голландский, потом на английский. Все вопросы сэра Уильяма понимались неправильно, оставались без прямого ответа или требовали многократного повторения; дюжиной различных способов «испрашивалась» отсрочка для того, чтобы «посоветоваться с вышестоящими властями о проведении рассмотра и расследования», и «О да, в Японии рассмотрение весьма отличается от расследования. Его превосходительство губернатор Канагавы объясняет в деталях, что...», и «О, его превосходительство губернатор Канагавы желает подробно объяснить, что его юрисдикция не распространяется на Сацуму, которая является отдельным княжеством...», и «О, но насколько известно его превосходительству губернатору Канагавы, обвиняемые с угрозами выхватили пистолеты и признаны виновными в несоблюдении древних японских традиций...», и «Сколько, вы говорили, иностранцев находились

в этой группе и должны были пасть на колени?.. но наши обычаи...»

Скучные, долгие, запутанные лекции на японском, которые произносил губернатор, прилежно переводившиеся на отнюдь не беглый голландский, а потом переводившиеся ещё раз на английский.

— И не церемоньтесь с ними, Иоганн. Все, как я сказал, слово в слово.

— Я так и переводил, сэр Уильям. Каждый раз. Но я уверен, что этот кретин переводит неточно — и то, что говорите вы, и то, что говорят джапы.

— Ради бога, мы все это знаем. Разве когда-нибудь было по-другому? Прошу вас, заканчивайте с этим.

Иоганн с предельной точностью перевел его слова. Японский переводчик вспыхнул, попросил объяснить ему значение слова «немедленный», затем осторожно, в приличествующих выражениях, выдал вежливый, приблизительный перевод, который, по его мнению, мог бы быть приемлем. Даже в этом случае губернатор с шумом втянул в себя воздух от такой неслыханной грубости. Молчание сгустилось. Его пальцы долго без остановки выбивали нервную дробь на рукоятке меча, потом он отрывисто произнес три или четыре слова. Их перевод оказался гораздо длиннее.

— Если отбросить все *merde*, — бодро объявил Иоганн, — губернатор говорит, что передаст вашу «просьбу» соответствующим инстанциям в соответствующее время.

Сэр Уильям заметно покраснел, адмирал и генерал покраснели ещё больше.

— «Просьба», вон как? Скажи этому сукину сыну следующее: это не просьба, это требование! И ещё добавь: Мы требуем немедленной аудиенции у сёгуна в Эдо через три дня! Три дня, клянусь Господом! И я, чёрт побери, прибуду туда на боевом корабле!

— Браво, — пробормотал едва слышно граф Сергеев. Иоганн, не менее других уставший от этой бесконечной игры, придал словам английского посланника утонченную прямолинейность. Японский переводчик разинул рот и без всякой паузы разразился потоком желчного голландского, на который Иоганн с любезной улыбкой ответил двумя словами, мгновенно вызвавшими потрясенное и почти осязаемое молчание.

— Нан дзя? Что это, что он сказал? — сердито спросил губернатор, не заблуждаясь насчет враждебности этих слов и не скрывая своей собственной.

Взволнованный переводчик тут же с извиняющимся видом передал ему смягченный вариант того, что услышал, однако и этого было

достаточно, чтобы губернатор в бешенстве разразился угрозами, угрозами, отказом и новыми угрозами, которые его переводчик изложил в такой форме, в какой, по его мнению, иностранцы хотели бы их услышать, потом, все ещё не придя в себя, выслушал ещё одну порцию и снова начал переводить.

— Что он говорит, Иоганн? — Сэру Уильяму пришлось повысить голос: японский переводчик без конца отвечал то губернатору, то чиновникам бакуфу, которые быстро переговаривались между собой и обращались к нему с вопросами. — Какого дьявола, о чем они все говорят?

Теперь Иоганн был счастлив. Он знал, что через несколько секунд встреча закончится и он сможет вернуться к своему обеду и шнапсу.

— Не знаю, кроме того, что губернатор повторяет, будто он в состоянии лишь передать вашу просьбу и так далее в соответствующую и так далее, но сёгун ни под каким видом не удостоит вас такой чести и так далее, потому что это противно их обычаям и так далее...

Ладонь сэра Уильяма с треском врезалась в стол. В наступившей от потрясения тишине он показал пальцем на губернатора, потом на себя.

— Ватаси... я... — Он ткнул пальцем в окно в направлении Эдо. — Ватаси иду в Эдо! — Он поднял три пальца. — Три дня, на боевом корабле, чёрт побери! — Он встал и стремительно вышел из комнаты. Остальные последовали за ним.

Он прошел через приемную в свой кабинет, подошел к горке с хрустальными графинами и налил себе виски.

— Никто не желает ко мне присоединиться? — беззаботно спросил он, когда все, кто присутствовал при беседе, окружили его. Механически он налил виски обоим адмиралам, генералу и пруссаку, кларета Сератару и солидную порцию водки графу Сергееву. — Полагаю, встреча прошла по плану. Сожалею, что она так затянулась.

— Я думал, вас сейчас удар хватит, — сказал Сергеев, залпом выпивая водку и наливая себе ещё.

— Вот ещё. Просто нужно было закончить встречу с подобающим драматическим эффектом.

— Стало быть, Эдо через три дня?

— Да, мой любезный граф. Адмирал, отдайте распоряжения, чтобы флагман в любой день был готов выйти в море с рассветом, посвятите несколько следующих дней приведению всего в образцовый порядок, палубы очистить и приготовить к боевым действиям, да не прячьтесь, пусть все видят; пушки зарядить, учебные тревоги для всего флота, и прикажите остальным кораблям быть в готовности сопровождать нас в боевом

построении, если понадобится. Генерал, полагаю, пятисот алых мундиров должно быть достаточно для моего почетного караула. Мсье, согласится ли французский флагман присоединиться к нам?

— Разумеется, — ответил Сератар. — Конечно, я буду сопровождать вас, но предлагаю в качестве штаб-квартиры избрать французскую миссию, а солдатам надеть парадные мундиры.

— Без парадных мундиров. Это карательная операция, а не вручение верительных грамот, — парадные мундиры мы оставим на потом. И первое предложение я тоже отклоняю. Был убит английский подданный, и — как бы это выразиться? — наш флот является решающим фактором.

Фон Хаймрих весело хмыкнул.

— Он бесспорно является решающим в этих водах, в данное время. — Немец взглянул в сторону Сератара. — Жаль, что у меня нет здесь дюжины полков прусской кавалерии, тогда мы поделили бы Японию, даже не икнув при этом, и разом покончили бы со всей их изворотливой тупостью и невоспитанностью, отнимающей такую кучу времени.

— Всего дюжины? — вежливо осведомился Сератар, сопровождая вопрос испепеляющим взглядом.

— Этого было бы достаточно, герр Сератар, на всю Японию — наши солдаты лучшие в мире... разумеется, после солдат Её Королевского Величества, — любезно добавил он. — По счастью, Пруссия в состоянии позволить себе послать двадцать, даже тридцать полков в этот маленький уголок земли, и у неё ещё останется более чем достаточно, чтобы справиться с любой проблемой, которая могла бы возникнуть у нас в любом другом месте, особенно в Европе.

— Н-да, ну что же... — вмешался сэр Уильям, видя, как лицо Сератара наливается кровью. Он допил свой виски. — Я отправляюсь в Канагаву, чтобы отдать кое-какие распоряжения. Адмирал, генерал, возможно короткое совещание, когда я вернусь? Я поднимусь на борт флагмана. О, мсье Сератар, как нам быть с мадемуазель Анжеликой? Если хотите, я привезу её с собой.

Она вышла из своей комнаты поздно днём и пошла по залитому мягким солнечным светом коридору, потом спустилась по главной лестнице в холл парадного входа. Сейчас на ней было вчерашнее длинное платье с турнюром, и она снова выглядела элегантной, более воздушной, чем когда-либо: волосы расчесаны и уложены в высокую причёску, глаза подведены. Тонкий запах духов и шелест нижних юбок.

Часовые у двери отдали честь и смущенно поздоровались с ней,

пораженные её красотой. Она с улыбкой кивнула им издалека и свернула к операционной. Китайский мальчик-слуга уставился на неё, разинув рот, потом испуганно проскользнул мимо.

Она уже дошла до двери, когда та неожиданно открылась. Из операционной вышел Бебкотт и остановился, увидев её.

— О, здравствуйте, мисс Анжелика, честное слово, вы выглядите просто обворожительно, — проговорил он, едва не запинаясь.

— Благодарю вас, доктор. — Её улыбка была доброй, голос звучал мягко. — Я хотела спросить... мы не могли бы поговорить... это недолго.

— Конечно. Входите. Будьте как дома. — Бебкотт захлопнул дверь операционной, усадил её в лучшее кресло и прошел к себе за стол, в полном смятении от её светящейся красоты, от того, как подчеркивала прическа безукоризненную линию её длинной шеи. Веки у него покраснели, и он очень устал. «Но, с другой стороны, иной жизни я не знаю», — подумал он, наслаждаясь видом своей гостьи.

— Это питье, которое вы дали мне вчера ночью, это было какое-то снотворное?

— Да, именно. Я сделал его довольно сильным, поскольку вы... вы были изрядно расстроены.

— Все это так неясно, так перепуталось, Токайдо, мой приезд сюда и встреча с Малкольмом. Это снотворное было очень сильным?

— Да, но не опасным для вас, ничего такого. Сон — это лучшее лекарство, а такой сон был бы наиболее полезным и глубоким. И, клянусь Юпитером, вы хорошо поспали, сейчас уже почти четыре. Как вы себя чувствуете?

— Все ещё немного уставшей, благодарю вас. — Опять легкая, как тень, улыбка, проникавшая в самую его душу. — Как чувствует себя мсье Струан?

— Без изменений. Я как раз собирался навестить его ещё раз, вы можете пойти со мной, если желаете. Дела у него обстоят неплохо, принимая во внимание все обстоятельства. О, кстати, этого парня поймали.

— Парня?

— Того самого, о котором мы рассказывали вам прошлой ночью. Он проник в сад.

— Я не запомнила ничего из вчерашней ночи.

Он рассказал ей о том, что случилось у её двери и в саду, как один грабитель был застрелен, а второго заметили рано утром, но ему удалось скрыться, и, слушая его, она напрягала все силы, чтобы сохранить спокойствие на лице и не закричать вслух того, что кричал её мозг: «Ты,

сын Сатаны, со своим дурманящим отваром и своей бестолковостью. Два грабителя? Значит, один из них должен был прятаться в моей комнате, когда ты был там, а ты не сумел найти его и спасти меня, ты и этот второй идиот, Марлоу, вы оба виновны в равной степени.

Благословенная Дева Мария, дай мне силы, помоги отомстить им обоим. И ему, кем бы он ни был! Матерь Божья, об отмщении молю тебя. Но зачем ему понадобилось красть мой крест, ведь другие драгоценности остались нетронутыми, и эти иероглифы, почему он их написал и что они означают? И почему кровью, его кровью?»

Она увидела, что он смотрит на неё, ожидая ответа.

— Oui?

— Я спросил, не хотите ли вы увидеться с мистером Струаном прямо сейчас?

— О! Да, да, пожалуйста. — Она тоже поднялась, полностью овладев собой. — О, боюсь, я пролила кувшин с водой на простыни. Вы не попросите горничную, чтобы она занялась ими?

Он рассмеялся.

— Горничных у нас здесь нет. Против джапских правил. Их работу выполняют мальчишки-китайцы. Не беспокойтесь, как только вы вышли из комнаты, они тут же начали уборку... — Он замолчал, увидев, как она вдруг побледнела. — Что с вами?

На мгновение силы оставили её, и она мысленно перенеслась назад в свою комнату, где терла и отмывала пятна, изнывая от страха, что они не сойдут. Но они сошли, и она вспомнила, как проверяла и перепроверяла это снова и снова, чтобы сохранить свою тайну, — ничего не осталось на простынях, ни семени, ни крови, её тайна останется с ней навечно, если она будет сильной и не отступит от своего плана, она должна держаться плана и должна вести себя разумно и осмотрительно, должна.

Беккотт был поражен её внезапной бледностью; её пальцы нервно мяти ткань юбки. В одну секунду он оказался рядом с девушкой и мягко взял её за плечи.

— Не тревожьтесь, вам нечего опасаться, совершенно нечего.

— Да, извините, — испуганно ответила она. Её голова покоилась на его груди, она вдруг почувствовала, что плачет. — Я просто... мне... я вспомнила несчастного Кентербери.

Она смотрела на себя откуда-то сбоку, словно покинув своё тело, смотрела, как позволяет ему успокоить себя, твердо уверенная, что её план был единственно верным, единственно мудрым: ничего не произошло. Ничего, ничего, ничего.

Ты будешь верить в это до следующих месячных. А потом, если они наступят, ты согласишься в это навсегда.

А если они не наступят?

Я не знаю, я не знаю, я не знаю.

Понедельник, 15 сентября

— Гайдзины — низкие твари, не ведающие приличий, — изрек Нори Андзё, трясясь от гнева. Этот приземистый круглолицый человек в богатых одеждах был главой родзю, Совета пяти старейшин. — Они высокомерно отвергли наши учтивые извинения, которые должны были бы исчерпать этот случай на Токайдо, и теперь, какая наглость, официально просят аудиенции у сёгуна — каллиграфия ниже всякой хулы, слова выбраны неверно, да вот, почитайте сами, это только что принесли.

С плохо скрытым нетерпением он протянул свиток сидевшему напротив него Торанаге Ёси, своему главному противнику, который был гораздо моложе его годами. Они были вдвоем в одной из больших комнат для приемов в центральной башне замка Эдо, приказав всем своим телохранителям остаться за дверью. Их разделял низкий лакированный столик алого цвета с черным чайным подносом, на котором стояли изящные чашки и чайник из тонкого, как яичная скорлупа, фарфора.

— Что бы ни говорили гайдзины, это не имеет никакого значения. — Ёси встревоженно принял свиток, но читать его не стал. В отличие от Андзё, одет он был просто, и мечи за поясом были боевыми, а не церемониальными, которые использовались только для торжественных случаев. — Тем или иным способом мы должны добиться, чтобы они поступали так, как нам нужно. — Он был даймё Хисамацу, небольшого, но очень важного княжества неподалеку от Эдо, и являлся прямым потомком первого сёгуна из рода Торанага. По сделанному недавно «предложению» императора и вопреки яростному противодействию Андзё, он был только что назначен опекуном наследника, юного сёгуна, и занял свободное место в Совете старейшин. Ему исполнилось двадцать шесть лет. Высокий, с тонкими чертами лица, изящными руками и длинными пальцами. — Что бы ни случилось, их встреча с сёгуном не должна состояться, — заметил он. — Это подтвердило бы законность существующих Соглашений, которые пока ещё не ратифицированы надлежащим образом. Мы откажем им в их оскорбительной просьбе.

— Я согласен с тем, что она оскорбительна, но тем не менее нам придется считаться с ней и решить, что делать с этим псом из Сацумы, Сандзиро. — Оба устали от этой новой проблемы с гайдзинами, которая вот уже в течение двух дней нарушала их ва, их внутреннюю гармонию,

обоим не терпелось поскорее закончить эту беседу: Ёси спешил вернуться в свои апартаменты внизу, где его ждала Койко, Андзё торопился на тайную встречу со знахарем.

День снаружи был солнечным и тихим, через открытые ставни легкий бриз заносил в комнату запах моря и плодородной почвы. Ничто не предвещало пока скорого наступления грозной зимы.

«Но зима не за горами, — думал Андзё; боль в кишечнике постоянно отвлекала его, мешая сосредоточиться. — Я ненавижу зиму, это пора смерти, пора печали, печальное небо, печальное море, печальная земля, уродливая и промерзшая, голые деревья и холод, который выворачивает суставы, напоминая тебе о том, как ты стар». Андзё, даймё Микавы, было сорок шесть, и он уже начинал седеть. Он являлся средоточием власти родзю с тех самых пор, как четыре года назад был убит тайро Ии.

«Тогда как ты, щенок, — злобно подумал он, — всего лишь два месяца в Совете и четыре недели как опекун — оба назначения политически вредны и опасны, оба состоялись вопреки нашим протестам. Пришло время подрезать тебе крылышки».

— Разумеется, ваш совет очень ценен для всех нас, — елейно произнес он, вовсе так не считая, как они оба хорошо понимали, потом добавил: — Вот уже два дня гайдзины готовят свой флот к сражению, войска открыто проводят боевую учебу, и завтра сюда прибывает их глава. Каково будет ваше решение?

— Оно останется тем же, что и вчера, их официальное послание ничего не меняет: мы направим им ещё одно извинение «за это печальное недоразумение», приправив его сарказмом, который они никогда не поймут. Извинение будет послано от чиновника, имя которого они услышат в первый и в последний раз, и доставить его нужно перед тем, как главный гайдзин покинет Йокогаму. К извинению будет приложена просьба о дальнейшей отсрочке, необходимой для «сбора сведений». Если это не удовлетворит его и он прибудет в Эдо, один или с остальными, пусть их. Мы, как обычно, пошлем к ним в миссию для переговоров мелкого чиновника, чьи слова нас ни к чему не обязывают, и станем потчевать их жидким супом, не давая ни кусочка рыбы. Мы будем тянуть и тянуть время.

— Тем временем нам пора прибегнуть к нашему наследственному праву сёгуната и приказать Сандзиро передать нам убийц для наказания, безотлагательно заплатить за нанесенный ущерб, опять же через нас, безотлагательно... сложить с себя полномочия правителя Сацумы и жить, не выходя за пределы своего дома, безотлагательно. Мы прикажем ему! — хрипло произнес Андзё. — Вы не имеете опыта в высших делах сёгуната.

Сдерживая раздражение и жалея, что он не может заставить Андзё немедленно сложить с себя полномочия за глупость и невоспитанность, Ёси сказал:

— Если мы прикажем это Сандзиро, наш приказ не будет выполнен, следовательно, мы будем вынуждены начать войну, а Сацума слишком сильна и имеет слишком много союзников. Уже двести пятьдесят лет мы не вели ни одной войны. Мы не готовы к войне. Война...

В следующий миг в комнате повисло странное молчание. Оба мужчины невольно схватились за рукоятки мечей. Чашки и чайник задребезжали на подносе. Где-то далеко земля глухо заворчала, вся огромная башня слегка сдвинулась, потом ещё и ещё. Землетрясение продолжалось около тридцати секунд. Потом все стихло, так же внезапно, как и началось. С непроницаемыми лицами они ждали, наблюдая за чашками.

Второго толчка не последовало.

Ещё минута — все тихо.

Новые минуты ожидания, во всем замке и в Эдо. Все живые существа затаили дыхание и ждали. Ничего. Усилием воли он обуздал свой страх.

— Война была бы сейчас крайне неразумным решением. Сацума слишком сильна, войска Тоса и Тёсю открыто встанут на её сторону. Мы недостаточно могущественны, чтобы сокрушить их в одиночку. — Тоса и Тёсю были княжествами далеко от Эдо, оба издревле считались врагами сёгуната.

— Самые влиятельные из даймё соберутся под наши знамена, если мы призовем их, а остальные последуют их примеру. — Андзё постарался скрыть, каких усилий ему стоило разжать пальцы на рукоятке меча. Он ещё не окончательно пришел в себя от ужаса.

Ёси, хорошо подготовленный и всегда начеку, заметил этот промах и отложил его в своей памяти, чтобы использовать в будущем, довольный тем, что сумел заглянуть в сердце своего противника.

— Они не придут на наш зов, пока ещё нет. Они станут медлить, громко заявляя о своей преданности нам и при этом скуля и жалуясь на всякие трудности, они не смогут помочь нам раздавить Сацуму. Они трусы.

— Если не сейчас, то когда же? — Ярость Андзё прорвалась наружу, подстегиваемая страхом и ненавистью к землетрясениям.

Ребенком он пережил одно поистине ужасное: его отец у него на глазах превратился в пылающий факел, а потом он увидел обугленные трупы матери и двух братьев. С тех пор даже самый легкий подземный гул заставлял его заново переживать тот день, в ноздри ударял запах горелого

мяса, в ушах стояли их вопли. — Рано или поздно, но мы должны привести эту собаку к покорности. Почему не сейчас?

— Потому что мы должны ждать, пока не будем лучше вооружены. Они — Сацума, Тоса и Тёсю — имеют современное оружие, немного пушек и ружей, мы не знаем сколько. И несколько пароходов.

— Проданных им гайдзинами вопреки желаниям сёгуната!

— Купленных ими благодаря проявленной сёгуном слабости.

Лицо Андзё побагровело.

— Это не моя вина!

— И не моя! — Пальцы Ёси крепче сжали рукоять меча. — Эти княжества вооружены лучше нас, каковы бы ни были причины. Прошу прощения, но нам придется ждать. Плод, который представляет из себя Сацума, ещё недостаточно сгнил, чтобы мы рискнули ввязаться в войну, которую нам своими силами не выиграть. Мы в одиночестве, Сандзиро — нет. — Его голос стал резче. — Но я согласен, что сведение счетов должно скоро состояться.

— Завтра я попрошу Совет отдать приказ, о котором говорил.

— Ради сёгуната, ради вас самих и всех ветвей рода Торанага я надеюсь, что остальные члены Совета послушают меня!

— Завтра мы это увидим... Голова Сандзиро должна торчать на шесте в назидание всем предателям.

— Я согласен, что Сандзиро отдал приказ убить этих людей на Токайдо только для того, чтобы поставить нас в трудное положение, — кивнул Ёси. — Это способно привести гайдзинов в неистовство. Наше единственное решение — это попытаться выиграть время. Возвращения нашего посольства из Европы теперь можно ожидать со дня на день, и тогда все наши затруднения должны разрешиться.

Восемью месяцами раньше, в январе, сёгунат отправил первую официальную делегацию из Японии в Америку и Европу. Она отбыла на пароходе с тайным поручением добиться пересмотра Соглашений — для родзю Соглашения были лишь «предварительными договоренностями между лицами, не имевшими надлежащих полномочий» — от правительств Англии, Франции и Америки, а также отменить или задержать дальнейшее открытие любых портов на японском берегу.

— Полученные ими приказы были ясны. К настоящему времени Соглашения, наверное, уже утратили силу.

— Итак, если не война, — зловеще произнес Андзё, — вы согласны, что пришло время отправить Сандзиро в дальний путь.

Молодой человек был слишком осторожен, чтобы согласиться

открыто. Какие планы строит Андзё, спрашивал он себя, или, может быть, уже выстроил. Поправив мечи за поясом, он притворился, что обдумывает вопрос, находя при этом, что ему очень нравится его новое назначение. «Вновь я в центре власти. Это правда, Сандзиро помог мне утвердиться здесь, но преследовал он лишь свои цели: уничтожить меня, сделав до конца ответственным в глазах всех жителей Ниппона за те проблемы, которые принесли с собой проклятые гайдзины, и превратив таким образом в главную мишень для проклятых сиси, а затем присвоить себе потом наши наследственные права, наши богатства и сёгунат.

Ладно, я знаю, что замышляют он и его гончий пес Кацумата, каковы его истинные намерения в борьбе с нами, а также намерения его союзников из кланов Тоса и Тёсю. У него ничего не выйдет, я клянусь в этом своими предками».

— Как бы вы устранили Сандзиро?

Лицо Андзё потемнело, когда он вспомнил заключительную жестокую ссору с даймё Сацумы всего несколько дней назад.

Вспоминая об этом столкновении, Андзё покрылся потом, тем более что внутренне он сознавал справедливость многого из того, что говорил Сандзиро.

— Сандзиро, возможно, считает, что нам до него не добраться, но это не так, — сказал он с непреложностью. — Поразмыслите и вы над этим, Ёси-доно, наш юный, но столь мудрый советник, как устранить его, или ваша голова может оказаться на пике гораздо скорее, чем вы думаете.

Ёси решил не обращать внимания на оскорбление и улыбнулся.

— Что советуют другие старейшины?

Андзё хохотнул, скривив рот.

— Они проголосуют так, как я скажу.

— Если бы вы не были родственником, я бы предложил вам удалиться от дел или совершить сеппуку.

— Какая жалость, что вы — не ваш славный тезка и не можете на самом деле отдать такого распоряжения, а? — Андзё тяжело поднялся. — Я сейчас же пошлю ответ гайдзинам, чтобы задержать их. Завтра мы проведем официальное голосование о том, чтобы поставить Сандзиро на место... — Он в гневе повернулся к телохранителю, услышав, что дверь распахнулась. Ёси уже наполовину выдернул меч из ножен. — Я приказал...

Часовой взволнованно пробормотал:

— Прошу простить, Андзё-сама...

Гнев Андзё мигом улетучился, когда он увидел юношу, который оттолкнул часового с дороги и быстро вошёл в комнату. Следом за ним вошла девушка едва пяти футов роста. И он, и она были в богатых одеяниях, на лицах читалось оживление. Четыре вооруженных самурая сопровождали их, отстав на несколько шагов. Позади самураев шествовали наставница и придворная дама из числа приближенных. Андзё и Ёси тут же опустились на колени и низко поклонились, коснувшись лбом татами. Пришедшие поклонились в ответ. Кроме юноши, сёгуна Нобусады. И девушки, принцессы императорского двора Иядзу, его супруги. Им обоим было по шестнадцать лет.

— Это землетрясение, оно уронило мою любимую вазу, — возбужденно заговорил юноша, нарочито не замечая Ёси. — Мою любимую вазу! — Он махнул рукой, чтобы закрыли дверь. Его телохранители остались, как и женщины из окружения его жены. — Я хотел сообщить вам, что мне пришла в голову замечательная мысль.

— Примите мои сожаления по поводу вазы, господин. — Голос Андзё звучал мягко. — Вам пришла в голову мысль?

— Мы... я решил, что мы, моя жена и я, мы... я решил, что мы поедem в Киото, дабы увидеть императора и спросить его совета, что нам делать с гайдзинами и как вышвырнуть их из страны! — Юноша с радостной улыбкой посмотрел на свою жену, и она кивнула ему в счастливом согласии. — Мы отправляемcя в следующем месяце — государственный визит!

Андзё и Ёси почувствовали, как в мозгу у них полыхнула молния, обоим захотелось прыгнуть вперед и придушить этого мальчишку за его скудоумие. Но оба сдержали этот порыв, привыкшие уже к его высокомерной тупости и вспышкам раздражительности. И оба в тысячный раз прокляли тот день, когда был задуман и осуществлен брак этих детей.

— Это очень интересная мысль, господин, — осторожно заговорил Андзё, незаметно наблюдая за девушкой и отмечая про себя, что сейчас все её внимание сосредоточилось на нем и что хотя губы её улыбались, глаза, как обычно, оставались серьезными. — Я передам это предложение Совету старейшин, и мы посвятим ему все наше время.

— Хорошо, — с важностью ответил Нобусада, худой, низкорослый молодой человек, который всегда носил гэта, сандалии на толстой подошве, чтобы казаться выше своих пяти с половиной футов. Его зубы были выкрашены в черный цвет, как то предписывала придворная мода Киото, хотя в сёгунате и не было такого обычая. — Три или четыре недели должны быть достаточным сроком, чтобы все приготовить. — Он с хитрым видом

улыбнулся своей жене. — Я ничего не забыл, Иядзу-тян?

— Нет, господин, — ответила она с милой улыбкой, — как вы можете забыть что-нибудь? — Её тонкое изящное лицо было раскрашено в классическом стиле императорского двора: собственные брови тщательно выщипаны, вместо них по беленой коже нарисованы высокие черные дуги, зубы вычернены, густые волосы цвета воронова крыла убраны в высокую прическу и закреплены большими декоративными заколками. Пурпурное кимоно с богатым узором из осенних листьев, оби, широкий, тонко расшитый пояс, отливающий золотом. Принцесса императорского двора Иядзу, сводная сестра Сына Неба, ставшая супругой Нобусады шесть месяцев тому назад, чьей руки для него попросили, когда ей было двенадцать, с кем её помолвили в четырнадцать и чьей женой она стала в шестнадцать. — Конечно, ваше решение — это решение, а не предложение.

— Разумеется, высокочтимая принцесса, — быстро сказал Ёси. — Но прошу простить меня, господин, такие важные приготовления не могут быть закончены за четыре недели, это невозможно. Осмелюсь посоветовать вам учесть, что скрытый смысл такого визита может быть неправильно истолкован.

Улыбка исчезла с лица Нобусады.

— Скрытый смысл? Советовать? Какой скрытый смысл? Неправильно истолкован кем? Вами? — грубо произнес он.

— Нет, господин, не мной. Я лишь хотел указать, что ещё ни разу сёгун не отправлялся в Киото, чтобы обратиться к императору за советом, и что подобное событие может стать гибельным для вашего правления.

— Почему? — сердито спросил Нобусада. — Я не понимаю.

— Потому что, как вы помните, высший долг сёгуна, который он передает по наследству, состоит в том, чтобы принимать решения за императора, вместе с Советом старейшин и сёгунатом. — Ёси старался, чтобы его голос звучал мягко. — Это позволяет Сыну Неба проводить все своё время молясь богам за всех нас. И сёгунату надлежит следить за тем, чтобы мирская суета не нарушала его ва.

— То, что говорит Торанага Ёси-сама, справедливо, муж мой, — раздался сладкий голосок принцессы Иядзу. — К сожалению, гайдзины уже нарушили его ва, как всем нам известно, поэтому испросить совета у моего брата, Подпирающего Главою Небо, несомненно, было бы проявлением одновременно вежливости и сыновней почтительности и не нарушило бы ничьих исторических прав.

— Да. — Юноша выкатил грудь. — Да будет так!

— Совет немедленно рассмотрит ваши пожелания, — сказал Ёси.

Лицо Нобусады исказила уродливая гримаса.

— Пожелания? — вскричал он. — Это мое решение! Можете сообщить им о нем, если желаете, но я его принял! Сёгун — я, а не вы! Я! Я принял решение! Я был избран, а вас они отвергли — все верные долгу даймё отвергли вас. Сёгун — я, родич!

Все пришли в ужас от такой несдержанности. Кроме девушки. Она улыбнулась про себя и подумала, не поднимая глаз: «Наконец-то моя месть начинается».

— Это так, господин, — говорил между тем Ёси. Голос его звучал ровно, хотя кровь отхлынула от лица. — Но я являюсь опекуном и должен подать вам совет пересмотреть...

— Мне не нужны ваши советы! Никто меня не спрашивал, нужен ли мне опекун. Я не нуждаюсь в опекуне, родич, особенно в таком, как вы.

Ёси смотрел на юношу, который весь дрожал от гнева. «Когда-то я был совсем как ты, — холодно подумал он, — безвольной куклой, которой можно было приказывать одно, потом другое, которую можно было услать прочь от собственной семьи, чтобы его усыновила другая, женить, изгнать, едва не погубить шесть раз и все потому, что боги позволили мне родиться сыном моего отца, так же, как и ты, жалкий глупец, родился сыном своего. Между нами много общего, но я никогда не был глупцом, всегда был воином, всегда знал, что меня используют, и теперь между нами огромная разница. Я перестал быть куклой. Сандзиро из земли Сацума ещё не знает об этом, но он своими стараниями сделал меня кукольным».

— Покуда я опекун, я буду охранять и защищать вас, господин, — сказал он. Его глаза скользнули по девушке, такой крошечной и хрупкой, внешне. — И вашу семью.

Она не встретила с ним взглядом. Это было излишне. Оба поняли, что война объявлена.

— Мы рады быть под вашей защитой, Торанага-сама.

— А я нет! — взвизгнул Нобусада. — Вы были моим соперником, теперь вы ничто! Через два года мне исполнится восемнадцать, и тогда я буду править один, а вы... — Его трясущийся палец нацелился в бесстрастное лицо Ёси, все вокруг стояли потрясенные — кроме девушки. — Если вы не научитесь покорности, я... вы будете изгнаны на Северный остров навечно. Мы-отправляемся-в-Киото!

Он круто повернулся. Стражник поспешно распахнул дверь. Нобусада торопливо вышел, провожаемый поклонами. Принцесса Иядзу последовала за ним, потом вышли все остальные. Когда они вновь остались одни, Андзё вытер пот с шеи.

— Она... она источник всего этого... возбуждения и «блестящих идей», — едко проговорил он. — С тех пор как она прибыла, этот идиот поглупел ещё больше, и отнюдь не потому, что етит её каждую ночь до умопомрачения.

Ёси был глубоко изумлен тем, что Андзё произнес столь очевидную, хотя и опасную вещь вслух, но виду не подал.

— Чай? — предложил он.

Андзё кивнул с мрачной миной, снова завидуя его красоте, уверенной невозмутимости и силе. «Кое в чем Нобусада не такой уж и дурак, — подумал он. — Я согласен с ним в отношении тебя, чем скорее убрать тебя с дороги, тем лучше, тебя и Сандзиро — от вас обоих жди беды. Интересно, не смог бы Совет проголосовать за то, чтобы ограничить твою власть опекуна или вовсе изгнать тебя? Ни для кого не секрет, что стоит этому глупому мальчишке увидеть тебя, как он сходит с ума от ярости — и она тоже. Не будь тебя, я сумел бы держать эту сучку в узде, сестра она там императору или нет. И подумать только, мало того что я сам в своё время выступал за этот брак, я ещё довел до конца замысел тайро Ии, даже невзирая на сопротивление императора их союзу. Разве мы не отвечали отказом, когда он с неохотой предложил нам сначала свою тридцатилетнюю дочь, потом годовалого младенца, пока в конце концов он не уступил давлению и не согласился отдать за сёгуна свою сводную сестру?

Конечно, родственная связь Нобусады с императорской семьей укрепляет наши позиции против Сандзиро и других влиятельных даймё с окраин страны, а также против Ёси и всех тех, кто хотел, чтобы именно его избрали сёгуном. Эта связь станет могучим оружием в наших руках, как только она родит ему сына — это заодно смягчит её и повыпустит из неё яд. Она уже давно должна была бы забеременеть. Врач мальчика увеличит ему дозу женшенья или даст ему немного особого снадобья, чтобы увеличить его силу, ужасно быть таким неспособным в его возрасте. Да, чем скорее она понесет от него, тем лучше». Он допил свой чай.

— Мы встретимся завтра на заседании Совета. — Оба небрежно поклонились друг другу.

Ёси вышел из комнаты и поднялся на стены башни. Ему был нужен свежий воздух и время, чтобы все обдумать. Внизу под собой он видел огромные каменные укрепления с тремя опоясывающими их рвами, один внутри другого, несокрушимые форпосты и подъемные мосты. Стены поражали своей чудовищной высотой. В замке свободно размещались пятьдесят тысяч самураев и десять тысяч лошадей, вместе с просторными павильонами, дворцами для избранных, преданных семей — при этом в

кольце внутреннего рва жили только семьи рода Торанага — и садами повсюду.

В центральной башне, над и под ним, находились наиболее охраняемые жилые помещения и святая святых — апартаменты правящего сёгуна, его семьи, придворных и вассалов. А также сокровищница. В качестве опекуна Ёси тоже жил здесь — нежеланный сосед, которого постарались отселить подальше, но все же в безопасности и со своей собственной стражей.

За внешним рвом начинался первый пояс княжеских дворцов, охранявших подступы к замку. Это были огромные, богатые, широко раскинувшиеся резиденции, за которыми тянулся пояс дворцов поскромнее, потом ещё один — из совсем уже скромных. Каждый из даймё в стране имел здесь свой дворец. Место для каждого определил сам сёгун Торанага и приказал возвести их в соответствии с новым введенным им законом санкин-котай.

Что бы он сейчас посоветовал мне?

Во-первых, терпение, потом он процитировал бы Сунь-цзы: «Знай своего врага так, как ты знаешь себя самого, и тебе не страшны сто битв; если ты знаешь себя, но не знаешь врага, за каждую одержанную победу ты потерпишь также и поражение; если же ты не знаешь ни себя, ни врага, ты уступишь во всех битвах до единой».

Я знаю кое-что о своём противнике, но недостаточно.

Я снова благословляю отца за то, что он заставил меня понять ценность образования, за то, что долгие годы он приставлял ко мне многих разных и необычных учителей, как японцев, так и иностранцев. Печально, что у меня не было дара к изучению языков, поэтому учиться приходилось через посредников: голландские купцы учили меня истории мира, английский матрос помог проверить истинность того, что говорили голландцы, и открыл мне глаза — так же и Торанага использовал Андзин-сана в своё время, — и сколько их ещё было.

Китайцы, которые рассказывали мне о науке управлять, о литературе, об «Искусстве войны» Сунь-цзы; старый французский священник-рenegат из Пекина, который провел у нас полгода, знакомя меня с Макиавелли, он кропотливо переписывал его труды китайскими иероглифами, за что ему было позволено жить во владениях отца и вволю наслаждаться утехами Ивового Мира, который он обожал; американский пират, высаженный со своего корабля на берег в Идзу, который рассказал мне о пушках, об океанах травы под названием прерии, о главной твердыне американцев, которую он называл Белый дом, и о войнах, в которых они уничтожали

туземцев, населявших раньше те земли; русский эмигрант, бежавший из края страшного холода под названием Сибирь, он утверждал, что он князь, владелец десяти тысяч рабов, и рассказывал удивительные истории про какие-то города, которые он называл Москва и Санкт-Петербург; и все остальные — некоторые проводили со мной всего несколько дней, другие оставались на месяцы, но никто не пробыл дольше года, никто из них не знал, кто я такой, и мне тоже было запрещено им говорить, отец всегда был так осторожен и скрытен и так ужасен в гневе.

В то время он не знал, что его прочтат в сёгуны, да никто и не говорил ему об этом. Потом, четыре года назад, когда сёгун Иэёси умер от оспы, а ему исполнилось двадцать два и он был готов, отец выдвинул его кандидатуру, но тайро Ии выступил против и победил — личная охрана Ии владела Дворцовыми Вратами.

Так сёгуном стал его двоюродный брат Нобусада. Сам Ёси, его семья, его отец и все их влиятельные сторонники оказались под строгим домашним арестом. Только когда Ии был убит, Ёси освободили и вернули ему его земли и титулы, ему и тем, кто остался в живых. Его отец умер, заключенный в стенах своего дома.

«Я должен был стать сёгуном, — подумал он уже в стомиллионный раз. — Я был готов к этому и сумел бы остановить распад сёгуната, смог бы по-новому привязать к нему всех даймё и устранил бы проблему гайдзинов. Я должен был бы получить в жены эту принцессу, я никогда не подписал бы Соглашений и не позволил бы переговорам складываться не в нашу пользу. Я сумел бы договориться с Таунсендом Харрисом и начал бы новую эру осторожных изменений, с тем чтобы Япония смогла принять внешний мир в свою жизнь, двигаясь к этому своим шагом, а не понукаемая чужаками!

Однако пока что я не сёгун, Нобусаду избрали сёгуном по всем правилам, Соглашения существуют, принцесса Иядзу существует, существуют Сандзиро, Андзё, и гайдзины бьют тараном в наши ворота».

Он поежился. «Мне нужно быть ещё осторожнее. Отравление ядами — древнейшее искусство; днём ли, ночью, в воздухе может просвистеть стрела; за стенами замка сотни наемных убийц-ниндзя, готовых продать своё мастерство кому угодно. Да ещё эти сиси. На все это должен быть какой-то ответ! В чем он заключается?»

Морские птицы, кружившие, перекликаясь между собой, над городом и замком, нарушили мозаику его мыслей. Он пристально посмотрел в небо. Ничто не предвещало смены погоды или бури, хотя это был месяц перемен, когда прилетают большие ветра и вместе с ними зима. Зима будет тяжелой

в этом году. Пусть не такой голодной, как три года назад, но урожай собрали бедный, даже беднее, чем прошлой осенью...

Погоди-ка! Что там говорил сегодня Андзё? Это ещё напомнило мне о чем-то?

Он повернулся и знаком подозвал одного из своих телохранителей, чувствуя, как его охватывает возбуждение.

— Приведите сюда этого соглядатая, рыбака, как его имя? Ах да, Мисамото. Тайно и без промедления доставьте его в мои покои — он содержится в караульном помещении Восточной стражи.

Вторник, 16 сентября

С первыми лучами солнца орудия флагмана с ревом салютовали сэру Уильяму одиннадцатью залпами, когда его катер подошел к трапу корабля. С берега ветер донес обрывки приветственных криков, все трезвое население собралось там, чтобы проводить флот, отплывающий в Эдо. Ветер набирал силу, море слегка рябило, небо покрывали редкие облака. Под свист боцманской дудки сэр Уильям торжественно поднялся на борт, Филип Тайрер за ним следом — остальные сотрудники миссии уже находились на сопровождающих их военных кораблях. Оба дипломата были во фраках и в цилиндрах. Тайрер держал руку на перевязи.

Они увидели адмирала Кеттерера, ожидавшего их на главной палубе, и рядом с ним Джона Марлоу. Оба офицера были в парадных формах — треуголки, синие мундиры с золотым позументом и пуговицами, белые рубашки, жилеты, панталоны и чулки, туфли с пряжками, до блеска начищенные сабли, — и у Филипа Тайрера сразу же мелькнула мысль: чёрт, каким красивым и элегантным и вместе с тем мужественным всегда выглядит Джон Марлоу в своём мундире, точно так же, как и Паллидар в своём. Дьявол меня забери, если у меня есть парадная одежда, вообще любая одежда, если уж на то пошло, чтобы соперничать с ними. В сравнении с ними я беден, как церковная крыса, даже ещё не заместитель секретаря. Чёрт! Ничто так не льстит мужчине, как мундир, и не придает ему такого веса в женских глазах...

Он едва не налетел на сэра Уильяма, который остановился на верхней ступеньке, когда адмирал и Марлоу вежливо отдали ему честь, не обратив на Тайрера никакого внимания. Чёрт, подумал он, будь внимательнее, ты тоже на службе, тоже на побегушках у Великого Человека! Будь осторожен, стань просто частью окружающей обстановки, как все остальные, с того момента, когда ты прибыл вчера в Иокогаму, Крошка Вилли Винки ведет себя словно кот, которого ужалила в зад пчела.

— Доброе утро, сэр Уильям, добро пожаловать на борт.

— Благодарю вас. Доброе утро, адмирал Кеттерер. — Сэр Уильям приподнял шляпу, то же самое сделал за его спиной Тайрер, ветер играл фалдами их фраков. — Поднимайте паруса, если вам угодно. Остальные посланники находятся на французском флагмане.

— Хорошо. — Адмирал сделал знак Марлоу.

Марлоу тут же отдал честь, подошел к капитану, стоявшему на открытом мостике чуть впереди единственной трубы и грот-мачты, и отдал честь ещё раз.

— Адмирал передает вам своё почтение, сэр. Берите курс на Эдо.

Команды начали быстро передаваться по цепочке вниз, матросы трижды выкрикнули здравицу, через мгновения якоря с размеренным пением были подняты, а в тесной котельной тремя палубами ниже бригады кочегаров, голых по пояс, затаили свою песню и стали чаще подбрасывать уголь в топки, кашляя и хрипло, с присвистом вдыхая никогда не оседавшую угольную пыль. С другой стороны перегородки, в машинном отделении, главный механик поставил машину на «средний вперед», и огромные поршни начали вращать вал гребного винта.

Деревянный крейсер-фрегат военно-морского флота Её Величества «Эвриал» водоизмещением три тысячи двести тонн был построен в Чатеме восемь лет назад и имел три мачты и одну трубу, а также гребной винт. Он нес тридцать пять пушек и обычно имел команду из трехсот пятидесяти офицеров, матросов и морских пехотинцев, к которым добавлялись девяносто человек кочегаров и работников машинного отделения. Сегодня все паруса остались на реях, палубы были подготовлены к бою.

— Славный сегодня денек, адмирал, — говорил между тем сэр Уильям.

Они стояли на четвердеке, Филип Тайрер и Марлоу, молча поприветствовавшие друг друга, держались неподалеку.

— Пока что, — ворчливо согласился адмирал. Он всегда чувствовал себя скованно рядом со штатскими, особенно такими, как сэр Уильям, который был старше его по званию. — Моя каюта внизу в вашем распоряжении, если пожелаете.

— Благодарю вас. — Морские чайки перекликались у них за кормой, то кружа, то вдруг стремительно падая к самой воде. Сэр Уильям некоторое время наблюдал за ними, пытаясь побороть в себе депрессию. — Благодарю вас, но я бы предпочел побыть на палубе. Полагаю, вы ещё не знакомы с мистером Тайрером? Он наш новый ученик-переводчик.

Адмирал в первый раз взглянул на Тайрера.

— Добро пожаловать на борт, мистер Тайрер, кто-кто, а люди, говорящие на японском языке, нам здесь наверняка понадобятся. Как ваша рана?

— Не слишком плохо, сэр, благодарю вас, — ответил Тайрер, спеша снова ретироваться в безвестность.

— Хорошо. Гнусное было дело. — Бледно-голубые глаза адмирала

пробежали по морю и по его кораблю. Лицо с тяжелыми щеками было красным и обветренным, сзади на крахмальном воротнике лежала толстая складка кожи, наливавшаяся кровью по малейшему поводу. — Адмирал Кеттерер повернулся к сэру Уильяму. — Так вы говорили? По вашему мне... — Порыв ветра тенькнул натянутыми снастями, мачты и реи скрипнули. Оба офицера подняли головы на такелаж, потом осмотрели небо и море вокруг, пробуя ветер. Пока никаких признаков опасности, хотя оба знали, что погода в этом месяце непредсказуема и шторм в этих водах часто налетает внезапно. — Так вы говорили? По вашему мнению, туземные власти, эти бакуфы, не выполняют наших требований?

— Без той или иной формы давления — нет. В полночь я получил от них ещё одно извинение с просьбой об отсрочке на месяц, чтобы они могли «проконсультироваться с верховной властью», и всякой прочей ерундой в том же духе — Бог мой, что-что, а вилять и тянуть время они умеют. Я отослал их чертова посланника назад с суровой отповедью и коротким, довольно грубым письменным требованием дать нам полное удовлетворение или пенять на себя.

— Совершенно правильно.

— Когда мы встанем на якорь у Эдо, не сможете ли вы произвести как можно больше приветственных залпов, дабы погромче обставить своё появление?

— Мы дадим королевский салют в двадцать один залп. Полагаю, эту экспедицию можно рассматривать как официальный визит к их королю. — Не поворачивая головы, адмирал рявкнул: — Мистер Марлоу, передайте приказ всем кораблям флота и спросите французского адмирала, не поступит ли он таким же образом.

— Слушаюсь, сэр. — Марлоу снова отдал честь и заспешил прочь.

— План для Эдо остается пока тем, на котором мы сошлись? Сэр Уильям кивнул.

— Да. Я и мои люди сойдем на берег и поселимся в миссии — сотни солдат почетной стражи должно быть достаточно, это будут шотландские гвардейцы, их военная форма и волынки произведут наибольшее впечатление. Остальное все по утвержденному плану.

— Хорошо. — Адмирал встревоженно устремил взгляд вперед. — Мы увидим Эдо, когда обогнем вон тот мыс. — Его выражение лица стало жестче. — Побряцать оружием и дать несколько холостых залпов — одно дело, но я против того, чтобы обстреливать и жечь город без официального объявления войны.

— Будем надеяться, — осторожно сказал сэр Уильям, — что мне не

придется просить лорда Палмерстона объявлять её или самому официально отвечать на её объявление японской стороной. Полный отчет находится сейчас на пути в Лондон. Ответ, однако, мы получим лишь через четыре месяца, а посему, как обычно, нам придется самостоятельно распорядиться ситуацией наилучшим образом. Эти убийства должны прекратиться, бакуфу необходимо поставить на место, тем или иным способом. Момент сейчас для этого самый подходящий.

— Инструкции Адмиралтейства предписывают сохранять благоразумие.

— С той же почтой я послал срочную депешу губернатору Гонконга, извещая его о своих планах, спрашивая, на какие подкрепления в кораблях и солдатах мы могли бы рассчитывать в случае необходимости, и сообщая ему о состоянии мистера Струана.

— О? И когда это было, сэр Уильям?

— Вчера. У компании Струанов был здесь клиппер, мистер Макфей согласился, что дело не терпит ни малейших отлагательств.

— Весь этот инцидент, — ядовито заметил Кеттерер, — похоже, лишь прибавил Струанам известности, а вот о парне, которого убили, почти не упоминают, только и слышно: Струан, Струан, Струан.

— Губернатор является личным другом этой семьи, и сама семья... э... имеет очень хорошие связи и очень важна для торговых интересов Её Величества в Азии и Китае. Очень.

— Мне они всегда казались бандой пиратов, торгующих опиумом, оружием, чем угодно, лишь бы это приносило прибыль.

— И то и другое — легальные предприятия, мой дорогой адмирал. Струаны — весьма достойное семейство, и у них есть весьма влиятельные друзья в парламенте.

На адмирала это не произвело никакого впечатления.

— Там тоже полным-полно олухов, клянусь Создателем, уж извините за резкое выражение. Чертовы идиоты, которые большей частью пытаются сократить ассигнования на флот и урезать число кораблей — несусветная глупость, когда Англия всецело зависит от морской мощи.

— Я согласен. Для осуществления имперской политики нам необходим лучший флот и самые подготовленные и способные офицеры, — сказал сэр Уильям.

Марлоу, стоявший рядом с адмиралом, уловил в его словах не слишком завуалированную колкость. Быстрый взгляд на воротник начальника сзади подтвердил, что колочка вошла под кожу. Он приготовился к неизбежному.

— Имперская политика? Сдается мне, — резко произнес адмирал, —

что Королевский флот большую часть времени проводит, вызволяя гражданских лиц и торговцев из всяких там вонючих капканов, когда их собственная алчность или двурушничество заводит их туда, куда им, прежде всего, и соваться было нечего. А что до этих ублюдков, — его толстый короткий палец показал через левый борт на Иокогаму, — так худшей толпы мошенников и негодяев я в своей жизни ещё не видел.

— Некоторые из них действительно таковы, большинство же — нет. — Подбородок сэра Уильяма пополз вверх. — Без торговцев и торговли не было бы ни денег, ни империи, ни флота.

Пресловутая багровая складка на шее стала лиловой.

— Это без флота не было бы никакой торговли и Англия не стала бы величайшей державой на земле — самой богатой, самой великой империей, какую знал мир, клянусь Богом.

Хрена с два, едва не крикнул ему в лицо сэр Уильям, но он знал, что если сделает это здесь, на квартердеке флагманского судна, адмирала хватит апоплексический удар, а Марлоу и каждый моряк, который его услышит, без чувств рухнут на палубу. Эта мысль развеселила его и поубавила в нем желчности, скопившейся после бессонных ночей, проведенных в тревожных раздумьях о происшествии на Токайдо и его последствиях, в итоге ответ его прозвучал вполне дипломатично: — Военно-морской флот — это старший род войск, адмирал. И многие разделяют ваше мнение. Полагаю, мы прибудем на место вовремя?

— Да, да, обязательно. — Адмирал расслабленно повел плечами, несколько смягчившись. У него болела голова от бутылки портвейна, которую он выпил после обеда, портвейну предшествовало сухое красное бордо. Корабль делал около семи узлов, это против ветра, что доставляло ему удовольствие. Он проверил походный порядок кораблей. Французский флагман, трехмачтовый двадцатипушечный колесный фрегат с обшитым металлическими листами корпусом, небрежно болтался справа по борту. — Их рулевого следовало бы заковать в кандалы! А сам корабль не мешало бы заново покрасить, сменить такелаж, обкурить, чтобы избавиться от запаха чеснока, хорошенько выскоблить, чёрт подери, и протащить всю команду под килем. Вы не согласны, мистер Марлоу?

— Согласен, сэр.

Когда адмирал полностью удовлетворился осмотром, он снова повернулся к сэру Уильяму.

— Эти... эти Струаны и этот их так называемый «Благородный Дом», неужели они действительно так влиятельны?

— Да. Их торговый оборот огромен, с их могуществом в Азии,

особенно в Китае, не может сравниться никто, кроме «Брока и Сыновей».

— Я, разумеется, видел их клиперы. Отменные красавцы, и все очень хорошо вооружены. — Адмирал добавил без экивоков: — Как перед Богом, надеюсь, они не сунутся сюда с опиумом или оружием.

— Лично я разделяю вашу точку зрения, хотя это и не противоречит существующему закону.

— Противоречит, если взять китайский закон. Или японский.

— Да, но есть ряд смягчающих обстоятельств, — устало проговорил сэр Уильям. Ему приходилось повторять все это уже десятки раз. — Я уверен, вам известно, что китайцы принимают только наличные деньги, золото или серебро, за чай, который мы должны импортировать, и больше ничего. Это очень печально.

— Тогда пусть торговцы, парламент и дипломаты сами распутывают ими же завязанные узлы. Последние двадцать лет флот Её Величества только и делал, что насаждал в Азии несправедливые законы, обстреливал китайские города и порты, совершал всевозможные военные акции, гнусные акции, в моем представлении, с единственной целью поддержать торговлю опиумом — это пятно на нашей репутации!

Сэр Уильям вздохнул. Его инструкции от постоянного заместителя министра были ясны: «Ради всего святого, Вилли, вы впервые становитесь посланником, вам теперь придется одному отвечать за все, поэтому будьте осторожны, воздерживайтесь от поспешных, опрометчивых решений, не рубите сплеча, если только это не будет продиктовано необходимостью. Вы редкий счастливчик, телеграфная линия уже достигла Багдада, поэтому мы можем посылать и принимать депеши оттуда за невообразимо короткие семь дней, добавьте ещё шесть с небольшим недель пароходом до Иокогамы через Персидский залив, Индийский океан, с заходом в Сингапур и в Гонконг, и наши инструкции будут у вас через два месяца — это неслыханно. Каких-нибудь десять лет назад на это уходило от года до года с четвертью. Поэтому если вам понадобятся наставления, а в них вы будете нуждаться все время, если вы разумный человек, то с нашего повода вы соскочите месяца на четыре, и ваше благоразумие — это единственное, что будет защищать тогда вашу шею и нашу империю. Ясно?» — «Да, сэр». «Правило первое: с военным начальством обращайтесь аккуратно, в бархатных перчатках, и не прибегайте к давлению на них слишком часто, ибо ваша жизнь и жизнь всех англичан в вашем регионе зависит от них. Они склонны быть толстолобыми, что само по себе прекрасно, потому что нам, разумеется, нужно много таких ребят, которые пойдут на край света и дадут убить себя, защищая нашу... э...

политику нашей империи. Не раскачивайте лодку. Япония значения не имеет, но находится в нашей сфере влияния, и мы затратили значительное время и деньги, не давая протиснуться туда русским, американцам и французам. Не растревожьте нашего японского гнездышка, у нас и без того забот хватает с непокорными индийцами, афганцами, арабами, африканцами, персами, карибийцами, китайцами, не говоря уже о чертовых европейцах, американцах, русских и так далее. Мой милый, милый Вилли, будьте дипломатом и не накормите нас дерьмом, а то!...»

Сэр Уильям ещё раз вздохнул, запрятал поглубже своё раздражение и повторил то, что говорил уже десятки раз, — правду:

— Многое в ваших словах справедливо, но мы, к сожалению, должны быть практичны, без доходов, которые приносит чай и чайная торговля, вся британская экономика рухнет. Давайте же будем надеяться, что через несколько лет поля опиумного мака в нашей Бенгалии можно будет выжечь дотла. Пока же нам необходимо запастись терпением.

— Пока же я предлагаю наложить здесь эмбарго на всю торговлю опиумом, любым современным вооружением, современными боевыми кораблями и рабами.

— Насчет работорговли я, разумеется, согласен, она вне закона ещё с тридцать третьего года! — Голос сэра Уильяма заметно напрягся. — Американцев давно об этом проинформировали. Что же касается остального, это будет решать Лондон.

Подбородок адмирала задрался ещё выше.

— Что же, сэр, я наделен некоторой властью в этих водах. Можете принять к сведению, что я ввожу такое эмбарго с сего момента. До меня дошли тревожные слухи о том, что компания Струана заказала большую партию ружей и пушек для продажи, они уже продали здешним туземцам три или четыре парохода с пушками на борту, и джапы оказались слишком толковыми учениками, чтобы мне это нравилось. С завтрашней почтой я пошлю официальное донесение в Адмиралтейство с просьбой настоять на том, чтобы мои приказания получили силу закона.

Лицо посланника пошло пятнами, он потверже уперся ногами в палубу.

— Восхитительная идея, — произнес он ледяным тоном. — Я отправлю свою депешу с той же почтой. А пока что вы не можете отдать такой приказ без моего одобрения, и до получения указаний из министерства иностранных дел статус-кво останется статус-кво!

Оба их помощника побледнели. Адмирал уперся взглядом в сэра Уильяма, который был одного с ним роста. Любой из офицеров и

большинство людей вообще сникли бы под этим взглядом, но сэр Уильям лишь не мигая посмотрел на него в ответ.

— Я... я подумаю над вашими словами, сэр Уильям. А сейчас извините, мне нужно заняться делами. — Адмирал повернулся и, громко топая, направился к капитанскому мостику. Марлоу на негнущихся ногах двинулся за ним. — Ради Создателя, Марлоу, перестаньте вы бегать за мной, как собачонка. Если вы мне понадобится, я вам крикну. Будьте там, где до вас можно докричаться!

— Слушаюсь, сэр. — Когда адмирал отошел достаточно далеко, Марлоу сделал выдох.

Сэр Уильям тоже выдохнул, промокнул вспотевший лоб и пробормотал:

— Я просто до жути рад, что не служу в Королевском флоте.

— Я тоже, — сказал Тайрер, пораженный мужеством посланника.

Сердце бешено колотилось в груди у Марлоу, он не выносил, когда на него орали, даже если это был адмирал, однако он не забыл о чести мундира:

— Я... э... прошу прощения, сэр, но флот чувствует себя очень уверенно в его руках, сэр, и в ходе этой экспедиции тоже. И мы все считаем, что он совершенно прав касательно продажи кораблей, пушек, ружей и опиума. Японцы уже строят свои корабли и изготавливают небольшие пушки, в этом году их первый железный пароход, трехсоттонный «Канрин Мару», добрался до Сан-Франциско. Капитан и вся команда — одни японцы. Они покорили океан. Это замечательное достижение для такого короткого срока.

— Да, да, я знаю. — Сэр Уильям ненадолго задумался о том, как пошли дела в Вашингтоне у японской делегации, отправившейся на этом пароходе, и какие новые козни затеет теперь против нашей славной империи президент Линкольн. Разве не очевидно, что мы нуждаемся в хлопке Конфедерации для наших ткацких фабрик в Ланкашире, которые разоряются одна за другой? В то же время разве мы не впадаем во все бóльшую и бóльшую зависимость от обильных поставок пшеницы, кукурузы, мяса и других товаров из Северных штатов? Его передернуло. Чёрт бы побрал эту войну! А также всех политиков, и Линкольна — первого. Это же надо сказать такое, и не где-нибудь, а в мартовской речи по случаю вступления на пост президента: «...эта страна принадлежит её народу, и всякий раз, когда он устанет от своего правительства, он может воспользоваться своим конституционным правом, чтобы сменить его, либо своим революционным правом, чтобы распустить или свергнуть его...»

Звучит по меньшей мере как подстрекательство! Если эта идея распространится в Европе!.. Бог мой! Ужасно! Война с Америкой может вспыхнуть в любой день, уж определенно на море. Хлопок нам просто необходим.

Марлоу тем временем натянуто говорил:

— Надеюсь, вы не попеняете мне, сэр, что я изложил вам своё мнение о позиции адмирала Кеттерера.

— О нет, что вы. — Сэр Уильям сделал над собой усилие, пытаясь прогнать тревогу. Я постараюсь избежать войны, но если её не миновать, мы будем драться. — Вы совершенно правы, мистер Марлоу, и я, разумеется, считаю честью для себя работать с адмиралом Кеттерером, — сказал он и сразу же почувствовал себя лучше. — Наше расхождение во взглядах касается вопросов протокола. Да, но в то же время мы должны поощрять японцев к индустриализации и мореходству, один корабль или даже два десятка — не повод для беспокойства. Мы должны поощрять их. Мы здесь не для того, чтобы колонизировать их страну, но именно мы должны стать их учителями, не голландцы и не французы. Спасибо, что напомнили мне: чем сильнее наше влияние, тем лучше. — Он чувствовал в себе подъем. Ему редко представлялась возможность вот так свободно побеседовать с кем-то из молодых, но быстро продвигающихся по службе капитанов, а Марлоу произвел на него очень хорошее впечатление, и здесь, и в Канагаве. — Скажите, а все офицеры с таким презрением относятся к торговцам и штатским лицам?

— Нет, сэр. Но я не думаю, что многие из нас хорошо их понимают. У нас иная жизнь, иные ценности. Иногда это бывает для нас сложно. — Основное внимание Марлоу было приковано к адмиралу, который разговаривал с капитаном на мостике, — вообще все стоявшие поблизости, кто спиной, кто боком, ощущали его присутствие. Солнце прорвалось сквозь неплотную завесу облаков, и в ту же секунду день как-то повеселел. — Служить во флоте — это... ну, это всегда было единственным желанием в моей жизни.

— Служба во флоте ваша семейная традиция?

— Да, сэр, — тут же с гордостью ответил Марлоу. Мой отец — капитан, хотелось добавить ему, служит дома, как и его отец, мой дед, который был флаг-адъютантом при адмирале Коллингвуде на «Королевском Сюзерене» у Трафальгара. Все мои предки служили во флоте с тех самых пор, как у нас вообще появился флот. А до этого, как повествует легенда, они выходили в море на каперах из Дорсета, откуда происходит мой род, — мы живем там, в одном и том же доме, уже более четырехсот лет. Но он не

сказал ни слова: полученное воспитание говорило ему, что это будет звучать как хвастовство. Он просто добавил: — Наша семья родом из Дорсета.

— А моя — с севера Англии, из Нортамберленда, мы живем там из поколения в поколение, — рассеянно произнес сэр Уильям, взгляд его все так же был устремлен на мыс, мысли заняты бакуфу. — Отец мой умер, когда я был ещё молод, — он был членом парламента, имел деловые интересы в Сандерленде и Лондоне, занимался балтийской торговлей и русскими мехами. Моя мать была русской, поэтому я вырос, зная два языка, и это поставило меня на первую ступеньку в министерстве иностранных дел. Она была... — Он спохватился как раз вовремя, удивляясь тому, что так разоткровенничался. Он собирался сказать, что она была урожденной графиней Свевской и доводилась родственницей Романовым, что она до сих пор жива и одно время являлась фрейлиной королевы Виктории. «Мне действительно необходимо сосредоточиться — история моей семьи вовсе не их ума дело». — Э... а вы, Тайрер?

— Лондон, сэр. Отец — стряпчий, как и его отец до него. — Филип Тайрер рассмеялся. — После того как я получил степень в Лондонском университете и сказал ему, что хочу поступить на службу в министерство иностранных дел, с ним едва удар не сделался! А когда я подал прошение назначить меня переводчиком в Японию, он заявил, что я совсем ополоумел.

— Возможно, он был прав. Вы здесь всего две недели, а вам уже, можно сказать, чертовски повезло, что вы остались в живых. Вы не согласны, Марлоу?

— Да, сэр. Это так. — Марлоу решил, что подходящий момент наступил. — Филип, кстати, как себя чувствует мистер Струан?

— По выражению Джорджа Беккотта, ни хорошо, ни плохо.

— От души надеюсь, что он все-таки поправится, — сказал сэр Уильям, ощутив внезапную резь в животе.

— Оглянуться не успеете, сэр, как мы подойдем к Эдо. Ваше прибытие будет самым впечатляющим, такого они в своей жизни не видели. Вы получите убийц, компенсацию — вообще все, что пожелаете. — Уловив беспокойство на лице сэра Уильяма, произнес Марлоу.

— Да. Ну, я, пожалуй, спущусь вниз ненадолго... нет, благодарю вас, мистер Марлоу, я знаю дорогу.

Оба молодых человека с огромным облегчением проводили его взглядом. Марлоу нашел глазами адмирала и убедился, что пока ему не нужен.

— Что произошло в Канагаве после того, как я уехал, Филип?

— Это было, ну, потрясающе... она была потрясающей, если вы об этом спрашиваете.

— Как это?

— Около пяти часов она сошла вниз и сразу направилась к Малкольму Струану. Она пробыла у него до самого ужина — как раз за столом я её и увидел. Она показалась... показалась мне старше... нет, это слово тоже не вполне подходит, не старше, а как-то серьезнее что ли, чем раньше, словно кто-то управлял её телом помимо её воли. Джордж говорит, что она ещё не вполне оправилась от шока. За ужином сэр Уильям сказал, что отвезет её назад в Йокогаму, но она лишь поблагодарила его и отказалась ехать, сказала, что сначала должна быть уверена, что с Малкольмом все будет хорошо, и ни он, ни Джордж, никто из нас не смогли убедить её уехать. Она почти ничего не ела и сразу же вернулась к нему в палату, оставалась с ним весь вечер и даже попросила устроить ей там постель, чтобы иметь возможность подойти к нему, если он её позовет. По сути, следующие два дня, до вчерашнего, когда я вернулся в Йокогаму, она не отходила от него ни на шаг, и мы едва обменялись с ней десятком слов. Марлоу скрыл тяжелый вздох.

— Должно быть, она любит его.

— Вот в этом-то и заключается главная странность. Я не думаю, что причиной этому любовь, и Паллидар тоже так не считает. Впечатление такое, будто она... ну, сказать «опустошена изнутри» было бы слишком сильно. Она, скорее, живет наполовину во сне, а рядом с ним, видимо, чувствует себя в безопасности.

— Господь милосердный! А что говорит наш Костолом?

— Он просто пожал плечами, когда мы спросили, и сказал, что надо подождать и не беспокоиться понапрасну и что она помогает Малкольму Струану лучше любых лекарств.

— Могу себе представить. Как он, если откровенно?

— Большую часть времени как в дурмане — доктор дает ему своё питье. Сильно мучается, его много рвет и он ходит под себя какой-то жижей... не представляю, как она выносит всю эту вонь, хотя окна в палате постоянно открыты.

Мысль о том, что любой из них может получить такое тяжелое ранение и оказаться таким беспомощным, наполнила обоих страхом. Тайрер отвернулся и посмотрел вперед, чтобы глаза не выдали его. В глубине его души ещё таились тягостные думы о том, что рана на руке пока не затянулась и ещё может нагноиться и что по ночам его до сих пор

мучают кошмарные видения: самураи, окровавленные мечи и она.

— Всякий раз, когда я заходил, чтобы проведать Струана — и, если честно признаться, увидеть её, — продолжал он, — она отвечала мне лишь короткими «да», «нет», «не знаю», так что через некоторое время я сдался. Она... она все так же привлекательна.

Марлоу задумался: не будь Струана, так ли недостижима была бы для него Анжелика? Насколько серьезным соперником может оказаться Тайрер? Паллидара он заранее сбросил со счетов: класс не тот — не может же ей в самом деле нравиться этот помпезный олух.

— Господи, смотрите! — воскликнул Тайрер.

Корабль обогнул мыс, и им открылась широкая панорама залива Эдо: справа — море до самого горизонта, слева — окутанный, как саваном, дымом кухонных костров огромный город и возвышающийся над ним замок. К их крайнему удивлению залив был почти пуст: ни паромов, ни сампанов, ни рыбацких лодок, которых в обычное время было здесь великое множество. Те немногие, что оставались, спешили к берегу.

Тайрер почувствовал глубокую тревогу.

— Будет война?

Помолчав недолго, Марлоу сказал:

— Ну, предупреждение они получили. Большая часть офицеров думает, что нет, полномасштабной войны пока не будет, на этот раз — нет. Так, отдельные стычки... — Потом, поскольку Тайрер ему нравился и он восхищался его мужеством, он открыл ему свои мысли: — Будут отдельные стычки и инциденты, малые и большие, некоторые из наших погибнут, другие обнаружат, что они трусы, третьи станут героями, большинство время от времени будет охватывать ужас, кого-то представят к награде, но мы, разумеется, победим.

Тайрер задумался над его словами, вспоминая уже пережитый им страх и слова Бебкотта, убедившие его, что первый раз всегда самый трудный, вспоминая, как храбро бросился Марлоу в погоню за убийцей, как ослепительна была Анжелика и как чудесно быть живым, молодым, здоровым и уверенно стоять одной ногой на первой ступени лестницы, на верху которой его ждет пост министра. Он улыбнулся. Теплота его улыбки согрела и Марлоу тоже.

— В любви и на войне все средства хороши, не так ли? — сказал он.

Анжелика сидела у окна в больничной палате Канагавы, неподвижно глядя в пространство. Солнце время от времени пробивалось сквозь белые пушистые облака, похожие на пуховку из её пудреницы. У носа она

держала сильно надушенный платочек. Позади неё Струан лежал на постели, наполовину во сне, наполовину бодрствуя. В саду постоянно ходили патрули. После ночного нападения бдительность была удвоена, из лагеря под Йокогамой прибыли подкрепления; Паллидар временно исполнял обязанности начальника гарнизона.

Легкий стук в дверь заставил её очнуться от грез.

— Да? — отозвалась она, пряча платок в ладони.

Это был Лим. Рядом с ним стоял китаец с подносом.

— Кушать для масса. Мисси кушать хочит, хейа?

— Поставьте туда! — приказала она, указав рукой на прикроватный столик. Она уже собиралась распорядиться, чтобы и её поднос принесли сюда, как обычно, потом передумала, считая, что ничего страшного не случится, если она поест в другом месте. — Сегодня... сегодня вечером мисси кушать столовая. Твоя понимает, хейа?

— Понимает. — Лим рассмеялся про себя, зная, что она пользуется платком, когда думает, что остается одна. Ай-йа, интересно, нос у неё такой же маленький и изящный, как и другая её часть? Запах? Что это за запах, на который все они жалуются? Здесь пока нет запаха смерти. Следует ли мне сказать сыну тайпэна, что новости из Гонконга скверные? Ай-й-йа, нет, пусть он лучше сам узнает. — Понимает. — Лим широко улыбнулся и вышел.

— Chéri? — Механически она поднесла к его лицу чашку с куриным супом.

— Потом, спасибо, дорогая, — ответил Малкольм Струан, как она и ожидала. Голос его звучал слабо.

— Попробуй съесть немного, — настаивала она, как обычно, он снова отказался.

Она вернулась к своему стулу у окна и к своим мечтам... она снова дома, в Париже, в полной безопасности, в огромном особняке дяди Мишеля и её обожаемой тети Эммы, высокородной англичанки, которая заменила ей мать и воспитала её и её брата, когда их отец так много лет назад уехал в Гонконг; Эмма устраивает званые обеды и совершает верховые прогулки по Булонскому лесу на своём знаменитом жеребце, предмете всеобщей зависти, чаруя многочисленных аристократов, выслушивая в ответ комплименты и принимая ухаживания, а потом, о, так изящно склоняется перед императором Луи Наполеоном, племянником Наполеона Бонапарта, и императрицей Евгенией, которые с благосклонной улыбкой кивают ей.

Ложи в театрах, Комеди Франсэз, лучшие столики у «Труа Фрэр

Провансо», её совершеннолетие, непрекращающиеся разговоры о ней как о главном открытии года, дядя Мишель, повествующий о своих приключениях за игорным столом и на скачках, шепотом рассказывающий рискованные анекдоты о своих друзьях из высшего света, о своей любовнице, графине Бофуа, такой прекрасной, обворожительной и преданной.

Все это, разумеется, не более чем мечты, ибо он всего-навсего один из младших заместителей в министерстве обороны, а Эмма, хотя и англичанка, да, но всего лишь актриса бродячей шекспировской труппы, дочь простого клерка, и у них нет таких денег, чтобы дать Анжелике все внешние атрибуты преуспевания, столь необходимые ей в столице мира, нет денег на красивую лошадь или лошадиную пару с коляской, в которых она так отчаянно нуждалась, чтобы пробиться в настоящее общество, в подлинный высший свет, где можно встретить человека, который женится на ней, а не просто сделает её своей содержанкой, чтобы вскоре бросить, перелетев на более юный, более свежий цветок.

— Пожалуйста, пожалуйста, ну пожалуйста, дядя Мишель, это так важно!

— Я знаю, моя капусточка, — печально сказал он в день её семнадцатилетия, когда она умоляла его купить ей заранее присмотренного мерина и подходящий костюм для верховой езды. — Я больше ничего не могу сделать, мне уже не к кому обратиться за услугой, я не знаю, кому ещё можно попробовать выкрутить руки, каких ростовщиков ещё можно уговорить дать мне ссуду. Я не знаю государственных тайн, которые можно было бы продать, у меня нет знакомых принцев, которых я мог бы возвести на престол. Я должен думать и о твоём младшем брате и о нашей дочери.

— Но пожалуйста, дядя, дорогой.

— У меня есть одна идея, последняя, и достаточно франков, чтобы оплатить скромный проезд на другой конец света к твоему отцу. Купить тебе кое-что из одежды, не больше.

Потом ей шили гардероб — у превосходной портнихи, — потом были примерка, подгонка, переделка и, о да, зеленое шелковое платье сверх первоначального заказа — дядя Мишель, конечно, не станет возражать, — потом захватывающее путешествие по железной дороге в Марсель, первое в её жизни, потом пароходом до Александрии в Египте, дальше сушей до Порт-Саида, мимо Суэца и первых котлованов канала, который задумал мсье де Лессепс и который, как считали все знающие, разумные люди, являлся просто ещё одним способом выкачать денежки из акционеров и посему никогда не будет достроен, а если и будет, то частично осушит

Средиземное море, ибо его уровень выше, чем уровень моря на юге. Потом — дальше; и с самого начала — мольбами, уговорами, хитростью, все, как положено, — первым классом:

— На самом деле разница ведь такая крохотная, дорогой, дорогой дядя Мишель...

Сладко пахнувшие ветра, новые лица, экзотические ночи и ясные дни — начало большого приключения, а на том конце этой радуги — красивый богатый муж, такой как Малкольм. И вот теперь все рухнуло из-за какого-то грязного туземца!

«Почему я не могу просто думать о чем-нибудь хорошем? — вдруг с болью спросила она себя. — Почему все приятные мысли перетекают в плохие, плохие — в ужасные, и тогда я начинаю думать о том, что действительно произошло, и плачу?»

Прекрати, — приказала она себе, прогоняя слезы. — Держи себя в руках. Будь сильной!

Прежде чем выйти тогда из комнаты, ты приняла решение: ничего не случилось, ты будешь вести себя как обычно, пока не наступят месячные. Когда они наступят — они наступят, — ты будешь в безопасности.

А если... если не наступят?

Не думай об этом. Господь не допустит, чтобы твое будущее было разорвано в клочья, это было бы несправедливо. Ты будешь молиться и останешься подле Малкольма, молясь и за него тоже, ты будешь изображать Флоренс Найтингейл, и тогда, возможно, ты выйдешь за него замуж».

Она повернула к нему голову, глядя поверх платочка. К её удивлению, он лежал с открытыми глазами и смотрел на неё.

— Запах все такой же отвратительный? — печально спросил он.

— Нет, *chéri*, — ответила она, довольная тем, что эта ложь звучала с каждым разом все искреннее и требовала все меньше усилий. — Немного супа, да?

Он устало кивнул, сознавая, что ему необходимо поесть, но что любая пища неизбежно извергнется обратно, терзая швы внутри него и снаружи, и боль, приходившая вслед за этим, снова заставит его стонать и корчиться, лишая достоинства, как бы он ни пытался справиться с ней.

— Дью не ло мо, — пробормотал он кантонское ругательство. Кантонский был его первым языком.

Она поднесла чашку, он сделал глоток, она вытерла ему подбородок, и он выпил ещё. Половина его существа хотела приказать ей уйти и не появляться, пока он снова не встанет на ноги, вторая половина смертельно

боялась, что она уйдет и никогда не вернется.

— Извините за все это... я так счастлив, что вы здесь.

Вместо ответа она лишь нежно коснулась его лба: ей хотелось уйти, хотелось вдохнуть свежего воздуха, поэтому она боялась открыть рот. «Чем меньше ты будешь говорить, тем лучше, — решила она с самого начала. — Тогда ты не угодишь в ловушку».

Она смотрела, как её руки ухаживают за ним, помогают ему поудобнее устроиться на подушке, успокаивают его, и все это время возвращалась мыслями к привычной для себя жизни, в Гонконге или в Париже, большей частью в Париже. Ни разу не позволяла она себе останавливаться на полуяви-полусне той ночи. Днём — никогда, слишком опасно. Только ночью, заперев дверь на засов, одна, в безопасности своей кровати, открывала она плотину в своём сознании и выпускала неистовый поток мыслей и воспоминаний на свободу.

Стук в дверь.

— Да?

В комнату вошёл Бебкотт. Она почувствовала, что краснеет под его взглядом. «Почему мне кажется, что он всегда может прочесть мои мысли?»

— Вот зашел проведать, как дела у моих пациентов, — бодро произнес он. — Ну-с, мистер Струан, как вы себя чувствуете?

— Примерно так же, благодарю вас.

Острый глаз Бебкотта подметил, что чашка с супом наполовину опустела, но рвоты ещё не было, простыня была чистой. Хорошо. Он взял кисть Струана. Пульс учащенный, но ровнее, чем вчера. Лоб все ещё липкий от пота, и температура пока держится, но и она упала по сравнению с вчерашним днём. «Осмелюсь ли я надеяться, что он действительно выкарабкается?» Его рот тем временем говорил, насколько лучше идут сегодня дела у больного, что все это заслуга юной леди, её внимательный уход, что он тут ни при чем — каждый раз одно и то же. «Да, но больше говорить почти нечего, так много ещё остается в руках Господа, если Он вообще существует. Почему я всегда добавляю это слово? Если».

— Если дела и дальше пойдут так же хорошо, я думаю, нам нужно будет перевезти вас назад в Йокогаму. Может быть, завтра.

— Это неразумно, — тут же вырвалось у неё. Мысль о том, что она может лишиться своего убежища, напугала её, и слова прозвучали резче, чем ей бы хотелось.

— Прошу прощения, но как раз наоборот, — мягко возразил Бебкотт, тут же стараясь успокоить её, восхищаясь её стойкостью и заботой о

Струане. — Я не стал бы этого советовать, будь это связано с риском, но переезд в самом деле был бы наиболее разумным решением. Дома мистеру Струану было бы гораздо удобнее, он получал бы больше помощи.

— Mon Dieu, что ещё я могу делать? Он не должен уезжать, пока ещё рано, рано.

— Послушайте, дорогая, — сказал Струан, стараясь, чтобы его голос звучал твердо. — Если доктор полагает, что я могу вернуться, это и вправду было бы хорошо. Это освободило бы вас и все бы упростило.

— Но я не хочу, чтобы меня освобождали. Я хочу, чтобы мы остались здесь, чтобы все было так же, как сейчас, без... без всякой спешки. — Она чувствовала гулкие удары сердца в груди и понимала, что все это похоже на истерику, но переезд не входил в её планы, она даже не задумывалась о нем. «Дура, какая же ты дура. Ты должна была сообразить, что им, конечно же, придется перевезти его. Думай! Что ты можешь сделать, чтобы помешать этому?»

Но оказалось, что мешать ничему не нужно. Пока разум её метался в поисках решения, Струан говорил, что ей не из-за чего переживать, в Поселении гораздо лучше, там она будет в большей безопасности, да и ему будет спокойнее, там десятки слуг, а в фактории Струанов полным-полно комнат, и, если она пожелает, ей отведут комнату рядом с его апартаментами, и она сможет жить там, приходить или уходить, когда ей будет угодно, и к нему она будет иметь доступ в любое время дня и ночи.

— Прошу вас, не волнуйтесь, я хочу, чтобы вы тоже были всем довольны, — заверил он её. — Вам там будет удобнее, я обещаю, а когда я поправлюсь, я...

Он схватился руками за живот, и его вырвало.

Вымыв его и дав ему снотворное, Бебкотт тихо сказал ей:

— В Поселении ему действительно будет лучше. Там у меня больше помощников, больше материалов, здесь почти невозможно содержать все в чистоте. Ему нужен... извините, но ему нужен более сильный помощник. Вы делаете для него больше, чем можете себе представить, но с некоторыми вещами его китайские слуги справятся лучше. Извините за прямоту.

— Вам не к чему извиняться, доктор. Вы правы, и я все понимаю. — Её мозг лихорадочно работал. Комната рядом с комнатой Малкольма станет идеальным решением, и там будут слуги и будет во что переодеться. Я найду портниху и закажу ей красивые платья, рядом со мной всегда будет горничная, как того требуют приличия, и там я смогу все держать в руках — и Малкольма, и своё будущее. — Для меня важно лишь то, что лучше

для него, — сказала она и добавила, понизив голос, потому что ей нужно было знать: — Сколько он ещё пробудет вот так?

— Прикованным к постели и относительно беспомощным?

— Да. Пожалуйста, скажите мне правду. Прошу вас.

— Я не знаю. По меньшей мере две или три недели, возможно, дольше, и он будет не слишком подвижен месяц или два после этого. — Доктор бросил короткий взгляд на неподвижное тело на кровати. — Я бы предпочел, чтобы вы не говорили ему об этом. Это лишь понапрасну его расстроит.

Она кивнула в ответ своим мыслям, довольная и успокоившаяся: все устроилось как нельзя лучше.

— Не волнуйтесь, я не скажу ни слова. Я буду молиться, чтобы он скорее поправился, и обещаю помогать всем, что в моих силах.

Покидая её, доктор повторял про себя снова и снова: боже, какая удивительная женщина! Будет Струан жить или умрет, ему уже повезло, что его так любят.

Салют из двадцати одного залпа со всех шести кораблей, пришедших с флагманом и стоявших теперь на якоре у Эдо, громовым эхом перекатывался над заливом и над городом. Весь личный состав флота охватило радостное возбуждение и чувство гордости от осознания своей мощи и того, что время расплаты пришло.

— Дальше этого нам идти не придется, сэр Уильям, — ликовал Филип Тайрер, стоя рядом с ним у борта; запах кордита ударял ему в голову. Город был неогляден. Затаился в молчании. Громада замка царила над ним.

— Посмотрим.

На капитанском мостике флагмана адмирал тихо говорил генералу:

— Это должно окончательно убедить вас, что наш Крошка Вилли всего лишь надувшийся попугай, одержимый манией величия. Королевский салют может идти ко всем чертям. Нам теперь лучше смотреть в оба, пока нас не обошли с флангов.

— Вы правы, клянусь Юпитером! Да. Я добавлю это к своему докладу, который ежемесячно отсылаю в военное министерство.

На палубе французского флагмана Анри Сератар попыхивал своей трубкой и смеялся вместе с русским посланником.

— Mon Dieu, мой дорогой граф, сегодня поистине счастливый день! Честь Франции будет восстановлена посредством обычного английского высокомерия. Сэр Уильям неминуемо потерпит поражение на переговорах. Ха, никогда ещё коварный Альбион не был так коварен.

— Да. Отвратительно, что это их флот, а не наш.

— Но скоро ваши эскадры и наши заменят их здесь.

— Да. Так, значит, наше тайное соглашение принято? Когда англичане уйдут, мы забираем себе Северный остров плюс Сахалин, Курилы и все острова, соединяющие Японию с русской Аляской, а Франция — все остальное.

— Принято. Как только Париж получит мой меморандум, я уверен, он будет ратифицирован на самом высоком уровне, тайно. — Сератар улыбнулся. — Когда образуется вакуум, наш долг дипломатов состоит в том, чтобы заполнить его...

Вместе с канонадой в воздухе над Эдо разорвался и повис великий страх. Все оставшиеся скептики присоединились к толпам людей,

запружавших каждую дорогу, мост и улицу: жители покидали город, прихватив с собой те немногие пожитки, что могли унести на себе — разумеется, нигде никаких колес. Все ожидали, что разрывающиеся снаряды и ракеты, о которых они слышали, но которых никогда не видели, вот-вот прольют огонь с неба, и их город запылает и будет гореть, гореть, гореть, и они сгорят вместе с ним.

— Смерть гайдзинам, — было на устах у всех.

— Скорее... дайте дорогу... скорее! — кричали люди, то тут, то там вспыхивала паника, кого-то давили под ногами, сталкивали с мостов, втискивали в двери домов, большинство же стоически продолжало двигаться вперед, но всегда в противоположную от моря сторону. — Смерть гайдзинам! — повторяли они, оставляя свои жилища.

Великий исход начался сегодня утром, едва лишь флот успел поднять якоря в бухте Иокогамы, хотя наиболее дальновидные торговцы ещё три дня назад потихоньку наняли лучших носильщиков и исчезли вместе со своими семьями и всеми ценностями, когда первые слухи о печальном происшествии и о возмущении и требованиях иностранцев, которые за ним последовали, пронеслись по городу.

Только самураи в замке и гарнизоны наружных оборонительных укреплений и форпостов оставались на месте. И, как всегда и везде, отбросы городских улиц — как на четырех, так и на двух ногах — крались, принохиваясь, среди незапиравшихся домов в поисках всего, что можно было бы украсть и потом продать. Крали очень мало. Мародерство считалось особенно страшным преступлением, и с незапамятных времен всех, кто нарушил этот закон, упорно преследовали и, поймав, распинали. Любая форма воровства каралась таким же образом.

В центральной башне замка сёгун Нобусада и принцесса Иядзу, дрожа, притаились за тонкой ширмой, обняв друг друга. Их стража, прислужницы и двор были готовы немедленно покинуть замок и ожидали только разрешения опекуна. Повсюду в замке воины готовили глубокую оборону, другие седлали лошадей и навьючивали на них наиболее ценное имущество старейшин для отправки вглубь страны вместе с самими владельцами сразу же, как только начнется обстрел или Совету донесут, что войска противника высаживаются на берег.

В зале Совета на спешно созванной встрече старейшин Ёси говорил:

— Повторяю, я не верю, что они нападут на нас крупными силами или об...

— А я не вижу никаких причин ждать. Оставить замок — разумное решение, они могут начать обстрел города в любой момент, — перебил его

Андзё. — Первая канонада была предупреждением с их стороны.

— Я так не думаю. По моему мнению, с их стороны это было лишь высокомерное возвещение о своём прибытии. Ни один снаряд не разорвался в городе. Флот не станет обстреливать нас, и я повторяю, завтрашняя встреча произойдет, как и было условлено. На этой встрече...

— Как вы можете быть так слепы? Если бы мы были на их месте и вы командовали этим флотом и обладали такой сокрушительной мощностью, неужели вы колебались бы хоть одно мгновение? — Андзё был вне себя от гнева. — Ну, отвечайте.

— Нет, разумеется, нет! Но они не мы, и мы не они, и только с этих позиций мы можем управлять ими.

— Ваш образ мыслей непостижим! — Андзё в отчаянии повернулся к трем другим членам Совета. — Сёгун должен быть доставлен в безопасное место. Мы также должны уехать, чтобы продолжать управлять страной. Это все, что я предлагаю, — временное отсутствие. За исключением нашей личной охраны, все остальные самураи остаются, бакуфу остается. — Он снова обратил горящий взгляд на Ёси. — Вы можете остаться, если желаете. Сейчас мы будем голосовать: временное отсутствие одобрено!

— Подождите! Если вы сделаете это, сёгунат навсегда потеряет лицо, мы никогда больше не сможем контролировать даймё и их противодействие нам — или бакуфу. Никогда!

— Мы просто принимаем разумное решение! Бакуфу остается на месте. Как и все воины. В качестве главного члена Совета я имею право назначить голосование, поэтому голосуйте! Я голосую «за»!

— Я говорю «нет»! — сказал Ёси.

— Я согласен с Ёси-саном, — произнес Утани, низкорослый худой человек с добрыми глазами и высохшим лицом. — Я согласен, что, если мы уедем, мы навсегда потеряем лицо.

Ёси улыбнулся ему в ответ, Утани нравился ему — даймё земли Ватаса были старинными союзниками его клана, ещё со времен, предшествовавших Сэкигахаре. Он перевел взгляд на двух других членов Совета, тоже глав кланов рода Торанага. Ни один из них не посмотрел ему в лицо. — Адати-сама?

Наконец Адати, даймё земли Мито, маленький шарообразный человечек, нервно произнес:

— Я согласен с Андзё-самой, что нам нужно уехать, и сёгуну, разумеется. Но я также согласен и с вами, что тогда мы можем многое потерять, даже если многое приобретем. Со всем уважением я голосую против!

Последний старейшина, Тояма, седой самурай на середине шестого десятка — глубокий старик по японским меркам, — с отвисшими щеками, потерявший один глаз на охоте, даймё земли Кии, отец юного сёгуна, сказал:

— Меня совсем не беспокоит, останемся ли мы в живых или умрем и погибнет ли мой сын, нынешний сёгун, — его место всегда займет другой. Но меня очень беспокоит то, что мы отступаем только потому, что гайдзины бросили якорь у нашего берега. Я голосую против отступления и за нападение, я голосую за то, чтобы спуститься к морю и, если эти шакалы сойдут на берег, убить их всех до единого, невзирая на их корабли, пушки и ружья!

— У нас здесь недостаточно войск для этого, — возразил Андзё. Его мутило от этого старика и его воинственности, которую он так нигде и не доказал. — Сколько раз мне нужно повторять: мы не имеем достаточно войск, чтобы удержать замок и помешать им высадиться крупными силами. Сколько раз мне нужно повторять: наши шпионы доносят, что у них на кораблях и в Поселении две тысячи солдат, вооруженных ружьями, и вдесятеро больше в Гонконге и...

— У нас здесь было бы больше чем достаточно самураев и их даймё, — гневно прервал его Ёси, — если бы вы не отменили санкин-котай!

— Таково было пожелание императора, переданное в письменном виде принцем его двора. У нас не было иного выхода, кроме как подчиниться. Вы подчинились бы точно так же.

— Да... если бы позволил вручить себе этот документ! Но я бы никогда его не принял, я бы отсутствовал сам или задержал бы принца, способов сотни, или договорился бы с Сандзиро, который подстроил все эти «просьбы», или попросил бы одного из наших сторонников при дворе передать императору прошение взять их назад, — резко парировал Ёси. — Любое прошение сёгуната должно быть удовлетворено — таков был закон испокон века. Мы по-прежнему контролируем суммы, выделяемые на содержание двора! Вы предали наши наследственные интересы!

— Вы называете меня предателем? — Все потрясенно смотрели, как рука Андзё сжалась на рукоятке меча.

— Я говорю, что вы позволили Сандзиро обвести себя вокруг пальца, — ответил Ёси, не шелохнувшись. Он оставался внешне спокоен и надеялся, что Андзё первым сделает роковое движение, тогда он сможет убить его и раз и навсегда покончить с его тупостью. — Не было ещё случая, чтобы мы пошли против Завещания. Это было бы предательство.

— Все даймё, кроме ближайших родственников Торанага, желали этого! Все члены бакуфу согласились, родзю согласился, лучше было согласиться, чем заставлять всех даймё переметнуться в лагерь дальних князей и тут же выступить против нас, как непременно поступили бы в этом случае Сандзиро, все Тоса и Тёсю. Мы оказались бы в полной изоляции. Разве это не правда? — обратился он к остальным. — Нет?

— Разумеется, это правда, что я согласился, — тихо произнес Утани. — Но теперь я думаю, что это было ошибкой.

— Наша ошибка была в том, что мы не перехватили Сандзиро и не убили его, — сказал Тояма.

— Он находился под защитой императорского мандата, — напомнил ему Андзё.

Губы старика искривились, обнажив желтые зубы.

— Ну так и что?

— Все сацума поднялись бы против нас, и с полным основанием, к ним присоединились бы княжества Тоса и Тёсю, и мы развязали бы всеобщую гражданскую войну, которую сейчас не в состоянии выиграть. Голосуйте! Да или нет?

— Я голосую за нападение, только за нападение, — упрямо повторил старик. — Сегодня — при любой их попытке высадиться на берег, завтра — на Иокогаму.

Издалека донесся скерл волюнок.

Ещё четыре катера направились к причалу, три из них были битком набиты шотландскими пехотинцами, которые должны были присоединиться к своим товарищам, уже построившимся на берегу. Барабаны гремели, волюнки нетерпеливо завывали. Сэр Уильям, Тайрер, Лун и три его помощника находились в последнем катере.

Когда они сошли на берег, капитан, командовавший отрядом, отдал честь.

— Все готово, сэр. Наши люди патрулируют этот причал и его окрестности. Морские пехотинцы сменят нас здесь через час.

— Хорошо. Тогда выдвигаемся к миссии.

Сэр Уильям со своей свитой уселся в карету, которую для них с таким трудом перевезли и на руках вытащили на берег. Двадцать матросов взялись за постромки. Капитан отдал приказ начать движение, и кортеж тронулся: флаги развевались, солдаты окружали их со всех сторон, впереди шествовал тамбурмажор двухметрового роста в великолепном мундире, замыкали процессию китайские носильщики из Иокогамы, которые,

изрядно нервничая, волочили за собой тележки с тюками и чемоданами.

Узкие улочки между приземистыми одноэтажными лавками и домами были пугающе безлюдны. Как и неизбежное заграждение у первого деревянного моста, переброшенного через канал, заполненный гнилой водой. Как и следующее за ним. Из проулка выскочила собака, рыча и скаля зубы. Сильный пинок тут же подбросил её в воздух и отшвырнул шагов на десять, после чего она поднялась и захромала прочь. Новые улицы и мосты, столь же пустынные. Однако продвижение кортежа к миссии было мучительным из-за кареты и из-за того, что все улицы были приспособлены исключительно для пешеходов. Карета снова застряла.

— Может быть, нам стоит пойти пешком, сэр? — спросил Тайрер.

— Нет, клянусь богом, я въеду в миссию в карете! — Сэра Уильяма душила злость на самого себя. Он забыл, какие узкие здесь улочки. В Иокогаме он тайно решил взять с собой карету просто потому, что колеса были запрещены, желая таким образом ещё раз выразить бакуфу своё недовольство. Он выглянул в окно и крикнул:

— Капитан, если вам понадобится снести дом-другой, пусть это вас не останавливает.

Но до этого дело не дошло. Матросы, привыкшие обращаться с тяжелыми пушками в тесноте нижних палуб, добродушно чертыхаясь, поддёргивали, подталкивали и наполовину проносили карету через все узкие места.

Миссия располагалась на небольшом возвышении в предместье Готэньяма, рядом с буддийским храмом. Это было двухэтажное, все ещё не законченное строение в британском стиле, окружённое высокой стеной с воротами. Строительные работы начались уже через три месяца после подписания Соглашений.

Строительство шло мучительно медленно отчасти потому, что англичане настаивали на использовании привычных для них строительных материалов, например стекла для окон и кирпича для несущих стен, — их приходилось доставлять из Лондона, Гонконга или Шанхая, — а также на строительстве фундамента и других подобных элементов, которых японские дома, как правило, не имели, будучи деревянными, намеренно легкими в постройке и ремонте из-за частых землетрясений и по той же причине поднятыми над землей на столбах. Основные проволочки, однако, объяснялись нежеланием бакуфу иметь какие бы то ни было иностранные здания вне иокогамского Поселения.

Но даже недостроенная, миссия была заселена, и ежедневно на верхушку высокого флагштока взвивался британский флаг, вызывая ещё

большее раздражение у бакуфу и местных жителей. В прошлом году миссия была временно оставлена по приказу предшественника сэра Уильяма, после того как ронины ночью убили двух охранников у двери его спальни, чем привели британцев в бешенство и доставили огромную радость японцам.

— О, мы искренне сожалеем... — сказали бакуфу.

Но само место, отданное англичанам в бессрочную аренду — по ошибке, как заявляло бакуфу с тех самых пор, — было выбрано удачно. Вид, открывавшийся со двора миссии, был лучшим во всей округе, и отсюда они могли видеть флот, ставший на якорь в боевом порядке на безопасном удалении от берега.

Кортеж прибыл, оцетинившись ружьями, чтобы снова вступить во владение. Сэр Уильям решил переночевать в миссии, дабы подготовиться к завтрашней встрече, и, суется, бегал туда-сюда, когда его остановил капитан, поднеся руку к треуголке.

— Да?

— Поднять флаг, сэр? Обеспечить охрану миссии?

— Немедленно. Все по плану, побольше шума: барабаны, волынки и так далее. На закате пусть волынщики проиграют отбой, и заставьте их и барабанщиков разок пройти с музыкой взад-вперед.

— Слушаюсь, сэр. — Капитан подошел к флагштоку. Торжественно, под гром барабанов и скерл волынок «Юнион Джек» снова взлетел на верхушку мачты и заплескался там, наполняя души гордостью. В тот же момент, как было условлено заранее, с флагмана грянул приветственный бортовой залп. Сэр Уильям взял шляпу на отлет и вместе с остальными трижды прокричал здравицу королеве.

— Отлично, вот так-то лучше. Лун!

— Хейя, масса?

— Погоди-ка минутку, ты не Лун!

— Я Лун Два, масса, Лун Один приходит ночью, чоп-чоп.

— Хорошо, Лун Два. Ужин на закате, ты делать каждый масса оч-чень удобный, ладно.

Лун Два угрюмо кивнул, ему было крайне не по себе в таком уединенном месте, открытом для нападения, в окружении тысячи притаившихся враждебных глаз, на которые никто не обращал внимания, хотя почти каждый должен был чувствовать на себе их взгляд, — поразительное легкомыслие. «Я никогда не пойму варваров», — подумал он.

В ту ночь Филип Тайрер не мог заснуть. Он лежал на одном из соломенных матрацев, брошенных поверх потертого ковра на полу, устало переворачиваясь с боку на бок каждые несколько минут. В его голове неприятно путались мысли о Лондоне и Анжелике, нападении, завтрашней встрече, ноющей боли в руке и сэре Уильяме, который весь день раздражался по пустякам. В маленькой комнате было холодно, этот холод напоминал, что скоро наступит зима. Застекленные окна выходили на большой, красиво спланированный парк позади здания миссии. Второй матрас в той же комнате предназначался капитану, но тот ещё не вернулся с обхода.

Не считая возни собак, рыскавших в поисках пищи, и редкого мяуканья бродячих кошек, город был погружен в тишину. Время от времени он слышал далекое звяканье корабельных колоколов флота, отбивавших склянки, да гортанный хохот размещенных там солдат, и чувствовал себя спокойнее. «Эти бойцы не знают себе равных, — думал он. — Мы здесь в полной безопасности».

В конце концов он встал, зевнул, на цыпочках подошел к окну, открыл его и облокотился на подоконник. Снаружи была сплошная темень, плотные облака заволокли все небо. Ни одной тени нельзя было различить, но он видел много шотландцев, патрулировавших сад с масляными фонарями. За забором с одной стороны в темноте проступали неясные очертания буддийского храма. На закате, когда волынки проиграли отбой и «Юнион Джек» был по обычаю спущен на ночь, монахи затворили тяжелые ворота храма, прозвонили в колокол, а потом наполнили ночь своим странным песнопением: «Ом-м-ммани-и-и падми-и-ихум-м-м...», повторяя эти слова снова и снова. На Тайрера пение действовало успокаивающе, в отличие от многих других, которые встретили его свистом, улюлюканьем и грубыми криками монахам, чтобы те заткнулись.

Он зажег свечу, стоявшую у постели. Его часы показывали два тридцать. Снова зевнув, он подтянул одеяло, привалился к стене, подложив под спину жесткую подушку, открыл маленький дипломат со своими инициалами на тисненой коже — прощальный подарок его матери — и достал оттуда свою тетрадь. Читая глазами столбик японских слов и фраз, записанных им на слух, он вполголоса произносил их английский перевод. Перевернул страницу, следующую, потом ещё одну. Потом проделал то же самое наоборот: читал английский перевод и произносил вслух японские слова. Он с удовольствием отметил, что не ошибся ни разу.

— Их так мало, я не знаю, правильно ли я их произношу, у меня так мало времени и я ещё даже не начал изучать письмо, — пробормотал он.

Вчера днём он случайно встретил француза в одной из лавок в японской деревне, которая обслуживала Поселение. Эти лавки тянулись вдоль главной улицы деревни, находившейся в стороне от моря позади Хай-стрит, главной улицы Поселения, и примыкавшей к Пьяному Городу. Все лавки казались одинаковыми, все торговали одним и тем же набором местных товаров от снеди до рыбацкого снаряжения, от дешевых мечей до предметов старины. Он копался на полке с японскими книгами — бумага очень высокого качества, многие прекрасно отпечатаны и иллюстрированы гравюрами — и старался как-то изъясниться перед вежливо улыбавшимся во весь рот владельцем.

— Pardon, Monsieur, — сказал незнакомец, — но вам нужно назвать род книг, которые вас интересуют. — Ему было лет тридцать с небольшим. Чисто выбритое лицо с карими глазами и тонким галльским носом, вьющиеся каштановые волосы, хорошо одет. — Вам следует сказать: Ватаси хосии хон, ингэриги нихонго, додзо — Я бы хотел книгу, в которой есть английский и японский. — Он улыбнулся. — Разумеется, таких книг нет, хотя этот парень ответит вам с раболепной искренностью: А со дэсу ка, гомэн насай и так далее — Ах, очень жаль, сегодня у меня её нет, но если вы придёте завтра... Конечно, он не говорит вам правды, он говорит только то, что вы, по его мнению, хотите услышать — старейшая японская привычка. Боюсь, японцы вообще не слишком щедры на правду, даже между собой.

— Но, мсье, позвольте тогда спросить, как вам удалось выучить японский — совершенно очевидно, что вы свободно говорите на этом языке.

Человек приятно рассмеялся.

— Вы слишком добры. Нет, далеко не свободно, хотя я стараюсь. — Беспечно веселое пожатие плечами. — Терпение. Помогло ещё и то, что некоторые из наших святых отцов говорят на нем.

Филип Тайрер нахмурился.

— Боюсь, я не католик, моя церковь англиканская, и... э... я ученик-переводчик при британской дипломатической миссии. Меня зовут Филип Тайрер, я только что приехал и пока ещё не совсем здесь освоился.

— А, ну конечно, молодой англичанин с Токайдо. Пожалуйста, извините меня, я должен был бы узнать вас, мы все были в ужасе, когда слышали об этом происшествии. Позвольте представиться, Андре Понсен, уроженец Парижа, я негоциант.

— Je suis enchanté de vous voir,^[12] — сказал Тайрер, легко переходя на французский, на котором говорил бегло, хотя и с чуть заметным

английским акцентом. По всему миру за пределами Британии французский был признанным языком дипломатии, а также лингва франка для большинства европейцев, что делало знание его необходимым атрибутом каждого чиновника министерства иностранных дел — так же как и для всякого, кто считал себя человеком образованным. По-французски же он добавил: — Как вы думаете, возьмутся святые отцы обучить меня или хотя бы позволят мне посещать их занятия?

— Не думаю, чтобы кто-то из них вел занятия как таковые. Я мог бы спросить. Завтра вы отправляетесь вместе со флотом?

— О да, непременно.

— Я тоже. С мсье Сератаром, нашим посланником. Вы работали в миссии в Париже до приезда сюда?

— К сожалению, нет. В Париже я провел всего две недели, мсье, когда у меня был отпуск. Япония — мое первое назначение.

— О, но ваш французский превосходен, мсье.

— Боюсь, что нет, право, вы преувеличиваете, — произнес Тайрер, опять переходя на английский. — Я полагаю, вы тоже переводчик?

— О нет, всего лишь предприниматель, но иногда я стараюсь помочь мсье Сератару, когда его официальный переводчик с голландского бывает болен, — я говорю по-голландски. Стало быть, вы желаете выучить японский как можно скорее, а? — Понсен подошел к полке и выбрал книгу. — Вам ещё не попадалась одна из таких? Это книга Хиросигэ «Пятьдесят три станции на дороге Токайдо». Не забывайте, что начало книги там, где для нас конец, они пишут справа налево. Картины изображают придорожные станции до самого Киото. — Он полистал книгу. — Смотрите, вот Канагава, а вот Ходогая.

Четырехцветные ксилографии были изумительны, превосходя все, что Тайреру доводилось видеть раньше, мельчайшие детали были выполнены с поразительной точностью.

— Они просто чудесны.

— Да. Автор умер четыре года назад. Очень жаль, потому что он действительно был чудом. Некоторые из их художников — поразительные мастера: Хокусай, Масанобу, Утамаро и ещё с десяток других. — Андре рассмеялся и вытащил другую книгу. — Вот, это вещь для вас просто необходимая, введение в японский юмор и каллиграфию, как они называют своё письмо.

У Филипа Тайрера отвисла челюсть. Порнография была пристойной и абсолютно откровенной: страница за страницей мужчины и женщины в великолепных одеяниях — их обнаженные гениталии чудовищно

увеличены и выписаны с величавой подробностью, до последнего волоска — совокуплялись энергично и изобретательно.

— О, мой бог!

Понсен громко расхохотался.

— А, значит, я познакомил вас с новым удовольствием. Как эротика эти книги уникальны, у меня их целая коллекция, я с радостью вам её покажу. Одни называются сунга-э, другие — юкиё-э, картины Ивового Мира или Плывающего Мира. Вы ещё не бывали ни в одном из их борделей?

— Я... я, нет... нет, я... я... э... не бывал.

— О, в таком случае вы позволите мне быть вашим гидом?

Теперь Тайрер вспоминал их разговор и то тайное смущение, которое он испытал в тот момент. Он попытался изображать из себя светского человека под стать французу, но в то же время в ушах его не умолкая звучал суровый голос отца и многократно повторенное им напутствие: «Послушай, Филип, французы — народ подлый и верить им нельзя ни на грош. Парижане — первые подонки во всей Франции, а Париж, без сомнения, самый греховный город цивилизованного мира — похотливый, вульгарный и... французский!»

Бедный папа, подумал Филип, он ошибается насчет столько вещей, но вряд ли его можно винить в этом: он жил во времена Наполеона и уцелел в кровавой бане Ватерлоо. Как ни велика была эта победа, она не могла не ужаснуть десятилетнего мальчишку-барабанщика. Неудивительно, что он никогда не простит, никогда не забудет, никогда не сможет принять новую эру. Ну да ладно, у папы своя жизнь, и как бы я ни любил и ни восхищался им за все, что он сделал, я должен прокладывать свой путь. Франция теперь почти наш союзник — нет ничего плохого в том, чтобы слушать и учиться.

Он покраснел, вспомнив, как ухватился за слова Андре — втайне стыдясь своего жадного влечения.

Француз объяснил, что в Японии бордели, лучшие из них, являлись местами большой и утонченной красоты, а про куртизанок, дам Плывающего или Ивового Мира, как их здесь называли, он без преувеличения мог сказать, что лучших он не встречал нигде в мире.

— Разумеется, существуют градации, и в большинстве городов есть и уличные проститутки. Но здесь у нас имеется наш собственный квартал удовольствий, он называется Ёсивара. Это снаружи ограды, по ту сторону моста. — Вновь приятный хохоток. — Мы называем его Мостом в Рай. О да, и вам следует знать, что... о, простите, я увлекся и мешаю вам делать покупки.

— Да нет, что вы, совсем нет, — тут же выпалил он. Сердце у него упало при мысли, что этот поток информации сейчас иссякнет и такая редкая возможность будет безвозвратно упущена, и он добавил на своём самом цветистом и изысканном французском: — Я счел бы для себя честью, если бы вы не отказали мне в любезности продолжать, нет, в самом деле, это так важно — узнавать новое, как можно больше нового, и учиться, а я боюсь, люди, в кругу которых я вращаюсь, с которыми беседую, не... к сожалению, не парижане, они большей частью скучноваты и лишены французской утонченности. В ответ на вашу доброту я могу предложить вам чашку чая или бокал шампанского в английской чайной или, возможно, что-нибудь более крепкое в отеле Июкогамы — сожалею, но я пока ещё не член клуба.

— О, вы слишком добры, да, я с удовольствием принимаю ваше предложение.

С благодарным видом Филип подозвал лавочника и с помощью Понсена расплатился за книгу, удивившись про себя тому, как мало она стоила. Они вышли на улицу.

— Вы говорили об Ивовом Мире?

— В нем нет ничего грязного и отвратительного, как в большинстве наших борделей да и почти во всех борделях в любой другой части света. Здесь, как в Париже, но в ещё большей степени, половой акт является формой искусства, столь же изысканной и неповторимой, как приготовление пищи. Его рассматривают, практикуют, наслаждаются им именно как искусством, без всякого... прошу извинить меня, без всякого англосаксонского «чувства вины», совершенно неоправданного.

Инстинктивно Тайрер напрягся и выпятил грудь. Какое-то мгновение он испытывал искушение поправить своего собеседника и указать ему, что существует огромная разница между «чувством вины» и здоровым отношением к морали и всем добрым викторианским ценностям. И добавить, что, к сожалению, французы никогда не обладали способностью к такому разграничению из-за своей склонности к распущенной жизни, сбивающей с истинного пути даже таких августейших особ, как принц Уэльский, который открыто считал Париж своим домом («Источник крайней озабоченности в самых высоких английских кругах, — гневно писал „Таймс“. — Вульгарность французов не знает предела, взять хотя бы их дешевое стремление к показной роскоши и новые крайне предосудительные танцы, такие как, например, канкан, где, по рассказам заслуживающих доверия лиц, танцовщицы специально не надевают — их даже просят об этом! — никакого нижнего белья абсолютно»).

Но он промолчал, понимая, что будет лишь, как попугай, повторять слова своего отца. «Бедный папа», — подумал он снова, целиком переключая внимание на Понсена. Они шли по Хай-стрит, солнце приятно грело лица, воздух бодрил, все обещало прекрасный день на завтра.

— Но здесь, в Ниппоне, мсье Тайрер, — с радостью увлеченно продолжал француз, — существуют замечательные правила и традиции как для клиентов, так и для девушек. Например, они никогда не выставляются напоказ все в один раз, за исключением самых низкосортных заведений, но даже и там вы не можете просто войти и сказать: я хочу вот эту.

— Не могу?

— О нет, она всегда имеет право отказать вам без всякой потери лица с её стороны. Существуют особые протоколы — позже я могу объяснить подробнее, если вы пожелаете, — но каждый дом управляется мадам, которую зовут здесь мама-сан, «сан» — это суффикс, который означает «господин», «госпожа» или «мадам». И эта мама-сан больше всего на свете гордится элегантностью своего заведения и своих леди. Нет нужды говорить, что все дома разнятся в цене и утонченности. В самых лучших мама-сан осматривает вас, как ветеринар лошадь, это очень подходящее сравнение. Она старается убедиться, достойны ли вы того, чтобы почтить своей милостью её дом и все, что он содержит, — в сущности решает, в состоянии или нет вы оплатить счет. В этой стране хороший клиент может пользоваться огромным кредитом, мсье Тайрер, но да сжалится над вами Небо, если вы не заплатите или хоть раз опоздаете с оплатой, когда вам скромно представят счет. Каждый дом в Японии в этом случае ни под каким видом не позволит вам войти внутрь.

Тайрер нервно хохотнул над игрой слов.

— Как они все узнают об этом, я не представляю, но узнают. Отсюда до самого Нагасаки. Поэтому, мсье, в определенном смысле это рай. Мужчина может наслаждаться девушками в кредит целый год, если ему так удобнее. — Лицо Понсена неуловимо изменилось. — Но мудрый человек покупает контракт дамы и оставляет её исключительно для своего собственного удовольствия. Они поистине так... так очаровательны и недороги, если учесть ту огромную прибыль, которую мы получаем при обмене денег.

— Вы... ну-у... вы именно это мне советуете?

— Да, советую, да.

Потом они пили чай. Потом шампанское в клубе, где Андре совершенно очевидно хорошо знали и принимали. Расставаясь, Андре сказал:

— Ивовый Мир заслуживает любви и внимания. Я почти за честь быть в нем одним из ваших проводников.

Филип поблагодарил его, зная, что никогда не воспользуется преимуществами этого предложения. «Я имею в виду, а как же Анжелика? И ведь можно... можно заразиться одной из этих гнусных болезней, гонореей, к примеру, или французской болезнью, которую французы называют английской болезнью, а врачи зовут сифилисом, и которая, как упирал на это Джордж Бебкотт в разговоре со мной, процветает под любым именем во всех азиатских и индийских портах, открытых для иностранцев, „или вообще в любом порту, если уж на то пошло, Филип. Я отмечаю здесь много случаев этой болезни среди японцев, и не всегда они заразились ею от европейцев. Если вы имеете такого рода наклонности, надевайте чехольчик; чехольчики, правда, не всегда безопасны, и большого добра от них ждать не приходится. Лучше вообще не стоит, если вы понимаете, о чем я говорю“».

Филип Тайрер вздрогнул всем телом. С женщиной он был только однажды. Два года назад после сдачи последних экзаменов они с друзьями-студентами устроили шумную попойку в пабе «Звезда и Подвязка» на Понт-стрит. «Пришло время, Филип, старина. Мы обо всем договорились, она сделает это за два пенса, ведь правда, Флосси?» Она разливала пиво у стойки, разбитная девчонка лет эдак четырнадцати. Соитие произошло второпях, в крохотной, пропахшей потом и ещё бог знает чем комнатенке наверху — пенни ей и пенни хозяину паба. Несколько следующих месяцев он прожил в смертельном страхе, что заразился.

— В нашей Ёсиваре к нашим услугам более пятидесяти Чайных домиков, как их называют, или гостиниц, все они имеют лицензию и подчиняются властям, каждый день строятся новые. Но будьте осторожны, не ходите никуда в Пьяном Городе. — Пьяным Городом называлась менее презентабельная часть Поселения с низкосортными барами и дешевыми постоялыми дворами, лепившимися вокруг единственного европейского борделя. — Это место для солдат, матросов, неудачников, игроков, искателей приключений, вообще всякого сброда, они собираются там, потому что там их терпят. В каждом порту есть такие люди, потому что у нас ещё нет полиции, нет законов об иммигрантах. Может быть, Пьяный Город и служит нам своего рода перепускным клапаном, но бывать там с наступлением темноты неразумно. Если вам дорога ваша записная книжка и личные вещи, не берите их туда. Мусуко-сан заслуживает лучшего.

— Что?

— А, очень важное слово. Мусуко означает «сын», или «мой сын».

Мусуко-сан дословно означает «достойный сын» или «господин мой сын», но на местном жаргоне — «мужской член», или «мой досточтимый член», просто и хорошо. Девушек называют мусуме.

Само по себе слово означает «дочь», или «моя дочь», но на языке Ивового Мира это влагалище. Вы говорите своей девушке: Конбанва, мусуме-сан. Добрый вечер, *chérie*. Но если вы скажете это с искоркой в глазах, она поймет, что вы имеете в виду: «Как она? Как поживает твоя Золотая Ложбина?» — так китайцы иногда называют эту дорогу мужчины в рай — они очень мудры, эти китайцы, потому что стенки её и впрямь выстланы золотом, она питается золотом и открыть её может, так или иначе, только золото...

Тайрер откинулся на подушку, забыв о своей тетради. Мысли теснились в его голове. Прежде чем он осознал это, маленькая книжечка юкиё-э, которую он прятал в портфеле, оказалась открытой у него на коленях, а сам он увлеченно рассматривал картинки. Спohватившись, он захлопнул её и убрал назад.

Что толку любоваться на грязные картинки, подумал он, снедаемый отвращением к самому себе. Свеча оплывала. Он задул пламя и улегся в темноте, ощущая знакомую боль в низу живота.

Какой же Андре счастливчик! Совершенно ясно, что у него есть любовница. Это должно быть восхитительно, даже если только половина из того, что он говорил, правда.

Интересно, смог бы и я заиметь такую же? Смог бы купить контракт? Андре уверял, что многие здесь так поступают, снимают маленький частный домик в Ёсиваре, о котором, если таково будет ваше желание, никто не узнает: «Ходят слухи, что у всех посланников есть любовницы-японки; сэр Уильям-то уж точно ходит туда по крайней мере раз в неделю — он думает, что для всех это тайна, но все шпионят за ним и смеются. Не ходит голландец, про которого говорят, что он импотент, и русский, который открыто предпочитает наведываться в разные дома...»

Стоит ли мне рискнуть, если это окажется мне по карману? В конце концов, Андре дал мне особый повод: «Чтобы быстро выучить японский, мсье, обзаведитесь спящим словарем — это единственный способ».

Однако его последней мыслью, перед тем как сон завладел им, было: «Интересно, почему это Андре был так добр ко мне, так разговорчив со мной? Редко француз ведет себя столь открыто с англичанином. Очень редко. И как странно, что он ни разу не упомянул об Анжелике...»

Время близилось к рассвету. Ори и Хирага, вновь облаченные с головы

до пят в одежду ниндзя, вышли из своего укрытия в строениях храма, откуда была хорошо видна вся миссия, и молча побежали вниз с холма, через деревянный мост, потом свернули в узкую улочку, добежали до её конца, свернули в другую. Хирага бежал впереди. Их заметила бродячая собака, зарычала, бросилась им наперерез и умерла. Уверенная короткая дуга, которую описал меч Хираги, была почти неуловима глазу. Он заспешил дальше с обнаженным мечом в руке, почти не спотыкаясь в темноте, углубляясь все дальше и дальше в лабиринт городских улиц. Ори осторожно следовал за ним. Сегодня ночью его рана начала нагнаиваться.

У стены какой-то лачуги на безопасном перекрестке Хирага остановился.

— Здесь все тихо, Ори! — прошептал он.

Торопливо оба самурая выскользнули из одежды ниндзя, затолкали её в мягкую котомку, которую Хирага нес за спиной, и переоделись в ничем не примечательные кимоно. С огромной тщательностью Хирага вытер меч куском шелка, который все самураи носили специально для этой цели, чтобы предохранить клинки от ржавления, потом убрал его в ножны.

— Готов?

— Да.

Хирага снова пустился в путь, уверенно выбирая дорогу, держась в тени, где это было возможно, останавливаясь перед каждым открытым пространством до тех пор, пока не убеждался, что им ничего не грозит, не видя ни души и ни с кем не сталкиваясь, потом бежал дальше, направляясь к их убежищу.

Они следили за миссией с раннего утра. Бонзы — буддийские монахи — делали вид, что не замечают их, после того как уверились, что эти двое не были ворами, и Хирага назвал им себя и свою цель: следить за гайдзинами.

Буддийские монахи фанатично ненавидели всех иноземцев, отождествляя их с иезуитами, которые до сих пор оставались их самыми ненавистными и грозными врагами.

— А, так вы сиси, тогда добро пожаловать вам обоим, — сказал один старый монах. — Мы никогда не забудем, что иезуиты погубили нас и что сёгуны из династии Торанага — наш бич.

С середины XV века до начала XVI португальцы были единственными в Европе, кто знал путь в Японию. Папским эдиктом все острова были отданы им в безраздельное пользование, и португальские иезуиты, единственные из всех католических священников, получили право нести туземцам слово Христово. В течение нескольких лет они обратили в

христианство столько даймё, и, естественно, всех их вассалов, что диктатор Горуда воспользовался этим как предлогом, чтобы вырезать тысячи буддийских монахов, которые в то время имели свои вооруженные отряды, считались влиятельной силой в стране и противостояли ему.

Тайро Накамура, унаследовавший его власть, расширил её до огромных пределов и повел тонкую игру, поддерживая то монахов, то иезуитов, лстя, уговаривая, преследуя, убивая. Потом пришел Торанага.

Торанага, терпимо относившийся ко всем религиям, правда, не иноземного происхождения, заметил, что все обращенные в христианство даймё первоначально сражались на стороне его врагов у Сэкигахары. Три года спустя он стал сёгуном, а ещё через два года отрекся от этого титула в пользу своего сына Судары, хотя и продолжал удерживать в своих руках реальную власть, что было старинной японской традицией.

В годы своего правления он жестоко преследовал иезуитов и буддистов и устранил или нейтрализовал всех князей-католиков. Его сын, сёгун Судара, ещё туже затянул аркан, а сын Судары, сёгун Хиронага, завершил осуществление плана, с такой дальновидной осмотрительностью заложенного в Завещании, когда официально объявил христианство вне закона и запретил исповедовать его под страхом смерти. В 1638 году сёгун Хиронага разрушил последний оплот христианства в Симбаре, неподалеку от Нагасаки, где собрались восставшие против него несколько тысяч ронинов и тридцать тысяч крестьян со своими семьями. Всех, кто отказывался отречься от своей веры, немедленно распинали или предавали мечу, как обыкновенных преступников. Отступников набралось всего несколько человек. После этого он переключил все своё внимание на буддистов. Буквально через несколько дней он благосклонно принял в дар все их земли, сковав их таким образом по рукам и ногам.

— Мы рады вам, Хирага-сан, Ори-сан, — снова повторил старый монах. — Мы за сиси, за сонно-дзёи и против сёгуната. Вы можете свободно приходить и уходить по своему желанию. Если вам понадобится помощь, скажите нам.

— Тогда ведите счет количеству солдат, сколько их прибывает, сколько убывает, какие комнаты и кем заняты.

Теперь они почти достигли своего убежища, гостиницы, которая лежала к востоку от замка.

Пять представителей бакуфу неторопливо проследовали через ворота во внутренний двор миссии в своих паланкинах. Они опоздали на час. Перед ними шли самураи со знаменами, на которых были изображены их официальные гербы, со всех сторон их окружала стража. Сэр Уильям стоял на верху широкой лестницы, которая вела к представительному парадному входу в миссию. Рядом с ним находились французский, русский и прусский посланники — их помощники, Филип Тайрер и другие сотрудники миссии расположились чуть поодаль — и почетный караул из шотландских горцев и нескольких французских солдат, на которых настоял Сератар. Адмирал Кеттерер и генерал остались на борту флагмана, в резерве.

С большой церемонией японцы поклонились, сэр Уильям и все остальные приподняли шляпы. Они торжественно проводили японцев в большой зал для приемов, стараясь не показать, насколько нелепым они находили их наряд: маленькие черные лакированные шапочки, сидевшие посередине выбритой части головы и аккуратно подвязанные под подбородком, верхняя мантия с огромными плечами, разноцветные парадные кимоно из шелка, просторные штаны, сандалии на ремешках и толстые носки с отделенным от остальных большим пальцем — таби, — веер за поясом и неизменные два меча.

— В эти их шапчонки даже не помочиться толком, — заметил русский.

Сэр Уильям опустился на центральный из пяти стульев в окружении других посланников, с одного края вместе с ними сел Филип Тайрер, чтобы число участников со стороны европейцев тоже равнялось пяти, бакуфу сели на стулья напротив, переводчики расположились на подушках посередине. После продолжительного обсуждения участники переговоров сошлись на пяти охранниках с каждой стороны. Эти люди встали позади своих хозяев, с подозрением поглядывая друг на друга.

Следуя строгому протоколу, противные стороны представились друг другу. Торанага Ёси был последним:

— Томо Ватанабэ, младший чиновник второго класса, — сказал он, изображая смирение, которого не испытывал, и занял наименее почетное место с краю. Его одежда была не так богата, как у остальных членов делегации, которые вместе со всеми стражниками получили приказ под страхом наказания относиться к нему как к самому незначительному из пяти чиновников.

Он устроился на стуле, чувствуя себя странно. Как отвратительны эти враги, думал он, как смешны и убоги эти их высокие шляпы, невообразимые сапоги и уродливые черные одежды из толстой материи — неудивительно, что от них так смердит!

Сэр Уильям сказал осторожно и просто:

— Английский подданный был убит самураями Сацумы...

К пяти часам европейцы были готовы взорваться, японцы же по-прежнему оставались вежливыми, улыбающимися, внешне невозмутимыми. Десятком различных способов их представитель заявлял, что... очень жаль, но их юрисдикция не распространяется на Сацуму, они ничего не знают об убийцах и о том, как их можно было бы изловить, но да, это происшествие достойно всяческого сожаления, но нет, они не представляют, как можно было бы получить репарации, но да, при определенных условиях вопрос о возмещении мог бы быть обсужден, но нет, сёгун пока в отсуствии, но да, сёгун был бы рад принять их, когда вернется, но нет, не в обозримом будущем, но да, мы немедленно подадим прошение назначить точный день, но нет, в этом месяце невозможно, потому что его нынешнее местопребывание никому не известно, но да, они выяснят это как можно скорее, но нет, следующая встреча и все другие встречи не должны проходить в Эдо, но да, в Канагаве, но очень жаль, не в этом месяце, возможно, в следующем, но нет, очень жаль, мы не имеем полномочий...

Каждый пункт приходилось переводить с английского на голландский, потом на японский. За этим обычно следовало пространное обсуждение. Затем ответ прилежно переводился на голландский и снова на английский с неизбежными наставлениями и всегда с вежливыми просьбами пояснить суть самых тривиальных деталей.

Ёси находил всю процедуру крайне интересной для себя. Он никогда ещё не присутствовал при таком скоплении гайдзинов и ни разу не участвовал в переговорах, где низшие по званию, неслыханное дело, обсуждали вопросы политики, вместо того чтобы слушаться и подчиняться.

Трое из остальных четырех японцев были настоящими, хотя и незначительными, чиновниками бакуфу. Все представились под вымышленными именами, общепринятая традиция на переговорах с иностранцами. Переодетый под бакуфу самозванец, тайно говоривший по-английски, сидел рядом с Ёси. Его звали Мисамото.

Ёси приказал ему запоминать все и украдкой сообщать ему, если что-то важное не будет переведено правильно, в остальном же держать рот на замке. Этот человек был преступником, ожидавшим смертной казни.

Когда Ёси послал за ним позавчера, Мисамото тут же пал ниц перед ним, трясаясь от страха.

— Поднимись и сядь сюда. — Ёси показал веером на край платформы из татами, на которой сидел сам.

Мисамото мгновенно подчинился. Это был маленький человечек с узкими глазами-щелками, длинными сальными волосами и бородой. По его лицу струился пот. Одежда его была груба и почти превратилась в лохмотья, руки покрывали мозоли, а кожа приобрела цвет темного меда.

— Ты будешь говорить мне правду: чиновники, допрашивавшие тебя, доносят, что ты говоришь по-английски?

— Да, господин.

— Ты родился в Андзиро в провинции Идзу и побывал в стране, которая зовется Америкой?

— Да, господин.

— Как долго ты там пробыл?

— Почти четыре года, господин.

— Где именно в Америке?

— В Сан-Франциско, господин.

— Что такое Санфрансиска?

— Большой город, господин.

— Только там?

— Да, господин.

Ёси изучающе посмотрел на него, информация была нужна ему быстро. Он видел, что человек отчаянно пытается быть полезным, но в то же время смертельно боится, боится его и стражников, которые грубо втащили его в комнату и ткнули лицом в пол. Поэтому Ёси решил попробовать другой подход. Он отпустил стражу, встал и облокотился на подоконник, глядя на город.

— Расскажи мне, быстро, своими словами, что произошло с тобой.

— Я был рыбаком в деревне Андзиро в Идзу, господин, где и родился тридцать три года назад, — тут же начал Мисамото. Было видно, что этот рассказ он повторяет уже, наверное, в сотый раз. — Девять лет назад я вышел в море на своей лодке с шестью другими рыбаками. Мы были всего в нескольких ри от берега, но попали в неожиданно поднявшуюся бурю, которая вскоре превратилась в страшный ураган, он гнал нас перед собой на восток в открытое море тридцать дней или больше, нас снесло на сотни ри, может быть, на целую тысячу, господин. За это время трех моих спутников смыло за борт. Потом море успокоилось, но наши паруса были изодраны в клочья, кончилась вода и все запасы пищи. Мы втроем

попытались рыбачить, но ничего не поймали, воды взять было негде... Один из нас сошел с ума. Он прыгнул в воду и поплыл к острову, который ему привиделся, и быстро утонул. Мы не видели ни земли, ни корабля, кругом одна вода. Много дней спустя последний из моих спутников, мой друг Исии, умер, и я остался один. Потом наступил день, когда я подумал, что уже умер, потому что увидел этот странный корабль, который двигался вперед без парусов и дымил, словно охваченный пожаром, но это был всего лишь колесный пароход, американский, следовавший из Гонконга в Сан-Франциско. Они спасли меня, накормили, обращались со мной как с одним из них, — я был очень испуган, господин, но они поделились со мной водой и пищей, дали мне одежду...

— Этот американский корабль отвез тебя в этот город Сан? Что было дальше?

Мисамото рассказал ему, как его определили к брату капитана того судна, который содержал мелочную лавку для моряков, чтобы он учил язык и выполнял разную мелкую работу, пока власти не решат, что с ним делать. Он прожил с этой семьей около трех лет, работая у них в магазинчике и в порту. Однажды его отвели к важному чиновнику, которого звали Натоу, и подробно допросили, а потом сказали, что посылают его с военным кораблем «Миссури» в Симоду, где он будет переводчиком при консуле Таунсенде Харрисе, который уже находился в Японии, подготавливая Соглашения. К этому времени он уже одевался на западный манер и усвоил некоторые из их привычек и обычаев.

— Я согласился с радостью, господин, уверенный, что окажусь полезным здесь, особенно полезным для бакуфу. В девятый день восьмого месяца 1857 года по их летоисчислению, пять лет назад, господин, мы бросили якорь у Симоды в Идзу, моя родная деревня находилась совсем недалеко, чуть севернее, господин. Едва попав на берег, я добился отпуска на один день, чтобы навестить родные места, и сразу же направился, господин, к ближайшей заставе, чтобы разыскать ближайшего чиновника бакуфу, полагая, что меня примут с радостью из-за тех знаний, которые я приобрел... Но стражники... — лицо Мисамото исказилось от боли, — они не стали слушать меня, господин, не попытались понять... они связали меня и приволокли в Эдо... это было пять лет назад, господин, и с тех самых пор со мной обращались как с преступником, держа в заключении, хотя и не в тюрьме, а я все объясняю и объясняю, что я не соглядатай, а верный своей стране житель Идзу, и то, что случилось со мной...

Ёси с отвращением увидел, что по лицу человека побежали слезы. Он резко оборвал эти причитания.

— Прекрати! Ты знаешь или не знаешь, что закон запрещает покидать Ниппон без разрешения?

— Да, господин, но я ду...

— А знаешь ли ты, что по тому же закону любому, кто преступил его, какова бы ни была причина и кем бы ни был этот мужчина или женщина, запрещено возвращаться назад под страхом смерти?

— О да, господин, да, да, я знал об этом, но я не думал, что это включает и меня, господин. Я думал, я смогу принести пользу и мне будут рады, и меня ведь унесло в море не по моей воле. Это был ураган...

— Закон есть закон. Этот закон — хороший закон. Он сохраняет страну чистой. Ты считаешь, что с тобой поступили несправедливо?

— Нет, нет, господин, — торопливо произнес Мисамото, вытирая слезы в ещё большем страхе и касаясь лбом татами. — Пожалуйста, извините меня, я умоляю вас о прощении, пожалуйста, из...

— Просто отвечай на вопросы. Насколько свободно ты говоришь по-английски?

— Я... я немного понимаю и говорю на американском английском, господин.

— Это тот же язык, на котором говорят здешние гайдзины?

— Да, господин, да, более или ме...

— Когда ты встречался с этим американцем Харрисом, ты был выбрит или нет?

— Нет, господин, я носил подстриженную бороду, как большинство матросов, господин, а волосы отпустил длинные, как у них, и заплетал их сзади в косичку, скрепляя смолой.

— Кого ты ещё видел у этого гайдзина Харриса?

— Только его самого, господин, я пробыл там всего час или около этого, и одного из его помощников, я не помню имени.

Ёси вновь взвесил всю опасность своего плана: отправиться на переговоры переодетым, не спрашивая одобрения Совета, и использовать этого человека как шпиона, который сможет тайно подслушать, о чем будет говорить враг. Возможно, Мисамото уже шпион, шпион гайдзинов, мрачно подумал он, как считают все, кто его допрашивал. Нет сомнения, что он лжет, рассказ его звучит слишком уж гладко, глаза у него слишком хитрые и он становится похож на лисицу, если застать его врасплох.

— Очень хорошо. Позже я хочу узнать все, чему ты научился, все и... ты умеешь читать и писать?

— Да, господин, но по-английски — совсем немного.

— Хорошо. Ты можешь мне пригодиться. Если ты будешь исполнять

все в точности и я останусь доволен, я пересмотрю твоё дело. Если же ты подведёшь меня, сколь бы незначителен ни был твой промах, ты пожалеешь-что-совершил-его.

Он объяснил ему, что от него требовалось, приставил к нему учителей, и когда его охранники вчера доставили к нему Мисамото гладко выбритым, с волосами, уложенными как у самурая, и в одежде чиновника с двумя мечами, хотя это и были всего лишь рукоятки, торчавшие в пустых ножнах, он не узнал его.

— Хорошо. Пройдись, я хочу посмотреть.

Мисамото подчинился, и Ёси был поражен тем, как быстро этот человек освоил горделивую осанку воина, которую показал ему учитель, оставив подобающую ему смиренную и услужливую походку рыбака. Слишком быстро, подумал он, убежденный теперь, что Мисамото представлял из себя нечто большее, чем хотел показать.

— Ты ясно понимаешь, что от тебя требуется?

— Да, господин, клянусь, я не подведу вас, господин.

— Я знаю. Моя стража получила приказ убить тебя, если ты хоть на шаг отдались от меня, станешь вдруг неуклюжим или... несдержанным.

— Мы прервёмся на десять минут, — устало произнес сэр Уильям. — Переведи им, Иоганн.

— Они спрашивают, зачем? — Иоганн Фаврод, переводчик-швейцарец, зевнул. — Прошу прощения. Похоже, они считают, что обсудили все вопросы и так далее, и так далее, и теперь могут передать ваше послание и так далее, и так далее, и встретиться снова в Канагаве, получив ответ сверху и так далее, и так далее, примерно через шестьдесят дней, как было предложено ранее, и так далее, и так далее.

— Дайте мне ваш флот на один день, — пробормотал русский, — и я живо разберусь с этими паскудниками и со всей этой проблемой.

— Да уж, — согласился сэр Уильям и добавил на беглом русском: — Извините, мой дорогой граф, но мы прибыли сюда, чтобы решить проблему средствами дипломатии, предпочтительно. — Затем на английском: — Проводите их туда, где они могут подождать, Иоганн. Итак, джентльмены? — Он поднялся, деревянно поклонился и первым прошёл в гостиную. Проходя мимо Филипа Тайрера, он бросил, не останавливаясь: — Побудьте с ними, держите глаза и уши открытыми.

Все посланники первым делом направились к высокому ночному горшку, стоявшему в углу приемной.

— Фу-у-уф, господи, — благодарно выдохнул сэр Уильям. — Я уже

думал, мой чертов пузырь сейчас лопнет.

Вошёл Лун, за ним следовали слуги с подносами.

— Хейа, масса. Чай-йа, сам'вича! — Он презрительно ткнул большим пальцем в направлении другой комнаты. — Такой же малтышки давать, хейа?

— Клянусь Богом, тебе стоило бы говорить потише. Вдруг кто-нибудь из них говорит на пиджине.

Лун тупо уставился на него.

— Что масса говорить?

— А, ладно.

Лун вышел, умирая про себя от хохота.

— Итак, джентльмены, как и ожидалось, прогресс равен нулю.

Сератар раскуривал трубку, беспечно наслаждаясь замешательством сэра Уильяма. Андре Понсен сидел рядом с ним.

— Что вы предлагаете делать, сэр Уильям?

— А каков будет ваш совет?

— Это британская проблема и лишь отчасти французская. Если бы мне пришлось заниматься ею целиком, я бы уже разрешил её с обычной для французов стремительностью — в тот же день, когда она возникла.

— Но сначала, mein Herr, вам, разумеется, понадобился бы такой же прекрасный флот, — довольно резко произнес фон Хаймрих.

— Разумеется. В Европе их у нас довольно, как вам известно. И если бы политика императорской Франции была такова, что мы должны быть представлены здесь крупными силами, как наши английские союзники, мы имели бы у берегов Японии один-два своих флота.

— Да, следовательно... — Сэр Уильям устал. — Мне ясно, что ваш общий совет — держаться с ними жестко.

— Жестко и непоколебимо, — сказал граф Сергеев.

— Да.

— Безусловно, — кивнул Сератар. — Я полагал, именно к этому решению вы уже и пришли, сэр Уильям.

Британский посланник пожевал бутерброд и допил свой чай.

— Хорошо. Тогда сейчас я объявлю сегодняшнюю встречу законченной, назначу повторную на завтра, на десять часов, с ультиматумом: аудиенция у сёгуна не позже чем через неделю, выдача убийц, выплата репарации или... С вашего общего одобрения, разумеется.

— У меня есть предложение, сэр Уильям, — сказал Сератар. — Принимая во внимание, что им, очевидно, сложно устроить эту встречу с сёгуном, почему не оставить её на потом, когда придут подкрепления и у

нас появится действительный повод для встречи с ним. В конце концов, цель настоящей экспедиции — продемонстрировать нашу способность к исправлению зла, а не осуществлять политику империи, вашей или нашей.

— Разумно, — с неохотой признал пруссак.

Сэр Уильям задумался над причинами такого предложения, но не смог отыскать в нем ни изъянов, ни скрытых опасностей.

— Очень хорошо. Мы потребуем «скорейшей встречи» с сёгуном. Вы согласны?

Они кивнули.

— Извините меня, сэр Уильям, — вежливо вмешался Андре Понсен, — могу я предложить, чтобы о вашем решении им доложил я? Если вы возобновите встречу, а потом тут же её закроете, это может быть истолковано как известная потеря лица. Да?

— Весьма мудрое замечание, Андре, — кивнул Сератар. Для всех остальных Понсен был лишь средней руки торговцем, который обладал некоторым знанием японских обычаев, мог худо-бедно изъясняться на японском, являлся его личным другом и, время от времени, переводчиком. На самом же деле Андре Понсен был высокооплачиваемым шпионом, которого наняли с целью вскрывать и нейтрализовывать любые происки британцев, немцев и русских на Японских островах. — А, сэр Уильям?

— Да, — задумчиво произнес сэр Уильям. — Да, вы правы, Андре, благодарю вас, самому мне этого делать не стоит. Лун!

Дверь тут же отворилась.

— Хейа, масса?

— Приведи молодой масса Тайрер, быстро раз-раз! — Он повернулся к остальным. — Тайрер сделает это за меня. Раз уж это «британская проблема».

Вернувшись в зал для аудиенций, выходящий окнами на передний двор, Филип Тайрер приблизился к Иоганну со всем достоинством, на какое был способен. Чиновники бакуфу не обратили на него внимания и продолжали переговариваться. Ёси сидел чуть поодаль, Мисамото рядом с ним — из японцев хранили молчание только эти двое.

— Иоганн, сэр Уильям передает им своё почтение и объявляет, что сегодняшняя неудовлетворительная встреча откладывается. Они должны прибыть сюда снова завтра в десять часов утра, с тем, что, как он ожидает, явится удовлетворительным разрешением сего недопустимого инцидента, а именно: с убийцами, денежной компенсацией и гарантиями скорейшей встречи с сёгуном. Или пусть пеняют на себя.

Иоганн побледнел.

— Прямо так и переводить?

— Да, слово в слово. — Тайрер тоже устал от всех этих бесконечных препирательств, постоянно напоминавших ему о страшной кончине Джона Кентербери, жестоком ранении Малкольма Струана и об ужасе, пережитом Анжеликой. — Переводите!

Он смотрел, как Иоганн передает короткий ультиматум на гортанном голландском. Японский переводчик вспыхнул и начал свой пространный перевод услышанного. Тайрер внимательно наблюдал за чиновниками, но так, чтобы это не было заметно. Четверо прилежно слушали, а вот пятый — нет, коротышка с узкими глазами и грубыми руками, покрытыми мозолями, — руки остальных бакуфу были хорошо ухоженными. Снова этот человек начал что-то шептать на ухо самому молодому и красивому чиновнику, Ватанабэ, как делал это время от времени в течение всего дня.

«Господи, как бы я хотел понимать, о чем они говорят», — раздраженно подумал Тайрер, решительнее, чем когда-либо, настроившись на то, чтобы сделать все возможное и выучить язык быстро.

Когда потрясённый и смущенный переводчик умолк, наступила глубокая тишина, нарушаемая лишь свистящим всасыванием воздуха через стиснутые зубы, хотя лица у всех оставались бесстрастными. Во время перевода Тайрер заметил, как двое из чиновников украдкой бросили взгляд на Ватанабэ.

Почему?

Теперь они, казалось, ждали чего-то. Ватанабэ опустил глаза, прикрылся веером и пробормотал что-то. В ту же секунду его узкоглазый сосед неловко поднялся и что-то коротко сказал. Все поднялись, с облегчением вздохнув, и без поклонов молча вышли, Ватанабэ — последним, не считая лишь переводчика.

— Иоганн, на этот раз они все поняли как надо, — радостно произнес Тайрер.

— Да. И при этом изрядно взбеленились.

— Совершенно очевидно, что именно этого сэр Уильям и добивался.

Иоганн промокнул вспотевший лоб. Он был среднего роста, худой, сильный, с твердым, изрезанным морщинами лицом и темно-каштановыми волосами.

— Чем скорее вы станете переводчиком, тем лучше. Пора мне возвращаться домой, к своим горам и снегам, пока голова цела. Слишком много тут этих кретинов и слишком уж они непредсказуемы.

— Как переводчик, вы ведь пользуетесь многими преимуществами, —

встревоженно проговорил Тайрер. — Узнаёте обо всем первым.

— И к тому же разношу дурные вести! Все вести теперь дурные, *mon vieux*. Они ненавидят нас и ждут не дождутся, когда смогут выкинуть нас отсюда. Я подписал контракт с вашим министерством иностранных дел, подлежащий возобновлению по взаимному согласию. Так вот, срок контракта истекает через два месяца и три дня, и мой английский может идти к черту. — Иоганн подошел к буфету у окна и сделал большой глоток пива, которое заказал себе вместо чая. — Никакого продления, чем бы меня ни соблазняли. — Он вдруг широко улыбнулся. — *Merde*, это единственное, что мне будет жаль здесь оставить.

Тайрер рассмеялся, глядя на его хитрое, как у гнома, лицо.

— *Мусуме?* Вашу девушку?

— Вы быстро учитесь.

Во дворе чиновники рассаживались по паланкинам. Вся работа в саду прекратилась, с полдюжины садовников замерли на коленях, уткнувшись головами в землю. Мисамото ждал рядом с Ёси, сознавая, что достаточно одной ошибки, и ему уже никогда не стоять прямо, и отчаянно надеясь, что благополучно прошел первое испытание. Так или иначе, я буду полезен этому ублюдку, думал он на английском, я буду служить ему, пока не смогу попасть назад на американский корабль, в мой рай, где я расскажу капитану, что эти подлые мерзавцы похитили меня из свиты Харриса...

Он поднял глаза и окаменел. Ёси пристально смотрел на него.

— Господин?

— О чем ты думал сейчас?

— Я надеялся, что был вам полезен, господин. Я... Оглянитесь, господин! — вдруг прошептал он.

Андре Понсен спускался по ступеням миссии, направляясь к Ёси. В тот же миг телохранители образовали заслон вокруг своего господина. Не испугавшись, Понсен вежливо поклонился и сказал на сносном, хотя и несколько нетвердом японском:

— Господин, пожалуйста, извините, могу передать послание от моего господина, французского повелителя, пожалуйста?

— Какое послание?

— Он говорит, пожалуйста, возможно, вам нравится видеть пароход внутри, машину, пушки. Смиренно просит пригласить вас и чиновников. — Понсен подождал. Единственной реакцией был повелительный взмах веера, приказывающий ему удалиться. — Благодарю вас, господин, пожалуйста, извините меня. — Он зашагал назад к миссии, уверенный, что

не ошибся. На нижней ступеньке он заметил Тайрера, наблюдавшего за ним из окна зала для приемов, стиснул зубы, чтобы не чертыхнуться, и махнул ему рукой. Тайрер помахал ему в ответ.

Когда последний самурай покинул двор миссии, садовники осторожно вернулись к работе. Один из них вскинул лопату на плечо и захромал прочь. Хирага, голова которого была обмотана какой-то грязной тряпкой, в рваном и вымазанном землей кимоно, был очень доволен успехом своего переодевания. Теперь он знал, как, когда и где должно будет произойти завтрашнее нападение.

На обратном пути к замку, вновь в безопасности своего паланкина — с Мисамото, который, по его приказанию, сидел в дальнем углу, — Ёси предался свободному течению мыслей. Он был все ещё поражен невоспитанностью, с которой их выпроводили; не взбешен, как остальные, просто терпелив: месть свершится, я сам выберу время и способ.

Приглашение взглянуть на машины боевого корабля, осмотреть его весь? И-и-и-и, такой возможностью нельзя пренебречь. Опасно принимать такое предложение, но оно будет принято. Его глаза остановились на Мисамото, который неподвижно смотрел в узкое окошко. Нет сомнения, этот преступник Мисамото был пока что полезен ему. Переводчики поступают глупо, не давая точного перевода. Глупо со стороны русского угрожать нам. Глупо повели себя все они, проявив такую грубость. Слуга-китаец совершил глупость, когда назвал нас мартышками. Очень большую глупость. Что ж, я разберусь с каждым из них, с одними раньше, с другими позже.

Но как быть с их вождями и с их флотом?

— Мисамото, я решил не отсылать тебя назад в караульное помещение. В течение двадцати дней ты будешь жить с моими вассалами и будешь и дальше учиться вести себя как самурай.

Голова Мисамото немедленно коснулась пола паланкина.

— Благодарю вас, господин.

— Если останусь тобой доволен. А теперь, что произойдет завтра?

Мисамото заколебался, похолодев от ужаса. Первое правило выживания гласило: никогда не приноси самураю дурную весть, не открывай рта, держи все, что знаешь, при себе, но если тебя заставят сказать, говори любому только то, что он, по-твоему, хочет услышать. Совсем не так, как там, в Америке, в этом рае на земле.

Ответ очевиден, хотел выкрикнуть он, возвращаясь к своей привычке думать на английском — единственное, что не дало ему сойти с ума за годы

его заточения, — если бы ты видел, как относятся гайдзины друг к другу в семье, где я жил, как они обращались со мной, слугой, конечно, но и в этом случае как с человеком — я даже представить себе не мог, что ко мне могут так относиться; как каждый человек в их стране может ходить с высоко поднятой головой и иметь при себе нож или пистолет, исключая только большинство черных; с каким нетерпением они стараются решить одну проблему, чтобы скорее взяться за следующую, — решить, если нужно, кулаком, пулей или пушками — и почти все они равны перед своим законом, и нет у них ни вонючих даймё, ни самураев, которые могут убить тебя когда вздумается...

— Отвечай мне правду всегда, если тебе дорога жизнь, — тихо произнес Ёси, угадав его опасения.

— Конечно, господин, всегда. — Замирая от ужаса, Мисамото подчинился и сказал, зажмурив глаза, словно прыгнул в пропасть: — Мне очень жаль, господин, но если они не получают то, что хотят, я думаю, они... они сровняют Эдо с землей.

«Я согласен, но только в случае, если мы окажемся полными глупцами», — подумал Ёси.

— Их пушки в состоянии сделать это?

— Да, господин. Замок они не разрушат, но город сожгут.

А это было бы глупой растратой запасов рода Торанага. Нам лишь пришлось бы заменить их всех: крестьян, ремесленников, куртизанок, торговцев, чтобы они продолжали обслуживать нас, как обычно.

— Тогда как бы ты дал им немного супа, но ни кусочка рыбы? — спросил Ёси.

— Прошу извинить меня, я не знаю, господин, не знаю.

— В таком случае подумай. И дай мне свой ответ на рассвете.

— Но... слушаюсь, господин.

Ёси откинулся на шелковые подушки и сосредоточился на вчерашнем заседании старейшин. В конце концов Андзё принужден был отменить свой приказ об оставлении замка, ибо без неоспоримого большинства этот приказ все равно не имел бы силы — поэтому Ёси, как официальный опекун, наложил запрет на отъезд сёгуна.

Я победил на этот раз, но только потому, что этот упрямый старый дурень Тояма настоял на том, что голосует за свой безумный план нападения, и, таким образом, не проголосовал ни за меня, ни против меня. Андзё прав: обычно остальные двое голосуют вместе с ним против меня. Не потому, что признают его заслуги, а потому, что я — это я, тот Торанага, который должен был бы стать сёгуном вместо этого глупца-мальчишки.

Поскольку Ёси чувствовал себя в паланкине в безопасности — он был один, не считая Мисамото, который не мог знать его сокровенных мыслей, — он позволил своему разуму приоткрыть ячейку, помеченную «Нобусада», тайную из тайных, такую изменчивую, такую опасную и постоянно хранящуюся в его голове.

Как мне быть с ним?

«Я не могу долее сдерживать его. Он беспомощен, как птенец, и сейчас попал в самые губительные когти из всех — коготки принцессы Иядзу, шпионки императора, которая смертельно ненавидит сёгунат, расстроивший её помолвку с обожаемым другом детства, с её принцем, таким красивым и завидным женихом; сёгунат вынудил её навсегда оставить Киото, всех своих родных и друзей, и выйти замуж за хилого мальчишку, чей орган, едва восстав, никнет, как знамя на летней жаре, и может на всю жизнь оставить её бездетной.

Теперь она задумала этот государственный визит в Киото, чтобы поклониться императору, — блестящий замысел, который нарушит тонкий баланс, поддерживавшийся веками: „Власть подчинять себе всю империю даруется императорским указом сёгуну и его наследникам, который назначается также главой Сыскного ведомства, следящего за исполнением законов. Таким образом, приказы, отдаваемые сёгуном всей стране, являются её законами“.

За первым визитом обязательно последует второй, — подумал Ёси, — и тогда править будет император, а не мы. Нобусада никогда не поймет этого, его взгляд затуманен её коварными уловками.

Что же делать?»

Вновь Ёси пустился в путь по исхоженной взад и вперед, но такой потайной для всех тропинке: «Он мой законный господин и повелитель. Я не могу убить его своей рукой. Его слишком хорошо охраняют, так что, убив его, я должен быть готов отдать и свою жизнь, а такой готовности у меня пока ещё нет. Другие средства? Яд. Но тогда меня заподозрят, и с полным основанием, и даже если я смогу вырваться из пут, удерживающих меня в этих стенах, — ведь я такой же пленник, как этот Мисамото, — страна будет ввергнута в нескончаемую гражданскую войну, в выигрыше останутся только гайдзины и, что хуже всего, я нарушу клятву верности, которую принес сёгуну, кто бы им ни был, и Завещанию.

Я должен позволить другим убить его для меня. Сиси? Я мог бы помочь им, но помогать врагам, которые поклялись уничтожить тебя самого, опасно. Есть ещё и другая возможность. Боги».

Ёси закрыл эту ячейку до следующего раза и снова задумался о

Совете. Что я скажу им? Сейчас они, конечно, уже знают, что я встречался с гайдзинами. Я буду настаивать на соблюдении в будущем одного абсолютного правила: мы должны посылать только умных людей на эти встречи. Что ещё? Обязательно расскажу им о солдатах гайдзинов: все гигантского роста, в этих своих алых мундирах, коротких юбках и огромных шапках с перьями, каждый вооружен замковым ружьем, начищенным до блеска, — они заботятся о них так же, как мы о своих клинках.

Стоит ли мне говорить им, что эти враги глупы, не имеют понятия об утонченности и ими можно манипулировать, используя их собственные нетерпение и ненависть, — Мисамото сообщил мне достаточно, чтобы заключить, что они капризны и полны ненависти не меньше, чем любой из наших даймё? Нет, это я оставлю при себе. Но я скажу им, что завтра наша делегация не справится со своей задачей, если мы не изобретем отсрочки, на которую гайдзины с радостью согласятся.

Что же это будет?

— Этот посланный, Мисамото, — лениво произнес он, — высокий человек с большим носом, почему он говорил как женщина, использовал слова женской речи? Он что, наполовину мужчина, наполовину женщина?

— Я не знаю, господин. Может быть, и так. На кораблях у них много таких, господин, хотя они это скрывают.

— Зачем?

— Не знаю, господин. Их трудно понять. Они не говорят о совокуплении так открыто, как мы, не обсуждают, какая поза лучше или кто им нравится больше, мальчик или женщина. В отношении же того, что он говорит, как женщина: на их языке мужчины и женщины одинаково, то есть используют одни и те же слова, господин, не как японцы. Те немногие матросы, которые умели сказать несколько слов на нашем языке — я встречал таких, это были люди, побывавшие в Нагасаки, — все они говорили так же, как этот длинноносый, потому что единственными японцами, с кем они общались здесь, были шлюхи, они учили наши слова у шлюх. Они не подозревают, что наши женщины говорят не так, как мы, мужчины, господин, и используют другие слова, отличные от наших, как и пристало цивилизованным людям.

Ёси скрыл внезапно охватившее его волнение. «Наши продажные женщины — их единственная реальная связь с нашим миром, — подумал он. — И своя шлюха, разумеется, есть у каждого из них. Поэтому в качестве одного из способов управлять ими, даже нападать на них, мы можем использовать тех, с кем они делят ложе, женщин или мальчиков».

— Я не отдам приказа своему флоту открыть огонь по Эдо без официального письменного приказа Адмиралтейства или министерства иностранных дел, — сказал адмирал, лицо его покраснело. — Мои инструкции требуют быть осмотрительным, так же как и ваши. Это не карательная экспедиция.

— Ради бога, произошло убийство, и мы обязаны отреагировать. Конечно же, это карательная экспедиция! — Сэр Уильям был зол не в меньшей степени. Только что пробили восемь склянок, полночь, они сидели за круглым столом в адмиральской каюте на флагмане. Кроме них за столом присутствовал лишь генерал Томас Огилви. Каюта была просторная, с низким потолком и тяжелыми балками, через кормовые окна были видны штаговые огни других кораблей. — Повторяю, по моему мнению, их можно сломить только силой.

— Клянусь Богом, заручитесь приказом, и я сломаю их. — Адмирал вновь наполнил свой бокал портвейном из почти пустого хрустального графина. — Томас?

— Благодарю. — Генерал протянул ему свой бокал.

Стараясь сдержаться, сэр Уильям произнес:

— Лорд Расселл уже отдал нам распоряжение вытребовать у бакуфу двадцать пять тысяч фунтов репараций за убийства, совершенные в миссии в прошлом году, когда погибли сержант и капрал, — он будет ещё более возмущен этим новым инцидентом. Я знаю его, вы — нет, — добавил он, преувеличив немного для вящего эффекта. — Его одобрение я получу не раньше чем через три месяца. В этот раз мы должны получить полное удовлетворение, иначе убийства будут продолжаться. Без вашей поддержки я не могу маневрировать на переговорах.

— Я вас поддерживаю полностью, исключая лишь войну, клянусь Господом. Обстрел их столицы автоматически вовлекает нас в войну с ними. Сейчас мы не готовы к этому. Томас? Вы согласны со мной?

— Окружить деревню вроде Ходогайи, — осторожно произнес генерал, — уничтожить несколько сотен дикарей и заковать мелкого туземного царька в цепи — это совсем не то, что занять и удерживать этот огромный город и блокировать замок.

— Как же тогда быть с вашим заявлением, что «невозможно вообразить себе операцию, которую силы под моим командованием не в состоянии осуществить в кратчайшие сроки»? — заметил сэр Уильям, испепеляя его взглядом.

Генерал побагровел.

— То, что говорится при всех, как вам хорошо известно, имеет мало общего с практикой, как вам хорошо известно, Эдо — задача иного масштаба.

— Совершенно верно. — Адмирал осушил свой бокал.

— Тогда что вы предлагаете? — Молчание сгущалось. Ножка бокала сэра Уильяма вдруг хрустнула у него в пальцах, заставив всех вздрогнуть от неожиданности. — Чёрт! — воскликнул он. Это, однако, отвлекло его и до некоторой степени остудило его гнев. Небрежным жестом он взял салфетку и промокнул вино. — Я здесь посланник. Если я сочту необходимым отдать такой приказ, а вы откажетесь подчиниться, на что, разумеется, имеете право, я, как вы сами понимаете, подам прошение о вашей немедленной замене на этом посту.

Шея адмирала стала лиловой.

— Я уже представил все факты в Адмиралтейство. Но, пожалуйста, не поймите меня превратно: я более чем всегда готов искать отпущения за убийство Джона Кентербери и нападение на остальных. Если речь пойдет об Эдо, мне необходим только письменный приказ, как я уже говорил. Какая разница, сейчас или через три месяца, спешить нам некуда, эти дикари заплатят все, что с них причитается, этим городом или сотней других.

— Да, заплатят обязательно, клянусь Богом. — Сэр Уильям поднялся.

— Прежде чем вы уйдете, у меня есть для вас ещё кое-какая важная информация: я не могу обещать, что флот сможет долго простоять на якоре, как сейчас. Мои корабли беззащитны, морское дно здесь мелкое, это чревато большими неприятностями, погода обещает испортиться, в Иокогаме мы в большей безопасности.

— Как долго вы ещё сможете здесь находиться?

— День... не знаю, я не управляю погодой, которая в этом месяце очень изменчива, как вы, вероятно, и сами знаете.

— Да, я это знаю. Ну что же, позвольте мне откланяться. Прошу вас обоих прибыть к десяти часам на завтрашнюю встречу. Будьте добры, произведите салют на рассвете при поднятии флага. Томас, пожалуйста, переправьте на берег две сотни драгун и оцепите район вокруг пристани.

— Могу я поинтересоваться, зачем вам понадобились ещё двести человек? — тут же спросил генерал. — Я уже высадил на берег целую роту.

— Возможно, я решу взять заложников. Спокойной ночи. — Он тихо прикрыл за собой дверь.

Двое оставшихся за столом долго смотрели на неё, не отрывая взгляда.

— Он это серьезно?

— Не знаю, Томас. Но с нашим достопочтенным порывистым Уильямом, чёрт бы его побрал, Айлсбери, никогда ничего не знаешь наперед.

Четверг, 18 сентября

Гостиница Сорока Семи Ронинов стояла в грязном проулке недалеко от замка Эдо. От немощеной дороги её отделяла высокая, неприглядная с виду ограда, которая почти целиком скрывала её от глаз прохожих. С улицы гостиница казалась бедной и ничем не примечательной. Внутреннее же её убранство отличалось роскошью и богатством, а ограда была прочной. Заботливо ухоженные сады окружали широко раскинувшееся одноэтажное здание гостиницы, а также её многочисленные отдельно стоящие домики с одной-единственной комнатой, поднятые невысоко над землей на низких столбах и предназначенные для особых гостей и уединения. Постоянными клиентами гостиницы были богатые купцы, но она также служила тайным приютом для некоторых из сиси.

Сейчас, перед самым рассветом, в гостинице было тихо: все клиенты, куртизанки, мама-сан, прислужницы и слуги мирно спали. Кроме сиси. Они бесшумно вооружались.

Ори сидел на веранде одного из маленьких домиков, спустив кимоно до пояса. С огромным трудом он менял повязку на простреленном плече. Рана воспалилась и теперь была огненно-красной, горела и на любое прикосновение отвечала пронзительной болью. Вся рука пульсировала, и он понимал, что ему срочно необходим врач. Однако, невзирая на это, он сказал Хираге, что приводить врача в гостиницу или самому идти к нему было опасно.

— Меня могут выследить. Мы не можем так рисковать, Эдо — главное убежище всех Торанага и тут слишком много шпионов.

— Я согласен. Возвращайся в Канагаву.

— Когда закончим дело здесь.

Его палец соскользнул и царапнул нагноившуюся рану, боль пронзила его до самых внутренностей. Пока можно не спешить, доктор ещё успеет разрезать её и выпустить яд, думал он, лишь наполовину веря в это. Карма. И если после вскрытия рана все равно будет продолжать нагнаиваться, это тоже карма. Он был так поглощен своим занятием, что не слышал, как через ограду в сад проскользнул ниндзя и подкрался к нему сзади.

Его сердце подпрыгнуло от страха, когда рука в черном зажала ему рот, чтобы он не мог крикнуть.

— Это я, — сердито прошептал Хирага, потом отпустил его. — Я мог

бы убить тебя двадцать раз.

— Да. — Ори с трудом изобразил на лице улыбку и показал рукой. В кустах прятался другой самурай, стрела лежала на его поднятом луке. — Но охрану несет он, а не я.

— Хорошо. — Хирага приветствовал охранника и, смягчившись, стянул с головы маску. — Остальные внутри и готовы, Ори?

— Да.

— А как твоя рука?

— Прекрасно. — Ори судорожно хватил ртом воздух и лицо его исказилось от боли, когда рука Хираги, как черная змея, метнулась вперед и сжала его плечо. На глазах выступили слезы, но он не проронил ни звука.

— Ты будешь нам помехой. Тебе нельзя идти с нами сегодня — ты возвращаешься в Канагаву.

Хирага поднялся на веранду и вошёл внутрь. Вне себя от отчаяния, Ори последовал за ним. Одиннадцать сиси сидели на тонком татами, все были вооружены. Девять соотечественников Хираги из Тёсю. Два новичка из земли Мори, они убежали и вымолили у Хираги разрешение присоединиться к ним.

— Я не смог подобраться к храму или к миссии ближе чем на двести шагов, — устало сообщил им Хирага. — Поэтому мы не сможем сжечь её и убить князя Ёси вместе с остальными бакуфу, когда они придут. Это невозможно. Мы должны устроить на него засаду где-то в другом месте.

— Извините меня, Хирага-сан, но вы уверены, что это был князь Ёси? — спросил один из людей Мори.

— Да, я уверен.

— Я по-прежнему не могу поверить, что он рискнул выйти из замка с небольшой охраной только для того, чтобы встретиться с какими-то вонючими гайдзинами, даже переодевшись. Он слишком умен и, без сомнения, знает, что является главной мишенью для сиси, не считая сёгуна, большей даже, чем предатель Андзё.

— Он вовсе не так хитер, я узнал его, однажды я оказался рядом с ним в Киото, поэтому я знаю его в лицо, — ответил Хирага, в глубине души не доверяя ни одному из самураев Мори. — Какая бы ни была тому причина, он мог рискнуть посетить миссию без охраны один раз, но не два. Я уверен, именно поэтому самураи бакуфу там сейчас кишмя кишат. Но завтра он снова выйдет из замка. Для нас это возможность, которую мы не можем упустить. Где бы мы могли устроить засаду? Знает кто-нибудь?

— Это зависит от количества самураев, которые будут сопровождать кортеж, — сказал опять один из Мори. — Если встреча вообще состоится,

как того хотят гайдзины.

— Если? Ты думаешь, князь Ёси стал бы прибегать к уловке?

— Я бы прибег, будь я на его месте. Не зря ему дали прозвище Лисица.

— И как бы ты поступил?

Человек поскреб ногтями подбородок.

— Придумал бы какую-нибудь отговорку, перенес встречу.

Хирага нахмурился.

— Но если он все же отправится в миссию, как и вчера, в каком месте пути он был бы наиболее уязвим?

— При выходе из паланкина. На переднем дворе гайдзинов.

— Туда нам не пробраться, даже если мы предпримем отчаянный бросок, заранее обрекая себя на смерть.

Молчание стало ещё более глубоким. Потом Ори тихо сказал:

— Чем ближе к воротам замка, тем спокойнее будут чувствовать себя его военачальники, следовательно, тем меньше телохранителей будет находиться в непосредственной близости от него и тем ниже будет их бдительность, на пути из замка... или при возвращении в него.

Хирага удовлетворенно кивнул и улыбнулся ему, потом сделал знак одному из своих соотечественников.

— Когда все проснутся, скажи маме-сан, пусть приведет Ори врача, тайно и без промедления.

— Мы ведь уже решили, что это рискованно, — тут же возразил Ори.

— Все, что имеет ценность, следует оберегать. Ваша идея безупречна.

Ори благодарно поклонился.

— Тогда мне лучше самому к нему пойти, нех?

С первыми лучами солнца Филип Тайрер наполовину бегом, наполовину шагом спустился к причалу с двумя шотландцами, сержантом и рядовым, за спиной.

— Господь милосердный, Филип, двух человек охраны больше чем достаточно, — сказал ему сэр Уильям минуту назад. — Если джапо затевают недоброе, всего нашего гарнизона не хватит, чтобы защитить вас. Мое послание должно быть доставлено адмиралу Кеттереру, и посланник — вы. До свидания!

Как и сэру Уильяму, ему пришлось пройти сквозь сотни хранящих молчание самураев, которые собрались у миссии перед самым рассветом. Никто не угрожал ему и, казалось, даже не замечал его присутствия, достаивая его самое большее коротким взглядом. Теперь впереди лежало море. Он ускорил шаг.

— Стой, кто идет, а то снесу голову к чертям собачьим, — произнес голос из белесой мглы, и он встал как вкопанный, неловко взмахнув руками.

— Разрази меня гром, — ответил Тайрер, чувствуя, как от страха колотится сердце. — Кто ещё, чёрт подери, это может быть, по-вашему, если не я? У меня срочное послание к адмиралу и генералу.

— Виноват, сэр.

Тайрер быстро спрыгнул в катер, и матросы налегли на весла, держа курс на флагман. Он был готов плакать от радости, что выбрался из ловушки, в которую превратилась миссия, и всю дорогу подгонял гребцов, а потом взлетел по трапу, прыгая через две ступеньки.

— Привет, Филип! — Марлоу был вахтенным офицером на главной палубе. — Что там, дьявол меня задери, стряслось?

— Хеллоу, Джон, где адмирал? У меня к нему срочная депеша от сэра Уильяма. Наша миссия окружена целыми тысячами этих ублюдков.

— Господи! — Марлоу торопливо повел его вниз по трапу и к корме. — Как же, чёрт побери, тебе удалось выбраться?

— Просто спустился пешком. Они пропустили меня через свои ряды, не проронив ни словечка. Представляешь, ни один из них даже рта не раскрыл, просто расступились и дали мне пройти. Не боюсь признаться, что я чуть не рехнулся от страха, — они там повсюду, кроме территории самой миссии и причала.

Морской пехотинец, стоявший в карауле перед дверью каюты, отдал честь.

— Доброе утро, сэр.

— Срочная депеша адмиралу.

В тот же миг знакомый голос прорезал дверь каюты, как стальной клинок занавеску:

— Так давайте же её сюда, Марлоу, ради бога! Депеша от кого?

Марлоу вздохнул и открыл дверь.

— От сэра Уильяма, сэр.

— Какого черта этот идиот натворил на... — Адмирал Кеттерер замолчал, заметив Тайрера. — О, вы его помощник, не так ли?

— Ученик-переводчик, сэр, Филип Тайрер. — Он протянул ему письмо. — Э, сэр Уильям шлет вам своё почтение, сэр.

Адмирал вскрыл пакет. Кеттерер был в длинной фланелевой ночной рубашке и мятом ночном колпаке, на носу сидели очки в тонкой оправе, которыми он пользовался при чтении. Поджав губы, он прочитал следующее:

Я почитаю за лучшее отменить ваше присутствие на сегодняшней встрече, так же как и присутствие генерала и всех министров. Мы полностью окружены сотнями, если не тысячами, до зубов вооруженных самураев. До этих пор они не предприняли никаких враждебных действий и не препятствовали никому покидать миссию, пока. Разумеется, японцы в полном праве располагать свои войска везде, где им заблагорассудится, — возможно, все это просто спектакль, имеющий целью вывести нас из равновесия.

Из соображений безопасности, однако, я встречу с бакуфу один — если они появятся, как мы того потребовали. (Если это случится, я подниму на мачте голубой вымпел и приложу все силы, чтобы известить вас о том, какой оборот принимают события.) Если бакуфу не появятся, я буду ждать ещё день или два, потом, возможно, мне придется отдать приказ о позорном отступлении. Тем временем, если вы увидите, что флаг над миссией спущен, это будет означать, что она взята штурмом. В таком случае вы можете предпринимать любые действия, какие сочтете нужными. Остаюсь, сэр, вашим покорнейшим слугой...

Адмирал внимательно перечитал письмо, потом, приняв решение, распорядился:

— Мистер Марлоу, попросите капитана и генерала немедленно зайти ко мне. Передайте на все корабли следующий приказ: «Безотлагательно занять места по боевому расписанию. Всем капитанам прибыть на флагман в полдень». Далее, просигнальте всем посланникам просьбу не отказать в любезности появиться здесь, у меня, как можно скорее. Мистер Тайрер, позавтракайте чем-нибудь на скорую руку и будьте готовы отправиться назад с ответом через несколько минут.

— Но, сэр, вам не кажется, что...

Адмирал уже ревел во всю глотку на закрытую дверь:

— Джонсон!

Его денщик тут же появился на пороге.

— Цирюльник уже направляется к вам, сэр, ваш мундир заново отутюжен, завтрак готов, подадут сразу же, как только вы сядете за стол, овсянка горячая!

Взгляд Кеттерера упал на Марлоу и Тайрера.

— Какого дьявола вы ещё ждете?

В Иокогаме катер Струанов — единственное во всей Японии судно такого размера с гребным винтом и паровой машиной — качнувшись, уперся бортом в причал. Свежий порывистый ветер поднял небольшую волну на море, сереющем под низко нависшими облаками. Джейми Макфей проворно поднялся по ступеням и быстро зашагал вдоль причала к двухэтажному зданию компании, которое горделиво возвышалось над остальными домами на Хай-стрит. Едва минуло восемь часов, но он уже успел побывать на почтовом пакетботе, появлявшемся здесь два раза в месяц, — корабль пришел на рассвете, — где забрал почту, депеши и свежие газеты, которые его слуга-китаец теперь выгружал из катера в тележку. Два конверта Макфей нес зажатыми в руке, один был вскрыт, другой запечатан.

— Доброе утро, Джейми. — Габриэль Неттлсмит выступил ему наперерез, отделившись от группы сонных торговцев, ожидавших, когда подойдут их катера и баркасы. Неттлсмит, низкий, круглый, неопрятный человек, распространявший вокруг себя запах чернил, нестираной одежды и сигар, которые он курил постоянно, являлся редактором и издателем «Иокогама гардиан», единственной газеты Поселения, одной из многих газет в Азии, принадлежавших дому Струанов, тайно или открыто. — Ну, что там?

— Много всего... будь так добр, зайди ко мне, позавтракаем вместе. Извини, сейчас должен бежать.

Даже в отсутствие флота гавань имела оживленный вид: катера сновали между полусотней торговых судов, другие облепили пакетбот, третьи спешили к нему или уже возвращались. Джейми прибыл на берег первым, для него это было делом принципа, а также давало известные преимущества в бизнесе, ибо цены на основные продукты, которых всегда не хватало, могли колебаться просто бешено, в зависимости от последних известий. Прямой путь от Гонконга до Иокогамы на паровом пакетботе занимал девять дней, с заходом в Шанхай — около одиннадцати, и это при хорошей погоде. Почта из дома, то есть из Англии, шла восемь-двенадцать недель, если позволяла погода и пираты, и дни её прибытия всегда были днями общего оживления — для кого-то радостными, для кого-то ужасными, для кого-то чем-то средним между тем и другим, но, несмотря ни на что, всегда желанными, всегда долгожданными, всегда с жаром поминавшимися в молитвах.

Норберт Грейфорт, глава японского отделения компании «Брок и Сыновья», главного соперника компании Струана, все ещё находился в сотне ярдов от берега. Он удобно расположился в середине баркаса,

наблюдая за Макфеем в подзорную трубу; гребцы изо всех сил налегали на весла. Макфей знал, что на него смотрят, но сегодня это его не беспокоило. Этот сукин сын и так скоро все узнает, если уже не узнал, подумал он, испытывая страх, обычно ему не свойственный. Страх за Малкольма Струана, за компанию, за себя самого, за будущее и за свою ай-дзин — возлюбленную, которая столь же терпеливо, как и он, ждала встречи с ним в их крошечном домике в Ёсиваре за оградой, по ту сторону канала.

Он ускорил шаг. Трое или четверо пьяных лежали в канаве на Хай-стрит, похожие на старые мешки с углем, другие валялись тут и там по всему берегу. Он перешагнул через одного, избежал встречи с буйной компанией подвыпивших матросов с торгового корабля, ковылявших на нетвердых ногах к своим лодкам, взбежал по ступеням в просторный холл фактории Струанов, поднялся по лестнице на площадку второго этажа и прошел по коридору, который вел к анфиладе комнат, тянувшейся на всю длину товарного склада внизу и разбитой на несколько покоев.

Он осторожно открыл одну из дверей и заглянул внутрь.

— Хеллоу, Джейми, — произнес Малкольм Струан с постели.

— О, привет, Малкольм, доброе утро. Я не был уверен, что ты проснулся. — Он вошёл, закрыв дверь за собой, отметил про себя, что дверь в соседнюю комнату была приоткрыта, и подошел к огромной кровати из тика под балдахином на четырех столбах, которая, как и вся остальная мебель, прибыла сюда с Гонконга или из Англии. Малкольм Струан полулежал, опираясь на подушки, с бледным вытянутым лицом — вчерашний переезд морем из Канагавы отнял у него ещё больше драгоценных сил, хотя доктор Бебкотт дал ему лауданум и они постарались, чтобы его как можно меньше трясло и качало по дороге. — Как ты себя чувствуешь сегодня?

Струан лишь посмотрел на него в ответ, его голубые глаза словно выцвели и глубоко запали в потемневших глазницах.

— Новости с Гонконга неважные, да? — Слова были сказаны в упор, и их прямота лишила Макфея возможности как-то смягчить ответ.

— Да, извини. Ты услышал сигнальный выстрел? — Всякий раз, когда на горизонте появлялся пакетбот, начальник гавани давал выстрел из пушки, чтобы оповестить об этом Поселение — обычай, который соблюдался по всему миру, везде, где только имелись Поселения.

— Да, — ответил Струан. — Прежде чем ты расскажешь мне о плохих новостях, закрой дверь в её комнату и дай мне горшок.

Макфей подчинился. С другой стороны двери находилась гостиная, а за ней — спальня, лучшая комната во всем здании, которую обычно

оставляли исключительно для тайпэна, отца Малкольма. Вчера, по настоянию Малкольма и с её счастливого согласия, там разместили Анжелику. Тотчас же эта новость разнеслась по всему Поселению, питая слухи и сообщения о том, что их Анжелика стала новой Леди с Лампой. Повсюду заключались пари на тот счет, ухаживала ли она за Струаном только как сестра милосердия, и не было ни одного мужчины, который не хотел бы поменяться с ним местами.

Макфей вздохнул, вспоминая: несколько пьяных оплеух, пара разбитых бутылок, потом обоих драчунов вышвырнули на улицу, но не прошло и часа, как они вползли обратно и были встречены приветственным смехом и шутками. Вчера ночью, перед тем как самому лечь спать, он осторожно заглянул сюда: Малкольм спал, она клевала носом в кресле у его кровати. Он разбудил её, мягко коснувшись плеча.

— Будет лучше, если вы пойдете ляжете, мисс Анжелика. Он теперь не проснется до утра.

— Да, спасибо, Джейми.

Макфей смотрел, как она в полудреме сладко потянулась всем телом, словно молодая довольная кошечка. Её волосы рассыпались по обнаженным плечам, талия платья была поднята высоко, и оно падало свободными складками, которые так нравились императрице Жозефине полвека тому назад и которые парижские модельеры опять пытались ввести в моду. Все её существо пульсировало, напоенное столь притягательной для мужчин жизненной силой. Его собственные апартаменты располагались дальше по коридору. Он долго не мог уснуть в ту ночь.

Струан весь покрылся потом. Усилие, которое ему требовалось сделать, чтобы оправиться, было огромным. И ничтожным был результат этих адских мучений: никакого кала и лишь чуть-чуть мочи с кровью.

— Теперь, Джейми, что там за скверные новости?

— Ну, видишь ли...

— Ради бога, да говори же!

— Твой отец скончался девять дней назад, в тот самый день, когда пакетбот вышел из Гонконга прямо к нам, не через Шанхай. Похороны должны были состояться тремя днями позже. Твоя мать просит меня устроить твоё возвращение, немедленно. Пакетбот отсюда с известием о твоём... о том, как тебе не повезло, прибудет в Гонконг не раньше, чем через четыре-пять дней. Мне очень жаль, — неловко добавил он.

Струан услышал только первое предложение. Новость не была неожиданной, и все же она резанула его так же яростно, как удар меча в бок. Он испытал огромную радость и глубокую печаль, эти чувства

перемешались, его охватило возбуждение при мысли о том, что после стольких лет ожидания он по-настоящему сможет управлять компанией — не к этому ли его готовили всю его жизнь? — компанией, которая годами истекала кровью, которую годами спасала от развала его мать, мягко убеждая, уговаривая, направляя, поддерживая отца в трудные времена. А трудные времена никогда не проходили, главным образом потому, что отец пил — это было единственное, что помогало ему выносить дикие головные боли и приступы лихорадки Счастливой Долины, малярии, гнилого воздуха, таинственной смертельной болезни, которая была бичом первых поселенцев в Гонконге, но с которой теперь иногда удавалось справиться с помощью настоя из какой-то коры, который назывался хинин.

«Не могу вспомнить ни одного года, когда на отца по крайней мере дважды не нападала бы трясучка, приковывавшая его к постели на месяц, а то и больше; он терял сознание и бредил целыми днями кряду. Даже вливания бесценного настоя хинной корки, которую дед привез из Перу, не излечивали его полностью, хотя и не давали лихорадке убить его, возвращая к жизни, как и почти всех остальных, кто ею болел. Однако этот настой не помог бедной крошке Мэри, четыре годика ей тогда было, мне — семь, и с тех пор я постоянно помню о смерти, о её значении и непреложной окончательности».

Он тяжело вздохнул. «Хвала Создателю, ничто не коснулось моей матери — ни болезни, ни лихорадка, ни возраст, ни удары судьбы. Она все ещё молода — ей нет и тридцати восьми, — все так же стройна после семи детей, несгибаемая опора для всех нас, способная вынести любую бурю, любую катастрофу, даже яростную, незатухающую ненависть и вражду между нею и её родным отцом, Тайлером Броком, будь он проклят... даже трагедию прошлого года, когда любимцы семьи, близнецы Роб и Данросс, утонули в море у Шек-О, где стоит наш летний дом. И вот теперь бедный отец. Столько смертей.

Тайпэн. Теперь я тайпэн „Благородного Дома“».

— Что? Ты что-то сказал, Джейми?

— Я просто сказал, что мне очень жаль, тайпэн, и... и вот письмо от твоей матери.

Струан, с трудом подняв руку, принял конверт.

— Какой способ вернуться в Гонконг для меня самый быстрый?

— «Морское Облако», но клипер будет здесь не раньше чем через две-три недели. Те торговые суда, что стоят в заливе сейчас, медлительны, и ни одно из них не пойдёт в Гонконг раньше чем через неделю. Пакетбот был бы быстрее всего. Мы могли бы устроить так, что он без задержки

отправится в обратный путь, но он заходит в Шанхай.

После вчерашнего переезда мысль об одиннадцатидневном путешествии по морю, скорее всего, бурному — возможно, они даже попадут в тайфун — ужаснула Малкольма. Но и в этом случае он сказал:

— Поговори с капитаном. Убеди его идти прямо в Гонконг. Что ещё пришло с почтой?

— Я ещё не все просмотрел, но вот здесь... — Сильно встревоженный внезапной бледностью Струана, Макфей протянул ему номер «Гонконг обсервер». — Боюсь, ничего, кроме новых неприятностей: гражданская война в Америке набирает силу, идет с переменным успехом, десятки тысяч погибших — сражения у Шайло, Фэр-Оукс, в дюжине других мест, ещё одно сражение у Булл-Рана, в котором армия северян потерпела жестокое поражение. С изобретением замковых ружей, пулеметов и пушек с нарезным стволом война навсегда стала другой. Цены на хлопок взлетели до небес, флот северян по-прежнему блокирует все порты Юга. Очередная паника на фондовых биржах Лондона и Парижа, вызванная слухами о том, что прусские войска вот-вот вторгнутся во Францию. С тех пор как в декабре умер принц-консорт, королева Виктория ещё не появлялась на людях — говорят, она тоскует так, что может умереть. Мексика: мы вывели оттуда свои войска теперь, когда стало ясно, что этот психопат Наполеон III решительно настроен сделать её французским владением. Голод и бунты по всей Европе. — Макфей нерешительно помолчал. — Могу я принести тебе что-нибудь?

— Новый желудок. — Струан бросил взгляд на конверт, который сжимал в руке. — Джейми, оставь мне газету, просмотри почту, потом возвращайся, и мы решим, что нужно сделать здесь до того, как я уеду... — Раздался легкий шорох, и они оглянулись на дверь в соседнюю комнату, которая оказалась наполовину открытой. На пороге стояла Анжелика. Поверх ночной рубашки был наброшен элегантный пеньюар.

— Хеллоу, chéri, — тут же произнесла она. — Мне показалось, я услышала голоса. Как ты себя сегодня чувствуешь? Доброе утро, Джейми. Малкольм, ты выглядишь гораздо лучше. Тебе нужно что-нибудь? Скажи, я принесу.

— Нет, спасибо. Входи. Присаживайся, ты выглядишь восхитительно. Тебе хорошо спалось?

— Не слишком, но это неважно, — ответила она, хотя спала превосходно. Благоухая духами, она с милой улыбкой коснулась его и села рядом. — Позавтракаем вместе?

Макфей заставил себя оторваться от неё взглядом и мыслями.

— Я вернусь, когда со всеми договорюсь и все устрою. Джорджа Бебкотта я предупрежу.

Когда дверь закрылась за ним, Анжелика провела ладонью по нахмуренному лбу Струана, и он поймал её руку, с любовью глядя на неё. Конверт соскользнул на пол. Она подняла его. Слегка нахмурилась.

— Почему ты такой печальный?

— Отец умер.

Его печаль вызвала слезы у неё на глазах. Ей всегда было очень легко расплакаться, слезы появлялись почти что по желанию, и она с раннего детства знала, какое действие они оказывают на других, особенно на её тетю и дядю. Все, что ей для этого нужно было сделать, — это вспомнить, как её мама умерла, подарив жизнь её брату.

— Но, Анжелика, — всегда говорила ей тетя страдающим голосом, — бедный крошка Жерар твой единственный брат, другого настоящего брата у тебя уже никогда не будет, даже если этот твой никчемный отец женится во второй раз.

— Я ненавижу его.

— Он не виноват в этом, бедный мальчик, его роды были ужасными.

— Мне все равно, он убил маман, убил её!

— Не плачь, Анжелика...

И вот сейчас Струан повторял те же самые слова — слезы пришли легко, потому что ей действительно было жаль его. «Бедный Малкольм, надо же, потерять отца — его отец был милым человеком, милым со мной. Бедный Малкольм, он старается быть мужественным. Ладно, скоро ты поправишься, и сейчас быть рядом уже гораздо легче: запах пропал, то есть почти пропал. Неожиданно в её сознании возник призрак её собственного отца: „Не забывай, что этот Малкольм скоро унаследует все: корабли, власть и...“

Я не стану думать об этом. Или... или о той, другой, вещи».

Она вытерла слезы.

— Ну вот, а теперь расскажи мне все.

— Рассказывать особенно нечего. Отец умер. Похороны прошли много дней назад, и я должен немедленно возвращаться в Гонконг.

— Конечно, конечно, но не раньше, чем ты достаточно окрепнешь для этого. — Она наклонилась вперед и легко коснулась его щеки губами. — Что ты будешь делать, когда мы туда приедем?

После секундной паузы он твердо сказал:

— Я наследник. Я — тайпэн.

— Тайпэн «Благородного Дома»? — Она постаралась, чтобы её

удивление выглядело искренним, потом деликатно добавила: — Малкольм, дорогой, все это так ужасно, я говорю о твоём отце, но... но, по-своему, это ведь не было неожиданностью, нет? Папа рассказывал мне, что он уже долгое время был болен.

— Нет, это не было неожиданностью, ты права.

— Это так печально, но... тайпэн «Благородного Дома», даже при таких обстоятельствах позвольте мне первой поздравить вас. — Она присела перед ним в реверансе так же изящно, как присела бы перед королем, потом вернулась в кресло, довольная собой. Он как-то странно смотрел на неё. — Что?

— Просто ты заставляешь меня испытывать такую гордость, мне так чудесно с тобой. Ты выйдешь за меня замуж?

Её сердце остановилось на мгновение, лицо вспыхнуло. Но разум приказал ей быть осмотрительной, не спешить с ответом, и она задумалась, быть ли ей серьезной, в тон его настроению, или дать волю тому безбрежному ликованию, которое захлестнуло её после этого вопроса и своей победы, и заставить его улыбнуться.

— Л-ла! — воскликнула она с широкой улыбкой, лукаво посматривая на него и обмахиваясь носовым платком, как веером. — Да, я выйду за вас замуж, мсье Струан... — короткая пауза, и дальше скороговоркой: — Но лишь при условии, что вы быстро поправитесь, будете подчиняться мне беспрекословно, поклянетесь лелеять меня сверх всякой меры, любить до самозабвения, выстроите нам замок на Пике в Гонконге и дворец на Елисейских Полях, приспособите целый клипер под наше брачное ложе, с детской, выложенной золотом, и подыщете нам загородное поместье в миллион гектаров!

— Не смейся, Анжелика, послушай, я говорю серьезно!

«О, но и я говорю серьезно», — подумала она, в восторге от того, что он улыбнулся. Нежный поцелуй, но на этот раз в губы, полный обещания.

— Вот вам, мсье, а теперь перестаньте дразнить беззащитную юную леди.

— Я не дразню тебя, клянусь в этом перед Богом. Ты-выйдешь-за-меня-замуж? — Сильные слова, но он был ещё слишком слаб, чтобы сесть прямо или дотянуться до неё и привлечь к себе. — Пожалуйста.

Её глаза все ещё смеялись.

— Возможно. Когда вы поправитесь, и лишь при условии, что вы будете подчиняться мне беспрекословно, поклянетесь леле...

— «Беспрекословно», если это то слово, которое тебе нужно.

— Ах да, пardon. Беспрекословно... и так далее и так далее. — Снова

чарующая улыбка. — Может быть, да, мсье Струан, но сначала мы должны узнать друг друга, потом мы должны договориться о помолвке, а потом, *Monsieur le tai-pan de la Noble Maison*,^[13] кто знает?

Радость охватила его, вытеснив все остальное.

— Так это «да»?

Её глаза смотрели на него, заставляя его ждать. Со всей нежностью, на какую она была способна, она произнесла:

— Я всерьез подумаю над этим, но сначала вы должны обещать мне быстро поправиться.

— Клянусь, я поправлюсь.

Она снова вытерла глаза.

— А теперь, Малкольм, пожалуйста, прочти письмо своей матушки, а я пока посижу рядом.

Его сердце билось сильно и уверенно, подъем, который он испытывал, прогнал на время боль. Но вот пальцы слушались его хуже, и ему никак не удавалось сломать печать.

— Возьми, ангел мой, прочитай мне его, прошу тебя.

Она тут же сломала печать и пробежала глазами единственную страницу, исписанную единственным в своём роде почерком.

— «Мой возлюбленный сын, — прочитала она вслух. — С глубокой скорбью я должна сообщить тебе, что твой отец умер и теперь все наше будущее зависит от тебя. Он скончался во сне, несчастная душа, похороны состоятся через три дня, мертвые должны заботиться о мертвых, а мы, живые, должны продолжать нести свой крест, пока живем. Завещание твоего отца утверждает тебя как наследника и тайпэна, но, дабы иметь законную силу, передача власти должна быть осуществлена на особой церемонии в присутствии моем и компрадора Чена, как то предписывает завещание твоего любимого деда. Устрой наши японские дела, как мы договорились, и возвращайся сразу же, как только сможешь. Твоя преданная мать». Слезы опять наполнили её глаза: она вдруг вообразила себя матерью, которая пишет своему сыну.

— Это все? Никакого постскриптума?

— Нет, chéri, больше ничего, просто «твоя преданная мать». С каким мужеством она держится. Как бы я хотела быть такой же сильной.

Забыв обо всем, кроме того, чем чреваты эти известия, она протянула ему письмо, подошла к окну, выходявшему на гавань, и, вытирая слезы, открыла его. Воздух был прохладен и свеж, он унес с собой все неприятные запахи. Что ей делать теперь? Помочь ему побыстрее вернуться в Гонконг, подальше от этого мерзкого места. «Подожди... одобрит ли его мать наш

брак?» Я не уверена. Одобрила бы я, будь я на её месте? Я знаю, что не понравилась ей в те несколько раз, что мы встречались в Гонконге. Она была так высокомерна и недоступна, хотя Малкольм сказал мне, что так она держится со всеми, кроме домашних. «Потерпи, пока ты узнаешь её получше, Анжелика, она такая замечательная и сильная...»

Дверь позади неё открылась, и в комнату без стука вошла А Ток, держа на ладони маленький поднос с чаем.

— Neh hoh mah, масса, — поздоровалась она с широкой улыбкой, показывая два золотых зуба, которыми очень гордилась. — Масса спит халосый, хейа?

— Прекрати эту ерунду с коверканьем слов, говори нормально, — свободно ответил Малкольм на кантонском наречии.

— Ай-и-йа! — А Ток была личной амой Струана, которая присматривала за ним с самого рождения, и не признавала ничего авторитета. Она едва удостоила Анжелику взглядом, сосредоточившись целиком на Струане. Высокая и крепкая в свои пятьдесят шесть лет, она была одета в традиционную длинную белую рубашку и черные штаны, длинная косичка лежала на спине, символизируя, что она избрала работу амы в качестве своей профессии и потому поклялась до конца дней соблюдать непорочность и никогда не иметь собственных детей, дабы не делить меж ними свою преданность. Двое слуг-кантонцев вошли следом за ней с горячими полотенцами и водой для Струана. Громким голосом она приказала им закрыть дверь.

— Масса мыца, хейа? — произнесла она, со значением глядя на Анжелику.

— Я вернусь попозже, chéri, — сказала девушка.

Струан не ответил ей, просто кивнул и улыбнулся, потом опять перевел взгляд на письмо, погруженный в свои мысли. Она оставила дверь приоткрытой. А Ток неодобрительно фыркнула, твердой рукой захлопнула её, приказала обоим слугам, обтиравшим Малкольма в постели, поторапливаться и протянула ему чай.

— Спасибо, мать, — ответил он на кантонском, согласно обычаю называя этим почтительным именем того особого человека, который заботился о нем, носил на руках и оберегал его, когда он был ещё совсем беззащитным.

— Плохие новости, сын мой, — заметила А Ток. Известие о кончине тайпэна уже облетело всю китайскую общину.

— Плохие новости. — Он сделал глоток чая. Вкус напитка был превосходен.

— После того как тебя помоют, ты почувствуешь себя лучше и мы сможем поговорить. Твой досточтимый отец давно опоздал на назначенное ему свидание с богами. Теперь он там, с ними, а ты — тайпэн, так что плохое перешло в хорошее. Попозже я принесу тебе сверх-особый чай, который я купила для тебя. Он вылечит все твои болезни.

Закончив, они подали ему свежую накрахмаленную ночную рубашку.

— Спасибо, — поблагодарил их Струан, чувствуя себя значительно посвежевшим. Слуги вежливо поклонились и вышли.

— А Ток, запри её дверь, тихо.

Она подчинилась. Её острый слух уловил шелест юбок в соседней комнате, и она решила про себя быть впредь ещё бдительнее. Любопытная чужеземная шлюха-дьяволица с кожей цвета жабьего брюха, чьи Нефритовые Врата с такой жадностью нацелились на господина, что цивилизованному человеку почти слышно, как они истекают соком...

— Зажги мне, пожалуйста, свечу.

— А? У тебя что, глаза болят, сын мой?

— Нет, глаза здесь ни при чем. Спички ты найдешь в бюро. — Спички, новейшее шведское изобретение, обычно держались под замком, ибо пользовались большим спросом, легко находили покупателя и потому имели склонность пропадать. Мелкое воровство в Азии имело характер повального увлечения. А Ток опасливо зажгла одну спичку, не понимая, почему они не вспыхивают, пока ими не чиркнешь сбоку по их особой коробке. Струан как-то раз объяснил ей почему, но она лишь пробормотала что-то о новых колдовских штуках этих дьяволов-варваров.

— Куда лучше поставить свечу, сын мой?

Он показал на прикроватный столик, где легко мог дотянуться до неё рукой.

— Вот сюда. А теперь оставь меня ненадолго.

— Но, ай-йа, нам необходимо поговорить, нужно столько всего продумать, рассчитать наперед.

— Знаю. Просто побудь снаружи у двери и не пускай никого, пока я не позову.

Ворча, она вышла. Долгие разговоры и лавина дурных вестей совсем лишили его сил. Однако он поднял свечу и, морщась от боли, установил её на краю кровати. Потом откинулся на подушку и замер так на несколько мгновений.

Четыре года назад, в день его шестнадцатилетия, мать отвела его на Пик, чтобы поговорить с ним наедине:

— Теперь ты уже достаточно взрослый, чтобы узнать некоторые

секреты «Благородного Дома». Секреты будут всегда. Часть из них мы с отцом будем держать в тайне от тебя до тех пор, пока ты не станешь тайпэном. Есть секреты, в которые я не посвящаю твоего отца, есть такие, которые я храню от тебя. Некоторыми я теперь буду делиться с тобой, но не с ним и не с твоими братьями или сестрами. Ни при каких обстоятельствах ни один человек не должен узнать эти секреты. Ни один. Ты обещаешь мне это перед Богом?

— Да, мама, я клянусь в этом.

— Первое: возможно, наступит день, когда нам понадобится передать друг другу личную или опасную информацию в частном письме — никогда не забывай: все, что написано, могут прочесть чужие глаза. Отныне всякий раз, когда буду писать тебе, я стану неизменно добавлять P. S. Я люблю тебя. Ты станешь делать то же самое. Всегда, не пропуская ни раза. Но если в конце письма не будет стоять P.S., значит, такое письмо содержит важную и тайную информацию, от меня тебе или от тебя ко мне только. Смотри! — Она зажгла сразу несколько спичек, прикрыв их от ветра заранее приготовленным листом бумаги, потом подержала их под этим листом, следя за тем, чтобы бумага не загорелась, а лишь пожелтела от жара. Она осторожно проводила пламенем под невидимыми строчками, и — о, чудо! — на листе проступило скрытое послание: «Поздравляю с днём рождения. Под твоей подушкой лежит вексель на предъявителя на десять тысяч фунтов. Храни его в тайне ото всех, распорядись им мудро».

— О, мама, он там лежит? Правда лежит вексель, на десять тысяч?

— Да.

— Ай-йа! Но как это у тебя получается? Эта тайнопись?

— Ты берешь чистое перо или ручку, аккуратно пишешь своё послание той жидкостью, которую я тебе дам, или молоком, и даешь написанному просохнуть. Если бумагу нагреть, как это сделала я, буквы появляются вновь. — Она чиркнула другой спичкой и с серьезным лицом подожгла лист с краю. Они в молчании смотрели, как он догорает на камнях. Она раздавила пепел своей крошечной ножкой в высоком ботинке. — Когда станешь тайпэном, не доверяй никому, — непонятно почему вдруг добавила она, — даже мне.

Теперь Струан подержал её печальное письмо над пламенем свечи. Слова проступили на бумаге, он узнал её почерк.

С сожалением сообщаю тебе, что твой отец умер, сквернословя и буйствуя, совершенно отупев от виски. Должно быть, он подкупил слугу, и тот украдкой притащил ему бутылку.

Расскажу ещё больше при личной встрече. Хвала Создателю, его мучения кончились, но это все вина Броков, моего проклятого отца и моего брата Моргана, которые не давали нам покоя и были причиной этих его приступов, — последний удар случился с ним сразу после твоего отъезда, когда мы узнали — слишком поздно — подробности их тайного гавайского заговора против нас. Джейми передаст тебе кое-какие детали.

На мгновение он прекратил читать, чувствуя, как его мутит от ярости. Скоро, скоро все счета будут сведены, пообещал он себе и продолжил чтение:

Остерегайся нашего друга, Дмитрия Сывородина. Нам стало известно, что он тайный агент этого революционера, президента Линкольна, а вовсе не южан, как он притворяется. Остерегайся Анжелики Ришо...

Его сердце вдруг шевельнулось от испуга.

Наши агенты в Париже пишут, что её дядя Мишель Мишо был объявлен банкротом вскоре после её отъезда и сейчас находится в долговой яме. Ещё факты: её отец яхшается с сомнительными личностями, имеет очень значительные игорные долги и тайно хвастает своим ближайшим друзьям, что скоро станет представлять наши интересы во Франции — получила твое письмо от 4 числа, где ты рекомендуешь его кандидатуру, полагаю, по её наущению, — этого не будет, он несостоятелен. Вот тебе ещё один из его «секретов»: не пройдет и года, как ты станешь его зятем. Все это, разумеется, полнейшая нелепость. Ты ещё слишком молод, чтобы жениться, и я не могла бы даже вообразить себе более неудачного выбора. Поодиночке или вместе, но они раскидывают тебе сети, сын мой. Будь осмотрителен и берегись женского коварства.

Впервые в жизни он был в ярости на свою мать. Дрожащей рукой он сунул письмо в огонь, подождал, пока оно сгорит, потом одним ударом превратил в пыль обуглившийся лист, сбил пламя со свечи, отчего она, кувыркаясь, полетела на пол, и откинувшись на спину, борясь с тошнотой. Сердце бешено колотилось в груди, разум не переставая кричал: «Как она

смеет следить за Анжеликой и её родными, не спросив меня! Как она смеет так ошибаться! Какие бы грехи они ни совершили, Анжелика в них не виновата. Уж кто-кто, а мать должна бы знать, что детей нельзя винить в грехах их отцов! Разве мой любимый дед не был ещё хуже них, разве не был он убийцей, разве многим отличался от пирата, как и её отец до сих пор? Какое низкое лицемерие! Не её ума дело, на ком я собираюсь жениться. Это моя жизнь, и если я решил жениться на Анжелике в следующем году, так оно и будет. Мать ничего не знает о ней — а когда она узнает всю правду, она полюбит её так же, как люблю её я — иначе... Клянусь Богом, она...»

— О, господи, — охнул он, когда боль начала рвать его на части.

Макфей поднял глаза от писем, документов и журналов, груды которых заваливали его рабочий стол.

— Как он? — встревоженно спросил Джейми, когда в кабинет вошёл доктор Бебкотт. Бебкотт прикрыл за собой дверь. Кабинет был просторным, окна его выходили на Хай-стрит и на залив.

— Это была какая-то желудочная колика, Джейми. Боюсь, этого следовало ожидать. Бедняга. Я перевязал ему рану — он порвал несколько швов. И дал ему лауданум. — Бебкотт потерял глаза, веки у него покраснели от усталости. Его фрак из толстого сукна протерся на рукавах и был во многих местах покрыт пятнами от химических реактивов и засохшей крови. — Сейчас я для него, пожалуй, больше ничего не могу сделать. Каковы последние новости с флота?

— Статус-кво: корабли в боевом построении, все команды стоят по местам, миссия по-прежнему окружена, бакуфу скоро должны появиться.

— А что произойдет, если они не появятся?

Макфей пожал плечами.

— Я получил распоряжение как можно скорее доставить Малкольма в Гонконг — это крайне важно для него. Я могу поместить его на пакетбо...

— Я категорически запрещаю это, — отрезал Бебкотт; его голос прозвучал более раздраженно, чем ему хотелось. — Это было бы глупо и очень опасно. Очень опасно. Если они попадут в шторм, что более чем вероятно в это время года... в общем, сильная и продолжительная рвота разорвет все швы — это убьет его. Нет!

— Тогда скажите мне, когда это будет безопасно.

Доктор выглянул в окно. Вдалеке за мысом море сплошь покрывали белые барашки волн, в заливе оно было спокойнее. Небо затянули тучи. Он взвесил свою беспомощность против своих знаний.

— Как минимум через неделю, возможно, через месяц. Бог знает, Джейми, я — нет.

— Если бы вы отправились с тем же пакетботом, это помогло бы?

— Ради бога, да нет же! Вы что, не расслышали, что я сказал? Нет. Нет! Ему нельзя двигаться. Девять дней на корабле прикончат его.

Лицо Макфея застыло.

— Какие шансы у Малкольма поправиться? Говорите как есть. Очень важно, чтобы я знал.

— По-прежнему хорошие. Температура у него более-менее нормальная, и нет никаких признаков нагноения. — Бебкотт снова потер глаза и зевнул. — Извините, я вовсе не хотел орать на вас. Я с полуночи на ногах, латал матроса и солдата, подравшихся в Пьяном Городе, а на рассвете был срочный вызов в Ёсивару, пришлось зашивать молодую женщину, которая попробовала с помощью ножа перейти в лучший мир. — Он вздохнул. — Ему бы очень помогло, если бы вы как можно меньше волновали его. Я бы сказал, что сегодняшний приступ, вероятнее всего, вызван именно плохими известиями.

Новость о кончине Кулума Струана и, следовательно, новом статусе Малкольма как тайпэна — известие огромной и срочной важности для всех их конкурентов — мигом облетела Поселение, и последствия её живо обсуждались. В фактории Брока Норберт Грейфорт прервал заседание, чтобы откупорить первую бутылку шампанского из ящика, который он уже много недель держал охлажденным специально для этого случая.

Тосты в этот момент провозглашались по всей Йокогаме, в правлениях компаний по всему Дальнему Востоку и вообще везде, где велась торговля с Азией, ибо редко выпадал такой повод, как смерть тайпэна «Благородного Дома» и приход ему на смену нового. Среди тостов были торжественные, были мстительно-злорадные, одни поднимались за преемника, другие посвящали кости всего рода Струанов дьяволу, третьи содержали искренние молитвы о ниспослании им успеха и процветания, но все произносившие их думали об одном: как это известие повлияет на них самих, ибо, хотели они того или нет, компания Струанов была тем, чем была, «Благородным Домом».

Во французской миссии Анжелика чокнулась бокалами и осторожно пригубила шампанское; её бокал был дешевым и едва приемлемым для такого случая, как и вино.

— Да, я согласна с вами, мсье Вервен.

Пьер Вервен был поверенным в делах, усталым лысеющим человеком сорока с небольшим лет.

— Первый тост требует второго, мадемуазель, — сказал он, вновь поднимая свой бокал и возвышаясь над ней. — Не только благополучия и долгих лет новому тайпэну, но за тайпэна — вашего будущего мужа.

— Ла, мсье! — Она поставила свой бокал на стол, притворяясь рассерженной. — Я рассказала вам об этом по секрету, потому что я так счастлива, так горда, но вы не должны упоминать об этом вслух, пока он, мсье Струан, не объявит о помолвке публично. Вы должны обещать мне.

— Конечно, конечно. — Голос Вервена звучал доверительно, но

мысленно он уже набросал срочную депешу, которую отправит Сератару на борт французского флагмана в Эдо сразу же, как только она уйдет. Совершенно очевидно, что подобный союз открыл бы для Франции и французских интересов бесчисленные политические возможности и ходы. «Бог мой, — размышлял он, — если у нас достанет ума, а нам его не занимать, мы сможем контролировать „Благородный Дом“ посредством этой юной шлюшки, все достоинства которой сводятся к довольно милой мордашке, аппетитным грудкам, перезрелой невинности и попке, которая сулит её мужу устойчивый кобелиный задор на месяц-другой. Как, дьявол меня забери, удалось ей заманить его в свои сети — если то, что она говорит, действительно правда? Если...

Merde, бедный парень должно быть из ума выжил, что решил остановить свой выбор на этой пустышке без гроша приданого и происхождения самого сомнительного, ведь она станет матерью его детей! Какой невероятный подарок судьбы для этой презренной свиньи Ришо, уж теперь-то он сможет выкупить все свои векселя».

— Мои самые искренние поздравления, мадемуазель.

Дверь распахнулась, и в кабинет, сгибаясь под тяжестью почты, вплыл Бой Номер Один миссии, пожилой круглый китаец в полотняном халате, черных штанах и черной маленькой шапочке.

— Хейа, масса, все одинаковый поч'та, ладна! — Он плюхнул письма и посылки на богато украшенный стол, попялил глаза на девушку и, выходя, рыгнул.

— О боже, своими отвратительными манерами эти люди сведут с ума кого угодно! Тысячу раз я говорил этому кретину, чтобы он сначала стучался! Извините, это займет у меня минуту. — Вервен быстро просмотрел письма. Два от его жены, одно от любовницы, все три отосланы два с половиной месяца назад: готов поспорить, и та и другая просят денег, с досадой подумал он. — Ага, четыре письма для вас, мадемаузель. — Многие граждане адресовали свои письма в ближайшую дипломатическую миссию. — Три из Парижа и одно из Гонконга.

— О, благодарю вас! — Она посветлела лицом, увидев, что два были от Колетты, одно от её тетушки и последнее от отца. — Мы здесь так далеко от дома, вам не кажется?

— Париж — это весь мир, да, да, именно так. Ну что же, полагаю, вы захотите уединиться, чтобы прочесть их. Вы можете воспользоваться комнатой напротив, через холл. А теперь, извините меня... — Вервен показал на заваленный стол и самоуниженно улыбнулся, — государственные дела.

— Разумеется, благодарю вас. И спасибо за все ваши добрые пожелания, только умоляю, никому ни слова... — Она грациозно выскользнула из комнаты, уверенная, что через час её чудесный секрет станет известен всем, нашептанный в одно ухо за другим. «Разумно ли это? Думаю, что да, Малкольм ведь в самом деле сделал мне предложение, разве нет?»

Вервен вскрыл свои письма, пробежал их глазами, быстро определил, что обе женщины просят денег, но других скверных новостей нет, тут же отложил их в сторону, чтобы перечитать и насладиться в полной мере на досуге, и начал своё донесение Сератару — с секретной копией Андре Понсену, — в восторге от того, что может принести им такую добрую весть.

— Погоди минутку, — пробормотал он себе под нос, — а вдруг все это не больше, чем обычное преувеличение в духе Ришо — каков отец, такова и дочь! Безопаснее будет написать так: «Несколько минут назад мадемуазель Анжелика шепотом сообщила мне под большим секретом, что...» тогда министр сам сможет решить, как к этому относиться.

Через холл напротив, в уютной приемной, выходявшей окнами на маленький сад в стороне от Хай-стрит, Анжелика опустилась на стул, предвкушая удовольствие. Первое письмо Колетты сообщало ей долгожданные новости о Париже, моде, скандальных романах и общих друзьях так восхитительно, что она залпом проглотила его, зная, что будет перечитывать все это ещё много раз, особенно сегодня вечером, удобно устроившись в кровати, когда сможет до конца насладиться всеми подробностями. Она знала и любила Колетту почти всю свою жизнь — в монастыре они были неразлучны, поверяя друг другу свои надежды, мечты и самые сокровенные желания.

Второе письмо содержало дополнительную порцию известий, пересказанных самым жизнерадостным тоном, и кончалось рассказом о её семейной жизни — одних с нею лет, Колетта уже год была замужем и уже родила сына: «Я снова беременна, дорогая моя Анжелика, мой муж в восторге, а я немножко волнуюсь. Как ты знаешь, первые роды были нелегкими, хотя доктор уверяет меня, что я успею достаточно окрепнуть. Когда ты вернешься? Я жду не дождусь...»

Анжелика сделала глубокий вдох и посмотрела в окно. «Ты не должна так раскрываться, — повторила она себе, едва не плача. — Даже наедине с Колеттой. Будь сильной, Анжелика. Будь осторожной. Твоя жизнь изменилась, все изменилось — да, но лишь ненадолго. Не давай застать себя врасплох».

Ещё один глубокий вдох. Следующее письмо потрясло её. Тетя Эмма сообщала ей ужасное известие о банкротстве мужа: «...и теперь мы бедствуем, а мой бедный, несчастный Мишель томится в долговой яме, и помощи ждать неоткуда! Нам не к кому обратиться, денег нет. Это ужасно, дитя мое, кошмар...»

Бедный милый дядя Мишель, думала она, беззвучно плача, какой ужас, что он так плохо разбирался в делах.

— Ну ничего, дорогая, любимая тетя-мама, — произнесла она вслух, охваченная внезапной радостью. — Теперь я смогу отплатить тебе за всю твою доброту. Я попрошу Малкольма помочь, он обязательно...

«Подожди! Будет ли это разумно?»

Размышляя над этим, она вскрыла письмо отца. К её удивлению, внутри оказалось только письмо, без векселя на предъявителя, который она просила его прислать и который ожидала найти в конверте, — вексель на те деньги, что она привезла с собой из Парижа и положила в банк «Виктория», — те самые, которые дядя так щедро выдал ей вперед под торжественное обещание, что она ни в коем случае не расскажет об этом его жене и что её отец немедленно вернет эту ссуду, как только она прибудет в Гонконг, что Ришо, по его словам, уже сделал.

Гонконг, 10 сентября.

Привет, моя капусточка, надеюсь, все идет хорошо и твой Малкольм боготворит тебя так же, как и я, как и весь Гонконг. Ходят слухи, что его отец при смерти. Я буду держать тебя в курсе. Тем временем пишу в спешке, потому что с отливом отбываю в Макао. Там открылась одна удивительная деловая возможность, настолько хорошая, что я временно заложил оставленные тобой в банке средства и внесу эти деньги за тебя как за РАВНОГО ПАРТНЕРА. Со следующей почтой я смогу выслать тебе вдесятеро больше того, что ты просила, и расскажу тебе, какую замечательную прибыль мы получили, — в конце концов, нам нужно подумать о твоём приданом, без которого... А?

Её глаза отказались читать дальше, мысли пришли в смятение. О, боже мой! Что ещё за деловая возможность? Неужели он поставил на карту все, что есть у меня в этом мире?

Было почти два часа дня, и Макфей устал. В желудке у него было

пусто, а голову заполняли мрачные мысли. Он написал дюжину писем, подписал полсотни мелких счетов, оплатил десятки векселей, проверил записи в книгах за вчерашний день, которые показывали, что торговля идет на спад, выяснил, что все товары, заказанные в Америке, либо не будут поставлены, либо задерживаются, либо предлагаются по более высокой цене, и что все сделки в Канаде и Европе тоже в той или иной степени страдают от гражданской войны в Штатах. Ни одной радостной вести в донесениях с Гонконга — и много тревожных из отделения компании в Шанхае, хотя Альберт Мак-Струан, ведавший там всеми делами, исполнял свою работу безукоризненно. Бог мой, если нам придется оставить Шанхай, это будет катастрофой, учитывая, сколько мы туда вложили.

Шанхай снова был охвачен волнением, и три иностранных концессии, управлявшиеся британцами, французами и американцами, полнились слухами о том, что армии мятежных крестьян огромного восстания тайпинов, стоявшие внутри и вокруг Нанкина — крупного города на юге, который восставшие захватили девять лет назад и сделали столицей своего государства, — опять выступили в поход.

Новости из дома добавляли гнетущего настроения. Проливные дожди погубили едва не весь урожай, в Ирландии и других местах ожидался голод, хотя и не такой страшный, как Великий Картофельный Голод, унесший сотни тысяч жизней. Повальная безработица в Шотландии. Нищета в Ланкашире, где из-за эмбарго, наложенного северянами на хлопок с Юга, и блокады всех морских портов южан, встало большинство хлопкопрядильных фабрик, включая три, принадлежавших Струанам. Получая хлопок из Южных Штатов, Англия поставляла готовую материю всему миру. Клипер Струанов, битком набитый чаем, шелками и лакированными изделиями, бесследно пропал на пути в Лондон. На рынке ценных бумаг акции «Благородного Дома» сильно упали, а вот компании Брока — поднялись после успешной доставки первого в этом сезоне чая.

Он получил очередное письмо от своей невесты, Морин Росс, с которой был помолвлен уже пять лет. Опять ничего успокоительного: «... когда я смогу приехать? Ты уже выслал билет? Ты обещал, что это Рождество будет последним, которое мы проведем в разлуке...»

— В это Рождество ничего не получится, девочка, — пробормотал он, раздраженно хмуря брови, как бы она ему ни нравилась. — Пока я не могу себе этого позволить, да здесь и не место для юной леди.

Сколько раз он писал и объяснял ей все это, зная, что на самом деле Морин и её родители хотят, чтобы он работал на Струанов в Англии или Шотландии или, ещё лучше, вовсе оставил бы «эту печально известную

компанию и работал дома, как нормальный человек», зная, что сам он в действительности хотел, чтобы она расторгла их помолвку и забыла его, будучи в курсе, что большинство английских жен быстро начинали ненавидеть Азию, не выносили азиатов, ужасались Девам Веселья, чья доступность приводила их в ярость, с отвращением относились к азиатской пище и постоянно стонали в тоске по дому и родным, превращая жизнь своих мужей в нескончаемое мучение.

Знал он при этом и то, что ему Азия нравилась, что он любил свою работу, обожал свою свободу, ценил Ёсивару и никогда бы не уехал домой с легким сердцем. По крайней мере, подумал он, до того, как выйду на пенсию.

Единственным светлым пятном во всей почте были книги от Хатчарда на Пиккадилли: новое иллюстрированное издание наделавшей шуму книги Дарвина «О происхождении видов», несколько поэм Теннисона, недавно переведенный памфлет Карла Маркса и Фридриха Энгельса под названием «Коммунистический манифест», пять номеров «Панча»^[14] и — самый замечательный подарок — очередной выпуск альманаха «Круглый год». Это еженедельное издание было основано Чарльзом Диккенсом и содержало четырнадцатый эпизод его романа «Большие надежды», который планировался к выпуску в двадцати эпизодах.

Несмотря на всю свою занятость, Макфей, как и все остальные, получившие такой же экземпляр, запер дверь и жадно проглотил отрывок. Прочитав последнюю фразу, «продолжение в следующем выпуске», он вздохнул.

Стук в дверь.

— Мистер Макфей. Могу я увидеть вас на минуту? — Это был Пьеро Варгаш, его помощник.

— Сейчас. — Чувствуя себя немного виноватым, он засунул выпуск альманаха под кипу бумаг, потянулся всем телом и отпер дверь.

— Ну, на самом деле вас хотят видеть два покупателя, которые пришли вместе с ним. Они из Тёсю.

— Вот как? — В Макфее проснулся интерес. Почти два года осторожных прощупываний со стороны даймё Тёсю, ленного владения, лежавшего далеко на западе, по берегам пролива Симоносеки, вылились в прошлом году в очень значительную сделку, одобренную главной конторой компании в Гонконге и подготовленную японским отделением: двухсоттонный колесный пароход с весьма секретным грузом: пушки, картечь, боеприпасы, — оплаченную без всяких проволочек золотом и серебром, половина вперед, половина после доставки. — Проводи их сюда.

Нет, подожди, будет лучше, если я встречу с ними в нашей зале для торжественных приемов.

— Si, сеньор.

— Один из них тот же самый парень, который был здесь в прошлый раз?

— Сеньор?

— Молодой самурай, который немного говорил по-английски?

— Я не принимал участия в той беседе, сеньор, я находился в Португалии, в отпуске.

— Ах да, теперь я вспомнил.

Зала для приемов была просторной, с дубовым столом на сорок два человека в центре. Дубовые же буфеты и шкафы с серебряной посудой, выставочные ящики со стеклянными дверцами, сверкающие и ухоженные, некоторые из них с оружием, стояли вдоль стен. Макфей открыл один и вынул оттуда пояс с револьвером в пристегнутой кобуре. Он застегнул пряжку ремня у себя на поясе, убедившись, что револьвер заряжен и легко вынимается. Встречаясь с самураями, он взял себе за правило всегда быть при оружии, как и они.

— Вопрос лица, — говорил он своим подчиненным, — а также безопасности.

Для большего спокойствия он прислонил к спинке кресла ружье Спенсера и встал у окна лицом к двери.

Варгаш вернулся в сопровождении трех человек. Один из них был средних лет толстяк с елейным выражением лица и без мечей — Кину, их поставщик шелка. Двое других были самураями, один молодой, другой на вид старше сорока, хотя точно определить его возраст было трудно. Оба невысокого роста, худощавые, с суровыми лицами и, как обычно, при мечях.

Японцы вежливо поклонились. Макфей заметил, что оба самурая тут же обратили внимание на его новое ружье с затвором. Он так же вежливо поклонился в ответ.

— Охайо, — произнес он. Доброе утро. Затем: — Додзо — пожалуйста, — показывая на стулья, стоявшие на безопасном расстоянии напротив.

— Добрый ут'ро, — сказал младший без улыбки.

— А, вы говорите по-английски? Отлично. Прошу вас, садитесь.

— Гаварить ма'ро, — добавил юноша. «Л» получалось у него как «р», потому что в японском языке не было звука «л»; так же неуклюже выходил у него звук «в». Он сказал несколько слов Варгашу на общем для них диалекте провинции Фукуэн, потом оба самурая представились, добавив,

что их прислал правитель Тёсю, господин Огама.

— Я Джейми Макфей, глава представительства «Струана и Компании» в Ниппоне, и для меня большая честь встретиться с вами.

Варгаш опять перевел сказанное. Джейми терпеливо прошел через обязательные четверть часа расспросов о здоровье их даймё, их собственном здоровье, его здоровье и здоровье королевы, об общей ситуации в Тёсю, в Англии — ничего конкретного, одни лишь вежливые фразы. Чай был подан и выпит, восхищение выражено должным образом. Наконец молодой самурай заговорил о деле.

Варгашу потребовались огромные усилия, чтобы не выдать голосом охватившего его возбуждения.

— Они хотят купить тысячу ружей, заряжающихся с казенной части, и по тысяче латунных патронов на каждое ружье. Мы должны назвать справедливую цену и осуществить поставку за три месяца. Если мы уложимся за два месяца, они готовы заплатить премию — двадцать процентов.

Внешне Макфей оставался таким же спокойным.

— Это все, что они хотят купить в данный момент?

Варгаш перевел вопрос.

— Да, сеньор, но они просят тысячу патронов к каждому ружью. И маленького размера пароход.

Макфей подсчитывал в уме огромную прибыль, которую сулила эта сделка, но ещё больше его занимали сейчас недавний разговор с Грейфортом и хорошо известная всем враждебность, с которой адмирал и генерал — сэр Уильям поддерживал их в этом — относились к продаже любого оружия на любых условиях. Помнил он и о различных убийствах. И о Кентербери, разрубленном на куски. И о том, что сам он лично не одобрял торговли оружием, за исключением тех случаев, когда это ничем не грозило британцам. А могут ли подобные сделки вообще считаться безопасными при такой воинственности этого народа?

— Пожалуйста, переведите, что я смогу дать им ответ через три недели. — Он увидел, как приятная улыбка сползла с лица молодого человека.

— Ответить... сейчас. Нет три неде'ри.

— Нет ружей здесь, — медленно произнес Макфей, обращаясь непосредственно к нему. — Должен писать Гонконг, главный контора, девять дней туда, девять дней назад. Немного ружей с затворами там есть. Все остальные — Америка. Четыре или пять месяцев минимум.

— Нет понимай.

Варгаш перевел. Самураи заговорили между собой, купец отвечал на их вопросы с горячим подобострастием. Ещё вопросы Варгашу, на которые тот ответил с вежливым достоинством.

— Он говорит, очень хорошо, он сам или другой чиновник из Тёсю вернется сюда через двадцать девять дней. Сделка должна храниться в тайне.

— Разумеется. — Макфей посмотрел на юношу. — Секрет.

— Хай! Сик'рет.

— Спросите его, как поживает тот, другой самурай, Сайто. — Он заметил, как они нахмурились, но ничего не смог прочесть по их лицам.

— Они не знают его лично, сеньор.

Дальше последовали прощальные поклоны, и Джейми остался один. Погруженный в свои мысли, он убрал ремень с револьвером назад в шкаф. Если я не продам им эти ружья, их продаст Норберт — что бы он там ни говорил про мораль.

Варгаш вернулся, очень довольный.

— Превосходная возможность, сеньор, но и большая ответственность.

— Да. Интересно, что ответит главная контора на этот раз.

— Узнать это нетрудно, сеньор, причем очень быстро. Вам незачем ждать восемнадцать дней, разве главная контора не у вас наверху?

Макфей уставился на него.

— Чёрт меня подери, я ведь совсем забыл! Нелегко вот так сразу привыкнуть к мысли, что Малкольм теперь тайпэн, вершитель судеб компании. Вы правы.

Снаружи послышался нарастающий топот бегущих ног, дверь распахнулась.

— Простите, что врываюсь вот так, — с трудом выдавил из себя вконец запыхавшийся Неттлсмит. Его помятый цилиндр съехал набок. — Полагаю, вам следует об этом знать. Мне только что сообщили, что несколько минут назад на мачте миссии был поднят голубой сигнальный флаг... потом его спустили, подняли снова, а вслед за этим приспустили до половины мачты, где он и остался.

Джейми посмотрел на него, разинув рот.

— Какого дьявола все это может значить?

— Не знаю. Мне известно только одно: половина мачты обычно означает, что кто-то умер, не так ли?

Сильно встревоженный, адмирал снова навел бинокль на флагшток миссии. Остальные люди на квартердеке — капитаны других кораблей его

флота, Марлоу, генерал, французский адмирал и фон Хаймрих — были озабочены не в меньшей степени, Сератар и Андре Понсен озабоченность лишь изображали. Полчаса назад, когда вперёдсмотрящий поднял тревогу, все они выскочили на палубу прямо из-за обеденного стола. Кроме русского посланника:

— Если вам угодно торчать на холоде — прекрасно. Я, чёрт возьми, не горю таким желанием. Когда с берега придёт ответ: да, нет или война, будьте любезны, разбудите меня. Если начнётся обстрел, я к вам присоединюсь...

Марлоу смотрел на толстую складку кожи над воротником адмирала, презирая его и жалея о том, что он сейчас не на берегу вместе с Тайлером или не на борту своего собственного корабля, «Жемчужины». В полдень адмирал заменил временно назначенного им капитана чужаком, неким лейтенантом Дорнфилдом, — вопреки его совету. «Вот ведь сукин сын, вы только поглядите, с каким, чёрт побери, высокомерием он подносит к глазам и наводит на берег свой бинокль — нам всем и так известно, что бинокли стоят очень дорого и выдаются исключительно адмиральским чинам. Проклятый ста...»

— Марлоу!

— Слушаю, сэр.

— Нам нужно выяснить, какого дьявола там происходит. Вы отправляетесь на берег... нет, вы понадобятся мне здесь! Томас, не будете ли вы так любезны послать в миссию одного из своих офицеров? Марлоу, отрядите вместе с ними сигнальщика.

Генерал тут же дернул большим пальцем своему адъютанту, который заспешил прочь; Марлоу не отставал от него ни на шаг. Сератар плотнее запахнулся в сюртук из толстой шерсти, спасаясь от леденящего ветра.

— Боюсь, сэр Уильям накрепко заперся в миссии.

— Помнится, вы уже излагали своё мнение сегодня утром, — резко ответил адмирал.

Совещание, на которое он пригласил посланников, прошло шумно и не привело ни к какому решению, за исключением «немедленного выступления большими силами» графа Сергеева.

— Каковыми, мой дорогой граф, — тут же едко указал адмирал, — мы на данный момент не располагаем, если вслед за обстрелом города нам понадобится занять его и окрестности.

Кеттерер поджал губы и гневно уставился на Сератара, они давно не любили друг друга.

— Я уверен, сэр Уильям найдет выход, но скажу вам честно, я сплю

Эдо дотла, если увижу, что наш флаг падёт, клянусь Богом.

— Я согласен с вами, — кивнул Сератар. — Это вопрос чести нации! Лицо фон Хаймриха словно окаменело.

— Джапы не глупцы, в отличие от некоторых людей. Я не могу поверить, что они не станут считаться с той силой, которой мы сейчас располагаем.

Налетел неожиданный порыв ветра, заскрипев реями наверху, море ещё больше потемнело, серые облака густели с каждой минутой. Все глаза повернулись на восток, к черной линии шквала на горизонте. Шквал двигался в берегу, угрожая кораблям, стоявшим на мелкой воде.

— Марлоу, пошлите... Марлоу! — проревел адмирал.

— Слушаю, сэр? — Марлоу бегом бросился к Кеттереру.

— Ради бога, держитесь поблизости, до вас не докричишься! Просигнальте на все корабли: «Приготовиться выйти в море. При быстром ухудшении погоды действовать самостоятельно по моей команде. Соединиться в Канагаве, как только позволят погодные условия». Вы, капитаны, возвращайтесь на свои корабли, пока ещё есть возможность. — Они заспешили к трапу, радуясь возможности убраться подальше.

— Я тоже возвращаюсь на свой корабль, — сказал французский адмирал.

— Мы отправимся с вами, мсье адмирал. — Сератар повернулся к Кеттереру. — Благодарю вас за гостеприимство, адмирал Кеттерер.

— А как быть с графом Алексеем? Он ведь прибыл с вами, не так ли?

— Пусть себе спит. Русского медведя лучше не будить, *n'est-ce pas*?

[15] — холодно заметил Сератар фон Хаймриху. Оба они прекрасно знали о заигрываниях Пруссии с русским царем с целью добиться нейтралитета России в случае любой конфронтации на Западе, что позволило бы Пруссии вести экспансию в Европе, осуществляя свою государственную политику, открыто направленную на объединение всех германоязычных народов в одну германскую нацию с Пруссией во главе.

Марлоу, спеша за сигнальщиком, увидел свой корабль, фрегат «Жемчужина», спокойно покачивающийся на якоре, и сердце его наполнилось тревогой. Он был готов выть с досады, что не стоит сейчас там, на капитанском мостике. Нахмутив брови, он опять посмотрел в сторону моря, оценивая взглядом линию шквала, тяжесть наливающихся свинцом туч, пробуя языком ветер и чувствуя в нем вкус и запах соли.

— Да, этот сукин сын задаст нам трепку что надо.

В зале для приема гостей британской миссии сэр Уильям в окружении

офицера шотландцев, Филипа Тайрера и охранников, сидя в кресле, холодно смотрел, как три японских чиновника неторопливо рассаживаются напротив, а их телохранители занимают места за их спинами. На встречу прибыли седовласый старейшина Адати, даймё земли Мито, переодетый в самурая рыбак Мисамото и, наконец, коротконогий, с большим животом чиновник бакуфу, тайно говоривший по-голландски, чье секретное задание состояло в том, чтобы с глазу на глаз доложить Ёси, как протекала встреча и как вели себя остальные двое. По обыкновению, ни один из японцев не воспользовался своим настоящим именем.

Как и вчера, в миссию прибыли пять паланкинов — и с той же торжественностью, хотя количество охранников увеличилось. Два из них оказались пустыми, и это открытие странным образом встревожило сэра Уильяма. В добавление к тому, что самураи всю ночь беспрестанно рыскали вокруг храма и миссии, оно заставило сэра Уильяма послать флоту сигнал условной тревоги, приспустив вымпел до половины мачты. Он надеялся, что этот сигнал будет правильно понят Кеттерером.

На переднем дворе миссии Хирага, вновь переодетый садовником, был встревожен не меньше него, он встревожился ещё больше, когда увидел, что Ёси среди прибывших чиновников не оказалось. Это означало, что столь тщательно продуманный план нападения на Ёси из засады у самых ворот замка, когда он будет возвращаться назад, придется отменить. Он тут же постарался исчезнуть, но самураи охраны раздраженно приказали ему вернуться к работе. Кипя от возмущения, он подчинился, ожидая, когда представится возможность улизнуть.

— Вы опоздали на два часа, — ледяным тоном произнес сэр Уильям, давая первый орудийный залп по противнику. — В цивилизованных странах дипломатические встречи происходят в назначенное время, без опозданий!

Немедленно хлынул поток извинений, цветистых и совершенно пустых. Потом последовали обязательная церемония представления, сладкоречивые комплименты, изматывающая вежливость и свыше часа бестолковых словопрений: требования, которые невозмутимо отклонялись, долгие споры, просьбы об отсрочке, выражение крайнего удивления, когда удивляться, казалось, было нечему, вопросы, которые приходилось повторять по нескольку раз, игнорирование фактов, закрывание глаз на правду, алиби, объяснения, размышления, извинения — и все это с предельной учтивостью.

Сэр Уильям уже был готов взорваться, когда с большой торжественностью старейшина Адати извлек из рукава свиток с печатью и

протянул его переводчику, который передал его Иоганну.

Всю усталость Иоганна как рукой сняло.

— *Gott im Himmel!*^[16] Это же печать родзю.

— А?

— Совета старейшин. Я её ни с чем не спутаю — это такая же, какую получил посол Харрис. Вам лучше принять свиток, официально, я имею в виду, сэр Уильям, потом я прочитаю послание вслух, если оно на голландском, в чем я сомневаюсь. — Он подавил нервный зев. — Вероятно, какой-нибудь новый фокус с целью протянуть время.

Сэр Уильям сделал все так, как подсказывал ему Иоганн, внутренне морщась от своей беспомощности и необходимости полагаться на наемных переводчиков-иностранцев.

Иоганн сломал печать и пробежал глазами документ. Его удивление было открытым:

— Оно на голландском, клянусь Богом! Опуская титулы, официальные клише и прочее, здесь говорится: «Совет старейшин, получив то, что представляется ему обоснованной жалобой, приносит извинения за... за проступок своих подданных и желает пригласить высокочтимого британского посланника и других аккредитованных посланников на встречу с Советом через тридцать дней, считая от сегодняшнего числа, в Эдо, когда и будет подана официальная жалоба, вопрос обсужден, необходимые действия предприняты и компенсация за вышеуказанное нарушение согласована. Подписано... Нори Андзё, главный министр».

Огромным усилием воли сэр Уильям удержал внутри рвущееся наружу ликование. Эта невероятная уступка давала ему ту самую возможность сохранить лицо, в которой он так отчаянно нуждался. И теперь, если ему удастся дожать их ещё немного... Краем глаза он вдруг заметил широкую улыбку на лице Тайрера, и это мгновенно привело его в ярость. Не поворачивая головы, он прошипел:

— Прекратите улыбаться, чертов вы идиот, — и сразу вслед за этим добавил сердито: — Иоганн, скажите им, они получают мой ответ через три дня. Тем временем я хочу получить немедленную компенсацию — золотом, через три дня — в размере десяти тысяч фунтов стерлингов для семей сержанта и капрала, которые были убиты в этой миссии в прошлом году. Требование об этом возмещении подавалось им уже четыре раза!

После того как его слова были переведены, сэр Уильям увидел испуг на лице старика. Затем последовала продолжительная беседа между ним и чиновником бакуфу.

Иоганн устало доложил:

— Старик отказывается платить, используя их обычную отговорку: в этом «печальном происшествии», мол, виновен человек, служивший здесь, в миссии, который потом совершил сеппуку — самоубийство. Вины бакуфу он тут не видит никакой.

Так же устало сэр Уильям сказал:

— Ответь им, как мы обычно отвечали, клянусь Господом, что это они назначили сюда того человека, они настояли на том, чтобы мы его приняли, поэтому они несут за него полную ответственность — и самоубийство он совершил только потому, что был тяжело ранен, покушаясь на жизнь моего предшественника, и ему угрожало немедленное пленение! — Стараясь отбросить усталость, он наблюдал, как два чиновника переговариваются со своим переводчиком, а третий молча сидит и слушает, как делал это весь день. Возможно, он и есть тот, кто обладает реальной властью. Интересно, что случилось с теми двумя, которые присутствовали на встрече вчера, особенно меня интересует тот, что помоложе, — тот самый, которого перед уходом остановил Андре Понсен. Какую новую пакость удумал Сератар, эта хитрая бестия?

Ставший довольно прохладным ветер подхватил качавшуюся ставню и ударил ею в окно. Один из часовых протянул руку за оконную перемычку, нащупал крюк и снова закрепил её. Недалеко от берега виднелся флот, океан стал темно-серым, на волнах появились белые шапки. На горизонте сэр Уильям заметил линию надвигающегося шквала. Его тревога за корабли усилилась.

— Старик спрашивает, — перевел Иоганн, — примете ли вы три тысячи.

Лицо сэра Уильяма побагровело.

— Десять тысяч золотом!

Опять долгие переговоры, потом Иоганн промокнул вспотевший лоб:

— Mein Gott, они согласны на десять, выплата в два срока в Йокогаме.

Первая — через десять дней, остальное — за день до встречи в Эдо.

После тяжелой, нарочито затянутой паузы сэр Уильям произнес:

— Через три дня я дам им ответ, приемлемы ли эти условия.

Шумное втягивание воздуха через сжатые зубы, ещё несколько хитроумных попыток изменить три дня на тридцать, на десять, на восемь, разбившихся о каменное упорство англичан.

— Три.

Вежливые поклоны, и делегация удалилась.

Когда они остались одни, Иоганн радостно улыбнулся.

— В первый раз мы достигли какого-то прогресса, сэр Уильям, в

самый первый раз!

— Да, ну что ж, посмотрим. Я не понимаю их совершенно. Они явно старались измотать нас. Но зачем? Какая им от этого польза? Свиток уже был у них, так почему, дьявол их подери, они не могли отдать его в самом начале и не покончить сразу с этой их трижды проклятой волокитой? Полнейший идиотизм! И зачем было присылать два пустых паланкина?

— Мне кажется, сэр, — заметил Тайрер, весь сияя, — что это просто одна из их характерных чёрт. Идти всегда окольным путем.

— Да, хорошо. Тайрер, будьте любезны, пройдите со мной. — Он направился в свой личный кабинет и, едва лишь дверь закрылась за ними, принялся злобно выговаривать молодому человеку: — Вас что, так ничему и не научили в министерстве? Где ваши мозги? Или их у вас никогда и не было? Неужели вы не в состоянии сообразить, что на дипломатических встречах лицо должно быть непроницаемым? У вас что, с головой не в порядке?

Тайрер был шокирован его злобным сарказмом.

— Извините, сэр, очень прошу простить меня, сэр, я просто так обрадовался вашей победе, что не смо...

— Это не была победа, идиот! Это была всего-навсего отсрочка, хотя и ниспосланная небом! — Облегчение, которое испытывал сэр Уильям теперь, когда встреча закончилась и, вопреки всем ожиданиям, принесла ему гораздо больше, чем он мог желать, подогревало его раздражительность. — Может быть, у вас в ушах плесень завелась? Или вы не слышали, как Иоганн сказал: «...то, что представляется обоснованной жалобой» — да ведь это самая большая лазейка, какую они могли для себя оставить, клянусь Богом! Мы добились отсрочки, только и всего. Но так получилось, что она прекрасно меня устраивает. И если встреча в Эдо состоится через тридцать дней, я буду крайне удивлен. В следующий раз, чёрт побери, не показывайте своих чувств, и если вы когда-нибудь станете переводчиком... вообще вам лучше поскорее выучить японский, или вы отправитесь у меня домой на следующем же пароходе с пометкой в послужном листе, которая обеспечит вам назначение к эскимосам до конца жизни!

— Слушаюсь, сэр.

Все ещё не выпустив пар до конца, сэр Уильям увидел, как молодой человек вытянулся перед ним, стоически глядя ему в лицо, и спросил себя, что же так изменилось в нем. Тут он заметил выражение его глаз.

Где же я раньше видел этот взгляд — та же самая, почти неуловимая отчужденность, что и у молодого Струана? Ах да, ну конечно, теперь я

вспомнил! В глазах молодых солдат, возвращавшихся с Крыма — и тех, что были целы и невредимы, и раненых, будь они союзниками или врагами. Война вырвала из них молодость, вытравила в них юношескую чистоту с такой бесстыдной быстротой, что после этого они навеки стали другими. И это всегда видно не по лицам, а именно по глазам. Сколько раз мне говорили: перед сражением — мальчишка, несколько минут или часов спустя — мужчина. Англичанин ли, русский ли, немец, француз или турок — разницы никакой.

Посему получается, что идиот-то я, а не этот молодой парень. Я забыл, что ему едва исполнился двадцать один, а за последние шесть дней его чуть было не убили и он пережил такое, что иному мужчине и за всю жизнь не выпадает. Или женщине, клянусь Создателем! Правильно, глаза той девушки смотрели точно так же. Какой я глупец, что не понял этого. Бедняжка, ей ведь, кажется, только-только минуло восемнадцать? Ужасно, когда приходится взрослеть так быстро. Мне повезло больше.

— Ну ладно, мистер Тайрер, — резко закончил он, завидуя ему, той храбрости, с которой он прошел крещение огнем. — Я уверен, что вы со всем справитесь. Эти встречи, кхм, они даже Иова выведут из себя, а? Полагаю, мы заслужили по бокалу шерри.

Той же ночью, когда все вокруг стихло, Хирага и его спутники осторожно выбрались из погреба, который был присмотрен ими заранее. Они скользнули в темноту и стали, каждый своим путем, пробираться к своему тайному убежищу.

Черное небо было затянуто тучами, сильный ветер хлестал по лицу редкими дождевыми каплями. Я не буду чувствовать холода, не подам виду, что промок, я самурай, приказал себе Хирага, следуя методике воспитания, принятой в его семье с тех пор, как он помнил себя. Точно так же я буду воспитывать и моих сыновей и дочерей — если в моей карме есть место для сыновей и дочерей, подумал он.

— Пора тебе жениться, — сказал ему отец год назад.

— Я согласен, отец. Я почтительно прошу вас изменить своё решение и позволить мне жениться на той, кого я выберу сам.

— Во-первых, долг сына подчиняться отцу; во-вторых, долг отца выбирать жен для своих сыновей и мужей для своих дочерей; в-третьих, отец Сумомо не дает своего согласия, она сацума, а не Тёсю; и наконец, как бы желанна она ни была, она не подходящая пара. Как насчет девушки из Ито?

— Пожалуйста, извините меня, отец, я согласен, что выбор мой

несовершенен, но она из семьи самураев, получила воспитание самурая и она владеет мной всецело. Я молю вас. У вас есть ещё четыре сына — я же имею одну только жизнь, и поскольку мы, вы и я, оба согласны, что она должна быть посвящена сонно-дзёи, она, следовательно, будет недолгой. Подарите мне это как главное желание моей жизни. — Согласно обычаю, такое желание содержало в себе самую большую просьбу человека и означало, что если её исполнят, обратившийся с ней уже не станет просить ни о чем другом никогда.

— Очень хорошо, — сердито сказал его отец. — Но не как главное желание твоей жизни. Ты можешь назвать её невестой, когда ей исполнится семнадцать. Я с радостью приму её в нашу семью.

Это было в прошлом году. Через несколько дней после того разговора с отцом он покинул Симоносеки якобы затем, чтобы вступить в полк воинов Тёсю в Киото, на самом же деле, чтобы объявить о своей приверженности сонно-дзёи, стать ронином и найти применение четырем годам тайной подготовки, духовной и физической.

Теперь шел девятый месяц. Через три недели Сумомо исполнялось семнадцать, но сейчас он настолько отступил от закона, что не могло быть и речи о безопасном возвращении домой. До вчерашнего дня. Отец написал ему: «Случилось невероятное, но наш правитель Огама обещал помиловать всех воинов, открыто принявших сонно-дзёи, и готов возобновить выплату им содержания, если они немедленно вернутся, отрекутся от этой ереси и снова прилюдно поклонятся ему в верности. Я приказываю тебе воспользоваться этим предложением. Многие возвращаются».

Письмо опечалило его, едва не разрушив его решимость.

— Сонно-дзёи важнее, чем семья или даже правитель Огама, даже чем Сумомо, — говорил он себе снова и снова. — Правителю Огаме нельзя верить. Что же касается моего содержания...

По счастью, его отец был относительно зажиточным по сравнению с большинством других и благодаря своему отцу-сёе получил звание хиразамурая, третье по значению в самурайской иерархии. Выше стояли старшие самураи: хатомото и даймё. Ниже — все остальные: госи, асигару, сельские самураи и пешие воины, принадлежавшие к классу феодалов, но стоявшие ниже самураев. В звании хиразамурая отец получил доступ к низшим чиновникам, и образование, которое он дал своим сыновьям, было лучшим, какое только имелось.

«Я обязан ему всем, — подумал Хирага. — Да, и я послушно трудился, чтобы стать лучшим учеником в школе самураев, лучшим мастером меча и лучшим в английском языке. И я имею его разрешение и одобрение, так же

как и разрешение нашего сэнсэя, главного учителя, принять сонно-дзёи, стать ронином, возглавить и организовать воинов Тёсю как острие борьбы за перемены. Да, но их одобрение было тайным, поскольку иначе оно непременно стоило бы моему отцу и сэнсёю их голов.

Карма. Я выполняю свой долг. Гайдзины — мразь, в которой мы не нуждаемся. Нам нужно лишь их оружие, чтобы с его помощью убивать их».

Дождь усилился. И буря вместе с ним. Это обрадовало его, потому что делало встречу с патрулем менее вероятной. Мысли о ждущих его в конце пути ванне, саке и чистой одежде согревали его и придавали силы. То, что их нападение не удалось, не беспокоило его. Это была карма.

С самого детства его учителя и наставники укрепляли в нем уверенность, что враги и предатели окружают человека повсюду, пока это не стало для него нормой жизни. Он продвигался вперед с осторожностью, постоянно проверяя, не идет ли кто за ним следом, без всякой логики меняя направление и везде, где только можно, останавливаясь и всматриваясь в темноту, прежде чем идти дальше. Когда он достиг нужной улицы, силы вдруг оставили его. Гостиница Сорока Семи Ронинов и окружавшая её ограда исчезли.

На её месте остался лишь пустырь, мерзкий запах и дымящееся пепелище. Несколько тел, мужских и женских. Некоторые были обезглавлены, некоторые — разрублены на куски. Он узнал Готу, своего товарища сиси, по его кимоно. Голова мамы-сан торчала на пике, воткнутой в землю. К пике была прикреплена табличка: «Закон запрещает укрывать преступников и предателей». Официальная печать под ней принадлежала бакуфу, табличка была подписана Нори Андзё, главой родзю.

Хирага почувствовал, как в нем понимается ярость, но она была холодна как лед и лишь добавила новый слой к тем, что уже выросли внутри него. Проклятые гайдзины, подумал он. Это все их вина. Из-за них все это случилось. Мы будем отомщены.

Воскресенье, 28 сентября

Малкольм Струан медленно выбирался из сна, осторожно, одно за другим, проверяя свои ощущения. С тех пор как миновала пора детства, он многое узнал о душевной боли, потеряв двух братьев и сестру; он помнил боль, которую вызывали в нем пьянство отца и его с каждым разом все более страшные приступы ярости; боль, которую ему причиняли нетерпеливые учителя, его всепоглощающая потребность быть первым всегда и во всем, потому что однажды он станет тайпэном, и вечный страх, что он окажется недостойным этого звания, сколько бы он ни готовился, и ни учился, и ни надеялся, и ни молился, и ни работал день и ночь, каждый день и каждую ночь своей жизни — настоящего детства или мальчишечьих радостей, доступных другим, он не знал.

Но сейчас как никогда прежде он должен был испытывать со всех сторон степень своей пробужденности, зондировать глубину той физической боли, которую ему придется выносить сегодня как дневную норму, не считая внезапных приступов, от которых меркло в глазах, — они наступали безо всякого предупреждения, их нельзя было ни вычислить, ни предугадать.

Сегодня только ноющая пульсирующая боль, но слабее, чем вчера. Сколько дней прошло с нападения на Токайдо? Шестнадцать. Шестнадцатый день.

Он позволил себе проснуться чуть больше. Нет, сегодня все определенно лучше, чем вчера. Комната не качалась перед глазами в белесых рассветных сумерках. Ясное небо, легкий ветерок, никакого шторма.

Два дня назад шторм прекратился. Он продолжался восемь дней с силой тайфуна, затем стих так же быстро, как и начался. Флот, стоявший у Эдо, распался в первый же день, ища спасения в открытом море. Первым снялся с якоря французский флагман. Он, единственный из всех военных кораблей, успел целым и невредимым добраться до Иокогамы. Ни один из других пока не вернулся. Тревожиться ещё не было причины, однако все с беспокойством оглядывали горизонт, молясь и надеясь.

Во время шторма здесь, в Иокогаме, одно из торговых судов было выброшено на берег, несколько зданий пострадали, много катеров и рыбацких лодок пошли ко дну; в деревне и в Ёсиваре шторм перевернул все

вверх дном, многие из палаток военного лагеря, разбитого на утесе, унесло ветром, но жертв там не было, как и в Поселении.

Нам больше чем повезло, думал Струан, сосредоточиваясь на центральной проблеме своего мироздания. Смогу ли я сесть?

Неловкая, опасливая попытка. Ай-йа! Больно, но не слишком. Упершись обеими руками, он подтолкнул себя выше и вот уже сел прямо, опираясь на ладони.

Терпеть можно. Лучше, чем вчера. Он подождал немного, потом наклонился вперед, осторожно убирая одну руку. Все ещё можно терпеть. Он убрал из-под себя обе руки. Можно терпеть. Он медленно стянул одеяла в сторону и осторожно попытался спустить ноги на пол. Но это не получилось, боль, пронзившая внутренности, была слишком велика. Ещё одна попытка — и снова неудача.

Ничего, потом попробую ещё раз. Бережно, как только мог, он опустил назад на подушки. Едва лишь вес тела целиком перешел на спину, с уст его сорвался вздох облегчения:

— Ай-йа!

— Терпение, Малкольм, — говорил ему Бебкотт каждый день при каждом посещении — обычно он навещал его три-четыре раза ежедневно.

— К чертям терпение!

— Вы правы, конечно, но дела у вас и в самом деле идут прекрасно.

— И когда же я смогу встать?

— Прямо сейчас, если хотите. Но я бы не советовал.

— Как долго мне ждать?

— Подождите ещё пару недель.

Малкольм выругался вслух, но во многом он был рад предоставленной ему отсрочке. Она давала ему больше времени, чтобы поразмыслить о том, как он собирается справляться со своим новым положением тайпэна, с матерью, с Анжеликой, с Макфеем и с неотложными деловыми проблемами.

— Как нам быть с ружьями для Тёсю? — спросил его Макфей несколько дней назад. — Это будет огромная сделка, которая станет развиваться и дальше.

— У меня есть одна идея. Предоставь это мне.

— Норберт, конечно, уже давно унюхал этих Тёсю своим длинным носом. Он обязательно сделает им более заманчивое предложение.

— Норберт и Брок могут идти к чертям! Их связи не так хороши, как наши, к тому же Дмитрий, Купер-Тиллман и большинство других китайских торговцев из числа американцев на нашей стороне.

— Но только не в гавайской сделке, — с досадой заметил Макфей. В последнем письме, полученном десять дней назад — никаких новостей с тех пор, и пароход, доставлявший почту два раза в месяц, ожидался в Иокогаме не раньше чем через пять дней, — Тесс Струан писала:

...Банк «Виктория» предал нас. Я полагаю, они тайно поддерживали Моргана Брока в Лондоне щедрыми аккредитивами. С их помощью он так же тайно переманил на свою сторону или подкупил всех наших гавайских агентов, сделав корнер на рынке сахара и вытеснив нас совершенно. Хуже того, хотя у меня нет никаких доказательств, ходят слухи, что он установил тесный контакт с мятежным президентом Джефферсоном Дэвисом и владельцами хлопковых плантаций, предлагая им обменять весь урожай сахара на фьючерсные сделки по поставке хлопка английским ткацким фабрикам — этот проект превратит Тайлера и Моргана в самых богатых людей в Азии. ЭТОГО НЕ ДОЛЖНО СЛУЧИТЬСЯ! Я ума не приложу, что делать. Джейми, что вы предлагаете? Передайте это письмо моему сыну с той же настоятельной просьбой о помощи.

— И что же ты предлагаешь, Джейми?

— Мне нечего предложить, Маль... тайпэн.

— Если сделка состоялась, значит, она состоялась, и ничего тут не поделаешь. Скажем, она состоялась, не могли бы мы каким-нибудь образом перехватить этот хлопок по дороге?

Макфей ошеломленно заморгал.

— Пиратство?

— Если возникнет необходимость, — невозмутимо произнес Малкольм. — Старик Брок не стал бы колебаться, ему уже случалось заниматься этим в прошлом. Это одна из возможностей: весь хлопок поплывет в Англию на его кораблях. Вторая возможность: британский флот прорвет блокаду северян, и тогда мы все сможем получить столько хлопка, сколько нам нужно.

— Наш флот смог бы это сделать, если мы объявим войну Северным Штатам. Но это немыслимо!

— Не согласен. Ради бога, мы должны вступить в войну на стороне Дэвиса, хлопок американского Юга — кровь нашей экономики. Тогда южане победят. В противном случае они проиграют.

— Это верно. Но мы в равной степени зависим и от Севера.

— Как нам отобрать у него корабли? Должен же существовать какой-нибудь способ разорвать эту цепь. Если он не сможет перевезти груз, он банкрот.

— Как поступил бы Дирк?

— Взял бы его за горло, — тут же ответил Малкольм.

— Значит, до него нам и нужно добраться...

Где оно у него, это горло, и что собой представляет? — снова спросил он себя, тихо лежа на кровати, заставляя свой мозг четко работать над этой проблемой и над всеми остальными. Анжелика? Нет, о ней я буду думать позже — но я знаю, что с каждым днём люблю её все больше.

Благодарение Богу, я теперь могу писать письма. Обязательно нужно ещё раз написать маме, если уж кто и знает уязвимое место Броков, так это она, разве Тайлер Брок не её отец, а Морган не её брат, но как она смеет издеваться над родственниками Анжелики? Может быть, мне стоит написать отцу Анжелики? Да, но не сейчас, времени впереди ещё довольно.

Столько ещё писем предстоит написать, потом нужно будет заказать книги из Англии, до Рождества осталось не так уж много времени, не забыть ещё о благотворительном бале жокей-клуба в Гонконге, о ежегодном бале Струанов тоже пора подумать, встречи, назначенные на сегодняшний день: Джейми по крайней мере дважды, в полдень Сератар — что ему-то понадобилось? Что там ещё на сегодня? Филип собирается зайти поболтать после завтрака... погодите минутку, нет, это не сегодня. Вчера сэр Уильям приказал ему возвращаться в Эдо, чтобы подготовить миссию к встрече с Советом старейшин через двадцать дней.

— Эта встреча действительно состоится, сэр Уильям? — спросил он, когда посланник навестил его. Поскольку флот больше не защищал миссию, а самураи развернули вокруг широкую, хотя и не открыто враждебную деятельность, сэр Уильям, подождав несколько дней для сохранения лица, счел за лучшее вернуться в Йокогаму, якобы для подготовки к принятию компенсации.

— Думаю, что да, мистер Струан. Возможно, не день в день, но да, церемония состоится примерно в это время, и тогда мы сделаем настоящий и очень большой шаг вперед. Если они выплатят первые пять тысяч фунтов, как обещали... что ж, это будет для нас очень хорошим знаком. Кстати, я так понимаю, у вас есть пароход, который сегодня отправляется в Гонконг, не смогу ли я уговорить вас позволить одному из моих сотрудников и кое-какой срочной почте отправиться вместе с ним — я вскоре ожидаю прибытия моей жены и двух сыновей, и мне необходимо заранее все подготовить.

— Конечно. Я упомяну об этом Макфею. Если вам понадобится место на любом из наших кораблей, чтобы встретить их, скажите лишь слово.

— Благодарю вас. Я планировал взять отпуск недели на две, когда они приедут. Здесь как-то тесно, начинаешь чувствовать себя словно взаперти, вы не согласны? Мне не хватает суматохи Гонконга. Поразительный город, хотя, чёрт меня подери, вряд ли на Уайтхолле понимают это! Изрядные порции доброго ростбифа, немного крикета или тенниса, театр или опера и несколько дней на скачках были бы мне сейчас весьма кстати. Когда вы возвращаетесь?

«Когда?

Новость об этом кошмаре на Токайдо должна была достичь Гонконга неделю назад, если только пакетбот прорвался через шторм. Маму, наверное, хватил удар, хотя по ней никогда никто ничего не определит. Приедет ли она сюда на первом же корабле? Возможно, но для этого ей придется оставить без присмотра главную контору, а также Эмму, Розу и Дункана. Теперь, когда отец умер, а меня там нет, восемнадцать дней отсутствия для неё слишком большой срок. Но даже если она уже на борту и спешит сюда, у меня есть ещё три-четыре дня, чтобы выстроить свою линию обороны. Странно это — думать о ней как о возможном враге, — ну, если и не враге, то уже больше не друге. Хотя, может быть, она все-таки остается другом, каким была для меня всегда, именно другом, пусть и далеким, ведь все своё время она отдавала отцу и на нашу долю его приходилось немного».

— Здравствуй, сын, неужели бы я могла хоть когда-нибудь стать твоим врагом?

Он был поражен, увидев её стоящей подле его кровати, и отца тоже, и это было странно, потому что он помнил, что его отец умер, только это, казалось, не имело никакого значения. Он быстро выскочил из постели, не чувствуя никакой боли, и вот он уже радостно болтает с ними в катере, который пересекает гавань Гонконга, небо над ними все в грозовых тучах, родители почтительно слушают и одобрительно кивают его мудрым планам, Анжелика сидит на корме, её платье прозрачно, груди манят, теперь уже ничем не прикрытые, его ладони ложатся на них, опускаются ниже, вот она вся обнажена, её тело извивается, прижавшись к нему, руки ласкают его лицо...

— Малкольм?

Вздвогнув, он пробудился. Анжелика сидела подле кровати и улыбалась ему; её пеньюар из голубого шелка был богатым и пристойным. Сон растаял, остались лишь угроза и обещание, которые несло с собой её

тело и которые не затухая пульсировали в его подсознании.

— Я... о, я заснул, моя дорогая, но сон был о тебе.

— В самом деле? И что тебе снилось?

Он нахмурился, сился вспомнить.

— Забыл, — произнес он, улыбаясь ей с подушки. — Помню лишь, что ты была прекрасна. Мне очень нравится твой пеньюар.

Она весело закружилась, чтобы он мог получше его рассмотреть.

— Его сшил тот портной, которого Джейми нашел для меня по твоей просьбе! Mon Dieu, Малкольм, я... мне кажется, он просто чудо... я заказала ему четыре платья, надеюсь, ты не будешь возражать... о, спасибо! — Она наклонилась и поцеловала его.

— Погоди, Анжелика, погоди секундочку. Смотри! — Он осторожно поднялся, преодолевая боль, убрал обе руки, на которые опирался, и протянул их ей.

— Это замечательно, *chéri*, — восхищенно воскликнула она, беря его руки в свои. — Ах, мсье Струан, я думаю, мне следует позаботиться о том, чтобы меня постоянно сопровождала горничная и я никогда больше не оставалась одна в вашей спальне.

С улыбкой она шагнула ближе, бережно положила руки ему на плечи, позволила его рукам обнять её за талию и поцеловала его. Её поцелуй был легким, сулил многое и ускользнул от его настойчивого требования большего. Без всякой задней мысли она коснулась поцелуем его уха, потом выпрямилась и не стала убирать его голову, которая покоилась у неё на груди, эта близость доставляла ей удовольствие — ему ещё большее: мягкий шелк, с этим сверхъестественным, ни на что не похожим, особым теплом под ним.

— Малкольм, ты по-настоящему, по-настоящему серьезно решил, что хочешь жениться на мне? — Она почувствовала, как его руки сильнее сжали её, а лицо дернулось от боли.

— Конечно. Я же столько раз тебе говорил.

— А как ты думаешь, как ты думаешь, твои родители... пардон, твоя матушка, она одобрит наш брак, да? О, я так надеюсь на это.

— Да, о да, она одобрит, одобрит обязательно.

— Можно мне написать папа, я бы хотела рассказать ему?

— Разумеется, напиши когда захочешь, я тоже напишу ему, — хрипло произнес он, утонув с головой в её нежности. Он поцеловал шелк её пеньюара под губами — желание заставило его забыть о приличиях, — потом ещё раз, горячее, и едва не выругался вслух, когда почувствовал, как

она отстранилась, прежде чем это зашло слишком далеко. — Извини, — пробормотал он.

— Твое «извини» излишне, как и всякое англосаксонское чувство вины, моя любовь. Между нами это ни к чему, — мягко сказала она. — Я тоже хочу тебя. — Затем, следуя своему плану, она поменяла настроение, полностью владея собой, заражая его своим счастьем. — Теперь я превращаюсь в сестру Найтингейл.

Она взбила ему подушки и принялась поправлять постель.

— Сегодня мсье Сератар дает французский ужин, а завтра он устраивает вечеринку для всех. Андре Понсен дает маленький концерт из фортепианных произведений Бетховена — мне он нравится гораздо больше Моцарта, — будет также Шопен и новая пьеса одного молодого человека по имени Брамс. — За окном зазвонил церковный колокол, созывая прихожан на утреннюю службу, почти тотчас к нему присоединились другие; нежнее и мелодичнее остальных звучал колокол католической церкви. — Ну вот, — сказала она, помогая ему удобно лечь. — Сейчас я отправляюсь делать свой туалет и вернусь после мессы, когда тебе тоже сделают туалет.

Он удержал её руку.

— «Когда тебя вымоют». Ты удивительная. Я люблю те... — Внезапно они оба посмотрели на дверь: кто-то поворачивал ручку, пытаясь войти. Но дверь была заперта на задвижку.

— Я сделала это, когда ты спал. — Она весело хихикнула, как маленькая девочка, играющая в игру. Ручка опять задержалась. — Слуги всегда входят к тебе без стука, им нужно преподать урок!

— Масса! — раздался голос слуги из-за двери. — Чай-йа!

— Скажи ему, пусть уйдет и вернется через пять минут.

Струан, разделяя её открытое удовольствие, громко распорядился на кантонском наречии, и они услышали, как китаец, ворча, удалился.

Она рассмеялась.

— Ты должен научить меня по-китайски.

— Я попробую.

— Как будет «я люблю тебя»?

— У них нет слова «любовь», как у нас.

Она расстроено нахмурилась.

— Как это грустно!

Анжелика порхнула к двери, отодвинула запор, послала ему воздушный поцелуй и исчезла в своей комнате. Задвижка с её стороны со щелчком встала на место.

Он не отрываясь смотрел на дверь, изнывая от желания. Потом его чуткое ухо уловило перемену в колокольном звоне: тот стал более настойчивым. Это напомнило ему: месса!

Сердце его сжалось. «Я и не подумал об этом, — о том, что она католичка. Мама не признает иной церкви, кроме англиканской: дважды по воскресеньям — под руку с отцом, и мы следом, друг за дружкой, — вместе со всеми добропорядочными семьями Гонконга.

Католичка?

Ну и пусть, я... мне все равно. Она должна быть моей», — сказал он себе; здоровая, жадная, пульсирующая боль в низу живота прогоняла острую резь из внутренностей.

— Я не могу иначе.

Этим днём четыре покрытых потом японских носильщика опустили окованный железом сундук на пол. За ними наблюдали три чиновника бакуфу, все очень низкого ранга, сэр Уильям, переводчики, офицер из армейского казначейства, меняла британской миссии, китаец по национальности, и Варгаш, который был приглашен присматривать за ним.

Все они находились в большом зале для приемов британской миссии, окна были открыты, и сэр Уильям с трудом удерживался от широкой улыбки. Очень церемонно один из чиновников извлек из складок кимоно причудливой формы ключ и отпер сундук. Внутри оказались мексиканские серебряные доллары, несколько тэйлов золота в брусках — весом около унции с третью — и несколько тэйлов серебра.

— Спросите, почему вся компенсация не выплачивается в золоте, как было условлено.

— Чиновник говорит, что они не успели собрать столько золота за такое короткое время, но это все чистые мексиканские доллары, законная валюта, и он просит вас дать ему расписку. — Слово «чистые» означало, что эти монеты не были подпилены или обкусаны кусачками — весьма распространенная практика, — чтобы сбыть их потом любому, кто недостаточно осторожен.

— Начинайте подсчет.

Лучась от счастья, меняла высыпал содержимое сундука на ковер. Его наметанный глаз тут же углядел обрезанную монету, Варгаш заметил ещё одну, и ещё. Их откладывали в сторону. Все глаза не отрываясь смотрели на ковер, на аккуратные, быстро растущие столбики монет. Пять тысяч фунтов были огромной суммой в те времена, когда оклад штатного переводчика составлял четыреста фунтов в год, из которых он ещё платил за жилье.

Меняла получал сотню (правда, изрядный процент всего, что проходило через его руки, тем или иным образом прилипал к ним), слуга в Лондоне — двадцать фунтов в год, и не было ни одного свободного места, солдат — пять пенсов в день, матрос — шесть, адмирал — шестьсот фунтов в год.

Подсчет был быстро закончен. Оба менялы дважды проверили вес каждого маленького слитка золота, затем — вес каждого столбика обрезанных монет, потом, быстро щелкая костяшками счет, определили общую сумму согласно текущему курсу.

Варгаш подвел итог:

— Получается следующее, сэр Уильям: четыре тысячи восемьдесят четыре фунта, шесть шиллингов и семь пенсов с фартингом чистой монетой, пятьсот двадцать фунтов ровно золотом, девяносто два фунта шестнадцать шиллингов подрубленными монетами — итого четыре тысячи шестьсот девяносто семь фунтов, два шиллинга и семь пенсов с фартингом.

— Простите, восемь пенсов, масса. — Китаец поклонился и покивал головой, отчего затряслась его косичка, длинная и толстая. Эту маленькую, сохраняющую лицо поправку он сделал по предварительному соглашению с Варгашем, решив, что сумма, которую его португальский коллега вычел в качестве их гонорара — два с половиной процента или сто семнадцать фунтов, восемь шиллингов и шесть пенсов на двоих, — была меньше, чем та, которую выкроил бы он, но все же приемлема за получасовой труд.

— Уберите все назад в сундук, Варгаш, — распорядился сэр Уильям, — и выдайте им расписку. Сделайте в ней помету, что недоплата будет начислена к последнему платежу. Иоганн, поблагодарите их и скажите, что мы ожидаем получения полной суммы, золотом, через девятнадцать дней.

Иоганн подчинился. Японский переводчик тут же начал переводить длинное заявление.

— Они просят об отсрочке, сэр, и...

— Никакой отсрочки. — Сэр Уильям вздохнул, отпустил остальных и приготовился скучать ещё час. Он закрыл уши и задумался о своём, но вдруг с удивлением услышал, как Иоганн сказал:

— Они неожиданно перешли сразу к делу, сэр, речь идет о встрече в Эдо, сэр. Они просят, чтобы встречу отложили ещё на тридцать дней, то есть всего получается на пятьдесят дней, считая от сегодняшнего... дословно это звучит так: сёгун к тому времени уже вернется из Киото, и он поручил Совету старейшин передать всем иностранным посланникам, что даст им аудиенцию в этот день.

Чтобы выиграть время и обдумать услышанное, сэр Уильям крикнул:

— Лун!

Китаец появился в тот же момент.

— Чай!

Подносы прибыли через несколько секунд. А также сигары, нюхательный и курительный табак. Скоро комната наполнилась дымом, все начали кашлять, а сэр Уильям тем временем продумывал варианты.

Во-первых и в-главных, я, вероятнее всего, имею дело с какой-нибудь мелкой сошкой, поэтому все, о чем мы договоримся, будет подлежать дальнейшему согласованию. Далее, в любом случае пятьдесят дней, без сомнения, растянутся на два месяца, даже три, но если мы добьемся аудиенции у высшей власти — разумеется, Британия возглавит делегацию посланников, — это будет серьезным, очень серьезным шагом вперед. Если разобраться, я готов ждать и три, даже четыре месяца. К тому времени я получу разрешение лорда Рассела на открытие военных действий, подкрепления с Гонконга и из Индии будут на пути сюда, адмирал получит свои чертовы полномочия и в нашем распоряжении окажутся достаточные силы, чтобы в случае необходимости занять, удержать и укрепить Эдо.

Я мог бы сказать, давайте встретимся, как планировали, а потом будет аудиенция с сёгуном. Это был бы наилучший вариант, но я чувствую, они не пойдут против воли этого их таинственного сёгуна и будут так или иначе тянуть, вилать и опять все запутают.

— Их представитель говорит, — перевел Иоганн, — поскольку мы пришли к согласию, мы прощаемся с вами.

— Я не давал никакого согласия. Отсрочка на тридцать дней невозможна по многим причинам. Мы уже договорились о встрече с Советом старейшин, которая состоится в назначенный день, а затем, десятью днями позже, мы с удовольствием встретимся с сёгуном.

После часа шумного всасывания воздуха, возмущенных молчаний, англосаксонской прямолинейности сэр Уильям дал уговорить себя, и стороны сошлись на компромиссном варианте: встреча с Советом старейшин состоится, как назначено, а встреча с сёгуном произойдет двадцатью днями позже.

Оставшись наедине с сэром Уильямом, Иоганн произнес:

— Они не станут этого придерживаться.

— Да, я знаю. Это не страшно.

— Сэр Уильям, срок моего контракта истекает через пару месяцев. Я не стану его возобновлять.

— Я не смогу обойтись без ваших услуг по крайней мере полгода, — резко заметил ему сэр Уильям.

— Пора мне отправляться домой. Скоро это место станет кровавой баней, и мне вовсе не хочется, чтобы моя голова торчала на пике.

— Я увеличу ваше жалованье на пятьдесят фунтов в год.

— Дело не в деньгах, сэр Уильям. Я устал. На девяносто восемь процентов все эти переговоры — *sheiss*.^[17] У меня больше нет терпения, чтобы копаться в бочке навоза, отыскивая зернышко пшеницы!

— Вы нужны мне на эти две встречи.

— Они никогда не состоятся. Два месяца с небольшим, и я снимаюсь с якоря, в тот самый день, что стоит в контракте. Извините, сэр Уильям, но это окончательно, а теперь я пойду напьюсь. — Он ушел.

Сэр Уильям прошел через холл в свой кабинет, подошел к окну и окинул взглядом горизонт. Солнце клонилось к закату. Никаких признаков возвращающегося флота. Дай бог, чтобы все корабли уцелели. Иоганна так или иначе необходимо удержать. Тайрер будет готов не раньше чем через год, и это в лучшем случае. Кого мне найти на это время из тех, кому можно доверять? Чёрт бы все побрал!

Лучи умирающего солнца освещали скромно обставленную комнату. Работать с бумагами было уже трудно, поэтому он зажег масляную лампу, тщательно отрегулировал фитиль. На столе лежали пачки депеш, его номер альманаха «Круглый год», давно прочитанный от первой до последней страницы вместе со всеми газетами с последнего пакетбота, несколько номеров «Иллюстрейтед Лондон ньюз» и «Панча». Он взял в руки сигнальный экземпляр «Отцов и детей» Тургенева на русском языке, присланный ему другом при санкт-петербургском дворе вместе с английскими и французскими книгами, начал читать, но не смог сосредоточиться на чтении, отложил роман в сторону и начал второе за сегодняшний день письмо губернатору Гонконга, излагая подробности прошедшей встречи и запрашивая замену для Иоганна. В комнату неслышно вошёл Лун, прикрыв за собой дверь.

— Да, Лун?

Лун подошел к его столу, помолчал нерешительно, потом осторожно заговорил, понизив голос:

— Масса, слышать беда, беда сколый на Эдо, в Балсой дом, балсой беда.

Сэр Уильям поднял глаза и пристально посмотрел на него. Большим домом китайские слуги называли их миссию в Эдо.

— Что за беда?

Лун пожал плечами.

— Беда.

— Когда беда?

Лун опять пожал плечами.

— Виски вода, хейя?

Сэр Уильям задумчиво кивнул. Время от времени Лун шепотом пересказывал ему разные слухи и со сверхъестественным постоянством оказывался прав. Сэр Уильям смотрел, как он бесшумно прошел к буфету и смешал ему виски с водой, как раз так, как он любил.

Филип Тайрер наблюдал тот же самый закат из окна второго этажа британской миссии в Эдо. Группы самураев, как обычно, располагались за стенами и на всех подступах к вершине холма. Оттенки темно-красного, оранжевого и коричневого у пустынного горизонта смешивались с полоской голубого неба, прижавшейся к самому морю.

Слава богу, французский адмирал привез назад Андре Понсена. Я благодарю Господа за Андре Понсена, хотя он человек со странностями и не отличается постоянством, но это лишь потому, что он француз. У меня уже есть два учебника, в которых полным-полно японских слов и выражений, а мой дневник до отказа напичкан всяким фольклором и местными обычаями. Мне назначена встреча с иезуитом, когда я снова вернусь в Иокогаму. Такой замечательный прогресс, а ведь мне так важно выучить японский как можно быстрее. И я уже не говорю о Ёсиваре.

Три посещения. Первые два предприняты вместе с Андре, третье — самостоятельно.

— Андре, я просто не могу высказать, как я ценю все то время, что вы посвящаете мне, и всю вашу помощь. Что же касается сегодняшней ночи, я буду вечно вам за неё благодарен, вечно.

Он сказал это после первого визита.

С наступлением сумерек, нервничая, краснея, истекая потом, почти не в состоянии вымолвить ни слова, но стараясь держаться «настоящим мужчиной», он вышел из Поселения следом за Андре, присоединившись к оживленной толпе мужчин, направлявшихся в сторону Ёсивары. Они миновали самурайскую стражу, вежливо приподняв цилиндры и получив в ответ небрежные поклоны, перешли через Мост в Рай и приблизились к высоким воротам в глухой деревянной ограде.

— «Ёсивара» означает «место, где растет тростник», — словоохотливо объяснял ему Андре. Оба они изрядно приободрили себя шампанским, но Тайреру это не помогло, даже наоборот: вино лишь усилило его тревогу и опасения. — Так назывался район в Эдо, отвоеванный у болота, где был выстроен обнесенный со всех сторон оградой квартал для публичных

домов, первый в истории Японии. Выстроен по приказу сёгуна Торанаги два с половиной века назад. До этого бордели были в беспорядке разбросаны по всему городу. С тех пор, как рассказывают, все города, и большие и маленькие, имеют похожие кварталы, на каждый из них получено разрешение властей и все они строго контролируются. По традиции многие по-прежнему называются Ёсиварами. Видите вон там?

Над воротами виднелись изящно вытравленные на дереве китайские иероглифы.

— Они означают: «Страсть не дает покоя, выход ей должно найти».

Тайрер нервно рассмеялся. Перед воротами и внутри он заметил большое количество стражников. Вчера вечером, когда Андре предложил проводить его сюда — они тогда сидели в клубе и выпивали, — Тайрер упомянул одного торговца, который рассказал ему, что стражники поставлены там не столько следить за порядком, сколько не давать шлюхам сбежать.

— Получается, что на самом деле все они рабыни, не так ли?

Он был шокирован, увидев, как Понсен сердито вспыхнул.

— Mon Dieu, не считайте их шлюхами и не зовите их шлюхами в нашем понимании этого слова. Они не рабыни. Некоторые из них связаны договором на несколько лет, многие проданы родителями ещё в юном возрасте, опять же на определенное количество лет, но их контракты одобрены бакуфу и все зарегистрированы. Они не шлюхи, они дамы Ивового Мира, и не забывайте об этом. Дамы!

— Извините, я...

Но Андре пропустил его извинение мимо ушей.

— Некоторых из них называют гейшами — девами искусства, — они обучены развлекать вас, петь и танцевать и играть в разные глупые игры. Гейши не для постели. Остальные... mon Dieu, я уже говорил вам, не думайте о них как о шлюхах, думайте о них как о девах наслаждения, обученных доставлять удовольствие, и это обучение длилось много лет.

— Простите, я не знал.

— Если вы будете обращаться с ними как подобает, они доставят вам удовольствие, практически любое, какое вы пожелаете, — если сами захотят этого и если деньги, которые вы платите, достаточны. Вы отдаете им деньги, которые не имеют никакого значения, они отдают вам свою молодость. Это неравная сделка. — Андре странно посмотрел на него. — Они отдают вам свою молодость и прячут слезы, которые вы им приносите. — Он залпом допил своё вино и уставился в пустой бокал, внезапно помрачнев и сразу как-то потухнув.

Тайрер вспомнил, как он, не поднимая глаз, снова наполнил бокалы, проклиная себя за то, что разрушил чувство легкой, безмятежной дружбы, такой ценной для него дружбы, обещая себе впредь быть осторожнее и гадая, чем мог быть вызван этот внезапный приступ ярости.

— Слезы?

— Их жизнь нельзя назвать хорошей, и все равно она не всегда бывает плохой. Для некоторых она может стать волшебной. Самые красивые и утонченные из них становятся знаменитыми, их добиваются для себя даже самые высокопоставленные даймё — короли — в стране. Они могут найти себе хорошего мужа, богатого купца, даже самурая. Но для наших дам Ивового Мира, предназначенных для нас, гайдзинов, — с горечью продолжал Андре, — нет иного будущего, кроме как открыть свой дом здесь же, пить саке и нанимать других девушек. *Mon Dieu*, обращайтесь с ними достойно, потому что, оказавшись здесь, они становятся нечистыми в глазах всех остальных японцев.

— Извините. Какой ужас.

— Да, никто даже не понима... — Взрыв пьяного хохота заглушил его слова. Клуб был полон людьми, разгоряченными, шумными. — Поверьте мне, этим кретинам все равно, им плевать на все это, всем до единого, кроме Кентербери, тот понимал. — Андре поднял глаза от остатков вина в бокале. — Вы молоды и чисты сердцем, вы пробудете здесь год или два и как будто хотите учиться, поэтому я подумал... здесь можно узнать так много... так много хорошего, — вдруг сказал он и ушел.

Это было прошлой ночью, и вот теперь они входили в ворота Ёсивары. Андре достал свой маленький пистолет.

— Филипп, вы вооружены?

— Нет.

Андре передал пистолет подобострастному прислужнику, который выдал ему расписку и положил его вместе со многими другими.

— Никому не разрешено носить оружие внутри ограды — это правило соблюдается во всех Ёсиварах, даже самураи должны расстаться со своими мечами. *On y va!*^[18]

Перед ними по обе стороны широкой центральной улицы и отходивших от неё узких боковых стояли ряды аккуратных маленьких домиков, многие из которых представляли собой просто закусочные и крошечные бары, где можно было поесть или выпить; все дома были деревянными, с верандами и раздвижными панелями-сёдзи, затянутыми промасленной бумагой, все были подняты над землей на низких столбиках. Всюду яркие краски и россыпи живых цветов, шум и смех и множество

фонарей, свеч, масляных ламп.

— Угроза пожара здесь огромна, Филип. Вся Ёсивара сгорела дотла уже в первый год, но через какую-то неделю жизнь тут опять была ключом.

На каждом из домов был начертан свой знак. Некоторые имели открытые двери и отодвигавшиеся в сторону окна-сёдзи. В этих окнах сидело и стояло много девушек, одетых богато или скромно в кимоно самого различного качества, в зависимости от престижности заведения. Другие девушки прогуливались, некоторые с цветными зонтиками, некоторые в сопровождении служанок, не обращая особого, а то и вовсе никакого внимания на пяливших глаза мужчин. В толпе сновали торговцы самым разным товаром и множество девушек-зазывал, громко превозносивших достоинства своих домов на лаконичном гортанном пиджине, каждая на свой лад, однако все перекрывала веселая, возбужденная болтовня и разговоры будущих клиентов, многих из которых узнавали в лицо, многие из которых уже имели здесь свои излюбленные места. Японцев не было, кроме стражников, слуг, носильщиков и массажистов.

— Никогда не забывайте, что Ёсивары — это места радости, плотских наслаждений, включая еду и питье, и что в Японии не существует такого понятия, как грех, первородный или какой-либо другой. — Андре расхохотался и повел его сквозь толпы людей, сохранявших, несмотря на оживленность, известный порядок, не считая нескольких пьянчуг, сцепившихся друг с другом. Этим быстро и добродушно растащили в стороны огромные опытные вышибалы, драчунов тут же усадили на стулья и вездесущие прислужницы поднесли им ещё саке.

— Пьянство здесь поощряют, Филип, потому что пьяницы теряют счет деньгам. Но никогда не пытайтесь затеять ссору с вышибалой, вы даже представить себе не можете, как здорово они дерутся без оружия.

— В сравнении с Пьяным Городом здесь порядка не меньше, чем на Набережной регента в Брайтоне. — Какая-то шумливая девица схватила Тайрера за руку и постаралась затащить его в дверь.

— Саке, хейа? Дзиг-дзиг сир'на харосый, масса...

— Ийе, домо, ийе... — выпалил Тайрер, — нет, спасибо, нет, — и торопливо догнал Андре. — Бог мой, я насилу вырвался от неё.

— Это их работа. — Андре свернул с главной улицы, прошел между домами, повернул ещё в один переулок, остановился перед неказистой дверью в ограде с грязной вывеской над ней и постучал. Тайрер узнал иероглифы, которые Андре показывал ему раньше: дом Трех Карпов. Крошечная решетка в двери скользнула в сторону. Глаза внимательно

рассмотрели их. Дверь открылась, и Тайрер очутился в волшебной стране.

Маленький сад, масляные фонари и горящие свечи. Влажно поблескивающая дорожка из плоских серых камней, уложенных в зеленом мху, островки цветов, много карликовых кленов — кроваво-красные листья на том же зеленом фоне, — бледно-оранжевый свет, пробивающийся через матовые сёдзи. Миниатюрный мостик через маленький ручей, шум водопада неподалеку. На веранде сидела на коленях женщина средних лет, мама-сан, в роскошном кимоно и с высокой красивой прической.

— Bon soir, мсье Фурансу-сан, — сказала она, положила обе ладони на пол веранды и поклонилась.

Андре поклонился в ответ.

— Райко-сан, конбанва. Икага дэсу ка? — Добрый вечер, как выживаете? — Корэ ва ватати но ломодати дэсу, Тайрер-сан. — Это мой друг, мистер Тайрер.

— А со дэсу ка? Тайра-сан? — Она низко поклонилась, Тайрер неловко поклонился в ответ, потом она сделала им знак следовать за ней.

— Она говорит, что Тайра — старинное японское имя, очень знаменитое. Вам повезло, Филип, большинство из нас довольствуются прозвищами. Я — Фурансу-сан, только так им удастся выговорить слово «француз».

Они сняли туфли, чтобы не запачкать очень чистые и дорогие татами, потом сели в комнате, скрестив под собой ноги, — Филип сидел так впервые, и ему было очень неудобно. Андре Понсен показал ему такому, альков, где вешивался особый свиток с иероглифами и помещалась композиция из живых цветов, менявшихся каждый день, объясняя все в деталях, чтобы Тайрер мог по достоинству оценить качество сёдзи и дерева.

Подали саке. Прислужница была совсем юной, лет, наверное, десяти, с некрасивым лицом, но управлявшаяся с подносами умело и в полном молчании. Райко налила вино: сначала Андре, потом Тайреру, потом себе. Она сделала глоток, Андре осушил крошечную чашечку и протянул её, чтобы её наполнили снова, Тайрер последовал его примеру, находя вкус саке не неприятным, но пресным. Обе чашечки были немедленно наполнены, осушены и наполнены снова. Принесли ещё подносы и ещё кувшинчики с саке.

Тайрер скоро потерял счет чашечкам, но по телу разлилось приятное тепло, он забыл все свои тревоги и наблюдал и слушал разговор Андре и мамы-сан, не понимая почти ничего, лишь отдельные слова тут и там. Волосы Райко были черными и блестящими, с большим количеством

красивых гребней в высокой причёске. Её лицо было покрыто толстым слоем белого порошка, оно не было ни красивым, ни уродливым — просто непривычным. На розовом кимоно переплетались зеленые карпы.

— «Карп» по-японски кой, обычно это знак удачи, — объяснил ему Андре до прихода сюда. — Любовница Таунсенда Харриса, куртизанка из Симоды, которую бакуфу назначили развлекать его, звалась Кой, но, боюсь, ей это счастья не принесло.

— О? А что случилось?

— В истории, которую пересказывают друг другу здешние куртизанки, говорится, что он обожал её и, уехав, оставил ей много денег, достаточно, чтобы она жила безбедно — она провела с ним около двух лет. Вскоре после того как он вернулся в Америку, она просто исчезла. Вероятно, спилась и умерла или покончила жизнь самоубийством.

— Она так сильно любила его?

— Говорят, что в самом начале, когда бакуфу впервые заговорили с ней об этом, она наотрез отказалась быть с чужестранцем — это было неслыханное нарушение всех правил, не забывайте, что он был самым первым из тех, кому по-настоящему разрешили жить на японской земле. Она умоляла бакуфу выбрать кого-то другого, позволить ей жить в мире, говорила, что станет буддийской монахиней, даже клялась, что убьет себя. Однако они были упорны не меньше неё, умоляя её помочь им решить проблему с этим гайдзином, неделями упрашивая её стать его наложницей, преодолевая её сопротивление им одним известными способами. Поэтому она согласилась, и они поблагодарили её. А когда Харрис уехал, все отвернулись от неё — и бакуфу, и вообще все: «О, прошу прощения, но любая женщина, которая спала с чужестранцем, запятнала себя навеки».

— Как это ужасно!

— Да, в нашем представлении. И как грустно. Но запомните, это Страна Слез. Теперь Кой стала легендой, почитаемая и другими девами Ивового Мира, и теми, кто повернулся к ней спиной. Почитаемая за её самопожертвование.

— Я не понимаю.

— Я тоже. Этого не понимает ни один из нас. Но им это понятно. Японцы понимают.

«Как странно, — вновь подумал Тайрер. — Взять этот маленький домик, этого человека и эту женщину, ведущих между собой оживленную беседу наполовину на японском, наполовину на пиджине, весело смеющихся друг с другом; одна из них — мадам публичного дома, другой — клиент этого дома, но оба притворяются кем-то ещё». Новые и новые

бутылочки саке. Потом она поклонилась, встала и вышла.

— Саке, Филип?

— Спасибо. Здесь довольно мило, не правда ли?

После паузы Андре произнес:

— Вы первый человек, которого я привожу сюда.

— О? Почему я?

Француз повертел в пальцах фарфоровую чашечку, допил последнюю каплю, налил ещё, потом заговорил по-французски, мягко и с большой теплотой.

— Потому что вы первый человек, которого я встретил в Иокогаме, обладающий... потому что вы говорите по-французски, вы воспитанны, ваш мозг впитывает все как губка, вы молоды, почти вдвое моложе меня, а? Вам двадцать один, и вы не похожи на других, у вас чистая душа, и вы пробудете здесь несколько лет. — Он улыбнулся, плотнее опутывая его паутиной, говоря только часть правды, придавая ей нужную ему форму. — Если честно, вы первый человек из моих знакомых, который... ну, даже хотя вы англичанин и, по сути, враг Франции, вы единственный, кто, по моему мнению, каким-то образом ценит те знания, которые я здесь приобрел. — Смущенная улыбка. — Трудно объяснить. Может быть, потому, что я всегда хотел стать учителем, может быть, потому, что у меня никогда не было сына — я так и не женился — может быть, потому, что скоро мне придется переехать назад в Шанхай, может быть, потому, что мы в достаточной степени враги и, возможно... возможно, вы могли бы стать хорошим другом.

— Я почел бы за честь быть вашим другом, — тут же произнес Тайрер, попадаясь в расставленную сеть, замороженный этим голосом, — и я действительно считаю, всегда считал, что мы должны быть союзниками, Франция и Британия. Не врагами, а...

Сёдзи скользнула в сторону. Райко, сидя на коленях за перегородкой, поманила Тайрера. Его сердце подпрыгнуло. Андре Понсен улыбнулся.

— Просто следуйте за ней и помните все, что я говорил вам.

Словно во сне, Филип поднялся и, пошатываясь, пошел за ней, ступая неслышно. Они миновали коридор, вошли в какую-то комнату, через неё попали на веранду, потом подошли к другой пустой комнате. Она знаком показала ему, чтобы он вошёл, задвинула за ним сёдзи и оставила одного.

Затененная масляная лампа. Жаровня с углями, согревающая комнату. Тени, полутьма и пятна света. Футоны — маленькие квадратные матрацы, — выложенные в постель на полу, постель для двоих. Легкие пуховые покрывала. Две юкаты, цветных хлопчатобумажных халата с

широкими рукавами, в которых японцы спали. Маленькая дверь вела в ванную комнату, там горела свеча и стояла высокая деревянная ванна, наполненная горячей водой, от которой поднимался пар. Сладко пахнущее мыло. Низкий табурет на трех ножках. Крошечные полотенца. Все, как предсказывал Андре.

Его сердце билось теперь очень часто, и он силился вспомнить дальнейшие наставления Андре, прогоняя пары sake.

Методично он начал раздеваться. Фрак, жилет, галстук, рубашка, тонкая шерстяная кофта под ней — каждый из этих предметов аккуратно сворачивался и нервно складывался в стопку. Неуклюже присев, он стянул с себя носки, с некоторым колебанием — брюки и снова встал. На нем остались только длинные шерстяные кальсоны. Опять недолгое колебание, потом, смущенно пожав плечами, он снял и их и сложил, ещё более тщательно. Его тело покрылось гусиной кожей, и он прошел в ванную.

Там он зачерпнул воды из бочки, как его научили, и вылил себе на плечи. Горячая вода приятно согревала озябшую кожу. Ещё одна пригоршня, потом раздался звук отодвигаемой сёдзи, и он оглянулся.

— Господь милосердный, — пробормотал он чуть слышно. Женщина была грузной, с толстыми руками, в короткой юкате, под которой не было ничего, кроме набедренной повязки. Она двинулась напрямик к нему с плоской улыбкой, знаком показала, чтобы он сел на табурет. В полном смущении он подчинился. Она тут же заметила заживающий шрам на его руке и шумно втянула в себя воздух, потом сказала что-то, чего он не понял. Он натянуто улыбнулся.

— Токайдо.

— Вакаримасу. — Я понимаю.

Потом, прежде чем он успел остановить её, она вылила воду ему на голову — неожиданно, об этом его не предупреждали — и принялась намыливать и мыть его длинные волосы, потом тело. Пальцы её были жесткими, опытными и настойчивыми, но она следила за тем, чтобы не потревожить рану. Руки, ноги, спина, грудь, потом она протянула ему кусок ткани, которым мыла его, и показала на промежность. Все ещё не придя в себя от потрясения, он вымыл себя там и смиренно протянул тряпочку ей обратно.

— Спасибо, — пробормотал он. — То есть, простите, домо.

Окатив его водой, она смыла остатки мыла и показала на ванну.

— Додзо! — Пожалуйста. Андре объяснял ему:

— Филип, просто запомните, что, в отличие от нас, у них принято мыться начисто до того, как вы ложитесь в ванну, чтобы другие могли

пользоваться той же водой, — это очень разумно, ибо не забывайте, что дрова стоят здесь больших денег, а времени на то, чтобы разогреть воду до достаточной температуры, уходит много, поэтому также не мочитесь в неё. И когда будете в ванной, не думайте о банщице как о женщине, она просто помощница. Она очищает вас снаружи.

Тайрер опустил в ванну. Вода была горячая, но не слишком, и он закрыл глаза, не желая смотреть, как женщина будет убираться в ванной после мытья. Господи, думал он, страдая, я никогда не смогу сделать этого с ней. Андре совершил огромную ошибку.

— Но... ну, я... э... не знаю, сколько мне... э... заплатить, или отдать девушке деньги сначала, или что?

— Мон Диеу, вы никогда не должны передавать деньги девушке из рук в руки, нигде, никогда и никому, это верх неприличия, хотя вы можете до хрипоты торговаться с мамой-сан, иногда с самой девушкой, но только после чая или саке. Перед тем как уйти, вы незаметно кладете их в такое место, где она их заметит. В доме Трех Карпов вы вообще не будете давать денег, это особое место — есть и другие такие же, — только для особых клиентов, одним из которых я являюсь. Они станут посылать вам счет, два или три раза в год. Но послушайте, прежде чем мы пойдем, вы должны поклясться Господом Богом, что оплатите счет сразу же, как только его принесут, и что вы никогда, слышите, никогда не приведете в этот дом кого-то ещё и не станете ни с кем говорить о нем.

Филип дал требуемую клятву. Ему очень хотелось спросить, сколько это будет стоить, но он не осмелился.

— Этот... э... счет, когда его приносят?

— Когда мама-сан этого захочет. Я уже говорил вам, Филип, вы можете получать удовольствие целый год в кредит, при определенных обстоятельствах — разумеется, я выступаю вашим поручителем...

Горячая вода напоила теплом все его тело. Он едва слышал, как женщина шумно вышла, потом, некоторое время спустя, вновь вошла.

— Тайра-сан? — Хай? — Да?

Она развернула полотенце. Разомлевший, в каком-то странном полусне, он выбрался из ванны — распарившиеся от воды мышцы плохо слушались его — и позволил ей вытереть себя. Детородный орган он опять вытер сам, обнаружив, что на этот раз ему было легче сделать это в её присутствии. Расческа для волос. Сухая накрахмаленная юката. Она показала рукой на постель.

Его снова охватила паника. Дрожа всем телом, он заставил себя лечь. Она накрыла его, отвернула второе покрывало и опять вышла.

Его сердце стучало как молот, но ощущение, которое он испытывал, лежа в постели, было удивительно приятным: мягкий матрац, а сам он — чистый и благоухающий, уже много лет он не чувствовал себя таким чистым. Вскоре он немного успокоился, потом услышал, как сёдни отодвинулась и снова закрылась, и испытал огромное облегчение, но тут покой покинул его окончательно. Девушка, которую он едва мог разглядеть в полутьме, была крошечной и гибкой, как ивовый прутик. Бледно-желтая юката, длинные волосы рассыпались по плечам. В следующий миг она уже сидела на коленях рядом с кроватью.

— Конбанва, Тайра-сан. Икага дэсу ка? Ватаси ва Ако. — Добрый вечер, господин Тайра. Хорошо ли вы чувствуете себя? Я Ако.

— Конбанва, Ако-сан. Ватаси ва Филип Тайрер дэсу.

Она нахмурила лоб.

— Ф... урри... ф. — Она несколько раз попыталась произнести «Филип», но у неё ничего не вышло, тогда она весело рассмеялась и сказала что-то, чего он не понял, закончив фразу обращением «Тайра-сан».

Он сел на постели, рассматривая её. Сердце гулко стучало в груди. Он чувствовал себя беспомощным, и его совсем не влекло к ней. А она показывала рукой на кровать рядом с ним.

— Додзо? — Пожалуйста, можно мне?

— Додзо. — При свете свечи он не мог хорошенько разглядеть её, понял лишь, что она молода, примерно его возраста, решил он; лицо гладкое и белое от пудры, белые зубы, красные губы, блестящие волосы, почти римский нос, глаза — два вытянутых эллипса, мягкая улыбка. Она легла в постель, устроилась там, повернулась и посмотрела на него. В ожидании. Смушение и неопытность парализовали его.

Господи Иисусе, как мне сказать ей, что я не хочу её, никого сейчас не хочу, что я не могу, я знаю, что не могу, и я не буду, сегодня не буду, у меня не получится, я опозорюсь, а Андре... Андре! Что я скажу ему? Я стану всеобщим посмешищем, о господи, зачем я согласился?

Она протянула руку и коснулась его щеки. Он невольно вздрогнул.

Ако промурлыкала несколько нежных ободряющих слов, улыбаясь про себя при этом. Она знала, чего ожидать от этого ребенка, ещё не ставшего мужчиной, Райко-сан хорошо подготовила её к сегодняшней ночи:

— Ако, сегодня вечером наступит редкий момент в твоей жизни и ты должна запомнить каждую мелочь, чтобы утром за первой едой угостить нас подробным рассказом. Твой сегодняшний клиент — друг Француза, и второго такого не встретить в нашем мире — он девственен. Француз говорит, что он так робок, что в это даже невозможно поверить, он будет

напуган и, вероятнее всего, расплачется, когда его Благородное Оружие подведет его, он может даже обмочить постель с горя и расстройства, но ты не волнуйся, дорогая Ако, Француз уверяет меня, что ты можешь вести себя с ним совершенно обычно и что тебе не о чем беспокоиться.

— И-и-и-и, я никогда не пойму гайдзинов, Райко-сан.

— Я тоже. Нет сомнения, они — странный народ, и невоспитанный, но, по счастью, многие из них весьма богаты, и раз уж наша судьба быть здесь, мы должны брать от неё все, что только можно. Запомни главное: Француз говорит, что это очень важный английский чиновник, который может стать нашим клиентом на долгий срок, поэтому добейся, чтобы он обязательно познал Облака, Пролившиеся Дождем, добейся как угодно, даже если... даже если тебе придется прибегнуть к Крайнему Средству.

— Око!

— Речь идет о чести всего дома.

— О! Я понимаю. Раз так... Я непременно добьюсь того, о чем вы говорите.

— Я ничуть не сомневаюсь в тебе, Ако-тян, в конце концов, твой опыт в нашем Ивовом Мире насчитывает почти три десятилетия.

— Как вы думаете, его вкусы похожи на вкусы Француза?

— То есть нравится ли ему, когда его щекочут сзади и время от времени пользуются Жемчужинами Наслаждения? Возможно, тебе следует быть готовой к этому, но я прямо спросила Француза, имеет ли юноша склонность к мужчинам, и он заверил меня, что нет. Любопытно, почему Француз выбрал именно наш дом, чтобы впервые привести сюда своего друга, а не один из тех, которые он теперь стал посещать.

— Дом никак не был в этом виноват, никогда. Пожалуйста, гоните от себя такие мысли, Райко-тян. Для меня большая честь, что вы остановили свой выбор на мне, я сделаю все необходимое.

— Разумеется. И-и-и-и, если вспомнить, что Дымящиеся Стебли гайдзинов обычно гораздо длиннее и крупнее, чем у цивилизованных людей, и что в большинстве своём гайдзины совокупляются удовлетворительно, хотя и без присущего японцам пыла, утонченности и стремления изведать пределы своих ощущений — один лишь Француз составляет в этом исключение, — можно было бы подумать, что они с радостью предаются этому занятию, как любые нормальные люди. Однако это не так. Их разум затянут паутиной, они почему-то считают, что совокупление есть не самое божественное наслаждение, данное нам в этой жизни, а некий тайный религиозный обряд, несущий зло. Поистине странно.

Действуя теперь наугад, Ако придвинулась ближе, погладила юношу по груди, потом опустила руку ниже и с трудом удержалась от того, чтобы не расхохотаться вслух, когда он испуганно вздрогнул. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы вполне овладеть собой.

— Тайра-сан? — тихо проговорила она.

— Да, то есть хай, Ако-сан?

Она взяла его руку и положила под юкату себе на грудь, наклонилась к нему и поцеловала в плечо, предупрежденная о ране на руке, которую нанёс ему храбрый сиси. Никакой реакции. Она теснее прижалась к нему. Зашептала, каким бесконечно храбрым, сильным и мужественным, каким могучим описала служанка его самого и его плод. Не прекращая при этом терпеливо ласкать его грудь, чувствуя, как он вздрагивает, все ещё далекий, однако уже от страстного возбуждения. Прошли минуты. По-прежнему ничего. Она начала тревожиться. Пальцы порхали, легкие как бабочки, а он оставался все так же недвижим — руки, губы, все остальное. Нежные ласки, осторожно минуя рану, без подлинной интимности пока. Ещё минуты. Ничего. Ею начало овладевать отчаяние. Но сильнее отчаяния был страх, что она может не выполнить своего долга. Кончиком языка она коснулась его уха.

Ага, первая маленькая награда: её имя, произнесенное хриплым голосом, губы, целующие её шею. «И-и-и-и, — подумала она, успокаиваясь, и приникла губами к соску его груди. — Теперь дайте только время, и его невинность взорвется до небес, а потом я смогу заказать sake и буду спать до утра и забуду, что мне сорок три и я бездетна, помня лишь о том, что Райко-сан спасла меня от дома шестого разряда, в который меня должен был привести мой возраст и недостаток привлекательности».

Тайрер рассеянно наблюдал за самураями на площади перед миссией. Солнце коснулось горизонта. Мыслями его все настойчивее овладевала Ако, потом сменившая её через две ночи Хамако. Потом она.

Фудзико. Позапрошлой ночью.

Он почувствовал, что его орган твердеет, и поправил его в брюках, зная, что отныне он навечно пленник этого мира, Плывающего Мира, где, как и говорил ему Андре, жизнь существовала лишь ради мгновения между прошлым и будущим, ради наслаждения, где можно было плыть, не заботясь ни о чем, подобно цветку на водной глади тихой реки.

— Эта река не всегда тихая, Филип. Какая она, Фудзико?

— О... э... а разве вы не видели её, вы её не знаете?

— Нет, я лишь рассказал Райко, какой тип девушки мог бы вам

понравиться, сделав упор на «спящем разговорнике». Ну и как она?

Филип рассмеялся, чтобы скрыть своё полное смущение и смятение, в которые поверг его столь интимный вопрос, заданный с такой прямоотой. Но Андре дал ему так много, что он решил вести себя «по-французски» и быть откровенным до конца, а потому отбросил в сторону предрассудки о том, что джентльмен не должен обсуждать или делиться с кем бы то ни было подобной сугубо личной информацией.

— Она... она моложе меня, маленькая, по сути совсем крошечная, не... не хорошенькая в нашем представлении, но потрясающе привлекательная. Если я её правильно понял, она там недавно.

— Я имел в виду в постели, как она в постели? Лучше прежних?

— О! Ну... э... вне всякого сравнения.

— Она была более пылкой? Чувственной? А?

— В общем, да... э... в одежде или без... что-то невероятное. Очень особенная. Я опять не знаю, как мне вас благодарить, я стольким вам обязан.

— *De rien, mon vieux.* [\[19\]](#)

— Но это действительно так. В следующий раз... в следующий раз вы познакомитесь с ней.

— Mon Dieu, нет, таковы правила. Никогда никого не знакомьте с той, которая стала для вас «особенной», и в первую очередь это касается друзей. Не забывайте, что пока вы не поселите её в её собственном доме и не станете оплачивать все её счета, она доступна всякому, у кого есть деньги, если захочет этого.

— О! Я и забыл, — сказал он, скрывая правду.

— Даже если она станет жить отдельно, она все равно может иметь любовника на стороне, если захочет. Кто об этом узнает?

— Да, пожалуй. — Ему стало ещё больнее.

— Не влюбляйтесь, мой друг. Только не в куртизанку. Не питайте иллюзий на их счет, они созданы для удовольствия. Наслаждайтесь ими, пусть они вам нравятся, но не влюбляйтесь в них — и никогда не позволяйте им влюбляться в вас...

Тайрер зябко поежился, мучаясь от справедливости этих слов. Ему была ненавистна мысль о том, что она может быть с другим, может спать с кем-то ещё, как спала с ним, ненавистно то, что все это было за деньги, ненавистна тянущая боль внизу живота. «Бог мой, она действительно была неповторима, такая милая, светлая, очаровательно щебечущая без умолку, нежная, добрая, такая юная, и в доме она совсем недолго. Следует ли мне оставить её для себя? То есть не следует, а смогу ли я? Я уверен, что Андре

содержит собственный дом, где живет его, только его, девушка, хотя он никогда не говорил мне об этом, да я и не стал бы его расспрашивать. Господи, интересно, во что бы мне это обошлось? Наверняка больше, чем я мог бы себе позволить...

Не думай об этом сейчас! И о ней тоже».

Сделав над собой усилие, он сосредоточился на том, что происходило в саду под окном, но тянущая боль осталась. Часть отряда шотландцев строилась у флагштока, трубач и четыре барабанщика уже стояли по местам, готовые к церемонии спуска флага. Все как обычно. Пестрая группа садовников собиралась у ворот, где их должны были пересчитать, а потом отпустить. Низко склонив головы, они протрусили в ворота, затем сквозь ряды самураев — и исчезли. Часовые закрыли железные ворота и задвинули тяжелые засовы. Как обычно. Под гром барабанов и звук трубы «Юнион Джек» медленно пополз вниз: «Да не зайдет никогда солнце в виду британского флага» — таков был закон для британцев по всему миру. Большая часть самураев теперь строем спускалась вниз, оставляя вокруг миссии лишь небольшой отряд на ночь. Как обычно.

По телу Тайрера пробежала дрожь.

Если все идет как обычно, почему я так нервничаю?

Садовники, работавшие в миссии, нестройной толпой прошли в свою лачугу, где спали каждую ночь. Лачуга примыкала с обратной стороны к буддийскому храму. Ни один из них не смел поднять глаза на Хирагу. Всех их предупредили, что их жизнь и жизнь всех их родных зависела от его безопасности.

— Остерегайтесь беседовать с теми, кого не знаете, — сказал он им. — Если бакуфу обнаружат, что я скрывался среди вас, вас ждет та же участь, что и меня, только вас распнут, а не убьют быстро и чисто.

Несмотря на их раболепные уверения, что пока он с ними, ему нечего опасаться, что он может доверять им, Хирага понимал, что его могут схватить в любой момент. Большую часть времени он скрывался в Канагаве, в гостинице Полуночных Цветов.

Вчера они получили письмо от Кацуматы, предводителя, хотя и тайного, всех сиси Сацумы, который находился теперь в Киото.

Срочно: через несколько недель сёгун Нобусада создаст неслыханный прецедент, прибыв сюда с государственным визитом к императору. Всем сиси предписывается немедленно собраться здесь, дабы составить план, как можно перехватить его,

отправить в дальний путь, а затем захватить Дворцовые Врата.

Кацумата подписался своим кодовым именем: Ворон.

Хирага обсудил с Ори, как им поступить, и решил вернуться в Эдо, намеренный действовать в одиночку и любым способом уничтожить британскую миссию. Он был взбешен тем, что гайдзины, по его мнению, сумели обвести вокруг пальца и нейтрализовать Совет старейшин.

— Киото подождет, Ори. Мы должны во что бы то ни стало довести до конца нашу атаку на гайдзинов. Нам необходимо привести их в такую ярость, что они начнут обстрел Эдо. С сёгуном и Киото справятся другие. — Он хотел бы взять Ори с собой, но тот оказался совершенно беспомощен: его рана нагноилась, и ни один доктор не мог ему помочь. — Как быть с твоей рукой?

— Когда это станет невыносимо, я совершу сеппуку, — ответил Ори, язык его ворочался с некоторым трудом из-за sake, которым он пытался заглушить боль, — они втроем, он, Ори и мама-сан, собрались, чтобы выпить вместе в последний раз. — Не волнуйся.

— Нет ли какого-нибудь другого доктора, к которому можно было бы обратиться?

— Нет, Хирага-сан, — ответила Норико, мама-сан, крошечная женщина пятидесяти лет; голос её звучал мягко. — Я даже посылала за корейским мастером иглоукалывания и за знатоком трав, оба они мои друзья, но их усилия ни к чему не привели. Есть, правда, ещё этот великан гайдзин...

— Ты глупа, — вскричал Ори. — Сколько раз я должен повторять тебе? Это рана от пули, их собственной пули, и они видели меня в Канагаве!

— Пожалуйста, извините меня, — смиренно произнесла мама-сан, касаясь лбом татами, — прошу вас, не взыщите со старой головы за глупость. — Она поклонилась ещё раз и вышла, не поднимая глаз. Но в глубине души она проклинала Ори за то, что он не показал себя настоящим сиси и не совершил сеппуку, пока Хирага был здесь — лучшего секунданта нельзя было и желать, — уменьшив таким образом ужасную опасность, которой подвергалась она сама и её заведение. Весть о судьбе гостиницы Сорока Семи Ронинов обежала весь край на пятьдесят ри в округе и дальше — неслыханная жестокость: убить всех клиентов, куртизанок, слуг и посадить на пику голову мамы-сан.

«Чудовищно, — думала она, горя негодованием. — Как может дом закрыть свои двери перед самураем, сиси он или нет? В старые времена

самураи убивали гораздо чаще, чем сейчас, да, но это было много столетий назад и большей частью для этого был повод, и уж кого они никогда не трогали, так это женщин и детей. Это было в те годы, когда закон страны был справедлив, сёгун Торанага справедлив, его сын и внук справедливы, до того как продажность и мотовство стали нормой жизни для последующих сёгунов, и вместе с ними для всех даймё и самураев, чьи год от года растущие налоги вот уже больше века покрывают наше тело, как гной! Сиси — наша единственная надежда! Сонно-дзёи!»

— Андзё должен кровью заплатить за гостиницу — он нарушил все обычаи!

— Заплатит. Как и весь родзю. Как и сёгун Нобусада. И Ёси.

В своих личных апартаментах высоко в главной башне замка Ёси слагал стихотворение. Он сидел за низким столиком в синем шелковом кимоно, на столике помещались масляная лампа и листы рисовой бумаги, кисти различной толщины, ванночка с водой для размягчения бруска черной туши, в центре которого уже образовалось крошечное углубление, заполненное манящей черной жидкостью.

Вечерние сумерки переходили в ночь. Снаружи доносился никогда не смолкавший гул города с миллионным населением. Несколько домов, как обычно, пылали, охваченные пожаром. Из замка под ним вверх поднимались успокаивающие звуки — разговор солдат, цокот копыт по каменным плитам, изредка гортанный смех, — они мешались с дымом и ароматами костров, на которых готовили пищу, и, приглушенные, проникали внутрь, через красиво отделанные бойницы для лучников в толстых стенах, ещё не закрытые ставнями от ночного холода.

Это были его внутренние покои. Ничего лишнего. Татами, такаяма, дверь-сёдзи перед ним была устроена и освещена так, что он мог видеть контур любой фигуры снаружи, тогда как внутрь заглянуть не мог никто.

За дверью находилась более просторная передняя, от которой коридоры вели в спальные покои, ныне пустовавшие, если не считать его вассалов, прислужниц и Койко, куртизанки, пользовавшейся его особым, редким расположением. Его семья — жена, два сына и дочь, наложница и её сын — находилась в безопасности и под сильной охраной в его наследственном замке-крепости под названием Зуб Дракона в горах к северу от Эдо, примерно в двадцати ри от города. За передней была расставлена стража и помещались другие комнаты, тоже полные воинов, каждый из которых поклялся ему в личной верности.

Его кисточка опустилась в тушь. Кончик её замер на мгновение над

тонкой рисовой бумагой, потом твердой рукой он начертал:

*Меч моих предков,
Когда его в руки беру,
Поеживается беспокойно.*

На листе остались три коротких, плавных вертикальных строки иероглифов, сильных там, где они должны быть сильными, и мягких там, где мягкость подчеркнула бы графический образ, который они создавали, — второго шанса подрисовать, изменить или исправить даже малейший изъян не оставалось никогда: текстура рисовой бумаги была такова, что она тут же вбирала в себя тушь и та становилась её неотъемлемой частью, меняясь в цвете от черного до серого в зависимости от того, как использовалась кисть и сколько в туши содержалось воды.

С холодным вниманием он рассмотрел своё творение, расположение стихотворения и всей картины, которую образовывали оттенки черной каллиграфии на всем пространстве белого листа, форму и влажную матовую четкость его иероглифов.

«Получилось хорошо, — подумал он безо всякого тщеславия. — Пока я не могу достичь большего — это почти предел моих способностей, если не сам предел. Что можно сказать о смысле стихотворения? Как его следует читать? А-а, это самый важный вопрос, вот почему оно настолько хорошо. Но достигну ли я с его помощью того, чего хочу?»

К двери приблизился силуэт, почти неслышно. Не раздумывая, он потянулся правой рукой к длинному мечу, лежавшему рядом, хотя и был уверен, что узнал её. Фигура опустилась на колени. Тихий стук.

— Да?

Она с улыбкой отодвинула дверь в сторону и поклонилась, ожидая.

— Пожалуйста, входи, Койко, — сказал он, в восторге от этого неожиданного визита, который вмиг прогнал из его головы всех демонов.

Она подчинилась, закрыла дверь за собой и подбежала к нему, шурша своим длинным, с пестрым узором, кимоно, снова опустилась на колени и прижалась щекой к его руке, тут же заметив стихотворение на листе бумаги.

— Добрый вечер, господин.

Он рассмеялся и нежно обнял её на мгновение.

— Чему я обязан этим удовольствием?

— Я соскучилась по вам, — ответила она просто. — Можно мне

посмотреть на ваше стихотворение?

— Разумеется.

Пока она изучала его произведение, он изучал её — источник удовольствия для него, не иссякший за те тридцать четыре дня, что она провела в стенах замка. Удивительные одежды. Чистая кожа, белая, как яичная скорлупа, сияющие волосы цвета воронова крыла, падавшие до самой талии, когда она распускала причёску, изящный нос, зубы белые, как у него, а не вычерненные по моде двора.

Койко исполнился двадцать один год, и она была таю. Это слово означало наивысший ранг, какого могла достичь гейша в Ивовом Мире.

Услышав перешептывания о ней, возбуждавшие в нём любопытство, Ёси несколько месяцев назад послал за ней, её общество понравилась ему, и тогда, два месяца назад, он приказал её маме-сан подготовить предложение на её услуги. Как предписывал обычай, это предложение было отправлено на рассмотрение его жене. Жена написала ему из его родового замка Зуб Дракона:

Любимый муж мой, сегодня я заключила удовлетворительное соглашение с мамой-сан таю Койко из дома Глицинии. Господин, мы посчитали, что будет лучше оставить её для вас полностью, нежели получить первоочередное право на её услуги, это будет и безопаснее для вас, поскольку вы окружены врагами. Контракт возобновляется ежемесячно по вашему желанию, и оплата производится по истечении каждого месяца, это будет поддерживать её услуги всегда на самом высоком уровне, какого только вы и вправе ожидать.

Ваша наложница и я довольны, что вы решили приобрести себе игрушку; мы были и постоянно остаемся в тревоге за ваше здоровье и безопасность. Позвольте мне поздравить вас с прекрасным выбором, ходят слухи, что Койко обладает действительно редкими достоинствами.

Ваши сыновья здоровы и счастливы, как и ваша дочь и я сама. Мы шлем вам нашу нескончаемую преданность и томимся в ожидании возможности увидеть вас. Пожалуйста, держите меня в курсе всех ваших решений, ибо я должна отдавать распоряжения нашему казначею, чтобы он откладывал средства...

Следуя принятым правилам, жена не упомянула в письме сумму, да это и не интересовало его, ибо в этом состояла главная обязанность супруги:

управлять богатством семьи, сохранять его и оплачивать все счета.

Койко подняла глаза.

— Ваше стихотворение безупречно, Ёси-тян, — сказала она, хлопнув в ладоши. «Тян» было уменьшительно-ласкательной частицей, которую добавляли к имени человека близкие ему люди.

— Это ты безупречна, — сказал он, пряча удовольствие, которое ему доставило её суждение. Помимо уникальных физических достоинств её превозносили в Эдо за качество её каллиграфии, красоту её стихов и тонкое понимание искусства и политики.

— Я обожаю ваш стиль письма, и стихотворение — оно великолепно. Я обожаю многогранность и сложность вашего ума, особенно то, как вы выбрали «Когда... беру» вместо, быть может, «Теперь... я взял», и «поеживается», когда человек менее значительный мог бы написать «ворочается» или более вульгарное «шевелится», которое придало бы стихотворению сексуальные оттенки. Но расположение вашего последнего слова, это окончательное «беспокойно»... ах, Ёси-тян, как мудро вы поступили, использовав это слово в самом конце, слово с глубинным смыслом, совершенное слово. Ваше творение великолепно, и его можно истолковать десятью разными способами.

— А как ты думаешь, что я в действительности хочу этим сказать?

Она прищурила глаза.

— Сначала ответьте мне, намерены ли вы сохранить его — хранить его открыто или втайне ото всех — или уничтожить.

— И каково же мое намерение? — спросил он, наслаждаясь ею.

— Если вы станете держать его на виду или притворитесь, что прячете или что его содержание — тайна для всех, значит, вы рассчитываете, что его прочтут, прочтут люди, которые тем или иным способом передадут его вашим врагам, как вы того и желаете.

— А что подумают они?

— Все, кроме самых проникательных, сочтут, что ваша решимость слабеет, ваши страхи начинают одолевать вас.

— А остальные?

Глаза Койко продолжали смотреть на него с тем же веселым озорством, но он заметил, что в них появился новый блеск.

— Из ваших главных противников, — осторожно заговорила она, — сёгун Нобусада поймет его так, что в глубине своей души вы согласны с ним в том, что недостаточно сильны, чтобы представлять для него настоящую угрозу, и он с радостью заключит, что чем дольше он ждет, тем с каждым днём легче и легче ему будет вас устранить. Андзё станет глотать

зависть к вашему таланту поэта и каллиграфа, и он станет издеваться над словом «беспокойно», почитая его недостойным и выбранным неудачно, но стихотворение войдет глубоко в его душу, будет тревожить его, особенно если ему донесут, что вы держите его в секрете ото всех, пока он не отыщет в нем восемьдесят восемь скрытых значений, каждое из которых усилит его непримиримую враждебность к вам.

Её откровенность поразила его.

— А если бы я сохранил его по-настоящему тайно? Она рассмеялась.

— Если бы вы хотели сохранить его в секрете, тогда вы тотчас же сожгли бы его и ни за что не стали бы показывать мне. Жалко уничтожать такое совершенство, так грустно и печально, Ёси-тян, но необходимо для человека в вашем положении.

— Почему? Это всего лишь стихотворение.

— Я считаю, что это стихотворение особенное. Оно слишком совершенно. Такое искусство поднимается из глубоких колодцев внутри. Оно являет нам тайное. Обнажение сути — в этом и заключается цель и смысл поэзии.

— Продолжай.

Её глаза словно поменяли цвет, когда она задумалась, как далеко она решится зайти, постоянно испытывая пределы своего разума, чтобы развлекать и возбуждать своего клиента, если именно это было ему интересно. Он заметил эту перемену, но причину её не разгадал.

— Например, — безмятежно зашебетала она, — неверные глаза могли бы заключить, что ваша самая потаенная мысль на самом деле подсказывала вам: «Власть моего предка-тезки, сёгуна Торанаги Ёси, вот-вот окажется в моих руках, и молит, чтобы я воспользовался ею».

Он смотрел на неё, а она ничего не могла прочесть в его глазах. «И-и-и, — подумал он, потрясённый, пока все его чувства кричали ему об опасности. — Неужели это так заметно? Может быть, эта юная барышня слишком проницательна, чтобы оставлять её в живых».

— А принцесса Иядзу? Что она подумает?

— Она самая умная из всех, Ёси-тян. Но вы это и так знаете. Она сразу поймет смысл стихотворения, — если вы вообще вложили в него какой-то особый смысл. — Опять он ничего не увидел в её глазах.

— А если это будет подарок тебе?

— Тогда эта недостойная женщина преисполнится радости, получив столь драгоценный дар, но окажется в затруднительном положении, Ёси-тян.

— В затруднительном положении?

— Оно слишком особенное, чтобы его дарить или в дар принимать.

Ёси оторвал взгляд от неё и посмотрел на свой труд очень внимательно. Это было все, чего он мог желать, ему никогда не удастся повторить такое совершенство. Потом он подумал о ней, с той же непреложностью. Он увидел, как его пальцы подняли бумагу со стихотворением и протянули ей, захлопывая ловушку.

Почтительно Койко приняла лист обеими руками и низко поклонилась. С напряженным вниманием посмотрела на написанное, желая, чтобы начертанный образ целиком отпечатался в её памяти, проник в неё, как тушь в бумагу, и остался там навеки. Глубокий вздох. Осторожно она поднесла угол листа близко к пламени масляной лампы.

— С вашего позволения, Ёси-сама, пожалуйста? — торжественно произнесла она, твердо глядя ему в глаза; её рука не дрожала.

— Почему? — спросил он в удивлении.

— Для вас слишком опасно оставлять живыми подобные мысли.

— А если я откажусь отвечать?

— Тогда смиренно прошу простить меня, я должна буду принять решение за вас.

— Ну так принимай.

В тот же миг она опустила бумагу в огонь. Лист занялся и вспыхнул. Ловко поворачивая его в руках, она подождала, пока не остался гореть лишь крохотный кусочек, тогда она положила нерассыпавшиеся черные останки на другой лист и смотрела на пламя, пока оно не угасло. Пальцы у неё были длинными и тонкими, ногти — само совершенство. В молчании эти пальцы сложили лист с пеплом в бумажную фигурку огами и положили её назад на стол. Лист бумаги теперь напоминал карпа.

Когда Койко снова подняла глаза на Ёси, они были наполнены слезами, и его сердце утонуло в нежности к ней.

— Мне так жаль, пожалуйста, извините меня, — сказала она срывающимся голосом. — Но слишком опасно для вас... так печально, что приходится губить подобную красоту, мне так хотелось сохранить ваш дар. О, как печально, но слишком опасно...

Он нежно обнял её, понимая: то, что она сделала, было единственным выходом для него и для неё. Его поражала та проницательность, с которой она разгадала его первоначальное намерение: он намеревался спрятать стихотворение так, чтобы его нашли и передали всем, кого она назвала, и в первую очередь принцессе Иядзу.

Койко права, теперь я это вижу. Иядзу разгадала бы мой замысел и прочла бы мои подлинные мысли: её влияние на Нобусадзу должно

исчезнуть, или я мертвец. Разве это не все равно что сказать: «Власть моего предка...» Если бы не Койко, моя голова могла бы торчать на их пике!

— Не плачь, маленькая, — тихо проговорил он, уверенный теперь, что ей можно доверять.

И все то время, что она позволяла ему успокаивать её, потом разогревать её ласками, потом сама разогревала его, Койко размышляла в своём третьем сердце, самом сокровенном, — первое было открыто всему миру, второе — только самым близким родственникам, третье же никогда, никогда, никогда не открывалось ни перед кем, — в этом самом потаенном месте своей души она молча вздыхала с облегчением, что прошла ещё одно испытание, потому что именно испытанием это и было.

«Слишком опасно для него хранить подобное свидетельство измены своему господину, но ещё опаснее для меня владеть им. О да, мой прекрасный повелитель, тебя легко обожать, смеяться и играть с тобой, изображать экстаз, когда тыходишь в меня, и совершенно божественно вспоминать к концу дня, каждого дня, что я заработала один коку. Только подумай об этом, Койко-тян! Целый коку в день, каждый день, за то, что ты участвуешь в самой захватывающей игре на свете, подле самого славного имени на свете, с молодым, красивым, поразительным мужчиной высокой культуры, чей Упругий Стебель является лучшим из всех, какие тебе пока доводилось наслаждаться... и при этом зарабатывать такое богатство, больше, чем кто-либо, даже в былые времена».

Её руки, губы, тело искусно отвечали ему, закрываясь, открываясь, открываясь ещё больше, принимая его, направляя, помогая ему, — тончайше настроенный инструмент, на котором он мог исполнить любую мелодию. Она позволила себе приблизиться к самому краю, безупречно изображая оргазм, притворяясь, что низвергается туда снова, но ни в коем случае не низвергаясь — слишком важно было сохранять силы и трезвость ума, ибо он был мужчиной с большими аппетитами, — наслаждаясь этой борьбой, не торопя его к концу, но всегда увлекая вперед, вот уже удерживая его на краю, подталкивая в пропасть и тут же вытягивая обратно, подталкивая, вытягивая, держа на грани и наконец отпуская в пароксизме облегчения.

Теперь тишина. Его тело во сне придавило её, что само по себе не было неприятным. Она стойчески переносила это, не позволяя себе даже шевельнуться, чтобы не нарушить его покой, глубоко удовлетворенная своим искусством, как и он — она знала это — был удовлетворен своим. Её последней, самой тайной, будоражащей мыслью было: интересно, как Кацумата, Хирага и их друзья-сиси истолкуют «Меч моих предков...»

КИОТО

Понедельник, 29 сентября

В этот вечер во французской миссии в Иокогаме с огромным успехом шел званый ужин и фортепианный концерт, который Сератар устроил в честь Анжелики. Шеф-повар превзошел самого себя: свежее выпеченный хлеб, подносы с тушеными устрицами, холодный омар, креветки, от маленьких до огромных, местная рыба, запеченная с имбирем и чесноком, поданная с луком-пореем из его собственного сада, и яблочный пирог — сушеные яблоки из Франции приберегались им для исключительно особых случаев. Шампанское, «Ля Дусет» и потом ещё «Марго» из его родной деревни, чем он немало гордился.

После ужина и сигар громкие аплодисменты возвестили о появлении у инструмента Андре Понсена, прекрасного пианиста, который, однако, выступал всегда с большой неохотой. Ещё более громкие аплодисменты отмечали конец каждой пьесы, и теперь, почти в полночь, после трех вызовов на бис все встали и устроили ему настоящую овацию, едва лишь замер последний чарующий аккорд сонаты Бетховена.

— Упоительно...

— Великолепно...

— О, Андре, — чуть слышно прошептала Анжелика по-французски со своего почетного места рядом с роялем; музыка прогнала из её головы тяжелые, мрачные мысли, не дававшие ей покоя. — Это было восхитительно, я вам так, так благодарна. — Её веер очаровательно затрепетал, глаза и лицо были совершенны, новый кринолин на тонких обручах поверх множества юбок, низкий вырез, открытые плечи, приспособленный в складки тонкий зеленый шелк каскадом поднимался к очень узкой талии.

— Merci, Mademoiselle, — ответил Понсен. Он встал и поднял свой бокал, не особенно пряча свой смелый взгляд. — *A toi!*^[20]

— Merci, Monsieur, — ответила она, потом опять повернулась к Сератару, которого окружали Норберт Грейфорт, Джейми Макфей, Дмитрий и другие торговцы, все в вечерних костюмах, шелковых рубашках с оборками, ярких жилетах и галстуках — некоторые в новых, большинство же в старых, наскоро выглаженных по причине её присутствия на вечере. Несколько армейских и морских офицеров-французов в богато украшенных

позументом мундирах, с парадными шпагами у пояса, которые добавляли им непривычного для здешних мест величия. Британские офицеры напоминали павлинов в ничуть не меньшей степени.

Внимание всех было приковано к почетной гостье. Каждый пытался пробраться поближе к ней, а если уже стоял в кругу счастливицов, старался отделаться от настойчивых локтей сзади и с боков.

— Отличный вечер, Анри, — говорила Анжелика.

— Своим успехом он обязан только вам. Вы озарили его своим присутствием, а в свете вашего сияния все кажется лучше. — Сератар привычно сыпал банальными комплиментами, думая про себя все это время: какая жалость, что ты ещё не замужем и потому не созрела для связи с человеком утонченным. Бедная девочка, тебе придется выносить этого неискушенного быкообразного шотландца, пусть даже и богатого. Хотел бы я быть твоим первым настоящим любовником — учить тебя этой науке будет удовольствием для учителя.

— Вы улыбаетесь, Анри? — заметила она, вдруг почувствовав, что ей лучше быть поосторожнее с этим человеком.

— Я просто думал о том, как прекрасно складывается ваше будущее, и это наполнило меня радостью.

— Ах, вы так добры!

— Я думаю, что...

— Мисс Анжелика, простите мне мою смелость, в эту субботу мы устраиваем скачки, — вмешался Норберт Грейфорт, вне себя от того, что Сератар монополизировал девушку. Грубость министра, говорившего с ней по-французски, на языке, которого он не понимал, вызывала в нем отвращение, он вообще презирал его и все французское, за исключением Анжелики. — Мы... э... включили в программу новый заезд... э... в вашу честь. Мы решили назвать его Кубок Эйнджел, а, Джейми?

— Да, — подтвердил Джейми Макфей, также очарованный ею. Он и Грейфорт оба являлись стюардами жокей-клуба. — Мы... ну, мы решили, что это будет последний заезд дня, и компания Струана выделяет призовые деньги: двадцать гиней за кубок. Вы согласитесь вручить приз, мисс Анжелика?

— О да, с удовольствием, если мистер Струан не будет возражать.

— О, разумеется. — Макфей уже спросил разрешения у Струана, но он и все, кто слышал эту фразу, тут же задумались над её значением.

Капитан пришедшего торгового корабля, его старый друг, тайно передал ему письмо от матери Малкольма с просьбой о конфиденциальном донесении: «Я хочу знать все, что произошло со времени появления этой

Ришо в Иокогаме, Джейми. Все: слухи, факты, сплетни, и мне нет нужды напоминать тебе, что это должно держаться в строгом секрете между нами».

«Смерть и преисподняя, — раздумывал Джейми, — я принес священную клятву служить тайпэну, кто бы им ни был, а теперь его мать хочет... опять же она — мать и потому имеет право знать, не так ли? Вовсе не обязательно, да вот только миссис Струан имеет, потому что она — миссис Струан и... ну... ты привык делать то, что она хочет. Разве ты годами не выполнял все её приказания, её просьбы, её предложения?

Ради всех святых, перестань обманывать себя, Джейми, ведь на самом деле это она долгие годы управляла Кулумом и всей компанией Струанов, но ни ты, ни другие просто не хотели открыто признавать этого?»

— Правильно, — пробормотал он, потрясённый этой мыслью, которую так долго запихивал поглубже в тайники своего сознания. Почувствовав вдруг смущение, он торопливо взял себя в руки и попытался скрыть свой промах, но кругом все по-прежнему слушали одну только Анжелику.

Кроме Норберта.

— Что правильно, Джейми? — спросил он под шум разговора, улыбаясь своей непроницаемой улыбкой.

— Все, Норберт. Прекрасный вечер, а? — К его огромному облегчению Анжелика отвлекла их обоих.

— Доброй ночи, доброй ночи, Анри, джентльмены, — произнесла она под общий протестующий гул. — Мне очень жаль, но я должна ещё навестить своего больного, перед тем как лягу спать.

Она протянула руку. Сератар поцеловал её с уже давно освоенной элегантностью, Норберт, Джейми и все остальные — неловко, и прежде чем кто-либо успел вызваться, Андре Понсен спросил:

— Может быть, вы позволите мне проводить вас до дома?

— Конечно, почему нет? Ваша музыка околдовала меня. Ночь была прохладной и облачной, но достаточно приятной.

Анжелика красиво набросила на плечи шерстяную шаль; нижняя оборка её широкого кринолина, предоставленная своей участи, волочилась по грязным доскам деревянного тротуара, столь необходимого во время летних дождей, превращавших дороги в сплошные болота. В этот миг только крошечная частичка её сознания волочилась по грязи вместе с несчастным куском материи.

— Андре, ваше искусство удивительно. О, как бы я хотела играть так же, как вы, — говорила она с полной искренностью.

— Это всего лишь практика, практика — и ничего больше.

Они не спеша шли к ярко освещенной фактории Струанов, дружески беседуя на французском. Андре отчетливо чувствовал на себе завистливые взгляды мужчин, направлявшихся через улицу в клуб — шумный, полный людей, манящий; он был согрет этой девушкой, не похотью, страстью или желанием, а просто её компанией и её счастливым щебетом, на который ему едва требовалось отвечать.

Прошлой ночью на «французском» ужине у Сератара в отдельном кабинете отеля Иокогамы он сидел рядом с ней и нашел её молодость и напускную фривольность освежающими для себя. Её любовь к Парижу и знание города, его ресторанов, театров, разговоры её юных друзей и подруг, шутки про них и про прогулки пешком или верхом в Булонском лесу, вся будоражающая кровь атмосфера Второй империи наполнили его ностальгией, заставили вспомнить свои собственные студенческие дни и то, как сильно он скучал по дому.

Слишком много лет прожито в Азии, в Китае и здесь.

«Любопытно, насколько эта девочка похожа на мою собственную дочь. Мари столько же лет, обе родились в одном и том же месяце, июле, те же глаза, тот же цвет волос, кожи...

Возможно, похожа на Мари, поправил он себя. Сколько лет прошло с тех пор, как я расстался с Франсуазой, оставив их обеих в пансионе недалеко от Сорбонны, который содержала её семья и в котором я тогда снимал комнату? Семнадцать. А сколько лет прошло с тех пор, как я видел их в последний раз? Десять. Merde, мне ни в коем случае не следовало тогда жениться, сколь обворожительна ни была Франсуаза. Из нас двоих именно я во всем виноват, не она. Что ж, по крайней мере, она снова вышла замуж и сейчас заправляет родительским пансионом. Но вот Мари?»

Шум волн проник в его сознание, и он посмотрел на море. Над головой прокричала одинокая чайка. Недалеко от берега горели штаговые огни их флагмана, стоявшего на якоре, и это развеяло власть воспоминаний, вернув его к действительности и заставив сосредоточиться.

«Какая ирония, что эта девчурка становится теперь крайне важной пешкой в Большой игре — Франция против Британии. Да, но такова жизнь. Отложить мне все до завтра или до послезавтра или сдать карты прямо сейчас, как мы договорились, Анри и я?»

— Ах, — говорила она, обмахиваясь веером, — я так счастлива сегодня вечером, Андре, ваша музыка дала мне так много, я вдруг снова почувствовала себя в опере, эти звуки уносили меня вверх и вверх, пока я не ощутила тонкий аромат Парижа...

Против своей воли он был зачарован. В чем тут дело? В ней самой или она просто напоминает мне, какой могла бы сейчас стать Мари? Не знаю, но так и быть, Анжелика, сегодня я оставлю тебя на твоём счастливом воздушном шаре. Завтра будет ещё не поздно.

Тут его ноздри уловили легчайший аромат её духов, «Vie de Camille», напомнив ему о флаконе, который он с таким трудом выписал из Парижа для своей мусуме Ханы — Цветка, — и внезапно охватившее его озлобление как вихрем смело все его благородные побуждения.

Поблизости не было никого, кто мог бы их слышать, Хай-стрит лежала почти пустынная в обе стороны. Но он все равно понизил голос:

— Мне очень жаль, что приходится говорить вам все это, но мне стало известно кое-что, о чем вы должны знать. Не представляю даже, с чего мне следовало бы начать, но... ваш отец посетил Макао несколько недель назад, он очень крупно играл там и проиграл. — Понсен заметил, как мгновенно побледнело её лицо. Его душа распахнулась навстречу ей, но он продолжал следовать плану, который они выработали с Сератаром. — Извините.

— Очень крупно, Андре? Как это нужно понимать? — Её слова прозвучали чуть слышно, он видел, как она смотрит на него широко открытыми глазами, напряженно застыв в тени здания.

— Он потерял все: своё дело, ваши средства.

Она охнула.

— Все? Мои средства тоже? Но он не может?

— Мне искренне жаль, но может и уже сделал. Закон позволяет ему это: вы его дочь, вы не замужем, не говоря уже о том, что вы несовершеннолетняя, он ваш отец и вправе распоряжаться и вами, и всем, что вам принадлежит, но вам, разумеется, это и так известно. Ещё раз извините, мне очень жаль. У вас есть какие-нибудь ещё деньги? — поинтересовался он, зная, что у неё не осталось ни гроша.

— Простите? — Она вздрогнула всем телом и постаралась заставить свой мозг мыслить ясно. Неожданность, с которой ей открылось, что второй из её самых ужасных страхов стал теперь реальностью и достоянием гласности, в клочья разодрала тот столь тщательно свитый кокон, в котором она пыталась спастись. — Откуда... откуда вам известно все это? — запинаясь, пробормотала она, слепо ища руками какую-нибудь опору. — Мои, мои средства принадлежат мне... он обещал.

— Он передумал. А Гонконг — та же деревня, в Гонконге нет секретов, Анжелика, ни там, ни здесь ничего нельзя утаить. Сегодня я получил послание с нарочным из Гонконга, от одного из деловых партнеров. От него я узнал детали — он был в то время в Макао и видел всю катастрофу

своими глазами. — В голосе его слышалась дружеская озабоченность, таким и должен был быть голос друга, но говорил он только половину правды. — Он и я... мы... нам принадлежат некоторые из векселей вашего отца, он брал у нас деньги в прошлом году и до сих пор не вернул. Новый страх пронзил её.

— Разве... мой отец не платит по векселям?

— Н-нет, боюсь, что нет.

С болью в сердце она думала о письме своей тетушки и теперь знала точно, что деньги, которыми ссудил её дядя, тоже не были возвращены, и он сейчас в тюрьме, потому что... «Возможно, он попал в тюрьму из-за меня, — хотелось крикнуть ей. Она отчаянно пыталась держать себя в руках, молясь, чтобы все это оказалось сном. — О Боже, о Боже, что же мне делать?»

— Я хочу, чтобы вы знали, если я могу помочь, пожалуйста, только скажите мне.

Её голос вдруг стал пронзительным.

— Помочь мне? Вы растоптали мой покой, если то, что вы говорите, правда. Помочь мне? Зачем вы рассказали мне все это именно сейчас, зачем, зачем, зачем, когда я была так счастлива?

— Лучше, если вы узнаете об этом прямо сейчас. И лучше от меня, чем от врага.

Её лицо перекошилось.

— Врага, какого врага? С какой стати у меня должны быть враги? Я никому ничего не сделала, ничего, ничего, ниче... — Слезы хлынули у неё из глаз. Не в силах сдержаться, он на мгновение сочувственно обнял её, потом положил руки ей на плечи и встряхнул.

— Прекратите, — произнес он с напускной резкостью. — Ради бога, прекратите, неужели вы не видите, что я хочу помочь вам!

По другой стороне улицы к ним приближалось несколько мужчин, но он заметил, что все они шатаются и заняты только собой. Больше поблизости не было никого, только далеко позади них люди все так же спешили в клуб; тень здания прятала их от посторонних глаз. Он снова встряхнул её, и она простонала:

— Вы делаете мне больно! — Но слезы прекратились, и она пришла в себя.

Отчасти пришла в себя, холодно подумал он; этот самый процесс повторялся для него уже, наверное, в сотый раз, различаясь всегда лишь степенью жестокости и искажения правды в отношении других невинных душ, которых ему нужно было использовать ради возвеличения Франции

— и при этом насколько легче было иметь дело с мужчинами, чем с женщинами. Мужчин ты просто пинал промеж ног или обещал отрезать то, что там болтается, или втыкал иголки... Но вот женщины! Отвратительное это дело — обращаться с женщинами подобным образом.

— Вы окружены врагами, Анжелика. Столько людей не хотят, чтобы вы вышли замуж за Струана, его мать будет препятствовать этому всеми доступными ей...

— Я никогда не говорила, что мы собираемся пожениться, это... это слухи, слухи, ничего больше!

— Merde! Конечно, это правда! Он ведь уже сделал вам предложение, не так ли? — Он снова потряс её, его пальцы сжимали её плечи, как стальные скобы. — Не так ли?

— Мне больно, Андре... да, да, он сделал мне предложение.

Он протянул ей платок, сразу смягчившись.

— Вот, вытрите глаза, у нас мало времени.

Она смиренно подчинилась, опять начала плакать, потом одернула себя.

— Почему вы такой ужасны-ы-ый?

— Я единственный настоящий друг, который у вас здесь есть, я целиком на вашей стороне, готов помочь, единственный верный друг, которому вы можете доверять, — я ваш единственный настоящий друг, клянусь вам, только я один могу вам помочь. — Обычно он с жаром добавлял «клянусь Господом Богом», но сейчас решил, что она уже крепко сидит на крючке, и оставил это на потом. — Лучше вам выслушать всю правду, пока никто об этом не знает. Теперь у вас есть время, чтобы подготовиться. Эта новость прибудет сюда не раньше чем через неделю; у вас есть время сделать вашу помолвку торжественной и официальной.

— Что?

— Струан ведь джентльмен, не так ли? — Ему потребовалось сделать над собой усилие, чтобы произнести это без издевки. — Английский... виноват, шотландский — в общем, британский джентльмен. Разве они не считают себя с гордостью людьми слова? А? Как только о помолвке будет объявлено официально, он уже не сможет взять своё слово назад, окажется вы нищей или нет, — что бы ни сделал там ваш отец и что бы ни говорила его мать.

«Я знаю, я знаю, — хотелось кричать ей. — Но я женщина, и я должна ждать, я ждала, и вот теперь стало слишком поздно. Или нет? О Пресвятая Богородица, помоги мне!»

— Я не... я не думаю, что Малкольм станет винить меня за моего отца

или... или слушать свою мать.

— Боюсь, ему придется её слушаться, Анжелика. Вы забыли, что Малкольм Струан тоже несовершеннолетний, каким бы большим тайпэном он ни был? Двадцать один ему исполнится только в мае будущего года. До тех пор она может налагать на него всевозможные юридические ограничения. По английскому закону она даже может объявить помолвку недействительной. — Он не был полностью в этом уверен, но это казалось ему разумным и было правдой в отношении французского закона. — Она может давить и на вас. Возможно, даже подаст на вас в суд, — добавил он с печальным лицом. — Струаны очень могущественны в Азии, это почти что их родовое владение. Она вполне смогла бы добиться, чтобы вас вызвали в суд, а вы знаете, что люди говорят о судьях, любых судьях, а? Она могла бы сделать так, что вас приволокут к магистрату и обвинят в том, что вы кокетка, обманщица, просто нацелившаяся на его деньги, а то ещё в чем-нибудь и похуже. Она могла бы нарисовать перед судьей очень неприглядную картину: ваш отец — игрок и пьяница, к тому же банкрот, ваш дядя сидит в долговой яме, сами вы — без гроша, искательница приключений; а вы слушали бы её со скамьи подсудимых, не имея возможности защититься.

На её лице появилось затравленное выражение.

— Откуда вы узнали про дядю Мишеля? Кто вы?

— Никакого фокуса тут нет, Анжелика, — небрежно ответил он. — Сколько французских граждан живет в Азии? Не много, второй такой, как вы, вообще нет, а люди любят сплетничать. Что до меня, то я Андре Понсен, китайский торговец, японский торговец. Меня вам нечего бояться. Мне от вас не нужно ничего, кроме дружбы и доверия, и я хочу вам помочь.

— Как? Мне ничто не поможет.

— Нет, это не так, — мягко возразил он, внимательно наблюдая за ней. — Вы ведь любите его, не правда ли? Дай вам шанс, вы были бы лучшей женой, какую может пожелать себе мужчина, разве нет?

— Да, да, конечно...

— Тогда подтолкните его, очаруйте, убедите его — любым способом, каким сможете, — официально объявить о вашей помолвке. Возможно, я смогу подсказать вам что-нибудь, направить вас. — Теперь наконец он видел, что она по-настоящему слушает его, действительно его понимает. Мягко он нанёс свой *coup de grâce*.^[21] — Мудрая женщина, а вы мудры столь же, сколь и прекрасны, вышла бы замуж быстро. Очень быстро.

Струан читал, масляная лампа на столике у кровати давала достаточно

света, дверь в её комнату была приоткрыта. Его постель была удобной, и он с головой ушел в книгу. Его шелковая ночная рубашка подчеркивала цвет его глаз, лицо все ещё оставалось бледным и худым, даже тени былой силы не было в нем. На столике рядом с лампой стоял снотворный настой, тут же лежали его трубка, табак и спички, стоял ещё один стакан — с водой, в которую добавили немного виски. — Это пойдет вам на пользу, Малкольм, — сказал ему Бебкотт. — Лучшего лекарства на ночь для вас сейчас не найти, только разбавляйте побольше. Это лучше, чем опиумная вытяжка.

— Без неё я не могу уснуть всю ночь и чувствую себя ужасно.

— Сегодня уже семнадцатый день после ранения, Малкольм, вам пора остановиться. Остановиться по-настоящему. Плохо, если для сна вам будет необходимо лекарство. Лучше всего прекратить принимать его навсегда.

— Я уже пробовал сделать это раньше, и ничего не получилось. Я брошу его пить через день или два...

В комнате было тихо и уютно, тяжелые занавеси на окнах были задернуты на ночь, мирно тикали красивые швейцарские часы. Время близилось к часу ночи. Книгу «Убийства на улице Морг» Эдгара Алана По сегодня утром ему принес почитать Дмитрий.

Струан был так поглощен своей книгой, что не слышал, как входная дверь в её комнату открылась и закрылась, не слышал, как она на цыпочках прошла через комнату, не видел, как она на мгновение заглянула к нему, потом исчезла. Через секунду раздался едва слышный щелчок — закрылась дверь её спальни.

Он поднял глаза, напряженно вслушиваясь. Уходя, она сказала, что заглянет к нему, но если он будет спать, будить его не станет. Или, если она слишком устанет, отправится напрямиком в постель, тихо, как мышка, и увидится с ним утром.

Книга лежала у него на коленях. С усилием он сел прямо и свесил ноги через край кровати. Это он ещё мог вынести. Но не встать. Встать ему пока было все так же не под силу. Сердце тяжело стучало в висках; он почувствовал тошноту и лег. И все же немного лучше, чем вчера. «Нужно пытаться, что бы ни говорил Бебкотт, — угрюмо сказал он себе, потирая живот. — Завтра попробую снова, три раза. Может быть, оно и к лучшему, что я не могу встать. Я бы захотел быть с ней. Господи, помоги мне, я бы не смог без этого».

Когда боль немного улеглась, он опять взялся за чтение, радуясь, что книга у него под рукой, но теперь она уже не так занимала его, мысли разбредались, и его разум принялся смешивать прочитанный рассказ с

картинами, в которых её готовились вот-вот убить, кругом какие-то трупы, он бросается, чтобы защитить её, картины сменяют одна другую, становясь все более эротическими.

Через некоторое время он отложил книгу, отметив страницу закладкой, которую она ему подарила, закладкой из её дневника. Интересно, что она пишет в нем. Я знаю, она ведет записи так же регулярно, как и любой другой. Обо мне и о ней? О ней и обо мне?

Теперь он чувствовал огромную усталость. Его рука потянулась к лампе, чтобы увернуть фитиль, и остановилась. Маленькая рюмка со сном внутри манила. Его пальцы дрожали.

Беккотт прав, это мне больше не нужно.

Он решительно потушил свет, откинулся на спину и закрыл глаза, вознося молитву о ней, о своей семье, о том, чтобы его мать благословила их, а потом о себе. «О Господи, помоги мне выздороветь — мне страшно, очень страшно».

Но сон не шел к нему. Когда он поворачивался или пытался устроиться поудобнее, боль прорезала внутренности, и он тут же вспоминал Токайдо и Джона Кентербери. Он завис в какой-то тяжелой полудреме, мозг его гудел от прочитанного: жуткое, леденящее кровь начало, а какова будет развязка? Добавляя сюда всевозможные картины. Все новые и новые, некоторые злые, некоторые прекрасные, некоторые совсем живые, любая попытка поменять положение расцветала на них багровыми пятнами боли.

Время шло, минул час или несколько минут, он не мог сказать точно, и тогда он выпил эликсир и блаженно расслабился, зная, что скоро будет парить в воздухе на тонком, прозрачном газе, её рука на нем, его рука на ней... там, на её груди... везде... её руки в ответ столь же опытные, столь же желанные... не только руки.

Пятница, 3 октября

Едва лишь рассвело, Анжелика выбралась из кровати и присела за туалетный столик в эркере, выходявшем окном на Хай-стрит и гавань. Она совсем измучилась. В запертом ящичке лежал её дневник в обложке из тусклой красной кожи. Он тоже запирался. Из потайного места она извлекла ключ, отомкнула застёжку, обмакнула ручку в чернила и написала, беседуя с дневником, словно со старым другом, — последние дни ей казалось, что дневник стал теперь её единственным другом, только с ним она ещё могла говорить откровенно:

Пятница, 3: ещё одна тяжелая ночь, и я чувствую себя ужасно. Прошло четыре дня после того, как Андре сообщил мне ужасную весть о моем отце. С тех пор я была не в состоянии ни писать, ни делать что-либо, заперла все двери и «слегла», притворившись, что у меня жар. Лишь раз или два за день я выхожу навестить моего Малкольма, чтобы развеять его тревогу, все же остальное время не отпираю никому, кроме моей горничной, которую я терпеть не могу, правда, я согласилась встретиться с Джейми один раз и с Андре.

Бедный Малкольм, в первый день моей «болезни», когда я не появилась и не стала никому открывать, он чуть с ума не сошел от беспокойства и все настаивал, чтобы его отнесли на носилках в мой будуар и он смог увидеть меня хотя бы таким образом — даже если для этого пришлось бы выломать дверь. Мне удалось опередить его, я заставила себя пойти к нему и сказала, что со мной все хорошо, просто у меня сильно разболелась голова, и — нет, мне не нужен Бебкотт, а ему не стоит переживать из-за моих слез. Я объяснила ему по секрету, что у меня просто наступило «то самое время месяца» и кровотечение иногда бывало обильным, а иногда не наступало в срок. Он был невероятно смущен тем, что я упомянула про свои месячные! Просто невероятно смущен! Словно и не знал ничего об этом свойстве женского организма. Порой я совсем не понимаю его, хотя он так добр и заботлив, самый добрый и заботливый из всех, кого я знала. Ещё одно расстраивает меня: если говорить правду, ему,

бедному, не намного лучше, и каждый день он так страдает, что мне хочется плакать.

«Матерь Божья, дай мне силы! — думала она. — Ведь это ещё не самое страшное. Я стараюсь не волноваться, но я в отчаянии. День приближается. Тогда я освобожусь от этого ужаса, но останется ещё нищета».

Она начала писать снова.

В этом здании так трудно спрятаться и побыть одной, каким бы уютным и красивым оно ни было, но жизнь в Поселении просто ужасна. Ни парикмахерши, ни дамского портного (хотя у меня есть портной-китаец, который просто изумительно копирует то, что уже существует), ни шляпника — я ещё не спрашивала, можно ли здесь заказать туфли. Пойти некуда, заняться нечем — о, как я скучаю по Парижу, но как я теперь вообще смогу там устроиться? Согласился бы Малкольм уехать отсюда, если бы мы поженились? Никогда. А если мы не поженимся... где я найду денег даже на билет домой? Где? Я спрашивала себя тысячу раз и не находила ответа.

Её задумчивый взгляд оторвался от бумаги и перешел на окно и на корабли в заливе. Как бы я хотела оказаться на одном из них, держа путь домой. Зачем, зачем только я сюда приехала? Я ненавижу это место... Что, если... Если Малкольм не женится на мне, мне придется выйти замуж за кого-то другого, но у меня нет приданого, ничего нет. О боже, я надеялась, что все сложится совсем иначе. Даже если мне и удастся вернуться домой, у меня по-прежнему нет денег, бедная тетушка и дядя разорены. Колетта мне помочь не сможет, я не знакома ни с кем достаточно богатым или знатным, чтобы выйти за него замуж, или занимающим достаточно видное положение в обществе, чтобы можно было без опасений стать его любовницей. Я могла бы пойти на сцену, но и там необходимо иметь патрона, который будет подкупать директоров и драматургов, платить за все наряды, драгоценности, экипажи и роскошный особняк для вечерних приемов — разумеется, с патроном приходится спать, и по его прихоти, а не по своей, пока ты не станешь достаточно богатой и знаменитой, на что требуется время, а у меня нет ни нужных связей, ни друзей с такими связями. О господи, я совсем не знаю, как мне быть. Мне кажется, я сейчас опять расплачусь...

Она уронила голову на руки, и слезы хлынули из глаз. Анжелика старалась плакать не слишком громко, чтобы горничная не услышала её рыданий и не начала горестно завывать во весь голос вместе с ней, устроив дикую сцену, как в первый день. Она сидела в ночной рубашке из кремового шелка, набросив на плечи бледно-зеленый пеньюар; нерасчесанные после сна волосы спутались. Комната была обставлена для мужчины, с огромной кроватью под пологом на четырех столбах — эти апартаменты были гораздо просторнее тех, что у Малкольма. С одной стороны располагалась та самая передняя, которая соединялась с его спальней и из которой другая дверь вела в столовую на двадцать человек с отдельной кухней. Обе эти двери были закрыты. Туалетный столик являлся единственной фриivolностью, которую она себе позволила; она распорядилась, чтобы его занавесили розовым атласом.

Когда слезы прекратились, она вытерла глаза и молча рассмотрела своё отражение в серебряном зеркале. Никаких морщин, чуть потемнели веки, и щеки едва заметно похудели. Внешне — никаких перемен. Она тяжело вздохнула и опять вернулась к дневнику:

Слезы просто не помогают: сколько я ни плачу, легче не становится. Сегодня я должна поговорить с Малкольмом. Просто должна. Андре сообщил мне, что пакетбот уже запаздывает на один день и известие о моей катастрофе непременно прибудет с ним. Или с ней. Я в ужасе от того, что сюда может приехать мать Малкольма — весть о его ранении должна была достичь Гонконга 24-го, это дает ей как раз достаточно времени, чтобы успеть на этот самый пакетбот. Джейми сомневается, что ей удастся приехать, слишком уж мал срок, чтобы она успела подготовиться к отъезду — остаются ведь другие дети, её муж умер всего три недели назад и по нему все ещё соблюдается глубокий траур, бедная женщина.

Когда Джейми был здесь, я в первый раз по-настоящему беседовала с ним наедине, он рассказал мне много всяких историй про других Струанов — шестнадцатилетнюю Эмму, тринадцатилетнюю Розу и десятилетнего Дункана, — большей частью печальных историй: в прошлом году два других брата Малкольма, близнецы Робб и Допросе семи лет, утонули, когда их лодка перевернулась совсем недалеко от берега; это произошло в местечке, которое называется Шек-О, у Струанов там летний дом и участок земли. А много лет назад, когда Малкольму было семь,

другая его сестра, Мэри, умерла от лихорадки. Бедная крошка, ей было всего четыре годика. Я проплакала всю ночь, думая о ней и о близнецах. Умереть такими маленькими!

Джейми мне нравится, но он такой скучный, такой нецивилизованный — я хочу сказать, неотесанный, больше ничего, — он ни разу не был в Париже и только и может говорить что про свою Шотландию, да Струанов, да Гонконг. Интересно, могла бы я настоять, если... Она зачеркнула это и исправила на когда мы поженимся... Её ручка замерла в нерешительности. Мы с Малкольмом станем проводить по несколько недель в Париже каждый год — и наши дети будут воспитываться там. Разумеется, в католической вере.

Мы с Андре говорили об этом вчера, о том, что я католичка, — он очень добр и снимает с моей души все проблемы и тревоги, как это неизменно делает его музыка, — и о том, что миссис Струан кальвинистская протестантка, и что мне следует говорить, если об этом зайдет речь. Мы тихо беседовали — о, я так рада, что он мой друг и предупредил меня об отце, — вдруг он приложил палец к губам, подошел к двери и распахнул её. Эта старая ведьма А Ток, ама Малкольма, подслушивала и едва не ввалилась в комнату. Андре немного говорит на кантонском, и он отослал её прочь.

Когда позже днём я встретила с Малкольмом, он долго и смиренно извинялся. Это пустяки, сказала я, дверь была незаперта, моя горничная, как и подобает, находилась в комнате вместе со мной, но если А Ток хочется шпионить за мной, пожалуйста, скажи ей, пусть постучится и входит. Признаюсь, я держалась несколько отчужденно и была холодна с Малкольмом, а он был готов буквально вывернуться наизнанку, чтобы угодить мне и успокоить, но именно такие чувства я сейчас испытываю, хотя, должна также признаться, и Андре советовал мне вести себя именно таким образом, пока о нашей помолвке не будет объявлено всем.

Мне пришлось попросить Андре — боюсь, именно пришлось — ссудить меня деньгами. Я чувствовала себя ужасно. Впервые в жизни я вынуждена была обращаться к кому-то с такой просьбой, но мне отчаянно нужны хоть какие-то деньги. Он был очень любезен и согласился принести мне завтра двадцать луидоров под мою подпись, этого хватит на неделю или две,

чтобы покрыть случайные расходы — Малкольм как будто не замечает, что мне нужны деньги, а я не хотела просить у него...

У меня действительно почти не прекращается головная боль, потому что я беспрестанно ищу какой-нибудь выход из всего этого кошмара. Нет никого, кому я могла бы полностью довериться, даже Андре, хотя пока что мне не в чем его упрекнуть. С Малкольмом каждый раз, когда начинаю свою заранее отрепетированную речь, я, ещё и рта не открыв, уже знаю, что мои слова прозвучат вымученно, грубо и ужасно, поэтому замолкаю.

«В чем дело, дорогая?» — спрашивает он.

«Нет, ничего», — говорю я, а потом, когда оставлю его и запру свою дверь, я плачу и плачу в подушку. Мне кажется, я сойду с ума от горя — как мой отец мог так лгать, так обманывать меня, украсть мои деньги? И почему Малкольм не может дать мне кошелек, не дожидаясь, пока я попрошу его об этом, или не предложит мне какие-то деньги, чтобы я могла сначала притвориться, что отказываюсь, а потом с радостью принять их? Разве это не обязанность мужа или жениха? Разве не долг отца защищать свою любимую дочь? И почему Малкольм все ждет и ждет и не объявляет о нашей помолвке? Неужели он передумал? О Боже, не допусти этого...

Анжелика перестала писать, потому что слезы полились снова. Одна из них упала на раскрытую страницу. Она опять вытерла глаза, сделала несколько глотков воды из стакана, потом продолжила:

Сегодня я поговорю с ним. Я должна сделать это сегодня. Единственной доброй вестью пока было то, что британский флагман, ко всеобщей радости, благополучно вернулся в гавань несколько дней назад (мы и в самом деле совершенно беззащитны здесь без военных кораблей). Флагман пострадал и потерял одну мачту, вскоре следом за ним вернулись и остальные корабли, кроме двадцатипушечного парового фрегата под названием «Зефир», на его борту было больше двух сотен. Может быть, с ним все-таки ничего не случилось, я надеюсь, что это так. Здешняя газета пишет, что ещё пятьдесят три матроса и два офицера погибли в этом шторме, тайфуне.

Он был чудовищным, я ещё никогда не видела такой сильной

бури. Я дрожала от страха и днём и ночью. Мне казалось, что все здание сейчас так и унесет целиком, но оно оказалось таким же непоколебимым, как Джейми Макфей. Большинство туземных построек попросту исчезли, и было много пожаров. Фрегат «Жемчужина» тоже потерял мачту. Вчера принесли записку от капитана Марлоу: «Я только что узнал о вашей болезни, посылаю вам свои глубочайшие и самые искренние соболезнования, etc».

Я не уверена, что он мне нравится, слишком уж заносчив, хотя мундир выставляет его в самом выгодном свете и удачно подчеркивает его мужские достоинства — для чего, естественно, и придуманы тесные панталоны, точно так же, как мы одеваемся, стремясь показать грудь, подчеркнуть талию, приоткрыть щиколотки. Вчера вечером принесли ещё одно письмо от Сеттри Паллидара, уже второе, новые соболезнования и т. д.

Мне кажется, я ненавижу их обоих. Всякий раз, когда я думаю о них, я вспоминаю об этой преисподней под названием Канагава и о том, что они не выполнили своего долга и не сумели защитить меня. Филип Тайрер по-прежнему находится в миссии в Эдо, но Джейми сказал, что, если верить слухам, Филип должен вернуться уже завтра или через день. Это очень кстати, потому что когда он приедет, у меня есть план, ко...

Глухой рев пушечного выстрела, эхом прокатившийся над Поселением, заставил её вздрогнуть и перенести внимание на гавань. Палили из сигнального орудия. Далеко в море ему ответила другая пушка. Анжелика посмотрела поверх корабельных мачт флота на горизонт и там увидела пресловутый столб дыма, который поднимался из трубы приближающегося пакетбота.

Джейми Макфей, сжимая под мышкой плотно набитый полученной почтой портфель, повел незнакомца вверх по парадной лестнице фактории Струанов. Потоки солнечного света вливались в здание через высокие и изящные стеклянные окна. Оба мужчины были в суконных фраках и цилиндрах, хотя день был теплый. Незнакомец нес в руке небольшой чемоданчик. Ему было за пятьдесят. Приземистый, с уродливым бородатым лицом, он был на голову ниже Джейми, хотя и шире в плечах. Из-под шляпы торчали космы длинных седых волос. Они прошли по коридору. Макфей тихо постучал:

— Тайпэн?

— Входите, Джейми, дверь открыта. — Струан оторопело уставился на спутника Макфея, потом тут же спросил: — Мама тоже приехала, доктор Хоуг?

— Нет, Малкольм. — Доктор Рональд Хоуг прочел на его лице мгновенное облегчение, и это опечалило его, хотя он вполне понимал его причину. Тесс Струан в очень сильных выражениях высказалась об «этой французской потаскушке», пребывая в твердой уверенности, что та уже запустила свои когти в её сына. Скрывая тревогу, которую в нем вызвала бледность и крайняя худоба Малкольма, он положил свой цилиндр на бюро рядом с чемоданчиком. — Она попросила, чтобы я осмотрел тебя, — произнес он глубоким доброжелательным голосом, — и выяснил, не смогу ли я чем-нибудь помочь, а также сопровождал тебя домой, если тебе вообще понадобится провожатый. — Почти пятнадцать лет Хоуг был семейным врачом Струанов в Гонконге и принял у Тесс четырех последних братьев и сестер Малкольма. — Как ты себя чувствуешь?

— Я... Доктор Беккотт присматривает за мной. Я... я в порядке. Спасибо, что приехали, я очень рад вас видеть.

— Я тоже рад, что оказался здесь. Доктор Беккотт прекрасный врач, лучше не найти. — Хоуг улыбнулся, при этом его маленькие матово-черные, как топаз, глазки спрятались ещё глубже в складках морщинистого обветренного лица, и продолжил с самым невозмутимым видом: — Отвратительное путешествие, хвост тайфуна зацепил-таки нас, и был момент, когда мы чуть было не пошли ко дну. Всю дорогу я только тем и занимался, что чинил и латал матросов и нескольких пассажиров — переломы конечностей, большей частью. Двоих смыло за борт: один — китаец, пассажир четвертого класса, второй какой-то иностранец, мы так и не выяснили, кто он был на самом деле. Капитан сказал, что человек просто оплатил проезд в Гонконге, буркнув себе под нос какое-то имя. Почти все время он провел в своей каюте, потом один-единственный раз вышел на палубу, и — пух! — волна его слизнула. Малкольм, ты выглядишь лучше, чем я ожидал после всех тех толков и пересудов, которые наводнили Колонию.

— Мне, пожалуй, лучше оставить вас наедине, — сказал Джейми. Он положил пачку писем на прикроватный столик. — Здесь ваша личная почта, книги и газеты я принесу попозже.

— Спасибо. — Малкольм посмотрел на него. — Что-нибудь важное?

— Два письма от вашей матери. Они лежат сверху.

Доктор Хоуг опустил руку в свой объемистый карман и извлек из него мятый конверт.

— Вот ещё одно от неё же, Малкольм, оно было написано позже этих двух. Давай-ка лучше прочти его сейчас, а потом я взгляну на тебя, если позволишь. Джейми, не забудьте про Бебкотта.

Джейми уже сообщил ему, что Бебкотт сегодня утром ведет прием больных в Канагаве и что он пошлет за ним катер сразу же, как только они повидают Малкольма.

— Я ещё зайду, тайпэн.

— Нет, подождите немного, Джейми, не уходите. — Струан вскрыл конверт, который передал ему Хоуг, и начал читать.

Джейми поднялся на главную палубу пакетбота, там его встретил доктор Хоуг. Когда катер достиг берега, доктор Хоуг знал все, что было известно Джейми.

— Только, пожалуйста, — добавил Джейми, волнуясь, — пожалуйста, не говорите Малкольму, что я рассказал вам об Анжелике. Она удивительный человек, и ей тоже пришлось пережить много ужасов; я действительно не думаю, что они спали вместе, эта тайная помолвка — пока что одна лишь болтовня, никто ничего толком не знает, но он без ума от неё — причем я его понимаю; если уж на то пошло, тут его поймет любой мужчина в Азии. Мне очень не по душе эта идея насчет отправки миссис Струан секретных донесений, объяснять почему, я полагаю, нет нужды. Впрочем, я уже составил одно такое — несколько разбавленный водой вариант, — и оно готово отправиться сразу же, как только пакетбот двинется в обратный путь. В первую очередь моя преданность должна принадлежать Малкольму, он тайпэн.

Теперь, наблюдая, как Малкольм Струан, лежа в кровати, читает привезенное Хоугом письмо, глядя на его изможденное лицо и вялое тело, он почувствовал, что уверенность покидает его. И остается молитва.

Струан поднял голову. Его глаза сузились.

— Да, Джейми?

— Ты хотел отдать какое-то распоряжение?

После паузы Малкольм кивнул.

— Да. Оставь записку во французской миссии — Анжелика сейчас там, она сказала, что собирается дожидаться своей почты, — скажи, что из Гонконга прибыл старый друг и я хочу её с ним познакомить.

Макфей кивнул и улыбнулся.

— Будет сделано. Пошли за мной, если что-нибудь понадобится. — Он оставил их наедине.

Струан посмотрел на дверь, чувствуя, как защемило сердце. Выражение лица Джейми, когда он вошёл и увидел его, было слишком

красноречивым. Стараясь успокоиться, он вернулся к письму:

Малкольм, мой бедный дорогой сын.

Всего несколько слов в спешке: Рональд Хоуг немедленно отправляется на пакетбот, который я задержала, чтобы он успел попасть на него и ты смог получить наилучший уход и лечение. Я пришла в ужас, когда услышала про то, что эти подлые свиньи напали на тебя. Джейми сообщает, что этому вашему доктору Бебкотту пришлось оперировать — пожалуйста, напиши мне с любой срочной почтой, какая подвернется, и скорее возвращайся домой, где мы сможем заботиться о тебе как следует. Посылаю тебе свою любовь и молитвы, так же как и Эмма, Роза и Дункан. P. S. Я люблю тебя.

Он поднял глаза.

— Итак?

— Итак? Скажи мне правду, Малкольм. Как ты себя чувствуешь?

— Я чувствую себя ужасно, и я боюсь, что умру.

Хоуг опустил в кресло и свел кончики пальцев домиком.

— Первое понятно, второе не обязательно верно, хотя в это очень легко, очень-очень легко и очень-очень опасно поверить.

Китайцы, к примеру, могут «делать умилати», могут одними мыслями довести себя до смерти, даже будучи в полном здравии — я видел, как это бывает.

— Господи, я не хочу умирать, у меня сейчас есть все, мне жить и жить. Я хочу жить и хочу поправиться так сильно, что и словами не выразить. Но каждую ночь и каждый день в какой-то момент мысль о смерти ударяет меня... это как самый настоящий удар кулаком.

— Какие лекарства ты принимаешь?

— Просто какое-то питье — в нем есть лауданум, чтобы я лучше спал. Боль совсем несносна, и я так мучаюсь.

— Каждую ночь?

— Да. — Струан добавил, словно извиняясь: — Он хочет, чтобы я прекратил его принимать, говорит, что я... что мне необходимо остановиться.

— Ты пытался?

— Да.

— Но не остановился?

— Нет, пока ещё нет. Моя... моя воля, мне кажется, я утратил её.

— Это одна из скверных сторон этого лекарства, каким бы ценным и замечательным оно ни было. — Он улыбнулся. — Впервые имя «лауданум» этой панацее дал Парацельс. Ты знаешь что-нибудь о Парацельсе?

— Нет.

— Я тоже, — со смехом признался Хоуг. — Как бы там ни было, мы передали название этой вытяжке из опиума. Жаль только, все её производные вызывают привыкание. Но ты и сам знаешь об этом.

— Знаю.

— Мы сможем избавить тебя от этой привычки, это не проблема.

— Это проблема, я знаю об этом, а также и о том, что вы по-прежнему не одобряете нашей торговли опиумом.

Хоуг улыбнулся.

— Я рад, что ты произнес это как утверждение, а не как вопрос. Хотя, с другой стороны, ты её тоже не одобряешь, ни один китайский торговец её не одобряет, но вы все в ловушке. Ладно, довольно экономики, довольно политики, Малкольм. Далее, мисс Ришо?

Струан почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— А теперь, чёрт побери, послушайте и запомните раз и навсегда: что бы ни говорила мать, я уже достаточно взрослый, чтобы разобраться в своих чувствах, и могу делать что хочу! Ясно?

Хоуг ответил ему добросердечной улыбкой.

— Я твой врач, Малкольм, а не твоя мать. Я также и твой друг. Подводил ли я тебя когда-нибудь или любого другого из вашей семьи?

С видимым усилием Струан запихнул свой гнев поглубже, но не смог унять бешено колотящегося сердца.

— Простите, простите, но я... — Он беспомощно пожал плечами. — Извините.

— Это лишнее. Я не пытаюсь вмешиваться в твою личную жизнь. Твое здоровье зависит сейчас от многих факторов. Мне представляется, что она — один из главных. Отсюда мой вопрос. Я задал его по причинам лечебным, а не семейным. Итак, мисс Анжелика Ришо?

Струан хотел, чтобы голос его звучал спокойно и веско, но не справился со своим отчаянием и выпалил:

— Я хочу жениться на ней, и меня сводит с ума то, что я лежу здесь, как... лежу здесь беспомощный. Ради Создателя, ведь я не могу пока даже встать с кровати, не могу мочиться и... вообще ни черта не могу, ни есть, ни пить — что бы я ни делал, внутренности режет, как ножом. Я схожу с ума, и, сколько ни стараюсь, мне кажется, я не поправляюсь ни на йоту... — Он продолжал бушевать, пока не ослабел. Хоуг просто молча

слушал его. Наконец Струан замолчал. Потом пробормотал ещё одно извинение.

— Можно тебя осмотреть?

— Да... да, конечно.

С огромной осторожностью Хоуг обследовал его, приложил ухо к груди и послушал сердце, заглянул в рот, взял пульс, пристально рассмотрел рану и понюхал её. Его пальцы нажимали на стенки живота, нащупывая внутренние органы, определяя серьезность повреждений:

— Вот так больно... А так... Вот здесь болит меньше? — Каждое, даже самое легкое, нажатие исторгало из Малкольма стон. Наконец Хоуг выпрямился.

Струан первым нарушил молчание.

— Ну?

— Беккотт просто замечательно справился с тем, что к настоящему времени уже прикончило бы нормального человека. — Слова Хоуга были взвешены и полны уверенности. — А сейчас мы попробуем провести один эксперимент. — Он мягко взял ноги Струана и помог ему сесть на краю кровати. Потом, обняв Малкольма рукой за плечи и с неожиданной силой приняв на себя большую часть его веса, он помог ему встать. — Осторожно!

Струан не мог пока стоять выпрямившись без посторонней помощи, но он получил впечатление того, что стоит, и это ободрило его. Через секунду-другую Хоуг бережно уложил его назад в постель. Сердце юноши тяжело стучало от боли, но он испытывал огромное удовлетворение.

— Спасибо.

Доктор грузно сел в кресло и тоже некоторое время приходил в себя, восстанавливая силы. Потом сказал:

— Сейчас я оставлю тебя, мне нужно распаковать вещи. Я бы хотел, чтобы ты отдохнул. После того как я повидаюсь с Беккоттом, я вернусь. Вероятнее всего, мы вернемся вместе. Тогда и поговорим. Хорошо?

— Да. И... спасибо, Рональд.

Вместо ответа Хоуг просто похлопал его по руке, взял свой чемоданчик и шляпу и вышел.

Когда Струан остался один, слезы побежали по его щекам, и с этими счастливыми слезами он уснул. Проснувшись, он почувствовал себя отдохнувшим, впервые посвежевшим и некоторое время лежал неподвижно, ликуя при мысли, что сумел встать с кровати — пусть с чьей-то помощью, но все же он стоял на ногах, а это уже неплохое начало — и что теперь, теперь у него есть настоящий союзник.

С кровати, где он лежал, слегка повернувшись на левый бок, ему было видно в окно море. Море он одновременно и любил и ненавидел, и никогда не чувствовал себя там спокойно, страшаясь его, потому что оно было своенравно и непредсказуемо, как в тот солнечный день, когда близнецы с боцманом на веслах отошли от берега на какую-то сотню ярдов и вдруг поднялась волна, перевернула лодку, они попали в течение, и оно увлекло их на дно, а ведь все трое умели плавать, близнецы вообще чувствовали себя как рыбы в воде, но оба погибли, выплыл только моряк. Шок, который они тогда испытали, опустошил его душу и едва не убил его отца. Его мать впала в ходячую кому, как это всегда бывало с ней в несчастье, повторяя беспрестанно: «на все воля Божья. Мы должны жить дальше».

Горизонт манил к себе. Вскоре я должен буду вернуться в Гонконг, чтобы встать во главе компании. Через неделю или чуть больше. Спешить некуда. Времени довольно.

Который теперь час?

Поворачиваться и смотреть на часы было не нужно, высота солнца подсказывала ему, что сейчас примерно полдень, и он подумал, что обычно заказывал в это время славный кровавый ростбиф с густым соусом и поджаренной картошкой, и йоркширский пудинг, чашку или две нарезанного кубиками запеченного цыпленка с жареным рисом и овощами и другие китайские блюда, которые готовила А Ток и которые он ел с большим удовольствием — сколько бы его мать, братья, и сестры ни говорили, что они безвкусны, совершенно непитательны, наверняка отравлены и годятся только для язычников...

Негромкий звук. Анжелика, свернувшись калачиком, сидела в огромном кресле, в нем она казалась совсем маленькой. Все её лицо было залито слезами, никогда ещё он не видел её такой несчастной.

— Господи, что случилось?

— Я... я погибла. — Слезы опять покатались по щекам.

— Ради бога, объясни, о чем ты говоришь!

— Это... оно пришло с сегодняшней почтой. — Она встала и протянула ему письмо, попробовала сказать что-то, но не смогла. Он вытянул руку, чтобы взять его, и так резко повернулся при этом, что едва удержался от стога.

Бумага была зеленого цвета, как и конверт, в правом углу стояло: «Гонконг, 23 сентября». Письмо на именном бланке Ги Ришо, главы компании «Братья Ришо», было написано по-французски; Струан на этом языке читал вполне сносно:

Дорогая Анжелика. Пишу в спешке. Сделка, о которой я писал тебе, окончилась не слишком удачно, мои португальские партнеры в Макао обманули меня, поэтому я понес большие убытки. Весь мой нынешний капитал исчез, и ты можешь услышать лживые слухи, распространяемые моими ненавистниками, что я не в состоянии найти новый кредит и поэтому, мол, компанию собираются пустить с молотка. Не верь им, наше будущее прекрасно, можешь не беспокоиться, я полностью контролирую ситуацию. Это письмо отправится с завтрашним пакетботом. Я взял билет на американский пароход «Либерти», который отправляется сегодня в Бангкок, где мне обещали предоставить кредит некие французские источники. Я напишу тебе оттуда, а пока остаюсь твоим преданным отцом.

P. S. К этому времени до тебя уже, наверное, дошла печальная, хотя и не ставшая неожиданностью, весть о кончине Кулума Струана. Мы только что получили известие о гнусном нападении японцев на Малкольма. От души надеюсь, что юноша ранен не слишком серьезно. Пожалуйста, пожелай ему от моего имени благополучия и передай, что я надеюсь на его скорейшее выздоровление.

В голове Струана царило смятение.

— Так почему же ты погибла?

— Он... он забрал все мои деньги, — проговорила она сквозь слезы, — украл все мои деньги и потерял их тоже, он вор, и теперь, теперь у меня нет ничего в целом мире. Он украл все, что у меня было, о, Малкольм, что мне делать?

— Анжелика, Анжелика, послушай! — Она выглядела так сиротливо, так мелодраматично, что он едва не рассмеялся. — Ради всего святого, послушай, это не беда. Я могу дать тебе столько денег, сколько пона...

— Я не могу принимать деньги от тебя, — воскликнула она сквозь слезы. — Это против приличий!

— Почему, собственно? Ведь мы скоро поженимся, разве нет?

Рыдания прекратились.

— Мы... мы поженимся?

— Да. Мы... мы сегодня же объявим о помолвке.

— Но отец, он... — Она по-детски шмыгнула носом, вытирая слезы. — Я говорила с Андре, он уверен, что никакой сделки ни в Макао, ни в каком-то другом месте не было и в помине. Похоже, отец часто играл

и, должно быть, просто проиграл все эти деньги. Он даже давал обещание, обещал Анри, Анри Сератару, что бросит играть и оплатит все свои счета... Все это знали, кроме меня, о, Малкольм, я даже не подозревала об этом, я чувствую себя так ужасно, что, наверное, умру, отец украл мои деньги, а ведь он клялся, что у него мои деньги будут в целости и сохранности! — Она снова зарыдала, подбежала к нему и упала на колени рядом с кроватью, зарывшись лицом в покрывало. Он нежно провел рукой по её волосам, чувствуя себя очень сильным и уверенным. Дверь открылась, и в комнату вплыла А Ток.

— Убирайся, — заревел он. — Дью не ло мо! — Та бросилась вон.

По-настоящему напуганная, Анжелика сильнее вжалась в покрывало. Она ещё ни разу не видела его в гневе. Он продолжал гладить её волосы.

— Не волнуйся, дорогая, не переживай за отца, потом я подумаю, чем мы сможем помочь ему, а сейчас ты не должна расстраиваться, я забочусь о тебе. — Его голос звучал так нежно. Всхлипывания стали тише, огромная тяжесть упала с её плеч: она открыла ему правду и рассказала об отце прежде, чем это сделали другие, — а он как будто совсем не расстроился.

Андре — гений, подумала она, слабея от облегчения. Он поклялся, что именно такой и будет реакция Малкольма: «Просто будьте откровенны с ним, Анжелика, расскажите Малкольму всю правду, что вы не знали, что ваш отец игрок, что сегодня вы впервые услышали об этом и это потрясло вас так, что не высказать словами, что ваш отец украл все ваши деньги — очень важно, чтобы вы употребили слова „украл“ и „вор“ — расскажите ему правду, покажите письмо и при достаточном количестве слез и нежности это привяжет его к вам навеки».

— Но, Андре, — возразила она с несчастным видом, — я не осмелюсь показать ему письмо отца. Просто не осмелюсь, он пишет в постскриптуме такие ужасные вещи...

— Смотрите! Без второй страницы постскриптум кончается словами: я надеюсь на его скорейшее выздоровление. Лучше и быть не может! Вторая страница? Какая вторая страница? Смотрите, она разорвана и никогда не существовала.

Гибкие пальцы Андре подклеили последний клочок восстановленной второй страницы на место.

— Ну вот, Анри, — сказал он и через стол подтолкнул лист к нему. — Читайте и судите сами.

Ему не составило никакого труда вновь собрать страницу из обрывков, которые он небрежно швырнул на её глазах в корзину для мусора.

Они находились в кабинете Сератара, дверь была заперта. Страница

гласила:

...и я также надеюсь — помнишь, мы говорили об этом? — что ты сумеешь в самом скором времени добиться помолвки и брака любыми средствами, какие будут необходимы... Он самый завидный жених и жизненно важен для нашего будущего, особенно твоего. Струан раз и навсегда решит все проблемы «Братьев Ришо». Ничего, что он британец, слишком молод или ещё там что-нибудь, теперь он тайпэн компании Струана и сможет обеспечить нам безбедное будущее. Будь взрослой, Анжелика, сделай все необходимое, чтобы привязать его к себе, потому что твое будущее сейчас протерлось до ниток.

— Мне не по душе шантаж.

Андре вспыхнул.

— Мне не по душе многие из тех методов, к которым мне приходится прибегать для достижения наших, я повторяю, наших целей. — Он положил страницу, исписанную ровным, красивым почерком, в свой карман. — Пущенный по рукам в свете или опубликованный со всеми деталями, этот документ уничтожит Анжелику. В суде он будет равносителен приговору. Возможно, он лишь доказывает правду: что она искательница приключений, вступившая в заговор со своим отцом, который в лучшем случае может считаться беспутным игроком и скоро будет объявлен банкротом, как и её дядя. Что же касается подталкивания её куда-то, так я говорю ей лишь то, что она сама хочет знать и повторять. Чтобы помочь ей. Это ведь она оказалась в трудном положении, не я и не вы. Сератар вздохнул.

— Печально. Печально, что она так запуталась.

— Да. Однако она запуталась, не так ли, и это нам на руку? — Губы Андре улыбнулись, но не глаза. — И на руку лично вам, мсье? При разумном подходе это гарантировало бы вам её полную покорность и покладистость, не так ли, если бы ваше бесспорное очарование подвело вас, в чем я сомневаюсь.

Сератар не улыбнулся.

— А вы, Андре? Что вы собираетесь делать по поводу Ханы, вашего Цветка?

Андре резко вскинул на него глаза.

— Цветок умер.

— Да. И при таких странных обстоятельствах.

— Ничего странного, — сказал Андре, и глаза его вдруг стали холодными и неподвижными, как у рептилии. — Она покончила с собой.

— Её нашли с перерезанным горлом, перерезанным вашим ножом. Мама-сан говорит, вы провели с ней ночь, как обычно.

Андре пытался понять, почему вдруг Сератар стал так настойчив в своих расспросах.

— Это так, но вас это не касается.

— Боюсь, что касается. Вчера местный чиновник бакуфу прислал официальный запрос на информацию по этому делу.

— Скажите ему, пусть пойдет и совершит сеппуку. Хана, Цветок, была особенной, да, она принадлежала мне, да. Я заплатил самую высокую цену, чтобы спать с ней, но она по-прежнему оставалась лишь частью Ивового Мира.

— Как вы столь справедливо заметили, люди созданы из лжи и полуправд. В жалобе говорится, что у вас с ней вышла жестокая ссора. Потому что она взяла себе любовника.

— У нас была ссора, да, я хотел убить её, да, но не по этой причине, — пробормотал Андре, задыхаясь. — Правда... правда заключается в том, что у неё действительно были клиенты. Трое... в другом доме, но это было... это было до того, как она стала моей собственностью. Один из них... один из них заразил её дурной болезнью, она передала её мне.

— Mon Dieu, сифилис? — вымолвил Сератар, цепenea от ужаса.

— Да.

— Mon Dieu, вы уверены?

— Да. — Андре встал, подошел к буфету, налил себе коньяка и выпил. — Бебкотт подтвердил это месяц назад. Диагноз точен. Это могла быть только она. Когда я спросил её об этом...

Она снова возникла у него перед глазами: они были в их маленьком домике в саду дома Трех Карпов, Хана смотрела на него снизу вверх, на безукоризненном овале её лица застыло слегка встревоженное выражение. Ей было всего семнадцать лет, и ростом она не превышала пяти футов.

— Хай, гомэн насай, Фурансу-сан, пятно как васа, но год назад, мой пятно сукози, мар'инький, хай, мар'инький, Фурансу-сан, сукози, нет прахой, уходить совсем, — тихо прошептала она с нежной улыбкой на обычной своей смеси японского и кусочков английского, неизменно выговаривая «р» вместо «л». — Хана говорит мама-сан. Мама-сан говорит доктор смотреть, он говорит нет прахой. Нет прахой пятно но патаму сто тор'ика начинать подуски спать и я мар'инький. Доктор говорить моритвы в храм и рикар'ство пить, брр! Тор'ка немножко недери потом все уходить

совсем. — Она радостно добавила: — Все уходить совсем.

— Это никуда не «ушло совсем»!

— Почему сердца? Нет проха думать. Я моритвы в храм Синто как доктор говорить, много тэйров давать монах, я кэсать... — её лицо весело сморщилось, — кусать бяка рикар'ство. Немнозка недери потом все проходить.

— Это не прошло. И не пройдет. Лекарства нет!

Она странно посмотрела на него.

— Все проходить, ты смотреть меня, мой без одезды, весь, скор'ка раз, нех? Конечно, все уходить совсем.

— Ради Христа, да не прошло это!

Она опять на секунду нахмурилась, потом пожала плечами.

— Карма, нех?

Он взорвался. Это потрясло её, она тут же уткнулась головой в татами и принялась жалобно просить у него прощения:

— Нет прахой, Фурансу-сан, все уходить, доктор говорить, все уходить. Васа видеть этот доктор скоро мозна, все уходить...

Снаружи, за стенами-сёдзи он слышал шепот и чьи-то шаги.

— Ты должна показаться английскому доктору! — Сердце, как молот, стучало в ушах. Он старался говорить внятно, понимая, что идти к врачу, любому врачу, бесполезно и что хотя иногда проявления болезни удавалось остановить, иногда удавалось, так же неотвратимо, как завтрашний рассвет, болезнь рано или поздно брала своё. — Ты что, не понимаешь? — пронзительно закричал он. — Лекарства нет!

Она лишь замерла, не отрывая лба от татами, дрожа, как покалеченный щенок, и повторяя монотонно:

— Нет проха, Фурансу-сан, нет проха, все уходить...

Сделав над собой усилие, он вернулся к действительности и вновь посмотрел на Сератара.

— Когда я расспросил её об этом, она сказала, что её вылечили год назад. Она поверила, конечно же, она поверила и считала, что излечилась. Я, о да, я кричал на неё, спрашивал, почему она не сказала ничего Райко-сан, а она пробормотала что-то вроде, чего было рассказывать, доктор сказал, что все прошло, и её мама-сан сама сказала бы Райко-сан, если бы это было важно.

— Но это же ужасно, Андре. Бебкотт осмотрел её?

— Нет. — Ещё глоток коньяка, но он не ощутил его привычной крепости, потом заговорил торопливо, спеша наконец излить душу кому-нибудь: — Бебкотт сказал мне, что болезнь... он сказал, что на ранней

стадии заразившаяся женщина может оказаться без всяких признаков совершенно, что она не всегда будет передавать тебе болезнь, не всякий раз, когда ты с нею спишь, один Господь знает, почему это так; но рано или поздно это неизбежно произойдет, если продолжать жить с ней, и как только появляется язва, тебе конец, хотя через месяц или около того язва, их может быть и несколько, пропадает и тебе кажется, что ты выздоровел, но ты не выздоравливаешь! — Вена, прочерчивавшая лоб Андре посередине, вздулась, пульсируя, и почернела. — Недели или месяцы спустя появляется сыпь, это вторая стадия. Она проявляется сильно или слабо, в зависимости бог знает от чего, и иногда вызывает гепатит или менингит, иногда остается, иногда проходит, сыпь, а почему, никто, кроме Христа, тебе не ответит. Последняя стадия, самая ужасная, наступает когда захочет, в любой момент, от нескольких месяцев до... до тридцати лет после заражения.

Сератар достал платок и промокнул лоб, молясь про себя, чтобы его миновал этот кошмар, думая о своих частых визитах в Ёсивару, о своей собственной мусуме, которую он теперь держал для себя одного, но никак не мог гарантировать, что никого больше у неё не было. Как можно доказать или опровергнуть это, если у неё существует тайная договоренность с мамой-сан, ведь их интересует только то, как содрать с тебя побольше?

— Ты имел полное право убить её, — угрюмо произнес он. — И маму-сан.

— Райко тут не виновата. Я сказал ей, что ни одна из девушек здесь, во всей Ёсиваре, мне не подходит. Мне была нужна юная, не похожая на других, девственница или почти девственница. Я умолял её найти мне цветок, объяснив в точности, что мне было нужно, и она исполнила мою просьбу: Хана-тян была всем, чего я только мог желать, — самым совершенством; она пришла из одного из самых дорогих домов в Эдо. Ты даже представить себе не можешь, как она прекрасна, была прекрасна...

Он вспомнил, как подпрыгнуло его сердце, когда Райко в первый раз показала ему Хану, весело болтавшую с другими девушками в соседней комнате.

— Вон та, Райко, в бледно-голубом кимоно.

— Я советую выбрать Фудзико, или Акико, или одну из других моих дам, — сказала Райко. Когда ей было нужно, она хорошо говорила по-английски. — Со временем я найду вам ещё кого-нибудь. Есть маленькая Сайко. Через год или два...

— Вон та, Райко. Она совершенна. Кто она?

— Её зовут Хана, Цветок. Её мама-сан говорит, что маленькая красавица родилась недалеко от Киото, её дом купил её, когда ей было три или четыре года, чтобы обучить её как гейшу. — Райко улыбнулась. — По счастью, она не гейша — если бы гейша, её бы вам не предложили, прошу прощения.

— Потому что я гайдзин?

— Потому что гейши служат для развлечения, а не для забавы на подушках, и, Фурансу-сан, прошу прощения, их по-настоящему трудно оценить, если не быть японцем. Учителя Ханы были терпеливы, но она не смогла развить необходимые умения, поэтому её обучили для жизни на подушках.

— Я хочу её, Райко.

— Год назад она стала достаточно взрослой, чтобы начать. Её мама-сан устанавливала наилучшие цены — разумеется, только после того, как Хана соглашалась взять данного клиента. Только три клиента наслаждались ею. Её мама-сан говорит, что она очень способная ученица, она разрешала ей опрокидываться на подушки только дважды в неделю. Одно лишь говорит против неё: она родилась в год Огненной Лошади.

— Что это означает?

— Вы знаете, мы измеряем время циклами по двенадцать лет, как и китайцы, каждый год носит имя какого-нибудь животного, Дракона, Змеи, Петуха, Быка, Лошади и так далее. Но каждый относится также к одной из пяти стихий: огню, воде, земле, железу и дереву, которые меняются цикл за циклом. Считается, что девушки, рожденные в Год Лошади и со знаком огня бывают... несчастливymi.

— Я не верю в предрассудки. Пожалуйста, говорите цену.

— Она Цветок наслаждения, не имеющий цены.

— Цена, Райко.

— Для того, другого дома, десять коку, Фурансу-сан. Для этого дома, два коку в год, а также стоимость её собственного дома внутри моей ограды, оплата двух прислужниц и любых нарядов, какие она пожелает, и прощальный дар в пять коку, когда вам больше не понадобятся её услуги — вся сумма должна быть положена на счет у нашего банкира-торговца рисом в Гъёкояме, под процент, который, до времени, когда вы расстанетесь, будет вашим — все это должно быть на бумаге, подписано и зарегистрировано у бакуфу.

По японским меркам сумма была просто огромна, на взгляд европейца — граничила с расточительством, даже с учетом крайне благоприятного курса обмена валют. Целую неделю он торговался, но сумел снизить цену

лишь на несколько су. Каждую ночь сны о ней не давали ему покоя. Поэтому он согласился. Семь месяцев назад с соблюдением всех необходимых церемоний её официально представили ему. Она официально согласилась принять его. Они оба поставили свои подписи под контрактом. Следующую ночь он провел с ней, и она оказалась всем, о чем он мечтал, что видел во сне. Смеющейся, веселой, не знающей усталости, нежной, любящей.

— Она была подарена мне Богом, Анри.

— Дьяволом. Как и мама-сан.

— Нет, это не её вина. За день перед тем, как я получил Хану, Райко сказала мне, официально — я как раз оформлял выплату денег, — что прошлое — это прошлое, она обещала лелеять Хану лишь как одну из своих девушек и следить за тем, чтобы Хану никогда не посещали другие мужчины и она оставалась только моей, начиная с того дня.

— Значит, это она убила её?

Андре налил себе ещё коньяку.

— Я... я попросил Хану назвать мне тех трех мужчин, ведь один из них мой убийца, но она сказала, что не знает их имен, а может, просто не захотела говорить. Я... я ударил её по лицу, чтобы силой заставить её, но она лишь всхлипнула, даже не закричала. Я был готов убить её, да, но я любил её и... тогда я ушел. Я был как бешеный пес, брел, ничего не соображая и ничего не видя перед собой, времени, наверное, было часа три или четыре ночи. Я забрел прямо в море. Может быть, я хотел утопиться, не знаю, точно не помню, но холодная вода отрезвила меня. Когда я вернулся в дом Трех Карпов, Райко и все остальные были в шоке, я ничего от них не добился. Хана лежала там, где я её оставил. Только теперь она плавала в луже крови, в горле торчал мой нож.

— Значит, это было самоубийство?

— Так мне сказала Райко.

— Ты в это не веришь?

— Я не знаю, во что мне верить, — с болью в голосе произнес Андре. — Я знаю только, что вернулся туда, чтобы сказать ей, что я люблю её, что болезнь — это карма, и она не виновата, не виновата, что я очень сожалею о том, что сказал то, что сказал, и сделал то, что сделал, и что все у нас будет как прежде, кроме того, что... кроме того, что когда это станет... станет заметно, мы вместе покончим с собой...

Анри пытался сосредоточиться — после услышанного его собственный разум тоже отказывался служить ему. Он никогда даже не слышал о доме Трех Карпов до того, как новость о смерти девушки

облетела Поселение. Андре всегда так скрытен, подумал он, соглашаясь, впрочем, что это разумно, и он прав, меня это действительно никак не касалось, пока бакуфу не начали официальное расследование.

— Те три человека, эта твоя Райко знала, кто они и откуда?

Андре тупо покачал головой.

— Нет, а другая мама-сан отказалась назвать ей имена.

— Кто она? Как её зовут? Где она сейчас? Мы сообщим о ней бакуфу, они могли бы заставить её рассказать обо всем.

— Они не стали бы этим заниматься, с какой стати? Тот, другой дом — он оказался тайным местом встреч бунтовщиков, гостиница Сорока Семи Ронинов; примерно с неделю назад его сожгли дотла, а голову мамы-сан выставили на пике. Пресвятая Богородица, Анри, что же мне теперь делать? Хана мертва, а я жив...

Вскоре после полудня доктор Хоуг уже сидел в катере, который держал курс на пристань британской дипломатической миссии в Канагаве. Бебкотт прислал записку, что не может покинуть Канагаву, потому что делает операцию в своей тамошней клинике, пообещав вернуться сразу же, как только освободится: «...извините, вряд ли это у меня получится раньше позднего вечера, вероятнее же всего, мне придется остаться здесь до завтрашнего утра. Я буду более чем рад, если вы пожелаете присоединиться ко мне, только будьте готовы остаться на ночь, потому что погода на море меняется быстро...»

На пристани их ждали гренадер и Лим в белом халате, просторных черных штанах, мягких тапочках и маленькой шапочке на макушке. Когда Хоуг выбрался из катера, Лим, зевнув, обозначил телом приветственный поклон.

— Хэйа, масса, Лим-ма, Номер Один Бой.

— Мы можем оставить «пиджин» для кули, Лим, — ответил Хоуг на сносном кантонском наречии, и глаза Лима тут же сползли к переносице. — Я — Мудрый Целитель Врач Ученый. — Таково было китайское имя Хоуга — значение двух иероглифов, ближайших по звучанию к кантонским слогам «хо» и «ге», — выбранное для него из целой дюжины других вариантов Гордоном Ченом, компрадором компании Струана, одним из его пациентов.

Лим тупо уставился на него, притворяясь, что ничего не понял, обычный и самый быстрый способ заставить потерять лицо чужеземного дьявола, который осмелился выучить несколько слов на языке цивилизованных людей. «Ай-йа, — подумал китаец, кто он, этот смердящий блудодей, этот гноепакостный краснорожий дьявол с бычьей выей, пожирающий матерей, эта жабообразная мартышка, которая набралась наглости говорить на нашем языке с видом столь гнусного превосходства...»

— Ай-йа, — сладко проговорил Хоуг, — я также знаю много, очень много грязных слов, чтобы подробно описать мать какого-нибудь мерзкого сосуда похоти и все её гноеточивые части, если этот крестьянин родом из утопающей в навозе и собачьей моче деревни даст мне к тому повод столь же невесомый, как моргнувшее веко, например, притворится, что не понимает меня.

— Мудрый Целитель Врач Ученый? Ай-йа, какое хорошее имя! — Лим коротко хохотнул. — И никогда за много лет не слышал я, чтобы чужеземный дьявол так хорошо говорил на языке мужчин.

— Хорошо. Ты скоро услышишь ещё больше, если меня снова назовут чужеземным дьяволом. «Благородного Дома» Чен выбрал мне имя.

— «Благородного Дома» Чен? — У Лима отвисла челюсть. — Достоправный Чен, у которого мешков с золотом больше, чем волос на шкуре быка? Ай-йа, какая дьявольская привилегия!

— Да, — согласился Хоуг, добавив не вполне правдиво: — И он также сказал мне, что, если вместо немедленного исполнения всех желаний, на какое вправе рассчитывать его друг, у меня возникнут хоть какие-нибудь отдающие дерьмом проблемы с любым из жителей Срединного Царства — будь он высок званием или низок, — мне достаточно лишь упомянуть при нем по возвращении имя этого мерзкого скотоложца.

— О-ко, Мудрый Целитель Врач Ученый, для нас действительно большая честь принимать вас в нашей бедной, пропахшей навозом лачуге.

Доктор Хоуг почувствовал, что достиг в глазах китайца необходимой степени величия, благословляя про себя своих наставников, главным образом благодарных пациентов, которые научили его по-настоящему важным словам и подсказали, как ему следует держаться в Срединном Царстве с определенными людьми и в определенных ситуациях. День был теплым и приятным, и вид небольшого городка понравился ему: храмы, виднеющиеся поверх невысоких крыш; рыбаки, закидывающие сети в заливе, квадраты рисовых полей, утыканые фигурками крестьян, спешащие во все стороны люди и нескончаемый поток путников на Токайдо вдалеке. К тому времени, когда они с притворно подобострастной помощью Лима достигли ворот миссии, Хоуг уже достаточно хорошо представлял, какова общая ситуация в Канагаве, сколько сегодня больных у Бебкотта и чего ему следует ожидать.

Джордж Бебкотт находился у себя в операционной, ему ассистировал японец, его последователь и ученик, приставленный к нему бакуфу для изучения западной медицины. Приемную снаружи заполняли жители Канагавы, мужчины, женщины и дети. Операция была неопрятной, больному ампутировали стопу.

— Славно видеть вас вновь, Джордж, могу я вам чем-нибудь помочь?

— Спасибо, я с благодарностью принял бы вашу помощь. Здесь у меня все в порядке, но вот если бы вы смогли просеять толпу снаружи?

По прошествии часа Хоуг уже с головой ушел в любимую работу. Он как раз только что закончил обкладывать лубками сломанную руку, когда

дверь открылась и хорошо одетая девушка с миловидным лицом, поколебавшись секунду на пороге, вошла и поклонилась. Кимоно из голубого узорчатого шелка, оби зеленого цвета, большие гребни в уложенных волосах. Голубой зонтик от солнца.

Хоуг заметил, как вдруг сузились глаза Чень Сина. Девушка ответила на вопросы китайца, потом заговорила тихим голосом, очень стараясь убедить его в чем-то, хотя и явно нервничая при этом.

— Мудрый Целитель Врач Ученый, — начал Чень Син. Его речь постоянно прерывал сухой кашель, в котором Хоуг сразу же признал неизлечимую чахотку. — Эта госпожа говорит, что её брату нужна важная помощь, почти мертвый. Она сильно умоляет вас пойти с ней — дом здесь рядом.

— Скажи ей, пусть его принесут сюда.

— К сожалению, боится его двигать.

— Что с ним случилось?

После новых вопросов и ответов, которые показались Хоугу больше похожими на торговлю, чем на что-то ещё, Чень Син перевел:

— Её брат самурай, она говорит, много важные люди очень счастливые, если вы помогать брату. Я думаю, говорит правду.

Из гонконгских газет Хоуг знал о значении самураев как абсолютного правящего класса в Японии и о том, что любые меры, которые помогут завоевать их доверие и, следовательно, обеспечат их поддержку, способствуют укреплению британского влияния. Он внимательно посмотрел на девушку. Она тут же опустила глаза. Её нервозность стала заметнее. На вид ей было лет пятнадцать-шестнадцать, и чертами лица она заметно отличалась от простых крестьян. Красивая нежная кожа. Если её брат самурай, значит, и она тоже самурай, подумал он, заинтригованный.

— Как её имя?

— Юки Итикава. Пожалуйста, торопиться.

— Её брат важный самурай?

— Да, — ответил Чень Син. — Я буду провожать вас, не нужно бояться.

Хоуг громко фыркнул.

— Бояться? Мне? Чума на ваш страх! Подожди здесь. — Он прошагал к операционной и тихо открыл дверь. Бебкотт был очень занят, он удалял зуб мальчику с раздувшейся щекой, уперевшись коленом ему в грудь, убитая горем мать ломала руки и что-то лопотала рядом. Хоуг решил его не беспокоить.

У ворот сержант охраны вежливо остановил его и осведомился, куда

он направляется.

— Я пошлю с вами пару своих ребят. Лучше перестараться, чем потом горевать.

Девушка постаралась отговорить их от того, чтобы брать с собой солдат, но сержант был непреклонен. В конце концов она согласилась и, нервничая ещё больше, повела их вдоль улицы, потом свернула в один переулок, затем другой, третий. Жители деревни, которые попадались им по дороге, отводили глаза и торопливо уходили в сторону. Хоуг нес в руке свой докторский саквояж. Поверх крыш он все ещё мог видеть храм, в котором размещалась миссия, это успокаивало его, и он был рад, что его сопровождали солдаты, понимая, что идти без них было бы опрометчиво. Чень Син шел рядом, помогая себе длинным посохом.

В этой юной леди кроется больше, чем она хочет показать, подумал он, сильно взволнованный этим своим приключением.

Ещё одна узкая улочка. Она остановилась у двери в высокой ограде и постучала. Сначала открылось зарешеченное окошко, потом сама дверь. Увидев солдат, здоровый слуга толкнул было дверь назад, но она повелительным тоном приказала ему впустить их.

Сад за оградой был маленький, ухоженный, но не сказать чтобы роскошный. У ступеней, которые вели на веранду небольшого домика с панелями содзи, девушка разулась, сняв деревянные сандалии, и попросила их сделать то же самое. Хоуг неуклюже нагнулся и стал натужно стаскивать с себя высокие сапоги. Она тут же приказала слуге помочь ему, и тот мгновенно подчинился.

— Вам обоим лучше подождать здесь, — сказал Хоуг солдатам, стесняясь дырок на носках.

— Есть, сэр. — Один из провожатых проверил ружье. — Пойду только взгляну, что там у них сзади. Ежели что, кричите.

Девушка отодвинула в сторону панель-сёдзи. На футонах лежал Ори Риёма, сиси, участвовавший в нападении на Токайдо, простыня под ним намокла от пота, прислужница обмахивала его веером. Её глаза широко раскрылись, когда она увидела Хоуга, а не досточтимого Врачующего Великана-Целителя, как ожидала, и она немного отшатнулась, когда англичанин тяжело вступил в комнату.

Ори был без сознания, в коме — его мечи лежали на низкой подставке рядом, в такую же стояли свежие цветы. Доктор Хоуг присел перед ним на корточки. Лоб юноши был очень горячим, лицо пылало, жар достиг опасной черты. Причина стала ясна Хоугу сразу же, как только он снял повязку, покрывавшую плечо и верхнюю часть руки.

— Господи Иисусе, — пробормотал он, уловив носом пресловутый запах и увидев размеры вздувшейся от гноя багровой припухлости и черный цвет отмерших тканей — гангрена вокруг пулевого ранения.

— Когда его подстрелили?

— Она не знает точно. Три или четыре недели.

Он ещё раз посмотрел на рану. Потом, не обращая внимания на устремленные на него со всех сторон взгляды, вышел, сел на краю веранды и устался в пространство.

Все, что мне сейчас нужно, это мой прекрасный гонконгский госпиталь с его прекрасно оборудованными операционными, мои чудесные сестры, усвоившие школу Найтингейл, и бочонок везения впридачу, и я мог бы спасти этого несчастного юношу. Проклятые ружья, проклятые войны, проклятые политики...

Господи святой, я пытался лечить огнестрельные ранения всю свою жизнь врача, терпя поражение в большинстве случаев, — шесть лет с Ост-Индской компанией в кровавом Бенгале, пятнадцать лет в Колонии, годы «опиумной войны», год добровольцем в Крыму, самый кровавый из всех, в составе гонконгского госпитального отряда. Будь прокляты ружья! Господи, и кто их только выдумал!

Выпустив гнев наружу вместе с руганью, он, попыхивая, раскурил сигару и выбросил спичку. В тот же миг шокированный слуга бросился вперед и подобрал этот оскорбляющий глаз предмет.

— О, прощу прощения, — извинился Хоуг, не замечавший до сих пор безупречной чистоты дорожки и всего сада. Он глубоко затянулся, потом прогнал из головы все, кроме раненого юноши. Наконец он принял решение, поднял руку, готовясь отшвырнуть окурок, остановился и передал его слуге, который пошел его зарывать.

— Чень Син, скажи ей, мне очень жаль, но, буду я оперировать или нет, я думаю, её брат умрет. Мне очень жаль.

— Она говорит: «Если умирать — карма. Если нет помощь, он умирать сегодня, завтра. Пожалуйста, попробоваться. Если он умирать, карма. Она просит помощь». — Чень Син тихо добавил: — Мудрый Целитель Врач Ученый, этот юноша важный. Важный попробовать, хейа?

Хоуг посмотрел на девушку. Её глаза не мигая смотрели на него.

— Додзо, Хо Ге-сама, — произнесла она.

— Очень хорошо, Юки. Чень Син, скажи ей ещё раз, я ничего не обещаю, но я попробую. Мне понадобится много мыла, много горячей воды в чашах, много чистых простыней, много простыней, разорванных на бинты и тампоны, полная тишина и кто-нибудь с крепким желудком в

качестве помощника.

Девушка тотчас же указала на себя.

— Сёдзи симасу. — Я сделаю это.

Хоуг нахмурился.

— Скажи ей, это будет очень неприятно, много крови, много вони, жуткая картина. — Он наблюдал, как она внимательно выслушала китайца, потом ответила с явной гордостью:

— Гомэн насай, Хо Ге-сан, вакаримасэн. Ватаси самурай дэсу.

— Она говорит: «Пожалуйста, извинить, я понимаю. Я самурай».

— Я не знаю, что это значит для вас, милая юная леди, и я никогда не думал, что женщины могут быть самураями, но давайте приступим.

Хоуг быстро понял, что одним из главных качеств самурая являлось мужество. Ни разу она не замешкалась, пока он проводил чистку, срезая пораженные участки ткани, выпуская смердящий гной, ополаскивая рану; когда кровь, пульсируя, заструилась из задетой скальпелем вены, она промокала это место тампонами снова и снова, пока он не остановил ток и не устранил повреждение, — широкие рукава кимоно для горничной, в которое она переоделась, были закатаны и закреплены, чтобы не мешали ей, как и концы шарфа, которым она подвязала волосы, и то и другое быстро намокло от пота и перепачкалось в крови.

Целый час он работал без перерыва, мурлыча себе что-то под нос время от времени, наглухо перекрыв уши и ноздри для всего, что пыталось проникнуть к нему извне, сосредоточив все чувства на операции, которую ему приходилось повторять уже в тысячный раз, на тысячу больше, чем хотелось бы. Хоуг резал, шил, чистил, перевязывал. Наконец он закончил.

Он неторопливо потянулся, чтобы прогнать боль из затекшей спины, вымыл руки и снял с себя вымазанную в крови простыню, которая служила ему фартуком. Ори перед операцией положили на самый край веранды, а доктор встал около него с другой стороны, спустившись в сад:

— Не могу оперировать на коленях, Юки, слишком неудобно, — объяснил он девушке.

Все, что от неё требовалось во время операции, она исполняла без колебаний. Обезболивающее больному, которого Хоугу представили как Хиро Итикаву, давать не понадобилось, настолько глубока была его кома. Раз или два Ори вскрикнул, но не от боли, просто какой-то дьявол посетил его в кошмарных видениях. И раз или два он пробовал сопротивляться, но силы в нем не было.

Ори глубоко вздохнул. Доктор Хоуг встревоженно взял его за кисть. Пульс едва прощупывался, дыхание тоже было почти неуловимым.

— Ладно, — проговорил он себе под нос. — По крайней мере, пульс у него есть.

— Гомэн насай, Хо Ге-сан, — произнес мягкий голос, — аната кангаэмасу, хай, ийе?

— Она говорит: «Извините меня, досточтимый Мудрый Ученый, вы думаете да, нет?» — Чень Син закашлялся. На время операции он отошел подальше от веранды и встал к ним спиной.

Хоуг пожал плечами, глядя на неё, размышляя о ней, спрашивая себя, откуда она черпает такую силу, где она живет и что произойдет теперь. Она стала заметно бледнее, черты лица отвердели, подчиненные железной воле. Его глаза прищурились в улыбке.

— Не знаю. Он в Божьей воле. Юки, ты номер один. Самурай.

— Домо... домо аригато гозаймасита. — Она низко поклонилась, коснувшись головой татами. В действительности её звали Сумомо Анато, она была невестой Хираги и сестрой Сёрина, а не Ори.

— Она спрашивает, что ей теперь следует делать?

— Если речь о её брате, то пока ничего. Пусть скажет прислуге, чтобы ему клали холодные полотенца на лоб и смачивали повязки чистой водой, пока не спадет жар. Если... как только жар спадет — надеюсь, это случится к утру, — юноша будет жить. Возможно. — Обычно за этим всегда следовал вопрос, как велика вероятность того, что он выживет. На этот раз такого вопроса он не услышал. — Ну, я пойду. Скажи ей, пусть пришлет за мной провожатого завтра рано утром... — если он ещё будет жив, хотел он закончить, но решил промолчать.

Пока Чень Син переводил, он начал мыть инструменты. Девушка знаком подозвала к себе слугу и что-то ему сказала. «Хай», — ответил тот и поспешно удалился.

— Мудрый Целитель Врач Ученый, прежде чем вы уйдете, госпожа говорит, конечно, хотеть ванну. Да?

Доктор Хоуг уже собирался отказаться, но вместо этого поймал себя на том, что согласно кивает. И он не пожалел, что согласился.

В сумерках Бебкотт сидел на веранде миссии, с удовольствием потягивая виски. Он очень устал, но был доволен тем, как прошли операции. Бриз, тихо ласкавший сад, нес с собой приятный запах моря. Когда его глаза невольно нашли то место в кустарнике, где три недели назад был пойман и покончил с собой одетый с ног до головы в черное убийца, раздались мерные удары колокола в храме, и до него донеслось приглушенное расстоянием гортанное песнопение монахов: «Оммммани-и

падми-и хуммммм...» Он поднял глаза и увидел приближающегося к нему Хоуга.

— Боже милосердный! — вырвалось у него.

Хоуг вышагивал, облаченный в цветную, подпоясанную ремнем юкату, на ногах у него были тапочки-носки и японские деревянные сандалии. Под мышкой он сжимал большую, оплетенную соломой бутылку саке и улыбался во весь рот.

— Добрый вечер, Джордж!

— Вы выглядите очень довольным собой, где вы были?

— Больше всего мне понравилась ванна. — Хоуг поставил бутылку на буфет, плеснул себе в бокал виски. — Бог мой, в жизни не знал ничего лучше. Вы не поверите, как прекрасно я себя сейчас чувствую.

— Как она? — сухо спросил Бебкотт.

— Никакого секса, старина, меня просто выскребли начисто, засунули почти в кипящую воду, потом мяли, молотили и массировали, а потом переодели во все вот это. А мою собственную одежду тем временем постирали, отутюжили, почистили сапоги и сменили носки. Как в сказке. Она дала мне саке и вот эти... — Он порылся в рукаве и показал Бебкотту две овальные монеты и свиток, исписанный иероглифами.

— Бог мой, да вам щедро заплатили, это золотые обаны — на них вы можете пить шампанское по меньшей мере неделю! Сержант передал мне, что вас вызвали к больному на дом. — Они оба рассмеялись. — Это был какой-нибудь даймё?

— Вряд ли. Это был юноша, самурай. Не думаю, чтобы я ему очень помог. Вы можете прочесть, что здесь написано?

— Нет, но Лим может. Лим!

— Да, масса.

— Бумага что?

Лим взял свиток в руки. Его глаза расширились, потом он внимательно перечел написанное ещё раз и сказал Хоугу на кантонском:

— Здесь говорится: «Мудрый Целитель Врач Ученый оказал великую услугу. Именем всех сиси Сацумы, предоставьте ему любую помощь, о какой он попросит». — Лим показал на подпись, его палец дрожал. — Извините, господин, имя я не могу разобрать.

— Почему ты так напуган? — спросил Хоуг, тоже на кантонском.

Беспокойно поеживаясь, Лим объяснил:

— Сиси — это мятежники, бандиты, на которых охотятся бакуфу. Они плохие люди, хотя и самураи, господин.

— Что там такое, Рональд? — нетерпеливо спросил Бебкотт.

Хоуг рассказал ему.

— Бог мой, бандит? Что случилось?

Хоуг жадно плеснул себе ещё виски и начал подробно описывать женщину, юношу, рану и то, как он срезал омертвевшую ткань.

— ...похоже, беднягу подстрелили недели две-три назад, и...

— Господи всеблагой и милосердный! — Бебкотта вдруг осенило, и он вскочил на ноги. Хоуг вздрогнул от неожиданности и расплескал свой виски.

— Вы спятили? — раскипятился Хоуг.

— Вы можете показать дорогу туда?

— А? Ну... ну... да, наверное. А что...

— Пойдемте скорее. — Бебкотт бросился с веранды, крича на бегу: — Сержанта караула ко мне!

Маленький отряд спешил по узкой улочке: Хоуг впереди, все в той же юкате, но успевший переобуться в сапоги, следом Бебкотт, вместе с ним сержант и десять солдат, все при оружии. Редкие прохожие, некоторые с фонарями в руках, торопливо уступали им дорогу. В небе светила полная луна.

Они прибавили шаг. Пропустили поворот. Хоуг чертыхнулся, вернулся назад, огляделся и нашел-таки полускрытый проход на нужную им улицу. Они опять пустились бегом. Ещё один поворот. Он остановился и вытянул руку. В двадцати шагах перед ними была та самая дверь в ограде.

Сержант и солдаты тут же бросились вперед, обогнав его. Двое прислонились спиной к стене, прикрывая остальных, четверо врезались плечом в дверь, мигом сорвав её с петель, и весь отряд хлынул в ворота, Хоуг и Бебкотт за ними следом; оба врача уверенно держали в руках выданные им ружья, оба прекрасно умели с ними обращаться — общее для всех европейцев качество, без которого в Азии было не обойтись.

Вдоль по дорожке. Вверх по ступеням веранды. Сержант отодвинул сёдзи. Комната была пуста. Без колебаний он повел своих солдат в следующую, потом в следующую. Никаких признаков человеческого присутствия ни в одной из пяти сообщавшихся между собой комнат. Не найдя никого ни на кухне, ни в маленьком деревянном флигеле, они снова собрались в саду.

— Рассредоточиться, ребята. Джонс и Берк пойдут туда, вы двое — вон в ту сторону, вы двое — туда, а вы двое останетесь стеречь здесь, и, ради Создателя, всем глядеть в оба.

Солдаты парами углубились в сад, прикрывая один другого: урок,

который преподавал им первый ночной убийца, был хорошо усвоен.

Осмотрели каждую пядь. Прошли вдоль всей стены, сняв ружья с предохранителей.

Ничего. Когда сержант вернулся назад, он был покрыт потом.

— Чтоб мне задавиться, сэр! Голо, как... Ни шепотка, чёрт побери, ни шороха. Вы уверены, что это то самое место, сэр?

Хоуг показал на темное пятно на веранде.

— Вот здесь я оперировал.

Беккотт выругался и огляделся. Дом был окружен другими домами, но только крыши виднелись над оградой и ни одно окно не смотрело в эту сторону. Прятаться больше было негде.

— Должно быть, они исчезли сразу, как только вы ушли. Хоуг вытер пот со лба, втайне радуясь, что она ускользнула и не попала в ловушку. После того как его повели мыться, он, к своему глубокому сожалению, больше не видел её. Прислужница передала ему деньги и свиток — и то и другое было аккуратно упаковано, — вместе с ними бутыл, сказала, что её госпожа пришет за ним завтра утром, и поблагодарила его.

Что же касалось её брата, то тут Хоуга раздирали самые противоречивые чувства. Юноша был просто пациентом, он был врачом и хотел, чтобы сделанная им операция увенчалась успехом.

— Мне даже в голову не пришло, что этот парень мог быть одним из убийц. Правда, это ничего бы не изменило, я говорю об операции. По крайней мере, теперь мы знаем его имя.

— Ставлю тысячу обанов против гнутой пуговицы, что это не его имя. Мы даже не знаем, был ли он её братом. Если он действительно сиси, как это утверждается в свитке, можете быть уверены, что имя фальшивое; коварство и обман вообще почитаются японцами с незапамятных времен. — Беккотт вздохнул. — Я тоже не могу утверждать наверняка, что это был тот самый дьявол с Токайдо. Просто интуиция. Какие у него шансы?

— Переезд никак не пошел бы ему на пользу. — Хоуг задумался на мгновение, такой приземистый и ещё больше похожий на лягушку рядом с великаном Беккоттом, хотя ни тот ни другой не замечали этой разницы в росте. — Я взглянул на него перед самым уходом. Пульс был слабый, но ровный. Мне кажется, я удалил бóльшую часть мертвых тканей, но... — Он пожал плечами. — Я не поставил бы больших денег на то, что он выживет. Хотя, с другой стороны, кто знает, а? А теперь... теперь расскажите мне про то нападение во всех подробностях.

По дороге назад Беккотт поведал ему все, что произошло на Токайдо.

И рассказал о Малкольме Струане.

— Его состояние тревожит меня, но Анжелика, пожалуй, лучшая сиделка, какую ему можно было бы пожелать.

— Вот и Джейми сказал то же самое. Я согласен: ничто так не помогает больному, как присутствие очаровательной юной леди в его комнате. Малкольм чертовски похудел и пал духом, но он молод и всегда был самым сильным и стойким в семье, после своей матери. Если швы выдержат, с ним все должно быть в порядке. Я полностью доверяю вашему мастерству хирурга, Джордж, хотя для бедного парня это будет долгий и трудный путь. Он весьма привязан к этой девушке, не так ли?

— Да. И ему отвечают взаимностью. Счастливчик.

Некоторое время они шли молча. Хоуг нерешительно заметил:

— Я... ну, я полагаю, вам известно, что его мать решительно против того, чтобы он поддерживал отношения с этой юной леди, в любой форме.

— Да, я слышал об этом. Это станет большой проблемой.

— Так вы, стало быть, считаете, что у Малкольма серьезные намерения?

— Серьезнее некуда, он влюблен по уши. Она редкая девушка.

— Вы её знаете?

— Анжелику? Не могу этого сказать, она не обращалась ко мне как к врачу, по-настоящему не обращалась, хотя, как вам известно, когда я видел её, она была в ужасном состоянии. А вы?

Хоуг покачал головой.

— Мы встречались только на приемах, скачках — как говорится, в свете. С тех пор как она появилась месяца три-четыре назад, она была королевой на каждом балу, и с полным правом. Никогда не имел её в числе своих пациентов — теперь в Гонконге есть французский доктор, вы можете себе представить? Но я согласен с тем, что она поразительно красива. Не обязательно идеальная жена, для Малкольма, если таковы его намерения.

— Потому что она не англичанка? И не богата?

— И то, и другое, и ещё много всего. Извините, но я просто не доверяю французам, скверная порода — такими уж они рождаются. Её отец — лучшее тому подтверждение: обаятельный и галантный на поверхности, а чуть-чуть эту шелуху сдунешь — прохвост и негодяй, и чем глубже копаешь, тем больше видишь в нем мерзости. Уж простите, но я не стал бы выбирать его дочь в подруги своему сыну, когда он станет совершеннолетним.

Интересно, спросил себя Бебкотт, знает ли Хоуг, что мне известно о скандале, связанном с его именем: лет двадцать пять тому назад, когда

молодой доктор Хоуг работал на ост-индскую компанию в Бенгалии, он женился на индусской девушке, презрев все условности и прямо высказанное ему неодобрение начальства, за что впоследствии был уволен и с позором отослан домой. У них родились дочь и сын, а потом его жена умерла — лондонский холод, туман и сырость были почти что смертным приговором для любого, кто родился индусом.

Люди такие странные, продолжал размышлять Бебкотт. Вот передо мной умный, храбрый, незаурядный англичанин, великий хирург, имеющий двух детей, которые наполовину индусы и потому не могут быть приняты в английском обществе, жалующийся на недостаточно благородное происхождение Анжелики. Какая глупость, и ещё большая глупость — прятаться от правды.

Да, но и ты сам от неё не прячься. Тебе двадцать восемь, времени для женитьбы ещё предостаточно, но встретишь ли ты ещё когда-нибудь такую же волнующую женщину, как Анжелика, тем более что искать придется только здесь, в Азии, где ты проведешь всю свою жизнь, пока есть силы работать врачом.

Я знаю, что не встречу. По счастью, Струан, вероятно, женится на ней, так что и говорить тут не о чем. И я помогу ему, клянусь Богом!

— Возможно, миссис Струан, как любая мать, просто пытается оберегать своё чадо, — сказал он, зная, каким влиянием пользуется Хоуг в семействе Струанов, — и возражает только потому, что считает, будто он слишком рано связывает себя. Это можно понять. Он теперь тайпэн, и эта должность будет забирать всю его энергию. Но не поймите меня превратно, я считаю, что Анжелика вполне достойная юная леди, храбрая и воспитанная, и может стать замечательной спутницей жизни для любого мужчины, а Малкольму, чтобы справиться со всеми проблемами и заботами, понадобится близкий человек, способный его поддержать.

Хоуг уловил в его голосе скрытую страсть, отложил эту информацию в своей голове и не стал развивать тему дальше, перенесшись вдруг мыслями в Лондон, где его сестра и её муж воспитывали его сына и дочь, и, как всегда, возненавидев себя за то, что уехал тогда из Индии, подчинившись условностям, и тем самым убил её, свою Арджуманд Прекрасную.

Я, должно быть, потерял разум, когда решился отвезти мою любовь в страну этих кошмарных зим, уволенный со службы, без гроша в кармане, без работы и с единственной перспективой — начать все с начала. Чёрт, мне следовало остаться и спорить с компанией до конца, со временем мои знания и опыт хирурга заставили бы их, заставили бы их принять меня назад и спасли бы нас...

Двое часовых у ворот отдали честь, когда они проходили мимо. В столовой был накрыт ужин на двоих.

— Скотч или шампанское? — спросил Бебкотт, потом позвал: — Лун!

— Шампанское. Вы позволите?

— Я сам. — Бебкотт откупорил бутылку, ожидавшую их в георгианском серебряном ведерке со льдом. — Ваше здоровье! Лун!

— И пусть все будут счастливы! — Бокалы со звоном соприкоснулись. — Изумительно! Как готовит ваш шеф-повар?

— Иногда неплохо, чаще — ужасно, но качество морских продуктов здесь превосходное: креветки маленькие, креветки большие, устрицы, дюжины видов рыбы. Куда, дьявол его заberi, запропастился Лун? — Бебкотт вздохнул. — Трость плачет по этому шалопаю. Отругайте его, когда он появится, хорошо?

Но буфетная была пуста. Не было Луна и на кухне. В конце концов китайца нашли в саду рядом с одной из дорожек. Его отрубленная голова валялась поодаль. На её месте была пристроена голова мартышки.

ЭДО

В эту ночь Хирага, двигаясь быстро и бесшумно, первым из своего маленького отряда перелез через частокол одного из княжеских дворцов во втором кольце, опоясывавшем снаружи стены замка, и бросился бегом через сад к заднему входу в дом. Сверху равнодушно светила луна. Шестеро сиси были в одинаковых коротких черных кимоно, предназначенных для ночных схваток, без доспехов, которые гремели и стесняли движения. Все были вооружены мечами, ножами и удавками. Все были ронинами из Тёсю, которых Хирага срочно вызвал из Канагавы для сегодняшнего нападения.

Раскинувшиеся вокруг главного дома казармы, конюшни и помещения для прислуги, в которых обычно размещалось пятьсот воинов, а также семья и слуги даймё, стояли злоеюще пустые. Заднюю дверь охраняли всего двое полусонных часовых. Они заметили сиси слишком поздно, чтобы поднять тревогу, и умерли. Акимото переделся в одежду одного из них, потом оттащил тела в кустарник и присоединился к остальным на веранде. Они ждали, застыв неподвижно, вслушиваясь в темноту. Никаких криков тревоги, при первом из которых они тут же были готовы ретироваться.

— Если нам придется отступить, не беда, — говорил Хирага в наступивших сумерках, когда все остальные прибыли в Эдо. — Достаточно того, что мы сумеем проникнуть так близко к замку. Цель сегодняшней вылазки — это ужас, убить и посеять ужас, чтобы все они думали, будто нет такого человека и нет такого места, до которого не добрались бы мы или наши шпионы. Ужас. Быстро туда и назад, как можно неожиданнее и никаких жертв с нашей стороны. Такая возможность, как сегодня, выпадает нечасто. — Он улыбнулся. — Когда Андзё и старейшины отменили санкин-котай, они вырыли могилу сёгунату.

— Мы подождем дворец, брат? — радостно спросил Акимото.

— После того, как убьем его.

— А он кто?

— Он старый, волосы седые и их совсем немного, сам худой, маленького роста — Утани, один из старейшин родзю.

Они все ахнули, пораженные.

— Даймё Ватасы?

— Да. К сожалению, сам я его никогда не видел. А из вас кто-нибудь

видел?

— Думаю, я узнаю его, — сказал восемнадцатилетний юноша. Одна сторона его лица была изуродована длинным глубоким шрамом. — Он щуплый, как дохлый цыпленок. Я однажды видел его в Киото. Стало быть, сегодня мы отправим в дальний путь старейшину, а? Даймё, а? Хорошо! — Он ухмыльнулся и почесал шрам, память о неудавшейся попытке Тёсю захватить Дворцовые Врата в Киото прошлой весной. — После сегодняшней ночи Утани уже никуда не будет бегать по ночам. Он выжил из ума, если решился спать за стенами замка да ещё не сумел сохранить это в тайне! И без охраны? Глупец!

Дзёун, которому было семнадцать, всегда самый осторожный среди них, сказал:

— Извините меня, Хирага-сан, но вы уверены, что это не ловушка, в которую нас заманивают ложными сведениями? Ёси прозвали Лисом, а Андзё ещё хитрее. За наши головы назначены большие награды, а? Я согласен с моим братом, как Утани может оказаться настолько глупым?

— Потому что у него здесь тайное свидание. Он любит мальчиков.

Они недоуменно уставились на него.

— Зачем ему понадобилось это скрывать от кого-то?

— Этот мальчик — один из тех, к кому ходит сам Андзё.

— Со ка! — Глаза Дзёуна заблестели. — Тогда, думаю, и я держал бы это в секрете. Но зачем красивому мальчику отдавать себя кому-то вроде Утани, когда у него уже есть могущественный покровитель?

Хирага пожал плечами.

— Деньги, что же ещё? Нори скряга, Утани же щедр безмерно — разве его крестьяне не обложены налогами больше других во всем Ниппоне? Разве его долги не выросли до небес? Разве не известно всем, что он поглощает золотые обаны, как зернышки риса? Скоро, тем способом или иным, Андзё оставит этот мир. Возможно, этот смазливый мальчишка полагает, что Утани выживет и ему стоит рискнуть — Утани ведь пользуется влиянием при дворе, а? Коку! Почему же нет? Его семья, наверное, обнищала и утопает в долгах — разве не почти все самураи рангом ниже хиразамурая живут в бедности?

— Это так, — согласились они все.

— Это так со времени правления четвертого сёгуна, — с горечью сказал сиси со шрамом, — уже почти двести лет. Даймё забирают себе все налоги, продают звание самурая вонючим купцам и торговцам, с каждым годом все чаще и чаще, и по-прежнему урезают наше жалованье. Даймё предали нас, своих верных вассалов!

— Ты прав, — сердито произнес Акимото. — Мой отец должен наниматься к крестьянину простым рабочим, чтобы прокормить других моих братьев и сестер...

— У нашего остались только его мечи, дома нет, только жалкая хижина, — вставил Дзёун. — Мы так увязли в долгах, копившихся ещё со времени прапрадеда, что уже никогда не сможем расплатиться. Никогда.

— Я знаю, как нужно расплачиваться с этой мразью, которая чтит только деньги: отменить все долги или убить их, — сказал другой. — Если даймё иногда платят свои долги таким образом, почему нам нельзя?

— Прекрасная мысль, — согласился Акимото, — но это будет стоить тебе головы. Лорд Огама расправится с тобой в назидание другим, чтобы его собственные ростовщики не перестали ссужать ему деньги под... что там теперь, налоги с княжества за четыре года вперед?

— Жалованье моей семьи, — сказал третий, — не менялось со времен Секигахары, а цена риса с тех пор поднялась в сотню раз. Нам следует стать торговцами или варить sake. Два моих дяди и старший брат расстались с мечами и занялись этим.

— Ужасно, да, но я тоже думал об этом.

— Даймё предали всех нас.

— Большинство из них, — поправил его Хирага. — Не все.

— Верно, — кивнул Акимото. — Ничего, мы сами выберем себе даймё, когда изгоним варваров и сокрушим сёгунат Торанага. Новый сёгун даст нам вдоволь еды, нам и нашим семьям, и лучшее оружие, может быть, даже несколько ружей гайдзинов.

— Кто бы он ни был, ружья он оставит для своих собственных людей.

— Почему обязательно так, Хирага? Их хватит на всех. Разве Торанага не собирают от пяти до десяти миллионов коку ежегодно? Этого больше чем достаточно, чтобы вооружить нас как подобает. Послушай, если мы потеряемся в темноте, где мы встретимся потом?

— В доме Зеленых Ив, к югу от Четвертого моста, не здесь. Если пробраться туда будет слишком сложно, спрячьтесь где-нибудь, а потом возвращайтесь в Канагаву...

Сейчас, на веранде, пытаюсь уловить ухом караулящую их в темноте опасность, наслаждаясь этим ощущением, Хирага улыбнулся — сердце его билось ровно и сильно, — чувствуя радость жизни и приближающуюся смерть, приближающуюся неотвратимо, с каждым днём. Через несколько мгновений они двинутся дальше. Наконец-то он может действовать...

Долгие дни он прятался в храме рядом с английской миссией, нетерпеливо ожидая, когда представится возможность поджечь её, но

вражеских солдат всегда оказывалось слишком много: самураев — вокруг миссии снаружи, чужеземных — внутри неё. Каждый день он переодевался садовником, разведывал, слушал, строил планы — так легко было убить того высокого варвара, который уцелел после нападения на Токайдо. Поразительно, что всего один варвар был убит из такой легкой добычи, какой являлись три мужчины и женщина.

А, Токайдо! Токайдо означает Ори, Ори означает Сёрин, а вместе они означают Сумомо, которой исполняется семнадцать в следующем месяце, и я не буду думать о письме отца. Не буду! Я не приму прощение Огамы, если мне придется отречься от сонно-дзёи. Сонно-дзёи указывает мне путь, и я пойду по нему до конца, к какой бы смерти он меня ни привел.

Только я остался теперь в живых. Ори умер или умрет завтра. Сёрина нет. А Сумомо?

Прошлой ночью слезы увлажнили его щеки, слезы, пришедшие вместе со сном, в котором была она, её бусидо, её огонь; запах, тело манили его и были потеряны для него навсегда. Он не мог спать, поэтому сел в позу лотоса, позу Будды, и прибег к дзэну, чтобы разум его взлетел навстречу покою.

Потом, сегодня утром, дар богов — тайное зашифрованное послание от мамы-сан Койко с известием об Утани, которая получила эти сведения, так же тайно, от прислужницы Койко. «И-и-и, — радостно подумал он, — интересно, что сделал бы Ёси, если бы узнал, что наши щупальца протянулись даже в его постель, обвинились даже вокруг его Упругого Стебля?»

Уверенный теперь, что их не обнаружили, он вскочил и подошел к двери, где пустил в дело нож, чтобы отодвинуть деревянный запор изнутри. Они быстро вошли. Переодетый Акимото остался на страже у двери. Остальные бесшумно последовали за Хирагой вверх по лестнице на женскую половину, путь был указан им заранее. Денег на дворец не пожалели: всюду лучшие сорта дерева, прекрасные татами, чистейшая промасленная бумага для сёдзи, тонко благоухающие свечи и масло в лампах. Поворот за угол. Ничего не подозревавший охранник тупо уставился на него. Его рот открылся, но никакой звук не успел вырваться наружу. Нож Хирага остановил его.

Он перешагнул через тело, прошел до конца коридора и остановился на мгновение, чтобы сориентироваться. Коридор заканчивался тупиком. По обе стороны тянулись стены из раздвижных панелей-сёдзи, за которыми были комнаты. В конце коридора располагалась только одна, больше и богаче всех остальных. Внутри горела масляная лампа, как и в некоторых

других комнатах. До них доносились храп и тяжелое дыхание. Молча Хирага приказал Тодо и Дзёуну следовать за ним, а остальным встать на страже, и опять пошел вперед, похожий на ночного хищника. Звук тяжелого дыхания стал слышнее.

Кивок Дзёуну. Юноша тут же проскользнул вперед, присел у дальней двери, потом, по знаку Хираги, рывком отодвинул сёдзи. Хирага прыгнул в комнату, Тодо за ним следом.

Двое мужчин лежали лицом вниз на стеганых одеялах из гладкого шелка и футонах, их обнаженные тела соединились, юноша раскинул ноги и руки, старик накрыл его сверху, сжимая руками, яростно двигая телом, задыхаясь и ничего не видя и не слыша вокруг. Хирага встал над ними, перехватил свой меч, высоко поднял его клинком вниз и, сжимая рукоятку обеими руками, вогнал острие в спины тел чуть повыше сердца, пронзив их насквозь и пригвоздив к татами.

Старик хватил ртом воздух и умер мгновенно; его руки и ноги продолжали судорожно подергиваться после смерти. Юноша бессильно заскреб ногтями по шелку. Он не мог повернуться, не мог шевельнуть телом, только упирался руками и ногами и вертел головой, но все равно не мог увидеть, что произошло, не мог понять ничего, кроме того, что все его тело вдруг словно раскрылось и жизнь быстрым потоком вытекает из него. Вой ужаса собрался у него в горле, Тодо прыгнул вперед, накинул удавку, чтобы не выпустить его, — и опоздал на долю секунды. Крик оборвался и повис в ставшем теперь зловонным воздухе.

В то же мгновение он и Хирага круто повернулись к двери. Хирага вытянул руку с ножом. Тодо, Дзёун и те сиси, что оставались в коридоре, замерли с поднятыми мечами, сердца бешено колотились в груди, все приготовились нападать, отступать, драться, прорываться сквозь противника, умирать, но сражаться и умирать с честью. Позади Хираги тонкие руки юноши цеплялись за горло, его длинные, совершенной формы крашенные ногти царапали кожу вокруг проволоки. Пальцы задрожали, остановились, судорожно затрепетали, остановились, затрепетали. И замерли.

Тишина. Где-то шумно заворочался спящий, потом успокоился и снова уснул. По-прежнему никаких криков или сигналов тревоги. Постепенно сиси приходили в себя, пядь за пядью отступая от края пропасти, на котором стояли, тела их покрылись потом, в голове шумело, все чувства притупились. Хирага дал сигнал отходить.

Они тут же подчинились, кроме Дзёуна, который забежал в комнату, чтобы забрать меч Хираги. Он сел на мертвые тела верхом, но у него не

хватило сил ни выдернуть меч одним рывком, ни извлечь его, раскачивая. Хирага махнул ему рукой, показывая, что сделает это сам, но и у него ничего не вышло. На низкой лакированной подставке лежали мечи убитых. Хирага взял один из них. У двери он оглянулся.

В чистом, ровном свете масляной лампы оба тела напоминали одну чудовищную, многоногую, с человеческими головами стрекозу; смятые одеяла раскинулись, как её великолепные переливчатые крылья, его меч торчал, будто гигантская серебряная булавка. Сейчас он мог видеть лицо юноши — оно показалось ему очень красивым.

Ёси прогуливался по стене замка вместе с Койко, девушка едва доставала ему до плеча. Легкий холодный ветерок доносил к ним наверх тяжелый запах гниющих водорослей, обнажившихся с отливом. Ёси не замечал его. Вновь его глаза, моргнув, поднялись от города вниз к луне, и он засмотрелся на неё, погруженный в свои мысли. Койко терпеливо ждала. Её кимоно было из тончайшего шантунгского шелка с исподним кимоно алого цвета; волосы, не убранные в прическу, падали до самого пояса. Его кимоно было простым, шелковым, но простым, и мечи простыми, простыми, но острыми.

— О чем вы думаете, господин? — спросила она, решив, что пришло время развеять его мрачное настроение. Хотя они были здесь совершенно одни, она понизила голос, хорошо зная, что нигде внутри замка нельзя было по-настоящему почувствовать себя в безопасности.

— Киото, — ответил он одним словом. Так же тихо.

— Вы будете сопровождать сёгуна Нобусадзу?

Он покачал головой, хотя про себя уже решил отправиться в Киото раньше торжественного кортежа — обманный жест получился у него с привычной естественностью.

«Каким-то образом я должен остановить этого юного идиота и стать единственным связующим звеном между императором и сёгуном, — думал он; разум его осаждали окружающие его со всех сторон трудности: изначальное безумие этого государственного визита; Андзё, чье влияние в Совете повлекло за собой его одобрение; Андзё с его ненавистью и интригами; ловушка, которой является для меня этот замок; многочисленные враги по всей стране, главные из которых Сандзиро, правитель земли Сацума, Хиро, правитель Тосы, и Огама, правитель Тёсю, последний теперь держит в своих руках Дворцовые Врата, принадлежащие нам по праву рождения. И вдобавок ко всем ним, словно волки, с чьих клыков капает слюна, выжидают удобного момента, чтобы наброситься на

нас, гайдзины.

С ними нужно разобраться, навсегда. Этого мальчишку Нобусаду и принцессу необходимо нейтрализовать, навсегда.

Окончательное решение проблемы гайдзинов ясно: любым способом, какой мы только сможем изобрести, ценой любых жертв, мы должны стать богаче них и превзойти их вооружением. Это должно составить суть тайной политики нашей страны, отныне и навсегда. Как достичь этого? Я пока не знаю. Но в политике мы должны убаюкивать их лестью, не давать им обрести устойчивость, используя их глупые представления против них самих, и призвать на помощь свои более высокие способности, чтобы надежно заключить их в кокон неуверенности и ложных представлений.

Нобусада? Тут тоже все ясно. Но не он представляет собой настоящую угрозу. Она. Беспокоиться мне следует не из-за него, а из-за неё, принцессы Иядзу, она является подлинной движущей силой, стоящей позади него, и впереди.

Неожиданно возникшая в его мозгу картина принцессы с торчащим пенисом и Нобусады, наделенного женскими частями, заставила его улыбнуться. Из этого получилась бы замечательная сюнга, весело подумал он. Сюнга представляли собой эротические ярко раскрашенные гравюры на дереве. Они были очень популярны и высоко ценились среди торговцев и владельцев лавок в Эдо. Вот уже более века они были запрещены сёгуноматом как слишком вольные для представителей этого низшего сословия, к тому же их было слишком легко использовать для злого осмеяния тех, кто стоял выше на сословной лестнице. В незыблемой иерархии Ниппона, установленной тайро, диктатором Накамурой, а затем закрепленной на грядущие века сёгуном Торанагой, первыми шли самураи, вторыми — крестьяне, третьими — все люди искусства, мастера и ремесленники и последними — презираемые всеми купцы и торговцы, „пиявки на теле тружеников“, как называло их Завещание. Презираемые потому, что все остальные нуждались в их умении и богатстве — больше всего богатстве. Особенно самураи.

Поэтому в правилах, некоторых правилах, допускались послабления. И в Эдо, Осаке и Нагасаки, где жили по-настоящему богатые купцы, сюнга, хотя и запрещенные официально, раскрашивались, вырезались и с веселой улыбкой производились лучшими художниками и граверами страны. В каждую эпоху художники, состязаясь друг с другом в борьбе за славу и богатство, продавали их тысячами.

Экзотические, откровенные, но всегда с гаргантюанскими гениталиями, увеличенными до уморительно огромных размеров, лучшие

из сюнга в совершенстве передавали каждую деталь, влажную и подвижную. Столь же высоко ценились выполненные в стиле юкиё-э портреты ведущих актеров, чья распушенность была постоянным предметом сплетен и скандалов, — женщины-актрисы не допускались законом, поэтому женские роли исполняли специально обученные актеры, оннагата, выше же всего ценились гравюры с изображением самых знаменитых куртизанок.»

— Я бы хотел, чтобы тебя написал кто-нибудь. Жаль, что Хиросиге и Хокусай уже умерли.

Она рассмеялась.

— Какую позу я должна буду принять, господин?

— Только не в постели, — сказал он, захохотав вместе с ней. Смеялся он редко, и она была довольна этой победой. — Просто идущей по улице, с зонтиком от солнца, розовым и зеленым, и в твоём розово-зеленом кимоно с вышитым золотом карпом.

— Может быть, господин, вместо улицы, возможно, в саду вечером, собирающей светлячков.

— А, гораздо лучше! — Он улыбнулся, вспомнив те редкие дни своей молодости, когда летними вечерами его освобождали от занятий. Тогда он и его братья и сестры отправлялись в поля и охотились на светлячков с сетями из тонкого газа, а потом помещали крошечных насекомых в крошечные клетки и смотрели, как зеленоватый свет чудесным образом то вспыхивает, то гаснет, сочиняли стихи, смеялись и резвились без всяких забот, ещё молодые.

— Таким я чувствую себя с тобой сейчас, — пробормотал он.

— Господин?

— Ты извлекаешь меня из меня самого, Койко. Все в тебе обладает этим даром.

Вместо ответа она коснулась его руки, не сказав ничего и сказав этим все, довольная его комплиментом. Все её помыслы сосредоточились на нем, она старалась угадать, о чем он думает, чего желает, хотела быть совершенной для него.

«Но эта игра утомляет, — вновь подумала она. — Этот клиент слишком сложен, слишком дальновиден, слишком непредсказуем, слишком величествен, и его слишком трудно развлекать. Интересно, как долго он продержит меня. Я начинаю ненавидеть этот замок, ненавидеть эту жизнь в четырех стенах, скучаю по дому, звонкому смеху и непристойным шуткам других дев: Лунного Луча, Весенней Свежести, Лепестка и больше всего моей дорогой мамы-сан, Мэйкин.

Да, но я наслаждаюсь тем, что я в центре мира, обожаю свой коку в день каждый день, радуюсь тому, что я — это я, служанка самого благородного господина, являющегося на самом деле всего лишь обыкновенным мужчиной и, как все мужчины, прежде всего капризным маленьким мальчиком, который только изображает из себя сложную натуру, которым можно вертеть, как любым другим, давая ему сладости или шлепая по попке, и который, если ты умна, решает сделать только то, что ты уже решила позволить ему сделать — что бы он сам ни думал на этот счет.»

Её смех зазвенел серебристыми переливами.

— Что?

— Вы даете мне радость, наполняете меня жизнью, господин. Мне придется называть вас Господин Даритель Счастья!

Теплота наполнила его.

— Значит, в постель?

— Значит, в постель.

Рука в руке они начали выходить из лунного света.

— Посмотри туда, — вдруг произнес он.

Далеко внизу загорелся один из дворцов. Языки пламени начали вырываться наверх, их становилось все больше, повалили клубы дыма. Теперь до них доносился еле слышный звон пожарных колоколов, и они могли разглядеть внизу крошечных, как муравьи, людей, снующих вокруг, потом образовались линии из новых муравьев, соединившие пожар с резервуарами для воды: «Самую большую опасность для нас представляет пожар, а не женщина, — с редким юмором записал сёгун Торанага в своём Завещании. — Против огня мы можем подготовиться, против женщины — никогда. Все мужчины и все женщины, достигшие брачного возраста, должны вступить в брак. Все жилища должны иметь резервуары с водой рядом с ними.»

— Они ни за что не потушат его, не так ли, господин?

— Нет, не потушат. Полагаю, какой-нибудь болван опрокинул лампу или свечу, — сказал Ёси, поджав губы.

— Да, вы правы, господин, неуклюжий болван, — тут же повторила она, успокаивая его, после того как ощутила в нем неожиданную злость, причин которой не могла отыскать. — Я так рада, что вы отвечаете за подготовленность к пожару в этом замке, поэтому мы можем спать спокойно. С тем, кто сделал это, следует строго поговорить, кем бы он ни был. Интересно, чей это дворец?

— Это резиденция правителя Тадзимы.

— Ах, господин, вы продолжаете поражать меня, — произнесла Койко с трогательным восхищением, — как чудесно, что вы можете так быстро отличить один дворец от другого среди сотен и сотен, и с такого большого расстояния. — Она поклонилась, чтобы спрятать лицо, уверенная, что дворец принадлежал правителю Ватасы и что сейчас даймё Утани должен быть мертв и рейд удался. — Вы удивительный.

— Нет, это ты удивительная, Койко-тян. — Он улыбнулся ей сверху вниз, такой милой, такой крошечной, наблюдательной и опасной.

Три дня назад его новый шпион, Мисамото, постоянно стремящийся доказать свою ценность и преданность, сообщил ему о слухах, которые гуляли по казармам, насчет тайных свиданий Утани с красивым мальчиком. Он приказал Мисамото устроить так, чтобы этот секрет могла подслушать служанка Койко, которая обязательно должна была сообщить его либо своей хозяйке, либо их маме-сан, либо им обеим, если были верны и другие слухи: что эта самая мама-сан, Мэйкин, была яркой сторонницей сонно-дзёи и что она тайно позволяла сиси пользоваться её домом в качестве убежища и места для встреч. Секрет Утани был бы передан сиси, которые немедленно воспользовались бы такой замечательной возможностью совершить столь громкое убийство. Почти два года его шпионы держали её и её дом под наблюдением, как по причине этих слухов, так и по причине растущей популярности Койко.

Но им ни разу не удалось наскрести хоть каких-нибудь улик, которые подтвердили бы эти предположения и позволили бы осудить женщин.

Но теперь — другое дело, думал он, наблюдая за бушующим пламенем, раз дворец горит, то Утани должен быть мертв, и теперь у меня есть подлинная улика: шепоток, зароненный в эту девушку, принес злой плод. Утани — большая победа для них. Какой был бы и я, даже ещё в большей степени. Он едва заметно вздрогнул всем телом.

— Огонь пугает меня, — сказала она, неправильно истолковав эту дрожь и желая вернуть ему лицо.

— Да. Пойдем, оставим этих людей их карме. — Рука об руку они ушли.

Ёси был так взволнован, что лишь с большим трудом сумел скрыть это.

«Интересно, какова твоя карма, Койко. Рассказала ли тебе прислужница о подслушанном ею секрете, после чего ты приказала ей сообщить все маме-сан, являясь одним из звеньев этой цепи?»

Возможно, да, а возможно, и нет. Я не заметил в тебе никакой перемены, когда сказал „Тадзима“ вместо „Ватаса“, а я следил за тобой

очень внимательно. Да, интересно. Конечно, ты под подозрением, всегда была под подозрением, зачем ещё стал бы я выбирать тебя, разве это не добавляет остроты моим утехам в постели? Добавляет, и слухи о твоём искусстве ни в чем не расходятся с правдой. Воистину я более чем удовлетворен, поэтому я буду ждать. Но теперь тебя легко поймать в ловушку, прошу прощения; и ещё легче будет вытянуть правду из твоей прислужницы, из этой не слишком умной мамы-сан и из тебя, красавица моя! Слишком легко, прошу прощения, когда я захлопну дверцу.

И-и-и-и, это будет трудное решение, потому что сейчас, благодаря Утани, у меня появилась тайная и прямая ниточка к сиси, которая может помочь мне найти их, уничтожить или даже использовать их против моих врагов по своему желанию. Почему бы нет?

Заманчиво!

Нобусада? Нобусада и его принцесса? Очень заманчиво!»

Он рассмеялся.

— Я так счастлива, что вы так счастливы сегодня вечером, господин.

Книга вторая

Понедельник, 13 октября

В солнечный, ослепительно яркий полдень десять дней спустя Филип Тайрер сидел за письменным столом на веранде миссии в Эдо и с удовольствием упражнялся в японской каллиграфии — кисточка, тушь и вода. Вокруг валялись десятки исписанных и отброшенных за ненадобностью листов рисовой бумаги, поразительно дешевой здесь в сравнении с Англией. Сэр Уильям отослал его в Эдо, чтобы он подготовил все к первой встрече со старейшинами.

Его кисточка вдруг замерла. Вверх по холму поднимались капитан Сеттри Паллидар и десять драгун в столь же безупречных мундирах. Когда они появились на площади, самураи, стоявшие там, — их теперь было гораздо больше, чем раньше, — расступились, чтобы пропустить их. Легкие деревянные поклоны, на которые англичане отвечали таким же мимолетным и деревянным отдаванием чести, — явно вновь установленный протокол. Часовые в алых мундирах, их число тоже значительно возросло, открыли железные решетчатые ворота и закрыли их снова, после того как драгуны, цокая копытами, въехали на передний двор, обнесенный высокой стеной.

— Хеллоу, Сеттри, — крикнул Тайрер, сбегая по ступеням, чтобы встретить его. — Боже мой, ваш вид — просто услада для больных глаз. Дьявольщина, откуда вы взялись?

— Из Иокогамы, старина, откуда же ещё? Прибыли на корабле. — Пока Паллидар спешил, один из садовников, с мотыгой в руке, уже торопливо семенил к нему, полусогнувшись в поклоне, чтобы принять коня под уздцы. Когда Паллидар заметил его, его рука потянулась к кобуре. — Убирайся прочь!

— С ним все в порядке, Сеттри. Это Юкия, он один из тех, кто уже давно тут работает, и всегда готов помочь. Домо, Юкия, — сказал Тайрер по-японски.

— Хай, Тайра-сама, домо. — Хирага нацепил бессмысленную улыбку на лицо, полускрытое широкой соломенной шляпой, поклонился, но не двинулся с места.

— Убирайся! — повторил Паллидар. — Извините, Филип, но мне не нравится, когда кто-нибудь из этих мерзавцев крутится возле меня, особенно с чертовой мотыгой в руке. Граймс!

Названный драгун тут же оказался рядом и грубо оттолкнул Хирагу в сторону, перехватив уздечку.

— Вали отсюда, джапо! Пшел, ну!

Хирага послушно затряс головой, сохраняя на лице все ту же нарисованную улыбку, и отошел. Но остался поблизости, чтобы можно было без труда все слышать, подавляя в себе страстное желание немедленно отомстить за оскорбление — острой как бритва мотыгой, маленьким кинжалом, спрятанным в шляпе, или голыми, но твердыми как сталь руками.

— Господи, зачем же вам понадобился корабль? — говорил между тем Тайрер.

— Для экономии времени. Патрули докладывают, что джапо поставили новых рогаток по всей Токайдо, и дорога запружена от Ходогайи до самого Эдо хуже, чем Пиккадилли в день рождения королевы. Посему все нервничают больше обычного. Имею депешу к вам от сэра Уильяма, он приказывает закрыть миссию, а вам вернуться в Иокогаму со всем персоналом. Я — ваш эскорт для поддержания лица.

Тайрер ошеломленно уставился на него.

— Но как же встреча? Я тут работал, как сам чёрт, чтобы все подготовить к сроку.

— Не знаю, старина. Вот.

Тайрер сломал печать на официальном послании.

Ф.Тайреру, эсквайру, британская дипломатическая миссия,
Эдо: Настоящим уведомляю вас, что я договорился с бакуфу о переносе встречи с 20 октября на понедельник, 3 ноября. Во избежание излишних расходов на охрану вам и всем сотрудникам предписывается немедленно вернуться с капитаном Паллидаром.

— Гип-гип, ура! Ну, Иокогама, держись теперь.

— Когда вы хотите ехать?

— Немедленно, говорит нам Великий Белый Отец, немедленно мы и уедем. Жду не дождусь. Что, если сразу после ланча, как вы на это смотрите? Проходите, присаживайтесь. Что новенького в Йокопоко?

— Ничего особенного.

Они не спеша вернулись на веранду и сели в кресла, Хирага передвинулся под её дощатый навес, продолжая усердно работать мотыгой.

Паллидар закурил сигару.

— Пиво чоп-чоп, — распорядился Тайрер.

Старший садовник подошел ближе и, остановившись в саду напротив веранды, низко поклонился. К удивлению Паллидара Тайрер поклонился в ответ, хотя его поклон был едва заметным.

— Хай, Сикиса? Нан дэсу ка? — Да, Сикиса, чего ты хочешь?

Паллидар поразился ещё больше, когда услышал, как японец спросил что-то, Тайрер бойко ответил ему, и между ними завязался оживленный разговор. Через некоторое время человек поклонился и ушел.

— Хай, Тайра-сама, домо.

— Бог мой, Филип, что все это значило?

— А? О, старик Сикиса? Он просто хотел узнать, можно ли садовникам заниматься садом позади здания. Сэр Уильям хочет иметь свежие овощи, цветную капусту, лук, брюссельскую капусту, картофель и... в чем дело?

— Так вы, стало быть, действительно говорите как джапо?

Тайрер рассмеялся.

— Что вы, нет, до этого ещё далеко, но я оказался заперт здесь на десять дней и мне было абсолютно нечем заняться, поэтому я ударился в зубрежку, стараясь заучить побольше слов и выражений. Сэр Уильям, конечно, строго предупредил меня, чтобы я не отлынивал от дела, но, по правде говоря, мне это и самому ужасно нравится. Способность общаться заряжает меня небывалой энергией. — Перед его мысленным взором тут же возникло лицо Фудзико, он вспомнил их разговор, часы, проведенные с ней, — последний раз десять дней назад, когда он вернулся в Иокогаму на один день и одну ночь. «Ура сэру Уильяму, сегодня или завтра я снова увижу её. Чудесно».

— Чудесно! — механически повторил он, широко улыбаясь. — О, — торопливо добавил он, спохватившись, — о... э-э... да, мне нравится пробовать говорить, читать и писать на их языке. Старый Сикиса дал мне много слов, в основном рабочих слов, и Юкия тоже. — Он показал на Хирагу, который все так же усердно мотыжил землю, держась поблизости. Он не знал, что Юкия было прозвищем и означало просто «садовник». — Он помогает мне с письмом, весьма сметливый парень для японца.

Вчера, во время урока письма, он проверил дошедшие до него слухи. С помощью слов и знаков, которые дал ему Понсен, он попросил его написать иероглифы для слов «война», сэнсо, и «скоро», дзики-ни. Потом составил из неуклюже написанных слов предложение: «Война, Ниппон, скоро. Пожалуйста?»

Он увидел, как внезапно изменилось лицо японца и прочел на нем удивление.

— Гай-дзин то нихон-го ка? — Чужеземцы и японцы?

— Ийе, Юкия. Нихондзин то нихондзин. — Нет, Юкия. Японцы и японцы.

Тот вдруг рассмеялся, и Тайрер увидел, насколько у него красивое лицо и как он не похож на других садовников, задумавшись, почему Юкия всегда казался ему гораздо более разумным, чем остальные, хотя, в отличие от британских, большинство японских рабочих умели читать и писать.

— Нихондзин цунэни сэнсо нихондзин! Японцы всегда воюют с японцами, — ответил Юкия, хохотнув ещё раз, и Тайрер рассмеялся вместе с ним, чувствуя, что японец нравится ему все больше и больше.

Тайрер с хитрой улыбкой посмотрел на Паллидара.

— Ну же, какие новости? Ради бога, я не о деле. Как Анжелика?

Паллидар хмыкнул.

— О, так она вас интересует? — бесстрастно спросил он, от души смакуя про себя эту шутку.

— Совсем не интересует, — с той же невозмутимой миной ответил Тайрер, включаясь в игру, и они оба издали веселый смешок.

— Завтра празднуют помолвку.

— Счастливчик Малкольм! Слава богу, меня отзывают отсюда, изумительно! Было бы крайне жаль пропустить такой вечер. Как Малкольм?

— О, Струан? Чуть-чуть получше, как я слышал. Сам я его не видел, но говорят, он уже встает. Я спросил Анжелику, но она ответила только, что ему гораздо лучше. — Ещё одна лучезарная улыбка. — За ним сейчас смотрит этот новый доктор Хоуг, их семейный врач. По слухам, он чертовски хорош. — Паллидар допил своё пиво. Тут другая кружка появилась рядом с ним заботами внимательного Чена, улыбающегося, круглого, копии Лима, тоже дальнего родственника компрадора компании Струана и тоже тайно собирающего для него информацию. — Спасибо. — Паллидар сделал глоток и одобрительно кивнул. — Чёрт, а приличное ведь пиво.

— Это местное. Юкия говорит, что японцы уже много лет его варят, самое лучшее делают в Нагасаки. Я так полагаю, они переняли секрет пива у португальцев столетия назад. Какие ещё новости?

Паллидар задумчиво посмотрел на Тайрера.

— Что вы думаете о рассказе Хоуга про того убийцу? Об операции и таинственной девушке?

— Даже не знаю, что и думать. Мне казалось, я узнал одного из них, помните? Тот парень был ранен как раз в то же самое место. Все сходится.

Жаль, что вы с Марлоу тогда не поймали его. Есть своя ирония в том, что один из наших вылечил его, чтобы он снова мог нас убивать. — Тайрер понизил голос, поскольку рядом всегда находились слуги и солдаты. — Между нами, старина, сэр Уильям посылает за дополнительными войсками из Гонконга.

— Я слышал то же самое. Скоро будет война, или нам придется вмешаться, когда они вцепятся в глотки друг другу...

Дергая сорняки и орудуя мотыгой, Хирага продолжал их внимательно слушать, и хотя он не понимал многих слов, главное он улавливал, и то, что он услышал, подтверждало его собственные наблюдения и усиливало его тревогу.

«Да, карма, — подумал Хирага и снова начал прислушиваться к разговору гайдзинов, радуясь, что Ори жив, улыбаясь про себя шутке, что гайдзин действительно спас Ори, чтобы тот опять убивал гайдзинов, как сам он убьет этих двух. — Во время их отступления, в суматохе поспешного отъезда я смог бы сделать это — если не обоих, то хотя бы одного из них, кто окажется ближе. И-и-и-и, боги, если вы существуете, сколько вас ни есть, смотрите за Сумомо и оберегайте её. Хорошо, что она воспротивилась воле родителей, хорошо, что добралась до дома моих родителей в Тёсю, хорошо, что она пришла в Канагаву, более чем хорошо, что она осмелилась сражаться вместе со мной, — она будет достойной матерью моему потомству, если такова моя карма. Посему гораздо лучше ей отправиться домой, где ей ничто не будет угрожать. Пусть лучше она будет в Тёсю, подальше от опасности...»

Внезапно головы всех, кто находился на переднем дворе, повернулись в сторону запертых и охраняемых ворот, из-за которых донесся громкий окрик. Сердце Хираги стукнуло и провалилось куда-то. Офицер-самурай во главе патруля, несущего знамена бакуфу и личный герб Торанаги Ёси, громко требовал, чтобы его пустили, а солдаты в алых мундирах, стоявшие у ворот, так же громко говорили ему, чтобы он уходил. Сразу за спиной офицера, связанный, избитый, с поникшей головой, стоял Дзёун — его товарищ-сиси.

Трубач протрубил тревогу. Все солдаты, находившиеся на территории миссии, бросились по местам, некоторые в расстегнутых мундирах, другие без шляпы, но все с ружьями, полными патронными сумками и штыками; садовники разом рухнули на колени, уткнувшись головами в землю, — Хирага мгновение стоял, захваченный врасплох, потом торопливо последовал их примеру, чувствуя себя совершенно голым. Толпы воинов на площади начали угрожающе подтягиваться к воротам.

Стараясь унять дрожь, Тайрер поднялся на ноги.

— Что за дьявольщина там происходит?

С подчеркнутой медлительностью Паллидар произнес:

— Полагаю, нам следует это выяснить. — Он лениво поднялся с кресла, увидел в дверях капитана, командовавшего охраной миссии, который беспокойно расстегивал кобуру. — Доброе утро, я капитан Паллидар.

— Капитан Макгрегор. Рад, что вы оказались здесь, да, очень рад.

— Пойдемте?

— Да.

— Сколько у вас солдат?

— Пятьдесят человек.

— Прекрасно, больше чем достаточно. Филип, никаких оснований для беспокойства, — сказал Паллидар, чтобы ободрить его. Внешне капитан был спокоен, но и у него адреналин бежал по жилам, заставляя сердце биться чаще. — Вы здесь старший из официальных лиц, возможно, вам следует спросить у него, что ему нужно. Мы будем сопровождать вас.

— Да, да, очень хорошо. — Отчаянно стараясь выглядеть спокойным, Тайрер надел цилиндр, одернул фрак и сошел по ступеням. Все взгляды были прикованы к нему. Драгуны смотрели только на Паллидара, ожидая его распоряжений. В пяти шагах от ворот Филип остановился, оба офицера встали вплотную позади него. Какое-то мгновение он мог думать лишь о том, что ему нестерпимо хочется мочиться. В наступившем молчании он произнес, слегка запинаясь:

— Охайо, ватаси ва Тайра-сан. Нан дэсу ка? — Доброе утро, я мистер Тайрер, пожалуйста, что вы хотите?

Офицер, это был Урага, гневно посмотрел на него, потом поклонился и задержал поклон. Тайрер поклонился в ответ, но совсем не так низко — этот совет дал ему Андре Понсен — и повторил:

— Доброе утро, что вы хотите, пожалуйста?

Офицер отметил его более чем неуважительный поклон и взорвался бурным потоком японского, который совершенно поглотил Тайрера, чье отчаяние нарастало. Те же чувства испытал и Хирага, потому что офицер просил немедленного разрешения на обыск здания и территории миссии и на проведение безотлагательного допроса всех работающих там японцев, поскольку существовала вероятность, что среди них скрываются убийцы и бунтовщики сиси:

— ...вроде этого, — сердито закончил он, ткнув пальцем в Дзёуна. Тайрер с трудом подбирал слова.

— Вакаримасэн. Додзо, ханаси во суру нороку. — Я не понимаю, пожалуйста, говорите медленно.

— Вакаримасэн ка? — Вы не понимаете? — с отчаянием переспросил офицер, потом повысил голос, полагая, как и большинство людей, что при разговоре с иностранцем громкость придает словам большую ясность и понятность, и повторил сказанное ещё раз, причем теперь гортанный язык звучал ещё более угрожающе. Он закончил словами:

— Это не займет много времени, и, пожалуйста, поймите, что это делается для вашей же безопасности!

— Прошу прощения, не понимаю. Пожалуйста, вы говорить английский или голландский?

— Нет, конечно нет. Вам все должно быть ясно. Я хочу войти лишь ненадолго. Пожалуйста, откройте ворота! Это для вашей же безопасности! Послушайте, во-ро-та! Вот, смотрите, я покажу вам! — Он шагнул вперед, схватил один из прутьев решетки и потряс его, железные створки загремели. Внутри все нервно шевельнулись, со всех сторон защелкали предохранители, и Паллидар громко приказал:

— Поставить ружья на предохранители! Без моей команды не стрелять!

— Чёрт побери, я не знаю, о чем он говорит, — произнес Тайрер, чувствуя, как холодный пот сбегает по спине. — Понятно одно: он явно хочет, чтобы мы открыли ворота.

— Ну, этого он, чёрт подери, не дождется, открывать их мы не намерены, только не этому вооруженному сброду! Скажите ему, пусть уходит, скажите, это британская собственность.

— Это... — Тайрер подумал секунду, потому указал рукой на флагшток и на «Юнион Джек». — Это английский место... нет входить. Пожалуйста, уходите!

— Уходить? Вы сошли с ума? Я же объяснил, что это делается для вашей собственной безопасности. Мы только что поймали вот этого шелудивого пса и уверены, что ещё один находится здесь или прячется поблизости. Откройте ворота!

— Прошу простить, не понимаю... — Новый поток японских слов обрушился на Тайрера, и он беспомощно огляделся вокруг себя. Тут на глаза ему попался Хирага, стоявший неподалеку. — Юкия, подойди сюда, — крикнул он по-японски. — Юкия!

Сердце Хираги едва не остановилось. Тайрер снова закричал на него. Изображая крайнюю степень ужаса, униженно согнувшись и спотыкаясь через каждый шаг, Хирага подбежал к Тайреру и уткнулся головой в землю

у его ног, повернувшись спиной к воротам и почти целиком скрытый круглой широкополой шляпой.

— Что человек говорить? — спросил Тайрер.

Все чувства Хираги обострились до предела; притворяясь, что его трясет от страха, он тихо ответил:

— Это плохой человек... он хочет войти, чтобы... чтобы украсть ваши ружья.

— Ага, так, войти. Зачем?

— Он... он хочет сделать обыск.

— Нет понимать. Что значит «о-быск»?

— Обыск. Он хочет посмотреть ваш дом, везде.

— Да, понимаю входить. Зачем?

— Я же сказал вам, чтобы обыскать...

— Ты, садовник, — крикнул офицер, и Хирага дернулся, закипев от гнева. И тут, впервые в жизни, стоя здесь у всех на виду, на коленях перед гайдзином, зная, что под шляпой он носит грубую шапочку, сняв которую можно увидеть его выбритую посередине голову и самурайский узел волос на макушке, он вдруг почувствовал тошнотворный прилив страха.

— Ты, садовник, — снова крикнул офицер, громяхая воротами, — скажи этому идиоту, что я хочу только найти убийц... убийц-сиси!

В отчаянии Хирага тихо проговорил:

— Тайра-сама, этот самурай хочет войти, чтобы посмотреть на всех. Скажите ему, что вы уезжаете, а потом он может войти.

— Не понимаю. Юкия, иди туда! — Тайрер показал на ворота. — Скажи уходить, вежливо уходить!

— Я не могу. Я не могу, — прошептал Хирага, стараясь заставить свой мозг работать и борясь с тошнотой.

— Филип, — заговорил Паллидар, спину его мундира покрывали пятна пота. — Какого дьявола он пытается втолковать тебе?

— Я не знаю.

Напряжение нарастало, офицер снова загремел воротами, в очередной раз требуя впустить его, его люди начали подбегать и хвататься за прутья, чтобы помочь ему. Принужденный действовать, Паллидар подошел ближе. Холодно отдал честь. Так же холодно человек поклонился в ответ. Затем, медленно, Паллидар произнес:

— Это британская собственность. Я приказываю вам мирно удалиться или пенять на себя за последствия.

Офицер непонимающе посмотрел на него, потом словами и действиями дал ему понять, чтобы он отпер ворота — и побыстрее.

— Уходите! — Не поворачивая головы, Паллидар крикнул: — Только драгуны! Приготовиться дать залп!

В ту же секунду все десять драгунов как один бросились вперед, образовали две шеренги перед самыми воротами, одним движением первая шеренга опустилась на колено, все десятеро щелкнули предохранителями, послали патрон в патронник и прицелились. В разом наступившем молчании Паллидар медленно расстегнул кобуру револьвера.

— Уходите!

Неожиданно офицер захохотал. Его хохот подхватили остальные самураи. Только на площади их собралось несколько сотен, и Урага знал, что ещё тысячи находятся поблизости и десятки тысяч придут сюда в течение часа. Но ни один из смеявшихся не видел, какую бойню способны учинить несколько стойких, дисциплинированных британских солдат с их простыми в обращении и быстро перезаряжающимися ружьями.

Смех замер так же внезапно, как и возник. Обе стороны ждали неизбежного теперь начала: кто первый? Лихорадочное возбуждение охватило всех. Это будет битва насмерть, си курару бэки, Господи Всемогуший, Наму Амида Буиу...

Хирага украдкой взглянул на Тайрера, прочел на его лице полную беспомощность и выругался, понимая, что в следующую секунду офицер должен будет отдать приказ атаковать миссию, чтобы сохранить лицо посреди этой нарастающей, как подземный гул, враждебности снаружи. Прежде чем он смог остановиться, отточенный за долгие годы инстинкт выживания толкнул его на риск, и он услышал свой шепот на английском — ни разу до этого он не давал Тайреру понять, что говорит на его языке:

— Поза'рста доверять... поза'рста говорить слова: Сэнчо... доз...

Тайрер уставился на него, открыв рот.

— А? Ты сказал «доверять»? А?

Понимая, что пути назад уже нет и надеясь, что внимание обоих офицеров, стоявших рядом, настолько приковано к происходящему снаружи, что они не услышат его, Хирага сбивчиво зашептал, едва понятно выговаривая слова, «л» он произносить так и не научился:

— Паза'рста тихо. Опасность! Притворица с'рава васы. Сказать Сэнчо, додзо сидзука ни... сказать с'рава! — Холодея от страха, с колотящимся сердцем он подождал, потом, чувствуя, что напряжение среди самураев у ворот достигло предела, снова зашипел по-английски, уже как приказ:

— Сказать с'рава сейчас! Быстро! Сэнчо... додзо сидзука ни... Сейчас сказать!

Едва соображая, что он делает, Тайрер подчинился.

— Сэнчо, додзо сидзука ни... — как попугай, в точности повторил он и эти слова, и те, которые последовали за ними, не представляя, что они означают, и пытаясь как-то уложить в голове, что этот садовник говорит по-английски и что это не сон. Через несколько секунд он увидел, что слова оказывают своё действие. Офицер криком приказал остальным успокоиться. Напряженность на площади спадала. Теперь офицер внимательно слушал его, время от времени вставляя «Хай, ваката» — Да, понимаю. Мужество Тайрера, вытекшее из него до капли, прихлынуло снова, и он сосредоточился на Хираге и его японском. Слова быстро закончились коротким «Домо».

Офицер тут же заговорил в ответ. Хирага подождал, пока он закончит.

— Покачать го'ровой, — прошептал он. — Сказать Ийе, домо, пок'раница быстро-быстро, назад домой. Приказать мне уходить тоза.

Уже лучше владея собой, Тайрер твердо покачал головой.

— Ийе, домо! — с важностью произнес он и, посреди благоговейного молчания, зашагал к миссии, остановился, вдруг смешавшись, повернулся и крикнул по-английски: — Юкия! Пойдем... о, чёрт, — он лихорадочно попытался вспомнить нужное японское слово, вспомнил и махнул ему рукой: — Юкия, исоги!

Хирага подчинился и торопливо засеменил вперед, все так же униженно горбясь. На верху лестницы, где только Тайрер мог его слышать, он склонился ещё ниже, стоя спиной ко всем, кто наблюдал за ними, и сказал:

— Паза'рста приказать все люди, теперь нет опасность. Внутрь дома быстро паза'рста.

Тайрер послушно выкрикнул:

— Капитан Паллидар, скомандуйте людям отбой, всё... э... всё теперь успокоилось!

Когда Тайрер оказался внутри миссии, где его никто не мог видеть, его посеревшее от облегчения лицо стало хмурым.

— Кто ты такой, какого дьявола я им там наговорил, а?

— Объяснять потом, Тайра-сан. Самурай хотят обыскать, вас, все со'рдат, хотят забрать рузия, — спотыкаясь о слова, произнес Хирага, сам ещё не окончательно пришедший в себя после пережитого страха. Теперь он стоял выпрямившись, глядя ему в глаза, не такой высокий, как англичанин, но так же весь в поту, зная, что ещё не выбрался из ловушки. — Капитан очень з'рой, хочет рузия, забрать рузия, хочет искать... враги бакуфу. Вы говорить ему: «Нет, капитан, киндзиру, зап'ресено искать. Сегодня я и со'рдаты уходить совсем, тогда вы искать. Не

сейчас, киндзиру. Мы будем с оружей, когда уходить. Киндзиру запресено останавливать нас. Спасибо. Я теперь готовица уходить Йокогама».

— Это я и сказал?

— Да. Паза'рста теперь снова нарузу, приказать мне, садовникам назад работать сердито. С'рово хатараки-масой, — проговорил Хирага слабым голосом. — Мы говорить потом, тайно, вы и я, да?

— Да, но не наедине, со мной будет офицер.

— Тогда нет говорить, просу просения. — Хирага опять почтительно согнулся и, пятясь, вышел из комнаты. Весь разговор занял всего несколько секунд. Снаружи он опять упал на колени перед Тайрером, все так же спиной к двору перед миссией.

Обеспокоенный, Тайрер шагнул на солнечный свет. Он увидел, что все по-прежнему стояли по местам и ждали.

— Капитан Паллидар, и... э... капитан Макгрегор, отпустите людей, затем прошу присоединиться ко мне для совещания. Хатпараки-масой! Икимасо! — Принимайтесь за работу! Живо! — закричал он на садовников, которые мгновенно подчинились.

Хирага, благодаря судьбу, поспешил укрыться в саду, пробормотав на ходу садовникам, чтобы они прикрыли его. Со всех сторон загрелись зычные приказы офицеров и сержантов, и остановившийся мир начал вращаться снова.

Не замечая ничего вокруг, Тайрер стоял на веранде, наблюдая за Хирагой и не зная, что ему предпринять. Он был в ужасе от того, что этот человек явно шпионил за ними, и одновременно благословлял его за их спасение.

— Вы вызывали нас? — Голос капитана Паллидара вывел его из задумчивости.

— О! Ах да... пожалуйста, следуйте за мной. — Он провел их в свой кабинет, запер дверь и сообщил им то, что сказал японцам.

Оба офицера поздравили его.

— Чертовски впечатляюще, Филип, — заметил Паллидар. — Какое-то мгновение я был уверен, что сейчас начнется заваруха, и один Господь Бог знает, чем бы все это кончилось. Если начистоту, слишком уж много этих сукиных детей тут собралось — со временем они нас одолели бы. Со временем. Конечно, флот отомстил бы за нас, но наши трупы уже успели бы остыть, а от этой мысли становится чертовски скучно.

— Ещё как скучно, — пробормотал Макгрегор, потом бросил взгляд на Тайрера. — Какие теперь будут распоряжения, сэр?

Тайрер нерешительно помолчал, пораженный тем, что ни один из них

не слышал, как Хирага говорил по-английски, но весьма довольный своим приобретенным значением — Макгрегор впервые добавил «сэр», обращаясь к нему.

— Нам лучше всего выполнить распоряжение сэра Уильяма. Прикажите всем собирать вещи и... но пусть это не выглядит как позорное отступление, мы не можем позволить им заполучить наши ружья — какая наглость! — или дать им повод думать, будто мы удираем. Из ворот мы выйдем парадным маршем... э... под гром оркестра и с помпой.

— Замечательно. После того, как с должной церемонией спустим флаг.

— Отлично! Ну что же, мне, пожалуй... мне, пожалуй, стоит проверить, что все донесения упакованы и так далее.

— Позвольте предложить, сэр... — произнес капитан Макгрегор. — Я действительно считаю, что вы заслужили большой бокал шампанского — я уверен, у нас ещё осталось несколько бутылок.

— Благодарю вас. — Тайрер просиял. — Возможно, мы... почему бы нам не «срастить концы у грота-браса». — Это было традиционное морское выражение, означавшее раздачу всей команде по чарке рома. — Кроме этого, нам всем следует сначала плотно позавтракать — покажем им, что нас не испугать и мы не торопимся.

— Я немедленно займусь всем этим, — сказал Макгрегор. — Чертовски здорово вы это придумали: позвать того садовника, чтобы он помог со словами; некоторые из них звучали почти совсем как английские. Но зачем они хотели обыскать миссию?

— Чтобы найти... чтобы искать врагов бакуфу.

Оба капитана недоуменно уставились на него.

— Но здесь нет никаких джапо, кроме садовников, если они их имели в виду.

Сердце Тайрера подпрыгнуло, потому что это сразу ставило под подозрение Юкию, но он услышал, как Паллидар сказал:

— Вы ведь на самом деле не собираетесь разрешать им обыскивать миссию, не правда ли? Это, без сомнения, создало бы опасный прецедент.

Все его благодушие как рукой сняло, потому что Паллидар, разумеется, был прав.

— Чёрт, в тот момент я не подумал об этом!

Молчание нарушил Макгрегор.

— Возможно... возможно, перед тем как мы оставим миссию, сэр, вы могли бы пригласить самурайского офицера пройтись тут кругом вместе с нами, осмотреть миссию. Ничего страшного, если мы его пригласим. Одновременно с этим он может заняться своими садовниками, или мы

могли бы отпустить их перед нашим уходом, а потом запереть ворота.

— Идеальное решение, — с радостным видом кивнул Паллидар.

Хирага полол сорняки у бокового входа в миссию, рядом с открытым окном. Он был в грязи и поту, полуденное солнце по-прежнему жгло немилосердно. На переднем дворе грузили на повозки сундуки и чемоданы, запрягали лошадей, некоторые солдаты уже выстраивались в походное построение. Часовые патрулировали стену по всему периметру. Снаружи многочисленные самураи сидели на корточках под зонтиками от солнца или прогуливались, лица у всех были злобные.

— Давай! — донесся голос Тайрера из комнаты внутри здания. Хирага убедился, что его никто не видит, нырнул в кустарник и быстро открыл дверь. Тайрер торопливо провел его по коридору в комнату, выходящую окнами на передний двор, и запер дверь на задвижку. Солнечный свет просачивался через занавеси на закрытых окнах. Рабочий стол, несколько стульев, на столе свитки документов, папки с бумагами и револьвер. Тайрер сел за стол и показал рукой на один из стульев.

— Пожалуйста, садитесь. А теперь скажите мне, кто вы.

— Сначала, секрет, что я говорить англ'иски, да? — Хирага остался стоять в полный рост, в его фигуре было что-то угрожающее.

— Сначала скажите мне, кто вы такой, потом я решу.

— Нет, просу просения, Тайра-сан. Я по'резный вам, уже люди спасать. Бо'рсой по'резный. Правда, нех?

— Да, правда. Почему я должен держать это в секрете?

— Безопасный мне... вам тоза.

— Почему мне?

— Возможно, не мудро иметь... как вы говорить, ах да, секрет, который другой гайдзин не знать. Я очень помогать вам. Помогать учить язык, помогать про Ниппон. Я говорит вам правду, вы говорит мне правду тоза, вы помогает мне, я помогает вам. Какой возраст, поза'рста?

— Мне двадцать один.

Хирага скрыл своё удивление и улыбнулся из-под края широкой шляпы: так трудно угадать возраст гайdziнов, все они на одно лицо. Что же до оружия, которое его враг положил на стол, оно вызывало смех. Он мог бы убить этого глупца голыми руками, прежде чем тот успел бы прикоснуться к нему. Так просто убить его сейчас, так заманчиво, и места более подходящего не найти, отсюда так легко бежать, но, оказавшись снаружи, будет не так просто ускользнуть от самураев.

— Хранить секрет?

— Кто вы? Ваше имя не Юкия, ведь так?

— Обещать секрет?

Тайрер набрал в грудь побольше воздуха, взвесил все последствия этого шага, в любом случае выходила полная катастрофа.

— Я согласен. — Его сердце гулко стукнуло и остановилось на мгновение, когда Хирага извлек откуда-то из края шляпы кинжал, и он отругал себя за опрометчивость, с которой пошел на такой риск. — Коготок увяз, всей птичке пропасть, — пробормотал он.

— Сто?

— Ничего.

Он смотрел, как Хирага уколол себе палец, потом протянул кинжал ему.

— Теперь вы, паза'рста. — Тайрер заколебался, понимая, что за этим последует, но, уже приняв решение, пожал плечами и подчинился. Торжественно Хирага прикоснулся пальцем к пальцу Тайрера, смешав их кровь. — Я к'рянусь богами хранить секрет про вас. Вы сказать такза, паза'рста, с христианским богом, Тайра-сан.

— Клянусь Господом хранить в тайне правду о тебе, пока это будет в моих силах, — мрачно произнес Тайрер, размышляя, куда заведет его эта священная клятва. — Где вы выучили английский? В миссионерской школе?

— Хай, но я нет христианин. — Опасно рассказывать ему о наших школах в Тёсю, подумал Хирага, или о мистере Великая Вонь, голландце, нашем учителе английского, который говорил, что был священником, прежде чем стать пиратом. Не имеет никакого значения, правду я говорю этому Тайреру или ложь, он гайдзин, маленький начальник нашего самого могучего внешнего врага, и потому ему нельзя доверять, его надлежит использовать, ненавидеть и убить, когда в нем минет надобность. — Вы помогать безать?

— Кто вы? Откуда вы? Ваше имя не Юкия.

Хирага улыбнулся и опустился на стул.

— Юкия означать садовник, Тайра-сан. Моя фами'рия Икэда, — легко солгал он. — Накама Икэда, я кого офицер хотеть. Я двадцать два год.

— Почему?

— Потому что я и семья, из Тёсю, мы против бакуфу. Бакуфу забирать в'расть у императора и...

— Вы имеете в виду сёгуна?

Хирага покачал головой.

— Сёгун — это бакуфу, главный бакуфу. Он... — Хирага подумал

мгновение, потом изобразил куклу на веревочке. — Понимает?

— Кукла?

— Да, кук'ра.

Тайрер удивленно моргнул.

— Сёгун кукла?

Хирага кивнул, чувствуя себя более уверенно теперь, когда начался разговор, напрягая память в поиске забытых слов.

— Сёгун Нобусада, ма'рчик, сиснадцать год, кук'ра бакуфу. Он зывает Эдо. Император зывает Киото. Сейчас император нет в'расть. Бо'рьса двести год назад сёгун Торанага забирать в'расть. Мы сразаца, брать в'расти у сёгун и бакуфу, давать назад император.

Тайрер, у которого болела голова от огромного напряжения — очень трудно понимать речь этого человека, — тут же сообразил, какое значение имеет для них эта информация.

— Этот мальчик сёгун. Сколько лет, пожалуйста?

— Сиснадцать год сёгун Нобусада. Бакуфу говорить что — он де'рает, — повторил Хирага, сдерживая раздражение, зная, что должен быть терпелив. — Император много в'расти, но нет... — Он поискал слово, не нашел его и поэтому начал объяснять по-другому: — император не как даймё. Даймё имеет самурай, оружье, много. Император нет самурай, нет оружье. Мозет никак заставить бакуфу подчиница. Бакуфу иметь армии, император нет, вакатта?

— Хай, Накама, вакатта. — Тысяча вопросов теснились в голове, просясь на язык, и Тайрер понимал, что сидящий перед ним человек — кладезь, который должен быть вычерпан до дна, но делать это следует осторожно, и здесь для таких разговоров не место. Он увидел напряженную сосредоточенность на лице японца и спросил себя, сколько из того, что он говорил, Накама действительно понял, отметив про себя, что впредь ему надо стараться говорить помедленнее и как можно проще. — Сколько вас сражается против бакуфу?

— Много. — Хирага приклепнул ладонью залетевшего в комнату комара.

— Сотни, тысячи? Что за люди, простые люди, садовники, рабочие, торговцы?

Хирага, недоумевая, посмотрел на него, сбитый с толку.

— Они ничто. То'рька служит самурай. То'рька самурай сразаца. То'рька самурай имеет оружье. Киндзиру другим иметь оружье.

Тайрер опять заморгал.

— Вы самурай?

Вопрос вызвал ещё большее недоумение.

— Самурай сразаца. Я говорит сразаца с бакуфу, так? Накама самурай! — Хирага снял шляпу и стащил с головы грязную, мокрую от пота повязку, под которой оказалась характерная для всех самураев выбритая верхушка головы и собранные в тугой, особым образом перевязанный пучок волосы. Теперь, когда Тайрер мог хорошо видеть его лицо, впервые без широкополой соломенной шляпы, впервые всмотревшись в него по-настоящему, он заметил все те же твердые раскосые глаза обладателя двух мечей и иное строение лица, сильно отличавшее его от крестьян. — Когда сэнсо, капитан самурай, видеть меня так, я мертвый.

Тайрер кивнул, мысли его разбежались во все стороны.

— 'Регко мой убежать. Паза'рста, давать со'рдатский одезда.

Тайрер изо всех сил старался не выдать лицом охватившего его волнения и страха. Одна его половина отчаянно хотела вырваться отсюда, бежать куда-нибудь без оглядки, вторая алчно стремилась заполучить все знания этого самурая, ведь они могли бы стать, нет, станут, одним из главных ключей, которые отомкнут мир Ниппона и его собственное будущее, если правильно ими распорядиться. Он уже готов был выпалить слова согласия, но вспомнил недавно полученный от сэра Уильяма выговор и, преисполнившись благодарности, промолчал, пытаясь успокоиться и собраться с мыслями.

— 'Регко убежать, да? — нетерпеливо повторил Хирага.

— Не легко, но возможно. Очень рискованно. Сначала необходимо убедить меня, я должен быть уверен в том, что вас стоит спасать. — Тайрер заметил промелькнувший на лице японца гнев — может быть, гнев, смешанный со страхом, он не мог определить точно. Господи, самурай! Как жаль, что здесь нет сэра Уильяма, я абсолютно не представляю, что делать. — Не думаю, что я действительно смо...

— Паза'рста, — произнес Хирага умоляюще, зная, что это его единственный верный шанс вырваться из западни, но про себя думая: поспеши с согласием, или я убью тебя и попробую бежать через стену. — Накама клянется богами помогать Тайра-сан.

— Вы торжественно клянётесь своими богами, что правдиво ответите на все мои вопросы?

— Хай, — тут же ответил Хирага, пораженный тем, что Тайрер мог быть настолько наивен, чтобы задать подобный вопрос врагу или поверить его утвердительному ответу, — конечно же, он не может быть настолько глуп? Какой бог или боги? Их не существует. — Богами я к'рянусь.

— Подождите здесь. Заприте дверь, открывать только мне.

Тайрер положил револьвер в карман, пошел и разыскал Паллидара и Макгрегора и отвел их в сторону.

— Мне нужна помощь, — прерывисто заговорил он. — Я узнал, что Юкия — один из тех, кого ищут эти самураи, выяснилось, что он, ну, инакомыслящий. Я хочу переодеть его солдатом и взять его с нами, тайно.

Оба офицера ошеломленно посмотрели на него. Потом Макгрегор произнес:

— Извините меня, сэр, но вы действительно полагаете, что это разумно? Я хочу сказать, бакуфу являются законным правительством, и если нас поймают...

— Нас не поймают. Мы просто наденем на него алый мундир и поставим в середину строя. А, Сеттри?

— Да, это могло бы сработать, Филип, но если его все-таки заметят и нас остановят, мы окажемся без весла на самой стремнине.

— У вас есть другие предложения? — спросил Тайрер. Страх и возбуждение нарастали в нем, и его голос нервно задрожал: — Я хочу вытащить его отсюда. Без его помощи мы, вероятнее всего, были бы все сейчас мертвы, и он окажется крайне полезен нам в будущем.

Офицеры беспокойно переглянулись, потом перевели глаза на Тайрера.

— Извините, это слишком опасно, — сказал Паллидар.

— Я-так-не-считаю! — отрезал Тайрер, у него мучительно болела голова. — Я хочу, чтобы это было сделано! Это вопрос огромной важности для правительства Её Величества, так что говорить больше не о чем!

Макгрегор вздохнул.

— Слушаюсь, сэр, очень хорошо. Капитан, как насчет того, чтобы посадить его верхом?

— Как драгуна? Это смешно, садовник не сможет держаться в седле и управлять лошадью. Пусть уж лучше идет пешком, нужно поплотнее окружить его солда...

— Ставлю пятьдесят фунтов против медного фартинга, что этот олух не сможет шагать в ногу, он будет бросаться в глаза, как шлюха в епископских подштанниках!

Тогда Тайрер предложил:

— А что, если мы всунем его в мундир, перебинтуем лицо и руки и понесем его на носилках — сделаем вид, что он болен.

Офицеры посмотрели на него, потом просияли.

— Здорово придумано!

— Даже лучше, — радостно добавил Паллидар, — мы притворимся,

что у него какая-нибудь заразная болезнь: оспа, корь, чума! — Они дружно захохотали.

Самурайский офицер и несколько стражников, которые были допущены в опустевшую миссию, обошли вслед за Тайрером, Макгрегором и четырьмя драгунами все здание. Их обыск был очень тщательным, они заглянули в каждую комнату, в каждый шкаф, даже на чердак. В конце концов офицер удовлетворенно кивнул. В холле стояло двое носилок, на каждом лежало по солдату, у обоих был жар, оба были перевязаны, один частично, другой, Хирага, полностью — голова, руки и ноги — все, что торчало из потемневшего от пота мундира.

— Оба очень больны, — сказал Тайрер по-японски, Хирага дал ему нужные слова. — У этого солдата оспа.

Одно упоминание об этой болезни заставило самурая побледнеть и отступить на шаг — в японских городах постоянно вспыхивали эпидемии оспы, хотя они и не были столь губительны, как в Китае, где от неё умирали сотнями тысяч.

— Об этом... об этом необходимо доложить, — пробормотал офицер, он и его люди прикрыли рты ладонью, поскольку считалось, что заражение и распространение болезни происходит, когда здоровый человек вдыхает зараженный воздух, находясь рядом с больным.

Тайрер не понял его, поэтому просто пожал плечами.

— Человек очень больной. Нет подходить близко.

— Я не собираюсь подходить к нему, вы думаете, я сумасшедший? — Высокий самурай вышел на веранду. — Послушайте, — тихо сказал он своим людям. — Не говорите ни слова об этом остальным на площади, а то может начаться паника. Вонючие чужеземные собаки. А пока что держите глаза открытыми, этот Хирага где-то здесь.

Они прочесали всю территорию миссии и осмотрели все постройки, всех её работников и солдат, построенных в тени и нетерпеливо ожидающих, когда можно будет двинуться вниз к причалу, где их ждали баркасы. Наконец, полностью удовлетворенный осмотром, офицер с досадой поклонился и вышел из ворот. Снаружи толпились самураи, Дзёун, по-прежнему связанный, стоял в первых рядах, садовники, цепenea от ужаса, все так же сидели на коленях в один ряд, все без шляп, все голые. Когда он приблизился, они ещё глубже уткнулись головами в землю.

— Встать! — сердито рявкнул он, с отвращением вспомнив, что, когда он приказал им раздеться, ни у одного из них не оказалось ни выбритой сверху особым образом головы, ни ран от меча, ни порезов, ни каких-либо

иных признаков, указывающих на принадлежность к самурайской касте, из чего он вынужден был заключить, что его жертва все ещё прячется внутри или сумела ускользнуть. Теперь он был разозлен ещё больше и, тяжело ступая, подошел к Дзёуну.

— Чтобы спрятаться, ронин Хирага либо полностью обрил себе голову, либо отпустил волосы, как у этого отребья. Укажи на него!

Дзёун стоял на коленях, сломленный, едва живой. Его били, потом приводили в сознание, снова били и снова приводили в себя по приказу Андзё.

— Кто из них Хирага, укажи!

— Его... его нет, нет здесь. — Юноша вскрикнул, когда железная нога офицера с тупым звуком врезалась в самое чувствительное место, потом ещё раз; садовники мелко дрожали в смертельном страхе. — Его нет... нет здесь... — Ещё один безжалостный удар. Беспомощный, вне себя от отчаянной, дикой боли, Дзёун показал пальцем на молодого мужчину, который рухнул на колени, вопя о своей невиновности.

— Заткните ему рот! — приказал офицер. — Отведите его к судье, оттуда — в тюрьму и распните это отродье, уведите их всех, они все виновны в том, что укрывали его, уведите их всех!

Кричащих и умоляющих, их поволокли с площади. Молодой садовник, на которого указал Дзёун, пронзительно взвизгнул, что видел Хирагу не так давно возле миссии и что, если его отпустят, он покажет им где, но никто не обратил на его слова никакого внимания, и его крики, как и крики всех остальных, были быстро оборваны, самым жестоким образом.

Офицер вытер пот со лба, довольный тем, что выполнил полученный приказ. Он сделал глоток воды из фляжки, ополоснул рот, сплюнул, потом с наслаждением припал к горлышку.

И-и-и-и, — подумал он и передернулся. — Оспа! Болезнь гайдзинов, которую к нам завезли из-за моря! Все мерзости приходят оттуда, гайдзинов необходимо вышвырнуть из страны и никогда больше не пускать. Серdito он наблюдал за строящимися музыкантами, марширующими солдатами, его мысли были заняты сиси, которого он искал.

Невозможно, чтобы этот садовник оказался знаменитым сиси, тем Хирагой, который участвовал в той схватке. Карма, что я и мои люди подоспели в тот день слишком поздно и не увидели его и тех, кто уже отступил. Нет, не карма, это Бог хранил меня. Если бы я увидел его, я не смог бы притвориться сегодня, что поверил Дзёуну. Где он, этот Хирага? Он где-то прячется. Господи, прошу, помоги мне.

И-и-и-и, сколько странного в этой жизни. Я ненавижу гайдзинов, но при этом верю в их Бога Иисуса, хотя и тайно, как мой отец, и дед, и прадед — со времен, ещё предшествовавших Секигахаре. Да, я верю в этого Бога Иисуса, единственное ценное, что пришло к нам из-за моря, а разве князя учителей-иезуитов не говорят, что вера придает нам силы и что когда у нас есть проблема, мы должны терзать и глотать её постоянно, как собака гложет кость.

Хирага где-то прячется. Я обыскал все тщательно. Значит, он изменил своё обличье. Кем он теперь стал? Деревом? Кем?

За стенами продолжались приготовления к отъезду. Флаг дрогнул и пополз вниз. Заиграли трубы и барабаны. Всадники вскочили в седла. Носилки погрузили в крытую повозку. Ворота открылись, кавалеристы построились, впереди них этот гайдзин, у которого японское имя, вот они проехали мимо, двинулись дальше, вниз с холма и...

Повязки! Сознание офицера озарила яркая вспышка, и он все понял. Нет никакой болезни! Хитро, подумал он, охваченный волнением, но недостаточно хитро! Теперь, должен ли я пойти на открытое столкновение с ними и перехватить их на одной из узких улочек? Или мне следует отрядить шпионов, которые последуют за ним и не будут терять его из виду, пока он не приведет меня к остальным?

Я отряжу шпионов.

Вторник, 14 октября

Бал по случаю помолвки был в самом разгаре. Масляные лампы освещали заполненный большой зал клуба — Малкольм Струан снял все здание целиком и украсил его для сегодняшнего торжества. Все уважаемые жители Поселения получили приглашения и все были здесь, как и все свободные от службы морские и армейские офицеры, а снаружи Хай-стрит патрулировали солдаты и матросы, готовые воспрепятствовать проникновению на праздник пьяниц и нежелательных лиц из Пьяного Города.

Анжелика ещё никогда не выглядела так восхитительно — кринолин, головной убор из перьев райской птицы и ослепительно сверкающее бриллиантовое кольцо, подарок Малкольма к помолвке. Звучал пульсирующий вальс Иоганна Штрауса-младшего, совершенно новый, только что полученный с дипломатической почтой из Вены. Андре Понсен вдохновенно исполнял его на фортепиано, ему уверенно помогал маленький оркестр морских пехотинцев, облачившихся в полную парадную форму по случаю праздника. Её партнером был Сеттри Паллидар — то, что именно ему выпала честь представлять армию, было встречено одобрительным ревом и всеобщей абсолютной завистью.

— Везучий сукин сын, — процедил сквозь зубы Марлоу, пожирая глазами своего соперника. Его синий мундир морского офицера сверкал новыми золотыми аксельбантами адъютанта, наряд дополняли белые шелковые панталоны и чулки и черные туфли с серебряными пряжками.

— Кто? — спросил Тайрер, проходя мимо с очередным бокалом шампанского, разгоряченный и взволнованный этим вечером и своим успехом: ему удалось незаметно вывезти Накаму, самурая, из Эдо и, с одобрения сэр Уильяма, поселить его у себя в доме как учителя японского языка. — Кто это сукин сын, Марлоу?

— Идите к черту — словно вы и так не знаете! — Марлоу широко улыбнулся. — Послушайте, я выдвинут представителем от флота. Следующий танец мой, и я умру, но покажу этому охламону, что почем.

— Дьявольщина, вы счастливчик! А что за танец?

— Полька.

— О, вот это да — вы сами это устроили?

— Боже милостивый, нет! — Полька, пришедшая из народных танцев

Богемии, была ещё одним недавним дополнением к бальному репертуару Европы, все с ума сходили по этому зажигательному танцу, хотя он и продолжал считаться рискованным. — Он стоит в программе! Вы разве не заметили?

— Нет, так и не заметил, голова слишком занята другими делами, — радостно ответил Тайрер; его буквально распирало от желания рассказать кому-нибудь, какую он проявил изобретательность, и ещё больше о том, что сегодня ночью, сразу же, как только сможет, он отправится через Мост в Рай в объятия своей возлюбленной, — жалея, что в обоих случаях с него взяли клятву хранить молчание. — Она танцует как мечта, не правда ли?

— Хей, юный Тайрер... — Это был Дмитрий Сывородин, весь в поту и изрядно навеселе, с кружкой рома, зажатой в кулаке. — Я попросил дирижера сыграть канкан. Парень сказал, что я уже пятый, кто подходит к нему с этой просьбой.

— Бог мой, так он сыграет? — потрясенно спросил Тайрер. — Однажды в Париже я видел, как его танцуют, — вы не поверите, но девушки не надели никаких панталон совершенно!

— Я верю! — Дмитрий грубо хохотнул. — Но Ангельские-то Грудки их сегодня надела, да и показать бы их не испугалась, клянусь Богом!

— Эй, послушайте... — вспыхнув, начал Марлоу.

— Полно, Джон, он просто шутит. Дмитрий, вы невозможны! Дирижер, конечно же, не осмелится?

— Нет, если только Малк ему не кивнет.

Они посмотрели в другой конец большой комнаты. Малкольм Струан сидел вместе с доктором Хоугом, Бебкоттом, Сератаром и некоторыми из посланников и смотрел на танцевальный круг, не сводя глаз с Анжелики, которая волною кружилась под чарующую, смелую, современную музыку, не оставлявшую равнодушным никого из них. Его ладонь лежала на тяжелой трости, золотая печатка посверкивала, когда пальцы легонько отбивали счет. На нем был вечерний костюм из гладкого шелка, рубашка с высоким воротником, кремовый галстук с бриллиантовой заколкой, его сапоги из прекрасной кожи были выписаны из Парижа.

— Жаль, что он все ещё так немощен, — пробормотал Тайрер, искренне сочувствуя ему, но при этом благословляя свою удачу.

Струан и Анжелика прибыли поздно. Он передвигался с огромным трудом, сгорбившись, несмотря на все старания держаться прямо, помогая себе двумя тростями, принимавшими на себя его вес. Анжелика, лучась от счастья, держала его под руку. Их сопровождал доктор Хоуг, заботливый и всегда начеку. Его приветствовали громкими криками, ещё громче

приветствовали её, затем, с облегчением опустившись в кресло, он поприветствовал своих гостей и пригласил разделить торжественный ужин, который был накрыт на столах.

— Но прежде, друзья мои, — сказал он, — прошу вас поднять бокалы. Я пью за самую прекрасную девушку в мире, мадемуазель Анжелику Ришо, мою невесту.

Гром поздравлений со всех сторон. Китайские слуги в ливреях подносили шампанское ящиками. Джейми Макфей добавил несколько радостных слов, и вечер начался. Вина из Бордо и Бургундии, особое шабли, очень любимое в Азии, коньяки, виски — все эксклюзивно импортировавшиеся домом Струана — джин, пиво из Гонконга. Австралийские запеченные говяжьи бока, несколько барашков, зажаренных целиком, пироги с курятиной, холодная соленая свинина, окорока, картофель из Шанхая, запеченный и фаршированный поджаренным беконом и маслом, а также пудинги и шоколад, новый продукт, вывозившийся из Швейцарии. После того как остатки ужина убрали и из зала вынесли семерых упившихся гостей, Андре Понсен занял своё место за роялем, и оркестр заиграл.

С большой церемонией по отношению к Малкольму сэр Уильям попросил для себя первый танец. Следом за ним был Сератар, потом другие посланники — за исключением фон Хаймриха, который слег с дизентерией, — адмирал и генерал. После каждого танца Анжелику окружали разгоряченные, широко улыбающиеся лица, а потом, обмахиваясь веером, она возвращалась назад к Малкольму, восхитительная со всеми, но при этом неизменно внимательная к нему. Всякий раз, когда её приглашали, она поначалу отказывалась и только через некоторое время давала ему убедить себя:

— Но, Анжелика, я люблю смотреть, как ты танцуешь, моя дорогая, ты танцуешь так же грациозно, как делаешь все на свете.

Сейчас он наблюдал за ней, раздираемый между счастьем и отчаянием, ужасно мучаясь своим бессилием.

Время близилось к полуночи, сейчас она потягивала шампанское и пряталась за своим веером, с привычным кокетством поигрывая им, дразня тех, кто обступил её со всех сторон, потом отдала свой бокал, словно королева или богиня, одаряющая простых смертных, вежливо извинилась и скользящей походкой вернулась к своему креслу подле Струана. Рядом собралась оживленная группа: Сератар, сэр Уильям, Хоуг, другие посланники и Понсен.

— Да, мсье Андре, ваше исполнение великолепно. Не правда ли, Малкольм, дорогой?

— Да, великолепно, — произнес Струан, чувствуя себя скверно и стараясь скрыть это. Хоуг внимательно посмотрел на него.

Она продолжала по-французски:

— Андре, где вы прятались последние несколько дней? — Она взглянула на него поверх веера. — Если бы мы были в Париже, я была бы готова поклясться, что у вас появилась новая дама сердца.

— Всего лишь работа, мадемуазель, — непринужденно ответил Понсен.

Потом по-английски:

— А, печально. Париж осенью особенно чудесен, он пьянит почти так же, как весной. О, подожди, пока я покажу его тебе, Малкольм. Мы обязательно должны провести там один сезон.

Она стояла рядом с ним и почувствовала, как его рука легко легла ей на талию, она опустила свою руку ему на плечо и стала поигрывать его длинными волосами. Его прикосновение нравилось ей, его лицо было красивым, он был красиво одет, и кольцо, которое он подарил ей сегодня утром, крупный бриллиант в окружении бриллиантов помельче, привело её в восторг. Она опустила на перстень глаза, покручивая его, восхищаясь игрой камня, гадая, сколько оно стоит.

— Ах, Малкольм, тебе понравится Париж. Если попасть в сезон, это просто удивительный город. Мы могли бы?

— Почему же нет, если тебе хочется.

Она вздохнула — её пальцы пристойно ласкали ему шею — и сказала, словно какая-то мысль только сейчас пришла ей в голову:

— Возможно, как ты думаешь, *chéri*, как ты думаешь, мы могли бы провести там медовый месяц — мы танцевали бы все ночи напролет.

— То, как вы танцуете, — истинный восторг для глаз, мадемуазель. В любом городе, — заметил Хоуг, потя и чувствуя себя неудобно в слишком тесном вечернем костюме. — Я был бы рад сказать то же самое о своём умении танцевать. Могу я предло...

— Вы совсем не танцуете, доктор?

— Много лет назад, во время службы в Индии, я танцевал, но бросил, когда умерла моя жена. Она действительно любила танцы настолько самозабвенно, что мне они теперь не доставляют никакого удовольствия. Чудный вечер, Малкольм. Могу я предложить, чтобы мы остановились на этой мажорной ноте?

Анжелика бросила на него острый взгляд, улыбка увяла на её губах,

она прочла на его лице озабоченность, перевела взгляд на Малкольма и увидела, что тот совсем обессилен. Как ужасно, что он такой больной, подумала она. Чёрт!

— Ещё рано, — храбро заявил Малкольм, мучительно желая лечь, — не правда ли, Анжелика?

— Должна признаться, я и сама действительно устала, — тут же ответила она. Её веер закрылся, она положила его, улыбнулась ему, Понсену и остальным и приготовилась уйти. — Может быть, мы выскользнем незаметно, а вечер пусть продолжается...

Они вполголоса извинились перед теми, кто был рядом. Все остальные притворились, что не заметили их тихого исчезновения, но после неё в зале осталась пустота. У самой двери Анжелика вдруг спохватилась.

— О-ля-ля, я забыла веер. Я догоню тебя, мой дорогой.

Она торопливо вернулась. Понсен перехватил её.

— Мадемуазель, — сказал он по-французски, — полагаю, это ваше.

— А, вы так добры. — Она приняла веер, в восторге от того, что её замысел удался и что Андре оказался достаточно наблюдательным, как она и надеялась. Когда он склонился над её рукой и легко прикоснулся к ней губами, она прошептала по-французски:

— Я должна увидеть вас завтра.

— Миссия, в полдень, спросите Сератара, его не будет на месте.

Она смотрела на своё отражение и словно видела перед собой другого человека. Рука со щеткой двигалась уверенно, расчесывая спутавшиеся кое-где пряди, кожу головы приятно покалывало, а она поражалась, что все ещё жива и внешне не изменилась после всех этих несказанных мук.

Любопытно. Каждый следующий день после первого давался ей все легче.

Почему так?

Не знаю. Впрочем, ладно. Завтрашний день разрешит проблему с этой задержкой, хотя, возможно, все начнется даже сегодня ночью, и мне больше не нужно будет бояться и плакать, плакать и снова бояться. Десятки тысяч женщин оказывались в той же ловушке, что и я, и все же выбирались из неё без вреда для себя.

Несколько глотков лекарства, и все становится как раньше, и никто ничего не знает. Кроме тебя и Бога! Кроме тебя и доктора, или тебя и повивальной бабки — или ведьмы.

Довольно на сегодня, Анжелика. Уповай на Господа и на Благословенную Богоматерь. Благословенная Богоматерь защитит тебя,

ведь ты невинна. Ты открыто помолвлена с замечательным человеком, как-нибудь ты выйдешь за него замуж и будешь жить долго и счастливо. Завтра... завтра начнутся все где и как.

Позади неё А Со готовила постель, собирая с неё чулки и белье. Платье с кринолином уже висело на особой вешалке вместе с двумя другими, полдюжины новых повседневных платьев лежали все ещё завернутые в большие пакеты из рисовой бумаги. Через открытое окно в комнату залетали смех, пьяное пение и музыка из клуба, которые как будто и не думали стихать.

Она вздохнула, всем сердцем желая вернуться туда. Щетка задвигалась энергичнее.

— Мисси хотеть ч'то, хейа?

— Нет. Хочу спать.

— Доблой ночи, мисси.

Анжелика заперла за ней дверь. Дверь в апартаменты Струана была закрыта, но не заперта. По заведенному порядку, как только она заканчивала свой туалет, она стучалась к нему, потом входила и целовала с пожеланием спокойной ночи, иногда обменивалась с ним двумя-тремя фразами и возвращалась назад, оставляя дверь приоткрытой на случай, если ночью ему станет плохо. Такое теперь случалось нечасто, хотя, с тех пор как неделю назад он прекратил принимать снотворное, он проводил ночи беспокойно, почти не спал, однако её никогда не тревожил.

Анжелика опять присела к зеркалу, и ей понравилось то, что она там увидела. Её пеньюар был шелковым, весь в кружевах и очень парижский — сшитая здесь копия того, что она привезла с собой.

Пробкой от духов она рассеянно коснулась груди и за ушами, слегка поправила кружева. Легкий стук в дверь.

— Малкольм?

— Входи... я один.

Неожиданно для неё, он оказался не в постели, а в своём кресле. Красный шелковый халат, глаза странные. В ту же секунду какой-то инстинкт заставил её насторожиться. Она, как обычно, заперла дверь и подошла к нему.

— Не устал, любовь моя?

— Нет и да. Когда я вижу тебя, у меня перехватывает дыхание. — Он протянул к ней руки, и она подошла ближе, сердце её учащенно забилося. Его руки дрожали. Он притянул её к себе, начал целовать ей пальцы, руки, грудь. В первый момент Анжелика не сопротивлялась, наслаждаясь его обожанием, желая его. Она наклонилась к нему, поцеловала и позволила

гладить и ласкать себя. Потом, чувствуя, что жар накатывает слишком быстро, она опустилась на колени рядом с креслом, наполовину разорвав его объятия.

— Мы не должны, — прерывисто прошептала она. Её сердце стучало так же гулко, как и его...

— Я знаю, но мне необходимо, я так хочу тебя... — Его горячие дрожащие губы нашли её губы, прижались к ним, её губы ответили. Теперь его рука гладила её по бедру, разжигая все сильнее огонь в её чреслах, потом эта сладостная мучительница передвинулась выше, ещё выше, и Анжелике захотелось большего, но она погнала себя прочь от манящего края и опять отстранилась, шепнув: «Нет, *chéri*». Однако на этот раз он удивил её, оказавшись гораздо сильнее, чем она думала, его вторая рука удержала её в любовных тисках, голос и губы становились все настойчивее, убедительнее, ближе, ближе, но тут, забыв обо всем, он слишком резко повернулся, и боль сразила его.

— О господи!

— Что случилось? С тобой все в порядке? — испуганно спросила она.

— Да, кажется, да. Господь Всемогущий! — Ему потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя, его пыл охладел, пронзенный сумасшедшей болью; ноющая же боль в чреслах осталась, и та, другая боль, казалось, лишь усиливала её. Его руки ещё держали её, ещё дрожали от нетерпения, но сила ушла из них.

— Боже, извини...

— Не надо извиняться, дорогой. — Когда, благодаря судьбу, она почувствовала, что дыхание возвращается к ней, Анжелика встала и налила ему холодного чая, который он всегда держал подле кровати. Сердце её ещё не успокоилось, разбуженные чресла ныли и горели огнем, ей, как и ему, не хотелось останавливаться, но она знала, что должна остановиться: ещё несколько минут, и она уже не смогла бы удержаться; ей было необходимо найти способ защитить себя, защитить его, защитить их обоих — из глубины сознания поднялся голос, громко выкрикивающий литанию: «мужчина никогда не женится на своей любовнице; ничего до брака — все что угодно после»; эти слова в неё вбивали с тех пор, как она могла понять их смысл. — Вот, — пробормотала она, протягивая ему чашку.

Она опустилась на колени и долго смотрела на него: глаза закрыты, лицо в поту, халат тоже в темных пятнах. Через мгновение большая часть её собственной тревоги и беспокойства растаяла бесследно. Она положила руку ему на колено, и он накрыл её своей.

— То, что мы живем так близко, плохо для нас, Малкольм, — мягко

сказала она, с нежностью глядя на него, любя его, но не будучи по-настоящему уверенной в своей любви. — Нам обоим трудно, chéri, я тоже хочу тебя и тоже тебя люблю.

После долгой паузы он с трудом произнес тихим, полным боли голосом:

— Да, но... но ты можешь помочь.

— Но нам нельзя, не раньше, чем мы поженимся, пока ещё нет, мы не должны, не сейчас.

Вдруг вся боль и отчаяние сегодняшнего вечера, когда ему пришлось сидеть и на протяжении всего бала терпеливо смотреть, как другие обнимают её в танце, вожделеют её, а он едва в состоянии ходить, хотя месяц назад он твердо знал, что как танцор мог дать фору любому из них, вся эта невысказанная мука поднялась в нем и вздыбилась, как гребень волны.

«Почему не сейчас! — хотел закричать он ей. — Какое значение могут иметь месяц или два? Ради всего святого... ну хорошо, я приму это, да, замуж приличная девушка должна выходить девственной, или она блудница, я соглашусь, что джентльмен не должен настаивать на своём до брака, я принимаю это! Но, ради Создателя, есть же другие способы».

— Я знаю, мы... мы не можем сейчас, — хрипло проговорил он, — но... Анжелика, но, пожалуйста, помоги мне... пожалуйста.

— Но как?

Снова слова заклокотали у него в горле: Господи, да так, как это делают девушки в известных домах, ласкают тебя, доводят до конца — ты что думаешь, занятие любовью сводится к тому, чтобы раскинуть ноги и лежать, как кусок мяса, — самые простые вещи, которые эти девушки проделывают без всякого стыда и задирания носа и потом радуются за тебя вместе с тобой, «Хей, твоя тепель одинаковый халасо, хейа?»

Но он знал, что никогда не скажет ей всего этого. Его воспитание совершенно исключало это. Как объяснить все это леди, которую ты любишь, когда она так молода и неискушенна, или так эгоистична, или просто ничего об этом не знает? Неожиданно правда пахнула ему в лицо чем-то прогорклым. Что-то изменилось, переродилось в нем.

Совсем другим голосом он сказал:

— Ты совершенно права, Анжелика, это трудно для нас обоих. Извини. Наверное, будет лучше всего, если ты переедешь назад во французскую миссию, пока мы не вернемся в Гонконг. Теперь, когда я начинаю поправляться, мы должны заботиться о твоей репутации.

Она посмотрела на него, широко открыв глаза, встревоженная такой

резкой переменой.

— Но, Малкольм, мне удобно там, где я сейчас, и я рядом, если понадобится тебе.

— О да, ты нужна мне. — Его губы тронула тень ироничной улыбки. — Я попрошу Джейми, чтобы он обо всем договорился.

Она заколебалась, застигнутая врасплох, не уверенная, как ей следует вести себя дальше.

— Если ты этого хочешь, *chéri*.

— Да, так будет лучше всего. Как ты сказала, жить так близко друг к другу трудно для нас обоих. Спокойной ночи, любовь моя, я очень рад, что бал тебе понравился.

Волна ледяного холода прокатилась по ней с головы до ног, но снаружи или изнутри, она не могла сказать. Она поцеловала его, готовая откликнуться на его страсть, но никакой страсти не было. Что же так изменило его?

— Пусть тебе приснится прекрасный сон, Малкольм, я люблю тебя. — По-прежнему ничего.

Ладно, подумала она, мужчины так подвержены смене настроений, и порой их трудно понять. Улыбаясь, словно ничего не произошло, она отперла дверь, послала ему нежный воздушный поцелуй и прошла в свою комнату.

Он смотрел на дверь. Она осталась слегка приоткрытой. Как обычно. Но ничто в их мире уже не будет как прежде. Приоткрытая дверь и её близость уже не искушали его. Его чувства изменились, словно кто-то перекроил их и сшил заново. Он не знал почему, но ему было очень грустно и он чувствовал себя очень старым; какой-то глубокий инстинкт подсказывал ему, что как бы он ни любил её, как бы ни старался физически, она никогда за всю их совместную жизнь не сможет полностью удовлетворить его.

Опираясь на трость, он с трудом поднялся на ноги и, стараясь не шуметь, доковылял до бюро. В верхнем ящике хранилась маленькая бутылочка лекарства, которую он припрятал для тех ночей, когда сама мысль о сне становилась невозможной. Одним глотком он допил остатки. Тяжело передвигая ноги, дотащился до кровати. Скрипнув зубами, лег и вздохнул, чувствуя, как боль покидает его. То, что он прикончил остатки дарящего ему покой напитка, ничуть его не беспокоило. Чен, А Ток или любой из слуг сможет достать ему ещё, когда бы он ни попросил. В конце концов, разве не компания Струана снабжала опиумом часть Китая?

Мурлыча под нос польку и завидуя успеху Джона Марлоу, вполне уверенный, что и сам бы мог справиться не хуже, Филип Тайрер, полутанцуя, приблизился к двери дома Трех Карпов в узеньком, пустынном переулке и размашисто постучал. Здесь Ёсивара казалась погруженной в дрему, но совсем неподалеку в домах и барах на главной улице бурлило веселье, ночь только начиналась, полная мужского хохота и грубого пения, к которому примешивался пиджин, женский смех и, время от времени, теньканье сямисэна. [\[22\]](#)

Зарешеченное окошечко в двери открылось.

— Масса, сто?

— Пожалуйста, говорите по-японски. Я Тайра-сан, и у меня здесь свидание.

— А, это так? — спросил здоровенный слуга. — Тайра-сан, эй? Я извещу маму-сан. — Окошечко захлопнулось.

Тайрер остался ждать у двери, барабая пальцами по старым деревянным доскам. Весь вчерашний день и всю ночь он вынужден был провести с сэром Уильямом, объясняя ему ситуацию с Накамой и миссией, определяя вместе с ним образ жизни для его учителя, — он испытывал чувство вины, скрыв тот крайне важный факт, что японец немного говорил по-английски. Но он дал клятву, а данное слово связывало англичанина крепче всяких пут.

Под конец сэр Уильям согласился, что Накама может открыто ходить как самурай — в прошлом сыновья из самурайских семей прикреплялись на короткое время к французской и британской миссиям, так же как и японские помощники Бебкотта. Но сэр Уильям приказал, чтобы он не носил и не имел с собой мечей на территории Поселения. Это правило касалось всех самураев вообще, исключение составляли лишь охранявшие Поселение стражники в тех редких случаях, когда они под началом офицера обходили территорию изнутри, получив предварительное согласие англичан. Далее, этот Накама должен был одеваться неброско и держаться подальше от таможни и караульного помещения самурайской стражи и вообще как можно меньше попадаться на глаза: если его обнаружат и бакуфу потребуют его выдачи, это будет целиком его вина и его немедленно передадут в их руки.

Тайрер послал за Накамой и объяснил ему, что сэр Уильям согласился. К тому времени он уже слишком устал для Фудзико.

— А теперь, Накама, мне нужно послать записку, и я хочу, чтобы вы отнесли её. Пожалуйста, напишите иероглифы, означающие: «Пожалуйста, устройте...»

— «Устроить», паза'рста?

— Договориться или подготовить. «Пожалуйста, подготовьте свидание на завтрашний вечер с...» для имени оставьте пропуск.

Хираге понадобилось немного времени, чтобы выяснить в точности, что от него требуется и зачем. В отчаянии Тайрер вдруг обнаружил, что называет ему имя Фудзико и дом Трех Карпов.

— А, Три Карпа? — сказал Хирага. — Со ка! Дать записка мама-сан, без осыбки, устроить вы видеть мусуме завтра, да?

— Да, пожалуйста.

Накама показал ему, как пишутся нужные иероглифы, и Тайрер переписал их своей рукой, очень довольный собой, и аккуратно подписал послание своей подписью, которую Хирага придумал для него, и вот теперь он был здесь, у ворот.

— Ну, где вы там, давайте же быстрее! — бормотал он, нетерпеливо пританцовывая и уже чувствуя себя мужчиной.

Через некоторое время окошечко открылось снова. Он увидел лицо Райко.

— А, добрый вечер, Тайра-сан, вы, конечно, хотите, чтобы мы говорили по-японски, — произнесла она с улыбкой и легким поклоном, после чего на Тайрера излился весело журчащий поток японского, в котором он ничего не разобрал, кроме имени Фудзико несколько раз. Поток окончился словами «прошу прощения».

— Что? О, вы просите прощения? Почему прощения, Райко-сан? Добрый вечер, я имею свидание Фудзико... с Фудзико.

— А, прошу прощения, — терпеливо повторила она, — но Фудзико занята сегодня вечером, и не освободится даже на короткое время. Прошу прощения, но я ничего не могу сделать, она передает вам свои сожаления, разумеется, и, прошу прощения, но все мои остальные дамы также заняты. Очень сожалею.

Опять он не уловил всего. Однако суть дошла до него. Расстроенный сверх всякой меры, Тайрер понял, что Фудзико здесь нет, но не понял причины.

— Но письмо, вчера... мой человек с письмом, Накама, он приносить, да?

— О да! Накама-сан принес его, и, как я сказала ему, я думала, что все будет чудесно, но, прошу прощения, сейчас мы не можем принять вас. Очень сожалею, Тайра-сан, спасибо, что помните о нас. Доброй ночи.

— Подождите, — крикнул Тайрер по-английски, увидев, что окошечко начало закрываться, потом добавил умоляюще: — Вы сказали, что её нет

там... здесь, да? Погодите, пожалуйста, Райко-сан. Завтра... извините... завтра, Фудзико, да?

Райко печально покачала головой.

— А, прошу прощения, завтра тоже невозможно, меня, право, расстраивает то, что приходится говорить вам это. Я очень надеюсь, что вы все правильно понимаете, прошу прощения.

Тайрер был в ужасе.

— Нет завтра? Следующий день, да?

Она помолчала, улыбнулась, слегка поклонилась ещё раз:

— Возможно, Тайра-сан, возможно, но, прошу прощения, я ничего не могу обещать. Пожалуйста, попросите Накаму-сана прийти сюда днём, и я скажу ему. Вы понимаете? Пришлите Накаму-сана. Доброй ночи.

Тайрер некоторое время тупо смотрел на глухую дверь, выругался с досады и сжал кулаки, желая разбить что-нибудь. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя после этого огромного разочарования, потом он повернулся и понуро побрел прочь.

Хирага наблюдал за ним через маленькое смотровое отверстие в стене. Когда Тайрер исчез за поворотом, он, глубоко задумавшись, вернулся по выложенной каменными плитами тропинке, петлявшей по саду. Сад производил обманчивое впечатление большого и просторного; маленькие домики с непременными верандами, как в гнездах, сидели каждый в окружении своих зарослей кустарника.

Но он миновал их все, углубился в заросли и постучал в одну из планок ограды. Она бесшумно отошла в сторону. Слуга, впустивший его, низко поклонился, он кивнул и зашагал по тропинке к домику, ничем не отличавшемуся от остальных. Большинство гостиниц или домов веселья имели потайные двери и места, где можно было спрятаться, или тайные ходы к соседям, а те из них, которые смели принимать у себя сиси, уделяли таким вещам особое внимание — ради собственной безопасности. Эта часть дома Трех Карпов отводилась для очень редких гостей, здесь имелась своя кухня и свои прислужницы, но куртизанки были те же. На веранде он сбросил гэта — деревянные сандалии — и отодвинул сёдзи.

— Что он сделал? — спросил Ори.

— Покорно удалился. Странно. — Хирага в сомнении покачал головой и сел напротив Ори, коротко кивнул в ответ на глубокий поклон Фудзико. Вчера, доставив письмо Тайрера, с согласия Райко, столь же довольной, сколь и удивленной его прихотью, он нанял Фудзико на сегодняшнюю ночь.

— Могу я спросить почему, Хирага-сан? — спросила Райко.

— Просто чтобы досадить Тайре.

— И-и-и-и, я думаю, он расстался здесь со своей невинностью, когда был с Ако. Потом он попробовал Мейко, потом Фудзико. От Фудзико у него глаза съехали на нос.

Он рассмеялся тогда вместе с Райко, мама-сан нравилась ему, но когда он увидел Фудзико, он был озадачен тем, что его враг нашел эту девушку привлекательной. Наружность у неё была самая обыкновенная, волосы обыкновенные, все в ней было обыкновенным, кроме глаз, непривычно больших. Он, однако, скрыл своё мнение и поздравил Райко с тем, что она приобрела такой цветок: Фудзико выглядела шестнадцатилетней, хотя на самом деле ей было тридцать два и уже шестнадцать лет она была девой веселья.

— Благодарю вас, Хирага-сан. — Райко улыбнулась. — Да, она действительно ценное приобретение, гайдзины почему-то любят её. Но, пожалуйста, не забывайте, что этот Тайра наш клиент и что гайдзины не похожи на нас. Они склонны выбирать для себя какую-нибудь одну даму. Прошу вас, поощряйте его, гайдзины богаты, а я слышала, он большой чиновник и, возможно, пробудет здесь несколько лет.

— Сонно-дзёи.

— Это вы сами устроите. Вы собираете их головы, обещайте мне только, что не здесь, я тем временем прибираю к рукам их богатство.

— Вы позволите Ори остаться?

— Ори-сан — любопытный юноша, — нерешительно заговорила она, — очень сильный, очень сердитый, очень беспокойный — порох. Я боюсь его. Я могу спрятать его на день-два, но... но, пожалуйста, держите его в узде, пока он мой гость, хорошо? В Ивовом Мире забот хватает и без того, чтобы ещё и искать их на свою голову.

— Хорошо. У вас есть какие-нибудь новости от моего двоюродного брата Акимото?

— Он в безопасности в Ходогайе. Чайный домик Первой Луны.

— Пошлите за ним. — Хирага извлек золотой обан из потайного кармана в рукаве. Он заметил, как заблестели её глаза. — Этого хватит, чтобы заплатить любому посыльному, покрыть расходы на проживание здесь Ори и Акимото и оплатить услуги Фудзико на завтра, разумеется.

— Разумеется. — Монета, весьма щедрая плата, исчезла в её рукаве. — Ори-сан может оставаться до тех пор, пока я не решу, что ему пора двигаться дальше, прошу прощения, тогда он уйдет, вы согласны?

— Да.

— Далее, мне очень жаль, сиси, но я должна сказать вам, что здесь вас

подстерегает очень большая опасность. Это сейчас рассылается на все заставы. — Райко развернула квадратный плакатик, размером примерно фут на фут, с ксилографией. Это был портрет. Его портрет. Надпись гласила: «Бакуфу предлагают награду в два коку за голову этого ронина-убийцы из Тёсю, скрывающегося под многими именами, одно из которых Хирага».

— Бака! — процедил Хирага сквозь зубы. — Он действительно похож на меня? Как это возможно? Я никому никогда не заказывал своего портрета.

— Да и нет. У художников долгая память, Хирага-сан. Один из самураев, участвовавших в схватке, возможно? Если только вас не предал кто-то, кто близок к вам. Плохо также то, что важные люди разыскивают вас. Андзё, конечно, но теперь ещё и Торанага Ёси.

У него все похолодело внутри, и он сразу задумался, означает ли это, что таю Койко была предана или сама является предательницей.

— Почему он?

Райко пожала плечами.

— Хотите вы этого или нет, но именно он — голова змеи. Сонно-дзёи, Хирага-сан, но смотрите не приведите наших врагов бакуфу сюда, я хочу, чтобы моя голова оставалась у меня на плечах.

Всю ночь Хирага тревожился из-за гравюры с его портретом и решал, что ему теперь делать со всем этим. Он принял от Фудзико вновь наполненную чашечку саке.

— Послушай, Ори, — шепотом заговорил Хирага, чтобы никто не мог их подслушать. — Здесь очень опасно. — Он показал ему сложенный лист бумаги.

Ори был потрясен.

— Два коку? Это будет огромным искушением для кого угодно. Портрет похож на тебя, не в точности, но стражник на заставе мог бы тебя остановить.

— Райко сказала то же самое.

Ори посмотрел на него.

— Дзёун был художником, хорошим художником.

— Я уже думал об этом. И все спрашивал себя, как им удалось схватить его и сломить его мужество. Он знает многие секреты сиси, знает о намерении Кацуматы устроить засаду на сёгуна.

— Отвратительно, что он позволил захватить себя живым. Совершенно очевидно, что в наши ряды проник предатель. — Ори вернул ему портрет. — Два коку — большое искушение для любого, даже для

самой преданной мамы-сан.

— Я подумал то же самое.

— Отрасти бороду, Хирага, или усы, это поможет.

— Да, это поможет. — Хирага был рад, что голова у Ори опять заработала, его советы всегда были ценными. — Странное это чувство — знать, что такой портрет гуляет по дорогам.

Ори нарушил наступившее вслед за этим молчание.

— Через день или два, сразу же, как только смогу, я отправлюсь в Киото и найду Кацумату, чтобы предупредить его о Дзёуне. Его необходимо предупредить.

— Да, хорошая мысль, очень хорошая.

— А что будешь делать ты?

— Я в безопасности среди гайдзинов, более безопасного места мне сейчас не найти, покуда Тайра меня не выдаст. Акимото в Ходогайе, я послал за ним, когда он придет, мы решим, что делать.

— Хорошо. Тебе безопаснее попробовать пробраться в Киото немедленно, прежде чем эти портреты разошлют по всей Токайдо.

— Нет. Тайра — слишком редкая возможность, чтобы упустить её. Я спрячу там мечи на всякий случай.

— Раздобудь револьвер, он не так заметен. — Ори засунул правую руку под юкату, приподнял ткань над плечом и поскреб ногтями повязку.

Хирага был поражен, когда увидел у него на шее маленький золотой крестик на тонкой золотой цепочке.

— Зачем ты надел это?

Ори пожал плечами.

— Это доставляет мне удовольствие.

— Избавься от него, Ори, этот крест связывает тебя с убийством на Токайдо, с Сёрином и с ней. Зачем лишний раз подвергать себя ненужной опасности?

— Многие самураи — христиане.

— Да, но она может опознать этот крест. Это безумие — так рисковать. Если хочешь носить крест, достань себе другой.

После паузы Ори произнес:

— Мне нравится этот.

Хирага прочел в его глазах непреклонность, мысленно обругал его, но решил, что его долг защищать движение сиси, защищать сонно-дзёи, и момент для этого настал.

— Сними его!

Кровь бросилась Ори в лицо. Раздвинувшиеся в полуулыбке губы не

дрогнули, но он понимал, что ему брошен вызов. Выбор перед ним стоял простой: откажись и умри или подчинишься.

Комар зазвенел рядом со щекой. Он оставил его без внимания, не желая делать резкого движения. Медленно его правая рука потянула за цепочку, порвав её. Цепочка и крест исчезли в кармане его рукава. Потом он положил обе ладони на татами и низко поклонился.

— Вы правы, Хирага-сан, это был неоправданный риск. Прошу вас, примите мои извинения.

Хирага молча поклонился в ответ. Только после этого он расслабил мышцы, а Ори выпрямился. Оба знали, что с этого момента отношения между ними изменились. Навсегда. Они не стали врагами, просто перестали быть друзьями: всегда союзники, но друзья — никогда. Никогда вообще. Ори взял свою чашечку с саке и поднял её, приглашая Хирагу выпить; он с удовольствием отметил, что сдерживал кипевший в нем гнев настолько хорошо, что пальцы его совсем не дрожали.

— Благодарю вас.

Хирага выпил вместе с ним, подался вперед и налил им обоим.

— Теперь Сумомо. Пожалуйста, расскажи мне о ней.

— Я почти ничего не помню. — Ори открыл свой веер и взмахами его прогнал комара от лица. — Мама-сан Норико рассказала мне, что Сумомо возникла, как дух из леса, со мной на носилках и не рассказала ей почти ничего, кроме того, что врач гайдзинов разрезал рану, а потом снова её зашил. Она заплатила половину долгов Сёрина и уговорила её спрятать меня. Все время, пока она ждала вестей из Эдо, Сумомо почти не разговаривала, только расспросила про Сёрина, про то, что с ним случилось. Когда вернулся посыльный с твоим ответом, она тут же отправилась в Симоносеки. Единственная новость, которую она мне рассказала, была та, что Сацума готовится к войне и что ваши батареи в Тёсю опять обстреляли корабли гайдзинов в проливе, заставив их повернуть.

— Хорошо. Ты все поведал ей о Сёрине?

— Да. Она серьезно расспрашивала меня, а потом, когда я закончил свой рассказ, сказала, что будет отомщена.

— Она оставила какую-нибудь записку или письмо у мамы-сан?

Ори пожал плечами.

— Мне она ничего не оставляла.

Возможно, у Норико есть что-нибудь, подумал Хирага. Ладно, это может подождать.

— Она выглядела хорошо?

— Да. Я обязан ей жизнью.

— Да. Настанет день, когда она захочет получить с тебя этот долг.

— Возвращая долг ей, я возвращаю долг тебе и почитаю сонно-дзёи.

Некоторое время они сидели в молчании, гадая, о чем сейчас думает другой, думает по-настоящему. Вдруг Хирага улыбнулся.

— Сегодня в Поселении был шумный праздник, много этой их ужасной музыки и большая пьянка — такой у них обычай, когда мужчина соглашается жениться. — Он одним глотком опорожнил свою чашку. — Хорошее у них здесь саке. Один из торговцев — тот самый гайдзин, которого ты ранил на Токайдо, — собирается жениться на этой женщине.

Ори, огорошенный, посмотрел на него.

— На женщине с крестом? Она здесь?

— Я видел её сегодня вечером.

— Вот как, — пробормотал Ори, словно разговаривая сам с собой, потом допил своё саке и налил им обоим. Немного вина незамеченным пролилось на поднос. — Она выходит замуж? Когда?

Хирага пожал плечами.

— Не знаю. Я видел их сегодня вместе, он ходит, помогая себе двумя палками, как калека, — твой удар сильно ранил его, Ори.

— Хорошо. А... а женщина, как она выглядела?

Хирага рассмеялся.

— Невообразимо, Ори, более нелепого наряда не придумать. — Он описал её криолин. И прическу. Потом встал и изобразил её походку. Вскоре оба мужчины едва не покатывались на татами от хохота.

— ...груди торчат вот по сю пору, голые! Как раз перед тем как прийти сюда, я заглянул в окно. Мужчины открыто обнимали её, она и мужчина обнимали друг друга, кружась в каком-то подобии танца прямо перед всеми, под ужасный рев этих их инструментов — как можно называть это музыкой?! — подбрасывая юбки так, что нога открывалась до половины, и эти кружевные белые штаны до самых щиколоток. Я бы ни за что не поверил, если бы не увидел своими глазами, но она переходила от мужчины к мужчине, как дешевая блудница, которая отдается за один сэн, и они все хором подбадривали её. А этот дурень, который собирается жениться на ней, он просто сидел в кресле и улыбался во весь рот, ты только вообрази себе! — Он начал наливать, но бутылочка оказалась пуста. — Саке!

Дверь тотчас же скользнула в сторону, прислужница, не поднимаясь с колен, приблизилась с двумя новыми бутылочками, наполнила их чашки и так же удалилась. Он рыгнул, саке начинало действовать на него.

— Они вели себя как звери. Без своих пушек и кораблей они не достойны даже презрения.

Ори выглянул в окно, устремив взгляд к морю.

— Что такое? — Хирага вдруг насторожился. — Опасность?

— Нет, нет, ничего.

Хирага беспокойно нахмурился, вспомнив, как чутко Ори улавливал все, что происходило снаружи.

— Мечи у тебя здесь есть?

— Да, Райко стережет их для меня.

— Я ненавижу, когда мои мечи не заткнуты у меня за пояс.

— Да.

Какое-то время они пили в молчании, потом им принесли пищу, маленькие тарелочки с вареной рыбой, рисом, суши и сасими и португальское блюдо под названием «темпура» — рыба и овощи, обваленные в рисовой муке и обжаренные в масле. До того как португальцы появились здесь примерно в 1550 году, первые европейцы у их берегов, японцы не знали техники жарения.

Насытившись, они послали за Райко, похвалили угощение, отказались от услуг Фудзико, после чего мама-сан поклонилась и оставила их.

— Ты можешь идти, Фудзико. Завтра я буду здесь вскоре после заката.

— Да, Хирага-сан. — Фудзико очень низко поклонилась, довольная, что её отпускают без дальнейшей работы, поскольку Райко уже сказала ей, что оба вечера были щедро оплачены. — Благодарю вас за то, что вы оказали мне честь, выбрав меня.

— Разумеется, ничего из того, что ты слышишь или видишь, никогда не будет упомянуто этому Тайре, или другому гайдзину, или вообще кому-нибудь.

Она вскинула голову, пораженная.

— Разумеется, нет, Хирага-сама. — Когда она увидела его глаза, сердце её глухо стукнуло. — Разумеется, нет, — повторила она чуть слышно, коснувшись лбом татами и, глубоко напуганная, оставила их.

— Ори, мы рискуем, когда разговариваем при этой женщине.

— Мы рискуем с любой из них. Но она никогда не осмелится, как не осмелятся и остальные. — Ори помахивал веером, отгоняя ночных насекомых. — Прежде чем мы уйдем, мы договоримся с Райко о цене, за которую Фудзико поместят в дом низкого разряда, где она будет слишком занята, чтобы причинять нам неприятности, и окажется далеко от всех гайдзинов и бакуфу.

— Хорошо. Это хороший совет. Цена, правда, может оказаться

высокой, Райко сказала, что Фудзико по непонятной причине пользуется огромной популярностью среди гайдзинов.

— Фудзико?

— Да. Странно, нех? Райко говорит, в постели их привычки так отличаются от наших. — Хирага увидел, как искривилась улыбка Ори. — Что?

— Ничего. Мы можем продолжить беседу завтра.

Хирага кивнул, осушил последнюю чашку, потом поднялся, снял с себя накрахмаленную юкату, которые все дома и гостиницы обычно предоставляли своим клиентам, и переоделся в самое обычное кимоно жителя деревни, надел на голову грубую шапочку и круглую соломенную шляпу, потом взвалил на плечо пустую корзину разносчика.

— Ты чувствуешь себя в безопасности в таком виде?

— Да, если не заставят раздеваться, и у меня есть вот это. — Хирага показал ему два пропуска, выданные ему Тайрером, один на японском, другой на английском. — Стражники у ворот и на мосту бдительны, и солдаты патрулируют Поселение по ночам. Комендантского часа нет, но Тайра предупредил, чтобы я был осторожен.

Ори с задумчивым видом протянул ему оба пропуска назад. Хирага убрал их в рукав.

— Доброй ночи, Ори.

— Да, доброй ночи, Хирага-сан. — Ори поднял глаза и как-то странно посмотрел на него. — Я бы хотел знать, где живет эта женщина.

Хирага прищурился.

— Вот как?

— Да. Я бы хотел знать где. Точное место.

— Вероятно, я смогу это выяснить. А потом?

Молчание сгустилось. Ори напряженно думал: сегодня вечером я ещё не знаю, жаль, но всякий раз, когда я отпускаю свой разум на свободу, я вспоминаю ту ночь и бесконечно нарастающее блаженство, испытанное внутри неё. Если бы я убил её тогда, это положило бы конец всему, но пока я знаю, что она жива, я одержим ею. Она преследует меня, как наваждение. Это глупо, глупо, но я околдован. Она отвратительна, воплощенное зло, я знаю это, и все же я околдован и твердо знаю, что, пока она жива, она будет вечно преследовать меня.

— А потом? — повторил Хирага.

Ори не дал ни одной из этих мыслей отразиться на своём лице. Он посмотрел на Хирагу, глаза в глаза, и пожал плечами.

Среда, 15 октября

Андре Понсен оторопело моргнул.

— Вы беременны?

— Да, — тихо ответила она. — Видите ли, это...

— Но это же чудесно, все получается просто замечательно! — воскликнул он, и его шок сменился огромной улыбкой, потому что Струан, образец британского джентльмена, совратил невинную леди и теперь не смог бы избежать скорого брака и остаться при этом джентльменом. — Мадам, позвольте мне поздравить вас...

— Тише, Андре, нет, не позволяю, и, пожалуйста, не так громко, у стен есть уши, особенно в миссиях, разве нет? — прошептала она, наблюдая за собой словно со стороны, пораженная тем, что её голос оставался таким спокойным и что она чувствовала себя такой невозмутимой и с такой легкостью смогла ему признаться. — Видите ли, к сожалению, отец ребенка не мсье Струан. Улыбка исчезла с его лица, потом вернулась назад.

— Вы, конечно, шутите, но зачем такие шу...

— Просто выслушайте меня, прошу вас. — Анжелика пододвинула свой стул ближе к нему. — Меня изнасиловали в Канагаве...

Он ошеломленно смотрел на неё, пока она рассказывала ему, что, по её мнению, с ней случилось, что она решила делать, как скрывала весь этот ужас с тех самых пор.

— Это действительно произошло? Было на самом деле?

Она подняла руку, словно давала присягу в суде.

— Я клянусь в этом, как перед Богом. — Теперь руки её лежали у неё на коленях, одна поверх другой. Бледно-желтое дневное платье с турнюром, крошечный оранжевый капор и зонтик.

Он покачал головой, не в силах собраться с мыслями.

— Все это кажется невозможным.

За свои зрелые годы он был действующим лицом многих подобных трагедий в жизни мужчин и женщин: в некоторых он участвовал по приказу свыше, в некоторые сам забредал ненароком, многие подготовил и приблизил своими руками, оборачивая большинство из них, если не все, на пользу делу: Франции — революции, свободе, равенству, братству, императору Луи Наполеону — кто бы или что бы ни было в моде на тот момент — и в первую очередь на пользу себе.

— Мне нужно устранить это препятствие, Андре.

— Вы имеете в виду аборт? Вы же католичка!

— Вы тоже. Это дело останется только моим и Господа.

— А как быть с исповедью? Вам придется исповедаться. В это воскресенье вы должны пойти и...

— Это останется между мною и священником, а потом Господом. Сначала необходимо устранить саму проблему.

— Это противно законам божеским и человеческим.

— И совершалось на протяжении столетий с незапамятных времен. — В её голосе появились резкие нотки. — Обо всем ли вы сами рассказываете на исповеди? Прелюбодеяние ведь тоже против законов божеских, не так ли? Убийство тоже против всех законов. Не так ли?

— Кто говорит, что я кого-то убивал?

— Никто, но более чем вероятно, что убивали или были причиной смерти. Мы живем в жестокое время. Андре, мне нужна ваша помощь.

— Вы рискуете обречь себя на вечное проклятие.

«Да, и я пролила реки слез, мучаясь из-за этого, — угрюмо подумала она, сохраняя невинное выражение глаз, ненавидя его и то, что была вынуждена довериться ему. — Будь ты проклят за то, что мне приходится отдавать свою жизнь тебе в рабство, но, благодарение Богу, я теперь вижу тебя насквозь. Малкольм и Джейми правы: все, чего ты хочешь, это или диктовать свою волю дому Струанов, или сокрушить его. Это проклятие, что мне вообще приходится довериться мужчине. Если бы только я была в Париже или даже в Гонконге, нашлись бы десятки женщин, к которым я могла бы тайно обратиться за необходимой помощью, но здесь таких нет».

Она позволила нескольким слезинкам появиться на глазах.

— Пожалуйста, помогите мне.

Он вздохнул.

— Я поговорю с Бебкоттом сегодня утро...

— Вы с ума сошли? Немыслимо обращаться к нему, мы не посмеем. Как и к Хоугу. Нет, Андре, я продумала все очень тщательно. Ни один из них не подойдет. Мы должны найти кого-нибудь ещё. Какую-нибудь мадам.

Он опять уставился на неё, открыв рот, ошеломленный этим спокойным голосом и логикой.

— Вы имеете в виду маму-сан? — запинаясь, выговорил он.

— Кто это?

— О... это женщина, японка, которая... содержит местные дома терпимости, заключает контракты на услуги девушек, договаривается о ценах, назначает девушек. И так далее.

Она нахмурила лоб.

— Я не подумала об одной из них. Зато я слышала, что здесь есть один такой дом, дальше по дороге.

— Бог мой! Вы говорите о доме Озорницы Нелли... в Пьяном Городе? Я бы не пошел туда и за тысячу луидоров.

— Но разве этот дом содержит не сестра миссис Фортерингилл? Знаменитой миссис Фортерингилл из Гонконга?

— Откуда вы о ней знаете?

— О боже, Андре, разве я похожа на тупоголовую ханжу-англичанку? — раздраженно вскинулась она. — Каждая европейская женщина в Гонконге знает о заведении миссис Фортерингилл для юных леди, хотя все притворяются, что им ничего не известно, и никогда не говорят о нем открыто, к тому же все, кроме разве что самых глупых, знают о том, что их мужья посещают китайские бордели или имеют любовниц-китайнок. Какое лицемерие! Даже вы поразились бы, услышав, о чем беседуют леди в уединении своих будуаров или когда поблизости нет мужчин. В Гонконге я услышала, что её сестра открыла дом здесь.

— Это не то же самое, Анжелика, здешний дом обслуживает матросов, пьяниц, людей без определенных занятий — отбросы общества. Озорница Нелли вовсе не сестра ей, она просто заявляет так, вероятно, платит определенную мзду за пользование именем.

— О! Так куда же вы ходите? Развлекаться?

— В Ёсивару, — ответил он и объяснил, поражаясь в душе этому разговору и тому, что он тоже может быть столь откровенен.

— Есть у вас особое место, особый дом? Такой, где вы в хороших отношениях с мамой-сан?

— Да.

— Отлично. Пойдите сегодня вечером к вашей маме-сан и раздобудьте то, что они пьют в таких случаях.

— Что?

— Бог мой, Андре, будьте разумны, будьте серьезны! Все это очень серьезно, и если мы не сможем разрешить эту проблему, я никогда не стану владелицей «Благородного Дома» и потому никогда не смогу содействовать... определенным интересам. — Она увидела, что удар попал в цель, и осталась ещё больше довольна собой. — Пойдите туда сегодня и попросите у неё лекарство. Не спрашивайте его у своей девушки, вообще не говорите ни с кем из девушек, они, скорее всего, о нем не знают. Спросите патронне, маму-сан. Вы можете сказать ей, что у девушки задержка.

— Я не знаю, есть ли у них такое лекарство.

Она добродушно улыбнулась.

— Не будьте глупым, Андре. Конечно же, оно у них есть, обязательно должно быть. — Её правая рука принялась вытягивать пальцы левой перчатки. — Как только эта проблема будет решена, все пойдет чудесно, и мы поженимся на Рождество. Кстати, я решила, что будет лучше, если я съеду от Струанов, пока мы не поженимся, — силы мсье Струана прибывают теперь с каждым днём. Сегодня я переберусь в миссию.

— Разумно ли это? Лучше оставаться с ним рядом.

— При обычных обстоятельствах — да. Нужно, правда, думать о приличиях, но более важно то, что после лекарства я наверняка буду неважно себя чувствовать день или два. Как только это будет позади, я решу, следует ли мне вернуться. Я знаю, что могу положиться на вас, друг мой. — Она встала. — Завтра, в то же время.

— Если я ничего не достану, я пришлю вам записку.

— Нет. Будет лучше, если мы встретимся здесь в полдень. Я знаю, что могу положиться на вас. — Она улыбнулась ему своей самой милой улыбкой.

У него зазвенело в ушах и от этой улыбки, и от того, что, как бы ни разворачивались события, она теперь навсегда прикована к нему.

— Эти иероглифы, — произнес он, — те, что были написаны на простыне, вы их помните?

— Да, — ответила она, удивленная столь внезапным переходом. — Почему вы спрашиваете?

— Не могли бы вы начертить их для меня? Возможно, я узнаю их, они могут означать что-нибудь.

— Они были начерчены на покрывале, не на простыне. Его... его кровью. — Она сделала глубокий вдох, протянула руку, взяла ручку и обмакнула её в чернила. — Я забыла сказать вам об одной вещи. Когда я проснулась, маленький крестик, который я носила с самого детства, исчез. Я обыскала все, но нигде его не нашла.

— Он украл его?

— Я так полагаю. Но больше не взял ничего. Там были ещё драгоценности, но их он не тронул. Их нельзя назвать слишком дорогими, но они стоили больше, чем крест.

— Вот, — сказала она, протягивая ему лист бумаги.

Он долго смотрел на него; солнечный луч посверкивал на золотой печатке, которую он носил всегда, не снимая. Иероглифы не говорили ему ни о чем абсолютно.

— Сожалею, но они лишены смысла. Они даже не выглядят как китайские — китайские или японские, иероглифы все пишутся одинаково. — Внезапно ему в голову пришла какая-то мысль, он перевернул листок и охнул: — Токайдо — вот что они означают! — Его лицо побелело. — Вы просто срисовали их вверх ногами. Токайдо увязывает все воедино! Он хотел, чтобы вы знали, хотел, чтобы все Поселение знало. Так бы оно и случилось, расскажи вы кому-нибудь о том, что произошло с вами! Но зачем ему это понадобилось?

Её пальцы, дрожа, поднялись к вискам.

— Я... я не знаю. Возможно... я не знаю. Он... он теперь уже, наверное, умер, мсье Струан ранил его... конечно же, он должен быть мертв.

Андре нерешительно помолчал, беспокойно взвешивая доводы за и против.

— Раз уж у нас так много общих секретов и мне ясно, что вы умеете их хранить, сожалею, но я должен открыть вам ещё один. — Он рассказал ей про Хоуга и операцию. — Это была не его вина, Хоуг никак не мог знать о том, кого он лечит. В этом есть своя ирония, но оба врача порекомендовали не говорить вам об этом, чтобы не расстраивать вас.

— Это из-за Бебкотта и его напитка со мной произошло то, что произошло, — проговорила она чуть слышно, и от звука её голоса холодок пробежал у него по коже. — Стало быть, этот человек жив?

— Мы не знаем. Хоуг считает, что шансов у него было мало. Зачем этому дьяволу понадобилось раскрывать перед всеми своё злодейство, Анжелика?

— Есть ещё какие-нибудь секреты, касающиеся этого кошмара, которые вам известны, а мне нет?

— Нет. Так почему он захотел, чтобы все узнали? Бравада?

Долгое время она стояла и смотрела на иероглифы, написанные ею. Стояла неподвижно, только грудь размеренно поднималась и опускалась вместе с её дыханием. Потом, не проронив больше ни слова, она вышла. Дверь тихо закрылась за ней.

Он удивленно покачал головой, потом взгляд его вернулся к бумаге.

Тайрер сидел в маленьком бунгало, примыкавшем к британской миссии, которое он делил с Бебкоттом, и упражнялся в каллиграфии вместе с Накамой — под таким именем он знал Хирагу.

— Пожалуйста, скажите мне, как по-японски будет: сегодня, завтра, послезавтра, на следующей неделе, на следующий год, все дни недели и все

месяцы года.

— Да, Тайра-сан. — Хирага тщательно проговаривал японское слово и смотрел, как Тайрер записывает латинскими буквами, как оно звучит. Потом Хирага вписывал иероглифы в специально оставленные пробелы и снова смотрел, как Тайрер копирует их. — Вы харосый ученик. Всегда сохраняйте один порядок, когда писать, 'рег'кий, тогда нет забывать.

— Да, я начинаю понимать. Спасибо, вы очень помогаете мне, — учтиво ответил Тайрер. Ему нравилось писать, читать, учиться — и учить в ответ, он заметил, что Накама необычайно сообразителен и схватывает все на лету. Он прошелся вместе с ним по списку слов и, когда добился нужного результата, сказал: — Хорошо. Благодарю вас. Теперь, пожалуйста, пойдите к Райко-сан и подтвердите мое свидание на завтра.

— «Потви'рдить», паза'рста?

— Убедиться. Убедитесь, что мое свидание будет.

— А, понимаю. — Хирага поскреб подбородок, уже потемневший от однодневной щетины. — Я пойду сейчас потви'рдить.

— Я вернусь после второго завтрака. Пожалуйста, будьте здесь. Мы сможем попрактиковаться в разговорной речи, и вы расскажете мне ещё что-нибудь о Японии. Как мне сказать это по-японски? — Хирага дал ему нужные слова. Тайрер записал их на слух в тетрадь, теперь уже целиком исписанную словами и фразами, и повторил несколько раз, пока не остался удовлетворен. Он уже собирался отпустить Накаму, но тут, вдруг вспомнив о чем-то, спросил: — Что такое «ронин»?

Хирага подумал мгновение, потом объяснил так просто, как только мог. Но ни слова не сказал о сиси.

— Значит, вы — ронин, вне закона?

— Хай.

Тайрер с задумчивым видом поблагодарил его и отпустил. Он подавил зевот. Прошлую ночь он спал плохо, весь его мир перевернулся с ног на голову из-за неожиданного отказа Райко.

Чёрт бы побрал Райко, чёрт бы побрал Фудзико, думал он, надевая цилиндр и готовясь отправиться по Хай-стрит в клуб, где он завтракал. К чертям это изучение японского, к чертям вообще все, мои головные боли и то, что я никогда не выучу этот ужасно трудный язык. — Не будь смешным, — произнес он вслух. Конечно, ты его выучишь, у тебя есть Накама и Андре, два прекрасных учителя, сегодня ты устроишь себе хороший ужин с бутылкой шампанского и в компании какого-нибудь весельчака, а потом — в кровать. И не проклинай Фудзико, скоро ты опять будешь засыпать в её объятиях. О боже, я так надеюсь на это!

День стоял ясный, в заливе было тесно от кораблей. Торговцы стекались к клубу.

Через открытое окно Тайрер слышал, как корабельный колокол в конторе начальника гавани пробил восемь склянок. Он дремал, забросив ноги на свой рабочий стол, забыв о дневных упражнениях в каллиграфии. Ему не нужно было смотреть на часы, стоявшие на каминной полке. Разум подсказал ему, что сейчас четыре часа пополудни. На кораблях начинается первая дневная полувахта, длящаяся два часа, от четырех до шести, потом наступит вторая — от шести до восьми, а потом возобновятся обычные четырехчасовые вахты до четырех часов пополудни завтрашнего дня. Марлоу объяснил ему, что полувахты были изобретены для того, чтобы вахтенные сменялись по скользящему графику.

Он зевнул и открыл глаза, думая про себя: немногим больше полугода назад я даже не слышал о каких-то там полувахтах и никогда не поднимался на военный корабль, а теперь я измеряю время по корабельным склянкам с такой же легкостью, как по часам.

Часы на каминной полке пробили четыре раза. Минуту в минуту. Через полчаса меня ждет у себя сэр Уильям. Эти швейцарцы действительно умеют делать хронометры лучше, чем мы. Куда, дьявол его подери, запропастился Накама? Неужели он удрал? Он должен был вернуться ещё несколько часов назад. И какого черта понадобилось от меня сэру Уильяму? Дай бог, чтобы он не узнал о моем секрете. Надеюсь, он просто хочет, чтобы я переписал ещё какие-нибудь депеши. Проклятье на мой почерк, надо же ему было оказаться лучшим во всей миссии, я ведь вроде бы должен работать переводчиком, а не клерком! Чёрт, чёрт, чёрт!

Он устало поднялся, прибрался на столе и начал мыть руки в тазу, оттирая тушь с пальцев. Стук в дверь.

— Войдите.

Позади Хираги стояли сержант в алом мундире и солдат, оба со штыками на ружьях, оба злые. Хирага был весь в синяках, растрепанный, с серым от гнева лицом и почти голый, шляпа пропала, тюрбан пропал, кимоно превратилось в лохмотья. Сержант толкнул его вперед, держа штык наготове, и отдал честь.

— Мы поймали его, когда он лез через стену, сэр. Ну и пришлось же нам повозиться, пока он утихомирился. У него пропуск, подписанный вами. Он настоящий?

— Да, да, настоящий. — Ужасаясь случившемуся, Тайрер шагнул вперед. — Он наш гость, сержант, гость сэра Уильяма и мой. Он учитель

японского.

— Учитель, вон как? — хмуро буркнул сержант. — Ну что же, скажите этому сукину сыну, что учителя не лезят через стены, не пытаются удрать, не носят волосы как у самураев, не пугают честных людей и не дерутся, как целый выводок уличных котов: у одного из моих людей сломана рука, а у другого — нос. Поймаем его за этим делом ещё раз, уж не будем так церемониться. — Оба солдата вышли, тяжело топая сапогами.

Тайрер закрыл за ними дверь, бросился к буфету и принес стакан воды.

— Держите.

Хирага покачал головой, его душил гнев.

— Пожалуйста. Может быть, вы хотите саке или пива?

— Ийе.

— Пожалуйста... э, садитесь и расскажите мне, что произошло.

Хирагу прорвало, и он начал скороговоркой объяснять ему на японском.

— Гомэн насай, ингэ'риш додзо.

— Извините, пожалуйста, по-английски.

С усилием Хирага перешел на английский и, кипя от злобы, с долгими паузами между словами рассказал:

— Много стражник на ворота и мост. Я ходить через бо'рото, ходить через воду, через стену. Эти солдаты виде'ри меня. Я стоять, пок'раница, сунуть руку за пропуск, они бросать на зем'ря. Драца, но очень много. — Потом хлынул ещё один поток японских проклятий и обещаний отомстить.

Когда он умолк, Тайрер произнес:

— Мне очень жаль, но вы сами виноваты... — Он невольно дернулся назад, когда Хирага круто повернулся к нему. — Прекратите это! — сердито сказал он. — Этот солдат был прав. Самураи пугают людей! Сэр Уильям говорил вам, чтобы вы были осторожны, я тоже. Мы же просили вас быть осторожным.

— Я был вежлив, делал только то, что было правильно! — возмутился Хирага по-японски. — Эти невоспитанные обезьяны напали на меня, я собирался достать пропуск, его было трудно найти. Обезьяны, я убью их всех!

Сердце Тайрера бешено колотилось в груди, он ощущал во рту сладковато-горький привкус страха, поднявшийся туда из самого нутра.

— Послушайте, мы должны решить эту проблему вместе, быстро. Когда сэр Уильям услышит обо всем этом, он может вышвырнуть вас из Поселения! Вы и я должны решить это, понимаете?

— Ийе! Что такое «рисыть», паза'рста?

Тайрер с радостью услышал «пожалуйста» и постарался совладать со своим страхом. Ясно, что этот парень так же опасен, жесток и горяч, как любой самурай в Японии. Хвала Создателю, что он не вооружен.

— «Решить» означает «прийти к пониманию». Мы должны решить эту проблему, должны, вы и я, решить, как сделать, чтобы вы жили здесь спокойно. Понимаете?

— Хай. Со дэсу ка! Вакаримасу. Тайра-сан, я, мы рисыть проблема. — Хирага обуздал свой гнев. — Паза'рста, что предлагать? Пропуск нет харосый д'ря со'рдат. Рюди, который меня видеть, ненавидеть. Как рисыть этот де'ро?

— Во-первых... во-первых, есть добрая старая английская традиция. На тот случай, когда приходится решать трудную проблему. Мы пьем чай.

Хирага недоуменно посмотрел на него. Тайрер позвонил в колокольчик и приказал Чену принести чаю. Чен, Бой Номер Один, окинул Хирагу недоверчивым взглядом; прежде чем войти, он спрятал за спиной грубый тесак.

Пока они ждали, Тайрер вернулся за свой стол и с серьезным видом устался в окно. Он отчаянно жаждал услышать от Хираги о Фудзико, но был слишком хорошо воспитан, чтобы прямо задать столь щекотливый вопрос. Чёрт бы побрал этого парня, думал он, он должен был бы сам обо всем рассказать, зная, как я тревожусь и переживаю, а не заставлять меня ждать. Нужно научить его вести себя по-английски, нужно научить его держать себя в руках, солдаты были совершенно правы. Нужно сделать из него английского джентльмена. Но как? А тут ещё этот чертов Джейми, который оказался дьявольски умен.

После завтрака он отправился вместе с Макфеем в его контору, где его уговорили выпить рюмочку коньяка, а потом, буквально через несколько минут, он обнаружил, что выложил шотландцу все, что знал.

— Ну, Филип, это была блестящая мысль, — сказал ему Макфей с искренним энтузиазмом. — Наш парень может стать настоящей золотой жилой, если задавать ему правильные вопросы. Он говорил, откуда он родом?

— Из Тёсю, кажется, он так сказал.

— Я бы хотел побеседовать с ним наедине.

— Если он встретится с вами, тогда и другие обязательно все узнают, и эта новость... эта новость будет у всех на устах.

— Если я знаю, знает и Норберт, и готов поспорить, что и бакуфу тоже — они не дураки. Сожалею, но здесь секретов нет, сколько раз должен я

напоминать вам об этом?

— Хорошо, я спрошу у него. Но только если я буду присутствовать при вашей беседе.

— Ну вот это уж совсем необязательно, Филип, у вас столько дел. Я бы не хотел, чтобы вы понапрасну теряли время.

— Да или нет!

Макфей вздохнул.

— Вас не переспоришь, Филип. Ладно, будь по-вашему.

— И ещё если я получу для чтения последнюю главу, бесплатно, скажем, завтра. Вы договоритесь об этом с Неттлсмитом.

Макфей резко заметил:

— Если мне приходится платить сумасшедшую сумму в восемь долларов, вы тоже должны внести часть.

— Тогда никакой беседы, и я сам проинформирую сэра Уильяма.

Он улыбнулся про себя, вспомнив кислую мину на лице Макфея, а потом негромкое «чай, масса, сильна бышла лаз-лаз» прервало его мысли и вернуло к Накаме. Чен поставил поднос, теперь он пришел без тесака, но тот лежал поблизости, сразу за дверью.

В торжественном молчании Тайрер наполнил две чашки, добавил молоко и сахар и с благоговением пригубил обжигающую, почти черную жидкость.

— Вот так-то лучше.

Хирага в точности повторил его действия. Ему потребовалась вся его сила воли, чтобы не вскрикнуть, ошпарившись, и удержать во рту то, что на вкус показалось ему самым омерзительным пойлом, какое он когда-либо пробовал в своей жизни.

— Хорошо, а? — произнес Тайрер с широкой улыбкой, допивая свою чашку. — Ещё?

— Нет, нет, спасибо. Анге'рийская традиция, да?

— Английская и американская, да, не французская. Эти французы. — Тайрер пожал плечами. — У них нет вкуса.

— А, со ка? — Хирага уловил в его тоне легкую издевку. — Французы не одинаковый как анге'рийский? — спросил он с притворным простодушием, спрятав свою ярость подальше и оставив её на будущее.

— Бог мой, нет, мы совсем не как они. Они живут на континенте, мы же — островная нация, как и вы. Разные обычаи, разная пища, правительство, вообще все; ну и, конечно, Франция — более мелкая держава в сравнении с Британией. — Тайрер добавил и размешал ещё одну ложку сахара, с удовлетворением отметив, что гнев его собеседника словно

растворился в воздухе. — Очень разные.

— О, так? Ангел'рийский и французы воевали есть?

Тайрер рассмеялся.

— Десятки раз на протяжении столетий, а в других войнах — союзники: мы были союзниками в последнем конфликте. — Он коротко рассказал ему о Крыме, потом о Наполеоне Бонапарте, Французской революции и нынешнем императоре Луи Наполеоне. — Он племянник Бонапарта и абсолютный шут. Бонапарт шутком не был. Это один из самых больших злодеев, когда-либо рождавшихся на свет божий, он повинен в смерти сотен и сотен тысяч. Если бы не Веллингтон, не Нельсон и не наши солдаты, он правил бы всем миром. Вы понимаете все это?

Хирага кивнул.

— Не все с'рова, но понимаю. — Однако он ухватил суть, и от услышанного голова его пошла кругом, хотя он никак не мог сообразить, почему великого генерала должны считать злодеем. — Паза'рста, продо'рзать, Тайра-сан.

Тайрер продолжал свой урок истории ещё некоторое время, потом прервал его и начал подводить Накаму к главному:

— Теперь о вашей проблеме. Когда вы покидали Ёсивару, у вас не возникло никаких затруднений со стражниками там?

— Нет, притворился носить овощи.

— Это хорошо, о, кстати, вы видели Райко-сан?

— Да. Фудзико нет возможный завтра.

— О. Ну ладно. — Тайрер небрежно пожал плечами, умирая в душе.

Но Хирага заметил его огромное разочарование и несколько мгновений упивался им. Сонно-дзёи, хмуро подумал он. Ему самому пришлось купить услуги Фудзико, но это не огорчило его. Райко-сан сказала: «Раз уж вы платите хорошо, хотя и не столько, сколько гайдзины, я согласна. Но он должен спать с ней послезавтра. Я бы не хотела, чтобы он нашел себе другую...»

— Накама-сан, — говорил между тем Тайрер, — единственное, что вы можете сделать, чтобы по-настоящему спокойно жить здесь, это никогда не выходить отсюда. Я больше не буду посылать вас в Ёсивару. Вы должны поселиться здесь, внутри миссии.

— 'Ручче, Тайра-сан, я жить в деревне, найду надежный дом. Внутри ограды бо'рьса безопасный. Каждый день я приходить, когда рассвет и'ри когда вы хотеть, учить и учица. Вы очень харасо сэнсэй. Это ресыть проб'рем, да?

Тайрер замешкался с ответом: с одной стороны, он не хотел больше

спускать японца с поводка, с другой — не хотел, чтобы тот постоянно был слишком близко.

— Да, если вы сначала покажете мне, где точно вы поселитесь, и не покинете этого места, не предупредив меня.

Подумав секунду, Хирага кивнул.

— Я сог'расен. Паза'рста, вы говорить со'рдаты, я харасо зыть здесь и в деревне?

— Да, это я сделаю. Уверен, что сэр Уильям согласится.

— Спасибо, Тайра-сан. Говорить со'рдаты тоза, если нападать опять, я доставать катана.

— Даже думать не смейте! Я запрещаю это, сэр Уильям запретил это! Никакого оружия, никаких мечей!

— Паза'рста, вы говорить, со'рдаты нет нападать, паза'рста.

— Хорошо, я скажу им, но если вы появитесь здесь с мечами, вас убьют, они вас застрелят!

Хирага пожал плечами.

— Паза'рста, нет нападать. Вакатта?

Тайрер не ответил. Вакатта являлось высокомерной формой вакаримасу ка: Вы понимаете?

— Домо. — Со сдерживаемой яростью, которую Тайрер ощущал почти физически, Накама снова поблагодарил его и сказал, что вернется на рассвете, чтобы проводить его к своему временному пристанищу в деревне, а потом будет готов ответить на любые вопросы, какие он пожелает задать. Он сухо поклонился. Тайрер так же сухо поклонился в ответ. Японец повернулся и вышел. Только тогда Тайрер увидел лиловые пятна кровоподтеков, сплошь покрывавшие его спину и ноги.

Через дорогу, ближе к морю, почти прямо напротив клуба, стояло большое одноэтажное кирпичное здание британской миссии, с флагштоком во дворе, с английскими садиками, обнесенное, как и все наиболее важные строения, оградой, которую можно было защищать. Сэр Уильям уже оделся к ужину, как и его почетный гость адмирал; оба были вне себя от бешенства.

— Проклятые ублюдки! — выругался адмирал, подходя к буфету, чтобы налить себе ещё одну основательную порцию виски. Его и без того красное лицо было теперь ещё краснее, чем обычно. — Непостижимый народ.

— Абсолютно. — Сэр Уильям отшвырнул свиток в сторону и уперся гневным взором в Иоганна и Тайрера, стоявших перед ним. Час назад этот

свиток прибыл с посыльным от японского губернатора, который прислал его по поручению бакуфу. «Очень срочно, прошу прощения». Вместо голландского, как это было принято, послание оказалось написанным иероглифами. С согласия Сератара Иоганн привлек к работе одного из иезуитских миссионеров, француза, и представил черновой перевод, который Тайрер тут же переложил на правильный английский. Послание было от Совета старейшин, внизу стояла подпись Андзё:

Я сношусь с вами через это послание. По приказу сёгуна, полученному из Киото, предварительно назначенная через девятнадцать дней встреча с родзю и встреча в тот же день с сёгуном должны быть отложены на три месяца, поскольку Его Величество не вернется до того времени. Посему я предварительно направляю вам это извещение, чтобы впоследствии назначить совещание для обсуждения деталей. Выплата второй половины дара должна быть отложена на тридцать дней. С уважением и покорностью довожу до вашего сведения.

— Иоганн, — спросил сэр Уильям ледяным тоном, — как вы считаете, нельзя ли расценить сие послание как необычайно грубое, невежливое и совершенно гнусное?

— Полагаю, примерно так оно и есть, сэр Уильям, — осторожно проговорил швейцарец.

— Ради самого Христа, я потратил целые дни, споря, угрожая, недосыпая по ночам, пересматривая все заново, пока они не поклялись головой сёгуна, что мы встретимся с ними пятого ноября, шестого — с сёгуном, и вот вам пожалуйста! — Сэр Уильям одним глотком опрокинул содержимое бокала себе в рот и поперхнулся, после чего отводил душу пять минут кряду на английском, французском и русском, пока все остальные, восхищенно раскрыв глаза, внимали его живописнейшим ругательствам.

— Совершенно справедливо, — заметил адмирал. — Тайрер, налейте сэру Уильяму ещё джина.

Тайрер мгновенно подчинился. Сэр Уильям извлек платок, высморкался, взял понюшку табаку, чихнул и высморкался ещё раз.

— Чума на них всех!

— Что вы предлагаете, сэр Уильям? — спросил адмирал, заботясь, чтобы его лицо не выдало восторга, который он испытывал, наблюдая за

новым унижением своего противника.

— Естественно, я отвечу без промедления. Пожалуйста, прикажите флоту отбыть завтра в Эдо и обстрелять из пушек те портовые постройки, которые я укажу.

Голубые глаза адмирала прищурились.

— Думаю, нам стоит обсудить это наедине. Джентльмены! — Тайрер и Иоганн тут же повернулись, чтобы выйти.

— Нет, — жестко ответил сэр Уильям. — Иоганн, вы можете идти и, прошу вас, подождите за дверью. Тайрер — мой личный помощник, он останется.

Шея адмирала покраснела, но он не сказал ни слова, пока дверь не закрылась.

— Вам прекрасно известна моя точка зрения на бомбардировку. Пока не придет приказ из Англии, я-не-отдам-такого-приказа, если только меня не атакуют.

— Ваша позиция делает переговоры невозможными. Сила исходит только из жерл наших пушек, ни из чего более!

— Я согласен, мы расходимся с вами лишь во времени.

— Это мне решать, когда момент настал, а когда нет. Хорошо. Если так, то будьте добры, прикажите произвести небольшую канонаду, двадцать ядер по целям, которые я укажу.

— Чёрт побери, нет! Или я не ясно выразился? Когда придет приказ, я спалю всю Японию, если понадобится, но не раньше.

Сэр Уильям вспыхнул.

— Ваше нежелание содействовать политике Её Величества даже в самых мелких вопросах не поддается описанию.

— А мне кажется, что подлинная проблема заключается в стремлении некоторых лиц к самовозвеличиванию. Какое значение могут иметь несколько месяцев? Никакого, кроме осмотрительности!

— Осмотрительность может идти к черту, — сердито отрезал сэр Уильям. — Разумеется, мы получим инструкции действовать так, как, я повторяю, я и советую! Вот тянуть время — это действительно неосмотрительно. С завтрашней почтой я направляю просьбу о замене вас офицером, который более вас настроен блюсти интересы Её Величества и подготовлен к сражениям!

Адмирал побагровел. Лишь очень немногие знали, что за всю свою карьеру он ни разу не участвовал ни в одной стычке ни на суше, ни на море. Когда дар речи вновь вернулся к нему, он сказал:

— Это, сэр, является вашим правом. Тем временем, пока не придет

моя замена или ваша, я командую вооруженными силами Её Величества в Японии. Доброй ночи, сэр. — Дверь с треском захлопнулась за ним.

— Грубый чурбан, — пробормотал сэр Уильям и тут, к своему удивлению, заметил Тайрера, стоявшего чуть позади, где он не мог его видеть, и парализованного этой словесной перепалкой. — Вам лучше держать рот на замке. Этому-то вас обучили?

— Да, сэр, безусловно, сэр.

— Хорошо, — сказал сэр Уильям, откладывая на потом мысли о гордиевом узле, в который сплелись бакуфу, родзю и непреклонность адмирала. — Тайрер, налейте себе шерри. Судя по вашему виду, вы в нем нуждаетесь, и вам, наверное, стоит присоединиться к нам за ужином, раз уж адмирал отклонил мое приглашение. Вы играете в нарды?

— Да, сэр, благодарю вас, сэр, — кротко ответил Тайрер.

— Да, пока не забыл, что это ещё там за драка, о которой я слышал? Ваш ручной самурай против британской армии?

Тайрер пересказал ему детали и принятое им решение, но умолчал об угрозе своего сэнсэя раздобыть мечи, чувствуя себя ещё более виноватым от того, что скрывал факты от посланника.

— Я бы хотел удержать его, с вашего согласия, разумеется. Он очень хороший учитель, и думаю, будет нам весьма полезен.

— Сомневаюсь в этом, и гораздо важнее, чтобы у нас здесь больше не возникало подобных осложнений. Невозможно предугадать, что ещё выкинет этот парень, он вполне может оказаться гадюкой в нашем гнезде. Я приказываю ему покинуть миссию завтра же.

— Но сэр, он уже дал мне кое-какую очень ценную информацию. — Тайрер почувствовал внезапный прилив отчаяния и выпалил. — Например, он сообщил мне, что сёгун всего лишь мальчик, ему едва исполнилось шестнадцать, и он просто кукла в руках бакуфу, а настоящая власть принадлежит их императору — он несколько раз называл титул микадо, — который живет в Киото.

— Боже Всемогуций! — взорвался сэр Уильям. — Неужели это правда?

Тайрер чуть было не рассказал ему про английский язык Накамы, но сумел удержаться.

— Пока ещё не знаю, сэр, у меня не было времени расспросить его по-настоящему, его очень трудно разговорить, но да, я думаю, он сказал мне правду.

Сэр Уильям смотрел на него во все глаза, мозг его лихорадочно работал, оценивая со всех сторон эту информацию.

— Что ещё он вам рассказал?

— Я, по сути, только начал, и на это уходит много времени, как вы понимаете. — Тайрер говорил со все нарастающим возбуждением. — Но он рассказал мне о ронинах. Это слово означает «волна», сэр, их называют ронинами, потому что они свободны, как волны. Они все самураи, но по разным причинам оказавшиеся вне закона. Большинство из них являются противниками бакуфу, как Накама; они считают, что бакуфу узурпировали власть мидако, простите, микадо, как я говорил.

— Погодите минутку, потише, потише, Тайрер. Времени у нас довольно. Так, ну-ка ещё раз, что такое ронин?

Тайрер объяснил ему.

— Бог ты мой! — Сэр Уильям задумался на мгновение. — Значит, ронины — это самураи, которых объявили вне закона потому, что их король впал в немилость, или их объявил вне закона их собственный король за некие преступления, подлинные или мнимые, или они стали отщепенцами добровольно и собираются в банды, чтобы свергнуть центральное правительство марионетки-сёгуна?

— Да, сэр. Он говорит: незаконное правительство.

Сэр Уильям допил остатки джина, кивая в ответ каким-то своим мыслям. Он был поражен и радостно взволнован, прокручивая все это в своей голове.

— Получается, что Накама — ронин, или то, что вы называете инакомыслящий, или то, что я бы назвал революционер?

— Да, сэр. Извините меня, сэр, могу я присесть? — дрожащим голосом произнес Тайрер, страстно желая выплеснуть всю правду об этом человеке и страхась сделать это.

— Конечно, конечно, Тайрер, простите, что не предложил этого сразу, но сначала налейте себе ещё шерри, а мне принесите бокал джина. — Сэр Уильям посмотрел ему вслед, в восторге от своего помощника, но при этом несколько обеспокоенный. Годы общения с дипломатами, шпионами, полуправдами, ложью и самой наглой дезинформацией подавали ему тревожные сигналы: от него что-то скрывают. Он принял свой бокал. — Спасибо. Возьмите вон тот стул, он самый удобный. Ваше здоровье! Должно быть, вы очень хорошо говорите по-японски, раз сумели столько разузнать за такое короткое время, — небрежным тоном произнес он.

— Нет, сэр, сожалею, это не так, но я трачу на изучение языка все своё время. С Накамой это, ну, большей частью терпение, жесты, несколько английских слов и японские слова и фразы, которые мне дал Андре Понсен, он оказывает мне огромную помощь, сэр.

— А Андре известно то, что рассказал вам этот человек?

— Нет, сэр.

— Ничего ему не говорите. Ничего совершенно. Ещё кто-нибудь знает?

— Нет, сэр, кроме Джейми Макфея. — Тайрер сделал глоток шерри. — Он уже знал немного и, ну, он очень убедителен и... в общем, он вытянул из меня про сёгуна.

Сэр Уильям вздохнул.

— Да, Джейми убедителен, чтобы не сказать больше, и всегда осведомлен гораздо лучше, чем говорит.

Он откинулся на спинку удобного вращающегося кожаного кресла, потягивая свой джин и обдумывая со всех сторон эту новую бесценную информацию, уже перестраивая свой ответ на сегодняшнее грубое послание, прикидывая, как далеко он может пойти и насколько можно доверять сведениям Тайрера. Как всегда в подобных обстоятельствах, он вспоминал прощальное напутствие постоянного заместителя министра.

— Касательно Накамы, — сказал он. — Я соглашусь с вашим планом, Филип... вы позволите мне называть вас Филип?

Тайрер зарделся от удовольствия при этом внезапном и неожиданном комплименте.

— Конечно, сэр, благодарю вас, сэр.

— Хорошо, спасибо. На данный момент я соглашусь с вашим планом, но, ради Создателя, будьте осторожны с ним, не забывайте, что все убийства европейцев были совершены ронинами, за исключением несчастного Кентербери.

— Я буду осторожен, сэр Уильям. Не волнуйтесь.

— Выудите из него все, что можно, но не говорите никому и передавайте мне всю информацию немедленно. Ради бога, будьте осторожны, всегда имейте под рукой револьвер и, если заметите в нем хотя бы малейший признак агрессивности, кричите во все горло, стреляйте в него или заковывайте в кандалы.

Следующей за британской миссией стояла американская, потом шли голландская, русская, немецкая и последней французская, и в ней в тот вечер, в своей комнате, Анжелика одевалась к столу с помощью А Со. Ужин, который Сератар давал ей и Малкольму, чтобы отпраздновать их помолвку, должен был начаться через час. После ужина будет музыка.

— Но не играйте слишком долго, Андре, скажите, что вы устали, — заранее предупредила она Понсена. — Пусть у вас останется побольше

времени на ваше поручение, хорошо? Мужчины такие счастливики.

Она и радовалась, и огорчалась тому, что переехала. Так разумнее, лучше, думала она. Через три дня я смогу вернуться обратно. Новая жизнь, новая...

— Сто плохо, мисси?

— Ничего, А Со. — Анжелика заставила себя не думать о том, что ей вскоре предстоит вынести, и поглубже запрятала свой страх.

Совсем недалеко на той же улице, в лучшем месте на берегу стояла фактория Струана, ярко освещенная, как и фактория компании «Брок и Сыновья» по соседству: в обоих зданиях многие клерки и менялы ещё продолжали работать. Сегодня Малкольм Струан расположился в апартаментах тайпэна, которые были гораздо больше и удобнее тех, что он занимал до сих пор, и сейчас с трудом облачался в вечерний костюм.

— Что ты посоветуешь, Джейми? Чёрт меня побери, если я знаю, что мне делать с матушкой и её письмами; да только это моя растреклятая проблема, а не твоя — тебе от неё тоже достается, не так ли?

Джейми Макфей пожал плечами.

— Все это ужасно трудно для неё. С её точки зрения она права, она ведь только желает тебе добра. Думаю, она смертельно боится за твоё здоровье: ты так далеко, и она не может приехать. И из Йокогамы делами компании заниматься нельзя, все сосредоточено в Гонконге. Через несколько дней «Китайское Облако» прибудет сюда из Шанхая, потом сразу же возьмет курс в Гонконг. Ты вернешься вместе с ним?

— Нет, и, пожалуйста, довольно об этом, — резко произнес Струан. — Я скажу тебе, когда мы, Анжелика и я, соберемся уехать. Я от всей души надеюсь, что на «Китайском Облаке» не будет матери — это явилось бы последней каплей. — Струан наклонился, чтобы натянуть сапоги, но не смог, боль была слишком сильна. — Извини, ты не мог бы помочь? Спасибо. — Потом у него вырвалось: — В Христа Бога мать ети эту немощность, она доводит меня до исступления.

— Могу себе представить. — Макфей скрыл своё удивление. Впервые за все годы он услышал от Струана такое крепкое выражение. — Со мной было бы то же самое, нет, не то же самое, ещё в тысячу раз хуже, — мягко добавил он, с симпатией глядя на него, восхищаясь его мужеством.

— Когда мы поженимся и все это ожидание закончится, когда все уляжется и утрясется, я буду в полном порядке. — Струан с трудом воспользовался ночной вазой, это было всегда болезненно, и увидел в моче кровь. Вчера, когда она появилась снова, он сказал об этом Хоугу, и Хоуг ответил: ничего страшного.

— Тогда почему у вас такой встревоженный вид?

— Вовсе не встревоженный, Малкольм, просто озабоченный. С такими серьезными ранениями внутренних органов при заживлении следует уделять внимание любым мелочам...

Струан закончил с вазой, доковылял до кресла у окна и с благодарностью опустил в него.

В полумиле от фактории Струана, рядом с Пьяным Городом, в ничем не примечательном домике японской деревни Хирага голым лежал на животе, ему делали массаж. С виду дом был самым обычным: выходящий на улицу фасад обветшал, похожий на все остальные, вытянувшиеся по обе стороны узкой грунтовой дороги; каждое из этих строений служило домом, складом и в дневное время лавкой. Внутри же, как и во многих домах, принадлежавших купцам позажиточнее, все сверкало чистотой, полировкой, здесь было просторно, чувствовалась заботливая рука. Это был дом сёи, деревенского старосты.

Найти это убежище было нелегко. Когда он вошёл в деревню, его окружило пораженное молчание, ибо вот стоял самурай, самурай без мечей, выглядевший как дикарь. Улица мигом опустела, за исключением тех, кто оказался рядом с ним, все они попадали на колени и замерли, ожидая своей участи.

— Ты, старик, скажи, где у вас тут ближайший рёкан — гостиница.

— У нас нет гостиницы, господин, в ней нет нужды, господин, — пробормотал старый лавочник. Подстегиваемый страхом, он бестолково затараторил дальше: — В ней нет нужды, потому что наша Ёсивара совсем рядом, она больше, чем многие города, там десятки мест, где вы можете остановиться, больше сотни девушек, не считая прислужниц, три настоящих гейши и семь учениц, это в той стороне...

— Довольно! Где дом вашего сёи?

— Вон там, господин.

— Где, идиот? Встань и покажи мне дорогу.

Все ещё кипя от гнева, он последовал за ним по улице, испытывая огромное желание выдавить глаза, следившие за ним из каждой щели, и раздавить шепот, поднимавшийся у него за спиной.

— Мы пришли, господин.

Хирага взмахом руки отпустил его. Вывеска снаружи открытой лавки, в которой лежало полно всевозможных товаров, но не было ни одного человека, гласила, что это был дом и контора Ити Рёси, сёи, торговца рисом и банкира, агента Гъёкоямы в Иокогаме. Гъёкояма были зайбацу — это

слово означало семейный бизнес, состоявший из тесно связанных в одну систему предприятий, — и обладали огромной властью в Эдо и Осаке как оптовые торговцы рисом, пивовары, винокуры и в первую очередь банкиры.

Он взял себя в руки. С большой осторожностью и вежливостью он постучал, присел на корточки и стал ждать, стараясь не замечать боль от побоев, которые получил в драке с патрулем из десяти солдат. По прошествии некоторого времени в открытую лавку вышел мужчина средних лет с волевым лицом, сел на колени и поклонился. Хирага поклонился в ответ, как равному, сказал, что его зовут Накама Отами и упомянул, что его дед тоже был сёей, не говоря где именно, но рассказав достаточно, чтобы его собеседник убедился в том, что это правда, потом, заметив, что в деревне нет рёкана, где можно было бы остановиться, он осведомился, не окажется ли у сёи комнаты для платящего гостя, которая была бы не занята на данный момент.

— Мой дед тоже имеет честь вести дела с зайбацу Гъёкоямы — его деревни продают через них весь свой урожай, — вежливо сказал он. — Вообще-то я бы хотел просить вас отправить им в Осаку мое денежное поручение и был бы признателен, если бы вы ссудили мне немного денег под его залог.

— Эдо ближе, чем Осака, Отами-сан.

— Да, но Осака удобнее для меня, чем Эдо, — ответил Хирага, не желая рисковать: в Эдо информация могла бы просочиться к бакуфу. Он поймал на себе оценивающий взгляд сёи, холодный и без тени страха, и спрятал поглубже свою ненависть, ибо даже даймё приходилось быть осторожными, когда они имели дела с кланом Гъёкояма или их агентами, даже Огаме, правителю Тёсю. Все знали, что Огама должен им огромные суммы, и доходы за несколько будущих лет были уже отданы в залог в качестве обеспечения этих займов.

— Моя компания почитает за честь служить старым клиентам. Пожалуйста, как долго вы желали бы пробыть в моем доме?

— Несколько дней, если это не причинит вам неудобств. — Хирага рассказал ему о Тайрере и о проблеме с солдатами, но только потому, что был уверен, что новость об этом уже опередила его.

— Вы можете остаться по меньшей мере на три дня, Отами-сан. Прошу прощения, но вы должны быть готовы уйти быстро в случае неожиданной облавы, днём или ночью.

— Я понимаю. Благодарю вас.

— Пожалуйста, извините меня, но я бы хотел получить документ,

подписанный этим Тайрой, или ещё лучше предводителем всех гайдзинов, который приказывал бы мне открыть для вас мой дом, если или когда бакуфу появятся здесь.

— Я позабочусь об этом. — Хирага поклонился в знак признательности, пряча раздражение, которое вызывали в нем все эти ограничения. — Благодарю вас.

Сёя приказал прислужнице подать чай и письменные принадлежности и смотрел, как Хирага составляет поручение, в котором тот просил снять указанную сумму со счета Синсаку Отами, тайного условного имени его отца. Хирага подписал его и поставил свою печать, после чего подписал и поставил печать на расписке для Рёси, который согласился выдать вперед половину суммы под обычные два процента в месяц на три месяца, необходимые для доставки документа в Осаку и свершения сделки.

— Вы хотите получить деньги наличными?

— Нет, спасибо, у меня ещё есть несколько обанов, — преувеличивая, ответил Хирага, у которого их осталось всего два. — Пожалуйста, откройте мне счет и вычитайте из него плату за комнату и пищу, мне понадобится одежда, мечи, и не могли бы вы найти мне массажистку?

— Конечно, Отами-сан. Относительно одежды, слуга покажет вам то, что у нас есть. Выбирайте что пожелаете. Что же до продающихся у нас мечей, — Рёси пожал плечами, — те, что у меня есть, всего лишь игрушки для гайдзинов и едва ли достойны вашего внимания, но вы можете взглянуть на них. Возможно, я смогу достать вам подходящие. А сейчас я покажу вам вашу комнату и ваши отдельные вход и выход — дом охраняется днём и ночью.

Хирага последовал за ним. Рёси ни слова не сказал о его наготе или синяках, не задал ни единого вопроса.

— Добро пожаловать в мой бедный дом, это честь для нас, — сказал он и оставил его одного.

Вспомнив, как это было сказано, Хирага вдруг почувствовал, как мурашки побежали у него по коже, — внешне так вежливо и почтительно, но со смертельной угрозой в глубине.

Отвратительно, подумал он, отвратительно, что нас, самураев, держат в нищете продажные даймё, сёгуны, бакуфу и заставляют брать в долг у этих низкородных зайбацу, которые не представляют из себя ничего, кроме грязных алчных торговцев, но ведут себя так, словно их деньги дают им власть над нами. Клянусь всеми богами, когда император вернет себе власть, мы сведем все счета, купцы и зайбацу заплатят...

Хирага начал погружаться в сон, когда дверь отодвинулась в сторону.

— Извините меня, господин. — Слуга опустился на колени и сказал встревоженно: — Прошу простить, но снаружи стоит простолудин, который заявляет, что знает вас, просит пустить его к вам, очень жаль, что приходится беспокоить вас, но он очень настойчив и...

— Кто он? Как его имя?

— Он... не назвал себя, и вас он не спрашивал по имени, господин, просто повторял: «Скажите самураю: Тодо брат Дзёуна».

В следующее мгновение Хирага уже был на ногах. Накинув на себя юкату, переместился поближе к двум мечам, которые взял на время, пока сёя не найдет ему лучшие, и опустился на колени лицом к двери, готовый наступать или обороняться.

— Пришли его сюда и проследи, чтобы нам не мешали. Худой, грязный молодой крестьянин в рваном кимоно смиренно просеменил по коридору и опустился на колени перед дверью.

— Благодарю вас, господин, благодарю вас, что впустили меня, — пролепетал юноша, потом поднял голову, и лицо его осветилось широкой бессмысленной улыбкой; у него не было передних зубов. — Благодарю вас, господин.

Хирага гневно воззрился на него, потом охнул от изумления:

— Ори? Но... но это невозможно! — Он вгляделся повнимательнее и увидел, что зубы спереди были просто зачернены как часть нового облика, но при тусклом свете создавали полную иллюзию выбитых. Однако нельзя было ошибиться в том, что Ори больше не выглядел как самурай: узел волос на макушке был срезан и все волосы по бокам и сзади были грубо обстрижены до длины двухнедельной щетины, покрывавшей теперь некогда выбритую часть его головы.

— Как так? — беспомощно спросил он. Ори ухмыльнулся и пересел ближе к нему.

— Бакуфу ищут ронинов, а? — прошептал он, чтобы его не могли услышать те, кто, как они оба знали, сейчас их подслушивают. — Я не стал от этого меньше самураем, зато теперь я могу пройти любую заставу, а?

Воздух с шипением вырвался изо рта восхищенного Хираги.

— Ты прав. Это ты блестяще придумал, сонно-дзёи не зависит от прически. Так просто — мне бы это никогда не пришло в голову.

— А вот мне пришло вчера ночью. Я тут все думал над твоей проблемой, Хирага, и...

— Осторожно. Здесь меня зовут Накама Отами.

— А, вон оно как! Хорошо. — Ори улыбнулся. — Я не знал, как тебя называть, поэтому и воспользовался вымышленным именем.

— Тодо и остальных нашли?

— Нет, о них по-прежнему нет никаких известий. Должно быть, они мертвы. Мы слышали, что Дзёуна казнили как обыкновенного преступника, но до сих пор не знаем, как им удалось его поймать.

— Зачем было приходить сюда, Ори? Это слишком опасно.

— Не в таком виде, и не ночью, а мне нужно было проверить нового Ори и увидеть тебя. — Он смущенно провел ладонью по коротким волосам, почесывая кожу под ними; его лицо было гладко выбрито. — Ощущение ужасное, я чувствую себя грязным, каким-то опустившимся, но ладно, теперь я беспрепятственно смогу добраться до Киото. Я отправлюсь туда через два дня.

Хирага недоуменно смотрел на его голову, все ещё не придя в себя от поразительной перемены.

— Уже если что и способно сделать твое путешествие безопасным, то эта уловка сделает его таким, за исключением того, что теперь все самураи станут принимать тебя за простолюдина. Как ты сможешь носить мечи?

— Когда мне понадобятся мечи, я надену шляпу. А так у меня есть вот это. — Ори сунул здоровую руку в рукав и извлек оттуда двухствольный «дерринджер».

Лицо Хираги вновь радостно осветилось.

— И-и-и-и, великолепно! Где ты его раздобыл?

— Фудзико. Она продала его мне вместе с коробкой патронов. Один из клиентов подарил ей его, когда уезжал из Йокогамы. Ты только вообрази себе! Какая-то шлюха низкого разряда обладает таким сокровищем.

Хирага осторожно взял пистолет, взвесил его на руке, прицелился, потом приподнял защелку, чтобы посмотреть на два бронзовых патрона, аккуратно сидевших в стволах.

— Ты, без сомнения, смог бы убить двух человек, прежде чем убили бы тебя, если бы стоял достаточно близко.

— Хватит и одного, чтобы появилось время убежать и раздобыть какие-нибудь мечи. — Ори, прищурившись, посмотрел на Хирагу. — Мы слышали про солдат. Я захотел убедиться, что с тобой все в порядке. Бака! Мы отправимся в Киото вместе и оставим это место собакам, пока не сможем вернуться с большим подкреплением.

Хирага покачал головой и рассказал ему, что произошло на самом деле, потом о разговоре с Тайером и об открытии, что между англичанами и французами существует вражда, возбужденно добавив:

— Это один из клиньев, который мы можем вбить между ними. Мы сделаем так, что они станут драться друг с другом, пусть они сами убивают

друг друга, а? Я должен остаться, Ори. Это только начало. Мы должны узнать все, что они знают, научиться думать, как они, тогда мы сможем их уничтожить.

Ори нахмурился, перебирая в голове доводы за и против — хотя он и не простил Хираге того, что тот заставил его потерять лицо и снять её крест, он, однако, должен был защищать сонно-дзёи.

— В таком случае, если ты станешь нашим шпионом, тебе нужно будет во всем походить на них и вгрызаться в их общество подобно клещу, изображать из себя друга гайдзинов, даже носить их одежду. — В ответ на ошеломленный взгляд Хираги он добавил: — А почему бы нет? Это ещё больше защитит тебя, и им будет легче принять тебя к себе, нех?

— Но почему они вообще должны принимать меня?

— Они не должны, но они глупы. Тайра будет твоим главным орудием. Он сможет договориться об этом, приказать. Он мог бы настоять на этом.

— С какой стати?

— В обмен на Фудзико.

— А?

— Райко дала нам ключ: гайдзины не такие, как мы. Они предпочитают спать всегда с одной и той же женщиной. Помогите Райко понадежнее завлечь его в их сети, тогда он станет твоим ручным псом, потому что ты будешь его незаменимым посредником. Завтра скажи ему, что даже хотя ты очень зол на солдат, это была не его вина. Поэтому с огромным трудом ты проник в Ёсивару и договорился, что Фудзико будет ждать его завтра вечером и «прошу прощения, Тайра-сама, мне было бы легче устраивать эти свидания, если бы у меня была настоящая европейская одежда, чтобы проходить через заставы и так далее». Давай ему девушку или не давай, подцепи его на этот крючок и крути им как хочешь. А?

Хирага тихо засмеялся.

— Лучше тебе остаться здесь и не ходить в Киото, твой совет слишком ценен.

— Кацумату необходимо предупредить. Теперь, эта чужеземная женщина?

— Завтра я узнаю точно, где она живет.

— Хорошо. — Ветер усилился, и порыв пробежал по дому, потрескивая бумагой на деревянных рамах; пламя масляной лампы затанцевало. Ори смотрел на него. — Ты её видел?

— Нет ещё. Слуги Тайры, мерзкое китайское отребье, не говорят ни на одном языке, который бы я понимал, поэтому у них я ничего не смог

выяснить, но самое большое здание в Поселении принадлежит тому человеку, чьей женой она должна стать.

— Она живет там?

— Я не уверен, но... — Хирага вдруг замолчал: новая неожиданная мысль ворвалась в его сознание. — Послушай, если они меня примут, я смогу бывать где угодно, смогу выведать все об их обороне, подниматься на борт их военных кораблей и...

— И в одну из ночей, — тут же продолжил Ори, опережая его, — нам, возможно, удалось бы захватить один из них или потопить.

— Да. — Лица обоих осветились при этой мысли, пламя лампы трепетало, отбрасывая причудливые тени.

— Если будет подходящий ветер, — тихо сказал Ори, — южный ветер, как сегодня, с помощью пяти или шести сиси и нескольких бочонков масла, заранее расположенных на нужных складах... даже это не обязательно: мы сможем изготовить зажигательные заряды и устроить пожар в Ёсиваре. Ветер погонит пламя на деревню, а с неё огонь перекинется на Поселение и сожжет его дотла! Neh?

— А корабль?

— В суматохе мы на веслах подберемся к самому большому. Мы бы могли это сделать с легкостью, neh?

— Не с легкостью, но какая победа!

— Сонно-дзёи!

Четверг, 16 октября

— Войдите! А, доброе утро, Андре, — сказала Анжелика с теплотой, выдававшей её обеспокоенность. — Вы очень пунктуальны. У вас все хорошо?

Понсен кивнул, закрыл дверь маленькой комнатки на первом этаже французской миссии, соединявшейся с её спальней и служившей ей будуаром, вновь поражаясь её внешнему спокойствию и способности говорить о пустяках. Он вежливо склонился над её рукой, легко коснулся её губами, потом сел напротив. Комнатка была бедной, несколько старых стульев, кушетка, письменный стол, оштукатуренные стены, несколько дешевых написанных маслом картин современных французских живописцев Делакруа и Коро.

— Армия приучила меня: пунктуальность в ряду добродетелей стоит на втором месте после святости.

Она улыбнулась его шутке.

— Л-ла! Я и не знала, что вы служили в армии.

— Меня призвали на год в Алжир, когда мне было двадцать два года, после университета, — ничего особенно выдающегося, просто помогал подавить одно из их нескончаемых восстаний. Чем скорее мы полностью покончим с подстрекателями и аннексируем всю Северную Африку, сделав её французской территорией, тем лучше. — Он рассеянно махнул рукой, отгоняя мух, и внимательно посмотрел на неё. — Вы выглядите ещё прекраснее, чем всегда. Ваше... ваше состояние идет вам.

Её глаза потеряли свой цвет и холодно блеснули, как кремь. Она плохо провела последнюю ночь: кровать в этой неопрятной, жалкой комнатке была неудобной. В самый глухой предрассветный час её тревоги взяли верх над её самообладанием, и она сильно разнервничалась по поводу того, что так поспешила, оставив свои апартаменты рядом со Струаном и весь тамошний комфорт. С восходом солнца настроение у неё не улучшилось, и ею опять овладела та же всепоглощающая мысль: мужчины — причина всех её бед. Месть будет сладостна.

— Вы имеете в виду мое будущее состояние замужней женщины, да?

— Разумеется, — ответил он после едва уловимой паузы, и она спросила себя, что с ним такое и почему он был так груб и выглядел так отрешенно, совсем как вчера вечером, когда музыка звучала, словно

заводная, без той страстности, какую он обычно вкладывал в неё. Под глазами у него образовались темные круги, и черты лица как бы заострились.

— Что-нибудь случилось, мой дорогой друг?

— Нет, дорогая Анжелика, ничего, ничего совершенно.

Лжец, подумала она. Почему все мужчины так много лгут, и другим, и самим себе?

— Все получилось удачно?

— Да и нет.

Анжелика встревоженно наблюдала за Андре.

— Да и нет, Андре? Что это значит?

— Да, у них есть такое лекарство, но нет, вы пока не можете его получить, потому что вам...

— Но почему, почему они...

— Mon Dieu, наберитесь терпения, тогда я смогу рассказать вам все, что услышал от мамы-сан. Вы пока не можете его получить, потому что его нельзя принимать раньше, чем на тридцатый день, потом ещё раз на тридцать пятый, кроме того, это лекарство — настой из трав — необходимо каждый раз готовить заново, чтобы оно было свежим.

— Тридцать дней? — полузадушенно проговорила она.

— Да, и прием нужно будет повторить на тридцать пятый. Вы должны все точно подсчитать и...

— А что происходит потом, Андре? Оно действует быстро или как?

— Ради бога, дайте же мне закончить. Она сказала, что да, обычно оно действует сразу же. Иногда бывает, что второй раз пить его необязательно.

— А такого, что я могла бы принять прямо сейчас, нет?

— Нет. Такого лекарства нет.

— Но это-то, оно действует каждый раз? Она подтвердила это?

— Да, — ответила Райко, когда я задал ей тот же самый вопрос. — Девять раз из десяти. Если лекарство не оказывает нужного действия, существуют другие способы.

— Вы имеете в виду врача?

— Да. Лекарство обычно срабатывает, но оно очень дорогое. Я должна заплатить его изготовителю до того, как он даст его мне. Ему необходимо купить травы, вы слышите...

Андре вновь сосредоточился на Анжелике.

— Мама-сан сказала, что оно дает нужный результат, но дорого стоит.

— Дает результат? Всякий раз? И не опасно?

— Всякий раз и не опасно. Но стоит дорого. Ей придется заплатить

аптекарю вперед, он должен раздобыть свежие травы.

— О, — произнесла она безмятежно, — тогда, пожалуйста, заплатите за меня, и вскоре я верну вам в три раза больше.

Его губы сжались в тонкую линию.

— Я уже ссудил вам двадцать луи. Я не богатый человек.

— Но сколько может стоить немного лекарства, Андре, самого обыкновенного лекарства? Конечно же, оно не может быть чрезмерно дорогим?

— Она сказала, для такой девушки, которой нужна такая помощь, тайная помощь, какое значение может иметь цена?

— Я согласна, дорогой Андре. — Анжелика отмахнулась от этой проблемы с теплой и дружеской улыбкой, но сердце её ожесточилось против него за подобное торгашество. — Через тридцать дней я смогу заплатить сколько нужно, из того содержания, которое Малкольм обещал мне, но и в любом случае я уверена, я знаю, что вы сумеете достать его, такой добрый и разумный человек, как вы. Благодарю вас, мой дорогой друг. Пожалуйста, передайте ей, что сегодня ровно восьмой день после того, как у меня должны были начаться месячные. Когда лекарство будет у вас?

— Я уже сказал вам, за день до тридцатого дня. Мы сможем забрать его или послать кого-нибудь за ним накануне.

— А... а недомогание? Как долго оно продлится?

Андре чувствовал глубокую усталость, неловкость, а теперь ещё и страшно злился от того, что позволил втянуть себя в эту историю, какие бы многочисленные и устойчивые преимущества она ни сулила в будущем.

— Она сказала мне, это зависит от девушки, её возраста и того, делалось ли это раньше. Если нет, все должно пройти легко.

— Но сколько дней я не смогу вставать с постели?

— Mon Dieu, она не говорила, а я не спрашивал. Я не спрашивал. Если вас интересуют детали, напишите мне список вопросов, и я постараюсь принести вам ответы. А теперь, если позволите... — Он поднялся. Она тут же дала своим глазам наполниться слезами.

— О, Андре, благодарю вас, мне так жаль, вы так добры, что помогаете мне, и мне очень жаль, что я вас расстроила. — Она всхлипнула и с удовольствием увидела, что он в тот же миг растаял.

— Не плачьте, Анжелика, вы меня не расстроили, это не ваша вина, просто... Примите мои извинения, все это должно быть так ужасно для вас, но, пожалуйста, не тревожьтесь, я принесу лекарство, когда настанет срок, и помогу всем, что в моих силах. Напишите мне ваши вопросы, и через

несколько дней я дам вам на них ответы. Простите, я... я неважно себя чувствую последнее время...

Она с притворным состраданием принялась успокаивать его, а когда он ушел, взвесила все, что узнала от него, глядя на Хай-стрит через засиженные мухами занавеси, но не видя ничего.

Тридцать дней? Ладно. Я спокойно смогу прожить этот срок, ничего ещё не будет заметно, думала она вновь и вновь, стараясь вселить в себя уверенность. Ещё двадцать два дня значения не имеют.

Чтобы удостовериться ещё раз, она достала свой дневник и начала считать. Потом пересчитала снова и остановилась на том же дне. Седьмое ноября. Пятница. День святого Теодора. Кто он? Я буду зажигать ему свечи каждое воскресенье. Не стоит помечать этот день в дневнике, подумала она, зябко поежившись. И все-таки поставила маленький крестик в углу страницы. Как быть с исповедью?

Бог понимает. Он понимает все.

Я могу подождать, но что, если...

Что, если лекарство не поможет, или Андре заболит, пропадет или его убьют, или мама-сан предаст меня или произойдет ещё что-нибудь: ведь препятствий тысячи?

Эти мысли глодали ей сердце. Они убивали в ней решимость. Настоящие слезы увлажнили её щеки.

Тут в её сознании всплыло нечто, что несколько недель тому назад говорил Андре Понсен. Она улыбнулась, и все тревоги разом оставили её.

Филип Тайрер своим самым красивым почерком заканчивал переписывать черновой вариант ответа сэра Уильяма родзю. В отличие от всех предыдущих посланий сэр Уильям на этот раз посылал оригинал на английском языке с копией на голландском, которую должен был подготовить Иоганн.

— Все, Иоганн, готово. — Он закончил написание буквы «Б» в словах «Сэр Уильям Айлсбери, К.О.Б.»^[23] затейливым росчерком.

— *Scheiss in mein Hut!* — Лицо Иоганна расплылось в улыбке. — В жизни не видел такого почерка. Неудивительно, что сэр Уильям хочет, чтобы вы переписывали все его донесения в Лондон.

— *Sigata ga nai!* — механически произнес Тайрер. — Это не важно.

— А вы действительно работаете над ним, над японским-то, а?

— Да, работаю, и между нами, только ради бога не говорите Вилли, мне это ужасно нравится. Что вы думаете о его замысле?

Иоганн вздохнул.

— С этими джапо думать без толку. Ежели хотите знать мое мнение, так у него, по-моему, от всех этих японских околичностей в голове повреждение сделалось.

Послание гласило:

Его Превосходительству Нори Андзё, эсквайру, главе родзю. Я получил ваше послание от вчерашнего дня и довожу до вашего сведения, что оно отвергается полностью. Если вы не выплатите оговоренную часть компенсации за убийство двух британских солдат в срок, означенная сумма будет учетверяться за каждый просроченный день.

Я с сожалением узнаю, что вы совершенно определенно не являетесь хозяевами собственного времени. Я немедленно исправлю для вас эту ситуацию. Через двенадцать дней, считая от сегодняшнего, я отправлюсь в Киото на флагмане в сопровождении всей эскадры, которая встанет на якорь в Осаке. Затем с эскортом кавалерии и обязательными шестидесятифунтовыми пушками нашей королевской артиллерии для произведения королевских салютов, я и все остальные посланники незамедлительно проследуем в Киото, дабы заступиться за вас перед его юным величеством, сёгуном Нобусадой лично или, если его не окажется на месте, перед Его Императорским Высочеством, императором Комэем лично, с обещанием воздать полные королевские почести салютом в двадцать один залп. Пожалуйста, поставьте их в известность о нашем скором прибытии, (подписано) Её Королевского Величества министр и посол сэр Уильям Айлсбери, К.О.Б....

— Император? Какой император? — с отвращением произнес Иоганн. — У них только и есть что этот мидако ли, микадо, как-то так его зовут, и он всего лишь вроде мелкого Папы без всякой реальной власти, не как, скажем, Пий IX, который во все сует свой нос, закрывает глаза на всякие безобразия, играет в политику и, как и все Gottverdampft католики, хочет, чтобы мы опять жарились на кострах!

Хирага открыл дверь.

— Хай, Тайра-сан?

— Икимасо, Накама-сэнсэй, старина, хай? Давайте пойдем, хорошо? — спросил Тайрер, радостно улыбаясь и все ещё удивляясь перемене, произошедшей с японцем.

Когда Хирага появился сегодня утром на рассвете, исчезли грязь и лохмотья и, самое удивительное, самурайская прическа — его короткие волосы теперь были похожи на волосы почти любого крестьянина или торговца. В своём аккуратном, накрахмаленном, но самом обычном кимоно, новой шляпе от солнца, висевшей на завязках за спиной, в новых таби и сандалиях он был похож на сына преуспевающего купца.

— Бог мой, Накама, вы выглядите потрясающе, — вырвалось у Тайрера, — эта прическа идет вам.

— Ах, Тайра-сан, — нерешительно заговорил Хирага с притворной кротостью, следуя плану, который наметили они с Ори. — Я думаю, вы сто мне говорить, помогать мне бросить самурай, перестать быть самурай. Скоро идти назад Тёсю, стану крестьянин, как дед, и'ри пиво варить, и'ри саке.

— Перестать быть самураем? Это возможно?

— Хай. Возможенный. Паза'рста, нет хочу бо'рса говорить, да?

— Хорошо. Но это мудрое решение, поздравляю.

Хирага невольно пробежал ладонью по голове, коротко обстриженные с боков волосы с непривычки вызвали зуд.

— Скоро во'росы растут, Тайра-сан, как у вас будут.

— Почему бы нет? — Тайрер носил свои от природы вьющиеся волосы длинными, почти до плеч. В отличие от большинства, он тщательно следил за их чистотой: над его кроватью всегда висела кружевная салфетка, на которой его мать вышила: «Превыше чистоплотности только благочестие». — Как ваши синяки?

— Я забыва'р их.

— Я забыл о них.

— А, спасибо, я забы'р о них. Есть хорошая новости, Тайра-сан. — Хирага подробно рассказал ему о том, как он ходил в Ёсивару и договорился о Фудзико на сегодняшнюю ночь. — Она вас, весь ночь. Хоросо, нех?

На мгновение Тайрер лишился дара речи. Он порывисто пожал Хираге руку.

— Спасибо. Мой дорогой друг, спасибо. — Он откинулся на спинку стула, вытащил свою трубку и предложил кисет Хираге, который отказался, с трудом удерживаясь от смеха. — Это замечательно. — Разум Тайрера, обгоняя его, устремился к ночному свиданию, сердце колотилось, чресла охватил жар. — Бог мой, замечательно!

С усилием он прогнал из головы все эти сиюминутные эротические мысли и сосредоточился на сегодняшних делах.

— Вы нашли, где будете жить в деревне?

— Да. Паза'рста, мы ходить сейчас, да?

По дороге туда, где жили японцы, Тайрер, неизменно следя за тем, чтобы их голоса звучали тихо и чтобы они не говорили по-английски рядом с прохожими, продолжал осторожно прощупывать Хирагу, добывая из него алмазы информации, среди прочих имена сёгуна и императора. Когда они подошли к жилищу сёи, он осмотрел лавку и крошечную жалкую комнатку рядом с ней, где якобы остановился Хирага. Потом он привел его назад в миссию, совершенно довольный и успокоившийся.

— Вы обратили внимание, что теперь, когда вы перестали выглядеть как самурай, вас едва замечают на улице, даже солдаты?

— Да, Тайра-сан. Вы можете помочь мне, паза'рста?

— Все что угодно. Что вы хотите?

— Я хочет пробовать носить васа одезды, стать бо'рса как гайдзин, да?

— Отличная идея!

Когда они вернулись в миссию, Тайрер поспешил к сэру Уильяму и взволнованно передал ему имена сёгуна и императора.

— Я подумал, вы захотите их знать немедленно, сэр. Я разузнал ещё кое-что: думаю, я понял его правильно, но он говорит, что все японцы, даже даймё, должны получить разрешение, чтобы посетить Киото, где живет император.

— Кто такие даймё?

— Так они называют своих королей, сэр. Но все, даже они, обязаны иметь разрешение, чтобы посетить Киото, он говорит, что бакуфу, а это, по сути, другое название сёгуната, вроде их государственной службы, боятся открыть туда свободный доступ всем. — Поначалу Тайрер старался сохранять спокойствие, но слова так и рвались из него. — Если это правда и если сёгун сейчас там, а император там постоянно, и если все власти предрежающие сейчас там, тогда, отправившись туда, сэр, не шагнете ли вы тем самым через голову бакуфу?

— Вдохновенное логическое заключение, — благожелательно произнес сэр Уильям с удовлетворенным вздохом, он пришел к тому же выводу задолго до того, как Тайрер закончил своё объяснение. — Филип, думаю, я внесу изменения в послание. Возвращайтесь через час, вы очень хорошо поработали.

— Благодарю вас, сэр. — Потом он рассказал ему о новом Накаме и его новой стрижке. — Я тут подумал, что если бы нам удалось уговорить его надеть европейский костюм, он начал бы становиться все более и более податливым — разумеется, продолжая учить меня японскому, пока я учу

его английскому.

— Очень разумная мысль, Филип.

— Благодарю вас, сэр, я сразу же этим займусь. Могу я послать счет к нашему меняле для оплаты?

Это несколько омрачило хорошее настроение сэра Уильяма.

— Лишних денег у нас нет, Филип, а казначейство... Очень хорошо. Но только один комплект. Вы отвечаете за то, чтобы счет был скромным.

Тайрер торопливо вышел и теперь, закончив работу над посланием, он собирался отвести Хирагу к китайскому портному, который жил дальше по улице.

На Хай-стрит было не очень многолюдно в это время дня, большинство мужчин находились в бухгалтериях своих контор, отдыхали после обеда или сидели в клубе. Несколько пьяниц сгрудились с подветренной стороны причалов, прячась от резкого ветра. На сегодня был назначен футбольный матч, флот против армии на армейском плацу, и Тайрер с нетерпением предвкушал это событие, но не встречу с Джейми Макфеем после посещения портного, на которую ему пришлось согласиться.

— Он глава представительства компании Струана в Японии, Накама-сан. Каким-то образом он узнал про вас и про то, что вы немного говорите по-английски. Ему можно доверять.

— Со ка? Струан? Человек, который женится?

— О, слуги рассказали вам о бале, устроенном в честь помолвки? Нет, мистер Макфей всего лишь их главный торговец. Женится не он, а мистер Струан, тайпэн. Вот его здание, склад, конторы, жилые апартаменты.

— Со ка? — Хирага изучил факторию взглядом. Трудно взять штурмом или пробраться вовнутрь, подумал он. Окна нижнего этажа зарешечены. — Этот Струан, также его женщина, они жить здесь?

Тайрер тотчас же подумал о Фудзико и рассеянно ответил:

— Струан живет здесь, насчет её я не уверен. В Лондоне это здание нельзя было бы даже сравнить с обыкновенными домами, тысячами и тысячами домов. Лондон — самый богатый город в мире.

— Богаче, чем Эдо?

Тайрер рассмеялся.

— Богаче, чем двадцать, чем пятьдесят Эдо, как мне сказать это по-японски?

Хирага перевел, его острые глаза подмечали все — он не поверил про Лондон, как не верил многому из того, что рассказывал ему Тайрер, считая, что тот лжет нарочно, чтобы запутать его.

Теперь они проходили мимо ряда приземистых строений, служивших миссиями, осторожно переступая через мусор, разбросанный повсюду.

— Почему разный ф'раги, паза'рста?

Тайрер хотел практиковаться в японском, но всякий раз, когда он заговаривал на этом языке, Хирага отвечал по-английски и тут же задавал новый вопрос. Все же он объяснил, показывая на флаги рукой:

— Это дипломатические миссии, вот эта русская, американская, вон там французская, а вон та прусская. Пруссия является сильной державой на континенте. Если бы я хотел сказать это...

— А, просу проченя, у вас есть карта васа мир, паза'рста?

— О да, я с радостью покажу её вам.

Отряд солдат приблизился и промаршировал мимо, не обратив на них никакого внимания.

— Этот люди из Пруссия, — Хирага тщательно выговорил новое слово, — они тоже воевать против французский?

— Иногда. Они, без сомнения, воинственный народ, всегда с кем-нибудь воюют. У них только что появился новый король, и его главный сторонник, большой суровый князь по имени Бисмарк, пытается собрать всех, кто говорит по-немецки, в одну великую нацию и...

— Паза'рста, просу проченя, Тайра-сан, нет так быстрый, да?

— *А гомен насай.* — Тайрер повторил только что сказанное, но медленнее, потом ответил на новые вопросы, не уставая поражаться их количеству, а также глубине и широте пытливого ума своего протеже. Он снова рассмеялся. — Мы должны заключить соглашение, один час о моем мире на английском, один час о вашем на английском, а потом один час разговора на японском. Хай?

— *Хай. Домо.*

Четыре всадника, направлявшихся к ипподрому, обогнали их, поздоровались с Тайрером и с любопытством посмотрели на Хирагу. Тайрер ответил на их приветствия. На дальнем конце Хай-стрит у заставы выстроившиеся в очередь носильщики с дневной партией товаров и продуктов начали проходить через таможенную под бдительным присмотром самурайской стражи.

— Нам лучше поспешить, мне не хочется оказаться в этой толпе, — сказал Тайрер. Он перешел на другую сторону улицы, стараясь не вступить в конский навоз, и вдруг остановился и помахал рукой. Они проходили мимо французской миссии, Анжелика стояла у своего окна на первом этаже, отодвинув занавеси в сторону. Она улыбнулась и помахала ему в ответ. Хирага сделал вид, что не заметил её испытующего взгляда.

— Это и есть та леди, на которой женится мистер Струан, — сказал Тайрер и двинулся дальше. — Прекрасна, не правда ли?

— Хай. Это её дом, да?

— Да.

Ори зевнул и оторвал глаз от потайного отверстия.

— Я видел довольно, — прошептал он. — Это просто поразительно.

— Я согласен, — кивнул Хирага, тоже понизив голос. — Ужасно. То, как Фудзико принимала его, ниже всякой хулы. Бака!

— На месте Тайры я бы потребовал назад свои деньги.

— Безусловно. Бака! Она полночи не могла его подготовить, а что до него... только Первая Позиция один раз и это постоянное «скорее, скорее»! Десять толчков и пуф-ф, порхнул через Луну, как утка.

Ори пришлось зажать рот рукой, чтобы удержаться от смеха, потом он осторожно приклеил маленькие кусочки бумаги на те отверстия, которые они проделали в дальнем углу панели-сёдзи. Вместе они скользнули в кусты, миновали потайную калитку в ограде и добрались до жилища Ори.

— Саке!

Полусонная служанка поставила перед ними поднос, разлила вино по чашечкам и, шаркая ногами, засемила прочь; ей все ещё было трудно не взирать с удивлением на их головы. Они выпили за здоровье друг друга и снова наполнили чашки, комната была небольшая и приятная, горели свечи, в соседней комнате уже были приготовлены спальные футоны. На низких лакированных подставках лежали мечи — Райко пошла на нарушение закона Ёсивары, запрещающего появление в ней с оружием, потому что они были сиси, потому что она видела портрет Хираги и потому что они оба поклялись сонно-дзёи не поднимать оружия против кого-либо из её дома или против её клиентов, кто бы они ни были, и прибегнуть к мечам только для защиты.

— Я не могу поверить, Хирага, чтобы Тайру обманули её притворные Моменты Единения с Богами, один за другим, прямо вот так! Её актерская игра была ужасной. Неужели он настолько глуп?

— Это очевидно. — Хирага рассмеялся и энергично потер голову с боков и сзади. — И-и-и-и, с копьём такого размера он действительно должен был бы заставить её пищать от восторга... интересно, все гайдзины так устроены?

— Какая разница — в его случае этот щедрый дар пропал впустую.

— Никакой утонченности, Ори! Может быть, мне следует подарить ему книгу о ночных утехах на подушках, как девственной невесте, а?

— Лучше убить его и их всех и сжечь Поселение.
— Будь терпелив, мы это сделаем, времени ещё много.
— Он — идеальная мишень, и это ещё одна удобная возможность, — настаивал Ори, в голос его прокрались напряженно звенящие нотки.

Хирага посмотрел на него, и вся теплота разом исчезла из их беседы.

— Да, но не сейчас. Пока он слишком важен.

— Ты сам говорил, что, если бы мы сумели достаточно их разозлить, они обстреляли бы Эдо, а это было бы замечательно для нашего дела.

— Ты прав, но мы можем подождать. — Хирага ничем не выдал своей тревоги, успокаивая Ори, желая добиться от него послушания. — Тайра отвечает на все мои вопросы. Например, никто не говорил нам, что гайдзины дерутся между собой, как бешеные псы, хуже, чем даймё до Торанага — голландцы ведь скрыли это от нас, а?

— Все они лжецы и варвары.

— Да, но должны существовать ещё сотни кусочков информации, подобных этому, которые подскажут нам способ, как вертеть чужеземцами и диктовать им нашу волю. Мы должны узнать все, Ори, и тогда, после того как мы станем частью новых бакуфу, мы натравим германцев на русских, на французов, на англичан, на американцев...

Хирага поежился, вспомнив то небольшое, что Тайрер рассказал ему об этой гражданской войне, её сражениях и жертвах, о всех современных ружьях и пушках и сотнях тысяч вооруженных людей, которые участвуют в ней, о сказочной необъятности земель гайдзинов.

— Сегодня вечером он сказал мне, что военный флот англичан правит всеми океанами мира, что по их закону он вдвое сильнее, чем объединенные флоты двух следующих по значению держав, сотни боевых кораблей, тысячи пушек.

— Ложь. Он преувеличивает, чтобы испугать тебя. Он и все они хотят, чтобы мы боялись, ты так же, как все остальные. Он тоже хочет заполучить наши секреты!

— Я даю ему только то, что он, по моему мнению, должен знать. — Хирага раздраженно рыгнул. — Ори, нам необходимо узнать о них все! Эти собаки покорили бóльшую часть мира — сокрушили Китай и сожгли Пекин, а французы в этом году стали правителями Кохинхина^[24] и готовятся подчинить себе Камбоджу.

— Да, но французы использовали одних туземных князей против других, как британцы в Индии. Здесь же Япония. Мы не такие, как они, это Земля богов. Даже все пушки мира не помогут им завоевать нас. — Лицо Ори исказила гримаса. — Даже если они льстивыми посулами привлекут

некоторых даймё на свою сторону, даже тогда мы, оставшиеся, уничтожим их.

— Без пушек и знаний — нет.

— Без пушек — да, Хирага-сан.

Хирага пожал плечами и налил им саке. Многие сиси разделяли слепую веру Ори и забыли Сюнь-цзы: «Знай врага своего, как знаешь самого себя, и ты победишь в ста сражениях».

— Надеюсь, ты прав. Тем временем я постараюсь выведать столько, сколько смогу. Завтра он обещал позволить мне взглянуть на карту мира — он называл её «ат'рас».

— А откуда ты знаешь, что она не будет ложной, поддельной?

— Это маловероятно. Такая вещь, как карта, должна быть настоящей. Возможно, мне даже удастся раздобыть копию, мы могли бы отдать её перевести, и ещё некоторые из их школьных учебников. — Хирага загорелся. — Тайра сказал, у них есть новые способы счета, которые преподаются в обыкновенных школах, и астрономические измерения под названием «до'р-го-та» и «сци-ро-та», — английские слова дались Хираге с трудом, — которые каким-то образом указывают им путь в океанах с фантастической точностью, в тысяче ри от земли. Бака, что я знаю так мало! Бака, что я не могу читать по-английски!

— Научишься, — сказал Ори. — Мне это не суждено. Ты станешь частью нашего нового правительства — я же никогда.

— Зачем говорить такое?

— Я поклоняюсь сонно-дзёи, я уже сложил своё предсмертное стихотворение и произнес его вслух. Я прочел его Сёриу, в ночь нападения на Токайдо. Бака, что он дал убить себя так рано. — Ори допил своё саке, разлил последние капли и заказал новую бутылочку. Прищурившись, он посмотрел на Хирагу. — Я слышал, ваш князь Огама обещает прощение любому сиси, который при всех отречется от сонно-дзёи.

Хирага кивнул.

— Мой отец написал мне об этом. Это ничего не значит для нас — для сиси из Тёсю.

— Ходят слухи, что Огама захватил Врата и владеет ими единолично. Говорят даже, что его войска опять сражаются с сацумами.

— Многие даймё выбирают неверный путь время от времени, — ровным тоном произнес Хирага; ему не нравилось, какой оборот принимает этот разговор. Он заметил, что, подвыпив, Ори становится гораздо более раздражительным и задиристым. Сегодня вечером Райко опять

предупредила его, что Ори ведет себя, как курящийся вулкан. — Мы все давно согласились, что никакие поступки или проступки наших наследственных правителей нас не связывают.

— Если Огама владеет Вратами, он мог бы вернуть власть императору и сделать сонно-дзёи реальностью.

— Может быть, он так и сделает, может быть, уже сделал.

Ори осушил свою чашечку.

— Я буду рад покинуть Иокогаму. Здесь воздух отравлен. Лучше тебе пойти в Киото вместе со мной. Это гнездо лжецов может заразить тебя.

— Без меня ты будешь в большей безопасности на дороге в Киото. Даже без моих волос меня могут узнать.

Неожиданный порыв ветра зашелестел соломой на крыше и стукнул полуоткрытым ставнем. Они метнули туда молниеносный взгляд, потом вернулись к вину. Саке расслабило их, но не остановило глубинных токов души, не развеяло мыслей о смерти и о сети, все туже стягивавшейся вокруг них, или о готовящейся засаде на сёгуна Нобусаду, о Сёрине и Сумомо, но больше всего о том, как быть с этой чужеземной девушкой. Хирага пока не заговаривал о ней, Ори тоже о ней ещё не спрашивал, но оба ждали, оба кружили около этого главного вопроса, обоим не терпелось начать, хотя ни тот, ни другой ещё не решили твердо, как собираются поступить.

Ори нарушил молчание.

— Когда Акимото прибудет завтра, как много ты собираешься рассказать ему?

— Все, что мы знаем. Он отправится в Киото вместе с тобой.

— Нет, пусть лучше останется, тебе пригодится здесь лишний меч.

— Зачем?

Ори опять только пожал плечами.

— Два — лучше, чем один. А теперь, — тон был категоричным, — расскажи мне, где она.

Хирага описал ему здание. В точности.

— Я не заметил решеток ни на окнах, ни на боковой двери. — Весь день он размышлял, что ему делать с Ори: если Ори ворвется в здание и убьет её, то независимо от того, останется он жив или умрет, все Поселение придет в бешенство и их злоба изольется на каждого японца, какой только окажется под рукой. — Я согласен, что она подходящая цель для сонно-дзёи, но не сейчас, когда я вхожу к ним в доверие и узнаю столь многие из их секретов.

— Такой верный удар должен быть нанесен незамедлительно.

Кацумата сказал, что нерешительность равносильна поражению. Все эти секреты мы можем почерпнуть из книг.

— Я уже сказал: я не согласен.

— Сразу же, как только я убью её, мы, все трое, подожжем Ёсивару, а вместе с ней и Поселение, и отступим в поднявшейся суматохе. Мы сделаем это через два дня, считая от сегодняшнего.

— Нет.

— А я говорю — да! Два или три дня, не больше!

Хирага подумал об этом и об Ори, взвесив все ещё раз очень тщательно, с ледяной холодностью. Затем снова принял решение:

— Я-запрещаю-это.

Непререкаемость этих слов ледяной волной окатила Ори. Во второй раз за столько же дней. И оба раза из-за неё.

С твердостью, не уступающей твердости его нового врага, который решил во что бы то ни стало помешать ему, Ори пообещал себе, что не нарушит первым молчания и не потеряет таким образом лицо. Напряженность между ними стремительно нарастала. Через несколько секунд она сделалась невыносимой, вздыбилась...

Звук бегущих ног. Сёдзи скользнула в сторону. Райко была бледна как мел.

— Патрули бакуфу из Сыскного ведомства стоят на мосту и у ворот. Вы должны уйти. Торопитесь!

Оба пришли в ужас, забыв обо всем остальном. Они схватили мечи.

— Они заглянут в Ёсивару? — спросил Ори.

— Да, по двое и по трое, такое уже случалось, гайдзинов они обходят, но нас — нет. — Её голос дрожал, как и её руки.

— Есть отсюда безопасная дорога через рисовые поля?

— Она ведет куда угодно и никуда, Ори, — ответил вместо неё Хирага, который вчера разведаль этот путь, как один из вариантов при отступлении. — Местность кругом плоская, ни одного укрытия на целое ри. Если они блокируют ворота и мост, они поставят своих людей и там тоже.

— Как насчет территории, где живут гайдзины, Райко?

— Поселение? Туда они никогда не заходят. Вы дол... — Она круто обернулась, испугавшись ещё больше. Оба сиси наполовину выдернули мечи из ножен. В комнату вбежала бледная служанка.

— Они на нашей улице, обыскивают все дома подряд, — всхлипнула она.

— Предупреди остальных.

Девушка умчалась. Хирага постарался заставить свой мозг работать.

— Райко, где у тебя твоё убежище, твой тайный погреб?

— У нас нет такого, — ответила она, ломая руки.

Вдруг Ори змеей подскользнулся к ней, и она отшатнулась в страшном испуге.

— Где тайный ход в Поселение? Быстро!

Райко едва не лишилась сознания, увидев, как передвинулись его пальцы на рукоятке меча, и хотя он не угрожал ей прямо, она знала, что находится на волосок от смерти.

— Я... в Поселение? Я... я не уверена, но... но много лет назад, мне говорили... я давно забыла о нём, — дрожа, забормотала она, — я не уверена, но... но, пожалуйста, тихо следуйте за мной.

Держась рядом, они выскользнули из дома вслед за ней и углубились в кусты, не обращая внимания на ветви, цеплявшиеся за одежду и словно старавшиеся помешать им. Луна светила по-прежнему ярко, ныряя высоко в небе меж быстро бегущими облаками, которые ветер рвал на длинные космы. Подойдя к скрытой части забора между её гостиницей и соседней, Райко нажала узловатый выступ на деревянной поверхности. Одна планка со скрипом повернулась на деревянных петлях, грязных и давно не использовавшихся.

Не беспокоя бражничавших клиентов, она прошла через этот сад в его дальний конец, через ворота попала в следующий, потом, обойдя его вдоль задней стены, прошла мимо низкого кирпичного строения, служившего сейфом для ценных вещей во время пожаров, туда, где располагались большие хранилища для воды, или колодцы — хранилища наполнялись дождевой водой и ежедневными вереницами водоносов.

Задыхаясь от быстрой ходьбы, она показала рукой на деревянную крышку одного из колодцев.

— Кажется... кажется, это здесь.

Хирага отодвинул крышку в сторону. Грубые заржавевшие железные скобы были вколочены в стену из глиняных кирпичей, образуя лестницу. Никаких признаков воды внизу. Все ещё испуганная, она прошептала:

— Мне сказали, что он ведёт в подземный ход... я не уверена, но мне говорили, что тоннель проходит под каналом, но вот в каком месте он выходит, я не знаю. Я совсем забыла о нём... мне нужно идти...

— Подожди! — Ори преградил ей дорогу, взял камень и уронил его в колодец. Ему ответил громкий всплеск воды внизу. — Кто все это сделал?

— Бакуфу, мне сказали, когда строили Поселение.

— Кто рассказал тебе о нём?

— Один из слуг... я не помню, кто именно, но он их видел... — Все трое оглянулись и посмотрели в сторону главной улицы. Оттуда донеслись сердитые голоса. — Я должна вернуться... — Она исчезла тем же путем, что и пришла.

Сиси с тревогой взгляделись в непроглядную темень внизу.

— Если подземный ход построили бакуфу, Ори, он может оказаться ловушкой для людей вроде нас.

В одном из домов неподалеку кто-то начал ругаться по-английски:

— Какого черта вам нужно... ну-ка назад!

Ори засунул свой длинный меч за пояс. Двигаясь неловко из-за раненого плеча, он перелез в колодец и начал спускаться. Хирага последовал за ним, задвинув крышку на место.

Чернота, казалось, становилась ещё чернее с каждой ступенькой, потом ноги Ори снова обрели твердую опору.

— Осторожно, думаю, это всего лишь уступ. — Его голос звучал сдавленно и отозвался из глубины зловещим эхом.

Хирага на ощупь подобрался к нему и встал рядом. В кармане рукава у него хранилось несколько спичек, и он, чиркнув, зажег одну.

— И-и-и-и, — возбужденно протянул Ори, — где ты достал такие?

— В миссии они валяются повсюду: эти собаки настолько богаты, что просто оставляют их где попало. Тайра сказал, что я могу брать сколько мне нужно. Смотри! — В свете догорающей спички они увидели вход в тоннель. Он был сухим, высотой в человеческий рост. В десяти футах ниже них в колодце стояла вода. В нише они обнаружили старую свечу. Хираге понадобилось три спички, чтобы зажечь её. — Пошли.

Подземный ход вел вниз. Через пятьдесят шагов стало сыро, пол под ногами превратился в вязкую грязь, местами попадались лужи. Тухлая вода стекала по грубой крепи, дерево гнило и выглядело ненадежно. По мере того как они продвигались вперед, воздух становился все более зловонным, дышать стало трудно.

— Мы можем подождать здесь, Ори.

— Нет, не останавливайся.

Они покрылись потом, отчасти из-за страха, отчасти из-за духоты. Пламя затрещало и погасло. Выругавшись, Хирага зажег свечу и прикрыл пламя ладонью; огарок остался совсем крошечный. Он с трудом продвигался вперед, уровень воды поднимался. Крыша над их головой по-прежнему уходила вниз, вода поднялась выше колен. Ори поскользнулся, но устоял на ногах. Ещё двадцать или тридцать шагов, вода все так же поднималась. Теперь она была им по пояс, свод крепи понемногу

прижимался к их головам. Вперед. Свеча начала гаснуть. Снова вперед.

Хирага, ругаясь, смотрел на пламя.

— Лучше нам вернуться и переждать на сухом месте.

— Нет, продолжай идти, пока свеча не погаснет.

Впереди тоннель загибался в темноту, свод опускался, не доставая до воды совсем немного. Борясь с тошнотой, Хирага снова побрел вперед, дно под ногами было скользким. Ещё несколько шагов. Его голова уперлась в дощатый свод. Ещё шаг, и тут свод слегка поднялся.

— Уровень воды снижается, — объявил он, слабея от облегчения, и пошел быстрее; мерцающая полутьма воняла невыносимо. Поворот, свод поднялся ещё выше. Снова вперед. Как раз перед тем, как свеча затрещала и погасла уже навсегда, они увидели сухую землю у края тоннеля и колодец, один конец которого вел наверх, а другой — вниз.

Хирага ощупью пробрался вперед, ничего не видя перед собой.

— Ори, я у края тоннеля. Слушай, я брошу вниз камень. — Прошло несколько секунд, прежде чем камень, отскакивая от стен, глухо плюхнулся на дно. — И-и-и-и, он должен уходить вниз футов на сто, а то и больше, — сказал он, и его желудок скверно заворочался.

— Зажги ещё одну спичку.

— У меня осталось всего три. — Хирага зажег одну. Они увидели ржавые, ненадежные скобы, уходившие вверх, больше ничего. — Как ты узнал, что Райко известно про этот подземный ход?

— Просто вдруг пришло в голову. Тут должен был оказаться какой-нибудь тоннель... я бы построил такой, будь я на их месте. — Голос Ори звучал хрипло, он тяжело дышал. — Они могут поджидать нас наверху, в засаде. Они затолкают нас назад, или нам придется прыгать.

— Да.

— Давай скорее, я не могу здесь. Поднимайся!

Так же торопясь выбраться отсюда, Хирага поправил длинный меч за поясом. Ори нервно отступил, схватившись за рукоятку своего меча. Оба тут же встали лицом друг к другу: спасение, возможно, было рядом, но ничего ещё не было решено между ними.

Спичка погасла.

В темноте они больше не могли видеть друг друга. Не думая, оба сразу отступили подальше от опасного края, прижавшись спиной к стене. Хирага, более искушенный воин, упал на одно колено, положив руку на рукоять, готовый одним ударом перерубить Ори ноги, если тот нападет, напряженно вслушиваясь, чтобы не пропустить звук извлекаемого из ножен меча.

— Хирага! — царапнул его из темноты голос Ори, отступившего ещё глубже в тоннель, где он не мог его достать. — Я хочу, чтобы она умерла, я стану преследовать её ради сонно-дзёи и себя самого. Ты хочешь остаться. Разреши эту проблему.

Хирага молча выпрямился.

— Сам решай её, — прошипел он и тут же бесшумно поменял место.

— Я не могу. Я не могу решить её, я уже пытался.

Хирага колебался, ожидая подвоха.

— Сначала положи свои мечи на землю.

— А потом?

— Дальше: поскольку ты одержим ею превыше сонно-дзёи, ты никогда не появишься рядом со мной в Иокогаме при оружии, ты завтра же отправишься в Киото и все расскажешь Кацумате, он главный из сиси Сацумы. Когда ты вернешься, мы это сделаем — все, как ты сказал.

— А если я не вернусь?

— Тогда я сделаю это один и сам выберу время.

Голос из темноты заскрежетал ещё сильнее.

— Но она может уехать, сбежать, нех? Что, если она уедет до моего возвращения?

— Я позабочусь о том, чтобы быть в курсе всех её передвижений, и тотчас же извещу тебя. Если ты не сможешь прибыть вовремя, я сам приму решение. Она и её муж, если они к тому времени поженятся, могут уехать только в Гонконг. Ты — или мы — можешь последовать за ней туда. — Он слышал тяжелое дыхание Ори и ждал, готовый отразить внезапное нападение, зная, что не может доверять Ори, пока она жива и находится рядом, но полагая, что на данный момент это наилучший план. «Убить его было бы большой потерей. Мне нужна его мудрость». — Ты согласен?

Он ждал. И ждал. Потом услышал:

— Да. Что ещё?

— Последнее: этот крест, ты сейчас же бросишь его в колодец. — Хирага услышал внезапный злой свистящий вдох. Молчание нарастало.

— Я согласен, Хирага-сан. Пожалуйста, примите мои извинения. Потом его острый слух уловил легкий шорох разворачиваемой ткани, что-то пролетело мимо него, и за спиной раздался звук металла, тенькнувшего о каменную стену колодца, почти тут же проглоченный им. Звук мечей, которые кладут на землю.

Хирага зажег спичку. Действительно, Ори теперь стоял беззащитный. Хирага тут же метнулся вперед, Ори в панике бросился бежать, но Хирага лишь забрал его мечи. Прежде чем спичка погасла, ему хватило времени

бросить и их в колодец.

— Пожалуйста, повинуйся мне, Ори. Тогда тебе нечего бояться. Я пойду первым, подожди, пока я не окликну тебя сверху.

Скобы были источены ржавчиной, некоторые из них шатались. Подъем был трудным. Затем, далеко вверху, он с благодарностью увидел отверстие колодца, открытое небу, и песчинки звезд меж облаков. Ночные звуки, ветер и море. Он начал карабкаться дальше, но уже осторожнее. Ему потребовалась собрать все силы, чтобы тихо подтянуться на каменный венец колодца и оглядеться вокруг.

Заброшенный колодец стоял неподалеку от ограды и канала за ней, на пустыре, поросшем сорняками и заваленном мусором. Недалеко плескалось море. Развалившиеся дома, глубокие рытвины на грунтовой дороге. Глухое ворчание собаки, рыскавшей поблизости в поисках пищи. Ветер донес до него грубые голоса, распевające какую-то лихую песню. Теперь Хирага понял, куда привел их подземный ход. Они были в Пьяном Городе.

Пятница, 17 октября

В свете занимающегося дня в замке Эдо Мисамото — переодетый самураем рыбак и шпион Ёси, — дрожа всем телом, сидел на коленях перед встревоженным Советом старейшин. Английская копия ответа сэра Уильяма тряслась у него в руке. Рядом с ним сидел, цепenea от ужаса, чиновник бакуфу.

— Говори, рыбак! — повторил Андзё, глава старейшин. В холодном приемном зале стояла напряженная тишина. — Ничего, если ты не понимаешь все английские слова, мы хотим знать, точно ли перевел чиновник бакуфу это послание. Так ли все говорится в послании гайдзинов? Точно так?

— Э-э, да, более или менее, да, господин, — пробормотал Мисамото, напуганный так сильно, что едва мог говорить. — Все, как господин чиновник... более или менее, господин... более... или...

— У тебя что, морские водоросли вместо языка, рыбий помет вместо мозгов? Отвечай нам скорее! Князь Торанага говорит, что ты можешь читать по-английски — так читай! — Час назад Андзё был разбужен дрожащим чиновником бакуфу, который принес ответ сэра Уильяма на голландском и английском. Андзё спешно созвал заседание Совета, на котором чиновник только что повторил свой перевод голландского текста. — Что говорится в этой бумаге на английском?

— Видите ли, господин, да, это, э-э... — Голос Мисамото замер, у него снова перехватило горло от страха.

Отчаявшись добиться от него ответа, Андзё посмотрел на Ёси.

— Это ничтожество с рыбьими мозгами ваш шпион, — произнес он с точно выверенной холодностью. — Вы придумали вызвать его сюда, пожалуйста, заставьте его говорить.

— Скажи нам, что говорится в письме, Мисамото, — доброжелательно произнес Ёси, внутренне почти слепой от гнева и отчаяния. — Никто не причинит тебе вреда. Скажи своими словами. Правду.

— Видите ли, господин, здесь все более или менее, как... более или менее, как доложил господин чиновник, господин, — запинаясь, начал Мисамото, — но это, это письмо, я не знаю всех слов, господин, но некоторые из них... ну, ну... — Его лицо перекошилось от ужаса.

Ёси подождал мгновение.

— Продолжай, Мисамото, не бойся, говори правду, какова бы она ни была. Никто не тронет тебя. Нам нужна правда.

— Видите ли, господин, предводитель гайдзинов... — Мисамото запнулся. — Он говорит, что собирается в Осаку через одиннадцать дней, как сказал чиновник, но не... но не с церемониальным визитом... — Он съежился под их пронзительными взглядами, перепуганный настолько, что теперь у него текло из носа и слюна изо рта сбегала на подбородок, потом выпалил: — Он вовсе не доволен, на самом деле он сильно разозлен, и он собирается... собирается в Осаку со своим флотом, собирается идти в Киото с пушками, шестидесятифунтовыми пушками, множеством кавалерии и солдат, чтобы встретиться с Сыном Неба и с сёгуном... он даже назвал их по именам, господин, император Комэй и мальчик-сёгун Нобусада.

Все ахнули, даже стражники, обычно невозмутимые и, как подразумевалось, ничего не слышащие. Мисамото уткнулся головой в татами и замер, не отрывая лба от пола.

Ёси показал рукой на чиновника бакуфу, который побледнел, и все внимание обратилось на него.

— Это так?

— Церемониальный визит, господин? Для ваших августейших ушей это должно быть правильным переводом... варвары грубы и неотесанны в выборе слов, и то, что они написали, должно, я искренне верю в это, быть правильно истолковано как церемониальный, государственный визит, и...

— Говорится ли тут про «пушки и кавалерию» и тому подобное?

— В принципе, господин, это пи...

— Да или нет? — почти прокричал Ёси, и все ошеломленно посмотрели на него.

Чиновник сглотнул, пораженный тем, что ему, впервые в его жизни, приказывают отвечать так прямо, и уже совершенно потрясённый тем, что его в чем-то обвиняют и что обычные правила, манеры и гладкость слога дипломатии не принимаются во внимание.

— Я с сожалением довожу до вашего сведения, что в принципе такое упоминается там, но подобная дерзость совершенно очевидно является ошибкой и...

— Почему ты не перевел все точно?

— Для августейших ушей, господин, необходимо толкование...

— Названы ли имена августейших особ? Да или нет?

— Их имена содержатся в послании, но...

— Правильно ли написаны иероглифы их имен?

— Насколько может показаться, господин, иероглифы представляются написанными пра...

— Напиши точный перевод того, что говорится в послании, немедленно. — Колючие слова прозвучали тихо, но притаившаяся за ними жестокость ударила по каждому, многократно отразившись от голых каменных стен. — Точный! Все дальнейшие послания от них или к ним делай столь же точными. Точными! Одна ошибка, и твоя голова окажется в мусорной яме. Убирайся! Мисамото, я очень доволен тобой, пожалуйста, подожди снаружи.

Оба мужчины поспешно вышли. Мисамото проклинал свою горькую судьбу и тот день, когда он согласился сопровождать Перри в Японию, полагая, что бакуфу с радостью примут его, оценив его уникальные знания, и отвалят ему целое состояние. Чиновник же клялся, что отомстит Ёси и этому лживому рыбаку прежде, чем Совет исполнит свой приговор, которого он, как разумный и чтущий незыблемые правила чиновник, не мог избежать.

Ёси яростно полоснул деревянным мечом, удерживая двух своих противников на расстоянии, пот струйками сбегал по его лицу, потом метнулся назад, развернулся и атаковал снова. Оба противника, опытные воины, мгновенно ушли с линии атаки, наседая на него с двух сторон. Им было приказано победить в этой схватке и объявлено, что в случае поражения каждый проведет месяц в казармах и лишится платы за три месяца.

Один из них с замечательным искусством сделал ложный выпад, раскрывая Ёси для другого, но Ёси был готов: он низко пригнулся, меч противника свистнул у него над головой, а его собственный врезался в грудь нападавшему с такой силой, что треснул и переломился — будь клинок настоящим, он почти рассек бы этого человека надвое. Получивший удар выбыл из борьбы.

В тот же миг первый уверенно бросился на Ёси, чтобы покончить с ним, но Ёси вдруг не оказалось там, где он должен был бы находиться: почти распластавшись на полу, он выбросил вперед ногу, прибегнув к удару карате. Его противник взвыл от боли, когда твердое как камень ребро стопы Ёси врезалось ему в мошонку, и, корчась, упал на пол. Увлекаемый яростью и адреналином, Ёси прыгнул на распростертого самурая, занеся высоко над головой треснувшую рукоять, готовый вонзить деревянный стержень в горло побежденного. Но он сдержал смертельный удар в волоске от его шеи — сердце колотилось в груди, Ёси был в экстазе от своего искусства и

самообладания, от того, что не проиграл на этот раз — победа не значила ничего. Его разбушевавшаяся ярость улеглась в тот же миг.

Удовлетворенный, он отбросил сломанную рукоять и начал постепенно раскручивать тугую спираль, свернувшуюся внутри него; зал для упражнений был гол и лишен ненужной роскоши, как и остальные помещения замка. Все трое тяжело дышали от долгого напряжения, человек на полу все ещё извивался от боли, перекатываясь с боку на бок. Тут Ёси в ошеломлении услышал, как кто-то за его спиной тихо захлопал в ладоши. Он гневно обернулся — по заведенному им обычаю никто и никогда не приглашался на эти тренировочные занятия, где можно было оценить уровень его мастерства, определить его слабые стороны и измерить его звериную жестокость в схватке, — но и этот его гнев рассеялся так же быстро.

— Хосаки! Когда ты приехала? — спросил он, стараясь отдышаться. — Почему не послала кого-нибудь известить меня о своём приезде? — Улыбка погасла на его лице. — Случилась беда?

— Нет, господин, — с огромной радостью ответила его жена, сидя на коленях у двери. — Никакой беды, просто меня переполняет удовольствие от того, что я вижу вас. — Она низко поклонилась. Её юбка и куртка для верховой езды из прочного зеленого шелка выглядели скромно и были помяты и запачканы грязью с дороги, как и зеленая накидка на теплой подкладке и широкая шляпа, подвязанная под подбородком; короткий меч был заткнут за obi. — Пожалуйста, простите, что я проскользнула сюда вот так, без приглашения и не переодевшись, но, видите ли, мне не терпелось увидеть вас, а сейчас я ещё больше довольна, что поступила так, ибо теперь знаю, что вы владеете мечом ещё лучше, чем прежде.

Он скрыл свой восторг, потом подошел ближе и испытующе посмотрел ей в лицо.

— Действительно ничего не случилось?

— Нет, господин. — Она просияла, глядя на него с открытым обожанием. Белые зубы, черные раскосые глаза на классическом лице, которое не было ни привлекательным, ни обыкновенным, но которое навсегда отпечатывалось в памяти. Все в ней было исполнено огромного достоинства.

— Ёси, — сказал его отец, когда ему было семнадцать лет, — я выбрал тебе жену. Она Торанага и родовитостью равна тебе, хотя и представляет менее значительную ветвь Митовара. Её зовут Хосаки, на древнем языке это слово означает «зернышко пшеницы», символ плодородия и изобилия, а также «наконечник копья». Думаю, она не подведет тебя ни в одном из этих

качеств...

И она не подвела, с гордостью подумал Ёси. У нас уже два прекрасных сына и дочь, а она все так же сильна и здорова, всегда разумна, тверда в управлении нашими финансами и, большая редкость для жены, её довольно приятно иной раз повалить на подушки, хотя она и не так страстна, как моя наложница или те партнерши, которых я беру для удовольствия, особенно Койко.

Он принял сухое полотенце от того из двух воинов, который оставался на ногах, и махнул рукой, отпуская обоих. Человек молча поклонился и помог другому, все ещё страдающему от боли, хромая, выйти из зала.

Ёси опустил на колени рядом с женой, вытирая полотенцем пот.

— Итак?

— Здесь не безопасно, нех? — тихо спросила она.

— Полной безопасности не найти нигде.

— Во-первых, — произнесла она уже нормальным голосом, — во-первых, Ёси-тян, мы позаботимся о вашем теле: ванна, массаж, потом беседа.

— Хорошо. Тут нам есть о чем поговорить.

— Да. — Она с улыбкой поднялась и, снова перехватив его испытующий взгляд, заверила его: — Это правда, в Зубе Дракона все хорошо: ваши сыновья здоровы, ваша наложница и её сын счастливы, ваши военачальники и вассалы бдительны и хорошо вооружены — все, как бы вы пожелали. Я просто решила нанести вам короткий визит, поддавшись внезапному капризу, — сказала она для подслушивающих ушей, — мне только нужно было повидать вас и поговорить об управлении замком.

А также залучить тебя в постель, красавец мой, думала она в глубине сердца, подняв на него глаза. Её ноздри наполнял исходивший от него запах мужчины, она остро чувствовала его близость и, как всегда, до боли жаждала ощутить его силу.

Пока ты далеко, Ёси-тян, я могу оставаться спокойной большую часть времени, но рядом с тобой... Ах, тогда это бывает очень трудно, хотя я и притворяюсь, о, как я притворяюсь, и прячу свою ревность к другим, и веду себя так, как должна вести примерная жена. Но это не означает, что я, как и все жены, не испытываю дикой ревности, иногда доходящей до исступления, когда мне хочется убить или, ещё лучше, покалечить всех этих девок, когда я мечтаю о том, чтобы меня желали и овладевали мной с такой же страстью.

— Вы были вдали слишком долго, муж мой, — нежно произнесла она, желая, чтобы он взял её прямо сейчас, на полу, где они возились бы так,

как, в её представлении, возятся разохотившиеся молодые крестьяне и крестьянки.

День близился к середине; легкий ветер расчистил небо от облаков. Они находились в самых внутренних покоях: три комнаты с татами на полу и ванная комната в том месте, где стена стояла углом. Она наливала ему чай, изящно, как всегда. С самого детства она изучала чайную церемонию, как и он, но она теперь была Сэнсэем и сама учила других чайной церемонии. Они вымылись, и им обоим сделали массаж. Двери были закрыты, стража расставлена, прислужницы отпущены. Он сидел в накрахмаленном кимоно, она угощала его в легком, развевающемся ночном кимоно, распустив волосы.

— Думаю, после нашего разговора я отдохну. Тогда моя голова прояснится к сегодняшнему вечеру.

— Ты ехала весь день?

— Да, господин. — Путешествие и в самом деле было трудным, она мало спала и меняла лошадей через каждые три ри, что составляло около девяти миль.

— Сколько времени занял у тебя путь?

— Два с половиной дня; я привела с собой только двадцать самураев под началом капитана Исимото. — Она рассмеялась. — Массаж действительно был очень кстати, и ванна. Но прежде...

— Почти десять ри в день? Почему таким скорым маршем?

— Большей частью для моего удовольствия, — безмятежно ответила она, зная, что времени впереди довольно, чтобы рассказать ему дурные вести. — Но прежде, Ёси-тян, чай для вашего удовольствия.

— Спасибо. — Он выпил зеленый, с тонким ароматом чай из тыквообразной чашки эпохи династии Мин и поставил её на место, наблюдая и выжидая, зачарованный её искусством и спокойствием.

После того как она налила им снова, сделала глоток и поставила свою чашку на место, она сказала тихо:

— Я решила прибыть сюда безотлагательно, потому что до меня дошли тревожные слухи и мне нужно было убедить себя и ваших военачальников, что вы в добром здравии, — слухи о том, что вы в опасности, что Андзё настраивает Совет против вас, что покушение сиси на него и убийство Утани являются частью нового большого подъема движения сонно-дзёи, что грядет война, как внутренняя, так и внешняя, и что Андзё и далее продолжает предавать вас и весь сёгунат. Он не должен был отпускать сёгуна и его жену из императорской семьи на поклонение в

Киото.

— Все это правда или отчасти правда, — ответил он с тем же спокойствием, и её лицо потемнело. — Дурные вести разлетаются, как на крыльях ястреба, Хосаки, нех? Все ещё больше осложняется из-за гайдзинов. — Он рассказал ей о своей встрече с чужеземцами и о Мисамото, своём шпионе, потом более подробно — об интригах внутри замка, но не о своём подозрении, что Койко связана с сиси: Хосаки никогда не поймет, как Койко возбуждает меня и насколько это осознание опасности усиливает мои чувства и ощущения, делает её гораздо более волнующей для меня, подумал он. Моя жена лишь посоветует немедленно удалить Койко, провести дознание и наказать её и не оставит меня в покое, пока это не будет исполнено. Он закончил тем, что рассказал ей о вражеском флоте, стоящем у порога, письме сэра Уильяма и его угрозе и о сегодняшнем заседании Совета.

— Зукумура? Старейшина? Этот дряхлый тупица? Разве один из его сыновей не женат на племяннице Андзё? Конечно же, старый Тояма не стал голосовать за него?

— Он просто пожал плечами и сказал: «Он или кто другой, не имеет значения, у нас скоро будет война. Назначайте кого хотите».

— Значит, в лучшем случае голоса разделятся три к двум против вас.

— Да. Теперь Андзё не обуздать. Он может делать все, что пожелает: расширить голосованием свою власть, стать тайро — любую глупость, какая придет ему в голову, вроде этого идиотского переезда Нобусады в Киото. Ёси почувствовал, как у него опять что-то сжалось в груди, мешая дышать, но он взял себя в руки, радуясь возможности поговорить откровенно — насколько откровенно он вообще мог говорить с кем-то — и доверяя ей больше, чем кому бы то ни было.

— Варвары оказались такими, какими вы их представляли себе, господин? — спросила она. Все в них поражало её: «знай своего врага, как знаешь себя самого...». Книга Сюнь-цзы была одним из первых учебников для Хосаки, её четырех сестер и трех братьев, наряду с занятиями воинскими искусствами, каллиграфией и чайной церемонией. Её и сестер их мать и тетушки сосредоточенно обучали также управлению землей и деньгами, передавая им практические навыки обращения с мужчинами всех сословий, что имело первоочередное значение для их будущего. Она так и не преуспела в воинских искусствах, хотя достаточно умело обращалась с ножом и боевым веером.

Ёси рассказал ей все, что смог вспомнить, не забыв и того, что Мисамото поведал ему о гайдзинах, живущих в той части Америк, которая

звалась Калифорнией — иногда её ещё называли Страной Золотой Горы. Её глаза сузились, но он этого не заметил.

Когда он закончил свой рассказ, у неё ещё оставалась тысяча вопросов, но она оставила их на потом, не желая утомлять его.

— Вы помогаете мне так наглядно все представить, Ёси-тян, вы удивительно наблюдательны. Какое вы приняли решение?

— Никакого пока... Как жаль, что отца больше нет в живых, мне не хватает его совета — и совета матери.

— Да, — сказала она, радуясь про себя, что его родители умерли: отец — два года назад, главным образом от старости, подстегнутой строгим заточением, на которое обрек его Ии, — ему было пятьдесят пять лет, мать — в прошлом году во время эпидемии оспы. Оба они сделали её жизнь несчастной, при этом прочно удерживая Ёси в тенетах родительской любви; отец, по её мнению, не выполнял своего долга перед семьей, принимая большей частью неразумные решения, а мать всегда оставалась для неё самой раздражительной, придирчивой, капризной свекровью из всех, каких она знала, и относилась к ней хуже, чем жены трех его братьев.

Единственная умная вещь, которую они сделали в своей жизни, заключалась в том, что они согласились на предложение моего отца выдать меня замуж за Торанагу Ёси. За это я им благодарна. Теперь я управляю Зубом Дракона и всеми нашими землями, которые перейдут к моим сыновьям сильными, нераздробленными, достойными сёгуна Торанаги, правителя страны.

— Да, — повторила она. — Так жаль, что их больше нет. Я поклоняюсь их алтарю каждый день и молю о том, чтобы оказаться достойной их доверия.

Он вздохнул. После смерти матери он ощущал вокруг себя пустоту более глубокую, чем после смерти отца, которым он восхищался, но которого при этом боялся. Всякий раз, когда перед ним возникала проблема или он был напуган, он знал, что может пойти к ней и она утешит, направит его, даст ему новые силы.

— Карма, что мама умерла такой молодой, — печально произнес он.

— Да, господин, — сказала она, понимая его печаль и с полным спокойствием принимая её, ибо таковыми, разумеется, были чувства всех сыновей, чьим первым долгом было слушаться и почитать свою мать превыше всех на свете всю свою жизнь. Я никогда не смогу заполнить эту пустоту, не больше, чем жены моих сыновей смогут заполнить пустоту, которая останется после меня.

— Что ты посоветуешь, Хосаки?

— У меня слишком много мыслей для такого слишком большого количества проблем, — встревоженно произнесла она, пытаясь мысленным взором охватить всю мозаику опасностей, грозивших ему со всех сторон. — Я чувствую себя никчемной. Позвольте мне тщательно все обдумать, сегодня вечером и завтра. Возможно, я смогу предложить что-нибудь, что даст вам ключ к тому, как вы должны поступить; затем, с вашего позволения, я на следующий день отправлюсь домой, чтобы и далее укреплять наши оборонительные рубежи — необходимость этого ясна уже сейчас. Вы должны указать мне, что следует сделать. А пока несколько соображений из тех, что сразу пришли мне в голову; вы можете поразмыслить над ними: усильте бдительность своей стражи и потихоньку собирайте войска — все ваши войска.

— Я уже принял такое решение.

— Этот гайдзин, который подошел к вам после встречи, француз, как вы говорите, я предлагаю вам воспользоваться преимуществами его приглашения и своими глазами увидеть военный корабль изнутри, очень важно, чтобы вы сами все увидели, возможно, даже стоит притвориться, что вы стали их другом, тогда, может быть, вам удастся использовать их против англичан, нех?

— Я уже решил сделать это.

Она улыбнулась про себя и ещё больше понизила голос:

— Как бы это ни было трудно, Андзё должен быть устранен навсегда, чем скорее, тем лучше. Поскольку сейчас весьма вероятно, что вы не сможете помешать сёгуну и принцессе отбыть в Киото, — я согласна, что она — с её точки зрения, оправданно, — является шпионкой двора, марионеткой и вашим врагом, — вам необходимо тайно покинуть замок сразу же вслед за ними и поспешить в Киото более короткой Токайдо, чтобы оказаться там раньше их... вы улыбаетесь, господин?

— Просто потому, что ты радуешь меня. А когда я прибуду в Киото?

— Вы должны стать доверенным лицом императора. У нас есть друзья при дворе, которые помогут вам. Затем, один возможный вариант из дюжины: вы заключаете тайное соглашение с правителем Тёсю Огамой и оставляете ему контроль над Вратами... — она нерешительно замолчала, увидев, как Ёси вспыхнул, — но только до тех пор, пока он открыто поддерживает вас против Сацумы и Тосы.

— Огама никогда не поверит, что я буду соблюдать условия такой сделки, да я и не стал бы, но мы должны вернуть себе Врата любой ценой.

— Я согласна. Но, скажем, заключительной частью вашей договоренности могло бы стать следующее: если он согласится объединить

свои силы с вашими для неожиданного нападения на правителя Сацумы князя Сандзиро — время этого нападения вы назначите сами, — то после разгрома Сандзиро Огама возвращает вам Врата, а взамен получает Сацуму.

Ёси нахмурился ещё больше.

— Очень трудно победить Сандзиро на суше, когда он прячется в своих горах. Даже сёгун Торанага не стал нападать на Сацуму после Секигахары, просто принял от них прилюдные выражения покорности, клятвы верности и держал их в узде из шелка. Мы не можем осуществить нападение с моря. — Он задумался на мгновение. — Это мечта, а не реальная возможность. Слишком сложно, — пробормотал он. — Хотя, с другой стороны, кто знает? Дальше.

— Устраните Нобусаду на пути в Киото — такой шанс выпадает раз в жизни, — произнесла она совсем тихо.

— Никогда! — воскликнул он, шокированный внешне и ужасаясь про себя тому, что она думала так же, как и он, или, ещё хуже, прочла его самые сокровенные мысли. — Это было бы изменой Завещанию, моей чести, всему, чего стремился достичь сёгун Торанага, я принял его как своего господина и повелителя и обязан соблюдать клятву.

— Разумеется, вы правы, — тут же заговорила Хосаки, успокаивая его и уже склонившись в низком поклоне. Она ждала такой реакции и была готова к ней, но ей было нужно произнести это вслух вместо него. — Это было бака с моей стороны. Я полностью согласна. Прошу простить...

— Хорошо! Никогда не помышляй и не говори об этом вновь.

— Разумеется. Пожалуйста, простите меня. — Она замерла в поклоне на положенное время, бормоча извинения, потом наклонилась вперед и снова наполнила его чашку, затем села прямо, опустив глаза, и стала ждать, когда он попросит её продолжать.

— Это была дурная мысль, Хосаки. Ужасная!

— Я согласна, господин. Пожалуйста, примите мои смиренные извинения. — Её голова снова коснулась татами. — Это было глупо. Я даже не знаю, откуда пришла ко мне такая глупость. Конечно, вы правы. Возможно, так получилось, потому что я расстроена опасностями, которые вас окружают. Пожалуйста, господин, вы позволите мне удалиться?

— Через мгновение — да, а пока... — Несколько умиротворенный, он показал ей знаком, чтобы она налила ещё чая, все ещё не придя в себя от того, что она осмелилась произнести вслух подобное святотатство, даже в беседе с ним.

— Могу я упомянуть ещё об одной мысли, прежде чем уйду,

господин?

— Да, при условии, что она не будет так же глупа, как последняя.

Она едва не рассмеялась этой колючке капризного, сердитого мальчика, которая не нарушила даже самых отдаленных защитных рубежей её сердца.

— Вы говорили, господин, и очень мудро, что самая насущная и важная загадка гайдзинов, которую необходимо разрешить, это как потопить их корабли и удержать их пушки подальше от наших берегов, нех?

— Да.

— А нельзя ли устанавливать пушки на баржи?

— Э? — Он нахмурился, отвлеченный от Нобусады этим новым поворотом в их беседе. — Я полагаю, что можно, а почему ты спрашиваешь?

— Мы бы могли выяснить это у голландцев, они помогут нам. Возможно, мы смогли бы построить оборонительный флот — не важно, что он будет неуклюжим и неповоротливым, — и поставить баржи на якоре так далеко от берега, как только получится, на стратегических подходах к нашим наиболее важным районам, таких, например, как пролив Симоносеки, и одновременно укрепить устья всех наших гаваней — по счастью, их очень немного, нех?

— Это могло бы быть осуществимо, — допустил он, подобная мысль не приходила ему в голову. — Но у меня нет достаточного количества денег или золота, чтобы закупить все пушки, необходимые для наших береговых батарей, не говоря уже о том, чтобы построить такой флот. Или достаточно времени, знаний и богатства, чтобы построить оружейные заводы и выпускать свои собственные пушки — нет и людей, которые управляли бы ими.

— Да, это правда, господин. Вы так мудры, — согласилась она. Потом, опечаленная, набрала в грудь побольше воздуха. — Все даймё живут в бедности и тонут в долгах, мы не меньше, чем остальные.

— А урожай? — резко спросил он.

— Прошу простить за дурные вести, он ниже, чем в прошлом году.

— Насколько ниже?

— Примерно на треть.

— Это ужасная новость, и как раз тогда, когда мне нужен дополнительный доход! — Его пальцы сжались в кулак. — Все крестьяне бака.

— Прошу прощения, это не их вина, Ёси-тян, дожди приходили либо

слишком поздно, либо слишком рано, солнце тоже. В этом году боги не улыбнулись нам.

— Нет никаких богов, Хосаки-тян, но есть карма. Карма, что урожай так плох, тебе придется поднять налоги в любом случае.

В её глазах блеснули слезы.

— В Кванто настанет голод, прежде чем соберут следующий урожай, а если это случится у нас, в самой богатой рисом земле во всем Ниппоне, что будет с остальными? — На них нахлынули воспоминания о голоде, поразившем страну четыре года назад. Он унес тысячи жизней, и ещё десятки тысяч сгинули в эпидемиях, которые неизбежно следовали за ним. А во время Великого Голода двадцать лет назад погибли сотни тысяч человек. — Поистине это Страна Слез.

Он рассеянно кивнул. Потом заговорил, и его голос был властным:

— Ты увеличишь налоги на одну десятую часть, все самураи будут получать на одну десятую часть меньше. Поговори с ростовщиками. Они могут увеличить нам ссуду. Все деньги будут потрачены на вооружение.

— Конечно. — Потом осторожно добавила: — Наше положение пока ещё лучше, чем у большинства: заложен только урожай будущего года. Но будет трудно занять деньги под обычный процент.

— Что я знаю об этом и какое мне дело до процентов, — раздраженно бросил он, — добейся самого низкого, какого сможешь. — Его лицо стало жестче. — Может быть, пришло время предложить Совету выправить «процент», как это сделал мой прадед.

— Возможно, вам и следует это сделать, господин. — Ростовщики внушали ей такое же отвращение, как и ему. — У меня есть тайные запасы риса на случай голода, ваши люди будут жить впроголодь, но не умрут.

— Хорошо. Обменяй все на ружья.

— Прошу простить, сумма не будет значительной, — мягко сказала она ему, до глубины души поражаясь его наивности, и быстро добавила, чтобы отвлечь его: — Тем временем налоги не дадут тех денег, которые запросят гайдзины.

— Тогда придется обратиться к ростовщикам, — резко ответил он. — Сделай все, что будет необходимо. Я должен получить ружья.

— Да. — Она позволила молчанию сгуститься, потом, медленно, изложила ему давно продуманный план: — Несколько слов, оброненных вами перед отъездом из дома, навели меня на мысль, господин. Тот маленький золотой рудник в наших северных горах. Я предлагаю увеличить число работников.

— Но ты же много раз говорила мне, что рудник уже раскопан до

предела и с каждым годом дает все меньший доход.

— Это так, но вы заставили меня понять, что наши рудокопы не много смыслят в этом деле, и я подумала: там, где есть одна жила, могут оказаться и другие, если у нас будут опытные старатели, которые сумеют отыскать их. Возможно, наши методы устарели. Среди гайдзинов могут оказаться такие люди.

Он посмотрел на неё.

— Как так?

— Я разговаривала с Воняющим Стариком, — это было прозвище пожилого голландца, который много лет назад был купцом на Дэсимае. Его удалось уговорить стать одним из учителей Ёси, а потом, даря ему прислужниц, молодую наложницу и много sake, его удерживали до тех пор, пока возвращение к своим не потеряло для него всякий смысл. — Он рассказал мне о невиданном нашествии людей за золотом в Страну Золотой Горы, о которой вы упоминали. Это было всего тринадцать лет назад, гайдзины всех народов стекались туда, чтобы украсть богатство у земли. Кроме этого, несколько лет назад было ещё одно такое же нашествие в страну далеко к югу от нас — он называл её Землей Ван Димена. В Иокогаме должны быть люди, которые участвовали хотя бы в одном из них. Опытные старатели.

— А если они существуют? — Ёси задумался о Мисамото.

— Я думаю, вам следует предложить им безопасный проезд и половину золота, которое они найдут за один год. Как мне говорили, в Поселении много американцев и искателей приключений.

— Ты хочешь, чтобы гайдзины ходили по нашей земле, шпионили в наших краях? — медленно проговорил он.

Она покачала головой, потом наклонилась вперед, зная, что полностью завладела его вниманием.

— Вновь вы подсказали решение, Ёси-тян. Предположим, вы вступите в переговоры, тайно, с самым богатым торговцем в Иокогаме, тем самым, которого, как вы мне говорили, вы подозреваете в том, что он собирается продать ружья Тёсю, — я согласна, мы любой ценой должны добыть ружья и современные пушки и помешать нашим врагам приобрести их. Предположим, вы предложите ему право на разработку вашего золота, исключительное право. Со своей стороны он берет на себя все вопросы его разведки и добычи. Вы согласитесь принять только одного или двух старателей, без оружия, и конечно же за ними будет установлен тщательный надзор. В обмен на своё исключительное право этот купец поставит вам определенное количество пушек и ружей в долг, в счет

вашей половины найденного в будущем золота, и соглашается продавать ружья и пушки только вам. И никогда Тёсю, Тосе или Сацуме. Вы улыбаетесь, господин?

— А нашим посредником будет Мисамото?

— Без вашей дальновидности, с которой вы нашли и обучили его, все это было бы невозможно. — Она произнесла эти слова с глубочайшим почтением и села прямо, втайне удовлетворенная, слушая его замечания и свои ответы, зная, что он быстро запустит её план в действие, что они как-нибудь раздобудут эти ружья и что он никогда, никогда, никогда не тронет припрятанный ею рис. Потом, совсем скоро, она сможет притвориться усталой и попросит у него разрешения отдохнуть: «Вы тоже должны отдохнуть, господин, после такой чудесной, хотя и изнурительной тренировки...»

Разумеется, он должен отдохнуть, такой прекрасный мужчина, как он, подумала она. А потом — много взвешенных комплиментов, кроткая просьба позволить ей размять его уставшие плечи, понемногу её массаж будет становиться все более интимным, потом вздох-другой, и, не успев оглянуться, он сблизится с ней так, как она только может пожелать. Сблизится так же, как с Койко.

Днём Койко, как предписывали приличия, испросила у Хосаки позволения навестить её, поклонилась ей и поблагодарила, и выразила надежду, что её услуги приятны великому повелителю, и сказала, что для неё большая честь быть среди его домашних даже на короткое время. Они поговорили немного, и потом она удалилась.

Какая красавица, подумала Хосаки без ревности или зависти. Время от времени Ёси имеет право на игрушку, как бы дорого она ни обходилась. Их красота так хрупка, так недолговечна, и жизнь их полна печали — воистину вишневый цвет, опадающий с Древа Жизни. Мир мужчины настолько физически привлекательнее, чем наш. И-и-и-и, иметь возможность перелетать с цветка на цветок, не зная страданий и забот.

Если бы наказание за самую малую вольность в поведении с нашей стороны не было столь мгновенным и жестоким, женщины задумывались бы об этом гораздо чаще. Разве не так? Почему бы и нет? Если действовать осторожно.

Иногда, когда Ёси был в отъезде, мысль о такой огромной опасности и немедленной смерти становилась для неё почти непреодолимым афродизиаком. Глупо, за столь мимолетное наслаждение. Или нет?

Она ждала, наблюдая за ним, тепло светясь изнутри, обожая жизнь, самую захватывающую из всех игр, пока разум его гудел, переполненный

вариантами её плана и тем, как ему использовать своё творение, Мисамото.

Я примусь за дело немедленно, думал он. У Хосаки хороший ум, и она очень удачно составляет мои мысли в единое целое. Но, и-и-и-и, выговорить такое про мальчишку было в высшей степени бака, насколько оправданным государственным актом ни казалось бы подобное действие. Женщины лишены всякой утонченности.

Этим же утром раздался жизнерадостный стук в дверь, и в комнату вплыла Анжелика, вся цветущая, живое воплощение здоровья, в новом шикарном наряде: бледно-лиловом платье, зонтик от солнца, шляпка с перьями, перчатки, легкая шаль на плечах.

— Здравствуй, моя любовь, привет, Джейми, как вы сегодня себя чувствуете? О, Малкольм, я так довольна, что вижу тебя. — Она наклонилась к кровати и нежно поцеловала его. — О, *chéri*, как я по тебе скучала. Милый мой бедняжка, — продолжала она почти без остановки, — доктор Хоуг сообщил мне, что ты провел скверную ночь, несчастный ты мой, и не сможешь пойти сегодня на вечеринку к сэру Уильяму, поэтому я подумала, что загляну к тебе просто так и посижу с тобой до обеда.

— Малкольм... Как тебе нравится мое новое платье? — сказала Анжелика.

— Да? — тут же ответил Струан, собираясь с мыслями. Сердце его гулко стучало, напоминая, что он допил последние остатки снотворного, которое оставил ему Хоуг, и что надо будет попросить А Ток достать ещё — всего на день, ну, может, чуть дольше. — Я тоже так рад тебя видеть. — Оно изумительно, как и ты сама.

— Ну что же, я пойду, тайпэн, — вставил Макфей, видя, каким счастливым стал Струан, и радуясь за него, хотя все ещё потая. — Ребята из Тёсю внизу — так я с ними двигаюсь дальше?

— Как мы решили. Хорошо, ещё раз спасибо, Джейми. Дай мне знать, как пойдет это дело.

— Малкольм, — поспешно произнесла Анжелика, — пока Джейми здесь... помнишь, ты просил меня напомнить тебе, когда мы соберемся все вместе, о моем... небольшом содержании.

— Ах да, конечно. Джейми, — начал он со щедрым видом, когда она взяла его за руку, и её открытое удовольствие низринуло минувшую ночь во тьму забвения — навечно, в упоении подумал он. Этой ночи никогда не было! — Заноси расписки моей невесты на мой счет, — распорядился он, и это слово отдалось в нем счастливой болью. — Ангел мой, просто подписывай счета, все, что ты захочешь, Джейми позаботится о них.

— Спасибо, chéri, это чудесно, но, пожалуйста, не могу ли я получить немного денег?

Малкольм расхохотался, Джейми тоже улыбнулся.

— Они здесь не нужны, расплачиваться наличными совсем не обязательно. Никто из нас не носит с собой денег.

— Но, Малкольм, я х...

— Анжелика, — сказал он, и его голос зазвучал тверже. — С помощью расписок мы расплачиваемся за все, в клубе или в любом магазине Поселения. Так поступают все, даже в Гонконге, как ты, разумеется, помнишь. Это не дает возможности продавцам обманывать нас, и ты всегда знаешь, где и сколько потратил.

— Но у меня всегда были с собой деньги, chéri, свои собственные деньги, чтобы оплачивать свои счета, — сказала она, внешне демонстрируя полную искренность, — и, поскольку мой отец... ну, ты понимаешь.

— Оплачивать свои собственные счета? Какой ужас. Как такое могло прийти тебе в голову? Для порядочного общества это что-то неслыханное. Вот что, ни о чем не тревожься, — произнес он, улыбаясь ей, — это все мужские заботы. Расписки все отлично здесь решают.

— Может быть, у французов все по-другому, мы всегда держим при себе наличные и...

— Как и мы в Англии, или в любом другом месте, но в Азии все просто подписывают счета. Если ты хочешь что-то купить, что угодно, просто распишись за этот товар — даже лучше: нужно изготовить для тебя твою личную печать, о, мы подберем тебе изумительное китайское имя. — Он имел в виду маленькую печатку, обычно прямоугольный кусочек слоновой или иной кости, нижнюю поверхность которого покрывали затейливо вырезанные китайские иероглифы, обозначающие звуки, из которых состояло имя владельца. Прижав её сначала к подушечке с тушью, а потом к бумаге, можно было получить уникальный отпечаток, который почти невозможно было подделать. — Джейми позаботится об этом.

— Спасибо, Малкольм. Но тогда, ну, можно мне открыть свой счет, chéri, знаешь, я очень хорошо умею распоряжаться деньгами.

— Я не сомневаюсь, что это так, а сейчас не забивай всем этим свою очаровательную головку, когда мы поженимся, я устрою все по твоему желанию, но здесь в этом счете нет никакой надобности.

Она почти не слышала того, что говорила, развлекая Струана сплетнями из французской миссии, газетными сообщениями и тем, что её парижская подруга написала ей о великолепном особняке — во Франции их называли «отелями» — на Елисейских Полях, принадлежавшем одной

графине, который скоро будет выставлен на продажу так недорого, роняя в его сознание зерна их славного будущего, заставляя его смеяться, ожидая, когда он устанет и его начнет клонить в сон, и тогда она оставит его, чтобы пообедать в клубе с французскими офицерами, потом покататься с ними и с несколькими морскими офицерами-англичанами верхом на скаковом кругу ипподрома, потом будет сиеста, а потом она будет готовиться к приему у сэра Уильяма — почему бы ей в самом деле не пойти туда? Но сначала она вернется, чтобы пожелать спокойной ночи своему будущему супругу.

Все так чудесно и так ужасно, голова её больше всего была занята новой дилеммой: как раздобыть наличные. «Что мне делать? Я должна иметь деньги, чтобы расплатиться за лекарство, эта свинья Андре Понсен не станет мне их одалживать, я знаю, что не станет. Будь он проклят и будь проклят мой отец, укравший мои деньги! И будь проклят он, с Токайдо, пусть ад навеки проглотит его душу!

Прекрати это и сосредоточься. Помни, что ты одна и потому должна сама решать свои проблемы!

Единственная ценность, которая у меня есть, это кольцо, подарок Малкольма, а его я не могу продать, просто не могу. О Господи, все шло так хорошо, я официально помолвлена, Малкольм поправляется, Андре помогает мне, но лекарство такое дорогое, а у меня нет денег, настоящих денег, о Боже, Боже, что же мне делать?»

Слезы побежали у неё из глаз.

— Боже милостивый, Анжелика, что случилось?

— Просто... просто я так несчастна, — всхлипнула она и зарылась лицом в простыни на его постели, — так несчастна, что... что Токайдо случилось, и тебя ранили, и я... мне тоже больно — это несправедливо.

Десятивесельный катер сэра Уильяма спешил через лениво перекатывающиеся валы к флагману, стоявшему на рейде Иокогамы; матросы изо всех сил налегали на весла. Сэр Уильям был один в своей каюте, он стоял, ловко справляясь с изрядной килевой качкой, в шюртуке, визитке и цилиндре. Море было чистым; небо на западе темнело, облака уже стали серыми, но пока не было никаких явных признаков шторма. Когда катер подвалил к борту флагмана и все весла поднялись вертикально, он вскочил на трап и поднялся на главную палубу, где рев волюнок возвестил о его появлении на корабле.

— Добрый день, сэр. — Лейтенант Марлоу ловко отдал честь. — Сюда, прошу вас. — Они прошли мимо рядов тускло поблескивавших пушек до квартердека — главная палуба и ванты напоминали

потревоженный улей: пушки закреплялись, канаты сматывались в бухты, проверялись паруса, из трубы поднимался столб дыма, — поднялись по трапу, спустились по другому на вторую батарейную палубу, миновали матросов, задраивавших люки и убиравших такелаж, и подошли к каюте адмирала на корме. Марлоу постучал, и морской пехотинец, стоявший на часах у двери, сделал на караул.

— Сэр Уильям, сэр.

— Ну так открывайте дверь, Марлоу, ради бога.

Марлоу пропустил сэра Уильяма в каюту и приготовился закрыть за ним дверь.

— Марлоу, останьтесь здесь! — приказал адмирал.

Просторная каюта занимала всю корму корабля — множество маленьких морских окон, большой стол и морские кресла, прикрепленные к полу, маленькая койка и туалет, большой буфет с графинами из граненого хрусталя. Адмирал и генерал полупривстали, отдавая дань вежливости, и снова опустились на место. Марлоу остался стоять у двери.

— Благодарю вас, что прибыли так быстро, сэр Уильям. Бренди? Шерри?

— Бренди, благодарю вас, адмирал Кеттерер. Неприятности?

Краснолицый адмирал гневно посмотрел на Марлоу.

— Не откажите в любезности, мистер Марлоу, бренди для сэра Уильяма. — Он бросил на стол лист бумаги. — Депеша из Гонконга.

После обычных цветистых приветствий депеша гласила:

Вы немедленно проследуете с флагманом и четырьмя или пятью боевыми кораблями в порт Бочисэ, к северу от Шанхая (координаты на обороте), где сейчас располагается главный пиратский флот Ву Сюнь Тёя. Неделю назад целый рой джонок этого пирата, высокомерно подняв его флаг — Белый Лотос, — перехватил и потопил пакетбот Её Величества «Бонни Сэйлор» неподалеку от залива Мирс к северу от Гонконга, где гнездятся эти пираты. Флот, находящийся здесь, займется заливом Мирс — вам же предписывается уничтожить Бочисэ и пустить ко дну все суда, кроме рыбацких, если главарь, предположительно это Чу Фан Тёй, откажется спустить флаг и отдать себя в руки правосудия Её Величества.

По завершении сего направьте один корабль с донесением сюда и возвращайтесь в Иокогаму, где вы, как обычно, передадите себя в распоряжение слуг Её Величества. Ознакомьте

сэра Уильяма с настоящей депешей и, пожалуйста, передайте ему вложенный конверт. Примите и проч., Стансхоуп, кавалер ордена Бани 2-й степени, губернатор Дальнего Востока.

Р. С. «Бонни Сэйлор» пропал со всем экипажем, семьдесят шесть офицеров и матросов, десятью пассажирами, среди них англичанка, жена здешнего торговца, грузом золота, опиума и риса на десять тысяч гиней. Чу Фан Тёй имел наглость доставить к дому правительства мешок, содержащий судовой журнал и сорок три пары ушей с письмом, в котором извинялся, что собрать остальные не представилось возможным. Женских среди них мы не нашли и опасаемся худшего в её отношении.

— Ублюдки, — пробормотал сэр Уильям, и ему стало ещё больше не по себе при мысли о том, что, поскольку все азиатские воды кишели пиратами, особенно к северу от Сингапура до самого Пекина, а флоты Белого Лотоса были самыми многочисленными и печально известными из них, эта женщина легко могла оказаться его собственной женой, которая должна была с недели на неделю прибыть в Гонконг из Англии с тремя из его детей. — Вы уходите с отливом?

— Да. — Адмирал подтолкнул к нему через стол конверт. Сэр Уильям сломал печати:

Дорогой Вилли, следующий пакетбот доставит звонкую монету на оплату расходов миссии. Между нами, Вилли, извини, но в данный момент я не могу выделить тебе никаких дополнительных войск, как и кораблей. Может быть, весной. Мне приказано вернуть корабли и войска в Индию, где власти опасаются повторения бунта пятилетней давности. В добавление к этому, Пенджаб опять волнуется, пираты стали сущей чумой в Персидском заливе, а чертовы кочевники в Месопотамии опять перерезали телеграф — сейчас формируется новый экспедиционный корпус, чтобы покончить с ними раз и навсегда!

Как там этот бедняга Струан? В парламенте неминуемо будут заданы вопросы о «неспособности защитить наших подданных». Известие об этой вашей катастрофе на Токайдо должно достичь Лондона в течение следующих двух недель, добавьте ещё два с лишним месяца на ответ. Я верю, что они одобряют жесткие ответные меры и пришлют нам деньги, войска и корабли для выполнения их приказов. Гонконг кипит от

возмущения по поводу этого нападения. Мать Струана беснуется как ненормальная, и все эти китайские торговцы (какими бы богачами ни сделала их эта подлая торговля опиумом, они все равно остаются отбросами общества) схватились за оружие, а их заблудшая, тенденциозная, вечно копающаяся в мусоре пресса требует вашей отставки. Было ли когда-нибудь иначе? — как сказал бы Дизраэли. Пишу в спешке, с Богом, ваш Стансхоуп, К.О.Б., губернатор.

Сэр Уильям сделал большой глоток из бокала, надеясь, что его лицо не выдаст его тревоги.

— Славное бренди, адмирал.

— Да, это из моих личных запасов, самое лучшее, в вашу честь, — ответил адмирал, взбешенный тем, что Марлоу налил сэру Уильяму добрых полбокала и не воспользовался обычным, второсортным, которое он держал для посетителей. «Дубина стоеросовая, — подумал он, — должен ведь был сообразить — нет, никогда ему не выйти в адмиралы».

— Как быть с Осакой?

— О, Осака? Сожалею, но вам придется отложить визит туда до моего возвращения. — Улыбка была почти неприкрытой.

— И когда это случится? — Ощущение, что палуба уходит у него из-под ног и он тонет, стало сильнее.

— Шесть или семь дней, в зависимости от ветра, чтобы добраться до указанного места, два-три дня в Бочисэ, думаю, этого должно быть достаточно. Потом придется ещё загрузиться углем в Шанхае... о, я бы сказал, что, если не будет иных распоряжений, я снова встану в виду Иокогамы через... — Адмирал осушил свой бокал с портвейном и налил себе ещё. — Я должен вернуться недели через четыре, может быть, пять.

Сэр Уильям допил бренди, и это помогло ему побороть дурноту.

— Лейтенант, вы не будете так любезны? Благодарю вас.

Марлоу вежливо принял его бокал и вновь наполнил его лучшим адмиральским коньяком, пряча своё отвращение к тому, что его используют как лакея, и сытый по горло этим назначением в адъютанты. Как бы он хотел вернуться на свой фрегат, встать на своём квартердеке и руководить ремонтом корабля, сильно потрепанного штормом. Одно, по крайней мере, хорошо: я наконец-то побываю в какой-никакой стычке, с удовольствием подумал он, мысленно рисуя себе нападение на пиратское убежище: огонь, грохот, все пушки палят.

— Видите ли, адмирал, — заговорил сэр Уильям, — если мы не

сможем осуществить нашу угрозу, мы потеряем лицо, утратим инициативу и поставим себя в крайне опасное положение.

— Это была ваша угроза, сэр Уильям, а не наша. Что до лица, то вы придаете ему слишком большое значение, а что касается опасности — я так полагаю, вы говорите об опасности для Поселения, — чёрт возьми, сэр, эти японские дикари не осмелятся ни на что сколь-нибудь серьезное. Они, в общем-то, не беспокоили вас в миссии в Эдо, не станут по-настоящему беспокоить вас и в Иокогаме.

— Когда флот уйдет, мы будем беспомощны.

— Не совсем так, сэр Уильям, — холодно заметил генерал. — Армия представлена здесь определенными силами.

— Совершенно верно, — согласился адмирал, — но сэр Уильям абсолютно прав, указывая, что именно Королевский флот является залогом мира. Я планирую взять с собой четыре корабля, сэр, не пять, и оставляю один фрегат на месте. Этого должно быть достаточно. «Жемчужину».

Прежде чем Марлоу смог остановиться, у него вырвалось:

— Извините меня, сэр, но на корабле все ещё устраняются значительные повреждения.

— Я очень рад узнать, что вы следите за состоянием моего флота, мистер Марлоу, и что вы держите уши открытыми, — произнес адмирал, сопровождая свои слова испепеляющим взглядом. — «Жемчужина» со всей очевидностью не может участвовать в этой экспедиции, поэтому вам лучше всего вернуться на борт и проследить, чтобы она была в первоклассном мореходном состоянии, готовая выполнить любую задачу завтра, к заходу солнца, или вы лишитесь корабля.

— Есть, сэр, — ухнул Марлоу, отдал честь и пулей вылетел из каюты.

Адмирал громко хмыкнул и сказал генералу:

— Хороший офицер, но молоко ещё на губах не обсохло — прекрасная военно-морская семья: два брата тоже офицеры, а отец — капитан флагманского корабля в Плимуте. — Он посмотрел на сэра Уильяма. — Не волнуйтесь, к завтрашнему дню его фрегат поставит новую мачту и будет полностью пригоден — он лучший из моих капитанов, только, ради бога, не говорите ему, что слышали это от меня. Он будет охранять вас до моего возвращения. Если у вас больше ничего нет ко мне, джентльмены, я сейчас же выхожу в море — прошу прощения, что не могу присоединиться к вам за ужином.

Сэр Уильям и генерал осушили свои бокалы и встали.

— С Богом, адмирал Кеттерер, да поможет Он вам благополучно вернуться и не потерять ни одного человека, — искренне пожелал ему сэр

Уильям; генерал присоединился к его пожеланиям. Потом выражение лица посланника стало твердым.

— Если я не получу никакого удовлетворения от бакуфу, я отправлюсь в Осаку, как намечалось. На «Жемчужине» или без неё, во главе армии или нет, но, клянусь Богом, я обещал быть в Осаке и Киото, и я там буду.

— Лучше подождать, когда я вернусь, лучше проявить благоразумие, лучше не клясться Господом, решаясь на столь необдуманный поступок, сэр Уильям, — резко заметил адмирал. — Бог может судить иначе.

В тот же вечер, перед самой полночью, Анжелика, Филип Тайрер и Паллидар вышли из британской миссии и направились вдоль Хай-стрит к фактории Струана.

— Л-ла, — объявила она со счастливым видом, — шеф-повар сэра Уильяма определенно скромен в своём искусстве!

Они все были в вечерних нарядах и хором рассмеялись, потому что пища была обильной, по-английски добротной и на вкус просто отменной: жареный говяжий бок, подносы со свиными колбасками и свежие крабы, доставленные из Шанхая в холодной кладовой пакетбота как часть дипломатического отправления и потому не подлежавшие таможенному досмотру и обложению пошлиной. Их подавали с вареными овощами, печеным картофелем, тоже привезенным из Шанхая, с йоркширским пудингом, за которыми последовали яблочные пироги и сладкие пироги с мелко нарубленным изюмом и миндалем. Все это запивалось кларетом «Пуйи Фюме», портвейном и шампанским в таком количестве, какое только могли вместить в себя двадцать человек гостей.

Перед парадным входом фактории Струана она остановилась и протянула руку для поцелуя.

— Благодарю вас и спокойной вам ночи, дорогие друзья, пожалуйста, не обременяйте себя ожиданием, один из слуг может проводить меня до миссии.

— Даже не помыслию об уходе, — тут же сказал Паллидар, беря её за руку и на мгновение удерживая её ладонь в своей.

— Я... мы будем рады подождать, — заверил её Тайрер.

— Но я не знаю, пробуду я там час или несколько минут, это будет зависеть от того, как себя чувствует мой жених.

Однако они настаивали, и она поблагодарила их, проскользнула мимо вооруженного ночного стража в ливрее и поднялась по лестнице, в пышном кринолине, сняв шаль и держа её в опущенной руке, все ещё приятно взволнованная вечером и тем обожанием, которое окружало её.

— Привет, дорогой, просто зашла пожелать тебе спокойной ночи.

Струан встретил её в элегантном халате красного шелка, наброшенном поверх свободной рубашки и брюк. На ногах у него были мягкие сапоги, у горла — галстук. Он легко поднялся из кресла: эликсир, который А Ток дала ему полчаса назад, приглушил боль.

— Я уже много дней так хорошо себя не чувствовал, дорогая. Немного покачивает, но в остальном прекрасно... как ты очаровательна.

В свете масляной лампы его изможденное лицо показалось ей необыкновенно красивым, и сама она выглядела для него более желанной, чем когда-либо. Он положил руки ей на плечи, чтобы обрести равновесие, собственное тело и голова казались ему до странности легкими, кожа под его ладонями была нежной и теплой. Её глаза танцевали, и он с любовью посмотрел на неё сверху вниз и поцеловал. Нежно поначалу, потом, когда она ответила, со все большим наслаждением, ощущая её вкус и ту радость, с которой она приняла его.

— Я люблю тебя, — тихо проговорил он между поцелуями.

— Я люблю тебя, — ответила она, веря в это и слабая от наслаждения. Она была так счастлива тем, что он, похоже, и в самом деле чувствовал себя гораздо лучше, что губы его были сильными и жадными, и руки сильными и жадными, но знавшими предел своим исканиям, предел, который ей, в каком-то полубреду, вдруг захотелось отбросить.

— Je t'aime, chéri... je t'aime... [\[25\]](#)

Мгновение они стояли в объятиях друг друга, потом с силой, которую он и не подозревал в себе, он поднял её на руки и снова опустился в большое кресло с высокой спинкой, посадив её к себе на колени; губы их соприкасались, одна его рука обвилась вокруг её тонкой талии, другая покоилась на её груди; шелк платья словно усиливал ощущение теплоты под полунакрывшей её ладонью. Удивление заполнило его. Он изумлялся тому, что вот сейчас каждая её частичка сокрыта от него и под запретом, а прошлой ночью все покровы были сброшены и столь же юная свежесть открыто предлагалась ему, но именно сейчас, а не тогда, он испытывает такое блаженство и такое возбуждение, каких ещё не знал в своей жизни, в то же время полностью контролируя свои чувства и уже не жаждая лихорадочного удовлетворения своей страсти.

— Как странно, — пробормотал он и подумал, нет, не так уж и странно: лекарство притупило боль. Но не все остальное, не мою любовь к ней.

— Chéri?

— Странно, что ты так нужна мне сейчас, а я все же могу ждать. Не

долго, но я могу ждать.

— Пожалуйста, не долго, пожалуйста. — Её губы снова нашли его губы, в этот миг только он царил в её мыслях, поднявшийся снизу жар наглухо запаял её память, похоронив в ней, как в сосуде, все её тревоги, не оставив ни одной проблемы. Ни одной для них обоих. Вдруг снаружи, где-то совсем близко, грохнул выстрел.

Их настроение разлетелось вдребезги. Она выпрямилась у него на коленях и, даже не успев ещё сообразить, что делает, поспешила к приоткрытому окну. Внизу она увидела Паллидара и Тайрера — чёрт, я совсем забыла про них, подумала она. Оба её провожатых стояли спиной к морю, потом они повернулись, и теперь их внимание было приковано к Пьяному Городу.

Она высунулась из окна и посмотрела вдоль улицы, но разглядела лишь неясную группу людей в дальнем конце, ветер доносил приглушенные обрывки их криков.

— Похоже, это пустыки, просто Пьяный Город... — сказала она. Выстрелы и драки, даже дуэли не были редкостью в этой части Иокогамы. Потом, с пылающим лицом, но чувствуя при этом странный озноб во всем теле, она вернулась к креслу и посмотрела на Малкольма. С легким вздохом опустилась на колени, взяла его руку и прижала её к своей щеке, положив голову ему на колени, но его нежность и пальцы, игравшие её волосами и поглаживавшие шею, уже не прогоняли терзавших её демонов. — Мне пора идти, моя любовь.

— Да. — Его пальцы продолжали все так же размеренно гладить её шею.

— Я хочу остаться.

— Я знаю.

Струан увидел себя словно со стороны: безупречный джентльмен, спокойный, уравновешенный, вот он помогает ей подняться, ждет, пока она приводит в порядок лиф платья и волосы и накидывает на плечи шаль. Потом, рука в руке, медленно идет с ней к лестнице, где позволяет ей уговорить его не ходить дальше, разрешая слуге проводить её вниз. У двери она обернулась, махнула рукой, любяще прощаясь с ним, он помахал ей в ответ, и она вышла.

Он вернулся в спальню и разделся, как ему показалось, без всяких усилий, дал слуге стянуть с себя сапоги. Потом без посторонней помощи улегся в кровать и откинулся на подушки, в мире с самим собой и со всей вселенной. Голова ясная, тело легкое, расслабленное.

— Как себя чувствует мой сын? — шепотом спросила А Ток с порога.

— Он в Стране Мака.

— Хорошо, хорошо. Там мой сын не будет знать боли.

Слуга задул лампу и вышел.

Дальше по Хай-стрит французский часовой в мундире столь же неряшливом, как и его манеры, открыл Анжелике дверь миссии.

— Bonsoir, мадемуазель.

— Bonsoir, мсье. Доброй ночи, Филип, доброй ночи, Сеттри. — Дверь закрылась за ней, и она прислонилась к ней на секунду, чтобы прийти в себя. Восторг вечера улетучился. Вместо него в голове собиралась толпа призраков, требующих её внимания. В глубокой задумчивости она прошла через холл к своей комнате, увидела свет под дверью Сератара. Она остановилась и, решив вдруг, что сейчас, наверное, самый подходящий момент, чтобы попросить его о ссуде, постучала и вошла.

— О! Андре! Привет, извините меня, я думала, здесь мсье Анри.

— Он все ещё у сэра Уильяма. Я просто заканчиваю депешу по его просьбе. — Андре сидел за столом Сератара, обложившись со всех сторон бумагами. Депеша касалась компании Струана, их возможной сделки с даймё Тёсю и возможной помощи, которую возможная жена-француженка могла бы оказать встающей на ноги французской оружейной промышленности. — Хорошо провели время? Как ваш жених?

— Ему гораздо лучше, благодарю вас. Ужин был подан преобильный, если вы любите плотную пищу. Ах, как чудесно было бы оказаться в Париже, да?

— Да. — Бог мой, она соблазнительна, подумал он, и эта мысль напомнила ему о мерзкой заразе, поедающей его изнутри.

— Что с вами? — спросила она, испуганная его внезапной бледностью.

— Ничего. — Он натужно прокашлялся, пытаясь справиться с охватившим его ужасом. — Просто легкое недомогание, ничего страшного.

Он показался ей таким ранимым, таким беспомощным, что она вдруг решила довериться ему ещё раз, закрыла дверь, села рядом и все ему рассказала.

— Что мне делать, Андре? Мне негде взять денег... что я могу предпринять?

— Вытрите слезы, Анжелика, ответ так прост. Завтра или на следующий день я поведу вас делать покупки, — начал он; его состояние не мешало ему совершенно спокойно справляться с обыденными проблемами его работы. — Вы попросили меня сопровождать вас,

помните? Чтобы помочь вам выбрать подарок для мсье Струана по случаю вашей помолвки? Золотые запонки с жемчугом и жемчужные серьги для себя. — Его голос погрузнел. — Но, боже, какая жалость, где-то по пути назад из лавки ювелира вы потеряли одну пару. Мы все обыскали, но, увы, напрасно. Ужас! — Его светло-карие глаза встретились с её глазами. — Тем временем мама-сан тайно получает свои деньги; я позабочусь, чтобы пара, которую вы «потеряете», с лихвой покрывала стоимость лекарства, и все расходы.

— Вы просто чудо! — воскликнула она и обняла его. — Чудо! Что бы я без вас делала? — Она обняла его ещё раз, ещё раз поблагодарила и, буквально танцуя, выпорхнула из комнаты.

Он долгое время смотрел на закрывшуюся за ней дверь. Да, это покроет стоимость лекарства, и мои двадцать луидоров, а также, если мне понадобится, и другие расходы, подумал он, испытывая странное беспокойство. Бедная пустышечка, как же легко тобою вертеть. Ты даешь все глубже и глубже затянуть себя в этот гибельный водоворот. Неужели ты не понимаешь, что теперь ты становишься воровкой, хуже того, ты — преступница, готовая на мошенничество с заранее обдуманном намерением.

А ты, Андре, ты сам — соучастник преступления.

Он рассмеялся, смех вышел скверный, рот скосило набок. Докажите! Станет ли она рассказывать суду об аборте, станет ли мама-сан свидетельствовать против меня? Поверит ли суд рассказу дочери и племянницы преступника скорее, чем моему?

Нет, но Господь будет знать правду, а ты скоро предстанешь перед ним.

Да, и он будет знать, что мне случалось поступать гораздо хуже. И я намерен совершить ещё много зла. Слезы побежали по его лицу.

— Ай-йа, мисси, — проворчала А Со, пытаясь помочь раздеться Анжелике, которая не желала стоять спокойно, потому что самая большая на данный момент проблема была решена и радостное настроение опять вернулось к ней. — Мисси!

— О, ну ладно, только поторопись, пожалуйста. — Анжелика встала у кровати, продолжая напевать с закрытым ртом свою веселую польку. В теплом свете лампы комната выглядела женственнее и уютнее, чем днём, стеклянное окно было слегка приоткрыто, решетчатые ставни заперты.

— Мисси халосый влемя, хейя? — А Со ловко принялась развязывать завязки кринолина у неё на талии.

— Хорошо, спасибо, — вежливо ответила Анжелика. А Со не

особенно ей нравилась. Это была женщина средних лет с широкими бедрами, прислужница, а не настоящая ама.

— Но она такая старая, Малкольм, — пожаловалась Анжелика, впервые увидев её, — не мог бы ты найти мне кого-нибудь помоложе и посимпатичнее, кто много смеется!

— Её выбрал Гордон Чен, наш компрадор, ангел мой. Он гарантирует, что ей во всем можно доверять, она знает, как расчесывать твои волосы, мыть тебя, умеет ухаживать за твоими европейскими нарядами, и она — мой подарок тебе, пока она с тобой здесь, в Японии...

Завязки ослабли, и криолин упал на пол, потом А Со сделала то же самое с нижней юбкой и наконец убрала каркас из металлических и костяных обручей, который придавал криолину его форму. За ним последовали длинные панталоны, шелковые чулки, короткая рубашечка и тугой корсет из китового уса, который ужимал её двадцатидюймовую талию до восемнадцати дюймов и модно приподнимал её бюст. Когда китаянка распустила шнуровку корсета, Анжелика издала глубокий вздох облегчения, переступила море ткани, с размаху плюхнулась на кровать и, как маленькая девочка, позволила раздеть себя окончательно. Она послушно подняла руки, и ночная рубашка в цветочек легким облаком окутала её.

— Садица, мисси.

— Нет, не сегодня, А Со, мои волосы могут подождать.

— Ай-йа, завтла нет халосый! — А Со помахала щеткой для волос.

— О, ну ладно. — Анжелика вздохнула, выбралась из кровати, села у туалетного столика, после чего А Со вынула заколки и принялась расчесывать ей волосы. Ощущение было очень приятным. О, как Андре умен! С ним все всегда так просто — теперь я могу получить столько денег, сколько мне нужно, о, какой же он умный.

Время от времени легкий морской бриз поскрипывал ставнями. В ста ярдах от них, по ту сторону променада, волны накатывались на берег и отступали, шурша галькой, потом накатывались снова с приятным мерным звуком, обещавшим ещё одну тихую ночь, которой все в Поселении были рады. Флот отплыл на закате. Все, кто не был пьян или прикован к постели, проводили корабли взглядом с разной степенью тревоги. Все пожелали им попутного ветра и скорейшего возвращения. Все, кроме японцев. Ори был одним из них, сейчас он приник глазами к щели в одной из её ставен, надежно укрытый высокими кустами камелии, которые в изобилии росли здесь, посаженные по распоряжению Сератара, страстного садовода.

Ори устроился в этой засаде, поджидая Анжелику, задолго до

полуночи. Время тянулось медленно. Он без конца строил и перестраивал планы, доводя себя до изнеможения, вновь и вновь нервно проверял, легко ли вынимается из ножен короткий меч и на месте ли «дерринджер», спрятанный в рукаве его рыбацкого кимоно. Но когда он увидел её, приближающуюся к миссии в компании двух других гайдзинов, всю его усталость как рукой сняло.

В первое мгновение он раздумывал, не выскочить ли ему из засады и не убить ли их, но потом отказался от этой глупости, понимая, что вряд ли сумеет убить всех троих и часового, прежде чем убьют его самого. «Да и в любом случае, — хмуро подумал он, — это помешало бы моему плану овладеть ею ещё раз, перед смертью, а потом сжечь Поселение. Без меня и моих постоянных напоминаний Хирага никогда не сделает этого. Он слишком слаб теперь — гайдзины отравили его разум. Если сам Хирага Несгибаемый может покориться им так быстро, чего ждать от других? Император прав, что ненавидит гайдзинов и желает, чтобы их изгнали!»

Сегодня утром он притворился, что готов покинуть Ёсивару и отправится в Киото, как того потребовал Хирага.

«Я все делаю правильно, — думал он с полной убежденностью, легкий ветер с моря разгонял ночных насекомых. — Эта женщина — идеальная мишень для сонно-дзёи. Что бы там ни говорил Хирага, у меня, наверное, никогда уже не появится другой возможности сбросить её чары. Да, она околдовала меня. Должно быть, она ками, лесной дух, женщина-волчица, возродившаяся в облики гайдзинов, ни одна другая женщина, будучи девственной и одурманенной лекарством, не смогла бы принимать мужскую плоть с такой страстью, ни одна не смогла бы заставить мужчину испытать то, что испытал я, или поселить во мне желание, которое доводит меня до иступления.

Сегодня она станет моей во второй раз. Потом я убью её. Если мне удастся бежать — карма. Если не удастся — карма. Но она умрет от моей руки».

Пот стекал по его лицу и спине. Он снова сосредоточился, наблюдая за девушкой через щель: она была так близко, что, не будь стены, он мог бы дотянуться до неё рукой. Она забралась на постель; ночная рубашка ничего не скрывала. Служанка увернула фитиль в лампе, оставив лишь маленький теплый огонек.

— Спокойной ночи, мисси.

— Спокойной ночи, А Со.

Радуюсь, что осталась одна, Анжелика уютно устроилась под покрывалом, наблюдая за причудливыми тенями, которые отбрасывало

танцующее на сквозняке пламя лампы. Её голова удобно покоилась на руке. До Канагавы она никогда не боялась темноты и быстро погружалась в сон, чтобы проснуться свежей и отдохнувшей. После Канагавы все изменилось. Теперь она требовала, чтобы ночник горел возле неё всю ночь. Сон приходил трудно. Вскоре неотвязные мысли завели её в лабиринт диких предположений. Руки невольно потянулись к груди. Не стала ли её грудь чуть полнее, чем вчера, а соски более чувствительными? Да, да, так и есть... нет, это все мое воображение. А живот? Он как будто стал круглее? Нет, мне показалось, и все же...

И все же разница во мне огромна, как между жизнью на земле до Рождества Христова и после него, и по меньшей мере один раз в день я гадаю, кто бы это был: мальчик или девочка? Или дьявол, похожий на своего отца. Нет, мой ребенок не мог бы быть дьяволом!

Дьявол. Это напоминает мне, что сегодня пятница и через два дня я должна идти в церковь и снова исповедоваться. Сколько я их ни повторяю, слова не становятся легче. Как я теперь ненавижу исповедь, как отвратителен мне отец Лео, такой толстый, грубый, пропахший табаком, развратный старик. Он похож на исповедника тети Эммы в Париже — древнего шотландца, от которого всегда разило виски и чей французский был так же сален, как его сутана. Мне повезло, что ни она, ни дядя Мишель не были фанатиками, просто обычными католиками, ходившими в церковь по воскресеньям. Интересно, как она сейчас и бедный дядя Мишель. Завтра же я поговорю с Малкольмом...

Дорогой, чудесный Малкольм, он был таким милым сегодня вечером, таким сильным и мудрым, и, о, как я хотела его. Я так рада, что могу говорить с ним, какое счастье для меня, что тетя Эмма отказалась учить французский, поэтому мне пришлось выучить английский. Поразительно, как она смогла прожить в Париже столько лет, не зная ни слова по-французски, и что это нашло тогда на дядю Мишеля, что он женился на ней и обрек себя на такие муки? Хотя я люблю их обоих, но одевается она так безвкусно, а он такой обыкновенный.

Любовь! Так он мне всегда отвечал, и она тоже; и ещё то, что они встретились, когда он отдыхал летом в Нормандии. Она была актрисой в бродячей шекспировской труппе, он — мелким чиновником. Это была любовь с первого взгляда, всегда говорили они, и рассказывали мне, какой она была красавицей и как красив был он. Потом они вместе убежали, поженились через неделю — все было так романтично, только с тех пор они не были особенно счастливы.

А мы будем, Малкольм и я. О да, и я буду любить Малкольма, как

должна любить мужа современная жена, у нас будет много детей, они будут воспитываться в католической вере, он не станет возражать, он ведь тоже не фанатик: «Честное слово, нет, Анжелика. Разумеется, свадьба пройдет по протестантскому обряду, мать даже слушать не захочет ни о чем ином, в этом я уверен. После мы можем устроить и католическую церемонию, тайно, если ты пожелаешь...»

Ничего, что она будет тайной, эта церемония и будет их настоящим бракосочетанием — не как первая. Святая Мать Церковь примет наших детей в своё лоно, большую часть года мы все будем жить в Париже, он будет любить меня, я буду любить его, и мы будем восхитительно заниматься любовью, думала она, и её сердце приятно застучало, когда она отпустила свои мысли на свободу.

Она услышала, как открылась и закрылась наружная дверь, а потом с легким скрежетом повернулась ручка на двери в её спальню. Анжелика обернулась в смятении и увидела Андре Понсена, который молча открыл дверь, молча закрыл её за собой, запер на задвижку и прислонился к ней спиной. На губах его застыла насмешливая улыбка.

Ей вдруг стало страшно.

— Что вам нужно, Андре?

Он долго не отвечал, потом подошел к кровати и опустил на неё неподвижный взгляд.

— По... поговорить, а? — тихо произнес он. — Нам ведь есть о чем, а? Поговорить... или... или что?

— Я не понимаю, — ответила она, понимая все слишком хорошо, и сердце её болезненно сжалось, когда она заметила тревожный блеск в его глазах, где всего несколько минут назад видела одно лишь сочувствие. Но она заставила свой голос звучать спокойно, проклиная себя за то, что не заперла дверь — здесь в этом никогда не было нужды, кругом всегда было полно слуг и сотрудников миссии, и никто не осмелился бы войти к ней без разрешения. — Пожалуйста, вам не...

— Мы должны поговорить... насчет завтрашнего дня и быть... быть друзьями.

— Дорогой Андре, пожалуйста, уже поздно, что бы это ни было, это может подождать до завтра, извините, но вы не имеете никакого права входить сюда, не постучав... — В следующий миг она в панике отползла на другую сторону кровати: он сел на край и протянул к ней руку. — Прекратите или я закричу!

Его смех был тихим и колючим.

— Если вы закричите, дорогая Анжелика, сюда сбегутся слуги, и я

отопру дверь и скажу им, что вы пригласили меня сюда, вы хотели встретиться со мной наедине, чтобы обсудить вашу потребность в деньгах, наличных деньгах, для проведения аборта. — Снова кривая ехидная усмешка. — А?

— О, Андре, не будьте таким, пожалуйста, уходите, прошу вас... если вас кто-нибудь увидит... пожалуйста.

— Сначала... сначала поцелуй.

Она вспыхнула.

— Убирайтесь, как вы смее!

— Заткнись и слушай, — хрипло прошептал он, его рука поймала её кисть и сжала её, словно в тисках. — Я смею все. Если я захочу получить больше, чем поцелуй, ты с радостью дашь мне это или пеняй на себя. Без меня все обнаружится, без меня...

— Андре... пожалуйста, отпустите меня. — Как она ни пыталась, она не могла вырвать у него свою руку. Криво усмехнувшись, он отпустил её. — Вы сделали мне больно, — сказала она, едва не плача.

— Я не хочу делать тебе больно, — сдавленно проговорил он, собственный голос казался ему чужим. Он знал, что это безумие быть здесь и делать то, что он делает, но после её ухода его вдруг охватил такой ужас, что он перестал что-либо соображать, ноги сами собой привели его сюда, чтобы силой заставить её... что? Разделить с ним его медленную смерть. Почему бы нет?! — пронзительно кричал его мозг. Это её вина, она выставляет напоказ свои груди, свою бесстыдную чувственность, не дает мне забыть! Она ничем не лучше уличной девки, может быть, её никто и не насиловал, разве она не нацелилась заполучить Струна и его миллионы любой ценой? — Я... я твой друг, разве я не помогаю тебе? Поди сюда, один... один поцелуй не большая плата.

— Нет!

— Кровь Христова, дай мне это с радостью, или я перестану помогать тебе, а через день или два сообщу обо всем Струану и Бебкотту, анонимно. Ты этого хочешь? А?

— Андре, пожалуйста... — Она затравленно оглянулась вокруг, ища, куда бы убежать. Бежать было некуда. Он подвинулся ближе на кровати и протянул руку к её груди, но она оттолкнула её и начала сопротивляться, драться с ним, полоснула ногтями, целясь в глаза, но он скрутил её так, что она не могла даже шевельнуться, а она боялась позвать на помощь, понимая, что попала в ловушку, что погибла и должна будет уступить ему. Вдруг чья-то рука бешено заколотила в её ставни.

Этот неожиданный грохот вырвал Андре из его безумия, а она

пронзительно закричала от страха. В ужасе он спрыгнул с кровати, бросился к двери, отпер её и ту, что вела в коридор, потом метнулся назад к окну и распахнул его. За считанные секунды он отпер ставни и толкнул их наружу. Никого. Там никого не было. Только кусты, качающиеся на ветру, и шум моря; на променаде за оградой не видно ни одного человека.

Из темноты возник спешивший на крик часовой.

— Что здесь происходит?

— Это я у вас должен спросить, солдат, — ответил Андре, сердце его скрежетало, слова неуклюже вываливались изо рта. — Вы видели кого-нибудь, что-нибудь? Я проходил мимо двери мадемуазель и услышал, или подумал, что услышал, как кто-то стучится в её ставни. Быстро, осмотрите тут все кругом!

За его спиной в комнату торопливо вошёл Пьер Вервен, поверенный в делах. Он был в халате, наброшенном поверх ночной рубашки, ночной колпак съехал набок, в руке он держал свечу, пламя её металось на сквозняке. У порога столпились ещё люди.

— Что происходит... о, Андре! Какого дьявола... что тут творится? Мадемуазель, вы кричали?

— Да, я... он... — запинаясь проговорила она, — Андре был... он... кто-то постучал в ставни, а Андре, ну, он...

— Я как раз проходил мимо её двери, — сказал Андре, — и сразу ворвался сюда... разве не так, Анжелика?

Она опустила глаза, теснее прижимая к себе покрывало.

— Да, да, это правда, — кивнула она, боясь и ненавидя его, но стараясь скрыть это.

Вервен подошел к Андре, стоявшему у окна, и выглянул наружу.

— Может быть, это был ветер. Случается, что тут налетают неожиданные шквалы, а ставни не то чтобы совсем новые. — Он потряс одну из них. Она в самом деле непрочна болталась на петлях и громко загремела. Он высунулся и крикнул часовому: — Хорошенько обыщи все кругом, потом вернись и доложишь мне. — Он закрыл и запер ставни, потом запер окно. — Ну вот! Теперь беспокоиться не о чем.

— Да, да, но... — К глазам подступили слезы облегчения.

— Mon Dieu, мадемуазель, бояться больше нечего, не плачьте, вы в полной безопасности, вам нечего беспокоиться, уверяю вас. — Вервен снял свой ночной колпак и растерянно почесал лысину. Потом с благодарностью заметил А Со среди тех, кто стоял у двери, и с важным видом сделал ей знак приблизиться. — А Со, ты спать здесь, с мисси, хейя?

— Да, масса. — А Со торопливо ушла за постелью, и все стали

понемногу расходиться.

— Я побуду с вами, Анжелика, пока она не вернется. — Старик зевнул. — Вероятно, вы оба ошиблись, и это был просто ветер. Кому взбредет в голову колотить в ставни, а? Благодарение Богу, в Поселении нет этих отвратительных уличных мальчишек и нищих, которые стали бы выкидывать всякие такие шутки или шарить по карманам! Не иначе как ветер, а?

— Я уверен, что вы правы, — сказал Андре, страх его прошел, но остались мучительные опасения, что кто-то был снаружи и все видел — он заметил щель в ставне, но больше ему в глаза ничего не бросилось. — Вы не согласны, Анжелика?

— Я... я, возможно, да, — пробормотала она, до крайности взволнованная и ещё не поборовшая окончательно своего страха: перед ним и перед этим внезапным стуком. Как же тогда это объяснить? Был это человек или просто Богом ниспосланный ветер — истинный дар Божий? Ветер или нет, человек или нет — мне все равно, решила она про себя. Мне все равно, я избежала худшего, завтра же я перееду назад к Малкольму, здесь я больше не осмелюсь оставаться, я не должна здесь оставаться, слишком близко к Андре, слишком опасно. — Звук был такой, словно кто-то стучал, но... но я могла и ошибиться. Это мог быть внезапный... внезапный порыв ветра.

— Я уверен, что это был ветер, — убежденно произнес Вервен. — У меня ставни тоже стучат, все время меня будят. — Он прокашлялся и сел, благожелательно прищурившись на Андре, чье лицо все ещё было белым как мел. — Вы можете идти, друг мой. Выглядите вы совсем неважно, как будто, Господи сохрани, у вас печень схватило.

— Может быть... может быть, так оно и есть. Я... я определенно чувствую себя не очень хорошо. — Андре взглянул на Анжелику. — Извините, — сказал он, не отрываясь глядя ей в глаза, голос спокойный и мягкий, внешне опять тот же старый Андре, вся отчужденность, похоть, жестокость исчезли без следа. — Спокойной ночи, Анжелика, вам больше нечего бояться, никогда. Мсье Вервен совершенно прав.

— Да... Да, благодарю вас, Андре. — Она натянуто улыбнулась, и он вышел. Она смотрела на него пристально, стараясь прочесть правду на самом дне его глаз. Она увидела в них одно лишь дружелюбие, ничего больше. Но она не доверяла тому, что видела. И все равно она понимала, что ей придется помириться с ним, принять его неизбежные извинения — притворившись, что она все забыла, и согласившись, что сегодняшнее нападение было просто вспышкой безумия, — после чего они снова станут

друзьями. С виду.

Она вздрогнула всем телом. В самой глубине своего существа она теперь осознала, что чего бы он ни потребовал, она рано или поздно должна будет ему это дать. Пока он жив.

Ори дрожал, скорчившись рядом с перевернутой рыбацкой лодкой на галечном берегу. В двадцати шагах от него шумел прибой, волны накатывались и с шипением отступали.

— Ты полный бака, — выдохнул он, вся его ярость была целиком направлена против него самого. Прежде чем он сообразил, что делает, он замолотил рукой в ставни, а потом, ужасаясь совершенной им глупости, бросился прочь, перемахнул через ограду, разыскал весло, которое использовал для отвода глаз, взвалил его на плечо и вприпрыжку помчался через дорогу, слыша за спиной голоса гайдзинов. Его никто не остановил.

«Хирага должен быть прав, — подумал он, чувствуя дурноту. В голове у него все перепуталось, сердце ныло, в плече пульсировала боль и теплая струйка крови стекала из раны, разошедшейся во время его стремительного бегства. — Может быть, эта женщина действительно лишила меня разума. Ведь это безумие — барабанить по ставням, какая мне от этого польза? И какая разница, если кто-то другой повалит её на подушки? Почему это должно так бесить меня, заставлять кровь шуметь в ушах? Я не владею ею и не хочу владеть, что мне за дело, если какой-то гайдзин возьмет её, силой или нет? Некоторым женщинам нужна своя мера жестокости, чтобы почувствовать возбуждение, как и многим мужчинам... э, погоди-ка, так неужели было бы лучше, если бы она тогда сопротивлялась, а не приняла меня со страстью, хотя и была совершенно одурманена лекарством — или притворялась, что была?

Притворялась?

Мысль об этом только сейчас впервые пришла ему в голову. Душившая его злоба немного отпустила его, хотя сердце продолжало колотиться и тупая боль в висках не утихала. Могло ли так быть, что она притворялась? И-и-и-и, это возможно, её руки обнимали меня, и её ноги сомкнулись у меня за спиной, и тело её двигалось так, как никто и никогда не двигался подо мной — на подушках все партнерши ведут себя чувственно, стонут, вздыхают, иногда проливают несколько слезинок, и ты постоянно слышишь: „О, какой вы сильный, как вы измучили меня, никогда раньше мне не выпадала радость быть с таким мужчиной...“ — но каждый клиент знает, что эти слова живут лишь на поверхности, затверженные наизусть как часть их многолетнего обучения, ничего

больше, и потому лишены всякого смысла.

Она была совсем другой, каждый миг тогда был исполнен значения для меня. Притворялась она, что спит, или нет — не важно. Вероятно, притворялась, женщины полны коварства. Мне все равно, я не должен был колотить в ставни, как очумелый дурак, я выдал им своё присутствие и укрытие и, возможно, навсегда лишил себя шанса проникнуть туда снова!»

Его злость опять прорвалась наружу. Кулак врезался в деревянный борт лодки.

— Бака! — проскрежетал он, ему хотелось крикнуть это во весь голос.

Шорох гальки под ногами. Насторожившись, он скользнул глубже в тень; луна светила над его головой с гибельной яркостью. Потом он услышал голоса приближающихся рыбаков, болтающих между собой, и снова обругал себя за то, что не был более внимателен. Почти тотчас же бедно одетый рыбак средних лет обошел лодку с кормы и остановился.

— Берегись! Кто ты, незнакомец? — сердито воскликнул он, подняв, как дубинку, короткую мачту, которую нес с собой. — Что ты тут задумал?

Ори не шевельнулся, просто свирепо смотрел на него и на двух других рыбаков, которые подошли и встали рядом с первым. Один из них тоже был в летах, второй оказался юношей, немногим старше самого Ори. Оба держали в руках весла и рыболовные снасти.

— Таких вопросов не задают тем, кто стоит выше тебя, — проговорил он. — Где твои манеры?

— Кто ты, ты не саму... — Старик испуганно осекся, увидев, что Ори вскочил на ноги, в его руке мгновенно появился меч и клинок грозно наполовину выехал из ножен.

— На колени, мразь, пока я не вырезал ваши, бака, сердца — я не стал меньше самураем от того, что у меня короткие волосы!

Рыбаки тут же попадали на колени и уткнулись головами в гальку, жалобно бормоча извинения: повелительный тон и то, как Ори держал короткий меч, не оставляли места для сомнений.

— Замолчите! — прорычал Ори. — Куда вы направлялись?

— Рыбачить, господин, на пол-лиги от берега, пожалуйста, простите нас, но... ну, в темноте... и волосы ваши не...

— Заткнись! Спускайте лодку на воду. Шевелитесь. Очутившись в безопасности в море, где соленый воздух остудил ему голову и его слепая ярость улеглась, Ори оглянулся и посмотрел на Поселение. Окна все ещё горели во французской и британской миссиях, в фактории Струана и в клубе, который Хирага показал ему. Вдоль *praia*^[26] горели масляные фонари, он заметил свет в нескольких окнах других домов и складов;

Пьяный Город, как обычно, всю ночь бурлил, винные лавки не закрывались практически никогда.

Но все его внимание было приковано к французской миссии. «Почему? — раз за разом спрашивал он себя. — Почему мной должна была овладеть... ревность, да, именно так это называется. Безумная ревность. Ревновать из-за постельных утех! Бака!

Это все из-за того, что рассказал мне Хирага: „Тайра говорит, их обычай похож на наш для людей из высшего сословия: мужчина не роняет на подушки женщину, на которой женится, до свадьбы...“, из чего вытекает, что этот тайпэн не ляжет с ней, и, поскольку она обещана, никто другой тоже не имеет на это права. Ударил ли я по ставням, чтобы помешать тому человеку взять её или я сделал это, чтобы защитить её?

Или все дело лишь в том, что я не хочу, чтобы кто-то другой наслаждался ею, прежде чем я сам смогу сделать это во второй раз — получается ещё глупее: как я мог бы узнать об этом? Может быть, это потому, что я стал для неё первым? Никто, кроме тебя, не обладал этой женщиной — достаточно ли этого, чтобы та ночь чем-то отличалась от других? Помнишь, китайцы всегда считали девственность самым сильным возбуждающим средством между Небом и Землей. Не поэтому ли я сделал то, что сделал?

Нет. Это был внезапный порыв. Я верю, что она женщина-волчица, которую необходимо уничтожить — предпочтительно после того, как я опрокину её на подушки ещё раз, — только так я смогу вырваться из паутины её чар».

Но как и когда? Только в эти дни, другой возможности у него не будет.

«Слишком опасно прятаться в Поселении или Ёсиваре. Хирага непременно услышит, что я не ушел. Если он найдет меня, я мертвец. Могу я рискнуть задержаться здесь ещё на три дня, а потом, если мне не удастся добраться до неё, поспешить в Киото, и чтобы Хирага ничего не узнал? Безопаснее уйти сейчас. Так что же?»

— Ты, старик, где ты живешь?

— Вторая улица, пятый дом, господин, — запинаясь, пробормотал рыбак. Все они были сильно напуганы, давно сообразив, что это, должно быть, один из тех ронинов, которые прятались в Поселении, скрываясь от людей из Сыскного ведомства Торанаги.

Воскресенье, 19 октября

Её письмо передал Малкольму лично в руки особый курьер, как всегда родственник их компрадора, Гордона Чена. В нем опять не оказалось постскриптума со словами «Я люблю тебя». И снова тайное послание привело его в ярость:

Малкольм, ты совсем рехнулся? Бал по случаю помолвки? После того, как я тебя предупредила? Почему, скажи на милость, ты совершенно игнорируешь мои письма и мои настойчивые призывы вернуться? Если бы не медицинский отчет доктора Хоуга, который я получила вчера вместе с этим невероятным известием, я бы заключила, что помимо ужасных ран, нанесенных мечом, ты ещё и головой сильно ушибся. Я потребовала, чтобы наш губернатор принял самые жесткие меры против этих зверствующих дикарей и немедленно передал преступников в руки королевского правосудия! Если он этого не сделает, я лично предупредила его, что все могущество «Благородного Дома» обратится против его администрации!

Довольно об этом. **ЖИЗНЕННО ВАЖНО**, чтобы ты без промедления вернулся в Гонконг для окончательного решения трех вопросов — разумеется, я готова простить твой проступок, ты пока ещё очень молод, тебе пришлось пережить ужасные вещи и ты попал в когти поразительно умной и хитрой женщины. Я благодарю Бога за то, что силы твои прибывают с каждым днём. Судя по отчету доктора Хоуга, ты, по счастью, несомненно будешь в состоянии вынести переезд домой к тому моменту, когда получишь это письмо (я дала наставление доктору Хоугу вернуться вместе с тобой, и он лично отвечает передо мной за твою безопасность). Я заказала вам обоим места на пакетботе — два места без неё, специально.

Необходимо, чтобы ты вернулся **БЫСТРО И ОДИН**: во-первых, чтобы официально стать тайпэном. Твой дед оставил особые инструкции, в письменном виде, в соблюдении которых ты **ДОЛЖЕН** поклясться, прежде чем будешь **ЗАКОННО** признан тайпэном дома Струанов, что бы я или твой отец ни оставляли

тебе по завещанию. Прежде чем твой отец скончался, в твое отсутствие, мой сын, он заставил меня принести требуемую клятву, я также поклялась ему в том, что возьму и с тебя клятву в соблюдении тех же условий. Это должно быть сделано без промедления.

Во-вторых: потому что мы должны немедленно решить, как нам отразить наступление Тайлера Брока на «Благородный Дом» — я уже упоминала раньше, что он заручился полной поддержкой банка «Виктория» и сегодня угрожает лишить нас права выкупа имущества, представленного в обеспечение наших долговых обязательств. Если он преуспеет в этом, мы будем разорены. Гордон Чен предложил решение, но оно связано с громадным риском, не может быть изложено на бумаге и требует подписи и участия тайпэна. Мой сводный брат «сэр» Морган Брок только что прибыл в Гонконг и хвастает всюду своим дворянством, которое получил лишь потому, что сумел уговорить своего бездетного тестя усыновить его, что тот и сделал, после чего, очень кстати и почти сразу же, скончался.

Уж не помогли ли бедняге? Да простит меня Господь, но я бы не усомнилась в этом. И он, и Тайлер Брок открыто заявляют, что к Рождеству они сокрушат нас и станут хозяевами нашей стюардской ложи на ипподроме в Счастливой Долине. Вчера проходили выборы нового стюарда. Следуя пожеланиям твоего деда и от твоего имени я опять забаллотировала его. Да простит меня Господь, но я ненавижу своего отца так сильно, что почти теряю рассудок.

Третье: ловушка, в которую ты угодил! Я ушам своим не поверила, когда услышала про этот «бал», пока известие о нем не подтвердилось. Я надеюсь и молю Господа, что к настоящему моменту твое здравомыслие вернулось к тебе и ты понял, что с тобой случилось. По счастью, ты, разумеется, не можешь жениться без моего согласия и уж конечно не на католичке, дочери беглого растратчика (выданы ордера на его арест за неуплату долгов). Я совершенно искренне понимаю тебя. Гордон Чен объяснил, как легко такому юноше, как ты, запутаться, поэтому не отчаивайся. У нас есть план, который вытащит тебя из её паутины и убедительно докажет тебе, что она просто — извини, сын, но я должна называть вещи своими именами, — просто распутница.

Когда ты женишься, твоя жена должна быть англичанкой, девушкой богобоязненной, ни в коем случае не еретичкой, леди из приличной семьи, воспитанной и принятой в ОБЩЕСТВЕ, достойной того, чтобы стать твоей женой, и располагающей приличным приданым и качествами, которые помогут тебе в будущем. Когда придет время, недостатка в подходящих леди, из которых ты сможешь выбрать, не будет.

С этой же почтой я написала доктору Хоугу, а также Джейми Макфей, сообщив ему, как я потрясена тем, что он позволил случиться всей этой глупости с помолвкой. Я с нетерпением жду, что смогу обнять тебя через несколько дней. Твоя любящая мать.

Почти тотчас же в его комнату вбежал Макфей. Его лицо было белым как мел.

— Ей сообщили!

— Знаю. Ничего страшного.

— Господи Иисусе, Малкольм, от этого не отмахнешься, просто заявляя «ничего страшного»! — выпалил Макфей в величайшем возбуждении, его слова едва можно было разобрать. Он протянул ему письмо, которое держал в дрожащей руке. — Вот, почитай сам.

Письмо, безо всякого приветствия, только подпись внизу: «Тесс Струан».

Если вы не представите удовлетворительного объяснения, почему вы разрешили моему сыну (хотя он и должен стать тайпэном, вы не можете не знать, что он пока ещё несовершеннолетний) быть помолвленным, не заручившись сначала моим согласием, которое, как вы ДОЛЖНЫ знать, никогда не было бы дано в отношении столь неподходящей пары, вы перестанете возглавлять наше отделение в Японии к концу этого года. Временно оставьте вместо себя мистера Варгаша и возвращайтесь вместе с моим сыном на пакетботе для решения этого вопроса.

Струан сердито сунул бумагу обратно ему в руки.

— Я пока не собираюсь возвращаться в Гонконг — поеду туда, когда сам сочту нужным.

— Святый Боже, Малкольм, если она приказывает нам вернуться, нам лучше так и сделать. Есть причины, по...

— Нет! — вспыхнул Малкольм. — Понятно? НЕТ!

— Ради всех святых, да посмотри же ты наконец правде в глаза, — вспыхнул в ответ Макфей. — Ты несовершеннолетний, она сейчас управляет компанией, и управляла ею много лет. Мы обязаны подчиняться её приказам и...

— Я не обязан подчиняться её приказам, вообще ничьим приказам. Убирайся!

— Никуда я не уйду! Неужели ты не видишь: то, что она просит, разумно и сделать это нетрудно. Мы можем вернуться сюда через две-три недели, рано или поздно тебе все равно понадобится её согласие, ясно, что лучше всего попытаться получить его сейчас, у тебя все прояснится, и нам работать будет легче, и...

— Нет! И... и я отменяю её распоряжения: я приказываю тебе. Я тайпэн дома Струанов!

— Чёрт, ты должен знать, что я не могу пойти против неё!

У Струана едва не подогнулись колени на ходу при воспоминании о той жуткой боли, которая пронзила низ живота, когда он неосторожно дернулся, выкарабкиваясь из глубокого кресла, вскочил на ноги и заорал на Макфея:

— Слушай, ты, в-три-господа-бога-душу-мать, я напоминаю тебе о твоей священной клятве служить тайпэну, тайпэну, чёрт подери, кто бы он ни был, тайпэну, а не его... твою так и эдак, матери! Вспомнил?!

— Но разве ты не...

— Кого ты собираешься слушаться, Джейми? Меня или мою мать? — Между ними разгорелась яростная перепалка, оба разозлились ещё больше, оба орали друг на друга, но Малкольм взял верх. Сражение было неравным с самого начала. Пункт о безусловном подчинении тайпэну был вписан в каждый приказ о назначении на должность, подписывался и подтверждался клятвой перед Богом, в соответствии с требованиями их основателя.

— Хорошо, я согласен! — яростно процедил Макфей сквозь зубы. — Но я тре... виноват, я прошу дать мне право написать ей и изложить ей твои новые распоряжения.

— Сделай это, с этим же пакетботом, и когда будешь писать, сообщи ей, что тайпэн приказывает тебе остаться здесь, что только я один могу уволить тебя, что я и сделаю, клянусь Господом, если ты дашь мне к тому хотя бы малейший повод, и что если я хочу быть помолвленным, младший я там член семьи или нет, это мое дело. — Потом он, вытянув вперед руку, вернулся к креслу, согнувшись от боли почти пополам.

— Бог мой, тайпэн, — слабым голосом произнес Макфей, — она

уволит меня, хотите вы этого или нет. Мне конец.

— Нет. Нет, если я не отдам такого распоряжения, это записано в своде наших основных правил.

— Возможно. Но нравится тебе это или нет, она может превратить мою жизнь, да и твою тоже, в сплошную муку, что бы ты ни говорил.

— Нет, ты лишь выполняешь мою волю. Ты не нарушаешь закона Дирка, а именно его слово она чтит превыше всего на свете, — сказал Малкольм, вспоминая бесчисленные случаи, когда мать упоминала имя Дирка Струана его отцу, ему, его братьям и сестрам по вопросам бизнеса, морали или самой жизни. И разве и отец, и мать не говорили мне тысячу раз, что я стану тайпэном после него, и все, в первую очередь дядя Гордон, принимали это.

Любые формальности могут подождать, она просто использует это как ещё один предлог, чтобы взнудать меня. Господи, ведь я всю жизнь готовился к этой должности, я знаю, как вести себя с матерью, и понимаю, что здесь не так. Я тайпэн, клянусь Богом, а теперь... теперь извини, я... мне нужно работать.

Едва оставшись один, он криком вызвал к себе А Ток.

«Ай-йа, в тот раз мне действительно было необходимо лекарство, оно действует так превосходно, и оно спасло меня от боли и душевных мук, вернуло мне мужество, а потом подарило мне столько прекрасных минут с Анжеликой. Ах, мой ангел, она снова вернулась в свои комнаты по соседству, хвала Создателю, такая близкая, сладостная, теплая, только руку протяни, но увы, и... Господи, как бы я хотел, чтобы при мыслях о ней у меня не начиналась эта тянущая боль в чреслах, вслед за которой приходит та, другая, боль, а ведь сейчас ещё и утро не прошло, и мне предстоит вытерпеть сначала эту скучную проповедь, потом обед и больше восьми часов до следующего...»

— Я сожалею о вчерашнем, — услышал он голос Макфея. — Очень сожалею.

— А я нет, вчерашний день вытащил все недосказанное на свет божий и расставил все точки над «и», — произнес он с удивившей Макфея силой. — Теперь у компании есть настоящий глава. — Я согласен, отец не справлялся и последние несколько лет провел в беспробудном пьянстве, мать делала все, что было в её силах, но этого не хватало, чтобы удерживать нас впереди Брока. — Мы снова должны откровенно признать: они сейчас сильнее, богаче и разумнее нас, и нам крупно повезет, если мы переживем теперешний шторм. Возьми Японию — Япония едва окупает расходы.

— Да, если говорить о быстром обороте, но в перспективе она станет для нас прибыльной.

— Нет, если ты и дальше будешь вести дела, как вел их до сих пор. Япошки не покупают у нас никаких выгодных товаров. Мы покупаем шелка и шелкопрядов, кое-какие лакированные безделушки, что ещё? Ничего ценного. Промышленности у них нет, и, похоже, не очень-то она им и нужна.

— Верно, но ведь и Китай не сразу раскрылся, понадобились годы. А там у нас есть треугольник опиум-чай-серебро.

— Это так, но Китай — другое дело. Китай — древняя цивилизация, страна большой культуры. У нас там есть друзья и, как ты сам сказал, сложившаяся торговая модель. Я считаю, если мы хотим выжить, нам необходимо ускорить здесь ход событий, или мы закрываемся.

— Как только сэр Уильям разберется с бакуфу...

— Чума на это! — Тон Струана стал резким. — Я устал торчать в кресле, словно привязанный, и меня уже мутит, когда я слышу со всех сторон, что нам, мол, необходимо дождаться, когда сэр Уильям прикажет флоту и армии заняться своим делом. В следующий раз, когда состоится встреча с бакуфу, я хочу на ней присутствовать — или ещё лучше: устрой мне сначала личную встречу с ними.

— Но, тайпэн...

— Сделай это, Джейми. Я так хочу. И сделай это быстро.

— Я не знаю, как это возможно.

— Спроси у этого ручного самурая Филипа Тайрера, Накамы. Или ещё лучше: договорись о тайной встрече, тогда и Филип не будет скомпрометирован.

Макфей уже передал ему все, что выведал у Накамы.

— Это хорошая мысль, — сказал он совершенно искренне и, глядя на эту выставленную вперед челюсть и огонь в глазах, почувствовал, как у него теплеет на душе. Может быть, наконец-то, подумал он, появился человек, который сумеет заставить крутиться нужные колеса. — Я поговорю с Филипом после церкви.

— Когда уходит следующий корабль в Сан-Франциско?

— Через неделю, торговое судно конфедератов «Леди Саванны». — Макфей из осторожности понизил голос: мимо проходила группа торговцев. — Наш заказ для Тёсю отплывает вместе с ним.

— Кому мы могли бы доверить отправиться на нем с особым поручением? — спросил Струан, приступая к осуществлению своего плана.

— Варгашу.

— Нет, он нужен здесь. — Струан опять остановился, ноги мучительно ныли, потом доковылял до низкой стены у края променада главным образом для того, чтобы отдохнуть, а также чтобы их никто не подслушал. — Кому ещё? Человек должен быть толковый.

— Его племяннику, Педрито. Он сообразительный парень, больше похож на португальца, чем Варгаш, почти ничего китайского в лице, свободно говорит на португальском, испанском, английском и кантонском. Хорошо считает. Его могли бы одинаково хорошо принять и на Севере и в Конфедерации. Что ты задумал?

— Забронируй для него место на этом корабле. Я хочу, чтобы он отправился с этим заказом, который мы учетверим, а также с зака...

— Четыре тысячи ружей? — Макфей ошеломленно уставился на него.

— Да, также пошли письмо на оружейную фабрику с завтрашним пакетботом, пусть они его там ожидают. Пакетбот как раз успеет к отходу калифорнийского парохода из Гонконга.

— Но первый взнос золотом, который мы получили, покрывает всего двести ружей, — неуверенно произнес Макфей, — нам же придется расплатиться сразу за весь заказ, такова политика всех оружейников. Тебе не кажется, что мы превысим свой кредит?

— Некоторым так могло бы показаться. Мне нет.

— Даже с поставкой двух тысяч — адмирал буквально рвет и мечет, требуя прекратить всякую торговлю оружием и опиумом... я знаю, что он не вправе требовать этого по закону, — торопливо добавил Макфей, — но если он захочет, он все равно может задержать такой груз, сославшись на требования национальной безопасности.

— Он не найдет их и не услышит про них, пока не будет уже слишком поздно, — ты окажешься слишком умен для этого. Тем временем составь сопроводительное письмо к заказу и сними с него копию для пакетбота — сделай это сам, Джейми, чтобы никто не видел, — в письме попроси фабрику отнестись к этой партии с особым вниманием, но предложи также, чтобы они сделали нас своими единственными агентами в Азии.

— Мысль замечательная, тайпэн, но я решительно советую не увеличивать заказ.

— Закажи пять тысяч ружей и особо подчеркни, что мы заключим сделку на самых привлекательных для них условиях. Я не хочу, чтобы Норберт перебежал нам дорогу. — Струан двинулся дальше, боль стала сильнее. Даже не оглядываясь на Макфея, он знал, о чем тот сейчас думает, и сказал колюче:

— Совершенно не обязательно сначала советоваться с Гонконгом.

Сделай, как я говорю. Я подпишу заказ и письмо.

После паузы Макфей кивнул.

— Как скажешь.

— Хорошо. — Он уловил несогласие в голосе Макфея и решил, что подходящий момент настал. — Мы меняем нашу политику в Японии. Они здесь любят убивать, а? Если верить этому Накаме, многие из их королей готовы восстать против бакуфу, которые явно не относятся к числу наших друзей. Хорошо, мы поможем им сделать то, чего они хотят. Мы станем продавать им то, что им нужно: оружие, несколько кораблей, даже оружейный завод или два, во все увеличивающихся количествах — за золото и серебро.

— А что, если они повернут эти ружья против нас?

— Одного раза будет достаточно, чтобы преподать им урок, как это было в любом другом месте на земле. Мы будем продавать им мушкеты, немного новых ружей, но не пулеметы, не крупные пушки и не современные боевые корабли. Мы собираемся предложить покупателю то, что он хочет покупать.

Анжелика опустилась на колени, устроилась в крошечной исповедальне, насколько ей позволяли это пышные юбки, и начала обряд. Латинские слова у неё сливались друг с другом, как это обычно бывает с теми, кто не умеет ни читать, ни писать на языке, а лишь с детства затвердил обязательные молитвы и ответы, постоянно их повторяя:

— Простите меня, святой отец, ибо я согрешила...

По другую сторону перегородки отец Лео стал более внимателен, чем обычно. Как правило, он слушал кающихся вполуха, исполненный печали, уверенный, что все они лгут, в грехах своих не признаются и прегрешения их велики, но не более велики, чем в других Поселениях Азии — и епитимьи, которые он накладывал, выполнялись ими не от чистого сердца, а то и вовсе не выполнялись.

— Итак, дитя мое, ты согрешила, — произнес он своим самым приятным голосом. По-французски он говорил с тяжелым акцентом. Этому дородному, бородатому португальскому иезуиту и поборнику веры было пятьдесят пять лет, двадцать семь из них он носил духовный сан и в целом был доволен теми крохами жизни, которые, как он судил, Господь ронял ему со своего стола. — Какие же грехи ты совершила на этой неделе?

— Я один раз забыла попросить прощения у Мадонны в своих молитвах перед сном, — ответила она с полным спокойствием, следуя своему договору с Богоматерью, — и имела много дурных мыслей и снов, и

испугалась, и забыла, что я в руках Божьих...

В Канагаве, на следующий день после той ночи — как только она смогла здраво мыслить и нашла способ, как ей спастись от катастрофы, — она, плача, встала на колени перед маленьким распятием, которое всегда возила с собой.

— Матерь Божья, нет нужды объяснять, что произошло и как тяжело согрешили против меня, — рыдая, молилась она со всей истовостью, на какую была способна, — или что мне не к кому обратиться, что мне отчаянно нужна твоя помощь, что я, конечно же, не могу никому открыться, даже на исповеди, я не смею признаться в том, что случилось. Я не смею, ибо это разрушит мой единственный шанс...

Поэтому на коленях я молю тебя, пусть мы заключим договор: когда я скажу на исповеди: «Я один раз забыла попросить прощения у Мадонны в своих молитвах перед сном», это на самом деле будет означать, что исповедуюсь и сознаюсь во всем, что рассказала тебе и чему ты сама была свидетельницей, вместе с малым количеством невинной лжи, к которой я могу... к которой мне придется прибегнуть, чтобы защитить себя. Я молю тебя простить мне эту просьбу и взываю к тебе о помощи, ибо больше мне не к кому обратиться. Я знаю, ты простишь меня, и знаю, что ты поймешь, потому что ты Матерь Божья и женщина, ты поймешь и отпустишь мне этот грех...

Через решетчатую перегородку ей был виден профиль отца Лео, и она чувствовала запах вина и чеснока, исходивший у него изо рта. Она вздохнула, всем сердцем возблагодарила Мадонну за её помощь ей.

— Эти грехи не кажутся мне такими тяжкими, дитя мое.

— Благодарю вас, святой отец. — Она подавила зевок, приготовившись принять свою обычную, скромную епитимью, потом перекреститься, получить отпущение грехов, поблагодарить священника и уйти. Второй завтрак в клубе с Малкольмом и Сератаром, сиеста в моих прекрасных апартаментах рядом с апартаментами Малкольма, ужин в русской мис...

— Какого рода дурные мысли посетили тебя?

— О, просто то, что я нетерпелива, — ответила она, не думая, — и не поручаю себя спокойно промыслу Божьему.

— Нетерпелива в отношении чего?

— О... ну, нетерпелива со своей горничной, — в смятении проговорила она, захваченная врасплох, — и что... что мой жених не так здоров и не так хорошо себя чувствует, как мне бы хотелось.

— Ах да, тайпэн, прекрасный молодой человек, но внук великого врага

истинной церкви. Рассказывал ли он тебе о нем? О своём деде, Дирке Струане?

— Кое-что, святой отец, некоторые истории, — ответила она, встревоженная ещё больше. — Касательно моей горничной, я была нетер...

— Малкольм Струан — достойный молодой человек, не похожий на своего деда. Ты просила его перейти в католичество?

Кровь отхлынула от её лица.

— Мы говорили об этом, да. Такой... такой разговор — дело очень деликатное, и тут, конечно, нельзя спешить.

— Да, воистину это так. — Отец Лео слышал, как она судорожно вздохнула после его вопроса, и почувствовал её тревогу. — И я согласен, что это ужасно важно, и для него, и для тебя. — Он нахмурился, его опыт подсказывал ему, что эта девушка многое скрывает от него — не то чтобы в этом было что-то необычное, подумал он.

Он уже собирался оставить эту тему, но тут вдруг осознал, что здесь перед ним открывается самим Богом посланная возможность сразу и спасти заблудшую душу, и открыть прибыльное предприятие — жизнь в Июкогаме, в отличие от его любимой и счастливой Португалии, была серой и скучной, делать было почти нечего, кроме как ловить рыбу, пить, есть и молиться. Церковь его была маленькой и обветшавшей, паства — редкой и нечестивой, Поселение — настоящей тюрьмой.

— Такой разговор может быть деликатным, но его не должно прекращать. Его бессмертная душа в абсолютной и страшной опасности. Я буду молиться за твой успех. Твои дети будут воспитываться в католической вере — разумеется, он уже согласился?

— О, мы беседовали и об этом тоже, святой отец, — сказала она с напускной легкостью, — разумеется, наши дети будут католиками.

— Если они не будут ими, ты обречешь их на вечное проклятие. И твоей бессмертной душе оно будет грозить в равной степени. — Он с удовольствием увидел, как она содрогнулась. Хорошо, подумал он, один удар по Антихристу во имя Господне. — Это должно быть официально оговорено ещё до брака.

Сердце её быстро стучало, голова болела от тревожного предчувствия, которое она старалась не выдать своим голосом: вера её в Бога и дьявола, жизнь вечную и вечное проклятие была абсолютна.

— Благодарю вас за ваш совет, святой отец.

— Я поговорю с мистером Струаном.

— О нет, святой отец, пожалуйста, не надо, — вдруг запаниковала она, — это было бы... я считаю, это было бы очень неразумно.

— Неразумно? — Он снова поджал губы, рассеянно почесывая бороду, кишевшую вшами, которые населяли и его волосы, и древнюю сутану, и быстро заключил, что возможный подвиг, которым могло бы стать обращение Струана, являлся наградой, заслуживающей того, чтобы подождать и хорошенько поразмыслить.

— Я буду молиться, чтобы Господь наставил меня и чтобы Он направлял и тебя тоже. Но не забывай, что ты несовершеннолетняя, как и твой жених. Я полагаю, в отсутствие твоего отца твоим опекуном официально будет считаться мсье Сератар. Прежде чем любой брачный обряд может быть свершен и узаконен, необходимо получить разрешение. И эти, а также другие вопросы должны быть улажены, дабы душе твоей не было нанесено вреда. — Он широко улыбнулся, весьма удовлетворенный. — А теперь, во искупление грехов, ты к следующему воскресенью прочтешь десять «Богородиц» и дважды послания святого Иоанна, и продолжай молиться о том, чтобы Господь указал тебе путь.

— Спасибо, святой отец. — Она с благодарностью перекрестилась, ладони у неё вспотели, и склонила голову, чтобы получить его благословение.

— *In nomine Patri et Spiritu Sancti, absolvo tuum.*^[27] — Он перекрестил её. — Молись за меня, дитя мое, — произнес он, словно подводя черту, и закончил обряд, мысленно уже начиная свой диалог с Малкольмом Струаном.

В вечерних сумерках Тайрер сидел, скрестив ноги, напротив Хираги в крошечной отдельной комнатке столь же крошечного ресторана, полускрытого домом сёи, деревенского старосты. Они были единственными посетителями, и для Тайрера это был первый настоящий японский ужин, которым его угощал японец. Он успел проголодаться с обеда и теперь был готов отведать что угодно.

— Спасибо, что пригласить меня, Накама-сан.

— Это удовольствие для меня, Тайра-сан. Позвольте сказать, что ваше произношение становится лучше. Пожалуйста, кушайте.

На низком столике, разделявшем их, прислужница расставила много маленьких тарелочек с различными блюдами, и горячими, и холодными, на красивых лакированных подносах. Панели-сёдзи, татами на полу, маленькие раздвижные окна, открытые сгущавшимся сумеркам, масляные лампы, дающие приятный мягкий свет, цветочная композиция в углу. Рядом с их комнаткой находилась ещё одна такая же, а снаружи этих двух — остальной ресторан, с виду обычный коридор со скамеечками по бокам,

выходивший в переулок рядом с главной улицей деревни, жаровня с углями для приготовления пищи, бочонки с саке и пивом, повар и три прислужницы.

Хирага и Тайрер сидели, ослабив пояса, в свободных кимоно, предназначенных для сна и отдыха, — Тайрер наслаждался этим непривычным для него комфортом, Хирага же с облегчением скинул с себя европейскую одежду, в которой проходил весь день. Оба вымылись, и им сделали массаж в бане неподалеку.

— Пожалуйста, кушайте.

Тайрер принялся неуклюже орудовать палочками. В Пекине в посольстве ему отсоветовали пробовать любую китайскую пищу: «...если только вам не хочется отравиться, старина. Эти содомиты и в самом деле едят собак, пьют змеиную желчь, вылавливают из супа насекомых, любых, и все до одного верят — нет, это поразительно! — что если оно спинкой смотрит в небо, значит, его можно есть! Брр!»

Хирага показал ему, как правильно держать палочки.

— Вот.

— Спасибо, Накама-сан, очень трудно. — Тайрер рассмеялся. — Толстый нет стану кушать этими.

— Я не стану толстым, кушая ими, — подсказал Хирага. Он ещё не устал поправлять ошибки Тайрера, обнаружив вдруг, что ему нравится учить его. Тайрер оказался способным учеником, обладавшим поразительной памятью и веселым нравом, и был очень важен для него самого: неиссякающий источник информации.

— А, извините: я не стану толстым, кушая ими. Что эти... прошу прощения, что это за еда?

— Это то, что мы называем темпура, — рыба, обжаренная в жидком тесте.

— Прошу прощения, что есть «жидкое тесто»? — Тайрер внимательно выслушал Хирагу, не понимая многих слов, но уловив суть, точно так же, как и его учитель, он был уверен в этом, пропускал английские слова. Мы больше говорим по-английски, чем по-японски, подумал он, морщась про себя, но ладно. Накама великий учитель, и мы, похоже, прекрасно все устроили: без него меня бы здесь не было, вероятно, даже не было бы в живых, и уж конечно я никогда не приобрел бы такого лица, какое имею теперь в глазах Марлоу, Паллидара и Крошки Вилли Винки, не говоря уже о той бесценной информации, которой он меня снабжает. Тайрер улыбнулся. Ему доставляло удовольствие, что он мог теперь в мыслях называть сэра Уильяма его прозвищем, а ведь всего несколько дней назад

он дрожал при одном упоминании о нем. — О, теперь я понимаю. Жидкое тесто! У нас тоже есть жидкое тесто.

— Нравится вам эта еда, Тайра-сан? — спросил Хирага, переходя на английский.

— Да, спасибо. — Когда мог, Тайрер всегда старался отвечать по-японски. — Благодарный за все, массаж, ванна, теперь копой, простите, теперь покой и радость.

Некоторые блюда показались ему поразительно вкусными, темпура и якитори, маленькие, на один укус, кусочки курицы, поджаренные на огне, со сладковато-соленым соусом. Анаго оказалось жареным угрем с теплым сладко-острым соусом, который ему особенно понравился. Суши, ломтики сырой рыбы различного цвета и текстуры на маленьком коlobке из риса, ему поначалу было трудно заставить себя проглотить, но когда он макнул их в таинственный соленый соус, называвшийся сой или соя, они стали вполне съедобными. В конце концов, подумал он, отец советовал мне пробовать все: «Сын, раз уж ты настаиваешь на этой драматичной идее стать переводчиком японского языка, я советую тебе с головой погрузиться в их образ жизни, есть то, что они едят, и так далее — не забывая, что ты английский джентльмен, имеющий определенные обязанности и свято чтущий долг перед короной, империей и Господом Богом...»

Интересно, что бы сказал старик про Фудзико. Она, несомненно, часть их образа жизни. Лицо Тайрера внезапно осветилось улыбкой, и он показал палочкой.

— Что это?

— О, простите, Тайра-сан, это плохая манера показывать тонким концом палочки. Пожалуйста, пользуйтесь другим концом. Это васabi. — Прежде чем Хирага смог остановить его, Тайрер подхватил горошину зеленой пасты и съел её. Тут же во рту у него вспыхнул настоящий пожар, он беспомощно охнул, из глаз хлынули слезы, он почти ослеп. Со временем пламя улеглось, он протер глаза, тяжело дыша.

— Мой Бох, — произнес Хирага, копируя Тайрера и стараясь не рассмеяться. — Васabi не кушать, просто к'расть ма'рен'кий — простите, с'рово очень трудный мне — просто к'расть немного в соя, де'рать острый.

— Моя ошибка, — выдохнул Тайрер, у которого на миг перехватило горло. — Мой Бог, эта штука смертельна, хуже, чем чили! Следующий раз я осторожный.

— Вы очень хороший д'ря че'ровек, который начинает, Тайра-сан. И вы учите японский тоже быстро, очень хорошо.

— Домо, Накама-сан, домо. То же и у вас с английским. — Довольный

комплиментом японца, Тайрер сосредоточился на том, чтобы как можно ловчее управляться с палочками. Следующий кусочек, который он попробовал, был тако, нарезанные щупальца осьминога. Ему показалось, что он жуёт осклизлую резину, хотя он добавил немного сои и васаби. — Это очень вкусно, мне это очень нравится.

Я умираю от голода, думал он. Я бы съел ещё тройную порцию этого цыпленка, ещё одну чашку риса, ещё два десятка этих креветок-темпура, а Хирага ест как младенец. Ладно, зато меня угощает самурай, ещё и недели не прошло, как он помог нам выбраться из миссии в Эдо без международного инцидента, и неполных шесть недель с того дня, когда я впервые встретил Андре, а я уже немного говорю на японском, уже знаю об их обычаях больше, чем многие из торговцев, которые живут здесь с самого начала. Если так пойдет и дальше, через несколько месяцев меня официально назначат переводчиком и я получу шанс рассчитывать на официальное жалование: четыреста фунтов стерлингов в год! Ура, или банзай, как воскликнул бы японец. При нынешнем обменном курсе я вполне могу позволить себе ещё одну лошадь, но прежде...

Его сердце забилося сильнее.

Прежде всего я куплю контракт Фудзико. Накама пообещал помочь, поэтому сложностей не возникнет. Он обещал. Может быть, мы начнем прямо сегодня — благодарение Богу, Фудзико вернулась от своей бабушки. Наверное, не стоило бы затевать такое в воскресенье, ну да ладно. Карма.

Он вздохнул. Беседуя с Андре и Накамой, он открыл для себя это слово и тот чудесный способ, который превращал его в панацею от всех событий, хороших и плохих, над которыми ты был не властен.

— Карма!

— Что, Тайра-сан?

— Ничего. Еда вкусная.

— Еда вкусная, — повторил Хирага вслед за ним. — Хорошо, спасибо, я дово'рный. — Он крикнул, требуя ещё пива и саке. Сёдзи скользнули в сторону, и заказ появился на подносе, который внесла девушка с веселым лицом, улыбнувшаяся Хираге во весь рот и застенчиво — Тайреру. Почти не думая о том, что делает, Хирага потрепал её пониже спины.

— Как бы тебе понравилось сделать это Поверх Горы?

— И-и-и-и, какой вы проказник! Поверх Горы? О нет, это не для меня, и не Под Горой, но за золотой обан я могла бы Поиграть на Флейте!

Оба рассмеялись этой шутке — золотой обан был непомерной ценой, столько могла бы запросить за такую услугу куртизанка первого разряда. Девушка налила Хираге саке, наполнила кружку Тайрера и вышла.

— Что она говорить, Накама-сан?

Он улыбнулся.

— Прошу простить, трудно объяснить, нет с'ров достаточно ещё. Просто шутка, мужчина-женщина шутка, вы понимаете?

— Вакаримасу. Церковь сегодня, вы нравится? — С одобрения сэра Уильяма и живейшего благоволения преподобного Майклмаса Твита он тайком провел Хирагу на хоры. В своей новой европейской одежде, сшитой на заказ китайским портным с обычной для них невероятной быстротой, и в кастовом цилиндре Хирага походил на евразийца и не привлек ничьего внимания. За исключением Джейми Макфея, который незаметно ему подмигнул.

— Церковь хороший, и ваши объяснять тоже, — ответил Хирага, но внутри себя он все ещё пытался просеять услышанное от Тайрера и до конца разобраться в его рассказе, а также в том поразительном зрелище, которое представляло из себя это скопление взрослых мужчин и двух преотвратных на вид женщин: они все пели, как один человек, вставали, садились, с торжественной серьезностью гудели себе под нос молитвы, склоняли головы перед этим их очень странным Богом, который, как объяснил ему после службы Тайрер, оказывается, был на самом деле сразу тремя людьми: Отцом, Его Сыном, которого распяли, как обыкновенного преступника, и ещё ками.

— Со ка? — озадаченно произнес тогда Хирага. — Значит, Тайра-сан, женщина по имени Мадонна, которая не Бог, имеет сын Бог, но она не Бог и пада'ра на подушки с ками, который не Бог, а как хатамото у Бог с кры'рьями, который не муж, муж, который тоже не Бог, но отец есть, значит, отец её сына есть дед, нех?

— Нет, никаких подушек не было. Видите ли...

Он опять выслушал его и притворился под конец, что понял, чтобы поподробнее расспросить Тайру о вражде двух церквей, потому что ещё раньше заметил, что женщины Ори на службе не было, и спросил у Тайры, почему. Две церкви, одинаково могущественные, постоянно воюют между собой! А Ори хотел, чтобы я бросил все это. Бака!

А когда, после долгого напряжения, от которого у него заныла голова, он понял причину этого раскола и масштабы вызванной им к жизни ненависти, массовых убийств и всеобщих войн, он окончательно убедился, что в некоторых вещах гайдзины совершенно безумны, но оч-чень уязвимы: весь разлад произошел только из-за того, что триста с небольшим лет тому назад один старый бонза по имени Рютер решил по другому понять какой-то малозначительный пункт учения, изобретенного другим

бонзой не то за четырнадцать, не то за пятнадцать столетий до него. Этот человек, ясно, что тоже спятивший, объявил, помимо всего прочего, что нужно стремиться к бедности, а если ты ещё и не знал женщин, то после смерти отправлялся в какое-то непонятное место, которое называлось Небеса, где не было ни саке, ни еды, ни женщин, а ты был птицей.

Варвары — невероятный народ. Кто захочет попасть в такое место? Любой мог бы сразу понять, что старый бонза был всего-навсего ещё одним честолюбивым, вечно недовольным дураком, которому, после того как он целую жизнь изображал непорочность, просто захотелось открыто иметь жену или наложницу, как любому обычному разумному бонзе или человеку.

— Тайра-сан, — произнес он слабым голосом, — нужно ванна, массаж, саке, вы тоже, потом кушать. Поза'рста, за мной ходить.

Поначалу он встревожился, что пригласил его. Теперь староста деревни, сёя, узнает, что он мог говорить по-английски.

— И-и-и-и, как чудесно говорить на языке гайдзинов, жаль, что я не могу, Отами-сан! — весело профырчал сёя с открытым восхищением. — Позвольте сказать вам ещё раз, что я поддерживаю сонно-дзёи, и тоже приставил своего самого смышленного сына к гайдзинскому бонзе, приказав ему притвориться, будто он обратился в эту их смехотворную веру, чтобы он мог выучить их язык и повадки.

— Вы позаботитесь о том, чтобы слуги ничего не разболтали?

— Вас будут оберегать, как члена моей семьи. Для большей безопасности я предлагаю вам снять весь ресторан и приказать этому Тайре говорить в бане только по-японски. Вы говорите, учится быстро?

— Очень.

— Ваши секреты похоронены в моей груди. Сонно-дзёи!

Хирага хмуро усмехнулся, вспоминая горячность, с которой сёя повторил за ним этот клич, не веря ему ни капли. Интересно, что бы он сделал, если б узнал о нашем плане сжечь всю Йокогаму. Обделался бы в штаны. Но даже ещё не успев сменить их, побежал бы к бакуфу и расквасил бы себе лоб о землю, торопясь услужить им и предать меня. Бака!

Тайрер все ещё жадно наедался. Хирага, хотя и был голоден, ел мало, следуя общепринятому в Японии обычаю и своей подготовке, приучившей его довольствоваться малым, ибо голодных дней выпадало больше, чем сытых, мужественно переносить холод и боль, ибо тяжелых дней выпадало больше, чем легких, и холодно бывало чаще, чем тепло, так что лучше быть готовым заранее.

Меньше — это всегда лучше, чем больше. Кроме саке. И женщин. Он улыбнулся.

— Саке! Тайра-сан, кампай!

Принесенная бутылочка быстро опустела. Он наливал и наливал Тайреру, делая вид, что выпивать за здоровье друг друга — важная японская традиция. Вскоре Тайрер уже захлеб рассказывал ему о войнах гайдзинов, могуществе Британской империи, о товарах, которые они производили, и их количествах. Из-за искренности Тайрера — возможной искренности — и из-за его «Клянусь, как перед Богом, это правда!» Хирага решил принимать на веру всю его информацию, какой бы пугающей или невероятной она ни была, до тех пор пока не получит доказательства обратного. Тот час, который он провел, изучая школьный атлас Тайрера и карты, по-настоящему потряс его.

— Но, поза'рста, как может такой ма'ренький страна, как Анг'рия, править сто'рька многие?

— Причин полно, — ответил Тайрер. Он чувствовал внутри тепло и раскованность, был доволен собой и, забыв на мгновение о своём правиле пользоваться только простыми словами и мыслями, простодушно продолжал: — У нас лучшее образование — лучшее обучение, вы понимаете? — лучшее происхождение, порода, мудрая и благожелательная королева и уникальная, совершенно особая форма правления, наш парламент, который предоставил нам лучшие на земле законы и свободы. В то же время на нас благословение Господне, мы остров-крепость, наши моря защищают нас, наши флоты контролируют морские торговые пути, поэтому мы могли в мире и спокойствии развивать свои умения, изобретать и экспериментировать; мы больше всех торгуем, следовательно, у нас больше капитала, Накама-сан, больше денег, чем у кого бы то ни было... и мы очень здорово умеем «разделять и властвовать» — это древний закон римлян... — Тайрер рассмеялся и прикончил бутылочку, — и, что самое главное, я уже говорил вам об этом, у нас вдвое больше пушек, кораблей и огневой мощи, чем у двух следующих по силе держав: половина всех кораблей в мире — британские, с британскими командами и британскими канонирами.

Так много слов и идей, которые мне непонятны, думал Хирага. Голова у него шла кругом. Римляне? Кто они?

Если хотя бы половина, нет, даже сотая часть того, что говорит Тайра, правда, тогда у нас уйдут десятилетия на то, чтобы догнать их. Да, подумал он, но со временем мы с ними сравняемся. Мы тоже остров. И у нас преимущество перед ними: наш остров — это Земля богов. Если брать

один на один, мы крепче, сильнее, лучше умеем драться, у нас есть дисциплина и больше мужества, и главная причина, по которой мы рано или поздно победим, заключается в том, что мы не боимся умереть!

«И-и-и-и, уже сегодня я вижу такие способы вертеть ими, которые несколько дней назад мне даже в голову не приходили».

— Хонто, — пробормотал он.

— «Хонто», Накама-сан? Истина? Что истинно?

— Просто думать, что вы говорить. Так много истины. Паза'рста, вы говорить раньса... Кампай!

— Кампай! Пора ходить Ёсивара, нех? — Тайрер подавил довольный зев, устав от вопросов, но чувствуя себя превосходно.

— Я нет забывать, Тайра-сан. — Хирага скрыл усмешку. Он уже устроил так, что Фудзико будет занята сегодня вечером. — Кончить саке, пос'редний вопрос, потом идти. Паза'рста, вы говорить раньса про масына, который де'рать масына? Как возмозный?

Тайрер с энтузиазмом взялся объяснять, говоря, что британцы шли впереди всех в том, что он называл «промышленной революцией»:

— Паровой двигатель, железные дороги, стальные и железные корабли, прядильные машины, сеялки, массовое производство, жатки — все это наши изобретения, шестидесятифунтовые пушки, подводные лодки, анестетики, новые лекарства, навигация — четыре года назад мы проложили первый телеграфный провод через Атлантику, тысяча лиг или даже больше, — с величественным видом перечислял он, решив не упоминать, что не прошло и месяца, как кабель перегорел и вместо него пришлось прокладывать новый. — Мы изобрели генераторы электричества, газовое освещение...

Скоро у Хираги закружилась голова от напряженной сосредоточенности и от отчаянного желания понимать все, когда он не понимал почти ничего, а также и от того, что он никак не мог взять в толк, зачем такому большому чиновнику, как Тайра, отвечать на любой вопрос, который задает ему враг, ибо, разумеется, они были врагами.

«Я должен учить английский быстрее, должен. И я выучу». Он услышал легкий стук в дверь, и сёдзи отодвинулась.

— Пожалуйста, извините меня, Отами-сан, — сказала прислужница, — но сёя умоляет вас уделить ему мгновение вашего времени.

Хирага коротко кивнул, сказал Тайреру, что сейчас вернется, и последовал за девушкой сначала в пустынный переулок, а затем на многолюдную улицу. Несколько прохожих, которые как будто заметили их,

вежливо поклонились ему так, как кланяются купцу, а не самураю, следуя распоряжению сёи. Хорошо.

Сёя ждал его во внутренней комнате, сидя на коленях перед столом, его рука удобно отдыхала на специальной подставке. Рядом с ним клубком свернулась кошка. Он поклонился.

— Прошу простить, что потревожил вас, Отами-сан, но на случай если этот гайдзин понимает наш язык лучше, чем хочет показать, я подумал, что нам будет спокойнее говорить здесь.

Хирага нахмурился, сел на корточки и поклонился в ответ, весь внимание.

— Да, Рёси-сан?

— Есть несколько вещей, которые вам следует знать, Отами-сама. — Человек с жестким выражением лица налил зеленый чай в маленькие чашечки из миниатюрного железного чайника. Чай был превосходным, таким же редким, как и чашечки из тонкого, как яичная скорлупа, фарфора, ароматный и с тонким вкусом. Дурные предчувствия Хираги усилились. Сёя сделал ещё один глоток, потом достал из рукава свиток и развернул его. Это была ещё одна копия плаката с оттиском его портрета: «Бакуфу обещают награду в два коку за этого мятежника-убийцу, известного под многими именами, одно из которых Хирага...»

Хирага взял его в руки, притворяясь, что видит в первый раз. Потом безразлично хмыкнул и вернул назад.

Старик поднес уголок свитка к пламени свечи. Оба смотрели, как бумага сворачивается и обращается в пепел, оба понимали, что с коротко подстриженными волосами и быстро густеющей наверху щеткой Хирагу практически невозможно опознать.

— Бакуфу превращаются в демонов, когда преследуют наших храбрых сиси.

Хирага кивнул, но не сказал ничего, выжидая.

Сёя рассеянно погладил кошку, и она тихо замурлыкала.

— Говорят, князь Ёси направляет посланника к главному гайдзину, чтобы купить ружья. Нет сомнения, что повелитель такого высокого ранга предложит более высокие цены, чем... чем посланники Тёсю. — Он деликатно добавил: — Гайдзины будут продавать тому, кто даст больше.

Хирага слышал о том, что самураи из Тёсю побывали в «Благородном Доме», от Райко — почти все в Ёсиваре знали об этих переговорах, — и он был уверен, что знает их настоящие имена, они наверняка оказались бы из тех, кого он знал лично или был знаком с их семьями. Всего лишь год или около того назад его сводный брат, ходивший в ту же самую

английскую школу в Симоносеки, был среди тех, кого послали приобрести первую сотню ружей. Любопытно, подумал Хирага, что они обратились в ту же самую компанию и принадлежит она этому тайпэну, который скоро будет мертв, и он, и его женщина, и вся эта помойная яма зла. — Гайдзины не знают, что такое честь.

— Отвратительно. — Ещё глоток чая. — В замке Эдо поднялась большая суета. Говорят, сёгун и принцесса императорского дома намерены отправиться в Киото через неделю или две.

— Зачем им это? — спросил Хирага с напускным безразличием, которое не обмануло никого из них.

Старик коротко хохотнул.

— Я не знаю, Отами-сан, но это очень необычно, чтобы сёгун решил теперь вот покинуть своё логово и проехать много опасных миль с целью посетить логово многих своих врагов, когда, с самого начала, он неизменно посылал туда одного из своих прихвостней. — Кошка лениво потянулась, и он пощекотал ей живот, добавив задумчиво: — Родзю увеличивают налоги во всех землях, которыми правят Торанаги, для оплаты любого количества пушек и ружей, которое удастся закупить, — указ не распространяется на Сацуму, Тосу и Тёсю.

Хирага почувствовал в словах сёи подспудный гнев, хотя внешне он никак не проявился, как не проявилось и его собственное удивление: «Для чего же ещё существуют крестьяне и купцы, как не для того, чтобы платить налоги?»

— Если только Сын Неба не сможет воспользоваться своей властью, данной ему свыше, бакуфу снова ввергнут Ниппон в бесконечную гражданскую войну.

— Я согласен.

Интересно, насколько ты действительно согласен, старик, думал Хирага. Он отложил в сторону эту вопрос и задумался о том, как столкнуть бакуфу и Торанагу Ёси с их пути. Акимото должен немедленно отправиться в Эдо в дом Глицинии, мы уже несколько дней не получали известий от Койко и её мамы-сан — возможно, нам следует пойти туда вме...

— Последнее, похоже, что ваш друг-сиси, Ори-сан, не ушел в Киото, как было условлено.

Глаза Хираги стали стеклянными, как у змеи. Сёя подавил в себе нервную дрожь. Тут же почувствовав это, кошка одним мягким движением перевернулась и подняла голову, настороженно глядя на него. Хирага нарушил молчание.

— Где он?

— В той части Поселения, где живут, пьют и совокупляются низкородные гайдзины.

Незадолго до полуночи Андре Понсен постучал в дверь дома Трех Карпов. Привратник тут же впустил его. Райко тепло приняла его, и скоро они уже пили sake и обсуждали последние новости Ёсивары и Поселения — она была для него таким же богатым источником информации, как и он для неё — на своей привычной смеси японского и английского.

— ...и патруль блюстителей закона из Сыскного ведомства обыскивал каждый дом, Фурансу-сан! Словно мы стали бы прятать у себя преступников! Это против правил Ёсивары. Мы знаем, что нужно делать, чтобы наши чашки с рисом не опустели: поддерживать покой и избегать неприятностей. Блюстители все ещё стоят у главных ворот, пожирая взглядом каждого, кто проходит мимо. — Райко замахала веером, вспомнив, как едва не попала, и жалея о том, что когда-то пригласила сиси воспользоваться услугами её дома. Пора уже им всем отправиться куда-нибудь в другое место, подумала она, и блюстителям, и сиси, как бы мне ни нравился Хирага. — Как бы я хотела, чтобы они ушли.

— Каких преступников ищут? — спросил Андре.

— Предателей, ронинов обычно. Только любой, кто против них, уже предатель. Ронины, они их обычные жертвы.

— Лекарство. О нем договорились?

— Конечно, моя цель в жизни — делать все, что в моих силах, дабы помочь почитаемому клиенту.

Он достал пару жемчужных серег и положил их на стол. Её глаза заблестели. Она не сделала никакой попытки взять их, но он был уверен, что она тут же мысленно взвесила их, определила их качество, стоимость и цену, за которую их можно перепродать.

— Я попросил дать эти как подарок, — учтиво сказал он, и она мило улыбнулась, притворяясь, что чувства переполняют её, хотя уже сообразила, что оплата будет произведена драгоценностями, которые нельзя предлагать к продаже в Йокогаме. Её пальцы дрожали, когда она потянулась за серьгами. Он опередил её, взял их со стола и сделал вид, что внимательно рассматривает.

План, предложенный им Анжелике, сработал замечательно. Слуги «Благородного Дома» прочесали все улицы шаг за шагом и ничего не нашли. Её тревога и слезы были искренними, и она прошептала ему на ухо:

— О, Андре, правильно ли я поступила? Малкольм так сильно расстроился — я понятия не имела, что они такие дорогие.

— Но он же сам предложил вам расписываться за все, что вам понравится, не так ли? Не ваша вина, что вы не спросили о цене — запонки ведь ему понравились, верно?

— Да, но, Андре...

— Там ещё достаточно останется сверху на случай, если возникнет надобность в деньгах, такой кредит позволит справиться с любой непредвиденной случайностью, Анжелика.

Андре улыбнулся про себя и обратил все своё внимание на Райко.

— Стоит много раз цены лекарства.

— Цена, за которую их купили, безусловно. Но я должна буду послать их в Ёсивару в Эдо или в Нагасаки. Продать будет трудно, но, пожалуйста, не волнуйтесь, я помогу вам избавиться от нежелательного ребенка.

— Не моего, — резко произнес он.

— А, прошу прощения, пожалуйста, извините меня, — затараторила она, веря ему. Хорошо, я боялась, что это его ребенок, сказала она себе, испытывая громадное облегчение. Мне не нужны новые осложнения с этим человеком. — Это меня не касается.

— Просто помогаю подруге друга. В Пьяном Городе.

— Пожалуйста, извините меня, мне очень жаль. Он улыбнулся одними губами.

— Вы знаете жемчуг. Эта ценность пятьдесят раз стоит цены лекарства.

Её улыбка осталась такой же любезной, а голос ласковым, но внутри она заскрежетала зубами.

— Я отдам оценить их. Конечно, они стоят больше, чем лекарство.

— Конечно.

Он раскрыл ладонь, и она взяла их. Жемчужины были почти черными, жемчужины Морского острова. Она прикоснулась ими к зубам, чтобы определить, холодные ли они, как должны быть, потом осторожно надкусила, но её зубы не оставили на жемчуге ни вмятины, ни царапины. Убедившись теперь, что они настоящие и стоят дорого, она спросила с нежностью:

— Цена, старый друг?

— Цена такая: все лекарство, даже если первый раз не поможет. Что нужно, если питье не поможет, понимаете? Что нужно... все, что нужно, чтобы остановить развитие ребенка. Да?

— Да, — радостно согласилась она, зная, что это будет замечательная сделка. — Гарантированное... устранение, прерывание.

— Плюс двадцать золотых обанов, — добавил он и с восторгом

увидел, как её лицо исказила гримаса подлинного ужаса, хотя эта сумма не составляла и трети того, что она выжмет за серьги при продаже — оправа стоила недорого, но он настоял, чтобы ювелир-китаец использовал лишь самые лучшие жемчужины. Райко издала протяжный стон, потом выругалась, и они принялись торговаться без конца, наслаждаясь этим поединком, зная, что истинная стоимость лекарства и советов врача почти ничего не значила для мамы-сан. Вскоре они уже приблизились к заключению сделки, и тут, как-то вдруг, настроение её изменилось, она странно посмотрела на него, жалея и печальась за этого человека, который ей нравился, и подумала: следует ли мне вмешиваться в чужую карму?

— Что? — с подозрением спросил он.

— Дайте мне подумать немного, Фурансу-сан.

Позже, совершенно другим голосом, теплым и мягким, как в те старые дни, когда он был её первым клиентом и щедро напоил и накормил весь дом, чтобы отпраздновать его открытие, она сказала:

— С тех пор как мы встретились, много воды протекло под многими мостами, много было радости и смеха в нашем Плывущем Море и, как всегда бывает в этой жизни, также печали и целое озеро слез, не по моей вине. Я вдруг вспомнила, что последний раз мы так торговались из-за контракта Ханы.

Его лицо превратилось в маску.

— Не говорить про Хану.

— Ах, прошу прощения, но я бы как раз хотела, пожалуйста, потому что, возможно, у меня есть решение для неё.

— Решения нет, — зло отрезал он. — Вылечиться нельзя, Хана мертва, Хана не имеет отношения к жемчужинам!

— Это так. Пожалуйста, успокойтесь и слушайте. Возможно, — мягко заговорила она, — возможно, мне удалось бы найти другую Хану, похожую на неё, но такую, у которой уже есть китайская болезнь.

— Нет возможно, — выпалил он, шокированный. — Болезнь очень плохая, очень скверная, уродливая.

— Да, перед концом, — терпеливо продолжала она. — Много раз бывало так, что ничего не проявлялось долгие годы. Вы ещё не уродливы, по вам ничего не заметно, Фурансу-сан, могут пройти годы, пока это произойдет. Это зависит от вашей кармы. Стоит мне поискать такую?

Он открыл было рот, но ничего не сказал и лишь покачал головой.

— Послушайте, если бы я смогла найти новую Хану, тогда, если...

— Нет возможно!

— ...если она понравится вам, а вы понравитесь ей, вы могли бы быть

вместе до тех пор, пока... пока сами не решите... — Райко пожала плечами. — Не думайте о будущем, сегодня есть сегодня, и это главное правило нашего Плывущего Мира. Вы бы держали девушку здесь, я выстроила бы для вас новый дом, прежний мы, естественно, разрушили, вы обращались бы с ней как с Ханой, во всем, та же цена контракта, те же деньги каждый месяц на одежду и жилье, и она будет только вашей.

Её взгляд уперся в него, проникая вглубь, и он понял, что она сейчас заглядывает к нему в самую душу, видит, как он извивается в лихорадочной, внезапно проснувшейся надежде и всем сердцем жаждет принять то, что избавит его от пытки, — новость о его карме распространилась со скоростью света, теперь каждый дом закрывал перед ним свои двери, вежливо, о, очень вежливо, но все же закрывал, только Пьяный Город оставался открытым, — избавит от пытки, но при этом навсегда станет дамокловым мечом над его головой. И что ещё хуже, вождение в нем не пропадало, но наоборот усиливалось, желание иметь женщину превратилось в какую-то одержимость, которая однажды, две ночи назад, уже толкнула его на грань безумия с Анжеликой, не то чтобы после того случая он перестал желать её, нет, он воцелил её ещё сильнее, чем прежде, и знал, что если облегчение не придет, он предпримет ещё одну попытку и на этот раз добьется своего. Матерь благословенная, помоги мне, я не хочу заражать и её тоже.

— Есть и ещё одна возможность, — говорила между тем Райко, не сводя с него испытующего взгляда. — Мы можем обсудить её позднее. Сейчас Хана.

— Не-надо-о-Хане!

— Я должна это сделать, Фурансу-сан. Сейчас. Вы хотели узнать, как она умерла, не? — Райко увидела, как зрачки его глаз расширились, а дыхание почти остановилось. — После того как вы выбежали в ночь, а она, плача, поведала мне о причине, я была так же потрясена, как вы, и приказала ей убираться из дома и прокляла её, хотя она была мне все равно что родная дочь. Конечно, вы были правы, и вы должны были бы убить её, а не просто ударить, перед тем как уйти, вы правы, и, конечно, её мама-сан должна была рассказать мне все, и она сама должна была рассказать мне сразу же, ка...

— Говорите, говорите медленно... больше медленно.

— Пожалуйста, извините меня, но очень трудно медленно, она должна была рассказать мне сразу же, как только узнала об этом. Я была вне себя и оставила её, чтобы попробовать догнать вас, но вы уже скрылись из виду. Потом одна из прислужниц... это была Мейко. Мейко ворвалась ко мне и

сказала, что Хана попыталась совершить харакири...

— У неё не осталось никакого желания жить, Фурансу-сан, — печально проговорила Райко. — Я видела слишком многих, чтобы ошибаться на этот счет. Если бы она выжила после этой попытки, она повторяла бы её снова и снова, до бесконечности. В этом мире, и уж точно в нашем, иногда действительно наступает время, когда лучше и разумнее уйти. Мы же обрываем страдания животных — будет правильно принести такое же облегчение и человеку. Поэтому мы помогли ей. Мы успокоили её и вытерли кровь, потом усадили, и у неё было время произнести Наму Амида Буцу, потом я поднесла нож к её горлу, и Хана с миром в сердце упала на него. Вот как она умерла.

— Вы... вы убивать... часть... часть убивать её?

— Это был мой долг как её мамы-сан, — просто сказала Райко. Опять она нерешительно помолчала, вздохнув. Не нужно больше проливать слезы. Я давно их уже выплакала. Ни одной не осталось. Сколько раз, когда я была в её возрасте и когда жизнь и то, как мне приходилось зарабатывать свой рис, становились мне ненавистны, задумывалась я над таким же избавлением, однажды даже перерезала себе запястья, только мама-сан вовремя пришла на помощь и спасла меня, а потом, когда я поправилась, нещадно меня избила. Но она была права, моя мама-сан, как и я была права, потому что она знала, что у меня это было не серьезно, не как у Ханы, и я теперь даже не помню лица того мальчика, к которому она не пустила меня, помню только, что он был поэтом. — Перед смертью Хана попросила меня ещё раз извиниться перед вами за неё. Молить, чтобы вы простили её.

— Вы... вы... прощаете, прощаете?

Какой странный вопрос, изумленно подумала она.

— Та Хана была как прошлогодний цвет вишни, развеянный ветром, нет нужды прощать или не прощать. Всего лишь лепесток Ивового Мира. Она существовала и не существовала. Вы понимаете?

Он кивнул в смятении, не понимая всех слов, но понимая, что она сделала и почему. Он ненавидел её и благословлял её, испытывал облегчение, грусть, желание расстаться с жизнью, был полон надежды.

— Три человека, три, кто до меня. Кто?

— Я не знаю, простите. Знаю только, что они были японцы. Честно, — сказала она ему, глядя на него чистыми глазами. Эти имена были похоронены на дне её самого потаенного сердца, ожидая, когда придет необходимость воспользоваться ими для или против бакуфу. — Относительно этих. — Она раскрыла ладонь. Жемчужины притягательно

поблескивали в свете масляной лампы. — Давайте договоримся, что я отдаю вам третью часть того, что выручу от продажи, а также все лекарства и все, что ещё может понадобиться. Треть будет... — Она замолчала, потому что подруга из Пьяного Города вдруг встала на своё место.

«Лекарство предназначено для той женщины, которая должна выйти замуж за тайпэна, — волнуясь, сказала она себе. — Разве не про неё говорили, что она потеряла вчера какие-то драгоценности, только я не придала этому никакого значения. Это должна быть она, жемчужины подтверждают это... и если это она, и-и-и-и, аборт должен совершаться втайне от него и без его согласия, иначе посредником, без сомнения, был бы Дзами-сан, а не Фурансу-сан».

— Треть будет справедливо, — закончила она и собралась добавить высокомерно: «для молодой чужеземной женщины, которая выходит замуж за тайпэна», но, увидев, что Фурансу-сан угрюмо смотрит в свою чашку, решила подождать и не открывать ему без надобности, что докопалась-таки до ответа, для кого он старается.

«И-и-и-и, какой прибыльной обернулась сегодняшняя ночь, — радостно подумала она. — Правда о том, что такая важная госпожа тайно избавилась от ребенка, которую можно похоронить в себе или рассказать, могла бы иметь громадную ценность для самой госпожи, до или после того, как она выйдет замуж, или для этого тайпэна, богатого, как князь Адати, правитель Мито, до или после того, как он женится, или даже для одного из его многочисленных врагов.

Дальше: с помощью Хираги я добилась того, что этот Тайра накрепко прилип к Нефритовым Вратам Фудзико — не пойму, что в этой девушке так привлекает к ней Круглоглазых? И последнее, но не менее важное, представилось решение для Фурансу-сана, моего драгоценного шпиона-гайдзина».

Райко хотелось закричать от радости, но, с обычной своей осторожностью, она сохранила на лице самое скромное, искреннее выражение.

— Треть? Фурансу-сан?

Он поднял на неё холодные глаза, кивнул в знак согласия.

— Вы сказали госпоже, что есть риск?

— Какой риск? Райко говорит, лекарство хорошее большинство раз.

— Так и есть, в большинстве раз. Но если питье не поможет, мы... давайте не станем сейчас переживать из-за этого. Будем надеяться, что Будда улыбнется ей и её карма — легко избавиться от бремени, чтобы потом наслаждаться хорошими сторонами жизни. — Она не мигая

посмотрела на него. — И ваша тоже. Neh?

Он молча посмотрел на неё вместо ответа.

Четверг, 6 ноября

Дражайшая Колетта, промчались недели, и завтра мой особый день, — писала Анжелика, светясь от ожидания, — я чувствую себя так хорошо, что едва могу поверить в это. Я сплю чудесно, щеки мои порозовели, все осыпают меня комплиментами, и фигура у меня стройна как никогда... Никаких признаков, ничего, подумала она. Ничего. Грудь немножко побаливают, но это просто воображение, а завтра все кончится.

Она сидела за бюро в своих апартаментах, выходящих окнами на залив, высунув кончик языка между губами, слишком осторожная, чтобы написать что-то, что хоть как-то могло бы её скомпрометировать. Какое счастливое предзнаменование, что моя новая жизнь начинается в его день.

Завтра день святого Теодора, он мой новый святой, мой ангел-хранитель. Видишь ли, Колетта, по браку я становлюсь британкой (не англичанкой, потому что Малкольм шотландец и только отчасти англичанин), а святой Теодор один из их столь многочисленных святых. Он тоже стал британцем (он был грек) двенадцать столетий назад и поднялся до сана епископа Кентерберийского...

Её ручка со стальным пером замерла на этом слове, ибо это имя вызвало призраков из тумана прошлого, но она отгородилась от них, и они снова опустились в свои темные глубины.

...это означает, что он стал как бы Папой Британских островов. Он реформировал Церковь, изгнал злодеев, положил конец языческим церемониям, был таким святым и добрым, особенно к женщинам, дожил до восьмидесяти восьми лет — поразительно! — и вообще был чудесным человеком истинной церкви. Я отмечаю этот день тем, что устрою себе особый пост, а потом через три дня званый ужин!

Отец Лео рассказал мне о нем. Брр! Он мне по-настоящему не нравится, от него так пахнет (в исповедальне мне приходится пользоваться платком с ароматическим шариком — ты бы упала в обморок, дорогая Колетта). В прошлое воскресенье у меня были

ваперы, и это воскресенье я тоже наверняка пропущу. Ты помнишь, как мы проделывали это, когда были в школе, хотя я так никогда и не узнаю, как нам удавалось избежать выговора.

Мысли о Колетте, школе, Париже отвлекли её на мгновение, и она посмотрела в окно на океан, штормовой и тускло-серый, резкий ветер поднимал волны с пенным гребнем, которые, шурша галькой, с громким шипением набегали на пляж в ста шагах от неё, по другую сторону променада. Торговые суда стояли на якоре, шлюпки разгружались и загружались, единственный боевой корабль, фрегат «Жемчужина», великолепный со своей новой мачтой и заново покрашенный, шел на парах к месту своей стоянки, только что возвратившись из Эдо.

Но Анжелика по-настоящему не видела ничего этого, взор её заволокла розовая пелена будущего, которое обещал ей её разум. Здесь, в её покоях, было тепло и тихо, никаких сквозняков, оконные рамы плотно подогнаны, в камине пылает огонь, Малкольм Струан уютно дремлет в высоком кресле красного бархата, бумаги, письма, накладные лежат у него на коленях и рассыпались возле ног. Смежная дверь открыта. Её дверь в коридор не заперта. Это был их новый обычай. Они оба согласились, что так безопаснее, в будущем им ещё хватит времени, чтобы побыть вдвоем.

Иногда он заходил к ней утром и вел свои дела из её будуара до полудня, когда засыпал ненадолго перед обедом; иногда он оставался у себя, а в некоторые из дней неловко спускался по лестнице в кабинет на первом этаже. Он неизменно говорил, что всегда рад её видеть там, но она понимала, что это была простая вежливость. Внизу было царство мужчин. Она была в восторге от того, что он работает — Макфей сказал ей, что с тех пор как «тайпэн взял бразды правления в свои руки, все трудятся с большим усердием, у нас зреют большие планы и наша компания гудит как пчелиный рой...»

Такое же настроение было и у неё. Никакого страха перед завтрашним днём. Наоборот, она с нетерпением ждала встречи с Андре сегодня вечером во французской миссии. Вместе они придумали предлог, и завтра она снова переедет туда на три дня, пока её комнаты у Струана перекрашивают и шьют новые занавеси на окна и новый полог для кровати из шелков, которые она выбрала на складе компании.

— Но ангел мой, — заметил Струан, — мы пробудем здесь ещё лишь несколько недель, этот расход, право, вовсе не...

Её смех и поцелуй заставили его изменить своё мнение. Да, я начинаю любить его и обожаю эту игру в то, чтобы все получалось по-моему.

Она улыбнулась и вернулась к письму:

Колетта, дорогая, во мне столько энергии, сколько никогда ещё не было. Езжу верхом каждый день, правда, не за город, из-за чего Поселение кажется мне тесноватым, но много кругов галопом на ипподроме с Филипом Тайером, Сеттри (Паллидаром), он, кстати, лучший наездник, какого я вообще когда-либо видела, иногда с французскими и английскими офицерами-кавалеристами, не забываю и бедного Марлоу, который все больше и больше кажется мне милейшим человеком и чудесным кавалером, но вот всадник он, боюсь, никудышный. Три дня назад они все трое отбыли в Эдо, где сэр Уильям и министры должны иметь ВСТРЕЧУ с туземным кабинетом и их королем, который называется СЁГУН.

Малкольм поправляется, правда, так медленно, ему все ещё трудно ходить, но он такой удивительный — кроме тех дней, когда приходит почта (дважды в месяц), в эти дни он бывает страшно зол на все и на всех, даже на меня. И все это только потому, что с каждой почтой он получает письма от своей матери (я начинаю ненавидеть её), которая очень сердится, что он остается здесь, а не возвращается в Гонконг. А три дня назад все было ещё хуже, чем всегда. Прибыл один из клиперов «Благородного Дома», на этот раз ещё с одним письмом и устным приказом вернуться, который передал капитан: «Я был бы благодарен вам, сэр, если бы вы поднялись на борт сразу же, как только мы перевезем весь наш особый груз на берег, — мы имеем распоряжение сопроводить вас и доктора Хоуга в Гонконг без промедлений...»

Я никогда в жизни не слышала таких выражений, Колетта! Я подумала, что с бедным Малкольмом сейчас сделается удар. Капитан сник и быстро ретировался. Я опять стала умолять Малкольма седлать, как она хочет, но... он просто глухо прорычал: «Мы поедem, когда я решу поехать, клянусь Богом. Больше не заговаривай со мной об этом!» В Июкогаме ОЧЕНЬ скучно, и я действительно с радостью бы вернулась в Гонконг, к цивилизации.

Чтобы убить время, я прочитала все, что только смогла найти (я с удивлением обнаружила, что газеты, помимо моды и парижской жизни, оказывается, содержат ещё массу всего

интересного, и, читая их, я поняла, какая я легкомысленная).

Но я должна быть готова ко всем званым вечерам, которые мне придется давать в доме своего мужа, занимать его важных гостей, а также их жен. Поэтому я намереваюсь разузнать все о торговле, опиуме, чае, хлопке, шелкопрядах... Но в этом деле нужно быть **ОЧЕНЬ** осторожной. Когда я в первый раз попробовала заговорить об одной статье, касавшейся ужасного состояния шелковой индустрии во Франции (что и объясняет, почему японские шелкопряды так ценятся), Малкольм сказал: «Эти заботы не для твоей хорошенькой головки, ангел мой...» Я не могла вставить **НИ ОДНОГО** слова, даже обиняком, более того, он пришел в настоящее раздражение, когда я сказала, что «Благородный Дом» мог бы открыть шелковую фабрику во Франции...

О, дражайшая Колетта, как бы я хотела, чтобы ты была здесь и я могла бы излить тебе своё сердце. Я скучаю по тебе, скучаю по тебе, скучаю по тебе.

Стальное перо, вделанное в костяную ручку, начало ставить кляксы. Она аккуратно высушила его и вытерла кончик, изумляясь тому, как это легко: перо снова стало как новое. Всего несколько лет назад все пользовались гусиными перьями, и ей бы пришлось отыскивать специальный ножик, чтобы очинить новое перо, расщепить кончик, и его хватило бы не больше чем на страницу-две, тогда как этих митчелловских ручек, производившихся промышленным способом на фабрике в Бирмингеме, хватало на много дней, и они выпускались разных размеров, чтобы вы могли подобрать такую, которая больше подходит вашему почерку.

Позади неё Струан пошевелился, но не проснулся. Во сне лицо у него совсем здоровое, подумала она. Чистое и сильное...

Дверь открылась, и в комнату вплыла А Со.

— Мисси, ваша обед хочет здесь или внизу, хейя?

Струан тут же проснулся.

— Твоя хозяйка будет есть здесь, — коротко распорядился он на кантонском. — Я буду обедать внизу, в нашей большой столовой, и скажи повару, ему лучше позаботиться о том, чтобы стол был исключительным.

— Слушаюсь, тайпэн. — А Со заторопилась прочь.

— Что ты сказал ей, Малкольм?

— Только то, что ты обедаешь здесь, я буду внизу. Я пригласил

Дмитрия, Джейми и Норберта. — Он залюбовался её силуэтом на фоне окна. — Ты выглядишь потрясающе.

— Спасибо. Могу я присоединиться к вам? Мне бы очень хотелось.

— Извини, нам нужно поговорить о делах.

С большим усилием он поднялся, и она подала ему две его трости. Перед тем как взять их, он обнял её, и она позволила своему телу вздохнуть, прижавшись к нему, пряча свою злость, что её опять оставляют взаперти — идти некуда, делать нечего, кроме как снова взяться за перо или почитать ещё что-нибудь и ждать. Скука, скука, скука.

Лун Два разрезал первый из больших и толстых яблочных пирогов на четыре части, выложил на тонкие оловянные тарелки, щедро полил сверху густыми взбитыми сливками и подал на стол четверем торговцам.

— Боже милостивый, где, дьявол меня заberi, вы их раздобыли? — спросил Норберт Грейфорт, а Дмитрий, перекрывая его, произнес с тем же благоговением: «Чтоб я сдох».

— Сливки? — Макфей рыгнул. — Пардон. Поздравления от тайпэна.

Дмитрий поднял на ложку основательный кусок.

— Последний раз я ел сливки в Гонконге, полгода назад, чёрт побери, это здорово. Новая монополия «Благородного Дома»?

Малкольм улыбнулся.

— Наш последний клипер несколько дней назад тайком привез сюда трех коров. Ночью мы перевезли их на берег и с помощью армейского квартирмейстера спрятали их среди лошадей — не хотелось, чтобы их увели или чтобы джапо задавали вопросы на таможне. Теперь они день и ночь под охраной. — Он не смог скрыть своего удовольствия тем эффектом, который произвели свежие сливки после изрядных порций говядины, печеного картофеля со свежими овощами, пирога с местным фазаном, французского и английского сыров с пивом, «Шато О'Бирон» разлива сорок шестого года, прекрасным «Шабли» и портвейном. — Мы собираемся развести целое стадо, если они привыкнут к здешнему климату, и построить молочную ферму как дочернее предприятие нашей молочной фермы в Гонконге — изначально это была идея Джейми, ну и, разумеется, продукт сможет купить каждый.

— По обычным «благородным» ценам? — саркастически осведомился Норберт, явно раздраженный тем, что ему не донесли заранее об этом новом начинании Струана.

— Цены включают прибыль, но вполне разумную, — ответил Струан. Он распорядился, чтобы коров срочно доставили с Гонконга, едва только

прибыл сюда.

— Сливки были хороши, юный Малкольм. А теперь — как ваш секретный джапо и его рудная концессия, которую вы никогда не получите?

Струан и Макфей уставились на него, разинув рот.

Две недели назад Варгаш взволнованно прошептал, что к нему подошел один из их поставщиков шелка, выступавший посредником князя Оты, который хотел тайно встретиться с тайпэном, «чтобы обсудить предоставление компании Струана исключительной концессии на добычу золота в его владениях, которые включали в себя большую часть Кванто, района, охватывавшего почти все равнины и горы вокруг Эдо, — концессии в обмен на товар: оружие».

— Лучше быть не может, — сказал Струан. — Если это честное предложение, оно может стать для нас решающим прорывом! А, Джейми!

— Если честное, то да, абсолютно!

— Вот, посмотрите, здесь их полномочия. — Варгаш показал им лист рисовой бумаги высокого качества, исписанный иероглифами, похожими на китайские, с двумя затейливыми печатями. — Вот это печать князя Оты, а эта печать принадлежит одному из родзю, князю Ёси. Есть два условия: встреча должна состояться в Канагаве и все должно держаться в полном секрете от бакуфу.

— Почему? И почему Канагава? Почему не здесь?

— Они просто сказали, что встречу придется провести именно в Канагаве, хотя и пообещали прийти ночью в миссию, где и могла бы состояться беседа.

— Это может обернуться ловушкой, тайпэн, — заметил Джейми. — Не забывай, что именно там убили Луна, а эти убийцы...

Радостное возбуждение Малкольма съезжилось от всколыхнувшихся воспоминаний. Но он заставил себя не думать об этом.

— Там есть солдаты, они защитят нас.

— Они гарантировали, — вставил Варгаш, — что их чиновники придут без оружия, особо подчеркнув лишь необходимость хранить все в тайне, сеньор.

— Это слишком рискованно для вас, тайпэн, — продолжал настаивать Джейми. — На встречу пойду я с Варгашем, который будет переводчиком.

— Прошу прощения, сеньор Макфей, но они хотят говорить лично с тайпэном. Похоже, что переводчик не понадобится — с ними будет человек, который говорит по-английски.

— Это слишком опасно, тайпэн.

— Да, но возможность слишком хороша, чтобы упускать её, Джейми,

ничего подобного никогда и никому из нас не предлагалось. Если мы сумеем заключить такую сделку, нам на руку, что она будет тайной, мы сделаем громадный шаг вперед. Каковы условия, Варгаш?

— Они не сказали, тайпэн.

— Ладно, прими их приглашение, и чем скорее мы встретимся, тем лучше. Одно условие: со мной также будет мистер Макфей. Джейми, мы отправимся на лодке, распорядись о паланкине для меня в Канагаве.

Беседа была короткой и на удивление прямолинейной. Два самурая. Один, назвавшийся Ватанабэ, говорил на смеси английского и американского сленга с американским акцентом.

— Князю Оте нужны два разведчика-старателя. Чтоб дело знали. Они могут ходить где угодно по его земле — с провожатыми. Без оружия чтобы. Он гарантирует безопасный переезд, дает им хороший сухой дом, где жить, еду, столько sake, сколько они смогут выпить, и женщин — хоть отбавляй. Контракт на год. Вам отходит половина золота, которое они найдут, вы бесплатно поставляете все снаряжение, и инструмент, и надсмотрщиков, чтобы учить его людей, если они чего-то найдут. Продажа тоже на вас. Если все пойдет успешно, он заключает новый контракт на второй год, и третий, и больше, если «Благородный Дом» будет играть честно. Согласны?

— Люди должны вести разведку только золота?

— Конечно, золота. Князь Ота говорит, у него уже есть один маленький рудник, может, рядом ещё есть, а? Вы берете на себя продажу. Люди должны быть толковыми, обязательно чтоб побывали в Калифорнии или в Австралии, на тамошних россыпях. Согласны?

— Согласны. Потребуется время, чтобы найти людей.

— Сколько?

— Две недели, если такие найдутся здесь, в Поселении, шесть месяцев, если придется везти их из Австралии или Америки.

— Чем скорее, тем лучше. Дальше: сколько ружей есть у вас на продажу прямо сейчас?

— Пять.

— Князь Ота покупает их, и все ружья, о которых вы договорились с Тёсю, когда они прибудут. По той же цене.

— Они уже обещаны. Мы можем поставить другие.

— Князь Ота хочет эти ружья Тёсю, он хочет их. Он платит ту же цену. Все ружья Тёсю, понятно? И все другие, какие сможете достать. Вы продаете ему только в Ниппоне, только ему, понятно? То же самое с пушками и кораблями — всеми, какие сможете достать. Он платит золотом. Чем больше найдете, тем больше вашего.

Ни Малкольму Струану, ни Макфейю не удалось заставить этого человека хоть в чем-то пересмотреть свою позицию. В конце концов Струан согласился, и они договорились о новой встрече через месяц, к которой Струан подготовит простой контракт с указанием их гарантий, а также сведения о двух разведчиках. После того как самураи ушли, они поздравили друг друга:

— Джейми, ты найдешь их в Пьяном Городе. Ради всех святых, поторопись и будь осторожен, чтобы Норберт ничего не разнюхал.

— Можешь положиться на меня.

Через несколько дней Макфей нашел двух опытных старателей, американца и корнуольца, работавшего когда-то на оловянных рудниках у себя на родине. Оба они промышляли золото недалеко от Саттерс-Милл в Калифорнии и на россыпях Андерсонз Крика в Австралии. Завтра эти люди должны были представить им окончательный перечень необходимого оборудования и инструментов и обговорить детали своих контрактов, и вот теперь Струан и Макфей с ужасом слушали, как Норберт говорил:

— Я заключил эту сделку, юный Малкольм, она заключена, можешь забыть о ней и об этих бродягах-рудокопах тоже, они подписали контракт с «Броком и Сыновьями» на пять лет.

— Что ты сделал? — охнул Струан. Норберт рассмеялся.

— Ранняя пташка и червяка первым съест, старина. Я предложил сделку на более выгодных условиях и уже отправил их в Эдо к самураю Ватанабэ. И где этот ублюдок так наловчился говорить на американском английском? Он вам не рассказывал? Ну ладно. Пятьдесят на пятьдесят для всего золота, которое мы отыщем, — хорошая сделка. — Его смех стал ещё более презрительным. — Что до Уильяма, так я повидаяю его, как только он вернется, чего же не повидать. Дмитрий, буду рад видеть тебя рядом, я договорюсь обо всем. — Он посмотрел на Струана, и его верхняя губа поползла вверх. — Поскольку тебя здесь не будет, я возьму с собой Джейми. — Что?

Норберт рыгнул.

— Я ведь вроде слышал, что твоя матушка приказала тебе возвращаться в Гонконг со следующим же пароходом?

Джейми вспыхнул.

— Эй, послушай-ка, Норберт...

— Не вмешивайся, Джейми, — прорычал Струан. — Норберт, я бы посоветовал тебе выбирать слова более осмотрительно.

— Это так, разлюбезный мой юноша. Разве мне не правильно доложили, что она с нетерпением ждет тебя назад, приказала тебе

возвращаться не мешкая, что твоему капитану как раз и было велено тебя доставить?

— Это не твое, чёрт подери, дело! Советую тебе...

— Все, что происходит в Йокогаме, мое, чёрт подери, дело! — распаляясь, перебил его Норберт. — И мы не слушаем советов ни от кого из компании Струана, и меньше всего от молодого щенка, у которого ещё молоко не просохло!

Макфей вскочил на ноги, а Струан схватил свой бокал с бренди и выплеснул его содержимое в лицо Норберту.

— Господь Всемогуший...

— Возьми свои слова обратно, Норберт, — прокричал Струан; Дмитрий и Макфей оторопело взирали на них, пораженные внезапностью случившегося, — возьми их обратно, или я требую удовлетворения, клянусь Богом!

— Пистолеты на рассвете? — с издевкой спросил Норберт: все получилось даже лучше, чем он надеялся. Он резко дернул к себе скатерть, чтобы вытереть лицо, хрустальные бокалы полетели на пол. — Прошу прощения за беспорядок, но вы оба свидетели, что я не говорил ничего, кроме правды, клянусь Спасителем!

— Ты приносишь извинения — да или нет?

Норберт оперся обеими руками на стол, свирепо глядя сверху вниз на Малкольма Струана, который не мигая смотрел на него в ответ, бледный от гнева.

— Тебе действительно приказали вернуться, тебе действительно двадцать, поэтому в глазах закона ты младший член семьи, а это и означает, что молоко ещё не просохло. Все это правда, и вот тебе ещё одна: я мог бы продырявить тебе голову пулей или отрубить её, даже если одну руку мне привяжут за спину, ты и стоять-то прямо не можешь, так как ты собираешься драться, а? — проговорил он полным презрения и насмешки голосом. — Ты калека, юный Малкольм, и это святая правда! И ещё одна правда: твоя ма управляет компанией Струана, управляет ею много лет, и она загоняет её в гроб — спроси Джейми или любого, кто достаточно честен, чтобы сказать тебе правду! Ты можешь называть себя тайпэном, но ты не тайпэн, ты не Дирк Струан, ты не тайпэн и никогда не будешь им! Тайлер Брок — тайпэн, и, клянусь Богом, мы станем «Благородным Домом» ещё до Рождества. Дуэль? Ты сошел с ума, но если ты этого хочешь, я в любое время к твоим услугам. — Он вышел, хлопнув дверью.

— Я, я бы хотел, чтобы вы оба были моими секундантами, — произнес Малкольм, дрожа от ярости.

Дмитрий, шатаясь, поднялся на ноги.

— Малк, ты спятил. Дуэли запрещены законом, но ладно. Спасибо за обед. — Он ушел.

Струан тяжело дышал, сердце мучительно ныло. Он поднял глаза на Макфея, который смотрел на него так, словно видел впервые в жизни.

— Да, это сумасшествие, Джейми, но, с другой стороны, Норберт лучший в компании «Брок и Сыновья», он обскакал тебя и...

— Мне жаль, что...

— Мне тоже. Но есть ещё одна правда: я никому не говорил об этих старателях. Варгаш просто ничего о них не знал, значит, утечка прошла через тебя. Лучше тебя у нас в компании никого нет, но Норберт нас здесь похоронит. Пуля в лоб этому ублюдку — самый надежный способ договориться с ним или с любым из Броков, будь они все прокляты.

После паузы Макфей сказал:

— Мне жаль, что я подвел тебя, да, жаль, очень, но... но, извини, я не хочу участвовать ни в какой дуэли или в вашей вендетте. Это безумие.

Струан побледнел ещё больше.

— Давай поговорим о тебе. Либо ты сдержишь свою священную клятву помогать мне, клянусь Богом, либо тебе действительно конец. У тебя три дня.

В тот же день незадолго до заката Ёси спешил по полутемному каменному коридору в главной башне замка Эдо. Теперь он был в своём отличительном кимоно с двумя мечами, поверх был наброшен плащ с капюшоном для верховой езды. Через каждые двадцать шагов на стене горели масляные факелы, вставленные в железные кронштейны рядом с нишами и бойницами для лучников, которые также служили окнами. Пламя факелов трепетало на ветру, гулявшем по коридору. Воздух снаружи был прохладным. Коридор кончался винтовой лестницей. Она вела в его личные конюшни вниз. Ёси начал быстро спускаться по ступеням.

— Стой! Кто... а, прошу прощения, господин! — Часовой поклонился.

Ёси кивнул и двинулся дальше. По всему замку солдаты, конюхи, слуги готовились ко сну или к ночному дежурству, следуя всеобщему, одинаковому во всех странах обычаю ложиться спать с наступлением темноты. Только люди с достатком могли позволить себе свет по ночам, чтобы видеть, читать или играть.

— Стой! А, прошу прощения, господин! — Этот часовой поклонился, потом следующий, и следующий.

Во дворе перед конюшнями двадцать человек личной охраны ожидали

его, стоя у голов своих лошадей. Среди них был и Мисамото, рыбак, мнимый самурай и старейшина. Теперь он был одет бедно, как простой пеший солдат, напуганный и без оружия. Тут же стояли два закрытых паланкина, особенно легких и предназначенных для быстрых переездов. Каждый был укреплен на двух шестах, концы которых были приторочены к сбруе двух оседланных лошадей впереди и сзади. Копыта всех лошадей были обмотаны мягкими тряпками, и все это являлось частью плана, который он задумал вместе с Хосаки ещё несколько дней назад.

Крошечное окошечко одного из паланкинов скользнуло в сторону. Он увидел, как оттуда выглянуло лицо Койко. Она улыбнулась, кивком поприветствовала его. Окошечко закрылось. Его рука крепче сжала меч. Готовый ко всему, он отодвинул её дверцу достаточно широко, чтобы убедиться, что это была действительно она, и он не ошибся, что она находилась в паланкине одна. Когда он был совсем ещё мальчиком, отец вколотил в него первый закон выживания, слово за словом: «Если тебя застанут врасплох, предадут неожиданно для тебя или убьют неожиданно для тебя, значит, ты не выполнил своего долга передо мной и перед самим собой. Вина будет лежать только на тебе, потому что ты не сумел проверить все лично и заранее учесть любую случайность. Поражению нет оправдания, кроме кармы, а богов не существует!»

Он коротко и ободряюще улыбнулся ей. Задвинув её дверцу, он убедился, что второй паланкин свободен и он может воспользоваться им, если понадобится. Удовлетворенный, он дал знак садиться в седло. Это было сделано почти совершенно бесшумно, и он опять остался доволен — он приказал, чтобы оружие и сбруя не звякали при движении. Последняя молчаливая проверка — нет, никакой опасности он не чувствовал. Его новое ружье торчало в чехле у седла, патронная сумка была полной; остальные ружья висели за плечами четырех самых преданных стрелков его охраны. Одним движением он беззвучно вскочил в седло. Ещё один взмах рукой. Авангард и знаменосец с его личным знаменем тронулись первыми. Он — следом, за ним оба паланкина; остальные пристроились сзади, образовав арьергард.

Они продвигались вперед быстро и почти неслышно. По проходу они подъехали к следующему укреплению, в противоположной стороне от главных ворот и главных путей замка. Все часовые, попадавшиеся на пути, пропускали их, не останавливая. Вместо того чтобы свернуть в лабиринт самого замка, они направились к большому зданию на северной стороне, примыкавшему к одному из основных укреплений. Снаружи здание усиленно охранялось. Как только стражники узнали Ёси, высокие двери

распахнулись, пропуская их внутрь. Внутри был большой крытый манеж для занятий верховой ездой, с утрамбованным земляным полом, высоким сводчатым потолком и вторым ярусом для тех, кто приходил посмотреть. Несколько факелов, тут и там. Двери закрылись за всадниками.

Ёси легким галопом выехал вперед и быстро проехал под арку в дальнем конце манежа, мимо стойл и кладовых для сбруи. Все помещения были пусты. Пол здесь был выложен каменными плитами, в воздухе стоял тяжелый запах навоза, мочи и пота. Дальше опять шла утрамбованная земля, и следующая арка вывела их на внутренний манеж, размером поменьше. На другом его конце он увидел ещё один арочный проход, тускло освещенный. Ёси тронул пятками бока своей уверенно ступающей лошади, подгоняя её, потом вдруг натянул поводья.

Окружавший их со всех сторон второй ярус был заполнен стоявшими в молчании лучниками. Ни один из них не держал стрелу на луке, но все внизу знали, что они трупы, если будет отдан приказ.

— А, Ёси-сама, — донесся сверху грубый голос Нори Андзё, и Ёси в первый момент никак не мог разглядеть его в полутьме. Потом он увидел его. Андзё был без доспехов, он сидел в глубине яруса рядом с лестницей. — На встрече сегодня днём вы не говорили нам, что собираетесь покинуть замок с отрядом вооруженных людей, как... как кто? Как какие-нибудь ниндзя?

Гневный шорох прошел по рядам воинов Ёси, но сам он рассмеялся, и это разрядило напряженность, и наверху, и внизу.

— Не как ниндзя, Андзё-сама, хотя, несомненно, так тихо и незаметно, как только возможно. Полезно проверять, как несет охрану стража замка, никого не предупреждая об этом. Я ведь не только опекун сёгуна, но и хранитель замка тоже. А вы? Чему я обязан этим удовольствием?

— Так вы просто проверяете, как хорошо охраняется наш замок?

— Я убиваю трех голубей одной стрелой, да, — ответил Ёси. Веселость исчезла из его голоса, и каждый почувствовал, как холодок пробежал у него по спине, гадая, почему трех и что он хотел этим сказать. — А вы? Зачем столько лучников? Может быть, для засады?

Грубый хохот запрыгал меж стропил, ещё больше подталкивая всех к той черте, за которой нервы не выдерживали. Руки крепче сжали оружие, хотя никто не сделал открыто враждебного жеста.

— Засада? О нет, не засада — почетный караул. Как только я услышал о том, что вы запланировали выезд с обмотанными копытами у лошадей... эти люди собрались здесь лишь для того, чтобы почтить вас и показать, что не все мы спим, что замок в хороших руках и хранитель ему не нужен. —

Он рывкнул приказ. Лучники тотчас же спустились по лестницам и выстроились в две шеренги вдоль всей длины манежа так, что Ёси и его люди оказались между ними. Они официально поклонились. Ёси и его воины поклонились в ответ так же торжественно. Но это ничего не изменило, западня по-прежнему могла быть захлопнута в любой момент. — Вам понадобились ружья, чтобы проверить, как охраняется замок?

— Наш Совет предписал всем даймё вооружаться современным оружием, — ответил Ёси. Голос его звучал спокойно, но сам он был в ярости от того, что его замыслы кто-то выдал и что он не учел в них возможность засады. — Это первые из моих новых ружей. Я хочу, чтобы мои люди привыкли носить их с собой.

— Мудро, да, очень мудро. Я вижу, у вас тоже есть одно. Князю Ёси приходится самому брать с собой ружье? — с издевкой осведомился Андзё.

Вскипев от гнева, Ёси посмотрел на ружье в чехле, ненавидя все огнестрельное оружие и благословляя мудрость своего тезки, который запретил его производство и ввоз в страну в тот же день, как стал сёгуном. «Разве не это больше, чем что-либо, обеспечило нам мир на два с половиной столетия, — хмуро подумал он. — Ружья — это оружие подлецов и трусов, достойное одних только смердящих гайдзинов, оружие, которое способно убивать за тысячу шагов, так что ты можешь никогда и не узнать, кого ты убил или кто убил тебя, оружие, которым любой дурак, низкородный, маньяк, грязный вор, мужчина или женщина может воспользоваться совершенно безнаказанно против кого угодно, даже самого могущественного повелителя или безукоризненно обученного мастера меча. Да, и теперь даже я должен носить с собой ружье — гайдзины вынудили нас к этому».

Полные презрения и насмешки слова Андзё звенели у него в ушах. Он выдернул ружье из чехла, сдвинул предохранитель, как показал ему Мисамото, поднял его, нажал на курок и, мгновенно посылая патроны в патронник, с оглушительным грохотом выпустил пять пуль в стропила; ружье едва не вырвалось у него из рук, дергаясь при каждом выстреле с неожиданной силой. Все бросились врассыпную, даже его собственные люди, нескольких сбросили с седел испуганно попятившиеся лошади, Андзё и его охрана распластались на полу, ожидая новых выстрелов, на этот раз смертельных, каждый человек был ошарашен быстротой стрельбы.

В глубоком молчании все ждали, затаив дыхание. Потом, поскольку других выстрелов не последовало и они поняли, что Ёси лишь показывал возможности ружья, обе шеренги лучников торопливо, но с опаской снова выстроились вокруг его людей, которые тем временем наводили порядок в

своих рядах. Андзё и его телохранители поднялись на ноги.

— Что все это значило? — прокричал он.

Со всей безмятежностью, на какую он был способен, стараясь унять бешено колотящееся в груди сердце, Ёси продолжал поглаживать свою лошадь, успокаивая её. Он поставил ружье на предохранитель и положил его поперек седла, скрывая свой восторг произведенным эффектом, а также то, что он не меньше остальных был поражен силой нового оружия — ему доводилось стрелять по мишеням из мушкетов, заряжавшихся с дула, и старинных дуэльных пистолетов, но из нарезных ружей, заряжавшихся патронами с казенной части, — никогда.

— Я хотел показать вам ценность одного из них. В определенных обстоятельствах они лучше, чем меч, особенно для даймё. — Он с удовлетворением услышал, что его голос звучит спокойно. — Например, когда вы попали в засаду несколько недель назад, вам бы пригодилось такое, нех?

Мелко дрожа, Андзё старался совладать со своим гневом, совершенно убежденный теперь, что он в огромной опасности, что жизнь его висит на волоске, и в равной степени уверенный, что если он отдаст приказ арестовать Торанагу, пули изрешетят его — во имя всех богов, где и как эта собака научилась стрелять и почему мне не донесли, что он стал мастером этого дела?

И то, что ему напомнили о засаде сиси, было ещё одним публичным оскорблением, поскольку все знали, что он не выказал храбрости, а бросился бежать, ни разу не скрестив мечи с теми, кто напал на него, и потом, когда раненые сиси были захвачены в плен, он приказал убить их позорным способом.

— При определенных обстоятельствах, Ёси-сама, определенных, но я сомневаюсь, чтобы ваше ружье или любые другие имели какую-то ценность сегодня вечером. Я сомневаюсь в этом. Могу я спросить о ваших сегодняшних намерениях? Собираетесь ли вы осмотреть наши наружные линии обороны и вернуться? Или один из ваших «голубей» — это отъезд в другое место?

Оба знали, что Ёси не обязан отчитываться в своих передвижениях внутри или за пределами замка.

— Это зависит от того, что я увижу снаружи, — резко ответил он. — Возможно, я приму решение вернуться в свои владения на день или два, а возможно, и нет — разумеется, я немедленно извещу вас о своих планах.

— Совет почувствует ваше отсутствие даже на несколько дней. Дел так много — если вас не будет, нам придется самим принимать все

решения.

— Как мы выяснили сегодня днём, нам пока не предстоит принимать каких-то крупных решений; по счастью, ни один вопрос большой важности не может быть урегулирован без всех пяти старейшин.

— Существует проблема договоренности с гайдзинами.

— С ней мы тоже разобрались сегодня днём.

Заседание Совета после ухода гайдзинов в кои-то веки было радостным, все от души смеялись над тем, как враг потерял лицо, довольные, что гайдзинов опять удалось провести. Андзё, Тояма и Адати поздравили его с умелым ведением переговоров и с его верным пониманием гайдзинов. Зукумура говорил мало, лишь время от времени бормотал что-то скудоумное.

Андзё весело фыркнул:

— Согласие заплатить им вперед жалкие крохи, чтобы избавиться от них и от их кораблей здесь в Эдо, пока мы приводим Сацуму к покорности, было очень тонким ходом, Ёси-сама. Очень. В то же время мы на неопределенный срок отодвинули угрозу их визита в Киото; и они согласились, что вся вина целиком лежит на Сацуме.

— Значит, мы объявляем Сацуме войну? — спросил Тояма. — Хорошо!

— Нет, не войну, есть другие способы посадить эту собаку на цепь. — Андзё чувствовал себя очень уверенно, получив очередное донесение своих шпионов. — Вы были правы в отношении гайдзинов, Ёси-сама. Было безмерно интересно наблюдать, как их вражда друг к другу прячется так неглубоко под их отвратительной внешностью. — Он и Тояма следили за переговорами через бумажную стену позади возвышения, которую специально сделали прозрачной с одной стороны. — Отвратительно. Мы могли чувствовать их вонь даже оттуда. Омерзительно. Я приказал отмыть потом весь зал и уничтожить стулья, на которых они сидели.

— Отлично, — сказал Адати. — У меня мурашки по спине бегали все время, пока я сидел там. Ёси-сама, могу я задать вопрос об этой обезьяне Мисамото, он действительно передавал вам все, что говорили гайдзины, все абсолютно? До меня не доносилось ни слова.

— Не все, — ответил он им, — достаточно, чтобы дать мне кое-какие предварительные наметки, но только когда они говорили по-английски. Мисамото сказал, что большую часть времени они говорили на другом языке, он думает, что на французском. Это подтверждает ещё одно: нам необходимы переводчики, которым можно доверять. Я предлагаю немедленно открыть языковую школу для наших самых одаренных

сыновей.

— Школу? Какую школу? — промямлил Зукумура. Никто не обратил на него внимания.

— Я не согласен. — Обвислые щеки Тоямы затряслись. — Чем ближе наши сыновья будут к гайдзинам, тем больше заразы проникнет в них.

— Нет, — возразил Андзё, — мы будем лично отбирать учеников в неё, нам необходимы доверенные люди, говорящие на языках варваров. Мы голосуем: бакуфу получают приказ немедленно основать школу для изучения языков. Согласны? Хорошо, далее, письмо гайдзинам: мы продолжим применять тактику Ёси-самы, за день до назначенного срока мы известим их, что он прибудет «так скоро, как только возможно». Согласны?

— Простите, нет, — сказал он, — мы должны сделать как раз обратное. Мы должны отослать письмо вовремя, день в день, и произвести второй платеж, который у нас вымогают, также в срок.

Они недоуменно уставились на него, а Зукумура пробормотал:

— Письмо?

— Нам необходимо не давать гайдзинам обрести равновесие. Они будут ожидать, что мы снова начнем тянуть время, поэтому мы не станем этого делать, и тогда они поверят, что новая встреча через сто пятьдесят шесть дней тоже состоится, как назначено, чего, разумеется, не произойдет. Вот её — то мы непременно будем оттягивать и оттягивать и надеяться, что сведем их всех с ума. — Они рассмеялись вместе с ним, даже Зукумура, который не понял, почему они хохочут, но захохотал все равно, и ещё громче, когда Ёси сказал им, сколько раз он едва мог удержаться от смеха, видя, как их нетерпение разрушает их и без того зыбкую позицию на переговорах. — «Без своей свирепой собаки хозяин слаб, как щенок перед человеком с палкой».

— Что? Человек с палкой? — спросил Зукумура, тупо щурясь; глаза у него были как у дохлой трески. — Какая собака?

У Ёси сразу испортилось настроение при мысли, что теперь ему придется терпеть этого недоумка вечно. Несмотря на это, он объяснил, что без мускулистой руки, на которую опирались бы их жалобы, и без решимости воспользоваться ею враги были беспомощны.

— Без мускулистой руки? Не понимаю, Ёси-сама. Что за рука?

— Сила, — нетерпеливо произнес Андзё. — Сила! Их пушки и их корабли, Зукумура. А, ладно!

Старик Тояма проговорил, яростно сверкая глазами:

— Пока у них нет их флота, мы должны выжечь их, как скверну. Их заносчивость не поддается описанию, манеры их грубы, а что до их

предводителя... я рад, что мне не пришлось присутствовать там, Ёси-сама, думаю, я бы не выдержал. Давайте сожжем их всех, не медля.

— Кого? Сожжем кого?

— Помолчите, Зукумура, — устало одернул его Андзё, — просто голосуйте, когда я вам скажу. Ёси-сама, я согласен с вашими доводами. Мы пошлем письмо в срок и выплатим вторую часть денег, которые они вымогают у нас, как договорились. Все голосуют за? Хорошо. Далее: теперь, когда мы разобрались с гайдзинами, а сёгун и принцесса благополучно следуют Северной дорогой, у нас почти не осталось дел на ближайшую неделю или около того.

— То, что им позволили уехать, было неверным решением, и эта ошибка ещё будет преследовать нас, — сказал Ёси.

— В этом вы ошибаетесь. Пожалуйста, подготовьте план, ваши соображения, как привести к покорности этого пса Сандзиро и Сацуму. Я голосую за то, чтобы мы встретились через две недели, если не случится ничего чрезвычайного...

Позже, возвращаясь в свои покои, Ёси перебрал в голове все возможные ситуации, которые могли бы потребовать его присутствия в Эдо, и ни одна из них не показалась ему вероятной, даже второе, скрытое, переданное шепотом приглашение посетить французский военный корабль, которое он ни принял, ни отклонил, но оставил открытым на последующие недели, не было срочным, поэтому он решил запустить в действие план, выработанный им и его женой Хосаки. Теперь же Андзё и его лучники преграждали ему дорогу.

Что предпринять?

— Доброй ночи, Андзё-сама, — сказал он, приняв решение. — Как всегда, я буду держать вас в курсе. — Скрывая беспокойство и чувствуя себя совершенно голым, он пришпорил своего коня, направляясь к арке. Никто из лучников не шевельнулся, ожидая приказа. Его люди и оба паланкина последовали за ним, как и он, ощущая себя беззащитными.

Андзё проводил их взглядом. Он был в бешенстве. Если бы не эти ружья, я приказал бы арестовать его, как и собирался. По какому обвинению? Государственная измена, заговор против сёгуна! Но Ёси никогда не предстал бы перед судом, о нет, прошу прощения, какие-нибудь дураки убили бы его, когда он попытался бы бежать от правосудия.

Внезапная острая резь в животе заставила его судорожно нащарить рукой сиденье. Бака доктора! Целительное средство должно существовать, они просто не могут найти его, сказал он себе, потом обрушил новые проклятия на Ёси и его людей, которые исчезли в дальнем арочном

проходе.

Ёси теперь дышал свободнее, липкий пот страха больше не охлаждал ему спину. Он пустил лошадь рысью, углубляясь в лабиринт укреплений, минуя скудно освещенные коридоры, ещё стояла для лошадей и кладовые для упряжи, пока наконец не очутился перед задней стеной. Она была обшита деревом. Его люди спешились и зажгли факелы от тех, что горели на стенах.

Кнутом он показал на выступ сбоку. Его адъютант соскочил с лошади и резко потянул за него. Целая часть стены распахнулась им навстречу, открыв вход в тоннель, достаточно высокий и широкий, чтобы два всадника могли ехать по нему рядом. Он тотчас же тронул лошадь пятками. Когда паланкины и последний из его воинов въехали в тоннель и дверь опять закрылась, он облегченно вздохнул. Только тогда убрал он ружье в чехол.

«Если бы не ты, Ружье-сан, — с теплотой подумал он, — я, возможно, был бы трупом или по меньшей мере пленником. Иногда я вижу, что ружье действительно бывает лучше меча. Ты заслуживаешь имени. — Это был древний обычай религии синто: давать имена особым мечам или оружию или даже камням и деревьям. — Я назову тебя Нори, что может также означать „морская водоросль“ и будет игрой слов от „Нори Андзё“, пусть это напоминает мне о том, что ты спасло меня от него и что одна из твоих пуль принадлежит ему, в сердце или в голову».

— И-и-и-и, господин, — сказал капитан охраны, подъезжая к нему. — Ваша стрельба была истинным наслаждением для глаз.

— Благодарю вас, но вам и всем людям было приказано хранить молчание, пока я не разрешу говорить. Вы лишаетесь должности. Отправляйтесь в арьергард. — Пав духом, самурай заторопился прочь. — Вы, — обратился Ёси к его заместителю, — вы теперь капитан. — Он повернулся в седле и двинулся дальше, возглавляя кавалькаду.

Воздух в тоннеле был затхлым. Это был один из многих тайных ходов, превращавших замок в настоящие соты. На строительство замка с его тремя рвами и уносящейся ввысь главной башней ушло всего четыре года — по предложению сёгуна Торанаги пятьсот тысяч человек, не требуя с него никакой платы, с гордостью трудились день и ночь, пока он не был закончен.

Пол тоннеля уходил вниз и поворачивал то в одну, то в другую сторону, стены местами были высечены в камне, местами грубо выложены кирпичом, потолок был подперт в некоторых местах, но выглядел надежно, было видно, что за его состоянием следили. Все время вниз, но совершенно

безопасно. На стенах заблестели капли воды, и воздух стал прохладнее — Ёси понял, что он подо рвом. Он плотнее запахнулся в плащ, этот тоннель он ненавидел и едва не задохнулся от клаустрофобии — память о тех временах, когда тайро Ии почти полгода держал Ёси, его жену и сыновей под арестом в комнатах, похожих на темницы. Это было не так давно. Никогда больше я не стану узником, — поклялся он тогда, — никогда.

Через некоторое время пол начал подниматься, и они достигли конца тоннеля, который привел их внутрь некоего дома. Это было тайное убежище, принадлежавшее верному вассалу клана Торанага; его предупредили заранее, и он встретил Ёси у выхода. Успокоенный тем, что здесь его не поджидали новые неприятности, Ёси сделал знак авангарду выдвинуться вперед.

Ночь была чудесной, и они легкой рысью ехали через город малоизвестными тропинками, пока не оказались на окраине, у первой заставы на Токайдо. Там враждебно настроенные стражники вмиг стали покладистыми, увидев знамя с гербом Торанаги. Они торопливо раздвинули рогатки, поклонились, пропуская их, и опять перекрыли дорогу, каждого из них снедало любопытство, но ни один не был достаточно глуп, чтобы задавать вопросы.

Недалеко за заставой была развилка. Боковая дорога, петляя, убегала на север, вглубь острова, к далеким горам и через три-четыре дня обычной езды привела бы их в его замок, Зуб Дракона. Авангард радостно повернул в ту сторону, к дому, — не только к его, но и к своим собственным домам: большинство из них не видели свои семьи, невест или друзей большую часть года. Проехав пол-лиги по этой дороге, они приблизились к деревне, в которой имелся горячий источник и озерцо чистой пресной воды. Здесь Ёси крикнул: «Стража!», знаком приказывая им вернуться.

Новый капитан эскорта подъехал к нему и едва не произнес: «Господин?», натягивая поводья, но вовремя спохватился. Он замер в ожидании.

Ёси показал рукой на гостиницу, словно принял неожиданное решение.

— Мы остановимся там. — Гостиница носила название «Семь Времен Счастья». — Больше не нужно хранить молчание.

Двор был чистым, аккуратным, выстланным плитняком. Тотчас же хозяин, прислужницы и слуги поспешили им навстречу с фонарями, кланяясь и стараясь услужить, благоговей перед величием их ожидаемого гостя. Прислужницы окружили паланкин, чтобы позаботиться о Койко, пока владелец, аккуратный, лысеющий, худощавый старик, хромающей походкой провожал Ёси в свой лучший и самый обособленный дом. Он был

отставным самураем, который решил расстаться со своим самурайским пучком волос и стать содержателем гостиницы. Втайне он по-прежнему был хатамото — привилегированным самураем, — одним из многих шпионов Ёси, которые наводняли окрестности Эдо и все подходы к Зубу Дракона. Недавно назначенный капитан, сознавая всю меру ответственности, которая легла на его плечи, сопровождал их с четырьмя самураями, за ними шли Мисамото и два самурая, охранявших его.

Капитан быстро убедился, что жилище безопасно. Потом Ёси расположился на веранде, сидя на подушечке лицом к ступеням; капитан и остальные самураи сели на колени позади него, держась настороже. Он обратил внимание, что девушка, подававшая чай, была свежа лицом и выбрана удачно, отчего чай показался ему ещё вкуснее. Когда он вполне пришел в себя после дороги, он жестом отослал прислужниц и слуг.

— Пожалуйста, приведи их сюда, Инэдзин, — приказал он. Через несколько секунд Инэдзин вернулся. С ним шли двое старателей-гайдзинов: один высокий, другой приземистый, оба исхудавшие, жилистые на вид, оба бородатые, в грязной грубой одежде и помятых фуражках. Ёси с любопытством, смешанным с отвращением, рассматривал их, видя в них больше животных, чем людей. Оба заметно нервничали. Они остановились у ступеней, глядя на него, разинув рот.

Капитан тут же приказал: «Поклонитесь!» — и, когда они не шелохнулись, лишь тупо глядя на него и не понимая, чего от них хотят, прорычал двум самураям: «Научите их манерам!»

Через мгновение оба разведчика стояли на коленях, уткнувшись лицом в грязь, и проклинали себя за глупость, что согласились на такую опасную работу.

— Какого хрена, Чарли, — говорил тот, что пониже, рудокоп из Корнуолла, в Пьяном Городе несколько дней назад, после их встречи с Норбертом Грейфортом, — чего нам тут терять? Как есть нечего! Все одно с голодухи помрем, денег нет, работы нет, в долг нам больше не дают — даже мой кореш бонза, надо же ведь, до чего дожились, во всем Йокопоко нету ни одного бара, где нас угостили бы пивком, пустили ночевать или дали хоть хлеба кусок, не говоря уж о том, чтоб перепихнуться за так. И на корабль не пролезть. Застряли мы тут, как... а скоро, глядишь, и 'встралицкие бобби сюда пожалуют, или твои из Фриско,^[28] тут нам и каюк: сначала брастлеты, а там и вздернут — меня за то, что трахнул из-за куста по башке парочку чертовых старателей, больно раскудахтавшихся, что все, мол, тут кругом ихнее, а тебя за то, что обчистил пяток банков да народу при этом пострелял.

— Ты доверяешь этому ублюдку Грейфорту?

— Где ж это твоя честь, старый ты хрен в подштанниках! Мы ж ему, что за нами записано, отдали, так? Он сделал все, как обещался, чистый желтмен, так? Дал нам двадцать два фунта заплатить, что нужно, чтоб мы в каталажку не загремели, ещё двадцатку в банк поклат на когда вернемся, все лопаты, порох и прочее добро представил, сколько надобно, да ещё клятвенный контракт перед священником, что нам следовало две части из каждых пяти, которые мы в Йоко переправим, так? Всё как обещался, так? Он же желтмен, да только все желтмены — народ склизкий.

Оба грубо захохотали, потом второй сказал:

— Это ты, чёрт подери, прав.

— Мы теперь разведчики, так? Если золотишко там есть, кто ж, кроме нас, его найдет, а? В землях джаппо, где мы будем кругом одни, так? Нешто нам не припрятать мешочек-другой, а? А там уж с собой прихватим как-нибудь, так? Прорва жору, винища целый год, затрахайся хоть вусмерть, собственная тебе Ёсивара и ни гроша платить не надо, и первая рука в джаппском золоте? По мне, так я согласный, а ежели ты не...

— Дайте им сесть прямо, бить не надо. Мисамото!

Мисамото тут же опустился на колени. Как только гайдзины увидели его, оба почувствовали себя немного спокойнее.

— Это те самые люди, с которыми ты встретился вчера в доке?

— Да, господин.

— Они знают тебя как Ватанабэ?

— Да, господин.

— Хорошо. Они ничего не знают о твоём прошлом?

— Нет, господин, я сделал все, как вы приказали, все и...

— Ты сказал, что английскому тебя научили матросы в Нагасаки?

— Да, господин.

— Хорошо. Теперь скажи им сначала, что с ними будут хорошо обращаться и бояться не надо. Как их имена?

— Слушайте, вы оба, это большой босс, сам князь Ота, — сказал Мисамото, называя Ёси так, как ему было приказано; оба старателя легко понимали его грубый американский сленг. — Я ведь предупреждал вас, ублюдков, чтобы вы кланялись пониже, а не то вас заставят. Он говорит, с вами должны хорошо обращаться, и хочет знать ваши имена.

— Я Джонни Корнуоллец, а он Чарли Янки, и пока что нам не давали ни есть, ни пить, чтоб мне провалиться!

Точно, как только мог, Мисамото перевел их имена.

— Ты ничего не расскажешь им про меня или про то, чем ты

занимался с тех пор, как я забрал тебя из тюрьмы, — помни, у меня везде есть уши, и я узнаю.

— Я не подведу вас, господин. — Мисамото низко поклонился, пряча свою ненависть, отчаянно желая угодить и опасаясь за своё будущее.

— Да. — На мгновение Ёси задумался о нем. За те два с небольшим месяца, что прошли после того, как он взял Мисамото к себе на службу, рыбак изменился неузнаваемо, внешне. Теперь он был гладко выбрит, верхушка головы тоже была выбрита и волосы уложены, как у самурая. Принудительная чистота очень благотворно сказалась на его внешности, и даже хотя его нарочно одевали в одежду самурая низшего класса, он выглядел как самурай и носил теперь свои два меча так, словно с ними родился. Мечи по-прежнему были поддельными: одни только рукояти, торчавшие в пустых ножнах.

Пока что Ёси был доволен его работой, а когда он увидел его в облачении и шапочке старейшины, он был поражен, не узнав его в первый момент. Это хороший урок, нужно запомнить его, подумал он в ту минуту: как легко казаться тем, кто ты не есть на самом деле!

— Для тебя же будет лучше, если ты не совершишь ошибки, — сказал он и обратился к двум воинам, которые всюду сопровождали Мисамото. — Вы оба отвечаете за безопасность этих двух людей. Госпожа Хосаки предоставит дополнительную охрану и проводников, но вы оба отвечаете за успех этого предприятия.

— Да, господин.

— Что же до этого лже-Ватанабэ, — мягко произнес он, но все почувствовали непреложность его слов, — с ним должно обращаться как с самураем, хотя и низшего ранга, но если он ослушается правильных приказов или попытается сбежать, вы свяжете ему руки и ноги и приволочете его ко мне, где бы я ни находился. Вы оба отвечаете за это.

— Да, господин.

— Я не предаю вас, господин, — пробормотал Мисамото, посеревав лицом, часть его ужаса передалась и двум рудокопам.

— Скажи этим людям, что им ничего не угрожает. А также, что ты будешь их помощником и учителем, ни у кого из вас нет причин бояться, если вы будете послушны. Скажи им, я надеюсь на быстрый успех их поисков.

— Большой босс говорит, вам нечего бояться.

— Тогда чего ты сам чуть штаны не намочил?

— Свои побереги, паскуда. Я... я буду над вами главный, так что смотри, как разговариваешь.

— Сам смотри, а не то, когда останемся втроём, мы тебе скормим то, чего у тебя там между ног болтается. Где, чёрт подери, жор, где выпивка, где красотки, которых нам обещали?

— Все получите вскоре, и советую быть повежливее с этими... ребятами, — осторожно проговорил Мисамото. — Они как коты, которым пчела под хвост залетела. И большой босс к тому же говорит, что лучше вам побыстрее найти золото.

— Ежели золото есть, так мы его сможем найти, Вотанаби, старый хрен. А ежели его нет, так и нет, пра-ально, Чарли?

— Извините меня, господин, они благодарят вас за вашу доброту, — перевел Мисамото, забыв на время о своих страхах. Он вдруг сообразил, что если он будет сопровождать их, то первым узнает о золоте. — Они обещают постараться найти сокровище как можно быстрее. Они почтительно спрашивают, нельзя ли им поесть и попить и когда они могут начать.

— Проследи, чтобы они хорошо усвоили: награда ждет того, кто терпелив, вежлив и усерден в работе. Обучи их правильным манерам, как нужно кланяться и так далее. Ты отвечаешь за это.

Когда Мисамото почтительно поклонился, Ёси сделал знак своему адъютанту, который вынес две короткие накидки, специально сшитые Хосаки. Они были похожи на жилеты с завязками. На груди и спине были пришиты квадраты светлого шелка, на которых тушью было написано: «Этот гайдзин является личным вассалом и разведчиком недр, под моей защитой, ему позволено, при наличии официальных проводников и надлежащих документов, вести разведку в любом месте моих владений. Всем приказывается помогать ему в этой работе». На каждом квадратике стояла его печать.

— Скажи им, что они должны носить это постоянно, тогда они смогут беспрепятственно передвигаться по моим землям, объясни, что здесь написано.

Снова Мисамото не задумываясь подчинился и показал старателям, как надевать эти накидки. Став осторожнее, они изобразили терпение и покорность, чуждые их природе и воспитанию.

— Чарли, — прошептал корнуоллец, подтягивая завязки. Он говорил, едва шевеля губами, как большинство бывших заключенных — он отработал четыре тяжелых года в австралийской пустыне за незаконный захват чужих участков. — Коль выложил пенни, так полезай в карман и за растреклятым фунтом.

Американец неожиданно усмехнулся, чувствуя себя свободнее.

— Надеюсь, добра там будет больше, чем на фунт, старина...

Ёси наблюдал за ними. Когда он был удовлетворен, он сделал знак Мисамото.

— Забери их с собой и подожди во дворе.

Как только они ушли, правильно поклонившись на этот раз без посторонней помощи, он отослал всех, кроме Инэдзина, на такое расстояние, чтобы никто не мог слышать их беседы.

— Садись, старый друг. — Он показал на ступени, где старику было удобнее — его левое бедро было раздроблено при падении с лошади, и он не мог сидеть на коленях. — Хорошо. Ну, что нового?

— Все и ничего, господин. — Три века Инэдзин и его предки служили этой ветви Торанага. Как хатамото, он не страшился говорить правду — в этом состояла его обязанность. — Земля была обработана усердно и унавожена как полагается, урожай зреет, но крестьяне говорят, что в этом году будет голод даже здесь, в Кванто.

— Насколько жестоким будет голод?

— Чтобы спокойно пережить этот год, нам понадобится рис из других мест, а в других местах будет ещё хуже.

Ёси вспомнил то, что Хосаки уже рассказала ему, и остался очень доволен её дальновидностью и бережливостью. И он был очень рад, что у него есть такой вассал, как Инэдзин, — редко найдешь человека, которому можно было бы доверять безоговорочно, ещё реже найдешь такого, кто говорил бы правду, правду, основанную на истинных фактах, а не на стремлении к собственному возвышению.

— Дальше?

— Все верные самураи горят нетерпением, взирая на тупик, в который зашло противостояние бакуфу и мятежных внешних правителей Сацумы, Тёсю и Тосы, их самураи также недовольны, главным образом из-за обычных проблем: плата за службу, установленная столетие назад, обрекает их на все большие тяготы, все труднее выплачивать проценты по неуклонно растущим долгам и покупать рис и пищу по ценам, которые увеличиваются и увеличиваются. — Инэдзину хорошо были знакомы эти проблемы, ибо большинство его родственников — они так и остались самураями — жили в крайней нужде. — Каждый день сиси набирают новых сторонников, если не открытых, то, безусловно, тайных. Крестьяне послушны, как им и положено, чего не скажешь о купцах, но все, исключая лишь большинство купцов Июкогамы и Нагасаки, хотят изгнания гайдзинов.

— А сонно-дзёи?

После недолгого молчания старик сказал:

— Как многие вещи на этой земле, господин, этот боевой клич отчасти правилен, отчасти нет. Все японцы презирают гайдзинов сильнее, чем китайцев, сильнее, чем корейцев, все хотят, чтобы они ушли навсегда, все почитают Сына Неба и верят, что его желание изгнать их является правильной политикой. Из двух десятков людей, прибывших сюда с вами сегодня, двадцать, я думаю, поддержали бы эту часть сонно-дзёи. Как и вы поддерживаете её, при условии, что именно сёгунату будет принадлежать светская власть для выполнения его пожеланий, в соответствии с порядками, установленными сёгуном Торанагой.

— Совершенно справедливо, — согласился Ёси, но в самой глубине сердца он знал, что если бы он обладал на тот момент верховной властью, он никогда бы не допустил подписания самого первого Соглашения, тогда императору незачем было бы вмешиваться в дела сёгуната, и он никогда не позволил бы, чтобы Сына Неба окружали люди с подлыми мыслями, которые обманывали бы его.

Но все равно, в противоположность сонно-дзёи, если бы у него была власть, сейчас он сам пригласил бы некоторых гайдзинов в страну, пока у него было время. Но только на своих условиях. И только для торговли тем, что ему было нужно. Только имея корабли и пушки, как у них, думал он, можем мы запретить им ступать на нашу землю, изгнать их из наших морей и наконец выполнить наше историческое предназначение — возвести императора на Трон Дракона Китая. А затем, с их миллионами солдат и нашим бусидо, мы заставим весь мир гайдзинов склониться перед нами. — Продолжай, Инэдзин.

— Мало что можно сказать, чего вы уже сами не знаете, господин. Многие боятся, что юный сёгун никогда не станет мужчиной, многих тревожит его менее чем разумный Совет, многие потрясены, что вашему мудрому предостережению против его визита в Киото в качестве просителя не вняли, многие сожалеют, что вы не контролируете родзю, чтобы провести необходимые перемены: сделать бакуфу неподкупными, разумными и остановить распад.

Сёгун есть сёгун, — сердито сказал Ёси, — и все обязаны поддерживать его и его Совет. Он наш господин и как таковой должен пользоваться полной поддержкой.

— Я полностью согласен, господин, я лишь стараюсь как можно лучше передать вам настроения самураев. Очень немногие хотят, чтобы бакуфу и сёгунат перестали существовать. И всего лишь горстка тупоумных верит, что император в состоянии править Ниппоном без сёгуната. Даже среди сиси немногие по-настоящему считают, что с

сёгунатом необходимо покончить.

— И что же?

— Решение очевидно: каким-то образом сильная рука должна захватить власть и править, как правил сёгун Торанага. — Инэдзин шевельнул ногой, придавая ей более удобное положение. — Пожалуйста, извините меня за стариковское многословие. Позвольте сказать, какая это честь для меня, что вы посетили этот дом.

— Спасибо, Инэдзин, — задумчиво ответил Ёси. — Нет новостей о том, что какие-то даймё собирают силы против нас?

— Призыва в армию никто не объявлял, господин, в этих краях нет, хотя я слышал, что Сандзиро всю Сацуму заставил работать на войну.

— А Тёсю?

— Нет ещё, но Огама снова усилил свой гарнизон, удерживающий Врата, и увеличил число береговых батарей на Симоносеки.

— А! Его голландские оружейники?

Инэдзин кивнул.

— Шпионы доносят мне, что они готовят его канониров и выпускают четыре пушки в месяц для нового арсенала Тёсю. Они немедленно отправляются на редуты. Скоро пролив станет неприступным.

«Это и хорошо, и плохо, — подумал Ёси, — хорошо, что это ещё один козырь, плохо, что он в руках врага».

— Огама планирует усилить обстрел проходящих судов?

— Мне говорили, что пока нет. Но он приказал своим батареям уничтожить все корабли гайдзинов и запретить пролив навсегда, если он пошлет им кодовое слово. — Инэдзин наклонился вперед и тихо сказал: — «Багровое Небо».

Ёси охнул.

— То же самое, каким пользовался сёгун Торанага?

— Так мне шепнули.

Разум Ёси напоминал стремительный водоворот. «Означает ли это, что, как и мой предок, Огама собирается начать столь же неожиданное наступление сразу по всей стране, поставив себе ту же цель — верховная власть?»

— Ты можешь раздобыть доказательства?

— Со временем. Но таково кодовое слово на настоящий момент. Что же касается подлинного плана Огамы, — Инэдзин пожал плечами, — врата теперь принадлежат ему. Если бы он сумел уговорить Сандзиро принести ему клятву верности...

Воцарилось молчание.

— Ты очень хорошо поработал.

— Ещё один любопытный факт, господин. Князь Андзё болен животом. — Глаза Инэдзина засветились ещё ярче, когда он увидел мгновенно проснувшийся в Ёси интерес. — Друг одного друга, которому я доверяю, сообщил мне, что он тайно приглашал к себе китайского доктора. Эта болезнь — болезнь разложения, и исцелиться от неё нельзя.

Ёси хмыкнул, отчасти от удовольствия, отчасти потому, что в сердце вонзилась ледяная игла тревоги, не заразился ли и он такой же — кто знает, как и откуда, — или она уже сидит у него внутри и ждет, чтобы повалить его.

— Как долго он проживет?

— Несколько месяцев, может быть, год, не больше. Но вы должны быть вдвойне бдительны, господин, потому что сообщивший мне это говорит, что, пока тело гниет изнутри без всяких внешних изъянов, мозг остается вполне здоровым, просто становится опасно и неумолимо настойчивым в некоторых вещах.

«Как то глупое решение позволить принцессе добиться своего», — подумал Ёси. Голова его гудела от всего услышанного.

— Дальше?

— Дальше, господин, касательно тех сиси, которые напали и убили князя Утани и его возлюбленного. Их возглавлял тот же самый сиси из Тёсю, который устроил засаду на князя Андзё, — Хирага.

— Тот самый, чей портрет был разослан на все заставы?

— Да, господин, Резан Хирага, по крайней мере, так назвал его захваченный в плен сиси перед смертью. Вероятно, имя вымышленное. Другое из его имен — Отани.

— Вы схватили его? — спросил Ёси с надеждой.

— Нет, господин, пока нет, и, к сожалению, мы совершенно потеряли его след, так что он должен быть где-то в другом месте. Возможно, в Киото. — Инэдзин ещё больше понизил голос. — Ходят слухи, что сиси готовят ещё одно нападение в Киото. Говорят, что многие теперь собираются там. Многие из них.

— Что за нападение? Убийство?

— Никто не знает пока. Возможно, ещё одна попытка переворота. Мне донесли, что главарь всех сиси под кличкой Ворон разослал всем приказ прибыть в Киото. Я пытаюсь выяснить, кто он.

— Хорошо. Тем или иным способом сиси необходимо уничтожить. — Ёси задумался на мгновение. — Нельзя ли было бы обратить их ядовитое жало против Огамы или Сандзиро, истинных врагов императора?

— Трудно, господин.

— Ты выяснил, кто сообщил сиси об Утани? О его тайном свидании?

После паузы Инэдзин сказал:

— Это была прислужница госпожи, господин. Она шепнула маме-сан, которая шепнула им.

Ёси вздохнул.

— А госпожа?

— Похоже, что госпожу не в чем упрекнуть, господин.

Ёси вздохнул ещё раз, довольный, что Койко оказалась не замешанной в этом деле, но в глубине души не убежденный окончательно.

— Прислужница сейчас с нами — я займусь ею. Проследи, чтобы мама-сан ничего не заподозрила, ею мы займемся, когда я вернусь. Вы обнаружили второго шпиона, того, который снабжает сведениями гайдзинов?

— Полной уверенности пока нет, господин. Мне сообщили, что имя предателя, настоящее или мнимое, Ори, полного его имени я не знаю, но он сиси из Сацумы, служил в охране Сандзиро, один из двух убийц с Токайдо.

— Позорно убить только одного, когда четверо были такими легкими мишенями. Где этот предатель сейчас?

— Где-то в Поселении Иокогамы, господин. Он стал тайным доверенным лицом и юного английского переводчика, и того француза, о котором вы мне говорили.

— А, и его тоже. — Ёси подумал мгновение. — Заткните этому Ори рот немедленно. — Инэдзин поклонился, принимая приказ. — Дальше?

— На этом кончается мой доклад.

— Спасибо. Ты очень хорошо поработал. — Ёси допил чай, погруженный в свои мысли. Свет луны отбрасывал причудливые тени.

Старик нарушил молчание:

— Ваша ванна готова, господин, и вы, должно быть, голодны. Все готово.

— Спасибо, но ночь ясная, поэтому я отправлюсь немедленно. В Зубе Дракона меня ждет много дел. Капитан!

Все быстро собрались — Койко и её прислужница торопливо переоделись обратно в дорожное платье, и она села в паланкин. С надлежащей почтительностью Инэдзин, его домашние, прислужницы и слуги с поклонами проводили гостя в дорогу.

— А как же быть со всей едой, которую мы приготовили? — робко спросила его жена, крошечная, круглолицая женщина, тоже самурайского происхождения. Она спешно, но как того требовал долг, приобрела по

огромной цене разные деликатесы, чтобы предложить господину достойное его угощение во время его неожиданного визита, — этот единственный ужин стоил им прибыли больше чем за три месяца.

— Мы съедем её. — Инэдзин провожал кортеж глазами через спящую деревню, пока он не исчез из виду. — Я был рад повидать его, большая честь.

— Да, — ответила она, как подобало жене, и вошла следом за ним в дом.

Ночь была безоблачной, луна в небе освещала им путь. За деревней грунтовая дорога уходила на север, петляя по лесу от деревни к деревне, которые встречались через каждые несколько миль. Всю эту местность Ёси знал с детства, исходил её вдоль и поперек. Кругом было тихо. Никто не выходил на дорогу в такой глухой ночной час, кроме разбойников, ронинов или высшей знати. Они перешли вброд ручей, местность здесь была более открытая. На другой стороне он отдал приказ остановиться и подозвал к себе капитана.

— Господин? — спросил капитан.

К их возрастающему волнению, Ёси повернулся в седле и показал на восток и на юг, назад к побережью.

— Я меняю свой план, — объявил он так, словно это решение было принято внезапно, а не обдумывалось много дней. — Сейчас мы направимся в ту сторону, к Токайдо, но минуем первые три заставы, потом, сразу после рассвета, выезжаем на дорогу.

Спрашивать, куда они следуют, было излишне.

— Форсированный марш, господин?

— Да. Больше никаких разговоров. Поезжайте вперед! — «Сто двадцать лиг, десять или одиннадцать дней, — подумал он. — Потом Киото и Врата. Мои Врата».

ИОКОГАМА

Ближе к вечеру того же дня Хирага нырнул в тень покосившейся лачуги на краю Пьяного Города, где его поджидал маленький грязный матрос. Матрос нервничал и постоянно озирался вокруг.

— Доставай денюжки, приятель, — сказал он. — Они у тебя с собой ли, а?

— Да. Рево'рвер, паза'руста.

— Давеча ты был прямо щеголь, теперь ты оборванец и только. — На лице его появилось недоверчивое выражение, взгляд стал подозрительным; за поясом у него торчал кривой нож, ещё один был спрятан в ножнах на предплечье. Когда Хирага в первый раз заговорил с ним на берегу, он был в костюме, который выхлопотал ему Тайрер. Сегодня он оделся в грязный шерстяной халат чернорабочего, грубые штаны и ободранные ботинки. — Че за игру ты затеял?

Хирага пожал плечами, не понимая его.

— Рево'рвер, паза'руста.

— Револювер, говоришь? Что ж, револювер он и есть. — Маленькие бегающие глазки зыркнули по сторонам, охватив весь поросший бурьяном, заваленный мусором пустырь между Пьяным Городом и японской деревней — местные называли его Ничейной Землей, — нет, похоже, их никто не видел. — Где монета? — угрюмо спросил он. — Деньги, ради Христа, «мексиканцы»!

Хирага сунул руку в карман халата. Одежда была куплена специально для сегодняшней встречи, все в ней казалось ему неудобным и диковинным. Три мексиканских доллара сверкнули на его ладони. — Рево'рвер, паза'руста.

Матрос нетерпеливо достал из-за пазухи «кольт» и показал ему.

— Получишь его, когда я получу деньги.

— Пу'ри, паза'руста?

В грязной тряпке, извлеченной из кармана штанов, оказалась дюжина патронов.

— Сделка есть сделка, а мое слово — это мое слово. — Матрос протянул руку за деньгами, но прежде чем он успел коснуться их, ладонь Хираги закрылась.

— Нет краденый, да?

— Конечно не краденый, ну, давай, ради бога!

Хирага разжал кулак. Матрос алчно схватил монеты и внимательно осмотрел их, проверяя, не фальшивые ли они и не обкусаны ли края, и все время его маленькие глазки метались туда-сюда. Убедившись, что монеты в порядке, он передал «кольт» и поднялся на ноги.

— Смотри, чтоб тебя с ним не сцапали, приятель, а то болтаться тебе в петле, конечно же, он краденый. — Матрос ослабился и юркнул прочь, как крыса, которую напоминал больше всего.

Хирага, пригнувшись, добрался до японской деревни, где почувствовал себя в относительной безопасности — безопасно тут было лишь до тех пор, пока пьяницы и подонки из Пьяного Города не решали поискать, чем бы можно было поживиться у соседей. Ни полиция, ни часовые деревню не охраняли. Случалось, морской или армейский патруль проходил по её главной улице, но эти люди редко принимали сторону японцев при любых потасовках.

Акимото ждал его в их жилище в одном из деревенских переулков, который они теперь снимали помесечно.

— И-и-и-и, брат, пожалуйста, извини меня, — захохотал он, — сразу видно, что ты достал его, но ты выглядишь так нелепо в этой одежде, если бы наши друзья-сиси могли тебя видеть...

Хирага пожал плечами.

— Так я могу сойти за любого из рабочих, которые нанимаются к гайдзинам, их там полно со всей Азии. Все гайдзины и кули одеваются так в Пьяном Городе. — Он уселся поудобнее: штаны натерли ему в промежности. — Не могу понять, как они могут все время носить такую толстую одежду, тесные штаны и эти их тесные сюртуки, а когда жарко, и-и-и-и, это просто ужас, пот с тебя льет ручьями. — Пока они так беседовали, он проверил, исправен ли «кольт», взвесил его на руке, прицелился. — Тяжелый.

— Саке?

— Спасибо, потом я, пожалуй, отдохну до заката. — Он зарядил револьвер, быстро выпил несколько чашечек саке и лег, довольный собой. Его глаза закрылись. Он начал медитировать. Обретя покой, он почувствовал, как тело его уплывает куда-то, и не стал его удерживать. Через мгновение он спал. На закате он проснулся. Акимото все так же сидел на страже. Хирага выглянул из крошечного окошка. — Ни дождя, ни шторма сегодня ночью не будет, — сказал он, потом вытащил шейный платок и повязал его вокруг головы: он видел, что так их носили многие низкородные гайдзины и моряки.

Акимото вдруг объял страх.

— А теперь?

— Теперь, — ответил он, пряча револьвер за поясом, — теперь Ори. Если я не вернусь, ты убьешь его.

Ори не глядя сунул руку в маленький мешочек с монетами на столе рядом с кроватью и вытащил одну. Это оказался обрезанный «мексиканец», стоивший теперь половину своей обычной цены. Хотя и в этом случае он превышал условленную цену в пять раз, он протянул его голой девушке. Её глаза загорелись, она сделала книксен, снова и снова униженно бормоча слова признательности.

Он пожал плечами и показал рукой на дверь; рана его зажила и рука была совсем здорова, к ней уже никогда не вернется былая сила или быстрота в обращении с мечом, но она годилась, чтобы выстоять против среднего бойца, и с нею можно было стрелять. Его «дерринджер» лежал на столе, он всегда держал его рядом.

Оставшись один, он устремил взгляд в окно. Стекло было с трещиной и засижено мухами, один угол отсутствовал. Окно выходило на грязный фасад ещё одной ветхой деревянной харчевни, стоявшей напротив, в каких-нибудь десяти шагах. Воздух был влажным, отчего кожа была липкой, и по ней пробежали мурашки, когда он вспомнил потное тело женщины, тесно прижатое к нему, и никакого шанса на цивилизованную японскую ванну потом, хотя он легко мог бы вымыться в деревне — всего пара сотен шагов от него через Ничейную Землю.

«Но попав туда, ты рискуешь встретиться с Хирагой и его шпионами, которые ждут, — подумал он, — Хирага, Акимото и вся эта деревенщина, которые заслуживают, чтобы их распяли, как обыкновенных преступников, за то, что они постарались помешать моему великому замыслу. Мразь! Все до одного. Они осмелились попробовать сжечь меня заживо, посмели отравить рыбу — и-и-и-и, карма, что кошка утащила кусок, прежде чем я успел поймать её, и через мгновение умерла в судорогах вместо меня».

С тех пор он ел мало и только рис, который готовил сам в горшке на жаровне с небольшим количеством тушеного мяса или рыбы, приготовленным для всех остальных постояльцев. В качестве дополнительной меры предосторожности он заставлял Тайми пробовать рыбу и мясо у него на глазах.

Пища здесь гнусная, само место гнусное, женщина была гнусная, и я смогу продержаться ещё лишь несколько дней, прежде чем сойду с ума. Тут его взгляд упал на мешок с деньгами. Губы растянулись, обнажая зубы в

злой улыбке.

В ту ночь, когда сгорело его первое убежище, он спал на топчане в крошечном убогом закутке в дальнем конце бара, на который ушли его последние деньги. Задолго до того, как проснулись остальные, его чувство опасности, отточенное с самого детства в двух десятках пожаров, подало сигнал и вырвало его из сна, он увидел, что языки пламени уже лижут деревянную лестницу вверх, увидел, как ещё одна выдолбленная тыква, наполненная маслом и с горячей тряпкой у горлышка, влетела в бар.

Обезумевшая собака запрыгала вниз по ступеням и присоединилась к двум кошкам, метавшимся в поисках выхода. Они начали носиться по бару, прыгая на стойку, натываясь на бутылки со спиртным, бутылки падали на каменные плиты пола и разбивались, давая новую пищу огню. С переполненного этажа наверху донеслись вопли и страшный шум. Полуголые люди в панике устремились вниз и на улицу, пламя лизало им руки, ноги.

Ори оставался в своей камере, приученный к пожарам, он не испугался. Прижавшись к полу, он избегал клубящегося дыма, рот его уже был прикрыт смоченной в пиве тряпкой. Путь отступления в случае любой опасности был автоматически просчитан им сразу же, как только он вошёл в комнату. Безопасность всегда лежала в способности не поддаваться панике, а на этот раз ещё и в прыжке через маленькое, закрытое ставнями окно в противоположной стене бара, в стороне от горячей лестницы, которое выходило в темный переулок.

Ори уже приготовился к броску, когда увидел дородного владельца в ночной рубашке и колпаке, который вместе другими насмерть перепуганными людьми старался пробиться вниз. Под мышкой он крепко сжимал железный сундучок. Этот человек яростно оттолкнул ещё одного беднягу с дороги прямо в огонь, но лишь затем, чтобы тот же огонь в следующую секунду превратил его в вопящий факел. Лестница рухнула, отрезав путь всем, кто ещё оставался наверху, и хозяин вместе с двумя другими несчастными полетел вниз, в пылающие обломки. Сундучок вылетел из его беспомощных рук и покатился по полу. Один сильно обожженный мужчина, пошатываясь, выбрался из огня и захромал к двери. Пламя жадно поглотило владельца и двух остальных и, казалось, так же жадно потянулось к сундучку.

Без колебания Ори бросился сквозь огонь, подхватил сундучок и метнулся к окну. Гнилые ставни разлетелись в стороны, и он очутился на свежем воздухе в переулке. Тут же пригнувшись, он припустил к ограде напротив, перемахнул через неё и, не поднимая головы, заскользил через

бурьян и мусор Ничейной Земли к покинутому колодцу.

Добежав до него, он осторожно оглянулся, грудь его ходила ходуном. Пламя, пожирающее постоялый двор, взметнулось в небо. Люди сновали вокруг, крича и ругаясь. Два человека выпрыгнули из окон второго этажа. Другие поливали из ведер соседние дома и постройки, громким ревом призывая остальных себе на помощь.

Его никто не заметил.

Пока шум прикрывал его, он разыскал сломанный ломик и вскрыл им сундучок, не обращая внимания на рой комаров и других ночных насекомых, облепивших его. При виде сокровища внутри его затрясло. Он быстро затолкал два мешочка с монетами в карманы своих коротких штанов, ещё один — за пазуху. Потом с огромной тщательностью закопал примерно ещё дюжину и в другом месте сделал то же самое с сундучком.

Все следующее утро он бродил по Пьяному Городу, пока не нашел более уединенно стоящий постоялый двор, подальше от пепелища. Десять «мексиканцев» в руку владельца и вес того, что ещё оставалось в мешочке, доставили ему быстрое и услужливое внимание и большую комнату, которую он сам выбрал. Владелец, мужчина с глубоко посаженными ярко-голубыми глазами — совсем как у неё, подумал Ори, и мысль эта откликнулась острой болью в низу живота — показал на мешок:

— С таким добром тебе свою башку не уберечь, желтолицый кенгуренок.

Ори не понял слов. Однако вскоре их смысл стал ясен ему, и тогда появился Тайми. Понял он и то, что, если Тайми будут хорошо платить, и владельцу тоже, Ори может считать себя в безопасности и здесь, и на улице, а в его отсутствие комната его будет неприкосновенна. В качестве дополнительной меры предосторожности, сознавая опасность того, что он доверился этим людям, Ори с помощью знаков и терпения дал им понять, что эти два мешочка были лишь малой частью его богатства, которое надежно охранялось в укромном месте в деревне и которое он готов был щедро тратить на свою защиту и на все остальное, что ему понадобится.

— Ты хозяин, чего надо — говори, получишь. Меня зовут Бонзер, я австралиец. — Как почти все в Пьяном Городе, он постоянно чесывался из-за блох и вшей, зубов у него осталось мало, и они торчали в разные стороны, и от него воняло. — Хозяин. Это означает итибан. Номер один. Вакаримасу ка?

— Хай, домо.

Дверь открылась, и это вывело его из задумчивости. Тайми принес ему высокому кружку пива.

— Хозяин, я сейчас пойду пожру. — Он прокашлялся. — Жор, кушать, вакаримасу ка?

— Хай. — Пиво утолило жажду Ори, но не принесло ему покоя, и его никак нельзя было сравнить с пивом, которое подавали в деревне. Или дома в Сацуме, или в Ёсиваре, или в гостинице Полуночных Цветов в Канагаве. Или в любом другом месте.

«Я, должно быть, схожу с ума, — подумал он, хмурия лоб в недоумении. — Эта гайдзинская шлюха с кожей цвета жабьего брюха и пахнувшая рыбой была хуже, чем самая мерзкая старая ведьма, которая у меня была когда-либо, и все же я дважды испытал Облака, Пролившиеся Дождем, и хотел ещё и ещё.

Что в них есть такого? Что это — их голубые глаза, белая кожа, светло-каштановые волосы на лобке? В этом сегодняшняя шлюха почти не отличалась от неё, во всем остальном — да. — Его пальцы бессознательно поигрывали золотым крестиком, который он носил на шее. Губы искривились в усмешке. Тогда, в подземном ходе, он обманул Хирагу. Кусочек металла, который он выбросил, был последним из его золотых обанов. — Я рад, что сохранил её крест, он не дает мне забыть. И он очень пригодился мне в другом: эти глупые гайдзины думают теперь, что я христианин. Что такое скрыто в их женщинах, что превращает меня в безумца?

Это карма, — решил он наконец, — карма, что нет никакого ответа, никогда не будет никакого ответа, кроме... кроме как послать её дальше в вечность».

Он представил, как стискивает руками её шею, его член глубоко погружен в неё, и по коже пробежал озноб и чресла вновь стянула пульсирующая боль, словно у него ничего не было только что. Вновь комната качнулась, поплыла и стала давить, давить на него... Он спустил ноги на пол, сунул в карман свой «дерринджер», надел короткую кожаную куртку и спустился вниз.

— Хозяин? — Тайми кашлянул и поднялся от тарелки, на которую был навален рис с мясным рагу, собираясь сопровождать его, но Ори, махнув рукой, усадил его на место, знаком показал второму человеку, чтобы тот охранял комнату наверху, и вышел.

Хирага сразу же заметил его. Он был на другой стороне этой многолюдной грязной улочки, где сидел на скамейке снаружи грязного бара. Перед ним стояла выдолбленная горлянка с пивом, к которой он не притронулся, а вокруг него не смолкал людской гомон: люди пили, стояли,

лежали мертвецки пьяные на скамейках, брели к себе в ночлежные дома или на постоянные дворы, направлялись в любимый бар или игорное заведение, которые лепились друг к другу, образуя трущобы под стать, если не хуже, иным в Лондоне. Эти люди являли собой разноязыкую массу, состоявшую из европейцев, азиатов, евразийцев, профессиональных рабочих и тех, кто брался за любую работу, какая подворачивалась. Каждый был вооружен по меньшей мере ножом и одет примерно так же, как сам Хирага. Здесь были отдыхавшие после рабочего дня парусные мастера, приказчики корабельных лавок, механики из ремонтных мастерских — новая профессия, рабочие десятков специальностей, связанных с кораблями. С нищими и бродягами здесь мешались пекари, мясники, пивовары, ростовщики и все остальные, кто обслуживал эту часть Июкогамы и питался за её счет, по общему согласию отдельно от деревни и Города Толстосумов, как называли здесь ту часть, где жили коммерсанты.

Его жертва брела к берегу, похоже, без всякой цели и без телохранителей, о которых его предупредили. Волнение Хираги усилилось. Теплая рукоятка револьвера оставляла приятное ощущение в ладони. Пальцам мучительно хотелось сжать её, навести ствол и нажать на курок, чтобы покончить с этой угрозой его будущему среди гайдзинов и потом начать хладнокровное отступление в безопасное место через Ничейную Землю или вдоль берега к миссии.

Теперь они приближались к маленькой главной площади рядом с променадом и берегом, вокруг которой теснились бары, харчевни и постоянные дворы, сражавшиеся друг с другом за клиентов. Это был самый дальний конец Поселения, самая узкая его часть, зажатая между морем и загибающейся оградой, в которой были проделаны Южные ворота. Как и у Северных ворот, ограда была высокой и крепкой и заходила в море. Выйти отсюда можно было только через перегороженные и охранявшиеся Южные ворота.

Площадь была запружена народом. В основном это были британские солдаты, матросы и моряки с торговых кораблей, немного французов, американцев, русских и евразийцев. Ори аккуратно протолкался сквозь них и встал на краю променада. Взгляд его был устремлен в море. На море поднялись трехфутовые волны, вода была черной и грязной. К северу, в полумиле от них, он увидел, как зажигаются огни в торговых домах и во французской миссии. И на верхнем этаже фактории Струанов, которая вместе с факторией Броксов возвышалась над остальными на берегу.

«Сегодня? Должен ли я попытаться сегодня?»

Ноги сами понесли его в ту сторону. Вдруг раздался глухой подземный

гул и такой шум, будто скорый поезд, грохоча колесами, устремился на них где-то там, внизу, всего в нескольких футах от поверхности. Земля сдвинулась, и вместе с остальными на площади он покачнулся, слабея от дурноты, и упал на четвереньки, вцепившись в землю, которая затряслась, поднялась, опустилась и замерла. Мгновение тишины. Потом чей-то всхлип, крики, проклятия, потом все разом оборвалось: ударил второй толчок. Вновь земля осела назад, не так страшно, как в первый раз, но все же достаточно страшно, и тряслась, и тряслась, и вздымалась, и дрожала, и опять замерла. С крыши посыпалась черепица. Люди, кто бегом, кто ползком, заспешили подальше от дома. Снова тишина, которую можно было почти потрогать руками: молчали люди, молчали чайки, молчали звери. Земля ждала, все ждало. Прижимаясь к земле, бормоча молитвы, проклятия, молитвы. Ждали.

— Ну что, ради бога, кончилось, что ли? — выкрикнул кто-то.

— Да...

— Нет...

— Погодите, мне ка...

Снова глухое и грозное ворчание. Кто-то завыл от страха. Гул нарастал, земля повернулась, вскрикнула и опять успокоилась. Несколько лачуг рухнуло. Раздались крики о помощи. Никто не шевельнулся.

Снова все затаили дыхание. Ждали. Стоны, молитвы, всхлипы, мольбы, проклятия. Ждали следующего толчка. Большого толчка. Секунды, минуты — ничего.

Пока что.

Мгновения, превратившиеся в томительную вечность ожидания. Потом внутреннее чутье подсказало Ори, что все кончилось, и он поднялся на ноги, первым на площади. Сердце танцевало в груди от того, что он не погиб на этот раз, что остался жив и невредим и благополучно возродился вновь, при этом инстинктивно он был готов к следующей опасности, к немедленному броску прочь от огня: пожары после землетрясений были обычным и самым главным испытанием для всех. Каждое землетрясение становилось чьим-то возмездием и вторым рождением для всех остальных — с незапамятных времен именно так воспринимали его все жители Земли богов, которую называли также Землею слез.

Внезапно в животе у Ори началось своё землетрясение, сердце провалилось куда-то. На другом конце площади, поверх массы все ещё распростертых людей, многие из которых рыгали, кашляли и чертыхались, он увидел Хирагу, тот стоял и смотрел на него. Шагах в пятидесяти позади Хираги самурайская стража тоже была уже на ногах — некоторые

стражники с любопытством поглядывали на них обоих.

Почти в тот же момент, когда Ори почувствовал, что землетрясение прошло, и вскочил, Хирага и самураи механически сделали то же самое, испытывая в точности такое же экстатическое облегчение и перерождение. Хирага даже не понял, что он на ногах, пока не увидел Ори, приковавшегося к нему взглядом. Его лицо потемнело. Он тотчас же зашагал к нему. Площадь быстро оживала, люди шумно поднимались на ноги или стояли, пошатываясь. Ори бросился бежать, не разбирая дороги, но перепуганные сердитые люди, некоторые истерически хохоча, другие громко славя Господа, преграждали ему путь — как и Хираге — с криками:

— Что за бес в тебя вселился...

— Ты, чёрт подери, смотри, кого толкаешь...

— Эй, да он же чертов джапо...

Потом кто-то проревел:

— Пожар! Смотрите!

Вместе со всеми Ори посмотрел на север. На другом конце променада полыхал дом. Он узнал в нем двухэтажную фабрику Струана. Возможно, соседнее здание. Отчаянно работая локтями, Ори вырвался из толпы.

Хирага постарался протиснуться за ним, но в этот момент рядом рухнул винный погребок, люди метнулись в его сторону, сбили его с ног, едва не затоптав. Пихаясь и толкаясь, он поднялся на ноги посреди этой кутерьмы. В этой части площади люди бесцельно топтались вокруг, не давая ему пройти. На короткое мгновение он увидел Ори, потом обломки бара вспыхнули, толпа вновь отхлынула и поглотила его.

Когда Хирага обрел равновесие, Ори уже превратился в едва различимую тень, и сколько сил он ни прикладывал, чтобы проложить себе путь туда, где видел его в последний раз, он почти не продвигался вперед и лишь злил толпу:

— Куда лезешь, в господа бога мать... Э, да это ещё один джапо... Ну-ка врежь ему, сукину сыну, чтоб знал в другой раз...

К тому времени, когда он утихомирил их, отступил и обошел площадь кругом, протолкавшись к её краю, Ори не бежал вдоль улицы в сторону пожара, как он ожидал увидеть, и не пробирался туда же вдоль берега, но пропал, словно его и не было.

В фабрике Струана Джейми Макфей среди тревожных криков и воплей «Пожар!» неся в полумраке вверх по лестнице. В руке его качался масляный фонарь. Всю лестницу освещала одна только люстра со свечами, которая все ещё пьяно покачивалась после подземных толчков. Он выбежал

на верхнюю площадку, бросился по коридору и рывком распахнул дверь Струана.

— Тайпэн, ты в порядке?

Комната была погружена во мрак, только на занавесях танцевали зловещие отблески пожара. Струан лежал на полу, оглушенный, наполовину одетый к ужину. Он мотал головой, пытаясь обрести ясность мысли. Обе масляных лампы разбились, открытый фитиль одной из них горел, потрескивая, на пропитанном маслом ковре, скрытый от них массивным бюро.

— Кажется, да, — охнул он. — Должно быть, я ударился головой, когда потерял равновесие. Господь Всемогуший, Анжелика!

— Держи руку, давай-ка я помогу тебе...

— Сам управлюсь, загляни к ней, Джейми!

Джейми попробовал ручку их общей двери. Заперта на задвижку с той стороны. В этот миг ковер вспыхнул, Струан пополз в сторону, чертыхаясь от боли, но прежде чем огонь успел распространиться, Джейми затоптал его. Торопясь помочь Струану отодвинуться подальше, он грубо потащил его за собой.

— О господи, полегче, Джейми!

— Извини, извини, я не...

— Ладно. — Струан тяжело дышал, в бок, на который он неловко упал всем телом, кололо невыносимо, сюда добавлялись пульсирующая боль в животе, там, где её раньше не было, и привычное жжение под зажившим, но ещё очень чувствительным шрамом. — Где горит?

— Не знаю, я был внизу, ко...

— Потом — Анжелика!

Джейми выбежал в коридор и закашлялся от дыма, который валил из дальнего конца коридора. Он постучал в её дверь, потом подергал ручку — опять заперто изнутри. Его плечо врезалось в дерево рядом с косяком, и дверь распахнулась. В будуаре её не было, одна масляная лампа лежала на боку, зажженная, масло из неё капало на накрытое салфеткой бюро, другая валялась на полу разбитая, всюду лужицы масла. Он погасил горящий фитиль и вбежал в спальню. Она сидела на большой кровати белая, как её пеньюар, глаза не мигая смотрели на качающийся масляный светильник, который горел несообразно ярко и весело.

— С вами все в порядке, Анжелика?

— О, Джейми... — осторожно произнесла она, её голос звучал словно откуда-то издалека. — Да, в порядке, я как раз, как раз лежала, собираясь одеваться к ужину, и тут комната вдруг начала раскачиваться. Я, я

подумала, что я сплю, потом разбились лампы и... mon Dieu, больше всего меня испугал звук, произведенный домом, который вдруг сдвинулся с основания... О, а Малкольм...

— Одевайтесь побыстрее, как можно быстрее. Торо...

Зазвонил пожарный колокол у конторы начальника гавани, совсем рядом, заставив их вздрогнуть. Почувствовав вдруг неладное, она уловила запах дыма, услышала приглушенные крики снаружи, увидела зарево через занавеси на окне и охнула, закрыв рот рукой:

— Мы горим?

— Беспокоиться пока нет причины, но вам лучше одеться как можно быстрее и перейти в соседнюю комнату, я отопру дверь. — Он торопливо вышел. Она выскользнула из кровати. Под пеньюаром у неё были панталоны и короткая рубашка на косточках. Она торопливо вступила в кринолин, уже разложенный для неё, и взяла шаль.

— С ней все хорошо, тайпэн, — услышала она голос Джейми после того, как он отпер дверь к Струану. — Уже одевается, давай я помогу тебе спуститься вниз...

— Когда она будет готова.

Джейми хотел было сказать что-то, потом передумал, оба ещё помнили о том, как сцепились за обедом, и ни тот, ни другой пока не собирались идти на компромисс. Он открыл окно. В саду и на улице внизу толпились их клерки и слуги, Варгаш среди них, подходили зеваки и люди из разных миссий, но пламени он нигде не увидел.

— Варгаш! — крикнул он. — Где у нас пожар?

— Мы не уверены, сеньор, похоже, это просто часть крыши. Люди с брандмейстером уже там, а вот у Брока весь верхний этаж полыхает.

Джейми не мог видеть соседнего здания, поэтому он поспешил в будуар Анжелики и отодвинул занавеси. Огонь прочно завладел частью фасада фабрики Броков, двухэтажного здания, похожего на их собственное, там, где должны были располагаться спальни главных покоев. Из открытых окон валили клубы дыма. Он увидел цепочки людей, передающих ведра с водой и пытающихся затушить огонь, Норберт Грейфорт руководил их действиями — пожарные команды Брока тренировались Норбертом так же часто и безжалостно, как и сам он тренировал пожарных Струана. Подстегиваемое свежим бризом, пламя вместе с дымом тянулось через проулок к ним.

— Варгаш, — прокричал он, — давай людей с водой сюда, наверх. Пусть поливают эту сторону! Когда нам ничего не будет угрожать, помогите Норберту. — Надеюсь, этот сукин сын сгорит, и вся компания

Брока вместе с ним, это бы на все времена разрешило проблему этой глупой дуэли.

Пот струйками стекал у него по спине. Его подташнивало от облегчения, что со Струаном ничего не случилось. С самого обеда он сидел один на один с тяжелыми мыслями у себя в кабинете, в ярости от того, что о его поисках старателей стало известно, вне себя от тревоги по поводу дуэли и своего будущего. Ни разу он даже вообразить себе не мог, что окажется вовлеченным в подобную ссору или что будет принужден оставить «Благородный Дом», уехать из Японии, находясь в добром здравии и не пострадав от какого-то несчастного случая, — он собирался удалиться от дел не раньше чем через пять лет, в зрелые сорок четыре года, после двадцати пяти лет преданной службы в компании, в которой он поднялся, ступень за ступенью, на самый верх. Теперь, когда Малкольм отстранился от него, а Тесс Струан была на него зла, его дальнейшее продвижение, его выход на пенсию, все его будущее оказалось под угрозой.

— Джейми... вы не могли бы застегнуть?

Он тупо повернулся. Анжелика стояла на пороге, спиной к нему, придерживая спереди лиф низко декольтированного платья, расстегнутый сзади. В первую секунду он едва не заорал на неё: «Вы с ума сошли, бросайте этот чертов маскарад, ради всех святых, мы же горим!» Но он промолчал, лишь торопливо застегнул верхнюю пуговицу, набросил на плечи шаль и быстро провел её в соседнюю комнату, где она тут же бросилась в раскрытые объятия Струана. Группа людей пронеслась мимо открытой двери с полными ведрами.

— Вам лучше бы выйти, сэр... — крикнул один из них.

— Пора, тайпэн, хорошо?

— Да. — Малкольм пошел к двери так быстро, как только мог. С его двумя тростями он двигался медленно — катастрофически медленно, если бы им действительно грозила опасность, это понимали все трое, и Струан больше, чем кто-либо. Теперь над их головами, на чердаке, загрохотали тяжелые шаги, запах дыма стал сильнее, добавив тревоги.

— Джейми, выведи Анжелику, я сам понемногу спущусь.

— Обопрись на меня и...

— Ради бога, делай, что говорят, потом вернешься, если будет нужно!

Оставшись один, Струан тут же проковылял к комоду, пошарил там под одеждой и достал маленькую бутылочку, которую А Ток заново наполнила сегодня днём. Он одним глотком выпил половину коричневатой жидкости, закрыл бутылочку пробкой и опустил её в карман сюртука, издав протяжный вздох облегчения.

Анжелика мигом спорхнула вниз и выбежала в парадную дверь. Свежий воздух был упоителен.

— Варгаш! — крикнул Джейми. — Присмотрите за мисс Анжеликой.

— Непременно, сеньор.

— Прошу вас, позвольте мне, сеньор, — величественно произнес Пьер Вервен. — Я провожу мадемуазель Анжелику в нашу миссию — там она сможет подождать в безопасности.

— Спасибо. — Джейми бросился назад в дом.

— Вам нечего бояться, мадемуазель, — сказал Вервен по-французски, колпак с кисточкой прикрывал его лысину. — Пойдемте, вы в полной безопасности. Землетрясения здесь вполне обычное дело. — Он взял её под руку и повел по улице сквозь толпы людей, наблюдавших за пожаром или боровшихся с огнем.

Ори заметил её сразу же, как только она вышла на улицу.

Он стоял с краю толпы на выходе из переулка рядом с французской миссией, неподалеку от Северных ворот. Его одежда и фуражка простого поденщика немногим отличались от одежды тех, кто стоял вокруг него, делая его почти неотличимым от них. Отсюда ему была видна большая часть променада, фасад фабрики Струана и улочка рядом с ним, которая вела сюда с главной улицы японской деревни.

Он отвел от неё взгляд и оглядел все вокруг, отыскивая Хирагу или Акимото, уверенный, что они уже где-то здесь, рядом, или скоро будут. Сердце его все ещё гулко стучало после его отчаянного бегства через Пьяный Город и деревню. Как только он увидел пожар у Струана и открытый участок променада, он сразу понял, что обречен быть пойманным, если побежит в ту сторону по улице или берегом, и у него не было времени, чтобы вызвать Тайми, который мог бы сопровождать его или прикрывать с тыла.

«Не то чтобы я решился довериться этим собакам», — подумал он. Сердце забилося ещё быстрее от того, что она была так близко.

До неё было не больше двадцати шагов.

Те, кто увидели её, приподняли шапки и негромко пробормотали слова приветствия, на которые она рассеянно ответила. Ори легко мог отступить назад, где она бы его не заметила, но он остался стоять, где стоял, просто снял шапку, как остальные, и посмотрел на неё. Короткая борода, волевое лицо, любопытствующие глаза, волосы подстрижены коротко, но аккуратно. Её взгляд проплыл по нему, но она не увидела его по-настоящему, не видел его и Вервен, который с приятной улыбкой говорил что-то по-французски.

Они прошли в нескольких шагах от него. Ори подождал, пока они войдут во французскую миссию — сейчас она никем не охранялась, все помогали на пожаре, — и тяжело зашагал назад по переулку. Как только он убедился, что его никто не видит, он перелез через ограду миссии, как проделывал это раньше, и спрятался в том же месте под её окном. Сегодня ставни были не заперты и открыты. Как и дверь в её комнату. Через неё был виден коридор, и он заметил, как они вошли в комнату напротив. Дверь осталась приоткрытой.

Теперь, когда его никто не видел, Ори проверил свой «дерринджер» и убедился, что короткий меч легко вынимается из ножен. Потом он сел на корточки, глубоко вдохнул и начал думать. С того момента, как он увидел Хирагу, он действовал, слепо доверившись своим инстинктам. Дальше так уже не годится, сказал он себе.

«Теперь я должен разработать план. И быстро».

Открытые ставни притягивали к себе, как магнит. Он скользнул через подоконник в комнату.

— Почему вам не переночевать сегодня здесь, мадемуазель и мсье Струан? Места у нас довольно, — сказал Вервен.

Время близилось к ужину, и они сидели в большой гостиной французской миссии и пили шампанское. Джейми только что пришел. Он сообщил, что их пожар потушен, серьезного ущерба нет, только в её покоях налили много воды и слегка пострадали комнаты Струана.

— Если хотите, вы можете расположиться в моих комнатах, тайпэн, — предложил Джейми. — Я улягусь где-нибудь, а мисс Анжелика может занять комнату Варгаша.

— В этом нет никакой нужды, Джейми, — ответила Анжелика. — Мы можем остаться здесь, ни к чему кого-то беспокоить. Я все равно завтра собиралась переезжать сюда. Да, *chéri*?

— Пожалуй, мне было бы удобнее в своих собственных апартаментах. Они в порядке, Джейми?

— О да, в полном. Мисс Анжелика, не хотите ли тогда занять мои комнаты?

— Нет, Джейми, я здесь прекрасно переночую.

— Хорошо, тогда вопрос решен, — сказал Струан. Взгляд его был странен, и он чувствовал себя очень усталым; опиум ещё действовал, приглушая боль, но не глубинную ненависть, которую породил в нем Норберт Грейфорт.

— Мсье Струан, мне не нужно говорить, что мы будем счастливы, если и вы останетесь, — любезно настаивал Вервен. — У нас сейчас есть где разместиться: министр и его помощники в Эдо и пробудут там несколько дней.

— О! — Анжелика была потрясена и не сумела скрыть этого. Завтра Андре должен был забрать лекарство. Они все недоуменно воззрились на неё. — Но Андре говорил мне... он говорил мне, что они все вернутся самое позднее завтра утром, после сегодняшней встречи с сёгуном.

— Это зависит от пунктуальности сёгуна и от того, как пройдет встреча, а наши здешние хозяева являют собой образец пунктуальности для всего остального мира. — Вервен весело фыркнул собственной шутке, добавив напыщенно: — Никогда нельзя загадывать, как пройдут встречи на государственном уровне. Они могут занять день, могут занять и неделю. Ещё бренди, мсье Струан?

— Спасибо, да, бла...

— Но Андре сказал, что встреча назначена на сегодняшнее утро и что они вернутся самое позднее завтра. — Она с трудом сдерживала слезы, готовые заструиться по щекам.

— Дьявольщина, в чем дело, Эйнджел? — раздраженно спросил Струан. — Это что, так важно, когда они вернутся?

— Это... нет, нет, но... но я... я просто терпеть не могу, когда кто-нибудь скажет что-нибудь, а это неправда.

— Вероятно, ты ошиблась. Смешно расстраиваться из-за таких пустяков. — Струан сделал большой глоток из своего бокала. — Ради бога, Эйнджел!

— Возможно, они вернутся и завтра, мадемуазель, — сказал Вервен, всегда и везде дипломат. — Ладно, оставим это, — добавил он с самой елейной своей улыбкой, — ужин подадут не позже чем через час. Мсье Макфей, вы присоединитесь к нам, *bien sûr*?^[29]

— Благодарю вас, нет, мне уже пора. — Макфей задержался у двери. — Тайпэн, мне... э... мне прийти за вами?

— Я в состоянии пройти две сотни шагов без чужой помощи, — вспыхнул Струан. — Абсолютно в состоянии! — «И нажать на проклятый курок сегодня ночью или когда угодно», — хотел он крикнуть ему вслед.

Как раз перед тем как они пришли сюда, Норберт Грейфорт решил сделать передышку: пожар у Броков был почти ликвидирован, — и он вышел на улицу. Струан не заметил его. Джейми стоял рядом с ним и отдавал распоряжения Варгашу и пожарным, доктор Хоуг и доктор Бебкотт поблизости оказывали помощь тем, кто получил ожоги или сломал себе руку или ногу.

Эликсир А Ток оказал своё обычное магическое действие, и Струан чувствовал себя хорошо и уверенно, хотя несколько странно, и его, как всегда, клонило в сон, он грезил: «уснуть и видеть сны, быть может», сны о любви, о соединении с японской девушкой или с Анжеликой, со все нарастающей страстью, их потребность так же велика, как и моя, и принимает все более эротичные формы. Потом, резко, его вырвали назад в злую реальность настоящего.

— Привет, Джейми. Вот ведь сукин сын, а?

— А, Норберт, — сказал Струан, его эйфория помогла ему быть вежливым. — Думаю, что...

Норберт нарочито не замечал его.

— По счастью, Джейми, наши конторы, склады, товары и сейфы не пострадали — я знаю, ты будешь рад это слышать. Только мои

апартаменты. — Потом он сделал вид, что только сейчас заметил Струана, и его голос стал громче и насмешливее, чтобы его могли слышать и другие. — Так-так-так, провалиться мне на месте, если это не юный тайпэн «Ох Какого Благородного Дома» собственной персоной. Добрейший тебе вечерок, парень, выглядишь ты что-то неважно — молоко все вышло?

Все добродушие Струана как рукой сняло. Сквозь опиумный туман до его сознания дошло, что он противостоит злу и его враг сейчас находится перед ним.

— Нет, чего не скажешь о ваших манерах.

— Манеры — не наша сильная масть, парень. — Норберт рассмеялся. — Да, мы не пострадали, дружок. Даже наоборот, наше новое рудное предприятие делает нас «Благородным Домом» в Японии, а к Рождеству и Гонконг будет нашим. Так что топай-ка ты домой, Малкольм.

— Меня зовут Струан, — произнес он, видя себя высоким, сильным и всемогущим, не замечая никого вокруг и того, что Джейми и Бебкотт пытались вмешаться. — Струан!

— А мне нравится юный Малкольм, юный Малкольм.

— В следующий раз, когда вы назовете меня так, я назову вас не знающим своей матери ублюдком и снесу вам башку, не дожидаясь ваших секундантов, клянусь Богом.

После этих слов вокруг них выросла стена глухого молчания, заключив их в себе, как в колодце. Потрескивание пламени и мягкий дразнящий шелест ветра только подчеркивали его бездонную глубину. Новость о вызове, брошенном за обедом, разнеслась по Поселению за считанные минуты, и все ждали, каков будет следующий ход в этой игре, годами исподволь назревавший с тех самых пор, как дед Малкольма, Дирк Струан, погиб, так и не выполнив своей клятвы: убить Тайлера Брока.

Мозг Норберта Грейфорта напряженно работал. Снова он взвесил своё будущее и своё положение в компании Брока, тщательно продумывая следующий шаг, — ставки были огромны. Платили ему хорошо, пока он слушался приказов. Последнее письмо Тайлера Брока открыло двери в рай, без обиняков предлагая ему «загнать Малкольма Струана на самый край, покуда он больной, раненый и не под защитой этой чертовой кошки, моей дочери, да проклянет её Господь на веки вечные! Тебя ждут пять тысяч гиней в год на срок десять лет, ежели этот юнец будет раздавлен в лепешку, покуда он в этих Япониях, можешь идти на любые меры, какие захочешь».

Через шесть дней Норберту исполнялся тридцать один год. К сорока, обычный возраст для выхода на пенсию, средний китайский торговец уже считался стариком. Десять лет по пять тысяч в год составляли поистине

княжескую сумму, которой хватит и ему, и всем его поколениям, хватит на то, чтобы купить себе место в парламенте, стать дворянином, эсквайром, имеющим собственное поместье, жениться на молодой леди, которая принесет в приданое хороший кусок доброй земли в Сюррее.

Сделать выбор было нетрудно. Он приблизил своё лицо к лицу Струана и с удовольствием увидел боль под натянутой кожей — одного роста с ним теперь, когда Струан горбился, опираясь на трости.

— Слушай, юный Малкольм, ты плеснул мне бренди в лицо на обед, так можешь поцеловать мою задницу на ужин.

— Вы-сэр-не-помнящий-своей-матери-ублюдок!

Его противник рассмеялся жестоким издевательским смехом.

— Ты ещё больший ублюдок, не знающий своей матери, если разобраться, ты...

Беккотт вклинился между ними, рядом с его огромной фигурой они стали казаться карликами.

— Прекратите это, вы оба, — сердито приказал он, — оба, слышите! Это общественное место, а подобные ссоры должно улаживать наедине, как то приличествует джентльменам.

— Какой он, к черту, джен...

— Наедине, как джентльмены, Малкольм, — повысил голос Беккотт. — Норберт, чего вы добиваетесь?

— Я дуэли не выбирал, но если этот ублюдок хочет именно этого, так тому и быть! Сегодня, завтра, чем скорее, тем лучше.

— Ни сегодня, ни завтра и ни в какой другой день — дуэли запрещены законом, а я буду у вас в конторе в одиннадцать. — Беккотт посмотрел на Струана, понимая, что никто здесь не в состоянии помешать им драться, если таково будет их обоюдное желание.

Он увидел расширенные зрачки, и это одновременно опечалило и взбесило его. И он, и Хоуг уже давно определили у него пристрастие к наркотику, но что бы они ни делали, что бы ни говорили, он оставался глух к их увещаниям, не дали результата и попытки помешать ему доставать лекарство. — С вами я увижусь в полдень, Малкольм. Тем временем, оставаясь пока что старшим британским чиновником в Йокогаме, я приказываю вам обоим не общаться друг с другом и не нападать друг на друга, частным ли образом или на людях...

Какое-то движение в комнате отвлекло Струана. Только что вошёл Сератар, и все окружили его, приветствуя. Позади него стоял Андре Понсен. Сквозь туман в голове он слышал, как Сератар говорил, что встреча в Эдо закончилась быстро, после того как «мы вышли из тупика и

предложенные Францией компромиссы были приняты, поэтому оставаться там уже не было нужды...»

Его уши вдруг перестали слушать, а глаза сосредоточились на Андре. Высокий, подтянутый, с резкими чертами, красивый француз улыбался Анжелике, которая улыбалась ему в ответ с выражением такого счастья на лице, какого он не видел уже несколько дней. Ревность начала овладевать им, но он прогнал от себя эти мысли. «Это не её вина, — подумал он устало, — и не Андре, она достойна того, чтобы ей улыбаться, а из меня сейчас компаньон никудышный, и я вообще больше не я, мне просто до смерти осточертела эта боль и эта беспомощность. Господи, но я люблю эту женщину, и она нужна мне больше жизни».

Он с трудом поднялся на ноги, извинился и поблагодарил их за гостеприимство. Сератар был, как всегда, очаровательно любезен.

— Но вы, конечно же, останетесь? Мне так жаль, что случился пожар, в море мы совсем не почувствовали землетрясения, нас даже не качнуло. Не тревожьтесь за свою невесту, мы с восторгом будем принимать её у себя, мсье, столько времени, сколько будет необходимо, чтобы навести порядок в ваших апартаментах. Излишне говорить, что мы рады видеть вас в любое время. — Он проводил их до двери: Анжелика настояла на том, чтобы взять Струана под руку и проводить его до дома.

— Я и сам дойду прекрасно, ангел мой, — сказал Струан, с любовью глядя на неё.

— Разумеется, любовь моя, но это доставит мне удовольствие, — ответила она: теперь, когда Андре вернулся, её опять переполняли сострадание и забота. «Ещё лишь несколько часов, и потом я свободна».

Ужин прошел с огромным успехом. Анжелика лучилась.

— А теперь я оставляю вас наедине с вашими сигарами, коньяком и рискованными анекдотами!

— Последний бокал...

Она дала уговорить себя взять бокал с собой, и Вервен проводил её, чтобы убедиться, что окна и новые ставни в её будуаре и в спальне крепко заперты.

Неохотные пожелания спокойной ночи и приятных сновидений, и потом женщины остались одни, заперев на засов дверь в коридор. А Со раздела её, расчесала ей волосы и убрала платье с кринолином в глубокий шкаф, где висела другая одежда, а белье уложила в комод, и все это время Анжелика со счастливым видом напевала про себя, довольная, что осталась здесь, успокоенная насчет завтрашнего дня, ликуя в душе, что ей так легко

удалось остаться одной и что пожар и землетрясение не только не причинили вреда никому из них и не помешали её плану, но даже наоборот, все упростили.

«Я помирю Малкольма и Джейми, это плохо, что они отдалились друг от друга, — думала она в приятном возбуждении, жажда ещё давала себя знать, но совсем не сильно, и вина было довольно. — Как я благодарна Богу за Андре! Интересно, как выглядит эта Ёсивара и его девушка. Я попрошу его рассказать мне о ней, и мы сможем вместе смеяться...»

— Спокойной ночи, мисси. — Слова А Со прервали течение её мыслей. Китайка грузно направлялась к софе в будуаре. Последний раз, когда её горничная спала там, даже с закрытой дверью в спальню, храп её был оглушительным и ещё больше растрогал её.

— Нет, А Со, нет спать здесь! Ты уходить, вернуться чоп чоп с кофе, утром, хейа?

Женщина пожала плечами.

— Спокойной ночи, мисси.

Анжелика заперла за ней дверь и в теплом свете, наконец-то совершенно одна, в мире и покое, лениво закружилась, мурлыча про себя мотив вальса. Через мгновение ухо её уловило приглушенные звуки фортепиано. А, это Анри, подумала она, узнавая его манеру. Он хорошо играет, лучше, чем Вервен, но с Андре его не сравнить. Шопен. Мягкий, тонкий, романтический.

Она раскачивалась в такт чудесной мелодии, потом заметила себя в высоком зеркале. Секунду-другую она рассматривала себя, поворачиваясь то одной, то другой стороной, потом приподняла груди, как они это часто делали с Колеттой, выпячивая их так и эдак, чтобы посмотреть, в каком положении они выглядели более обворожительно, в каком — менее.

Глоток шампанского, шипучие пузырьки покалывали язык, музыка и вино кружили голову. Внезапный взволнованный порыв, и она уронила пеньюар с плеч, потом медленно потянула ночную рубашку все выше и выше, заигрывая с отражением в зеркале, восхищаясь ногами, лоном, бедрами, грудью и вот уже совершенной наготой той, другой особы, принимая то одну позу, то другую, пользуясь скомканной рубашкой, чтобы скрыть и чтобы обнажить.

Ещё один глоток шампанского. Потом она обмакнула в вино палец и смочила им напрягшиеся соски — она читала, что так делали великие парижские куртизанки, используя иногда сладкое «Шато д'Икем» там и в других местах. Любопытно, что две наши самые знаменитые куртизанки в столице мира — англичанки.

Она хохотнула про себя, вся во власти ночи, музыки и вина. Когда я рожу одного или двух сыновей и мне будет, скажем, двадцать один и у Малкольма появится любовница, а я буду готова для своего особого, неповторимого любовника, именно это я сделаю в первую очередь — для его удовольствия и для своего, а перед этим — для удовольствия Малкольма.

Ещё глоток, потом ещё, потом остальное, томно слизнув последнюю каплю, потом, глядя в зеркало, она пробежала язычком по бокалу, играя с ним. Снова короткий хохоток. Она поставила бокал на туалетный столик, он покатился и упал на ковер, но она не заметила этого, слух её был настроен только на Шопена и его томящуюся в самой глубине страсть — глаза не отрываясь смотрели в зеркало, теперь отраженный образ был совсем рядом, бесстыдно близко.

Она лениво подалась вперед и увернула фитиль лампы, тени стали мягче, потом отодвинулась немного. Девушка в зеркале все ещё оставалась там, очаровательная, полная неги и сладострастия. Пальцы ожили словно сами по себе и отправились путешествовать по телу, скользя, поглаживая, сердце забилось быстрее, трепеща от растущего наслаждения. Глаза закрылись. Она представила Малкольма, высокого, сильного, очень сильного, сладко пахнущего, вот он ведет её в спальню, кладет поверх покрывал, ложится рядом, такой же нагой, как она, его пальцы всюду порхают по ней, лаская.

Ори тихо открыл дверь шкафа в соседней комнате, бесшумно прошел вперед и теперь стоял глубоко в тени рядом с полуоткрытой дверью, наблюдая за ней. Сердце тяжело стучало у него в ушах. Ему было легко спрятаться среди коробок и висящих платьев и кринолинов, легко было скользнуть ещё дальше вглубь, сделавшись невидимым, когда горничная открыла дверцу шкафа и потом опять закрыла её. Легко было услышать, как запираемый засов звякнул в последний раз, и определить, когда Анжелика осталась по-настоящему одна.

В полутьме спальни она лежала на простынях, глаза закрыты, мелко вздрагивая время от времени, лицо в тени, часть тела в тени, тени танцевали, когда движение воздуха в комнате играло крошечным огоньком. Ему казалось, что он ждет целую вечность. Беззвучно он вступил из тьмы на порог. Дверь со щелчком закрылась за ним. Далекая музыка оборвалась. Её глаза открылись, посмотрели в его сторону, и она увидела его.

Какое-то чувство подсказало ей, что это был он — убийца с Токайдо, отец ребенка, которому никогда не суждено родиться, надругавшийся над ней, но не оставивший в памяти никакой боли или ощущения насилия,

лишь эротические фантазии, сон, перемешавшийся с явью, — и что она была беззащитна и сегодня ночью он убьет её.

Оба замерли, едва дыша. Неподвижные, как изваяния. Оба ждали, когда шевельнется другой. Потрясенная, она видела этого юношу, ненамного старше её самой, чуть выше ростом, меч в ножнах на поясе, правая рука на рукояти, аккуратные короткие борода и волосы, широкие плечи, узкие бедра, грубая рубашка, короткие широкие штаны, сильные икры и ноги, крестьянские сандалии. Лицо в тени.

Это ещё один сон, конечно же, это сон, и нечего бояться...

Озадаченно нахмурившись, она оперлась головой на руку, показав ему другой рукой, чтобы он вышел на свет.

Этот жест на мгновение вызвал в нем то же нереальное, похожее на сон состояние, что и у неё, его ноги послушно шагнули вперед, и когда она увидела это словно высеченное из камня лицо, такое непривычное и чужое, эти темные глаза, наполненные таким желанием, она открыла рот, чтобы спросить: «Кто ты, как тебя зовут?», но он подумал, что она собирается закричать, и в панике прыгнул к ней, обнаженный клинок, дрожа от напряжения, замер у её горла.

— Нет, пожалуйста, — ахнула она, вжавшись в подушку, а когда он не понял, покачала головой, цепenea от ужаса. Глаза умоляюще смотрели на него, каждая частичка её пронзительно кричала: «Ты умрешь, на этот раз спасения нет!» — Нет... пожалуйста.

Испуг соскользнул с его лица и, стоя над ней, чувствуя в груди те же громopodobные удары сердца, что и она, он приложил палец к губам, предупреждая её, чтобы она хранила молчание, не кричала и не двигалась.

— Ийе, — хрипло прошептал он, добавив: — Нет!

Капля пота скатилась по его щеке.

— Я... я не издам ни звука, — пробормотала она, плохо соображая от ужаса. Она потянула на себя покрывало, чтобы прикрыть живот. Он тут же рывком отбросил его назад. Сердце её остановилось. Но в ту же секунду она поняла, какой-то первобытный инстинкт, до сей поры спавший в её сознании, подтолкнул её, вывел в иную плоскость, и она почувствовала, как ею овладевает новое знание. Ужас начал понемногу отступать. Какие-то голоса словно проснулись и зашептали внутри неё: «Будь осторожна, мы сумеем направить тебя. Следи за его глазами, не делай резких движений, сначала меч...»

С колотящимся сердцем она посмотрела ему в глаза и приложила палец к губам, как это только что сделал он сам, мягко показала на клинок и жестом попросила убрать его.

Он был как взведенная пружина, ожидая в любую секунду, что она метнется к двери и закричит, он знал, что без труда сможет заставить её замолчать, но это не входило в его план: она должна была броситься к двери, когда этого захочет он, а не она, и тогда уже кричать и кричать, чтобы разбудить врага, потом он полоснет мечом один раз и убедится, что она мертва, а затем станет ждать и, когда они прибегут, он крикнет: «Сонно-дзёи», повернет меч против себя и, плюнув в их лица, умрет. Таков был его план — один из многих, которые он рассмотрел: взять её силой, потом убить её, потом себя или просто тихо убить её сразу же, как он должен был сделать в первый раз, убить, невзирая на владевшую им теперь страсть, оставив, как и раньше, надпись «Токайдо» на простынях, и бежать через окно. Но она вела себя совсем не так, как он ожидал. Взгляд неотрывно устремлен на него, рука показывает, чтобы он убрал клинок, небесно-голубые глаза просят, не умоляют, в них напряжение, но ужаса теперь нет. Загадочная, пугающая полуулыбка. Почему?

Клинок не шелохнулся.

«Будь терпелива», — шептали ей голоса...

Она вновь показала, чтобы он убрал острие, без спешки, внушая ему взглядом, чтобы он подчинился. Его глаза сузились ещё больше. С усилием они оторвались от её лица и заметались по её телу, но её глаза неумолимо притягивали его взгляд к себе. Что он замышляет? Он настороженно опустил меч и ждал, готовый нанести удар.

Он стоял рядом с кроватью. Со спокойной неторопливостью её руки начали расстегивать его рубашку, потом замерли. В свете лампы на его шее блеснул крест, её крест. Неожиданность, с которой утраченное навсегда чудесным образом вернулось к ней, наполнила её странным ликованием и, словно во сне, она смотрела, как её пальцы коснулись его, чуть подрагивая. Непонятно почему, но ей доставило удовольствие то, что он взял этот крестик с собой и носит его — частица её с ним навечно, как и частица его была навсегда с ней, — но даже крест, её крест, не отвлек её.

Она осторожно сняла рубашку с плеч, спустила вниз правый рукав, мягко стянула его через короткий меч, который он крепко сжимал, готовый в любой момент пустить в ход. Её пристальный взгляд заскользил по нему, по ране на плече, только что зажившей, мускулистому телу. Вернулся к ране.

— Токайдо, — тихо произнесла она, не как вопрос, хотя он понял её именно так.

— Хай, — пробормотал он. Он смотрел и ждал, задыхаясь от страсти. — Хай.

Снова блеснул крест.

— Канагава?

Он кивнул, едва дыша, зачарованный ею, и она с радостью убедилась, что была права с самого начала, и теперь, когда он стоял перед ней почти голый, она больше верила в успех плана, который поднялся из самых глубин её и поглотил весь её разум. Она протянула руку и коснулась пояса, все так же глядя ему в глаза, и почувствовала, как он чуть уловимо задрожал. Жаркий ток пробежал по ней при этой победе.

«Не бойся, — говорили голоса. — Продолжай...»

Её пальцы нашли пряжку. Расстегнули её. Пояс упал, ножны вместе с ним. Широкие штаны соскользнули на пол. Под ними он носил набедренную повязку. Стиснув зубы, он невероятным усилием заставил себя стоять неподвижно, слегка расставив ноги, равномерно распределив на них вес тела, удары собственного сердца сотрясали его, глаза были прикованы к её глазам.

«Продолжай, — шептали голоса, — не бойся...»

Вдруг образ его, запутавшегося в паутине, которую мириады поколений женщин до неё, беззащитных в такой же мужской западне, помогали ей ткать, неожиданно подстегнул её решимость, все её ощущения обострились, она как бы слилась с ночью, став её частью, но при этом отдельной частью, и могла видеть словно со стороны себя и его. Её пальцы развязали тесемку, и он предстал перед ней в первозданной наготе.

Она никогда не видела мужчину таким. Если забыть о ране, он был безупречен. Как и она сама.

Какое-то мгновение он ещё продолжал сдерживать свою страсть, потом вся его воля улетучилась, он швырнул меч на постель и накрыл её, но она захлопнулась под ним, словно устрица в раковине, и дернулась в сторону, он тут же отскочил назад, схватив меч прежде, чем до него могла бы добраться она, но она не сделала такой попытки, просто лежала рядом, глядя на него: он сидел на коленях, держа меч наготове — ещё один фаллос, направленный на неё.

Все в той же круговерти сна и яви, она покачала головой, говоря ему, чтобы он положил меч, забыл о нем, лег рядом с ней.

— Не нужно спешить, — мягко сказала она, зная, что он не поймет слов, только жесты. — Ляг сюда. — Она показала ему, куда. — Нет, будь нежен. — Она показала ему как. — Поцелуй меня... нет, не так жестоко... нежно.

Она показывала ему все, что хотела, что хотел он, устремляясь вперед, отступая. Скоро возбуждение охватило её, и тогда, когда они наконец

соединились, она взорвалась, увлекая его на самую вершину и потом, вместе с собой, в пропасть.

Когда её частое, прерывистое дыхание стало немного спокойнее и уши опять смогли воспринимать звуки извне, музыка все ещё звучала, но далеко-далеко. Никаких звуков, которые говорили бы об опасности, только его дыхание, такое же прерывистое, как и её собственное, тело легкое, идеально слившееся с её телом. Словно было предназначено именно для неё. Вот этого она никак не могла понять — как или почему его тело казалось ей созданным именно для неё. Или как и почему могла она испытывать такое возбуждение, пережить такой экстаз. Он шевельнулся, размыкая объятия.

«Нет, — быстро сказали ей голоса, — удержи его, не позволяй ему двигаться, берегись, опасность ещё не позади, не отступай от плана...»

Её руки крепче сжали его.

Они проспали около часа, и когда она проснулась, он лежал рядом с ней, тихо дыша. Его лицо во сне было юным и безмятежным, одна рука крепко сжимала меч, другая касалась креста, который он носил с такой естественностью.

«Это был мой самый первый подарок, говорила мне маман, я получила его в первый день своей жизни и не снимала с тех самых пор, только цепочка менялась. Он теперь его, или мой, или наш?»

Его глаза открылись, и дрожь пробежала по её телу.

В первый миг он не мог сообразить, где он, не сон ли все это, потом он увидел её, все такую же прекрасную, все такую же желанную, все так же рядом с ним, её странная полуулыбка омывала его с головы до ног. Завороженный, он протянул руку к ней, и она откликнулась на его прикосновение, чтобы слиться с ним снова, но теперь уже без ярости и спешки. Только чтобы продлить.

Потом, в совершенном полусне, он хотел сказать ей, как бесконечны были его Облака, Пролившиеся Дождем, как он восхищался ею и был благодарен ей, погруженный в глубокую печаль, оттого что должен был прервать её жизнь, эту её жизнь. Но не грустя о том, что его собственная смерть была близко. Теперь благодаря ей он умрет исполненный, её смерть освятит справедливое дело Сонно-дзёи.

«А, — подумал он с внезапной теплотой, — в ответ на такой дар, может быть, принести ей равный ему дар, самурайский дар, самурайскую смерть: никаких криков ужаса, в один миг жива, в другой — мертва. Почему бы нет?»

Обретя с этим полный покой, сжимая в руке обнаженный меч, он

позволил себе соскользнуть в черное пространство, не наполненное никакими сновидениями.

Её пальцы коснулись его. Он тут же проснулся, готовый защищаться или нападать, крепко сжимая меч. Он увидел, как она показала на зашторенное, с закрытыми ставнями окно, приложив палец к губам. Снаружи приближался чей-то свист. Звук стал громче, потом начал затухать.

Она вздохнула, склонилась над ним, тесно прижалась, поцеловала в грудь, потом, так радостно, показала на часы на туалетном столике: четыре пятнадцать утра — и снова на окно. Она выскользнула из кровати и знаками дала ему понять, что он должен сейчас одеться и уйти и вернуться ночью, что ставни будут не закрыты. Он замотал головой, притворяясь, что дразнит её, и она подбежала к нему — тени и её тело под прозрачной рубашкой привели его в восхищение — опустилась на колени подле кровати и зашептала, умоляя его:

— Пожалуйста... пожалуйста...

Его дух смутился. Никогда в жизни он не видел подобного выражения на женском лице, позволявшего видеть такую глубину страсти, которая была вне его понимания — он не знал слова «любовь», его не было в японском языке. Эта страсть, подобно высокой волне, накрыла его с головой, но не отвлекла от его решения.

Так легко изобразить согласие, готовность уйти, вернуться ночью. Пока он одевался, она была рядом с ним, помогая ему, отпуская его с неохотой, желая, чтобы он остался, заботясь о нем и защищая его. Приложив палец к губам, почти как девочка, она отодвинула занавеси, неслышно открыла окно, отперла ставни и украдкой выглянула наружу.

Воздух был чист. Тьма посерела перед рассветом. Небо в мелких облаках. Море спокойное. Она не услышала и не увидела никакой опасности, только вздохи волн на песчаном берегу. Вдоль Хай-стрит только редкие ниточки дыма напоминали о пожарах. Кругом ни души, Поселение мирно спало.

Он встал позади неё и понял, что момента лучше не будет. Его рука подняла клинок, костяшки пальцев побелели. Но он не нанёс удар, потому что, когда она повернулась к нему, нежность и тревога за него, читавшиеся на её лице, лишили его решимости, это и та страсть, которая все ещё владела им. Она быстро поцеловала его, потом высунулась снова и посмотрела в обе стороны, чтобы убедиться, что все спокойно.

— Нет, пока нет, — тревожно прошептала она, заставляя его

подождать, её рука на его талии.

И когда она была уверена, она снова повернулась к нему, ещё раз поцеловала его, потом показала, что ему нужно торопиться. Он молча перешагнул через подоконник, и как только оказался в саду, она захлопнула ставни; запор, клацнув, встал на место, и тишину ночи прорезал её сумасшедший вопль:

— Помоги-и-и-ите-е-е-е...

Ори был парализован. Но лишь на мгновение. В слепой ярости он вцепился в ставни, её непрекращающиеся крики и сознание, что его одурачили, привели его в исступление. Пальцы, превратившиеся в когти, распахнули одну ставню, почти сорвали её с петель. В эту секунду первый из французских часовых выбежал из-за угла с ружьем наизготовку. Ори увидел его и среагировал первым, он выхватил «дерринджер» и нажал на курок, но промахнулся с обоих стволов, потому что раньше никогда не стрелял; пули царапнули кирпичную стену и с визгом улетели в ночь.

Часовой не промахнулся ни в первый раз, ни во второй, ни в третий, и у себя в комнате Анжелика, скорчившись у стены и зажав уши руками, возликовала. Одинокая, не знающая, что думать, что делать, не соображающая, плачет она или смеется, она поняла только одно: она победила, и теперь она в безопасности и отомщена. И все это время её внутренние голоса ликовали вместе с ней: «Ты победила, умница, ты была чудесна, изумительна, ты великолепно довела свой план до конца, теперь ты в безопасности, он больше не страшен тебе, ты освободилась от него навсегда!»

— Навсегда? — всхлипнула она.

«О да, ты жива, он мертв, конечно, за все нужно платить, но не переживай, не бойся...»

Платить? Что... О боже, я забыла про крест, мой крест все ещё у него!

Посреди нарастающего шума и беготни снаружи и громовых ударов в её дверь из коридора её начала бить дрожь. Яростная и неукротимая.

Пятница, 7 ноября

Днём фрегат Её Величества «Жемчужина» возвратился из Эдо. Он шел под всеми парусами и, появившись в оживленной гавани Иокогамы, стремительно полетел к месту своей обычной стоянки. Флаг сэра Уильяма развевался на топе мачты, другие сигнальные флажки немедленно требовали к борту его катер, но они оказались лишними, поскольку его баркас уже ждал на рейде; рядом с ним покачивался паровой катер Струана — Джейми нетерпеливо поглядывал на фрегат с кормы. Все на берегу, кто заметил «Жемчужину», остановились посмотреть, удастся ли её капитану справиться со своим высокомерным броском, порывистый ветер и высокая скорость под парусами делали его маневр весьма рискованным. Носовая волна была высокой, море чистым. В последнюю секунду корабль развернулся против ветра и встал, дрожа всем корпусом; его бушприт оказался точно над бумом, отмечавшим место стоянки, как раз с подветренной стороны. Тут же опрятно одетые матросы сбросили веревочные канаты на швартовочную тумбу, закрепив судно, пока другие карабкались наверх, чтобы свернуть паруса.

Совсем не плохо, с гордостью подумал Джейми, потом крикнул:

— Полный вперед, подойти к борту. — Он должен был первым успеть к трапу, чтобы перехватить сэра Уильяма, как приказал Малкольм. — Быстрее, Тинкер, ради Христа!

— Есть, слушаюсь, сэр-р, — Тинкер, рулевой Струана, улыбнулся беззубой улыбкой, уже открыв дроссели на полную мощность. Он был старым моряком, седеющие волосы были заплетены сзади в короткую косичку, тело покрывала татуировка, раньше он служил помощником боцмана на одном из их клиперов. Тинкер с ревом промчался мимо восьмивесельного катера сэра Уильяма, к досаде его матросов, добродушно выпустил в их сторону длинную струю черной от табака слюны, показал им торчащий средний палец и в гордом одиночестве подвалил к борту фрегата. Джейми вспрыгнул на трап. На главной палубе он приподнял шляпу, приветствуя дежурного офицера, гардемарина со свежим лицом.

— Разрешение ступить на борт, послание для сэра Уильяма.

Гардемарин вернул приветствие.

— Разумеется, сэр.

— В чем дело, Джейми, что там, чёрт побери, стряслось на этот

раз? — крикнул сэр Уильям с капитанского мостика; рядом с ним стояли Филип Тайрер и капитан Марлоу.

— Прошу прощения, сэр, в Поселении поднялась некоторая сумятица, и мистер Струан подумал, что мне следует ввести вас в курс дела со всеми деталями.

— Вы можете воспользоваться моей каютой, сэр Уильям, — предложил Марлоу.

— Благодарю вас. Вам лучше пройти туда вместе со мной, в конце концов, вы «адмирал, командующий нашей морской обороной», хотя бы и временно.

Марлоу рассмеялся.

— Что-что, а уж адмиральское жалованье мне бы никак не помешало, сэр, если уж не сам чин, хотя бы и временно.

— Кто бы из нас от него отказался! Пойдемте, Филип, вы тоже. — Они последовали за ним, Марлоу последним. Перед тем как покинуть мостик, он подозвал к себе своего старшего помощника.

— Машинному отделению поднять пар, все пушки вычистить, смазать, приготовить к бою, команде приготовиться занять боевые места.

Они расселись в небольшой, спартанского вида каюте на корме, с койкой, отдельным гальюном и столом для карт.

— Итак, Джейми?

— Во-первых, сэр Уильям, тайпэн и все торговцы хотят поздравить вас с успехом, достигнутым на встрече.

— Благодарю вас. Что за сумятица?

— Возникли неприятности: сегодня рано утром какой-то джапо попытался вломиться в спальню Анжелики во французской миссии, часовые стреляли в него, убили наповал. Доктор Хоуг и доктор Бебкотт бы...

— Боже милосердный, она пострадала? Он коснулся её?

К их облегчению, Джейми покачал головой.

— Нет, сэр, она сказала, что слышала, как он возился со ставнями, и начала кричать во все горло и...

— Так, значит, там все же был кто-то в тот, прошлый, раз! — вырвалось у Тайрера. — А вовсе не ветер гремел ставнями!

— Мы все склоняемся к тому же мнению. — Джейми быстро продолжал: — Вызвали Бебкотта и Хоуга. Она была в шоке, он не причинил ей вреда, как я уже говорил, но её всю трясло. Они осмотрели убитого, и Хоуг тут же заявил, что это был тот самый джапо, которому он сделал операцию в Канагаве... — Филип Тайрер охнул, и Марлоу бросил

на него быстрый взгляд. — ... он же, как мы подозреваем, был одним из убийц Кентербери, и он же мог быть тем джапо в нашей миссии в Канагаве, которого тогда пытались поймать капитан Марлоу и Паллидар.

— Чёрт возьми меня совсем! — Сэр Уильям посмотрел на Тайрера, который сидел с белым лицом. — Как вы думаете, вы могли бы узнать его, Филип?

— Не знаю, не думаю. Малкольм, возможно, смог бы, я не знаю. Разум сэра Уильяма подгонял его вперед: если это тот самый человек, тогда получается, что оба предполагаемых убийцы мертвы, и каким образом это может повлиять на наше требование о компенсации?

— Французская миссия, да? Поразительно, как это они подстрелили этого негодяя, охрана у них и в лучшие времена была поставлена просто ужасно, а из ружей они стреляют ещё хуже. Но почему этот человек оказался там, он охотился за ней или что?

— Мы не имеем представления, сэр. Оказалось также, что он католик — по крайней мере, на нем был крест. Ко...

— Это любопытно! Но... но погодите-ка, Анжелика там? Я почему-то думал, что она переехала назад в факторию Струана.

— Так оно и было, но её покои пострадали при пожаре. Я забыл упомянуть, после землетрясения, сэр, у нас вспыхнул небольшой пожар, у нас и также у Норберта. Фра...

— Жертвы есть?

— Нет, сэр, благодарение Богу, ни у нас, ни где-то ещё в Поселении, насколько нам известно. Французы предложили приютить её у себя, но...

— А Малкольм Струан тоже там ночевал?

Джейми вздохнул от этих постоянных вопросов.

— Нет, сэр, он ночевал у нас в фактории.

— Получается, что здание не слишком пострадало.

— Нет, сэр, к счастью, нет. И во всем Поселении особых разрушений нет, хотя Норберт потерял большую часть своего верхнего этажа.

— Ну, это должно было доставить вам удовольствие. Значит, девушка цела и невредима, злодей мертв.

— Тогда останется один Норберт, — сладко проговорил сэр Уильям.

— Чёрт подери, ну хорошо, — согласился Джейми, очень недовольный. Он понимал, что берется за неблагодарную работу. — Норберт, говорите? Вы слышали уже о Норберте и тайпэне?

— А что с ними такое?

Джейми рассказал ему о ссоре и о вызове.

— Ставят пять к одному, что они тайком встретятся как-нибудь на

рассвете, и один из них кончит очень-очень мертвым.

Сэр Уильям возвел глаза горе и сказал устало:

— Стоило мне отлучиться на три дня, и все полетело к чертям. — Он ненадолго задумался. — Филип, вы прикажете им обоим завтра первым делом явиться ко мне в кабинет. — Тон его голоса изменился, и Тайрер и Макфей поморщились, настолько он стал ядовитым: — Намекните обоим заранее, что им будет лучше набраться разума, укоротить норов, внимательно выслушать и принять за руководство мои смиренные пастырские наставления. Рулевой! Разгоните же вы эту чертову посудину, ради самого Господа!

— Есть, есть, сэр-р...

— Вы захватили мой портфель, Филип?

— Да, сэр. — Филип возблагодарил Небо, что не забыл это сделать.

— Привет, Эйнджел, как ты себя чувствуешь?

— Здравствуй, дорогой, я, мне гораздо лучше, спасибо. — Анжелика тускло улыбнулась вошедшему Струану. Он закрыл за собой дверь. Она сидела опершись на подушки в своей спальне во французской миссии; полдень давно прошел, и солнце мягко заглядывало в окно, оставляя на занавесях тень часового, постоянно находившегося теперь снаружи.

Ранним утром, когда Струан примчался — приковылял — к её постели, она отказалась переезжать, сколько он её ни уговаривал, владея собой достаточно хорошо, чтобы не забыть: ей во что бы то ни стало нужно остаться здесь, потому что сегодня вечером Андре Понсен доставит лекарство, которое очистит её от зла. Нет, не зла, да, зла, хотелось кричать ей, Андре очистит меня от зла, которое я ношу в себе, и от зла, которое я совершила.

— О, Mon Dieu, Малкольм, со мной все в порядке и я не хочу переезжать!

— Пожалуйста, не плачь, дорогая, прошу тебя.

— Тогда оставь все как есть, Малкольм. Все в порядке, я в полной безопасности, я всегда была в безопасности, и доктор Беккотт дал мне что-то, чтобы унять эту дрожь, не правда ли, доктор?

— Правильно, Малкольм, — кивнул Беккотт, — и, пожалуйста, не волнуйтесь, с Анжеликой все в совершенном порядке, проснувшись, она будет здорова-здоровехонька. Лучше не тревожить её сейчас. Не переживайте.

— Но я, чёрт подери, как раз переживаю!

— Вечером, возможно, ей можно будет вер...

— Нет, — всхлипнула она, и слезы побежали по её щекам, — не сегодня, может быть, завтра.

Хвала Создателю за слезы, снова подумала она, глядя, как Малкольм приближается к её кровати, зная, что это Небом посланное оружие против мужчин, почитавшееся всеми за слабость, было могучим щитом. Его улыбка была радостной, но она заметила темные круги у него под глазами, что показалось ей странным, и почувствовала в нем усталость.

— Я забегал сегодня ещё раз, но ты спала, и я не захотел тебя беспокоить.

— Ты никогда не смог бы меня побеспокоить. — Его тревога за неё, его любовь была так открыта, так глубока, что ей пришлось стиснуть зубы, чтобы сидеть тихо и не выпалить ему беспомощно всей правды. — Не тревожься, мой самый дорогой, скоро все будет чудесно, я обещаю.

Он сел в кресло рядом с кроватью и чуть не рассказал ей о том, как его и Норберта предупредили, что завтра утром им обоим надлежит предстать перед ним. Они тотчас тайно встретились:

— Крошке Вилли нечего совать сюда свой чертов нос, — согласился Норберт с язвительной миной, — пусть у него голова болит о японцах и о том, как поскорее вернуть флот! Послушай, этот грабитель, я слышал, ты опознал в нем одного из убийц старины Кентербери, второго ублюдка с Токайдо?

— Нет. Я думаю, это был кто-то другой, хотя у него действительно огнестрельная рана. Хоуг сказал, что именно его он оперировал в Канагаве.

— Почему он оказался у её окна, а?

— Не знаю... это странно. Просто хотел что-нибудь украсть, наверное.

— Странно, что и говорить. И католик к тому же. Странно... Струан увидел, что Анжелика ждет, когда он продолжит, и спросил себя, не следует ли ему сейчас открыто обсудить с ней этот предмет, все почему, связанные с этим человеком, узнать, что думает она, поделиться своими соображениями, но она выглядела такой хрупкой, такой беззащитной, что он решил дожидаться другого дня и другого раза — поганец мертв, кем бы он ни был, и дело с концом.

— Когда я вернусь после ужина, я принесу последний выпуск «Иллюстрейтед Лондон ньюс», там есть огромная статья о новинках лондонской моды...

Анжелика слушала его вполуха, избегая смотреть на часы на каминной полке, которые с тихим изящным «тик-так» отсчитывали минуты. Андре сказал ей, что вернется из Ёсивары около девяти часов, что она должна приготовить к этому времени чайник теплого зеленого чая и что-нибудь

сладкое закусить, потому что состав может иметь очень неприятный вкус. А также несколько полотенец, и было бы лучше всего, если она не станет принимать больше снотворного настоя Бебкотта.

Она взглянула на часы. Шесть сорок пять. «Как долго тянется это ожидание», — подумала она, начиная волноваться. Тогда внутренние голоса ожили снова. «Не тревожься, — шептали они, — часы пролетят быстро, а потом ты будешь свободна, не забывай, что ты победила, Анжелика, ты была такой храброй, такой умной, ты сделала все как нельзя лучше; не тревожься ни о чем, ты осталась жить, а он умер, и это был единственный способ, которым ты, или любая женщина, могла сохранить себе жизнь; скоро ты станешь свободна, от него, от этого, и все, что было раньше, останется в памяти, лишь как дурной сон...»

«Я стану свободна, слава Богу, слава Богу».

Чувство пьянящего облегчения нахлынуло на неё. Она улыбнулась ему.

— Как ты красиво выглядишь, Малкольм. Твой вечерний костюм безупречен.

Теплота её голоса в одно мгновение заставила его забыть о своём мрачном настроении, сплошной ужас окружал его со всех сторон — кроме неё. Он просиял.

— Ах, Эйнджел, если бы не ты, моя голова, наверное, разлетелась бы на куски. — Сегодня он очень долго и тщательно выбирал подходящий шелковый костюм и полусапоги из мягчайшей оленьей кожи, снежно-белую рубашку с оборками и белый же галстук с рубиновой заколкой, которую отец подарил ему на его последний, двадцатый, день рождения 21 мая. Только шесть месяцев ещё, и тогда я свободен, подумал он, свободен делать все, что захочу. — Ты — единственное, что не дает мне сойти с ума, ангел мой, — сказал он, и его улыбка прогнала последних из её демонов.

— Спасибо, мой дорогой. Разлетелась бы на куски? Почему?

— А, просто бизнес, — небрежно ответил он, избегая серьезного разговора. — Проклятые политики портят нам рынки, одержимые обычным для них стремлением к личной власти, деньгам, продвижению вверх. Всегда и всюду одно и то же, возьми любую страну, веру, знамя. В общем и целом, впрочем, «Благородный Дом» стоит крепко, благодарение Богу, — заверил он её, не останавливаясь на кризисе, который грозил им с гавайским сахаром, и все сильнее сжимавшейся руке Брока на рынках «Благородного Дома» и его источниках финансирования.

Вчера он получил открыто враждебное письмо от банка «Виктория», центрального банка Гонконга, подконтрольного Броку. Это была копия

письма, направленного Тесс Струан, директору-распорядителю, «Струан и К^о». На его копии стояло: М. Струану, эсквайру, Иокогама, только для информации:

Мадам! Настоящим я лишь ещё раз напоминаю вашей компании о её постыдной задолженности и слишком большом количестве долговых обязательств, опирающихся на сомнительные активы и постыдные прибыли, большая часть каковых обязательств подлежит к оплате 31 января, а также уведомляю вас, мадам, в очередной раз, что выплату по всем вышеуказанным крайне неблагородным обязательствам, принадлежащим банку, необходимо произвести точно в срок. Имею честь оставаться вашим, мадам, покорнейшим слугой.

«Чёрт с ними, с этими вшивыми ублюдками, — с уверенностью подумал он, — я найду способ перехитрить и их, и всех Броков. Убийство Норберта станет хорошим началом. У нас отличные управляющие и сотрудники, наш флот по-прежнему самый лучший и наши капитаны преданы нам».

— Не обращай внимания на Броков и всякие слухи, Эйнджел, мы сумеем с ними справиться, всегда справлялись. С началом гражданской войны в Америке наши прибыли взлетели вверх невероятно. Мы помогаем Югу вывезти хлопок через блокаду северян для наших фабрик в Ланкашире и везем обратно весь порох, боеприпасы, ружья, пушки, какие только способен произвести Бирмингем, половину для Юга, половину для Севера — вместе со всем остальным, что наши фабрики могут изобрести и предоставить: паровые машины, прессы, туфли, корабли, сургуч. Британия — гигантский производитель, Анжелика, более половины всех промышленных товаров в мире изготовлены у нас. А потом, у нас есть ещё торговля чаем и поставка бенгальского опиума в Китай, невиданный урожай собран в этом году — у меня есть идея, как закупить индийский хлопок, чтобы восполнить недопоставки из Америки, и вместе со всеми нашими обычными грузами... Англия самая богатая и самая процветающая страна на свете, и ты прекрасна.

— Благодарю вас, добрый сэр! Je t'aime — я действительно люблю тебя, Малкольм, я знаю, я очень трудное создание, но это так, и я буду тебе чудесной женой, я обещаю и...

Он тяжело поднялся из своего кресла и заткнул ей рот поцелуем — крепкий запах сигар и помады был мужественным и приятным. Руки,

обнимавшие её, были мускулистыми и сильными, одна скользнула ей на грудь, и она почувствовала её тяжелую огрубелость, жесткие губы с едва уловимым привкусом бренди. Полная противоположность ему.

«Забудь о нем», — зашептали голоса.

Я не могу, пока ещё нет.

Склоняться над ней вот так было чудовищным напряжением для его раненой спины и мышц живота, поэтому он с усилием выпрямился, хотя с радостью овладел бы ею сейчас, согласись она на это, несмотря на любую боль.

— Чем скорее мы поженимся, тем лучше, — сказал он, уверенный, что почувствовал, как её губы, грудь и тело ответили на его ласки.

— О да, пожалуйста, да.

— На Рождество. Это уже в следующем месяце.

— Как ты думаешь... присядь, дорогой, отдохни немного. Не следует ли нам обсудить... когда мы должны вернуться в Гонконг?

— Я, я ещё не решил. — Радостная безмятежность оставила его, когда он подумал о встрече с матерью.

— Может быть, нам следует отправиться на следующей неделе и...

— Не раньше чем я буду здоров. — «И перестану принимать болеутолитель, — подумал он, и внутри у него все заскрежетало, — тогда я смогу справиться с ней, с Броксом и с этим проклятым банком. — Перед самым приходом сюда он принял вторую дозу за день раньше, чем обычно. — Я выпью ещё одну перед сном, тогда начну завтрашний день с полными силами. Отныне одна доза в день — и все. Сегодня у меня все равно не получилось бы начать — тут и прошлая ночь, и ссора с Норбертом, и... в общем, вчерашний день выдался совсем ни к черту».

— Не ломай над этим свою очаровательную головку.

— Но я так волнуюсь за тебя. Малкольм, я бы ни в коем случае не хотела ни во что вмешиваться, но я и вправду волнуюсь за тебя. И есть одна вещь, о которой, я чувствую, я должна сказать, — осторожно произнесла она. — Эта размолвка между тобой и Джейми. Не могу ли я чем-нибудь...

Она замолчала, увидев его неожиданную улыбку.

— С Джейми теперь все в порядке, дорогая. Это сегодняшняя хорошая новость. Сегодня я послал за ним, и он извинился, что был так упрям. Он даже повторил свою клятву поддерживать меня во всем. Во всем.

— О, это чудесно. Я так рада.

Он как раз собирался идти сюда, когда Джейми Макфей попросил принять его.

— Извини, что прерываю, но я хотел разогнать туман, постараться

помириться и в последний раз отговорить тебя от этой дуэли: Норберт точно попытается убить тебя.

— Извини, но это не твое дело, и я точно попытаюсь убить его. Я согласен, что это хорошая мысль — разогнать туман раз и навсегда: Джейми, будешь ли ты повиноваться мне как тайпэну или ты забираешь назад свою священную клятву?

— Да, я буду повиноваться тайпэну, как я поклялся.

— Хорошо. После того как мы завтра побываем у сэра Уильяма, тайно спроси у Норберта, устроит ли его следующая среда — да, Джейми, я знаю, что это его день рождения. Скаковой круг, позади трибун, на рассвете. Ты отвечаешь головой, что это останется в тайне, не говори ничего даже Дмитрию.

— Если ты убьешь его, тебе придется тут же покинуть Японию.

— Я подумал об этом. Наш клипер «Штормовое Облако» будет стоять на рейде. Мы поднимемся на него и возьмем курс в Гонконг. Там я смогу, ну, уладить все дела, что бы ни случилось.

— Меня с души воротит от всего этого.

— Понимаю, но это не имеет значения. Ты помнишь свою клятву и будешь держать её?

— Да.

— Спасибо, Джейми. Давай снова будем друзьями...

Сквозь марево охватившего его возбуждения он услышал слова Анжелики: «О, как я счастлива, что все так получилось», — и ему пришлось сделать над собой большое усилие, чтобы не выпалить ей тут же новость о том, что он назначил день дуэли, день, когда наконец-то начнется его собственная месть дому Броков. «Эйнджел и так скоро узнает и будет гордиться мной», — с уверенностью подумал он.

— Так что не надо переживать из-за Джейми, дорогая, или из-за Гонконга. Вообще ни из-за чего.

— Малкольм, милый, пожалуйста, могу я написать твоей маме? — спросила она, понимая, что должна начинать готовить поле битвы для сражения с этим противником. Андре предупредил её, что власть Тесс Струан в компании была огромна и столь же велико было её влияние на Малкольма, его брата и сестер, напомнив ей, что Малкольм ещё не достиг совершеннолетия, следовательно, без согласия матери брак не сможет состояться ещё долгие месяцы, а без её благосклонного отношения может не состояться вообще. «Как будто мне нужно напоминать об этом», — подумала она. — Я хочу заверить её в своей вечной любви и пообещать, что стану самой лучшей невесткой на всем белом свете.

Он счастливо улыбнулся этой её мысли.

— Отлично! Я тоже напишу ей, и мы отправим оба письма вместе. — Он взял её руку в свою. — Такой ошеломляюще красивой женщине, как ты, просто нельзя быть ещё и такой же заботливой и доброй. Я знаю, она полюбит тебя так же сильно, как я тебя люблю.

Хирага чувствовал себя неловко. Гостиная маленького бунгало на территории миссии, которое Тайрер делил с Бебкоттом, была обставлена скромно: несколько стульев, два рабочих стола; горшочки и баночки с различными мазями и притираниями, стоявшие на полках вдоль одной из стен, наполняли комнату больничным запахом. Окна были открыты, и хотя ночь была теплой, Хирага зябко ежился.

— Но я не понимаю, — говорил между тем Тайрер, — почему этот офицер, который только что был нормальным человеком, вдруг превратился в зверя, а потом так же быстро опять стал нормальным, и все вокруг притворились, что ничего не произошло.

Хирага вздохнул.

— Все очень просто, Тайра-сан. Капитан уверенный, что асигару 'рзот... уверенный, что нет говорить правду, и сёя нет говорить правду, и люди нет говорить правду, поэтому он бить их, чтобы сохранить лицо, — нет говорить правду самурай очень п'рохой, против закона, потому очень п'рохой. Наказание правильный, поэтому все 'частливый, бо'р'са нет проб'рем.

— Сэр Уильям очень недоволен по поводу того мерзавца, которого пристрелили, и по поводу вас, — угрюмо произнес Тайрер.

— Я нет проб'рем.

— Извините, Накама, но дело не в этом. Он говорит, что вы являетесь раздражающим элементом, лишним осложнением для нас, извините, но он прав. Властям скоро будет известно, что вы здесь, если они уже об этом не знают. Тогда они потребуют, чтобы мы выдали вас, мы не сможем этого избежать, и рано или поздно нам придется согласиться.

— Паза'руста? Нет понимать.

Тайреру понадобилось несколько попыток, чтобы более простыми словами объяснить суть сказанного, потом он добавил:

— Сэр Уильям просил меня передать вам, что вам лучше всего скрыться, исчезнуть, пока ещё есть возможность.

Сердце Хираги почти остановилось.

Ему хотелось закричать во все горло, разум его был совершенно расстроен той быстротой, с которой сменялись события после

предательства Ори, и глубиной охватившей его паники и страха. Потом до его сознания вновь стали доходить звуки извне, и он услышал ключевое слово в бормотании Тайрера насчет того, «как ему жаль, что он должен потерять такого ценного союзника в его стремлении узнать о Японии как можно больше, но, похоже, нет никакого способа избежать этого...»

Голова его прояснилась.

— Есть мыс'рь, Тайра-сан, — мягко заговорил он. — П'рохо д'ря меня уходить сейчас, я обязательно мертвый. Хочу помогать инге'рийский друзья, хочу быть ценный союзника, очень ценный друг. Я знаю про даймё Сацума, знаю секреты Сацума. Сойа дава'р мне маного... простите, дава'р мне много информации. Я мозна объяснить, как де'рать Сацума пас'русный, мозет, дазе бакуфу пас'русный. Я хочу помагать. Спросите сэр Уи'рьям: я давать информации, выручать гайдзин, вы выручать меня и давать информации, чест'ный обмен. Друзья, нех?

Тайрер взволнованно обдумал это предложение: сэр Уильям, конечно, согласится, но только если информация окажется действительно ценной и только если он получит её, расспрашивая Накаму лично. Это означает... о боже, я не могу!

— Мне придется раскрыть Вилли секрет, что вы говорите по-английски. Этого никак не избежать, а я просто не могу выложить ему, что скрывал такую жизненно важную информацию, меня точно выгонят. Я не могу так рисковать, только не теперь, когда Вилли в таком гнусном настроении! — «Пусть уж лучше Накама уходит, пока моя голова не оказалась на плахе, а сам он не стал международным инцидентом». — Извините, — в отчаянии произнес он. — Это невозможно.

— А, просу прощения, мозет, есть способ, — сказал Хирага и сделал последний гамбит, чтобы выиграть время. — Есть вести от Фудзико — и-и-и, вы де'рать бо'р'сой успех у неё, теперь она думает, вы самый 'ручий друг. Мама-сан говорит, очень жа'рь, но Фудзико вчера начинаца зенский бо'реть, каздый месяц бо'реть, поэтому не мозет вас принимать один, два день. — Он заметил тут же мелькнувшее на лице Тайрера разочарование, которое быстро сменилось выражениями сначала покорности, потом радостного ожидания.

От облегчения у него закружилась голова, и он слегка расслабился, в который раз поражаясь, что человек, не говоря уже о таком важном чиновнике, как Тайра, может позволять себе так открыто показывать свои внутренние чувства другому, тем более врагу. Поистине эти варвары — невероятный народ.

— Вот, — продолжил он, протягивая ему веер с написанными на нем

иероглифами, который она приготовила по его просьбе. — Это стихотворение, Фудзико писать: «Считаю часы, очень грустный. Тороп'рю часы, когда твое солнце сиять на мне, тогда нет грустный, остановица время». — Он наблюдал, как Тайрер бережно берет веер в руки, довольный своим выбором слов, хотя каллиграфия у неё была отвратительной. «Тем не менее, — подумал он, — мой замысел, похоже, сработал как нельзя лучше». — Про главный гайдзин есть п'ран, но снача'ра, встреча с сёгун, Тайра-сан, встреча бы'р харосый, да?

В своей комнате Райко закончила накладывать косметику на лицо и одевалась к вечеру. Она остановила свой выбор на новом розовом кимоно. Большая цапля украшала его спину, вышитая золотой нитью. Долгие месяцы она заглядывалась на него. И вот теперь оно принадлежало ей, она заплатила за него из той прибыли, которую принесла ей на редкость удачная продажа жемчужных серег. Они оказались даже ещё более ценными, чем она считала вначале.

«И-и-и-и, — радостно думала она, — ками и боги, которые заботятся о мамах-сан, были милостивы ко мне в тот день. Очень удачная сделка, сплошная прибыль, за вычетом доли Фурансу-сана». Деньги за лекарство едва стоили того, чтобы о них говорить, хотя она в своих официальных книгах поставила солидную сумму в графе расходов. Она улыбнулась про себя. Стоимость трав была мизерной, но знания, какое растение взять и кто мог сорвать его, в какое именно время года и как приготовить настой, — а-а, эти знания могли стоить сколько угодно.

— Эта гайдзинская принцесса будет чудесным, долгосрочным помещением средств, — пробормотала она себе под нос, довольная тем, что она увидела в своём высоком, в полный рост, зеркале. Это было единственное современное зеркало во всей Ёсиваре, подарок от клиента, привезенный специально для неё из Англии. Её лоб пошел морщинами, когда она слегка нахмурилась, вспомнив о нем: Кентербери, тот самый гайдзин, которого убили на Токайдо эти глупцы Ори и Сёрин. Бака! Он был хорошим клиентом и чрезвычайно высоко оценил мои услуги, когда я нашла ему идеальную любовницу, Акико, которую теперь зовут Фудзико — очень удобно для нас, что наши инге'рийские гайдзины редко делятся между собой своими женщинами, предпочитают совокупляться тайком, всегда с одной женщиной, и держат её в секрете от других в нашем Плывущем Мире, который весь основан на благоразумии и умении хранить тайну.

Тайра ничего не знает, Фудзико получила новую жизнь и нового

любовника. Всем хорошо.

— Госпожа? Пришел гайдзин Фурансу-сан.

— Хорошо. — Райко проверила, все ли компоненты лекарства на месте, и положила его рядом со столиком. Когда она решила, что Андре ждет её именно столько, сколько нужно, не слишком мало и не слишком долго, она послала за ним. — А, Фурансу-сан, добро пожаловать в мой скромный дом. — Она наполнила крошечные, как наперстки, чашечки своим лучшим sake и сказала, подняв свою: — Вы выглядите очень хорошо.

— Ваше здоровье! Десять тысяч лет жизни, — вежливо ответил Андре.

Они поговорили о погоде, о том, как идут дела, и потом перешли к первому вопросу.

— Ваш выбор серег оказался ещё более утонченным, чем я думала, ваша доля вдвое превышает ту сумму, которую вы просили.

Его глаза расширились.

— Господи, так много?

— Да. — Она налила ещё sake, радуясь за них обоих своему умению вести дела, потому что, разумеется, после того как сделка была окончательно заключена между ними, вопрос точного выполнения её условий стал вопросом лица. — Мой банк, Гъёкояма, нашел клиента, китайского торговца шелком и опиумом из Шанхая, который посещал Канагаву. — Она опять улыбнулась. Потом добавила деликатно: — Он дал понять, что готов приобрести столько подобных безделушек, сколько я смогу предложить.

Его улыбка была под стать её собственной. Он осушил свою чашечку, подставил её, чтобы она наполнила её снова, и произнес:

— За будущие безделушки!

— Дальше, есть...

— Прежде чем дальше, Райко. Почему он платил так много?

— В тяжелые времена мудрый человек вкладывает часть своего богатства в крошечные вещи, которые он может спрятать в рукаве. Он не дурак, я и сама подумывала о том, чтобы оставить их себе по той же причине.

Он взглянул на неё с новым интересом.

— Какие тяжелые времена в Китае?

— Он сказал, что весь Китай охвачен восстанием, повсюду голод, гайдзины ведут в Шанхае меньше дел, чем обычно, хотя теперь, когда английский флот опустошил побережье Мирса и потопил много пиратов

Белого Лотоса, морские пути некоторое время будут безопасными и торговля вверх и вниз по Янцзы весной оживится. И-и-и-и, Фурансу-сан, я слышала, англичане потопили сто джонок и убили тысячи пиратов, многие деревни сожжены дотла. — Её страх был явным. — Их способность убивать ужасна.

Она задрожала всем телом, зная, что, хотя японцы презирали китайцев как людей слабых, они делили с ними один общий великий страх: страх перед гайдзинами — и были одержимы одним стремлением: навеки закрыть для них свои земли.

— Когда корабли гайдзинов вернутся, они нападут на нас?

— Да, Райко, если бакуфу не выплатят установленных сумм. Будет война, да. Не здесь, не в Иокогаме. В Эдо.

Некоторое время она рассматривала свою чашечку, раздумывая, как она могла бы ещё больше обезопасить себя и обратить это в выгоду, больше чем когда-либо убежденная, что каким-то образом она должна быстро отделаться от Хираги и Акимото, прежде чем станет известно, что она причастна к катастрофе с Ори, что она укрывала его и их, каким бы праведным ни было сонно-дзёи.

Волна тревожного предчувствия качнула её, и она принялась обмахиваться веером, пожаловавшись на слишком крепкое саке. — Карма, — произнесла она вслух и стряхнула с плеч то, что «может быть», оставив только то, что «есть».

— Теперь, ещё одна хорошая новость: есть девушка, которую я хотела бы вам представить.

Андре показалось, что сердце его замерло на мгновение, когда же оно снова забилось, его удары стали слабее, чем раньше.

— Представить когда?

— Желаете вы увидеть её до того, как мы обсудим деловую сторону, или после?

— До, после, какая разница. Заплачу, что спросите, если понравится. — Опять по-галльски безразличное пожатие плечами и голое, кричаще обнаженное отчаяние.

Оно её совсем не тронуло. «Почему оно должно меня трогать, — подумала она. — Ян, изголодавшийся по инь, — суть нашего мира, и без этого голода наш Плывущий Мир камнем пошел бы на дно.

Странно, что одержимость, с которой ян стремится соединиться с инь — туда и обратно, тараня ворота, больше боли, чем удовольствия, отчаянно желая закончить, отчаянно желая продолжать, если закончит, то всегда ему мало, если не закончит, то стонет в ночи, — странно, что одержимость эта

так мимолетна; инь никогда не знает такой алчности. В этом женщины благословенны, хотя боги, если боги существуют, жестоко обошлись со всеми смертными.

Трижды я пыталась уйти вперед своего пути, всегда потому, что мой инь желал владельца одного особенного для меня яна — будто ян не всегда более-менее одинаков, — всегда выбор мой был бесполезен и не приносил ничего, кроме горя, не имел будущего и дважды моя страсть осталась безответной. Как глупо! Зачем? Никто не знает.

Ладно. Теперь жаркое томление иня можно загасить так легко, а мама-сан вообще может играть с ним. Легко можно заплатить за ян, или прибегнуть к харигата, или пригласить к себе в постель одну из дам. Фудзико, например, которая как будто любит такое разнообразие и чей поцелуй может быть небесным».

— Райко знает меня, да? — говорил Андре, и она подумала: «Воистину это так». — Я знаю Райко. — «Воистину это не так». — Мы старые друзья. Старые друзья всегда помогают старым друзьям. — «Верно, верно, но ты и я не старые друзья, не в том особом смысле, который эти слова имеют для азиатов, и никогда не будем ими. Ты — гайдзин».

— Фурансу-сан, старый друг, — сказала она. — Я устрою встречу, вы и эта дама, — сказала она.

Он почувствовал слабость во всем теле и постарался не показать этого.

— Да. Благодарю вас.

— Это будет скоро. Последнее: лекарство. — Она опустила руку рядом со столиком. Небольшой сверток был аккуратно завязан в квадрат простого шелка и выглядел нарядно, как дорогой подарок. — Слушайте внимательно. — Снова её наставления были ясны и понятны. Она заставила его повторять их, пока не убедилась, что он запомнил все правильно.

— Райко-сан, пожалуйста, говорить правду, лекарство опасное, да, нет?

— И-и-и-и, правду? Разве я не серьезный человек? Я Райко Трех Карпов. Разве я уже не говорила вам? Конечно, оно может быть опасным, и, конечно, оно не опасное! Это обычная проблема, которая постоянно случается у всех девушек, и лечение редко бывает проблемой. Ваша принцесса молода и здорова, поэтому все должно пройти легко, без всяких проблем.

— Принцесса? — Его черты стали жесткими. — Вы знаете, для кого это?

— Догадаться было нетрудно. Сколько в Поселении женщин,

достаточно дорогих для вас, чтобы вы взялись им помогать? Не тревожьтесь, старый друг. Тайна со мной остается тайной.

Помолчав немного, он спросил:

— Какая проблема возможна?

— Боль в животе и никакого результата, просто сильное недомогание.

Тогда мы должны будем попробовать ещё раз, с более сильным лекарством. Если и оно не сработает, тогда есть другой способ.

— Какой?

— Об этом ещё будет время поговорить. — Райко со спокойной уверенностью похлопала рукой по свертку. — Тут должно быть все, что ей понадобится.

— Вы понимаете, Анжелика?

— Да, Андре, — ответила она, не сводя глаз с шелкового свертка. Её спасение лежало у него на столе. Они разговаривали вполголоса, хотя дверь в кабинет была закрыта от посторонних ушей.

Его часы пробили десять раз.

Он с сомнением посмотрел на неё.

— Мама-сан сказала мне, что было бы лучше, если бы ваша горничная осталась с вами.

— Это невозможно, Андре. Нельзя доверять А Со или ещё кому-то — разве вы не объяснили ей этого?

— Да, но она так сказала. — С другой стороны коридора до них доносились приглушенные голоса и смех мужчин за обеденным столом, который она только что покинула, — Сератар, Вервен, Дмитрий и несколько французских офицеров, — сказав, что устала и хочет лечь пораньше. Направляясь в свои комнаты, она, по предварительной договоренности, случайно увидела Андре в его кабинете. — Нам... нам нужно проверить, все ли тут на месте.

Он не сделал никакой попытки развязать свертки. Вместо этого он нервно теребил шелковый кончик.

— Если А Со не будет, чтобы помочь, кто... кто уберет... бутылочки и травы и... вы же не можете оставить их на столе, и кто приберет за вами?

На мгновение в голове у неё все перепуталось, потому что она, какая глупость, не подумала заранее, как справиться с этой проблемой.

— Я... мне не понадобится помощь, не будет... ничего, кроме бутылочек и трав... и полотенца. Я не могу доверять А Со, это же очевидно, что я не могу доверять ей, и вообще никому, только вам. Помощь мне не понадобится. — Её нетерпение приступить к лечению и навсегда покончить с этим перекрывало все тревоги и опасения, роившиеся вокруг неё. — Не тревожьтесь, я запру дверь на задвижку и... и скажу ей, что встану поздно и чтобы она меня не беспокоила. Я, это ведь должно кончиться через несколько часов, к рассвету, да?

— С Божьей помощью, да, так мне сказала мама-сан. Я все же думаю, что вам следует рискнуть и оставить А Со.

— У вас словно разум помутился, да, определенно. Вы единственный, кому я могу доверять. Рано утром постучите ко мне, вот так. — Она

стукнула по столу три раза, потом ещё один. — Я открою только вам. — Она нетерпеливо развязала шелк. Внутри оказались две бутылочки с пробками и пакет трав. — Я выпью одну бутылочку прямо сейчас, а потом...

— Mon Dieu, нет, — сказал он и усталым жестом остановил её. Нервы у него были на пределе, как и у неё. — Вы должны сделать все в правильном порядке, Анжелика. Сначала вам нужно положить травы настаиваться в горшочек с горячей водой, который вы приготовили. После этого выпейте одну бутылочку, выпейте залпом и не пугайтесь, если у питья окажется противный вкус, запейте его зеленым чаем с медом или заешьте конфетой.

— У меня есть несколько швейцарских шоколадок, которыми меня угостил мсье Эрлихер, они подойдут?

— Да, конечно. — Он достал носовой платок и вытер им вспотевшие руки, его воображение рисовало ему яркие картины, одна ужаснее другой. — Когда настой будет чуть теплым, скажем, через полчаса, выпейте по глоточку половину — вкус у него тоже будет неприятным. Потом расслабьтесь и ждите, лягте спать.

— Наступит какая-нибудь реакция, почувствую ли я сразу что-нибудь?

— Нет, я уже говорил вам, нет! Мама-сан сказала, что, как правило, ничего не происходит в течение нескольких часов — это должно быть похоже на... на сильную колику в животе. — Чем больше он говорил об этом, тем меньше ему нравилось, что он оказался замешанным в это дело. А вдруг что-то пойдет не так? Mon Dieu, надеюсь, второго раза не потребуются, подумал он, чувствуя тошноту, и постарался выбросить из головы все плохое, и избавиться от смущения, и говорить сухо и бесстрастно, как врач.

— Это должно быть похоже на колику в животе, — сказал он, потя ещё больше. — Это начало, Анжелика, колика. Я повторю ещё раз: выпейте первую бутылочку, потом по глотку выпейте половину настоя, — половину, помните, вы должны все сделать в правильной последовательности, — расслабьтесь и постарайтесь уснуть, чем спокойнее вы будете, тем легче все пройдет. Когда... э... колики начнутся, залпом проглотите содержимое последней бутылочки, съешьте меду или шоколадку, затем выпейте остаток настоя — пейте маленькими глоточками, не залпом. Колики станут сильнее, и потом, потом должно начаться... мама-сан сказала, что это будет похоже на обильные месячные, поэтому... поэтому держите наготове... полотенце. — Он снова отер руки платком. — Душно здесь сегодня, не правда ли?

— Здесь холодно, и вовсе ни к чему так нервничать. — Она откупорила одну из бутылочек и понюхала её. Её носик сморщился. — Хуже, чем парижский уличный туалет в августе.

— Вы уверены, что запомнили последовательность?

— Да, да. Не волнуйтесь, я...

Стук в дверь заставил их вздрогнуть. Она поспешно схватила бутылочки и пакет с травами и сунула их в свою сумочку.

— Войдите, — отозвался Андре.

Дверной проем заслонила гигантская фигура доктора Бебкотта.

— А, Анжелика, слуга сказал мне, что вы здесь. Я просто заскочил в надежде увидеть вас на секунду. Добрый вечер, Андре.

— Добрый вечер, мсье.

— Ах, доктор, право, я хорошо себя чувствую, — сказала она, вдруг забеспокоившись под его пронизывающим взглядом. — Нет никакой нужды...

— Я лишь хотел измерить температуру, послушать пульс и посмотреть, не нужно ли вам успокоительное. Всегда лучше проверить. — Она начала протестовать, но он добавил твердо и доброжелательно: — Лучше проверить, Анжелика, всегда безопаснее проверить, это займет одну минуту.

— Ну что же, тогда пойдемте. — Она пожелала Андре спокойной ночи и пошла по коридору к своим комнатам. А Со ждала в её будуаре.

— А Со, — вежливо сказал Бебкотт по-кантонски, — пожалуйста, вернитесь, когда я позову вас.

— Разумеется, досточтимый доктор. — Она послушно вышла.

— Я не знала, что вы говорите по-китайски, Джордж, — заметила Анжелика, когда он сел рядом с ней и начал считать частоту её пульса.

— Это был кантонский, у китайцев нет единого языка, Анжелика, они говорят на сотнях различных языков, хотя форма письма только одна и все они её понимают. Любопытно, да?

«Как глупо рассказывать мне то, что я и так знаю, — нетерпеливо подумала она. Ей хотелось закричать ему: „Ну быстрее же, ради бога!“ Словно я никогда не была в Гонконге, словно и Малкольм, и все остальные не говорили мне этого сотни раз, словно я забыла, что ты — причина всех моих несчастий».

— Я выучился ему, когда жил в Гонконге, — рассеянно продолжал он, щупая её лоб и держа пальцы на кисти. Он отметил, что пульс учащен и лоб чуть-чуть влажен от пота — ничего страшного, если учесть, что ей пришлось пережить. — Несколько слов здесь, несколько слов там.

Проработал пару лет в Главной больнице — нам бы никак не помешало иметь такое же прекрасное заведение здесь. — Кончики его пальцев по-прежнему легко касались её пульса. — Китайские доктора верят, что существует семь уровней сердцебиения, или пульсов. Они утверждают, что могут чувствовать их, нажимая сильнее и сильнее. Это их главный диагностический метод.

— А что вам говорят мои семь сердец? — спросила она, подчинившись внезапному порыву. Ей нравилась теплота его целительных рук, и, несмотря на свою ненависть, она жалела, что не может довериться ему. Никогда и ни у кого она не встречала таких рук и не испытывала такого замечательного ощущения, которое словно излучалось из них, успокаивая её.

— Я не слышу ничего, кроме отменного здоровья, — ответил он, гадая, есть ли какая-то доля правды в этой теории семи пульсов. За годы, проведенные в Азии, он не раз был свидетелем удивительной проницательности китайских врачей и замечательных исцелений, несмотря на изобилие предрассудков и суеверной чепухи. Этот мир непонятен, но ещё более непонятны в нем люди. Он снова заглянул ей в лицо. Его серые глаза смотрели на неё очень прямо и с участием. Но в глубине их плавали тени, и она их заметила.

— Тогда... тогда что же вас тревожит? — спросила она, вдруг испугавшись, что он определил её подлинное состояние.

Он поколебался секунду-другую, потом опустил руку в карман и достал оттуда пакетик из шелковой бумаги. В пакетике лежал её золотой крестик.

— Это ваше, я полагаю.

В страшном смятении она уставилась на крест, губы её пересохли и не шевельнулись, хотя разум подсказал ей немедленное «нет» и безразличное пожатие плечами, которые в тот же тошнотворный миг были заменены на «да».

— Я... я действительно... потеряла такой, вы уверены, что это мой, где вы нашли его?

— Он висел на шее несостоявшегося грабителя.

— На шее? Как... как странно, — услышала она свой голос, видя себя как бы со стороны, словно она была не она, а кто-то другой, и голос её был голосом другого человека, заставляя себя сохранять спокойствие, хотя ей хотелось кричать во всю силу легких, потому что она поняла, что снова оказалась в тисках, пока её мозг лихорадочно подыскивал приемлемое объяснение. — У него на шее?

— Да, я снял его с тела. Не придавал ему никакого значения в тот момент, кроме того, что этот человек оказался обращенным католиком. Потом, совершенно случайно, я увидел надпись, она едва заметна. — Короткий нервный смешок. — Зрение у меня поострее, чем у Хоуга. «Анжелике от мамы, 1844».

Её губы произнесли:

— Бедная мама, она умерла, родив моего брата, всего четыре года спустя. — Она видела, как её пальцы берут распятие и подносят к глазам, как она, щурясь, рассматривает его в свете масляной лампы, не в состоянии отчетливо разобрать написанное, проклиная эту надпись. Потом инстинкт подтолкнул её, и она сказала, словно бросилась головой в омут: — Я потеряла его или думала, что потеряла, на... на Токайдо, может быть, в Канагаве, в ту ночь, когда приехала к Малкольму, помните?

— О да. Тяжелая ночь, очень тяжелая, и день тоже тяжелый. — Бебкотт поднялся нерешительно. — Я... я подумал, что следует вернуть его вам.

— Да, да, благодарю вас, я рада, что он нашелся. Так рада, но, пожалуйста, присядьте, не уходите ещё, — сказала она, хотя очень хотела, чтобы он ушел. — Кто он был, этот человек, и как он мог найти его? И где?

— Этого мы никогда не узнаем, теперь уже нет. — Бебкотт посмотрел на неё. — Малкольм говорил вам, что, по нашему мнению, он был одним из тех дьяволов-убийц с Токайдо, хотя ни он, ни Филип не могли утверждать этого наверняка.

Несмотря на весь ужас, который она испытывала, корчась в этой новой ловушке, она почувствовала необоримый порыв расхохотаться в истерике и заявить: «Он не был дьяволом, только не со мной, только не в первый раз, он оставил мне жизнь в тот первый раз и перестал быть дьяволом, когда я изменила его. Он не убил меня, хотя я знаю, что он собирался это сделать, я знаю, что собирался, как раз перед тем, как я заставила его уйти... Дьявол? — нет, но и в этом случае он заслуживал смерти, он должен был умереть...»

Моп Диец, я даже все ещё не знаю его имени, я была в таком смятении, что забыла спросить... должно быть, я схожу с ума, если начинаю думать о таких вещах.

— Как его звали?

— Никто не знает. Пока. Король Сацумы мог бы назвать его имя сейчас, когда он мертв, но оно, вероятнее всего, будет вымышленным. Все они такие лжецы — нет, это не совсем так, просто то, что мы называем ложью, для них, похоже, является нормой жизни. Вероятно, он нашел этот

крест в Канагаве. Вы не помните точно, когда вы его хватились?

— Нет, не помню. Это случилось, когда я уже вернулась сюда... — Вновь она перехватила его пытливый, вопрошающий взгляд, и в голове у неё заметался крик: «Сказал ему мой пульс или пульсы о моем действительном состоянии?» — Он нашелся. Хорошо, слава Богу. Даже не знаю, как мне вас благодарить, но почему он носил его, почему не продал, вот чего я не могу понять.

— Я согласен, это очень странно.

Молчание нарастало.

— А что думает доктор Хоуг?

Бекотт посмотрел на неё, но она не смогла прочесть в его глазах, что он думал на самом деле.

— Я у него не спрашивал, — ответил он, — не обсуждал этого ни с ним, ни с Малкольмом. — Он опять заглянул ей в лицо, и серый цвет его глаз словно стал глубже. — Хоуг человек Струана, и он, ну, его чашку с рисом держит в своих руках Тесс Струан. Сам не знаю почему, но я подумал, что мне сначала следует поговорить с вами.

Опять молчание. Она отвернулась, не доверяя себе. Ей очень хотелось по-настоящему положиться на него, хотелось довериться кому-то, кроме Андре, то, что он все знал, уже само по себе было достаточно плохо, но она была больше чем уверена, что это невозможно. Она должна держаться своего плана: она была одна, она должна спасти себя в одиночку.

— Может быть... — произнесла она, — нет, конечно же, он должен был найти мой крестик в Канагаве, должно быть, он увидел меня там и... и... возможно... — Она замолчала, потом торопливо продолжила, уводя его за собой, придумывая на ходу: — возможно, он сохранил его как память обо мне, чтобы... я, право, не знаю, чтобы что?

— Чтобы причинить вам вред, моя дорогая, это очевидно, — неловко произнес он, — чтобы овладеть вами, любой ценой убить вас. Извините, но это, должно быть, и есть правда. Сначала я, как и все остальные, подумал, что он всего-навсего обыкновенный бандит, или ронин, как здесь говорят, но ваше распытание изменило все это. Как только я обнаружил, что оно принадлежит вам... должно быть, все произошло, как вы говорите: он увидел вас на Токайдо, они оба последовали за Малкольмом и Филипом в Канагаву с целью расправиться с ними, вероятно, чтобы те не могли их опознать. Потом он снова увидел вас, нашел крест и оставил у себя, потому что он был ваш, последовал за вами сюда и попытался вломиться к вам, чтобы, ещё раз прошу прощения, овладеть вами, чего бы ему это ни стоило. Не забывайте, что подобному человеку было бы легко потерять голову от

такой особы, как вы, и стать... стать одержимым.

То, как он сказал это, яснее ясного показало ей, что он тоже во власти её чар. Хорошо, хорошо и то, что он понял правду, подумала она, едва не теряя сознание от пьянящего чувства, что ещё одна опасность успешно преодолена. Мысли её вернулись к маленьким бутылочкам и завтрашнему дню, который принесет ей очищение, и тогда для неё начнется новая жизнь и будущее её будет чудесно.

— Японцы — любопытный народ, — говорил он между тем. — непохожий на нас. Но непохожий прежде всего в главном: они не боятся смерти. Иногда кажется, что они ищут её. Вам повезло, очень повезло, что вы остались живой и невредимой. Ну, мне пора.

— Да, и спасибо, спасибо вам. — Она схватила его руку и прижала её к щеке. — Вы скажете Малкольму и доктору Хоугу? Тогда об этом можно будет больше не вспоминать.

— Малкольма я оставлю вам. — На секунду он задумался, не попросить ли её помочь им справиться с его пристрастием к опиуму, но решил, что время пока терпит, да и в любом случае это была его забота, а не её. Бедная Анжелика, у неё и так проблем хватает. — Что же до Хоуга, какое до этого дело ему или всем кумушкам и длинным языкам Йокогамы? Это их не касается, как и меня, а?

Он увидел её чистые глаза, которые улыбались ему с сияющего лица, прозрачную кожу — все её существо излучало молодость и здоровье вместе с магнетической, неосознанной чувственностью, которая постоянно окружала её и которая, вопреки всем его медицинским прогнозам, стала ещё сильнее. Поразительно, подумал он, до глубины души удивленный её способностью так быстро восстанавливать физические и душевные силы. Мне остается только жалеть, что я не знаю её секрета, не знаю, почему некоторые люди словно расцветают под ударами судьбы, которые сломили бы большинство других.

Внезапно доктор в нем умер на время. Я не могу винить этого ронина, или Малкольма, или любого, кто сходит по ней с ума, я тоже хочу её.

— Любопытная вышла история с вашим крестом, — сдавленно произнес он, стыдясь своих мыслей. — Но, с другой стороны, вся жизнь — это лишь собрание любопытных совпадений, не правда ли? Спокойной ночи, моя дорогая, спите сладко.

Внезапная резь в животе когтями выдрала её из уродливого сна, наполненного плавучими тюрьмами и ревущими демонами с глазами навыворот, все женщины — с раздувшимися от беременности животами,

мужчины — с рогами, они хватают и тащут её прочь от Тесс Струан, которая стояла над Малкольмом на страже, подобно злобной упырице. Вторая колика последовала быстро и окончательно пробудила её к реальности и к тому, что происходит.

Облегчение оттого, что боли начались, стерло в её памяти долгие часы гнетущей тревоги, ибо ей казалось, что прошла вечность, прежде чем она смогла уснуть. Сейчас часы показывали самое начало пятого. Последний раз она смотрела на них в два тридцать. Ещё одна колика, сильнее предыдущих, прошла сквозь неё и заставила сосредоточиться на том, что ещё нужно было сделать.

Дрожащие пальцы открыли вторую бутылочку. Опять она поперхнулась от омерзительного вкуса жидкости и едва не извергла её обратно, но сумела удержать в себе, взяв в рот ложку меда. Желудок её не переставая крутило от отвращения.

Она откинулась на подушку, судорожно дыша широко открытым ртом. Ей казалось, что от живота во все стороны распространяется огонь. Через мгновение из неё хлынул пот. Потом жар прошел, оставив её обессиленной, промокшей, едва дышащей.

Ожидание. Как и прежде, ничего. Одно лишь сладковато-горькое, тошнотворное беспокойство, которое, после первых часов изматывающего ожидания, перетекло в тревожный сон. Смятение охватило её.

— Матерь Божья, сделай так, чтобы это сработало, молю тебя, сделай так, — бормотала она сквозь слезы.

Она подождала ещё. По-прежнему ничего. Минуты шли.

Потом, в первый раз такого не было, совершенно иного качества боль вдруг пронзила её, согнув почти пополам. Ещё раз. Она едва сдержалась, чтобы не застонать. Новый приступ, пока ещё терпимо. Она вспомнила про вторую половину настоя, села и поднесла его к губам. Вкус был отвратительный, но не такой отвратительный, как у жидкости в бутылочках.

— Слава Богу, это последнее, — пробормотала она и сделала ещё глоток. Потом ещё. После каждого глотка она клала в рот кусочек шоколада...

Новые колики, более сильные на этот раз. Ритм их участился. Не волнуясь, подумала она, все происходит именно так, как предсказывал Андре. Мышцы живота начали ныть от постоянных сокращений. Ещё несколько глотков, ещё колики, и потом она проглотила последнюю каплю. Баночка с медом была почти пуста, съеден последний кусочек шоколада, но теперь даже шоколад не смог избавить её от противной горечи во рту.

Сквозняк из-под двери в будуар колыхнул пламя в масляной лампе на прикроватном столике, и тени на стенах ожили и затанцевали. Она стоически вытянулась на постели и стала наблюдать за ними, держась обеими руками за живот, который словно пронзали огненные стрелы, мышцы напрягались и расслаблялись, с каждым разом становясь все более напряженными, собираясь в узлы под её пальцами.

— Смотри на тени, думай о хорошем, — прошептала она. — Что ты видишь?

Корабли и паруса, крыши Парижа, собачий шиповник и, о, смотри-ка, а вон там гильотина, нет, не гильотина, а беседка, увитая розами, боже, да ведь это же наш деревенский домик под Версалем, куда мы выезжали весной и летом, когда подрастали, мой брат и я, милая маман уже давно скончалась, отец уехал один Бог знает куда, тетя и дядя любят нас, но они не могут заменить нашей дорогой...

— О Mon Dieu! — охнула она, когда первый из приступов адской боли вспорол ей живот, потом вскрикнула при следующем спазме и лихорадочно затолкала себе в рот угол простыни, чтобы заглушить вырывавшиеся из неё крики, которые в противном случае согнали бы к её запертой двери всю миссию.

Потом начался озноб. Ледяные колья вонзались в её внутренности. И опять дикая боль, в двадцать раз хуже самых болезненных колик во время месячных. Её тело выгибалось дугой, руки и ноги судорожно подергивались, когда волны нечеловеческих мук прокатывались от её лона до головы.

— Я сейчас умру... я сейчас умру, — стонала она. Зубы её впивались в ткань простыни, заглушая крики, вырывавшиеся с новыми спазмами, которые сменялись ознобом, накатывались и отступали, накатывались и отступали, а потом прекратились. Как-то вдруг.

В первый момент она подумала, что действительно умерла, но вскоре ощущения вернулись к ней, и она увидела, что комната перестала кружиться, фитиль в лампе едва теплится, но не погас, и слышала тиканье часов. Стрелки показывали пять сорок.

Она с трудом поднялась с постели, чувствуя себя ужасно. Отражение в ручном зеркале напугало её. Посеревшее лицо, волосы мокрые от пота, губы обесцвечены лекарством. Она сполоснула рот зеленым чаем, сплюнула в ночную вазу и задвинула её обратно под кровать. Потом мрачно стянула с себя грязную рубашку, мокрым полотенцем протерла лицо и шею так хорошо, как только смогла, расчесала волосы и снова легла, обессиленная, но чувствуя себя лучше после всех этих трудов. Только тогда

она заметила красный мазок на своей ночной рубашке, небрежно брошенной на вытертый ковер.

Быстрый осмотр подтвердил, что кровь сочится. Она подвязала чистое полотенце между ног и, уже на рассвете, легла опять, едва не утонув в матрасе от усталости. Тепло разлилось по всем её членам. Кровь пошла обильнее.

Воскресенье, 9 ноября

Малкольм Струан, тяжело опираясь на трости, ковылял через Хай-стрит, направляясь к фактории Струана. Небо затянули облака, с моря дул легкий ветер, день был холодный, и гнетущая его тревога исчезла. Исчезла, потому что он увидел Анжелику и убедился, что она чувствует себя хорошо и выглядит прелестнее, чем когда-либо, хотя она была бледной и невыспавшейся. Он пробыл у неё лишь несколько минут, не желая утомлять её.

Перед ним высилась фактория Струанов, а позади неё был виден шпиль церкви Святой Троицы. Он посетил раннюю службу сегодня утром и помолился за Анжелику и за то, чтобы силы вернулись к нему, после чего почувствовал себя лучше. Но пусть Бог проклянет всех Броков на веки вечные, даст мне поскорее убить Норберта и...

— Тайпэн!

Вздрогнув, он пробудился от грез и оглянулся. Филип Тайрер спешил к нему от британской миссии.

— Извините, но мы все просто хотели справиться о здоровье мисс Анжелики.

— Чудесно, она чувствует себя чудесно, — ответил Малкольм. Теперь, за спиной Тайрера, он увидел сэра Уильяма, который наблюдал за ним из окна на первом этаже. Он махнул тростью и неловко задрал руку с торчащим вверх большим пальцем, министр махнул ему в ответ. Как раз перед тем как сэр Уильям отошел от окна, он заметил рядом с ним фигуру ещё одного человека. — О, это ваш ручной самурай, Накама?

— Кто? Ах да, да, это был он. С ней действительно все в порядке?

— С ней все очень хорошо, благодарю вас.

— Хвала Создателю за это, мы все перепугались насмерть! — Филип Тайрер просиял. Здоровый, румяный, сильный, он возвышался над Струаном, но только потому, что тот теперь ходил и стоял ссутулившись. — Вы и сами выглядите гораздо лучше.

— Хотелось бы, чтобы это было правдой, Филип. — Вдруг Малкольма кольнула зависть, и он спросил резко: — Я слышал, Накама рассказывает вам много всякой всячины, вам и сэру Уильяму?

Улыбка на лице Филипа погасла.

— Да, пожалуй, да.

— Договоренность была такая, что вы должны держать Джейми и меня в курсе. Насчет всего. А?

— Ну-у... да, да. Но сэр Уильям... он пытается выяснить политическую обстановку в Японии, и...

— Государственная политика и бизнес — это как две перчатки из одной пары, Филип. Может быть, вы заглянете к нам завтра, перед обедом? Я бы с удовольствием узнал нечто новенькое. — Он натянуто улыбнулся. — Будьте добры, передайте сэру Уильяму мои наилучшие пожелания, увидимся завтра.

Он захромал по улице, злясь на себя за желчный тон, до смерти уставший передвигаться таким образом, потом начал подниматься по лестнице фактории в свои апартаменты. Его спина и живот тревожно ныли. Не больше, чем обычно, с раздражением подумал он, и это не причина, чтобы набрасываться на Филипа. Он просто хотел быть любезным. Ну да ладно, немного эликсира А Ток, и я снова буду в полном порядке. Приглашу Филипа на ужин и...

— Тайпэн!

— О, привет, Джейми. — Малкольм остановился на середине лестницы. — Ты слышал, что «Океанская Ведьма» отправляется раньше срока? Возможно, с вечерним отливом сегодня.

— А! А я как раз собирался сказать тебе об этом. До меня дошли слухи, я попробовал выяснить у Норберта, но он сейчас занят. Как Анжелика?

— Прекрасно, — рассеянно ответил Малкольм. — Нам следует подготовить почту к отправлению на тот случай, если «Ведьма» и правда сегодня выйдет в море.

— Все будет готово. Я заберу твои письма сразу же, как только узнаю, что слухи подтвердились. — Джейми нахмурился, заметив, как Малкольм растревожен чем-то.

— Пошли кого-нибудь к Анжелике, у неё тоже есть почта. — Её письмо к его матери, которое писалось и переписывалось, пока оба они не остались довольны. Хорошее получилось письмо, подумал он.

— Она действительно была в порядке, тайпэн?

— Обворожительна. — Малкольм улыбнулся, на миг забыв о боли, забыв о «Ведьме». Она выглядела так великолепно, лежа в кровати, свежая, хотя и несколько бледноватая, веселая, внимательная и такая довольная, что он пришел. — Она сказала, что завтра к вечеру встанет на ноги, Джейми. Почему бы нам не устроить роскошный ужин, здесь, а? Мы и, скажем, Дмитрий, Бебкотт, Марлоу, если будет свободен, и Паллидар, они оба

славные ребята, хотя и увиваются за ней как щенята.

— Как насчет Филипа и сэра Уильяма?

— Филип да, но без сэра Уильяма... нет, лучше вычеркнуть их обоих. Как насчет графа Сергеева, он умеет развеселить компанию?

— Если ты пригласишь его, то тогда непременно придется приглашать всех министров — в этом случае, сэра Уильяма за дверь, пожалуй, не оставишь.

— Ты прав. Сделаем проще, пригласим их в другой вечер.

— Я распорядюсь, — сказал Макфей, радуясь, что между ними снова воцарилась дружба. Вместе они вошли в его комнаты. Их привели в полный порядок после пожара, хотя легкий запах дыма ещё оставался. — Как быть с Кеттерером?

— Он должен охранять наши интересы, или его здесь не будет. — Малкольм сел за свой стол, начал собирать в пачку те письма, которые хотел отправить. — Матушка к тому времени уже повидается с губернатором и разберется с ним.

— Да.

Малкольм резко вскинул глаза, уловив в его голосе странную интонацию. Помолчав секунду, он сказал:

— Странно, мы так уверены в том, что она это сделает, и совсем не уверены в том, что я смогу уговорить её согласиться на мой брак.

— Даже не знаю, что ответить на это, тайпэн, — печально произнес Макфей, — если это вопрос.

Малкольм медленно кивнул. Он видел перед собой это волевое, обветренное лицо, крепкое сильное тело и спрашивал себя, будет ли и он так же силен, когда ему исполнится тридцать девять — через девятнадцать лет. — Ты получил от неё ещё одно письмо?

— Да. Боюсь, «Океанская Ведьма» не принесла с собой ни одной доброй вести.

— О? Присядь, Джейми. Что она пишет?

— Извини, но... в общем, она повторила свой приказ, чтобы я помог доктору Хоугу немедленно сопроводить тебя в Гонконг, подтвердив, что я уволен с первого числа следующего месяца.

— Можешь забыть об этом. Ты написал ей, как я сказал тебе, что ты подчиняешься приказам тайпэна, моим приказам, а не её?

— Да.

— Хорошо. Я написал ей то же самое, так что говорить больше не о чем. Твое письмо и мое, должно быть, рассердили её. — Малкольм закурил сигару и заметил, что пальцы у него дрожат. — Ты никогда не курил?

— Нет, попробовал один раз, и мне не понравилось.

— Выкинь из головы всю эту чепуху с увольнением. Какие ещё плохие новости?

— Я собрал для тебя всю корреспонденцию и вырезки, когда ты будешь готов их прочесть. Дела кругом идут просто паршиво. Мы потеряли «Летучее Облако» — корабль уже слишком надолго опаздывает в Сан-Франциско.

— Проклятье! — «Летучее Облако» принадлежал к их флоту клиперов, один из двадцати двух кораблей. На длинных океанских маршрутах клиперы, трехмачтовые короли морей, были гораздо быстрее, чем неуклюжие парходы, которым приходилось брать на борт и экономить уголь. Груз его состоял из чая, шелка и пряностей — эти товары, дорогие сами по себе, теперь, из-за войны в Америке, поднялись в цене астрономически, особенно если их удавалось сбывать южанам. — Страховка не покроет убытков, не так ли?

— Боюсь, что нет. Никогда их не покрывала, даже Ллойдовская. Они могут даже объявить это актом войны. Там военная зона.

— Ай-я! Это влетит нам в копеечку. Чертовски жалко команду. Капитаном на нем был Карадок, не так ли?

— Да. Должно быть, они попали в ураган — сообщали сразу о нескольких в районе Гавайских островов, хотя в этом году они пришли позже. Вторым помощником там служил мой двоюродный брат, Дункан Макгрегор.

— О, очень жаль. — Ещё больше расстроенный, Струан бросил взгляд на бюро, где его ждал эликсир. «Интересно, не проглотили ли те же штормы и „Леди Саванны“ вместе с юным Педрито Варгашем и нашим заказом на пять тысяч ружей», — рассеянно подумал он. Это напомнило ему. — Те пушки в заливе Мире, они ведь не через нас были проданы, нет?

— Насколько я знаю, нет, — сказал Джейми, обычный ответ на подобный вопрос. Оба знали о крупных сделках на поставку оружия с китайскими торговцами, которые всегда представляли правительство маньчжуров. Что случалось дальше, после доставки груза в Кантон или Шанхай, было совсем другим вопросом.

Малкольм думал: «Я готов поставить пятьдесят „мексиканцев“ против доллара, что они прошли через нас, тем или иным способом. — Он был посвящен в один из внутренних секретов компании Струана: существовали зыбкие дружественно-враждебные отношения между „Благородным Домом“ и живущими на море „Белыми Лотосами“ Ву Тёями, начатые его дедом и продолженные его отцом. — Как быть мне? Что мне с ними

делать?» — спросил он себя, и вдруг Июкогама разом смертельно опротивела ему, и его охватило страстное нетерпение принять мантию и все секреты его деда и встретиться с матерью лицом к лицу.

— Через неделю или чуть больше, — пробормотал он.

— Тайпэн?

— Нет, ничего. Что ещё, Джейми?

Джейми начал обычную литанию о падении цен на товары, которые они продавали, и о повышении цен на товары, которые им приходилось покупать, о прибавке за риск, которой требовали их матросы: многие из них были англо-американцами по происхождению и их насильно вербовали на бродяжничающие, мародерствующие военные корабли как Севера, так и Юга.

— Я мог бы продолжать вечно, тайпэн. Россия и Франция опять лезут в драку, поэтому Европа опять сидит на пороховой бочке. По всей Индии мусульмане и индусы убивают, режут друг друга, сжигают посевы. Весь мир сошел с ума. — Он нерешительно помолчал. — Более срочное: банк «Виктория» снова написал о долговых обязательствах за нашей подписью, которые они имеют. Срок оплаты истекает...

— Я все это знаю, и они могут идти к черту. Этот банк под каблуком у Брока, они спустили нас в сточную канаву, финансируя финт Брока с гавайским сахаром, они открыто намерены разорить нас. Пусть все они катятся к чертям собачьим. — Голос Малкольма сел. В животе разрасталось дерево боли. — Я, пожалуй, закончу сейчас всю эту бумажную работу, на случай если «Ведьма» уйдет с отливом. Почему ей приказали обернуться так быстро?

Джейми подумал мгновение, потом пожал плечами.

— Не знаю, но я согласен: любая новость, имеющая отношение к Броку, — это плохая новость.

Собрание в клубе очень скоро сбилось в обычную орущую, сыплющую ругательствами, злобную массу людей. Атмосфера быстро накалялась, ибо все много пили, много говорили, никто никого не слушал и всех смыкала друг с другом одна-единственная тема.

Норберт Грейфорт, отчаявшись добиться проку, протолкался через толпу из угла бара, где он начал собрание, и направился к Малкольму Струану, который сидел у двери, Джейми рядом с ним. Дмитрий окликнул его:

— Ну что, конца не видно, Норберт?

— Чего ты хочешь, Дмитрий? Все будут решать тайпэны, как всегда

решали. Пойдем-ка, Джейми, ты и... — Норберт собирался воткнуть Малкольму ещё одну иголку, назвав его «юным Струаном», но вспомнил очень недвусмысленную и ядовитую угрозу сэра Уильяма не провоцировать его на людях или пенять на себя. Больше того, он чувствовал, как письмо Тайлера Брока прожигает ему карман. Он опустил глаза на Малкольма и сказал вежливо: — Не будете ли вы оба добры присоединиться ко мне — пара слов наедине, а? Ты тоже, Дмитрий.

Малкольм ожидал, что Норберт просто пройдет мимо с коротким кивком.

— Конечно. Где? Снаружи?

— В моем кабинете, если вам угодно.

Они вышли за ним следом. Все держались настороже.

— Это правда, что «Океанская Ведьма» отплывает с отливом? — спросил Малкольм.

— Да.

— Почему так быстро, Норберт? — поинтересовался Дмитрий.

— Приказ Тайлера. — Норберт заметил, как на лицо Струана легла тень при этом имени, и улыбнулся про себя.

Его временный кабинет находился на первом этаже, пока ремонтировался сильно пострадавший от огня верхний этаж. Главная лестница вся почернела, крыша кое-где провалилась, но дыры были затянуты парусиной.

— Да, этот сукин кот наделал тут дел, хотя чего там, пожар есть пожар, такое с каждым случается. По счастью, как я говорил, сейфы остались целыми, и книги тоже, и склад. — Он указал рукой на кожаные кресла. — Располагайтесь.

На буфете стояли бокалы и бутылки: виски, коньяк, джин, выдержанное вино, шампанское уже на льду. Его китайский бой номер один был тут же, готовый прислуживать им. Их настороженность возросла.

— Чего желаете?

— Шампанского, — ответил Малкольм, остальные поддержали его. Он теперь чувствовал себя прекрасно, эликсир, как всегда, не только приглушал боль, но и ободрял его, помогая держаться так, словно никакого ранения не было. Когда все фужеры были наполнены, Норберт сделал жест рукой слуге, тот поклонился и оставил их.

— Ваше здоровье! — Они без особого энтузиазма вернули тост. Он сел на край своего стола, высокий, худой, уверенный в себе. — Здесь нас никто не слышит, — начал он. — Во-первых, мы, все, кто здесь, мы представляем три крупнейшие компании, мы должны составить совместную жалобу

Крошке Вилли — не то чтобы от неё было много толку — и адмиралу — мы все согласны, что он тормозит дело. Не вижу причин, Дмитрий, почему бы и тебе не высказать ему все, компании Купера-Тиллмана здесь есть чего терять, как и нам тоже. В то же время мы должны начать кампанию в парламенте, Струан и мы, чтобы решить вопрос с Японией раз и навсегда — либо мы раздавим джаппо и поставим их на место, либо мы уходим отсюда.

— Мы не уйдем из Японии, — сказал Малкольм, и Макфей вздохнул немного свободнее.

— Мы тоже, — сухо ответил Норберт, — это всего лишь уловка, чтобы обмануть этих несчастных ублюдков в парламенте. — Он взял папку с безупречно аккуратного стола и достал из неё одинарный лист бумаги. — Это тайное донесение из Лондона, прибывшее с «Океанской Ведьмой» от одного из наших тамошних сторожевых псов, оно датировано 16 сентября.

— Это чертовски быстро, — сказал Джейми за всех них.

— Мы шагаем в ногу со временем, Джейми. Тайлер говорит, чтобы я поделился частью его с вами тремя. Я буду читать: «Вчера премьер-министр и лорд-казначей частным образом договорились увеличить в следующем бюджете налог на чай на четыре пенса за фунт, пенни на пинту пива, шиллинг на все бренди и привозные вина, удвоить налог на табак... — Они все разинули рот. — ... удвоить ввозную пошлину на хлопок...»

— Чёрт подери! — не выдержал Дмитрий. — Это же сумасшествие! Хлопок и табак — единственные доходные культуры на всем Юге! Если они сделают это, что станется с нашей войной и с вашими чертовыми фабриками в Ланкашире?

— У нас нет ткацких фабрик, хотя они есть у Струана. Слушайте дальше: «Чтобы заткнуть рот некоторым влиятельным фракциям по обе стороны парламента, они собираются отдать приказ о предании огню всех наших плантаций опиума в Бенгалии, а чайные планта...»

— Господи Иисусе! — Струан был в ужасе, Джейми побагровел, Дмитрий был в шоке. — Тогда как же мы будем торговать в Китае, чёрт побери? Опиум за серебро за...

— Парламенту ровным счетом насрать на наш «божественный треугольник», — хмуро сказал Норберт, — как и на Азию, на Китай и на торговлю, им нужно одно — остаться у власти. Они хотят насадить вместо опиума чай. — Он убрал лист назад в папку и снова сел на стол, прекрасно сознавая, что трое его гостей дорого бы дали, чтобы удостовериться в правдивости документа и прочитать его целиком. — Старик сказал

сообщить вам, что у нас есть осведомитель в кругах, близких к премьер-министру, все, что он нашептывал раньше, всегда оказывалось правдой, я готов поклясться в этом перед Богом. Он справедливо говорит, что нам обязательно нужно убрать эту гнусную парочку к чертям собачьим, и побыстрее. Дмитрий, вы должны надавить на них со своей стороны. Тайлер говорит, все, что необходимо, мы сделаем, и просит тебя сделать то же самое. Договорились?

— Договорились, — кивнул Дмитрий. — Господи, я не могу в это поверить.

— Я верю. — Струан поднял бокал, гадая, где здесь кроется ловушка Тайлера Брока. — Чтоб им гореть в аду.

Они торжественно выпили вместе с ним. Норберт вновь наполнил бокалы. Он повернулся к Струану, и выражение лица его стало жестким.

— Далее: все здесь посвящены в нашу дуэль. Мне секунданты не нужны, и мы договорились о среде, на рассвете. Сожалею, но сегодня я отплываю с «Океанской Ведьмой», сожалею, приказ Тайлера — поэтому среда отпадает. Я предла...

— Зачем откладывать, света и сейчас довольно. — Слова вырвались у Малкольма прежде, чем он смог остановить их, и он был доволен, что отреагировал так быстро и твердо, хотя ему вдруг показалось, что в голове его вот-вот лопнет что-то. Молчание становилось гнетущим. Джейми побледнел.

— Не сейчас. — С блестящими глазами и пряча довольную усмешку, Норберт повернулся к Джейми и Дмитрию, официальным секундантам. — Я предлагаю отложить дуэль, согласно джентльменскому соглашению, до времени моего возвращения, примерно через три недели, а? Потом она может состояться хоть на следующий день, когда угодно.

— Это более удачная идея, тайпэн, — сказал Джейми. — Да?

Через мгновение натянутая струна в голове Струана ослабла.

— Прекрасно, — сказал он, ни обрадованный, ни разочарованный, просто довольный, что ещё раз бросил перчатку. Он не заметил, как Дмитрий и Макфей скрыли своё облегчение. Они допили шампанское и откланялись.

Когда он остался совершенно один, Норберт достал письмо Тайлера и перечитал его, ладони его покрылись потом. Первая часть касалась информации их шпиона. Письмо заканчивалось: «Подымай свою задницу на „Океанскую Ведьму“ и отправляйся с первым отливом, только ты, больше никаких пассажиров. Захвати с собой свои тайные грессбухи, контракт с джапо на совместную добычу золота и всю наличность, какая

есть. Встречаемся в Шанхае, тайно, — туда „Ведьма“ и направится первым делом, хотя в манифесте стоит прямо в Гонконг, — Морган, я и ты, как можно быстрее и тайно, чтоб никто не пронюхал. Когда вернешься в Йокогаму, может статься, что кровать твоя встанет в комнате растреклятого Малкольма Струана, да, и эта его красотка будет облизывать тебя с головы до ног, ежели такое у тебя желание, — она скоро тоже пойдет с молотка. Мы только что узнали, что её отец сбежал и из Бангкока тоже, как и из Гонконга, опять мошенничество и подлоги, на это раз на него насели лягушатские чиновники. Они его поймут, потом суд и гильотина — лягушатники, они не как наши лилейные бобби с мокрыми штанами. Миссис шлет наилучшие пожелания».

КИОТО

Воскресенье, 16 ноября

Уже давно стемнело, когда Ёси и его телохранители, безмолвные и переодетые в неприметную одежду простых солдат, устало пробирались по пустынным улочкам спящей древней столицы, в которой императоры и императорский двор жили веками.

Город строился на китайский манер, с прямыми улицами, которые под прямым углом пересекали поперечные улицы, в центре широко раскинулся Запретный Дворец и его сады и постройки. Только крыши были видны позади его высоких стен — шесть врат в стенах. Ёси тщательно избегал приближаться к нему, не желая встречаться с патрулями Огамы и самураями, охранявшими Врата, и когда он появился, неожиданно для всех, в казармах резиденции сёгуната, он сразу же прошел в свои личные покои и вскоре с благодарностью погрузился в горячую ванну, которая могла вместить восьмерых.

— Сколько у меня воинов в Киото, Акэда? — спросил он. Ноющая боль во всем теле от форсированного марша начала понемногу истекать из него.

С хмурым лицом старый генерал опустился в воду рядом с ним, ванна была метр в глубину. Ванная комната находилась во внутреннем кольце оборонительных укреплений, все прислужницы были отпущены, снаружи выставлены часовые.

— Восемьсот два человека, из которых восемьдесят больны или выздоравливают от ран, все принесли вам присягу, все достойны доверия, все имеют лошадей. Плюс те восемнадцать, что вы привели с собой, — ответил он своим скрипучим голосом, слова, как гравий, терлись и скрежетали друг о друга. Как только Ёси прибыл, Акэда удвоил охрану. Это был жилистый хатамото, вассал, чей род служил клану Торанага много поколений. Сейчас он командовал их гарнизоном в Киото. — Недостаточно, чтобы защитить вас.

— Здесь я в безопасности. — По закону, установленному Завещанием, это была единственная резиденция в Киото, которую можно было защищать, вмещавшая при необходимости пять тысяч человек. Все остальные даймё могли иметь с собой не более пятисот человек, и в любое время в Киото могли находиться не более десяти даймё сразу, их прибытие

и отъезд жестко контролировались. Время и слабые Советы старейшин привели к тому, что число воинов сёгуната сократилось до тысячи и меньше. — Вы сомневаетесь в этом?

— Внутри наших стен — нет. Прошу простить, я имел в виду снаружи.

— Союзники? На скольких даймё я могу рассчитывать?

Акэда раздраженно пожал плечами.

— Вы поступили совершенно неправильно, подвергнув себя такому риску и пустившись в путь с таким малочисленным отрядом. Ещё опаснее было вам приезжать в Киото. Если бы вы предупредили меня, я мог бы встретить вас и сопроводить сюда. Будь ваш отец жив, он бы запретил столь опас...

— Но моего отца нет в живых. — Губы Ёси сжались в тонкую твердую линию. — Союзники?

— Если бы вы подняли свой собственный стяг в Киото, господин, именно свой и ничей другой, большинство даймё и самураев поспешили бы встать рядом с вами, здесь и по всей стране. Их было бы больше чем достаточно, чтобы силой утвердить все, что вы хотели бы утвердить.

— Это можно было бы расценить как измену.

— А, прошу простить, но правда обычно всегда бывает изменой на вашем уровне, господин, и её очень трудно услышать. — Старое обветренное лицо сморщилось в улыбке. — Правда, если вы поднимете знамя сёгуната — почти никто; те даймё, которые находятся здесь, не объединятся против князя Тёсю Огамы, пока он удерживает в своих руках Врата.

— Сколько самураев здесь у Огамы?

— Говорят, больше двух тысяч, все отборные воины, все удобно размещены в укрепленных казармах вокруг дворца, рядом с чисто символической охраной, которая выставлена у наших врат. — Акэда улыбнулся, увидев, как сузились глаза Ёси. — О, все знают, что это против закона, да только никто не напомнил ему об этом и никто ему не воспрепятствовал. Он потихоньку собирал их здесь по десять, по двадцать человек с тех самых пор, как вышвырнул отсюда эту старую лисицу Сандзиро, Кацумату и его сацумских самураев. Вы знаете, что они бежали на лодке в Кагосиму? — Он скользнул глубже в воду. — По слухам, у Огамы ещё от двух до трех тысяч самураев Тёсю в пределах десяти ри.

— А?

— Он все крепче прибирает Киото к рукам, с каждым днём чуть больше, его патрули контролируют все улицы, за исключением банд сиси, которые время от времени затевают драки с любым, кто, по их мнению,

недостаточно уважительно относится к сонно-дзёи, особенно с нами и со всеми, кто считается союзниками сёгуната. Они дураки, потому что мы ничуть не меньше ненавидим гайдзинов, их подлые Соглашения и хотим выкинуть их из страны.

— Сиси здесь много?

— Да. По слухам, они затевают какое-то безобразие. Неделю назад несколько сиси сцепились с патрулем Огамы, открыто называя Огаму предателем. Он пришел в бешенство и с тех самых пор пытается выследить их и уничтожить. Есть...

Стук в дверь прервал его. На пороге появился начальник стражи.

— Извините меня, князь Ёси, посланник князя Огамы стоит у ворот, он просит вас принять его.

Ёси и его генерал ошеломленно уставились на него.

— Как он может знать, что я приехал? — зло спросил Ёси. — Последние пятьдесят ри мы проскакали переодетыми. Я не входил в Киото до самой темноты, мы миновали заставы и не встретили ни одного патруля. Здесь, должно быть, есть соглядатай.

— Здесь внутри шпионов нет, — проскрежетал Акэда. — Клянусь своей головой, господин. Снаружи им нет числа, они повсюду, шпионы Огамы, сиси и других, а вас не так трудно узнать.

— Капитан, — произнес Ёси, — скажите, что я сплю и меня нельзя беспокоить. Попросите его вернуться утром, когда он будет принят с должными почестями.

Капитан поклонился и приготовился уйти.

— Прикажете всему гарнизону быть в полной боевой готовности!

Когда они остались одни, Ёси спросил:

— Вы думаете, Огама осмелится напасть на меня здесь? Это было бы объявлением войны.

— Пределы его смелости меня не касаются, господин. Я забочусь только о вашей безопасности. Сейчас я отвечаю за вас.

Горячая вода разогрела теперь суставы Ёси, и он обмяк, на мгновение целиком отдавшись во власть этого тепла. Он был рад, что Акэда взял командование на себя, присутствие старого воина успокаивало его, хотя его высказывания не влияли на его мнение. Он не ждал, что его присутствие будет обнаружено так скоро. Ладно, думал он, мой план все ещё выполним.

— Кто является прикормленным псом Огамы, его посредником при дворе?

— Принц Фудзитака, первый двоюродный брат императора — брат его жены является императорским камергером.

Воздух с шипением вырвался из уст Ёси, и генерал кивнул с досадой.

— Трудно разорвать эту нить, разве что рассечь мечом.

— Немыслимо, — коротко ответил Ёси и подумал: если нет реально осуществимого плана. В любом случае глупо говорить такие вещи вслух, даже наедине. — Какие новости о сёгуне Нобусаде и принцессе Иядзу?

— Их ожидают через неделю, и...

Ёси резко повернул к нему голову.

— Они будут не раньше, чем через две-три недели.

Голос старика заскрежетал, как ножом по железу:

— Принцесса Иядзу приказала кортежу вернуться на Токайдо и двигаться кратчайшим путем в явном нетерпении увидеть своего брата и уговорить своего мужа поклониться ему вопреки всем традициям, чтобы скорее похоронить сёгунат и передать его Огаме.

— Даже здесь, старый друг, следует сдерживать свой язык.

— Я слишком стар, чтобы тревожиться об этом теперь, теперь, когда ваша шея зажата в тисках Огамы.

Ёси послал за прислужницами, которые принесли полотенца и вытерли обоих мужчин и помогли им надеть свежие юката. Он поднял свои мечи.

— Разбудите меня на рассвете, Акэда. У меня много дел.

Перед самым рассветом в южных предместьях, там, где река поворачивала на юг к Осаке и морю, в двадцати с небольшим ри, где большие и малые улицы и переулки тянулись и пересекались вкривь и вкось, разительно отличаясь от строгой планировки самого города, где стоял тяжелый запах испражнений, грязи и гниющих овощей, Кацумата, главный сиси Сацумы и доверенное лицо князя Сандзиро, внезапно пробудился, выскользнул из-под покрывала и встал в полутемной комнате, напряженно прислушиваясь, с мечом наготове.

Ни один звук не предвещал опасность. Снизу слышалась приглушенная возня слуг и прислужниц, разжигавших огонь, резавших овощи, готовивших пищу на день. Его комната располагалась на втором этаже, под потолочными балками, в этой гостинице Шепчущих Сосен. Где-то вдалеке залаяла собака.

Что-то не так, подумал он.

Он неслышно отодвинул сёдзи. Вдоль коридора располагались другие комнаты, три из них были заняты другими сиси, по два человека в комнате. Последняя по коридору была отведена женщинам гостиницы.

С одной стороны имелось небольшое окошко, выходившее на

передний двор. Внизу он не заметил никакого движения. Его взгляд снова пробежался по двору, воротам, улице за ними. Ничего. Ещё раз. Ничего. Потом что-то тускло сверкнуло, он больше почувствовал это, чем увидел. Тут же он отодвинул остальные двери и прошипел кодовое слово. Мгновенно все шесть мужчин вскочили на ноги, забыв о сне, и поспешили следом за ним с мечами в руках вниз по шаткой лестнице, через кухню и в заднюю дверь. Тут же через ограду в соседний сад, отступая слаженно и четко, потом в следующий, опять через ограду и в переулок. Они пробежали вдоль него и быстро свернули в проход между двумя приземистыми лачугами. В конце этого тупика он повернул налево и осторожно приоткрыл дверь. Копье бдительного стража угрожающе замерло в футе от его шеи.

— Кацумата-сан! Что случилось?

— Кто-то предал нас, — тяжело дыша проговорил Кацумата и сделал знак юноше из Тёсю, такому же суровому, как он сам, твердому как сталь, но вдвое его моложе, девятнадцать лет. — Обойди кругом, смотри, потом вернись назад. Тебя не должны увидеть или поймать!

Юноша исчез. Остальные последовали за Кацуматой через грязный вход в самую хибару. Внутри было много комнат, это строение соединялось с соседними по обе стороны, и ещё сиси. Двадцать человек, все вооружены, большинство из них начальники небольших отрядов, все встретили его на ногах, готовые сражаться или отступать — среди них была Сумомо, сестра Сёрина и невеста Хираги. Они молча собрались, ожидая дальнейших распоряжений.

Когда Кацумата и его люди покидали гостиницу, никто из слуг и прислужниц не обратил никакого внимания на их стремительное отступление, продолжая заниматься своими делами, словно ничего не случилось. Все замерли спустя несколько секунд, когда патруль Огамы ворвался через переднюю дверь и бросился по комнатам, поднимая постояльцев, и девушек, и маму-сан, в то время как другие взлетели вверх по лестнице, чтобы обыскать комнаты наверху. Сверху раздались удивленные, испуганные, протестующие крики и жалобные завывания женщин, занимавших теперь четыре комнаты, в которых минуту назад спали сиси — опять же часть тщательно продуманного плана Кацуматы.

В поднявшейся суматохе раздавались яростные крики мамы-сан, и сколько взбешенный офицер Огамы ни ругался и ни требовал указать ему, куда подевались бродяги-ронины, молотя по лицу нескольких слуг, он ничего не добился. Все дрожали и громко заявляли о своей невинности.

— Ронины? В моем уважаемом, законопослушном доме? Никогда в

жизни! — кричала мама-сан.

Но когда патруль ушел и все они оказались в безопасности, мама-сан разразилась проклятиями, её девушки разразились проклятиями, слуги разразились проклятиями, призывая гнев богов на голову шпиона, который их предал.

— Кацумата-сан, кто это был? — спросил Такэда, плотный, почти без шеи двадцатилетний юноша из Тёсю — родственник Хираги, — сердце его все ещё гулко стучало после того, как они едва не попались в западню.

Кацумата пожал плечами.

— Карма, если мы найдем его, карма, если не найдем. Это лишь доказывает то, что я вколачиваю в каждого из вас: будьте готовы к предательству, мгновенному отступлению, мгновенной схватке, не доверяйте ни мужчине, ни женщине, кроме отмеченных кровью сиси и сонно-дзёи. — Все собравшиеся в тесной маленькой комнатке кивнули.

— Как быть с князем Ёси? Когда мы нападём на него?

— Когда он окажется по эту сторону стен. — Весть о неожиданном прибытии Ёси пришла ночью, слишком поздно, чтобы успеть перехватить его.

— Но, сэнсэй, у нас же есть последователи внутри, — сказал Такэда. — Конечно же, именно там его легче всего застать врасплох, когда он чувствует себя в безопасности и стража его спит.

— Стража Ёси никогда не спит. Никогда не забывай об этом. Что же касается наших людей среди тех, кто с ним и кто находится внутри, им приказано сохранять спокойствие и не выдавать себя, их присутствие там и их информация имеют слишком большую ценность, чтобы ими рисковать. В том маловероятном случае, если сёгун Нобусада уцелеет после нашей засады, они пригодятся нам ещё больше.

Его слова были встречены угрюмыми улыбками многих, руки крепче стиснули рукояти мечей. Засаду планировалось устроить в сумерках, через пять дней в Оцу, последнем придорожном городке перед Киото. Лишь очень немногие гостиницы как вдоль Северной дороги, так и вдоль прибрежной Токайдо считались подходящими местами отдыха для таких августейших особ с их многочисленными охранниками, прислужницами и слугами, поэтому угадать, где кортеж будет останавливаться на ночь, не составляло труда. И заранее расставить шпионов.

Десять сиси получили это равносильное самоубийству задание и уже находились в Оцу, готовясь. Каждый из ста семи сиси, прятавшихся сейчас в разных убежищах по всему Киото, умолял включить его в эту группу. По предложению Кацуматы они тянули жребий. Высокая честь выпала трем

сиси из Тёсю, трем из Сацумы и четверем из Тосы, все они уже расположились вокруг места засады, гостиницы Многих Цветов.

— И-и-и-и, — возбужденно прошептала девушка, Сумомо, — всего пять дней, и сонно-дзёи станет реальностью. Бакуфу никогда не оправятся от такого удара.

— Никогда! — Кацумата улыбнулся ей. Сумомо ему нравилась, лучшая из его учениц-женщин, как Хирага был лучшим среди мужчин, кроме него Ори, — он восхищался её храбростью, силой и ловкостью. Она тоже вызвалась для участия в засаде, но он запретил ей, считая её слишком ценным оружием, чтобы потерять в этом крайне рискованном предприятии. Он был рад, что оставил её здесь, отменив полученный ею приказ Хираги возвращаться в дом его отца. Она доставила ему последние вести из Эдо: подтвердив слухи о том, что после переговоров отношения между бакуфу и гайдзинами несколько смягчились, сообщив о неудачном нападении на главного министра Андзё и успешном покушении на Утани и сожжении его дворца. И, что было очень важно, подтвердила, что противостояние Андзё и Торанаги Ёси становится все более явным. «Я не знаю, откуда взялась эта информация, — шепотом передала она ему, — но мама-сан сказала, что источник её вам известен».

Она также сообщила подробности о смерти Сёрина. Но не знала, что случилось дальше с Ори и Хирагой, кроме того, что рана Ори заживала и оба скрывались в Поселении Йокогамы, и с Акимото — Хирага каким-то удивительным образом стал доверенным лицом одного чиновника-гайдзина.

— Ты права, Сумомо, бакуфу никогда не оправятся, — сказал Кацумата. — А наш следующий сокрушительный удар покончит с сёгунатом Торанага навечно.

Сразу же вслед за успешным устранением сёгуна Нобусады — принцесса Иядзу не должна была пострадать, чего бы это ни стоило, — сиси осуществят массированное нападение на резиденцию Огамы, чтобы убить его, и одновременно с этим Кацумата и остальные захватят ворота, подняв знамя сонно-дзёи и объявив, что власть вернулась к императору, после чего все верные даймё и самураи соберутся, чтобы поклониться ему.

— Сонно-дзёи, — тихо произнесла она, охваченная ликованием, как и все они.

Кроме Такэды. Он неуютно пошевелился.

— Я не уверен насчет того, чтобы убивать Огаму. Он хороший даймё, хороший военачальник, он помешал Сандзиро захватить власть, помешал правителю Тосы захватить власть, он единственный даймё, который

выполняет наказ императора изгнать гайдзинов. Разве он не закрывает пролив Симоносеки? Только наши пушки противостоят кораблям гайдзинов, только воины Тёсю стоят на переднем крае битвы с ними, а?

— Это так, Такэда, — ответил один известный сиси из Сацумы. — Но о чем нам напомнил сэнсей Кацумата? О том, что, захватив власть, Огама стал другим. Если бы он почитал императора и теперь, когда Врата в его руках, ему было бы просто провозгласить сонно-дзёи и передать всю власть императору. Именно так поступим мы, когда Врата станут нашими.

— Да, но...

— Очень просто, Такэда. А что сделал он? Использовал свою власть только для того, чтобы заставлял двор делать то, что ему угодно. Он хочет стать сёгуном. И не меньше.

Многие согласно забормотали, а потом заговорила Сумомото:

— Пожалуйста, извините меня, Такэда, но Огама стал большой угрозой. Вы все знаете, что я из Сацумы, как и сэнсэй Кацумата, мы согласны, что Сандзиро тоже сделал что-то хорошее, но ничего для сонно-дзёи. Поэтому он должен отказаться от власти, с радостью или против воли, и он уйдет... уйдет. То же самое с Огамой.

Да, он сделал кое-что хорошее, но теперь он делает плохое. Истина заключается в том, что ни один даймё, овладевший Вратами и настолько приблизившийся к тому, чтобы стать сёгуном, не отдаст эту власть добровольно.

— Может быть, нам стоит направить петицию Огаме? — предложил Такэда.

— Пожалуйста, извините меня, но петиция ничего не даст, — возразила она. — Когда Врата станут нашими — чтобы предотвратить гражданскую войну и впредь избавить любого даймё от подобного искушения, — когда Врата станут нашими, мы должны пойти дальше, мы должны попросить императора отменить сёгунат, бакуфу и всех правителей.

Среди изумленного шума, которым было встречено столь смелое предложение, Такэда выпалил:

— Это сумасшествие. Если не будет сёгуната и даймё, кто будет править? Наступит хаос! Кто выплачивает нам жалованье? Даймё! Правителям принадлежат все коку риса и...

— Дай ей закончить, Такэда, — перебил его Кацумата, — потом скажешь все, что хочешь сказать.

— Извините, Такэда, но это идея Хираги-сан, не моя. Хирага говорил, что в будущем даймё будут лишь номинальными правителями, достойные

из них, что власть будет осуществляться через советы самураев всех званий, на равной основе, которые будут определять все, от размера жалованья до того, кто из даймё достоин править землей и кто будет ему наследовать.

— Это никогда не сработает. Это плохая мысль, — сказал Такэда. Многие не согласились с ним, большинство было на её стороне, но Такэду это не убедило. Потом она спросила:

— Сэнсэй, это плохая мысль?

— Это хорошая мысль, если бы все даймё согласились, — ответил Кацумата, очень довольный, что его ученье приносит такие плоды, что они, как и следовало, приходят к мысли о будущем общего согласия. Он сидел на корточках, вместе со всеми остальными, говорил мало, мысли его были заняты недавним побегом. Под маской спокойствия в нем клокотала ярость, он был взбешен этим новым покушением на свою жизнь, которое едва не достигло цели.

В этот раз они подобрались слишком близко, думал он, чувствуя вкус желчи во рту. Сеть затягивается все туже. Кто же предатель? Он должен находиться сейчас в этой комнате. Из всех сиси только эти знали, что я проведу эту ночь в Шепчущих Соснах. Предатель должен быть здесь. Кто же он — или даже она? Кто? — Продолжай, Сумомо.

— Я лишь хотела добавить... Такэда-сан, вы из Тёсю, как и Хирага-сан, другие из Тосы, сэнсэй и я из Сацумы, другие из других владений, но мы прежде всего сиси, и долг наш стоит выше семьи, выше рода. При новом порядке это будет законом — первым законом для всего Ниппона.

— Ну, если такое будет законом... — Один из них почесал в затылке. — Сэнсэй, когда Сын Неба вновь станет у власти, что мы тогда действительно будем делать? Мы? Все мы?

Кацумата взглянул на Такэду.

— Что ты думаешь?

— Меня не будет в живых, поэтому мне все равно, — обычным тоном ответил Такэда. — Сонно-дзёи достаточно для одной жизни, и этому делу я старался помочь.

— Кто-то из нас должен остаться в живых, — сказал Кацумата, — чтобы стать частью нового руководства. А сейчас есть более важный вопрос: Торанага Ёси. Как уничтожить его?

— Когда бы он ни вышел из своего убежища, мы должны быть готовы, — сказал кто-то.

— Разумеется, — раздраженно заметил Такэда, — но он будет окружен телохранителями, и я сомневаюсь, что нам удастся до него добраться.

Сэнсэй сказал, чтобы мы не задействовали наших сторонников внутри. Значит, убить его придется снаружи, а это будет очень трудно.

— Полдюжины нас с луками на крышах домов?

— Жаль, что у нас нет пушек.

Они сидели в светлеющей комнате, погруженные каждый в свои мысли, думая о том, что Ёси был бы завидной добычей. Но на первом месте стояли пять дней, потом нападение на Огаму — единственный способ захватить Врата.

— Женщине было бы легче проникнуть в бастион сёгуната, нех? — заметила вслух Сумомо. — А оказавшись внутри... — Она улыбнулась.

Облака затянули небо. День был пасмурный. Но несмотря на это, широкие улицы у стен казарм сёгуната были полны горожан, которые продавали и покупали на рынке напротив главных ворот; здесь же можно было видеть и буддийских монахов в оранжевых одеяниях, державших в вытянутых руках неизменные чашки для пожертвований, а также самураев, степенно вышагивающих поодиночке или группами. Среди последних выделялись патрули Огамы, на одежде каждого воина был вышит герб их княжества.

Кацумата, Сумомо и ещё полдюжины сиси прогуливались в толпе, переодетые и в широких конических шляпах. Их окружали домохозяйки, прислужницы, слуги, подметальщики улиц, сборщики фекалий, носильщики и уличные торговцы, ростовщики, писцы и прорицатели, самураи и люди высокородные передвигались в паланкинах и верхом, но нигде не было видно ни одной повозки на колесах.

Все, кто проходил в ворота сёгуната, открытые днём, но охранявшиеся многочисленной стражей, вежливо кланялись в соответствии со своим положением и не мешкая проходили вперед. Невероятная новость о том, что опекун наследника прибыл тайно, как простой путник, мгновенно облетела весь город — и это вместе с грядущим приездом, неслыханное в веках дело, самого великого сёгуна, правителя всей страны, фигуры, окутанной почти таким же покровом таинственности, как и Сын Неба, про него даже говорили, что он был даже женат на одной из сестер Божественного, — это было для горожан больше, чем они могли вынести.

Тут же самураи принялись озабоченно проверять и приводить в порядок своё оружие и доспехи; даймё и их наиболее доверенные советники задрожали, услышав это известие, оценивая свои собственные позиции и решая, что им делать и как избежать любых бесповоротных действий, когда случилось неизбежное: князь Ёси столкнулся с князем

Огамой.

Всякое движение на улице снаружи укрепленных казарм сёгуната прекратилось, когда из ворот появилась тяжело вооруженная процессия. Впереди развевались знамена Ёси, солдаты плотными рядами окружали закрытый паланкин, ещё большее количество воинов следовало позади него, замыкая шествие. В один миг все, до кого досягал глаз, пали ниц, все самураи замерли, потом склонились в глубоком поклоне, пока кортеж не прошел. Только когда Ёси и его охрана совсем исчезли из виду, люди на улице вернулись к какому-то подобию нормальной жизни. Кроме Кацуматы и его спутников, которые осторожно последовали за процессией.

В полумиле от них похожий кортеж воинов в полных доспехах, загибаясь змеей, вышел из ворот главной резиденции Тёсю, впереди несли знамена Огамы. Этот кортеж был встречен с ещё большим почтением. В паланкине сидел Огама. Он за несколько дней был предупрежден о прибытии своего врага, точно так же он следил и за продвижением сёгуна Нобусады. Его советники рекомендовали перехватить и уничтожить Ёси за пределами Киото, но он отказался: «Лучше, если он станет пешкой в моих руках. Оказавшись здесь, где он сможет спрятаться, куда бежать?»

Детали срочной встречи, о которой он попросил, были урегулированы между их советниками. Было решено, что она состоится во внутреннем дворе пустующих нейтральных казарм, равноудаленных от обеих резиденций. Каждая сторона возьмет с собой сотню воинов. Только двадцать из них будут верхом. Огама и Ёси придут в защищенных от стрел и копий паланкинах. Каждого будет сопровождать один советник. Они придут одновременно.

Через мгновение шпионы уже спешили во дворец, к группам сиси и к даймё с поразительной новостью о том, что два самых опасных человека в Ниппоне появились на улицах с колоннами вооруженных охранников в один и тот же миг. Один из шпионов быстро разыскал Кацумату и сообщил ему о месте, где была назначена встреча, и к тому времени, когда самураи Огамы и Ёси прошагали в ворота пустых казарм, Кацумата и с ним тридцать человек уже расположились неподалеку в надежде, что им представится возможность для самоубийственной атаки.

Сто квадратных метров внутреннего двора были обнесены легкой деревянной стеной, которую нетрудно было разрушить, одноэтажные казармы и вместительные стойла для лошадей тоже были выстроены из дерева, потемневшего от времени. Охранники с обеих сторон заняли свои позиции, пока другие принесли четыре раскладных стула и аккуратно поставили их в центре свободного пространства.

Оба князя вышли из паланкинов в одно время, подошли к стульям и сели. Затем рядом с ними сели генерал Акэда и Басухиро, главный советник Огамы. Басухиро был образованным самураем на середине четвертого десятка, с узкими глазами. Его род из поколения в поколение возглавлял аппарат чиновников Тёсю. Они официально поклонились. Потом взгляды двух вождей встретились.

Ёси был двумя годами младше Огамы и высок ростом в противоположность приземистому и плотному правителю Тёсю. Лицо Ёси было гладко выбрито, контрастируя с тяжелой иссиня-черной бородой Огамы. Его родословная была знатнее, хотя род Огамы не уступал его роду в древности и был равно знаменит. Оба правителя стояли один другого в жестокости, честолюбии и скрытности.

Они неспешно обменялись обязательными комплиментами и вежливыми вопросами, играя в слова, выжидая, когда можно будет начать — их руки небрежно лежали на рукоятках мечей.

— Ваше прибытие — приятный сюрприз для нас, князь Ёси.

— Мне пришлось приехать самому, дабы убедиться, что дикие слухи, дошедшие до меня, не соответствуют действительности.

— Слухи?

— В числе прочих то, что войска Тёсю препятствуют законным представителям сёгуната занять свои позиции вокруг Дворцовых Врат.

— Это необходимая мера для защиты Божественного.

— Отнюдь не необходимая и противозаконная.

Огама рассмеялся.

— Божественный предпочитает, чтобы его защищал я, а не вероломный Совет старейшин, который подписал Соглашения с гайдзинами вопреки его пожеланиям и продолжает заключать с ними договоренности вопреки его пожеланиям, вместо того чтобы изгнать их, как он просил. — Он сделал знак Басухиро. — Пожалуйста, покажите князю Ёси.

Свиток, подписанный императором, «просил правителя Тёсю принять на себя командование Вратами до урегулирования прискорбного недоразумения с гайдзинами».

— Божественному не пристало брать на себя управление делами мирскими. Таков закон — я должен просить вас сложить с себя командование.

— Закон? Вы говорите о законе Торанага, законе сёгуната, насажденном силой первым из вас и лишившем императора его древних, Небом дарованных прав управлять страной.

Губы Ёси сжались в тонкую твердую линию.

— Небо даровало императору право представлять перед богами за нас, смертных, решать любые вопросы жизни духовной. Мирские же дела всегда находились в ведении смертных, в ведении сёгунов. Император навечно даровал сёгуну Торанаге и его потомкам право решать все вопросы мирской жизни.

— Я повторяю, императора принудили согласиться и...

— А я повторяю, что это закон нашей страны, который поддерживал в ней мир два с половиной столетия.

— Он больше не действителен. — Огама помахал документом. — То, что предыдущий император вынужден был даровать, нынешний император отменил по доброй воле.

Голос Ёси зазвучал мягче и убийственнее.

— Временная ошибка. Совершенно ясно, что Сын Неба был введен в заблуждение плохими советами недовольных честолубцев, как он скоро сам осознает.

— Вы обвиняете меня? — Руки всех четверых сжались на рукоятях мечей.

— Я лишь указываю на то, князь Огама, что ваш лист бумаги был получен посредством ложной информации, а не в соответствии с законом. Подпирающего Главою Небо окружают и всегда окружали честолубивые мужчины и женщины. Вот почему он навечно передал сёгуну Торанаге и последующему сёгунату прерогативу направлять его во всех де...

Громовой хохот прервал его на полуслове, и у каждого внутри этих глухих стен нервы напряглись ещё больше.

— Направлять? Вы сказали, направлять? Божественного должны направлять Андзё Нори, Тояма, Адати, а теперь ещё и этот слюнявый полудурок Зукумура? Эти ни на что не годные дураки, которые по своей прихоти могут остановить любое ваше решение и заключают с подлыми гайдзинами, вопреки советам всех даймё, глупые договоренности, обрекающие Страну богов и всех нас на гибель? — Его лицо исказила злобная гримаса. — Или он должен ожидать просветляющего слова от этого мальчика Нобусады, который подскажет, как нам вытащить зад из костра?

— Вы и я, нам не нужно ждать, Огама-доно, — гладко произнес Ёси, понимая, что его главное оружие — это спокойствие. — Давайте обсудим это наедине — только вы и я.

Огама пристально посмотрел на него. Легкий ветерок поднялся и зашелестел знаменами.

— Когда?

— Сейчас.

Не ожидавший такого ответа Огама заколебался. Потом взглянул на Басухиро. Маленький сухой человечек улыбнулся одними губами.

— Я бы сказал, что важные дела следует обсуждать открыто, господин, не то чтобы мой скудоумный совет мог принести большую пользу. Частные договоренности могут иной раз быть неправильно истолкованы любой из сторон — это было правило вашего досточтимого отца.

Огама перевел взгляд на Ёси.

— Этот визит сёгуна к императору, чтобы поклониться ему, «попросить совета», первый за все время правления рода Торанага, он ведь подрывает саму основу возведенного вами здания, а? Хуже того, он, подобно темному облаку, омрачает любую будущую договоренность Сына Неба с... с будущими правителями, поскольку, разумеется, править будут смертные, а?

— Наедине, Огама-доно.

Огама раздумывал, темные глаза его спрятались ещё глубже в суровое обветренное лицо. Против своей воли, несмотря на ясное осознание того, что этот человек потенциально был единственным во всей стране, кому, возможно, удалось бы собрать достаточно сил, чтобы помешать ему достичь поставленной цели, он наслаждался этим поединком и был рад встретиться с ним лицом к лицу. Он махнул рукой, отпуская Басухиро, который подчинился немедленно, хотя и с явным неодобрением. Акэда поклонился и тоже отошел, насторожившись ещё больше и в любую секунду ожидая предательства, о котором он предупреждал.

— Со ка?

Ёси слегка подался вперед и понизил голос, его губы едва шевелились на тот случай, если Басухиро, расположившийся неподалеку, мог читать по губам.

— Совет проголосовал четырьмя голосами против моего одного за этот визит сёгуна. Разумеется, этот визит является большой ошибкой, Андзё не может и не хочет видеть этого. Нынешний Совет проголосует так, как он пожелает, по любому вопросу. Нобусада — безвольная кукла, пока он не достигнет совершеннолетия, через два года, тогда формально он сможет многое изменить и создать много проблем, если у него будет такое желание. Отвечает ли это на все ваши вопросы?

Огама нахмурился, пораженный тем, что его противник так откровенен с ним.

— Вы сказали «наедине», Ёси-доно, что вы хотите сообщить мне

наедине, что, конечно же, я передам своим советникам впоследствии, как сделаете и вы?

— Кое-какие секреты, которые правителям лучше хранить между собой, нежели... — намеренно добавил Ёси, — доверять их некоторым вассалам.

— А? Что это значит?

— У вас есть шпионы — вассалы — за моими воротами, нех? Как иначе могли бы вы узнать, что я приехал, когда приехал? Конечно же, вы не думаете, что у меня нет здесь своих людей и шпионов в ваших стенах?

Лицо Огамы помрачнело.

— Какие секреты?

— Секреты, которые мы должны оставить при себе. Например, то, что Андзё очень болен и проживет не больше года или в самом крайнем случае вынужден будет уйти с поста к этому времени. — Ёси заметил, как в глазах Огамы тут же сверкнула искорка живого интереса, который ему не удалось полностью скрыть. — Если вы хотите получить доказательства, я мог бы сказать вам, как ваши шпионы могут раздобыть подтверждение.

— Хорошо, благодарю вас, — произнес Огама, отложив эту информацию в голове, чтобы заняться этим немедленно, не дожидаясь ничьего совета. — Я бы хотел иметь возможность подтвердить столь приятное известие. Ну и что?

Ёси заговорил ещё тише.

— В течение этого года — если бы мы стали союзниками — будет легко сделать так, что вас назначат старейшиной. Тогда вместе мы могли бы одобрить три остальные кандидатуры.

— Я сомневаюсь, что мы когда-нибудь сможем прийти к солгашению, Ёси-доно, — сказал Огама с кривой усмешкой, — ни по составу Совета, ни по тому, кто из нас станет тайро, правителем.

— А, но я буду голосовать за вас.

— Почему вам нужно быть таким глупым? — без обиняков спросил Огама. — Вы же должны понимать, что я незамедлительно разрушу ваш сёгунат.

— В том виде, в котором он сейчас существует, — да. Я согласен, что мы должны это сделать. Я бы хотел сделать это прямо сейчас. Обладая властью, я бы разрушил его прямо сейчас и провел бы реформы, прислушиваясь к голосу совета всех даймё, даже внешних правителей. — Он увидел, что Огама поражен ещё больше, и понял, что набирает очки. — Но я не могу, я должен ждать, пока Андзё уйдет в отставку или умрет.

— Почему не дожидаться этого раньше, чем позже, а? Если он сидит,

как гнойный чирей у вас на заднице, проткните его! Вы ведь оба находитесь в замке Эдо, а?

— Это вызвало бы гражданскую войну, которой я не хочу, не хочет ни один даймё. Я согласен, что сёгунат и бакуфу должны быть перестроены радикально, ваши взгляды и мои очень схожи между собой. Без вашей поддержки я не смог бы осуществить реформы. — Ёси пожал плечами. — В это трудно поверить, но это мое предложение.

Его собеседник сказал:

— Убрав с дороги Андзё, вы могли бы делать все, что вам угодно. Вы могли бы соблазнить Сандзиро и этого дурака из Тосы, может быть, их обоих, а? Если бы вы трое объединились против меня, возможно, со мной было бы покончено, и с моим княжеством тоже. Затем вы разделите их, и вот вы у власти. — Его губы сложились в улыбку, которая не была улыбкой. — Или более вероятно, они останутся вместе и разделят вас.

— Гораздо более вероятно. Так почему не выбрать власть для нас, а не для них? Во-первых, мы могли бы разгромить Тосу.

Снова короткий жестокий смех.

— Это будет нелегко, учитывая, что Сандзиро с его сацумскими легионами готов немедленно прийти Тосе на помощь; он ни в коем случае не может позволить нам раздавить Тосу, потому что тогда он останется один и мы двинемся против него. Он ни за что не позволил бы даже мне разгромить его, что я мог бы сделать со временем, не говоря уже о том, чтобы допустить союз между нами. Их невозможно разделить, хотя они и ненавидят друг друга. В конце концов мы разбили бы их, но ни один из нас не в состоянии вести длительную войну — и уже никак, пока гайдзины находятся на наших берегах и готовы поработить нас.

— Оставим пока гайдзинов, скажу только, что я выступаю против Соглашений, хочу, чтобы все гайдзины были изгнаны, хочу — всеми своими силами — выполнить просьбу императора, хочу видеть в Совете новых старейшин и распустить большую часть бакуфу.

Снова Огама пристально посмотрел на него, едва в состоянии поверить своим ушам.

— Такие тайные мысли, смертельные мысли, выражаемые так открыто, недолго останутся секретом. Если они правдивы.

— Они правдивы. Они выражаются наедине, между нами. Я рискую с вами, да. Но есть цель: Ниппон. Я предлагаю тайный союз: вместе мы могли бы держать в руках всю власть. Вы хороший военачальник, вы владеете проливом Симоносеки, ваши пушки не смогут остановить корабли гайдзинов до тех пор, пока мы не приобретем или не построим

такой же флот и не сделаем наши армии современными. Корабли, пушки и огнестрельное оружие гайдзинов — вот все, что нам нужно. И вы достаточно сильны и достаточно умны, чтобы понимать проблемы, стоящие перед нами.

— Какие же?

— Главных пять: слабый, глупый, устаревший сёгунат, поддерживаемый ещё более глупыми бакуфу; вторая: страна разделена; третья: гайдзины и наша потребность перевооружиться, прежде чем их корабли, пушки и ружья превратят нас в рабов, как они превратили в рабов китайцев; четвертая: как уничтожить всех сиси, чье влияние растёт, несмотря на их малочисленность. И наконец пятая: принцесса Иядзу.

— С четырьмя я согласен. Но почему она проблема?

— Нобусада — ребенок, капризный и простодушный, да, и я думаю, таким он и останется. С другой стороны, она сильна, образованна и хитра, хитра далеко не по своим годам.

— Но женщина, — раздраженно оборвал его Огама, — без армии, кошелька, и как только она станет матерью, вся её энергия будет расходоваться на сыновей. Вы видите пожар в бочке с водой.

— Но предположим, что её муж — импотент.

— Что?

— Именно это нашептывают мне его доктора. Предположим также, что он совершенно околдован ею, — поверьте мне, эта девушка наделена умом и хитростью волчицы-ками! Этот визит — её идея, первый шаг её плана: отдать его, а вместе с ним и весь сёгунат в цепкие руки придворных лизоблюдов, которые не имеют никакого опыта в мирских делах, которые введут Божественного в заблуждение и погубят нас всех.

— Это ей никогда не удастся, — едко возразил Огама, — какая бы она ни была умная, ни один даймё не примет такого безумия.

— Шаг первый: этот визит, шаг второй: сёгун делает дворец своей постоянной резиденцией. Начиная с этого момента, поддержанные просьбами императора, просьбами её брата, решения будут нисходить через её приспешников, один из которых — ваш принц Фудзитака.

— Я не верю в это!

— Естественно, он в этом не сознается. Через некоторое время, весьма скоро, я смогу представить вам доказательства того, что он действует не за вас, а против вас. — Ёси следил, чтобы его голос звучал тихо и был полон искренности. — Как только Нобусада постоянно осядет в этих стенах, она будет править. Вот почему она — проблема.

Огама вздохнул и выпрямился на стуле, снова взвешивая все, что

говорил ему его противник, многое из сказанного было правдой, и раздумывая, насколько он может доверять ему. Тайный союз, бесспорно, открывал новые возможности, если цена, которую ему предложат за него, будет достаточно высока.

— Решение этой проблемы заключается в расторжении брака, — высоким голосом произнес он. — Императора просили дать на него своё согласие, а? Возможно, император будет счастлив попросить о его расторжении. Одним ходом вы нейтрализуете её, возвращаете себе поддержку многих, кто негодует по поводу этого брака, считая его наглостью со стороны Торанага... не мое мнение, — поспешно добавил он, увидев, как вспыхнуло на миг лицо Ёси, не желая пока открытого столкновения: так много ещё предстоит услышать и решить.

После секундного молчания Ёси кивнул.

— Хорошая мысль, Огама-доно. Мне она не пришла в голову. — И в самом деле не пришла. Чем больше он думал об этом, тем в большее возбуждение приводили его те побеги, которые даст это зерно. — Это должно стать первоочередным делом. Отлично.

У края двора лошадь заржала тревожно и прынула. Оба князя смотрели, как солдат, державший её под уздцы, успокаивал её, Огама спрашивал себя в своём самом потаенном сердце, должен ли будет он, после того как устранил Ёси, а затем, даже не икнув, Нобусадзу, всех остальных Торанага и их союзников, и станет сёгуном, должен ли будет он тогда унаследовать и эту принцессу императорской семьи. У меня никакая женщина проблемой не станет, она будет метать сыновей так быстро, что даже боги улыбнутся.

— Так в чем же заключается ваше предложение? — спросил он. Голова у него кружилась от чудесных преимуществ, которые может открыть для него временный союз.

— Мы заключаем тайное соглашение с сегодняшнего дня объединить силы, влияние и сообща выработать планы, в первую очередь, следующие: первый, раздавить сиси, второй, нейтрализовать Андзё и Сандзиро, правителя Сацумы, третий, внезапно напасть на Тосу. Как только Андзё умрет или уйдет в отставку, я предложу вас старейшиной вместо него и гарантирую ваше назначение. Одновременно с этим подаст в отставку Зукумура, и его место займет другой, чью кандидатуру мы согласуем заранее. Три к двум. Тояму я оставляю, Адати будет заменен тем, кого вы назначите. Я голосую за то, чтобы вас избрали главой Совета.

— В чине тайро.

— Быть главным министром Совета старейшин — этого достаточно.

— Возможно, и нет. В обмен на что?

— С сегодняшнего дня Тоса и Сацума рассматриваются как враги. Мы выделим все необходимые войска для совместного внезапного нападения на Тосу сразу же, как только настанет подходящий момент. Княжество его разделим между собой.

— Поскольку он внешний правитель, его земли должны отойти к внешнему правителю.

— Возможно, возможно, и нет, — небрежно ответил Ёси. — Вы соглашаетесь никогда не объединяться с Тосой и Сацумой против меня или сёгуната. Если, мне следовало бы сказать «когда», Сацума и Тоса порознь или вместе нападут на вас, я клятвенно обещаю немедленно поддержать вас крупными силами.

— Дальше? — бесстрастно спросил Огама.

— Вы соглашаетесь не объединяться ни с кем против меня, как я соглашаюсь не объединяться ни с кем против вас.

— Дальше?

— С сегодняшнего дня, не поднимая шума, каждый своим путем, мы начинаем работать над расторжением брака.

— Дальше?

— Последнее: Врата. Вы соглашаетесь, что законные, полноправные силы сёгуната возвращают себе контроль над ними с завтрашнего рассвета.

Лицо Огамы потемнело.

— Я уже показал вам, что я являюсь законным и полноправным представителем Божественного.

— Я уже заметил вам, что, хотя документ, безусловно, подписан правильно, сама подпись, к сожалению, была получена в результате неудачного совета.

— Прошу прощения, нет.

— Врата должны вернуться под контроль сёгуната.

— Тогда нам мало о чем остается говорить.

Ёси вздохнул. Его глаза превратились в щелки.

— Печально, но тогда вы получите новую просьбу от императора — оставить Врата и покинуть Киото со всеми своими людьми.

С точно такой же холодностью Огама посмотрел на него в ответ.

— Я сомневаюсь в этом.

— Я, Торанага Ёси, гарантирую это. Через шесть или семь дней сёгун Нобусада и его супруга разместятся во дворце. Как опекун, я имею к нему прямой доступ — и к ней. Они оба увидят справедливость моих доводов, относительно Врат и ещё многого другого.

— Чего другого?

— Передача Врат не должна быть для вас проблемой, Огама-доно. Я дам гарантии не праздновать это как ваше поражение, я «с благодарностью приму ваше добросердечное приглашение принять командование над ними», не стану укреплять их против вас. В чем же сложность? Ведь Врата — это большей частью символ. Я официально уведомляю вас: для сохранения мира и поддержания порядка в стране сёгунат должен занять там своё место.

Огама колебался, не видя выхода. Ёси легко мог бы добиться, чтобы ему направили ещё одну такую «просьбу», которую ему придется принять и исполнить.

— Я дам вам ответ через месяц.

— Прошу прощения, полдень шестого дня, считая от сегодняшнего, — крайний срок.

— Почему?

— Через пять дней Нобусада прибудет в Оцу. К вечеру шестого дня Нобусада проедет через Врата. Я прошу передать их мне, передать на время, до этого срока. — Это было сказано так мягко и так вежливо.

Их взгляды встретились. Уклончиво, но так же вежливо, Огама произнес:

— Я подумаю обо всем этом, Ёси-доно.

Затем он поклонился, Ёси поклонился, оба они прошли к своим паланкинам, и все на площади облегченно вздохнули, что пытке их настал конец и что резни, которой все ожидали, не произошло.

Пятница, 21 ноября

Придорожная деревня Оцу бурлила с самого утра, охваченная непрерывно нарастающим возбуждением. В радостном ожидании, к которому примешивался страх, заканчивались последние приготовления к прибытию и остановке здесь на ночь невозможно августейших особ, сёгуна Нобусады и принцессы Иядзу. Уже несколько недель жители подметали улицы, чистили все дома, лачуги, другие постройки — крыши, стены, колодцы, сады приводились в безукоризненный вид дюйм за дюймом, — меняли черепицу, сёдзи, татами, веранды, а гостиница Множества Цветов, лучшая и самая большая во всем Оцу, все ещё находилась в состоянии, близком к панике.

Состояние это наступило с того момента, когда стало известно, что Богоравные Путешественники отклонили предложение остановиться в замке Сакамото неподалеку, который принадлежал сёгунату и украшал собой эту местность ещё до Секигахары, и выбрали вместо него гостиницу.

— Все должно быть безупречно! — завывала хозяйка, преисполненная одновременно благоговения и ужаса. — Все, что не будет безупречно, будет караться отсечением головы или, самое меньшее, поркой кнутом, кто бы ни был виноват: мужчина, женщина или ребенок! Предания о великой чести, оказанной нам в одну эту ночь, останутся в памяти людей на века — обо всех наших успехах или промахах! Сам высокий государь сёгун! Во всей славе! Его супруга, сестра Божественного! О ко...

Поздно днём, с лицом, укрытым прозрачной тканью, в окружении стражников и советников, полностью заслонявших его от посторонних глаз, сёгун Нобусада торопливо прошел от своего паланкина в ворота и дальше, в отделенную для него часть гостиницы, вместе с принцессой и их свитой личных телохранителей, слуг, фрейлин и прислужниц. Спальные покои и ванную комнату сёгуна, святая святых, окружали сорок традиционных одноэтажных строений на столбах по четыре комнаты в каждом, многие из крытых веранд соединялись между собой лабиринтом приятных глазу дорожек и мостиков, переброшенных через небольшие изящные пруды и ручьи, которые сбегали с крошечных гор. Все это было обнесено высокой и плотной живой изгородью из тщательно подстриженных шишконосных деревьев с густой пирамидальной кроной.

Комната была теплой и безукоризненно чистой, с новыми татами и до

блеска начищенными жаровнями с углем. Нобусада отшвырнул свою шляпу с вуалью и дорожную накидку в сторону, усталый и недовольный. Как всегда, в паланкине было неудобно, и его всю дорогу трясло.

— Мне здесь уже не нравится, — раздраженно бросил он их камергеру, чья голова касалась пола рядом с головами целой толпы прислужниц. — Тут так тесно, и пахнет скверно, и у меня болит все тело! Ванна готова?

— О да, господин, все как вам угодно.

— Ну вот, наконец-то и Оцу, господин, — весело произнесла принцесса Иядзу, величаво вплывая в комнату в сопровождении нескольких фрейлин, — завтра мы прибываем домой, и все будет чудесно. — Она сбросила свою огромную, тоже с вуалью, шляпу и накидку. Прислужницы, не поднимаясь с колен, подползли, чтобы собрать их. — Завтра мы будем дома! Дома, господин! Проехать мимо нескольких придорожных деревень не останавливаясь стоит того, не?

— О да, Иядзу-тян, если вы так считаете, — ответил он и улыбнулся ей, быстро заражаясь её бьющим через край ликованием.

— Вы познакомитесь со всеми моими подругами, двоюродными сестрами, тетушками, дядями, старшей сестрой и крошкой младшей сестрой, с моим дорогим сводным братом Сати, ему исполняется девять в этом году... — она закружилась от счастья, — и сотнями менее близких родственников, а через несколько дней вы встретитесь с императором, и он примет вас как брата и решит все наши проблемы, и с того момента мы будем жить в покое и радости. Здесь холодно. Почему ничего не готово? Где ванная?

Их камергер — представительный мужчина пятидесяти лет с редкими зубами и обвисшими щеками — находился здесь уже целый день с высланным вперед авангардом специальных прислужниц и поваров, чтобы подготовить их покои и особую пищу и фрукты, запаса в достатке полированный рис, который один только подходил для нежного желудка сёгуна и которого потребовала принцесса. Великолепные цветочные композиции, изготовленные Мастером икебаны, в изобилии украшали комнаты. Он снова поклонился, проклиная её про себя.

— Дополнительные жаровни для обогрева готовы, Ваше Императорское Высочество. Ванна готова, вас ждет легкий полдник, в точности такой, как вы и сёгун Нобусада приказали, ужин тоже. Это будет самый роскошный...

— Ёмико! Наша ванна!

Тут же её главная фрейлина вывела её из комнаты и повела по

коридору, другие фрейлины и прислужницы роились возле неё, как пчелы вокруг матки. Нобусада гневно уставился на камергера и топнул своей крошечной ножкой.

— Я должен стоять тут и ждать? Покажи мне, где ванна, и пошли за массажисткой, я хочу, чтобы мне потерли спину, немедленно. И позаботься, чтобы не было шума, — я запрещаю шум!

— Да, господин, капитан отдает такой приказ ежедневно, и я незамедлительно пришлю массажистку в ванную. Сако будет та...

— Сако? Она хуже Мэйко, где Мэйко?

— Прошу прощения, она больна, господин.

— Скажите ей, чтобы поправилась! Скажите, пусть к закату будет здорова. Неудивительно, что она больна. Я сам чувствую себя больным! Это отвратительное путешествие! Бака! Сколько дней мы уже в дороге? Оно должно длиться по меньшей мере пятьдесят три дня, а так получается меньше чем... к чему вся эта спешка?..

Капитан эскорта ждал камергера в саду. Ему было за тридцать — бородатый воин, прекрасно подготовленный, известный мастер меча. К нему бегом приблизился его адъютант.

— Охрана везде выставлена, господин.

— Хорошо. После стольких дней все уже сами должны знать, что делать, — сказал капитан. Голос его звучал устало и нервно. Оба были в легких дорожных доспехах, надетых поверх туник с гербом сёгуната и широких коротких штанов, в шляпах, за поясом у каждого два меча. — Всего один день, и тогда у нас начнутся настоящие проблемы. Я до сих пор не могу поверить, что Совет и опекун разрешили столь опасное предприятие.

Адъютант выслушивал это каждый день.

— Да, капитан. По крайней мере, мы будем в наших собственных казармах, и нас будут сотни.

— Недостаточно, сколько бы ни было, все равно недостаточно, нам вообще не стоило уезжать. Но мы уехали, и карма есть карма.

Проверь остальных людей и убедись, что вечернее расписание караула составлено правильно. А потом скажи главному конюху, чтобы взглянул на мою кобылу, возможно, у неё треснуло копыто... — В Японии того времени не знали о подковах для лошадей. — Она едва не села на задние ноги, когда мы проходили заставу. Потом вернись и доложи. — Человек заторопился исполнять приказание.

Капитан был удовлетворен больше, чем обычно. Обход гостиницы, заключенной в высокую ограду из гигантского бамбука, тянувшуюся по

всему периметру, и особенно этой её части, обнесённой живой изгородью с единственными воротами, убедил его, что покои сёгуна защищать было легко, что все остальные путники были выдворены из гостиницы на эту ночь, что стража знала пароль и понимала свою первостепенную обязанность: никому нельзя было приближаться к сёгуну и его супруге без приглашения ближе чем на пять метров, и вообще никому и никогда с оружием, исключение составляли опекун, старейшины и он сам, а также любые охранники, сопровождавшие его. Закон этот был хорошо известен, наказанием за приближение с оружием была смерть, как для нарушителя, так и для небдительного стража — если только сёгун не прощал их лично.

— А, камергер! Есть какие-нибудь изменения в планах?

— Нет, капитан. — Старик вздохнул и промокнул лоб, щеки его тряслись. — Августейшие особы моются сейчас, как обычно, затем они отдохнут, как обычно, на закате примут настоящую ванну, и им будет сделан массаж, как обычно, после чего они поужинают, как обычно, поиграют в го, как обычно, и потом лягут в постель. Все в порядке?

— Здесь, да. — В любой момент в распоряжении капитана на этом участке площадью около двухсот квадратных метров находился гарнизон из ста пятидесяти самураев. Отряд из десяти человек охранял единственный вход: красивый мостик через ручей, от которого тропинка вела к высоким украшенным столбам и таким же красивым воротам. По всему периметру живой изгороди через каждые десять шагов стояли часовые. Ночью их сменяют свежие люди из числа ещё шестисот воинов, расположившихся в казармах сразу за главными воротами гостиницы или в соседних гостиницах неподалеку. Патрули осторожно обходили сад и изгородь, ступая беззвучно, ибо шум и явное присутствие самураев приводили в ярость принцессу и, следовательно, её мужа.

Небо над ними хмурилось, холодное, подернутое пеленой солнце ещё не коснулось горизонта, в вышине ветер играл густеющими облаками. Было холодно, и все сулило ещё более холодный вечер и ночь. Слуги зажигали фонари в кустах, свет их уже отражался в водоемах и влажно поблескивал на камнях, облитых водой специально для этого несколько минут назад.

— Здесь прекрасно, — сказал капитан. — Нет сомнения, это лучшая гостиница, хотя большинство других тоже были хорошие. — Впервые в своей жизни он отправился в такое путешествие. Все свои годы он провел внутри или неподалеку от замка Эдо, вместе или рядом с Нобусадой, а до него — с предыдущим сёгуном. — Прекрасно, да, но я все же предпочел бы, чтобы сёгун и его супруга остановились в замке Сакамото, а не здесь.

Вам следовало настоять.

— Я пробовал, капитан, но... но она решила так.

— Я буду рад, когда мы окажемся в наших собственных казармах, когда они расположатся за стенами дворца, и обрадуюсь ещё больше, когда мы и они благополучно вернемся домой в замок Эдо.

— Да, — ответил камергер, в глубине души устав от бесконечных придирок, капризов и ворчания своего господина и своей госпожи. «С другой стороны, — подумал он, чувствуя, как ноет спина, как хочется самому лечь в ванну и чтобы ему тоже сделали массаж, томясь по ласковому вниманию своего юного друга, — с другой стороны, я, наверное, тоже стал бы таким, если бы был вознесен так высоко над людьми, если бы со мной так носились с самого рождения и если бы мне было всего шестнадцать». — Могу я спросить у вас пароль, капитан?

— До середины ночи пароль «Голубая радуга».

В двухстах метрах от них, на восточной окраине деревни, в конце переулка, недалеко от заставы Оцу и Токайдо, стоял старый, полуразвалившийся крестьянский дом. Внутри предводитель посланных сюда для засады сиси, юноша из Тёсю по имени Сайго, грозно смотрел на хозяина, его жену, четырех детей, отца, мать, брата и прислужницу, которые кучей сбились в углу и сидели на коленях, дрожа от страха. Это была единственная комната в доме, здесь семья жила, ела, работала и спала. Несколько тощих кур нервно кудахтали в деревянной клетке.

— Помните, что я говорил вам. Вы ничего не знаете, ничего не видели.

— Да, господин, конечно, господин, — лепетал старик.

— Закрой рот! Повернитесь спиной, лицом в угол, и закройте глаза, все до одного. Завяжите себе глаза поясами!

Они подчинились. Мгновенно.

Сайго было восемнадцать. Высокий, могучего телосложения, с резкими красивыми чертами лица, он был одет в короткую темную туннику и штаны, похожие на те, что носили самураи в гостинице, но без доспехов. Два меча и соломенные сандалии довершали его наряд. Убедившись, что крестьяне ничего не видят и послушны ему, он сел возле двери, выглянул наружу через порванную оконную бумагу и стал ждать.

Он отчетливо видел заставу и караульные помещения. Солнце ещё не зашло, поэтому застава была ещё открыта для тех, кто возвращался поздно. У него и у его людей ушло много дней на то, чтобы найти это место, идеально подходящее для их целей. Задняя дверь выходила в лабиринт улочек и тропинок, ничего не могло быть лучше на случай неожиданного

отступления. Сегодня днём, едва лишь кортеж сёгуна миновал заставу, он внезапно захватил этот дом.

Шаги. Его рука легла на меч, потом расслабилась. В дом молча вошёл ещё один юноша, потом ещё один — с другой стороны. Вскоре к ним присоединились ещё семь человек. Один встал на страже снаружи дома, другой — на углу переуллка, там, где он выходил на Токайдо. Одиннадцатый человек прятался в деревне, он был курьером, который помчится с радостной вестью об успехе в Киото к Кацумате, и это будет сигналом для нападения на Огаму и захвата Дворцовых Врат. Все сиси были сильными молодыми людьми, одетыми, как и он, без доспехов и гербов, в прошлом госи — самураи низшего ранга, — теперь ронины, все более или менее одного возраста, от девятнадцати до двадцати двух. Только восемнадцатилетний Сайго и семнадцатилетний Тора, его первый помощник, были моложе. Холод, проникавший через порванную бумагу окон, вызывал дрожь, — холод и то напряжение, в котором они пребывали.

Знаками он показал им, чтобы они проверили свои мечи, сюрикены и другое смертоносное оружие, — слова не были нужны во время этой процедуры. Все, что можно было спланировать, было уже решено за эти дни. Они все согласились, что это должно произойти в молчании. Он выглянул в окно. Круг солнца касался горизонта, небо было чистым. Пора.

Он торжественно поклонился им, и они поклонились ему.

Его внимание опять вернулось к крестьянам.

— Три человека останутся снаружи, — грубо сказал он. — Если хоть один из вас шевельнется до того, как я вернусь, они сожгут дом и все постройки.

Старик снова всхлипнул.

Сайго махнул рукой остальным. Они вышли следом за ним. Часовые снаружи и на углу присоединились к ним. Теперь пути назад не было. Те, кто были буддистами, произнесли последнюю молитву перед алтарем, те, кто исповедовали синтоизм, зажгли последнюю благовонную палочку и таким образом соединили дух свой с ниточкой дыма, которая символизировала зыбкость и эфемерность жизни. Каждый написал своё предсмертное стихотворение и пришил на грудь своей туники. С гордостью каждый написал, откуда он родом, только имена были указаны вымышленные.

Выйдя в переулок, они разделились на пары, каждая пошла в свою сторону. Скоро все заняли свои места, спрятавшись в высоком бурьяне рядом с бамбуковой оградой позади гостиницы, так чтобы можно было видеть друг друга, Сайго — у юго-восточного угла. Крепкая ограда

высотой три метра была сделана из толстых бамбуковых шестов, заостренных наверху. К этому времени тени уже начали расплываться в наступающих сумерках.

Они ждали. Сердца тяжело стучали в груди, ладони вспотели, малейший шорох казался им вражеским патрулем. Во рту у каждого странный крепкий привкус. Приступы режущей боли в чреслах. Где-то рядом в траве настойчиво заскрипел сверчок, подзывая подругу. Сайго вспомнил своё предсмертное стихотворение:

*Сверчок, что песнь так радостно поет, —
Недолог его век.
Так лучше радостью его наполнить, чем печалью.*

Он почувствовал, что взгляд его туманится, как туманилось небо над ним. Так прекрасно быть таким счастливым и при этом испытывать такую печаль.

Из-за ограды до них доносились голоса слуг, прислужниц, иногда самураев, стук металлических тарелок: кухня располагалась недалеко от них. Откуда-то издалека долетали звуки сямисэна и голос певицы. Ожидание. Пот катился по лицу Сайго. Потом он услышал приближающийся, едва уловимый шорох кимоно и шепот девушки: «Голубая радуга... Голубая радуга». Тишина. Снова лишь обычные звуки гостиницы.

Он тут же сделал знак Торе рядом с ним. Юноша неслышно обошел все остальные группы, передал им эти слова и вернулся. По знаку Сайго каждая пара нашла лестницы, которые они изготовили заранее и с большой тщательностью замаскировали и спрятали в бурьяне, приставила их к ограде. Он снова посмотрел на небо.

Когда последний луч солнечного света погас, он подал новый знак, и все они, как один человек, вскарабкались по лестницам наверх, перелезли через ограду и прыгнули на землю, вскопанную и мягкую, тут же присели и замерли в заботливо подстриженном кустарнике, не шевелясь, но готовые к немедленной атаке в лоб.

Непостижимо, но тревоги пока никто не поднял. Они осторожно подняли головы. Впереди, в шестидесяти шагах от них, стояли бунгало, отведенные для сёгуна. Только соломенные крыши виднелись поверх высокой толстой изгороди, крыши большого спального павильона и бань чуть возвышались над остальными. Главный вход оказался довольно

далеко от них, его ворота все ещё были открыты. Все в точности, как они ожидали. Кроме стражников, их оказалось гораздо больше, чем они рассчитывали. Желчь поднялась к горлу, и во рту загорчило.

Справа от них находились постройки главной кухни, там дымились огромные котлы, меж ними сновали повара и помощники — кухня тоже охранялась. Слева и вокруг изгороди были разбросаны дома для гостей, каждый в своём саду с ручьями и мостиками, к каждому вела ухоженная дорожка, петлявшая среди подстриженных кустов. Там царила тишина, и ни один дом не был освещен изнутри, только на веранде горел одинокий фонарь. Их сердца опять болезненно сжались, ибо они надеялись, что эти дома будут заняты и смогут служить им прикрытием и отвлекать противника.

Карма, подумал Сайго. Даже в этом случае мы расположились там, где хотели, и правильно угадали позиции врага, у нас хороший план, и мы знаем пароль.

Он почувствовал, как Тора тронул его за руку. Юноша встревоженно указал пальцем. Из дальних ворот вышел патруль. Он начал обходить территорию гостиницы. Фонари проливали на землю маленькие лужицы света. Патруль обязательно пойдет в их сторону и окажется совсем рядом. Его сигнал, крик ночной птицы, передал приказ остальным.

Они тотчас присели ещё ниже и, скрытые листвой, пригнули головы, едва дыша. Патруль приблизился, потом прошел мимо, не заметив их, — в точности как предсказывал Кацумата, когда предложил им план нападения: «Поначалу вам будет легко слиться с темнотой. Никогда не забывайте, что на вашей стороне внезапность. Вашего появления там никто не будет ждать. Кто осмелился бы покушаться на жизнь сёгуна, когда его окружает такое множество воинов? В придорожной деревне? Невозможно! Помните, если вы будете действовать скрытно, внезапно и со свирепой быстротой, двоим или троим из вас удастся проникнуть сквозь скорлупу к ядру, а будет достаточно и одного».

Сайго смотрел в спину удаляющимся врагам. Удивительное сияние наполнило каждую клеточку его тела, и вся его уверенность вернулась к нему. Подождав ещё немного, когда патруль скрылся за углом, он дал знак своим группам выдвигаться на заранее указанные позиции. Невидимые за густым кустарником, четыре человека скользнули вправо от него, двое влево. Когда все заняли свои места, он глубоко вдохнул, чтобы унять биение сердца. Новый крик ночной птицы дал приказ начинать.

Тотчас же крайняя пара сиси справа от него выскользнула из кустов на дорожку, поправляя завязки штанов, и не спеша двинулась прочь, обняв

друг друга, как это делают влюбленные. Через несколько мгновений их заметили стражники у ближайшей изгороди.

— Остановитесь, вы двое!

Оба юноши подчинились, и один из них крикнул:

— «Голубая радуга», «Голубая радуга», господин сержант, — и оба рассмеялись, притворяясь смущенными, что их увидели, потом повернулись и, рука в руке, двинулись дальше.

— Стойте! Кто вы такие?

— Ах, прошу прощения, просто друзья, вышедшие на ночную прогулку, — сказал первый юноша своим самым мягким, самым нежным голосом. — «Голубая радуга», разве вы забыли наш пароль?

Один из самураев рассмеялся и заметил:

— Если капитан поймает вас «гуляющими» в кустах так близко отсюда, вас ожидает больше чем «Голубая радуга», и обе пары ваших ягодиц узнают удары другого рода!

Снова оба юноши изобразили веселый смех. Все так же не спеша они зашагали прочь, не обращая внимания на более требовательные приказы остановиться. Наконец сержант прокричал:

— Вы двое. Подойдите сюда, немедленно!

Они на секунду повернулись к нему лицом, крикнув жалующимся голосом, что нет ведь ничего дурного в том, что они делают. Сайго и остальные, прикрытые этим отвлекающим маневром, переползли тем временем на исходные позиции для решающего броска. Дрожа от возбуждения, что их не заметили, они передохнули мгновение, понимая, что это прикрытие почти исчерпало себя. Крик ночной птицы, который издал Сайго на этот раз, был достаточно громким, чтобы оба юноши его услышали.

Без колебаний они притворно расхохотались и, не разжимая рук, весело припустили прочь от стражников, словно играя с ними. Тропинка неосторожно вывела их в круг света, и это позволило самураям в первый раз хорошенько их рассмотреть. С криком ярости сержант и ещё четыре человека бросились за ними. Часовые у дальних главных ворот вглядывались в темноту, пытаясь понять, что происходит, а те стражи у изгороди, которые могли видеть их, подзывали к себе стоявших рядом, все они были начеку.

Обоих сиси быстро окружили. Спина к спине, подняв мечи, они стояли в центре круга, осыпаемые градом вопросов, и не было уже ничего женоподобного в их боевой стойке и в том, как раздвинулись их губы, обнажив крепко стиснутые зубы.

Взбешенный, сержант сделал шаг вперед. Юноша, стоявший напротив него, приготовился. Его правая рука метнулась в рукав, в ней сверкнул сюрикен, и, прежде чем сержант успел пригнуться или отскочить в сторону, пятиконечная стальная звездочка глубоко вонзилась ему в горло, и он упал, захлебываясь собственной кровью. Оба сиси прыгнули вперед и заработали мечами, но ни одному не удалось вырваться из круга, и хотя они сражались мужественно, ранив трех самураев, они не могли равняться силой с остальными, которые старались разоружить их и захватить живыми, но не могли.

Меч вонзился в поясницу одному из юношей, и он вскрикнул, раненный тяжело, но все же недостаточно, чтобы убить его на месте. Второй круто повернулся, спеша к нему на помощь, и в этот миг получил смертельный удар, и, умирая, повалился на землю. «Сонно-дзёи», — выдохнул он. Пораженный ужасом, его товарищ услышал его, сделал последнюю беспомощную попытку сразиться со своим противником, потом вдруг повернул меч к себе и упал на него.

— Разыщите капитана, — сказал самурай, тяжело дыша, кровь струилась из глубокой раны у него на плече. Один из них убежал, а остальные обступили тела. Сержант ещё издавал булькающие звуки, но жизнь быстро истекала из него. — Ему мы ничем не можем помочь. Никогда не видел, чтобы кто-то так быстро метал сюрикен. — Один воин нагнулся и перевернул оба трупа на спину. — Смотрите-ка, предсмертные стихотворения! Сиси, так и есть, — и-и-и-и, оба из Сацумы! Они, должно быть, сумасшедшие.

— Сонно-дзёи! — тихо пробормотал другой. — Это не сумасшествие.

— Безумие, произносить такое вслух, — предупредил его асигару с твердым лицом. — Если офицер услышит тебя...

— Послушайте, эти проклятые собаки знали пароль, здесь прячется предатель! — По-настоящему встревожившись, они посмотрели друг на друга.

Справа от них люди на кухне стояли как громом пораженные, не понимая, что происходит. Многие самураи оставили свои посты у живой изгороди и теперь в изумлении рассматривали тела, открыв нападавшим ту самую лазейку, на которую рассчитывали Кацумата и Сайго.

Сайго снова крикнул птицей. Два самых сильных его бойца справа от него выскочили из кустов и побежали к дальнему юго-восточному углу изгороди. Их почти тут же заметили. С громкими проклятиями два самурая бросились им наперерез, пока остальные спешили к ним на помощь. Вновь началась жестокая схватка; темнота была для нападавших неоценимым

союзником. Один из защитников пронзительно закричал и рухнул на колени, вцепившись в свою почти перерубленную руку. Новые часовые были отвлечены от изгороди прямо перед Сайго, и как раз перед тем как самураи готовились окружить обоих сиси, те, не стовариваясь, отскочили назад, повернулись и, будто бы потеряв голову от страха, помчались со всех ног к бамбуковой ограде рядом с кухней, далеко от Сайго и трех последних пар. На бегу они разматывали с пояса веревки с маленькими крючьями на конце. Подбегая, они ловко бросили их через ограду, зацепились крючьями меж шестов и начали карабкаться вверх. Их преследователи удвоили усилия.

К этому моменту все внимание было приковано к этим двоим. Стражники у входа и у дальнего конца живой изгороди, по-прежнему не зная точно, что происходит, и видя лишь двух ронинов, которые проникли на территорию и теперь пытаются убежать через ограду, бросились вперед, чтобы перехватить их. Другие выбежали за бамбуковую стену и заспешили вдоль неё, чтобы поймать их с той стороны.

Один из сиси добрался до верха, но прежде чем он успел перевалиться на другую сторону, в темноте фыркнул нож и пронзил его, и он полетел назад в кусты. Его товарищ отпустил веревку и прыгнул к другу. Ему хватило времени лишь увидеть, как тот погрузил собственный короткий меч себе в горло, чтобы избежать пленения, прежде чем на него самого обрушился град ударов. Он отскочил в сторону, обернулся и начал сражаться с огромной силой, но его быстро разоружили и прижали к земле четыре самурая.

— Теперь говори, кто ты? — спросил самурай, тяжело дыша. — Как твое имя и что за игру ты затеял?

— Сонно-дзёи... повинуйтесь своему императору, — ответил тот, задыхаясь, и опять попытался вырваться из их рук, но не смог. Другие самураи собирались вокруг него, и теперь он был уверен, что выполнил свою часть плана и мог бы постараться удержать их здесь ещё немного. Плена он не боялся, потому что в ворот его кимоно была зашита трубочка с ядом, и он легко мог дотянуться до неё зубами. — Я Хироси Исии из Тосы, и я требую встречи с сёгуном.

Из своего укрытия Сайго и ещё пять человек слышали слова своего соратника, но все их внимание было сосредоточено на изгороди перед ними и на воротах вдалеке. Несколько часовых, поначалу оставшихся на месте, теперь присоединились к остальным и обступили обреченного сиси, и вот наконец-то путь был свободен.

— Нападение!

Все шестеро вскочили на ноги и бросились вперед, Сайго и Тора — острие клина. Они покрыли, наверное, половину расстояния, прежде чем раздался тревожный крик и самураи, окружавшие тела первой отвлекающей группы, побежали назад, отрезая их от изгороди. В тот же миг Исии удвоил усилия, пытаясь вырваться, он изворачивался и кричал, чтобы отвлечь тех, кто держал его, но в лицо ему врезался тяжелый кулак, и он потерял сознание.

— Вы двое оставайтесь здесь, — прерывисто дыша, сказал самурай, который начал допрос, облизывая ссадины на костяшках. — Не убивайте этого сына собаки, он нам понадобится живым. — Морщась от боли, он поднялся на ноги и захромал к другим из-за глубокой раны на бедре.

Некоторые из защитников догоняли шестерых сиси, которые по-прежнему бежали напрямик к живой изгороди, загигавшейся от них в обе стороны.

— Пора! — приказал Сайго.

Немедленно пара справа от него повернулась и встала в оборонительную стойку с сюрикенами в руках. Набегавшие самураи осторожно замедлили шаг, прыгая влево, вправо, уворачиваясь, потом бросились на них, сюрикены не пролетели мимо, но никого не ранили достаточно серьезно и завязалась новая схватка, шесть самураев против них двоих.

От главных ворот гостиницы спешили подкрепления, другие самураи бежали от того места, куда их заманила первая пара сиси, все они, и защитники, и нападавшие, сбегались к главной цели — входу в логово сёгуна. Когда люди у главных ворот, к своему ужасу, увидели, что живая изгородь и её ворота остались совершенно без охраны — хотя сами ворота были заперты, — а Сайго и с ним три человека бегут быстро и находятся уже недалеко от изгороди, они свернули, чтобы оказаться между сиси и воротами, предоставляя другим атаковать нападавших, и со всех ног помчались, чтобы защитить ворота. Позади Сайго и Торы два их товарища нападали, отступали, по-прежнему прикрывая их со спины. Оба были ранены, но и два самурая корчились на земле от боли. Четверо против двоих, и другие совсем недалеко.

— Пора! — приказал Сайго, и пара слева отделилась от них и помчалась к воротам. Не было никакого сомнения, что им удастся достичь их раньше защитников, и это заставило самураев, преследовавших Сайго, тоже поменять направление и поспешить в ту сторону. Сайго и Тора тут же обернулись и вступили в схватку. Их свирепый натиск кончился мгновенной гибелью двух самураев и помог быстро справиться с двумя

оставшимися — только Сайго и Тора, хотя и дышали тяжело, ещё не были ранены.

Сайго немедленно приказал:

— Вперед!

Оба сиси пропели «сонно-дзёи» и, преодолевая боль, бросились, чтобы поддержать атаку на ворота, увлекая за собой ещё больше самураев. Сайго и Тора воспользовались этим и опять изо всех сил рванули к изгороди.

Первая пара сиси, стремившаяся к проходу, достигла узкой тропинки и подбежала к воротам. Один из них навалился на них, пытаясь распахнуть. В этот миг стрела со злобным «твакк» вонзилась в деревянную створку, в следующую секунду оба нападавших были ранены и скоро утыканы ещё несколькими стрелами, которые выпустили по ним лучники из подкрепления. Они вскрикнули, бессильно попытались надавить на ворота ещё раз и умерли, стоя на ногах. Вторая пара выскочила на дорожку. Один бросился навстречу самураям, другой ринулся к воротам, споткнулся о тела товарищей и умер, пронзенный четырьмя стрелами. Его друг врезался в гущу подбегавших самураев и был быстро убит. С начала нападения прошли считанные минуты.

Теперь путь к тропинке, ведущей к воротам, был свободен. Через несколько секунд самые быстрые из защитников окажутся у входа, и тогда Сайго и Торе, которые почти добежали до изгороди и вот-вот должны были повернуть к воротам, уже ни за что не достичь своей цели. Поэтому самураи замедлили шаг, лучники не спеша прицелились, уверенные в победе. К их огромному удивлению, вместо того чтобы повернуть вдоль изгороди, Сайго и Тора неслись прямо на неё, не сворачивая, и с разбегу, бок о бок, прыгнули вперед.

Сила и точность прыжка позволили им прорваться сквозь неё. За предыдущие дни Сайго обнаружил, что хотя ветви тесно переплелись, сами стволы деревьев отстояли друг от друга на полметра, и он заключил, что при правильном расчете им удастся продрасться сквозь неё.

Им это удалось, успешно, хотя паутина веток иссекла им в кровь лицо и руки. Оба воина очутились как раз там, где планировал Сайго, — на извилистой тропинке рядом с верандой, которая вела к банному павильону. В первое мгновение они никого не увидели, потом несколько пораженных ужасом прислужниц и слуг появились в дверях и исчезли. Сайго безмолвно бросился вперед по тропинке, взбежал по ступеням и повернул за угол веранды. Два встревоженных чиновника возникли словно ниоткуда, безоружные и неготовые, одним из них был камергер. Сайго поразил мечом обоих, убив камергера на месте и ранив его спутника, и побежал дальше.

Тора добил второго, перепрыгнул через тела и поспешил за ним следом.

Вдоль веранды, за угол и прыжок сквозь тонкие сёдзи в ванную комнату. Полуголые прислужницы уставились на них, онемев от страха: окровавленные мечи, лица в царапинах и крови, кимоно изодраны и тоже запачканы кровью. Воздух был теплым, сладко пахнущим, влажным.

Сайго заревел от ярости. Наполнявшаяся из естественного горячего источника мелкая ванна, от которой поднимался пар, была пуста, пустовали и четыре деревянные парильные кабинки, пусты были и все массажные столы, кроме одного. На нем лежала крошечная нагая девушка, и он в один миг вобрал в себя взглядом каждую деталь её тела: шок в глазах, приоткрытый рот, вычерненные зубы, густые иссиня-черные волосы скручены и повязаны белоснежным полотенцем, ещё полотенца под ней, маленькие груди, руки и ноги, темно-коричневые соски, нежные, зовущие изгибы её тела, золотистую кожу, порозовевшую после горячей ванны, умащенную и благоухающую, и слепую полуголую массажистку, которая неподвижно стояла над ней и напряженно вслушивалась, склонив голову набок.

Как легко было бы убить эту девушку и всех их, но ему было приказано не причинять принцессе вреда ни в коем случае, чего бы это ни стоило. Однако ярость от того, что его обманули — ибо момент был выбран идеально, сведения их были верными и распорядок дня сёгуна в дороге никогда не менялся, — была так сильна, что ему показалось, будто голова его сейчас разлетится на куски. Эта ярость сменилась вожделением, и дрожь пробежала по его телу. Всем существом он хотел её, сейчас, быстро, со звериной жестокостью, сначала жена, потом муж, смерть им обоим, но прежде он вывернет ей ноги наружу.

Губы поползли в стороны, обнажив зубы, и он метнулся вперед. Прислужницы бросились врассыпную, одна потеряла сознание, принцесса судорожно вздохнула и осталась лежать неподвижно, оцепенев от ужаса. Но его одержимость сёгуном отвлекла его, он пронесся мимо, подскочил к двери-сёдзи, проломился сквозь неё и снова, с Торой рядом за спиной, уверенно побежал вперед по верандам к спальному павильону и своей жертве, сады справа, комнаты слева — уже не разумный человек, а обезумевший зверь, алчущий крови. Открытые двери-сёдзи, лица мелькают в них. Прислужницы, юноши, фрейлины, слуги, привлеченные шумом, одетые или полуодетые для сна или ванны, глядели на них, открыв рот.

Ни одного стражника в этих комнатах. Пока. Никакого сопротивления. Пока.

Осталось миновать ещё несколько комнат, дверей, лиц, и потом он

повернет в последний раз и пробежит по последней веранде. Предчувствие победы охватило Сайго, потому что впереди была восхитительная настиланная дорожка, сад по обе стороны и больше никаких комнат с охранниками, о которых надо тревожиться, а в конце — спальные покои сёгуна, где он сам и его куртизанка тайно провели одну ночь.

Все его чувства были обострены до предела, чтобы уловить притаившуюся опасность. Тора, не отставая, бежал следом в нескольких шагах от него — топот ног, звуки воинов, приближавшихся к врагу. Ещё одна комната позади. Осталась только ещё одна дверь, последняя опасность. В двери показались лица, врач и какой-то кашляющий юноша потрясенно уставились на него, в следующий миг он уже повернул за угол, и вместе с Торой они ринулись в последнюю атаку.

Вдруг оба сиси остановились. Сердца их упали. Впереди из дверей убежища вышли офицер и три самурая и встали, ожидая их с обнаженными мечами. Миг колебания, и Сайго бросился навстречу смерти, своей или их, Тора рядом, та же решимость в глазах — только эти четыре человека отделяли их от сёгуна, находившегося под их защитой.

— Сонно-дзёи!

Капитан выдержал первый натиск, парировал удар, и их мечи сомкнулись, потом он скользнул в сторону и с поворотом рубанул по Сайго, в то время как два других самурая атаковали Тору. Последний самурай оставался в резерве, как ему было приказано. Сайго отвел его клинок и снова полоснул мечом, но промахнулся. Последовал град свирепых ударов и контрударов. Сайго сражался с полным самообладанием, успех был так близок, он теснил своего противника, чувствуя в себе нечеловеческую силу, и меч его, словно сам по себе, искал уязвимую плоть врага, как через несколько секунд он найдет и уничтожит мальчика-сёгуна...

Позади его глаз полыхнула ослепительная вспышка, в висках застучали тяжелые молоты, и он вдруг снова увидел того врача и того мальчика рядом с ним и вспомнил, как кто-то говорил ему, что, по слухам, юный сёгун часто и сухо покашливает — никаких его изображений, конечно, не было, и ни один из сиси, конечно, никогда не видел его в лицо. «Если вы не застанете его в ванной, — говорил Кацумата, — вы узнаете его по черным зубам, кашлю, его близости к принцессе, качеству его одежды — помните, ни он, ни принцесса не выносят близкого присутствия охранников».

С огромной, удесятеренной силой, взыв, как дикий зверь, Сайго атаковал капитана, который поскользнулся на полированных досках и оказался, на короткий миг, беспомощным. Но Сайго не нанёс смертельного

удара, вместо этого он круто повернулся, стремясь добраться до мальчика, и четвертый самурай увидел ту возможность, которой ему было приказано ожидать. Его меч глубоко вонзился в бок Сайго, но Сайго даже не почувствовал, что ранен, и бессильно рубанул по призраку сёгуна перед собой, потом ещё раз и ещё, и в последнем выпаде мягко скользнул на пол, уже мертвый, но ещё не сознавая этого.

Капитан вскочил на ноги, напал сбоку на Тору, пронзил его, а затем, как опытный мясник, выдернул меч и одним ударом обезглавил.

— Сделай с ним то же самое, — задыхаясь, приказал он, показав на Сайго. Грудь его ходила ходуном, воздуха не хватало, но он со всех ног бросился назад к веранде. На углу к нему с тяжелым топанием подбежали стражники от ворот, их возглавлял его первый помощник. Он обрушился с руганью на него и на них всех, оттолкнул с дороги и побежал дальше, бросив на ходу: — Всем, кто нес сейчас охрану, приказываю встать на площади перед гостиницей, без оружия и на коленях. Вам тоже!

Сердце его все ещё бешено колотилось, он был в ярости и ещё не оправился от паники.

Когда первые приглушенные звуки нападения донеслись до него, он, в полном удовлетворении, совершал последний обход изгороди изнутри в сопровождении четырех человек — изгородь, кроме всего прочего, хорошо поглощала всякий шум снаружи. К тому времени, когда он достиг ворот и выглянул из них, он с ужасом увидел, как четыре человека бегут к изгороди, а ещё два атакуют ворота. Первая его мысль была о сёгуне, и он побежал к банному павильону, но камергер крикнул оттуда:

— Что происходит?

— Нас атакуют какие-то люди, заберите сёгуна из ванны...

— Его там нет, он у врача...

Ещё один рывок в безумной тревоге мимо банного павильона во внутренние покои. Они были пусты, перепуганная служанка сказала ему, что повелитель находится в одной из комнат на соседней веранде. Он вышел и тут же увидел двух воинов, бегущих к ним с обнаженными мечами. Теперь он уже никак не смог бы защитить сёгуна, но в голове мелькнула мысль, что раз эти двое нападают на них здесь, возможно, они проскочили мимо его повелителя...

Он знал, что не будет по-настоящему жив, пока не найдет его живым. Это не заняло много времени. Нобусада заходил в кашле и крике, все ещё перепуганный до полусмерти, все суеились вокруг него, только усиливая сумятицу. Капитан быстро узнал, что принцесса не пострадала, хотя тоже была в истерике. Паника его улеглась. Не обращая внимания на гнев

Нобусады, он начал отдавать распоряжения, и в голосе его слышался такой лед, что сердце ушло в пятки у каждого солдата поблизости:

— Курьера сюда и с ним четырех человек, срочно отправить вперед донесение. Исключая тех, кто стоял в карауле эту смену, всем стражникам собраться здесь, бегом, всем расположиться на территории гостиницы, пятьдесят человек — вокруг спальных покоев, по два — на каждом углу каждой веранды. Десять человек будут постоянно находиться при особе повелителя, пока он и она не будут благополучно препровождены во дворец.

Поздним утром следующего дня, внутри дворцовых стен, Ёси быстро шел через наружное кольцо садов. Моросил мелкий дождь. Рядом с ним шагал генерал Акэда.

— Это страшно рискованно, господин, — говорил он, опасаясь, что в каждой заросли и в каждом отдельном кусте, как бы аккуратно они ни были подстрижены, могут прятаться враги.

Оба они были в легких доспехах и при мечах — большая редкость здесь, куда не допускался ни один самурай и где было запрещено любое оружие. Запрет этот не распространялся только на правящего сёгуна и четырех человек его обязательной охраны, главу Совета и опекуна наследника.

Близился полдень. Они опаздывали и совсем не замечали окружавшей их красоты, озера и мостики, покрытые цветами кусты и деревья, которые подстригали и холили на протяжении столетий. Всякий раз, когда им попадался садовник, он падал ниц и не поднимался, пока они не исчезали из виду. Для защиты от дождя поверх доспехов они надели плетеные из соломы накидки. Дождь с небольшими перерывами лил все утро. Ёси прибавил шаг.

Не в первый раз он спешил на тайную встречу в стенах дворца — безопасную как будто, но никогда не безопасную по-настоящему. Так трудно договориться о действительно безопасной встрече где бы то ни было, со шпионом, осведомителем или противником, почти невозможно сохранить её в тайне, всегда приходится остерегаться засады, яда, притаившегося в укромном месте самурая с луком или мушкетом. То же самое относилось к любому даймё. Он знал, что его собственный фактор безопасности был очень низок. По сути настолько низок, что его отец и дед научили его принимать как данность, что в их карме не было места смерти от старости.

— Где-где, а здесь нам опасность не грозит, — ответил он. — Было бы

немыслимо нарушить перемирие в этих стенах.

— Да, но только не для Огамы. Он лжец, мошенник, его следует скормить стервятникам, а голову насадить на пику.

Ёси улыбнулся и почувствовал себя лучше. С тех пор как среди ночи прибыло ужасное известие о нападении сиси на гостиницу в Оцу, он находился в таком нервном напряжении, какого ещё не знал, — большем, чем когда после смерти дяди сёгуном вместо него назначили Нобусадзу, большем, чем когда тайро Ии арестовал его, его отца и их семьи и отправил гнить в жутких каменных мешках. Он приготовил к форсированному маршу двести человек, которые должны были встретить кортеж у заставы Киото, а на рассвете тайно послал Акэду к Огаме, чтобы рассказать ему обо всем, что произошло, и объяснить, почему большой отряд снаряженных для войны солдат покидал его крепость.

— Передай Огаме все, что нам сообщили, и ответь на любые его вопросы, мне не нужны ошибки, Акэда.

— С моей стороны их не будет, господин.

— Хорошо. Затем передай ему письмо и попроси немедленного ответа. — Ёси не сказал Акэде, что содержится в письме, и генерал не спрашивал. А когда Акэда вернулся, Ёси спросил: — Расскажи мне в точности, что он сделал.

— Огама прочитал письма два раза и сплюнул, дважды выругался, швырнул его своему советнику, Басухиро, который прочел его с каменным, грязным, щербатым лицом, по которому ничего нельзя понять, и сказал: «Возможно, нам следует обсудить это наедине, господин». Я сказал им, что подожду, подождал, потом, через разумный промежуток времени, Басухиро вышел и сказал: «Мой господин согласен, но он придет вооруженным и я буду вооружен.» Что все это означает, господин?

Ёси рассказал ему, и старик побагровел.

— Вы попросили его встретиться с ним наедине? И никакой охраны, кроме меня? Это безумие. Только потому, что он говорит, что возьмет с собой одного Басухи...

— Довольно! — Ёси понимал, что опасность велика, но ему снова приходилось рисковать, он должен был получить ответ на своё предложение относительно Дворцовых Врат, а потом, когда он уже собирался уходить и один из бесчисленных шпионов сёгуната передал ему содержание некоторых разговоров между сиси Кацуматой и другими в гостинице Шепчущих Сосен, он поздравил себя с тем, что договорился о встрече.

— Вот он!

Огама стоял в тени широко раскинувшегося дерева, под которым была назначена встреча, Басухиро рядом с ним. Оба явно были настроены подозрительно, ожидая предательства, но не так заметно нервничали, как Акэда. Ёси предложил, чтобы Огама вошёл через Южные Врата, сам он воспользуется Восточными, оставив паланкин и охрану снаружи, гарантируя им безопасное передвижение. По окончании встречи они все вчетвером выйдут из Восточных Врат.

— Итак! — произнес Огама после церемонных приветствий. — Горстка сиси проходит сквозь сотни стражников, как кинжал сквозь кучу навоза, и они успевают побывать в ванной Нобусады, увидеть голышом его жену и добраться до его постели, пока их удастся переловить. Десять человек, вы говорите?

— Трое были ронинами из Тёсю, те двое, что пробрались через изгородь, были из Тёсю, один из них — предводитель. — Ёси ещё не вполне оправился от испуга, который охватил его при известии об этом нападении, и сейчас спрашивал себя, посмеет ли он обнажить меч и воспользоваться редкой возможностью сразиться с Огамой один на один — Басухиро не представлял для него физической угрозы, с Акэдой или без него. «Так или иначе, Огама нужен мне мертвым, — думал он, — но не сейчас. Не когда две тысячи тёсю удерживают Врата, а я, по сути, у них в плену». — Все они умерли, не причинив никому вреда, за исключением нескольких охранников, те из них, что были только ранены, недолго проживут на этой земле. Я слышал, вы предложили всем ронинам Тёсю амнистию? — спросил он, и голос его стал резче. Вновь он спросил себя, не приложил ли Огама руку к этому плану, который был продуман безупречно и, если уж говорить откровенно, должен был бы увенчаться успехом. — Невзирая на то, сиси они или нет?

— Да, — ответил Огама, губы его улыбались. — Все даймё должны сделать то же самое. Это быстрый и простой способ установить контроль над всеми ронинами, сиси они или нет. Они зараза, которой следует положить конец.

— Я согласен. Амнистия не остановит их. Могу я спросить, сколько ваших ронинов уже воспользовались вашим предложением?

Огама грубо захохотал.

— Ясно, что не те, которые участвовали в нападении! Один или два человека пока что, Ёси-доно. Сколько их там всего? Сотня? Не больше двух сотен, из которых двадцать или тридцать человек могут оказаться из Тёсю? Тёсю или нет, какая разница. — Его лицо стало жестким. — Я не готовил это нападение, если вы об этом думаете, и не знал о нем. — Холодная

улыбка вернулась. — Немыслимо вынашивать в голове такую измену. А? Сиси легко растоптать, если бы вы и я захотели этого, но их лозунг подавить не так просто, если его в самом деле стоит подавлять. Власть должна вернуться к императору, гайдзины должны быть изгнаны. Сонно-дзёи — хороший клич, а?

— Я мог бы многое сказать в ответ, Огама-доно, но союзникам не следует дразнить друг друга. Мы союзники? Вы согласны?

Огама кивнул.

— В принципе да.

— Хорошо, — сказал Ёси, внутренне поражаясь тому, что Огама согласился на его условия. — В течение года вы станете главой Совета старейшин. С полудня я расставляю своих людей у Дворцовых Врат. — Он повернулся, чтобы уйти.

— Все, как вы сказали. Кроме Врат.

Вена на лбу Ёси вздулась.

— Но я же сказал, что мне нужны Врата.

— Очень жаль. — Рука Огамы не сжала крепче меч, хотя стопы его ног передвинулись в более удобную боевую стойку. — Тайные союзники — да, война с Тоса — да, с Сацумой — да, Врата нет. Прошу прощения.

Мгновение Ёси Торанага стоял молча. Он посмотрел на него. Огама без страха встретил его взгляд, ожидая, готовый сражаться, если придется. Потом Ёси вздохнул, смахнул рукой дождевые капли с края своей широкополой шляпы.

— Я хочу, чтобы мы были союзниками. Союзники должны помогать друг другу. Возможно, у меня есть выход, компромисс, но сначала я хочу поделиться с вами кое-какой особой информацией: Кацумата здесь, в Киото.

Кровь бросилась Огаме в лицо.

— Невозможно, мои шпионы донесли бы мне.

— Он здесь и находится здесь уже несколько недель.

— Никого из людей Сандзиро нет в Киото, и уж точно здесь не может быть этого человека. Мои шпионы со...

— А, извините, — мягко прервал его Ёси, — он здесь, тайно, не как проводник и шпион Сандзиро, по крайней мере не открыто. Кацумата — сиси, сэнсэй сиси, и он возглавляет сиси здесь, его кодовое имя Ворон.

Огама посмотрел на него, разинув рот.

— Кацумата — предводитель сиси?

— Да. И немного больше. Задумайтесь на мгновение: разве он не является для Сандзиро самым доверенным, самым старым советником и

тактиком? Разве он не перехитрил вас, действуя от имени Сандзиро, с тем фальшивым перемирием, а потом напал на вас у Фусими и позволил Сандзиро ускользнуть? Разве это не означает, что правитель Сацумы Сандзиро тайно является подлинным главой сиси и что все их убийства — лишь часть общего плана свергнуть всех нас, вас в особенности, чтобы стать сёгуном?

— Это всегда было целью Сандзиро, конечно, — ответил Огама, ослепленный на миг; многие доселе необъяснимые случайности теперь обретали для него смысл. — Если он управляет и всеми сиси тоже... — он замолчал, внезапно взбешенный тем, что Такэда никогда не говорил ему этого. Почему? Разве Такэда не мой шпион, не мой вассал, тайно сохраняющий мне верность? — Где Кацумата сейчас?

— Один из ваших патрулей едва не накрыл его в гостинице Шепчущих Сосен несколько дней назад.

Лицо Огамы покраснело от злости, и он чуть было не сплюнул.

— Он был там? Мы слышали, что там ночуют сиси, но мне и в голову не приходило... — У него снова перехватило горло от гнева: значит, Такэда не предупредил его, что его заклятый враг находился у него в руках. Почему? Ладно, с Такэдой свести счета нетрудно. Сначала Кацумата. — Где он сейчас? Вы знаете где?

— Я знаю их убежище, где он был вчера ночью, возможно, он будет там и сегодня ночью тоже. — Ёси тихо добавил: — В Киото сейчас более ста сиси. Они уже планируют напасть на вас большим отрядом.

Холодок пробежал по спине Огамы. Он понимал, что не существует верной защиты от фанатика-убийцы, не боящегося умереть.

— Когда?

— Это должно было состояться завтра, как стемнеет, при условии, что нападение на сёгуна прошло успешно. Затем, как только вы будете мертвы, они с помощью сторонников среди ваших солдат захватили бы Врата.

Огаме пришлось сделать над собой большое усилие, чтобы не сообщить Ёси, что завтра с наступлением темноты он тайно собирался встречаться с Такэдой — идеальный момент для неожиданного нападения.

— А теперь, когда сёгун остался жив?

— Согласно сведениям, которые я получил, руководители встречаются сегодня, чтобы принять решение. Теперь вы официально возглавляете список их жертв, после Нобусады и меня.

— Почему? — возбужденно выпалил Огама. — Я поддерживаю императора, поддерживаю борьбу против гайдзинов.

Ёси сдержал улыбку, очень хорошо зная ответ.

— Давайте объединим силы сегодня ночью. Мне известно место их встречи, где должны собраться Кацумата и большинство их вожаков, — в той части города действует комендантский час с рассвета до заката.

Огама шумно выдохнул.

— А цена?

— Сначала вот ещё информация, которая серьезно затрагивает нас обоих. — Огама с возрастающим беспокойством выслушал подробности о встрече старейшин с сэром Уильямом и другими министрами, о шпионе Ёси Мисамото, об угрозе сэра Уильяма произвести здесь вооруженную высадку, как только вернется флот, и о том, как на время удалось снять эту угрозу и решить вопрос с выплатой.

— Их флот не пройдет через мой пролив Симоносеки, если я отдам такой приказ.

— Они могут пойти длинным путем вокруг Южного острова.

— Долгий путь, короткий путь, не вижу разницы. Если они высадутся в Осаке или рядом, я или мы уничтожим их.

— В первый раз. С огромными потерями, но да, гайдзины будут отброшены. Однако два дня назад я получил тайное донесение из департамента бакуфу здесь, которое ведает информацией по Китаю. — Он достал свиток. — Вот, прочтите сами.

— О чем тут говорится? — резко спросил Огама.

— О том, что иокогамский флот, посланный в карательную экспедицию за нападение на один-единственный британский корабль, обратил в пустыню двадцать лиг китайского побережья к северу от Шанхая. Они сожгли все деревни и потопили все суда.

Огама сплюнул.

— Пираты. Пиратские гнезда. — Он много знал об этой местности. В прошлом Тёсю и Сацума сделали своей исторической, хотя и тайной, политикой посылку воинов в набеги на китайские берега, которые безжалостно грабили прибрежные деревни от Шанхая и южнее, через Гонконг и дальше, до Тайваньского пролива. Китайцы называли их вако, пираты, и ненавидели и боялись их так сильно, что китайские императоры столетиями запрещали любым японцам высаживаться на их берегах, и вся торговля между двумя странами должна была осуществляться через неапонцев.

— Пираты да, но эти подонки не трусы. Не так давно армия этих же самых гайдзинов разгромила весь Китай во второй раз просто так, в назидание, сожгла императорский Летний дворец и Пекин. Мощь их флотов и армий внушает благоговение.

— Это Ниппон, не Китай. — Огама пожал плечами, не готовый к открытому разговору и не желая раскрывать свои планы обороны Тёсю. Но он думал: мои берега скалисты и неровны, на них трудно высаживаться и их очень легко защищать, и скоро они станут неприступными, когда все батареи будут стоять на своих местах и будет закончено строительство укреплений и бункеров для моих солдат. — И мы не китайцы.

— Я полагаю, что нам нужен мир между всеми даймё, чтобы выиграть время, чтобы водить гайдзинов за нос, узнать секреты их пушек, их ружей, их кораблей и как так получается, что один грязный островной народец, их страна меньше нашей, стал самым богатым в мире и правит большей его частью.

— Вранье. Небылицы, распространяемые с целью испугать здесь тех, кто трусит.

Ёси покачал головой.

— Я думаю иначе. Сначала мы должны многое узнать, тогда мы сможем сокрушить их, сейчас мы не можем этого сделать.

— Можем. Это Земля богов. В Тёсю у меня уже есть одна пушечная фабрика, скоро будут и другие. Сацума имеет три маленьких парохода, начала строить верфь, скоро их будет много. — Его лицо перекошилось. — Мы можем разгромить Июкогаму и этот флот, а к тому времени, когда сюда придут другие, мы будем готовы.

Злобность и сила его ненависти поразили Ёси, но он скрыл своё удивление, втайне ликуя, что разожженный им огонь выгнал наружу ещё одну слабость, которую он мог использовать.

— Я согласен. И я всегда говорю то же самое. Вот видите, Огамадоно, — сказал он, словно испытал огромное облегчение, — мы думаем об одном и том же, хотя, возможно, с разных позиций. Мы раздавим их, но со временем, мы должны сами выбрать нужный момент, получить их знания и позволить им самим предоставить нам средства заклепать их пушки и их головы. — Его голос стал тверже. — Через год мы с вами будем контролировать Совет и бакуфу. Через три или четыре мы сможем купить много ружей, пушек и кораблей.

— А чем платить? Гайдзины алчны.

— Один способ — это уголь для их кораблей. Другой — золото. — Ёси посвятил его в свои замыслы относительно новых рудников.

— Умно, — сказал Огама, губы его искривились в странной усмешке. — В Тёсю у нас есть уголь, железо и дерево для кораблей.

— И уже одна оружейная фабрика.

Огама рассмеялся хорошим смехом, Ёси рассмеялся вместе с ним и

понял, что сделал большой шаг вперед.

— Верно, и мои батареи становятся сильнее с каждым месяцем. — Дождь усилился, Огама поправил накидку и добавил многозначительно: — Как и моя решимость открывать огонь по вражеским кораблям, когда я пожелаю. Это вся ваша информация, Ёси-доно?

— На данный момент. Позвольте дать вам совет немного ослабить хватку на проливе — вы в любом случае можете играть с ними, как кошка с мышкой. Да, на данный момент у меня все, но как союзнику вам будут передаваться самые разнообразные сведения, которые получают только люди особо привилегированные.

— Как союзник я и ожидаю получать привилегированную информацию. — Огама кивнул, наполовину в ответ собственным мыслям. Он оглянулся на Басухиро, потом передумал советоваться с ним — Ёси прав, подумал он, вожди должны иметь свои секреты. — Мы поговорили достаточно. Кацумата: я спросил цену. Нападение общими силами сегодня ночью.

— А что предложил бы очень близкий и ценимый союзник?

Огама потянулся, чтобы прогнать тянущую боль из напряженной шеи и плеч, ожидая этого вопроса — несмотря на всю его бравладу и бахвальство, он был далеко не дурак. Времени довольно, чтобы внести изменения в любое предложение, подумал он, хотя ни один из нас не унижится до того, чтобы потерять лицо и начать торговаться, как презренные торговцы рисом в Осаке.

— Вы можете поставить своих людей охранять Врата на один месяц, по двадцать человек только на каждые из шести Врат, две сотни моих людей будут расположены поблизости, — Огама улыбнулся, — не настолько близко, чтобы это было оскорбительно для вас. Любой, кто входит и выходит, будет получать разрешение от вашего офицера, охраняющего Врата, как это и положено, который предварительно и без шума посоветуется с моим... моим связным офицером, прежде чем разрешения будут выданы.

— Посоветуется?

— Посоветуется, как это и должно быть между почтенными союзниками, чтобы можно было легко прийти к обоюдному согласию. — Безмятежная улыбка исчезла. — Если больше двадцати ваших воинов появятся у Врат, мои люди займут их и все договоренности отменяются. Согласны?

Выражение глаз Ёси стало будничным. К чему угрозы, и так ясно, что любая попытка обмана как с той, так и с другой стороны разом положит

конец всем договоренностям.

— Я бы предпочел сорок человек на каждые Врата — мы можем обговорить детали, как поменять стражу, не создавая проблем, и я буду владеть Вратами до тех пор, пока сёгун Нобусада и принцесса Иядзу остаются во дворце.

Огама заметил перемену.

— Сёгун Нобусада, да. Но не принцесса Иядзу, которая... которая может остаться внутри навсегда, а? Сорок? Очень хорошо, сорок на каждые Врата. Разумеется, её брат, Сын Неба, не станет пересматривать свой меморандум, свою просьбу ко мне взять на себя защиту Врат от его врагов.

— Сын Неба есть Сын Неба, но я сомневаюсь, чтобы такая отмена последовала, пока войска сёгуната осуществляют своё историческое право.

Огама тут же сбросил маску.

— Давайте мы с вами оставим весь этот вежливый обмен колкостями и скажем все как есть: я соглашусь на сохраняющее вам лицо урегулирование вопроса о Вратах в обмен на Кацумату и все остальное — ваши люди станут почетной стражей, вы можете выставить там свои знамена, и я согласен со многим из того, что вы говорили, да, со многим, но я не прекращаю свою борьбу против «исторических прав», против сёгуната или против бакуфу... — он замолчал и, поскольку он действительно хотел получить то, что ему предлагалось, сделал ещё одну уступку, — ... против нынешнего сёгуната и бакуфу, Ёси-доно. Пожалуйста, извините мою прямооту, было бы хорошо, если бы мы стали союзниками, я не ожидал, что это окажется возможным или что я смогу согласиться на какие-то из ваших предложений.

Ёси кивнул, стараясь не выдать своего ликования.

— Я счастлив, что мы можем достичь согласия, и скажу вам с такой же прямоотой, мы можем договориться о больших изменениях и о маленьких. Например, — добавил он небрежно, — если бы такой меморандум поступил от императора, он оказался бы подложным.

Теперь улыбка Огамы была искренней, и он почувствовал, что достиг идеального компромисса.

— Хорошо. А теперь Кацумата.

Нападение на дом, где скрывались сиси, началось за несколько часов до рассвета. Внезапность была полной. Кацумата, все его ближайшие помощники и другие были внутри. И Сумомо.

Впервые двое часовых почуяли опасность, когда совсем рядом, на той же улице, раскисшей от дождя, одна из хижин вдруг вспыхнула ярким

пламенем и до них донеслись приглушенные крики её обитателей и ближайших соседей. Тотчас же эти мужчины и женщины — все они были тайно посажены сюда бакуфу — начали запружать улицу, усердно изображая панику, эта отвлекающая уловка помогла незаметно приблизиться атакующему отряду. Когда часовые направились в ту сторону, чтобы посмотреть, в чем дело, из темноты шорхнули стрелы и сразили их. Прежде чем умереть, один из них взвыл, поднимая тревогу.

В тот же миг главные силы атакующих хлынули из темноты и окружили весь этот квартал убогих лачуг. Большую их часть составляли люди Огамы, по его просьбе Ёси согласился, сказав, что пришлет символических четыре десятка человек, все отборные воины, под началом Акэды.

Через считанные секунды в руках у многих из наступающей группы зажглись факелы. Они отчасти осветили нужный им дом, спереди и сзади, и туча стрел влетела в каждую щель, в каждое уязвимое место. Затем, неожиданно для всех, четыре самурая Ёси, вооруженные ружьями, бегом выдвинулись на свои позиции, двое позади дома и двое перед ним, и произвели несколько залпов через бумажные стены.

На мгновение установилось глубокое молчание; самураи, сиси и все обитатели соседних трущоб были поражены в равной степени — никто никогда не слышал столь быстрой стрельбы. Потом молчание лопнуло, и все, кроме нападавших, бросились искать укрытие, а из дома донеслись крики и стоны раненых. Хижина по соседству с той, где вспыхнул пожар, тоже загорелась, огонь быстро перекинулся на следующую, потом на следующую, ещё на следующую, и вскоре весь дальний конец переулка превратился в огненный ад, из которого многие семьи так и не сумели выбраться.

Капитан Огамы, руководивший нападением, не обратил никакого внимания на пожар, угрожавший только обитателям хижин, и послал вперед первую штурмовую группу, не приняв совет Ёси поджечь дом и предоставить его стрелкам спокойно отстреливать сиси, когда те начнут выскакивать из укрытия. Сразу четыре воина Огамы пали, когда сиси предприняли яростную вылазку, неожиданно выпрыгнув в центральную дверь и боковые окна им навстречу. Завязалась общая схватка и здесь, и на задворках, где нападавшие сдерживали ещё один бешеный натиск осажденных, люди размахивали мечами, натыкаясь друг на друга в полутьме, теснота и глубокая жидкая грязь сковывали движения. Двое сиси прорвались через кордон и тут же были убиты другими самураями, поджидавшими в засаде. За новым залпом по дому последовала ещё одна

отчаянная попытка нескольких сиси прорваться — безнадежное предприятие, ибо за первым кольцом самураев их ждало второе, а потом и третье. Дым от пожара начал накрывать и атакующих, и атакованных, мешая дышать.

Прозвучал приказ Акэды. Его люди с факелами подбежали к дому и побросали их на крышу и внутрь через сёдзи, быстро отступив, чтобы очистить место для своих товарищей с ружьями. Вновь загремели выстрелы, и ещё несколько человек упали, когда новый отряд сиси выскочил, чтобы присоединиться к орущей и вопящей рукопашной. Сырой ночной воздух быстро наполнился запахами дыма, испражнений, крови, огня, горелого мяса и смерти. Дождь утих и теперь лишь моросил легонько.

Под надежной защитой личных телохранителей Огама и Ёси наблюдали за всем с командной позиции, удаленной от пожара и схватки. Оба были в доспехах и при мечах, у Ёси на плече висело его ружье. Рядом с ними стояли несколько чиновников бакуфу. Вдруг они с удивлением увидели в яростной сумятице, как один сиси прорвался через оцепление и бросился бежать вдоль по улице, а потом свернул в переулок, не замеченный наступающими самураями Тёсю.

— Это Кацумата! — крикнул Огама, но крик его потонул в оглушительном грохоте, ибо Ёси, не колеблясь ни секунды, прицелился и выстрелил, перезарядил ружье и выстрелил снова. Человек с воплем покатился по земле, Огама и все, кто стоял рядом, отпрянули, не ожидая, что Ёси сам примет участие в охоте. Ёси не спеша снова прицелился в человека, беспомощно корчившегося в грязи. Пуля отбросила тело назад. Последний, исполненный муки вой, и оно замерло неподвижно.

— Это не Кацумата, — разочарованно произнес Ёси.

Огама выругался, он не так хорошо видел в темноте. Он оторвал взгляд от тела и посмотрел на ружье, свободно лежавшее в руках Ёси, подавив нервную дрожь.

— Вы хорошо умеете этим пользоваться.

— Научиться нетрудно, Огама-доно, очень нетрудно. — С осторожной беспечностью Ёси послал новый патрон в патронник, вполне уверенный, что это первое ружье, которое Огама видит в своей жизни. Он захватил его и своих стрелков нарочно, чтобы произвести на него впечатление, вывести из равновесия и заставить ещё раз хорошенько подумать, прежде чем предпринимать какие-либо попытки покушения на его жизнь. — Убивать вот так — отвратительно, трусливо и позорно.

— Да, да это так. Пожалуйста, могу я взглянуть на ружье?

— Разумеется. — Ёси поставил его на предохранитель. — Это

американское — самое новое, заряжается с казенной части. Мне скоро доставят пять тысяч таких же. — Уголки его губ раздвинулись в улыбке, когда он вспомнил о том, что перехватил заказ Огамы. — Мой предок поступил мудро, когда запретил все ружья, — любой может воспользоваться таким, чтобы убить, в упор или издалека, даймё, купец, грабитель, ронин, крестьянин, женщина, ребенок. Мой предок поступил очень мудро. Жаль, что мы не можем поступить так же, но гайдзины сделали это невозможным.

Ружье показалось Огаме чем-то чужим, непривычным, тяжелее меча, смазанное, смертоносное, и это странным образом усилило то возбуждение, которое вызывал в нем этот рейд, картины смерти, крики и шум кровавого сражения и сознание того, что, по донесениям шпионов, Кацумата действительно находился внутри, и потому, теперь уже скоро, голова его ненавистного врага будет торчать на пике. От всего этого к горлу некстати подкатила теплая волна, и он ощутил во рту тошнотворно сладкий привкус.

«Хорошо убивать вот так, не подвергая себя опасности, — подумал он, пальцы его поглаживали ствол, — но Ёси снова прав. В неверных руках... все другие руки будут неверными. Пять тысяч? И-и-и-и, тогда с ним будет очень трудно справиться. Я заказал всего двести пятьдесят — где он берет деньги, его земли почти так же сильно придавлены долгами, как и мои... ах да, я забыл, в обмен на разработку золотых рудников. Мудро. Я сделаю то же самое. В чем заключается его тайный план? Есть ли и у него тоже „Багряное Небо“? Если Ёси получит пять тысяч ружей, я должен получить десять. Сегодня он привел с собой сорок человек. Почему сорок? Должно ли это было напомнить мне, что я согласился на сорок стражников у каждого Врат? Сорок стрелков без труда смогут расправиться с моими двумя сотнями, если те не будут так же вооружены».

— У вас есть здесь ещё? — спросил он.

Ёси решил быть откровенным.

— В данный момент нет.

Огама с задумчивым видом вернул ему ружье, и его внимание опять сосредоточилось на хижинах.

Шум сражения стихал, шум пожаров становился громче, все больше и больше жителей старались потушить их, выстраиваясь в линии, передававшие ведра с водой. Крыши атакованного дома и двух соседних уже полыхали. Новый отряд сиси, многие уже были ранены, покинул горящее строение и завязалась ещё одна ожесточенная схватка. Ёси сказал:

— Кацуматы среди них нет.

— Возможно, он попытался прорваться через заднюю дверь.

Там, за домом, куда не досягал их взор, пять сиси уже лежали в грязи мертвые вперемешку с восемью самураями Огамы, и шестеро были ранены. Другая схватка между тремя сиси и десятью самураями Огамы близилась к своему неизбежному концу. Последний клич «сонно-дзёи», и все трое бросились навстречу своей смерти. Тридцать самураев из Тёсю, расположенные в несколько рядов, ждали нового прорыва. Через рваные дыры в сёдзи, клубясь, поднимался дым. Офицер подозвал к себе одного из самураев.

— Доложи капитану, что произошло здесь, и спроси, должны ли мы ждать или войти?

Солдат убежал.

Перед домом сражение закончилось, как и все остальные. Последние трое сиси храбро встретили свою смерть. Ещё двенадцать сиси были мертвы, семнадцать самураев Тёсю и один из людей Ёси лежали там и повсюду бесформенными грудями. Четырнадцать раненых, трое сиси беспомощные, обезоруженные и ещё живые. Капитан выслушал донесение.

— Передай офицеру, пусть ждет и убивает всех, кого мы выгоним на его сторону. — Он крикнул отряду, который держал в резерве: — Очистите комнаты, пока ещё есть время. Убейте любого, кто откажется сдаться, но не раненых.

Самураи бросились к двери. Внутри раздались короткие крики, ответные крики, потом все стихло. Один из солдат показался на пороге, кровь текла из жестокой раны на бедре.

— Полдюжины раненых, много тел.

— Вынесите их, пока не рухнула крыша.

Тела и раненых положили в ряд перед Ёси и Огамой, чиновники были тут же, неподалеку. Факелы отбрасывали причудливые тени. Двадцать девять трупов. Одиннадцать безнадежно раненых. Кацуматы не было среди них.

— Где он? — в ярости заорал Огама на старшего чиновника, Ёси был так же зол, никто не знал точного числа врагов в доме, когда началось сражение.

Чиновник упал на колени.

— Господин, я клянусь, что он был там раньше и никуда не выходил.

Огама шагнул к ближайшему из раненых сиси.

— Где он?

Тот с ненавистью посмотрел на него, преодолевая боль.

— Кто?

— Кацумата! Кацумата!

— Кто? Я не знаю... не знаю никакого... Кацуматы. Сонно-дзёи, предатель! Убей меня, и покончим с этим.

— Подожди немного, — процедил Огама сквозь зубы. Он задал свой вопрос каждому из раненых. Заглянул во все лица — Кацуматы не было. Не было и Такэды. — Убейте их всех.

— Позвольте им умереть с честью, как самураям, — сказал Ёси.

— Конечно. — Они оба оглянулись: крыша дома с грохотом обвалилась, стены рухнули, подняв снопы искр и увлекая за собой примыкавшие к ним лачуги. — Капитан! Погасите огонь. Здесь должен быть погреб, какое-то укрытие, если только этот ошметок навоза действительно знает своё дело. — Огама отошел в сторону, вне себя от ярости, ему казалось, что его обманули.

Старший чиновник нервно поднялся с колен и бочком пододвинулся ближе к Ёси.

— Извините меня, господин, — прошептал он, — но женщины здесь тоже нет. Здесь где-то должно быть у...

— Какой женщины?

— Она была молода. Из Сацумы. Она была с ними уже несколько недель. Мы полагаем, что она была подругой Кацуматы. Мне очень жаль, но Такэды здесь тоже нет.

— Кого?

— Сиси из Тёсю, за которым мы установили наблюдение. Возможно, он был шпионом Огамы — его видели входящим в главные покои Огамы за день до того, как сорвалось наше предыдущее нападение на Кацумату.

— Кацумата точно находился здесь и эти двое?

— Точно, господин. Все трое, господин.

— Значит, тут есть погреб или потайной ход.

Они нашли его на рассвете. Деревянный люк покрывал узкий лаз, только-только протиснуться, который выходил на поверхность далеко от дома, в заросшем сорняками саду, который окружал пустую хижину. Огама в бешенстве пнул замаскированную крышку.

— Бака!

— Мы назначим цену за голову Кацуматы. Особую цену, — сказал Ёси. Он тоже был зол. Эта неудача нанесла явный урон тем отношениям, которые он с таким трудом завязал и развивал по своей схеме. Но он был слишком умен, чтобы упоминать Такэду или эту женщину — она не имела значения. — Кацумата должен все ещё быть в Киото. Бакуфу получат приказ найти его, схватить или принести нам его голову.

— Моим сторонникам будет приказано то же самое. — Огама немного успокоился. Он тоже думал о Такэде, пытаясь угадать, к добру или нет был его побег. Он поднял глаза на подошедшего капитана. — Да?

— Вы желаете сейчас увидеть головы, господин?

— Да. Ёси-доно?

— Да.

Раненым сиси было позволено умереть с честью и не мучиться долее. Их обезглавили согласно ритуалу, головы омыли и выставили в один ровный ряд. Сорок. Опять это число, беспокойно подумал Огама. Это знамение? Он, однако, скрыл свою тревогу. Все лица были ему незнакомы.

— Я видел их, — официально произнес он.

Рассвет был затуманен мелким дождем.

— Я видел их, — произнес Ёси так же торжественно.

— Наденьте головы на пики: двадцать перед моими воротами и двадцать перед воротами князя Ёси.

— А надпись, господин? — спросил капитан.

— Ёси-доно, что бы вы предложили?

После короткого молчания, понимая, что его подвергают очередному испытанию, Ёси сказал:

— Две надписи могли бы гласить: «Эти бандиты, ронины, были наказаны за преступления против императора. Да убоятся все несправедливых поступков». Удовлетворит ли это вас?

— Да. А подпись? — Оба понимали, что этот вопрос очень важен и разрешить его трудно. Если бы Огама поставил только свою подпись, это подразумевало бы, что он является законным хозяином Дворцовых Врат; подпись одного Ёси означала бы, что Огама находится у него в подчинении, формально это было справедливо, но об этом не могло быть и речи. Печать бакуфу означала бы то же самое. Печать императорского двора явилась бы несвоевременным вмешательством в светские дела.

— Мне кажется, мы придаем этим глупцам слишком большое значение, — сказал Ёси, изображая крайнее презрение. Его глаза прищурились, когда поверх плеча Огамы он увидел, как из-за дальнего угла грязной, покрытой лужами улицы показались Басухиро и несколько стражников и бегом направились к ним. Он перевел взгляд на Огаму. — Почему просто не выставить их головы на пиках прямо здесь? Зачем оказывать им лишние почести, вешая табличку? Те, кто хотят знать, и так быстро все узнают и одумаются. Neh?

Огама остался доволен этим дипломатичным решением.

— Отлично. Я согласен. Давайте встретимся вечером и... — Он

замолчал, увидев спешащего к ним Басухиро, запыхавшегося и покрытого потом. Он шагнул ему навстречу.

— Курьер из Симоносеки, господин, — доложил Басухиро, тяжело дыша.

Лицо Огамы превратилось в маску. Он принял свиток и подошел к одному из факелов. Все глаза устремились на него, когда он распечатал его, — Басухиро вежливо держал над ним зонт.

Это было послание от военачальника, командовавшего проливом. Оно было написано восемь дней назад, курьеры день и ночь мчали его сюда как документ первоочередной важности:

Господин, вчера возвращающийся вражеский флот, состоявший из флагмана и семи других боевых кораблей, все пароходы, некоторые с угольными баржами на буксире, вошёл в пролив. Следуя вашим распоряжениям не подвергать обстрелу боевые вражеские корабли без вашего письменного приказа, мы пропустили их. Мы могли бы потопить их все. Наши голландские советники подтверждают это.

Когда армада пошла, паровой фрегат под французским флагом высокомерно вернулся и стал выпускать один бортовой залп за другим по четырём батареям на восточном конце пролива, уничтожив их и их пушки, после чего удалился. Я вновь воздержался от ответного огня в соответствии с вашим приказом. В случае нападения в будущем прошу вашего разрешения потопить атакующее судно.

Смерть всем гайдзинам, хотелось закричать Огаме. Он ослеп от гнева: весь флот был у него в руках, как Кацумата, и избежал его мести — как Кацумата. Хлопья вспенившейся слюны собрались в уголках рта.

— Подготовьте новые распоряжения: обстреливать и уничтожать любой и все боевые корабли противника.

Басухиро, все ещё пытаясь отдышаться, произнес:

— Позвольте предложить на ваше рассмотрение, господин, фразу «если их будет больше четырех одновременно». Вы всегда хотели сохранять неожиданность.

Огама вытер рот и кивнул, сердце его заколотилось при мысли о том, сколько кораблей он мог бы сразу уничтожить. Дождь усилился, и тяжелые капли забарабанили по зонту. Позади Басухиро он увидел Ёси и других офицеров. Они ждали и наблюдали за ним. Мгновение он раздумывал,

отнестись ли ему к Ёси как к врагу или как к союзнику, последствия возвращения флота, эта наглая выходка и собственное бессилие выводили его из себя, мешая сосредоточиться.

— Ёси-доно! — Он знаком подозвал его и вместе с Басухиро отошел ещё дальше. — Прочтите это, пожалуйста.

Ёси быстро пробежал глазами послание. Несмотря на все самообладание, лицо его побледнело.

— Флот направляется вверх по Внутреннему морю к Осаке? Или они повернут на юг к Иокогаме.

— На юг или нет, следующие боевые корабли в моих водах будут разнесены в щепки! Басухиро, немедленно отправь людей в Осаку и...

— Подождите, Огама-доно, — быстро проговорил Ёси, стараясь выиграть время, чтобы все обдумать. — Басухиро, что вы посоветуете?

Маленький человечек тут же ответил:

— Господин, на данный момент исходите из того, что это Осака и нам необходимо вместе, немедленно подготовиться к защите города. Я уже спешно выслал шпионов, чтобы как можно точнее определить, куда следует флот.

— Хорошо. — Огама дрожащей рукой вытер с лица дождевые капли. — Весь их флот в моем проливе... Я должен был бы находиться там.

— Для вас более важно охранять императора от его врагов, господин, — сказал Басухиро, — и ваш командующий был прав, что не открыл огонь по одному кораблю. Конечно же, это была уловка с целью разведать ваши силы. Он поступил правильно, не раскрыв им вашей обороны. Теперь западня готова, если вы пожелаете захлопнуть её. Поскольку только один вражеский корабль вернулся, обстрелял несколько легких целей и торопливо удалился, я заключаю, что командующий их флотом был напуган, не был готов атаковать или высаживать войска, чтобы начать войну, которую мы выиграем.

— Да, выиграем. Хитрость? Я согласен. Ёси-доно, — решительно заговорил Огама, — нам необходимо покончить с этим и начать войну. Внезапное нападение на Иокогаму, высадутся они в Осаке или нет.

Ёси не смог сразу ответить, ему чуть не стало плохо от внезапно охватившей его тревоги, которую он постарался скрыть. Восемь военных кораблей? Это на четыре больше, чем их отправилось к Китаю, значит, гайдзины усилили свой флот. Зачем? Чтобы отомстить за сацумские убийства на Токайдо, но в особенности за обстрел Огамой их кораблей. И они поступят так же, как в Китае. Тот корабль гайдзинов был потоплен в Тайваньском проливе, но они razорили побережье Китая в сотнях лиг от

того места.

Что является для них самой легкой мишенью в Ниппоне? Эдо.

Может быть, Огама понял это, и его секретный план заключается в том, чтобы просто спровоцировать гайдзинов? Если бы я был предводителем гайдзинов, я бы уничтожил Эдо. Они не знают этого, но Эдо неотделим от нашего сёгуната. Если придет конец Эдо, придет конец и сёгунату Торанага, и тогда Земля богов будет отдана на растерзание.

Следовательно, это будет предотвращено любой ценой.

Думай! Как загнать в бутылку гайдзинов, и Огаму, чей ответ состоит в том, чтобы положить под их меч наши головы — не свою.

— Я согласен с вашим мудрым советником, мы должны подготовиться оборонять Осаку, — начал он, чувствуя, как крутит желудок. Потом его тревога за безопасность Эдо выплеснулась наружу. — Направятся они в Осаку сейчас или позже, их военный флот вернулся. Если мы не будем очень осторожны, нам не избежать войны!

— Довольно мы осторожничали. — Огама наклонился ближе к нему. — Я говорю так: высадутся они в Осаке или нет, мы вскроем этот зловонный нарыв у себя на мошонке и уничтожим Иокогаму. Немедленно! Если вы откажетесь это делать, прошу прощения, я сделаю это сам.

Книга третья

ИОКОГАМА

Суббота, 29 ноября

— Мы обогнали флот два дня назад, мистер Малкольм, Джейми, — добродушно произнес капитан клипера, в глубине души потрясённый переменой, произошедшей с Малкольмом, которого он знал с пеленок и с которым совсем недавно, каких-нибудь три месяца назад, он шутил и смеялся в Гонконге за бокалом виски: желтовато-бледное, изможденное лицо, странный, отрешенный взгляд, эти трости, без которых он теперь не мог не только ходить, но даже стоять. — Мы шли под всеми парусами, шестибалльный ветер дул нам прямо в корму, неслись как угорелые; они же никуда не спешили, и правильно делали, потому что никак им не след терять хоть одну из этих посудин с углем, которые они тащили на буксире. — Его звали Шилинг, и он только что прибыл на берег со своего корабля «Танцующее Облако», появившегося в Иокогаме совершенно неожиданно. Этому высокому бородатому человеку с обветренным лицом было сорок два года, двадцать восемь из них он служил «Благородному Дому». — Мы просто поприветствовали их, не снижая хода.

— Чаю, капитан? — спросил Макфей, механически наполняя его чашку: из долгого общения он знал, что это был любимый напиток капитана. В море он пил его постоянно, днём и ночью, тяжело нагружая чашку сахаром и концентрированным молоком. Они сидели в комнатах Малкольма за большим столом, и, как и тайпэн, Джейми едва слушал, приковавшись взглядом к запечатанному пакету с почтой под мышкой у капитана: на пакете был оттиснут герб «Благородного Дома».

— Благополучного вам плавания, капитан.

— Благодарю вас, сэр. И... и удачи вам, мистер Струан, во всем. И вам, Джейми.

Он повернулся и направился к двери, а Малкольм тем временем сломал печать на пакете, но прежде чем капитан успел коснуться дверной ручки, дверь открылась. На пороге стояла Анжелика. Капор, темно-синее платье, перчатки, зонтик от солнца. Она лучилась так, что у всех трех мужчин перехватило дыхание.

— О, прости, chéigí, я не знала, что ты занят...

— Да нет, все хорошо, входи. — Малкольм неуклюже поднялся на ноги. — Позволь представить тебе капитана Шилинга с «Танцующего

Облака».

— Да, мсье, такой роскошный корабль, вам очень повезло.

— Да-да, так оно и есть, мисс, — сказал Шилинг, улыбаясь ей в ответ. «Клянусь Господом, — подумал он, не встречавшийся с нею раньше, — кто стал бы винить Малкольма?» — Всего доброго, мисс. — Он отдал честь и вышел, уже против своей воли: теперь он с удовольствием задержался бы ненадолго.

— Прости, что отрываю тебя, Малкольм, но ты просил зайти за тобой перед обедом, сегодня мы обедаем у сэра Уильяма, и ты не забыл, что сегодня днём у меня также урок фортепиано с Андре, и я договорилась, что в пять часов нам сделают дагеротип. Привет, Джейми!

— Наше с тобой изображение?

— Да, ты помнишь того смешного итальянца, который прибыл на сезон с Гонконга с последним пакетботом, он их и изготавливает, и он гарантирует, что мы получимся очень красиво!

Тревоги Малкольма отступили куда-то на второй план, и он каждой своей частичкой ощущал её присутствие, обожая её до безумия, хотя расстался с ней всего лишь час назад — кофе в его комнатах в одиннадцать, порядок, который она завела и который доставлял ему огромное наслаждение. Ему казалось, что за последние две или три недели её любящая нежность расцвела ещё больше, хотя она проводила много времени, катаясь верхом, стреляя из лука, занимаясь фортепиано, планируя званые ужины и вечера, делая записи в дневнике или составляя письма — обычное времяпрепровождение для всех них. Но каждый миг, который она проводила с ним, она была настолько внимательна и нежна, насколько этого только можно было ожидать от женщины. Её любовь и его страсть к ней росли день ото дня, сила этих чувств была непреодолима.

— Обед назначен на час, дорогая, сейчас же лишь самое начало первого, — сказал он и, как ему ни хотелось, чтобы она осталась, добавил: — Ты не дашь нам ещё несколько минут?

— Разумеется. — Она грациозно, словно танцуя, скользнула к нему через кабинет, поцеловала его и прошла к себе в соседние покои. Тонкий аромат её духов остался в качестве восхитительного напоминания.

Его пальцы дрожали, когда он сломал последнюю печать. Внутри оказались три письма. Два от его матери: одно для него, второе для Джейми. Третье письмо было от Гордона Чена, их компрадора и его дяди.

— Держи, — сказал он, протягивая Джейми его письмо, сердце бешено колотилось у него в груди, и он от всей души жалел, что Шилинг привез их. Его два письма жгли ему пальцы.

— Я оставляю тебя пока, — ответил Джейми.

— Нет. Скверным новостям нужна компания. — Малкольм поднял глаза. — Открой своё. — Джейми подчинился и быстро прочел его. Его лицо покраснело. — Что-нибудь личное, Джейми?

— Здесь сказано: «Дорогой Джейми — она впервые за последние годы воспользовалась этой старой формулой в письме ко мне, — вы можете показать это моему сыну, если пожелаете. Я посылаю Альберта МакСтруана из нашей конторы в Шанхае сразу же, как только смогу это устроить. Вы должны сделать его своим заместителем и научить всему, чему можете, относительно всех наших операций в Японии, с тем чтобы, если только не произойдут две вещи, он мог безболезненно для компании принять у вас дела, когда вы покинете торговый дом Струанов. Первая из этих вещей заключается в том, что мой сын будет в Гонконге до Рождества. Вторая — вы будете сопровождать его». — Джейми беспомощно посмотрел на него. — Это все. Только подпись.

— Это не все, — произнес Малкольм, его собственное лицо горело. — Как только Альберт прибудет, он может с тем же успехом проваливать отсюда.

— Не будет беды, если он побудет здесь несколько дней, посмотрит, что и как. Он хороший парень.

— Мать... я никогда не думал, что она может быть такой жестокой: если я не подчинюсь и не бухнусь ей в ноги, ты будешь уволен. А? — Взгляд Малкольма скользнул к бюро. Последние несколько недель он предпринимал огромные усилия, чтобы ограничить прием лекарства одним разом в день. Несколько раз это у него не получилось.

Он посмотрел на письма, вскрывать их не хотелось. Это грязный трюк с её стороны — использовать Джейми, чтобы сильнее надавить на меня. Это гнусно.

— Она имеет определенные права, — заметил Джейми.

— Тайпэн я, а не она. В завещании отца все четко сказано. — Голос Малкольма звучал тускло, мысли разбредались.

— Ты тайпэн. — Это было сказано с теплотой, хотя Джейми и знал, что это неправда.

Джейми подождал. Затем произнес:

— Крикни мне, если понадобится. Я пойду займусь остальной почтой. — Он вышел.

Малкольм не слышал, как дверь закрылась за ним. В конце письма его матери стоял постскрипtum «Я люблю тебя», значит, никакого секретного послания в нем не было:

Мой дорогой, любимый, но заблудший сын, я намеревалась приехать с «Танцующим Облаком», но в последний момент решила остаться, потому что Дункану стало хуже, у него опять круп. Возможно, то, что я хочу сказать, даже лучше изложить на бумаге, тогда не возникнет никаких неясностей.

Я получила твои сумасбродные письма о том, что ты будешь, а чего не будешь делать, о твоей «помолвке», Джейми Макфее, мисс Ришо и так далее — и о пяти тысячах ружей. Я немедленно написала и отменила этот непомерный заказ.

Пришло время для открытых решений. Поскольку тебя здесь нет и ты не собираешься делать то, о чем я прошу, я приму их сама. Для твоей конфиденциальной информации: я имею такое право.

Когда твой отец умирал, бедный человек, времени ждать твоего возвращения не было, поэтому, чуть ли не с последним дыханием, он *de facto* сделал меня тайпэном в соответствии со всеми условиями, оговоренными в Завещании Дирка Струана — некоторые из них ужасны, — в соблюдении каждого из которых необходимо поклясться перед Богом до того, как ты узнаешь о них, и которые должны передаваться только от тайпэна к тайпэну. В то время мы ждали, что ты немедленно вернешься и я сразу же передам тебе власть. Один из законов Дирка гласит: «Долг тайпэна состоит в том, чтобы клятвенно подтвердить свою веру в пригодность своего преемника». В данный момент я не могу этого сделать в отношении тебя. Все это, вместе с тем, что последует ниже, опять же предназначено только для твоих глаз — придание этого огласке повредит дому Струанов, поэтому сожги письмо сразу же, как прочтешь его.

С сегодняшней почтой в Шотландию я предложила пост тайпэна твоему двоюродному брату Локлину Струану, сыну дяди Робба, оговорив при этом четыре условия: первое, что он немедленно прибудет в Гонконг и будет готовиться здесь три месяца — как тебе хорошо известно, он прекрасно знаком с операциями нашего дома, лучше, чем ты, если говорить о Великобритании, хотя в целом ты гораздо больше подходишь на этот пост и лучше подготовлен; второе, он соглашается держать все это в секрете; третье, в конце испытательного срока, как перед Богом, я сделаю окончательный выбор между им и тобой, мое решение, разумеется, будет обязательным; четвертое, что,

если ты одумаешься, он соглашается, что я должна выбрать тебя, но он станет следующим тайпэном, если у тебя не будет сыновей, Дункан будет наследовать ему.

Одуматься для тебя, мой сын, означает без промедления вернуться в Гонконг, в самом крайнем случае не позже Рождества, одному, не считая Джейми Макфея (и доктора Хоуга, если ты пожелаешь иметь его рядом), для обсуждения твоих планов на будущее, исполнения неотложных обязанностей и подготовки к той должности, на которую тебя прочили с самого твоего рождения. Если ты покажешь себя удовлетворительно, я сделаю тебя тайпэном в тот день, когда тебе исполнится двадцать один, 21 мая.

Я показала это письмо Гордону Чену и попросила его дать комментарии там, где это необходимо — наш компрадор должен, ДОЛЖЕН, по закону Дирка, участвовать в передаче власти. Твоя преданная мать.

P. S. Я люблю тебя и добавочный P. P. S.: Благодарю тебя за новости из парламента о ещё одной из их обычных глупостей (полученные странным образом через посредство нашего архиврага Грейфорта. Берегись его, он замышляет недоброе, но, с другой стороны, ты знаешь это лучше меня). Да, до нас тоже дошли слухи, хотя губернатор отрицает, что ему что-либо известно об этом. Я уже написала нашим парламентариям об этих слухах и предложила положить конец подобной ерунде, если они окажутся правдой, а также в Бенгалию, чтобы предупредить их. После получения твоего письма я написала им ещё раз. Тебе действительно пора возвращаться домой и приступать к исполнению своего долга и решению наших постоянно растущих проблем.

— Долга! — вскричал Малкольм, упершись взглядом в стену, скомкал письмо и со всех сил запустил им в неё, резкое движение причинило ему боль. Он поднялся на ноги, ринулся к бюро. Маленькая бутылочка содержала его вечернюю дозу. Он одним глотком осушил её, с громким стуком поставил на дубовую крышку, выругался, доковылял до кресла и почти упал в него.

— Она не может! Не имеет права! Эта... эта сука не может так поступить! «Вернуться одному» означает только то, что я должен вернуться без Эйнджел, чтобы «обсудить»... я не собираюсь этого делать и не

позволю ей вмешиваться... — Он продолжал наполовину мысленно, наполовину вслух сыпать проклятиями, пока опиат не вошёл в его кровь и не наступило мертвящее успокоение.

Через некоторое время он заметил второе письмо, от компрадора Гордона Чена, сводного брата его отца, одного из многих незаконнорожденных детей Дирка Струана.

— Мы знаем о трех, — произнес он вслух.

Мой дорогой, дорогой племянник! Я уже писал о том, с каким прискорбием узнал о твоём плохом йоссе, ранах и происшествии. Ещё горше мне слышать об отчужденности, возникшей между тобой и твоей матерью, которая обещает стать опасной и могла бы разрушить наш «Благородный Дом» — посему мой долг объяснить тебе все и дать совет. Она показала мне своё письмо к тебе. Я не показывал ей своего и не буду этого делать. В своём я ограничусь лишь тем, что касается должности тайпэна, и, кроме этого, дам тебе свой очень личный совет по поводу девушки: будь китайцем.

Факты: хотя ты формально являешься наследником моего сводного брата, твоя мать совершенно справедливо указывает, что ты не прошел обязательных церемоний, аттестаций, не принес клятв и не поставил подписей, указанных в Завещании моего досточтимого отца, которые являются необходимыми, прежде чем ты сможешь стать тайпэном, и которые признаются действительными только в том случае, если они лично засвидетельствованы и письменно подтверждены как выполненные в соответствии с Завещанием текущим компрадором компании, который должен происходить из моей ветви дома Ченов. Только тогда избранный становится тайпэном.

Перед смертью твой отец действительно сделал твою мать тайпэном. Это было сделано как подобает, во всех деталях. Я был тому свидетелем. Она — тайпэн по закону и имеет власть распоряжаться «Благородным Домом». Это правда, что твои отец и мать ожидали, что власть будет передана тебе без промедления, но она права и в том, что одна из обязанностей тайпэна засвидетельствовать перед Богом пригодность своего преемника, правда и то, что «Благородный Дом» управляется только теми решениями, которые принимает тайпэн, будь он мужчиной или женщиной, особенно в отношении выбора преемника и времени

передачи власти.

Мой единственный совет: будь мудр, проглоти свою гордость, возвращайся немедленно, кланяйся, кланяйся и кланяйся, прими «испытательный» срок, вновь стань послушным сыном, почитающим своих предков, ради блага нашего Дома. Повинуйся тайпэну. Будь китайцем.

Малкольм Струан застывшим взглядом смотрел на письмо, его будущее — в руинах, прошлое — в руинах, все переменялось. Значит, она тайпэн! Мать — тайпэн! Если так говорит дядя Гордон, значит, это правда! Она обманом украла у меня мое право первородства, она сделала это, моя мать.

Но разве не к этому она стремилась все эти годы? Разве она не делала всегда всего необходимого, чтобы подчинить себе отца, меня, всех нас — где лестью, где мольбами, где слезами, где интригами. Эти её сводящие с ума молитвы всей семьей и церковь дважды по воскресеньям, мы как на веревке тащимся следом, хотя одного раза более чем достаточно. А выпивка! «Пьянство есть мерзость» и чтение цитат из Библии весь день напролет до состояния полного безумия, никакого веселья в нашей жизни, неукоснительное соблюдение Великого и всех остальных постов, беспрестанное воспевание гениальности Дирка Струана, чёрт бы его побрал, вечные причитания, какой, мол, ужас, что он умер таким молодым, — и никогда ни словом не обмолвилась о том, что он погиб в тайфуне, сжимая в объятиях свою китайскую любовницу — факт, который был тогда и остается сейчас самым громким скандалом во всей Азии, — и вечные проповеди о греховности плоти, слабость отца, смерть сестры и близнецов...

Он вдруг сел прямо в своё кресло с высокой спинкой. Безумие? Именно! — подумал он. Не смог бы я упрятать её в сумасшедший дом? Может быть, она действительно больна. Согласился бы дядя Гордон помочь мне... Ай-й-йа! Это я сошел с ума. Это я...

— Малкольм! Время обедать.

Он поднял глаза и увидел себя, увидел, как он разговаривает с Анжеликой, говорит ей, как она красива, но не будет ли она очень сильно против, если он попросит её пойти туда без него, поскольку ему необходимо принять несколько серьезных решений, написать письма — нет, ничего, что затрагивало бы её, вовсе нет, так, несколько деловых вопросов — и все это время в голове, как мельничные жернова, с тяжелым скрежетом вращались фразы «возвращайся один» и «кланяйся, она

тайпэн».

— Прошу тебя, Анжелика.

— Конечно, если ты этого хочешь, но ты действительно чувствуешь себя хорошо, любовь моя? У тебя нет жара, правда?

Он позволил ей потрогать его лоб, поймал её руку и притянул к себе, усадив на колени, поцеловал её, а она поцеловала его и весело расхохоталась, потом поправила корсаж и сказала, что вернется после урока музыки, пусть он не беспокоится, и что для дагеротипа он должен будет надеть вечерний костюм, и «о, тебе так понравится мое новое бальное платье».

А потом он опять остался наедине со своими мыслями, и те же слова перемалывали его мозг: «Возвращайся один... Она тайпэн». Как смела она отменить заказ на ружья — что она понимает в здешнем рынке?

Тайпэн по закону. Значит, она действительно правит всем курятником, и мною. Безусловно, до тех пор, пока мне не исполнится двадцать один, и кто знает, сколько ещё потом. Пока не перестанет им быть. Пока...

А не в этом ли ключ? Не это ли имел в виду дядя Гордон, когда писал: будь китайцем. Как это — быть китайцем? Как поступил бы китаец, оказавшись в такой ловушке, как я?

Как раз перед тем, как погрузиться в свой особый сон, он улыбнулся.

Поскольку была суббота и день выдался ясный, у обрыва назначили футбольный матч. Почти все Поселение наблюдало за игрой с обычными драками и истерией, и на поле, и за его пределами, всякий раз, когда та или другая команда забивала гол. Армия играла против флота, по пятьдесят человек с каждой стороны.

Глядя на поле, Джейми думал о своём будущем. Несколько недель назад он написал в Шотландию Морин Росс, своей невесте. Написал, чтобы она больше не ждала его — почти три года с их последней встречи, пять лет после помолвки, — что ему очень жаль, что он осознает, как ужасно поступает, заставив её прождать так долго, но он абсолютно, окончательно уверился в том, что Восток не место для леди, и в равной степени убедился, что Азия была его домом, Иокогама, Гонконг, Шанхай, где угодно, но здесь, и он не имеет намерения уезжать. Да, он понимает, что вел себя нечестно по отношению к ней, но их помолвка подошла к концу. Это письмо будет его последним.

Целыми днями его мучило от омерзения к самому себе до того, как он написал это письмо, после его написания и после того, как он проводил взглядом вышедший в море пакетбот. Но он был уверен. Эта глава его

жизни закончена. А теперь и глава со Струаном, которая казалась такой многообещающей, сулила несомненное повышение в следующем году, тоже заканчивается. Господь Всемогуший! Малкольм ни за что не уступит, поэтому у меня остается всего лишь несколько недель на то, чтобы решить, что делать дальше — и не забывай, что Норберт вернется до того времени. Что тогда? Они действительно будут драться? Если будут, значит, таков их йосс, но ты по-прежнему должен оберегать Малкольма в полную меру своих сил.

Стало быть, новая работа! Где? Я бы предпочел остаться здесь, здесь у меня есть Неми, здесь хорошая жизнь, широкие возможности строить своё будущее. Гонконг и Шанхай большей частью застроены, там всем управляют «старики» — здорово, если ты Струан, Брок, Купер и так далее, но самому наверх прорваться трудно.

Предпочтительнее всего здесь. С кем? С Дмитрием у Купера-Тиллмана? Нужен ли я им? Да, но не как первое лицо. Компания Брока? О да, я думал об этом, когда измерил глубину её несправедливости, но у меня никаких шансов встать наверх, пока жив Норберт, однако если бы Малкольм убил его, какой бы это был удар, какая месть! Ланкчерч? Да, несомненно, но кому захочется работать на этого неотесанного ублюдка? Как насчет того, чтобы открыть своё дело? Это было бы лучше всего, но крайне рискованно, и кто согласится поддержать тебя на первых порах? Мне понадобятся деньги; кое-что у меня отложено, но этого недостаточно. Мне сразу будут нужны большие суммы: чтобы начать, чтобы покрыть расходы за то время, которое уйдет на становление и расширение дела, на аккредитивы и страхование, время на поиск агентов в Лондоне, Сан-Франциско, Гонконге, Шанхае и по всей Азии — и в Санкт-Петербурге. Не забывай, русские покупают чай в огромных количествах и будут обменивать его на соболей и другую пушнину с великой выгодой для тебя, и потом у тебя есть свои люди на Русской Аляске и в их торговых форпостах на юге западного побережья Америки. Идея хорошая, но рискованная, слишком много времени проходит между закупкой и продажей с прибылью, столько опасностей подстерегают корабли, так много их тонет или попадает в лапы пиратов...

Филип Тайрер тоже невидящими глазами смотрел в пространство. Он думал о Фудзико и едва не стонал вслух. Вчера вечером, взяв себе в помощники своего друга Накаму — Хирагу, он попробовал начать переговоры об исключительном для себя праве на её услуги. Мама-сан Райко закатила глаза и затрясла головой, бормоча, что, пожалуйста, извините, но она, дескать, сомневается, что это возможно, девушка

слишком ценна для неё, и её постоянно спрашивают столь многие высокопоставленные гайдзины, высокопоставленные гайдзины, намекая, что даже сэр Уильям иногда бывал её клиентом, хотя она и не называла его по имени, что обеспокоило Тайрера и сделало его ещё более нетерпеливым.

Райко сказала, что даже, прежде чем начать обсуждение финансовых и других деталей, сначала спросит у Фудзико, согласится ли та подумать о его предложении, добавив, что ему вообще лучше всего не встречаться с ней до тех пор, пока не будет составлен контракт, чем совершенно ошеломила и расстроила Тайрера. Целый час ушел у него на то, чтобы добиться компромисса, который предложил Накама: за этот промежуточный период, встречаясь с Фудзико, он не станет упоминать об этом деле или обсуждать его с ней напрямую, это была обязанность мамы-сан.

Слава богу, что у меня есть Накама, сказал он себе, вновь покрываясь потом, я едва все не испортил. Не будь его...

Предметы вокруг обрели четкие контуры, и он увидел Сератара и Андре Понсена, погруженных в приватную беседу; неподалеку от них Эрлихер, швейцарский министр, также уединенно разговаривал с Иоганном, Иоганн сосредоточенно слушал его, ловя каждое слово. Что за важные и срочные дела могу быть у этих людей, спросил он себя, что они не могут оставить их даже на время футбольного матча. И он напомнил себе, что должен быть взрослым, не мечтать среди бела дня, не забывать, что не все в Японии благополучно, и выполнять свой долг перед короной и сэром Уильямом — Фудзико может подождать до вечера, может быть, вечером он получит ответ.

Чёрт бы побрал Иоганна! Теперь, когда этот скользкий швейцарец оставлял свою должность переводчика, на его плечи ложился дополнительный груз, оставляя ему все меньше времени на сон или развлечения. Не далее как сегодня утром сэр Уильям накричал на него, незаслуженно, подумал он с горечью. «Ради всех святых, Филип, сидите над тетрадями подольше. Чем скорее вы свободно заговорите на их языке, тем лучше для короны, чем скорее Накама до конца выучит английский, тем лучше для короны. Отрабатывайте хлеб свой, не давайте себе расслабляться, нажмите на Накаму, заставьте его отрабатывать свой хлеб или пусть убирается!»

Хирага находился в миссии. Он читал вслух письмо, которое Тайрер написал для сэра Уильяма и с его помощью перевел на японский; завтра это письмо должны были доставить бакуфу. Хотя многие из слов были ему

непонятны, чтение его раз от раза становилось все лучше. «У вас способности к английскому, Накама, старина», — постоянно слышал он от Тайрера. Это доставляло ему удовольствие, хотя, как правило, похвала или порицание со стороны гайдзина значения не имели. За эти недели большую часть времени он проводил, запоминая бесконечные слова и фразы, повторяя их снова и снова до тех пор, пока язык его снов не стал наполовину английским.

— Зачем так напрягать голову, брат? — спросил его Акимото.

— Я должен выучить английский как можно быстрее. Времени слишком мало, этот вождь гайдзинов груб и нетерпелив, и я не знаю, как долго ещё мне будет позволено оставаться с ними. Но, Акимото, если бы я мог читать, кто знает, какие сведения я мог бы раздобыть. Ты не согласишься, как они глупы во всем, что касается их секретов. Сотни книг, пособий, документов валяются повсюду, я до всего могу добраться, все могу прочесть, а этот Тайра отвечает на мои самые очевидные вопросы.

Этот разговор случился прошлой ночью в их тайном убежище в деревне. Он сидел, повязав голову холодным полотенцем. Его больше не держали взаперти в миссии. Теперь при желании он мог ночевать в деревне, хотя часто к вечеру настолько уставал, что уже сил не было идти куда-то, и он ложился спать на свободной койке в домике, который Тайрер делил с Бебкоттом. По необходимости Джордж Бебкотт был посвящен во все его секреты. «Изумительно! Накама будет и мне помогать с японским, и с моим словарем тоже! Изумительно, я организую занятия и ускоренный курс!»

Подход Бебкотта оказался весьма радикальным. В его представлении учеба должна была доставлять удовольствие, и скоро она превратилась почти что в игру, уморительно веселую игру, в которой они состязались друг с другом, кто быстрее и правильнее все запомнит. Это был совершенно новый стиль преподавания для Тайрера и Хираги, школа для них была делом серьезным, и образование вживлялось в сознание с помощью зубрежки, повторения и березовых розог.

— Как быстро проходят уроки, Акимото. И с каждым днём учиться все легче — мы введем в наших школах то же самое, когда сонно-дзёи одержит победу.

Акимото рассмеялся.

— Добрые и мягкие учителя? Ни затрещин, ни палок? Никогда! Ладно, есть вещи поважнее, как насчет фрегата?

Он рассказал Акимото, что Тайрер пообещал ему поговорить со своим другом-капитаном, чтобы их двоих пустили на борт, представив Акимото

сыном богатого корабеля из Тёсю, который приехал к нему погостить на несколько дней и мог оказаться в будущем полезным другом.

Через открытое окно до Хираги доносились крики с футбольного матча. Он вздохнул, потом с благоговением раскрыл рукописный словарь Бебкотта. Это был первый словарь, который он видел в своей жизни, и первый англо-японский и японско-английский словарь вообще. Бебкотт составил его из списков слов и фраз, собранных им самим, торговцами и священниками, как католическими, так и протестантскими, часть слов была переведена с голландско-японских эквивалентов. На данный момент книга была короткой. Но с каждым днём она становилась все полнее, и это поражало его.

В преданиях говорилось, что лет двести тому назад некий священник-иезуит по прозванию Цукку-сан составил что-то вроде португальско-японского словаря. До этого словарей как таковых просто не существовало. Со временем появилось несколько голландско-японских, их тщательно охраняли и берегли от чужого глаза.

— Не нужно его запирать, Накама, — сказал накануне Бебкотт к его огромному удивлению, — британцы так не делают. Несите слово людям, пусть все учатся, чем образованнее каждый, тем лучше для страны. — Он улыбнулся. — Конечно, не все со мной согласятся. Как бы то ни было, на следующей неделе с помощью наших печатных прессов я...

— «Печатный пресс», прошу прощения?

Бебкотт объяснил:

— Скоро мы начнем печатать, и если ты пообещаешь мне написать историю Тёсю, я пообещаю отдать один экземпляр моего словаря в твое личное пользование.

Неделю или около того назад изумленный Хирага показал Акимото номер «Иокогама гардиан».

— Это новости дня со всего света, и они готовят новый выпуск каждый день, столько экземпляров, сколько хотят, — тысячи, если потребуется...

— Невозможно! — возразил Акимото. — Наши лучшие печатники не могут...

— Я своими глазами видел, как они это делают! Это делают машины, Акимото. Они показали мне свои машины! Они располагают все слова в том, что называется у них набором, по строчкам, читают они слева направо, не как мы, справа налево и сверху вниз в наших колонках иероглифов, колонку за колонкой. Невероятно. Я видел, как человек, работающий с машиной, составляет слова из отдельных значков, которые называются

«'ратинский шрифт» — они утверждают, что все слова любого языка можно написать всего двадцатью шестью такими значками и...

— Невозможно.

— Слушай! Каждая буква или значок всегда имеет один и тот же звук, поэтому другой человек может прочитать отдельные буквы или слова, составленные из них. Чтобы сделать эту «газету», печатник использует маленькие кусочки железа с вырезанной на конце буквой — прости, не железа, а такой штуки вроде железа, называется «ста'рь» или как-то так. Этот человек вставляет буквы в коробку, которая каким-то образом оказывается намазанной тушью, по ней прокатывают бумагу, и вот получилась свежая отпечатанная страница, на которой было то, что я написал за минуту до этого. Тайра прочитал её вслух, все совпало слово в слово! Чудо.

— И-и-и-и, но как мы можем сделать то же самое на нашем языке, каждое слово — это отдельный иероглиф и произнести его иной раз можно пятью, а то и семью разными способами, и письмо у нас совсем другое, и...

— Этот Врачующий Великан слушает, когда я произношу японское слово, записывает его на бумагу этими их 'ратинскими буквами, потом Тайра произносит это же слово, просто глядя на бумагу!

Хираге потребовалось ещё долго все это объяснять, чтобы убедить Акимото.

— И-и-и-и, — обессиленно протянул он, — столько новых вещей, новых мыслей, так трудно их самому понять, не говоря уже о том, чтобы объяснить другому. Ори был таким дураком, что не хотел учиться.

— Для нас хорошо, что он умер, похоронен и гайдзины забыли о нем. Мне тогда несколько дней казалось, что нам конец.

— Мне тоже.

Хирага нашел английское слово, которое искал: «репарации». Японский перевод гласил: «деньги, которые должны быть выплачены за совершенное преступление». Это его озадачило. Бакуфу никакого преступления не совершали. Двое сацума, Ори и Сёрин, всего лишь убили гайдзину, оба они теперь мертвы, два японца за смерть одного гайдзины было, без сомнения, более чем справедливо. С какой стати им требовать «ре-па-ра-сии», произнес он вслух, стараясь выговорить длинное слово как можно лучше.

Он поднялся из-за стола, чтобы размять колени, — трудно сидеть весь день как гайдзины — и подошел к окну. Он был одет в европейское платье, но на ногах носил мягкие табе, потому что все ещё никак не мог привыкнуть к английским сапогам. Погода не испортилась, корабли стояли

на якоре, рыбацкие лодки и другие суденышки сновали во все стороны. Фрегат манил к себе. Его охватило возбуждение. Скоро они заглянут в его утробу, увидят огромные паровые машины, о которых рассказывал ему Тайра. На глаза ему попала вырезанная из журнала и приклеенная на стену фотография великого корабля, гигантского железного корабля, строившегося в главном городе британцев, Лондоне, самого большого из всех, какие видел свет, в двадцать раз больше, чем фрегат, стоявший в заливе. Такой огромный, что невозможно даже представить себе — сама «фо-то-гра-фия» была непостижима для его разума, от неё веяло чем-то зловещим, словно это было какое-то злое колдовство. Он вздрогнул всем телом и тут заметил, что дверь в коридор приоткрыта и напротив видна дверь сэра Уильяма. Насколько он знал, в миссии никого не было, все отправились на футбол и должны были вернуться только позже днём.

Бесшумно он открыл дверь в кабинет сэра Уильяма. На изящном столе лежало много бумаг, полсотни книг расположились на неопрятных полках, на стенах портрет их королевы и другие картины. На буфете появилось что-то новое. Фотография в серебряной рамке. Он увидел одно лишь уродство, причудливо одетую женщину-гайдзин с тремя детьми, и понял, что это, должно быть, семья сэра Уильяма, Тайрер как-то говорил, что их прибытия ожидали в скором времени.

Как мне повезло, что я японец, цивилизованный, культурный человек, что у меня красивые отец, и мать, и братья, и сестры, и Сумомо, на которой я женюсь, если моя карма иметь семью. Он подумал, что она сейчас дома, в безопасности, и на сердце у него потеплело, но потом, стоя там, как раз напротив стола, он почувствовал, как им быстро овладевают досада и гнев. Он вспомнил, сколько раз, замирая и мучаясь, он стоял здесь перед сидящим в кресле вождем гайдзинов, отвечая на вопросы о Тёсю, Сацуме, бакуфу, Торанага, вопросы, затрагивающие все стороны его жизни и жизни Ниппон — теперь такие беседы происходили почти ежедневно, — вспомнил рыбыи глаза, которые вытягивали из него всю правду, как ни хотелось ему лгать и путать.

Он был осторожен и ни к чему не прикоснулся, подозревая, что ему подстроена ловушка, как он сам непременно подстроил бы её, случись ему оставить гайдзина одного в столь важном месте. Его ухо уловило сердитый голос снаружи, и он заторопился назад, чтобы выглянуть в окно комнаты Тайрера. С огромным удивлением он увидел у ворот Акимото, кланяющегося часовому, который держал его на мушке ружья с примкнутым штыком и орал на него. Его двоюродный брат был в рабочей одежде гайдзинов и явно сильно нервничал.

Он поспешил к воротам, нацепил на лицо улыбку и поднял шляпу.

— Добрый день, господин часовой, это мой друг.

Часовой знал Хирагу в лицо, знал, что он был здесь чем-то вроде переводчика и что у него есть постоянный пропуск в миссию. Он язвительно заговорил непонятными словами, прогоняя Акимото взмахом руки и приказывая Хираге сказать «ентой вот обезьяне, шоб катилась отседова, покуда ей ейную чертову башку-то не отстрелили».

Улыбка осталась на лице Хираги, будто приклеенная.

— Я уводить его, прошу прощения. — Он взял Акимото под руку и быстро повел его по улочке, которая вела в деревню. — Ты с ума сошел? Прийти сюда...

— Я согласен. — Акимото ещё не оправился от страха, который испытал, когда штык заплясал в дюйме от его горла. — Я согласен с тобой, но сёя, деревенский староста, попросил меня разыскать тебя. Срочно.

Сёя знаком пригласил Хирагу сесть по другую сторону низкого столика. Эти личные покои позади нарочито бедной и заваленной хламом лавки были безукоризненно чистыми и аккуратными, татами и бумага, которой оклеили сёдзи, лучшего качества. Полосатая кошка удобно устроилась у него на коленях, её глаза злобно взирали на незваного пришельца. Вокруг небольшого железного чайника стояли бело-зеленые фарфоровые чашки.

— Пожалуйста, чаю, Отами-сама, прошу извинить, что причинил вам неудобство, — произнес сёя, наливая чай и называя Хирагу именем, которое он себе выбрал, потом погладил кошку. Её уши нервно дернулись несколько раз. — Пожалуйста, извините, что я оторвал вас от дел.

Чай был ароматным и отменно приготовленным. Хирага вежливо упомянул об этом, чувствуя себя неловко перед сёей в европейской одежде, сидеть в которой на коленях было трудно, и остро ощущая отсутствие мечей за поясом. После обязательных любезностей сёя кивнул, наполовину сам себе, и посмотрел на своего гостя. Лицо являло собой маску благорасположенности, но глаза поблескивали холодно, как осколки кремня.

— Только что прибыли вести из Киото. Я подумал, что вам немедленно следует узнать о них.

Тревога Хираги возросла.

— Слушаю.

— Похоже, что десять сиси из Тёсю, Сацумы и Тосы напали на сёгуна Нобусадзу в Оцу. Попытка покушения не удалась, и их всех убили.

Хирага изобразил безразличие, но внутри у него все сжалось. Кто эти десять и почему у них ничего не получилось?

— Когда это было?

Сёя не увидел ничего, что подсказало бы ему, знал Хирага об этом нападении или нет.

— Восемь дней назад.

— Как это возможно, что вы узнали об этом за такой короткий срок?

К его изумлению, сёя опустил руку в рукав и достал оттуда крошечный цилиндр. Внутри оказался скрученный в трубочку лист очень тонкой бумаги.

— Это прибыло сегодня. Для важных вестей у зайбацу Гъёкоямы есть почтовые голуби. — На самом деле послание прибыло ещё вчера, но ему нужно было время, чтобы обдумать, как вести себя с Хирагой. — Очень важно иметь быстрые, точные сведения, нех?

— Упоминались какие-либо имена?

— Нет, никаких имен, прошу прощения.

— Это вся ваша информация?

Глаза сверкнули. И пораженный Хирага услышал:

— В ту же ночь, в Киото, князь Ёси и князь Огама и их воины напали на главное убежище сиси, застали их врасплох, уничтожили его и всех их. Сорок голов были насажены на пики вокруг пепелища. — Старик спрятал улыбку. — Отами-сама, большую ли часть наших храбрых сиси составят сорок человек?

Хирага пожал плечами и ответил, что не знает, надеясь, что сёя не сможет определить, лжет он или нет. Голова у него болела, он гадал, кто погиб, кто уцелел, кто предал их и как могло случиться, что два таких врага, как Ёси и Огама, действовали заодно?

— Почему ты рассказываешь мне все это?

На мгновение сёя опустил глаза на кошку, взгляд их смягчился, и его пальцы принялись почесывать её голову; кошка зажмурила глаза от удовольствия, без угрозы выпуская и втягивая когти.

— Похоже, что не все, угодившие в засаду, были пойманы, — тихо сказал он. — Двое бежали. Главарь, иногда его называли Ворон, настоящее же имя его Кацумата, доверенный советник правителя Сацумы князя Сандзиро, и сиси из Тёсю по имени Такэда.

Хирага был потрясен до основания тем, что столь много стало известно, и напряг мышцы, готовый броситься вперед и убить сёю голыми руками, если понадобится. Его рот открылся, но он не сказал ничего.

— Вам не знаком этот Такэда, Отами-сама?

Гнев охватил Хирагу от подобного оскорбления, он почувствовал, как лицо его вспыхнуло, но сдержал себя усилием воли.

— Почему ты рассказываешь мне все это, сёя?

— Так приказал мне мой начальник из Гъёкояма, Отами-сама.

— Зачем? Какое мне дело до всего этого? А?

Сёя, чтобы успокоить свои собственные нервы — хотя в кармане рукава у него и был спрятан маленький заряженный пистолет, — налил им обоим ещё чаю, понимая, что ведет опасную игру и что этот сиси не из тех людей, с которыми можно шутить. Но приказ есть приказ, а непреложное правило зайбацу Гъёкояма гласило, что обо всем необычном, в любом из сотни их отделений, необходимо было докладывать немедленно. Особенно в иокогамском отделении, более важном теперь, чем Нагасаки, ибо именно здесь располагалась главная база гайдзинов и Иокогама стала главным постом наблюдения за гайдзинами, а его специально выбрали на эту высокую должность. Уступая необходимости, он передал с почтовыми голубями весть о появлении здесь этого человека, о смерти Ори, о всех последовавших событиях и предпринятых им действиях, все из которых были одобрены.

— Гъёкояма... — начал он, следуя наставлениям и соблюдая величайшую осторожность, ибо он видел, что Хирага весь кипит и известия потрясли его до глубины души, что и было их целью. Его повелители в Осаке написали: «Быстро посели смятение в этом сиси, чье настоящее имя Резан Хирага. Риск будет велик. Будь вооружен и говори с ним, когда при нем не будет...» — ...Мои хозяева подумали, что, возможно, они могли бы пригодиться вам, как и вы могли бы иметь для них огромную ценность.

— Пригодиться мне? — проскрежетал Хирага, готовый взорваться. Его правая рука нервно искала у пояса рукоятку меча, которого там не было. — Я не могу никого облагать налогами. У меня нет коку. Какая мне польза от паразитов, какими являются все ростовщики, даже великий Гъёкояма! Neh?

— Это правда, что самураи считают так и считали так всегда. Но мы сомневаемся, согласится ли с вами ваш сэнсэй Тайра.

— А? — Хирага снова был обескуражен. Он пробормотал: — При чем здесь Тайра? При чем здесь он?

— Эй там! Саке! — выкрикнул сёя, потом обратился к Хираге: — Я прошу вашего терпения, но мое начальство... Я старый человек, — смиренно добавил он с открытым самоуничижением, зная, что его власть в зайбацу велика, что его ян до сих пор служит ему исправно и что он мог

бы, при необходимости, застрелить этого человека или покалечить его и передать в руки блюстителей закона бакуфу, которые по-прежнему охраняли их ворота. — Я стар, а мы живем в опасные времена.

— Да, вы живете в опасные времена, — процедил Хирага сквозь зубы. Тут же появилось саке, прислужница быстро налила его в чашечки и исчезла. Хирага сделал большой глоток и был рад вину, хотя изобразил недовольство, принял ещё и тоже осушил залпом. — Итак? Тайра? Тебе лучше объясниться.

Сёя набрал полную грудь воздуха и начал разговор, который, как он понимал, мог бы обернуться его самым большим шансом в жизни, с огромными последствиями, прямыми и косвенными, для его зайбацу и для всех его будущих поколений.

— С того самого дня, как вы появились здесь, Отами-сама, вы все гадали и пытались разузнать, как и почему эти анг'рийские гайдзины правят большей частью мира за пределами наших берегов, хотя сами они — маленький островной народ, я так понимаю, меньше, чем наш... — Он замолчал, втайне забавляясь недоуменным выражением, которое вдруг возникло на лице Хираги. — А, прошу прощения, но вы должны знать, что ваши беседы с тем другом, который теперь мертв, и с вашим родственником подслушивались, прошу прощения. Я могу заверить вас, что ваши откровения останутся в тайне, ваши цели, цели Гьёкоямы и цели сиси одинаковы. Это могло бы оказаться важным для вас... Мы полагаем, что разгадали тот главный секрет, который вы пытаетесь раскрыть.

— А?

— Да, мы считаем, что главный секрет кроется в их заимодавческой, банковской, финансо...

Его слова утонули в пароксизме язвительного смеха, которым вдруг разразился Хирага. Кошка, грубо вырванная из своей мирной полудремы, тут же вонзила когти через шелковое кимоно сёи в его ноги. Он осторожно освободил когти из ткани и начал успокаивать её, сдерживая охватившее его бешенство, жалея, что он не может вколотить хоть немного разума в голову этого непочтительного молодого человека. Но рано или поздно это стоило бы ему жизни — ему пришлось бы иметь дело с Акимото и с другими сиси. Он ждал, сжав зубы; задание, которое ему поручили его повелители, было полно неожиданных опасностей и препятствий: «Прощупай этого юношу, разузнай, каковы его истинные цели, истинные мысли, желания и привязанности, кому он верен, используй его, он может стать идеальным орудием...»

— Ты сошел с ума. Дело лишь в их машинах, пушках, несметных

богатствах и кораблях.

— Именно. Если бы мы владели всем этим, Хирага-сама, мы могли бы... — В тот миг, как он нарочно произнес настоящее имя, смех разом оборвался и глаза угрожающе прищурились. — Те, кто стоит выше меня, повелели назвать ваше имя один только раз, и то лишь затем, чтобы вы знали, что нам можно доверять.

— Откуда-они-его-знают?

— Вы упомянули счет Синсаку Отами, это условное имя вашего досточтимого отца Тоё Хираги. Разумеется, оно записано в их самых тайных счетных книгах.

Хирагу обуял гнев. Ему никогда не приходило в голову, что ростовщики могут иметь тайные книги, и поскольку каждый, от низших до самых высокопоставленных самураев, время от времени нуждался в их услугах, заимодавцы получали доступ к самым различным частным сведениям, записанным сведениям, опасным сведениям, которые они могли использовать потом как угрозу или как приманку для получения других сведений, тех, что никак не их ума дело — как ещё они могли узнать о наших сиси, если не с помощью каких-то подлых ухищрений, — так же, как этот пес сейчас смеет использовать их в разговоре со мной! Воистину справедливо все люди презирают купцов и ростовщиков и относятся к ним с подозрением, эту породу вообще следует вывести под корень. Когда сонно-дзёи станет реальностью, первое, о чем мы должны попросить императора, это отдать приказ об их уничтожении.

— Ну и?

Сёя был готов, он понимал, что нить между внезапной бешеной атакой и здравомыслием натянута до предела и доверять сиси нельзя, и держал одну руку рядом с рукавом кимоно. Голос его звучал мягко, но в нем безошибочно угадывались угроза или обещание:

— Те, кто стоит выше меня, повелели мне сказать вам, что ваши тайны и тайны вашего отца, наших досточтимых клиентов, хотя и записаны на бумаге, останутся тайнами, полными тайнами... между нами.

Хирага вздохнул и сел прямо, угроза очистила его разум от ненужной злобы, и он задумался о том, что передал ему сёя, об угрозе или обещании и всем остальном, о том, насколько опасен сам этот человек, эти Гёёкояма и им подобные, взвешивая свой выбор и опираясь при этом на своё происхождение и воспитание.

Выбор был прост: убить или не убить, выслушать или не выслушать. Когда он был ещё маленьким мальчиком, мать сказала: «Будь осторожен, мой сын, и всерьез запомни: убить легко, оживить убитого невозможно».

На какое-то мгновение все его мысли улетели к ней, всегда мудрой, всегда радующейся ему, всегда с открытыми ему навстречу руками, даже когда ломило суставы; сколько он помнил, эта боль никогда не оставляла её и с каждым годом скрючивала её чуть больше.

— Очень хорошо, сёя, я выслушаю тебя, один раз.

Сёя в свою очередь вздохнул: мост лег через глубокое ущелье. Он наполнил чашечки.

— За сонно-дзёи и сиси!

Они выпили. Время от времени он наливал им ещё.

— Отами-сама, пожалуйста, будьте терпеливы со мной, но мы считаем, что мы можем иметь все, что есть сейчас у гайдзинов. Как вы знаете, в Ниппоне рис является деньгами, торговцы рисом являются банкирами, под залог будущих урожаев они одалживают крестьянам деньги, чтобы те могли купить семена и так далее, без этих денег в большинство лет не было бы никаких урожаев вообще, значит, не было бы налогов, которые можно собрать; они одалживают деньги самураям и даймё на жизнь под залог будущих выплат, будущих коку, будущих налогов, без этих денег обычно прожить невозможно, пока не соберут урожай, который можно обложить налогом. Деньги делают возможным любой образ жизни. Деньги, в форме золота, серебра, риса или шелка, или даже навоза, деньги являются поворотным колесом жизни, прибыль является смазкой для этого колеса и...

— Переходи к делу. Секрет.

— А, прошу прощения, секрет заключается в том, что каким-то непостижимым, невероятным образом ростовщики, банкиры гайдзинов — в их мире это почетная профессия — сумели финансировать все их фабрики, машины, корабли, пушки, дома, армии — все и вся, с прибылью, не прибегая к настоящему золоту. Во всем мире не найдется такого количества настоящего золота. Каким-то образом они могут давать огромные ссуды, используя обещание настоящего золота или золото понарошку, и одно это делает их сильными, причем, судя по всему, они проделывают это, не обесценивая своих денег, как обесценивают их даймё.

— Золото понарошку? О чем ты говоришь? Выражайся яснее!

Сёя стер капельку пота с верхней губы, охваченный возбуждением. Саке помогало ему говорить, но ещё больше помогало то, что он начинал верить в возможность решения этой загадки с помощью этого юноши.

— Извините, если я выражаюсь так сложно, но мы знаем, что они делают, однако не знаем, как они это делают. Может быть, ваш Тайра, этот источник информации о гайдзинах, который вы так мудро осушаете, может

быть, он знает, способен объяснить вам, как они проделывают это, все уловки, все секреты, тогда вы скажете нам, и мы сможем сделать Японию такой же могучей, как пять Англий. Когда вы осуществите сонно-дзёи, мы и другие ростовщики сможем объединиться и дать Ниппону столько кораблей и оружия, сколько понадобится...

Осторожно, шаг за шагом, он разворачивал эту тему, красноречиво отвечая на вопросы, направляя Хирагу, помогая ему, льстя, осмотрительно подливая sake и перемешивая вино со знаниями, поражаясь в душе его уму и сообразительности, час за часом направляя его воображение в нужное ему русло, — так продолжал он до захода солнца.

— Деньги, а? Я готов при... признать, сёя, — запинаясь проговорил Хирага, одурманенный вином, чувствуя, что голова его разрывается от огромного количества новых, не дающих покоя мыслей, которые противоречили не меньшему количеству глубоких убеждений, — признать, что деньги никогда не... не интересо... вали меня. Никогда, никогда я по... по-настоящему не понимал деньги, только их... отсутствие. — Он рыгнул и едва не подавился. — Я... мне кажется, я понимаю, да, Тайра мне все расскажет. — Он попытался встать, но у него не получилось.

— Сначала позвольте предложить ванну, и я пошлю за массажисткой. — Сёя без труда уговорил его, крикнул на помощь служанку и передал Хирагу в сильные, но ласковые руки, чтобы тот вскоре захрапел, забыв обо всем на свете.

— Очень хорошо, Ити-тян, — прошептала его жена, когда это стало безопасно, лучезарно улыбаясь ему. — Вы провели беседу выше всяких похвал, нех?

Он широко улыбнулся ей в ответ и сказал так же тихо:

— Он опасен, всегда будет опасен, но мы начинаем, и это самое важное.

Она кивнула, удовлетворенная тем, что он принял её совет послать за Хирагой сегодня днём, вооружиться и не бояться использовать угрозу. Оба сознавали степень риска, но с другой стороны, напредила она себе, все ещё чувствуя в ушах гулкие удары сердца, сопровождавшие их словесный поединок, который она подслушивала, с другой стороны эту возможность послали им сами боги и выгода соизмерима с риском. И-и-и-и, давилась она про себя, если удача будет сопутствовать нам, мы получим звание самураев, наши потомки будут самураями, а мой Ити станет одним из владык Гъёкоямы.

— Вы поступили очень мудро, когда сказали, что бежавших сиси было двое, а не трое, и не раскрыли всего, что нам ещё известно. Очень важно

оставить что-то про запас. Чтобы вернее управлять им в будущем.

Она с материнской нежностью потрепала мужа по руке и ещё раз сказала ему, как умно он поступил, не напоминая ему, что и это было её предложением. На мгновение она отвлеклась мыслями от сегодняшнего вечера, все ещё озадаченная новостью о том, что двое спасшихся сиси направляются в Эдо, безмерно увеличивая тем самым риск быть пойманными или преданными. И ещё более озадачило её известие о том, что Сумомо, невеста Хираги, остановилась в доме Койко, самой знаменитой куртизанки Эдо, услугами которой пользовался сейчас князь Ёси. Вот уж действительно есть над чем задуматься.

Некая случайная мысль вдруг распустилась изысканным цветком.

— Ити-тян, — осторожно начала она, — я сейчас вспомнила кое-что из того, что вы говорили раньше, и мне захотелось спросить вас: если эти гайдзины такие умные и такие магические банкиры, не было ли бы мудро с вашей стороны осторожно начать своё дело с одним из них, очень-очень тихо. — Она увидела, как остановился его взгляд и на губах начала обозначаться серфическая улыбка. — Тоси сейчас девятнадцать, он самый умный из наших сыновей и мог стать номинальным главой такого предприятия, нех?

Понедельник, 1 декабря

Норберт Грейфорт поднялся на палубу пакетбота, когда тот только что обогнул мыс. Корабль шел из Гонконга через Шанхай, и теперь впереди виднелся берег Иокогамы. Грейфорт был свежевыбрит; прячась от утренней прохлады, он надел цилиндр и сюртук. Он увидел капитана и остальных на мостике перед трубой, от которой за корму тянулся шлейф черного едкого дыма. Матросы готовились к прибытию в порт; все паруса на трех мачтах пакетбота были свернуты. На баке, позади железной решетки, полностью отделявшей их от остального корабля, находились пассажиры четвертого класса, отбросы Азии, бродяги, лица без определенных занятий. Они теснились под парусиновыми навесами. Решетки стали обычным делом на пассажирских судах из-за попыток пиратских нападений с этой их части.

Ветер был бодряще холодным, Грейфорт с удовольствием вдыхал его запах и чувствовал на губах его чистый вкус. Совсем не то что внизу, где теснота была пропитана вонью масла и угольного дыма и никуда было не деться от пульсирующего грохота машины, сразу вызывавшего головную боль. «Королева Азии» шла на угле уже несколько часов наперекор встречному ветру. Норберт терпеть не мог пароходы, но на этот раз был доволен: на паруснике они добирались бы сюда ещё много дней. Он откусил кончик сигары, сплюнул его за борт и, прикрыв её от ветра, аккуратно раскурил.

Поселение выглядело таким же, как и всегда.

Его взгляд скользнул по флагштокам разных миссий, стал жестким, когда наткнулся на факторию Струана, потом нашел свою собственную. Норберт с удовольствием отметил, что за три недели, пока его не было, наружный ремонт на верхнем этаже был закончен, никаких следов пожара. Он был ещё слишком далеко, чтобы разглядеть людей, входящих и выходящих из зданий на Хай-стрит, потом заметил в толпе голубые капор, кринолин и зонтик, которые пересекали улицу, направляясь к французской миссии. Это может быть только она, подумал он. Ангельские Грудки! Он словно чувствовал запах духов, окутывавший её. Интересно, знает ли она о дуэли.

Морган Брок расхохотался во все горло, когда он рассказал ему о ней: «Даю тебе благословение разнести ему башку вдребезги или отстрелить то,

что у него между ног. Вместо пистолетов выбери боевые цепи и по-настоящему отработай свои премиальные».

Посыльные суда уже спешили навстречу пакетботу. Он с досадой отметил, что паровой катер Струана стоял первым, покачиваясь на невысокой волне, Джейми Макфей сидел на корме. Весельный баркас Норберта подошел вторым. Ладно, недолго осталось ждать и твой баркас будет моим вместе с вашей факторией, а ты и все проклятые Струаны будут списаны на берег или мертвы, хотя, может быть, я и дам тебе работу, Джейми, может быть, так, развлечения ради. Тут он заметил, что Макфей приложил к глазам бинокль, и понял, что тот его видит. Он небрежно махнул рукой, сплюнул за борт и спустился в свою каюту.

— Доброе утро, мистер Грейфорт, сэр, — произнес Эдвард Горнт с обаянием южанина. Он стоял в дверях каюты напротив, высокий, хотя и худоватый, красивый молодой человек из Виргинии, с глубоко посаженными карими глазами и темными волосами. Ему было двадцать семь лет. — Я смотрел на берег с кормы. Это далеко не Шанхай, не правда ли?

— Различий больше, чем вы можете себе представить. Вы уже упаковались?

— Да, сэр, и готов приступить к делам. — Не считая легкого рокота в слове «сэр», акцент его был едва уловим, гораздо более английский, нежели обычно бывает у южан.

— Хорошо. Сэр Морган просил меня передать вам вот это, когда мы прибудем. — Он достал из портфеля конверт и протянул его Горнту. Чем больше он думал обо всей этой поездке, тем больше она его изумляла. Тайлер Брок в Шанхай не приехал. Вместо него Грейфорта ждала там сухая записка, в которой старик приказывал ему подчиняться его сыну так, как если бы он сам отдавал все распоряжения. Сэр Морган Брок был лысеющим мужчиной с большим животом, не такой грубый, как его отец, но точно такой же вспыльчивый и бородатый. В отличие от старика, он обучался в Лондоне, на Треднидл-стрит, центре мировых рынков ценных бумаг, и до тонкости знал все вопросы международной торговли. Как только Грейфорт прибыл, Морган изложил ему свой план, как сокрушить дом Струанов.

План не оставлял места случайностям.

В течение года он, его отец и их сторонники в правлении гонконгского банка «Виктория» скупали долговые обязательства Струанов. Теперь, когда правление поддерживало их целиком, им оставалось лишь дожидаться 30 января, чтобы лишить их права выкупа заложенного имущества. Ни при

каких обстоятельствах торговый дом Струанов не мог расплатиться к этому сроку. В этот день банк станет владельцем компании Струанов со всем, что в ней есть, включая клиперы. Морган сделал корнер на гавайском сахаре, с большой хитростью вытеснив оттуда Струанов, которые рассчитывали на ежегодный доход от этого рынка, чтобы расплатиться с долгами, лишив их таким образом последней надежды на новые поступления. И ещё одна, даже большая, удача: Морган с непревзойденной изворотливостью и дальновидностью заключил на этот сахар бартерные сделки с импортерами Севера и Юга, получив взамен промышленные товары республиканцев и хлопок южан для огромного британского рынка, который, по закону, по-прежнему мог обслуживаться исключительно британскими кораблями — их кораблями.

— Ваш замысел гениален, сэр Морган, мои поздравления, — сказал Норберт, пораженный до глубины души, ибо этот план делал Брокков самым богатым торговым домом Азии, её «Благородным Домом», и служил гарантией его нового жалованья в пять тысяч гиней в год.

— Мы выкупаем компанию Струана у банка по десять пенсов за фунт, на этот счет уже есть договоренность, Норберт, их флот, все, — сообщил ему сэр Морган, и его огромный живот затрясся от хохота. — Вам скоро на покой, и мы будем очень благодарны вам за службу. Если в Иокогаме все пройдет хорошо, мы подумаем о ещё пяти тысячах для вас ежегодно, в качестве премии. Присмотрите за молодым Эдвардом и все ему покажите.

— С какой целью? — спросил он тогда, раздавленный столь непомерной суммой ежегодных выплат.

— С любой, какая мне заблагорассудится, — резко ответил сэр Морган. — Но раз уж вы спросили, может статься, я захочу, чтобы он занялся для нас Японией, занял ваше место, когда вы уйдете, ежели окажется достойным. Компания Ротвелла дает ему отпуск на месяц, — это был теперешний наниматель Горнта, одна из старейших компаний Шанхая и деловой партнер компании Купера-Тиллмана, крупнейшей американской торговой фирмы в Китае, на которую он и сам проработал три года и с которой как Брок, так и Струан имели широкие деловые связи, — этого времени парню хватит, чтобы принять решение, возможно, он займет ваше место, когда вы выйдете на пенсию.

— Вы полагаете, он достаточно опытен, сэр Морган?

— К тому времени, когда он уедет, позаботьтесь, чтобы таким он и был — это ваша работа, обучите его, закалите его. Только не ломайте его, я не хочу, чтобы Япония его отпугнула раз и навсегда, смотрите помните об этом!

— Как много я могу ему рассказывать?

Подумав немного, сэр Морган ответил:

— Все о нашем бизнесе в Япониях, планы насчет торговли оружием и контрабанде опиума, если эти ублюдки в парламенте настоят на своём. Поделитесь с ним своими мыслями об организации торговли опиумом и обходе любого эмбарго, если таковое будет наложено, но ни слова о подначивании Струана и о наших планах раздавить его. Парень знает о Струанах, у Ротвелла любви к ним не питают, он знает, какие это на самом деле подонки, знает и о том злодействе, которое сотворил старый Дирк, убив моего сводного брата, и о многом другом. Он славный парень, поэтому рассказывайте ему что хотите, но не про сахар!

— Как скажете, сэр Морган. Как насчет всей звонкой монеты и бумаг, что я привез? Мне понадобится замещение для уплаты за ружья, шелк и закупки товаров на этот год.

— Я вышлю его из Гонконга, когда вернусь, и, Норберт, умно ты это провернул, когда отпихнул Струана с дороги с этим старательским предложением джапов — ежели это обернется деньгами, ты войдешь в долю. Что же до Эдварда, через месяц отошли его в Гонконг с секретным отчетом для Старика. Мне этот парень нравится, он на хорошем счету в Шанхае и у Ротвелла, к тому же сын старого друга.

Норберт задумался о том, что это за старый друг, и о том, чем сэр Морган ему так обязан, что взял на себя столько хлопот, добротой и заботой о ближних он никогда не отличался. Но он был слишком умен, чтобы задавать такие вопросы, поэтому промолчал, радуясь, что проблема, как остаться в милости у Броков, уже недолго будет его заботить.

Эдвард Горнт оказался достаточно приятным молодым джентльменом. Сам неразговорчивый, он хорошо умел слушать, был больше англичанином, чем американцем, имел острый ум и, вещь в Азии редкая, не пил виски. Первое впечатление Грейфорта было такое, что Горнт совершенно не пригоден к жесткой, авантюрной, крепко пьющей китайской торговле — легковес во всем, за исключением карт. Горнт слыл непревзойденным игроком в бридж, и ему везло в покер, в Азии это считалось большим достоинством, но даже и это имело для него скорее академический интерес, потому что он никогда не играл по-крупному.

Он был убежден, что Эдвард Горнт недолго будет устраивать Броков, и за время обратного путешествия не заметил ничего, что бы заставило его изменить своё мнение. Время от времени ему случалось подмечать странное выражение в глубине его глаз. Бедняга просто нервничает, он здесь чужой и знает это, подумал Грейфорт, наблюдая за его лицом, пока

тот читал письмо Моргана. Ну да ладно, если уж кто и может заставить его повзрослеть, так это я.

Горнт сложил письмо и убрал его в карман вместе с пачкой купюр, которая лежала в конверте.

— Сэр Морган так щедр, не правда ли? — произнес он с улыбкой. — Я никогда не думал, что он... я жду не дождусь, когда можно будет начать учиться, мне нравится работа, живая работа, и я приложу все силы, чтобы угодить вам, но я все ещё не уверен, стоит ли мне уходить от Ротвелла и... ну, я никогда даже не думал, что он может рассматривать меня как возможного кандидата на главу японского отделения компании Броков, если или когда вы выйдете на пенсию.

— Сэр Морган хозяин жесткий, угодить ему трудно, как и нашему тайпэну, но поступает по справедливости, если делаешь, как сказано. Месяца хватит. Вы умеете обращаться с огнестрельным оружием?

— О да.

Неожиданная прямота ответа удивила его.

— С каким именно?

— Пистолеты, ружья, карабины. — Опять улыбка. — Я никогда никого не убивал, индейцев там или ещё кого-нибудь, но четыре года назад я был вторым на соревнованиях по стрельбе навскидку в Ричмонде. — На его лицо набежала тень. — Это было в тот год, когда я уехал в Лондон, чтобы поступить на службу к Брокам.

— Вам не хотелось уезжать? Не понравился Лондон?

— Нет и да. Моя мать умерла, а отец, он полагал, что будет лучше, если я увидаю свет, Лондон же был центром всего мира, так сказать. В Лондоне было великолепно. Сэр Морган очень добр. Я не встречал человека добрее.

Норберт подождал, но Горнт больше ничего не сказал, погруженный в свои мысли. Сэр Морган сообщил ему только то, что Горнт провел удовлетворительный год в лондонском представительстве компании Броков с последним и самым младшим сыном Тайлера Брока Томом. По прошествии этого года он подготовил для него одну из младших должностей в компании Ротвелла.

— Вы знакомы с Дмитрием Сывородиным, который руководит здесь отделением Купера-Тиллмана?

— Нет, сэр. Я лишь слышал о нем. Мои родители знали Джудит Тиллман, вдову одного из партнеров, основавших компанию. — Глаза Горнта сузились, и Норберт заметил в них уже знакомую ему отчужденность. — Она тоже не любила Дирка Струана, по сути даже

ненавидела его, винила его в смерти своего мужа. Грехи отцов все-таки переходят на их детей, не так ли?

Норберт рассмеялся.

— Переходят, что и говорить.

— Я перебил вас, сэр. Дмитрий Сывородин?

— Он вам понравится, он тоже южанин. — Звяканье корабельного колокола возвестило о том, что их путешествие окончено. Глаза Норберта заблестели от возбуждения. — Давайте сойдем на берег, живой работы будет хоть отбавляй, и очень скоро.

— Человек хочет тайпэн видеть, хейя? — спросила А Ток.

— Ай-й-йа, мать, говори на языке цивилизованных людей и оставь этот бред, — сказал ей Малкольм на кантонском. Он стоял у окна своего кабинета с биноклем в руке и наблюдал за пассажирами, покидающими пакетбот. Он заметил среди них Норберта Грейфорта и теперь чувствовал себя очень хорошо. — Что за человек?

— Чужеродный дьявол-бонза, за которым ты посылал, сквернопахнувший бонза, — пробормотала она. — Твоя старая мать работает так усердно, а сын её не слушает! Нам нужно ехать домой.

— Ай-й-йа, я же говорил, чтобы ты не упоминала о доме, — резко ответил он, — сделай это ещё хотя бы раз, и я отправлю тебя на следующей же вонючей лорке, где тебя будет рвать дорогой так, что сердце, если оно у тебя есть, выскочит из горла, и самой меньшей бедой будет, если бог моря проглотит тебя целиком! Пришли сюда чужеродного дьявола. — По его лицу пробежала улыбка: хорошее настроение понемногу возвращалось к нему.

Она, ворча, вышла. Целыми днями напролет она при всяком случае заводила речь о возвращении в Гонконг, сколько бы он ни грозил и не приказывал ей замолчать. Теперь он был уверен, что она получила распоряжения от Гордона Чена не оставлять его в покое, пока он не подчинится.

— Клянусь Богом, я никуда не уеду, пока не буду готов. — Он прохромал назад к столу, радуясь, что его счета с Норбертом скоро будут сведены и он запустит в действие весь свой славный план. — А, доброе утро, преподобный отец Твит, благодарю, что вы так быстро откликнулись на мою просьбу. Шерри?

— Благодарю вас, мистер... э... тайпэн, благослови вас Господь. — Он прикончил шерри одним нервным глотком, хотя Струан специально выбрал бокал побольше. — Восхитительно... э... тайпэн. О да, благодарю, я выпью

ещё чуть-чуть, с вами благословение Божье. — Его неопрятная бесформенная фигура с тревожной улыбкой на лице устроилась в высоком кресле. В бороде виднелись табачные крошки. — Чем я могу быть вам полезен?

— Речь пойдет обо мне и о мисс Анжелике. Я хочу, чтобы вы обвенчали нас. На следующей неделе.

— А? — Преподобный Майклмасс Твит едва не выронил бокал. — Невозможно, — пробормотал он, стуча вставными зубами.

— Отнюдь. Существует много прецедентов, когда положенное троекратное оглашение в церкви имен лиц, предполагающих вступить в брак, в течение трех воскресений подряд проводилось всего лишь за одно воскресенье.

— Но я не имею права, вы несовершеннолетний, да и она тоже, и, что ещё хуже, она католичка, и я не вижу никакой возможности... я не могу.

— Да нет, конечно же можете. — С уверенным видом он протараторил ему все, что услышал от Хезерли Ская по прозвищу Небесный Наш, единственного законника в Йокогаме, исполнявшего также обязанности коронера и страхового агента. — То, что я несовершеннолетний, применимо только на территории Соединенного Королевства, а не в колониях или за границей, и только в том случае, если жив отец. То, что она католичка, не имеет значения, если это не имеет значения для меня. Так что и говорить не о чем. Вторник, девятое число, подходящий день для бракосочетания, до того дня мы всё будем держать в секрете, а во вторник вы и свершите обряд.

Малкольм с затаенным весельем наблюдал, как рот Майклмасса Твита открывается и закрывается, как у рыбы, но ни звука из него не вылетает. Дрожа всем телом, священник поднялся на ноги, налил себе ещё шерри, залпом выпил его и снова упал в кресло.

— Я не могу.

— О, но я обратился за советом к юристу, и меня заверили, что можете. Я также намереваюсь выделить вам и вашей церкви дополнительную стипендию — пятьсот гиней в год. — Он знал, что подцепил этого человека на крючок, потому что предложенная им сумма в три-четыре раза превышала его текущее жалованье и вдвое то, что посоветовал ему предложить адвокат: «Не балуйте этого старого пердуна!» — Мы будем в церкви в воскресенье, чтобы услышать оглашение имен, а вторник станет великим днём, во вторник же вы получите аванс в сто гиней за все ваши хлопоты. Благодарю вас, ваше преподобие. — Он поднялся, но Твит сидел не двигаясь в своём кресле, и Малкольм увидел, как его глаза наполнились

слезами. — Что такое, в чем дело?

— Я просто не могу сделать то, о чем вы просите, — запинаясь, промямлил Твит, — это... это невозможно. Видите ли, ваша... даже если вам сказали все правильно, в чем я... э... сомневаюсь... ваша мать написала мне, прислала официальное письмо с последней почтой, написала, что... что ваш отец сделал её вашим законным опекуном и вам запрещено жениться. — Слезы текли у него по щекам, опухшие глаза покраснели. — Боже милостивый, иже еси на небеси, это такие большие деньги, мне столько даже не снилось, но я не могу, не могу пойти против закона или неё, Боже милостивый, нет!

— Тысяча гиней.

— О Боже, не надо, не надо, — выпалил усталый старик, — как бы я ни желал этих денег... неужели вы не понимаете, брак все равно будет недействительным, против законов Церкви. Господь свидетель, я такой же грешник, как и любой другой, но я не могу, и если она написала мне, то, конечно же, она написала и сэру Уильяму, который должен дать своё разрешение на любой подобный брак. Господи, помилуй меня, я не могу... — Он шатаясь вышел из комнаты.

Малкольм не мигая смотрел ему вслед. Он потерял дар речи, все мысли улетучились, кабинет вдруг превратился в склеп. План, составленный вместе с Небесным Нашим Скаем, казался идеальным. Церемония пройдет тихо, будут только Джейми и, может быть, Дмитрий, потом, сразу после дуэли, он отправится в Гонконг и окажется там задолго до Рождества, как и просила его мать, и, безусловно, до того, как новость о женитьбе долетит до неё. Анжелика прибудет на следующем корабле.

Малкольм был совершенно подавлен. Может быть, есть какой-то способ принудить Твита? Может быть, ему следует нажать на него ещё раз завтра, когда первый шок пройдет? Ещё больше увеличить сумму? Сэр Уильям? Неожиданно в голову пришла идея. Он затряс колокольчиком.

— Варгаш, добегите до католической церкви и разыщите отца Лео. Спросите его, не может ли он заглянуть ко мне.

— Разумеется, тайпэн. Когда ему прийти?

— Сейчас, как можно быстрее.

— Сейчас, тайпэн? Но уже время обе...

— Сейчас, клянусь Богом! — взорвался Малкольм, так велико было его отчаяние от того, что ему приходилось просить других о самых простых вещах, с которыми он и сам без труда справился бы до Токайдо — будь прокляты эти свиньи, будь проклята Токайдо — для меня это все равно что жизнь до и после Рождества Христова, с той лишь разницей, что

сейчас кругом мрак, а не свет. — Сейчас же. Поторопитесь!

Варгаш с побледневшим лицом бросился вон. Ожидая его возвращения, Малкольм углубился в раздумье, стараясь найти способы переубедить Твита. Он отпустил разум на свободу, минуты медленно текли, и с каждой из них росла его ярость и крепла решимость.

— Отец Лео, тайпэн. — Варгаш ступил в сторону и закрыл дверь за собой.

Священник старался скрыть свою нервозность. Несколько раз он направлял сюда свои стопы, чтобы обсудить с сеньором обращение в католичество, но всякий раз останавливался, обещая себе пойти сюда завтра, но так и не решаясь на это, опасаясь совершить ошибку, чувствуя, что слова застревают в горле. В отчаянии он разыскал Андре Понсена, чтобы тот устроил ему встречу с тайпэном, и был поражен тем, как Понсен, а потом и лично сам французский министр, который редко с ним разговаривал, отреагировали на его просьбу, объявив ему, что подобная беседа была бы преждевременной, напомнив, что труд во славу Господа требовал терпения и осмотрительности, запретив ему на время искать встречи со Струаном.

— Доброе утро, — произнес Малкольм слабым голосом. Впервые кто-то из протестантских торговцев пригласил его в свой кабинет. Во всем протестантском мире отношение к католикам и католическим священникам было однозначно враждебным, их обвиняли в кровавых погромах и религиозных войнах, недавних и нестирающихся из памяти, напоминали им о железной узде, в которой католики держали всех вновь обращенных и те страны, где они устанавливали своё господство. Католики точно так же ненавидели протестантов и в соответствии со своей верой считали их еретиками.

— Благословение Господне да пребудет на вас, — осторожно пробормотал отец Лео. Перед тем как покинуть свой маленький домик, примыкавший к церкви, он наспех прочел молитву, чтобы причиной его вызова оказалась та, о которой он так долго и так усердно молился. — Да, сын мой?

— Пожалуйста, я хочу, чтобы вы обвенчали мисс Анжелику и меня. — Малкольм был поражен тем, что его голос звучал так спокойно, ужаснувшись вдруг, что он не только произносит эти слова, но и действительно послал за священником, ясно представляя себе при этом все последствия того, о чем попросил — с мамой случится удар, наши друзья, весь наш мир подумает, что я сошел с ума, взбесился...

— Хвала Создателю, — в экстазе выпалил на португальском отец Лео,

глаза его закрылись, руки простерлись к небесам, — воистину чудесны пути Твои, Господи, благодарю Тебя, благодарю Тебя за то, что Ты ответил на мои молитвы, да буду я достоин милости Твоей!

— Что? — Малкольм недоуменно уставился на него.

— Ах, сеньор, сын мой, прошу, простите меня, — сказал он снова по-английски, — я лишь возблагодарил Господа за то, что Он в милости Своей явил вам свет.

— О, Шерри? — это все, что Малкольм нашелся сказать.

— Ах, благодарю вас, сын мой, но сначала не помолитесь ли вы со мной? — Священник тут же подошел ближе и преклонил колена, закрыл глаза и сложил руки в молитве. Смущенный искренностью этого человека, хотя и считая его молитвы бессмысленными, и в любом случае не в состоянии опуститься на колени, Малкольм остался в кресле, тоже закрыл глаза и прочел короткую молитву, уверенный, что Господь поймет эту мимолетную провинность, стараясь убедить себя, что это вполне нормально: заставить этого человека сделать то, что требуется.

То, что церемония, вероятно, не будет признана законной в его мире, не имело значения. Она будет законной для Анжелики. Она взойдет к нему на супружеское ложе с чистой совестью. И как только первоначальная буря негодования в Гонконге уляжется и его мать будет побеждена, или даже если не будет, став совершеннолетним в мае, он тут же устроит венчание по всем правилам, которое исправит любые мелкие неправильности.

Он приоткрыл глаза. Отец Лео самозабвенно бормотал что-то на своей латыни. Молитва тянулась и тянулась, и вслед за ней благословение. Окончив, отец Лео поднялся на ноги; маленькие глазки, похожие на кофейные зернышки, сверкали на смуглом лице с обвисшими щеками.

— Позвольте мне подать вам шерри, избавить вас от мучений, сеньор; в конце концов, теперь я и ваш слуга тоже, — радостно сказал он. — Как ваши раны? Как вы себя чувствуете?

— Неплохо. Теперь... — Малкольм не мог заставить себя назвать его «отец». — Теперь, касательно венчания, я ду...

— Оно свершится, сын мой, это будет чудесная церемония, я обещаю. — Сколь удивителен промысел Господень, думал отец Лео. Я не нарушил слово, данное французскому министру, Бог привел ко мне этого несчастного юношу. — Не волнуйтесь, сеньор, то, что вы обратились ко мне, есть воля Божья, и венчание пройдет ко Славе Его. — Отец Лео протянул ему полный бокал и наполнил такой же для себя, пролив немного вина. — За ваше будущее счастье и за милость Божью. — Он выпил, потом сел в кресло с таким дружелюбным видом — то самое кресло, которое его

предшественник занял с таким содроганием, — что Малкольм почувствовал ещё большее беспокойство.

— Так. Ваша свадьба. Она будет самой лучшей, самой большой, невиданной, — заговорил священник. Его переполнял энтузиазм, слова теснились в горле, и настроение у Малкольма упало, ибо он хотел, чтобы эта временная церемония прошла тихо. — Нам обязательно понадобятся хор и орган, и новые облачения, и серебряные кубки для причастия, но прежде всех этих деталей, сын мой, нам нужно обсудить столько чудесных планов. Дети, например, теперь они будут спасены, они будут католиками и избегнут чистилища и вечных мук в геенне огненной! Малкольм прочистил горло.

— Да. Так вот, бракосочетание должно состояться на следующей неделе, вторник подходит лучше всего.

Отец Лео заморгал.

— Но ведь есть ещё ваше обращение в истинную веру, сын мой. Это требует времени, и вы...

— Я, ну, я не хочу обращаться, пока ещё нет, хотя согласен, согласен на то, чтобы дети были католиками. — Они получают подобающее воспитание и будут образованными, думал он, с каждой секундой все сильнее чувствуя дурноту. Они смогут сами сделать выбор, когда вырастут... Что за мысли лезут ко мне в голову? Ещё задолго до этого мы поженимся как положено, в нормальной церкви. — Пожалуйста, на следующей неделе, вторник, самый подходящий день.

Глаза священнослужителя больше не улыбались.

— Вы не собираетесь принять истинную веру? А что станется с вашей бессмертной душой?

— Нет-нет, благодарю вас, не теперь. Я, я буду... я обязательно подумаю над этим. Души, души детей... вот что важно... — Малкольм постарался говорить более связно. — Да, так вот венчание, я бы хотел, чтобы оно прошло в узком кругу, скромная церемония, вторник не...

— Но ваша бессмертная душа, сын мой. Господь явил вам свет, ваша душа все же важнее, чем этот брак.

— Что ж, я обязательно подумаю об этом, непременно. Теперь о свадьбе. Вторник подойдет как нельзя лучше.

Священник поставил бокал на стол, в мозгу его теснились радости, надежды, вопросы, страхи, сигналы опасности.

— Но, сын мой, это невозможно, никак невозможно по многим причинам. Девушка ведь несовершеннолетняя, нет? Должно получить согласие её отца, подготовить документы. Да и вы тоже, нет?

— Младший член семьи? — Малкольм выдавил из себя осторожный смешок. — В моем случае это не имеет значения, потому что мой отец умер. Таков... таков английский закон. Я навел справки у... у мистера Ская. — Он едва удержался, чтобы не сказать Небесного Нашего, но все равно обругал себя за то, что упомянул это имя, потому что вдруг вспомнил: Анжелика рассказывала ему, как отец Лео ненавидит этого человека, ненавидит его прозвище, считая его, открытого агностика, язвой на теле общества.

— У этого человека? — Голос отца Лео отвердел. — Его мнение, безусловно, должно получить одобрение вашего сэра Уильяма, доверять ему нельзя, что же касается отца сеньориты, он может приехать из Бангкока, нет?

— Он... полагаю, он вернулся во Францию. Его присутствие здесь необязательно, я уверен, мистер Сератар имеет право заменить его. Вторник замечательно нас устраивает.

— Но, сын мой, к чему такая спешка, вы оба молоды, вся жизнь впереди, следует задуматься о вашей душе. — Отец Лео попробовал улыбнуться. — То, что вы послали за мной, была воля Божья, через месяц или два вы...

— Нет, не через месяц или два, — сдавленно произнес Малкольм, готовый взорваться. — Вторник или среда, пожалуйста.

— Одумайтесь, сын мой, ваша бессмертная душа должна стоять для вас...

— Забудьте про мою душу... — Малкольм замолчал, пытаясь взять себя в руки. — Я намеревался одарить церковь, хотя пока она и не моя церковь, одарить её достойно.

Отец Лео услышал слово «пока» и то, как было произнесено «достойно». Он никогда не выпускал из виду, что для исполнения воли Божьей на земле требовались практичные слуги и прагматические решения. И деньги. И влияние. А эти два главных условия исходили лишь от высокородных и богатых, и нет нужды напоминать себе, что тайпэн «Благородного Дома» олицетворял их оба. Или что сегодня уже был сделан огромный шаг в служении Господу: его попросили об услуге, и дети будут спасены, даже если сей несчастный грешник сгорит в адском пламени. Он вздрогнул всем телом, ужасаясь судьбе этого юноши и всех тех, кто без нужды обрекает себя на вечные муки, когда спасение обрести так просто.

Он оттолкнул эту проблему в сторону. На все воля Божья.

— Венчание состоится, сын мой, не волнуйся, я обещаю... но не на следующей неделе и не через неделю, препон тому слишком много.

Малкольм почувствовал, что его сердце сейчас разорвется.

— Господь Всемогуший, если оно не сможет состояться на следующей неделе или, в крайнем случае, через неделю, тогда проку в нем нет; оно должно состояться, когда я сказал, или ничего не будет.

— Но почему? И почему только для близких, сын мой?

— Оно должно состояться, когда я сказал, или ничего не будет, — повторил Малкольм с искаженным лицом. — Вы, вы найдете мне хорошего друга... мне нужна ваша помощь... Ради всех святых, это же так просто — обвенчать нас!

— Да-да, это так, для Бога, но не для нас, сын мой. — Священник вздохнул и поднялся с кресла. — Я буду просить Господа направить меня. Я сомневаюсь, что... но может быть. Может быть. Я должен быть очень уверен.

Слова повисли в воздухе.

— Мне очень неприятно выливать помои на ваш букет из роз, тайпэн, — произнес Небесный Наш Скай, сложив пальцы домиком. Он развалился позади рабочего стола в своей бедной, тесной конторке. — Но раз уж вы спрашиваете моего профессионального совета, скажу, что вашему отцу Лео доверять нельзя, ни на грош нельзя, пока вы не обратитесь в католичество. С обращением же никак не успеть к сроку, да я бы и не советовал, боже упаси. Он станет вертеть вами, водить за нос, а все жизненно важные для вас сроки тем временем пройдут, и тогда вы действительно очутитесь в полном дерьме.

— Так что же мне, чёрт подери, делать, Небесный Наш? Скай нерешительно замолчал, высморкал свой картофелеобразный нос и протер пенсне с маленькими стеклышками — его любимая уловка, к которой он прибегал, чтобы выиграть время и прийти в себя, скрыть допущенный промах или, в данном случае, не дать расцвести на лице довольной всепроникающей улыбке.

В первый раз кто-то значительный обратился к нему после того, как он повесил свою собственную вывеску: Х. Скай, эсквайр, некогда служивший в «Мудл, Патфилд и Лич, Адвокаты и Барристеры», «Судебные Инны», Лондон, сначала в Калькутте десять лет назад, потом в Гонконге и недавно здесь. И вот наконец у него появился, в перспективе, идеальный клиент: богатый, охваченный нетерпением, с простой проблемой, которая могла бы становиться все более запутанной, с каждым годом, от колыбели до могилы, открывая для него новые возможности. И роскошные гонорары — за решение, а решений было много, и хороших, и жестоких.

— Ну и попали вы в переплет, хуже и вообразить нельзя, — с торжественным видом произнес он, разыгрывая свою роль. Юноша, впрочем, ему нравился и вызывал восхищение, не только как клиент. Он подбросил ключ: — Гордиев узел, не правда ли?

Малкольм чувствовал себя несчастным. Небесный Наш, разумеется, прав, отцу Лео доверять нельзя. Даже если бы я обратился в католичество... я не могу, это было бы уже слишком... Он вдруг вскинул голову.

— Узел? Гордиев узел? Та проблема была решена! Одиссей разрубил его пополам. Нет, это был Геракл!

— Прошу прощения, Александр Великий в триста тридцать третьем году до нашей эры.

— Кто это был, значения не имеет, моя проблема заключается... Небесный Наш, помогите мне разрубить этот мой узел, и вы заслужите мою признательность до конца дней и пятьсот гиней...

Выстрел сигнальной пушки начальника гавани эхом прокатился по Поселению. Они выглянули из помутневшего от плесени окна — контора Ская, заваленная книгами, помещалась в здании Ланкчерча, на складе, выходила окнами на море. К их радости из-за мыса показались корабли флота, флагман впереди, все флаги подняты. Они испытали чувство гордости и облегчения. С берега и с кораблей загревели приветственные пушечные выстрелы, самые громкие с фрегата Её Величества «Жемчужина», флот салютовал залпами своих кораблей.

Оба мужчины закричали «ура», и Скай сказал:

— Теперь мы сможем разобраться с джапами и спать спокойно в своих постелях. — Незаметно он вернулся к их насущной проблеме, завидуя Малкольму, что у него есть Анжелика, и серьезно настроенный помочь ему. — С джапами разобраться нетрудно, Вилли нужно вести себя просто и решительно, железный кулак в железной перчатке, или в бархатной, позволяет добиваться результата в большинстве, если не во всех, случаев. Как и в вашем.

Малкольм Струан посмотрел на него.

— Как? Как? Если вы разрешите мою проблему, вы сможете — вы сможете сами назвать свою цену. — Усталым жестом он потянулся за своими палками. — В разумных пределах.

— Одну секунду, тайпэн, — остановил его Скай, энергично протирая стекла пенсне. — Цена моя выразится не в одних деньгах, не этого я жду от «Благородного Дома», ваше влияние может помочь мне стать судьей в Гонконге, ах какое это будет счастье! Моя единственная дилемма

закljučается в том, выложить ли мне это решение прямо сейчас или подождать, рискуя потерять инициативу. Черта с два! Одна пичуга в постели стоит двух в Ёсиваре.

Оставив торжественный вид, он посадил пенсне на кончик носа, оно тут же стало самой заметной чертой его облика, похожее на двустворчатые двери, из всех щелей которых выливалось его младенчески розовое лицо.

— Мне вдруг пришла в голову одна мысль, тайпэн. Она могла бы разрешить ваше затруднение в нужные вам сроки. Почему вам не поступить так же, как поступила ваша мать?

Малкольм на мгновение опешил, потом смысл сказанного дошел до него.

— О-о, вы хотите сказать, бежать и тайно обвенчаться? Ради бога, я и сам думал об этом, — раздраженно произнес он, — но куда бежать, и кто обвенчает нас, отсюда до Макао миллион миль.

— При чем здесь Макао? — осведомился Скай.

— Все знают, что мать и отец убежали и обвенчались в английской церкви в Макао, церемонию провели тихо и быстро из-за влияния деда.

Скай улыбнулся и покачал головой.

— В таком виде эта история была опубликована, на самом деле все было не так. Ваш капитан Орлов обвенчал их на борту вашего клипера «Китайское Облако» на пути из Макао в Гонконг — ваш дед сделал вашего отца хозяином на время этого короткого путешествия, а, как вам известно, закон тайпэна гласит, что в море приказы хозяина исполняются беспрекословно.

У Струана от удивления приоткрылся рот.

— Я в это не верю.

— Первым качеством хорошего адвоката, а я хороший адвокат, мистер Струан, является умение слушать, вторым — нюх на факты и тайны, и третьим — умение держать язык за зубами. Очень важно знать по возможности больше о своих наиболее значительных потенциальных клиентах с тем, чтобы как можно успешнее помогать им в сложных ситуациях. — Он взял понюшку табаку, чихнул. — «Благородный Дом» является первым в Азии, о нем слагают легенды, поэтому, когда я прибыл в Гонконг, я пожелал отделить от легенд факты о Струанах, Броках, американцах Купере и его партнере Уилфе Тиллмане, даже о русском Сергееве. Полага... — Он замолчал. Взгляд молодого человека затуманился, глаза смотрели в пространство, он не слушал его, явно целиком поглощенный этим решением, возникшим из глубины и заполнившим его разум. — Мистер Струан!

— О, прошу прощения, о чем вы говорили?

— Я с отменным удовольствием дарю вам это решение. Сложности, несомненно, существуют, но у вас есть корабли, на кораблях есть капитаны, и капитан любого британского корабля, при определенных обстоятельствах, может совершить обряд венчания.

Вы тайпэн, поэтому вы-можете-приказать! *Quod erat demobstrandum.*
[\[30\]](#)

— Небесный Наш, вы бесподобны, — восторженно выпалил Малкольм, — бесподобны! Вы уверены, уверены насчет моей матери и отца?

— Да. Одним из моих информантов был Морли Скиннер, владелец «Ориентл таймс», современник Дирка Струана, старик, любивший посплетничать о старых временах, другим — миссис Фортерингилл, когда она была ещё жива, и... вы обратили внимание, как мало людей интересуются рассказами стариков, а ведь они были очевидцами самых всевозможных событий. Скиннер умер около восьми лет назад, вы его знали?

— Нет. — На счастливое лицо Малкольма вдруг набежала тень. — Если все случилось, как вы говорите, в Гонконге эту историю знал бы каждый.

— Дирк Струан решил замять её, решил, что «тайное венчание в церкви» будет лучше для лица. Он был достаточно могуществен, чтобы устроить это, и даже Брока склонил принять его план. Все это правда.

— Но если он... — Малкольм замолчал — на его лицо было радостно смотреть. — Только мне не важно, правда это или вымысел, ведь так?

— Нет, не так. То, что это правда, имеет огромное значение, потому что дает вам несокрушимое оправдание перед вашей матерью. В конце концов, вы делаете только то, что сделала она, вы следуете её примеру.

— Боже мой, Небесный Наш, вы опять правы. — Потом ещё более взволнованно: — У вас есть доказательства?

Разумеется, глупыш, подумал Скай, но все сразу ты не получишь.

— Да, в Гонконге. Мне понадобятся деньги на расходы, чтобы немедленно туда отправиться — в счет моего предварительного гонорара. Скажем, пять тысяч, что включает доказательства... и всегда при условии, что мое решение разрубит ваш гордиев узел. К тому времени, когда вы прибудете туда, уже после свадьбы, у меня будут все доказательства, какие вам понадобятся.

— Господь милосердный, а я-то уже решил, что все, конец! — Малкольм откинулся на спинку кресла. Теперь его ничто не сможет

остановить. И осознание этого прогнало из головы многих демонов, демонов ночи, демонов дня, демонов будущего. — Какие ещё «факты» вам известны обо мне и о прошлом?

— Много всяких, мистер Струан, — с улыбкой ответил Скай. — Но сейчас они вам не пригодятся, хотя сами по себе они очень ценны.

Малкольм Струан направлялся к дому. Он не помнил, чтобы был когда-нибудь так счастлив. Ни трости, ни боль не беспокоили его так сильно, как обычно.

А почему бы нет? — едва не пел он. На следующей неделе я стану мужем самой прекрасной девушки на свете, мама будет усмирена безукоризненно — мне не терпится увидеть её лицо, — сегодня я даю ужин, который теперь действительно превратится в праздник, и Норберт вернулся как нельзя более кстати, чтобы отправить его к праотцам. Ай-й-йа!

С радостным видом он раскланивался и махал рукой прохожим. Его хорошо знали и очень жалели, уважали как тайпэна «Благородного Дома» и ещё больше завидовали как будущему обожаемому супругу всеобщей любимицы Поселения.

Солнце прорвалось сквозь пелену облаков, словно в ответ на его настроение, и море заискрилось и заиграло в его ярком свете, пока корабли флота разбирались по местам стоянки в заливе. Гребной катер сэра Уильяма продвигался к флагману, другие катера облепили пакетбот. Их собственное торговое судно «Леди Тесс», ходившее между Йокогамой, Шанхаем, Гонконгом, потом всеми крупными портами до самого Лондона и назад, было готово к выходу в море: сегодня вечером оно отправлялось в плавание.

Его капитан подошел бы, подумал он. Лавидарк Смит, большой и шумный, служит в компании много лет, как и большинство наших капитанов, вот только его я никогда особенно не любил. По мне бы лучше старый дядюшка Шили поженил и благословил нас. Жаль, что я не знал того, что знаю сейчас, когда он был здесь. Ну да ладно. Йосс! Я все равно не могу держать Лавидарка здесь, а даже и завтра ещё ничего не получится, сначала необходимо уладить дело с Норбертом.

Как насчет Винсента Стронгбоу, капитана «Гарцующего Облака»? Корабль прибывает в воскресенье и отправляется назад в Гонконг в среду. У меня будет довольно времени, чтобы убить Норберта и проскользнуть на борт до того, как сэр Уильям меня хватится. Здесь мне задерживаться нельзя, гораздо безопаснее быть в Гонконге, где мы — реальная сила, а

Анжелика... моя жена к тому времени... она сможет приехать ко мне через две-три недели.

Итак, все решено. И Небесный Наш снова прав: я должен быть очень осторожен, никому ни слова, даже Эйнджел, до самого последнего момента. Ему я могу верить, он поклялся хранить тайну, и его гонорар будет растянут на весь год, чтобы гарантировать его преданность. Ай-й-йа, пять тысяч! Ладно, бог с ними, он дал мне ответ, он действительно нашел его! Хвала Создателю!

Ещё одно решение: я намерен сократить дозу лекарства, даже попробовать совсем от него отказаться. Это мой долг перед Эйнджел — поправиться и быть сильным без всяких хитростей и подпорок. И быть здоровым, чтобы возглавить «Благородный Дом». С Анжеликой рядом я смогу...

Протрусившие мимо лошади оторвали его от грез. Он помахал всадникам и тут увидел, что стоит неподалеку от церкви; солнце золотило её шпиль, запах моря, лошадей, земли и жизни щекотал ему ноздри. В тот же миг душу его переполнило чувство признательности, и он направился туда, чтобы вознести благодарственную молитву, как вдруг заметил паровой катер, державший курс на причал компании. Джейми сидел на корме, с головой уйдя в газету, и это напомнило ему о почте. Он свернул с дороги и оказался у края причала как раз перед тем, как туда подошел катер.

— Джейми! — окликнул он, стараясь перекричать шум двигателя, и помахал рукой, когда катер начал медленно продвигаться вдоль свай причала, покрытых толстым слоем водорослей и ракушек. Он увидел, как Джейми прищурился против ветра, потом махнул рукой в ответ. Одного взгляда на его лицо было достаточно. — Я поднимусь на борт.

Он неуклюже ступил на палубу. Идти по наклонной поверхности, опираясь на две трости, было трудно, но он добрался до кормы и позволил Джейми подхватить его под руку и помочь спуститься на три ступеньки в каюту. Кювета была просторной, и здесь их никто не мог слышать. Вокруг морского стола стояли скамьи с запирающимися ящиками под ними. На столе аккуратными пачками была разложена почта: письма, газеты, журналы и книги — все отдельно. Сверху предназначенной для него пачки он сразу увидел письмо матери, её почерк нельзя было не узнать. Ещё одно её письмо, адресованное Джейми, уже лежало открытым на столе.

— Я, я рад вас видеть, тайпэн.

— Что там такое на этот раз?

— Вот мое письмо, прочтите сами.

Довожу до вашего сведения, что мой сын не может жениться, пока не достигнет совершеннолетия, ни при каких обстоятельствах. Я уже проинформировала преподобного Майклмасса Твита, сэра Уильяма (с этой почтой) и сделала осторожное заявление в «Ориентл таймс» от сего дня (прилагается). Также все наши капитаны всех наших кораблей, заходящих в ваши воды, получили соответствующее уведомление и приказ распространять далее эту информацию. Я также написала адмиралу Кеттереру (с этой почтой) на тот случай, если его будет искушать капитанская церемония. То, что мой сын станет делать после своего двадцать первого дня рождения, безусловно, его личное дело. До того же времени, как перед Богом, я буду защищать интересы его и наши в полную меру своих сил.

Воздух с шумом вырвался из груди Малкольма, и кровь отхлынула от лица. Он разорвал конверт своего письма. Оно почти в точности повторяло предыдущее, за исключением того, что было личным, начиналось Мой дражайший сын и заканчивалось:

Поверь, все это делается ради твоего собственного блага, мой сын. Мне жаль это говорить, но девушка из скверной семьи — до нас дошли слухи, что власти французского Индокитая сейчас преследуют её отца за подлог, и ты уже знаешь, что её дядя сидит в долговой тюрьме в Париже. Если она тебе необходима, сделай её любовницей, хоть я и очень не одобряю этого, но ты лишь наживешь себе ещё большие неприятности, в этом я уверена. Я, разумеется, никогда её не приму.

Надеюсь, я буду иметь удовольствие видеть тебя до Рождества, когда эта печальная история будет уже позади. Я бы написала тебе о подлых Броках, но это следует улаживать здесь, а не в Йокогаме. Твоя любящая мать.

Слова «P.S. Я люблю тебя» стояли в конце, значит, никакого тайного послания не было.

Он медленно разорвал письмо на мелкие кусочки. То, что он настолько хорошо владел собой, доставило ему удовольствие, но не погасило в нем бешенства от того, что она объявила ему шах и мат.

— Эта женщина, — пробормотал он, не подозревая, что говорит

вслух, — эта женщина ведьма... ведьма, порожденная дьяволом, колдунья, как она могла знать...

Макфей смотрел и ждал, глубоко озабоченный. Когда к нему вернулась способность рассуждать, Малкольм спросил:

— Что в газете?

Заметка была короткой:

Миссис Тесс Струан, исполняющая ныне обязанности главы торгового дома «Струан и К^о», объявила сегодня, что «Благородный Дом» проведет большое празднество по случаю исполнения её старшему сыну Малкольму двадцати одного года и его официального назначения тайпэном 21 мая будущего года.

— Что ж, Джейми, — произнес он с горькой улыбкой. — Не много осталось такого, что бы она ещё могла сделать, дабы подорвать мой авторитет, а?

— Да уж, — ответил Джейми, всем сердцем сочувствуя ему. Малкольм видел корабли и горизонт, а за ним — Гонконг, и Пик, и всех своих друзей, и врагов. Теперь она стояла первой в этом списке.

— По-своему это забавно. Несколько мгновений назад я летел на гребне волны... — Тусклым голосом он поведал Джейми о своей великой идее, об отказе Твита и все о замечательном плане Небесного Нашего. — Теперь это хлам.

Джейми был потрясен так же, как и Малкольм. Он словно никак не мог заставить свой мозг работать.

— Может быть, может быть, Твита ещё можно уговорить. Может быть, подношение церкви...

— Он отклонил его. Как и отец Лео.

— Господи Иисусе, ты и его просил?

Малкольм рассказал ему об этой встрече, поразив Джейми ещё больше.

— Боже всемогущий, тайпэн, если вы так настроены на это, что решились на такое... может быть... мы найдем другого капитана.

— Надежды на это немного, Джейми. В любом случае Небесный Наш подчеркнул, чтобы я хранил все в тайне до самого конца, в особенности от сэра Уильяма, который имеет право запретить венчание, поскольку Анжелика и я несовершеннолетние. А если она официально известила его, ему придется рассказать обо всем Сератару. Она выиграла... Будь она проклята!

Он опять устремил взгляд за горизонт. В прошлом, когда случилось большое несчастье, когда, например, утонули близнецы — хотя она никогда не говорила этого прямо, ему всегда казалось, что она винит в этом его, что, если бы он каким-то образом был там, трагедии бы не произошло, — он чувствовал, что к глазам подступают слезы, как сейчас, но прогонял их назад, и от этого боль становилась сильнее, а ощущение, что он задыхается, ещё ужаснее. Он поступал так потому, что «тайпэн никогда не плачет». Она постоянно вбивала ему это в голову. Это были её первые слова, которые он мог вспомнить: «Тайпэн никогда не плачет, он выше этого, он продолжает бороться, как Дирк, он несет свой крест». Она повторяла их снова и снова, хотя отец всегда так легко начинал плакать.

Я никогда не понимал, с каким презрением она к нему относилась.

Она никогда не плакала, я не помню ни единого раза.

Я не заплачу. Я буду нести свой крест. Я поклялся, что буду достоин называться тайпэном, и я буду достоин. Никогда больше она не будет для меня мамой. Никогда. Тесс. Да, Тесс. Я вынесу это.

Его взгляд остановился на Джейми, он чувствовал себя таким старым, таким одиноким.

— Пойдем на берег.

Джейми начал было говорить что-то, замолчал. Выражение его лица было странным. Потом он указал рукой на сиденье напротив. Там лежали ещё пакеты с почтой.

— Что это?

— Это... это почта Крошки Вилли. Бертрам, новый порученец при миссии, заболел, поэтому я сказал, что... что захвачу им их почту. — Пальцы Джейми дрожали, как и его голос. Он поднял большую пачку писем. На бечевке, перевязывавшей её крест-накрест, стояла в центре государственная печать, но, перебирая уголки, было, однако, легко найти два её письма. Сэру Уильяму и адмиралу Кеттереру. — Мы... если у нас будет немного времени и... и удачи, вы бы могли... я... мне, возможно, удалось бы вы... вытащить их.

Малкольму показалось, что волосы у него на затылке выпрямились и стали как проволока. Ограбление королевской почты каралось повешением.

Оба мужчины в смятении смотрели на связку писем, охваченные ужасом. Стены и потолок каюты вдруг стали сжиматься, мешая дышать. Малкольм не говорил ни слова и смотрел на Джейми, который тоже молчал; силы оставили обоих. Потом, приняв за него решение, Джейми дрожащими пальцами потянул за веревку, но это подействовало на Малкольма словно гальванический разряд, он принял своё решение, протянул руку, схватил пачку и остановил его.

— Нет, Джейми, ты не должен.

— Это е... единственный способ, тайпэн.

— Нет, не единственный. — Малкольм поправил бечевку, с облегчением заметив, что печать осталась целой, потом подровнял письма и положил их на другую связку; прикосновение к ним было ему отвратительно. — Так просто нельзя, — проговорил он, голос его дрожал, как и колени. Он презирал себя за слабость — была ли это слабость? — Я никогда не простил бы себе, если бы ты... если бы тебя поймали, а... а у меня просто не хватило мужества — и потом это неправильно, так нельзя.

Лицо Джейми покрывали капли пота.

— Правильно или неправильно — никто об этом не узнает. Если мы этого не сделаем, у тебя не остается ни единого шанса. Может быть, нам ещё удастся найти капитана — даже из компании Брока, они ждут корабль на следующей неделе.

Малкольм покачал головой, мысли все куда-то улетучились. Волна качнула катер, оплетенные веревкой кранцы заскрипели о причал. С усилием он заставил себя сосредоточиться. Все свою жизнь, оказываясь в трудных обстоятельствах, он всегда спрашивал себя, что сделал бы Дирк Струан, тайпэн — но никогда не находил настоящего ответа.

Он долго молчал, потом произнес устало:

— Как бы он поступил, Джейми? Дирк Струан?

В памяти Джейми тотчас же возник этот великан, которому сам чёрт был не брат, он видел его несколько раз и несколько раз был недолго в его компании — сам Джейми такой молодой и только что приехал.

— Он бы... — Он замолчал на секунду, потом губы начали складываться в улыбку. — Он... Дирк бы... да, именно. Я думаю, он бы отправил нас и боцмана на берег и один вывел бы катер в море «проверить его, потому что что-то, мне кажется, с ним не в порядке», а потом... потом,

уже далеко от берега и на глубокой воде, он с полным спокойствием открыл бы кингстоны, и, пока трюм наполняется водой, он убедился бы, что к этой пачке привязан добрый груз и она уже не всплывет, потом прошел бы на корму, закурил сигару и подождал бы, пока катер не пойдет ко дну, потом вплавь добрался бы до берега. Изымал ли он какие-нибудь из этих писем? «Да как тебе такое в голову могло прийти, парень». — Улыбка Джейми стала ангельской. — Почему бы нет?

До Токайдо Малкольм был отличным пловцом. Теперь он знал, что пойдет ко дну, как чугунный якорь.

— Мне ни за что не добраться до берега.

— Я бы мог это сделать, тайпэн, запросто.

— Да, но это не твоя проблема, Джейми, да даже если бы я это и сделал, я выиграл бы лишь неделю или около того, а мне нужно больше. Йосс. Королевскую почту трогать мы не имеем права. Давай забудем, что это случилось. А? — Он протянул руку. — Ты настоящий друг, лучшего у меня никогда не было. Извини, что я был с тобой так груб.

Джейми с теплотой пожал протянутую руку.

— Да что ты, я заслужил все, что ты мне тогда высказал. Только на пользу пошло. Тайпэн... пожалуйста, это было бы так легко.

— Спасибо, но нет. — В тысячный раз Малкольм понял, что он не Дирк Струан и никогда не сможет поступать так, как поступал тайпэн: в данном случае не стесняясь вытащил бы письма или утопил их. До Токайдо я, возможно, ещё бы осмелился, но сейчас... сейчас все было в пятьдесят раз хуже. Токайдо, всегда Токайдо, подумал он, это слово как клеймо впечаталось в его мозг. Ему хотелось кричать от отчаяния. — Я сам должен с этим справиться, один.

Он проковылял к берегу и отправился к себе. Маленькая бутылочка была полной, но он не выпил ни капли и твердой рукой убрал её назад в ящик. Морщась от боли, он подтянул кресло ближе к окну и с облегчением опустился в него.

Я выиграю эту битву, подумал он. Прошу тебя, Господи, помоги мне. Я не знаю как, но Анжелика станет моей, я превозмогу боль, опиум, Токайдо, Тесс и выйду победителем...

Сон его был спокойным и глубоким. Когда он проснулся, рядом сидела Анжелика и улыбалась ему.

— Добрый день, дорогой мой, ну и славно же ты поспал. Уже почти пора переодеваться к ужину! — Глаза её сверкали. Она подошла к нему, поцеловала и опустилась на колени рядом с креслом. — Как ты себя чувствуешь?

— Я всегда так счастлив, когда вижу тебя. — Голос его был наполнен любовью, но не скрыл до конца его внутренней тревоги.

Это придало ей решимости. Было важно вывести его из обычной для него серьезности, он должен веселиться на сегодняшнем вечере, который, как он обещал, будет праздником.

— У меня для тебя сюрприз, — сказала она с озорным видом.

— Что?

Она поднялась на ноги и закружилась, словно в танце, шурша дневным платьем. Вдруг она хохотнула и крикнула: «Смотри!» и подняла подол и нижние юбки, показав длинные точеные ноги в шелковых чулках, игривые подвязки под коленями, пояс для чулок и трусики с многочисленными оборками. Он ожидал увидеть традиционные, все скрывающие панталоны. От вида её у него захватило дух.

— Господь милостивый и всемогущий... — пробормотал он.

— Это для твоего удовольствия и только, мой дорогой, — сказала она, розовея от собственной смелости и хохоча над его покрасневшим лицом, потом с кокетливой улыбкой на мгновение подняла юбки над головой, так же внезапно уронила их и встала, обмахиваясь веером. — Это последняя мода, больше никаких панталон! — чуть задыхаясь, объявила она. — С панталонами покончено. Репортер в «Фигаро» пишет, что теперь некоторые из самых знаменитых дам Парижа даже трусики не надевают в оперу — в особых случаях, — чтобы доставить тайное удовольствие своим возлюбленным.

— И думать не смей, — грозно проговорил он, хохоча вместе с ней, захваченный её безудержной радостью. Он поймал её за руку и усадил к себе на колени. — Одна мысль об этом свела бы меня с ума.

Она уткнулась лицом в его плечо, довольная тем, что её план удался.

— Пожалуй, я стану шептать тебе на ухо за обедом, иногда, или во время танца, что забыла их надеть, просто чтобы подразнить моего сказочного принца, но лишь когда мы будем женаты и только ради шутки. Ты ведь не возражаешь, *chéri*, нет — против этой новой моды, без панталон?

— Ну конечно нет, — ответил он со светской улыбкой, в душе думая иначе. — Если это модно, значит, это модно.

— Ты говорил, что сегодняшний ужин должен стать праздником?

Тяжесть опять легла ему на сердце.

— Да-да, должен был. Но... наберись терпения, Анжелика. Через несколько дней я смогу открыть тебе истинную причину — просто мне нужно подождать немного. А пока знай, что я люблю тебя, люблю тебя,

люблю тебя...

К вечеру погода испортилась, но это не подмочило настроения гостей Малкольма. Главная столовая фактории Струанов была построена специально для таких торжеств, и в сравнении с ней любые другие подобные помещения в Поселении, исключая разве что клуб, выглядели тесными каморками. Сверкающее серебро, хрустальные бокалы, тончайший пекинский фарфор, более тридцати гостей в вечерних платьях или парадных мундирах. Хоуг не принял приглашения, у него был жар.

Ужин по обыкновению был непомерным и в конце концов закончился. Сейчас, под одобрительный гул, длинный стол отодвинули к стене — случай редкий, но почти обязательный, когда присутствовала Анжелика: всем гостям хотелось танцевать с ней. Кроме Джейми, но только в этот вечер. По предварительной договоренности с Малкольмом Джейми незаметно удалился, пока все сустились, переставляя стол:

— Извини, но мне что-то не особенно хочется танцевать, я тихонько выскользну, тайпэн.

— Мы оба поклялись забыть на сегодня о катере.

— Дело не в этом, просто хочу собраться с мыслями.

Сегодня Анжелика была единственной леди на вечере, постоянно сменяя кавалеров, она кружилась в волнующих кровь ритмах вальсов и полек, исполняемых Андре Посеном на рояле, который под гром аплодисментов был доставлен сюда весной. По заведенному обычаю она танцевала один танец с каждым гостем, после каждого четырех танцев могла отдохнуть и могла перестать танцевать в любой момент по своему желанию. Её лицо лучилось, она была в новом платье из красного и зеленого шелка, но её кринолин был меньше обычного, что подчеркивало её осиную талию и высокую грудь. Вырез платья едва прикрывал соски, как того требовала парижская мода; отсутствовавшие священники в голос осуждали подобное бесстыдство, зато каждый мужчина в зале пожирал её глазами.

— Довольно, *mes amis*,^[31] — сказала она по истечении часа под стоны и мольбы тех, кто ещё не получил своего танца, и вернулась к Малкольму, обмахиваясь веером, разгоряченная и возбужденная.

Он сидел в огромном кресле резного дуба во главе стола, размякший от вина и бренди.

Она присела на подлокотник кресла. Его рука легко обвила её талию, её — легла ему на плечи.

— Ты танцуешь божественно, Эйнджел.

— Ни один из них не сравнится с тобой, — прошептала она. — Это было первое, что привлекло меня в тебе, и, мой сказочный принц...

Радостные крики прервали её. К её смущению и досаде, пальцы Андре медленно и соблазнительно начали первые аккорды канкана. По-настоящему раздраженная, Анжелика мотнула головой и не тронулась с места.

К её удивлению и под восторженный рев гостей, в центр круга вышли Паллидар и Марлоу. Поверх их мундиров были повязаны полотенца на манер дамских юбок. Заводная музыка набирала темп, и оба начали уморительно смешно пародировать этот танец, ставший скандалом всего цивилизованного мира, не считая Парижа, все быстрее и быстрее, задирая импровизированные юбки все выше и выше, выбрасывая ноги под несмолкающие крики захлебывавшихся от веселья зрителей, кулаками отбивавших ритм по своим столам, пока оба отважных офицера, с красными лицами, вспотевшие в тесных мундирах, не попробовали сесть на шпагат и не повалились кучей среди бури восторга, криков «анкор, анкор» и оглушительных рукоплесканий.

Хохоча вместе со всеми, Малкольм милостиво отпустил её, и она подошла к танцорам, помогла им подняться, поздравляя их и благодаря за доставленное удовольствие.

Паллидар, часто дыша, изобразил мучительный стон.

— Кажется, моя спина уже навсегда вышла из строя.

— Шампанского для армии и рома для флота! — выкликнула она, взяла обоих под руку и подвела к Малкольму, чтобы он тоже похвалил их. Она улыбнулась ему. — Канкан не для меня, а, дорогой?

— О, это было бы слишком.

— Готов поручиться, — сказал Марлоу.

— Да уж, — кивнул Малкольм, приятно возбужденный, деля с ней улыбку, значение которой было понятно им одним.

— Замечательная идея, Андре! — Филип Тайрер улыбался ему, стоя у рояля. — Сеттри сказал, что вы подготовили все это вместе с ними.

Андре знаком подозвал его поближе.

— Послушайте, я могу сказать вам, как с этим справиться: не ходите к ней сегодня, даже хотя у вас и назначено свидание на вечер. — Он едва не рассмеялся вслух, увидев, как у Тайрера отвисла челюсть. — Сколько раз я вам говорил, что здесь почти не бывает секретов. Может быть, я смогу помочь... если вам нужна помощь.

— О да, да, нужна, пожалуйста, прошу вас.

— Если только вы не хотите, чтобы вас довели до сумасшествия и чтобы Фудзико досталась вам за астрономическую сумму — из вас все равно выжмут больше, чем она стоит, Филип, но вы не переживайте, будет нечестно, если вас обдерут как липку, и это вопрос лица. Не обсуждайте этот план с Накамой и повторяйте отказ изо дня в день по крайней мере неделю.

— Боже, Андре, неделю?

— Три было бы лучше, дружище. — Андре забавляло несчастное выражение на лице Тайрера. — Это не только сэкономит вам огромные деньги, но и избавит вас от целого океана осложнений. Очень важно, чтобы вы вели себя так, будто вам решительно наплевать на все это, будто вас окончательно рассердили все эти задержки, назначенные и несостоявшиеся свидания и безумная цена, которую запросила Райко, особенно когда вы такой большой и важный чиновник! Хорошо бы раз или два указать на это Накаме. Но не больше, он сообразительный парень, нет?

— Да, весьма, и очень много знает.

— Потом, — тихо продолжал он, — Райко раз десять попросит меня поговорить с вами и устроить вашу с ней встречу. Через неделю я с неохотой соглашусь. Не делайте этого через Накаму, вообще не посвящайте его в нашу игру и, когда встретитесь с Райко, держитесь жестко, и с Фудзико тоже. Вы должны быть очень убедительны, Филип.

— Но...

— Скажите Райко, что она была права, заботясь в первую очередь об интересах своего клиента, ваших интересах, особенно учитывая, какой вы большой человек и важный чиновник, почаще упирайте на это, и предоставив вам время тщательно все обдумать. Вы совершенно с ней согласны, лучше не спешить, покупка контракта этой женщины сейчас — не очень хорошая идея. Употребите именно это сочетание, не называйте Фудзико по имени, не забывайте, что с их точки зрения на этой стадии вы обсуждаете лишь приобретение вещи, а вовсе не даму сердца, которую вы обожаете. Выразите признательность Райко и скажите, что благодаря ей вы одумались и считаете теперь, что покупать контракт было бы ошибкой. Вы просто будете платить за услуги «этой женщины» время от времени, а если «эта женщина» окажется занятой, сигата га най — это не имеет значения, — жизнь слишком коротка и так далее.

Андре вздрогнул всем телом. Эта западня была ему слишком хорошо знакома. Он сам в неё попался. Райко выжала из него гораздо больше, чем позволяло его собственное финансовое положение. Нет, это не так, раздраженно одернул он себя. Можешь как угодно вертеть правдой и лгать

перед другими, но не делай этого перед самим собой, перед истинным собой, или тебе конец. Правда заключается в том, что я с безоглядной радостью согласился отдать все, что имел, и даже больше. Семнадцать дней назад.

В тот миг, когда Райко впервые представила меня этой девушке...

В тот миг, когда я увидел её, с алебастровой кожей, волосами цвета воронова крыла и манящими глазами, я понял, что отдам Райко свою душу и войду во врата ада, чтобы обладать ею. Я, Андре Понсен, слуга Франции, магистр шпионажа, убийца, знаток всех мерзостей человеческой природы, я, великий циник, в одно мгновение влюбился без памяти. Безумие! Но это так.

Едва лишь девушка вышла из комнаты, я, беспомощный и онемевший, с трудом произнес:

— Райко, пожалуйста. Сколько ни просить, я заплачу.

— Прошу прощения, Фурансу-сан, это дело будет стоить больших денег, чем я могу выговорить, даже если она согласится быть с вами — она ещё не дала согласия.

— Какие бы ни были деньги, я заплачу. Пожалуйста, спросите. Спросите, согласна ли.

— Конечно. Пожалуйста, приходите завтра, к вечеру.

— Нет. Пожалуйста. Сейчас спрашивать — спросите сейчас, я ждать.

Ему пришлось ждать почти два часа. И все это время он изнывал от тревоги, молился, надеялся, умирал, воскресал и умирал снова. Когда Райко возвратилась и он увидел её строгое лицо, он начал умирать ещё раз, но метнулся к жизни, услышав:

— Её зовут Хинодэ, что означает Восход Солнца. Ей двадцать два года, и она говорит «да», но есть условия. Помимо денег.

— Все, что хочет Хинодэ.

— Вам лучше сначала выслушать. — Он никогда не видел Райко такой серьезной. — Хинодэ говорит, что она будет вашей супругой, не куртизанкой, год и один день. Если в этот последний день она решит остаться с вами, она отдаст вам свой иноти, свой дух, и будет с вами ещё один год, и ещё, год за годом, пока не решит оставить вас или пока не наскучит вам. Если она захочет уйти, вы поклянетесь, что отпустите её, не препятствуя.

— Согласен. Когда начинать?

— Подождите, Фурансу-сан, я ещё многого не сказала. В вашем доме не будет никаких зеркал, и вы не станете их туда приносить, ни одного. Когда она будет снимать одежды, в комнате всегда будет темно — за

исключением одного только раза, первого. Только один раз, Фурансу-сан, вам можно будет увидеть её. Далее, как только появится любой... любой обезображивающий знак, или когда бы она ни попросила вас об этом, вы без колебания поклонитесь ей и благословите её, и будете её свидетелем, и подадите ей чашу с ядом или нож, и будете смотреть и ждать, пока она не умрет, чтобы почтить её жертву.

Его разум взбунтовался.

— Умрет?

— Она сказала, что предпочла бы нож, но не знает, что выберет гайдзин.

Когда способность трезво мыслить вернулась к нему, он спросил:

— Я... я судить, какой... какой знак обезображивающий, какой нет?

Райко пожала плечами.

— Вы или она, это не имеет значения. Если она решит попросить об этом, вы должны сдержать своё обещание. Все это будет записано в контракте. Вы согласны?

После того как он просеял это через своё сознание, весь этот ужас, и принял его, он сказал:

— Значит, болезнь её ранняя, знаков ещё нет?

Глаза Райко смотрели неумолимо, голос прозвучал так тихо, с такой ужасающей непреложностью, неподвижная тишина, разлившаяся по комнате, казалась бесконечной.

— У Хинодэ нет болезни, Фурансу-сан, ни одной. Она вся без единого изъяна.

Его голова словно взорвалась. Слова «она вся без единого изъяна» эхом отозвались где-то высоко в небе его сознания, перемешавшись с внутренним всепронизывающим воплем: «Но ты-то нечист!»

— Почему? Почему соглашаться? Почему? Почему она... она знает, знает мою скверну. Да?

Прислужница, ждавшая на веранде снаружи, отодвинула сёдзи, испуганная его ревом. Райко махнула ей рукой, и она послушно задвинула её снова. Райко пригубила sake из своей чашечки.

— Разумеется, она знает, Фурансу-сан. Прошу простить меня.

Он вытер слюну, скопившуюся в уголках рта.

— Тогда почему... соглашаться? Опять эта отчужденность.

— Хинодэ не сказала мне, прошу прощения. Одно из условий моего соглашения с ней заключается в том, что я не стану испытывать у неё причину, как это будет частью и вашего с ней соглашения. Мы не должны заставлять её, она говорит, что сама выберет время и скажет. — Райко

тяжело выдохнула. — Прошу прощения, но вы должны принять это как часть контракта. Это последнее условие.

— Согласен. Пожалуйста, составьте контракт...

После мучительной вечности — всего нескольких дней — контракт был подписан и скреплен печатью, и он вошёл к Хинодэ, он — Нечистый, был с ней — Чистой, во всей её славе, и завтра он снова...

Андре едва не выпрыгнул из себя, когда чья-то рука потрясла его за плечо и он вновь очутился в большой гостиной Струана. Это был Филип.

— Андре, с вами все в порядке?

— Что? А, да... да... — Сердце Андре гулко стучало, от холодного пота по спине пробегали мурашки, в памяти горели «без единого изъяна» и «первый раз» и жил страх перед завтрашним днём. — Извините, я... это кошка прошлась по моей могиле. — Как-то сразу стены и потолок надвинулись на него, и он почувствовал, что ему необходимо вырваться на свежий воздух. Он поднялся на ноги, слепо двинулся вперед, бормоча: — Попросите... попросите Анри поиграть, я... я чувствую себя не... извините, мне нужно уйти...

— Великолепный вечер, Малкольм, — произнес сэр Уильям, подходя к нему и подавляя зевок. — Мне пора ложиться.

— Ещё глоток бренди? — Малкольм сидел у камина; огонь погас, и только угли тлели, распространяя мягкое тепло.

— Нет, спасибо, у меня в горле уже у самых зубов плещется. Дивная леди, Малкольм, столько обаяния.

— Да, — с гордостью согласился он, разомлевший от вина и нескольких бренди, которые приглушили боль и успокоили его лихорадочную тревогу за будущее. Правда, не так сильно, как лекарство, подумал он. Ну да ладно, это уже начало.

— Что ж, доброй ночи. — Сэр Уильям потянулся. — О кстати, — безмятежно заметил он, — вы не могли бы заглянуть ко мне завтра, в любое время, когда вам будет удобно.

Малкольм резко вскинул глаза, при мысли о письме матери в желудке вмиг намерзла ледяная глыба.

— Часов в одиннадцать?

— Отлично, в любое время. Если захотите прийти раньше или позже, приходите.

— Нет, в одиннадцать. А по какому поводу, сэр Уильям?

— Ничего спешного и срочного, дело может подождать.

— По какому поводу, сэр Уильям? — Он увидел жалость в изучающих

его глазах, может быть, сочувствие. Его тревога возросла. — Речь пойдет о письме моей матери, не так ли, она сообщила, что написала вам с сегодняшней почтой.

— Да, но лишь отчасти. Меня предупредили, чтобы я ожидал его. На первом месте стоял Норберт, он ведь вернулся. Я надеюсь, вы оба выбросили из головы эту чепуху с дуэлью.

— Разумеется.

Сэр Уильям недоверчиво хмыкнул, но оставил пока этот разговор. В конце концов, он мог лишь предупредить обе стороны, а потом, если они ослушаются его, прибегнуть к силе закона.

— Вы оба предупреждены.

— Благодарю вас. А на втором?

— Меня официально известили о плане правительства объявить всякую торговлю опиумом британскими подданными вне закона, запретить перевоз опиума на любых британских кораблях, уничтожить наши плантации опиума в Бенгалии и начать выращивать там чай. Поскольку вы возглавляли делегацию, обратившуюся ко мне с вопросами и жалобами по поводу этих слухов, я хотел, чтобы вы узнали об этом первым.

— Это разрушит нашу торговлю в Азии, нашу торговлю с Китаем и совершенно расстроит британскую экономику.

— На первых порах это, безусловно, создаст серьезные трудности для казначейства, но это единственный моральный путь. Давно следовало сделать это. Конечно, я понимаю этот неразрешимый треугольник серебро-опиум-чай и представляю, какой хаос создаст в казначействе потеря дохода. — Сэр Уильям высморкался, уже уставший от этой проблемы, которая долгие годы тяжким бременем лежала на Министерстве иностранных дел и мешала работать. — Я, кажется, подхватил простуду. Предлагаю вам созвать на следующей неделе совещание и обсудить, как мы можем свести панику и неразбериху к минимуму.

— Я займусь этим.

— Выращивать свой собственный чай — хорошая идея, Малкольм, — сказал сэр Уильям. — Замечательная идея! Вам, возможно, будет интересно узнать, что чай на первых пробных чайных плантациях в Бенгалии был выращен из семян, тайно вывезенных из Китая и доставленных в ботанический сад Кью-Гарденз самим сэром Уильямом Лонгстаффом, губернатором Гонконга при жизни вашего дедушки, когда он вернулся домой.

— Да, я знаю, мы даже пробовали этот чай. Он черный и горький и по тонкости вкуса не сравнится не то что с китайским, но даже и с

японским, — нетерпеливо заметил Малкольм. Чай-то уж точно может подождать до завтра. — Что ещё?

— Последнее, письмо вашей матери. — Сэр Уильям добавил более официальным тоном: — Политика правительства Её Величества или её чиновников заключается в том, чтобы не вмешиваться в личные дела её подданных. Однако ваша мать указывает, что вы являетесь младшим членом семьи, она — ваш единственный родитель и законный опекун. Я обязан не разрешать никаких браков без одобрения законного опекуна, в данном случае с обеих сторон. Простите, но таков закон.

— Законы можно трактовать по-разному, в этом их суть.

— Некоторые законы, Малкольм, — с добротой произнес сэр Уильям. — Послушайте, я не знаю, что за проблема существует между вами и вашей матушкой, да и не хочу знать, — она, однако, привлекла мое внимание к некой статье в «Таймс», которую можно прочесть по-разному, и не всегда в хорошем смысле. Когда вы вернетесь в Гонконг, я уверен, вы сможете убедить её, да и в любом случае в мае вы станете совершеннолетним, а до мая не так уж и далеко.

— Неверно, сэр Уильям, — ответил он, вспомнив тот же совет Гордона Чена — совет людей, которые не знали, что такое любовь, подумал он без всякой злобы, просто жалея их. — До него миллион лет.

— Что ж, раз так, то так. Я уверен, все сложится хорошо для вас обоих. Анри придерживается того же мнения.

— Вы обсуждали это с ним?

— Частным образом, разумеется. Французский консул в Гонконге... э... знает об Анжелике и её нежных чувствах к вам, о вашей взаимной привязанности. Она удивительная девушка и из неё получится замечательная жена, несмотря на все проблемы с её отцом.

Малкольм покраснел.

— Вы знаете и о нем тоже?

Морщины на лице сэра Уильяма стали глубже.

— Французские чиновники в Сиаме крайне обеспокоены, — осторожно сказал он. — Естественно, они проинформировали Анри, который, как и следовало, поставил в известность меня и попросил нашего содействия. Извините, но мы формально заинтересованы в этом деле. Вы должны хорошо представлять себе, что, по сути, все, касающееся «Благородного Дома», представляет для нас интерес. Цена славы, а? — печально добавил он, потому что Малкольм ему нравился и он сожалел о том, что произошло на Токайдо, считая это варварством.

— Если... если вы узнаете что-нибудь, я был бы благодарен, услышав

об этом первым, частным образом, сразу же, как... как только возможно.

— Хорошо, я могу держать вас в курсе. Частным образом.

Малкольм потянулся за бутылкой коньяка.

— Вы уверены, что не хотите глоточек?

— Нет, благодарю.

— Есть ли ответ на мои затруднения?

— Я уже дал его вам. — Сэр Уильям заставил свой голос звучать сухо и официально, чтобы скрыть внезапную волну раздражения. Словно несколько месяцев действительно что-то значили. — Ваш день рождения скоро наступит, а до Гонконга всего восемь-девять дней пути. Разумеется, я буду рад вас видеть завтра в одиннадцать или в любое другое время, но это все, о чем я хотел поболтать с вами. Спокойной ночи, Малкольм, и ещё раз спасибо за вечер.

Минула полночь. Малкольм и Анжелика замерли в страстном поцелуе в коридоре, куда выходили их примыкающие друг к другу апартаменты. Коридор был темным, горело лишь несколько ночных ламп. Она пыталась сдерживаться, но он доставлял ей удовольствие, с каждым днём все большее, его жар согревал её сильнее, чем вчера, — сегодня его желание, и её тоже, едва не задушило их.

— *Je t'aime*,^[32] — прошептала она, прошептала искренне.

— *Je t'aime aussi*,^[33] Эйнджел.

Она снова поцеловала его, ища и исследуя, потом вновь, пошатываясь, отступила от опасного края, прижалась к нему и осталась так стоять, пока дыхание её не успокоилось.

— *Je t'aime*, и это был такой чудный вечер.

— Ты была как шампанское.

Она поцеловала его в ухо, обнимая за шею обеими руками. До Токайдо ей бы пришлось встать для этого на цыпочки. Она не обратила на это внимания, хотя он заметил.

— Мне так жаль, что мы спим отдельно.

— Мне тоже. Теперь уже недолго, — ответил он. Вдруг приступ боли пронзил его, но он терпел его на секунду дольше. — Ну вот, — сказал он, глядя на неё глубоким взглядом. — Спи хорошо, дорогая моя.

Они соприкоснулись губами, потом долго шептали друг другу «доброй ночи», потом она исчезла за дверью. Щелкнула задвижка. Он взял трости и потащился в свои комнаты, счастливый и опечаленный, встревоженный и совсем беспечный. Вечер прошел с успехом, Анжелика была довольна,

гости развлеклись от души, он сдержал разочарование от крушения своего плана, и он сохранил лицо в этой истории с почтой, не позволив Джейми принять решение за него.

Мое решение было правильным, подумал он, хотя решение Дирка было бы лучше. Ладно, им я никогда не смогу быть, но он мертв, а я жив, и Небесный Наш обещал найти решение для проблемы её писем и нового поворота моего йосса. «Ответ должен найтись, тайпэн, — сказал он, — обязательно должен. Я придумаю что-нибудь до того, как отправлюсь в Гонконг; то доказательство вам понадобится в любом случае».

Его взгляд обратился к двери, соединяющей их спальни. Ночью по обоюдному согласию она постоянно была на запоре. Я не стану думать об Анжелике, о задвижке и о том, что она сейчас одна. Как и о постигшей меня неудаче с нашим браком. Я поторопился с этим обещанием, и я сдержу его. Завтрашний день позаботится о себе самом.

Обычные полграфина вина стояли на прикроватном столике вместе с фруктами — манго из Нагасаки, — английским сыром, холодным чаем, который он всегда пил вместо воды, стаканом и маленькой бутылочкой. Кровать была разобрана, сверху лежала его ночная рубашка. Дверь распахнулась.

— Хеллой, тайпэн.

Это был Чен, его Бой Номер Один, со своей широкой зубастой улыбкой, которая всегда ему нравилась, — Чен ухаживал за ним с незапамятных времен, столько же, сколько А Ток была его амой; и тот и другая были абсолютно преданы, бескомпромиссно ревнивы и всегда на ножах друг с другом. Китаец был приземист и очень силен. На спине лежала роскошная косичка, тщательно умощенная и заплетенная. На круглом лице застыла постоянная улыбка, хотя глаза улыбались не всегда.

— Твой пир был достоин императора Куна.

— Ай-й-йа, — тут же с досадой отмахнулся Малкольм, поняв намек старика. — Пусть великая небесная корова помочится на твоих детей и детей их детей. Займись лучше работой, и держи своё мнение при себе, и не старайся вести себя так, словно ты родился под знаком Обезьяны. — Это был знак зодиака, отмечавший умных людей.

Пустой комплимент Чена, как и большинство китайских фраз, имел двойной смысл: император Кун, правивший Китаем почти четыре тысячелетия назад, прославился тремя вещами: эпикурейскими вкусами, щедрыми пирами, которые он устраивал, и своей «книгой».

В те времена книг как таковых не существовало, только свитки. Император заполнил один свиток подробным исследованием, первая в

истории человечества «книга о постели», ставшим первоисточником для всех остальных, которые по определению касались соединений мужчины с женщиной и содержали все связанные с ними возможности и опасности, советы, как продлить момент высшего наслаждения, названия различных поз с их мельчайшими деталями, описания приспособлений, лекарств, техники — глубокие толчки и мелкие, — советы, как подобрать идеального партнера. Среди прочих мудростей книга говорила:

...воистину, мужчине, чей Одноглазый Монах имел несчастье уродиться маленьким, не следует вступать в поединок с Нефритовыми Вратами, подобными Вратам кобылы.

Да запомнят на все времена, боги положили так, что эти части, хотя и кажутся глазу одинаковыми, никогда таковыми не бывают, но имеют меж собой великие различия. Должно соблюдать крайнюю осторожность, дабы избежать ловушки, уготованной богами, которые, наградив мужчину средством, а также и надобностью, столь же сильной и постоянной, как у иглы, ищущей Северную Звезду, вкусить Небесной Радости на Земле — таково мгновение Облаков, Пролившихся Дождем, — в то же время для собственного развлечения расставили многие препятствия на пути Яна к Иню. Некоторых из них избежать легко, большинства — невозможно, и все они сложны. Поелику мужчина должен вкусить на Земле от Небесного Блаженства столько, сколько возможно — кто знает, поистине ли боги являются богами — тао, Путь к Лощине Восторга надлежит изучать, исследовать, разбирать с упорством большим, нежели превращение свинца в золото...

Чен суетливо заходил по комнате, обиженный, хотя и довольный познаниями господина. Он лишь исполнял свой долг, привлекая внимание к силе инь, особенно сегодня вечером, к тому, как она выставляла себя напоказ, к танцам и поцелуям, дразнящим ян господина, на каковой счет император высказывался очень определенно:

Нервничающий Ян, чей голод не утолен, в любом доме, если он принадлежит Господину, нарушит покой всех домашних, посему домочадцам следует делать все, дабы избавить мучащегося от мучений.

А наш дом в смятении, с отвращением подумал он. С А Ток ладить ещё труднее, чем всегда, А Со ворчит, что прибавилось работы и забот, повара жалуются на его пропавший аппетит, слуги стонут, что его ничто не радует, и все из-за этой, подобной корове, варварской шлюхи, которая не желает просто выполнить то, что является её обязанностью. Все слуги в доме единодушно соглашались, что у неё, должно быть, одно из тех Ненасытных Ущелий, против которых предупреждал император Кун:

Есть такие, стенки которых боги выстлали демонами, их притягательная сила настолько велика, что сводит мужчин с ума и заставляет их забывать бессмертную правду о том, что один Инь стоит другого, когда надобность велика, и что хуже, когда наконец одно такое Ущелье раскрывается, дабы принять Ян, сия Небесная Радость становится Адской Мукой, ибо утоление не наступает никогда.

— Ай-йа, тайпэн, — сказал Чен, помогая ему раздеться. — Этот человек говорил только, что ваш банкет всем понравился.

— Твой господин и повелитель в точности знает, что ты говорил. — Малкольм с трудом выбрался из рубашки. Его дядя, Гордон Чен, которым он очень дорожил, прочел ему лекцию об этом труде императора Куна, сказав, что все это и много других столь же важных сведений о ян и инь должно остаться между ними и держаться в секрете от его матери. — Ты чудовищно нахальный сукин сын, — сказал Малкольм по-английски: это была его главная защита в спорах с Ченом и А Ток. Ему, пожалуй, ни разу не удалось переспорить их на кантонском, но они буквально выходили из себя, когда он заговаривал с ними на английском. — И я знаю, что ты пытался поязвить насчет госпожи, но, клянусь Богом, тебе лучше прикусить язык.

Круглое лицо перекошилось.

— Тайпэн, — произнес Чен на своём лучшем кантонском, помогая ему улечься в кровать, — этот человек заботится в первую очередь об интересах своего господина.

— Ай-й-йа! — насмешливо фыркнул Малкольм. — Слова, слетающие с раздвоенного языка, столь же драгоценны, как заплесневевшие рыбы кости для умирающего с голоду. — Он заметил на бюро конверт, поставленный там вертикально. — Это что такое?

Чен поспешил принести его, радуясь, что перестал быть темой их разговора.

— Какой-то чужеземный дьявол приходил сегодня вечером повидать вас. Наш меняла Варгаш говорил с ним. Этот чужеземный дьявол сказал, что письмо срочное, поэтому меняла попросил этого человека поставить его здесь, на тот случай если наш светлейший господин пожелает прочесть его.

Почерк был незнакомый.

— Который из чужеземных дьяволов?

— Я не знаю, тайпэн. Что-нибудь ещё?

Малкольм покачал головой, зевнул, положил конверт на столик рядом и отпустил его. Бутылочка с лекарством манила.

— Не буду, — твердо сказал он и начал уворачивать фитиль в лампе, потом передумал и вскрыл письмо с неожиданной надеждой, что оно могло быть от Небесного Нашего или даже от отца Лео.

Дорогой мистер Струан! Позвольте мне представиться вам, Эдуард Горнт, служащий компании Ротвелла в Шанхае, уроженец Виргинии, в настоящий момент нахожусь здесь, в Йокогаме, на стажировке у мистера Норберта Грейфорта по просьбе сэра Моргана Брока.

Мистер Грейфорт обратился ко мне с просьбой быть его секундантом в том частном, хотя и весьма настоятельном вопросе дуэли, на которую вы его вызвали. Возможно, я мог бы посетить вас завтра? Устроит ли вас утро, скажем, в полдень или около этого? Имею честь быть, сэр, вашим почтительнейшим слугой, Эдуард Горнт.

Подпись была так же аккуратна, как и остальные, словно выгравированные, строки.

Вторник, 2 декабря

— Доброе утро, мистер Горнт. Позвольте представить вам мистера Макфей, главу японского отделения дома Струана. Прошу вас, располагайтесь, присаживайтесь... Джейми, вы тоже. Кофе, чай, шерри, шампанское?

— Ничего, благодарю вас, мистер Струан.

— Мистер Макфей — один из моих секундантов. Полагаю, детали должны оговариваться между секундантами. Да?

— Да, сэр. Я встретился с мистером Сывородиным, но ничего с ним не обсуждал, согласно пожеланиям мистера Грейфорта.

Оба молодых человека изучали друг друга. С первого мгновения оба испытали одно и то же странное ощущение: сильную симпатию друг к другу. Каждый думал: как это странно, когда некоторые люди нравятся тебе с первого взгляда, без какой-либо определенной причины, тогда как другие, наоборот, не нравятся, некоторые вызывают отвращение, многие просто остаются незамеченными. Впрочем, и в этом случае ни тот, ни другой не сомневались, что, как бы сильно ни разгорелась сначала их привязанность друг к другу, она ничего не изменит. Скоро — сегодня, завтра, даже через несколько минут — что-нибудь столь же быстро вернет их к нормальности, к привычной и удобной старинной вражде, которая связывает их фирмы и продлится века, и они отмахнутся от промелькнувшего между ними дружелюбия как от некоего непостижимого отклонения от нормы.

— Чем я... мы... можем быть вам полезны? — спросил Малкольм.

Улыбка Горнта была искренней; зубы у него были белые, как у Малкольма. Он был примерно такого же роста, но более легкого сложения, не так элегантно одет, волосы темные, в отличие от рыжевато-каштановых волос Струана, и глаза карие, а не голубые, как у шотландца.

— Господин Грейфорт хотел подтвердить день, оружие и так далее.

— Вам известно, что все это противозаконно, мистер Горнт, — сказал Джейми, — и что сэр Уильям официально запретил эту дуэль?

— Да, мистер Макфей.

Джейми неуютно пошевелился в кресле. Ему как никогда было противно, что он оказался замешанным в это дело, и ещё больше его беспокоило странное настроение, установившееся в комнате. Он никак не мог в нем разобраться. Вместо естественной вражды и ледяной холодности

все было больше похоже на придворную церемонию, причудливо приятную и заранее predetermined.

— Раз с этим все ясно, что у Норберта на уме?

— Сегодня вторник. Через неделю от сегодняшнего дня вас устроит?

— Я бы предпочел среду, десятое, — тут же ответил Малкольм. В предрассветные часы у него возник план. Сон бежал от него. Он сражался с драконом, который жил в маленькой бутылочке, и одержал победу, хотя борьба не прошла бесследно и утренняя доза исторгла у него глубокий вздох облегчения.

«Гарцующее Облако» прибудет в воскресенье и должно отправиться в обратный путь в среду вечером. Он тайно договорится с капитаном выйти в море сразу же, как только сумеет попасть на борт после дуэли. К тому времени он уже либо проведет Анжелику на корабль, либо организует все так, чтобы Джейми сопровождал её домой на следующем корабле, — это решение будет принято в последнюю минуту. Возможно, будет лучше всего, если Джейми приедет с Анжеликой. Он послушно выполнит одно из желаний матери, и это отчасти погасит её гнев в отношении Джейми и, будем надеяться, заставит её отменить приказ о его увольнении — он был в долгу перед Джейми и обязательно испробует все, чтобы защитить его. Если Анжелика окажется на борту, может быть, ему и удастся найти способ уговорить капитана Стронгбоу забыть о распоряжении его матери.

Вероятность невелика, подумал он, очень невелика, но с трусливым сердцем красавицы не завоеуешь, а большего я сделать не могу. Йосс.

— Я бы предпочел среду.

— Полагаю, возражений не будет, сэр. Что же до места, мы предлагаем на рассвете на Ничейной Земле между деревней и Пьяным Городом. Не на ипподроме, поскольку там слишкомлюдно: первые всадники и так далее.

Малкольм рассмеялся, сам не зная почему.

— Хороший выбор, — сказал он, прежде чем Джейми успел открыть рот. Гораздо удобнее для меня, там спокойнее, ближе к морю, гораздо проще проскользнуть на клипер с причала Пьяного Города, чем с нашего. — Мне очевидно, что вы уже много знаете о Йокогаме, а ведь вы здесь всего один день.

— Это было предложение мистера Грейфорта, но я сегодня рано утром побывал и там и там. Ничейная Земля лучше, безопаснее.

— Значит, об этом мы договорились. Мне будет трудно пройти мои десять шагов. Я предлагаю, чтобы мы сразу заняли свои позиции и по чьему-нибудь слову, вашему, если пожелаете, прицелились и выстрелили.

— Я проконсультируюсь с мистером Грейфортом.

— Что ещё?

Горнт нерешительно помолчал, потом взглянул на Джейми.

— Мы можем оговорить детали позднее, как участники придут на место дуэли, какими маршрутами, кому из врачей мы можем доверять присутствовать и так далее. И наконец, последнее...

— У меня сложилось впечатление, что вы хорошо осведомлены о правилах дуэлей, мистер Горнт, — натянуто произнес Джейми. — Вам доводилось участвовать в одной?

— В нескольких, мистер Макфей. Один раз в качестве участника и дважды секундантом, пока я учился в Ричмондском университете. — Опять эта улыбка, теплая, дружеская и искренняя. — Мы на юге очень серьезно относимся к вопросам чести, сэр.

Приятная нереальность этих вопросов и ответов и уверенность Джейми в том, что Грейфорт подставил тайпэна, несмотря на все упрямство Малкольма, заставили его потерять контроль над собой.

— Тогда вы должны знать, что Норберт был неправ, — сердито заговорил он. — Норберт из кожи лез, чтобы спровоцировать тайпэна, оскорбил его несколько раз, и нет никакого сомнения в том, что ему следует извиниться, и тогда мы сможем прекратить все эти глупости.

— Джейми! — резко остановил его Малкольм и приказал бы ему выйти, если бы не вчерашний день. Вчерашний долг был огромен и бессрочен, поэтому он обратился к нему как к настоящему другу, каким Джейми был для него: — Это не ваша забота, и мне известны ваши чувства. — Он повернулся к Горнту. — Он, знаете ли, прав, поведение Норберта было очень странным. — Горнт промолчал, Малкольм пожал плечами и улыбнулся. — Йосс. Вас это также не должно заботить, мистер Горнт. Так, значит, вы один раз были дуэлистом и дважды секундантом. Ясно, что вы победили. А ваш противник?

— Я не убил его, сэр, не пытался убить его. Я просто ранил его.

Они смотрели друг на друга, оценивая один другого.

— Тогда мы обо всем договорились, — нервно произнес Джейми.

— Да, кроме оружия. Мистер Грейфорт выбирает сабли. — Малкольм ошеломленно раскрыл рот, а Джейми побледнел.

— Мы договорились о дуэльных пистолетах, — сказал Джейми. — Договорились.

— Прошу прощения, сэр, такой договоренности не было. В качестве стороны, получившей вызов, мистер Грейфорт имеет право на выбор оружия.

— Но мы согла...

— Джейми, позвольте я сам с этим разберусь, — прервал его Малкольм, поражаясь собственной отрешенности, ожидая подвоха от Норберта. — Всегда считалось, что мы джентльмены и будем драться на пистолетах.

— Прошу прощения, но я получил иные указания, сэр. Что же до ваших слов о джентльменах, мой участник считает себя таковым и предпочитает защищать свою честь саблей, что является вполне обычным.

— Это явно невозможно.

— Мистер Грейфорт также сказал — должен признаться, я этого не одобряю, о чем ему и заявил, — он также сказал, что, если вы пожелаете, он согласится на ножи, мечи или боевые цепи.

Джейми начал было подниматься, но Малкольм остановил его.

— В моем нынешнем состоянии это невозможно. — Малкольм собрался с мыслями и твердо добавил: — Если это трюк, с помощью которого Норберт намеревается приобрести лицо, унижить меня и добиться отмены дуэли, то я плюю ему в глаза и буду продолжать плевать и впредь.

Джейми вспыхнул от этой бравады, восхищаясь и ненавидя её, потом вдруг осознал, что это может явиться идеальным предложением для обоих противников, чтобы избежать дуэли и сохранить лицо.

— Тайпэн, вам не кажется...

— Нет. Мистер Горнт, совершенно очевидно, что я не могу, в данное время, даже пользоваться саблей. Пожалуйста, попросите Норберта согласиться на пистолеты.

— Что ж, сэр, я, разумеется, попрошу. Без сомнения, первым долгом секунданта является попытаться примирить противников, и мне кажется, что в Азии довольно места для вас обоих, джентльмены. Я попрошу его.

— Мистер Горнт, — сказал Джейми, — я буду здесь. Если я могу что-то сделать, чтобы остановить это безумие, только скажите.

Горнт кивнул, начал вставать, но остановился при словах Малкольма.

— Не мог бы я поговорить с вами наедине, мистер Горнт? Вы ведь не будете возражать, Джейми, не правда ли?

— Конечно нет. — Джейми пожал руку Горнту, потом повернулся к Малкольму. — Сегодня в полдень в клубе собрание всех торговцев для обсуждения этой бомбы, которую нам подкинул сэр Уильям.

— Я приду, Джейми, хотя серьезного обсуждения там не будет, одни вопли да пьяная горячность.

— Согласен. До встречи, тайпэн. — Джейми вышел. Оставшись одни в изящном кабинете, молодые люди ещё раз посмотрели друг на друга.

— Вы уже в курсе очередной глупости, придуманной нашим

парламентом?

— Да, сэр. Все правительства глупы.

— Не выпьете ли вы со мной бокал шампанского за компанию?

— Есть повод?

— Да. Не знаю почему, но мне приятно знакомство с вами.

— А, значит, и вы почувствовали то же самое? Как-то неправильно, вам не кажется?

Малкольм покачал головой и позвонил в колокольчик. Появился Чен, и, когда шампанское было открыто, он разлил его в бокалы и вышел; молодые люди сидели молча, и его маленькие глазки метались от одного к другому.

— Ваше здоровье!

— Ваше здоровье, — ответил Горнт, смакуя охлажденное вино.

— У меня было впечатление, что вы хотите поговорить со мной приватно.

Горнт рассмеялся.

— Я и вправду хотел. Опасно, когда противник способен читать твои мысли, а?

— Очень, но нам не обязательно быть противниками. Компания Ротвелла — хороший клиент, ненависть и кровная вражда между Струанами и Брокками вовсе не обязательно должна касаться и вас тоже, что бы там ни говорили Тайлер или Морган.

Горнт опустил глаза на граненый хрусталь и пузырьки вина, спрашивая у них, прав ли он, считая, что момент настал, или ему следует подождать. Карие глаза внимательно посмотрели на Струана. Он решил забыть об опасности.

— У вас репутация человека, которому нравятся тайны, которому можно доверять.

— А вам?

— В вопросах чести, да. О вас говорят... вы любите истории, легенды?

Малкольм собрался с мыслями: нереальность происходящего разговора и этот человек мешали ему сосредоточиться.

— Некоторые нравятся, другие — не очень.

— Я проник сюда обманным путем. — Неожиданная улыбка Горнта осветила всю комнату. — Господи Иисусе, я поверить не могу, что действительно сижу здесь с будущим тайпэном «Благородного Дома». Я так долго ждал и подготавливал эту встречу, и вот она состоялась. До того, как я пришел сюда, у меня не было намерения говорить ничего, кроме того, что просил передать мистер Грейфорт. Но теперь... — Он поднял бокал. —

За отмщение.

Малкольм подумал об этом, заинтригованный и без тени страха в душе, потом выпил и налил снова.

— Это хороший тост для Азии.

— Для любого места. Первое: мне нужно ваше слово чести, чести тайпэна «Благородного Дома», как перед Богом, что все, что я расскажу вам, останется нашей тайной, пока я не освобожу вас от данной клятвы.

Малкольм некоторое время колебался.

— До тех пор, пока это всего лишь история. — Он поклялся.

— Благодарю вас. Теперь история. Здесь можно говорить? Нас может кто-нибудь подслушать?

— В Азии обычно да. Мы знаем, что у дверей есть уши, как и у стен, но я могу решить эту проблему. Чен! — позвал он. Дверь открылась в ту же секунду. Малкольм отдал распоряжение на кантонском: — Отойди от двери и никого к ней не подпускай, даже А Ток!

— Слушаюсь, тайпэн. — Дверь закрылась.

— Теперь ваш секрет в безопасности, мистер Горнт. Я знаю Чена всю свою жизнь, и он не говорит по-английски, кажется. Вы говорите на шанхайском?

— Немного, как и на диалекте нинь по.

— Итак, я вас слушаю.

— Я в первый раз рассказываю эту историю, — сказал Горнт, и Малкольм поверил ему. — В давние-давние времена, — начал американец, и голос его сразу стал строгим, — некая семья отправилась в Англию из городка Монтгомери в штате Алабама, который был домом для нескольких поколений этой семьи: отец, мать и двое детей, мальчик и девочка. Девочке было пятнадцать, её звали Александра, и её отец был младшим из пяти братьев, старшим был Уилф Тиллман.

— Соучредитель компании «Купер-Тиллман»? — спросил Малкольм, потрясённый.

— Он самый. Отец Александры был мелким чайным и хлопковым маклером, одним из вкладчиков компании брата Уилфа, и вот теперь ехал в Лондон, чтобы работать у Ротвелла по контракту на три года в качестве консультанта по хлопку — «Купер-Тиллман» была их основным поставщиком. Семья пробыла в Англии чуть меньше года. К несчастью, родители тяжело заболели, что неудивительно, а? Туманы и эта погода, я сам едва не умер, пока жил там — я провел в Лондоне два года, стажируюсь у Броков, один — у Ротвелла. Как бы там ни было, Тиллманы решили вернуться домой. На полпути через Атлантический океан Александра

обнаружила, что беременна.

— Ай-й-йа, — пробормотал Малкольм.

— Да. Шок, добавившийся к болезни её обожаемого отца, убил его. Ему было тридцать семь лет. Его похоронили в море. В свидетельстве о смерти, выданном капитаном, значился просто «припадок безумия», но и она и её мать знали, что истинной причиной явилось это страшное открытие. Александре только что исполнилось шестнадцать, она была прелестна, как картинка. Это случилось в 1835 году, двадцать семь лет назад. Александра родила сына, меня. Для незамужней девушки иметь внебрачного ребенка, быть падшей женщиной... в общем, мистер Струан, мне не нужно вам рассказывать, какая это катастрофа и позорное пятно, при том, что в Алабаме всегда строго чтит Писание, в нашей части, и Тиллманы были аристократами. Ранее мы говорили с вами о чести, я говорил правду, когда сказал, что мы серьезно относимся к чести и к бесчестию. Вы позволите? — Горнт показал на шампанское.

— Пожалуйста. — Малкольм не знал, что ему ещё сказать. Голос американца звучал ровно, приятно, бесстрастно — просто рассказчик, повествующий историю былого. Пока что, мрачно подумал он.

Горнт налил Струану, потом себе.

— Общество отвернулось от моей матери и её матери, как и семья Тиллманов, даже её брат обратился против неё. Когда мне было три года, моя мать встретила виргинца, переселившегося в Америку из Англии — Роберта Горнта, джентльмена, экспортера табака и хлопка, большого любителя карт из Ричмонда. Он влюбился в неё, а она в него. Они уехали из Монтгомери и обвенчались в Ричмонде. Они сочинили историю о том, что она вдова, вышедшая замуж в шестнадцать лет за кавалерийского офицера-янки, которого убили в войнах с индейцами сиу. Ей в ту пору было девятнадцать.

Несколько лет все шло более-менее нормально. До 1842 года — через год после того, как Дирк Струан практически в одиночку основал Гонконг, за год до вашего рождения. 1842 год был тяжелым для Гонконга: смертельная лихорадка Счастливой Долины, малярия, «опиумная война» с Китаем, страшный тайфун, уничтоживший город на острове, и он был стократ тяжелее для «Благородного Дома», потому что тот же самый тайфун убил великого Дирка Струана. — Глоток шампанского. — Он был виновен в смерти Уилфа Тиллмана и в разорении семьи Тиллманов.

— Я ничего не знаю об этом. Вы уверены?

Горнт улыбнулся своей странной улыбкой, в ней не было и намека на враждебность.

— Да. Уилф Тиллман был болен лихорадкой Счастливой Долины. Дирк Струан раздобыл хинную корку, которая могла бы излечить его, но он не дал и не продал её Тиллману, желая его смерти, как и Джефф Купер. — В его голосе зазвенела сталь. — Этот бостонский янки хотел, чтобы он умер.

— Почему? И зачем тайпэну было желать смерти Тиллмана?

— Он ненавидел его — у него были другие взгляды на жизнь, чем у Уилфа. Среди прочих причин, Уилф владел рабами, что ни в те времена, ни сейчас не является противозаконным в Алабаме. И ещё чтобы помочь Куперу стать единоличным владельцем компании. После того как Уилф умер, Джефф Купер за гроши выкупил его долю и прекратил переводить остававшиеся деньги моей семье. Дирк был виновен в этом.

— Мы действительно имеем совместное предприятие с компанией «Купер-Тиллман» по добыче хинной корки, мистер Горнт, — сказал Малкольм, — и мы старые друзья. Что же до остального, мне ничего не известно о том, и я в это не верю. Я проверю вашу историю сразу же, как только вернусь в Гонконг.

Горнт пожал плечами.

— Много лет назад Купер сам признался, что никогда не одобрял Уилфа Тиллмана. Вот его собственные слова: «Послушайте, молодой человек, Уилф заслуживал всего, что получил, он был работоторговцем, и помощи от него я не видел никакой, он за всю свою жизнь и одного дня не проработал, ваш благородный южанин был никчемным человеком. Дирк был прав, когда отдал то малое количество хинной корки, что у него оставалось, другим, кто, по его мнению, того заслуживал. Это моим трудом, только моим, была создана компания, которая кормила и одевала вашу мать, отчима и вас все эти годы...»

Лицо Горнта исказилось, потом опять стало спокойным. Внешне.

— Он сказал ещё несколько вещей, сэр, которые... это сейчас не важно. Но то, что он прекратил переводить деньги, наши законные деньги, было очень важным. Именно тогда начались ссоры между мамой и отчимом, и мы переехали на юг. Лишь много лет спустя я узнал, что он женился на ней из-за денег, что его хлопковый и табачный бизнес не стоил ни гроша, что он был просто картежником и игроком, к тому же неудачливым, и она постоянно оплачивала его долги. Умирая, мама рассказала мне все это. Но ко мне он относился не плохо, не делал мне зла, просто не замечал меня. Всю мою жизнь на меня никто не обращал внимания. Теперь пришло время мести.

— Я не понимаю, почему вы должны винить во всем меня.

— Я и не виню.

Малкольм удивленно посмотрел на него.

— Я полагал, вы начали с «боевых цепов или сабель».

— Это была не моя идея, я же говорил вам. Я сказал мистеру Грейфорту, что это не сработает. Над ним будут смеяться, если он попробует настаивать.

Помолчав недолго, Малкольм сказал:

— Можно подумать, что вы его недолюбливаете.

— Я не испытываю к нему ни любви, ни неприязни. Я здесь для того, чтобы учиться у него в течение одного месяца и потом занять его место на будущий год, когда он уйдет из компании. Таков план, если я решу работать на Броков.

— Вам, возможно, придется занять его место раньше, чем вы думаете. — Голос Малкольма стал твердым. — В следующий четверг, будем надеяться.

— Вы решительно настроены на эту дуэль?

— Да.

— Могу я спросить о подлинной причине?

— Он из себя выходил, чтобы спровоцировать меня. Без сомнения, по указанию Брока. Для дома Струанов будет лучше, если он исчезнет.

— Вы и меня постараетесь убрать, когда я выступлю против вашей компании?

— Я буду противостоять вам, соперничать с вами, остановлю вас, если смогу, — драться с вами мне бы не хотелось. — Малкольм по-доброму улыбнулся. — Это сумасшедший разговор, мистер Горнт. Безумие быть столь откровенным и открытым, но именно так мы себя ведем, и это факт. Вы говорили об «отмщении». Вы намерены ополчиться и на нас из-за того, что мой дед якобы сделал с Уилфом Тиллманом?

— Да, — с улыбкой ответил Горнт. — В своё время.

— А как насчет Джеффа Купера?

Улыбка исчезла.

— Он тоже. В своё время. — Потом, на одно короткое мгновение, голос Горнта напитался ядом. — Но это не та месть, которой я ищу больше всего. Я хочу разорить Моргана Брока, и для этого мне нужна ваша помощь... — Он расхохотался. — Бог мой, мистер Струан, сэр, прошу прощения, но если бы вы только могли сейчас себя видеть.

— Моргана? — ошеломленно выдавил из себя Малкольм.

— Да. — Горнт просиял. — В одиночку мне этого сделать не удастся, мне необходима ваша помощь, какая ирония, не правда ли?

Малкольм с трудом поднялся на ноги, встряхнулся, как собака, потянулся и сел снова. Сердце его стучало так, словно было готово выскочить из груди. Он налил себе ещё бокал, пролив немного шампанского на стол, залпом осушил его, и все это время Горнт смотрел и ждал, довольный тем эффектом, которое произвели его слова. Малкольму потребовалось некоторое время, чтобы ответить.

— Морган? Но, ради бога, почему?

— Потому что он соблазнил мою мать, когда ей было всего пятнадцать, он разрушил её жизнь и бросил её. В Библии сказано, что отцеубийство является сатанинским деянием — мама заставила меня поклясться, что я не сделаю этого, когда на своём смертном одре рассказала мне правду об отце. Поэтому я не стану убивать его, просто разорю. — Это было произнесено ровным голосом, без всяких эмоций. — Чтобы добиться этого, мне нужен дом Струанов.

Малкольм сделал глубокий вдох и снова потряс головой. Все это не укладывалось в его сознании, хотя он и верил всему, что услышал, даже о поведении Дирка Струана. Ай-й-йа, надо же, сколько мне ещё предстоит узнать, подумал он и стал внимательно слушать продолжение рассказа. Горнт сказал, что Моргану в то время было двадцать лет, он работал у Ротвелла и жил в их бухгалтерии, служившей одновременно и жилым помещением, поэтому ему было нетрудно проникнуть в её спальню.

— Что может знать девушка в пятнадцать лет, классическая южная красавица, которую выращивали как цветок в оранжерее? Когда Ротвелл узнал обо всем, он выгнал его, разумеется, но Старик Тайлер Брок только расхохотался и тайно и без шума скупил контрольный пакет фирмы и...

Малкольм был потрясен.

— Брок контролирует компанию Ротвелла?

— Контролировал некоторое время, как раз достаточное, чтобы уволить Ротвелла и всех его директоров и назначить новых. Когда все это дошло до Джеффа Купера, у того оказалось достаточно сил и влияния, чтобы заставить Старика Брока пойти на сделку: пятьдесят на пятьдесят и чтобы держался подальше. В обмен на это Джефф будет управлять компанией и хранить сделку в секрете, особенно от Струанов. Это соглашение по-прежнему в силе.

— А Дмитрий знает?

— Нет. Как и мистер Грейфорт. Я наткнулся на детали случайно, когда был в Лондоне.

Мозг Малкольма деятельно работал. На протяжении последних лет дом Струанов вел дела с компанией Ротвелла, и ни одна сторона никогда не

жаловалась, что с ней обошлись плохо или несправедливо. Потом нечто сказанное Горнтом вдруг выступило в его голове на первый план.

— Моргану известно, что вы о нем знаете?

— Я написал ему в Лондон, когда мама умерла. Он ответил, что впервые об этом слышит, и все отрицал, но пригласил меня, если я когда-нибудь буду в Лондоне, зайти повидать его. Я был у него. Он снова все отрицал. Он там был совершенно ни при чем, сказал он мне, на него свалили всю вину за безобразия какого-то другого ученика, он к этому не имел никакого отношения. Положение у меня в то время было отчаянное, поэтому он подыскал мне кое-какую работу, потом помог устроиться к Ротвеллу. — Горнт вздохнул. — Мама рассказала мне, что, когда Ротвелл вызвал Моргана к себе для прямого разговора, тот сказал, что «женится на этой шлюхе, ежели за ней дадут десять тысяч в год приданого». — Дрожь пробежала по его телу, хотя выражение лица не изменилось и голос продолжал звучать все так же ровно. — Я все мог бы простить Моргану, может быть, но это — никогда, «шлюху» — никогда. Все это описано самим Ротвеллом, он мертв, но его письмо сохранилось. Спасибо, что выслушали. — Он встал, размял ноги и направился к двери.

— Погодите, — окликнул его пораженный Малкольм, — вы не можете остановиться на этом!

— Я и не имею такого намерения, мистер Струан, но такая беседа, возможно, слово «исповедь» будет более уместно, идет на пользу душе, но очень изматывает. Кроме того, я не могу проводить здесь слишком много времени, иначе у мистера Грейфорта могут зародиться подозрения. Я договорюсь насчет пистолетов и о том, чтобы стреляться с двадцати шагов, потом вернусь.

— Ради бога, подождите минуту! Какая помощь вам нужна? Вообще, почему я должен помогать вам? Что вам от меня нужно?

— Не много, если разобраться. Вы можете убить Норберта Грейфорта, но это не так уж и важно, — произнес Горнт с улыбкой, потом снова стал серьезен. — Более важно то, что я могу сделать для вас. До конца января Броки раздавят компанию Струанов, но это вы и так знаете, по крайней мере должны бы знать. Я могу остановить их, за свою цену. Господь мне свидетель, я могу предоставить вам такую информацию, которая обернет их гений против них самих же и уничтожит торговый дом Броков навсегда.

Малкольм почувствовал, как сердце у него перевернулось. Если он стащит их компанию с этого крюка, мать пойдет для него на любые уступки. Он слишком хорошо знал её. Она даст мне все, что я пожелаю, кричал он про себя, если я захочу, чтобы она стала католичкой, она пойдет

даже на это!

Во что бы это ни встало, он знал, что заплатит, и заплатит с радостью.

— Цена — помимо мести?

— Когда я вернусь.

Малкольм прождал весь день, но незнакомец не вернулся. Это его не встревожило. В тот вечер он ужинал один. Анжелика сказала, что устала, слишком много праздников и развлечений допоздна, она ляжет пораньше, это будет ей полезно.

— Поэтому, мой дорогой Малкольм, я просто перекушу слегка у себя в комнате, расчесу волосы и потом — спать, спать, спать. Сегодня вечером я люблю тебя и оставляю тебя... ты покинут.

Он не расстроился. Душа его была так полна надеждой, что он опасался, что расскажет ей обо всем, если она останется с ним, и когда Джейми заглянул к нему рано вечером, ему пришлось напрячь все силы, чтобы фантастическая новость не слетела у него с языка.

— Небесный Наш отыскал ответ? — спросил Джейми.

— Нет, Боже милостивый, нет, ещё нет. Почему ты спрашиваешь?

— Ты выглядишь таким, таким... словно тяжесть всего мира упала с твоих плеч. За последние недели ты ещё ни разу так хорошо не выглядел. Но ты получил какую-то добрую весть?

Малкольм широко ухмыльнулся.

— Может быть, я пережил кризис и теперь по-настоящему поправляюсь.

— Надеюсь, что так. Это несчастье с тобой в добавление ко всему остальному... Я просто не представляю, как это тебе удастся. После всего, что произошло за эти недели, я действительно вымотался, а сегодня ещё этот Горнт — последняя соломинка. Есть в нем что-то, что пугает меня.

— Как это?

— Не знаю, просто такое чувство. Возможно, он не так безобиден, как кажется. — Джейми нерешительно помолчал. — У тебя найдется минута для разговора?

— Конечно, присаживайся. Бренди? Наливай себе сам.

— Спасибо. — Джейми плеснул себе немного бренди из буфета, потом подтащил к огню ещё одно кресло с высокой спинкой и сел напротив Малкольма. Шторы были задернуты на ночь, в комнате было уютно. Легкий запах дыма от потрескивающих в камине дров и звяканье корабельных колоколов флота в заливе добавляли к атмосфере покоя. — Пара вещей: тем или иным способом я хочу вернуться в Гонконг на

несколько дней перед Рождеством.

— Чтобы повидаться с матерью?

Джейми кивнул и пригубил бренди.

— Я бы хотел попасть на «Гарцующее Облако». Клипер придет... чему ты улыбаешься?

— Ты опередил меня на один шаг. Я тоже планировал быть на его борту.

Джейми заморгал, потом расплылся в блаженной улыбке.

— Ты передумал и собираешься сделать то, о чем она просит?

— Не совсем. — Малкольм рассказал ему о своём плане относительно «Гарцующего Облака» и увидел, как радость испарилась с лица Джейми. — Не беспокойся, я гораздо лучший стрелок, чем Норберт, и при условии, что он согласится стреляться на двадцать шагов без сближения, он мертв, как кусок дерьма, если я решу убить его. Забудь о Норберте. Анжелика: если нам не удастся тайно провести её на борт, я говорю «нам», потому что ты всегда был частью плана, ты привезешь её на следующем корабле, так что в любом случае окажешься в Гонконге до Рождества.

Джейми колебался.

— Миссис Струан все равно будет очень раздражена, когда узнает, что Анжелика с нами.

— Предоставь мне беспокоиться на этот счет.

— Хорошо. Что приводит меня к главному: я подумывал о том, чтобы открыть свою фирму, когда уйду из компании Струанов, по сути, именно об этом я и хотел поговорить. Не возникнет ли у тебя возражений.

— Напротив, я пойду на все, наша компания пойдет на все, чтобы помочь тебе, как только можно. Но до этого ещё далеко.

— Я думаю, она уже решила, что я должен уйти.

— Я буду возражать против этого изо всех сил, — пообещал Малкольм, пораженный. — Тебя пора повысить, дать прибавку к жалованью, и компания пострадает, если потеряет тебя, это-то она должна понимать. Что за сумасшедшая мысль пришла тебе в голову?!

— Да. Но если это станет необходимо... послушайте меня, тайпэн, если это будет необходимо, станете ли вы возражать?

— Против того, чтобы ты начал своё дело? Нет. Но мне даже думать об этом не хочется, и компания от этого проиграет, клянусь Всевышним. Этого не случится, а если... если ты попросишь отпустить тебя, я найду способ заставить тебя остаться — уговорить тебя остаться. Найду обязательно.

— Спасибо, огромное спасибо. — Джейми сделал большой глоток и почувствовал себя немного лучше. Он встал и от души сказал: — Я всем

сердцем надеюсь, что у тебя все сложится хорошо, Малкольм.

— Да, я знаю, Джейми. И у тебя все тоже будет нормально. Спокойной ночи.

В тишине своей комнаты Малкольм с удовольствием вытянул ноги в сторону камина, с нетерпением ожидая завтрашнего дня и новых сведений от Горнта.

Он станет ключом к Тесс.

Есть своя ирония в том, что я нужен ему так же, как и он нужен мне, и при этом мы враги. У меня есть предчувствие, что мы всегда ими будем. Какова же его цена? Это будет что-то, что я смогу ему дать. Он достаточно умен, чтобы не требовать большего. Почему ты так уверен? Месть — слишком сильный мотив, я знаю.

Сегодня для Андре настало время второго свидания с Хинодэ. Ровно десять дней, двадцать два часа и семь минут назад он видел её во всем её великолепии, та ночь навсегда отпечаталась в его памяти.

— Добрый вечер, Фурансу-сан, — застенчиво сказала она, её японский звучал как музыка. Передняя комната начиналась сразу за маленькой верандой; их дом стоял в саду Трех Карпов, благоухающем в этот вечер, как благоухала она сама. Золото с коричневым — цвета зимы — изысканно заиграли на её кимоно, когда она поклонилась ему и показала на подушечку напротив себя. Позади неё сёдзи в её спальню была приоткрыта, позволяя видеть край футонов и покрывал, которые станут их первой постелью. — Саке подано так, как, мне сказали, вы любите. Прохладным. Вы всегда пьете саке прохладным?

— Да-да, я... я люблю вкус более хорошо. — Он обнаружил, что запинаясь, его японский звучал грубо, руки словно мешали ему, он не знал, куда их деть, ладони были влажными от пота.

Она улыбнулась.

— Странно пить холодные напитки зимой. Ваше сердце остается холодным и зимой, и летом?

— И-и-и-и, Хинодэ, — ответил он, сердце стучало у него в ушах и в горле. — Мне кажется, мое сердце как камень уже так долго, думаю о тебе, не знаю, горячее, или холодное, или какое. Ты прекрасна.

— Это только для вашего удовольствия.

— Райко-сан рассказала тебе обо мне, да?

Её раскосые глаза спокойно смотрели с белого лица, брови были выщипаны, и на их месте нарисованы две ровные дуги, высокий лоб, линия волос мыском спускалась посередине — примета, предвещавшая раннее

вдовство, — черные волосы, убранные в высокую причёску и закрепленные черепаховыми гребнями, как ему хотелось распустить их.

— Что Райко-сан сказала мне, я забыла. Что вы сказали мне, перед тем как поставить подпись, принято и забыто. Сегодня мы начинаем. Это наша первая встреча. Вы должны рассказать мне о себе — все, что вы хотите, чтобы я знала. — В её глазах появился огонек, и они весело прищурились. — Времени будет довольно, да?

— Да, пожалуйста, я надеюсь, вечность.

После того как по прошествии дней условия контракта были оговорены, записаны, прочитаны, перечитаны и изложены в простых словах, которые он мог понять, он был готов подписать бумагу в присутствии её и Райко. Тогда он призвал на помощь все своё мужество:

— Хинодэ, пожалуйста, извинить, но должен сказать... должен сказать правду. О скверне.

— Пожалуйста, в этом нет нужды, Райко-сан рассказала мне.

— Да, но... но, пожалуйста, извините меня... — Слова давались ему с трудом, хотя он повторил их перед этим дюжину раз; к горлу вновь подступила тошнота. — Должен сказать один раз: я заразился дурной болезнью от своей любовницы, Ханы. Излечиться невозможно, прошу прощения. Никак. Вы заразитесь... должны заразиться, если... когда... должны заразиться, если станете супругой, прошу прощения. — Ему показалось, что небо, которого он не видел, разлетелось на куски, пока он ждал.

— Да, я понимаю и принимаю это, и я настояла, чтобы в моем контракте было записано, что я снимаю с вас всякую вину, касающуюся нас, всякую вину, вы понимаете?

— А, вина, да, понимаю вину. Благодарю вас и...

Выдавив из себя слова извинения, он бросился вон из комнаты, и его вырвало так, как не рвало ещё никогда в жизни, сильнее, чем когда он обнаружил, что заразился, сильнее, чем когда он нашел Хану мертвой. Вернувшись, он не стал извиняться, да от него и не ждали этого. Женщины все понимали.

— Прежде чем я подпишу, Фурансу-сан, — сказала она, — как для вас есть важные вещи, так и мне важно спросить, обещаете ли вы дать мне нож или яд, как это записано в контракте?

— Благодарю вас. Об обеих важных для нас вещах не нужно упоминать впредь или обсуждать их. Вы согласны, пожалуйста?

— Да, — ответил он, мысленно благословляя её.

— Тогда все решено. Вот, я подписала, пожалуйста, подписать и вы,

Фурансу-сан, а Райко-сан будет нашей свидетельницей. Райко-сан говорит, что наш дом будет готов через три дня. На четвертый день от сегодняшнего я почту за честь принять вас.

На четвертый день, сидя напротив неё в их маленьком убежище, он был поглощен её красотой; масляные лампы горели ярко, но не слишком.

— Этот дом нравится вам, Хинодэ? — спросил он, стараясь придать голосу заинтересованный тон, но одержимый одним лишь желанием скорее увидеть её нагой.

— Более важно, чтобы он нравился вам, Фурансу-сан.

Он понимал, что она делает только то, чему её обучали; ответы и жесты выходили у неё механически, она изо всех сил старалась, чтобы он почувствовал себя легко и свободно, не выдавая при этом своих собственных чувств. В отношении большинства мужчин-японцев он обычно мог сказать, что они думают, в отношении японских женщин — почти никогда, с другой стороны, то же самое можно было бы сказать и о француженках. Женщины настолько скрытнее нас, настолько практичнее.

Хинодэ выглядит такой спокойной и довольной, сидя передо мной, подумал он. Кипит ли она внутри, как вулкан, печалится или ужасается, или наполнена таким страхом и отвращением, что все её чувства словно онемели.

Мать Благословенная, прости меня, но мне все равно сейчас — все равно позже, возможно, я посмотрю на это иначе, но не сейчас.

Почему она согласилась? Почему?

Но этого вопроса он не должен задавать никогда. Тяжело выполнить это условие, и все же оно добавляет остроты или является тем, что уничтожит меня, нас. Мне все равно, скорее!

— Не хотите ли вы поесть? — спросила она.

— Сейчас я... я нет голодный. — Андре не мог оторвать от неё взгляда, не мог скрыть своего желания. По лицу сбежала капелька пота.

Её полуулыбка осталась прежней. Легкий вздох. Потом, лениво продлевая каждое мгновение, тонкие пальцы развязали оби, она встала, и верхнее кимоно упало на пол. Все это время она смотрела на него, невозмутимая, как статуя. За верхним кимоно последовало нижнее, потом первая рубашка, за ней — вторая и, наконец, набедренная повязка. Она неторопливо повернулась раз, потом второй, показывая себя ему, затем подошла и встала перед ним. Безукоризненная во всем.

Чуть дыша, он смотрел, как она опускается на колени, берет в руки чашку с чаем, делает глоток, второй — тяжелые пульсирующие удары в голове, в шее, в паху толкали его за грань самообладания.

Долгие дни он строил планы, собирался предстать перед ней галантным в словах, движениях, жестах, таким французом и японцем, светским и опытным, лучшим любовником из всех, какие у неё были, который никогда не заставит её жалеть о случившемся, — их первая встреча должна была стать волшебным и запоминающимся событием. Она была запоминающейся, но совсем не волшебной. Он не совладал с собой. Он потянулся к ней, схватил и подтолкнул к футонам, где был наполовину животным.

С той ночи он её не видел. Не видел он и Райко, избегая их и Ёсивары. На следующий день он послал записку Хинодэ, в которой написал, что известит её отдельно о своём намерении посетить её снова. Тем временем он передал Райко ещё одну часть золота. Чтобы выплатить стоимость контракта, ему пришлось заложить своё жалованье на два года вперед, а сколько ещё придется потратить кроме этого.

Вчера он сообщил ей, что придет сегодня.

Андре замер в нерешительности на пороге их веранды. Сёдзи не пускали ночь в дом. Золотистый свет внутри манил его. Сердце у него колотилось, как и в первый раз, горло сдавило. Внутренние голоса изливали на него потоки ругани, кричали ему, чтобы он ушел, убил себя — все что угодно, лишь бы не видеть снова её глаз и того омерзительного отражения самого себя, которое в них застыло в ту ночь. Оставь её в покое!

Всем своим существом он хотел убежать и всем существом хотел вновь обладать ею, любым способом, всеми способами, подлее, чем раньше, любой ценой. Он ненавидел себя, лучше умереть и покончить с этим, но сначала она. Я должен.

Он заставил себя снять туфли и отодвинул сёдзи в сторону. Она сидела на коленях точно так же, как и тогда, в том же кимоно, такая же прекрасная, тот же изящный жест рукой пригласил его сесть рядом с ней, тот же нежный голос произнес:

— Саке подано так, как, мне сказали, вы любите. Прохладным. Вы всегда пьете саке прохладным?

Он посмотрел на неё, разинув рот. Глаза, наполненные такой ненавистью, когда он, не видя, куда ступает, уходил от неё, теперь улыбались ему с той же ласковой застенчивостью, что и в первый раз.

— Что?

Снова, словно ничего ещё не было сказано, она повторила тем же самым тоном:

— Саке подано так, как, мне сказали, вы любите. Прохладным. Вы всегда пьете саке прохладным?

— Да, я... я... пью, — ответил он, едва слыша собственный голос из-за рева, стоявшего в ушах.

Она улыбнулась.

— Странно пить холодные напитки зимой. Ваше сердце остается холодным и зимой, и летом?

Как попугай, он бормотал правильные ответы — так легко было вспомнить все, что было, каждое слово, неизгладимо запечатлевшееся в памяти — и хотя голос его звучал нетвердо, она словно не слышала этого, просто продолжала, как и раньше, спокойно глядя на него раскосыми глазами.

Ничего не изменилось.

— Не хотите ли вы поесть? — спросила она.

— Сейчас я... я нет голодный.

Её улыбка осталась той же. Как и легкий вздох. Она встала. Но сейчас она увернула фитиль в масляных лампах и прошла в спальню, которую он опоганил, где погасила лампы совершенно.

Когда его глаза привыкли к темноте, он увидел, что сквозь панели сёдзи проходит чуть уловимый свет от лампы на веранде, едва достаточный, чтобы разглядеть её силуэт. Она раздевалась. Через мгновение раздался шелест откидываемого покрывала.

Когда он смог подняться и встал на ноги, шаря вокруг руками, он вошёл в комнату и опустился на колени рядом с постелью. Он уже давно понял, что она пыталась сохранить лицо, его лицо, вычеркнуть то, что никогда нельзя было вычеркнуть.

— Из моей памяти — никогда, — с болью пробормотал он; лицо его было мокрым от слез. — Я не знаю про тебя, Хинодэ, но из моей — никогда. Мне жаль, мне так жаль. Mon Dieu, как бы я хотел, о, как бы я хотел...

— Нан дэсу ка, Фурансу-сама?

Ему потребовалось некоторое время, чтобы перейти на японский, и он сказал, задыхаясь:

— Хинодэ, я говорить... просто спасибо, Хинодэ. Пожалуйста, извините меня, мне так жаль...

— Но жалеть совсем не о чем. Сегодня мы начинаем. Это наше начало.

Среда, 3 декабря

Хирага мельком увидел своё отражение в витрине мясной лавки и не узнал себя. Прохожие на главной улице едва обращали на него внимание. Он вернулся на несколько шагов и уставился на тусклый образ и новый наряд. Цилиндр, высокий воротник и галстук, с широкими плечами, в талию сюртук из темного сукна, голубой шелковый жилет, поперек него цепочка из нержавеющей стали, прикрепленная к карманным часам, тесные брюки и кожаные сапоги. Все было преподнесено ему в дар правительством Её Величества, за исключением часов, которые подарил ему Тайрер за оказанные услуги. Он снял шляпу и ещё раз оглядел себя, поворачиваясь то одним боком, то другим. Выбритый некогда верх головы теперь покрывали волосы, они изрядно отрасли — конечно, не такие длинные, как у Филипа Тайрера, но определенно достаточной длины, чтобы сойти за европейца. Лицо гладко выбрито. Качество и дешевизна английских бритв сильно поразили его — ещё один ошеломляющий пример мастерства, которого они достигли в промышленном производстве.

Он улыбнулся отражению, довольный своим маскарадом, потом достал часы, полюбовался ими и посмотрел время: одиннадцать часов шестнадцать минут. Словно шестнадцать минут имели какое-то значение, язвительно подумал он, довольный, однако, тем, что так быстро освоился с системой измерения времени гайдзинов. Я много узнал. Ещё не достаточно, но это уже начало.

Дураки. Только потому, что я пользуюсь их платьем и начал носить его, как они, эти глупцы считают, что я изменился. Все они по-прежнему враги, даже Тайра. Тайра сделал глупость, передумав насчет Фудзико, что это на него нашло? Это совсем не укладывается в мой план.

Хирага заметил Струана, выходявшего из своей фактории. Британец тяжело опирался на палки. Его сопровождал Джейми Макфей. Женщина Ори шла между ними, увлеченно беседуя с обоими. Это напомнило ему о его встрече с человеком номер два из «Благородного Дома». У него все ещё кружилась голова от цифр и фактов о Западе и подгибались колени при мысли о том, сколько информации выжал из него Макфей о заимодавцах и торговцах рисом вроде Гъёкоямы. «Дзами-сан, мозет, вазможный вам встречать один из эти 'рюди, ес'ри сикретный, — в отчаянии предложил он тогда, лишь бы его отпустили, — я переводить, ес'ри сикретный».

Сёя ожидал его. Почуввав желание сёи узнать то, что узнал он, Хирага начал играть с ним, принял предложенный массаж. Затем, отдохнувший, в чистой юкате, за изысканным обедом из риса, сушеных кальмаров, выловленного утром морского окуня, нарезанного тонко, как бумага, с соей, дайконом и саке, он сказал, что имел беседу с важными гайдзинами и они ответили на его вопросы. Он пригубил саке и замолчал. Важная информация требовала поощрения. Взаимности.

— Какие новости из Киото?

— Все странно и непонятно, — ответил сёя, радуясь, что ему дали повод заговорить об том. — Мои повелители сообщили мне, что сёгун и принцесса Иядзу прибыли благополучно и поселились во дворце. Патрули Огамы устроили ещё три засады на сиси... нет, прошу прощения, пока неизвестно, скольких убили. Князь Ёси и князь Огама почти не выезжают за ворота своих резиденций... Но Врата теперь охраняются самураями сёгуната, как и в прошлые годы.

Глаза Хираги округлились.

— В самом деле?

— Да, Отами-сама. — Сёя был в восторге от того, что рыбка проглотила наживку. — Странно, правда, то, что совсем недалеко от каждых Врат расставлены тайные заставы из самураев Огамы, и время от времени военачальники двух кланов тайно собираются вместе.

Хирага фыркнул.

— Любопытно.

Сёя кивнул и, будучи старым и опытным рыбаком, резко подсек.

— И да, вот ещё что. Вас это вряд ли заинтересует, но мои повелители полагают, что двое сиси, о которых я упоминал раньше, Кацумата и сиси из Тёсю по имени Такэда, избежали пленения в Киото и сейчас путешествуют по Токайдо.

— В Эдо?

— Мои повелители не сказали. Ясно, что эта новость ничего не стоит. — Сёя поднес к губам чашечку с саке, с тайным весельем наблюдая за попыткой Хираги не выдать сневавшего его нетерпения.

— Все, что касается сиси, может иметь значение.

— А, ну, в этом случае... хотя и неразумно пересказывать слухи, — заговорил сёя, изображая смущение: он решил, что момент вытаскивать рыбу на берег созрел. — Говорят, что по постоянным дворам Киото бродит слух, будто после первой засады уцелел ещё один человек. Женщина, женщина-самурай, искусно владеющая сюрикеном... что с вами, Отами-сама?

— Ничего, ничего. — Хирага отчаянно пытался сохранить самообладание, тысячи вопросов, как шарик, запрыгали у него в голове. Только одна женщина из школы Кацуматы освоила это искусство. — Так вы говорили, сёя? Женщина самурайского происхождения уцелела?

— Это всего лишь слух, Отами-сама. Глупость. Сакэ?

— Благодарю вас. Эта женщина, было о ней ещё что-нибудь?

— Нет. Столь пустые разговоры едва ли заслуживают того, чтобы их пересказывали.

— Может быть, вы смогли бы выяснить, есть ли в этой чепухе доля правды. Я бы хотел знать. Пожалуйста.

— В таком случае... — сказал сёя, отметив про себя это «пожалуйста» как большую уступку и добавив в голос подобострастия: — Гёкояма почтут за честь оказать вам и вашей семье, нашим досточтимым клиентам, любую услугу.

— Благодарю вас. — Хирага допил своё сакэ. Сумумо была в Киото вместе с Кацуматой... Где она сейчас, почему она не отправилась в Симоносеки, как я приказал, что она там делала, если ей удалось ускользнуть, где она?

Чтобы отплатить за полученные новости, он сделал над собой усилие и отложил эти и другие вопросы на потом и сосредоточился. Он достал связку исписанных листов и начал объяснять, местами дословно, все, что Тайра и Макфей рассказывали ему на протяжении часов. Сёя слушал внимательно, благодарный жене, которая подслушивала их и тайком записывала каждое слово.

Когда Хирага закончил говорить о займах, финансировании и банковском деле — не понимая большей части того, что ему сообщали, сёя, поражаясь памяти Хираги и той цепкости, с которой юноша удерживал в голове вещи, совершенно ему чуждые, сказал серьезно:

— Замечательно, Отами-сама.

— Ещё одна важная вещь. — Хирага сделал глубокий вдох. — Макфей сказал, у гайдзинов есть особый рынок, сёя, фондовый рынок, где единственным товаром, за который торгуются, который покупают или продают, являются маленькие отпечатанные бумажки, называемые акци, которые каким-то образом представляют деньги, огромное количество денег, и каждая акци — это часть компени.

Он выпил немного чая. Видя по лицу сёи, что тот не все понимает, он сделал ещё один глубокий вдох.

— Скажем, даймё Огама отдал все Тёсю, всю землю и все, что на ней производят, некой компени, Тёсю Компени, и издал указ, что эта компени

должна быть поделена, по договору, на десять тысяч равных частей, десять тысяч акции, понимаете?

— Я... кажется да. Продолжайте, прошу вас.

— Таким образом, фонда Тёсю Компени составляет десять тысяч акции. Дальше, даймё от имени этой компени предлагает все или любую часть или количество акции кому угодно, у кого есть деньги. За свои деньги этот мужчина или женщина получает особый лист бумаги, где сказано, сколько акции Тёсю Компени он купил. Этот человек затем становится владельцем этой части компени и, следовательно, той же доли её богатств. Деньги, которые он и другие заплатили компени, становятся тогда её кайпита'ром, так, кажется, этот гайдзин Макфей сказал, теми деньгами, которые нужны, чтобы управлять и увеличивать богатство компени, чтобы выплачивать содержание, или отвоевывать землю у моря, или покупать оружие или семена, или улучшать рыбацкие лодки — платить за все, что нужно, чтобы Тёсю росло и процветало и чтобы стоимость Тёсю Компени становилась выше.

Макфей объяснил, что... Он сказал, на любом рынке, сёя, цены меняются, в голодное время часто каждый день, нет? То же самое и на этом ежедневном фондовом рынке, где сотни разных компени, где есть покупатели и продавцы. Если урожай в Тёсю огромный, то цена каждой части Тёсю Компени будет большой, если голод, то низкой. Цена каждой акции тоже меняется. Понятно?

— Кажется, да, — медленно ответил сёя, на самом деле очень хорошо уловивший суть и сгоравший внутри от восторга и вопросов, требовавших ответов.

— Хорошо. — Хирага устал, но был заинтригован этими новыми идеями, хотя временами и терялся в их лабиринте. Ему никогда, за всю свою жизнь, не приходилось торговаться на рынке или в гостинице, он просто платил, что спрашивали и когда спрашивали, никогда в жизни он не спорил из-за цены чего-то или из-за суммы счета до тех пор, пока не стал ронином. Счета всегда посылались тем, кто получал ваше содержание, если вы были самураем. Обычно матери, если вы были не женаты. Покупки и все денежные вопросы были уделом женщин, ни в коем случае не мужчин.

Вы ели, что она — мать, тетя, бабушка, сестра или жена — покупала на ваше содержание, точно так же одевались и вооружались. Без содержания вы голодали, вы и ваша семья, или становились ронином, или вам приходилось добровольно отказываться от звания самурая и становиться крестьянином, поденным рабочим или, что было гораздо хуже, торговцем.

— Сёя, — сказал он, морща лоб. — Цены меняются на рынке, где торгуют едой или рыбой. Но кто назначает цену?

Гильдия рыбаков или крестьян, мог бы ответить сёя, или скорее всего купцы, которым на самом деле принадлежат все эти продукты, поскольку они одалживали всем деньги на покупку сетей или семян. Но он был слишком осторожен, большая часть его энергии расходовалась на то, чтобы оставаться спокойным перед лицом такого обилия бесценной информации, пусть и не исчерпывающей.

— Если рыбы много, она дешевле, чем когда её мало. Все зависит от улова или от урожая.

Хирага кивнул. Сёя явно хитрит, пряча от него правду или искажая её. Но чего ещё можно ждать от купцов и заимодавцев, подумал он, неожиданно решив держать любую встречу между этим человеком и Макфеем в запасе, а также приберечь на потом последнее правило компени, которое, он не мог понять почему, заинтриговало его больше, чем все остальные: если вы оказывались тем, кто образовывал компени, вы решали, сколько акции вы оставляли себе, без всякой платы, и если это количество достигало пятидесяти одной или больше из каждой сотни, вы удерживали власть над всей компени. Но зачем...

Голова его едва не разорвалась, когда он вдруг понял: без всякой платы вы становились сёгуном этой компени, чем крупнее компени, тем значительнее сёгун... без всякой платы!

Когда сонно-дзёи станет реальностью, мы — совет самураев — будем рекомендовать императору, чтобы только наш совет мог образовывать компени, тогда наконец-то мы обретем власть над всеми паразитами, купцами и заимодавцами!

— Отами-сама, — говорил между тем сёя, не заметивший перемены в Хираге, поскольку сам был вне себя от радости, выудив столь дивные сведения. — Мои повелители будут очень признательны вам, как и я. Когда нам удастся просеять все ваши блестящие мысли и идеи, возможно, мне представится случай задать вам несколько незначительных вопросов?

— Разумеется, — ответил Хирага, восторженно рисуя своё будущее в розовых красках. Чем больше вопросов, тем лучше, они заставят меня понять все первым. — Возможно, когда вы услышите ещё что-нибудь об Огаме и Ёси, или о сиси, или о той женщине. Сюрикен, вы сказали?

— Я приложу все усилия, — пообещал сёя, понимая, что сделка состоялась. Потом разум вернул его к недостающей и очень важной части этой загадки. — Пожалуйста, позвольте спросить, что есть эта компени? Что это такое, как она выглядит?

— Я не знаю, — ответил Хирага, глядя на него столь же озадаченно.

— Это хорошо, что вы так пунктуальны, мистер Струан, — неприветливо буркнул адмирал Кеттерер, — такую точность редко встретишь среди... э... торговцев. — Он собирался сказать «торгашей», но решил, что времени впереди достаточно и он ещё успеет дать залп всем бортом. — Присаживайтесь. Шерри?

— Немного сухого сака, благодарю вас, адмирал.

Адъютант поднес ему сак, налил адмиралу ещё портвейна и вышел. Они подняли бокалы, испытывая друг к другу искреннюю неприязнь. Рабочий стол адмирала был свободен от бумаг, за исключением какого-то официального документа, вскрытого конверта и письма, написанного почерком его матери.

— Чем я могу быть вам полезен? — спросил Малкольм.

— Вам известно, что несколько моих матросов были убиты китайскими пиратами, обстрелявшими нас с берега из британских пушек во время стычки в Мирс-Бэй. Британских пушек.

— Я читал отчеты в газетах, но не знаю доподлинно, были ли они британского производства.

— А я знаю. Лично убедился в этом. — Адмирал с кислой миной взял документ со стола. — Первичное расследование, проведенное губернатором, предполагает, что наиболее вероятным виновником была либо компания Струанов, либо компания Броков.

Малкольм невозмутимо посмотрел на своего более старшего, краснолицего собеседника.

— Губернатор может предполагать, что ему угодно, адмирал Кеттерер, но любому официальному обвинению лучше быть подкрепленным доказательствами, в противном случае мы будем очень расстроены, а с Броком вообще случится апоплексический удар. Я ничего не знаю о подобной сделке, да и в любом случае продажа оружия не запрещена парламентом. А Норберт Грейфорт знает? — Джейми предупредил его, что Грейфорт тоже получил приглашение к адмиралу на десять тридцать, но прибыл только в одиннадцать и что вся беседа продолжалась не более трех минут.

Шея Кеттерера покраснела, когда он вспомнил оскорбительный ответ Грейфорта.

— Нет. Этот... этот нахал отказался обсуждать эту тему. Вы тоже отказываетесь?

— Я не знаю, что вы хотите обсудить, адмирал.

— Вопрос о вывозе и продаже пушек и оружия здешним туземцам. И боевых кораблей. И опиума.

— Мы в доме Струанов — китайские торговцы и торгуем по британским законам, — осторожно заметил Малкольм. — Ни один из этих товаров не запрещен законом.

— Опиум скоро будет запрещен, — отрезал адмирал.

— Когда это случится, торговля им прекратится.

— Торговля опиумом сейчас противоречит закону Китая и здешнему закону тоже!

— Наша компания, я повторяю, не торгует здесь опиумом, даже несмотря на то что это, я повторяю, не противоречит британским законам.

— Но вы признаете, что эта торговля пагубна и аморальна.

— Да, но на данный момент она одобрена правительством Её Величества и, к сожалению, является единственным товаром, который мы можем обменять на китайский чай, приносящий парламенту огромные доходы в виде налогов.

— Я хорошо знаком с китайской проблемой. Я бы хотел, чтобы вы и ваша компания пошли навстречу новому закону уже теперь и добровольно отказались от ввоза опиума в Японию.

— Здесь мы им не торгуем.

— Хорошо. Если я обнаружу какие-нибудь корабли, перевозящие опиум, я намерен конфисковать весь груз и сам корабль.

— Я бы сказал, что юридически вы будете действовать на свой страх и риск, адмирал. Сэр Уильям согласился с вашим намерением или одобрил его?

— Ещё нет. Я бы хотел, чтобы вы и все остальные торговцы... остальные торговцы сделали это по собственной воле. То же касается новых ружей, заряжающихся с казенной части, патронов к ним, пушек и боевых кораблей.

— А Грейфорт согласился на столь ошеломляющее предложение?

Шея адмирала побагровела совершенно.

— Нет.

Малкольм задумался на мгновение. Они с Джейми заранее рассчитали, что именно это и должно быть на уме у адмирала. Помимо письма его матери.

— Через несколько дней у нас назначена встреча с сэром Уильямом, — сказал он. — Я почту за честь, если вы будете присутствовать в качестве моего личного гостя. Все торговцы вас выслушают.

— Мои взгляды уже хорошо известны. Уж кто-кто, а вы, торговцы,

должны бы знать, с какой стороны ваш кусок хлеба намазан маслом, что без флота, который защищает вас и ваши торговые пути, вы беспомощны. Поставляя туземцам пушки, вы угрожаете Королевскому флоту, вы поможете топить свои собственные суда, убивать своих сограждан и себя в придачу!

— Если вы возьмете пример Индии или любого дру...

— Как раз об этом я и говорю, мистер Струан! — обрушился на него адмирал. — Если бы индусы не были вооружены нашим оружием, восстания никогда бы не произошло, бунты в любом месте подавлялись бы быстрее, воспитание дикарей по всему миру шло бы легче и как подобает, полезная торговля шла бы мирно и мировой порядок расцвел бы в благоволении Британии. А подлым, трижды растреклятым пиратам не из чего было бы стрелять по моему флагману, клянусь Богом! А если Королевский флот не будет править морями, тогда, клянусь Богом, настанет конец Британской империи, всей торговле и мы окажемся опять в мрачном средневековье!

— Если говорить конфиденциально, вы совершенно правы, адмирал, — произнес Малкольм с напускным жаром и почтительностью, следуя совету дяди Чена: «Когда мандарин в ярости на тебя, какова бы ни была причина, не мешкая согласись конфиденциально, что он прав, ты всегда можешь подослать к нему убийц позже, когда он будет спать».

Все эти годы он постоянно участвовал в этом споре с армией, флотом и правительственными чиновниками. И был свидетелем ссор отца с матерью: отец выступал за свободную торговлю, мать — за мораль, отец негодовал по поводу неразрешимости опиумного треугольника, мать и в этом случае была яростной противницей опиума и торговли оружием — обе стороны были правы, ни одна не уступала другой, и ссора неизменно кончалась тем, что отец напивался до отупения, а мать улыбалась своей застывшей, приводящей в бешенство улыбкой, которую ничто не могло стереть с её лица; и последним уколом отца всегда было: «мой Старик — и твой Волшебный Принц — сам Великий Зеленоглазый Дьявол Дирк начал эту торговлю, она привела нас к процветанию, и посему да поможет нам Бог!»

Много раз он гадал, но никогда не осмеливался спросить, любила ли она на самом деле отца, а не сына, согласилась на сына только потому, что отец был недосягаем. Он знал, что никогда не задаст ей этого вопроса, а если бы и задал, она просто улыбнулась бы этой своей невозможной улыбкой и сказала бы: «Малкольм, не говори глупостей».

— Говоря конфиденциально, вы правы, адмирал, — повторил он. Кеттерер вздохнул и прикончил свой портвейн и налил ещё.

— Ну, это уже что-то, клянусь Господом! — Он поднял глаза. — Значит, вы позаботитесь о том, чтобы компания Струанов не занималась здесь продажей оружия?

— Я, безусловно, приму все сказанное вами к сведению и посоветуюсь с моими коллегами-торговцами.

Кеттерер достал носовой платок и шумно высморкался, взял понюшку табаку, чихнул и высморкался снова. Когда в голове у него просветлело, его злобный взгляд уперся в молодого человека: адмирала раздражало то, что он не видел никаких признаков слабости.

— Тогда я скажу это по-другому. Говоря конфиденциально, вы согласны, что помогать джапам приобретать пушки, английские пушки, любые, чёрт подери, пушки или британские военные корабли есть глупость?

— Сравнимый по силе флот в их руках был бы большой ошиб...

— Катастрофой, сэ-р-р! Полной катастрофой и сущей глупостью!

— Я согласен.

— Прекрасно. Я бы хотел, чтобы вы склонили всех остальных торговцев к своему мнению: никакой торговли оружием здесь, особенно пушками, и, разумеется, никакого опиума. Конфиденциально, конечно.

— Я буду рад изложить это мнение, адмирал.

Кеттерер фыркнул. Малкольм начал подниматься, не желая, чтобы его загнали в угол.

— Одну минуту, мистер Струан, есть ещё один вопрос, прежде чем вы уйдете. Частный вопрос. — Адмирал махнул рукой на конверт и письмо на столе. — Вот. От миссис Струан. Вы знаете, что в нём?

— Да-да, знаю.

Кеттерер передвинул письмо на центр стола.

— Считается, что ваш «Благородный Дом» — первая компания в Азии, хотя, я слышал, Броки вас сейчас обходят. Какое бы место вы ни занимали, вы могли бы послужить проводником добра. Я бы хотел, чтобы вы и ваша компания помогли мне в этом правом деле. Правом, мистер Струан.

Расстроенный Малкольм промолчал. Он считал, что отвечал на вопросы пространно и не был готов ещё к одной лекции.

— Конфиденциально, между вами и мной, — с ударением произнес Кеттерер, — я обычно не обращаю внимания на подобные письма гражданских лиц, обычно не обращаю. Само собой разумеется: правила и законы Королевского флота принадлежат Королевскому флоту. — Глоток портвейна и сдавленная утробная отрыжка. — Юный Марлоу пригласил вас и... вашу невесту на «Жемчужину» во время испытаний в открытом

море. Во вторник. На весь день. — Пристальный взгляд впился в его лицо. — Не так ли?

— Так, сэр, — пробормотал Струан. Голову сдавило, ему показалось, что слух подвел его.

— Разумеется, для этого необходимо мое разрешение. — Адмирал выдержал паузу, потом сказал: — Кстати, мистер Струан, эта предполагаемая дуэль — скверная затея, да, совершенно неразумная. — Малкольм моргнул при столь неожиданной смене темы и постарался сосредоточиться, а адмирал продолжал: — Как бы этот... этот Грейфорт ни заслуживал скорейшего перехода в мир иной, дуэли запрещены законом и неразумны, к тому же могут произойти ошибки, серьезные ошибки. Ясно?

— Да, сэр, благодарю вас за совет, но вы говори...

— Благодарю вас, мистер Струан, — гладко прервал его адмирал, вставая. — Благодарю вас за то, что навели меня. До свидания.

В смятении Малкольм поднялся на ноги, не уверенный, правильно ли он все понял.

— Должен ли я заключить из ваших слов, что я мо...

— Мои слова не означают ничего, кроме того, что я сказал, сэр. — Голос звучал холодно, отчетливо, как с квартердека. — Точно так же, как вы говорили мне, конфиденциально, что примите мои слова к сведению, так и я в ответ говорю вам, конфиденциально, что приму все, что вы скажете, и сделаете, к сведению — до полуночи понедельника. До свидания.

Снаружи, на променаде, воздух был свежим, чистым и свободным от всяких сложностей. Малкольм глубоко вдыхал его до тех пор, пока его живительная сила не уняла тяжелые удары в висках и груди. Обессиленный и окрыленный, он рухнул на ближайшую скамью и устремил взгляд на флот перед собой, не видя его.

— Добрый день, мистер Струан.

— О! О, здравствуйте, мистер Горнт.

— Вы выглядели таким печальным, что я просто должен был прервать вас.

— Нет, не печальным, — устало проговорил Малкольм, — я просто задумался.

— А, извините, в таком случае я оставлю вас, сэр.

— Нет, прошу вас, присаживайтесь. Вы сказали, за свою цену?

Эдвард Горнт кивнул.

— Я приношу извинения за то, что не встретился с вами раньше, но

мистер Грейфорт все никак не мог... понять. Теперь он согласен на пистолеты, дуствольные дуэльные пистолеты, и один выстрел или два по вашему выбору с двадцати шагов.

— Хорошо. И?

— И я попытался отговорить его от дуэли, но он сказал: «Только если Малкольм Струан публично извинится», что-то в этом роде.

— Хорошо. Но тот, другой вопрос, здесь нет ни дверей, ни стен. — Малкольм показал рукой на почти безлюдный променад. — Цена?

— Это место и мне казалось идеальным, но мы не можем находиться вместе слишком долго и должны быть осторожны: мистер Грейфорт, возможно, сейчас разглядывает нас в бинокль.

— Он следит за нами?

— Я не знаю наверняка, сэр, но готов поспорить, что да.

— Тогда где-нибудь в другом месте? Позже?

— Нет, это место подходит, но он очень хитер, и я не хочу, чтобы у него возникли подозрения. Цена: если моя информация поможет вам заблокировать план Моргана пустить вас ко дну и сделает Брокков банкротами.

— Вам известны детали? Горнт тихо рассмеялся.

— О да, и гораздо больше, хотя ни Морган, ни Старик Брок не знают, что я знаю, как не знает и мистер Грейфорт. — Он заговорил ещё тише, едва шевеля губами: — Все это должно остаться нашей тайной, тайной двух человек, но цена заключается в следующем: вы разорите Моргана Брока, будете преследовать его, пока он не окажется банкротом, посадите в тюрьму, если сможете. Если будет необходимо разорить и Тайлера, мне все равно, но после их падения вы гарантируете, что я получаю принадлежащие им пятьдесят процентов в компании Ротвелла безвозмездно и безо всяких условий; вы поможете мне получить в банке «Виктория» такую сумму, которая понадобится, чтобы выкупить половинную долю Джеффа Купера. В течение десяти лет вы не станете преследовать меня иначе как обычного конкурента, предоставляя мне условия наибольшего благоприятствования в любых сделках — все это будет иметь вид предварительной договоренности, составленной и подписанной вами. После десяти лет мы снимаем перчатки.

— Согласен, — тут же сказал Малкольм, ожидавший более жестких условий. — Но эти уступки в «Виктории» вовсе не наши друзья, Брок основал этот банк и все это время не допускал нас туда, так что здесь мы не многим сможем помочь.

— Они скоро будут ими, сэр. Скоро вам будет достаточно сказать

«дерьмо», и весь совет директоров сядет на корточки и спустит штаны. Все это, разумеется, должно сохраняться в глубочайшем секрете. Каковы ваши планы после дуэли?

Малкольм не колебался ни секунды, находя очень странным то, что мог с такой быстротой довериться этому человеку. Он рассказал ему о «Гарцующем Облаке».

— Это предполагает, что я выйду победителем или не буду серьезно ранен. Как только я доберусь до Гонконга, я смогу замять шум, который поднимется, — произнес он доверительным тоном.

— Как вы намерены стрелять? Я имею в виду, вам же необходимы палки?

— Одной будет достаточно, чтобы не упасть за такой промежуток времени. — Малкольм холодно улыбнулся. — Я практиковался.

— Теперь, я предлагаю хитрость, чтобы избежать судебного преследования в том случае, если один из вас будет убит. Она хорошо срабатывала в Виргинии, должна сработать и здесь. Вы оба пишете друг другу письмо, которое будет доставлено вечером накануне дуэли и помечено той же датой. В письме вы напишете, что пришли к взаимному согласию отменить дуэль «при встрече завтра на Ничейной Земле, где вы оба примите как джентльмены взаимные одновременные извинения друг от друга». — Горнт улыбнулся. — Мы, секунданты, засвидетельствуем, что, когда вы показывали друг другу свои пистолеты, один из них по трагической случайности выстрелил.

— Тонко придумано. Норберт согласился?

— Да. Я доставлю вам его письмо во вторник, pošлите ему своё с мистером Макфеем, но лучше держать все в секрете, я имею в виду, что это лишь уловка.

В голове у Малкольма не умолкая звучало «вторник, вторник...», но он заставил себя не думать об этом. Горнт продолжал, словно говорил о чем-то самом обычном:

— После дуэли — будет лучше всего, если вы убьете его, а не раните — я отправлюсь на клипер вместе с вами. В обмен на письменный контракт я подробно объясню вам, как вы можете полностью разрушить сеть, гарантирующую финансовое благополучие Брока, сопроводив рассказ пакетом официально заверенных копий писем и документов, достаточных для любого суда, а также другие, которые вложат в вашу руку хорошую дубину в разговоре с «Викторией».

Малкольм почувствовал поднимающееся из глубины теплое сияние.

— Почему не сейчас, зачем ждать до среды?

— Мистер Грейфорт может убить вас, — спокойно ответил Горнт, — тогда эта информация окажется растраченной впустую, а я подвергну себя напрасному риску.

Помолчав немного, Малкольм спросил:

— Скажем, он меня убьет или тяжело ранит, как вы тогда осуществите свою месть?

— Я поговорю с миссис Струан, сэр, безотлагательно. Я ставлю на то, что это не понадобится. Я ставлю на вас, а не на неё.

— Я слышал, вы не играете в азартные игры, мистер Горнт.

— В карты на деньги, нет, сэр, никогда — я понял бесполезность этого, глядя на своего отчима. С жизнью? По самым большим, предельным ставкам. — Горнт почувствовал на себе чей-то взгляд и сказал тихо: — Кто-то наблюдает за нами. — Он обернулся. Это была Анжелика, выходявшая из фактории Струана напротив. Она помахала рукой. Малкольм помахал ей в ответ и поднялся. Оба мужчины смотрели, как она приближается к ним.

— Привет, Эйнджел, — тепло приветствовал её Малкольм; слова адмирала плясали у него в голове. — Позволь представить тебе мистера Горнта из компании Ротвелла в Шанхае. Моя невеста мадемуазель Ришо.

— Мэм! — Горнт поднес к губам её руку и галантно поцеловал.

— Мистер Горнт, — пробормотала она, читая его взгляд. В следующий момент возникло странное молчание, потом без всякой видимой причины все трое громко расхохотались.

— Что это? — спросила она, и сердце её учащенно забилося.

— *Joie de vivre*,^[34] — ответил Горнт.

Она посмотрела на него; ей понравилось то, что она увидела, его улыбка согревала её, потом она взяла Малкольма под руку, уже мысленно пересказывая эту встречу в письме, которое прервала:

Признаюсь, дорогая Колетта, я подсмотрела их на променаде, поэтому надела свой самый красивый капор, и застала их врасплох, и взяла моего Малкольма под руку (ЧТОБЫ ЗАЩИТИТЬ СЕБЯ), потому что этот прибывший джентльмен высок и красив, с самым озорным блеском в глубине глаз, который я тут же заметила, хотя Малкольм наверняка его не разглядел, иначе был бы ещё ревнивее, чем обычно, милый мой бедняжка! Я хотела встретиться с этим высоким незнакомцем как бы случайно. У него легчайший акцент южанина, широкие плечи, узкая талия — вероятно, фехтовальщик, — и он божественно танцует. Я от души надеюсь, что он станет другом, они так

нужны мне здесь...

— Да, *chéri*, — сказала она и обмахнулась веером, тут же почувствовав, как внутри разливается приятное тепло — неосознанная кошачья реакция на мужское обаяние Горнта. — Извините, я не хотела прерывать важную встречу...

— Ты ничего не прервала, Эйнджел, — возразил Малкольм.

— Я как раз собирался уходить, — добавил Горнт. Он счел ненужным скрывать всю глубину своего восхищения. — Для меня большое удовольствие познакомиться с вами, мэм. — Он поклонился. — Всего доброго, сэр, я свяжусь с вами.

Они проводили его взглядом.

— Кто он, этот мистер Горнт?

Он объяснил ей, но не сказал ни слова о настоящем мистере Горнте. Сознание его было затуманено мыслью о вторнике.

В тот вечер патруль самураев вышел из караульного помещения у Северных ворот. Десять воинов, в полном вооружении, с мечами и в легких доспехах, с офицером во главе. Он провел их через мост и миновал заграждение у входа в Поселение. Один из воинов нес высокое узкое знамя с начертанными на нем иероглифами. Самурай, шедший первым, держал высоко над головой факел, отбрасывавший причудливые тени.

Зловещее присутствие не осталось незамеченным. Люди останавливались как вкопанные. Разговоры повисали на полуслове. Потом смолкали совсем. Все глаза повернулись в сторону Северных ворот. Те, кто оказался ближе всех к патрулю, пятились, давая дорогу. Немало людей потянулись рукой к револьверам и чертыхнулись, не обнаружив их в карманах или кобурах. Другие отступили, а находившийся в увольнительной солдат припустил по боковой улочке за ночным нарядом морских пехотинцев.

— В чем дело, сэр? — поинтересовался Горнт.

— Ничего страшного, пока, — ответил Норберт, лицо его было мрачным. Они стояли в группе торговцев на променаде, но все ещё были довольно далеко от самураев, которые не обращали ни малейшего внимания на притихшую толпу, уставившуюся на них, и продолжали идти не в ногу, как это было у них принято.

— Вы вооружены, Норберт?

— Нет, а вы?

— У меня есть оружие, сэр. — Горнт достал свой крошечный

пистолет. — Только большой дыры он в них не проделает, если они поведут себя враждебно.

Все потихоньку отодвигались подальше. Пьяницы неожиданно протрезвели. Все держались настороже, слишком хорошо зная, с какой молниеносной быстротой самураи орудуют мечами, и опасаясь внезапного нападения. Норберт уже наметил путь отступления, буде это окажется необходимым. Потом вдруг увидел наряд морских пехотинцев под командой сержанта, выбежавших из проулка с ружьями наготове. Они быстро заняли главенствующую, хотя и не вызывающе воинственную позицию, и он расслабился.

— Теперь все в порядке. Вы всегда носите это с собой, Эдвард?

— О да, сэр, всегда. Мне казалось, я говорил вам об этом.

— Нет, не говорили, — заметил Грейфорт, довольно резко. — Позвольте взглянуть?

— Разумеется. Он, конечно, заряжен.

Пистолет был крошечным, но тем не менее смертоносным. Два ствола. Два патрона. Рукоятка с серебряными накладками. Он вернул пистолет Горнту, глаза его смотрели жестко.

— Отличная вещь. Американский?

— Французский. Мой отец дал его мне, когда я отправился в Англию. Сказал, что выиграл его в карты на пароходе. Единственный подарок, который он сделал мне за всю жизнь. — Горнт тихо рассмеялся; они оба наблюдали за приближающимися самураями. — Я не расстаюсь с ним даже на ночь, сэр, но стрелял из него лишь однажды. В некую леди, которая пыталась ускользнуть с моим бумажником в глухой полуночный час.

— Вы попали в неё?

— Нет, сэр, даже не пытался. Просто причесал ей волосы на пробор, чтобы попугать. Леди не должны красть, не так ли, сэр?

Норберт хмыкнул и устремил взгляд на самураев, увидев Горнта в новом свете, опасном свете.

Японский патруль шел посередине дороги; часовые перед британской, французской и русской миссиями — единственными, имевшими постоянную охрану, — потихоньку взводили курки ружей, уже предупрежденные.

— На предохранители! Никакой стрельбы, ребятки, пока я не скажу, — глухо проворчал сержант. — Граймс, отправляйся предупреди его вашество, он у русских, третий дом по улице, тихо давай.

Солдат скользнул прочь. Уличные фонари на променаде потрескивали. Все тревожно ждали. Семенящий офицер-японец приблизился с

бесстрастным лицом.

— Ну и подлая же рожа у этого ублюдка, а, сержант? — прошептал часовой, ружье у него под ладонями стало влажным от пота.

— У всех у них рожи подлые. Спокойно теперь.

Офицер поравнялся с британской миссией и дал отрывистую команду. Его люди остановились и построились лицом к воротам, а он, громко топая, вышел вперед и обратился на гортанном японском к сержанту. Пронзительное молчание. Опять нетерпеливые высокомерные слова, явно приказ.

— Что тебе, колобок? — сквозь зубы спросил сержант, возвышаясь над ним на полметра.

Снова эти уродливые предложения, в тоне прибавилось злости.

— Кто-нибудь понимает, чего он тут говорит? — выкрикнул сержант. Никакого ответа, потом Иоганн, переводчик, осторожно отделился от края толпы, поклонился офицеру, который слегка кивнул в ответ, и заговорил с ним по-голландски. Офицер ответил на том же языке, с трудом подбирая слова.

— У него послание, — перевел Иоганн, — письмо для сэра Уильяма, должен вручить его лично.

— Насчет этого не знаю, мистер, уж никак, пока эти чертовы мечи болтаются у него на боку.

Японец двинулся к воротам миссии, и на всех ружьях щелкнули предохранители. Он остановился. Яростная тирада в сторону сержанта и часовых. Все самураи на четверть вытащили мечи из ножен и встали в оборонительную позицию. Дальше по дороге наряд морских пехотинцев перестроился в боевой порядок. Все ждали, кто первый совершит ошибку.

В этот момент из соседнего здания русской миссии торопливо вышли Паллидар и два драгунских офицера в парадных мундирах, при парадных шпагах.

— Я принимаю командование, сержант, — сказал Паллидар. — В чем дело?

Иоганн рассказал ему. Паллидар, уже изрядно поднаторевший в японском этикете, подошел к офицеру, поклонился и проследил, чтобы офицер поклонился ему как равному.

— Скажите ему, я приму письмо. Я адъютант сэра Уильяма, — преувеличил он.

— Он говорит, прошу прощения, ему приказано сделать это лично.

— Скажите ему, я имею полномочия...

Голос сэра Уильяма остановил его:

— Капитан Паллидар, одну минуту! Иоганн, от кого это письмо? — Он стоял на пороге русской миссии, Сергеев и остальные теснились в проходе рядом с ним.

Офицер указал на знамя, резко произнес ещё несколько слов, и Иоганн крикнул со своего места:

— Он говорит, от... оно от тайро, но мне кажется, он имеет в виду родзю, старейшин. Ему приказали вручить его немедленно, из рук в руки.

— Хорошо, я приму его, скажите ему, пусть подойдет сюда.

Иоганн перевел. Офицер повелительным жестом показал сэру Уильяму, чтобы тот подошел к нему, но сэр Уильям крикнул, ещё более резко и даже с ещё меньшей любезностью:

— Скажите ему, я обедаю. Если он не подойдет немедленно, он может вручить его завтра.

Иоганн был слишком опытен, чтобы переводить дословно, и подчеркнул лишь самую суть сказанного. Самурай с шумом втянул в себя воздух, потом затопал к воротам русской миссии, миновал двух огромных бородатых часовых, слегка задев обоих, и встал перед сэром Уильямом, явно ожидая от него поклона.

— Кэйрэй! — рявкнул сэр Уильям. Поклонитесь — одно из немногих слов, которые он позволил себе запомнить. — Кэйрэй!

Офицер вспыхнул, но автоматически поклонился. Он поклонился как равному и вскипел ещё сильнее, когда увидел, что сэр Уильям просто кивнул ему, как подчиненному, но с другой стороны, подумал он, этот гнусный человечек является главным гайдзином и злобность его известна всем, как и его мерзкий запах. Когда мы нападём, я лично убью его.

Он извлек свиток, шагнул вперед, протянул его, отступил назад, безукоризненно поклонился, подождал, пока на его поклон ответят, пусть и грубо, полностью удовлетворенный тем, что превзошел своего врага. Чтобы избавиться от злобы, он обругал своих людей и двинулся прочь, словно они не существовали. Они последовали за ним, возмущаясь грубости гайдзина.

— Где Тайрер, дьявол его заberi? — спросил сэр Уильям.

— Я пошлю кого-нибудь, чтобы его разыскали, — сказал Паллидар.

— Нет, будьте любезны, попросите Иоганна присоединиться ко мне.

— В этом нет нужды, сэр Уильям, — заметил Эрлихер, швейцарский министр, — если послание на голландском, я могу прочесть его вам.

— Благодарю вас, но это лучше сделать Иоганну, поскольку он немного говорит и по-японски тоже, — ответил сэр Уильям, не желая заранее ничего делить ни с одним из иностранцев, особенно с этим,

который открыто представлял небольшую, но растущую, высоко специализированную военную промышленность, активно ищущую рынки сбыта, репутация которой была основана на невероятном, уникальном мастерстве их часовщиков — одна из немногих областей, где британские производители не могли кого-то обойти.

В столовой, самой большой комнате в здании, стоял стол на двадцать человек, уставленный приборами и блюдами из тонкого серебра. Присутствовали все министры, за исключением фон Хаймриха, который все ещё был болен, Струан, Анжелика, которой отвели место во главе стола, несколько французских и британских офицеров. За каждым креслом стояли два ливрейных лакея, ещё больше слуг сновало вокруг стола.

— Могу я воспользоваться приемной, граф Сергеев? — спросил сэр Уильям по-русски.

— Разумеется. — Граф Сергеев открыл дверь. Они подождали, пока Иоганн торопливо вошёл, и русский закрыл её.

— Добрый вечер, сэр Уильям, — сказал Иоганн, довольный тем, что его вызвали. Он первым узнает, в чем тут дело, и сможет и далее быть полезным, с выгодой для себя, министру своей собственной страны. Он сломал печать на свитке и тоже присел. — Голландский и японский. Послание короткое. — Он быстро пробежал его глазами, нахмурился, перечитал снова, потом ещё раз и нервно рассмеялся: — Оно адресовано вам, британскому министру, и гласит: «Я обращаюсь к вам с депешей. По приказу сёгуна Нобусады, полученному из Киото, все порты должны быть закрыты без промедления и все иностранцы изгнаны и выдворены за не...»

— Выдворены? Вы сказали «выдворены»? — Рев проник через дверь. Тревожное молчание охватило гостей за столом.

Иоганн поморщился.

— Да, сэр, прошу прощения, но именно так тут говорится: «и выдворены за ненадобностью и нежелательностью каких бы то ни было сделок между иностранцами и нашим народом. Я посылаю вам это, прежде чем назначить приказом немедленную встречу для окончательного определения условий вашего срочного оставления Йокогамы. Направлено с уважением».

— С уважением? Клянусь Создателем, это, в господа бога мать, растреклятая наглость...

Тирада продолжалась. Когда сэр Уильям остановился, чтобы перевести дух, Иоганн вставил:

— Письмо подписано «Нори Андзё. Тайро». Насколько я понимаю, сэр Уильям, это почти как диктатор, он высоко поднялся в этом мире.

КИОТО

Четверг, 4 декабря

В полдень дозорный сиси, чей пост находился напротив казарм Торанаги, лениво смотрел, как сорок самураев и знаменосцев вышли из ворот и направились вдоль по улице к Восточным Вратам дворца. Это была самая обычная полуденная смена караула. Большинство несли с собой копья, все имели при себе два меча и были облачены в плащи и широкие конические шляпы, защищавшие от дождя, все из соломы.

Сиси зевнул и поправил на плечах собственный плащ, когда заморосил мелкий дождь, передвинув свой табурет под навес уличной палатки, где подавали лапшу, суп и чай и чей владелец им сочувствовал. Скоро прибудет и его смена. Он находился на посту с рассвета. Ему было восемнадцать, и у него была густая борода. Ронин из Сацумы.

Прежде чем выскользнуть из Киото, их вождь Кацумата приказал постоянно вести наблюдение за резиденциями Торанаги и Огамы. «Как только появится возможность напасть на любого из них — это должно произойти снаружи их стен и иметь разумный шанс на успех, — немедленно произвести нападение одним человеком. Одним, не больше. Сиси необходимо беречь, но мы должны быть готовы. Незапланированное нападение — наш единственный способ отомстить».

У ворот несколько носильщиков с тюками свежих овощей и корзинами свежей рыбы остановились у барьера. Бдительные стражи внимательно их осмотрели, потом взмахом руки показали, что те могут пройти; каждый из носильщиков был осмотрен с равной тщательностью.

Юноша снова зевнул. Через часовых не проскользнуть, бесполезно. Он задумался на мгновение, сумела ли эта девушка, Сумомо, проникнуть внутрь и остаться там, как согласился Кацумата. И-и-и-и, просто чудо, что эти трое смогли бежать через подземный ход, чудо. Только где они теперь? О них ничего не было слышно после того невероятного побега. Впрочем, какое это имеет значение? Они должны быть в безопасности, как и мы, — у нас есть высокие покровители. Позже мы перегруппируем силы. Мы отомстим. Сонно-дзёи наступит.

Он видел, как стражники завернули за угол и исчезли из виду. Теперь он почувствовал усталость, но мысль о теплых футонах и ожидающей его любовнице прогнала её почти целиком.

Патруль сёгуната достиг Восточных Врат. Приземистое караульное помещение прижималось к стенам и тянулось в обе стороны от Врат; при необходимости оно могло вместить пятьсот человек. Сами Врата имели шесть метров в высоту и были сделаны из тяжелых, окованных железом бревен, с одного боку стояли распахнутыми ворота гораздо меньшего размера. Стены поднимались ещё выше, они были древними, каменными.

На мгновение новый караул шумно перемешался со старым, хотя экипировка каждого воина была предусмотрена так, чтобы производить как можно меньше шума. Офицеры осмотрели людей и оружие, потом старый караул начал строиться, а офицер и один асигару, пеший воин, из новой смены двинулись через дорогу. Дождь прекратился. Немного солнца пробилось через завесу облаков. Оба самурая свернули на другую улицу и вошли в ещё одну казарму, похожую на многие другие в Киото. Здесь располагались двести самураев Огамы — на большом удалении от Врат, но все же достаточно близко.

— Сорок воинов, вот их имена, — сказал офицер такому же офицеру из Тёсю и поклонился. — Ничего нового для сообщения нет.

— Хорошо. Вы оба, пожалуйста, пройдите со мной. — Офицер Огамы миновал кордон из своих людей и повел прибывших по коридору, изучая на ходу список имен. Дверь, за ней пустая комната, закрытая дверь в противоположной стене. Офицер постучал в неё, потом открыл. Внутренняя комнатка была голой, не считая низкого столика и татами на полу. Огама стоял у окна, вооруженный, настороженный, но один. Оба офицера отошли в сторону и поклонились.

Асигару снял свою большую шляпу и превратился в Ёси. Он молча передал свой длинный меч своему офицеру, короткий оставил при себе и вошёл в комнату. Дверь закрылась за ним. Оба офицера выдохнули. Оба были покрыты потом.

В комнате Ёси поклонился.

— Благодарю вас за то, что вы согласились на эту встречу.

Огама поклонился и знаком пригласил Ёси сесть напротив.

— Что случилось такого срочного и к чему такая секретность?

— Плохие новости. Вы сказали, что партнеры должны делиться особо важной информацией. Прошу прощения, Нори Андзё назначен тайро.

Это известие заметно потрясло Огаму, и он внимательно выслушал все, что Ёси рассказал ему. Когда Ёси заговорил об императорском приглашении, часть его гнева растаяла.

— Какая честь и признание! И-и-и-и, и в самое время.

— Вот и я подумал то же самое. Пока не вышел из дворца. Тогда мне открылась вся глубина этой западни.

— Какой западни?

— Заполучить правителя Сацумы, Тосы, вас и меня — всех в одном месте и в одно время! В церемониальных облачениях! Внутри дворцовых стен. Без оружия или охранников!

— А что мог бы предпринять Вакура? Любой из них? У них нет самураев — ни армий, ни денег, ни оружия. Ничего!

— Да, но подумайте: когда мы четверо окажемся все вместе перед Сыном Неба, это будет идеальный момент для кого-нибудь — Вакуры, первого канцлера, главы всех чиновников, принца Фудзитаки, сёгуна Нобусады или принцессы — предложить, чтобы «в этот столь удобный час в качестве подарка Божественному четверо величайших даймё страны выразили ему свою преданность, предложив ему свои державы».

Лицо Огамы потемнело.

— Ни один из нас не согласился бы, ни один! Мы бы тянули время, изворачивались, даже солгали бы и...

— Солгали? Сыну Неба? Никогда. Слушайте дальше: предположим, принц-советник до церемонии, тайно, скажет вам что-нибудь вроде: «Князь Огама, Сын Неба желает усыновить вас, сделать вас принцем Огамой, капитаном императорской стражи, военным хранителем Врат, членом Нового императорского совета десяти, который будет править вместо сёгуната Торанаги, незаконно захватившего власть. Взамен...»

— А? Что за Совет десяти?

— Подождите. «...Взамен, вы просто признаете его тем, кто он есть: Сын Неба, император Ниппона, хранитель священных регалий — Меча, Зеркала и Ожерелья, — ведущий своё происхождение от богов и возведенный надо всеми людьми; взамен вы посвятите своё княжество и своих самураев его службе и его желаниям, которые будут выполняться через Императорский совет десяти!»

Огама неподвижно смотрел на него, капли пота выступили на верхней губе.

— Я... я никогда не отдам Тёсю.

— Может быть. Может быть, нет. Возможно, императорский вестник скажет: кроме того, император утвердит вас в вашем княжестве как правителя Тёсю, победителя гайдзинов, хранителя проливов, отвечающего только перед ним и перед Императорским советом десяти.

— Кто ещё войдет в этот Совет? — хрипло спросил Огама.

Ёси вытер пот со лба. Весь этот замысел вдруг отчетливо представился

ему, когда он достиг своих казарм. Этому помогло случайно оброненное генералом Акэдой замечание о том, насколько коварны люди в Киото, будто сам воздух здесь питает их злокозненные мысли, и то, что в первый миг представляется даром, через мгновение оборачивается удавкой.

Ему тогда стало физически плохо, потому что он понимал, что его можно было бы соблазнить так же легко, как любого другого, так и случилось сегодня, несколько мгновений назад, когда он, убаюканный, поверил в ложь, что ему ничего не грозит, и чувствовал бы себя в безопасности до тех пор, пока не очутился бы в полной изоляции и не получил бы приглашения в мир иной.

— Вот видите, Огама-сама, вы уже почувствовали искушение. Кто ещё войдет в этот Совет? Словно их посулы имели бы какое-то значение. Вы оказались бы один против тех, кого они назначат, и Сандзиро тоже. Первый канцлер Вакура и ему подобные возобладали бы над всеми и стали править.

— Мы бы не согласились. Я бы ни...

— Прошу прощения, вы бы согласились — они способны нагородить почестей, которые соблазнят даже камни, — и самым большим искушением будет то, что они притворятся, будто заменяют сёгуна Торанаг сёгуном Совета десяти! Разумеется, мне не предложат места в Императорском совете, как и никому из нашего рода, за исключением Нобусады, а он уже и так всецело принадлежит им из-за этой принцессы, как я и предупреждал. — Ёси сплюнул от злости. — Андзё — их первый ход.

Чем больше они размышляли о других ходах и тонкостях этого плана, тем отчетливее виделись им кольца в бесчисленных ловчих ямах впереди.

— Празднества продлятся несколько недель, а то и дольше — мы будем обязаны устраивать пиры для двора и для друг друга. Можно было бы воспользоваться медленными ядами.

Ёси содрогнулся. Всю жизнь он носил в себе глубинный страх, что его отравят. Его любимый дядя умер в страшных мучениях, от «естественных причин», как сказал врач, но его дядя был острой занозой в боку враждебного бакуфу и его смерть была очень удобна. Возможно, его отравили, возможно, нет. Смерть предыдущего сёгуна в тот год, когда вернулся Перри: в один день он был здоров, на другой — скончался; опять так удобно для тайро Ии, который ненавидел его и хотел посадить на его место пустоголовую куклу — Нобусаду.

Одни только слухи, никаких доказательств, но отравление было древним искусством в Ниппоне и в Китае. Чем больше Ёси успокаивал себя

— что, если смерть от яда была его кармой? — тем тщательнее он следил за тем, чтобы его повара были людьми надежными, и ел всегда с большой осторожностью. Только это все равно не избавляло его от панического страха, который время от времени овладевал им.

Огама вдруг сжал руку в кулак и ударил им в ладонь другой руки.

— Андзё тайро! Я не могу в это поверить.

— Я тоже. — Посылая человека с письмом, чтобы договориться об этой тайной встрече, он подумал, какая ирония заключается в том, что теперь ему и Огаме на самом деле придется действовать заодно, если они хотят выжить. Порознь это стало невозможным. В данный момент.

— Как нам остановить все это? Я вижу, что они смогли бы совратить меня. — Огама с отвращением сплюнул на татами.

— Они могут совратить кого угодно, Огама-доно.

— Они как волки-ками, это я понимаю. Мы в ловушке. Если Божественный пригласит нас, его гнусные приспешники уничтожат нас. Давайте схватим тех, о ком вы говорили, или... я пошлю за Басухиро, у него ум змеи!

— Мы окажемся в ловушке только в том случае, если примем приглашение завтра. Я предлагаю нам обоим покинуть Киото сегодня ночью, тайно. Если нас здесь не будет... а? — На лице Огамы вдруг расцвела серафическая улыбка, но она так же быстро погасла. Ёси понял почему и добавил: — Такой ход потребует от нас большого доверия друг к другу.

— Да-да, именно. Что вы предлагаете, чтобы уберечь нас от... от любых ошибок?

— Я не могу предугадать все варианты, но это будет лишь на время: мы оба выскользнем из Киото сегодня ночью, согласившись не возвращаться по меньшей мере двадцать дней. Я немедленно отправлюсь в Эдо и разберусь... или нейтрализую Андзё и останусь там, пока это не будет сделано. Генерал Акэда, как обычно, останется вместо меня. Он скажет, что мне неожиданно пришлось вернуться в Зуб Дракона, тяжелая болезнь в семье, но он скоро ждет меня назад. Вы отправитесь в Фусими и проведете ночь там. Завтра на закате, после того как приглашение не сможет дойти до вас, — потому что никто, даже Басухиро, не будет знать, где вы, а?

— Слишком опасно не предупредить его, но продолжайте.

— Я предоставляю это на ваше усмотрение, но завтра на закате вы доставите послание принцу Фудзитаке, приглашая его встретиться с вами наедине на следующее утро, скажем, у развалин Моноямы. — Это была

одна из любимых достопримечательностей для жителей Киото. — Встретившись с ним, вы притворитесь, что поражены этим приглашением, и выразите сожаление, что отсутствовали и потому не смогли принять его. А тем временем ему лучше позаботиться, чтобы до вашего возвращения никаких приглашений больше не было. «А когда это случится?» Вы не знаете точно. Гайдзины угрожают высадиться в Осаке. Вы должны прибыть туда и решить, что предпринять, на месте. И во время разговора дайте ему ясно понять, что вам не нужны никакие неожиданные императорские приглашения — сколь смиренно бы вы ни ценили оказанную вам честь, — пока вы не решите, что готовы их принять.

Огама фыркнул. Он неподвижно смотрел на татами, погруженный в мысли. Потом сказал:

— А как быть с Сандзиро и Ёдо из Тосы? Они-то придут с церемониальным отрядом, но все же с отрядом.

— Скажите Фудзитаке, чтобы он добился отсрочки их приглашений — он должен подсказать Божественному, что солнцестоянию в этом году сопутствуют дурные знамения.

— Прекрасная мысль! Но если приглашения не отложат?

— Фудзитака проследит, чтобы отложили.

— Если это так легко, почему не остаться, даже и с приглашениями? Я просто скажу Фудзитаке, чтобы он упомянул о дурных предзнаменованиях. Празднества будут отменены, а? Это предполагает, что Фудзитака имеет власть предлагать или отменять предложения.

— Вместе с Вакурой имеет. Мне кажется, что коварство Киото растворено в воздухе, которым мы дышим... нас заманят в силок. — Больше он ничего не мог сделать. То, что Огама останется здесь один, никак не отвечало его целям, а ведь оставалась ещё проблема Дворцовых Врат.

— Я мог бы пробыть в Фудзими или в Осаке двадцать дней, — медленно произнес Огама. — Я не смог бы вернуться в Тёсю, это оставило бы... это оставило бы меня открытым для нападения.

— С чьей стороны? Не с моей — мы союзники. Хиро здесь не будет, Сандзиро тоже. Вы могли бы отправиться в Тёсю, если бы пожелали. Басухиро можно было бы доверить охранять здесь ваши позиции.

— Ни одному вассалу нельзя доверять настолько, — желчно проговорил Огама. — Как быть с сиси?

— Басухиро и мой Акэда продолжат преследовать их — наши шпионы бакуфу не прекратят их выискивать.

Огама выругался.

— Чем больше я думаю об этом, тем меньше мне все это нравится. Слишком много опасностей, Ёси-доно. Фудзитака обязательно сообщит мне, что ваше приглашение тоже не было вручено.

— Вы будете искренне удивлены, я предлагаю вам сказать ему, что моя отговорка про болезнь в семье должна быть не более чем прикрытием и я, вероятнее всего, отбыл в Эдо, чтобы решить, что можно сделать, дабы не дать гайдзинам осуществить свою угрозу прибыть в Киото, и проследить, чтобы они ушли из Июкогамы. — Его лицо стало жестким. — Они не уйдут.

— Тогда мы их заставим, — грубо ответил Огама.

— В своё время, Огама-доно. — Ёси посуровел ещё больше. — Сбылось все, что я предсказывал. Поверьте мне, гайдзинов не прогнать силой. Пока ещё нет.

— Но когда же?

— Скоро. Эту проблему должно пока оставить. В первую очередь мы обязаны защитить себя. Два условия: мы должны уехать вместе и вернуться вместе. Мы остаемся тайными союзниками, пока официально, лицом к лицу и наедине, не решим иначе. — Огама рассмеялся, но ничего не сказал. — Последнее, пока меня не будет, наше соглашение относительно Врат остается в силе.

— Ваш разум скачет, как кот с колючками в лапах. — Огама прочистил горло и поменял положение колен, чтобы было удобнее. — Может быть, я соглашусь, может быть, нет. Это слишком важный вопрос, чтобы дать ответ немедленно. Я должен поговорить с Басухиро.

— Нет. Поговорите со мной. Я могу дать лучший совет, потому что знаю больше и, что очень важно, в этом деле ваши интересы являются и моими тоже... и я не вассал, который ищет грошовых милостей.

— Только больших. Вроде Врат.

Ёси рассмеялся.

— Это маленькая милость в сравнении с теми, которые вы окажете мне, а я вам, когда вы станете тайро.

— Тогда подарите мне одну, пока я им ещё не стал: голову Сандзиро.

Ёси посмотрел на него, скрывая удивление. Он не забыл того, что Инэдзин, владелец постоянного двора на дороге к Зубу Дракона и его шпион, рассказал ему об Огаме и «Багряном Небе». Инэдзин говорил о том, как, при поддержке Сандзиро или хотя бы его невмешательстве, Огама одержит верх над сёгунатом, прибегнув к древней тактике, столь любимой даймё: скрытому нападению.

— А яйца его вас не устроят? — спросил Ёси и выложил план, который оттачивал в течение месяцев.

Огама начал смеяться.

Колонна стражников, сменившихся с караула, двигалась к дому по четыре человека в ряд; Ёси шел среди них, по-прежнему переодетый пешим воином. Хотя их предупредили заранее, чтобы они обращались с ним как с таковым, солдатам было трудно не бросить на него взгляд украдкой или не извиниться, когда они оказывались слишком близко. Один из солдат, по имени Ватака, был осведомителем сиси. Он никак не мог предупредить их об этой редкой возможности устроить засаду.

Ёси устал, но был доволен. В конце концов Огама согласился на все, поэтому теперь он мог оставить Киото: Врата будут в безопасности в руках сёгуната, и сам сёгунат будет в безопасности.

Некоторое время — достаточное время, подумал он. Я иду на огромный риск, и мой план пестрит дырами, которые встревожат Огаму, если он их заметит. Это не важно; ясно, что он все равно собирается меня предать. Ладно, это было лучшее, что я мог сделать, и все должно сработать. Мне никак нельзя принимать приглашение.

День стал ярче, солнце сражалось с облаками за обладание небом. Он едва замечал это и то, что происходило вокруг; его голова была занята деталями сегодняшнего отъезда, кого посвятить в этот план, как быть с Койко и генералом Акэдой, кого взять с собой, и самая главная забота — успеет ли он вовремя, чтобы исправить вред, нанесенный Эдо?

Сначала ванна и массаж, решения потом...

Он отвлекся от раздумий, все вокруг вновь обрело очертания, и он стал видеть улицы, по которым они шли, прохожих, лавки, лошадей, кага, паланкины, дома, лачуги, палатки, детей, продавцов рыбой, торговцев с тележками, гадалщиков, писцов и всю толчею рынков. Это было совершенно новое для него ощущение: оказаться одним из многих, человеком без имени в колонне воинов, и он начал наслаждаться этим чувством, столь отличным от всего, к чему привык. Вскоре он уже разевал рот, как какой-нибудь крестьянин, на картины, звуки и запахи города, каких никогда не видел раньше. Он испытывал желание смешаться с толпой, почувствовать её изнутри, узнать, о чем эти люди думают, что делают, что едят, где спят.

— Солдат, — обратился он шепотом к молодому человеку рядом с ним. — Куда ты ходишь, когда не стоишь в карауле?

— Я, г-г-господин? — заикаясь, пробормотал тот и едва не выронил копье, цепenea от ужаса, что высочайший заговорил с ним, и желая тут же упасть на колени. — Я... я иду и выпиваю, господин...

— Не зови меня «господин», — прошипел Ёси, пораженный тем внезапным смятением, которое его вопрос вызвал во всех, кто шел рядом: некоторые из самураев сбились с шага и едва не расстроили ряды. — Веди себя обычно... не смотри на меня! Все не смотрите!

Солдат забормотал извинения, а остальные постарались делать все, как было приказано, обнаружив, что это им почти не под силу теперь, когда их повелитель Ёси разрушил окружавший его покров невидимости. Сержант обернулся и встревоженно поспешил к ним.

— Все в порядке, господин? Что...

— Да-да, сержант. Возвращайтесь на место!

Сержант механически поклонился и подчинился, солдаты снова подхватили ритм и двинулись дальше — до казарм оставалась сотня метров. Ёси с облегчением заметил, что это небольшое замешательство осталось незамеченным для толпы, которая низко кланялась, когда колонна проходила мимо.

Но на него обратили внимание два человека дальше по улице. Это были соглядатай сиси Идзуру и пришедший сменить его молодой ронин из Тосы по имени Русан, который только что вошёл в палатку на улице перед воротами резиденции Торанаги.

— Я что, пьян, Русан? Сержант кланяется пешему солдату. Сержант?

— Я тоже видел это, Идзуру, — прошептал второй. — Посмотри на этого солдата. Вот, теперь его хорошо видно, вон тот высокий ближе к хвосту колонны, посмотри, как он несет своё копье. Он не привык это делать.

— Верно, только... Что это с ним такое, а?

— Смотри, как остальные смотрят на него, не поворачивая головы!

С возрастающим волнением они пристально всматривались в асигару, пока колонна приближалась. Хотя вооружение солдата было самым обычным, как и одежда и все остальное, нельзя было не заметить большой разницы: в походке, осанке, физических качествах этого человека, как бы прилежно он ни сутулился.

— Князь Ёси, — вырвалось у обоих одновременно, и Русан тут же добавил: — Он мой.

— Нет, мой, — возразил Идзуру.

— Я первый его увидел! — прошептал Русан, приняв решение. Его охватило такое нетерпение, что он едва мог говорить.

— Если мы нападем вместе, у нас будет больше шансов.

— Нет, говори тише. Один человек зараз, таков был приказ Кацуматы, и мы все согласились. Он мой. Дай мне знак, когда нападать! — Чувствуя,

как колотится сердце, Русан начал осторожно пробираться через прохожих и других посетителей палатки, чтобы занять более удобную позицию для атаки. Они вежливо кланялись, принимая его за одного из многих — обыкновенного самурая низкого звания из какого-нибудь церемониального гарнизона, отдыхающего от службы, — и больше не обращали на него внимания, готовясь склониться перед приближающейся колонной.

Русан теперь расположился у самого края дороги. Он бросил последний взгляд на самураев, найдя глазами свою жертву. Потом сел на табурет спиной к колонне, глядя на своего друга Идзуру, совершенно спокойный. Его посмертное стихотворение для родителей хранилось у сёи их деревни, переданное ему много лет назад, когда он и ещё десять учеников-самураев взбунтовались. Все они были госи и восстали, когда им было отказано в поступлении в школу для продолжения образования — их родители не смогли собрать необходимую мзду для местных чиновников. Они убили чиновников, объявили себя ронинами, выступающими за сонно-дзёи, и бежали.

Из десяти человек только он ещё оставался в живых. Скоро умрет и он, подумал он с ликованием, зная, что был готов к этому, обучен, достиг вершины своей силы и что Идзуру будет его свидетелем.

Идзуру был охвачен тем же пылом. Он уже обдумал свой собственный план нападения, если Русан потерпит неудачу. С уверенностью он передвинулся на более удобное место. Его взгляд оторвался от колонны и перешел на ворота. Стража готовилась к ритуалу проверки и пропуска караула внутрь. Он сразу заметил, что суеты и отрывистых приказов было больше, чем обычно; люди были раздражены и явно нервничали.

Он выругался про себя. Они знают! Конечно, они знают, знали с тех самых пор, как колонна вышла из ворот! Это объясняет, почему они все утро так тряслись и без дела цеплялись к торговцам. Все они знали, что князь Ёси находился снаружи, сам по себе и переодетый. Но зачем ему это понадобилось? И где он был? Огама! Но зачем? Они готовили новую засаду против нас? Нас опять предали?

Все это время глаза его метались туда-сюда. Он ни на мгновение не забывал о Русане, прикидывая расстояние и рассчитывая время. Уже многие пешеходы и покупатели недалеко от них склонились в поклоне. Офицер вот-вот остановит колонну, а офицер у ворот выйдет ему навстречу, оба поклонятся, вместе осмотрят входящих людей, а потом все пройдут в ворота.

Офицер поднял руку. Колонна с шаркающим звуком остановилась.

— Пора, — сказал Идзуру почти вслух и сделал знак рукой.

Русан увидел сигнал и метнулся к хвосту колонны в двадцати метрах от него, держа длинный меч обеими руками.

Он прорвался сквозь первых двух воинов, отшвырнув их, прежде чем они или кто-то рядом успели сообразить, что на них напали, и обрушил меч на Ёси, который недоуменно смотрел на него какую-то долю секунды. Лишь отточенный инстинкт Ёси заставил его нырнуть вперед, навстречу смертельному удару, и отвести его на ошеломленного самурая рядом с ним, который вскрикнул и упал, обливаясь кровью.

Испустив пронзительное сонно-дзёи в поднявшейся вокруг неразберихе, Русан рывком освободил свой меч, пока солдаты отчаянно пытались развернуться, отталкивая друг друга с дороги. От ворот бежали новые стражники, прохожие повсюду замерли с открытыми ртами, парализованные страхом. Ватаки, осведомитель сиси, был поражен не меньше остальных. Он пришел в ужас, что окажется замешанным или этот неведомо откуда взявшийся сиси, которого он знал в лицо, выдаст его.

Ватаки увидел, как Русан рубанул снова, и затаил дыхание. Но Ёси уже обрел равновесие, хотя пока у него не было времени обнажить меч, поэтому он воспользовался древком копья, чтобы отразить удар. Меч Русана с легкостью рассек его, но лезвие при этом повернулось и слегка замедлилось; это дало Ёси достаточно времени, чтобы броситься вперед и левой рукой ухватиться за рукоятку меча противника.

В тот же миг правая рука Русана метнулась к короткому мечу, вырвала его из ножен и нанесла удар в живот — классический гамбит в рукопашной схватке. Ёси опять оказался готов. Он отпустил копье и ударил предплечьем по кисти Русана, отведя клинок в складки плаща, где тот и запутался. Русан сразу же отпустил рукоятку и его рука, превратившаяся в смертельное оружие, с пальцами, похожими на твердые, как камень, когти, нацелилась на глаза Ёси. Ногти не попали в глаза, но глубоко вонзились в щеку чуть ниже.

Ёси ахнул. Менее подготовленный человек ослабил бы хватку на рукояти длинного меча противника и был бы убит. Полуслепой от боли, он обхватил нападавшего, теперь уже обеими руками, и тот забился, тщетно пытаясь вырваться и не в состоянии предпринять новую атаку. Это дало солдату позади Русана возможность схватить его за горло, и Ватаки, понимавший, что схватка проиграна, и опасавшийся, что сиси может быть захвачен живым, с благодарностью погрузил свой короткий меч в спину Русана на уровне поясницы. Сила удара была такова, что клинок пронзил тело насквозь. Русан вскрикнул. Из уголка рта сбежала струйка крови, но он продолжал сражаться, уже ослепленный смертью, которая взмывала

кверху и вовне, а потом оборвалась. Едва минута прошла с начала нападения.

Хотя его собственные железы качали в кровь панику, Ёси почувствовал, как жизнь уходит из его врага. И ощутил внезапную тяжесть тела, навалившегося на него. Но он не разжимал рук до тех пор, пока не уверился окончательно, что человек действительно мертв. Даже тогда он подождал, пока другие оттащили от него труп и уронили его на землю.

Его покрывала кровь. Он быстро установил, что кровь чужая. Сопутствовавшая ему удача не уменьшила его гнева на тех солдат, что находились рядом и не сумели быть начеку, не сумели образовать вокруг него защитный заслон, предоставив ему самому сражаться. Он обрушился на них с руганью, приказав всему отряду войти и остаться во внутреннем дворе, на коленях, со сломанными мечами; исключение было сделано только для тех двух самураев, которые помогли ему. Затем, тяжело дыша, он огляделся. Шумная улица была почти пустынна.

Когда стало понятно, что означает эта кричащая и толкающаяся свалка, которая образовалась вокруг одинокого сиси с мечом, а через несколько секунд с Ёси сорвало шляпу и он был узан, ошеломленный гул прокатился по толпе простолюдинов. Тотчас же двое или трое из них боком засемили прочь. За ними последовали другие. Осторожный ручеек быстро превратился в настоящий поток, никто не хотел, чтобы его задержали как свидетеля или даже обвинили в сообщничестве.

Идзуру ушел одним из первых, когда увидел, что ожидать успеха от второго нападения практически невозможно. Русан все испортил, думал он, шагая по заранее намеченному переулку, надежно прикрытый толпой, спешившей прочь от площади. Этому дураку следовало снести голову одному из первых двух самураев, чтобы отвлечь внимание, а потом, не замедляя движения, использовать ту же самую текучую свирепую силу, чтобы с разворота атаковать главную цель, сбоку на уровне пояса. Невероятно, чтобы Ёси смог увернуться от такого удара. Ни единого шанса. Кацумата был бы в ярости, он демонстрировал этот прием достаточно часто и достаточно часто наставлял нас. Какая возможность упущена! А уж позволить Ёси перехватить рукоятку меча и парировать удар в живот...

Русан заслуживал того, чтобы его схватили живым и практиковались на нем в фехтовальном зале! Погоди, может быть, оно и к лучшему, что с ним все случилось так, как случилось. Если Русан показал себя столь неспособным в главной схватке своей жизни, он, вероятно, не вынес бы пыток и выдал все наши убежища, те, о которых знал. Нельзя доверять людям из Тосы, сиси они или нет!

Но почему Торанага Ёси пошел на такой риск?

Позади него раздались крики. Солдаты преследовали остатки толпы, чтобы захватить несколько свидетелей. До него им уже никак не добраться, можно не спешить.

Снова начался дождь. Поднялся ветер. Он плотнее закутался в плащ, радуясь, что надел его и шляпу. Ещё один покрытый лужами переулок, потом другой, через мост, ноги скользили по деревянным доскам. Вскоре он оказался в безопасности в лабиринте маленьких, скользких от грязи улочек, которые вели к неприметной калитке в стене большого поместья. Стражник у калитки узнал его, пропустил, махнув рукой в сторону дома, терявшегося в огромных садах и служившего сиси тайным убежищем. На мундире стражника был изображен герб первого канцлера Вакуры.

На улице перед резиденцией Торанаги владельца палатки тычками подгоняли к караульному помещению. Он громко протестовал, крича, что ничего не знает, что сам он человек маленький, и умолял отпустить его — он не осмелился исчезнуть вместе с остальными, потому что его здесь слишком хорошо знали. Несколько недостаточно расторопных прохожих гнали за ним следом. Навес палатки, намокший от дождя, жалобно хлопал на ветру.

Койко накладывала последние мазки макияжа, глядя на себя в ручное зеркало из полированной стали. Её пальцы слегка дрожали. Вновь она сделала сознательное усилие, чтобы освободить разум и распределить свои страхи по ячейкам: она боялась за Ёси и боялась Ёси, боялась за себя и боялась самой себя. Две другие женщины, Тёко, её майко — ученица, — и Сумомо, внимательно наблюдали за ней. Комната была маленькой и содержала лишь самое необходимое, как и весь покой, примыкавший к комнатам Ёси, достаточный для неё, когда она спала одна, и одной прислужницы. Другие комнаты, для её слуг, находились дальше.

Закончив, она долгим взглядом посмотрела на своё отражение. Ей не удалось заметить ни одной морщинки, которая выдавала бы её тревогу, и когда она попыталась улыбнуться, кожа её лица сморщилась только в правильных местах. Глаза её были белыми там, где им должно быть белыми, темными там, где им должно быть темными, и она не уловила в них даже намек на глубину своей озабоченности. Это доставило ей удовольствие. Тут она заметила в зеркале Сумомо. Девушка не подозревала, что на неё смотрят, и лицо её на короткое мгновение открылось. Койко почувствовала, как сжалось её сердце, прочтя на этом юном лице столько боли и внутренней борьбы.

Подготовка, подготовка, подготовка, подумала она, что бы мы делали без неё, и повернулась к ним. Тёко, немногим больше ребенка, приняла зеркало, не дожидаясь, пока её попросят об этом, и ловко поправила выбившийся локон крошечной ручкой.

— Как это прекрасно, госпожа Койко, — сказала Сумомо, околдованная. Сегодня её в первый раз допустили в личные покои Койко. Секреты рождения красоты явились для неё откровением, за всю жизнь она не переживала ничего подобного.

— Да, действительно, — ответила Койко, думая, что девушка говорит о зеркале: совершенство поверхности делало эту вещь почти бесценной. — И к тому же это доброе зеркало. А таких немного, Сумомо, — в этой жизни женщине просто необходимо иметь доброе зеркало, в которое она могла бы смотреть.

— О, я имела в виду тот образ, который вы создали, не это, — смущенно призналась Сумомо. — От вашего кимоно до прически, ваш выбор цветов и как вы красите губы и брови — все. Благодарю вас, что вы позволили мне присутствовать при этом.

Койко рассмеялась:

— Надеюсь, что с этим или без этого результат оказывается приблизительно одинаков!

— О, вы самая прекрасная женщина, какую я когда-либо видела, — вырвалось у Сумомо. В сравнении с Койко она чувствовала себя деревенской простушкой, неотесанной, неуклюжей, коровоподобной, одни пальцы, локти да большие ступни; впервые в жизни она ощущала в себе недостаток женственности. Что мой возлюбленный Хирага может видеть во мне, спрашивала она себя, совершенно расстроенная. Я ничтожество, некрасивая, ничего из себя не представляю, я даже не тёсю, как он. Я не принесу ему ни лица, ни почета, ни денег, и я уверена, что в душе его родители не одобряют его выбор. — Вы... вы самая прекрасная из всех, кого мне когда-либо суждено встретить! — сказала она, думая про себя: неужели все дамы Плывающего Мира похожи на вас? Даже майко будет поразительно красива, когда вырастет, хотя и не так красива, как её госпожа! Неудивительно, что мужчины женятся на женщинах вроде меня, чтобы те управляли их домом и рожали им детей, потому что им так легко поклоняться красоте в другом месте, наслаждаться ею в другом месте и, о, гораздо сильнее.

Вместе с искренностью Койко прочла в её взгляде расстроенность и зависть, которые девушка не могла скрыть.

— Вы тоже прекрасны, Сумомо, — сказала она, давно привыкнув к

тому, что производит такой эффект на многих женщин. — Тёко-тян, ты теперь можешь идти, но приготовь все на потом... и проследи, чтобы нас не беспокоили, Сумомо и меня.

— Да, госпожа. — Тёко было одиннадцать лет. Как и с Койко, её контракт был заключен с мамой-сан дома Глицинии её родителями-крестьянами, когда ей было семь. Она начнет зарабатывать, когда ей исполнится четырнадцать или пятнадцать. До тех пор, и так долго, сколько пожелает мама-сан, контракт делал маму-сан ответственной за её содержание и обучение для жизни в Плывущем Море, а также, если у неё разовьются наклонности, различным искусствам этого Мира: музыке, танцам, поэзии, умению вести беседу или всем сразу. Если майко оказывалась бестолковым или трудным ребенком, мама-сан имела право перепродать её контракт по собственной воле, но если выбор был сделан мудро, как в случае с Койко, весьма значительные финансовые затраты мамы-сан и весь риск окупались сторицей деньгами и репутацией. Не все мамы-сан были заботливыми, или добрыми, или терпеливыми.

— Ну, беги теперь и поупражняйся с цветами, — сказала Койко.

— Да, госпожа. — Тёко понимала, как ей невероятно повезло, что её определили ученицей к Койко, которую она обожала, и она прилагала все силы, чтобы та была ею довольна. Девочка безукоризненно поклонилась и, окруженная, как облачком, безудержно рвущимся наружу очарованием, вышла.

— Итак. — Койко взглянула на Сумомо, поражаясь ей, её прямому взгляду и манерам, её силе. С тех пор как она согласилась оставить её у себя пять дней назад, у них почти не было возможности поговорить наедине. Теперь это время пришло. Она открыла в голове потайную ячейку: Кацумата.

О, друг мой, что же вы сделали со мной?

Он подстерег её, когда она навещала маму-сан в Киото, которая, по просьбе Мэйкин, её собственной мамы-сан в Эдо, нашла ей прислужниц, массажисток, парикмахершу на то время, что она пробудет здесь. Только Тёко и одна прислужница проделали с ней путь от Эдо.

— Я прошу об услуге всей жизни, — сказал тогда Кацумата.

— Нет, вы не должны! — ответила она в шоке от того, что видит его, от того, что он решился подвергнуть её опасности, встретившись с ней украдкой, и от того, что просит о такой услуге: последствия её обязательно будут ужасными. Единожды получив такую услугу, к тому же человеку нельзя было обращаться больше ни с единой просьбой, и сам просящий оставался потом его неоплатным должником. — Мы договорились, когда

князь Торанага Ёси почтил меня своим выбором, что все личные контакты между нами должны прекратиться, за исключением экстренных случаев. Мы же договорились.

— Да, потому-то я и прошу об услуге всей жизни.

Семь лет назад, в Эдо, когда ей было пятнадцать, Кацумата был её первым клиентом. Очень быстро он стал для неё гораздо большим: другом, гуру и самым мудрым учителем. Он открыл ей глаза на этот мир, на важность реального мира, так же как и Плывающего Мира. За долгие годы он обучил её чайной церемонии, искусству ведения споров, каллиграфии, рассказал о поэзии и о скрытом смысле в литературе, политике и посвятил её в свои идеи и планы относительно будущего, как его маленький круг учеников-самураев будет править страной, добьется, несмотря на все преграды, победы сонно-дзёи, и со временем показал ей, какое жизненно важное место она может занять в той головоломке, которую представляло собой движение сонно-дзёи: «Как куртизанка высшего ранга вы удостоитесь доверия самых могущественных людей в качестве жены одного из них, вы выйдете замуж за правителя, можете не сомневаться в этом, ваши сыновья будут самураями, и вы станете незаменимой в этом новом будущем и существенной частью его могущества, никогда не забывайте об этом!»

Мэйкин, её мама-сан, была сторонницей движения, поэтому Койко, конечно же, согласилась помогать Кацумате, слепо восторгаясь его мужеством, смелостью планов и его отрядом сиси, сопутствующей им удачей.

— Наш источник удачи иссяк, — сказал он ей и поведал о засаде прошлой ночью и о том, как ему удалось бежать вместе с ещё двумя людьми. — Нас предали... я не знаю кто, но мы должны разойтись, рассыпаться на время.

— Головы сорока сиси посажены на копья? — прошептала она в ужасе.

— Да, сорок человек. Большинство из них начальники. Спаслись только мы трое, ещё один сиси и девушка, моя воспитанница. Послушайте, Койко-тян, времени у нас мало. Услуга всей жизни, о которой я прошу, заключается в том, чтобы вы охраняли эту девушку, пока будете здесь, в Киото, возьмите её к себе в услужение, даже заберите с собой в Эдо и...

— О, но как бы мне ни хотелось помочь, прошу прощения, это было бы очень трудно, генерал Акэда очень щепетилен в отношении слуг. Он захочет лично побеседовать с ней — так было со всеми моими другими помощницами, — ответила она так любезно, как только могла, внутренне

ужасаясь тому, что он посмел сделать ей столь опасное предложение: приютить у себя беглого сиси, пусть даже это невинная девушка. — Это было бы очень труд...

— Разумеется, это будет трудно. Но вы сумеете устроить все это без того, чтобы он разговаривал с ней.

— Я не думаю, что это возможно, и к тому же есть ещё князь Ёси... — Она остановилась, не договаривая дальше, в отчаянной надежде, что он откажется от этой услуги, но он мягко продолжал, глядя на неё напряженным, подчиняющим себе взглядом, говоря, что Сумомо будет с нею в безопасности, что она самурай, невеста очень важного сиси, женщина, достойная доверия:

— Прошу прощения, но я прошу вас сделать это для сонно-дзёи. Если возникнут проблемы, отошлите её. Любое задание она выполнит... прошу извинить, Койко-тян, я должен идти. Услуга всей жизни, как старому другу.

— Подождите. Если... мне придется посоветоваться с генералом Акэдой, но даже если его и можно избежать, я все равно должна буду спросить у своих слуг, мне, разумеется, необходимо знать их мнение, но что мне рассказать о ней? Генералу или им. Я не знаю этих людей из Киото и о них ничего не знаю.

— Их мама-сан ручается, что им можно верить, — ответил он с полной убежденностью. — Я спросил её, одобрит ли она все это, иначе я не предложил бы подобного. Скажите им правду, что Сумомо просто упрямая девушка и её опекун — ваш старый-старый клиент — хочет, чтобы её обуздали и обучили полезным женским искусствам. Я не могу взять её с собой и хочу, чтобы о ней позаботились. У меня есть обязательства по отношению к её жениху. Она будет подчиняться вам во всем.

Койко дрожала от опасности, которой подвергала себя, а также тех, за кого несла ответственность, Тёко и своих помощниц: четырех прислужниц, парикмахершу и массажистку. По счастью, они согласились принять незнакомку в свой круг и помочь ей измениться к лучшему, и Акэда после долгой беседы не смог найти ни одного недостатка.

Ах, Кацумата, вы знали, что я ни в чем не могу вам отказать, подумала она. Любопытно, как быстро вам перестало быть нужно мое тело, всего через несколько месяцев, и вы пожелали вместо этого владеть моим разумом и расширять его. Я все ещё скована железными обручами, в глубоком долгу перед вами. Без вас и тех знаний, которые вы мне дали, я не достигла бы вершины пика, где нахожусь сейчас, и не смогла бы очаровать величайшего человека в стране.

— Садитесь, Сумомо, — пригласила она. — У нас есть немного

времени, прежде чем мне нужно будет уйти. Здесь нас не могут подслушать.

— Благодарю вас.

— Мои слуги переживают из-за вас.

— Пожалуйста, извините меня, если я делаю что-то неправильно.

Койко улыбнулась.

— Прислужницы сомневаются, есть ли у вас вообще язык. Все соглашаются, что вам не мешало бы быть более обходительной, и все понимают, почему ваш опекун хочет, чтобы вы стали лучше.

— Мне нужно стать лучше, — сказала Сумомо с улыбкой.

Глаза Койко прищурились. Молодая женщина напротив неё была по своему привлекательной, тело гибкое и сильное, лицо не накрашено, цвет юности и здоровья восполнял этот недостаток. Волосы у неё в хорошем состоянии, но их нужно красиво уложить, критически подумала она. Стилль Киото подойдет ей, побольше дорогих масел на руки и кисти, слегка оттенить её изящные скулы, чуть-чуть добавить цвета губам. У этой девушки хорошие задатки. Мы должны сходить в баню вместе, тогда я буду знать больше, хотя сомневаюсь, что она смогла бы привыкнуть к нашей жизни, даже если бы хотела.

— Вы девственница, да?

Она увидела, как девушка вспыхнула, и громко рассмеялась.

— Ах, прошу прощения, ну конечно, вы девственны, я на мгновение забыла, что вы не принадлежите к нашему Миру. Прошу вас, извините меня, но мы так редко встречаемся с чужими, особенно с женщинами-самураями, а иметь одну в своём доме, пусть даже ненадолго, это почти неслыханно.

— Вы всегда нас так называете — чужими?

— Да. Наш Плывущий Мир разделяет нас. Возьмите маленькую Тёко. Скоро её другая жизнь исчезнет, и она будет знать только мою. В этом состоит моя обязанность: обучить её и сохранить нежной и доброй, приносящей себя в жертву мужским удовольствиям — не по своему порыву. — Глаза Койко глянцево заблестели. — Ведь именно это делает мужчин счастливыми и всем довольными, удовольствие во всех его проявлениях, нех?

— Прошу прощения, я не понимаю, что вы подразумеваете под «проявлениями»?

— О, прошу прощения, это означает различные виды и качества, показать удовольствие во всех его формах и степенях.

— А, благодарю вас, — произнесла она, пораженная. — Пожалуйста,

извините меня, но я никогда не знала, что дамы... Плывающего Мира такие... конечно, я предполагала, что они прекрасны, но никогда-никогда не думала, что они могут быть так прекрасны, как вы, и никогда даже не представляла себе, что они могут быть так хорошо образованы и совершенны во всем. — За те несколько дней, что она провела здесь, Сумомо слышала, как Койко поет и играет на сямисэне, и её вдохновили несравненное исполнение и репертуар — она сама играла на сямисэне, совсем немного, и знала, как это трудно. Она слышала, как Койко учила Тёко искусству хокку и других видов поэзии, учила обыгрывать фразу, рассказывала о шелках, о том, как их изготавливают, об основе и утке и других тайнах ремесла, о начале истории и прочих столь же чудесных вещах — широта её знаний была огромна. Сумомо почтительно поклонилась. — Вы поражаете меня, госпожа Койко. Койко тихо рассмеялась.

— Учение — самая важная часть нашей работы. Легко удовлетворить тело мужчины — этот восторг столь мимолетен, — но трудно доставлять ему удовольствие бесконечно долгое время, интриговать его и сохранять его расположение. Это должно исходить из чувств разума. Чтобы достичь этого, необходимо заниматься крайне тщательно. Вам тоже следует начать делать это.

— Когда можно восхищаться цветами вишни, кто станет смотреть на морковную ботву?

— Когда мужчина голоден, он ищет морковь, а не вишневый цвет, а голод он испытывает чаще, чем бывает сыт. — Койко ждала с лукавым интересом. Она увидела, как Сумомо опустила глаза, не зная, что сказать.

— Морковь — это пища крестьян, госпожа Койко.

— Вкус к ягодам вишни нужно развивать, как и к её цветам. Вкус моркови может иметь самые разные оттенки, если её приготовить подходящим образом. — Снова она выжидательно замолчала, но Сумомо по-прежнему не поднимала глаз. — Отбросив загадки, чтобы они не сбивали вас с толку, я скажу, что в действительности не плотских утех ищут мужчины в нашем Мире, но возвышенной любви — нашего самого запретного плода.

Сумомо была поражена.

— Запретного?

— О да, для нас. Он отравлен, этот плод. Мужчины ищут любви и в нашем Мире тоже, и вам она не запрещена, не правда ли?

— Правда.

— Ваш будущий супруг такой же, как все, он тоже ищет высокой

любви, везде, где её можно найти. Будет лучше, если он найдет её дома — столько, сколько вы сможете ему дать, и так долго, как только сможете. — Койко улыбнулась. — Тогда у вас будет и вишня, и тонко приготовленная морковь. Оттенков вкуса можно добиться без труда.

— Тогда, пожалуйста, научите меня.

— Расскажите мне об этом человеке, вашем будущем муже.

— Его зовут Ода, Рокан Ода, — тут же ответила Сумомо, используя вымышленное имя, которое ей дал Кацумата. — Его отец госи... и он родом из Канагавы в провинции Сацума.

— А ваш отец?

— Все, как я говорила, госпожа Койко. Он из ветви Фудзахито, — сказала она, воспользовавшись своим новым именем, — он тоже живет в деревне неподалеку и тоже госи.

— Ваш опекун говорит, что этот Рокан Ода важный человек.

— Он слишком добр, госпожа Койко, хотя Ода-сама сиси и принимал участие в нападении на князя Андзё у ворот замка Эдо, а также убил старейшину Утани. — Кацумата сказал ей, что безопаснее говорить правду, где это возможно, тогда меньше лжи приходится запоминать.

— Где он сейчас?

— В Эдо, госпожа Койко.

— Как долго вы хотите пробыть со мной?

— Что касается меня, госпожа Койко, то так долго, как смогу. Мой опекун сказал, что в Киото мне грозит опасность. Домой я вернуться не могу, отец сердит на меня, как он вам рассказывал, так же как родители Оды-самы сердиты на него, прошу прощения, из-за меня.

Койко нахмурилась.

— Это сделает жизнь невыносимой.

— Да. Карма есть карма, все будет так, как должно быть. Хотя я не имею ни для кого никакой ценности и полагаю, что бакуфу обо мне не знают, сэнсэй Кацумата с одобрением относится к Оде-саме, он взял на себя ответственность. Он сказал, что я должна подчиняться вам во всем.

— Лучше подчиниться родителям, Сумомо.

— Да, я знаю, но Ода-сама запрещает мне это.

Хороший ответ, подумала Койко, видя её гордость и твердость. Опечаленная, она взглянула на полуоткрытое окно. Нет сомнения, что эта запретная любовь окончится так же, как столь многие до неё. Самоубийством. Вместе, если боги будут милостивы к Сумомо. Или в одиночестве, когда этот Ода, следуя своему долгу, подчинится родителям и возьмет жену, приемлемую для них.

Она вздохнула. В садах снаружи сумерки переходили в ночь. Легкий ветерок.

— Листья перешептываются друг с другом. О чем они говорят?

Сумомо скрыла своё удивление и прислушалась. По прошествии некоторого времени она сказала:

— Прошу прощения, я не знаю.

— Слушайте, пока меня не будет. Это очень важно: знать, что шепчут листья. Сегодня вы останетесь здесь, Сумомо. Может быть, я вернусь, может быть, нет. Если вернусь, то мы поговорим ещё, и вы расскажете мне, что слышали. Если нет, то мы продолжим на следующий день и вы расскажете мне завтра. Когда Тёко вернется, чтобы приготовить футоны, скажите ей, я хочу, чтобы вы обе сложили хокку. — Она подумала мгновение и улыбнулась. — Хокку про улитку.

— Здравствуй, Койко, — апатично произнес Ёси. Он сидел спиной к стене, рука рядом с мечом, в юкате из пурпурного шелка. Внешне он казался спокойным, но она видела его насквозь и знала, что он сейчас чувствует себя одиноким, испуганным и нуждается в других умениях.

Её улыбка могла бы осветить самый черный день. Она тут же увидела, что его взгляд смягчился. Хорошо, первый барьер.

— Вот, — сказала она с притворной серьезностью, — у меня есть для вас стихотворение:

*Нелегко сказать,
Где голова, где конец
У улитки, что на листе
Отдыхает!*

Его хохот заполнил всю комнату. Хорошо, второй барьер.

— Я так довольна, что вы позволили мне приехать с вами в Киото. — Его глаза засветились другим светом, и на душе у неё потеплело. Инстинктивно она изменила то, что собиралась сказать: что он был так красив в мерцающем свете ночных фонарей. Вместо этого она высказала то, что жило глубоко в ней:

*Печальны были времена,
Когда, не зная вас,
Я наблюдала: вот настанет день*

И снова пропадет!

Она сидела на коленях напротив него, он потянулся вперед и нашел её руку. Слова были не нужны. Ни для него, ни для неё. Теперь он обрел покой, напряжение пропало, пропали чувство одиночества и весь страх. И она тоже была спокойна. Столько энергии потрачено, чтобы извлечь его из себя самого. Столько тайного открыто. Неразумно открывать так много.

Ты очень важна для меня, говорил он, не произнося этого вслух, как разговаривают влюбленные.

Вы оказываете мне слишком большую честь, отвечала она едва заметной тенью, легшей на лоб. Потом её пальцы легко погладили тыльную часть его ладони, говоря, я обожаю вас.

Глаза неотрывно смотрели в глаза. Она поднесла его руку к лицу и прикоснулась к ней губами. Молчание охватывало их, сжимая все сильнее, причиняя боль, а потом одним быстрым движением она скользнула к нему под бок и крепко обняла его. Её смех зазвенел серебристой трелью.

— Слишком много серьезности вредно для меня, Тора-тян! — Она обняла его снова, уютно устроившись в его объятиях. — Вы доставляете мне столько счастья.

— Ах, не больше, чем ты мне, — мягко проговорил он, радуясь, что напряжение было разрушено так красиво. — Тебя обожают, и твои стихотворения тоже.

— То, что про улитку, принадлежало Кэраи.

Он рассмеялся.

— Оно принадлежит Койко Белой Лилии! Принадлежит, не принадлежало.

Она опять придвинулась теснее, наслаждаясь его теплотой и силой.

— Я чуть не умерла, когда услышала про сегодняшнее утро.

— Жизнь, — ответил он просто. — Мне следовало бы быть более готовым, но меня поразила улица. — Он рассказал ей, какой необычной она показалась ему. — Это было редкое ощущение — чувствовать себя невидимкой, — слишком богатое, чтобы не испытать его снова, какими бы опасностями это ни грозило. Не добавляет ли опасность остроты в это блюдо? Я посмотрю, как это получится в Эдо. С наступлением темноты риск будет меньше, и я подготовлю специальную охрану, чтобы она сопровождала меня.

— Пожалуйста, извините меня, но я бы предложила не злоупотреблять этим наркотиком.

— Я и не собираюсь им злоупотреблять. — Его руки сжали её, им было так удобно вдвоем. — Это могло бы стать наркотиком, да, очень легко.

Комната примыкала к его спальным покоем. Как и все помещения казарм, она была мужской, с минимумом обстановки, татами самого высокого качества, но уже потершиеся. Мне не будет неприятно покинуть это место, подумал он. Их уши уловили мягкое шлепанье приближающихся ног, его рука скользнула к рукоятке меча. Они оба напряглись.

— Повелитель? — произнес приглушенный голос.

— Что такое? — спросил Ёси.

— Прошу простить, что нарушаю ваш покой, господин, только что прибыло письмо из Зуба Дракона.

Койко не нужно было ни о чем просить: она подошла к двери и встала сбоку от неё на страже. Ёси приготовился.

— Откройте дверь, часовой! — выкрикнул он. Дверь отъехала в сторону. Часовой нерешительно остановился, увидев Ёси в наступательно-оборонительной позиции с мечом, на четверть вытасненным из ножен. — Передайте свиток госпоже Койко. — Часовой подчинился и пошел назад. Когда он достиг конца коридора и закрыл за собой ту дверь, Койко закрыла дверь в комнату. Она протянула ему свиток и опустилась на колени на своё место напротив. Он сломал печать.

В письме жена справлялась о его здоровье и сообщала, что его сыновья и остальные члены семьи чувствовали себя хорошо и с нетерпением ожидали его возвращения. Затем шла информация:

Старатели прилежно трудятся и переходят с места на место с вашим вассалом Мисамотой. Золота они пока что не нашли, но сообщили о больших — они употребили слово «огромных» — залежах высококачественного угля у самой поверхности, которые легко разрабатывать. Насколько я понимаю, они называют его «черным золотом» и его можно было бы с выгодой предлагать гайдзинам вместо денег. Они продолжают поиски. До нас дошло, что Андзё назначили тайро, и он хвастается, что вас скоро заставят выйти из Совета старейшин. Далее, доверенный человек, которого вы посетили на пути в Киото, сообщает следующее: кодовое слово, которое он дал вам относительно одного из ваших врагов, является правильным, и подобный план уже готов в качестве государственной политики этого врага.

Багряное Небо. Стало быть, молниеносное нападение является теперь государственной политикой! Продержится ли мое соглашение с Огамой?

Он отложил этот вопрос на потом и продолжил чтение:

Тот ронин, Ори, убит в лагере гайдзинов. Полагают, что второй ронин, Хирага, тоже там. Ваш шпион также доносит, что он, согласно приказу, перехватил «прислужницу», которую вы отослали назад, и отправил её далеко на север, в очень бедный дом для увеселений. Её любовник-ронин был убит.

Ёси улыбнулся. Это была служанка Койко, которая нашептала своему ронину-сиси о тайном ночном свидании Утани. На полпути к Киото он отпустил её, отправив назад в Эдо с каким-то придуманным поручением, — Койко, разумеется, не возражала. Хорошо, подумал он. В малой степени, но Утани отомщен.

Дальше, Гъёкояма: я завершила денежные дела. Могу я использовать эту возможность с углем как дополнительный залог при любых заказах оружия? Возможно, нам следует попробовать договариваться с гайдзинами напрямую, возможно, через Мисамото? Пожалуйста, дайте мне ваши наставления. Господин, вашего присутствия и мудрых советов очень не хватает. И последнее, прошу прощения, голод начался.

Ёси перечитал послание. Очень хорошо зная Хосаки, он понял, по тому, как она написала «дополнительный залог», что переговоры были жесткими и цена высокой. Ладно, на следующий год голода не будет и мы расплатимся со всеми этими Гъёкоямами, если они проживут так долго в землях, которыми я правлю.

Он поднял глаза на Койко. Она смотрела в пространство, погруженная в мечты, которыми, он знал, она никогда с ним не поделится.

— Койко?

— О. Да, господин?

— О чем вы думали?

— Что листья шепчут листьям.

Заинтригованный её ответом, он заметил:

— Это зависит от дерева.

Она мило улыбнулась.

— Клен, кроваво-красный клен.

— В какое время года?

— Девятый месяц.

— Если они наблюдали за нами, они прошептали: «Скоро мы опадём, чтобы никогда уже не вернуться. Но они благословенны. Они растут на древе жизни. Их кровь — наша кровь».

Она захлопала в ладоши, улыбаясь ему.

— Превосходно. А если бы это была сосна весной?

— Не сейчас, Койко-тян, позже.

Увидев, как он вдруг посерьёзнел, она тоже стала серьёзной.

— Плохие вести, господин?

— И нет, и да. Я уезжаю на рассвете.

— В Зуб Дракона?

Он заколебался, и она спросила себя, уж не сделала ли она ошибку, задав этот вопрос. Но он размышлял о том, как ему быть с ней. Ранее, взвесив необходимость ещё одного форсированного марша, он решил не брать её и предоставить ей следовать за ним так быстро, как она только сможет. Её паланкин будет сдерживать их. Она умела ездить верхом, но недостаточно хорошо, а подобное путешествие будет очень трудным.

В любом случае план, на котором они остановились с Акэдой, останется прежним:

— Первый отряд из сорока человек с моим двойником в моих легких доспехах выедет из ворот сразу перед рассветом и, без спешки и не скрываясь, направится к Северной дороге. Прodelав половину пути к Эдо, они повернут назад и вернуться сюда, а мой двойник исчезнет. Второй отряд, мой, из тех людей, что я привел из Эдо, отправится вскоре после первого и устремится к Токайдо. Форсированный марш под командованием того же капитана — я переодеюсь обычным конным самураем и останусь в этом обличье, пока благополучно не достигну замка Эдо.

— Очень опасно, господин, — тяжело произнес генерал Акэда.

— Да. Вы должны присматривать за Огамой и надеяться. Ему на руку, чтобы я преуспел в обуздании Андзё.

— Да. Но, оказавшись снаружи, вы превращаетесь в мишень, и в легкую мишень, к тому же это искушение, перед которым нельзя устоять. Вспомните, что случилось сегодня. Позвольте мне поехать с вами.

— Невозможно. Послушайте, если Огама решит нанести удар, он будет атаковать прежде всего здесь — вам лучше быть готовым к этому. Вы должны отразить его нападение, чего бы это ни стоило.

— В этом я не подведу вас, господин, — сказал старый генерал.

А я обязательно доберусь до Эдо, подумал Ёси с той же уверенностью.

Что же до сегодняшнего нападения, оно лишь напоминает мне, что оно не было первым и не будет последним.

Он заметил, что Койко наблюдает за ним. Мне легче сохранять равновесие, когда она рядом со мной. Свет лампы блестел на её губах и в её глазах, он видел изгиб её скул и колонну шеи, иссиня-черные волосы, безупречно заложенные складки её кимоно и нижние кимоно, чуть заметные на фоне её белой кожи. Нежные изгибы, безупречная поза, кисти рук на коленях, как цветы поверх бирюзового шелка.

Ей придется путешествовать налегке. Никаких прислужниц. И довольствоваться тем, что смогут предложить придорожные постоянные дворы. Это расстроит её, потому что она любит совершенство во всем. Возможно, она воспротивится такой суровой и, в её случае, ненужной спешке. Он вспомнил, как предложил ей нечто подобное в первый раз.

Это случилось не так давно, сразу после того, как он решил оставить её исключительно для себя и приказал её маме-сан, Мэйкин, отправиться с ней в Зуб Дракона, чтобы немедленно договориться обо всем с его женой — Хосаки справедливо полагала, что будет разумно, если она сама встретится с мамой-сан и Койко, поскольку финансовые обязательства будут огромны.

Мэйкин ответила ему, что по крайней мере неделя уйдет на подготовку такого путешествия, Койко, разумеется, возьмет с собой свою собственную парикмахершу, массажистку и трех прислужниц.

— Это смешно, — нетерпеливо заявил он. — Для такого короткого переезда вовсе не нужна такая свита, это лишь повлечет ненужные расходы. Вы обе выедете немедленно.

Они подчинились тут же. Без слуг. Им понадобилось три дня, чтобы добраться до первой придорожной станции за пределами Эдо, ещё три, чтобы добраться до второй. Разозленный, он проделал тот же путь верхом с рассвета до наступления темноты.

— Князь Ёси, — радостно встретила его Мэйкин, изображая удивление. — Как приятно вас видеть.

— Почему все эти задержки?

— Задержки, господин? Нам было приказано выехать немедленно. Мы в точности выполняем ваш приказ.

— Но почему вы едете так долго?

— Так долго, господин? Но вы же не приказывали совершить форсированный марш.

— Вы поторопитесь, — резко бросил ей он, заметив, как она упирает на слово «приказать». — Скажите Койко, что я желаю видеть её.

Мама-сан поклонилась и поспешила в комнаты Койко, оставив его кипящим от гнева. Вернувшись после продолжительного отсутствия, она радостно объявила:

— Койко-сан почтет за честь принять вас, господин, незамедлительно, господин, сразу же, как только сможет найти подходящую прислужницу, чтобы помочь ей уложить волосы. Она сожалеет, но было бы неприлично принимать вас, не подготовившись должным образом, ибо столь досточтимый и почетный гость, как вы, не может ожидать меньшего, и смиренно добавляет, пожалуйста, будьте так добры подождать, когда служанки придут, она закончит прическу так быстро, как это только возможно...

Он досадливо уставился на неё, зная, что, сколько бы он ни настаивал, ему все равно придется подождать. Единственное, что он мог сделать, — это ворваться в комнату Койко силой и полностью потерять лицо и вместе с ним все надежды на то, что в будущем она хотя бы раз будет для него доступна.

Да кем она себя возомнила? — хотелось зареветь ему.

Он не заревел. Он улыбнулся про себя. Когда ты покупаешь редкий меч, ты ждешь, что он окажется сделанным из прочнейшей стали, с лучшей режущей кромкой и своим собственным огнем внутри. Он холодно кивнул.

— Пошлите за её собственными прислужницами, а также за массажисткой и парикмахершей из Эдо, и очень быстро. Это ваша вина, что их здесь нет, вы должны были сказать мне, что они важны для госпожи Койко. Она права, что не принимает меня в неподобающем виде. Я ожидаю, что в будущем такого никогда не повторится!

Мэйкин обрушила на него целый поток извинений и проводила униженными поклонами, а он хохотал всю дорогу до Эдо, перехитрив их, заставив потерять лицо и твердо предупредив обеих: не пытайтесь ещё хотя бы раз играть со мной.

Глаза Койко ни на миг не отрывались от его лица, наблюдая и выжидая.

— Когда вы улыбаетесь, господин, это делает меня очень счастливой.

— А чему я улыбаюсь?

— Мне, господин, — ответила она просто. — Я думаю, потому что я помогаю вам смеяться над жизнью, и хотя земной срок человека — лишь короткая охота в поисках укрытия от дождя, прежде чем он прольется, вы позволяете мне время от времени давать вам укрытие от дождя.

— Да, это так, — сказал он умиротворенно. Если я оставлю её здесь, я не увижу её несколько недель, а жизнь лишь цветок вишни во власти

бродяги-ветра, который не знает хозяина, — моя жизнь, её, вся жизнь. — Я не хочу оставлять тебя здесь.

— Будет хорошо снова вернуться домой.

В самой глубине сердца он подумал о Мэйкин. Я не забыл, что она собирает сведения для сиси, как это делала твоя служанка. Глупо, что мамасан рискует тобой, заставляет меня думать, что ты тоже имела отношение к этим подлым головорезам.

— Кто-нибудь из твоих прислужниц ездит верхом, Койко?

— Я не знаю, господин. Думаю, по крайней мере одна ездит.

— Если ты поедешь со мной, тебе тоже придется ехать верхом, всего лишь с одной прислужницей. И путешествовать налегке, паланкин будет задерживать меня. Я без труда могу устроить так, что ты проделаешь этот путь приятно и не торопясь со всей своей свитой, если тебе это больше по душе.

— Благодарю вас, но поскольку вы предпочли бы, чтобы я была с вами, ваш выбор, разумеется, и мой выбор. Если я стану обузой, тогда вы легко сможете принять решение. Я почитаю за честь, что вы спросили меня.

— Но есть ли прислужница, подходящая прислужница, которая при этом ездит верхом? Если нет, то ты должна выехать следом за мной как можно скорее, — сказал он, снова давая ей возможность отказаться, не обидев его.

— Да, есть одна, господин, — ответила она, поддавшись внезапному порыву, — новая майко, не совсем прислужница, но ученица и немного сверх того. Её зовут Сумомо Фудзахито, она дочь госи из Сацумы, воспитанница старого друга, клиента, который был добр ко мне много лет назад.

Он выслушал все, что она рассказала ему о Сумомо, и слишком хорошо знал обычаи Плывающего Мира, чтобы расспрашивать её о другом клиенте. Заинтригованный, он послал за девушкой.

— Итак, Сумомо, твой отец не одобряет вашего будущего брака?

— Нет, господин.

— Это непростительно — не подчиняться воле родителей.

— Да, господин.

— Ты будешь послушна им.

— Да, господин. — Она без страха посмотрела на него. — Я уже сказала им, смиренно, что подчинюсь их воле, но умру, прежде чем выйду замуж за другого.

— Твой отец должен был отправить тебя в монастырь за подобную

дерзость.

После паузы она пробормотала:

— Да, господин.

— Почему ты здесь, в Киото, а не дома?

— Я... меня послали к опекуну, чтобы он перевоспитал меня.

— Он отнюдь не преуспел в этом, не так ли?

— Мне очень жаль, господин. — Она коснулась лбом татами, вежливо и грациозно, но, он был уверен в этом, без тени раскаяния.

Почему я попусту трачу своё время? — подумал он. Возможно, потому, что я привык к беспрекословному повиновению ото всех, кроме Койко, которой я должен управлять как неустойчивой лодкой в бурном море. Возможно, потому, что меня может развлечь обуздание этой юной особы. Почему не приучить её к перчатке, как едва оперившуюся соколицу, какой она мне кажется, не использовать её клюв и когти для моих целей, а не для её повелителя вселенной, Оды.

— Что ты будешь делать, когда этот Ода, этот госи из Сацумы, в конце концов решит подчиниться своим родителям, как велит ему долг, и возьмет в жены другую женщину?

— Если он примет меня как супругу, даже без интимности, я буду довольна. Как женщину, к которой станет приходить время от времени, я буду довольна. Когда я надоем ему или он прогонит меня, прошу прощения, это будет день, когда я умру.

— Ты глупая молодая женщина.

— Да, господин. Пожалуйста, извините меня, это моя карма. — Она опустила глаза и замерла неподвижно.

Забавляясь, он бросил мимолетный взгляд на Койко, которая ждала его решения.

— Скажем, твой суверенный правитель, князь Сандзиро, прикажет тебе выйти замуж за другого человека и прикажет не совершать сеппуку.

— Я самурай, я подчинюсь без возражений, — гордо ответила она, — как подчинюсь и моему опекуну, и Оде-сама. Но по дороге на свадебный пир может произойти печальное происшествие.

Он фыркнул.

— У тебя есть сестры?

Она вздрогнула от удивления.

— Да, господин. Три.

— Они такие же глупые и трудные, как ты?

— Они... нет, господин.

— Ты умеешь ездить верхом?

— Да, господин.
— Достаточно хорошо, чтобы совершить путешествие до Эдо?
— Да, господин.
— Койко, ты уверена, что она сумеет услужить тебе, если я соглашусь?
— Думаю, что да, господин. Я только боюсь, что могу подвести вас из-за своей неопытности.

— Ты никогда не сможешь подвести меня, Койко-тян. Итак, Сумомо, ты уверена, что сумеешь услужить госпоже Койко?

— Да, господин, и я буду охранять её ценой собственной жизни.

— Согласна ли ты также исправить свои манеры, стать менее высокомерной, более женственной и менее похожей на Дому Годзэн? — Это была знаменитая женщина-самурай, возлюбленная сёгуна, не знавшая жалости убийца, которая, столетия назад, неслась в битву вместе со своим столь же жестоким любовником сёгуном.

Он увидел, как глаза её округлились и она стала ещё моложе.

— О, я не похожа на неё, господин, совсем не похожа... Я бы отдала все, чтобы хоть самую капельку походить на госпожу Койко. Все на свете.

Он скрыл свой смех, наблюдая, как алчно Сумомо вцепилась в этот первый кусочек, который он ей бросил.

— Ты можешь идти. Я приму решение позже.

Когда они остались одни, он весело хмыкнул.

— Предлагаю заклад, Койко. Новое кимоно за то, что Сумомо будет обучена к тому времени, когда мы достигнем Эдо... если я решу взять вас обеих с собой.

— Обучена в каком отношении, господин?

— Она спокойно согласится вернуться к своим родителям и подчиниться их воле и выйти замуж без сеппуку.

Койко с улыбкой покачала головой.

— Прошу прощения, каков бы ни был заклад, я боюсь, что вы проиграете, господин.

То, что она могла подумать, будто он способен ошибиться в человеке, отчасти испортило ему настроение.

— Кимоно против услуги, — резко проговорил Ёси, не собираясь быть таким резким.

— Я принимаю, — тут же сказала она со смехом, — но только при условии, что, подарив мне это кимоно, вы примите в ответ ту услугу, о которой намеревались попросить.

Его глаза прищурились от восхищения тем, как она обратила его промах в ничего не значащую любезность. Ошибкой было предлагать этот

заклад, вообще любой заклад. И ошибается тот, кто уверен, что сможет разгадать все женские уловки — это верный путь к гибели.

ДЕРЕВНЯ САКОНОСИТА

Суббота, 6 декабря

На Токайдо, примерно в сорока милях к востоку от Киото, в горах, стояла Шестая придорожная станция, деревня Саконосита, и когда начало темнеть, последние путешественники и носильщики, сгибаясь навстречу студеному ветру, спешили миновать дорожную заставу, прежде чем она закроется. Все они устали, и всем не терпелось добраться до горячей еды, подогретого саке и уютного тепла комнат, даже полудюжине стражников-самураев, которые притопывали на месте, чтобы разогреть окоченевшие в соломенных сандалиях ноги, и проверяли бумаги лишь выборочно.

— К ночи пойдет снег, — проворчал один из них. — Как я ненавижу зиму, ненавижу холод, ненавижу этот пост.

— Ты все ненавидишь.

— Нет, не все. Я люблю есть и люблю совокупляться. В следующей жизни я хочу родиться сыном торговца рисом из Осаки, дающего деньги в рост. Тогда я смогу есть, пить и крыть все только самое лучшее и быть в тепле, пока мой отец покупает мне звание хиразамурая или по крайней мере госи, — не просто вонючего асигару, на которого все плюют.

— Мечтай больше! Ты возродишься безземельным крестьянином или подставляющим свой зад мальчиком в борделе десятого ранга. Закрывай барьер.

— Ещё не стемнело.

— Пусть отставшие замерзают или платят как обычно.

— Если капитан тебя услышит, вмиг очутишься на Северном острове, где, говорят, член отмерзает, когда попробуешь помочиться. — Стражник посмотрел на дорогу, убегавшую к Киото. Теперь она была пуста; над нею зловеще хмурилось темнеющее небо. Порыв ветра дернул их накидки из соломы. — Поторапливайся, олух! — нетерпеливо крикнул он последнему человеку, полуголому носильщику, который тяжело прошлепал мимо, сгибаясь под тяжелой ношей. Стражник опустил первую перегородку, чувствуя лицом уколы ветра, потом вторую, закрыв заставу, и повернул к караульному помещению и горячему супу.

— Эй, погляди-ка! — Из-за дальнего поворота показалась шеренга всадников. — Открывай!

— Пускай подождут. Они опоздали. — Стражник тыльной стороной

ладони вытер под носом, из которого постоянно текло, и прищурился от ветра, вглядываясь вдаль. Вместе с остальными стражниками он пробежал глазами по всадникам; человек тридцать-сорок, прикинул он, слишком уставший, чтобы пересчитывать их. Знамен нет, стало быть, мелкая сошка. Все заляпаны грязью, лошади в мыле. Всадники ехали, плотным кольцом окружив двух женщин в середине. Женщины путешествовали верхом и были в одежде из толстой материи и широких шляпах с вуалью, подвязывавшейся под подбородком. Он рассмеялся про себя. Сегодня ночью комнат им не раздобыть и уютного сна не видать, деревня полнехонька. Ну и чёрт с ними.

Когда отряд подъехал к заставе, капитан Абэ крикнул:

— Эй там, открывай!

— Иду, иду, — проворчал стражник, лениво переставляя ноги, и тут же пожалел, что не был более расторопен. Абэ в один миг соскочил с лошади. Удар — и стражник рухнул как подкошенный.

— Немедленно открыть заставу! — проскрежетал Абэ. Два всадника спешили рядом с ним, один из них Ёси, его лицо было замотано шарфом, другой — Ватаки, которого Ёси награбил за то, что тот помог спасти его жизнь. Из караульного помещения выбежал офицер и, разинув рот, уставился на своего человека, не подававшего признаков жизни.

— Что здесь происходит? Вы арестованы!

— Открывайте заставу!

— Вы арестованы.

Абэ обошел заставу сбоку; его грозный вид не оставлял сомнений в его намерениях.

— Открывайте заставу. Пошевеливайтесь! — Стражники бросились выполнять приказ, но их офицер выпалил:

— Предъявите проездные бумаги и...

— Слушай, обезьяна. — Капитан Абэ круто повернулся к нему лицом, и тот застыл на месте. — К важным гостям следует обращаться вежливо и не задерживать их в холодный вечер; к тому же и солнце ещё не зашло. — С этими словами он ударил его кулаком сбоку по голове, офицер пошатнулся и после второго сокрушительного удара упал. Абэ рывкнул опешившим часовым: — Передайте этому болвану, чтобы пришел ко мне на рассвете, или я разыщу его и изрублю, как чучело, и вас всех заодно! — Он махнул своим людям рукой, чтобы те проезжали, вскочил в седло и легким галопом поспешил за ними следом.

Ему понадобилось всего несколько минут, чтобы заполучить лучшие комнаты в лучшей гостинице. Те, кто занял их первыми, с благодарными

поклонами исчезли, почитая за высокую честь освободить их — торговцы рисом и другие самураи, никто из которых не был готов к поединку насмерть, чем неминуемо кончилось бы дело, вздумай они артачиться.

Ёси снял шляпу и шарф, когда дверь-сёдзи закрылась. Округлый хозяин гостиницы Приятных Снов сидел на коленях рядом с дверью, уткнувшись лбом в пол и ожидая приказаний. Мысленно он обрушивал тысячи проклятий на своих осведомителей, не предупредивших его об этих поздних гостях, которых он проклинал за то, что они нарушили его покой и, без сомнения, будут нарушать его и далее, кто бы они там ни были. Он не узнавал ни одного из них в лицо и находил в высшей степени странным то, что они путешествовали без знамен, носили простые мундиры и знаки бакуфу и не назвали вслух ни одного имени. Даже этот самурай, отметил он про себя, к которому их злобный капитан, едва они остались наедине, стал относиться с таким почтением, уступив ему самые дорогие комнаты, не был назван ни по имени, ни по званию. И кто эти две женщины? Жена какого-нибудь даймё и её прислужница? Или всего-навсего две блудницы высокого ранга? Новость об их прибытии облетела всю гостиницу. Он тут же назначил награду той служанке, которая сумеет вызнать, кто они такие.

— Ваше имя, хозяин? — спросил Ёси.

— Итидзё, владыка. — Он решил, что обращение «владыка» ничем не может ему грозить.

— Сначала ванну, потом массаж, потом есть.

— Незамедлительно, владыка. Могу я иметь честь самолично показать вам дорогу?

— Будет достаточно банной прислужницы. Есть я буду здесь. Благодарю вас, вы можете идти.

Хозяин льстиво поклонился, с трудом оторвал от пола своё грузное тело и засеменил прочь.

Капитан Абэ проверил посты: часовые будут окружать этот одноэтажный дом из восьми комнат со всех сторон. Койко отвели комнаты дальше вдоль веранды, которая будет охраняться все время. Покои её и Ёси разделяла ещё одна комната, в которой безотлучно находились ещё два стражника.

— Хорошо, капитан. Теперь идите и поспите.

— Благодарю вас, но я не устал, господин.

Ёси приказал, чтобы с ним обращались как с обычным госи, и, только разговаривая с ним без посторонних, самураям разрешалось добавлять «господин».

— Вы пойдете и поспите. Вы нужны мне бодрым. У нас впереди ещё

много дней пути. — Ёси заметил, как какая-то мысль промелькнула в глубине глаз молодого человека, покрасневших от усталости. — Да?

— Пожалуйста, извините меня, — нерешительно заговорил Абэ, — но если вам необходимо срочно достичь Эдо, было бы вернее, если бы вы отправились с отрядом вперед госпожи.

— Идите спать, — сказал Ёси. — Уставшие люди совершают ошибки. Также ошибкой было ударить офицера. Часового было достаточно. — Он знаком отпустил его.

Абэ поклонился и вышел, ругая себя за глупость: нет смысла советовать то, что и так очевидно. Сегодня им пришлось сделать три ненужные остановки, вчера — две. Он ещё раз проверил часовых и вытянулся на футонах в своей комнате. Через несколько мгновений он крепко спал.

После бани, массажа и ужина, который он съел медленно, хотя был очень голоден, Ёси направился вдоль коридора. Решение взять с собой Койко было легким. Он вдруг понял, что она окажется идеальным прикрытием, и приказал Акэде проследить, чтобы каждый знал, что он просто отправляет её в Эдо с отрядом самураев, а сам поедет отдельно.

— Безупречный план, — кивнул Акэда.

Ёси вошёл в её внешнюю комнату. Она была пуста, сёдзи во внутренние покои закрыта.

— Койко? — позвал он и устроился на одной из двух подушек. Сёдзи скользнула в сторону. Сумомо сидела на коленях, держа её открытой для Койко, опустив глаза на татами. Её волосы были убраны в высокую причёску в стиле Киото, брови выщипаны, губы слегка подкрашены. Что ж, отрадное улучшение во внешности, подумал он.

Едва увидев его, Койко опустилась на колени, и обе женщины одновременно поклонились. Он обратил внимание, что Сумомо поклонилась безупречно, в точности скопировав изящество Койко, и это тоже ему понравилось. Он не заметил, чтобы долгая езда верхом хоть как-то отразилась на Сумомо. Ёси поклонился в ответ. Кровати из пуховых футонов были уже готовы.

Койко с улыбкой вошла в комнату, и Сумомо закрыла за ней сёдзи.

— Ну, Тора-тян, как вы себя чувствуете? — Голос её звучал нежно, как обычно, причёска была верхом совершенства, как обычно, но, вещь небывалая, она вышла к нему в том же кимоно, что и вчера.

Койко устроилась на подушке напротив, и он с тревогой заметил, как на её лице промелькнула невольная гримаска боли.

— Езда верхом — для тебя это слишком?

— О нет, первые несколько дней всегда бывает немного трудно, но скоро я стану такой же выносливой, как... — Её глаза смеялись. — Как Дому Годзэн.

Он улыбнулся, но в душе понимал, что совершил ошибку. Вчера они проехали три придорожные станции, то же самое сегодня, но ни вчера, ни сегодня они не проехали столько, сколько он хотел бы. Езда верхом отнимала у неё все силы. Я сделал ошибку, которой не должен был делать. Она не произнесет ни слова жалобы и будет держаться до последнего, может быть, даже повредит себе.

Нужно ли мне спешить? Да. Будет ли она в безопасности в паланкине с десятью человеками охраны? Да. Будет ли разумно сокращать на столько число моих телохранителей? Нет. Я мог бы послать сегодня за подкреплением из Эдо, но это будет стоить мне ещё пять или шесть дней. Мой инстинкт подсказывает мне, что нужно спешить. Гайдзины непредсказуемы. Как и Андзё. Как и Огама — разве он не угрожал мне: «Если вы не справитесь с ними, я справлюсь».

— Койко-тян. Давай ляжем. Завтра будет завтра.

Ночью Сумомо лежала под покрывалом на теплых футонах в их внешней комнате, положив одну руку под голову, сонная, но не усталая, и с умиротворением в сердце. Из внутренней комнаты доносилось ровное дыхание Ёси; дыхание Койко было таким легким, что его почти не было слышно. Снаружи дом окружали звуки ночи: лай собаки в отдалении, писк комаров, шум ветра в листве, приглушенные голоса телохранителей, изредка переговаривавшихся друг с другом, стук горшков и сковородок из кухни, где уже начала работать утренняя смена.

Её первый сон был спокойным и глубоким. Два дня постоянного напряжения физических сил, энергичный массаж и свобода наполнили каждую клеточку её тела пульсирующей радостью жизни. К тому же Койко похвалила сегодня её причёску — Тёко перед отъездом показала ей, как укладывать волосы и подкрашивать губы, и это тоже доставило ей удовольствие.

Все получалось лучше, чем она могла даже мечтать. Её ближайшая цель была достигнута. Её приняли в дом. Они направлялись в Эдо. К Хираге. Она оказалась среди ближайшего окружения Ёси и была наготове. Кацумата наставлял её:

— Не поступай необдуманно. Ни при каких обстоятельствах не рискуй собой, если только не будет верного шанса ускользнуть. Находясь рядом с ним, ты имеешь огромную ценность, не лишай нас этого преимущества и

не допусти, чтобы на Койко пала тень подозрения.

— Она не будет знать обо мне?

— Только то, что я рассказал ей. То же самое, что известно тебе.

— Тогда она уже вовлечена в этот план, нет? Прошу прощения, я хочу сказать, что, если Ёси примет меня, он сделает это из-за неё.

— Решение будет принимать он, а не она. Нет, Сумомо, она не твоя сообщница. Если бы ей довелось узнать о твоих подлинных связях, особенно о Хираге, она бы помешала нам — ей бы пришлось помешать нам.

— Возможная цель? Пожалуйста, в чем заключается моя главная обязанность?

— Быть готовой. Меч, ожидающий, когда им воспользуются, лучше остывшего труп.

Меча у меня нет, подумала она. Возможно, мне удалось бы выхватить его у одного из телохранителей, если сделать это внезапно. У меня есть три сюрикена с отравленными остриями в узелке, который я всегда держу под рукой, и, разумеется, при мне всегда мой нож, который я ношу за obi. Более чем достаточно, если действовать неожиданно. И-и-и-и, жизнь — очень странная вещь. Удивительно, что мне больше нравится быть самой по себе и иметь своё собственное задание — это так чуждо нашему привычному образу жизни, где ты всегда часть группы, где все думают как один, соглашаются как один; вся наша культура зиждется на всеобщем согласии. Мне нравилось быть частью отряда сиси, и все же...

И все же, если быть честной — «Всегда будь честной сама с собой, Сумомо-тян, — не уставал повторять ей отец, — таков твой путь в будущее, путь вождя», — если быть честной, мне всегда с трудом удавалось сдерживать стремление вести за собой, даже сиси, и силой воли склонять их на верный путь в поступках и мыслях.

Неужели это моя карма — вести за собой? Или она заключается в том, чтобы умереть, ничего не достигнув, ибо поистине глупа та женщина, которая желает быть вождем в мире Ниппона. Странно это — желать невозможного. Почему я такая, почему не похожа на других женщин? Или причина в том, что у отца никогда не было сыновей и он обращался с нами, своими дочерьми, как с сыновьями, говоря нам, чтобы мы были сильными, не склоняли головы под ударами судьбы и никогда не ведали страха. Он даже позволил мне, вопреки совету матери, последовать за Хирагой и его столь же недостижимой звездой...

Она на мгновение села на футонах и тряхнула волосами, пытаясь очистить разум и прогнать из головы все эти новые, не знающие узды

мысли, потом опять легла. Но сон не шел к ней, лишь образы Хираги, Койко, Ёси, Кацуматы и её самой сменяли один другой в её сознании.

Странно получается с Ёси. «Мы должны убить его и сёгуна, — говорил Кацумата из года в год, так много раз, и Хирага тоже, — не из-за них самих, а из-за того, что они олицетворяют. Власть никогда не вернется к императору, пока они живы. Поэтому они должны умереть, особенно Ёси — он тот клей, который не дает развалиться сёгунату. Наш светоч — сонно-дзёи, мы должны принести в жертву все, чтобы достичь его!»

Жаль убивать князя Торанагу. Жаль ещё и потому, что он хороший человек, не злобный и не низкий, не такой, как Андзё, которого я, правда, никогда не видела. Возможно, Андзё тоже добрый человек, и все, что о нем говорят, лишь выдумки завистливых дураков.

За это короткое время я увидела Ёси таким, какой он есть: стремительный в делах и мыслях, добрый, сильный, мудрый и страстный. А Койко? Какая она чудесная, хотя такая грустная, как печально быть такой обреченной.

Помнишь, как она говорила:

— Проклятие нашего Мира состоит в том, что, сколько бы ты ни готовила себя, ни тренировала, ни вооружала решимостью относиться к клиенту просто как к клиенту, наступает время, когда появляется такой, от которого голова твоя становится мягкой, как тело медузы, решимость обращается в пену, а лоно — в огненный шар. Когда такое случается, это пугающе ослепительно ужасно. Ты погибаешь, Сумомо. Если боги благосклонны к тебе, вы умираете вместе. Или ты умираешь одна, когда он уходит, или позволяешь себе жить дальше, только ты все равно уже мертва.

— Я не допущу, чтобы такое случилось со мной, когда я вырасту, — вставила Тёко своим тоненьким голоском, услышав их разговор. — Только не со мной. А вы становились мягкой, как тело медузы, госпожа?

Койко рассмеялась.

— Много раз, дитя, и ты забыла один из наших самых главных уроков: закрывать уши, когда другие беседуют. Ну-ка, быстро ложись спать.

Стала ли голова Койко мягкой, как тело медузы? Да.

Как женщина я знаю, что для неё князь Ёси больше, чем клиент, как бы тщательно она ни пыталась это скрыть. Чем это кончится? Печально. Как печально! Он никогда не возьмет её к себе в дом.

А я? Неужели и со мной будет то же самое? Да, наверное, да — то, что я сказала князю Ёси, было правдой: у меня не будет другого мужа, кроме Хираги.

— Это правда... — прошептала она вслух, и это вытолкнуло её наверх

из черного водоворота мыслей. — Прекрати, — пробормотала она, следуя детской привычке, воспитанной в ней матерью и её постоянными увещеваниями: «Думай только о хорошем, маленькая, ибо это Мир Слез, и ты скоро сама узнаешь это. Подумай о чем-то дурном, и в мгновение ока ты рухнешь в бездонную пропасть отчаяния. Думай всегда о хорошем...»

Она сделала над собой усилие и развернула течение своих мыслей: только Хирага придает смысл её жизни.

Она вздрогнула всем телом, когда ослепительное открытие ворвалась в её сознание с потрясающей силой реальности: глупости это сонно-дзёи! Всего лишь ещё один лозунг. Словно оно способно что-то изменить. Вместо одних у власти станут другие, только и всего. А будут ли новые лучше? Нет, разве что, да, если Хирага станет одним из них, возможно, да, если Кацумата станет одним из них, только, ах, прошу прощения, им никогда не дожить до этого.

Тогда зачем вообще следовать за ними?

Слеза скатилась по её щеке. Затем, что, когда я думаю о Хираге, голова моя становится мягкой, как тело медузы, а лоно...

ХАМАМАЦУ

Для ночевки на следующий день Ёси выбрал гостиницу Журавлей, не самую лучшую и не самую худшую в деревне Хамамацу — живописном скоплении домов и гостиниц по обе стороны Токайдо, славящемся своим саке. Дорога здесь поворачивала вниз, к морю.

Поев по обыкновению в одиночестве, Ёси отправился к Койко — если они ели вместе, то, неизменно следуя обычаю, она почти ни к чему не притрагивалась, намеренно поев заранее, чтобы иметь возможность целиком сосредоточиться на том, чтобы услужить ему как можно лучше. Сегодня вечером он изъявил желание сыграть в го. Это была сложная игра, где нужно было много думать. В неё играли фишками, и она немного напоминала шашки.

Они оба считались хорошими игроками, но Койко была настоящим виртуозом и могла, почти всегда, выигрывать или проигрывать по своему желанию. Это делало игру вдвойне сложной для неё. Он приказал ей никогда не поддаваться ему, но сам проигрывать не умел. Если она одерживала победу в неподходящий день, он мрачнел и обижался. Выигрыш же в один из тех дней, когда все шло из рук вон плохо, мог прогнать с его чела самую темную тучу.

В этот вечер он выиграл. Едва-едва.

— О, владыка, вы разгромили меня! — сказала она. — А я-то думала,

что уже побила вас! — Они сидели в её внутренней комнате, опустив ноги в небольшое углубление под низким столиком, где стояла крошечная жаровня с углями. Поверх столика лежало плотное стеганое одеяло, подоткнутое вокруг них, чтобы удерживать тепло и не пускать внутрь холодный воздух. — Вам достаточно тепло?

— А, спасибо, Койко. Как твоя ноющая спина и ноги?

— О, у меня ничего не болит. Массажистка сегодня была очень хорошей. — Она позвала: — Сумомо, sake и чай, пожалуйста.

Во внешней комнате Сумомо достала бутылочку sake и чайник с другой жаровни, отодвинула сёдзи и внесла их к ним. Она хорошо обслужила обоих, и Койко кивнула с удовлетворением.

— Ты научилась чайной церемонии, Сумомо? — спросил он.

— Да, господин, — ответила она, — но... но, боюсь, мне не хватает умения.

— Князь Ёси — мастер чайной церемонии, — сказала Койко и с благодарностью пригубила sake. Её седалище и спина болели от долгой тряски в паланкине, бедра — от двух дней верховой езды, а голова — от усилий, которых ей стоил проигрыш со всеми внешними признаками упорной борьбы за победу. Все это она скрывала, вместе с глубоким огорчением по поводу того, как мало проехали они сегодня. Это явно разочаровало его. Но с другой стороны, подумала она, мы оба понимали, что ещё один форсированный марш невозможен. Он должен ехать вперед, а я отправлюсь следом. Будет хорошо побыть какое-то время без него. Эта жизнь отнимает слишком много сил, какой бы чудесной она ни была.

Они мирно выпили. Потом он сказал:

— Завтра, рано утром, я двинусь дальше с тридцатью воинами, оставив с тобой десять человек во главе с Абэ. Ты не спеши последуешь за мной в Эдо.

— Разумеется. С вашего позволения, могу я ехать так быстро, как это только возможно.

Он улыбнулся.

— Это порадовало бы меня, но только в том случае, если у тебя не будут болеть ни тело, ни душа, когда ты прибудешь.

— Даже если и будут, ваша улыбка излечит меня в один миг. Ещё одну партию?

— Да, но не в го!

Она рассмеялась.

— Тогда я должна подготовиться.

Она встала и вышла в соседнюю комнату, задвинув сёдзи за собой. Он

слышал, как она заговорила с Сумомо, но не стал прислушиваться к их беседе. Его ум был занят завтрашним днём, Эдо и гайдзинами.

Голоса замерли, когда обе девушки вышли. Он допил sake, смакуя вино, потом прошёл в самую дальнюю комнату, где на безупречно чистых татами лежали futony и стеганные покрывала. Зимние пейзажи и цвета были здесь главными украшениями. Он снял свою утеплённую юкату, поежился и скользнул под пуховое одеяло.

Когда Койко вернулась, он услышал, как она походила немного туда-сюда во внешней комнате, потом вошла к нему и направилась прямо в ванную, где стояли сосуды с водой, на случай, если они понадобятся ночью, кувшины с питьевой и другие — для мытья.

— Я отослала Сумомо спать во внешней комнате, — крикнула она ему, — и попросила Абэ поставить снаружи охранника с приказом не беспокоить вас до рассвета.

— Зачем ты это сделала?

Она вернулась в комнату.

— Это наша последняя ночь на какое-то время — я упомянула ему, что не поеду с вами утром, — и я хотела, чтобы вы были безраздельно моим. — Кимоно упало к её ногам, она медленно выступила из него и уютно устроилась у него под боком.

Хотя он много раз видел её нагой, много раз испытывал прикосновение её тела и много раз спал с ней, эта ночь была во много раз лучше всех, что были раньше.

ДЕРЕВНЯ ХАМАМАЦУ

Понедельник, 8 декабря

Сумомо проснулась задолго до первых лучей солнца. Её мучили кошмары. Она больше не ехала по Токайдо с Койко и князем Ёси, она снова была в Киото, солдаты бакуфу под командой Абэ загоняли её в ловушку, в горящий дом сиси, кругом кровь, жуткие крики, сухой треск мушкетов, в панике она протискивалась вперед узким подземным ходом, вслед за Такэдой и Кацуматой, она едва помещалась в нем, пробираясь ползком за ними следом, стены, пол, потолок надвигались, царапая её, становясь все уже. Не хватало воздуха, пыль набивалась в нос, в рот, не давая дышать. Перед её лицом дергались ноги Такэды, который, пыхтя и извиваясь, полз впереди, кто-то или что-то ползло сразу вслед за ней, потом Такэда превратился в Ёси, который стал пинать её, остановил, потом пропал бесследно — и ничего впереди, кроме разверстой могилы.

Когда биение сердца утихло и предметы вокруг стали приобретать очертания в приглушенном свете масляной лампы, она увидела, что один из стражников наблюдает за ней со своих футонов, разложенных рядом. Прошлой ночью она сопровождала Койко, когда та разговаривала с Абэ, и он сказал ей, чтобы она легла спать в этой общей комнате, места с одной стороны было достаточно — это совершенно всех устроило. Комната была отведена четырем самураям, двое из них спали, двое несли службу. Там она приготовила себе постель, но уснуть не могла; мысли её были в смятении, потому что она слышала, как Ёси сказал Койко, что они не поедут с ним дальше.

В безопасности и недосягаем, подумала тогда Сумомо, растерявшись от такого неожиданного поворота событий. До Эдо ещё далеко, столько всего может пойти не так.

Она проснулась на несколько секунд раньше Ёси. Он поднялся мгновенно: только что он ещё спал, и вот уже стоит готовый к новому дню. Она помогла ему надеть его теплую юкату, потом плотно запахнулась в кимоно, отодвинула для него сёдзи в своей комнате, потом в другой, села на колени и помогла ему обуться в соломенные сандалии. Стражник собирался поклониться, вовремя опомнился и ещё раз осмотрел все вокруг, пока Ёси шел к отхожему месту.

Сумомо сидела на коленях рядом с дверью и терпеливо ждала. Рядом с ней сидела прислужница с жаровней, чайником и подносами с завтраком.

— Доброе утро, госпожа. Сегодня холодное утро, позвольте приготовить вам чай?

— Да-да, пожалуйста, Сумомо, быстро-быстро. Закрой дверь, очень холодно. — Койко заторопилась во внутренние комнаты, бросив на ходу: — Мы выезжаем позже утром, Сумомо. Тогда и переоденемся в дорожное платье.

— Да, госпожа. — Сумомо все ещё стояла в наружных дверях, пытаясь справиться с шоком. Она сразу заметила, что её узелок лежит не на месте; узел, связывающий концы квадратного куска шелка, завязан не совсем так, как это делала она. Её дневное кимоно по-прежнему лежало сложенное рядом, но было видно, что и его тоже трогали.

Чуть дыша, она дождалась, когда прислужница вышла, потом развернула кимоно. Когда её пальцы нащупали сюрикены, спрятанные в потайном кармане в рукаве, сердце её начало биться снова.

Хотя постой, подумала она, и кровь бросилась ей в лицо, только то, что они все ещё здесь, ещё не означает, что их никто не видел. Не паникуй! Думай! Кто стал бы обыскивать мой узелок здесь и почему? Вор? Никогда! Абэ? Стражник? Койко? Ёси? Если бы это был один из них, то я уже была бы мертва или, по крайней мере, связана и отвечала бы на вопросы и...

— Сумомо, чай уже готов?

— Да, я иду, госпожа...

Торопливо, холод ещё больше подгонял её, она надела кимоно поверх ночной юкаты — она уже сделала первое умывание рано утром, почистила зубы и расчесала волосы, которые по-прежнему были заплетены в традиционную косу — повязала оби, переложила туда нож в ножнах, и все это время её мозг работал с предельной быстротой. Был ли это кто-то из них? Может быть, обыск не был достаточно тщательным? Он мог не заметить сюрикены, это не трудно, если не искать их специально. Может быть, искавший не имел опыта в таких делах? Койко? Зачем ей обыскивать мои вещи теперь? Разумеется, это было сделано другими прислужницами, когда я впервые появилась у неё, — сюрикены Сумомо тогда носила с собой.

Пока мысли сменяли одна другую в её голове, она поставила разогревать рисовую кашу, приготовила чай и отнесла чашку в ванную, где Койко заканчивала мыться из ведер с горячей водой, в которую для аромата были добавлены цветочные настойки. Воду доставили на рассвете через маленький люк, чтобы не пролить ни капли и не потревожить гостей.

Ночные вазы убрали тем же способом.

— Я надена коричневого кимоно с карпом, — сказала Койко, с благодарностью делая глоток: нежную кожу стягивало на холодном воздухе, как она ни заставляла себя притворяться, что холода не существует, — и золотистый оби.

Сумомо поспешила выполнить приказание, хотя сердце у неё все ещё сжималось от тревоги. Она принесла требуемое и помогла ей одеться.

Когда оби был завязан к её удовлетворению, Койко села на колени на один из футонов. Сумомо расположилась позади неё и принялась расчесывать её сияющие, длиной до пояса, волосы.

— Да, так хорошо, Сумомо, у тебя уже получается, только, пожалуйста, движения должны быть более плавными и ровными.

Снаружи звуки просыпающейся гостиницы становились все громче. Служанки, солдаты, постояльцы перекликивались друг с другом. Послышался голос Абэ, потом Ёси. Обе женщины прислушались, но слов не разобрали. Голоса стали удаляться.

— Ещё двадцать движений щеткой, а потом я поем и выпью ещё чашку чая. Ты голодна?

— Нет, госпожа, благодарю вас, я уже поела.

— Ты хорошо спала? — спросила Койко, уловив натянутость в её голосе.

— Нет, госпожа Койко. Прошу прощения, что докучаю вам своими бедами, но иногда мне бывает трудно уснуть, а потом, когда я засыпаю, мне снятся дурные сны, — откровенно ответила Сумомо, все ещё думая о своём. — Врач дал мне немного успокаивающего лекарства. Я забыла взять его с собой, когда переходила в другую комнату.

— А, вот как? — Койко скрыла своё облегчение. — Возможно, тебе следует принять его прямо сейчас.

— О, но это может подождать и...

— Пожалуйста, я настаиваю. Очень важно, чтобы ты была спокойна.

Послушно и с благодарностью Сумомо достала маленькую бутылочку. Её никто не открывал. Она сделала глоток и снова закрыла её пробкой. Почти тотчас же внутри неё начало разливаться тепло.

— Благодарю вас, госпожа, — сказала она и вернулась к прерванному занятию.

После горячей рисовой каши и маринованных овощей, нескольких кусочков запеченного угря в горько-сладком соусе и рисовых ролов Койко сказала:

— Пожалуйста, сядь, Сумомо, и налей себе чаю.

— Благодарю вас, госпожа.

— Князь Ёси решил, что я не должна больше сопровождать его, а последую за ним в паланкине с более умеренной скоростью.

— Некоторые из стражников говорили об этом, пока я ожидала вас. Все будет готово, когда бы вы ни пожелали ехать.

— Хорошо. — Теперь, когда Койко узнала правду о бутылочке, она чувствовала себя гораздо спокойнее, но это не изменило её решения быть осторожной — её долг перед Кацуматой был уже выполнен. — Ты теперь благополучно выбралась из Киото, — мягко произнесла она, и в животе у Сумомо похолодело. Если бы не эликсир, она бы ударилась в панику. — Нам пора расстаться, Сумомо. Сегодня. У тебя есть деньги?

— Нет, госпожа. — Сумомо постаралась, чтобы голос её звучал совсем обычно. — Но не будет ли возможно...

— Тебе не о чем беспокоиться, денег я тебе дам. — Койко улыбнулась, неправильно истолковав её смятение, и твердо продолжала: — Твои бумаги в порядке?

— Да, но могу я оста...

— Так будет лучше для нас обеих. Я продумала каждую возможность. Будет лучше, если я отправлюсь дальше одна. Ты можешь остаться здесь, или вернуться к себе домой в Сацуму — я бы посоветовала именно это, — или самостоятельно добираться до Эдо.

— Но, пожалуйста, нельзя ли мне остаться с вами?

— Будет разумно, если ты поедешь дальше своей дорогой — разумеется, ты понимаешь, что я оказала твоему опекуну самую большую из услуг, когда приняла тебя. Теперь ты в безопасности, — доброжелательно сказала она.

— Но... но что вы станете делать, у вас ведь нет прислужницы. Я хочу служить вам и...

— Да, и ты справлялась очень хорошо, но я без труда смогу нанять кого-нибудь. Пожалуйста, не беспокойся об этом. Теперь скажи, ты вернешься в Киото? — Когда Сумомо промолчала в ответ, лишь тупо глядя перед собой, она мягко спросила: — Что твой опекун сказал тебе делать, когда ты расстанешься со мной?

— Он... он не сказал.

Койко нахмурилась.

— Но, разумеется, у тебя должен быть какой-то план.

— О да, госпожа, — ответила Сумомо, потрясенная и ещё больше взволнованная — её рот говорил сам по себе: — он сказал мне, что я должна оставаться с вами до Эдо. Потом... потом, если таково будет ваше

желание, я должна была оставить вас.

— И куда ты должна была пойти?

— К... к Оде-сама.

— Да, это понятно, но где это в Эдо.

— Я точно не знаю. Позвольте налить вам е...

— Ты не знаешь точно, Сумомо? — Койко нахмурилась ещё больше. — А есть ещё какая-нибудь семья, в которую ты можешь пойти, если его там нет?

— В общем, да, есть одна гостиница, они будут знать, где он, или там будет записка для меня, но я клянусь, что не буду вам обузой в путешествии, совсем нет, я так многому учусь у вас...

Чем больше Койко слушала, как девушка торопливо пытается убедить её — глупо, подумала она, ведь ей должно быть ясно, что я уже приняла решение, — тем меньше ей нравилось то, что она слышала, и тем больше её тревожила взволнованность Сумомо и то, как та говорила, уставив глаза в пол.

Она закрыла уши, перестав слушать её доводы, и использовала это время, чтобы самой собраться с мыслями. Мысли эти становились все более зловещими.

— Твой опекун, он тоже будет в Эдо?

— Я не знаю, прошу прощения. Пожалуйста, позвольте мне налить вам ещё...

— Этот Ода-сама родом из Сацумы... он служит в гарнизоне дворца Сацумы?

— Нет. — Сумомо обругала себя, она должна была ответить «я не знаю». — Сацу...

— Тогда что он делает в Эдо?

— Я не знаю, госпожа, — смешавшись, ответила Сумомо, её ум не успевал за вопросами Койко, с каждой секундой она становилась все растеряннее. — Я не видела его почти год, то есть... мне сказали, что он будет в Эдо.

Койко сверлила её взглядом. Её голос стал резким.

— Твой опекун сказал, что этот Ода-сама сиси, поэтому он... — Она не договорила. С этим словом, произнесенным вслух, огромность того, что она сделала, чем рискнула, согласившись взять эту девушку с собой, захлестнула её, подобно гигантской волне. — Сиси считают князя Ёси своим первым врагом, — простонала она, — если он враг, зна...

— Нет, госпожа, он не враг, он — нет, только сёгунат, бакуфу, они враги, он выше этого, он не враг, — страстно заговорила Сумомо, ложь

далась ей легко, потом добавила, не успев остановиться вовремя: — Кацум... мой опекун много раз говорил об этом всем нам.

— Всем вам? — Лицо Койко стало белым как мел. — Наму Амида Буцу! Ты одна из его учеников! — Кацумата говорил ей, что готовил нескольких избранных молодых женщин как воинов своего боевого отряда. — Он... он обучал и тебя тоже?

— Я всего лишь смиренная сторонница движения, госпожа, — ответила Сумомо, отчаянно пытаюсь взять себя в руки и сохранять выражение лица спокойным.

Койко повела головой, не веря своим ушам, её мозг отказывался работать, блистательный мир, в котором она жила несколько минут назад, рассыпался в прах.

— Так ты одна из них, да, одна из них!

Сумомо не мигая смотрела на неё, не зная, как избежать этой ямы, которая вдруг разверзлась перед ними обеими.

— Госпожа, прошу вас, давайте спокойно все обсудим. Я... я не угроза для вас, как и вы для меня, давайте согласимся на этом. Я поклялась защищать вас, и я буду вас защищать, и князя Ёси, если понадобится. Позвольте мне ехать с вами. Клянусь, я оставлю вас сразу же, как только мы достигнем Эдо. Пожалуйста. — Она продолжала смотреть на Койко, словно пыталась взглядом подчинить её своей воле и заставить согласиться. — Вы никогда не пожалеете о своей доброте. Пожалуйста. Мой опекун попросил вас об услуге всей жизни. Пожалуйста, я буду служить вам...

Койко почти не слышала слов. Она смотрела на неё как мышь на приготовившуюся к броску кобру. Ни одной мысли не осталось в её голове, кроме одной: как спастись, как превратить все это в сон? Или это сон? Приди в себя, твоя жизнь лежит на чаше весов, больше, чем твоя жизнь, ты должна мыслить здраво.

— Отдай мне свой нож.

Сумомо не колебалась. Её рука скользнула в складки оби, и она протянула Койко нож в ножнах. Койко приняла его так, словно он был раскален докрасна. Не зная, что с ним делать дальше — всякое оружие было запрещено в Плывущем Мире, и раньше она никогда не держала в руках смертоносного клинка, не имела своего и не испытывала в нем нужды, — она засунула его в свой оби.

— Что тебе нужно от нас? Зачем ты здесь? — Её голос был едва слышен.

— Только затем, чтобы путешествовать с вами, госпожа, — ответила

Сумомо, словно разговаривала с ребенком, не сознавая, что и её лицо побелело. — Только чтобы путешествовать с вами, никакой другой причины нет.

— Ты была среди убийц, напавших на сёгуна Нобусадзу?

— Конечно нет, я всего лишь простая сторонница, друг...

— Но это ты была тем шпионом, который нашептал, что мой господин собирался покинуть казармы, чтобы встретиться с Огамой — это была ты!

— Нет, госпожа, клянусь вам. Я уже сказала вам, что он не враг, это был какой-то сумасшедший-одиночка, не кто-то из нас, я опять повторяю...

— Тебе придется оставить меня, ты должна, — чуть слышно произнесла Койко. — Пожалуйста, уходи. Пожалуйста, уходи сейчас же, пожалуйста. Быстро.

— Нет никаких причин тревожиться или бояться. Никаких совершенно.

— О, но я боюсь, я в ужасе, в ужасе от того, что кто-то должен... должен обличить тебя, а Ёси... — Эти слова словно повисли в воздухе между ними. Их взгляды сомкнулись. Воля сверкала в глазах Сумомо, Койко, беспомощная, сгибалась перед изливавшейся из них силой. Казалось, они обе постарели. Сердце Койко разрывалось от того, что она могла быть настолько наивна и что её идол так зло использовал её; Сумомо же была в бешенстве от того, что оказалась такой глупой и не согласилась уйти сразу же, как только эта всюду сующая свой нос шлюха заговорила об этом. Дура, какая же я дура, думали обе.

— Я сделаю, как вы скажете, — тихо произнесла Сумомо. — Я уеду, даже если...

Сёдзи отодвинулись в сторону. В комнату весело вступил Ёси, направляясь во внутренние покои. Оцепенение разом спало с них обеих. Они торопливо поклонились. Он остановился на полпути, все его чувства кричали ему об опасности.

— Что здесь происходит? — резко спросил он. Он заметил страх, промелькнувший на их лицах, прежде чем они склонились в поклоне.

— Ни... ничего, повелитель, — ответила Койко, приходя в себя, в то время как Сумомо поспешила к жаровне, чтобы принести свежего чая. — Хотите выпить чая, позавтракать, быть может?

Он переводил взгляд с одной женщины на другую.

— Что-здесь-происходит? — медленно повторил он, и слова его были как ледяные иглы.

Сумомо смиренно опустила на колени.

— Мы... мы просто так сожалели о том, что не едем с вами,

повелитель. Все дело только в этом, только в том, что госпожа Койко так опечалена. Позвольте мне подать вам чай, повелитель.

Молчание сгустилось. Его кулаки сжались на бедрах, лицо окаменело, голые ноги плотно стояли на татами.

— Койко! Отвечай-мне-немедленно!

Губы Койко зашевелились, но ни слова не слетело с них. Сердце Сумомо остановилось, потом молотом застучало в ушах, когда Койко, пошатываясь, поднялась на ноги, слезы закапали у неё из глаз, и она сбивчиво забормотала:

— Видите ли, она... это правда, но она не совсем та...

В тот же миг Сумомо оказалась на ногах, её правая рука нырнула в рукав и в пальцах блеснул сюрикен. Увидев его, Ёси сжал зубы. Её рука поднялась для броска — он был безоружен, открытая мишень для неё, его мечи остались во внутренней комнате. Он тут же метнулся влево, надеясь, что этот ложный выпад собьет её с толку, готовясь броситься на неё и не спуская глаз с её поднятой руки. Она осталась недвижима, нацелилась ему в грудь и изо всех сил бросила.

Стальной круг с острыми зубцами, вращаясь, полетел через комнату. Ёси отчаянно выгнулся и повернулся на месте. Один из зубцов зацепил край его кимоно, прорезал ткань, но тела не коснулся и исчез, оставив дыру в сёдзи и с глухим «тваккк» вонзившись в одну из стоек внутренней комнаты. Ёси, потеряв равновесие от сделанного невероятного усилия, врезался в стену и осел на пол.

На одно короткое мгновение все словно замедлилось, как во сне...

Сумомо бесконечно долго опускала руку в рукав за вторым сюрикеном, видя только великого врага, беспомощно лежащего перед ней, и его скудоумную шлюху, которая стала причиной этого ненужного завершения всего и теперь смотрела на неё, разинув рот, живое воплощение страха, но сама страха не испытывала, только окрыляющий восторг, уверенная, что поднялась до своего зенита, до того мига, ради которого была рождена и к которому готовилась всю жизнь, и что сейчас она, непобедимый боец сиси, одержит великую победу и, погибнув, будет жить в легендах вечно...

Койко стояла парализованная, в ужасе от того, что её богоподобный гуру предал её, кормил её одной только ложью, и эта девушка такая же обманщица, и из-за них происходит этот чудовищный заговор: её покровитель умрет, но даже если и не умрет, она опозорена, и её ждет смерть либо от его руки, либо от руки его телохранителя, все в этой жизни теперь напрасно, никогда ей не выйти замуж за своего самурая, никогда не

иметь сыновей, лучше покончить с этим быстро и своею рукой, чем быть прирезанной ими, но как, как, и тут она вспомнила о ноже Сумомо...

Ёси на полу, вытягивая шею, повернул голову, отчаянно пытаясь увидеть, куда будет направлен следующий сюрикен, подтягивая под себя ноги для броска вперед, который он должен был совершить или умереть; его мозг разрывался при мысли, что он столько времени согревал в своих объятиях гадюку, потом его глаза нашли руку Сумомо со вторым сюрикеном — сколько их у неё? — её губы растянулись, обнажив белоснежные зубы...

Короткий миг неподвижности миновал.

Сумомо замерла, в упоении от подвига, который сейчас свершится, но это длилось слишком долго, и она увидела, как Койко вышла из оцепенения и в её руке появился нож. Инстинктивно она поменяла цель, опомнилась, заколебалась, снова прицелилась в Ёси и начала бросок, но в этот миг Койко метнулась вперед, запуталась в своём кимоно и с размаху упала по направлению к ней.

Вращающийся сюрикен вонзился в грудь Койко, она вскрикнула, и это дало Ёси время броситься снизу на Сумомо. Он поймал её за щиколотку и повалил на пол, его стальные пальцы метнулись к её горлу, но она была подобна угрю и увернулась, натренированная в боевых искусствах. Её рука шарилась в рукаве в поисках последнего сюрикена, но прежде чем она успела нащупать его, он вцепился в её кимоно и оторвал половину рукава, помешав ей. Она снова вывернулась из его рук и в мгновение ока вскочила на ноги, но теперь и он тоже был на ногах.

Она тут же издала пронзительный боевой клич, от которого кровь стыла в жилах, вскинула руку и сделала бросок. Он оцепенел, сочтя себя мертвым, но рука её была пуста, замах был ложным, последний сюрикен все ещё болтался где-то в оторванном рукаве.

Она пыталась отыскать его, когда сёдзи рывком отодвинули и на пороге появился стражник.

— Быстро, — крикнула она, показывая на Койко, которая стонала и корчилась на полу, отвлекая его и командуя, что делать. Когда телохранитель прыгнул вперед, она выхватила его длинный меч из ножен, и рубанула им с размаху, ранив его, и в следующий миг повернулась к Ёси. Но тот успел отпрыгнуть назад, перескочил через трепещущее тело Койко, лежавшей ничком, и бросился во внутреннюю комнату к своим мечам, проломившись через сёдзи напрямик. Сумомо яростно преследовала его.

Его меч с коротким шипением вылетел из ножен. Он повернулся, с бешеной силой парировал первый удар и повернулся в тесной комнатке.

Сумомо бесстрашно атаковала его снова, и снова её удар был отбит; Ёси тем временем оценивал её, а она — его. Ещё один обмен молниеносными ударами — она была столь же умелым мастером меча, как и он.

Теперь напал он, и тоже безуспешно. Они разошлись и двинулись по кругу, потом она выскочила через сёдзи, ища больше пространства. Он следовал за ней по пятам. Они опять двинулись по кругу, выискивая слабое место в обороне противника. Снаружи раздались крики. К комнате сбегались стражники; тело раненого самурая наполовину закрывало вход. Понимая, что времени у неё мало, Сумомо усилила натиск, сделала выпад, потом повернулась, встав спиной к двери, и их мечи заработали, парируя и нанося удары. Ёси развернулся, заставив её опять пойти по кругу, но упустив при этом инициативу.

Он увидел Абэ, набегавшего на неё со спины с поднятым мечом, и прорычал:

— Нет! Оставь её мне. — И едва не лишился головы, отступив во временном беспорядке.

Абэ послушно остановился. Ещё одна яростная схватка, к которой Ёси едва успел обрести равновесие. Противники были достойны друг друга; Ёси намного превосходил девушку силой, хотя и не имел такой практики.

Их клинки сомкнулись. Она быстро отступила на шаг, понимая, что он обязательно возьмет верх в таком единоборстве, сделала обманное движение и слепо ринулась вперед, отбросив всякие правила. Её меч вонзился ему в плечо. Этот выпад покалечил бы менее искушенного бойца, но он предвидел этот удар, и клинок лишь легко его ранил. Ёси, однако, громко вскрикнул и, раскрывшись, опустил свой меч; лицо его исказила притворная гримаса боли. Забыв об осторожности, она двинулась вперед, чтобы добить его. Но он оказался не там, где она ожидала его найти. Его меч описал яростную дугу от пола, застав её врасплох, и отсек ей вооруженную руку чуть выше кисти. Её меч, кувыряясь, подлетел в воздух, мертвые пальцы все ещё сжимали рукоятку.

Она удивленно уставилась на культи, из которой потоком хлестала кровь. Боли не было. Её вторая рука пережала обрубленную кисть, замедлив кровотечение. Телохранители снова бросились вперед, чтобы схватить её, но Ёси опять с проклятиями отогнал их. Грудь его ходила ходуном, он пытался отдышаться, ни на мгновение не сводя с неё настороженных глаз.

— Кто ты?

— Сумомо Фудзахито... сиси, — выдохнула она. Силы и мужество быстро покидали её. На последнем подъеме она простонала сонно-дзёи-и-

и-и, отпустила кисть, стала шарить в рукаве, нащупывая последний сюрикен, нашла его, погрузила одно отравленное острие себе в руку и, покачнувшись, шагнула к Ёси, чтобы вонзить сюрикен в него. Но он стоял наготове.

Могучий удар поразил её точно в то место, где шея соединяется с телом. Меч рассек тело и вышел как раз под мышкой. Все стоявшие рядом как один с шумом втянули в себя воздух, уверенные, что стали свидетелями деяния, рассказы о котором столетиями будут передаваться из уст в уста и которое подтвердило право этого человека считаться достойным потомком великого сёгуна и являться носителем славного имени. Но все были при этом и потрясены обилием крови, залившей все кругом.

Абэ первым обрел способность говорить.

— Что произошло, повелитель?

— Я победил, — хмуро ответил Ёси, осматривая плечо; кимоно в этом месте напиталось кровью. У него по-прежнему сильно кололо в боку и в сердце. — Приведите врача... потом мы выезжаем.

Люди бросились выполнять его приказание. Абэ оторвал взгляд от трупа Сумомо. Койко жалобно стонала и корчилась на полу, её ногти царапали татами, оставляя в циновках дыры. Он двинулся к ней, но Ёси остановил его:

— Осторожно, болван! Она тоже участвовала в заговоре! — Абэ опасливо откинул нож Сумомо в сторону. — Переверни её! — Он подчинился, по-прежнему орудуя ногой.

Крови почти не было. Сюрикен прищипил кимоно к телу, быстро остановив кровотечение; стальной кружок был погружен в её грудь почти до половины. Пульсирующая боль, накатываясь волнами, искажала её лицо уродливой гримасой, в другие же моменты Койко была все так же ослепительно прекрасна.

Ёси обуревала ненависть.

Никогда ещё не был он так близко к смерти. Предыдущее покушение было сущим пустяком в сравнении с этим. Как ему удалось выдержать этот натиск и неожиданное нападение, он и сам не понимал. Полдюжины раз она брала верх над ним, он знал это, и ужас, испытанный им на пороге смерти, был совсем не таким, каким он его себе воображал. Такой ужас способен лишить мужества кого угодно, подумал он, чувствуя, как в нем поднимаются ярость и желание изрубить Койко на куски за её предательство или оставить её корчиться здесь в муках.

Её пальцы бессильно скребли грудь в том месте, где сосредоточилась эта невыносимая боль; она пыталась вырвать из своего тела то, что было её

причиной. И не могла. Дрожь пробежала по её телу. Глаза открылись, и она увидела Ёси, стоящего над ней, и тогда её руки оставили грудь и поднялись к лицу, пытаясь поправить растрепавшиеся волосы, чтобы они выглядели аккуратно в его присутствии.

— Помогите мне, Тора-тян, — всхлипнула она, слова клокотали у неё в горле, — пожалуйста, помогите мне-е-е... больно...

— Кто подослал тебя? И её? Кто?

— Помогите-и-ите мне, о, пожалуйста, больно, больно. Я хотела спасти... спасти... — Её голос умолк, и она снова увидела себя с ножом в руке, он беспомощно лежит у стены, увидела, как, мужественно исполняя свой долг, она бросается вперед, чтобы защитить его, дать ему этот нож, которым она не могла воспользоваться сама, и не дать предательнице ранить его летающим кружком стали, подставив себя вместо него, спасая ему жизнь, чтобы он вознаградил её и простил её, хотя она и не виновата ни в чем, она лишь служила ему, ублажала его, обожала его...

— Что нам с ней делать? — спросил Абэ, преодолевая дурноту. Он, как и все они, был уверен, что сюрикен отравлен и её ждет смерть, от некоторых ядов более жестокая, чем от других.

Бросьте её на навозную кучу, было первой мыслью Ёси, желудок которого наполнился тошнотворной сладковатой горечью, и оставьте собакам и её собственным мучениям. Он нахмурился, переживая теперь свою муку: Койко была все ещё прекрасна, даже все ещё желанна, только её затухающий стон подчеркивал пришедшее к нему уродливое, разъедающее все изнутри осознание того, что ещё одна эра его жизни закончилась.

Отныне и навсегда он будет один. Она убила доверие. Если эта женщина, на которую он излил столько нежности и тепла, могла предать его, значит, его предаст любая. Никогда больше не сможет он доверять женщине или делиться с ней столь многим. Никогда. Она уничтожила эту часть его навсегда. Его лицо закрылось.

— Выбросьте...

И тут он вспомнил её глупые стишки и её счастливые стишки, весь смех и все удовольствия, которые она ему дарила, её мудрые советы и моменты глубокого удовлетворения. Он вдруг почувствовал невыразимую печаль от того, как жестока жизнь. Меч свой он по-прежнему сжимал в руке. Её шея была такой тонкой. Удар был милосердным.

— Сонно-дзёи, а? — пробормотал он, ослепленный этой потерей.

Проклятые сиси, это их вина, что она мертва. Кто подослал Сумомо? Кацумата! Должно быть, он, те же удары меча, то же коварство. Дважды его смертники едва не убили меня. Третьего раза не будет. Я сотру их с лица

земли. Пока я жив, Кацумата — мой враг, все сиси враги. Проклятые сиси... и проклятые гайдзины!

На самом деле это они во всем виноваты, гайдзины. Они как чума. Не будь их, ничего бы этого не произошло. Не было бы ни вонючих Соглашений, ни сиси, ни сонно-дзёи. Ни этого гноящегося волдыря под названием Йокогама.

Проклятые гайдзины. Теперь они заплатят.

ИОКОГАМА

В тот же день после полудня Джейми Макфей вышел из редакции газеты «Иокогама гардиан», кипя от возмущения. Он сунул последний выпуск газеты под мышку и заторопился по Хай-стрит. Соленый ветер был прохладным, море пестрело белыми барашками, выглядело серым и неприветливым. Его походка была такой же сердитой, как и его настроение. Господи боже ты мой, думал он, Малкольму сначала следовало посоветоваться со мной. Он свихнулся, ополоумел. Теперь жди беды.

Малкольм Струан поднял голову, когда Джейми постучал в его дверь. Он сразу же увидел газету.

— Хорошо. Я как раз собирался спросить, принесли ли её уже.

— Я захватил с собой один экземпляр. Синичка чирикнула мне на ухо, что следует это сделать.

— А-а. — Малкольм усмехнулся. — Письмо мое напечатали? Оно там?

— Ты мог бы и рассказать мне об этой затее, тогда я смог бы придумать способ смягчить удар.

— Успокойся, ради бога, — добродушно ответил Малкольм. Он взял газету и раскрыл отдел, где печатались письма. — Нет никакой беды в том, чтобы занять высокоморальную позицию. Опиум аморален, как и торговля оружием. А тебе я не сказал потому, что хотел удивить и тебя тоже.

— Что ж, тебе это несомненно удалось! Это распалит каждого торговца здесь и по всей Азии, и это в конечном счете ударит по нам; нам нужны друзья не меньше, чем мы нужны им.

— Согласен. Но почему мое письмо должно в итоге ударять по нам? А! — Его письмо стояло первым и было озаглавлено: «БЛАГОРОДНЫЙ ДОМ» ЗАНИМАЕТ БЛАГОРОДНУЮ ПОЗИЦИЮ! — Хороший заголовок, мне это нравится.

— Извини, но мне — нет. Оно непременно ударит по нам, потому что всем известно, что мы вынуждены использовать эти товары или нам конец. Ты тайпэн, но ты не можешь... — Джейми замолчал. Малкольм смотрел на него с безмятежной улыбкой. — Как нам теперь быть с ружьями для Тёсю, ради всех святых? Мы получили за них деньги, хотя ты и согласился передать ружья другому, Ватанабэ, для князя какого-то там — заказ, который ты увеличил до пяти тысяч.

— Всеми своё время. — Малкольм оставался спокойным, хотя это и напомнило ему, что его мать отменила этот заказ, который он, едва лишь узнав об этом, возобновил с самой быстрой почтой, какая только была в его распоряжении. Глупо с её стороны, она ничего не понимает в японских делах. Ладно, ещё несколько дней, и мы её обуздаем. — А пока что, Джейми, нет никакого вреда в том, чтобы занять моральную позицию, поддерживаемую всем обществом, — беззаботно произнес он. — Времена меняются, и мы должны меняться вместе с ними, тебе так не кажется?

Макфей часто заморгал.

— Ты хочешь сказать, что это все уловка? Чтобы сбить с толку наших противников?

— Меняться вместе со временем, — радостно повторил Малкольм. Его пространное письмо поддерживало идею постепенного отказа от торговли опиумом и оружием, в точности как того хотел адмирал, и было полностью созвучно решительному настрою последнего, а также новому плану, предложенному правительством для Азии: Немедленно должны быть изысканы пути перевода нашей торговли на самую прочную и безупречную основу, к вящей славе Её Величества королевы, да благословит её Господь, и нашей Британской империи. «Благородный Дом» с гордостью встает во главе... — написал он, помимо других, столь же цветистых выражений, и подписался: Тайпэн дома Струанов, как это делали его дед и отец в своих письмах в прессе. — Мне показалось, я весьма удачно все изложил. А тебе?

— Да, мне тоже, — кивнул Макфей. — Меня ты несомненно убедил. Но если все это лишь... — Он собирался сказать «вранье», но кому врать и зачем? — Но если все это лишь уловка, то зачем она? Более неудачного момента и не придумаешь. На тебя непременно набросятся на собрании.

— Пускай набрасываются.

— Все подумают, что ты сошел с ума.

— Пусть думают. Через несколько недель они забудут об этом, да и в любом случае мы будем в Гонконге. — Малкольм просиял, у него было отменное настроение. — Не волнуйся, я отдаю себе полный отчет в том, что делаю. Окажи мне услугу, пошли записку адмиралу, я бы хотел повидать его перед обедом. И Марлоу, когда он прибудет на берег. Они ведь оба ужинают с нами в восемь, не так ли?

— Да, оба приняли приглашение. — Макфей вздохнул. — Стало быть, ты собираешься держать меня в неведении относительно всех «почему» и «зачем»?

— Не волнуйся, все идет прекрасно. Теперь поговорим о вещах, гораздо более важных: сегодня мы должны определиться по нашему заказу

на шелка на следующий год. Проследи, чтобы Варгаш привел все книги в порядок. Я хочу побеседовать с менялой о звонкой монете и фондах как можно скорее — не забывай, завтра Анжелика и я проведем весь день с Марлоу на борту его «Жемчужины». — Он был готов прямо сейчас пуститься в пляс, но ноги и живот болели у него сегодня сильнее, чем обычно. Ладно, подумал он, завтра мой великий день, я почти дома, и тогда все могут катиться к черту.

Джейми находил поведение Малкольма странным, совершенно не понимая его. Каждый новый корабль из Гонконга привозил каждому из них новое, ещё более бранное письмо от Тесс Струан, и все же последнюю неделю с небольшим Малкольм чувствовал себя совершенно раскованно и был таким же, как до Токайдо: веселым, умным, внимательным, и целиком посвящал себя делам, несмотря на то, что боли продолжали мучить его и передвигался он по-прежнему с большим трудом. И потом, над всем висел непредсказуемый исход дуэли, назначенной на среду, то есть на послезавтра.

Трижды Макфей встречался с Норбертом Грейфортом, пытаясь миром уладить дело — он даже прибег к помощи Горнта, — но тот оставался непреклонен:

— Джейми, передай этому сосунку, чтобы решал сам, клянусь Богом. Он замешал всю эту кучу дерьма. Я приму его извинения, если они будут публичными, и при том по-настоящему публичными!

Макфей закусил губу. Последнее, что ему оставалось, это шепнуть время и место сэру Уильяму, но ему было противно даже подумать о том, чтобы нарушить священную клятву.

— У меня назначена встреча с этим сукиным сыном Горнтом на шесть часов для обсуждения последних деталей.

— Хорошо. Жаль, что ты его недолюбливаешь, он славный малый, Джейми. Поверь мне. Я пригласил его сегодня на ужин. «Да не кипятись ты так», — добродушно пробурчал Малкольм, имитируя тяжелый шотландский выговор.

Макфей улыбнулся, согретый этим проявлением дружелюбия.

— Ты... — Стук в дверь оборвал его на полуслове.

— Войдите.

Дмитрий ворвался в комнату, как ураганный порыв ветра, не закрыв за собой дверь.

— Ты сошел с ума, Малк? Как дом Струанов может поддерживать этих говнюков, требующих запретить опиум и оружие?

— Нет никакой беды в том, чтобы занять высокоморальную позицию,

Дмитрий.

— Нет, есть, клянусь Богом, если это позиция сумасшедшего. Если «Струан и Компания» так смотрят на это, то нам, остальным, придется катить этот ком в гору. Чертов Крошка Вилли воспользуется этим, чтобы... — Он замолчал. В комнату без стука вошёл Норберт Грейфорт.

— Ты совсем спятил, чёрт подери?! — проревел Норберт, навалившись на стол и размахивая газетой перед лицом Малкольма. — А как же наше, чёрт возьми, соглашение действовать заодно, а?

Малкольм не мигая смотрел на него, ненавидя его всей душой. Его лицо сразу побелело.

— Если хочешь встретиться, запишись на прием, — произнес он ледяным тоном, держа, однако, себя в руках. — Я занят. Убирайся. Пожалуйста!

Норберт вспыхнул; он тоже был предупрежден сэром Уильямом держаться пристойно или пенять на себя. Его лицо исказила злобная гримаса.

— В среду, рано утром, клянусь Богом! Ты только приходи, чёрт бы тебя побрал! — Он круто повернулся на каблуках и вышел, громко хлопнув за собой дверь.

— Отвратительные манеры у этого ублюдка, — мягко произнес Малкольм.

В другой раз Дмитрий рассмеялся бы, но сейчас ему было не до веселья.

— Раз уж об этом зашла речь, могу сразу сказать тебе, что не буду принимать участия в этой «встрече» в среду.

— Это твое дело, Дмитрий, — ответил Малкольм. Краска постепенно возвращалась на его лицо. — У меня по-прежнему остается твое слово, слово чести, что никто ничего не узнает.

— Разумеется. — Тут у Дмитрия вырвалось: — Не делай этого, ты можешь серьезно пострадать.

— Я уже серьезно пострадал, старина. Пожалуйста, не беспокойся на этот счет. Если Норберт придет, как мы договорились, он... — Малкольм собирался сказать «он покойник» и испытывал большое искушение посвятить Дмитрия в план Горнта, он уже объяснил его Макфею, который скрепя сердце согласился, что план может сработать, но решил промолчать. Вместо этого он сказал: — Я уже предлагал Норберту мирно уладить все между нами, но он наплевал на это. Будь я проклят, если прилюдно буду ползать перед ним на брюхе. Послушай, пока ты здесь, как насчет «Кольт Армаментс»? Я слышал, Купер-Тиллман владеют пакетом акций этой

компании, который они хотят продать. Я бы хотел их купить.

— А? Откуда тебе о них известно? — Дмитрий бросил взгляд на Макфея, который был поражен не меньше него, но сумел скрыть это. — Где ты слышал об этом?

— Синичка начирикала. — Малкольм скрыл свою радость. Эдвард Горнт рассказал ему об этом и о некоторых других секретах компаний Брока и Купера-Тиллмана, чтобы доказать свою искренность в отношении главной информации о Броках, которую он передаст Малкольму.

— Зачем ждать, почему не рассказать мне все прямо сейчас, мистер Горнт?! — сказал он тогда. — Если сведения так серьезны, как вы говорите, действовать нужно немедленно.

— Да, немедленно, тайпэн. Но давайте сделаем так, как мы договорились: вы узнаете все в среду. А тем временем, поскольку у нас впереди долгие и счастливые отношения, почему нам не оставить слово «мистер». Вы можете называть меня просто Горнт, я буду придерживаться тайпэна, пока мы не встретимся в Шанхае или Гонконге — после того, как сэр Морган будет разорен. Тогда, возможно, мы могли бы продолжать, уже называя друг друга по имени, а?

Малкольм пристально наблюдал за Дмитрием, радостное возбуждение охватывало его. Столько хорошего происходит в эти дни.

— Что скажете, старина? Готов ли Джефф Купер расстаться с ними, и есть ли у вас надлежащие полномочия для заключения сделки?

— Да, у меня есть его разрешение, но...

— Никаких «но». Разрешение в письменном виде?

— В письменном, и он мог бы продать половину, но... По справедливой цене — шестнадцать пятьдесят за акцию.

— Черта с два, справедливой ценой тут даже не пахнет — это все твой подход индейского знахаря дает о себе знать. Тринадцать двадцать, и ни цента больше. Мы можем составить протокол о намерениях, датированный сегодняшним днём. Сорок тысяч акций.

Дмитрий удивленно разинул рот, но быстро пришел в себя — Малкольм назвал количество акций с абсолютной точностью. Тринадцать двадцать было мало. Он предложил акции Моргану Броку, который посулил ему двенадцать восемьдесят за акцию, цена горячей распродажи, с рассрочкой платежа на год, что делало сделку вообще неудобоваримой, хотя найти покупателя на такое огромное количество акций было почти невозможно. Откуда, чёрт подери, у Малкольма вся эта информация?

— Тринадцать двадцать даже приблизительно не достаточно.

— Тринадцать двадцать сегодня. Завтра будет тринадцать десять. В

среду я аннулирую своё предложение. — Горнт сообщил ему, что Куперу нужно продать быстро, чтобы вложить деньги в новое американское предприятие, производящее суда с металлическим корпусом — как для того флота, так и для этого. — У меня времени много, а у старика Джеффа — нет.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что у меня время есть, а у Джеффа его нет. Нет его и у союзного или даже конфедератского... флота, — добавил он с приятной улыбкой, — когда война идет с такими потерями с обеих сторон.

— Плевать я хотел на твоих шпионов, — ответил Дмитрий. — Не пойдет. Пятнадцать двадцать.

— Очнись от грез. Тринадцать двадцать, выплата золотом по векселю на предъявителя, выписанному на наш банк, сразу же, как только он прибудет в Бостон.

Дмитрий уже открыл рот, но Джейми Макфей торопливо вмешался:

— Тайпэн, может быть, следует подумать о том, чтобы...

— ...получить одобрение Гонконга, — закончил за него Малкольм. — Довольно, Джейми, мы уже говорили об этом и с этой чепухой покончено раз и навсегда. — Голос его звучал ровно и пресекал любые возражения. — Так?

— Да, извини, ты прав.

Спокойным тоном Малкольм спросил:

— Итак, Дмитрий, да или нет?

Дмитрий смотрел на него с новым уважением. Немедленная выплата уже решила для него дело.

— Идет. — Он протянул руку. Малкольм пожал её.

— Я составлю бумагу сегодня днём и принесу её тебе на подпись в пять часов, тебя это устроит?

— Хорошо. Спасибо, что пришел навестить меня, Дмитрий, ты здесь всегда желанный гость. Ужин в половине девятого.

После того как Дмитрий ушел, Макфей не удержался:

— Это большие деньги.

— Пятьсот двадцать восемь тысяч американских долларов, если быть точным. Но Колът получил новый заказ на сто тысяч ружей принципиально нового образца. К тому времени, когда наш аккредитив будет востребован, цена их акций удвоится, так что мы только что заработали полмиллиона долларов.

— Как ты можешь быть уверен?

— Я уверен.

— Ты подпишешь долговое обязательство?

— Да. Если ты скажешь мне, что я не могу этого сделать, потому что не имею полномочий, так как моя мать сказала то-то или не говорила того-то, я пропущу твои слова мимо ушей и все равно подпишу. — Малкольм закурил сигару, продолжая: — Если моя подпись не будет признана, вексель опротестуют, и это нанесет нашему дому такой удар, какого он ещё не знал за свою историю. Я — тайпэн, нравится это кому-то или нет. Тайпэн до тех пор, пока не выйду из компании или не умру, что бы она там ни говорила.

Они оба смотрели, как кольцо табачного дыма поднялось и растаяло, потом Макфей кивнул медленно: странная уверенность Малкольма и властность, которой он никогда не видел раньше, развеяли его опасения.

— Ты знаешь, что делаешь, не так ли?

Взгляд Малкольма загорелся.

— Я знаю многое, чего не знал, когда приехал сюда впервые. Например, если ты будешь настаивать на своём уходе... Полно, Джейми, я уверен, что в своём сердце ты уже принял решение, да почему бы и нет? С тобой обошлись хуже некуда — я знаю, я не сумел помочь, но все это позади. На твоём месте я поступил бы точно так же. Ты ведь уже решил, не так ли?

Макфей нервно сглотнул, обезоруженный.

— Да, я собираюсь уйти, но не раньше, чем дела компании здесь пойдут на лад, месяцев через шесть или около того, если она не уволит меня прежде этого срока. Видит Бог, я не хочу уходить, но я должен.

Малкольм рассмеялся.

— Ты занял высокоморальную позицию.

Макфей рассмеялся вместе с ним.

— Едва ли. Это сумасшествие.

— Нет, я поступил бы так же. И я уверен, что тебя ждёт огромный успех, уверен настолько, что сто тысяч из тех денег, которые я только что заработал — я заработал, Джейми, никто другой, — будут вкладом в компанию «Макфей Трейдинг». За... — Он собирался сказать «сорок девять процентов акций», но изменил решение, давая Макфею лицо, и подумал: ты заслуживаешь этого, друг, я никогда не забуду те письма, из-за которых ты мог отправиться на виселицу — сэр Уильям уличил бы нас, в этом я тоже уверен. — За шестьдесят процентов акций?

— Двадцать пять, — ответил Макфей, даже не задумавшись.

— Пятьдесят пять?

— Тридцать пять.

— Сорок девять процентов.

— Идет, если!..

Они оба расхохотались, и Малкольм произнес вслух то, о чем подумал Макфей:

— Если цена акций удвоится. — Потом добавил уже серьезно: — А если не удвоятся, я раздобуду их другим способом.

Макфей долго смотрел на него, по крайней мере ему казалось, что долго. Мысли в его голове образовывали вопросы, но никак не ответы. Почему Малкольм так изменился? Небесный Наш? Это дело с письмами? Дуэль? Определенно нет. Зачем он хочет встретиться с адмиралом? Почему ему нравится Горнт, ведь он — самая настоящая лиса, коварнее и хитрее не бывает.

И почему я выпалил: «Да, я собираюсь уйти», прежде чем сообразил, что делаю, приняв решение, которое обдумывал месяцами: попытать счастья, пока я жив. Он увидел, что Малкольм наблюдает за ним, слабый телом, но спокойный и сильный. Он улыбнулся ему в ответ, радуясь жизни:

— Знаешь, я уверен, что раздобудешь.

Анжелика отдыхала в постели перед ужином; в камине весело полыхали угли. Шторы были задернуты от ветра. Она свернулась калачиком под пуховыми покрывалами и шелковыми простынями и полуспала-полубодрилась; одна рука удобно пристроилась между ног, как научила её в монастыре Колетта, когда они украдкой забирались вместе в одну постель, после того как монахини выходили из общей спальни и из их отгороженных занавесками келеек раздавался громкий храп. Ласки, поцелуи, шепот и приглушенный смех под одеялом — две юные девушки, делившиеся секретами, мечтами и желаниями, притворявшиеся взрослыми любовницами, как их описывали в романтических, но запретных уличных книжонках, которые тайком проносились в монастырь камеристками и ходили по рукам среди воспитанниц, — все ненастоящее, здоровое, забавное и безвредное.

Она думала о Париже и чудесном будущем, которое ждало их там: Малкольм, мягкий и умиротворенный рядом с нею, или уже на работе в бухгалтерии компании Струанов, имеющей теперь свою главную контору в Париже, богатый и статный, вся его немочь — лишь воспоминание, от её скверны не осталось даже воспоминаний, их малыш спит в детской дальше по коридору этого их загородного замка, его собственная кормилица и няньки присматривают за ним, к её телу вновь вернулись силы, и оно так же хорошо сложено, как сейчас, роды были легкими. Потом будут визиты

вместе с Колеттой на сказочно процветающую шелкопрядильную фабрику Струанов, которую она убедила Малкольма построить после того, как столько всего узнала о выращивании шелкопрядов и сборе шелка.

О, Колетта, — только что написала она, — эти маленькие червячки совершенно необыкновенны, они питаются тузовыми листьями, а потом ты окуливаєшь коконы и разматываешь шелк... я никогда не думала, что это может меня так увлечь. Варгаш является моим тайным наставником, и он тайком провел в дом торговца шелком, который показал мне несколько коконов, но мне приходится быть осторожной — я как-то заговорила о своей идее открыть фабрику с Малкольмом и Джейми, и они рассмеялись. Малкольм сказал, чтобы я оставила эти глупости, производство шелка — очень сложное и трудоемкое дело (словно я и сама этого не знаю), и чтобы я не забивала себе голову заботами о бизнесе. Я убеждена, они хотят, чтобы мы были коконами, которыми они могут вертеть, как им вздумается, и все. Колетта, пришли мне все книги о шелке, какие сумеешь найти...

Как мило иметь свою собственную бухгалтерию и деньги, подумала она. Когда мы будем жить в Париже, мы будем ездить в Лондон, иногда в Гонконг, я буду устраивать званые обеды, и вечера, и роскошные балы для моего сказочного принца и его лучших друзей...

Она бросила взгляд на письмо Колетте, лежавшее на бюро, которое она только что запечатала. Новые секреты, которыми она поделилась с подругой, по крайней мере отчасти:

Этот Эдвард Горнт становится настоящим другом, таким очаровательным и учтивым, настоящим другом, не то что Андре. Я уверена, дорогая Колетта, он будет другом на всю жизнь, потому что моему дорогому Малкольму, похоже, тоже нравится его общество. Ну разве это не странно — ведь Эдвард работает на этих ужасных Броков, о которых я тебе рассказывала, и на Норберта Грейфорта, который с каждым днём выглядит все желчнее, совсем как злой колдун, каким он и является! Сегодня мы даем ещё один БОЛЬШОЙ вечер. Будут все, Андре играет, Эдвард, он танцор, легкий как бабочка...

Она не написала, что в последний раз, когда они танцевали вместе, на обеде, который давал сэр Уильям, он держал её руку по-другому, опасно,

разговаривая с ней красноречивыми пожатиями, один раз его мизинец подогнул, коснувшись её ладони: язык влюбленных, я хочу тебя, да или нет и когда — не говори нет!

Она передвинула свою руку, холодно и твердо. Он ничего не сказал, только глаза его улыбались, и она поняла, что он знает, что она не рассердилась по-настоящему, просто была недоступна, помолвлена.

Не была она сердита и на Андре, по-настоящему сердита. Несколько дней назад они случайно встретились во французской миссии.

— Вы хорошо выглядите, Анжелика, я в восторге от того, что вижу вас. Могу я поговорить с вами наедине?

Она ответила «конечно», и когда они остались одни, он сказал ей, что речь пойдет о деньгах, которые он ей ссудил.

— Я сейчас в очень стесненных обстоятельствах, пожалуйста, не могли бы вы вернуть их мне?

— Но я думала, что... что та сделка все покрыла. — Её сердце глухо стукнуло и на мгновение провалилось куда-то, когда она вспомнила об их хитрости с потерянными серьгами.

— Прошу прощения, нет, не покрыла. Те деньги пошли маме-сан в уплату за советы и лекарство.

Она вдруг вспыхнула.

— Мы договорились никогда не упоминать о... о том деле, никогда, разве вы забыли? — тихо произнесла она, с трудом сдерживая себя, чтобы не закричать на него за то, что он нарушил их священный договор. — Этого никогда не было, не было, мы же договорились — это был просто дурной сон!

— Я согласен, что этого никогда не было, но вы упомянули о сделке, Анжелика, я не заговаривал об этом, только о деньгах. Извините, но они мне очень нужны. — Его взгляд стал холодным.

Она с осторожностью закупирила внутри себя свой гнев, проклиная Андре за то, что он нарушил её спокойствие. Ей удалось убедить себя, что ничего, совершенно ничего с ней не происходило — за исключением одного-единственного человека, который мог оспорить это, ничего и не произошло. Это была правда. Абсолютная, если бы не он.

— Касательно этих денег, дорогой друг, я верну их сразу же, как только смогу. Малкольм не дает мне денег, как вам известно, лишь разрешает мне подписывать счета.

— Тогда, возможно, нам следует устроить ещё одну «потерю».

— Нет, — ответила она медоточивым голосом и мягко коснулась его руки, увидев, как на его лице тут же выступила краска гнева. — Это не

очень хорошая мысль. — Хотя Анжелике удалось в целом выскоблить эту историю из памяти, иногда, особенно по ночам, она возвращалась к ней и мучила её, и вместе с ней приходило осознание того, что это была ужасная ошибка. — Возможно, я сумею найти другой способ.

— Деньги нужны мне сейчас, среда — крайний срок. Извините.

— Я попытаюсь, я очень попытаюсь. — И она сдержала слово. Вчера она встретила с Анри Сератаром и слезно просила и умоляла его о ссуде, говоря, что деньги нужны ей на сюрприз для Малкольма, что она навеки останется его должницей, и подписала ещё одну бумагу, предложив своё бриллиантовое кольцо, подарок Малкольма в день помолвки, в качестве обеспечения.

Рассудив мудро, она заняла вдвое больше, чем была должна. Сегодня утром она расплатилась с Андре. Он благодарил и благодарил её без конца. Ей не за что сердиться на него. Он мой добрый и верный друг, и я действительно взяла эти деньги в долг. Зачем они мне тогда понадобились? Я забыла. *Sans faire rien*,^[35] один долг возвращен.

Половину оставшегося она отнесла Макфею.

— Джейми, вы не отправите это для меня моей дражайшей тетушке в Париж. Она бедствует, как и мой дорогой дядюшка, — сказала она ему, довольная тем, что наконец смогла помочь им, и ещё больше довольная тем, что, как она и надеялась, Макфей рассказал об этом Малкольму. Тот спросил, откуда у неё эти деньги.

— О, я заняла их у мсье Сератара, мой дорогой. Я не хотела просить денег у тебя, и я не могу послать им подписанный счет. Надеюсь, ты не станешь возражать, но я предложила в качестве обеспечения кое-какие драгоценности.

Он попенял ей, пообещав вернуть долг Сератару, и сказал, что Джейми откроет для неё возобновляемый фонд на сто гиней, с которого она сможет снимать деньги по своему желанию, ему лишь понадобится записка, на что она собирается их потратить, и что он удвоит сумму, которую она хотела послать.

Все так просто, когда берешься за дело с умом. Теплая волна прокатилась по её телу, когда она вспомнила, как отблагодарила Малкольма за его доброту и поцеловала его так нежно и как он ответил на её поцелуй. Ей хотелось пойти дальше, о, гораздо дальше.

Движения пальцев отвлекли её. Их мягкая искушенная чувственность доставила ей удовольствие, она закрыла глаза и вновь очутилась вместе с Колеттой, но это продолжалось недолго. Как всегда, он возник из глубины её сознания и предстал перед её внутренним взором яркий, почти живой, и

вместе с ним вернулись детали их последней встречи, той самой, когда она была нарочито бесстыдна и делала все, что только подсказывали ей сны и воображение, чтобы спасти свою жизнь, не подозревая, что будет наслаждаться всем этим так же сильно, как и он.

Дражайшая моя Благословенная Матерь Божья, мы обе знаем, что я лишь пыталась спасти свою жизнь — разве это не правда? Но правда также и то — ах, какое счастье, что я могу говорить открыто и обращаться прямо к Тебе, а не прибегать к посредничеству этого ужасного отца Лео, — но правда также и то, между нами, женщинами, что мы должны каким-то образом избавиться от него и от воспоминаний о тех двух ночах и о том блаженстве, прежде чем они сведут меня с ума.

Райко была раздражена.

— Фурансу-сан, я приму эту частичную выплату, но наше соглашение оговаривало все очень точно, прошу прощения.

— Я знаю. — Андре ненавидел ходить в должниках — для него это была настоящая фобия, — а в её должниках больше, чем в чьих-либо, не только потому, что мысли о сроках платежей по контракту мучили его по ночам, как кошмары, но ещё и потому, что она полностью властвовала над его Хинодэ, и если он не сумеет выдержать эти сроки, она безо всяких колебаний положит конец их отношениям. А тогда он убьет себя. — Скоро можно давать большой платеж. Серьги.

— А, в самом деле? Отлично. — Она улыбнулась. — Отлично. Я полагаю, Хинодэ вам все ещё нравится, все ещё доставляет удовольствие?

На какой-то благословенный миг все тревоги оставили его.

— Она... все, о чем я мечтаю. Больше.

Райко улыбнулась ему странной улыбкой.

— Неразумно быть столь откровенным, друг мой.

Он с чисто французской беспечностью пожал плечами.

— Вы делать мне услугу жизни. Не могу достаточно благодарить вас.

Её глаза прищурились на круглом лице, уже отекавшем от sake, хотя вечер едва только наступил. Её макияж был умелым, кимоно — дорогим; вечер выдался холодный, но в её комнатах было тепло, и вся гостиница выглядела приветливо и уютно.

— Я слышала, ваша гайдзинская принцесса совсем поправилась.

— Да. — На миг Андре вспомнил об Анжелике и её неизменной чувственности. — Думаю, она делать хорошую Даму Ночи.

Райко склонила голову набок, не устояв перед искушением принять это замечание всерьез.

— Это было бы очень интересно для меня. Я могла бы устроить для неё лучшие цены — самые лучшие, — многие в Эдо заплатили бы большие деньги, чтобы попробовать такую большую женщину. Я знаю одного торговца рисом, очень богатого, очень старого, ей было бы нетрудно его удовлетворить, который заплатил бы огромные деньги, чтобы быть первым, кто исследует столь диковинные Нефритовые Врата. И было бы очень легко показать ей, как потом снова стать девственницей, нех?

Он рассмеялся.

— Я скажу ей, однажды, может быть.

— Хорошо. Лучшая цена, и полная тайна. Этот торговец рисом... И-и-и, он бы заплатил! У неё не заметно никаких других признаков?

— Признаков? Каких признаков?

— На разных женщин лекарство действует по-разному, — объяснила Райко. — Иногда оно может сделать их гораздо более... более страстными и более ненасытными. Иногда оно увеличивает их способность понести от мужчины, иногда вовсе лишает их этой способности. Странно, нех?

Всю его веселость как рукой сняло.

— Вы не говорить мне.

— А это что-нибудь изменило бы?

Подумав мгновение, он покачал головой. Она сделала глубокий глоток.

— Пожалуйста, извините меня, что я говорю о деньгах, но золотой обан больше не покупает столько, сколько золотой обан должен покупать. Наши чиновники обесценили наши деньги, и от этих сыновей обезьяны воняет, как от рыбы на восьмой день, перемешанной со свежими собачьими испражнениями!

— Это так, — согласился он, не разобрав некоторые слова, но уловив суть про чиновников и старую рыбу и разделяя её отвращение к ним. Сератар отказался выдать ему аванс в счет его жалованья, на который он рассчитывал, сославшись на скудность фондов миссии.

— Райко-сан, вы очень умная, подумайте. Должен быть способ нам обоим увеличить обычные деньги, нех? Что мы можем продать?

Она опустила взгляд на стол, чтобы он не мог видеть выражения глаз.

— Саке? — предложила она и налила им обоим. В его честь саке было холодным. Её глаза превратились в щелки, и она размышляла, насколько ему можно доверять. Настолько, насколько кошка может доверять загнанной в угол мыши. — Сведения имеют свою цену, нех?

Это было сказано самым обычным тоном. Он притворился удивленным, в восторге от того, что рыба так быстро заглотила наживку. Слишком быстро? Вероятно, нет. Попадись она бакуфу или он своим

собственным хозяевам, конец будет один: мучительная смерть.

Сэр Уильям хорошо заплатит за ценную информацию, Анри ни гроша, — да проклянет Господь их обоих!

— Райко-сан, что происходит в Эдо?

— Правильнее спросить, что происходит здесь? — тут же ответила она, приступая к переговорам. — Война, а? Ужасно! Каждый день все больше и больше солдат стреляют на полигоне, из пушек палят, пугают моих дам.

— Прошу прощения, пожалуйста, говорите медленнее, пожалуйста.

— А, прошу простить. — Райко заговорила медленнее, рассказывая, как напугана вся Ёсивара. Она набросала перед ним интересную картину встревоженного Плывущего Мира, но не сообщила ничего, что и так не было бы ему известно. В ответ он рассказал ей о флоте и об армии, но тоже только то, что, как он был уверен, она уже знала.

Некоторое время они молча потягивали sake. Потом она сказала, понизив голос:

— Я думаю, некоторые чиновники дорого бы заплатили, чтобы узнать, что планирует вождь гайдзинов и на какое время.

Он кивнул.

— Да. Также думаю, наш вождь платит много узнать, какие силы самураев Ниппона, где, кто ведет, про этого тайро, который шлет грубые послания.

Она широко улыбнулась и подняла чашечку из тончайшего фарфора.

— За новое партнерство. Много денег за немного слов.

Он поднял свою чашечку и добавил осторожно:

— Немного слов, да, но должны быть важные слова и настоящие слова за настоящие деньги.

— И-и-и-и, — протянула она, изображая возмущение, — что я, дешевая шлюха, у которой пусто в голове? Без чести? Без понимания? Без связей, без... — Тут она не выдержала и рассмеялась. — Мы прекрасно понимаем друг друга. Завтра в полдень приходите повидать меня. А теперь ступайте и навестите свою милую Хинодэ. Наслаждайтесь ею и жизнью, пока мы все ещё живы.

— Спасибо. Но не теперь. Пожалуйста, скажите, я приду позже. — Он доброжелательно улыбнулся Райко, искренне благодарный ей. — Но вы сами, Райко?

— У меня нет своей Хинодэ, мне не к кому идти, не о ком мечтать, некому слагать стихи, никто не наполнит меня восторгом. Когда-то все было по-другому, теперь я стала умнее, мне нравится sake и нравится

делать деньги, делать деньги и sake. Ступайте, — сказала она с грубым смешком, — но завтра возвращайтесь. В полдень.

Когда он ушел, она приказала прислужницам принести ещё вина, на этот раз подогретого, и не беспокоить её. Видя такое дружелюбие на его лице, перемешавшееся с глубокой страстью к Хинодэ, она почувствовала, как в сердце её поднимается печаль, и поэтому прогнала его.

— А, адмирал, — сказал Малкольм Струан, — два слова с глазу на глаз.

— Разумеется, сэр. — Адмирал Кеттерер грузно поднялся на ноги, один из двадцати гостей, все ещё сидевших плотной группой за столом в большой столовой фактории Струанов и потягивавших портвейн, за которым их оставила Анжелика. Кеттерер был в парадном мундире, тесных панталонах, белых шелковых чулках и туфлях с серебряными пряжками. Он покраснел сильнее обычного, с удовольствием угостившись густым супом, приправленным острыми пряностями, печеной рыбой, двумя порциями ростбифа и йоркширского пудинга с картофелем, обжаренным в горячем сале, и овощами, вывезенными из Калифорнии, пирогом с курицей и фазаном, несколькими поджаренными свиными колбасками, за которыми последовал калифорнийский пирог с сушеными яблоками и ставший знаменитым крем «Благородного Дома», венчали все восхитительные сырные гренки. Шампанское, шерри, кларет — «Шато Лафит» 1837 года, того самого года, когда королева Виктория взошла на трон, портвейн и мадера. — Глоток свежего воздуха мне бы не помешал, — произнес Кеттерер.

Малкольм проводил его к высоким стеклянным дверям в боковой стене; хорошая еда и вино на время приглушили боль. Снаружи было холодно, но после душной столовой прохлада бодрила.

— Сигару?

— Благодарю вас.

Бой Номер Один Чен неверной тенью маячил неподалеку с коробкой наготове. После того как сигары были раскурены, он растаял в табачном дыму.

— Вы прочли мое письмо в сегодняшней «Гардиан», сэр?

— Да-да, прочел и нахожу, что многое в нем хорошо сказано.

Малкольм улыбнулся.

— Если буря протестов, которую письмо вызвало на сегодняшней встрече торговцев, напоминавшей потревоженное осиное гнездо, может свидетельствовать о чем-либо, то оно вполне внятно донесло до них вашу

точку зрения.

— Мою точку зрения? Чёрт подери, я надеюсь, она также и ваша.

— Да-да, разумеется. Завтра...

Кеттерер резко оборвал его:

— Поскольку вы разделяете этот в высшей степени правильный и достойный подход, я также весьма надеялся, что как человек неоспоримой власти и влияния вы употребите их на то, чтобы по самой меньшей мере стать первым и официально объявить вне закона всякую контрабанду на всех кораблях компании Струана и покончить с этим раз и навсегда.

— Вся контрабанда уже под запретом, адмирал, — заметил Струан. — «Обезьяна быстро скачет с ветки на ветку, но подбираться к ней нужно медленно-медленно» — так говорят китайцы. Так следует поступать и нам. Через месяц или два мы будем в большинстве.

Адмирал лишь поднял густые брови, пыхнул сигарой и обратил свой взгляд к морю. Флот с зажженными штаговыми огнями выглядел величественно.

— Похоже, сегодня к ночи разыграется шторм или завтра. Я бы сказал, не слишком подходящая погода для увеселительной прогулки по морю, особенно для леди.

Малкольм встревоженно посмотрел на небо и потянул носом ветер. Никаких признаков опасности. Поскольку погода на завтрашний день была очень важна, он не пожалел времени, чтобы тщательно все проверить. К его радости, последние несколько дней прогноз неизменно предвещал спокойное море и легкий устойчивый ветер. Марлоу подтвердил это сегодня перед ужином, и хотя он ещё не получил окончательного разрешения на выход в море и не был посвящен в подлинную причину стремления Малкольма оказаться на борту вместе с Анжеликой в той степени, в какой это касалось его, поездка должна была состояться.

— Это ваш прогноз, адмирал? — спросил Малкольм.

— Моего эксперта по погоде, мистер Струан. Он посоветовал отменить на завтра все судовые испытания. Лучше потратить это время на подготовку к обстрелу Эдо. А? — добавил Кеттерер с едкой веселостью.

— Я против того, чтобы сровнять Эдо с землей, — рассеянно заметил Малкольм, раздумывая над этой новой и непредвиденной проблемой — язвительным отказом адмирала принять его письмо; он-то был уверен, что его окажется больше чем достаточно.

Все складывалось как нельзя лучше, если бы не этот сукин сын, думал он, стараясь обуздать свой гнев и пытаясь найти выход из этой дилеммы. «Гарцующее Облако» прибыло по расписанию и сейчас стояло на рейде

под разгрузкой; капитан Стронгбоу уже получил новые тайные распоряжения относительно измененного времени отплытия в среду, а Эдвард Горнт был предупрежден, что информация о Броках должна быть передана сразу же по окончании дуэли.

— Я тоже против, — говорил между тем адмирал. — У нас нет официального приказа начать военные действия. Мне любопытно, какие у вас могут быть причины.

— Если пользоваться кувалдой, чтобы раздавить осу, то можно не только прослыть глупцом, но и нажить себе геморрой.

Кеттерер расхохотался.

— Чёрт возьми, это вы здорово сказали, мистер Струан. Геморрой, а? Ещё один образчик вашей китайской философии, а?

— Нет, сэр. Диккенс. — Он размял спину и оперся на палки. — Мне было бы приятно, сэр, и Анжелике тоже, оказаться на борту «Жемчужины» вместе с капитаном Марлоу в открытом море на короткое время. — Небесный Наш посоветовал ему, что, поскольку прецедент, который он использовал — бракосочетание родителей Малкольма, — имел место в открытом море на пути из Макао в Гонконг, ему, для верности, нужно было сделать то же самое. — С вашего благословения, разумеется.

— Мне было бы приятно видеть «Благородный Дом» во главе всех благих начинаний в Японии. Ясно, что времени на это вам не хватает. Я полагаю, десяти дней будет достаточно, чтобы предпринять практические шаги в этом направлении. Думаю, завтра «Жемчужина» и Марлоу понадобятся для дел флота. — Кеттерер повернулся, чтобы уйти.

— Погодите, — остановил его Малкольм, чувствуя, что его охватывает паника, — предположим, я сделаю заявление прямо сейчас всем здесь присутствующим, что мы... что мы прекращаем с этого момента все поставки оружия в Японию. Это вас удовлетворило бы?

— Вопрос в том, удовлетворит ли это вас... — ответил адмирал, наслаждаясь тем, как этот человек, олицетворявший все, что он презирал, извивается на крючке. — А?

— Что... что мне нужно сделать или сказать, сэр?

— Не мое это дело — вести ваш бизнес. — То, как Кеттерер произнес это слово, желчно, с нескрываемым презрением, сделало его похожим на грязное ругательство. — Мне так думается, что, если что-то хорошо для Японии, это хорошо и для Китая. Если вы откажетесь от торговли оружием здесь, почему не сделать то же самое и в Китае на всех ваших кораблях — и в отношении опиума тоже?

— Этого я сделать не могу, — ответил Малкольм. — Это разорит нас;

опиум не является противозаконным, и то и другое разрешено...

— Занятно. — Опять слово было тяжело нагружено сарказмом. — Я должен от всей души поблагодарить вас за прекрасный, как всегда, ужин, мистер Струан. Надеюсь, вы извините меня, но у меня много дел на завтра.

— Подождите! — воскликнул Малкольм дрожащим голосом. — Пожалуйста, пожалуйста, помогите мне, завтрашний день ужасно важен для меня, клянусь, я буду поддерживать вас в чем угодно. Я стану первым, но, пожалуйста, помогите мне с завтрашним днём. Прошу вас.

Адмирал Кеттерер поджал губы, готовый оборвать этот бесполезный разговор. Вот в этом все и дело, хотя нет сомнения, что поддержка среди этих подлых мерзавцев мне пригодилась бы, если даже десятая часть всех сплетен, которые можно услышать на их растреклятых собраниях, правда. Полагаю, этот ещё не так плох, если ему можно доверять, по сравнению с остальными, по сравнению с этим чудовищем Грейфортом.

— Когда ваша дуэль?

Малкольм собирался ответить правдиво, но остановился.

— Я отвечу на этот вопрос, сэр, если вам угодно, и я помню, что вы говорили о дуэлях, но моя семья очень серьезно относилась к вопросам чести, по крайней мере два поколения, и я не хочу отставать. Это традиция, как и служба в Королевском флоте, я полагаю. Большая часть той магии, которой обладает в наших глазах Королевский флот, зависит именно от этого, от традиции и чести, не так ли?

— Без этого Королевский флот не был бы Королевским флотом. — Кеттерер глубоко затянулся сигарой. По крайней мере, сей юный балбес это понимает, клянусь Богом, хотя это ничего не решает. Правда заключается в том, что мать этого несчастного полудурка совершенно права, не одобряя этого брака, — девушка весьма привлекательна, но едва ли является правильным выбором: плохая порода, типично французская. Я оказываю ему услугу.

Так ли?

А помнишь Консуэлу ди Мардис Перес из Кадиса?

Впервые он встретил её, когда был гардемаринном и служил на «Королевском Сюзерене». Они тогда зашли в Кадис с визитом вежливости. Адмиралтейство отказало ему в разрешении жениться, его отец также возражал против этого брака, и когда, по прошествии долгого времени, он все же добился от них согласия и полетел назад, чтобы забрать её, она оказалась уже помолвленной. Она тоже была католичкой, с грустью подумал он, все ещё любя её после стольких лет.

Католичка, от этого все они бесенеют; готов поспорить, и мать

Струана тоже. Словно это имеет какое-то значение. Правда, семья Консуэлы была достойной, а у этой девушки — нет. Да, я все ещё люблю её. После неё никого не любил. Никогда не испытывал желания жениться, после того как потерял её, как-то не мог. Однако это позволило мне всего себя отдать флоту, так что жизнь не прожита совсем, чёрт меня подери, впустую. Так ли?

— Я собираюсь выпить ещё бокал портвейна, — сказал он. — Это займет от десяти до пятнадцати минут. Что вы можете сделать, чтобы указать остальным дорогу, за десять или пятнадцать минут, а?

Горнт поспешно спустился по ступеням фактории Струана в черноту ночи вслед за другими гостями, расходившимися с ужина. Они оживленно переговаривались между собой, жались друг к другу и придерживали шляпы от ветра. Некоторых ожидали слуги с фонарями, чтобы проводить домой. После вежливого, но торопливого «спокойной ночи» он направился к соседней фактории — Броков. Стражник, высокий сикх в тюрбане, отдал честь и уставился на него во все глаза, когда он, перескакивая через две ступеньки, взлетел по лестнице и постучал в дверь Норберта Грейфорта.

— Кто там?

— Я, сэр, Эдвард. Извините, это важно.

Из-за двери раздалось недовольное ворчание. Потом засов со стуком отодвинулся. Волосы Норберта были всклокочены. Он появился в ночной рубашке, ночном колпаке и постельных носках.

— Какого черта, что стряслось?

— Струан. Он только что объявил, что с этого момента «Благородный Дом» будет неукоснительно соблюдать эмбарго на все оружие и на весь опиум в Японии и что он отдает то же распоряжение в отношении всей Азии и китайской торговли.

— Это ещё что, очередная шутка?

— Это не шутка, мистер Грейфорт, сэр. Это произошло во время вечера — все это он сказал минуту назад перед всеми гостями, сэром Уильямом, большинством иностранных послов, адмиралом, Дмитрием. Точные слова Струана, сэр: «Я хочу сделать официальное заявление. Вслед за публикацией моего письма в „Гардиан“ сегодня я решил, что отныне наши корабли не будут перевозить оружие или опиум и компания Струанов не станет торговать ими ни здесь, ни в Китае».

Норберт захохотал.

— Входите, это надо отпраздновать. Он оставил компанию Струанов не у дел. И сделал нас «Благородным Домом». — Норберт выставил голову в коридор и прокричал своему Номер Один Бою: — Ли! Шампанского, чоп-чоп! Входите, Эдвард, и прикройте за собой дверь, из неё ужасно дует и холод такой, что даже у бронзовой мартышки зад отмерзнет. — Он прибавил света в масляной лампе. Спальня у него была просторная, с широкой кроватью под балдахином на четырех столбах; на полу лежали ковры, по стенам были развешаны картины, написанные маслом, с

клиперами Броков — их флот был меньше, чем у Струанов, но по количеству пароходов они обгоняли «Благородный Дом» чуть ли не вдвое. Некоторые картины пострадали от пожара, и потолок тоже ещё не был до конца отремонтирован. Книги стояли стопками на столиках вдоль стен, одна, открытая, лежала на кровати.

— Этот бедный сукин сын действительно спятил. — Норберт коротко хохотнул. — Первым делом нам нужно отменить дуэль, необходимо, чтобы он оставался живым. Так, вот что мы... — Улыбка вдруг исчезла с его лица. — Погоди-погоди, о чем я тут толкую? Все это буря в ночном горшке, он не больше тайпэн компании Струанов, чем я. Это ты оказался в дураках, что бы он ни сказал, это не имеет ровно никакого значения. Как бы его набожная, постоянно тычущая пальцем в Библию матушка ни хотела сделать то же самое, он никогда не согласится, не может согласиться, это разорило бы их.

Горнт улыбнулся.

— Я не согласен.

Норберт вскинул на него взгляд и прищурился.

— А?

— Она согласится.

— О? Почему?

— Секрет.

— Что за секрет? — Норберт перевел взгляд на открывшуюся дверь. Ли, престарелый кантонец с длинной толстой косичкой, в аккуратной ливрее — белый длинный пиджак и черные штаны, — покачиваясь, внес фужеры и шампанское в ведерке со льдом; через руку было переброшено белоснежное полотенце. Через мгновение два фужера были наполнены. Когда дверь закрылась, Норберт поднял свой бокал.

— Ваше здоровье, и да сгинут все Струаны. Что за секрет?

— Вы сказали, чтобы я попытался подружиться с ним. Я подружился. Теперь он доверяет мне. Во-первых...

— Доверяет?

— До определенной степени, но с каждым днём это доверие крепнет. Во-первых, относительно сегодняшнего вечера. Причина, по которой он написал это письмо и сделал заявление, заключается в том, что ему нужна услуга от адмирала, тайная услуга.

— Вот как?

— Вы позволите? — Горнт показал на шампанское.

— Конечно. Присаживайтесь и все мне объясните.

— Ему нужно разрешение адмирала, чтобы подняться завтра на борт

«Жемчужины», вот в чем де...

— Какого черта, о чем вы мне тут рассказываете?

— Я случайно услышал их разговор, приватную беседу — после ужина оба вышли на воздух. Я рассматривал некоторые из картин Струана поблизости — кстати, я заметил там две-три, принадлежащие кисти Аристотеля Квэнса, — и, ну... их голоса долетали до меня. — Горнт почти слово в слово пересказал их разговор. — Кеттерер закончил словами: «Посмотрим, что вы сможете сделать за десять или пятнадцать минут».

— И это все? Ничего о том, что там на борту и почему ему так важно попасть на «Жемчужину»?

— Нет, сэр.

— Странно, очень странно. Что все это могло бы значить?

— Не знаю. Весь вечер прошел как-то странно. Весь ужин я ловил взгляды, которые Струан время от времени бросал на адмирала, но их глаза ни разу не встретились. Мне показалось, что адмирал нарочно избегал его, стараясь, чтобы это не выглядело слишком заметно. Это разбудило во мне любопытство, сэр.

— Где он сидел? Я имею в виду адмирала.

— Рядом с Анжеликой, на месте почетного гостя справа от неё; сэр Уильям — по другую сторону. Вообще-то должно было быть наоборот — это ещё одна любопытная деталь. Я сидел рядом с Марлоу, он не сводил взгляда с Анжелики и нудно рассказывал о своих морских делах; ни слова о завтрашнем путешествии, хотя из того, что говорил Струан, я заключил, что оно планировалось заранее и ожидало только разрешения адмирала. После того как адмирал откланялся, я вновь заговорил с Марлоу о завтрашнем дне, но он лишь сказал: «Возможно, будут проведены небольшие испытания, старина, если Старик даст добро, а в чем дело?» Я сказал ему, что мне очень нравятся корабли, и спросил, нельзя мне отправиться с ним, он рассмеялся и пообещал непременно договориться о такой поездке на будущее, потом тоже ушел.

— И ни слова о Струане или девушке?

— Нет, сэр. Хотя он так и пожирает её глазами.

— Это все её грудки. — Норберт весело фыркнул. — Когда Струан сделал своё заявление, что произошло?

— Сначала — полное молчание, потом грянула буря: вопросы, хохот, свист, крики одобрения со стороны Марлоу и других морских офицеров и много гнева. Макфей побелел, Дмитрий едва не сплюнул, сэр Уильям смотрел на Струана во все глаза и качал головой, словно этот бедолага вызывал в нем жалость. Я сосредоточил внимание на Кеттерере. Он никак

не отреагировал, ничего не сказал Струану, обронил лишь: «Занятно», тут же поднялся, поблагодарил его за ужин и вышел. Струан попытался остановить его, начал спрашивать про завтрашний день, но адмирал то ли не слышал его, то ли притворился, что не слышал, и вышел из столовой, оставив Струана бледным и потрясенным. В то же время, сэр, все разом говорили и никто не слушал, как на китайском рынке, немало гостей пришли в бешенство и кричали Струану, что он сошел с ума и как, чёрт побери, сможем мы продолжать торговлю — ну, вы знаете очевидную, голую правду.

Норберт допил своё шампанское. Горнт приготовился налить ему ещё, но Грейфорт покачал головой:

— Я не слишком люблю шипучку на ночь, у меня с неё живот пучит. Плесните мне виски... бутылку вы найдете вон там. — Бутылка стояла на потертом дубовом комодe с морскими часами посередине. — Что там такого на этой «Жемчужине», что так ему понадобилось?

— Не знаю.

— Что делал Струан, когда Кеттерер ушел?

— Он просто опустился на свой стул, выпил большой бокал вина, глядя прямо перед собой, рассеянно попрощался с гостями, которые начали расходиться, и не обращал никакого внимания на Анжелику, что тоже на него очень не похоже. Что же касается её, она просто смотрела на все это, широко открыв глаза, в кои-то веки перестав быть в центре внимания, явно не понимая, что происходит, поэтому я полагаю, её Струан тоже не посвятил в свои планы. Я подумал, что мне лучше поскорее передать вам эту новость, и ушел вместе со всеми.

— Вы упомянули о некоем секрете. Так что это за секрет, а? Почему эта старая сука Тесс Струан согласится своей рукой прикончить собственный бизнес?

— Из-за плана сэра Моргана, сэр.

— Что?

— Сэр Морган. — Горнт широко улыбнулся. — Перед нашим отъездом из Шанхая он рассказал мне, в беседе с глазу на глаз, что он и мистер Брок задумали и уже начали осуществлять некий план, который должен разорить Струанов и покончить с ними навсегда. Он сказал мне, что все дело вращается вокруг гавайского сахара, банка «Виктория» и...

— Да? — Норберт пристально смотрел на него, помня, как сэр Морган особо подчеркивал, что не посвящал Горнта в детали этого замысла и не хотел, чтобы тот знал их: «хотя парню вполне можно доверять. Да, и будет неплохо, если он начнет вращаться в кругу этого чертова Струана; можно

будет посмотреть, что ему удастся разнюхать». — Морган рассказал вам детали? Относительно этой сделки?

— Нет, сэр, по крайней мере он сказал мне только то, что я должен передать Струану под самым большим секретом, на какой способен.

— Господи Иисусе, — выдохнул Норберт, разволновавшись, — вам лучше рассказать мне все с самого начала.

— Он сказал, что я не должен говорить вам о своей роли до тех пор, пока не сыграю её, пока не сделаю того, что он поручил мне сделать. Я это сделал, я стал доверенным лицом Малкольма Струана, поэтому теперь я могу рассказать вам. — Горнт поднес к губам бокал. — Очень хорошее вино, сэр.

— Да продолжайте же!

— Сэр Морган сказал, что я должен подкинуть Струану несколько сказок — он сказал, что они достаточно близки к правде, чтобы подцепить на крючок Струана и через него подлинного тайпэна, Тесс Струан. Сэр, я почти могу гарантировать, что последний из тайпэнов компании Струанов прочно сидит на крючке. — Горнт быстро изложил ему суть всего, что он передал Малкольму Струану. На последних словах он рассмеялся. — Я должен передать ему «секретные детали» после дуэли, по пути на его корабль.

— Что именно вы должны сообщить ему?

Грейфорт внимательно его выслушал. Зная истинные детали, он был поражен: Морган оказался ещё хитрее, чем он думал. Если Тесс Струан станет действовать исходя из этой ложной информации, сэр Морган непременно выиграет те несколько недель, которые были ему нужны.

— Но, сэр Морган, — заметил Норберт во время разговора в Шанхае, когда его посветили в этот план, — ваш замысел уже сейчас не может не удался, вам не нужно дополнительное время, свою часть плана в Йокогаме я смогу завершить ещё до Рождества.

— Верно, сможешь и завершишь. Да только я и батюшка, мы привыкли думать, что береженого Бог бережет, парень, и несколько лишних недель нам никак не повредят, зато тогда уж можно быть покойным, что никакие веревки до наших шей не дотянутся и задницы наши на тюремную скамью не сядут.

Норберт подавил в себе нервную дрожь при мысли, что может попасться. Петля ему, конечно, не грозит, но вот тюрьма за подлог — весьма вероятно, а уж долговая яма — непременно. Да, хитер сэр Морган, что и говорить, это как раз на него похоже: сказать мне одно, а Горнту — другое. От одного риска он меня избавил: Струана теперь убивать не

нужно. Стало быть, впереди у меня Англия и пять тысяч в год, однако самые сливки я теряю: ни поместья, ни настоящего богатства. Ладно, лучше тихо жить, чем с досады выть.

Норберт вздохнул. Мне очень хотелось вогнать в Малкольма пулю и снять сливки, подумал он, вспомнив слова Старика Брока, навсегда отпечатавшиеся в памяти: «Норберт, к пенсии твоей сливки припасены. Пять тыщ в год к премии добавлено будет, ежели ты его совсем убьешь, тыщу — ежели тяжело ранишь, а ежели он верх возьмет, потеряешь все».

— Морган умен, его план безупречен, — сказал он с улыбкой. И добавил как бы между делом, чтобы проверить американца и быть уверенным: — Не так ли?

— Сэр?

— Эти маленькие изменения, в них-то все и дело, а? — Он внимательно наблюдал за лицом Горнта.

— Прошу прощения, сэр, деталей я никаких не знаю — за исключением того, что вам рассказал и что он сказал передать Струану.

— Я выпью ещё виски, а вы наливайте себе вина, — сказал Норберт, удовлетворенный. Потом молча потягивал свой скотч, пока не продумал все до конца. — Продолжайте все так, как если бы вы мне ничего не говорили. Завтра я отменю дуэль. Я не могу позволить себе убить этого ублюдка или вывести его из игры.

— Да, сэр, я тоже сразу подумал об этом. — Горнт протянул ему письмо Малкольма Струана, точную копию которого подписал и Норберт. — Он передал мне это для вас, но я советую не отменять дуэль завтра, это могло бы возбудить в нем подозрения, к тому же мы могли бы выяснить, что такого важного связано с «Жемчужиной», если он поедет или не поедет.

— Хорошо, Эдвард, это дельная мысль. — Норберт раскатисто хохотнул. — Стало быть, в среду юный сосунок Струан отправится навстречу катастрофе, а?

Горнт ухмыльнулся.

— Его путешествие будет веселым, сэр. Их «Благородному Дому» пришел конец, а у нашего все только начинается.

— Да. — Тепло от виски смешалось с теплом от грез о будущем. — Значит, вы решили присоединиться к нам?

— Да, сэр, если вы это одобрите. Сэр Морган сказал, что вы должны будете дать своё одобрение.

— Не снижайте оборотов, и одобрение будет дано. Сегодня вечером вы отлично поработали, выше всех похвал. Доброй ночи.

Норберт запер дверь за Горнтом. Перед тем как взобраться на высокую кровать, он воспользовался ночной вазой и почувствовал себя ещё лучше. Его бокал стоял на одном из комодов, на стопке книг и журналов, все ещё полный на четверть.

Он отхлебнул из бокала и задумался о Горнте. Этот юный прохиндей не такой уж хитрец, каким себя воображает. Кто угодно может сообразить, что там на борту «Жемчужины» и зачем это нужно Струану. Кеттерер умеет хранить секреты, как и Крошка Вилли, чего не скажешь о Майклмассе Твите, да и о Небесном Нашем, когда тот в подпитии, поэтому я слышал о письмах Тесс Струан и о том, как она прижала Крошку Вилли, блокировала церковь, всех капитанов кораблей и через Кеттерера Королевский флот — только вот никакой власти над флотом у неё нет! А на борту «Жемчужины» Марлоу может обвенчать их, если Кеттерер даст своё разрешение.

Он весело хмыкнул.

Но Кеттерер ненавидит компанию Струанов, потому что она продавала пушки пиратам «Белого Лотоса», как и мы. Так же как мы по сию пору продаем пушки любому растреклятому князьку, который пожелает их купить, и будем продолжать делать то же самое, даже если дом Струанов откажется от этого. А почему бы и нет? Все это вполне законно и всегда будет законно. Парламенту нужны оружейные заводы, потому что оружейные заводы дают огромную прибыль, и все правительства любят воевать, потому что войны приносят огромную прибыль и, самое главное, потому что войны прикрывают их собственную растреклятую некомпетентность.

К черту все правительства.

Кеттерер ненавидит дом Струанов. Несмотря на все его красношеее высокомерие, он не дурак, за услугу он потребует практических результатов. Их он получить не может — заявления этого юного идиота ровным счетом ничего не значат — стало быть, он играет с ним в кошки-мышки. Может, он и позволит Струану и его милашке подняться на корабль, может, нет, в любом случае Марлоу не получит разрешения обвенчать их — Кеттерер хочет, чтобы Струан ползал перед ним на брюхе. Этот ублюдок и меня заставил бы пресмыкаться, будь у него возможность хоть в четверть против этой, да ещё всыпал бы мне сто плетей в придачу.

Большой глоток прекрасного виски заметно поправил его настроение, и он рассмеялся. Стало быть, юный Струан загнан в угол: никакого венчания на «Жемчужине» и назад в Гонконг, со своей красоткой или без неё, а там — в чертову яму вместе со своей матушкой. Любопытно, что приходится оставлять этого оболтуса в живых, когда я планировал

заполучить предложенные Стариком сливки: «...только смотри, Норберт, Моргану не проболтайся, он у нас вообще против всяких убийств, ему надобно юного Струана по макушку в дерьме увидеть и мать его тоже! Смотри не позабудь, а то я из твоих кишок подтяжек наделаю».

Должен ли я отменить дуэль? Надо подумать об этом. Хорошенько подумать. Прибавка к пенсии мне не мешает.

Очень похоже на Моргана дать Горнту тайные инструкции, а меня держать в неведении. Что ещё он сказал Горнту, чего не сказал мне? Ладно, Морган умнее всех, нервы у него как у Старика, но он умеет себя сдерживать, современен, никаких безумий и никакого риска — ни намека на животную, беспощадную одержимость отца. Морган наш настоящий тайпэн, и он будет тайпэном нового «Благородного Дома». Понадобилось всего двадцать лет, чтобы сокрушить компанию Дирка, крупнейшую из всех, что были в Азии.

Удовлетворенный, он допил виски, увернул фитиль в лампе и, зевнув, уронил голову на подушку. Жаль, что я никогда не видел Старика в пору его расцвета или тайпэна, самого Старого Зеленоглазого Дьявола, которого смогли прикончить только сатанинские ветры великого тайфуна. Нам повезло, что этот юный дуралей не унаследовал ни одного из его качеств.

Откланялся последний гость. Теперь остались только Анжелика, Джейми Макфей и Малкольм. Угли в громадном камине заалели, когда в трубу задул холодный ветер, и погасли. Малкольм, нахмурившись, молча смотрел в камин, наблюдая игру бликов на остывающих углях. Анжелика сидела на подлокотнике его кресла, обеспокоенная. Макфей опирался спиной на стол.

— Я тоже скажу доброй ночи, тайпэн, — сказал он.

Малкольм очнулся от своих раздумий.

— О... погоди минутку. — Он улыбнулся Анжелике. — Извини, ангел мой, мне нужно поговорить с Джейми кое о каких вещах, ты не возражаешь?

— Разумеется нет. Доброй ночи, Джейми. — Она наклонилась и тепло поцеловала Струана. — Доброй ночи, Малкольм, спи хорошо.

— Доброй ночи, дорогая, нам нужно выехать пораньше.

— Да... но, Малкольм, пожалуйста, могу я спросить, из-за чего поднялся весь этот крик? Я не поняла, ты не мог бы объяснить?

— Это была зависть. Ничего больше.

— О! Конечно, каким сильным ты был и каким современным! Как правильно ты решил насчет ружей и опиума... о-ля-ля, *chéri*, и мудро.

Спасибо. Конечно. — Она опять поцеловала его. — Когда мы отправляемся завтра утром? Я сгораю от нетерпения, эта поездка будет таким *change superbe*.^[36]

— Сразу, как рассветет. Я позабочусь, чтобы тебя разбудили заранее, но... но не удивляйся, если... если наши планы поменяются — Марлоу сказал, что погода может испортиться.

— Но он поклялся, что ветер упадет и это будет замечательный день для морской прогулки.

— Я сказал «может испортиться», Эйнджел. — Он обнял её. — Если не завтра, то в первый же подходящий день. Он обещал.

— Я так надеюсь, что мы поедем завтра. Je t'aime, chéri.

— Je t'aime.

Когда она ушла, тишина в комнате сгустилась. Чен снова заглянул к ним, приоткрыв дверь.

— Закрой эту чертову дверь, — крикнул Малкольм, — и чтобы я тебя больше не видел! — Дверь мгновенно захлопнулась. Джейми открыл было рот, но Малкольм поднял руку. — Не говори ничего о кораблях, пушках или опиуме. Пожалуйста.

— Очень хорошо.

— Присядь, Джейми. — Малкольм продумал все обходные пути вокруг адмирала и приготовил план действий для каждого из различных вариантов: если адмирал решит, что они могут отправиться в море с его благословения, или если они отправятся, но Марлоу будет запрещено совершать церемонию, или если поездка будет отложена на будущее. Сейчас он на время отложил контрмеры в сторону. — Позаботься, пожалуйста, чтобы наш паровой катер подошел к «Жемчужине» перед рассветом с указаниями боцману выяснить у Марлоу, состоится наша поездка или нет. Какой бы ответ ни был получен, скажи боцману, чтобы доставил его мне сюда. Хорошо?

— Разумеется.

— Я написал письмо Норберту и передал его Горнту сегодня вечером, так что это дело сделано. Я ничего не забыл?

— Относительно среды?

— Да.

— По-моему, нет. Время и место тебе известны, пистолеты стандартные, врачей не будет, так как было решено, что ни на Бебкотта, ни на Хоуга положиться нельзя. Эти письма — твоя единственная защита. Других свидетелей, кроме меня и Горнта, не будет.

— Хорошо. Ты готов отбыть с «Гарцующим Облаком»?

— Завтра я отошлю на борт чемодан вместе с нашей почтой, никто не должен ничего заподозрить. А как быть с твоими сундуками?

— Я беру только один. Незаметно доставь его завтра на корабль. Если кто-нибудь начнет задавать вопросы, скажи, что я отсылаю вперед кое-что из одежды, планируя переезд в Гонконг до Рождества.

— Упаковывать его будет Чен?

— Придется ему. Я возьму с него клятву держать язык за зубами, но это будет касаться только нашего общества, а не китайцев. Мне придется взять его с собой. А Ток — тоже проблема, но она может остаться здесь в ожидании нашего настоящего переезда. Мне придется посвятить в нашу тайну А Со. Она отправится с нами в Гонконг.

— Анжелика?

— Ей ничего говорить не нужно. Если мы попадем на «Жемчужину», А Со сможет уложить её одежду ещё в один сундук и отправить его на корабль с тем же объяснением — для большей безопасности нужно будет подождать, когда стемнеет. Годится?

— Да.

— В среду утром мы, ты и я, незаметно выскользнем через заднее крыльцо, как и было решено. Чуть позже Чен, А Со и Анжелика, хорошенько закутавшись в плащи, пройдут через улицу на нашу пристань, где ты оставишь паровой катер, который доставит их на клипер...

— Извини, что прерываю, но если это окончательный план, то лучше воспользоваться катером на веслах, шуму меньше. На всякий случай паровой катер должен ждать нас у причала в Пьяном Городе.

— Так действительно лучше, Джейми. Спасибо. Значит, катер на веслах. После того как я разберусь с Норбертом, мы немедленно отправляемся на корабль. Завтра скажи Варгашу, чтобы он договорился о встрече с нашими японскими поставщиками шелка на следующую пятницу, пусть все выглядит так, будто у нас очень загруженное расписание на остаток этой недели и на всю следующую, хорошо?

— Что-нибудь ещё, Джейми?

— Могу я предложить кое-что?

— Конечно.

— После завтрашней поездки на «Жемчужине»... — Макфей нерешительно помолчал. — Ты говорил, что, возможно, планы поменяются... из-за погоды. Прогноз ведь как будто хороший, нет?

— Да. Это на тот случай, если Марлоу придется остаться в порту, — беззаботно ответил Малкольм. — Со всей этой подготовкой к бомбардировке Эдо или с угрозой бомбардировки невозможно загадывать,

что взбредет в голову Кеттереру или сэру Уильяму. Так что у тебя за предложение, Джейми?

— Вообще-то их несколько. После того как вы завтра вернетесь — Марлоу сказал, что это будет ещё до захода солнца, почему бы тебе и Анжелике не отправиться поужинать вместе с капитаном Стронгбоу на «Гарцующем Облаке», даже заночевать там?! На рассвете ты и я могли бы вернуться на берег...

— Этот план гораздо лучше, — тут же согласился Малкольм, мигом оценив его преимущества и радостно просияв, — гораздо лучше. Тогда Анжелика окажется уже на борту, как и её багаж, поэтому нам не нужно будет беспокоиться за неё, а после Норберта мы сразу вернемся назад. Отлично придумано, Джейми. Наши вещи можно отослать на борт с Ченом и А Со, они тоже с полным основанием могли бы остаться ночевать на корабле, никто не должен ничего заподозрить. — Его улыбка была чистой и искренней. — Ты очень умен, если подумал об этом, очень умен, почему я и не хочу, чтобы ты покидал компанию.

Джейми виновато улыбнулся.

— Посмотрим.

— Кстати, на тот случай, если произойдет непредвиденное, — спокойно произнес Малкольм, глаза его смотрели ровно и без страха. — Если я буду ранен, но сохраню достаточно сил, чтобы добраться до корабля, именно это я и хотел бы сделать. Если рана окажется по-настоящему серьезной, ну тогда просто приведи либо Бебкотта, либо Хоуга. Позаботься доставить Хоуга на клипер в любом случае, мы заберем его с собой в Гонконг.

— Я справился в их клинике в Канагаве, но там у них прием только в четверг, так что оба будут здесь.

— Ты обо всем подумал.

— Нет. Мне хотелось бы все учесть, и мне хотелось бы, чтобы ты отменил дуэль.

— Ничего непредвиденного не произойдет.

— Я молю Бога, чтобы ты оказался прав. Но что бы ни случилось, мне лучше оставаться здесь, пока ты не вернешься или пока не пошлешь за мной.

— Но мать написала в письме, что...

— Знаю. Давай не будем кривить душой, тайпэн. Я уйду, так или иначе. Лучше всего мне остаться здесь, чтобы прикрыть твою спину, будет Норберт жив или нет, и присмотреть за Горнтом. Извини, но я по-прежнему не доверяю этому парню. Моя работа здесь, а не в Гонконге. Весной я

ухожу. Так будет лучше всего, и нам следует договориться об этом сейчас, но не раньше, чем тебе исполнится двадцать один.

Они посмотрели друг на друга, глаза в глаза. Оба резко обернулись, когда дрова с шумным вздохом осели и несколько угольков выкатились из камина. Угли померцали и тихо угасли, не причинив вреда.

— Ты замечательный друг, — тихо проговорил Малкольм. — Правда.

— Нет, я просто стараюсь сдержать свою клятву — тайпэну «Благородного Дома».

Андре и Филип Тайрер стояли, беседуя, перед британской миссией.

— Идея Малкольма насчет эмбарго, сколь она ни похвальна, стала бы катастрофой для всех торговых компаний Азии, — говорил Тайрер, — включая ваши, правда, вы все равно не последуете его примеру, как не последуют ему немцы, русские или янки. — Ветер трепал его длинные волосы, но он не чувствовал холода, разгоряченный разговорами и изрядным количеством выпитого. — Сэр Уильям сомневается, что губернатор Гонконга одобрит, смог одобрить какие бы то ни было распоряжения парламента на этот счет; он станет вилять и тянуть время, хотя, как вы понимаете, я не могу официально говорить ни за того, ни за другого. Парламенту закон не писан, — добавил он, зевнув. — Я окончательно вымотался, а вы?

— У меня свидание.

— Вот как! — Тайрер заметил сверкнувшее в глазах француза радостное нетерпение. — Счастливчик! Последнее время вы, несомненно, выглядите счастливее, просто гораздо счастливее. А то мы все уже начали не на шутку тревожиться.

Андре перешел на французский и понизил голос:

— Теперь у меня все прекрасно, так хорошо ещё никогда не было. Даже не могу высказать, насколько я счастлив. А эта девушка, о, она обращается со мной как с королем — лучше неё у меня никого не было. Все, с вольным гулянием покончено. Я купил её контракт.

— Замечательно.

— Послушайте, раз уж речь зашла об этом, как насчет Фудзико? Райко начинает нервничать, и девушка тоже. Я слышал, бедняжка совсем раздавлена горем, все время плачет.

— О? — Тайрер почувствовал острый укол в паху. — Значит, ваш совет был правильным, — сказал он, едва заметив, что ответил по-французски — большую часть вечера он беседовал с Сератаром, Сергеевым и другими министрами, постоянно переходя с одного языка на

другой.

— Я бы сказал, что вы проявили достаточную твердость, и теперь довольно. Нет смысла заставлять страдать кого-то, они милые люди. Обе женщины сожалеют, что вызвали ваше раздражение.

Несколько ночей назад Райко перехватила его и опять спросила, готов ли он заплатить просроченные деньги. После того как он успокоил её обещанием, что ожидает поступлений со дня на день — положившись на то, что Анжелика сумеет достать деньги, — Райко расспросила его о Тайрере.

— Что стало не так с этим человеком? Мы сослужили бы добрую службу ему, мне, Фудзико и вам, старый друг, исправив все, что нужно исправить. Его, очевидно, соблазнили шлюхи из гостиницы Лилии. В эти тяжелые времена нам бы весьма помогло, и вам тоже, если бы вы убедили его вернуться. Бедная девушка уже на грани самоубийства.

Он в это не поверил, но Райко с готовностью повернула в его ране нож по имени Хинодэ.

— Филип, вы сыграли свою роль безукоризненно, — сказал он. — Я договорюсь о встрече, и мы продолжим переговоры.

— Ну, Андре, я, право, не знаю, — ответил Тайрер. — Я... э-э... должен сознаться, что действительно попробовал другую девушку, один раз; гостиница, которую вы мне порекомендовали, совсем не плоха, и я тут подумал, что, возможно, иметь постоянную девушку — вовсе не такая уж хорошая мысль. Я хочу сказать, это большие расходы, а мне, ну, нужно приобрести лошадь для поло...

— В том, что ты имеешь свою собственную девушку, есть и положительные и отрицательные стороны, — заметил Андре, скрывая свой страх. — Возможно, лучше всего было бы положить переговоры о контракте на полку до «улучшения во взаимоотношениях».

— Вы хотите сказать, иметь свой кусок пирога и есть его?

— Почему бы нет? Эти девушки всегда там для нашего удовольствия, любая из них, хотя Фудзико и Райко очень особенные. — Андре был убедителен, он хотел, чтобы Тайрер соскочил с крючка Фудзико, не больше, чем сам хотел оставаться на крючке у Райко. Быть с ней тайными партнерами — это одно. Быть целиком в её власти — совсем другое. Он договорится о свидании, остальное будет зависеть от них самих, сумеют ли они оживить в Тайрере былую страсть. — Предоставь их мне. Как насчет завтрашнего дня? Могу обещать, что примут вас с большим энтузиазмом.

— О, в самом деле? Ну что ж, хорошо.

— Филип... — Андре снова огляделся. — Анри более чем стремится

поддержать сэра Уильяма во всем, что имеет целью самым суровым образом поставить на место этого дурака тайро Андзё — этот идиот зашел слишком далеко на этот раз. Не мог бы сэр Уильям обсудить все это наедине завтра? У Анри есть несколько соображений, которыми он хотел бы поделиться без посторонних ушей.

— Я уверен, что он согласится. — Тайрер сразу стал внимателен, забыв об усталости. Он был приятно удивлен: обычно Сератар сам запускал все французские инициативы, и англичане узнавали о них, только когда те уже шли полным ходом. Как, например, тайное приглашение посетить французский флагман, переданное князю Ёси, о котором они только что слышали из своих собственных источников — китайские слуги во французской миссии подслушали разговор Андре и Сератара, передали его содержание Номер Один Чену, который рассказал об этом Струану, а тот рассказал ему, а он — сэру Уильяму. — Военный совет? Они вдвоем?

— Я предлагаю вчетвером — им понадобятся помощники, чтобы запустить их замыслы в действие, однако чем меньше людей будут знать о них, тем лучше. Если потом они захотят ввести в курс дела адмирала и генерала — прекрасно. Но потом, а?

— «Сердечное согласие», Антанта? Я поговорю об этом со Стариком первым же делом завтра утром. Как насчет одиннадцати часов?

— А в десять не получится? У меня в полдень свидание, которое нельзя отменить.

Андре обсудил идею этой встречи с Сератаром сразу же, как только вернулся после разговора с Райко:

— Анри, это встреча может иметь большое значение, чем меньше о ней будут знать другие министры, тем лучше. В этот раз нам придется притвориться, что мы на сто процентов заодно с англичанами. У них есть боевые корабли, у нас нет. В этот раз мы должны склонить их начать войну.

— Почему?

— Я получаю информацию от Тайрера, который имеет её от своего ручного самурая Накамы — Анри, Тайрер поразительно хорошо говорит по-японски после того короткого времени, что он здесь. У него замечательные способности к языку, поэтому нам следует серьезно присматривать за ним и располагать к себе. Тайрер выяснил, что существует сильная неприязнь между этим Андзё и Торанагой Ёси, который, подобно вам, является патрицием, в то время как Андзё больше плебей.

Его позабавило, как Сератар надулся от гордости, услышав эту лесть, — он был не большим патрицием, чем сам Андре.

— Мы будем тайно подбивать англичан на то, чтобы расправиться с этим Андзё, а сами в последний момент отстранимся от фактического столкновения и все это время будем привязывать к себе Ёси, сделав это нашей первостепенной тайной национальной политикой. Мы превратим его в союзника, мы должны это сделать, потом, действуя через него, мы спихнем британцев в их выгребную яму и станем контролировать здесь все иностранное присутствие.

— Как мы добьемся этого, Андре? Привяжем его к себе?

— Предоставьте это мне, — ответил он, снова положившись на то, что через Райко, предоставляя ей ценную информацию и деньги, он сможет установить нужные контакты и сблизиться с Ёси. — Он станет тем ключом, который отомкнет нам Японию. Нам придется вложить кое-какие деньги, немного. Но, положив их в нужный карман... — а кое-что переключает и в мой, фыркнул он про себя, — я гарантирую успех. Он будет нашим Рыцарем в Сияющей Броне. Мы поможем ему стать сэром Галахадом, который погубит короля Артура Крошки Вилли.

Почему же нет? — снова повторил он про себя, стоя на променаде вместе с Тайрером, ещё одной ключевой фигурой на шахматной доске французского влияния в Азии. Филип будет...

Боже мой! — едва не вырвалось у него, когда в его голове мелькнула вдруг дикая мысль: если Струана убьют на дуэли и Анжелика станет дамой без масти, не сможет ли она стать Гвиневерой для этого джапо Ёси? Почему бы и нет? Ему, возможно, понравился бы этот экзотический кусочек. Через Райко, возможно, Анжелика могла бы... потому что источник её средств иссякнет с пугающей быстротой и она, следовательно, окажется уязвимой.

Он рассмеялся и отложил мысль об этом в сторону: она была слишком сумасшедшей, чтобы серьезно продумывать её сегодня ночью.

— Филип, — произнес он, желая, чтобы тот считал его своим лучшим другом. — Если мы сможем помочь нашим хозяевам найти верное решение и осуществить его... а?

— Это было бы чудесно, Андре!

— В один прекрасный день вы станете здесь послом.

Тайрер рассмеялся.

— Не говорите глупостей.

— Это не глупости. — Несмотря на то, что они всегда будут во враждующих лагерях и он должен сохранить возможность влиять на него, Тайрер ему искренне нравился. — Через год вы будете свободно говорить и писать по-японски, Крошка Вилли вам доверяет, у вас есть ваш козырь в

колоде, Накама, который вам поможет. Почему же нет?

— Почему же нет? — повторил Тайрер с улыбкой. — Пусть сегодняшний вечер закончится на этой приятной ноте. Счастливых снов, Андре.

В клубе всё ещё продолжался шумный, пьяный спор среди тех немногих торговцев, что ещё сидели у стойки. Несколько морских и армейских офицеров, Твит и остальные торговцы сидели за столиками, в беспорядке расставленными по залу, и опрокидывали «по последней».

За столиком у окна сидели граф Сергеев и недавно прибывший швейцарский министр Фриц Эрлихер. Русский спрятал в усы снисходительную усмешку, наклонившись над бокалами с портвейном.

— Они все дураки, герр Эрлихер, — произнес он, перекрывая гул.

— Вы полагаете, этот юный Струан говорил серьезно?

— Он говорил серьезно, но будет или нет принята эта политика, ещё вопрос. — Они говорили по-французски, и Сергеев объяснил собеседнику суть конфликта между матерью и сыном в компании Струанов. — Таковы последние слухи: она дергает за все веревочки, хотя титул вполне законно принадлежит ему.

— Если эту политику примут, мы от этого выиграем, и вы и я.

— А! У вас есть предложение?

— Скорее идея, граф Сергеев. — Эрлихер развязал галстук и вздохнул свободнее; воздух в клубе был спертым и пропитанным дымом, стоял тяжелый запах пива и мочи, опилки на полу давно пора было заменить. — Мы маленький независимый народ, природных богатств у нас немного, зато много храбрости и умелых мастеров. Британцы, любви к которым мы не испытываем, монополизируют большую часть изготовления и продажи оружия в Европе, хотя завод Круппа выглядит многообещающе. — Бородатый дородный швейцарец улыбнулся. — Мы слышали, матушка-Россия уже приобрела значительный пакет его акций.

— Вы меня поражаете.

Эрлихер рассмеялся.

— Я иногда сам себя поражаю, герр граф. Но я хотел упомянуть, что у нас имеются начатки прекрасных литейных заводов для производства ружей и пушек, также по секрету могу вам сообщить, что мы ведем переговоры с Гатлингом о выпуске у нас его пулеметов по лицензии и способны без ограничений снабжать вас любым оружием, какое вам может понадобиться, на долгосрочной основе.

— Благодарю вас, мой дорогой сэр, но мы не имеем такой надобности.

Царь Александр Второй является миролюбивым реформатором, в прошлом году он даровал свободу нашим крепостным, в этом году он реформирует армию, флот, бюрократию, судебную систему, образование — все.

Эрлихер ухмыльнулся.

— И попутно возглавляет самые обширные земельные завоевания в истории, покоря больше народов, чем это удавалось кому-либо, за исключением Чингисхана и его монгольских орд. Чингисхан рвался на Запад, — улыбка растягивалась все шире и шире, — тогда как орды вашего царя двигаются на Восток. Через весь континент! Вы только вообразите себе! Через весь континент до самого моря, через Сибирь до Камчатского полуострова. И это не предел. Не так ли?

— А вы как думаете? — произнес граф с улыбкой.

— Мы слышали, что царь надеется через вашу новую крепость Владивосток проникнуть в Японию, потом севернее, на Курилы, ещё севернее, на Алеутские острова, и, наконец, соединиться с русской Аляской, которая простирается до самого севера Калифорнии. Пока весь мир спит. Поразительно. — Эрлихер достал портсигар и предложил Сергееву: — Прощу вас, самые лучшие из кубинских.

Сергеев взял одну, понюхал, покатал в пальцах и прикурил от спички швейцарца.

— Благодарю вас. Великолечно. Все швейцарские мечтатели похожи на вас? — любезно спросил он.

— Нет, господин граф. Но мы любим мир, и мы радушные хозяева для всех, кто любит мир. Только мы сидим у себя в горах, хорошо вооруженные, и смотрим на весь остальной мир. По счастью, наши горы как острые шипы для всех, кто приходит незванным.

Снова поднявшийся у стойки крик отвлек их на минуту. Ланкчерч, Сванн, Гримм и другие высказывались более громко, чем обычно.

— Я никогда не был в Швейцарии. Вы непременно должны повидать Россию, у нас много того, что радует глаз.

— Я был в вашем прекрасном Санкт-Петербурге. Три года назад я на несколько месяцев оказался там в нашем посольстве. Лучший город в Европе, по моему мнению, если вы дворянин, богач или иностранный дипломат. Вы, должно быть, скучаете по нему.

— Больше, чем вы можете себе представить. У меня сердце кровью обливается. — Сергеев вздохнул. — Теперь уже недолго ждать, скоро я там буду. Говорят, что мое следующее назначение будет в Лондон — тогда-то я и загляну к вам в горы.

— Я почти за честь, если вы остановитесь у меня. — Эрлихер

затянулся сигарой и выпустил колечко дыма. — Значит, мое деловое предложение вас не заинтересовало?

— Несомненно справедливо, что британцы монополизируют самые разные производства, все морские пути и моря, все богатства покоренных земель... — теперь в улыбке Сергеева уже не было прежней теплоты, — ... которыми следует делиться.

— Тогда нам нужно вернуться к этому разговору в более спокойной обстановке?

— За обедом, почему бы и нет? Я обязательно проинформирую своё начальство о любой беседе. Если в будущем вдруг возникнет надобность, как я смогу связаться с вами или с вашим начальством?

— Вот моя визитная карточка. Если вы спросите обо мне в Цюрихе, меня будет легко найти. — Эрлихер внимательно рассматривал Сергеева, пока тот читал великолепную каллиграфию — результат нового, поистине чудесного процесса печатания, который швейцарцы только что изобрели. Тонкие черты лица, аристократ до мозга костей, в безукоризненном костюме, тогда как его собственная наружность, Эрлихер знал это, была заурядной, а предки его были крестьянами. Но он не завидовал русскому.

Я швейцарец, думал он. Я свободен. Я не обязан преклонять колено или обнажать голову ни перед каким королем, царем, священником или человеком — если не хочу этого. Мне жаль этого беднягу, в определенном смысле он по-прежнему раб. Хвала Господу за мои горы и мои долины, за моих братьев и сестер и за то, что я живу среди них, — все они так же свободны, как и я, и останутся свободными.

В своём маленьком доме в Ёсиваре Хинодэ ждала. Фурансу-сан сказал, что придет сегодня, но может задержаться. Она была одета, чтобы раздеться, её вечернее кимоно и нижние кимоно были из тончайшего шелка, волосы сияли, черепаховые и серебряные гребни украшали высокую прическу, которая искусно открывала ту часть шеи, где начинали пробиваться первые волоски; гребни были воткнуты в волосы только затем, чтобы их можно было вынуть и позволить волне волос упасть до пояса, скрыв самое эротичное.

Интересно, что такого эротичного мужчины находят в этой точке женской шеи, спрашивала она себя, и почему, когда мы скрываем её, это тоже их возбуждает? Мужчины, какие они странные! Но она знала, что падающая волна волос возбуждает Фурансу-сана, как любого клиента, и это была её единственная уступка условиям их договора. Только это она делала при свете.

Ночью перед восходом солнца, когда он был с ней, её майко осторожно будила её, и она одевалась в темноте независимо от того, просыпался он или нет. Потом она переходила в соседнюю комнату и закрывала за собой дверь, её майко опускалась у двери на колени, охраняя её, и она снова ложилась спать, если чувствовала себя уставшей. Он согласился никогда не входить в это её убежище — после первого раза она настояла на этом.

— Таким образом тайна ночи может распространяться на весь день, — сказала она тогда.

— Прошу прощения?

— Таким образом то, что вы увидели однажды, никогда не изменится, как бы ни судили боги.

Она вздрогнула всем телом. Как она ни старалась, она не могла прогнать ощущение, что семя подлого Изъязвленного Божества, которое он поселил в ней, набирало силу, росло, готовилось прорваться наружу во всех частях её тела. Каждый день она исследовала себя. Каждую клеточку. Райко была единственной, кому она доверяла осматривать те места, которые не могла видеть сама; только так она могла быть уверена, что кожа там осматривается столь же тщательно и пока ещё чиста и безупречна.

— Каждый день — это слишком часто, Хинодэ, — заметила Райко перед тем, как согласилась на контракт. — Может быть так, что ничего не случится долгие годы...

— Прошу прощения, Райко-сан. Каждый день. Это условие.

— Зачем вы вообще соглашаетесь на это? У вас прекрасное будущее в нашем Море. Может быть, вы никогда не подниметесь до первого ранга, но вы образованы, ваша мама-сан говорит, что у вас длинный список клиентов, которые очень довольны вами, она сказала, что вы могли бы выйти замуж за зажиточного торговца, или земледельца, или мастера, изготавливающего мечи, что вы разумны и у вас не должно быть недостатка в достойных женихах.

— Благодарю вас за вашу заботу, Райко-сан, но вы договорились с моей мамой-сан, что не станете расспрашивать меня или пытаться проникнуть в мое прошлое, не будете пытаться узнать, откуда я родом или какие причины мной движут. В обмен вы делите с нею часть денег, которые я заработаю в этом году и, возможно, в следующем. Позвольте мне повторить ещё раз: причина, по которой я принимаю этот возможный контракт, заключается в том, что я желаю его заключить.

О да, я желаю этого, и мне так повезло.

Ей исполнилось двадцать два года. Она родилась на ферме в пригороде Нагасаки, в провинции Хидзэн на Южном острове. Когда ей было пять лет,

её пригласила в Плывающий Мир одна из тех многочисленных женщин-посредниц, путешествовавших по всей стране в поисках девочек, которые могли бы в будущем стать гейшами, девами искусства, — их, подобно Койко, должны были обучать поэзии, каллиграфии, игре на сямисэне и другим искусствам, — а не просто нэцудзэ-дзин, девами для утоления страсти. Её родители согласились и получили деньги и вместе с ними долговое обязательство на пять ежегодных выплат, начиная с одиннадцатого года после заключения договора; сумма этих выплат будет зависеть от успехов ребенка.

Как гейша она не достигла больших высот — ни в игре на сямисэне, ни в пении, ни в танцах, ни как актриса, но как нэцудзэ-дзин с пятнадцати лет, когда она приняла своего первого клиента, обученная лучше своих сверстниц, она быстро стала зарабатывать большие деньги и маме-сан, и себе. В те дни её звали Гёкко, Лунный Луч, и хотя тогда в Нагасаки было много иностранцев, она не знала ни одного из них, её дом принимал только японцев самого высокого ранга.

Как-то в октябре, в Месяц Без Богов, она приняла нового клиента. Он был на год старше её, восемнадцатилетний госи и сын госи — средней руки фехтовальщик и средний солдат, но для неё он был мужчиной её мечты. Звали его Син Комода.

Их страсть расцветала. Как ни старалась мама-сан сдержать их взаимное влечение — юноша был беден, его счета оставались неоплаченными, — её слова и запреты не оказывали никакого воздействия. До весны следующего года. Ничего не говоря Гёкко, мама-сан отправилась в дом юноши, поклонилась его матери и вежливо попросила об оплате.

Денег на оплату счетов не было. Мать юноши попросила об отсрочке.

Юноше было запрещено видаться с Гёкко. Внешне он подчинился воле родителей, но их слова ничего не изменили в его сердце.

Не прошло и недели, как они, переодевшись, убежали вместе, затерявшись в разраставшемся порту. Там они изменили свои имена и на те деньги, что она скопила, и драгоценности, которые она взяла с собой, купили самые дешевые билеты на каботажное судно, отплывавшее в тот день в Эдо.

Через неделю имя Сина Комоды было покрыто бесчестьем в его деревне и сам он объявлен ронином. Мама-сан вновь пришла к его матери. Оплата счетов их сына была вопросом сохранения лица, вопросом чести. Единственной ценностью, которой обладала его мать, и её гордостью были длинные прекрасные волосы. С согласия мужа она отправилась к изготовителю париков в Нагасаки. Мастер без колебания заплатил. Этих

денег едва хватило на то, чтобы оплатить долг их сына. Таким образом, для них честь была сохранена.

В Эдо, израсходовав почти все деньги, Гёкко и Син сумели найти безопасное пристанище в городских трущобах. И буддийского монаха, который поженил их. Без документов — их не было ни у неё, ни у него, — стерев своё истинное прошлое, жить было трудно, почти невозможно, но целый год они были счастливы, все время вместе, на пороге нищеты. Это не имело значения, ибо они наслаждались обществом друг друга, любовь их росла и была плодородна, и хотя её деньги растаяли без следа, как ни старалась она быть бережливой, а его заработок едва мог прокормить их — единственное, что он сумел подыскать, была работа охранником в дешевом борделе, который даже не входил в Ёсивару Эдо, — все это не имело значения.

Ничего не имело значения. Они были вместе. Они сводили концы с концами. И она содержала две их крохотные комнатки в безукоризненной чистоте и сделала из них дворец и убежище для него и их сына, и сколько она ни предлагала, он все отказывался и отказывался:

— Никогда! Никогда, никогда, никогда больше ни один мужчина не познает тебя, поклянись в этом! — Она поклялась.

Когда их сыну исполнился год, Сина убили в пьяной драке. С его смертью всякий свет погас в ней.

Через неделю мама-сан борделя, где работал Син, сделала ей предложение. Она поблагодарила её и отказалась, сказав, что возвращается домой в Нару. На рынке она купила новую яркую свечу, красную, и в ту же ночь, когда малыш уснул, она тихонько зажгла её и стала смотреть на неё и думать, что же ей делать, пока пламя не погасло, взывая к богам, обещая им, что, когда последние всполохи умрут, она примет решение, которое будет наилучшим для её сына, и просила их о помощи, дабы решение было мудрым.

Уже давно погасло пламя; решение было таким простым, таким правильным: она должна отослать своего сына назад к родителям его отца. Её сын должен отправиться в путь один — она должна притвориться, что она и её муж свершили дзинсай, совместное ритуальное самоубийство, как извинение перед его родителями за ту боль, которую они им причинили. Чтобы быть принятым, ребенок должен иметь с собой денег по крайней мере на год, предпочтительно больше. Он должен быть хорошо одет и путешествовать в сопровождении доверенной няни, на это тоже нужны деньги. Только таким образом он сможет вернуть себе наследственное право быть самураем. Последнее, нет никакого смысла в том, чтобы

держат клятву перед мертвым, когда речь идет о судьбе их здравствующего сына.

Утром она оставила сына у соседки и на последние деньги купила лучшее кимоно и зонтик, какие смогла отыскать на воровском рынке, потом, без гроша, она отправилась к лучшему парикмахеру рядом с воротами Ёсивары Эдо. Там, за месячный доход в будущем, она выторговала лучшую и самую модную прическу, массаж, макияж, маникюр, педикюр и другие интимные услуги — и информацию.

Информация стоила ей дохода за второй месяц.

Позже в тот же день она вступила в ворота и направилась прямо к дому Глицинии. Мама-сан своим видом повторяла всех других, каких она знала: неизменно безупречные кимоно и прическа, всегда чуть отяжелевшие телом, макияж на лице, который можно было принять за маску, взгляд такой мягкий, когда он обращен на клиента, и становившийся гранитным в мгновение ока взгляд, который мог заставить девушек дрожать от страха, и всегда густой запах лучших духов, какие они могли себе позволить, который, однако, уже не перебивал до конца запах саке, исходивший из каждой поры их тела. Эта мама-сан была художавой, её звали Мэйкин.

— Прошу прощения, я не принимаю дам без документов или без прошлого, — сказала мама-сан. — Мы здесь все очень законопослушны.

— Для меня большая честь слышать это, госпожа, но у меня есть прошлое, и с вашей помощью мы сможем придумать другое, которое удовлетворит самого дотошного чиновника бакуфу, пока я буду обильно удовлетворять жезл этой любопытной жабы, если сумею его отыскать.

Мэйкин рассмеялась. Её глаза — нет.

— Какое обучение вы получили и где? И как ваше имя?

— Меня зовут Хинодэ. «Где» значения не имеет. «Какое»? — Гёкко рассказала ей об учителях гейш и о том, как она не оправдала их ожиданий. Потом об обучении ремеслу, что за клиенты у неё были и в каком количестве.

— Интересно. Однако, прошу прощения, у меня здесь нет свободного места, Хинодэ, — ответила женщина с чрезмерной добротой. — Приходите завтра. Я поспрашиваю, возможно, кто-нибудь из моих подруг сможет вас принять.

— Прошу прощения, пожалуйста, могу я просить вас изменить своё решение, — сказала она, уверенная, что завтра её не пропустят под тем или иным предлогом. — Вы лучше всех и как никто достойны доверия. — Она сжала зубы и, моля богов, чтобы сведения оказались правильными, тихо

добавила: — Даже сиси знают об этом.

Кровь отхлынула от лица мамы-сан, хотя выражение его не изменилось.

— Вы и ваш возлюбленный бежали, и теперь он оставил вас? — спокойно спросила она.

— Нет, госпожа.

— Значит, он умер.

— Да, госпожа.

— У вас есть ребенок или дети, что из двух?

— Сын.

Пожилая женщина вздохнула.

— Сын. Он с вами?

— Он с семьей его отца.

— Сколько ему лет?

— Год и три месяца.

Мэйкин послала за чаем, и они стали пить его молча. Гёкко вся дрожала внутри, боясь, что зашла слишком далеко со своей угрозой, уверенная, что мама-сан гадает сейчас, откуда у неё эти сведения и каким образом она, чужая здесь — что само по себе представляло большую опасность, — смогла их раздобыть. И не была ли она шпионкой сёгуната. Если бы я была шпионкой, рассудила Гёкко, я, конечно, не упомянула бы о сиси, только ни в первой же беседе.

После долгого молчания мама-сан заговорила:

— Вы не можете оставаться здесь, Хинодэ, но у меня есть сестра, которая содержит прекрасный дом на соседней улице. Я представлю вас ей, но этому есть своя цена.

— Прежде всего позвольте мне смиренно поблагодарить вас за вашу помощь.

— Во-первых, вы поклянетесь изгнать из головы дурные мысли. Навсегда.

— Клянусь своей жизнью.

— Лучше поклянитесь жизнью сына.

— Клянусь жизнью своего сына.

— Во-вторых, вы станете образцом для дам нашего Мира, спокойной, послушной и достойной доверия.

— Клянусь своей жизнью и жизнью моего сына.

— В-третьих... третье может подождать, пока мы не узнаем, согласится ли моя сестра предоставить убежище той женщине, которую я вижу перед собой.

Третье условие касалось денег: как они будут поделены между двумя мамами-сан. Этот вопрос был разрешен удовлетворительно. Она договорилась о деньгах со своей соседкой, которая присматривала за её сыном и которую она тайно посещала каждые две недели утром того дня, когда у неё не было клиентов; ложь, которую она придумала для Мэйкин, не была совсем ложью, ибо в её сердце он уже был отдан родителям своего отца.

Вскоре, как когда-то, она стала популярна, но недостаточно. Выплаты парикмахеру стали постоянными, как и массажистке и торговцу кимоно. Денег никогда не оставалось столько, чтобы их можно было откладывать. К этому времени правда о её сыне была уже известна обеим мамам-сан, которые, разумеется, приставили к ней человека, который следил за ней, куда бы она ни пошла. Они никогда не заговаривали с ней о сыне, но все понимали и сочувствовали ей. Потом, однажды, её мама-сан послала за ней и рассказала ей о гайдзине, который заплатит достаточно, заплатит вперед, чтобы обеспечить будущее её сыну; этих денег хватит, чтобы кормить мальчика два года, по меньшей мере два года, и ещё останется довольно, чтобы обеспечить его безопасную доставку в любое место, куда она должна его отправить.

Она с жадностью ухватилась за это предложение.

После первой ужасной ночи она хотела покончить с собой, настолько по-зверски он обошелся с нею. Но сколько она ни плакала и ни умоляла, Райко осталась непреклонной и не дала своего разрешения, ибо заранее предупредила её, что этого нельзя будет делать по крайней мере месяц. По счастью, у неё было два дня, чтобы прийти в себя и спланировать новую оборонительную тактику в отношениях между ними. Эта тактика покорила Зверя, именно так она думала о нем, и изменила его на время. Теперь он стал мягче и много плакал и требовал удовлетворения страсти всеми мыслимыми способами, но под смиренными и любезными манерами она по-прежнему чувствовала жестокость, которая подспудно клочкотала в нем, как лава, готовая прорваться на поверхность.

В тихом красивом саду Хинодэ ждала, сплошной комок нервов. Едва он постучит в ворота с улицы, её майко прибежит предупредить её. Время у неё ещё было, поэтому она села в позу лотоса для медитации, и её разум растворился в дзэн. Вскоре она была готова.

Совокупление со Зверем было терпимым. Любопытно, как он отличается от нас, подумала она, сложен не так, как цивилизованный человек, чуть длиннее и толще, но совсем без той твердости и силы, которые присущи жителям Ниппона.

Он так отличается от Сина, гладкого, ласкового и такого сильного. Странно, в её муже не было ничего от его предка-гайдзина, Андзина-сан, который два с половиной века назад принял имя Комода для своей второй семьи в Нагасаки — его первая семья жила в Иядзу, где он строил корабли для своего господина, сёгуна Торанаги.

Хвала всем богам за него. Благодаря ему в своё время появился на свет мой Син, и он был рожден самураем, так же как и наш сын.

Она счастливо улыбнулась. Её сын уже почти три недели был в пути; двое слуг, сопровождавших его, были надежными людьми. Они уносили с собой кредитное обязательство, выписанное в Гъёкояме на имя матери Сина; этих денег должно было хватить почти на три года. Три года у её сына будут еда и крыша над головой, как и у его дедушки с бабушкой.

Я обо всем позаботилась, с гордостью подумала она. Я выполнила свой долг по отношению к нашему сыну, Син-сама. Я защитила твою честь. Все устроено. Даже последний вопрос Райко, перед тем как мы оговорили условия окончательного контракта со Зверем:

— Последнее, Хинодэ, что я должна сделать с вашим телом?

— Выбросьте его на навозную кучу, мне все равно, Райко-сан, оно уже обещено. Оставьте его собакам.

Книга четвертая

ИОКОГАМА

Вторник, 9 декабря

В предрассветных сумерках катер Струана отвалил от фрегата «Жемчужина» и на всех парах полетел к их причалу. Волны за его кормой были чистыми, он несся на полной скорости, дым из трубы лихо уходил вкось. Ветер был свежий, дул с берега, небо обложили облака, но к полудню оно должно было очиститься.

Бинокль боцмана был наведен на окна Струана. В них горел свет, но он не мог определить, у себя Струан или нет. Тут мотор кашлянул и заглох. Боцману показалось, что содержимое его мошонки подпрыгнуло и застряло у него в горле, все на катере перестали дышать. Через несколько секунд мотор заработал снова, но опять закашлял, потом заурчал, но теперь звук у него был какой-то хромой.

— Господь Вседержитель, Рупер, давай вниз, — прокричал он машинисту. — А вы все, сукины дети, тащите весла на палубу на тот случай, если мы встанем... Боже Милостивый, а у Макфея аж дым из штанов валил, как он требовал, чтобы у нас все было в полном порядке... Рупер, — взревел он, — в чем там дело, чёрт меня подери, Рупер? Выводи давай! — Вновь он навел бинокль на окна. Как будто никого.

Но Струан был там, тоже глядя на катер в бинокль. Он не сводил с него глаз с того самого момента, как катер подошел к фрегату. Он выругался, потому что теперь отчетливо видел боцмана, а тот должен был сообразить, что на него смотрят, и легко мог бы подать ему знак, да или нет.

— Не его вина, клянусь Господом, — пробормотал он, — ты сам забыл уговориться с ним о сигнале. Идиот! Ладно, погода хорошая, ни с какой стороны ничто не предвещает шторма, да и в любом случае небольшой шторм не сможет повредить «Жемчужине». — Он перевел бинокль на флагман. Катер адмирала возвращался назад с фрегата. Должно быть, с ним был передан приказ.

Дверь позади него распахнулась. Легкой поступью вошёл Чен, неся чашку чая, от которой поднимался пар.

— Здаластвуй, тайпэн. Ваша нет спать хейа, чай халосый чоп-чоп?

— Ай-й-йа! Сколько раз тебе повторять, чтобы ты разговаривал на языке цивилизованных людей, а не на пиджине. Или у тебя уши забиты испражнениями твоих предков, а мозги створжились?

Улыбка так и осталась приклеенной на лице Чена, но про себя он громко застонал. Он рассчитывал, что эта его тирада заставит Струана рассмеяться.

— Ай-й-йа, прошу прощения, — извинился он и добавил традиционное китайское приветствие, равнозначное «доброму утру»: — Кушали ли вы уже рис сегодня?

— Благодарю. — В бинокль Малкольм видел, как с флагманского катера сошел офицер и поднялся по трапу. По его поведению тоже нельзя было ничего понять. Чёрт!

Он принял чашку.

— Спасибо. — В данный момент он не испытывал особых мучений, лишь обычную ноющую боль, вполне сносную: он уже принял утреннюю дозу. За последнюю неделю ему удалось сократить норму приема. Теперь он пил настойку один раз утром и один раз вечером и поклялся, что в будущем станет пить её один раз в день, если сегодня все пройдет хорошо.

Чай был вкусным. В него добавили свежего молока, много сахара и, поскольку это была первая чашка за день, немного рома — традиция, которую, как рассказывал ему отец, установил Дирк Струан.

— Чен, достань мои толстые брюки и вязаный жакет, и я надену теплый плащ.

Чен удивленно уставился на него.

— Я слышал, поездку отменили, тайпэн.

— Во имя всех богов, когда ты узнал об этом?

— Вчера вечером, тайпэн. Пятый Двоюродный Брат в доме Главного Чужеземного Дьявола слышал, как тот беседовал с Носом Как Раздавленный Мухомор с Большого Корабля, который сказал: «Никакой поездки».

Сердце Малкольма упало, и он, помогая себе руками, подтащился к окну. И был поражен, когда увидел катер, покачивающийся на волнах в двухстах метрах от берега. Никакой волны за кормой. Он разразился яростными проклятиями, и тут из трубы повалил дым, за кормой появился белый бурун и катер начал набирать скорость. Его бинокль обшарил всю палубу, но он увидел лишь боцмана с перекошенным от крика ртом и весла на палубе на случай новой остановки. При такой скорости катер будет у их причала меньше чем через десять минут.

Чен помог ему одеться. Быстрый взгляд в окно: катер был почти у берега. Он распахнул створки и высунулся наружу, а боцман тем временем выбрался на пирс и побежал так быстро, как только позволял ему его огромный живот.

— Эй там, боцман!

Сидящий моряк совсем запыхался к тому времени, когда подбежал достаточно близко к окну.

— Наилучшие пожелания от капитана Марлоу, сэр, — выдохнул он, ловя ртом воздух, — не изволите ли вы и... и ваша леди, пожалуйста, подняться к нему на борт.

Струан издал радостный вопль. Он тут же послал за А Со, приказал ей разбудить и быстро одеть Анжелику. Потом, понизив голос, сказал:

— Слушай, Чен, и не прерывай меня, а то я сейчас как петарда... — И отдал распоряжения, что упаковать, и что приказать А Со упаковать, и как доставить сундуки на «Гарцующее Облако» на закате. — Мисси и я будем ужинать на клипере, и вы с А Со тоже останетесь там и вернетесь в Гонконг вместе с нами...

Чен был вне себя от радости.

— Гонконг! Ай-й-йа, тайпэ...

— ...И вы оба будете держать рот на запоре туже, чем мушиный зад, или я попрошу Чена «Благородного Дома» вычеркнуть ваши имена из семейной книги. — Он увидел, как лицо Чена посерело. Раньше он никогда не прибегал к этой угрозе. Семейная книга была для каждого китайского мужчины его связью с бессмертием, с предками из мистического прошлого и с далекими потомками, когда он сам будет считаться древним предком, и ещё дальше. Где бы ни родился китаец, его имя заносили в родословные списки его деревни. Без этого он не существовал.

— Да, господин. Но как быть с А Ток?

— Я сам разберусь с ней. Приведи её.

Чен направился к двери. А Ток стояла за ней. Он в страхе бежал. Она вступила в комнату. Струан сказал, что принял решение: она отправится за ними на следующем корабле, и точка.

— О ко, сын мой, — ответила она медоточивым голосом. — Что ты решаешь для своей старой матери — это совсем не то, что твоя старая мать считает наилучшим для себя и своего сына. Мы поедем домой. Мы будем молчать. Ни один вонючий чужеродный дьявол не узнает. Разумеется, всех цивилизованных людей заинтересует этот замысел. Мы отправимся домой все вместе. Ты берешь свою шлюху с собой? — Она спокойно вынесла бурю негодования и угроз никогда в жизни больше не произносить этого слова или пенять на себя.

— Ай-й-йа, — пробормотала она, уходя, и слова её постепенно замирали в отдалении, — твоя старая мать не станет больше называть эту шлюху твоей шлюхой, но, все боги мне свидетели, если не шлюхой, то как

мне её тогда называть, ведь шлюха она и есть. Или мой сын рехнулся?..

Когда он увидел Анжелику, его гнев улетучился.

— Вот это да!

Она была в костюме для верховой езды: сапожки, длинная юбка, туго перехваченная в талии, амазонка, шейный платок, поверх всего накидка, шляпка с зеленым пером, перчатки, но без хлыста.

— Я подумала, дорогой, что это лучше всего подходит для морской прогулки, — сказала она с лучезарной улыбкой.

— Добро пожаловать на борт. — Марлоу стоял у конца трапа, великолепный в своём мундире.

Прежде чем вступить на палубу, Малкольм неуклюже ухватился левой рукой за ванты, передав трости Анжелике, и церемонно приподнял свой цилиндр.

— Разрешение ступить на борт?

Марлоу отдал честь и просиял.

— Пожалуйста, вы оба — желанные гости на моем корабле. Вы позволите? — Он подал Анжелике руку, слабея от её ослепительной улыбки и покроя амазонки, подчеркивавшей её фигуру, и проводил их на капитанский мостик перед трубой. Здесь он подождал, пока Малкольм устроится в морском кресле.

— Снимаемся с якоря, мистер Ллойд, — обратился он к своему первому помощнику, Дэвиду Ллойд. — Четверть румба и так держать.

«Жемчужина» тронулась со стоянки на паровом ходу.

— Как только выйдем из бухты, мы прибавим скорость, — сказал Марлоу. — Адмирал приказал нам провести мореходные испытания под паром в виду флагмана.

Счастливое настроение вмиг покинуло Струана.

— В виду флагмана? Так мы не собираемся выходить в открытое море, где не видно берега?

Марлоу рассмеялся.

— Полагаю, адмирал любит держать своих «детей» на коротком поводке. Это будет весело и интересно, я обещаю.

Значит, мы на борту, но не за тем, что мне нужно, думал Струан, этот ублюдок настоящий садист! И будь адмирал сейчас с ними на корабле, он был уверен, что пристрелил бы его с полным удовольствием. Ну, может быть, и не пристрелил бы, но я бы хотел, чтобы этот сукин сын получил по заслугам. Он ещё пожалеет, что не помог мне. Когда я вернусь, я все разверну по-старому и буду такой колючкой в его медвежьем носу, что он

меня не скоро забудет.

А пока что же мне делать?

Все были так заняты, что Марлоу и Анжелика не заметили отчаяния, которое он пытался скрыть. Фрегат осторожно пробирался сквозь флот, и немало матросов и офицеров на других кораблях заметили Анжелику, а некоторые из них ещё и то, как прекрасно управлялась «Жемчужина». На французском флагмане, двадцатипушечном колесном пароходе, с которым они прошли совсем рядом, матросы засвистели и замахали руками, заставив ужаснуться британских офицеров.

Боже милостивый, подумал Марлоу, до чего же, чёрт побери, у них отвратительные манеры и ужасная дисциплина! И все равно он благожелательно смотрел, как Анжелика помахала рукой в ответ под гром криков, свиста и улюлюканий.

Чтобы отвлечь её, Марлоу сказал:

— Мы собираемся провести испытания на скорость, Анжелика, сначала с паровым двигателем, потом под парусами. Нужно дать полную нагрузку на новую мачту, проверить её. Вы, наверное, не помните, но мы потеряли грот-мачту во время урагана. Видите ли... — Он продолжал говорить, объясняя то и это, отвечая на любой вопрос, который она считала себя обязанной задать.

Сама она лишь притворялась, что ей это интересно. На самом деле она предпочла бы просто помолчать, почувствовать, как морской ветер играет её волосами теперь, когда она сняла шляпку. Она купалась в этом новом ощущении свободы и хотела, чтобы ветер как метлой смел неистребимую вонь Йокогамы, которая настолько вошла в их жизнь здесь и в Гонконге, что её почти перестали замечать, хотела устремить взгляд вперед и помечтать о Ла-Манше, голубом море и родном берегу, таком красивом, отправиться домой. Мы, французы, так скучаем по своей стране, а вот англичане, похоже, способны всюду чувствовать себя как дома, и Англия им на самом деле не нужна, не так, как нам Франция...

— Мы ляжем в дрейф в полдень, — говорил Марлоу, такой довольный тем, что он капитан «Жемчужины», — и я приготовил легкий обед в моей каюте, и там есть койка, если вы пожелаете отдохнуть после...

Утро прошло прекрасно. Каждые полчаса корабельный колокол отзванивал поворот, и даже Малкольм забыл о своём отчаянии, когда корабль неся из одного конца залива в другой, разворачивался и снова устремлялся вперед, и опять поворачивал.

— Ещё момент, и мы остановим машину, и вот тогда уже будет «Поднять все паруса!», — сообщил Марлоу.

— Мне гораздо больше нравится парус, — сказала она, — шум машины так отвлекает, и никуда от него не скроешься. Идти под парусами гораздо приятнее, ты не согласен, Малкольм, chéri?

— Да, несомненно, — довольный, ответил Малкольм. Он обнимал её за талию, поддерживая на накренившейся палубе.

— Я тоже так считаю, и с вами согласятся почти все в Британском военном флоте. Разумеется, большую часть времени нам и приходится идти под парусом — ни один корабль не может взять на борт достаточно топлива, и от угля столько грязи! Однако в скверную ночь, когда безопасная гавань лежит прямо по курсу и в пасти шторма или противник оказывается вдвое крупнее тебя и с двойным превосходством в пушках, но при этом остается парусником, а ты нет, вот тогда ты поешь хвалу старику Стефенсону и британским инженерам за то, что они благословили тебя идти против ветра. Я бы проводил вас вниз, но, как я уже говорил, там везде угольная пыль и шум.

— Я бы очень хотела взглянуть хоть одним глазком. Можно?

— Конечно. Малкольм?

— Нет, благодарю, идите вдвоем, — ответил Малкольм. Он облазил машинные отделения их собственных пароходов ещё мальчишкой, и сами машины не заинтересовали его, только их эффективность, стоимость и количество угля, которое они потребляли.

Перед тем как покинуть мостик, Марлоу проверил положение своего корабля и ветер. Они находились в трех четвертях мили от берега, на достаточном удалении от флота и торговых судов.

— Первый помощник, примите руль. Когда мы поравняемся с флагманом, остановите машину и поднимайте все паруса, курс на восток.

— Есть, слушаюсь, сэр.

Малкольм смотрел, как Марлоу ведет Анжелику к среднему трапу. Он почувствовал укол зависти, глядя на его легкую походку, и в то же время его забавляло то заразительное очарование, которым Марлоу пытался окутать её всю. Он расслабился в своём кресле. Море, небо, ветер и простор разгладили хмурые морщины на его лбу. Было так хорошо вновь оказаться в море, так чудесно ощущать себя частью этого мощного, содержащегося в безупречной чистоте, гордого боевого корабля; морское кресло было удобным и надежным, а мозг подбрасывал ему различные планы, как решить проблемы завтрашнего дня и дней последующих.

Йосс. Я не собираюсь ни из-за чего тревожиться, пообещал он себе. Помни о своей клятве и о новой эре!

После прибытия Горнта в Йокогаму, подобного дару небес, Малкольм

возблагодарил Бога за спасение и поклялся, если информация Горнта окажется действительно такой важной, как он утверждал, что отныне и навсегда он будет делать все, что в его силах, и удовлетворится этим. Располагая достаточной информацией, чтобы раздавить Броков, он был, вне всякого сомнения, уверен, что мать поспешит поддержать его. Анжелика одна имела для него значение, и ещё быть тайпэном, но не только по имени.

В ту же ночь что-то повлекло его к зеркалу. Это должно быть сделано. Какая-то сила заставила его рассмотреть своё отражение, рассмотреть по-настоящему, впервые за многие годы заглянуть в себя по-настоящему глубоко, а не просто увидеть своё лицо.

Он долго стоял так, потом подумал: вот что ты такое, ты все ещё сильно страдаешь изнутри, ты не в состоянии полностью выпрямиться, ноги твои не служат тебе так, как должны, но ты можешь стоять, и ты можешь ходить, и здоровье твое улучшится. Остальное тело у тебя в порядке, как и твой мозг. Прими это. Помни, что мать и отец твердили тебе с самого детства. «Принимай свой йосс — так всегда говорил Дирк. Дирку отстрелили половину стопы, но это не остановило его, на его теле можно было насчитать дюжину ножевых и огнестрельных ран, он едва не погиб при Трафальгаре, где был „пороховой мартышкой“, полдюжины раз его едва ни уничтожил Тайлер Брок. — Принимай свой йосс. Будь китайцем, — всегда советовал Дирк. — Выкладывайся до конца, и пусть дьявол заберет того, кто окажется позади всех!»

Его сердце тяжело застучало. Дирк, Дирк, Дирк. Чёрт бы побрал Дирка Струана! Ты ненавидел, когда его ставили тебе в пример, ты всегда смертельно боялся, что никогда не сможешь вырасти до этого недостижимого образа. Признай это!

Отражение не ответило ему. Но ответ дал он сам.

— Во мне его кровь, я призван управлять его «Благородным Домом», я тайпэн, я делаю все что могу, но мне никогда не сравняться с ним, я признаю это, будь он проклят, это истинная правда! Таков мой йосс.

Хорошо, словно сказало ему отражение. Но зачем ненавидеть его? Он не испытывает к тебе ненависти. Зачем ненавидеть его, как ты ненавидел его всю свою жизнь, ведь ты ненавидел его всю свою жизнь. Разве нет?

— Это правда, я ненавижу его и всегда ненавидел.

Он произнес эти слова вслух, и это потрясло его. Но это была правда, а вся любовь и уважение были сплошным притворством. Да, он всегда ненавидел его, но тогда вдруг, там, перед зеркалом, ненависть исчезла. Почему?

Я не знаю. Может быть, из-за Эдварда Горнта, может быть, он мой добрый дух, который отомкнул мое прошлое и выпустил меня на свободу, так же как и он хочет, чтобы я освободил его. Разве сэр Морган не отравил его жизнь, жизнь его матери и отца? Моей жизни Дирк, правда, не отравлял, но его тень всегда стояла между матерью и отцом и наполняла их ядом — разве это не их йосс, что отец умер, ненавидя его, а мать, как бы она открыто ни боготворила его... в своём сердце она ненавидит его за то, что он не женился на ней.

На капитанском мостике фрегата он вспомнил, как все его тело покрылось холодным потом, вспомнил, как выпил потом виски, но не тот, другой напиток, покончив с этой одержимостью раз и навсегда, осознав ещё одну истину: он жаждал этого лекарства и стал его рабом.

Слишком много истин открылось ему тогда. Не так-то легко принять себя таким, какой ты есть, это самое трудное — и самое опасное — задание, какое под силу человеку, стремящемуся обрести душевный покой. Я справился с ним, нравится мне это или нет.

— Первый помощник, — обратился к лейтенанту Ллойд молодой сигнальщик, чья подзорная труба была наведена на его коллегу вдалеке. — Послание с флагмана, сэр.

Двумя палубами ниже машинное отделение напоминало тюремное подземелье, наполненное раскаленным воздухом, пульсирующим грохотом, пылью, вонью и чернотой, которую пронзали квадраты пылающих углей, когда полуголые кочегары открывали дверцы печей под огромными котлами, чтобы подбросить туда ещё угля или поворошить внутри кочергой и снова подбросить.

Анжелика и Марлоу стояли наверху, на одной из железных решеток, воздух взлетал к ним, наполненный запахами угля, огня, горящего масла, пота и пара. Тела внизу лоснились от пота — большие животы и перекачивающиеся буграми мускулы — острые как бритва лопаты, скрежеща по металлической палубе, вгрызались в уголь, сложенный в бункеры, и появлялись оттуда полными, потом искусный швырок — и уголь ровным слоем разлетался по поддону, чтобы тут же вспыхнуть и быть покрытым новым слоем.

Ближе к корме грохочущий двигатель сиял, смазанный и начищенный до блеска. Там тоже были люди: одни впрыскивали в шарниры и соединения масло из длинноносых масленок, другие подтирали его ветошью, третьи следили за стрелками приборов, помпами и клапанами, пока машина вращала вал гребного винта, перемалывая толщу морской

воды. Из-под клапанов со свистом вырывался пар, масло стекало, его подтирали, постоянно следили за поршнями, пальцами, рычагами, подбрасывали ещё угля, и Анжелика находила все это ужасно интересным и захватывающим — те, кто был внизу, словно не замечали их.

Марлоу с гордостью показывал рукой и давал пояснения, стараясь перекричать шум, а она отвечала время от времени кивком или улыбкой, легко держа его под руку, чтобы не упасть, не слыша ни слова и нимало не интересуясь его рассказом, целиком захваченная видом машинного отделения, которое представлялось ей некой Валгаллой, нездешним миром мужчин, где машины сочетались браком с ними, становившимися отныне их частью — первобытная и вместе с тем футуристическая картина, где мужчины-рабы улаживали своих хозяек, а не наоборот.

Незамеченный, сзади к ним подошел сигнальщик и отдал честь. Его не услышали, поэтому он шагнул ближе, снова отдал честь, и её волшебное видение исчезло. Он протянул Марлоу послание, написанное на листе бумаги. Марлоу быстро пробежал его глазами, кивнул и прокричал ему:

— Подтвердить получение! — Он наклонился к Анжелике. — Прошу прощения, но нам нужно идти.

В этот момент внизу прозвенел сигнальный колокол с капитанского мостика. Старший машинист подтвердил полученный приказ. Люди бросились открывать одни краны и закрывать другие, налегая на рычаги и следя за стрелками. Когда сила пара отпустила гигантский гребной вал и машина начала останавливаться, шум стал стихать и кочегары благодарно оперлись на свои лопаты; их грудь ходила ходуном, рты жадно хватали воздух, тяжелый от угольной пыли, они стаскивали с себя полотенца, которые носили, обмотав вокруг шеи. Один из них повернулся к бункеру, громко обругал его, хотя его проклятие все равно утонуло в грохоте, расстегнул штаны и помочился на угли тугой струей, которая превратилась в пар, вызвав бурное веселье остальных. Марлоу торопливо взял её под руку и повел вверх по трапу. Один кочегар заметил её, потом другой, и прежде чем она исчезла, уже все они не мигая смотрели на её удаляющуюся фигуру в полном молчании. Когда она пропала из виду, один из них похабно задвигал телом, вызвав новый всплеск хохота, который вдруг смешался с внезапно повисшим тоскливым молчанием.

На палубе из-за разом прекратившегося шума и глотка свежего морского воздуха у неё довольно сильно закружилась голова, и она крепче уцепилась за Марлоу.

— С вами все в порядке?

— О да, — ответила она. — Благодарю вас, Джон, это было, знаете,

что-то потрясающее.

— О? — рассеянно обронил Марлоу, чье внимание было приковано к матросам на реях и на палубе, поднимавшим и расправлявшим паруса. — Полагаю, так оно и есть в первый раз. В море, во время шторма, им внизу приходится туго. Кочегары и машинисты — это особый народ. — Он подвел её к Малкольму. — Извините, мне придется оставить вас ненадолго.

Он спустился вниз, в свою каюту на корме. Морской пехотинец, охранявший дверь, отдал честь, когда он проходил мимо. Корабельный сейф находился под его койкой. Он нервно отпер его. Послание от адмирала гласило: «Приступить к выполнению запечатанных инструкций 1/A16/12». В сейфе хранились судовой журнал, коды, деньги для выдачи жалованья, учетная книга, дисциплинарный журнал, уставы, манифесты, квитанции, устав Военно-морского флота и несколько запечатанных конвертов, переданных ему адмиралом сегодня утром.

Его рука слегка дрожала, когда он нашел среди них нужный. Будет ли это «соединиться с флотом», подготовиться к военным действиям, как он ожидал? Он сел за стол, окруженный стульями, привинченными к палубе, и сломал печать.

— Это было так необыкновенно, там внизу, Малкольм. Ужасно по-своему, все эти люди там внизу, просто в голове не укладывается — и если это так на таком небольшом корабле, как этот, то на что это похоже на большом пароходе, например на таком, как «Грейт Истерн»?

— Это поразительный корабль, Эйнджел. Я видел, как его спускали на Темзе в последний раз, когда был в Лондоне, четыре года назад, я тогда закончил школу — Господи, ну и радовался же я, покончив с учением. Он был целиком из железа, самый большой корабль в мире, намного больше всех остальных. Его построили, чтобы перевозить эмигрантов, тысячами зараз, в Австралию. Ушли недели на то, чтобы спустить его на воду — его спустили боком, это был сущий бедлам, он едва не затонул. Бедный Брунель, который спроектировал и построил его, разорялся много раз, компании, под чьим флагом он ходил, тоже. Этот корабль был проклят, он загорелся уже в первом плавании и чуть было не пошел ко дну — и это убило его создателя. Чёрт меня подери, если я согласился бы отправиться на нем куда-нибудь — он проклят, и был проклят, с самого первого листа обшивки... — Он увидел, что на палубе появился Марлоу, и нахмурился. Теперь на лице капитана не было и следа радостного оживления.

Боцман прозвонил восемь склянок. Полдень.

— Я принимаю управление, первый помощник, — сказал Марлоу.

— Есть, сэр.

— Почему бы вам не проводить мисс Анжелику на нос, может быть, она захочет поближе рассмотреть наши палубные орудия.

— С радостью. Мисс?

Она послушно последовала за ним по трапу и дальше по палубе. Ллойд был невысоким, как раз её роста, с веснушчатым лицом и руками.

— Вы валлиец, мистер Ллойд? — спросила она.

Он рассмеялся и протянул нараспев:

— Валлиец, как холмы Лландриндод-Уэлл, откуда я родом, глядите сами.

Она рассмеялась вместе с ним и, прижавшись к нему, когда палуба покачнулась, прошептала:

— Почему меня отсылают, как школьницу?

— Этого я не могу знать, мисси. — Его глубоко посаженные карие глаза метнули взгляд через плечо, потом снова обратились на неё. — Капитан хочет поговорить об обеде, без сомнения, или спрашивает его, вашего кавалера, не хочет ли он воспользоваться гальюном, туалетом то есть. Мужские разговоры, — добавил он, и его глаза улыбнулись.

— Он вам нравится, не правда ли?

— Капитан есть капитан. А теперь пушки, мэм!

Её смех зазвенел переливчато, согрел сердца стоявших рядом матросов. Марлоу и Малкольм на мостике тоже услышали его и посмотрели в её сторону.

— Она прелестно выглядит, Малкольм.

— Да, действительно. Так вы говорили? Легкий обед?

— Вас это устроит? У кока первоклассно получают жареные пирожки с яблоками. — Меню состояло из рыбного рагу, пирога с курицей и солониной и пельменей, холодного жареного цыпленка, сыра чеддер и жареных пирожков с яблоками. — У меня есть пара бутылок «Монтраше» пятьдесят пятого года, охлажденного, которые я приберегал для особого случая, и бутылочка «Шамбертена» пятьдесят второго.

— Живете вы весьма неплохо, — заметил Малкольм, на которого подбор вин произвел большое впечатление.

Марлоу улыбнулся.

— Да нет, пожалуй, но сегодня особенный день, и, по правде говоря, я стянул «Шамбертен» — любимое вино моего старика. Что до «Монтраше», он подарил мне несколько ящиков, когда я стал офицером.

— Он тоже во флоте?

— О да. — То, как Марлоу произнес это, свидетельствовало о его

недоумении, зачем вообще нужно было задавать подобный вопрос. — Главнокомандующий в Плимуте. — Он нерешительно помолчал, открыл было рот и не произнес ни слова.

— В чем дело? Нам приказано возвращаться?

— Нет. — Марлоу посмотрел на него. — Сегодня утром мне передали несколько запечатанных приказов вместе с письменным разрешением принять вас на борту и вернуться к заходу солнца, обязательно. Несколько минут назад адмирал приказал мне вскрыть один из них. Мне не было приказано уведомлять вас, но и запрещения я не получил. Возможно, вы сумеете все это объяснить. Инструкция гласила: «Если мистер Струан попросит вас о некой необычной услуге, вы можете, если пожелаете, оказать».

Мир остановился для Малкольма Струана. Он не знал, жив он или мертв, все поплыло у него перед глазами, и, не сиди он в кресле, он обязательно бы упал.

— Господь Всемогуший! — ахнул Марлоу. — Боцман, быстро чарку рома, сию секунду!

Боцман бросился бегом, а Малкольм сумел выдавить из себя:

— Нет-нет, я... в порядке... вообще-то ром... ром — это было бы здорово. — Он видел, как шевелились губы Марлоу, и понимал, что его трясут, но уши его не слышали ничего, кроме глухих ударов сердца, потом он ощутил холодный ветер на щеках, и звуки моря вернулись.

— Вот, сэр-р, — говорил боцман, держа бокал у его губ.

Ром пролился в горло. Через несколько секунд Струан почувствовал себя лучше. Он попытался подняться на ноги.

— Лучше бы вам не торопиться с этим, сэр-р, — встревоженно проговорил боцман. — Вид у вас такой, будто вы призрака увидали.

— Не призрака, боцман, но мне действительно было видение. Видение ангела, вашего капитана! — Марлоу недоуменно воззрился на него, услышав это. — Я не сошел с ума, — уверил его Малкольм, с трудом выговаривая слова. — Джон, прошу прощения, капитан Марлоу, нет ли здесь места, где мы могли бы поговорить наедине?

— Разумеется. Здесь. — Марлоу обеспокоенно сделал знак боцману, и тот покинул мостик. Оставались только сигнальщик и рулевой. — Сигнальщик, отправляйтесь на нос. Рулевой, закройте уши.

Струан сказал:

— Моя необычная просьба заключается в следующем: я хочу, чтобы вы ненадолго вышли в открытое море, где не видно берега, и обвенчали Анжелику и меня.

— Вы хотите, чтобы?.. — Теперь настала очередь Марлоу очумело трясти головой. Он слышал, как Малкольм повторил сказанное ещё раз. — Вы не в своём уме, — пробормотал он, запинаясь.

— Да нет, если разобраться, нет. — Малкольм уже полностью овладел собой, его будущее лежало на весах, слова адмирала «если пожелаете, вы можете оказать» врезались в его сознание. — Позвольте, я объясню.

Он начал. Через несколько минут к ним подошел стюард и тут же удалился, не желая мешать их разговору, немного спустя он приблизился снова со словами: «Кок шлет вам своё почтение, сэр, обед подан в вашу каюту», но Марлоу опять отослал его взмахом руки, внимательно слушая и не прерывая.

— ...Вот таковы причины, — закончил Малкольм, — ответы на все «почему», касающиеся адмирала, меня, вас, моей матери. А теперь, пожалуйста, вы окажете мне эту необычную услугу?

— Не могу. — Марлоу покачал головой. — Простите, старина, я никогда никого не женил и сомневаюсь, что устав допускает это.

— Адмирал дал вам разрешение сделать так, как я прошу.

— Чёрт подери, он так осторожно выразил это, старина: «оказать её, если я пожелаю». Бог мой, старина, это значит сунуть голову прямо в петлю на старушке нок-рее, — сказал Марлоу. Слова обгоняли его мысли, он уже предвидел всевозможные беды, которые обрушатся в будущем на его голову. — Вы не знаете Кеттерера, как его знаю я, боже, нет, любого старшего офицера, если уж на то пошло! Если я сейчас сделаю неправильный выбор, он меня подвесит за... и моя карьера полетит к чертям собачьим... — Он остановился, чтобы перевести дух, покачал головой и продолжал смущенно: — Я никак не могу этого сделать, никак не...

— Но почему же? Вы не одобряете нас?

— Конечно одобряю, господа, конечно, но ваша мать не одобряет, то есть я хочу сказать, она говорит вашему браку «нет», и у сэра Уильяма в этом пироге свой палец торчит, Церковь вас не венчает, другие капитаны тоже, и, чёрт меня подери, по закону вы оба несовершеннолетние, поэтому, если бы я обвенчал вас, это все равно было бы недействительно, а она... чёрт, вы младший член семьи, и она тоже... я просто не могу так рисковать... — Внезапная мысль, и он посмотрел в сторону берега. — Не раньше, чем я просигналю Кеттереру. Я попрошу разрешения.

— Если вы сделаете это, вы навсегда потеряете перед ним лицо. Если бы он хотел, чтобы вы так поступили, он бы так и сказал.

Марлоу впился в него испепеляющим взглядом. Он перечитал

послание адмирала и простонал. Струан был прав. Его будущее тоже лежало на чаше весов. Господь Милосердный, и зачем только я пригласил их сюда! Первым, что он запомнил в своей жизни из напутствий отца, было: «На флоте ты управляешь кораблем по правилам, по уставу, до последней буквы, чёрт подери, если только ты не чертов Нельсон, а за всю историю он был один такой!»

— Извините, старина, нет.

— Вы наша последняя надежда. Теперь наша единственная надежда.

— Извините, нет.

Струан вздохнул и расправил плечи, решив пойти с козырного туза.

— Эйнджел! — крикнул он. Она услышала его со второго раза, вернулась вместе с Ллойдом и встала рядом с ним. — Эйнджел, как бы ты посмотрела на то, чтобы пожениться сегодня, прямо сейчас? — спросил он, глядя на неё с огромной любовью. — Джон Марлоу может провести церемонию, если захочет. Что скажешь?

Восторженное изумление охватило её, и она не слышала, как Марлоу начал говорить, что, к своему глубокому сожалению, он не может, но ему закрыла рот та страстность, с которой она обняла и поцеловала его, потом Струана, потом опять его.

— О да, о да... Джон, как чудесно, вы ведь согласитесь, не правда ли, о, спасибо вам, спасибо, как это замечательно, пожалуйста, пожалуйста, ну пожалуйста, — умоляла она, прикикая к нему с доверчивостью, перед которой невозможно было устоять. И он услышал свой голос:

— Да, конечно, почему же нет, буду рад, — произнесся роковой приговор себе так сдержанно, как только мог, хотя изнутри был разгорячен больше, чем когда-либо, и по-прежнему намеревался ответить отказом.

Рулевой скрепил договор радостным воплем:

— Трижды ура капитану Марлоу, у нас на борту свадьба!

Обед превратился в шумный и веселый предсвадебный пир: всего два-три бокала вина, только чтобы попробовать и убедиться в его редких качествах, и не слишком много еды, остальное отложили на потом — все трое были взволнованы, возбуждены, всем не терпелось начать. Приняв решение, Марлоу тут же направил корабль в открытое море на всех парусах и стал их самым энергичным сторонником; ему хотелось, чтобы церемония запомнилась и была безупречной во всем.

Однако прежде чем произнести добрачный тост в конце обеда, он сказал с серьезным видом:

— Одному Богу известно, будет ли это действительно законно, но в

уставе флота я не могу найти ничего, что говорило бы об обратном или о том, что этого нельзя делать; нет никаких оговорок относительно возраста вступающих в брак, указывается лишь, что оба они должны официально, при свидетелях, заявить о добровольности своего решения и подписать affidavit, который заносится мною в судовой журнал. Как только мы попадем на берег, разразится гром проклятий или поздравлений, и вам, возможно, придется... возможно, будет разумно пройти ещё и через церковный обряд — обе Церкви и так поднимут сумасшедший крик, узнав о наших с вами усилиях.

Анжелика уловила в его голосе тень сомнения.

— Но, Джон, тут ведь нет ничего недозволенного, правда? Малкольм рассказывал мне о противодействии, а что до отца Лео... — Её носик сморщился от отвращения. — У вас не будет неприятностей, нет?

— Никаких абсолютно, адмирал дал разрешение, — ответил Марлоу с большим благодушием, чем испытывал на самом деле. — Довольно разговоров, пью за ваше здоровье и за будущее потомство!

Анжелика тоже поднесла бокал к губам, но Струан остановил её.

— Извини, дорогая, пить за своё здоровье приносит несчастье, это просто старое поверье, и на кораблях Королевского флота все тосты пьются сидя.

— О, простите. — Она зацепила рукавом бокал, он задел другой, и раздался чистый высокий звон. Тут же Марлоу и Струан протянули руки и заглушили его.

— Извини, дорогая, — пояснил Малкольм, это ещё одно старое морское суеверие. Если звону бокала дать замереть самому по себе, где-то в мире утонет моряк.

— О. — Свет на её лице потух. — Как жаль, что я не знала, столько раз в прошлом...

— Ни о чем не беспокойтесь, — быстро проговорил Марлоу. — Если вы не знали, то тогда и суеверие не срабатывает. Правильно, Малкольм?

— Да, вы снова правы. Я хочу предложить тост, Анжелика. За Джона Марлоу, капитана Королевского флота, джентльмена и лучшего друга, какой у нас есть!

Маленькая каюта наполнилась оживленными голосами и смехом, а потом Ллойд объявил, что на палубе все готово. Поцелуй напоследок, такой нежный, и вот они поднялись наверх и встали там, рука в руке, готовые идти до конца.

Фрегат встал против ветра; его паруса и реи подрагивали. Все свободные от вахты члены команды построились, наглаженные и

начищенные по случаю, лицом к полуюту, где Анжелика и Малкольм предстали перед капитаном. По обе стороны от Марлоу занял место почетный караул из двух морских пехотинцев. Капитан открыл Устав флота на нужной странице и дал знак горнисту, который проиграл построение. Боцман дунул в свою дудку, и вся команда встала по стойке смирно.

— Мы собрались здесь как свидетели венчания этих двух людей перед лицом Господа...

Они не замечали качания палубы, не замечали ветра, все чаще налетавшего сильными порывами. На горизонте собрались дождевые облака, пока ещё не угрожавшие им, но потенциально опасные. Небо над ними было все ещё чистым, и Марлоу на мгновение задумался, не была ли такая погода предзнаменованием. Пока что тревожиться не о чем, подумал он. Церемония закончилась быстро и показалась им всем на удивление короткой, а для Струана была почти как внезапно наступившее похмелье. Он воспользовался золотой печаткой со своего мизинца в качестве обручального кольца. Перстень был слишком велик ей, но она крепко прижала его, глядя на него и не веря своим глазам.

— Я объявляю вас отныне мужем и женой.

Они поцеловались под троекратное «гип-гип-ура», и Марлоу выкрикнул:

— Срастить грота-брас! — приказ, означавший раздачу чарки рома всей команде, что вызвало новый взрыв восторга.

— Миссис Струан, позвольте мне быть первым, кто поздравит вас.

Анжелика страстно обхватила его руками за шею, на её щеках блестели слезы радости.

— Спасибо, спасибо вам.

— Пустяки, — ответил Марлоу, смущенный. Потом пожал руку Струану. — Поздравляю, старина. Почему бы нам не... — Резкий порыв ветра хлопнул парусиной. — Почему бы вам вдвоем не спуститься вниз, а я присоединюсь к вам через минуту. — Он отвернулся и в следующую секунду забыл о них, посвятив себя заботам о своём корабле. — Первый помощник, поворачиваем спиной к ветру. Берите курс на Иокогаму, под парусами до последующих распоряжений. На стоянку будем заходить под паром — похоже, нас ожидает дождь. Сигнальщик, дайте мне свой планшет. Когда мы окажемся в виду флагмана, передайте вот это.

Эдвард Горнт удобно расположился в эркерном окне фактории Брока. Закинув ноги на стул, он рассеянно смотрел на залив. Темный ободок облаков на горизонте расплзся и обещал шторм, хотя в это время года

облака могли растаять так же быстро, как и появились. Позади него Норберт Грейфорт сидел за рабочим столом, с головой уйдя в бумаги. Они видели, как «Жемчужина» скрылась за горизонтом, но не придали этому особого значения.

— Полагаю, это часть их мореходных испытаний, сэр, — заметил тогда Горнт. — Все никак не пойму, что может быть такого важного на борту этого фрегата.

Норберт кивнул, усмехнувшись про себя, и вернулся к проверке и подписанию документов и деклараций. Грузовое судно Броков стояло в гавани, готовое отплыть через несколько дней, и нужно было привести в порядок отчетность по оставшимся грузам из Японии: пятьдесят фунтов яиц шелкопряда для французского рынка — от тридцати до пятидесяти тысяч яиц на унцию, — тюки сырого шелка и шелковые ткани для лондонского рынка, лакированные изделия, бочонки саке, которое они пытались продвинуть на английский рынок, а также для японцев на Филиппинах, дешевая керамика в качестве балласта, уголь — все, что только могло найти сбыт, вместе с остатками привезенных сюда и нераспроданных товаров, которые будут реализованы на обратном пути. Немного ружей и опиума в специальных ящиках.

— Сигару? — спросил Горнт.

— Спасибо.

Они раскурили тонкие сигары, с наслаждением вдыхая ароматный дым.

— Я договорился о встрече с Макфеем, сэр, чтобы окончательно решить все относительно завтрашнего дня, сэр.

— Хорошо. — Норберт выпустил облачко табачного дыма и поставил свою подпись на последнем из документов. Он позвонил в колокольчик. Через мгновение в комнате появился его старший клерк и меняла. — Вот, здесь все, Перейра.

— Да, сеньор. — Этот маленький человек с приятными чертами лица и немного восточным разрезом глаз был — как и в большинстве компаний — евразийцем из Макао. — Как быть с особым грузом, сеньор?

— Он не внесен в декларацию и будет находиться на попечении капитана.

— Ходят слухи, что флот собирается выборочно подниматься на корабли и проверять груз.

— Пусть проверяют. Ни один из наших особых грузов не является противозаконным, клянусь Богом, какого бы черта там ни затевали эти идиоты Струаны. — Норберт отпустил его, потом целиком переключил

внимание на Горнта. Что-то вызвало в нем подозрения. — Эдвард, возможно, мне следует отменить дуэль, сообщить Струану сегодня вечером, что я принимаю его компромисс. Насадка ведь на крючке, не так ли? Я позволю ему добраться до Гонконга, где он ещё глубже увязнет в собственном дерьме, думая, что победил. А?

— Вы могли бы это сделать. Но зачем избавлять его от ночи страха и тревог? Он сейчас, наверное, боится — зачем успокаивать его? Стал бы он успокаивать вас?

Норберт посмотрел на него и увидел эту тонкую верхнюю губу, увидел, как она словно изогнулась слегка в злобном восторге. Он рассмеялся про себя, думая о том, какой незабываемой могла бы стать для Струана эта ночь, будь Кеттерер другим человеком, и что, теперь вернее, чем когда-либо, мысль о дуэли заберет сон Струана без остатка.

— Я не думал, что вы окажетесь так похожи на нас, Броков. Стало быть, месть сладка и для вас?

— Для меня, сэр? — Брови Горнта удивленно взлетели вверх. — Я заботился о вас — я ведь должен служить вам, разве не в этом заключалась главная цель моего приезда сюда?

— Верно, верно. — Норберт спрятал усмешку поглубже. — Значит, завтра, но сейчас мы... — Его острый взгляд различил в окне позади Горнта неясное пятно на горизонте. — Это «Жемчужина»? — Он поднялся, подошел к окну, тоже навел бинокль. Это действительно был фрегат.

— Так держать, — тихо проговорил Норберт, и Горнт спросил себя, что бы это могло означать. На «Жемчужине» убрали паруса, позади неё чернели облака.

— Ветер там посвежел, — заметил Горнт и навел на корабль свой бинокль. Дым из трубы отходил под прямым углом к его курсу.

В заливе остальной флот и торговые суда стояли на якоре. Он увидел несколько белых бурунов. Бинокль Норберта переместился на «Гарцующее Облако». Там как будто ничего необычного. Потом — на флагман. Ничего. Вернулся к фрегату. «Жемчужина» двигалась довольно быстро, вода вскипала за кормой. Вновь флагман. Ничего. Фрегат. Норберт едва-едва мог различать Анжелику, стоявшую рядом с женщиной, должно быть Струаном.

— Смотрите, — сказал Горнт, и его голос зазвучал взволнованно. — Вон там. Вы видите сигнальщика?

— Где? А, да.

— Он передает послание на флагман. Первые флажки — это стандартное начало, — быстро проговорил Горнт. — Капитан корабля Её Величества «Жемчужина» — адмиралу. Послание... Послание следующего

содержания: С-О-Г-Л-А-С-И-Л-С-Я Н-А П-Р-О-С-Ь-Б-У. — Несколько секунд он ошеломленно смотрел на Норберта. — Что это значит?

— Следите за флагманом, может, будет ответ! — Горнт подчинился. — Где, чёрт побери, вы научились читать флажки военного флота?

— В Норфолке, штат Виргиния, сэр. Когда я был мальчишкой, я часто ходил смотреть на корабли, наши и британские. Это стало своего рода увлечением. Потом отец раздобыл книги, одну американскую, другую английскую, где приводились самые распространенные фразы и некоторые из их кодов. Я все выигрывал пари для моего отца, когда он принимал офицеров, обычно за карточным столом. Он, моя мать и он, они часто устраивали приемы, богатые, это было ещё до хлопкового кризиса, и он проиграл большую часть своих денег.

— А вы любые флажки можете читать? Любые коды? — быстро спросил Норберт, прикидывая, не сможет ли он воспользоваться знаниями Горнта. — Вы могли бы прочесть флажки Струана с корабля на корабль или с корабля на берег?

— Если бы они пользовались международными флаговыми кодами. Но, вероятно, как и ваша компания, у них есть свои... Погодите минутку, ответ с флагмана. Стандартное начало: «Капитану „Жемчужины“ от адмирала Кеттерера». Следующий флажок: «Немедленно возвращайтесь на стоянку». Дальше: «После надежной постановки на якорь незамедлительно прибыть на флагман», и буквами добавлено: «В-М-Е-С-Т-Е С Н-И-М». Последний флажок: «Подтвердите получение». — Горнт вскинул глаза. — «Вместе с ним», мистер Грейфорт? Это о Струане?

— В десятку.

— Стандартное подтверждение. — Горнт опустил бинокль и потер глаза. От напряжения у него заболела голова. — В десятку? Вы понимаете, что все это значит?

— Что такого важного на «Жемчужине»? Капитан, чёрт его раздери, Марлоу, Королевский военно-морской флот. — Норберту понадобилось всего несколько слов, чтобы все объяснить.

— Обвенчаны? — вырвалось у Горнта. — Какая блестящая догадка, сэр!

— Никогда бы не подумал, что Кеттерер даст своё согласие, но, похоже, он согласился. Зачем это ему? Он ничего с этим не приобретает. — Вид у Норберта был озадаченный, потом он зло ухмыльнулся. — Разве что... разве что он приказал Струану и Марлоу прибыть на борт, чтобы устроить Марлоу выволочку и не сходя с места аннулировать церемонию, чтобы поглубже вогнать нож в сердце Струана и продлить его мучения.

— Он способен на такое?

— Этот содомит способен на все, что взбредет ему, чёрт подери, в голову, если уж говорить начистоту, — ответил Норберт и сплюнул в плевательницу, а затем кинул туда же и окурок сигары. — Каждый, слышите, каждый, кто служит во флоте, обязан подчиняться ему, и они подчиняются!

— Вы хотите сказать, что он мог бы приказать им пойти против закона?

— Давай скажем так: они должны подчиняться беспрекословно или пенять на себя за последствия, а последствия могут быть любыми: от плети до протаскивания под килем и повешения. Если бы он захотел, он мог бы вздернуть вас на одной из своих нок-рей, а потом заявить, что его ввели в заблуждение подчиненные — он добьется оправдания в любом военном трибунале. А вы тем временем будете покойником.

— Тогда как же вы можете быть так... так открыто настроенным против него, возражать ему прямо в лицо, мистер Грейфорт?

— Потому что Кеттерер чтит закон, их так воспитывают для Королевского флота, специально — подчиняться приказам непосредственного начальника. Но главным образом потому, что у нас есть Крошка Вилли — этот драчливый гномик и есть его непосредственный начальник. Он наша подлинная защита от Кеттерера, генерала, японцев и любого другого из наших врагов, будь они трижды прокляты, — только это не защитит юного Струана от адмиральской желчи.

— Итак, капитан Марлоу, необычная просьба мистера Струана заключалась в том, чтобы вы вышли в открытое море и поженили его и мисс Анжелику Ришо?

— Да, сэр. — Марлоу стоял по стойке смирно и ничего не мог прочесть на лице адмирала. Кеттерер сидел за столом в большой каюте на корме, сбоку от него — капитан флагмана. Позади них навывтяжку стоял флаг-адъютант, лейтенант Королевского флота.

— И вы выполнили её, зная, что оба они несовершеннолетние?

— Да, сэр.

— Пожалуйста, до заката представьте мне рапорт в письменном виде с указанием ваших мотивов и точным описанием всего, что произошло. Можете быть свободны. — Марлоу отдал честь и уже повернулся, чтобы идти, когда Кеттерер обратился к капитану, суровому человеку с каменным уродливым лицом, известному своей жесткостью в вопросах дисциплины и слепым преклонением перед морским уставом. — Капитан Донован, может

быть, вы возьметесь исследовать правовую сторону этого дела, а?

— Слушаюсь, сэр. — Его голубые глаза смотрели безжалостно.

— Хорошо, тогда как будто все пока. — Это было последнее, что услышал Марлоу, прежде чем закрыл за собой дверь и прежде чем сердце, как ему показалось, начало биться снова.

Струан ждал его в приемной снаружи. Два морских пехотинца стояли на страже у двери, подозрительно поглядывая на него.

— Господи, вам здорово досталось?

— Нет, совсем нет. — Марлоу старался, чтобы его голос звучал спокойно. — Адмирал, как и следовало ожидать, хочет получить письменный рапорт, вот и все. Я возвращаюсь на свой корабль. До встречи. — В этот момент дверь каюты открылась. Капитан Донован проскользнул мимо, словно не замечая Струана и едва ответив на его приветствие. На пороге появился флаг-адъютант:

— Мистер Струан, адмирал шлет своё почтение, не будете ли вы добры войти, пожалуйста.

Струан, хромая, прошел в каюту. Адъютант не последовал за ним, но закрыл дверь и остался ждать неподалеку, откуда его можно было подзвать криком. Прежде чем уйти, Марлоу встретился с ним взглядом, но это ничего ему не сказало — разумеется, ни тот, ни другой не стали бы ничего говорить в присутствии часовых.

Кеттерер, оставшийся теперь один в просторной каюте, знаком предложил Струану сесть.

— С одной стороны, позвольте мне поздравить вас, — произнес он с угрюмой церемонностью и протянул руку.

— Благодарю вас, сэр. — Струан пожал её, обнаружив, что пожатие у адмирала твердое, но ладонь мягкая. — А с другой?

— С другой стороны, похоже, вам предстоит изрядно попотеть, чтобы сдержать свои обещания.

— Сэр?

— Вы, похоже, растревожили самые ядовитые чувства в среде своих коллег. Сэра Уильяма со всех сторон осаждают жалобы.

— Как я сказал, я сделаю все, что в моих силах.

— Вы должны сделать больше этого, мистер Струан.

— Прошу прощения, но что означают ваши слова, адмирал?

— Ничего сверх того, что вы уже пообещали сделать.

Возникла короткая пауза, во время которой Струан решил, что не даст раздавить себя или подчинить чужой воле и не будет выпускать из виду тот факт, что этот человек сделал его брак возможным — нет, не так, поправил

он себя, «разрешил» ему стать возможным. Джон Марлоу оказался достаточно смел, чтобы взять на себя инициативу.

— Капитану Марлоу ничего не грозит, не так ли?

— Капитан Марлоу отвечает за свои действия по уставу Королевского флота.

— Да, естественно, но я полагаю, наш брак не нарушает положений устава, сэр. Я начал с того, что очень внимательно прочел соответствующий параграф и не нашел там никаких возрастных ограничений, о возрасте там даже не упоминается.

— Устав также гласит, что любой подобный брак подлежит немедленному пересмотру, если к тому есть основания. В данном случае они есть.

— Значит, я женат, но не женат, вы это хотите сказать?

— Я лишь указываю, мистер Струан, что любые необычные случаи, как и все, что происходит на флоте, можно пересмотреть.

Струан натянуто улыбнулся.

— Совершенно справедливо. То, как я... — он едва не сказал «прочел», но осмотрительно поменял слово, — ...то, как я понял ваш приказ, сэр, на мой взгляд, давало ему разрешение провести церемонию.

Кеттерер поднял бровь.

— Капитан Марлоу показал вам запечатанный приказ, полученный им от меня?

— Приказ, как я понял его, сэр, давал ему полное разрешение, сэр... признаюсь, я использовал все возможные и невозможные средства, чтобы выпросить все дословно и убедить его, что именно так обстояло дело.

— Я так и подумал, — сухо заметил адмирал.

— Значит, это все-таки было разрешение по всей форме.

— Мой приказ был изложен ясно: если вы попросите о необычной услуге, он может оказать вам её, если пожелает. Вчера вечером разве вы не упомянули что-то насчет того, что хотите выйти в открытое море, где не видно земли? Ваша необычная просьба могла заключаться только в этом — его приказы предписывали ему провести испытания в виду флага.

Струан пытался сохранить хладнокровие, чувствуя под собой жаркое дыхание катастрофы, словно оказался на жаровне с углями.

— Да, сэр. Да, вы вполне могли так подумать. Если случилось какое-то недопонимание, его следует отнести на мой счет, а не на счет капитана Марлоу.

— Я приму это к сведению.

Малкольм внимательно смотрел на пожилого офицера и ещё

внимательнее его слушал, стараясь разгадать, к чему клонит адмирал. Он уже начал бояться, что все это — продолжение старой игры в кошки-мышки. Неужели я снова в его когтях и мне никогда из них не вырваться?

— Позвольте спросить, адмирал, почему вы дали капитану Марлоу разрешение, только похожее на полное? Ведь я почти наверняка должен был бы истолковать неправильно, — Струан следил, чтобы лицо его оставалось приветливым, не забывая о том, что он женат до тех пор, пока церемония не будет объявлена незаконной. — Я не думал, что вы это сделаете, вчера ночью. Ночь Кеттерера была заполнена Консуэлой.

— Дай молодому сеньору шанс, Чарльз, — говорила она с тем милым, тягучим акцентом, таким же чувственным в его памяти, какой была глубина её карих глаз в жизни. — Нам его так и не дали, зачем же лишать этого шанса ещё одного человека — вспомни, ты был ненамного старше его. С его помощью ты сделал гигантский шаг вперед: конечно же он сдержит своё обещание. Почему бы тебе не проявить великодушия, какого не проявили ни твои родители, ни твое гнусное Адмиралтейство. Он так влюблен, Чарльз, совсем как ты, но в отличие от тебя молодому сеньору уже был нанесен жестокий удар по прихоти Господней...

Он пробудился, её слова все ещё звучали у него в ушах; то, как она произнесла его имя, все ещё трогало его сердце после стольких лет. Но это не то же самое, подумал он тогда, ожесточая сердце. Струаны занимаются контрабандой опиума и оружия — я не забуду своих погибших матросов. Прости, моя давно потерянная любовь, этот брак будет объявлен недействительным немедленно, я не позволю Струану соскочить с крючка. Долг превыше всего.

Сейчас, глядя на Струана, вспоминая, как он с трудом, ковыляя, вошёл в каюту, упрямо стараясь казаться сильным, хотя и Хоуг и Бебкотт конфиденциально подтвердили ему, что юноша почти постоянно страдает от боли, и выразили сомнение, что он когда-нибудь сможет бегать или ездить верхом так же свободно, как раньше. Он вспомнил: «В отличие от тебя... по прихоти Господней».

Он вздохнул.

— Внезапная прихоть, мистер Струан, — ответил он, решив быть снисходительным, — в сочетании с верой, что вы сделаете все, как обещали. — Он встал и подошел к буфету; перед глазами у него отчетливо стояла её улыбка, и он чувствовал себя до странности молодым. — Шерри?

— Благодарю вас. — Струан начал подниматься с кресла и покачнулся, ослабев от облегчения при словах Кеттерера.

— Я принесу. «Тио Пепе»? Хорошо. Ваше здоровье! — Их бокалы

соприкоснулись. Кеттерер сделал большой глоток хереса.

— Послушайте, молодой человек, — начал он, и голос его звучал необычно тихо и доброжелательно, — я, разумеется, извещу сэра Уильяма и добьюсь, чтобы он ознакомился с уставом Королевского флота. Более чем вероятно, что рапорт капитана Марлоу будет принят, после положенного на рассмотрение срока мы должны следить за тем, чтобы наши офицеры всегда помнили о последствиях самостоятельных действий, но «неприятностей», как вы выразились, у него не будет. Это должно остаться нашим секретом. Это ясно?

— Да, сэр. Благодарю вас. Я сделаю то, что обещал. — Струан глубоко вздохнул. — Значит, мой брак вполне законен?

— Это зависит от точки зрения. Насколько это касается меня, насколько это касается флота, я полагаю, что да, следовательно, он должен быть законным и в обычном представлении. Что же касается двух Церквей и тех неизбежных юридических залпов всем бортом, которые вам придется выдержать, я предлагаю вам обоим задраить люки и приготовиться к худшему. Ещё раз поздравляю вас, с одной стороны. Мои поздравления миссис Струан — конфиденциально, разумеется.

К вечеру новость облетела все Поселение, Пьяный Город и Ёсивару.

Тут же начались шумные обсуждения, домыслы и пересуды. Выдвигались и отстаивались самые разные теории за и против этого брака. Некоторые предсказывали, что церемония будет признана совершенно незаконной, другие сердито отрицали это.

Малкольм и Анжелика находились в каюте катера. Впереди был причал, и, держась за руки, они увидели шумную группу с Джейми Макфеем во главе, собравшуюся там, чтобы поздравить их. Обещанная плохая погода так и не наступила, лишь на склоне дня прошел легкий, моросящий дождь. Ветер не утих, небо хмурилось, но это не подмочило восторженного энтузиазма встречавших.

— Ну вот и начинается новая жизнь, миссис Струан, — сказал Малкольм и обнял её.

Она поцеловала его, прошептав:

— Да, мой дорогой муж. О, Малкольм, это звучит так непривычно, так странно, так чудесно. Это не сон, нет?

— Нет, хотя я испытываю то же самое.

Катер круто повернул, бросив их в объятия друг друга, отчего они расхохотались ещё громче, и встал бортом у причала под радостные крики и подбадривания — самая лихая швартовка, какая удавалась боцману за всю жизнь.

— Ну-ка поживей со швартовыми, ребятки! — приказал он, но в этом не было надобности: руки с готовностью подхватили концы и намотали их на кнехты, матросы гурьбой хлынули помогать.

— Поздравляем, тайпэн, миссис Струан! — прокричал Макфей, перекрывая остальные приветствия, которые были слышны даже в клубе на другой стороне Хай-стрит. Клуб тут же опустел, все высыпали на улицу и присоединились к толпе, размахивая шляпами.

Горнт и Норберт Грейфорт наблюдали за происходящим из верхних окон своей фактории. Возле каждого дома стояли китайские слуги, выпучив глаза; у Северных ворот начали собираться самураи, привлеченные непонятным шумом. Министры и их помощники тонкими струйками стекались к причалу от своих миссий: сэр Уильям с каменным лицом в сопровождении улыбающегося Филипа Тайрера и Майклмасса Твита, чье чело потемнело от праведного гнева; Сергеев, сияющий и

страстно что-то кричащий; Дмитрий, орущий поздравления и размахивающий американским флагом; Сератар и Андре, раздираемые восторгом от того, что этот брак осуществился, и бешенством от того, что с ними не посоветовались.

Анжелику и Струана обступили со всех сторон. Со все большим трудом они старались протолкнуться сквозь толпу, где каждый желал во исполнение своего древнего права поцеловать невесту, все мешали друг другу, толчая стояла невообразимая.

Она перепугалась и заметалась в панике. Это ещё больше усилило напряженность среди стоявших рядом. Толпа закружилась и поглотила её. Струан попытался пробиться к ней, орудуя своими двумя тростями, Джейми начал нещадно расталкивать всех вокруг, кто-то сунул кому-то в ухо и началась безобразная потасовка.

Сэр Уильям крикнул часовым из морских пехотинцев:

— Пойдите расчистите им дорогу. Торопитесь, ради бога, или их раздавят! — Четверо солдат пустились бегом. — Филип, проследите за ними и немедленно проводите Струана ко мне в кабинет.

— Эй, ну-ка там! — проревел сержант, и демон толпы, иногда непонятно откуда возникающий в группе людей, исчез бесследно. Спокойно и твердо он начал расчищать проход. — Ведите себя пристойно, дайте леди место! — Его приказу подчинились. В этот момент Струан оказался с нею рядом.

— С тобой все в порядке, Эйнджел?

— О да, любовь моя. — Теперь, когда люди вокруг неё расступились, паника исчезла. Она поправила шляпку. Перо оказалось сломано. — Посмотри, что случилось!

— Позвольте мне помочь вам, — с важностью произнес Тайрер, взмахом руки предлагая другим удалиться. — Ступайте, ступайте, пошевеливайтесь, вы перепугали её до полусмерти. С вами все в порядке, Анжелика? Малкольм?

— Конечно, — ответил Малкольм. Теперь, когда она была в безопасности, а его трости были при нем, радостное настроение вернулось к нему, и он прокричал: — Спасибо вам за то, что так тепло нас встретили! «Благородный Дом» угощает всех, бар клуба открыт и останется открытым до последующих распоряжений!

Все ринулись в указанном направлении. Скоро на причале остались лишь Малкольм, Анжелика, Макфей и Филип Тайрер. И Майклмасс Твит, желчно возвестивший о своём присутствии:

— Мистер Струан, эта церемония совершенно противозаконна, и я

должен предупредить ва...

— Возможно, вы и правы, ваше преподобие, но мне сказали иначе, сэр, — твердо ответил Малкольм, уже разработавший план для Твита, другой для отца Лео и третий для сэра Уильяма. — Как бы там ни было, я считаю, что существует счастливое разрешение этой проблемы. Может быть, вы согласитесь зайти ко мне в контору завтра в полдень. Дом Господа нашего будет удовлетворен, сэр, можете быть уверены на этот счет! — Он прошептал Джейми: — Отвлеки его, — и повернулся к остальным: — Направляйтесь в контору как можно быстрее.

Им пришлось пройти сквозь строй нескольких отставших торговцев, и потом Анжелика прошептала:

— Филип, скорее!

Они вдвоем побежали вперед, чтобы не встретиться с отцом Лео, который приближался со стороны улицы так быстро, как ему позволяли его дородность и сутана. Оказавшись в вестибюле фактории, где выстроились почти все служащие, впереди Варгаш и Чен, улыбавшийся стеклянными глазами, она нервно рассмеялась:

— Я не хотела с ним разговаривать!

— А почему бы и нет? — Филип сиял. — Вы замужем, и делу конец — по крайней мере, сэр Уильям харкал кровью, едва услышав, и проклинал Королевский флот, Кеттерера, Марлоу — так что я полагаю, вы действительно замужем, но все, что я хочу сказать, это «Поздравляю», и... вы позволите мне поцеловать невесту? — Он не стал ждать ответа и побратски поцеловал её, она обняла его и ещё раз вздохнула с облегчением.

В дверь вошёл Струан вместе с Джейми Макфеем.

— Заприте её, — распорядился он. Макфей и Варгаш налегли на дверь, вежливо, но твердо оттеснив нескольких более настойчивых торговцев, и задвинули засов. В следующую секунду к фактории подошел отец Лео, подергал за ручку и забарабанил в дверь так, будто это были ворота собора.

Но никто не обратил на этот грохот никакого внимания, все кинулись в кабинет Малкольма, словно стайка расшалившихся детей, и там попадали в кресла. Все, кроме Малкольма.

— Шампанского, Чен. Благодарю вас, Варгаш, до свидания, — сказал он, приняв поздравления, и добавил на кантонском, обращаясь к Чену: — Открывай вино, медоточивый рот.

Джейми Макфей захлопнул дверь и опустился в оставшееся пустым кресло.

— Ай-й-йа, — воскликнул Малкольм, сам похожий на игристое вино, — я и не думал, что все так выйдет. Филип, ещё раз спасибо за

добрые пожелания, и тебе тоже, Джейми, ты хорошо себя чувствуешь, Эйнджел?

— Да, мистер Струан, чудесно, благодарю вас.

— Все это замечательная новость, Малкольм, — сказал Тайрер, — и, кстати, вы не могли бы встретиться с сэром Уильямом как можно скорее.

То, как он сказал это, так осторожно, словно между прочим, когда все они знали, что этот приказ ему проорали в лицо, вызвало внезапное молчание, которое разбилось вдребезги, когда все они истерично захохотали.

— Завтра днём, с удовольствием, — ответил Малкольм.

Их бокалы быстро наполнились и ещё быстрее опустели и снова были наполнены, все говорили громко, и никто никого не слушал. Дверь тихонько приоткрылась, Варгаш знаком позвал Макфея и что-то зашептал ему.

Джейми кивнул.

— Я буду через минуту, тайпэн, вы извините меня? И принесли послание для Анж... для миссис Струан: мистер Сератар хочет лично добавить свои поздравления у себя в миссии как можно быстрее, и... и священник хотел бы коротко повидать вас обоих.

— Джейми, сначала допей свой бокал. Варгаш, пошлите записку Сератару, передайте ему, что мы поставим его номером первым в нашем списке, но сначала скажите отцу Лео, чтобы он был здесь завтра днём, в пять часов, здесь, в моем кабинете. — Варгаш исчез. Малкольм заметил тень на лице Анжелики. — Я встречу с ним, Эйнджел, тебе не придется с ним разговаривать, а к воскресенью все успокоится, я обещаю. Все под контролем. Как только стемнеет, мы незаметно проскользнем назад на катер.

— На катер? Зачем, Малкольм, господа, зачем это нужно?

— Ещё один сюрприз, мы ужинаем на борту «Гарцующего Облака» и останемся там на ночь, потом завтра будут ещё сюрпризы, много-много сюрпризов, нам ещё нужно спланировать медовый месяц. Мы отбудем через час, и тебе не нужно переодеваться: я распорядился, чтобы А Со упаковала для тебя кое-какие вещи, и они уже на борту. — Он повернулся к Джейми. — Тебе нужно идти? Что стряслось?

— Я договорился с Горнтом о встрече и совсем забыл о ней в этой суматохе. Он ждет меня в приемной. Горнт просил Варгаша передать вам обоим поздравления от него и от Норберта.

— Поблагодари его, но не отлучайся ни на секунду.

— Поблагодарите его и от меня тоже, Джейми, — добавила Анжелика.

— Разумеется, миссис Струан. — Макфей пытался привыкнуть называть её этим именем, оно выговаривалось с трудом и звучало неестественно. Эти два слова были прочно связаны с Тесс Струан, а в последнее время всякий раз, когда он думал о ней, у него разыгрывалась желчь. Едва он услышал о женитьбе, вся эта история с адмиралом, письмом Малкольма в «Гардиан» и вчерашним заявлением стала ему понятна, даже время дуэли, точно вписанное в общий план.

— Анжелика, — говорил Струан, — почему бы тебе не освежиться, я собираюсь сделать то же самое, и через час мы выезжаем — мне как раз нужно обговорить кое-что с Джейми. — Они поцеловались, и она вышла. На кантонском он сказал Чену, чтобы тот приготовил горячую воду для его жены и для него самого. — Затем мы отправляемся на «Гарцующее Облако». Все готово?

— Да, господин.

— Хорошо, и смотрите, чтобы вы все трое вели себя тихо, как летучие мыши, и были довольны, как свиньи в навозе! — Повернувшись к Тайреру, он учтиво добавил по-английски: — Филип, надеюсь, вы нас извините? Начиная с завтрашнего дня начнутся большие празднества по всему Поселению, свадебное торжество и так далее с официальными приглашениями. Пожалуйста, передайте сэру Уильяму мое почтение и, прошу вас, никому не говорите, что мы проведем сегодняшнюю ночь на «Гарцующем Облаке», даже сэру Уильяму. Я не хочу, чтобы пьяные грубияны кружили вокруг нас всю ночь напролет, мы хотим побыть наедине, хорошо?

— Понимаю, понимаю, ещё раз поздравляю вас.

Тайрер был рад уйти. Ему ещё нужно было повидать Накаму, чтобы закончить ещё одно краткое послание тайро Андзё, прежде чем он сможет перейти мост и встретиться с Фудзико. После военного совета, состоявшегося сегодня утром между сэром Уильямом и Сератаром, во время которого были согласованы окончательные детали запланированного обстрела Эдо и всей карательной кампании, Андре, присутствовавший там вместе с ним, прошептал:

— Фудзико умирает от желания видеть вас, все готово для вашего свидания. Она даже настаивает на том, чтобы устроить пир на японский лад и прислуживать вам, так что приходите голодным и с пересохшим горлом, но не забывайте вести себя жестко.

Когда они остались одни, на лице Малкольма стала заметна усталость.

— Джейми, налей мне, будь добр. Спасибо. Все подготовлено?

— На сегодня да, и на завтра тоже. А Ток и А Со уже на корабле

вместе с сундуками, Чен отправится вместе с вами и миссис Струан. Насколько мне известно, ни одна душа, кроме них, Стронгбоу, меня и вот теперь Филипа, не знает, что вы ночуете на «Гарцующем Облаке».

— Хорошо. Филип был ошибкой, ну да ладно, — сказал Малкольм. — Я слишком увлекся, но все должно быть нормально. Он не станет трепать языком. Что нужно Горнту?

— Просто уладить окончательные детали. — Макфей посмотрел на него. — Разве после женитьбы тебе не следует взглянуть на это по-другому?

— Может быть. Но только если Норберт принесет извинения.

— Горнт хотел поговорить с тобой наедине, если ты выкроишь для него минуту.

— Хорошо. Скажи ему, это все, о чем может идти речь.

Дружелюбие Горнта заполнило всю комнату. Малкольму он показался очень старым товарищем.

— Шампанского?

— Благодарю вас, тайпэн. Могу я вас поздравить?

— Можете. Ваше здоровье!

— И ваше, сэр.

— Извините, но нам нужно спешить, завтра времени будет больше. Что произошло?

— Я хотел сообщить вам конфиденциально, что завтра мистер Грейфорт собирается принять ваш компромисс. Дуэли не будет.

Струан улыбнулся.

— Это лучшая новость, какую я услы... нет, вторая лучшая новость, какую я услышал за весь день!

— Да. — Лицо Горнта стало жестким. — Если он действительно намеревается это сделать.

— А?

— Я думаю, вы должны быть готовы к предательству. Сожалею, что, возможно, порчу вам великий день, но мне хотелось предупредить вас. Я знаю, что он передумает.

Малкольм посмотрел на него, потом кивнул совершенно спокойно.

— От Норберта и всех Броксов мы ожидаем предательства каждый день с утра. — Они сдвинули бокалы. — Здоровья... богатства... и счастья!

Оба ощущали теплоту атмосферы, Малкольм отметил в госте что-то любопытное, но никак не мог определить, что это было.

— Ваши планы на завтрашний день не изменились, вы передадите мне информацию, которая мне нужна?

— О да. — Горнт поднялся. — А мой контракт?

— Он готов. Моя подпись будет засвидетельствована завтра.

— Спасибо. До завтра, и ещё раз поздравляю.

Снова Малкольм скорее почувствовал, нежели увидел в его глазах непонятную усмешку.

— Вы ждете его с таким же нетерпением, как и я.

Горнт словно отвлекся от каких-то своих мыслей.

— Да. Это будет ещё один великий день, день последний и день первый.

— Как приятно видеть вас, Райко-тян, — с улыбкой сказала Мэйкин, сидя на коленях напротив неё. — Мы так давно не беседовали. — Она была мамой-сан дома Глицинии и хозяйкой Койко. Обе женщины находились в самом дальнем и надежном убежище Райко.

— Да, благодарю вас, для меня это большая честь, — ответила Райко, в восторге от того, что видит свою старую подругу, хотя и немало удивленная той готовностью, с которой Мэйкин откликнулась на её приглашение прийти поговорить о делах. — Пожалуйста, угощайтесь, угорь особенно вкусный. Саке или бренди гайдзинов?

— Сначала саке, пожалуйста. — Мэйкин приняла чашечку от внимательной прислужницы. Дела, должно быть, идут хорошо, подумала она, отметив дорогое убранство этого уединенного, тихого домика в саду Трех Карпов.

— Хотя времена теперь тяжелые, гайдзины, какими бы отвратительными они ни были, по счастью, плохо представляют себе ценность денег, сборы высоки, а стоимость горячей воды, чистых полотенец и духов незначительна. — Они рассмеялись, наблюдая и выжидая.

Мэйкин попробовала суши — восхитительно — и принялась за еду с аппетитом, невероятным для такой миниатюрной женщины. Её дорожное кимоно было нарочито посредственным. Любой, увидев её, принял бы за жену какого-нибудь мелкого купца, а не за одну из самых богатых мама-сан Эдо, владелицу самого дорогого дома удовольствий в величайшей Ёсиваре в стране — недавно заново отстроенного и отделанного после прошлогоднего пожара, — маму-сан десяти самых одаренных гейш, двадцати прелестнейших куртизанок, а также владелицу контракта Койко Лилии. Она оглядывала самое сокровенное убежище Райко, использовавшееся только в особых случаях, восхищалась неподражаемыми шелками, подушками и татами, болтая о том о сем за едой и гадая, что

заставило Райко просить о встрече.

Когда ужин был съеден и девушки отпущены, Райко налила две чашечки своего самого лучшего бренди.

— Здоровья и денег!

— Денег и здоровья! — Качество напитка превосходило все, что имела у себя Мэйкин. — У гайдзинов есть и хорошие стороны.

К их смеху примешался звук шагов. В сёдзи легко постучали.

— Госпожа?

— Да, Цуки-тян?

Майко чуть-чуть сдвинула сёдзи в сторону и, сидя на коленях, посмотрела на них в щелку с невинной улыбкой.

— Прошу прощения, но сёя Рёси, старейшина деревни, умоляет о разрешении повидать вас и вашу гостью.

Брови Райко выгнулись дугой.

— Мою гостью?

— Да, госпожа.

Мэйкин нахмурилась.

— Он всегда приветствует гостей?

— Только наиболее важных, а вы, без сомнения, самая важная гостья, ваше присутствие — большая честь для всех нас. Разумеется, его предупредили о вашем приезде. Сеть его осведомителей раскинута широко. Мэйкин-тян, ему можно доверять безоговорочно... и он также является главой Гъёкоямы в Йокогаме. Мы примем его?

— Да, но только ненадолго. Я притворюсь, что у меня болит голова, тогда мы сможем продолжить нашу беседу, пока не подадут ужин.

— Маленькая, — распорядилась Райко, — приведи сёю сюда, но сначала скажи прислужницам, чтобы принесли свежий чай и горячее саке... и пусть уберут эти чашки и спрячут мое бренди. Мэйкин-тян, если бы он узнал, что у меня водится такое вино, его визиты стали бы каждодневным проклятием для нас!

Её приказания были быстро исполнены, со столика всё убрали и привели его в безукоризненный вид, обе дамы прополоскали рот настоем из ароматических трав и только после этого сёю с поклоном пропустили в комнату.

— Прошу вас извинить меня, дамы, — сказал он с непонятным для них беспокойством, сев на колени, кланяясь и принимая поклоны. — Пожалуйста, извините мои дурные манеры, я пришел незваным и без предупреждения, но я хотел поклониться столь высокой особе и поприветствовать её в моей деревне.

Обе женщины были удивлены тем, что он оказался столь невоспитанным, ибо этот повод нельзя было считать уважительным. Мэйкин никогда раньше не встречалась с ним, но её собственный чиновник Гъёкоямы упоминал о нем как о человеке достойном, поэтому её ответ был вежливым и полным восторженных впечатлений, как приличествовало важной персоне из самого большого города в мире: она похвалила то, как выглядит его Ёсивара и та небольшая часть деревни, которую она видела по дороге сюда.

— Вы человек большой репутации, сёя.

— Благодарю вас, благодарю вас.

— Чай или саке? — спросила Райко.

Он нерешительно замолчал, начал говорить, умолк. Настроение в комнате переменялось. Райко произнесла среди наступившего молчания:

— Пожалуйста, извините меня, сёя, но что случилось?

— Прошу прощения... — Он повернулся к Мэйкин. — Прошу прощения, госпожа, вы самый высокочтимый клиент нашей компании. Я... я... — Трясущимися руками он достал из рукава и протянул ей маленький кусочек бумаги. Она посмотрела на него, прищурившись.

— Что это? О чем тут говорится? Я не могу прочесть, почерк такой мелкий.

— Это за... записка, присланная с почтовым голубем. — Сёя попытался заговорить снова, не смог и тупо потыкал пальцем в послание.

Потрясенная, Райко взяла его и передвинулась ближе к свету. Её глаза пробежали ряды крошечных иероглифов. Она побледнела, покачнулась, едва не потеряв сознание, и осела на коленях.

— Здесь говорится: «Попытка покушения на князя Ёси на рассвете в деревне Хамамацу провалилась. Сиси-одинокка убит его рукой. Госпожа Койко также погибла в этой схватке. Передайте дому Глицинии нашу глубокую печаль. Подробности сразу же, как только возможно». Каму Амида Буцу...

Лицо Мэйкин стало болезненно желтым. Её губы задвигались:

— Койко мертва?

— Это, должно быть, ошибка! — воскликнула Райко в горе. — Должно быть! Койко умерла? Когда это случилось? Тут нет никакой даты! Сёя, как вы... Это должна быть ложь, должна быть ложь от начала...

— Мне очень жаль, дата в этих знаках наверху послания, — пробормотал он. — Это произошло вчера перед рассветом. Придорожная станция на Токайдо, Хамамацу. Ошибки нет, госпожа, о нет, очень жаль.

— Наму Амида Буцу! Койко? Койко мертва?

Слезы текли по щекам Мэйкин, она посмотрела на неё, словно не видя, и потеряла сознание.

— Девушки!

Прислужницы вбежали, принесли нюхательные соли, холодные полотенца и захлопотали вокруг неё и Райко, пока та пыталась собраться с мыслями и наугад определяла, как это может затронуть её. Впервые в жизни у неё появились сомнения, стоит ли теперь доверять Мэйкин или всякая связь с ней стала опасностью, которой следует избегать.

Сёя неподвижно сидел на коленях. С самого начала он должен был, и эта необходимость пока сохранялась, притворяться, что он напуган, что роль дурного вестника ужасает его; втайне же он радовался тому, что дожил до этих дней и может наблюдать столь поразительные события.

Он не показал им второй кусочек бумаги. Он предназначался ему лично, был зашифрован и гласил: «Убийцей была Сумомо. Говорят, что Койко замешана в заговоре, ранена сюрикеном, а потом обезглавлена Ёси. Приготовьтесь закрыть счета Мэйкин. Избегайте упоминать Сумомо. Оберегайте Хирагу как национальное богатство, его информация не имеет цены. Надавите на него, пусть он расскажет ещё, кредитование его семьи возобновлено, как мы договорились. Нам срочно требуются военные планы гайдзинов, цена не имеет значения».

Получив это послание, сёя сразу же проверил в своих книгах счета Мэйкин, по которым его отделение было ей должно, хотя и помнил эту сумму наизусть до сотой доли бронзовой монеты. Беспокоиться не о чем. Пошлет ли князь Ёси её к предкам или она сумеет вывернуться из этой ловушки — в любом случае банк останется в выигрыше. Если у неё ничего не получится, другая мама-сан займет её место — они используют её остатки по счетам, чтобы профинансировать такую замену. Гъёкояма монополизировал всю банковскую деятельность Ёсивары — это был огромный и постоянный источник дохода.

Как смеется над нами жизнь, подумал он, гадая, что бы сказали эти женщины, знай они подлинную причину всевластия Гъёкоямы в их денежных делах. Одним из самых глубоко хранимых секретов их зайбацу было то, что их основателем являлась не просто мама-сан, но женщина гениального ума.

В начале XVII века, с полного одобрения сёгуна Торанаги, она разметила большой, обнесенный стеной район, предназначенный в будущем для всех увеселительных домов Эдо, как богатых, так и бедных — в те времена дома веселья были разбросаны по всему городу, — и назвала его Ёсиварой, тростниковым болотом, из-за тростника, который в обилии

рос на выделенном Торанагой участке земли. Отныне только здесь могли они заниматься своим делом. Далее она создала новый класс куртизанок, гейш. Их тщательно обучали искусствам, и они обычно не предлагались для плотских удовольствий.

Затем она начала ссужать деньги, сосредоточившись главным образом на Ёсиваре Эдо, и скоро её щупальцы протянулись к другим таким же поселениям, по мере того как они стали появляться по всей стране: сёгун Торанага мудро рассудил, что в таких поселениях их обитателей и их клиентов будет легче контролировать и облагать налогом.

И наконец, вещь невероятная в те дни, каким-то непостижимым образом — никто до сих пор не знал, каким именно, — ей удалось убедить сёгуна Торанагу сделать её старшего сына самураем. За короткое время её другие сыновья достигли процветания: кораблестроители, торговцы рисом, саке, пивовары — их потомки сегодня владели или тайно контролировали широкую сеть самых разных предприятий. Через несколько лет она получила разрешение для самурайской ветви своего рода принять имя Симода. Теперь Симода были потомственными даймё небольшого, но благоденствующего удела, носящего то же имя, в Изду. Это она выбила надпись над воротами Ёсивары: «Страсть не может ждать, она должна получить удовлетворение». Ей было девяносто два года, когда она умерла. Как мама-сан она носила имя Гъёко, госпожа удача.

— Сёя, — произнесла Мэйкин между судорожными всхлипываниями, — пожалуйста, посоветуйте, что мне делать, прошу вас.

— Вы должны подождать, госпожа, набраться терпения и ждать, — нерешительно проговорил он, все ещё не снимая маски обеспокоенности. Он сразу отметил, что, хотя плач был громким и разрывал сердце, её глаза были более безжалостными, чем он мог припомнить.

— Ждать? Чего ждать? Разумеется, ждать, но что ещё?

— Мы... мы ещё не знаем... не знаем всех подробностей, госпожа, того, что случилось. Прошу прощения, но есть ли хоть какая-нибудь возможность, что госпожа Койко может оказаться участницей заговора? — спросил он, поворачивая нож в открытой ране просто ради того, чтобы повернуть его. Хотя Гъёкояма и не располагали доказательствами, Мэйкин подозревалась в опасных симпатиях делу сонно-дзёи и связи с Вороном — вопреки их осторожным предупреждениям, — это было ещё одной причиной, по которой ей советовали приобретать рис будущего урожая: это было не только дальновидным капиталовложением, но также и подконтрольным банку залогом на тот случай, если её обвинят и осудят.

— Койко в заговоре? Моя красавица, мое сокровище? Конечно же,

нет, — выпалила Мэйкин. — Разумеется, нет.

— Мэйкин-сан, когда князь Ёси вернется, нет сомнения, что он пошлет за вами, ибо вы её мама-сан. В случае, прошу прощения, в случае, если враги нашептали ему на вас, было бы мудро подготовить... подготовить знаки... вашего уважения.

Ни одной из женщин не нужно было спрашивать, какие враги? Успех повсюду плодил зависть и тайную ненависть — особенно среди ближайших друзей, — а в Плывущем Мире, мире женщин, это проявлялось сильнее, чем где бы то ни было. А им обоим сопутствовал успех.

Мэйкин уже преодолела первое потрясение, и теперь её разум сосредоточенно отыскивал средства спасения — на случай, если у Ёси есть подозрения, или Койко обвинила её, или у него есть доказательства, что они обе, и она и Койко, поддерживали сонно-дзёи, сиси и знали Кацумату. Спасения, по сути, не было, нельзя было ни поменять имя, ни скрыться, страна Ниппон была слишком хорошо организована. По всей земле десять глав семей образовывали круг низшего порядка, отвечавший за их собственное поведение и законопослушание, десять таких групп образовывали следующий круг с теми же обязанностями, десять этих — ещё один, и так далее, до верховного повелителя, дающего им закон: даймё.

Ей некуда бежать, негде прятаться.

— Что я могла бы предложить такому великому князю, как Ёси? — хрипло спросила она, испытывая невыразимую дурноту.

— Может быть... может быть, сведения?

— Какие сведения?

— Я не знаю, прошу прощения, — ответил он с притворной печалью. Завтра все уже может быть по-другому, сегодня же он ещё должен притворяться, сохраняя им лицо, что бы ни думал при этом о их глупости. Глупо соединять бунтовщичество с пенисом, особенно когда обладающих последним сиси так мало, большая их часть рассеяна или убита, и они продолжают совершать единственный грех, которому нет прощения: терпят поражение. — Я не знаю, госпожа, но князь Ёси должен быть обеспокоен, крайне обеспокоен тем, что намеревается делать флот подлых гайдзинов. Они ведь готовятся к войне, нех?

Он заметил, что, едва он произнес это, взгляд Мэйкин стал тверже кремня и уперся в Райко, которая тут же слегка порозовела. А, радостно подумал он, они уже знают — да и как им не знать, ведь они спят с ненавистными гайдзинами! Клянусь всеми богами, если боги существуют, то, что им известно, разумеется, должно быть без промедления пересказано Гъёкояме.

— Такое известие могло бы... нет, даже наверняка уймет его боль, — сказал он, кивая с мудрым видом, как и пристало банкиру. — И вашу тоже.

Клипер «Гарцующее Облако» качнулся на якоре при вечерней смене прилива.

— Якорь в порядке, сэр, — доложил первый помощник. Капитан Стронгбоу кивнул и продолжил попыхивать своей трубкой.

Они стояли на квартердеке. Над их головой поскрипывали на ветру реи и блоки. Стронгбоу был плотным, крепким человеком пятидесяти лет с чистыми глазами.

— Ночь будет свежая, мистер, прохладная, но не слишком. — Он улыбнулся и добавил тихо: — Хорошая ночка для наших гостей, а?

Первый помощник, такой же высокий, крепкий и обветренный, но вдвое моложе, тоже смотрел на них и широко улыбнулся.

— Да уж, сэр.

Анжелика и Малкольм стояли рядом на главной палубе внизу, облокотившись на фальшборт, и смотрели на огни Иокогамы. Малкольм был в пальто, надетом поверх удобной рубашки, брюках и мягких туфлях и на борту клипера, впервые без особых неудобств, пользовался только одной тростью. Она, в длинном свободном платье, накинула на плечи теплую красную шаль. Они стояли возле палубной пушки. Клипер нес десять тридцатифунтовых орудий по правому и по левому борту, а также нарезные пушки на носу и на корме, и его канониры были не хуже, чем в Королевском флоте. Так утверждал Стронгбоу. Это не распространялось на все их клиперы, торговые суда или пароходы.

— Красиво, не правда ли, моя дорогая жена? — спросил Малкольм, чувствуя себя по-настоящему счастливым, что бывало с ним нечасто.

— Сегодня вечером все в мире прекрасно, *mon amour*, — ответила она, теснее прижимаясь к нему. Они только что поужинали и теперь ждали, когда в парадных покоях — каюте, которую они занимали, — уберут со стола и все приготовят. Каюта была просторная, занимала всю корму. Обычно она предназначалась для капитана, если только тайпэна не было на борту — один из многих законов, положенных Дирком Струаном тридцать лет назад; флот компании до сих пор придерживался каждой буквы его указаний: лучшая плата, чистота, обученность и готовность к бою.

Стронгбоу внимательно смотрел на отлив, оценивая его. В этих водах изменения в отливе могли возвещать приход, много часов спустя, цунами, гигантской волны, поднятой, может быть, за тысячи миль отсюда

подводным землетрясением. Это волна поглощала все на своём пути в океане и сметала целые города, когда обрушивалась на берег.

Убедившись, что отлив проходит нормально, он снова поднял глаза на Струана. Он был рад, что Малкольм на борту, был рад новым распоряжениям отплыть завтра рано утром на всех парусах и поспешить в Гонконг, зная, как знали все они, что Тесс ещё много недель назад приказала молодому человеку возвращаться домой. Но его тревожило то, что он привезет и девушку.

Бог ты мой, будь я проклят, если могу называть её миссис Струан — такая есть только одна, думал он. Юный Малкольм женился? Вопреки её приказам? Вопреки её неодобрению? Он, должно быть, совсем сбрендил! Имеет ли их брак законную силу? По морским законам да, если бы они были взрослыми, но это не так. Развернет ли она все обратно? Ставлю сломанный пенни против золотой гинеи, что да. Она придумает двадцать способов аннулировать их брак, вы и чихнуть не успеете! Чёрт, ведь это надо что делается!

Как тогда быть с девушкой? Что с нею станется? А юный Малкольм? Как, громы небесные, он может выстоять против неё? О, я рад, что не мне пришлось их венчать, хвала Создателю. А я бы согласился, попроси он меня? Ни за что на свете! Никогда!

Тесс взбеленится не на шутку и из-за их несовершеннолетия, и из-за того, что невеста католичка. Быть ещё одному королевскому сражению, на этот раз мать против сына, битва насмерть, без правил, а все мы знаем, в какую свирепую львицу она превращается, ежели её разозлить — хуже моей Кэт, — хотя и юный Малкольм переменялся, таким жестким я его ещё никогда не видел, да и решительности у него прибавилось. Почему? Из-за девушки? Одному Богу известно, но это было бы славно — снова иметь настоящего тайпэна, мужчину.

Нечего и думать, юный Малкольм без ума от неё, да и кто возьмется его в том винить? Уж никак не я! Я бы и сам на ней женился, будь у меня возможность, но, клянусь Богом, на этот раз я не стану торопиться с докладом, не брошусь напиваться и спать с моей Кэт. Он усмехнулся. Кэт была его любовницей уже много лет, китаянка из Шанхая, чей строптивый нрав и ревнивость стали легендой, но чья страсть не знала себе равных.

— Как быть с изменением приказа, сэр?

Стронгбоу пожал плечами. Малкольму, разумеется, совершенно незачем спешить на берег перед рассветом, чтобы тут же вернуться назад, ему ещё так трудно ходить — одна там палка или две, разницы нет. Если есть проблемы, нужно подписать что-то, Макфей мог бы доставить это на

борт. Ах да, Джейми, что же он скрывает? Тут что-то нечисто — иначе зачем такая секретность и отмена всех увольнительных на берег для команды?

До него доходили слухи о назначенной дуэли. Как раз такие дурацкие выкрутасы, на которые может толкнуть Струана его чертова гордость, а потом покончить со всем перед отъездом — все что угодно, лишь бы унизить Броков, когда всем давно известно, что пора нам с ними мириться, эта фамильная вражда зашла слишком далеко. Они сейчас на подъеме, а нас сунули мордой в помойное ведро. Неужели мы будем ходить под их флагом после Рождества? Молю Бога, что нет.

Этот юный идиот пошел не в отца, а в деда. Господи, вот это был человек! Стронгбоу выходил с ним в море несколько раз, торгуя опиумом вдоль китайского побережья, сначала как гардемарин, потом как помощник канонира, потом как третий помощник капитана при Страйде Орлове по прозвищу Горбун — первом хозяине клиперного флота компании после тайпэна.

Он увидел, как Малкольм обнял одной рукой девушку, она ещё крепче прижалась к нему, и его сердце распахнулось им навстречу. Трудно взрослеть, трудно быть тайпэном, или почти тайпэном, «Благородного Дома», имея такого деда и такую мать. Он подчеркнуто перешел на другую сторону квартердека и стал вглядываться в море. Первый помощник последовал за ним. Они оба подняли глаза к парусам, когда несколько морских птиц, отдохавших там, поменялись местами, крича и хлопая крыльями. Потом одна нырнула вниз с бом-брам-реи, и они видели, как она растаяла в темноте, отправившись на ночную охоту за рыбой. Ещё одна отправилась за ней следом так же бесшумно.

Малкольм и Анжелика не шевельнулись, они не замечали ничего вокруг. Получасовые песочные часы на мостике опустели. Тотчас же вахтенный перевернул их и прозвонил шесть склянок, одиннадцать часов вечера; звяканье колокола эхом отозвалось и с других кораблей в заливе. Они пробудились от грез.

— Пора вниз, Эйнджел?

— Скоро пойдем, милый. Чен сказал, что позовет нас, когда каюта будет готова. — Она думала об этом с того самого момента, когда он произнес: «Как бы ты отнеслась к тому, чтобы обвенчаться сегодня...» Она улыбнулась и поцеловала его в подбородок, готовая и спокойная. — Хеллоу, мой дорогой муж, у нас будет такая удивительная жизнь, я обещаю, больше никакой боли, ты поправишься и станешь здоровее, чем раньше. Обещаешь?

— Тысячу раз... моя дорогая жена.

Морские птицы продолжали камнем падать с рей, потом подошел Чен и доложил, что все было сделано так, как приказал тайпэн. Малкольм добавил на кантонском:

— Теперь запомни, не разбуди тайтай, когда будешь будить меня. — «Тайтай» означало повелительница повелителей, первая жена, которая обладала высшей властью и была непререкаемым авторитетом в любом китайском доме, так же как муж повелевал за его пределами.

— Приятных снов, господин, десять тысяч сыновей вам, мисси.

— Тайтай, — поправил его Малкольм.

— Десять тысяч сыновей вам, тайтай.

— Что он сказал, Малкольм? — спросила она с улыбкой.

— Он пожелал тебе счастливого брака.

— Додзо, Чен, благодарю тебя, — ответила она.

Чен подождал, пока они не пожелали спокойной ночи вахтенным офицерам и не спустились вниз — Малкольм, помогая себе тростью и опираясь на её плечо. Ай-й-йа, подумал он, пробираясь к трапу полубака, пусть все боги большие и малые оберегают господина и пошлют ему ночь, искупающую все его страдания — прошлые и грядущие, — но сначала пусть они подумают обо мне и моих заботах и объяснят Светлейшему Чену и тайтай Тесс, что я не имею к этому браку никакого отношения.

С четвертого дека Стронгбоу видел, как Чен спустился вниз.

— Вы нашли, где разместить их? Я имею в виду слуг?

— Мы повесили гамаки в парусном кубрике по правому борту. Им там будет удобно, если только мы не попадем в шторм.

— Хорошо. Не желаете выпить сейчас чаю, мистер?

— Да, благодарю вас, я вернусь через секунду. — Сегодня первый помощник стоял вахту с полуночи до четырех утра, и он легко сбежал вниз по трапу. В конце коридора у кормы находилась главная каюта. Дверь была закрыта. Он услышал, как с той стороны щелкнул запор. Улыбаясь и едва слышно насвистывая джигу, он направился на камбуз.

Малкольм прислонился спиной к двери, чувствуя, как все его тело ноет от нетерпения, и настроенный пройти к своей брачной постели без чужой помощи. Она остановилась у кровати и, полуобернувшись, смотрела на него. Просторная каюта выглядела очень аккуратно. Здесь было тепло. Большой обеденный стол и морские кресла были прикручены к палубе. Как и широкая кровать, на которой свободно могли разместиться двое — ещё один из законов тайпэна. Кровать была высокая, изголовье её приходилось

прямо против середины кормовой переборки; парусиновые бортики, натягивавшиеся на веревках, охраняли спящих при сильном крене, когда корабль шел против ветра или менял галс под всеми парусами. Сейчас эти бортики были зачехлены. По левому борту располагались маленькая ванная и туалет. По правому — морской сундук для одежды. С балки свисала на шарнире масляная лампа, её свет отбрасывал мягкие тени в приятном полумраке.

Они оба замерли в нерешительности, не зная, как быть дальше.

— Эйнджел?

— Да, chéri?

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Малкольм. Я так счастлива.

По-прежнему ни один из них не двигался с места. Её шаль слегка спустилась, приоткрыв плечи и бледно-зеленое платье в стиле ампира с высокой талией; складки мягкого шелка собрались у неё под грудью, которая вздымалась и падала в такт ударам его сердца. Платье было самым передовым образчиком высокой моды из последнего номера «Иллюстрейшн», присланного Колеттой; эта модель, вызывающая в своей простоте, ещё не получила всеобщего и полного признания. Когда она появилась в этом платье за ужином, где их гостем был Стронгбоу, у обоих мужчин захватило дух, несмотря на все их самообладание.

Её глаза, как зеркала, отражали его глаза, и вот, не в силах долее ждать и противиться его желанию, которое почти осязаемо протянулось к ней, обволокло её и затруднило дыхание, она устремилась в его объятия. Страстно. Шаль упала на пол, но она даже не заметила этого.

Чувствуя, как пол поплыл под ногами, она прошептала: — «Пойдем, chéri», — взяла его руку и часть его веса, ещё раз помолилась про себя, прося помощи у Пресвятой Девы, отринула прошлое и будущее, оставив себе лишь настоящее, и повела его к постели, приняв решение дать ему все, чего он жаждал и ждал. Весь день сегодня, после этой внезапной и невероятной церемонии, она планировала этот момент, свою роль, просеивая в уме свои собственные мысли и то, что шепотом рассказывала ей Колетта о том, как вели себя в первую ночь некоторые из знаменитых дам французского двора: «Очень важно, Анжелика, взять это в свои руки, управлять жеребцом подобно опытной наезднице, сильной рукой и тугим поводом, твердо, но нежно смирить ту первоначальную жестокость, какую проявляют в такие минуты даже самые мягкие из мужей — чтобы было не так больно. Приготовься...»

Его нетерпению не было предела, большие руки бродили по её телу,

губы становились все настойчивее.

— Давай я помогу тебе, — чуть хрипло произнесла она, тоже спеша начать, сняла с него пальто, потом рубашку и отшатнулась, увидев, насколько огромен шрам у него на боку.

— Mon Dieu, я и забыла, как страшно тебя ранили.

Его страсть ушла. Только сердце продолжало колотиться в горле. Все инстинкты, соединившись, толкали его к тому, чтобы снова надеть рубашку или обернуться простыней, но он заставил себя не делать этого. Шрам был теперь частью его жизни.

— Мне очень жаль.

— Не говори так, mon amour, — с глазами, полными слез, сказала она и прижала его к себе. — Это мне, мне так жаль, что весь этот ужас приключился с тобой... так жаль.

— Не надо, дорогая моя. Это йосс. Скоро все это станет лишь дурным сном, все, для нас обоих, я обещаю.

— Да, дорогой, прости, какая я глупая, — пробормотала она, все ещё прижимаясь к нему, и через мгновение, когда боль за него немного улеглась, злясь на себя за грубый промах, она смахнула слезы — и вместе с ними минутную печаль — и быстро поцеловала его, словно ничего не произошло. — Прости меня, мой дорогой, я такая глупая! Посиди здесь минутку. — Он подчинился.

Глядя на него сияющими глазами из-под стыдливо опущенных ресниц, она развязала шелковый пояс, потом расстегнула пуговицы на спине, и платье упало с неё точно так, как она рассчитывала. Остались только короткая ночная рубашка и панталончики. Он потянулся к ней, но она с лукавым смехом скользнула в сторону, подошла к морскому сундуку, где были разложены её зеркало, коробочки с мазями и духи, и, открыв флакон, не спеша коснулась пробкой сначала за ушами, потом каждой груди, дразня и мучая его.

Но он не сердился, поглощенный ею, околдованный, ибо она много раз объясняла ему, всегда разными словами: «Мы, французы, не такие, как вы, мой дорогой Малкольм, мы ничего не скрываем в любви, мы скромны, но без ложной скромности, совсем не так, как англичане. Мы верим в то, что любовь должна быть подобна восхитительному пиршеству, которое до предела обостряет наши чувства, все чувства, а вовсе не такой, как учат наших бедных английских сестер и их братьев, что все должно происходить быстро, в темноте, с верой, что сам акт любви омерзителен, а тела вызывают лишь стыд. Ты увидишь, когда мы обвенчаемся...»

И вот они обвенчаны. Она была его женой, она кокетничала с ним для

его удовольствия, и его переполняла радость, и каждая клеточка его тела пульсировала от желания. Хвала Создателю за это, подумал он, испытывая громадное облегчение — щемящее чувство тревоги не оставляло его многие недели, он все время вспоминал девушку из Ёсивары, когда у него ничего не получилось, несмотря на все её старания.

— Эйнджел, — хрипло выговорил он.

Застенчиво она выступила из панталон, сняла рубашку, подошла к лампе и увернула фитиль, оставив лишь крошечный огонек. У него перехватило дыхание: она была ещё более очаровательна, чем он представлял себе — её обнаженное тело виделось ему словно во сне и в то же время было ослепительно, до боли реальным. Медленно она присела на другую сторону кровати и затем легла рядом с ним.

Нежный шепот, слова любви, касания ищущих рук, его тяжелое дыхание, они придвинулись теснее друг к другу, он тихо охнул от боли, шевельнувшись, горячие губы, страстные поцелуи. Её собственные руки скользили осторожно, никаких необдуманных движений, разум целиком сосредоточился на картине счастливой невинной любви, которую ей хотелось подарить ему — она отчаянно желала доставить удовольствие, но была немного испугана.

— О Малкольм, о Малкольм... — Тихо воркуя, она крепко целовала его, сгорая от любви, — повторяя в молитве то, что сказал ей Бебкотт в ответ на её расспросы: «Не волнуйтесь, некоторое время он не сможет свободно скакать верхом или блестяще танцевать польку, но это не имеет значения, он способен править экипажем с четверкой коней, вести корабль в море, управлять „Благородным Домом“, плодить множество детей и быть лучшим мужем в целом свете...»

Теперь и она уже сильно хотела его. Но Анжелика не отдалась порыву, сдерживая своё желание, ни на секунду не отступая от плана, помогая и направляя его, потом — короткий, резкий вдох, ни тени колебаний, и вот она уже крепко обнимает его, отвечая и отвечая ему, пока, совсем скоро, он не вскрикнул, спазмы его освобожденной страсти начали сотрясать все её тело, вскрики продолжались и продолжались без конца, а потом его беспомощное, задыхающееся, мертвое тело всем своим весом обрушилось на неё, но не раздавило.

Как странно, что я так легко могу нести на себе его вес, мы словно одно целое, подумала она, пока её губы шептали милые, нежные слова, успокаивая его судорожные всхлипы, довольная тем, что их первый раз вместе завершился так приятно.

Малкольм пребывал в полубессознательном состоянии, затерявшийся

на каком-то неведомом плато, невесомый, опустошенный, не чувствующий ничего и при этом до краев наполненный любовью к этому невероятному созданию, которое в своей наготе оказалось всем, что он рисовал себе, и даже сверх того. Её запах, вкус на губах, само её естество. Каждая частичка его испытывала полное удовлетворение. Все было не напрасно. Он плавал в эйфории. Теперь она моя, и я был мужчиной, и она была женщиной, и, о Господи, я надеюсь, я не сделал ей больно.

— С тобой все хорошо, Эйнджел? — хрипло спросил он, сердце его замедляло свою бешеную скачку, но он ещё едва мог говорить. — Я не сделал тебе больно?

— О нет, мой дорогой... я так люблю тебя.

— Я... я тоже, Эйнджел, я не могу даже высказать всего. — Он поцеловал её и начал приподниматься на локтях.

— Нет, не двигайся, пока нет, пожалуйста, мне нравится, когда ты вот так... Что такое, мой дорогой? — нервно спросила она, и руки, обнимавшие его, напряглись.

— Ничего, равным счетом ничего, — пробормотал он, пытаясь справиться с внезапной болью, возникшей в чреслах и вонзившейся в основание черепа, едва он шевельнулся. Осторожно он попробовал снова, теперь лучше. И он сумел не застонать на этот раз.

— Не двигайся, Малкольм, — с нежностью прошептала она, — лежи так, отдохни, топ атоуг, мне нравится, когда ты лежишь вот так, пожалуйста... прошу тебя.

Он с благодарностью подчинился, забормотал, как он любит её, по телу разлилась нега, он испытывал чувство бесконечного покоя, удовлетворения, принадлежа ей, начал погружаться в дрему и скоро уже глубоко спал. Корабельный колокол пробил одну склянку: половина первого, но он не шевельнулся, и она лежала, держа его на себе, успокоившаяся, удовлетворенная и благодарная: её будущее начало сбываться. Она наслаждалась тишиной каюты, редким поскрипыванием балок, плеском волн о борт, как и он, целиком отдаваясь ощущению исполненности.

Не разбудив мужа, она выскользнула из-под него, прошла в ванную и ополоснулась. Там она вздохнула и молча попросила прощения. Укол маленьким ножом. Андре говорил ей: «Мужчине трудно, почти невозможно определить в первую брачную ночь, девственна ли невеста, если у него нет причин подозревать обратное. Немножко страха, короткое „ох“ в нужный момент, пресловутая капля крови довершит дело, а утром все будет безмятежно и так, как должно быть».

Какой ужасный циник этот Андре, подумала она. Да охранит меня Господь от него и простит мне мои прегрешения — я рада, что вышла замуж, и скоро мы отплываем в Гонконг, так что мне больше никогда не придется думать о нем, только о моем Малкольме...

Она едва не танцуя приблизилась к кровати. Тихонько забралась под одеяло, взяла его руку, закрыла глаза, и перед ней поплыли восхитительные картины их будущего. Я так люблю его.

Она вдруг пробудилась, подумав, что почувствовала ещё один подземный толчок. В каюте было темно, только самый кончик фитиля горел в лампе под потолком, слегка покачивавшийся из стороны в сторону. Потом она вспомнила, как увернула его перед сном, сообразив, что разбудивший её звук был звяканьем корабельного колокола, а не пронзительным перезвоном колоколов собора во время землетрясения, пугавшим её во сне, а толчок был просто покачиванием корабля на волне и что её сон вовсе не был кошмаром. Тут, увидев его рядом с собой, она ощутила внутри себя теплый свет любви — ничего подобного она раньше не испытывала — и вспомнила, что они женаты и это тоже не сон.

Четыре склянки? Два часа ночи. Или шесть часов? Нет, глупенькая, этого не может быть, потому что тогда снаружи было бы светло, а Малкольм сказал, что ему нужно побывать на берегу, прежде чем мы поднимем якорь и вернемся в цивилизованный мир, чтобы напасть на дракона в его логове — нет, чтобы поприветствовать мою дорогую свекровь, которую я очарую и заставлю измениться и которая быстро полюбит меня и будет самой лучшей, самой обожающей бабушкой.

Она смотрела на него в густом полумраке. Он спал на боку, положив голову на согнутую правую руку, морщины озабоченности на его лице разгладились, дыхание было тихим и ровным, тело теплым, с чистым, приятным мужским запахом. Это мой муж, и я люблю его и принадлежу ему одному, а того, другого, никогда не было. Какое счастье выпало мне!

Её рука легко коснулась его. Он шевельнулся. Его рука тоже потянулась к ней. Ещё не проснувшись окончательно, он произнес:

— Хеллоу, Эйнджел.

— Je t'aime.

— Je t'aime aussi.

Его рука стала искать её. Она ответила. Захваченный врасплох, он дернулся и повернулся к ней, задержал дыхание, когда острая боль прыгнула вверх и замерла на самом дне глаз, потом, когда боль прошла, выдохнул.

— Je t'aime, chéri, — сказала она, наклонилась, чтобы поцеловать его, и между поцелуями прошептала: — Нет, не двигайся, останься так, не шевелись, — и добавила с тихим смешком голосом, глухим от желания: — Лежи спокойно, mon amour.

Через мгновение страсть захлестнула его с головой. Возбужденный и дрожащий, забыв обо всем, деля с нею на сей раз эту волшебную чувственность, он начал двигаться медленно-медленно, потом быстрее, снова медленно, глубже, её охрипший от страсти голос подгонял его, он отвечал, ещё и ещё, сильнее и сильнее, все его железы, мышцы, мучительное томление, как в водовороте, сходились в одну точку, пока она не приблизилась к краю, замерла на самом краю, отступила, подошла снова, а он поддерживал её, помогал ей, ударяя вновь и вновь, пока она не почувствовала, что её тело вдруг исчезло, потеряло вес, все вокруг исчезло, и она упала на него сверху, биения её тела, её крики затягивали его все глубже в неё, его мышцы напряглись до предела в последнем толчке. И тогда, тогда, тогда он тоже вскрикнул и завис, невесомый, а его тело продолжало ввинчиваться и биться само по себе, пока не наступил последний, неистовый и, о, такой долгожданный спазм, и все движения стихли.

Только мешалось в тишине их тяжелое дыхание, пот и стук сердец.

Прошло время, и он пришел в себя. Она спала у него на груди, её обмякшее тело показалось ему легким как пушинка. Он лежал в изумлении, со звенящей остротой воспринимая все, что его окружало, вне себя от радости, бережно обнимая её одной рукой, зная, что жены милевиднее нет и быть не может. Её дыхание холодило ему щеку, долгое, медленное и глубокое. Голова его очистилась, и будущее виделось ясно, без малейших сомнений в себе. Теперь он был непоколебимо уверен, что не сделал ошибки, женившись на ней, знал, что сможет положить конец ссоре с матерью и что вместе они покончат с Броками, как он покончит с Норбертом, покончит с торговлей опиумом и пушками и убедит Джейми остаться, что он станет править компанией Струана так, как его должно править, как этого хотел бы тайпэн. Пока не исполнится его время и он не выполнит свой долг, сделав «Благородный Дом» снова первым в Азии, чтобы передать его следующему тайпэну, их старшему сыну, которого они назовут Дирк, первому из многих сыновей и многих дочерей.

Он не знал, как долго пролежал так, бесконечно уверенный в себе, наполненный радостью и ликованием, обнимая её обеими руками, любя её, дыша её дыханием, счастливее, чем был когда-либо, мог быть когда-либо, говоря одними губами, что любит её. Сознание постепенно погружало его в

сон, окутывая божественным теплом, и уносило память о том великом, чудесном, мучительном, скрутившем все тело, высшем всплеске бессмертия, который, как ему показалось, разорвал его на части.

Среда, 10 декабря

В серых рассветных сумерках Джейми Макфей торопливо прошагал вверх от причала Пьяного Города и повернул за угол. На Ничейной Земле он увидел Норберта и Горнта — они ждали там, где должны были ждать, — заметив без всякого интереса небольшой сверток в руках Горнта, который должен был содержать выбранные ими дуэльные пистолеты. Не считая этих трех человек и бесчисленного количества мух, зловонная, заросшая сорняками свалка была пустынна. По дороге сюда ему никто не встретился, кроме пьяниц, храпящих в беспамятстве под стенами лачуг, развалившихся на скамьях или в грязи. Он не видел их.

— Прошу прощения, — произнес он, стараясь отдышаться. Как и они, он пришел в пальто и шляпе, потому что воздух с утра был тяжелый и влажный. — Извините за опоздание, я...

— Где тайпэн «Растреклятого Дома»? — грубо спросил Норберт, выставив подбородок. — Он струсил или что?

— Пошел ты на... — прорычал Джейми; его лицо было серым, как грязное утреннее небо. — Малкольм мертв, тайпэн мертв. — Он увидел, как они уставились на него, открыв рты. Он и сам до сих пор не мог поверить в это. — Я только что с корабля. Поехал за ним перед рассветом, а... ну, они... он провел ночь на борту «Гарцующего Облака». Он был... — Слова застряли у него в горле. На глаза навернулись слезы, и он опять пережил то, как отправился туда и увидел Стронгбоу на трапе, бледного и испуганного, кричавшего ему ещё задолго до того, как его катер подошел к борту, что юный Малкольм умер, что он послал свой катер за доктором, но, ради всех святых, он мертв.

Стрелой вверх по ступеням. Анжелика, забившаяся в угол на четвердеке, завернутая в одеяла, первый помощник рядом с ней, но не останавливаясь мимо них, молясь про себя, чтобы все это оказалось неправдой или кошмаром, потом — по ступеням вниз.

Парадная каюта была залита ярким светом. Малкольм лежал на кровати лицом вверх. Глаза закрыты, спокойный в смерти, чистое чело, простыни натянуты до подбородка; Джейми поразило то, что он никогда ещё не видел своего друга таким: каждая черточка его лица излучала покой.

— Это был... это был Чен, — захлебываясь словами, говорил убитый горем Стронгбоу, — его слуга Чен, Джейми, он спустился, чтобы разбудить

его, пятнадцать минут назад, он и нашел его, Джейми, он нашел его... засов на этой двери можно отодвинуть снаружи, как и в большинстве морских кают... он так и сделал, а они спали, как он подумал. Анжелика и вправду спала, а вот Малкольм нет, он потряс его за плечо и сам чуть не умер, выскочил за дверь, привел меня, а к тому времени и она проснулась. Она проснулась и кричала, бедняжка, вся в отчаянии, кричала так, что зубы начинало ломить, поэтому я увел её отсюда и сказал первому помощнику, чтобы он за ней приглядывал, а потом вернулся назад, но никакой ошибки не было, бедный мальчик, он лежал, как ты его сейчас видишь, только вот глаза ему я закрыл, но посмотри... посмотри сюда...

Дрожа всем телом, Стронгбоу потянул за простыню. Малкольм был голым. Нижняя часть его тела лежала в луже крови. Кровь высохла и запеклась сверху, матрас промок насквозь.

— Он... должно быть, у него открылось кровотечение. Один Бог знает почему, но я так полагаю...

— Господи, будь я проклят, — выругался Джейми и рухнул в кресло, без конца повторяя и повторяя проклятия, не видя и не слыша ничего вокруг. Малкольм? — Что мне теперь делать, чёрт меня подери? — спросил он самого себя.

Голос Бога запрыгал по каюте, отвечая ему:

— Обложи тело льдом и отправь его домой!

Испуганный, он вскочил на ноги. Стронгбоу озадаченно смотрел на него, и в ту же секунду Джейми сообразил, что это капитан ответил ему, что незаметно для себя он задал свой вопрос вслух.

— И это все, — проорал он во весь голос, — что ты, дьявол тебя подери, можешь сказать, а?

— Извини, Джейми, я не хотел... я не хотел быть... — Стронгбоу вытер лоб. — Что ты хочешь, чтобы я сделал?

После ещё одной целой вечности молчания, все ещё чувствуя, как сердце стучит в ушах и голова горит огнем, он пробормотал:

— Я не знаю.

— Обычно мы... мы похоронили бы его в море, нельзя держать... ты мог бы похоронить его на берегу... скажи, что нужно сделать, я сделаю.

Джейми казалось, что его разум поворачивается медленно, как машина, которая никак не может набрать обороты. Тут он заметил А Ток, сидевшую на корточках рядом с кроватью, крохотную, теперь просто старуху. Она раскачивалась на пятках, губы её шевелились, но ни звука не вылетало из них.

— А Ток, ты навверх ходить, ничего здесь, хейя?

Она не обратила на него никакого внимания. Просто продолжала раскачиваться взад-вперед и шевелить губами, не произнеся в ответ ни слова. Он попробовал ещё раз — бесполезно. Стронгбоу он сказал:

— Тебе лучше просто ждать. Дождись Бебкотта или Хоуга.

Он снова поднялся на палубу и опустился на колени рядом с Анжеликой в неподвижной полутьме ещё не наступившего рассвета. Но она не отвечала ему, как мягко он ни пытался разговаривать с ней, повторяя, что ему жаль, что ему так жаль, стараясь помочь ей в эту тяжелую минуту. Лишь на мгновение она подняла голову, не узнавая его, — огромные голубые глаза на белом, как мел, лице, — потом плотнее закуталась в одеяло, глядя невидящим взором на доски палубы перед собой.

— Я еду на берег, Анжелика, на берег. Вы понимаете? Лучше... лучше рассказать все сэру Уильяму, вы понимаете? — Он увидел, как она тупо кивнула, и нежно, по-отечески коснулся её. У трапа он отдал распоряжения Стронгбоу:

— Приспустить флаг до половины мачты, всем оставаться на борту, приказ на отплытие отменяется. Я вернусь сразу же, как только смогу. Лучше всего... лучше ничего не трогать, пока не приедут Бебкотт или Хоуг.

По дороге на берег его жестоко вырвало, и вот теперь он видел перед собой Норберта и Горнта. Горнт был потрясен, глаза же Норберта заблестели, и сквозь онемевшее от боли сознание до Макфея долетели его слова:

— Малкольм мертв? Как это мертв, чёрт меня подери?

— Не знаю, — выдавил он из себя, задыхаясь. — Мы... мы... мы послали за Бебкоттом, но похоже, что у него открылось кровотечение, я должен сообщить обо всем сэру Уильяму. — Он повернулся, чтобы уйти, но злорадный хохот Норберта остановил его.

— Ты хочешь сказать, что этот юный идиот отдал концы, когда трахался? Помер на боевом посту? Я прихожу сюда, чтобы прикончить его, а он, оказывается, уже продолбил себе дорогу сквозь Жемчужные Ворота? Старика Брока от хохота разо...

Слепой от ярости, Макфей бросился вперед, его правый кулак врезался в лицо Норберта, отбросив того назад, левый апперкот не достиг цели и, потеряв равновесие, Джейми упал на колени. Крутанувшись на земле, как кошка, Норберт вскочил на ноги — лицо в крови, нос разбит, — заревел от бешенства и изо всех сил пнул Джейми ногой, целясь в голову. Носок сапога зацепился за воротник Джейми, и это слегка ослабило и отвело удар, который в противном случае неминуемо сломал бы шотландцу шею.

Макфей покатился назад. Вытирая кровь с лица, Норберт прыгнул к нему и снова нанёс дикий удар ногой. Но на этот раз Джейми был наготове, он увернулся и поднялся на ноги, сжав кулаки; его левая рука на мгновение оказалась парализованной.

Секунду они стояли друг против друга, ненависть заглушила боль, Горнт попытался остановить их, но в тот же миг оба бросились вперед, потеряв рассудок, смахнув его в сторону будто лист с дерева. Кулаки, ноги, тычки в глаза, приемы уличных драк, колени в пах, ногти рвут ткань, волосы — все, лишь бы одержать верх: годами копившаяся вражда вырвалась наружу с невероятной жестокостью. Оба были одного роста, но Джейми почти на тридцать фунтов легче, Норберт выносливее и злее. В его руке блеснул нож. Джейми и Горнт одновременно вскрикнули, когда он сделал выпад, промахнулся, восстановил равновесие, полоснул снова и на этот раз пустил кровь, Джейми неуклюже отскакивал, проигрывая схватку, раненое плечо причиняло ему жестокую боль. Испустив победный клич, Норберт выбросил вперед руку с ножом, чтобы покалечить, но не убить, однако в этот самый миг кулак Джейми врезался ему в переносицу, сломав её на сей раз, и Норберт с утробным воем рухнул на четвереньки, не в силах подняться, полуслепой от боли, побитый.

Джейми стоял над ним, тяжело дыша. Горнт ждал, что он прикончит противника одним пинком в пах, другим в голову, а потом, возможно, каблуком сапога раздавит ему лицо, изуродовав навсегда. Сам он именно так бы и поступил — не по-джентльменски это хвататься за нож или смеяться над чужой смертью, даже смертью врага, подумал он, удовлетворенный победой Макфея.

Но смерть Малкольма совсем его не обрадовала. Это был единственный вариант, который он не включил в свои планы, по крайней мере на сегодняшний день. Теперь весь замысел придется пересмотреть, и быстро. Бог ты мой, но как? Может быть, мне удастся как-нибудь использовать эту драку, размышлял он, просеивая в уме различные возможности и ожидая, что Джейми станет делать дальше.

Теперь, когда он одержал победу, гнев Джейми рассеялся. Грудь его ходила ходуном. Рот заполняла кровь и желчь. Он сплюнул. Много лет ему хотелось унижить Норберта, и вот он сделал это и узнал ему цену раз и навсегда — и отомстил за Малкольма, которого спровоцировали нарочно.

— Норберт, ублюдок ты поганый, — проскрежетал он, поражаясь тому, как плохо выговариваются слова и как ужасно он себя чувствует, — если ты скажешь хоть что-нибудь, что угодно про моего тайпэна, что угодно, клянусь Богом! или станешь зубоскалить о нем за его спиной, я

тебя на куски разорву.

С трудом передвигая ноги, не разбирая дороги, он прошел мимо Горнта, едва его заметив, и направился к причалу. Шагов через десять-пятнадцать его нога угодила в выбоину, и он упал с громким проклятием и остался стоять на четвереньках, забыв о Норберте и Горнте, измученный до предела.

Норберт понемногу приходил в себя, сплевывая кровь. Нос его был разбит, пульсирующая масса боли, и он слабел от бешенства при мысли, что оказался побежден. И к этому тошнотворному чувству примешивался животный страх. Старик Брок не простит тебя, пронзительно кричал ему мозг, ты потеряешь премию и пенсию, которую он обещал, станешь посмешищем всей Азии, избитый, измученный, помеченный навечно этим сукиным сыном Джейми, а ведь он против тебя дохляк, струановский ублюдок...

Он почувствовал, что ему помогают подняться. Покачиваясь, он заставил себя открыть глаза. Хватая ртом воздух, плохо соображая, чувствуя, как горят огнем лицо и голова, щурясь из-под совсем заплывших век, он разглядел спину Макфея, пытавшегося подняться на ноги в нескольких шагах от них, и Горнта сбоку от себя, все ещё с двухствольными дуэльными пистолетами под мышкой.

Мысли заметались в его голове, полубезумной от боли. С такого расстояния я не промахнусь, Горнт единственный свидетель, на расследовании мы покажем: «Макфей схватился за пистолет, сэр Уильям, мы дрались, это верно, боролись, да, но он ударил меня первым, ведь правда, Эдвард? Скажи им как перед Богом, а потом ужасно, ваша честь, это было ужасно, каким-то образом пистолет вдруг выстрелил, бедный Джейми...»

Норберт схватил пистолет и поднял его.

— Джейми! — крикнул Горнт, предупреждая шотландца. Макфей, вздрогнув, повернулся и, открыв рот, уставился в дуло пистолета, а Норберт криво ухмыльнулся и нажал на курок, но Горнт был наготове и, издав ещё один предупреждающий крик, отвел выстрел вверх и тут же, стоя спиной к Макфею, прикрыл пистолет телом, ухватившись за него обеими руками с неожиданной силой и изображая короткую борьбу с Норбертом за обладание им. И все это время он смотрел в глаза Норберта, который, цепenea от ужаса, видел перед собой только смерть. Горнт вывернул ствол в грудь Грейфорту и нажал на второй курок. Норберт умер мгновенно. Тогда, надев маску ужаса, Горнт отпустил тело, и оно осело на землю. Все это заняло лишь несколько секунд.

— Господь Всеблагий и Всемогущий, — выдохнул Джейми. Он в ужасе доковылял назад и опустился на колени рядом с телом.

— Боже мой, сэр, я не знал, что делать, о Боже, Боже, сэр, мистер Грейфорт, он собирался выстрелить вам в спину, а я только и сделал, что... о, Боже мой, мистер Макфей, вы же сами его видели, правда, я крикнул вам, но... он собирался выстрелить вам в спину... неужели мы ничего не можем сделать? Он намеревался убить вас... — Так легко убедить Макфея, который, слепо щурясь, побрел прочь звать кого-нибудь на помощь.

Оставшись один и в безопасности, Горнт протяжно выдохнул, довольный собой. В восторге от того, что сумел провидеть в тот миг, как поведет себя Норберт, и поставил на это свою жизнь.

«Когда рискуешь, выбор момента и выполнение должны быть безукоризненны, — без конца, как молитву, твердил ему его отчим, обучая искусству карточной игры. — Иногда человеку выпадает шанс, юный Эдди, подарок судьбы. Она дарит тебе нечто особенное, ты берешь это и кончаешь со всем одним ударом. Ты срываешь банк. Проиграть невозможно, если этот шанс тебе действительно подарен, время она выбирает безошибочно. Только смотри не дай дьяволу обмануть себя — он прикрутит тебя к кресту намертво, карты он сдает те же, но они другие, ты почувствуешь разницу, когда они попадут к тебе в руки...»

Горнт криво усмехнулся. Отчим не имел в виду убийство, говоря о том, чтобы покончить со всем одним ударом, но для него именно так все и сложилось. Его даром судьбы был Норберт.

Идеально выбранный момент, идеальное убийство, идеальное алиби.

Норберта следовало отправить к праотцам по многим причинам. Во-первых, он мог оказаться способным отвратить от Брокков часть надвигающейся катастрофы, развернув её против дома Струанов. Кроме того, старик Брок приказал Норберту убить Струана любым способом, каким получится; и самое главное — Норберт был простолюдин, без манер, без утонченности, без чувства чести и не джентльмен.

Мухи уже роились вокруг них и садились на труп. Горнт отошел в сторону и закурил сигару. Его взгляд внимательно окинул пустырь, проникая сквозь туман. По-прежнему никаких чужих глаз, никакого шевеления. Рассветные лучи едва пробивались через густой слой низких облаков. Стоя там в ожидании, он вынул холостые патроны из второго пистолета, пистолета Малкольма, на которых настоял Норберт. Горнт улыбнулся про себя. Он поменял бы их, подсунув хлопушки Норберту, если бы тот все же решил драться, а не отменить дуэль, как они договорились.

Каким же Норберт был ублюдком, подумал он. Поделом ему. А вот

Малкольма мне жаль. Ладно, теперь я отправляюсь в Гонконг и заключаю сделку с его матерью — так безопаснее и лучше. Норберт был прав, она настоящий тайпэн. Я предложу ей то, что собирался передать Малкольму: подлинные средства и вещественные доказательства, которые уничтожат компанию «Брок и Сыновья», раздавят Моргана, этого дьявола во плоти.

Оставь месть мне, сказал Господь. Но это не для меня. Не для меня, Эдварда Горнта, сына Моргана. Ах, отец, если бы ты только знал, как упоительна будет месть, как праведно отцеубийство! Плата за «Я женюсь на этой шлюхе, если...».

Какая ирония, Морган: ты потратил половину жизни, чтобы разорить свою единственную сестру и её семейство, твой отец пытается сделать то же самое со своей единственной дочерью, а я, твой единственный сын и возмездие, защищаю её, чтобы погубить тебя.

С Тесс безопаснее иметь дело, чем с Малкольмом, лучше. Она отдаст мне компанию Ротвелла в Шанхае, и подпишет займы в банке «Виктория», в которых я нуждаюсь, и введет меня в совет директоров. Нет, это нет, она справедливо сочтет подобное угрозой для себя, кресло директора придет позже. А до тех пор я займусь следующим номером в списке: компанией Купер-Тиллман.

Тем временем что мне делать сейчас? Как можно скорее лететь в Гонконг. Любопытно: Норберта нет и Малкольма тоже. Странно.

Умер на боевом посту? Интересно. Какая смерть!

Устранив Малкольма, судьба преподнесла мне ещё один дар. Анжелику. Она теперь свободна и богата, богата, как «Благородный Дом». Шесть месяцев — как раз тот срок, какой мне нужен: его вполне достаточно для траура, и я успею привести свои дела в порядок. К тому времени Тесс Струан будет рада сплавить её подальше от Гонконга, с глаз долой — из сердца вон. И замужем за кем-нибудь. А если она беременна? Я позабочусь насчет этого «если». Что так, что эдак — разница не велика: я заполучу «Благородный Дом» ещё быстрее, чем это уже запланировано.

Его приглушенный смех слился с жужжанием мух.

— Доктор Бебкотт ждёт снаружи, сэр Уильям, — доложил Тайрер.

— Впустите же его, ради Бога! Джордж, доброе утро, чёрт, что случилось с этим беднягой — какая ужасная новость! Что с Анжеликой, как она, вы уже слышали о Норберте? Этот подлый сукин сын попытался выстрелить Джейми в спину пару часов назад!

— Да, да, мы слышали. — Бебкотт был небрит и явно расстроен. — Хоуг отвез Анжелику во французскую миссию, мы приехали на берег все

вместе — она отказалась возвращаться в факторию Струанов.

— Это я могу понять, трудно её винить, как она себя чувствует?

— Она, разумеется, в шоке. Мы дали ей успокоительное. Ужасно жаль её — она столько ужасов пережила здесь: сначала Токайдо, потом этот чертов убийца-ронин, теперь это. Как судьба наказывает её, ужасно. Она сильно потрясена.

— О. Это... это может повлиять на её рассудок?

— Надеюсь, что нет. Трудно сказать. Она молода и сильна, но... трудно сказать. Клянусь всем, что есть в мире святого, я надеюсь, что нет. — Оба они были глубоко встревожены. — Какой ужас, что с ними могло случиться такое. Паршивое это дело, я чувствую себя совершенно беспомощным.

Сэр Уильям кивнул.

— Должен признаться, я чертовски разозлился из-за этой женитьбы, но с другой стороны, когда мне сообщили сегодня утром... знаете, я отдал бы все на свете, чтобы этого не случилось. — Его лицо посуровело. — Вы осматривали тело Норберта?

— Нет, Хоуг займется этим сразу же, как только позаботится об Анжелике. Я подумал, что мне следует прийти прямо сюда и доложить.

— Совершенно справедливо. Итак, что случилось с Малкольмом?

Несмотря на душевную боль, Бебкотт заставил свой голос звучать бесстрастно:

— Кровотечение. Артерия или вена разорвалась или лопнула. Ночью, пока он спал, без всякой боли и судорог, иначе он разбудил бы её, жизнь по капле вытекла из него. Я произведу вскрытие, это необходимо для оформления свидетельства о смерти.

— Хорошо, если вы так считаете. — Сэр Уильям перестал думать об этом мрачном деле, находя его тошнотворным, кроме того, ему не нравилось быть рядом с врачом, любым врачом, на их одежде всегда оставались пятна крови, тут и там, и их всегда окружал едва уловимый запах лекарств и карболки, как бы чисто они сами ни мылись. — Бедный Струан. Ужасно. Так он просто истек кровью и умер?

— Да. Как бы там ни было, Малкольм... за всю жизнь я не видел другого лица, которое выглядело бы таким невероятно умиротворенным после смерти, словно она была для него желанна...

Сэр Уильям поиграл крышкой чернильницы на своём столе.

— Джордж, а мог бы он... могло бы завершение — я имею в виду... ну, вы понимаете... — могло бы... могло бы это послужить причиной? Я хочу сказать, если бы он был крайне возбужден?

— Вероятно, именно это и произошло. Не сам акт, но то неконтролируемое напряжение, которое ему сопутствует, без труда могло бы разорвать ослабленные ткани или вызвать разрыв сосуда. Его гениталии были в полном порядке, но вот брюшная полость была в целом ослаблена. Я ушил часть толстой кишки и сшил несколько артерий, там образовались не очень хорошие спайки, и он выздоравливал не совсем так быстро, как мне бы хотелось, его печень...

— Да, ну, мне не нужны сейчас эти подробности, — слабым голосом проговорил сэр Уильям, уже почувствовавший легкую дурноту. — Боже мой, юный Струан! Это кажется невозможным... а потом ещё Норберт! Если бы не Горнт, у нас сейчас было бы убийство на руках. Этот парень заслуживает медали. Он, кстати, сказал, что Джейми спровоцировали и Норберт заслужил полученную трепку. Вам известно, что Малкольм и Норберт должны были стреляться сегодня в Пьяном Городе?

— Я узнал об этом минуту назад. Филип рассказал мне. Сумасшедшие, что тот, что другой. Чёрт подери, ведь вы же предупредили их!

— Да, предупредил. Чертовы дураки, хотя Горнт поклялся, что оба согласились принять извинения друг друга, но он также добавил, что Норберт сказал ему сегодня утром, что передумал и собирается убить Струана. Вот ведь мерзавец! — Сэр Уильям взволнованно передвинул вещи на столе, поправил бумаги и маленький портрет на серебряной подставке. — Что нам теперь делать?

— С Норбертом?

— Нет, с Малкольмом, сначала с Малкольмом.

— Я сегодня же вечером произведу вскрытие. Я взял на себя смелость распорядиться, чтобы тело перевезли в Канагаву — там это легче будет сделать. Хоуг будет ассистировать, и к утру вы получите отчет. Мы подпишем свидетельство о смерти, все это пройдет вполне нормально.

— Я имел в виду тело, — раздраженно заметил сэр Уильям.

— Вы можете похоронить его, когда сочтете удобным. При такой погоде можно не спешить, оно не станет разлагаться.

— В самом деле? У нас есть время, чтобы послать «Гарцующее Облако» в Гонконг и выяснить, что его... что хочет сделать миссис Струан? Я к тому, что она, возможно, пожелает похоронить его там, а...

— Бог мой, не хотел бы я принести ей эту весть.

— Я тоже. — Сэр Уильям потянул за воротник и закрутил головой. В кабинете было по обыкновению прохладно, угли в камине горели слабо и почти не грели, из щелей в окнах тянуло холодом. — Хоуг их семейный врач, он мог бы поехать. Но, Джордж, я хочу сказать, он... то есть тело

пролежит так долго? Чтобы известить её, вернуться обратно и увезти тело с собой, если именно этого она пожелает?

— Вам лучше сразу принять решение: похоронить его здесь или отправить домой. Мы поместим его на лед, обложим льдом гроб, поставим на палубе под навесом, он прекрасно сохранится.

Сэр Уильям кивнул, судорожно сглотнув.

— Филип, — крикнул он в дверь. — Попросите Джейми немедленно прийти ко мне! Джордж, я считаю, самым мудрым решением, при условии, что он... э... что он долежит, было бы отослать его домой. Что вы посоветуете?

— Я согласен с вами.

— Хорошо, благодарю вас, держите меня в курсе относительно Анжелики и не забудьте про сегодняшний ужин. Как насчет нашей партии в бридж?

— Лучше отложить и то и другое на завтра.

— Хорошо, прекрасно, так и сделаем. Ещё раз спасибо... чёрт, чуть не забыл! Как быть с Норбертом?

— Скорые похороны, быстрое забвение и никаких сожалений.

— Мне придется провести расследование. Эдвард Горнт — американец, иностранный подданный... он готовит письменное заявление. Хорошо ещё, что Адамсон в отпуске, иначе он непременно пожелал бы принять в этом участие. Он ведь адвокат, не так ли, помимо того, что является американским поверенным в делах?

— В любом случае это не имеет значения. Хоуг и я можем дать медицинское заключение. — Бебкотт поднялся и добавил холодно: — Но вот «выстрел в спину»? Не очень-то хорошая реклама для Йокогамы.

— Целиком с вами согласен. — Лицо сэра Уильяма сморщилось. — Целиком с вами согласен. Не хотелось бы мне, чтобы ветер разносил о нас такие новости.

— Вы имеете в виду наших хозяев?

— Да. Их придется проинформировать, таковы правила. Я не могу официально сообщить им, что в точности произошло, ни в том, ни в другом случае. Очевидно, что смерть Норберта была несчастным случаем. Но Струан?

— Расскажите им правду, — ответил Бебкотт, взбешенный этой смертью и в ярости на себя самого за то, что его работа оказалась недостаточно хорошей и что, уже не как врачу, ему отчаянно хотелось сжать Анжелику в объятиях и защитить её от всего этого. — А правда состоит в том, что эта никому не нужная, ранняя смерть прекрасного

молодого человека напрямую связана с теми ранами, которые были нанесены ему во время неспровоцированного нападения на него на Токайдо.

— Нанесены подлыми убийцами, которые до сих пор разгуливают на свободе, — с горечью добавил сэр Уильям. — Вы правы.

Он проводил Бебкотта до двери, взмахом руки отпустил Тайрера, потом подошел и встал у окна, расстроенный своим нынешним бессилием. Я должен быстро привести бакуфу к покорности, или нам конец, и наши надежды открыть Японию миру растают как дым. Сами они этого не сделают, поэтому мы должны им помочь. Но они обязаны вести себя как цивилизованные, законопослушные люди... а время между тем уходит. Я сердцем чувствую, что однажды ночью они нападут на нас, предадут нас огню и тогда все, конец. Уж это будьте покойны!

О да, они понесут наказание — и многие погибнут. А я тем временем не выполню своего долга, все мы будем мертвы, а это действительно очень тоскливое умозаключение. Если бы только Кеттерер не был так туп. Как мне, чёрт возьми, подчинить этого упрямого ублюдка своей воле?

Он вздохнул, зная ответ: первым делом тебе стоит помириться с ним!

Их бурная беседа вчера поздно ночью по поводу вызывающего пренебрежения, с которым адмирал отнесся к просьбе миссис Струан и его собственному совету — он не подозревал о подлинной причине, пока, чуть раньше, клещами не вытащил её из Джейми Макфея, — переросла в открытую ссору, оба перешли на крик:

— Это было неразумно позволять Марлоу...

— Я счел это наилучшим решением! А теперь послушайте, что я вам ска...

— Наилучшим? Чёрт возьми меня совсем, я только что узнал, что вы сочли наилучшим глупо вмешаться в дела политики и торговли, попытавшись выторговать неосуществимое соглашение у претендента на трон Струанов и тем самым превратили в нашего непримиримого противника подлинную главу компании! — в бешенстве выпалил он. — Не так ли?

— А вы, сэр-р, вы вмешиваетесь в дела, которые являются исключительной прерогативой парламента — объявляете войну — и подлинной причиной того, что вы так неразумно выбираете выражения, сэр-р, и так расстроены, является то, что я не стану начинать войну, которую мы не в состоянии выиграть, не в состоянии поддерживать с нашими наличными силами, если вообще вести, а, по моему мнению, любое нападение на столицу будет справедливо расценено туземцами как

акт войны, никак не случайность. Честь имею кланяться!

— Вы согласились помо...

— Я согласился побряцать оружием, дать несколько учебных залпов, чтобы поразить воображение туземцев, но я не соглашался подвергать обстрелу Эдо и, говорю это в последний раз, не собираюсь этого делать, пока вы не представите мне письменные полномочия на это, одобренные Адмиралтейством. Желаю здрав...

— Военный флот и армия подчиняются и получают указания от гражданских властей, клянусь Богом, а власть здесь — я!

— Да, вы и есть, клянусь Богом, если я соглашусь, — проревел адмирал, побагровев лицом и шеей, — но моими кораблями вы не командуете, и пока я не получу иных приказов, одобренных Адмиралтейством, я буду управлять своим флотом так, как считаю нужным. Желаю здравствовать!

Сэр Уильям сел к столу. Он ещё раз вздохнул, взял в руки перо и написал на официальном бланке миссии:

Дорогой адмирал Кеттерер! Многое из того, что вы говорили вчера вечером, справедливо. Пожалуйста, извините мой неразумный выбор некоторых слов в пылу беседы. Не будете ли вы так добры, чтобы взглянуть ко мне сегодня днём. Вы уже, без сомнения, слышали о печальной смерти юного Струана, которая, по словам доктора Бебкотта, «напрямую связана с ранами, полученными во время неспровоцированного нападения на Токайдо». Я буду вынужден подать новую, более серьезную жалобу бакуфу по поводу смерти этого прекрасного английского джентльмена и был бы крайне рад выслушать ваш совет относительно того, как следует распорядиться этой ситуацией. Засим, мой дорогой сэр, примите мои самые искренние уверения в совершеннейшем к вам почтении.

— Чего только я не сделаю для Англии, — пробормотал он, потом крикнул: — Филип! — подписал послание и посыпал его сверху, чтобы высохли чернила.

— Да, сэр.

— Снимите копию и отошлите с посыльным к адмиралу Кеттереру.

— Только что прибыл Джейми, сэр, и пришла депутация с просьбой к вам объявить сегодняшней день Днём ангела, днём траура.

— В просьбе отказано! Джейми пусть войдет.

Джейми появился весь в кровоподтеках, плечо ему уже перевязали.

— Джейми, вы чувствуете себя лучше? Хорошо. Джордж Бебкотт был у меня с отчетом. — Он рассказал ему все, что говорилось о теле Малкольма. — Каково ваше мнение?

— Мы должны отослать его домой в Гонконг, сэр.

— Хорошо, я подумал о том же. Вы сопроводите его?

— Нет, сэр. Миссис Струан... боюсь, она больше не одобряет моей особы, и если бы я вернулся, это только усугубило бы и без того поистине ужасное положение, в котором она оказалась, бедная женщина. Строго между нами, меня увольняют в конце месяца.

— Боже милостивый, за что? — Сэр Уильям был потрясен.

— Это не имеет значения, теперь уже нет. Анжелика, наша миссис Струан, разумеется, поедет, и доктор Хоуг — вам известно, что она передумала и решила остановиться в своих старых комнатах у нас, а не во французской миссии?

— Нет, о, ну что же, полагаю, так будет лучше всего. Как она?

— Хоуг говорит, настолько хорошо, насколько этого можно ожидать, какого бы дьявола это ни означало. Мы пошлем «Гарцующее Облако» сразу же, как только вы и он известите меня. Когда это может произойти?

— Джордж сказал, что он сегодня проведет вскрытие и подпишет свидетельство о смерти. Клипер мог бы отплыть завтра же, единственной проблемой остается Анжелика, когда она сможет отправиться. — Сэр Уильям пристально посмотрел на него. — Что с ней?

— Не знаю, по-настоящему не знаю. Я не видел её с тех пор... с тех пор, как поднялся на борт. Она не заговаривала со мной, ни разу не произнесла ничего внятного. Хоуг все ещё с ней. — Джейми постарался сдержать своё горе. — Мы можем только надеяться.

— Какая беда. Да, сомневаться не приходится. Теперь, Норберт. Нам, разумеется, придется провести расследование.

— Хорошо. — Джейми коснулся лица, смахнув назойливую муху, пытавшуюся сесть на запекшуюся кровь. — Горнт спас мне жизнь.

— Да. Его действия будут отмечены. Джейми, когда вы уйдете от Струанов, что вы собираетесь делать? Поедете домой?

— Это и есть дом, здесь или в Китае, — просто ответил Джейми. — Я... как-нибудь я открою собственное дело.

— Хорошо, мне бы не хотелось терять вас. Господи, благослови мою душу, я не могу представить себе «Благородный Дом» здесь без вас.

— Я тоже.

По мере того как день тянулся, мрачные настроения в Йокогаме сгущались. Потрясение, отказ верить в произошедшее, гнев, страх перед войной, страхи вообще — все сразу вспомнили Токайдо — мешались с многочисленными солеными ехидными замечаниями; правда, произносившие их вели себя осторожно, потому что у Эйнджел были ревностные защитники и любая соленая шутка или смех воспринимались как неуважение. Малкольму повезло меньше. У него были враги, многие радовались возможности поязвить и упивались ещё одним несчастьем, обрушившимся на потомство Дирка Струана. А оба священника, каждый на свой лад, испытывали чувство твердого удовлетворения, видя во всем этом воздаяние Господне.

— Андре, — обратился Сератар к своему помощнику. Они обедали в миссии вместе с Вервеном. — Он оставил завещание?

— Не знаю.

— Попробуй это выяснить. Спроси у неё или у Джейми — ему, вероятно, больше известно.

Андре чуть заметно кивнул, измученный тревогой. Смерть Струана нарушила его план быстро раздобыть у неё ещё денег, чтобы заплатить Райко.

— Да, я попытаюсь.

— Крайне важно постоянно подчеркивать то, что она французская подданная, чтобы защитить её, когда её свекровь попытается разрушить этот брак.

— Почему вы так уверены, что это случится, что она будет так настроена против? — спросил Вервен.

— Mon Dieu, это же очевидно! — раздраженно ответил за Сератара Андре. — Её отношение будет таким, что Анжелика «убила» её сына. Мы все знаем, что она ненавидела её раньше, так что же теперь-то говорить? Она обязательно обвинит её бог знает в каких извращениях, следуя своей уродливой англосаксонской догме об отношениях полов если не публично, то хотя бы за глаза. И не забывайте, что она фанатичная протестантка. — Он повернулся к Сератару. — Анри, мне, наверное, лучше повидаться с Анжеликой. — Он уже успел перехватить её и шепнуть, что она должна вернуться в факторию Струанов, а не оставаться здесь, в миссии: «Ради Бога, Анжелика, твое место с людьми твоего мужа!» — То, что ей необходимо упрочить своё положение в доме Струана любой ценой, было настолько очевидно, что он едва не закричал на неё, но внезапная вспышка гнева обратилась в жалость, когда он увидел, как глубоко её отчаяние. — Я, пожалуй, пойду.

— Да, пожалуйста.

Андре закрыл дверь.

— Какого дьявола, что с ним такое творится? — спросил Вервен, сопнув носом.

Сератар подумал, прежде чем ответить, потом решил, что время пришло:

— Вероятно, это его недуг — английская болезнь.

Его заместитель выронил вилку, потрясённый.

— Сифилис?

— Андре рассказал мне несколько недель назад. Вы должны знать, только вы из всех сотрудников, потому что такие взрывы могут стать более частыми. Он слишком ценен для нас, чтобы отсылать его домой. — Андре шепнул ему, что нашел совершенно новый, ведущий на самый верх канал для сбора информации: — Этот человек говорит, что князь Ёси вернется в Эдо через две недели. За относительно скромную сумму он и его люди из бакуфу гарантируют тайную встречу на борту нашего флагмана.

— Сколько?

— Эта встреча будет стоить любой суммы.

— Я знаю. Однако сколько? — повторил Сератар.

— Эквивалент моего жалованья за четыре месяца, — с горечью произнес Андре, — жалкие гроши. Кстати о жалованье, Анри, мне нужен аванс или та премия, которую вы мне обещали много месяцев назад.

— Мы ни о чем тогда не договаривались, дорогой Андре. Со временем вы её получите, но, ещё раз прошу прощения, никакого аванса. Очень хорошо, эта сумма, после встречи.

— Половину сейчас, половину после. Он также сообщил мне, без всяких денег, что тайро Андзё болен и может не протянуть и года.

— У него есть доказательства?

— Полноте, Анри, вы же знаете, что это невозможно!

— Добейтесь, чтобы ваш осведомитель уговорил эту обезьяну тайро встретиться с Бебкоттом для медицинского осмотра... и я повышу ваше жалованье на пятьдесят процентов.

— Двойное жалованье начиная с сегодняшнего дня, двойное жалованье, и мне понадобится передать моему осведомителю приличную сумму сразу же.

— Пятьдесят процентов со дня осмотра и тридцать «мексиканцев» золотом, пять сразу, остальное потом. И ни сантима больше.

Сератар увидел, как в глазах Андре засветилась надежда. Бедный Андре, он теряет хватку. Разумеется, я понимаю, что изрядная часть этих

денег прилипнет к его рукам, но это не страшно, работать со шпионами — грязное дело, а Андре особенно грязен, хотя и очень умен. И несчастен.

Он протянул руку и подцепил последний кусочек единственной головки сыра бри, которая прибыла с последним пакетботом, на льду, за фантастическую плату.

— Будьте терпеливы с беднягой, Вервен, а? — Каждый день он ожидал увидеть признаки болезни, но они не появлялись, и с каждым днём Андре казался немножко моложе, изнуренное выражение, не сходившее с его лица, пропало. Только вспыльчивости и раздражительности в нем прибавилось.

Mon Dieu! Личная встреча с Ёси! И если Бебкотт сможет осмотреть этого кретина Андзё, может быть, даже вылечить его, по моей инициативе — ничего, что Бебкотт англичанин, за такое я выторгую у сэра Уильяма какие-нибудь другие преимущества, — мы сделаем огромный шаг вперед.

Он поднял бокал.

— Вервен, *mon brave*, чума на всех англичан и *Vive la France!* [\[37\]](#)

Анжелика апатично лежала на кровати под балдахинном, опершись спиной на высокие подушки; ещё никогда она не выглядела такой бледной и бесплотной. Хоуг пристроился в кресле рядом с кроватью; он дремал, просыпаясь и опять погружаясь в сон. После обеда солнце пробилось-таки сквозь облака и ненадолго оживило этот тусклый, ветреный день. Ветер увлекал за собой корабли на рейде, натягивая якорные цепи. Полчаса назад — для неё минуты и часы стали одинаковы — сигнальное орудие возвестило о скором прибытии пакетбота, разбудив её; не то чтобы она по-настоящему спала, скорее, перетекала безвольно из сознательного в бессознательное, не разделенные более никакой границей. Её взгляд скользнул мимо Хоуга. За его спиной она увидела дверь в комнаты Малкольма — нет, не его комнаты, не их комнаты, теперь просто комнаты для другого человека, другого тайпэна...

Слезы вернулись и хлынули полным потоком.

— Не плачьте, Анжелика, — мягко, с нежностью проговорил Хоуг, ни на секунду не ослабляя внимания, всматриваясь в её лицо в поисках пресловутых признаков надвигающейся катастрофы. — Все хорошо, жизнь продолжается, а с вами сейчас все в полном порядке, действительно в полном порядке.

Он держал её за руку. Носовым платком она смахнула слезы.

— Я бы хотела выпить немного чаю.

— Сию секунду, — ответил Хоуг, и его уродливое лицо просветлело от

облегчения. Впервые она что-то сказала с сегодняшнего утра, сказала внятно и осознанно, а первые моменты возвращения к нормальной жизни были показателями исключительной важности. Он открыл дверь, едва сдерживаясь, чтобы не завопить от радости, хотя голос её и звучал чуть слышно, ни в нем, ни под ним, ни позади него не было истерики, свет в её глазах был здоровым, лицо уже не было опухшим от слез, а пульс, который он подсчитал, пока держал её за руку, был ровным и сильным, девяносто восемь ударов в минуту, и уже не прыгал, вызывая в нем тошнотворный страх.

— А Со, — распорядился он на кантонском, — принеси своей госпоже свежего чая, но не произноси ни звука, не говори ни слова, поставь все и уходи. — Он опять вернулся к кровати. — Вы знаете, где находитесь, моя дорогая?

Она лишь молча посмотрела на него.

— Позвольте задать вам несколько вопросов, если они утомят вас, скажите мне и ничего не бойтесь. Извините, но это нужно для вас, не для меня.

— Я не боюсь.

— Вы знаете, где вы находитесь?

— В своих комнатах.

Её голос звучал безжизненно, глаза ничего не выражали. Его тревога усилилась.

— Вы знаете, что произошло?

— Малкольм умер.

— Вы знаете, почему он умер?

— Он умер в нашу первую ночь на нашей брачной постели, и это все из-за меня.

В глубине его сознания тревожно прозвенел колокольчик.

— Вы ошибаетесь, Анжелика, Малкольм был убит на Токайдо, много месяцев назад, — сказал он спокойно и уверенно. — Мне очень жаль, но такова правда, и с тех самых пор он жил, беря каждый день в долг у судьбы, вашей вины тут нет, никогда не было, это была воля Божья, но одно могу вам сказать от самого сердца: мы, я и Бебкотт, никогда не видели такой умиротворенности, такого покоя на лице умершего, никогда, никогда, никогда.

— Это все из-за меня.

— Единственное, за что вы отвечаете, это та радость, которую он знал в последние месяцы своей жизни. Он ведь любил вас, не так ли?

— Да, но он умер, и... — Она едва не добавила, и тот, другой, тоже; я

даже не знаю его имени, но он тоже умер, он тоже любил меня и тоже умер, и вот теперь Малкольм мертв и...

— Прекратите!

Грубый окрик одним рывком отдернул её от края пропасти. Хоуг опять задышал, но он понимал, что это необходимо сделать и сделать быстро, или она погибнет, как погибали другие на его памяти. Он должен освободить её от дьявола, прячущегося где-то в её сознании и ждущего только подходящего момента, чтобы вырваться на свободу, схватить свою жертву и превратить её в бессвязно бормочущую сомнамбулу, по крайней мере нанести ей огромный вред.

— Извините. Это вам нужно твердо усвоить. Единственное, в чем вы... — в панике он одернул себя, не успев произнести это слово, и продолжил: — за что вы отвечаете, это за его радость. Повторяйте за мной. Вы отвечаете только за...

— Я виновата.

— Произносите вслед за мной: «Я отвечаю только за его радость», — тщательно выговорил он, больше отдавая приказ, с тревогой отмечая про себя её ненормально расширившиеся зрачки. Она опять балансировала на самом краю.

— Я винова...

— Отвечайте, чёрт подери, — взорвался он в притворном гневе. — Повторяйте за мной: «Я отвечаю только за его радость! Отвечаю за его радость!» Говорите!

Он увидел, как пот выступил у неё на лбу, и опять она произнесла то же самое, и опять он оборвал её, повторил нужное слово, «отвечаю, отвечаю за его радость!», и снова она произнесла его по-своему и в следующий раз тоже. А Со принесла чай, но ни он, ни она даже не заметили её, и китаянка в ужасе выскочила за дверь, а Хоуг снова и снова приказывал Анжелике, которая упорно продолжала отказываться, пока вдруг не закричала пронзительно по-французски:

— Хорошо, я отвечаю только за его радость, но он все равно мертв, мертв, мертв... мой Малкольм мертв-в-в-в!

Ему захотелось обнять её и сказать, что все хорошо, что она может уснуть, но он сдержал этот порыв, решив, что пока ещё слишком рано. Его голос звучал твердо, но не угрожающе, и он ответил на своём хорошем французском:

— Благодарю вас, Анжелика, но дальше мы будем говорить на английском. Да, мне тоже ужасно жаль, нам всем жаль, что ваш милый супруг умер, но в этом нет вашей вины. Повторите!

- Оставьте меня. Убирайтесь!
- Когда вы скажете это: «Не моя вина».
- Нет... нет, оставьте меня!
- Когда вы скажете это. «Не моя вина!»

Она уставилась на него, ненавидя своего мучителя, потом опять закричала ему в лицо:

— Не моя вина, это не моя вина, это не моя вина, не моя вина, теперь вы довольны? Убирайтесь, убирайтесь!

— Когда услышу от вас, что вы понимаете, что ваш Малкольм умер, но вы никоим образом не отвечаете за это!

— Убирайтесь!

— Скажите это! Чёрт подери, скажите это!

Вдруг её голос стал похож на вой дикого зверя:

— Ваш-ш Малкольм мертв, ваш-ш Малкольм мертв, он мертв, он мертв, он мертв, но вы не... не отвечаете никак, никоим проклятым образом не отвеча... никак, никоим, никак не отвечаете... не отве... не... — Так же внезапно, как все это началось, её голос перешел в жалобные всхлипы, — не отвечаете, я не виновата, я правда не виновата, о, мой дорогой, мне так жаль, так жаль, я не хочу, чтобы ты умирал, о, Пресвятая Мадонна, помоги мне, он мертв, а я чувствую себя так ужасно, уж-жасно, о, Малкольм, почему ты умер, я так любила тебя, так сильно... о, Малкольм...

На этот раз он обнял её, прижал к себе спокойно и крепко, вбирая в себя всю её дрожь, и плач, и судорожные рыдания. Некоторое время спустя её голос умолк, рыдания стихли, и она погрузилась в беспокойный сон. Он продолжал держать её нежно, но твердо, его одежда прилипла к телу от пота, но он не шевелился до тех пор, пока её сон не стал глубоким. Тогда он осторожно отстранился от неё. Спину во многих местах пронзала острая боль, и он медленно выпрямился, морщась и разминая затекшие мышцы. Когда ему удалось унять боль в плечах и шее, он сел, чтобы восстановить силы.

Ещё бы чуть-чуть — и конец, подумал он; радость от того, что в этот раз он выиграл битву, приглушала ноющую боль во всем теле. Он с удовольствием посмотрел на девушку, юную, прекрасную и здоровую.

Память вмиг перенесла его в Канагаву к той другой девушке, японке, сестре того человека, которому он сделал операцию, такой же юной и прекрасной, но японке. Как её звали? Юки как-то там.

Я спас её брата, чтобы подвергнуть новым бедам это несчастное дитя. Но я рад, что ей удалось бежать. Удалось ли? Такая красивая женщина. Как моя собственная дорогая жена. Как ужасно и бездумно я поступил, какое

безумие было везти её из Индии в Лондон навстречу преждевременной смерти.

Карма? Рок? Как у этого дитя и бедного Малкольма. Бедные они, бедный я. Нет, что мне себя жалеть, я только что спас жизнь человеческому существу. Ты можешь быть толст и уродлив, старина, подумал он, беря её пульс, но, Господь Всемогуший, ты чертовски хороший врач и чертовски умелый лжец — нет, не умелый, просто везучий. На этот раз.

Четверг, 11 декабря

— Добрый день, Джейми, — печально сказал Филип Тайрер. — Я от сэра Уильяма, вот три копии свидетельства о смерти, одна для вас, другая для Анжелики и третья для Стронгбоу, она будет сопровождать тело. Он решил, что оригинал должен отправиться с дипломатической почтой губернатору для вручения главному коронеру Гонконга, который зарегистрирует его и затем передаст миссис Струан. Ужасно, не правда ли, но ничего не поделаешь.

— Да. — Рабочий стол Джейми был завален прибывшей почтой и документами, касающимися тех дел, которые предстояло уладить. Его глаза покраснели от усталости.

— Как Анжелика?

— Я ещё не видел её, но Хоуг был здесь сегодня с самого утра. Он сказал, чтобы её не беспокоили, пока она сама не выйдет, и что ей лучше, чем можно было ожидать. Она проспала больше пятнадцати часов. Он считает, она будет в состоянии отправиться завтра в путь, и сказал, что чем быстрее, тем лучше. Он, разумеется, тоже едет.

— Когда теперь отплывает «Гарцующее Облако»?

— Завтра. С вечерним отливом. Я жду Стронгбоу с минуты на минуту, он должен явиться за приказом. У вас есть почта, которую он мог бы захватить?

— Безусловно. И запечатанный пакет. Я передам сэру Уильяму. Все никак не могу поверить, что Малкольм мертв. О, кстати, расследование по поводу смерти Норберта назначено на пять часов. Не хотите ли перекусить потом, легкий ужин?

— Спасибо, но не сегодня. Давайте поужинаем завтра, если все будет нормально. Договоримся окончательно после завтрака. — Джейми спросил себя, стоит ли ему рассказать Тайреру о махинациях его самурайского друга, Накамы, и встрече с местным ростовщиком — Накама хотел, чтобы это осталось тайной для Тайрера и сэра Уильяма. Предложение Накамы заинтриговало его, и он с радостью ухватился за возможность побеседовать напрямую с местным бизнесменом, пусть и незначительным.

Вчерашняя встреча, по понятным причинам, была отменена. Он подумывал о том, чтобы вообще перенести её на следующую неделю, но решил встретиться с этим человеком сегодня вечером — может быть, это на

миг-другой отвлечет его от трагедии.

Филипа это не касается — и не забывай, что Филип и Крошка Вилли утаивали от тебя самую разную информацию, когда договоренность была делиться всем.

— До встречи, Филип. И спасибо за копии.

— До встречи, Джейми.

Свидетельства о смерти были подписаны Бебкоттом и Хоугом. Вскрытие подтвердило предположения о том, что смерть «была вызвана внутренним кровотечением из поврежденной артерии, которая прекратила своё нормальное функционирование; её ослабленное состояние непосредственно связано с ранами, нанесенными во время неспровоцированного нападения на Токайдо».

Джейми кивнул. Врачи обошли саму причину, вызвавшую разрыв артерии. Нет смысла быть более обстоятельным, если только кто-то не потребует более обстоятельного ответа. Например, Тесс Струан, подумал он, чувствуя, как болезненно сжался желудок. Она непременно спросит, и что тогда скажет Хоуг? То же, что он сказал мне сегодня утром:

— В том состоянии, в каком был Малкольм, Джейми, такой разрыв могло вызвать любое из целой дюжины резких движений; например, он мог спать в неудобном положении, а потом резко повернуться, испуганный кошмаром, или даже просто напрягаться животом при запоре.

— Или особенно во время совокупления?

— Да, но это лишь одна из многих возможностей, почему вы спрашиваете?

— Ради Бога, вы же знаете Тесс Струан.

— Я не собираюсь обвинять Анжелику, если вы об этом просите. Чтобы заниматься любовью, нужны двое, мы оба знаем, что он перевернул небо и землю, чтобы жениться на ней, и был безумно влюблен.

— Я ни о чем не прошу, док. Тесс все равно обвинит её, что бы ни говорилось в свидетельстве.

— Я согласен, Джейми, но от меня она помощи не получит. Как и от Джорджа. То, что сильный спазм вызвал разрыв, а последовавший за ним глубокий сон скрыл это от них обоих, логично, но не доказуемо. Даже если бы это так и было, её абсолютно не в чем винить, не в чем, чёрт подери...

Бедная Анжелика, её все равно будут считать виноватой, как и меня. Только в моем случае это значения не имеет.

— Да? Войдите? О, хеллоу, Эдвард!

— У вас найдется секунда? — спросил Горнт.

— Конечно, входите. — Со вчерашнего дня их с Горнтом отношения

переменились. Он настоял на том, чтобы отныне они называли друг друга по имени. Бог ты мой, думал он, как же я ошибался на его счет. — Присаживайтесь. Послушайте, я говорил это уже дюжину раз, но ещё раз спасибо — вы действительно спасли мне жизнь.

— Не о чем говорить, я просто выполнял свой долг.

— Слава богу, что вы его выполнили. Что я могу сделать для вас?

— Ходят слухи, что вы отправляете останки Малкольма в Гонконг, чтобы похоронить там, и я подумал, нельзя ли мне получить место на вашем корабле?

— Разумеется. — Джейми заколебался. — Чтобы встретиться с Тайлером Броком и Морганом?

Горнт улыбнулся.

— От правды не спрятаться, Джейми. Я возьму с собой результаты расследования, но мое дело рассказать им обо всем напрямую, глаза в глаза.

— Да, вы правы. — Печаль снова легла Джейми на сердце. — Мне жаль, что Малкольма нет в живых, чтобы он мог узнать, что вы сделали для меня, жаль, что он уже не сможет быть вашим другом, я знаю, он по-настоящему восхищался вами, жаль также, что вы работаете у них.

— После того как я увижусь с ними, я, вероятно, и не буду у них работать: они лишь одолжили меня у Ротвелла, так что это значения не имеет. После Гонконга я вернусь в Шанхай.

— Знаете, если я смогу вам чем-то помочь, я это сделаю.

— Вы мне ничем не обязаны, я лишь выполнял свой долг, но человеку всегда нужны настоящие друзья. Спасибо, если мне станет тужо, я обращусь к вам. Значит, я могу рассчитывать на каюту на «Гарцующем Облаке»?

— Корабль отплывает завтра вечером.

— Я полагаю, миссис Струан будет сопровождать его? Трудно думать о нем как о мертвом, не правда ли?

— Да. Доктор Хоуг говорит, что к тому времени она будет готова к путешествию.

— Какой удар судьбы. Ужасно. Благодарю вас. До встречи.

Джейми проводил его взглядом, испытывая странное беспокойство. Он, пожалуй, не смог бы облечь его в слова. Наверное, я просто настолько выбит из колеи, что мне теперь все и вся кажется странным. Боже мой, даже Хоуг вел себя как-то необычно, хотя разрази меня гром, если я могу объяснить, в чем именно это выражалось.

Он заставил себя поработать ещё некоторое время, потом ему понадобились кое-какие документы со стола Малкольма, он поднялся,

прошел по коридору к кабинету тайпэна и механически поднял руку, чтобы постучать. Помрачнев лицом, он опустил руку, открыл дверь и замер на пороге. В кресле Малкольма за его столом сидела Анжелика. На стуле перед ней расположился Небесный Наш Скай, говоривший:

— ...насколько мне известно и... — Он обернулся.

— Здравствуйте, Джейми, — тихо произнесла Анжелика. Её темное платье подчеркивало алебастровую белизну кожи, волосы были убраны наверх, открывая длинную шею, убраны небрежно, но именно в силу этой небрежности выглядели ещё более привлекательно.

— Извините, я не ожидал... Доктор Хоуг сказал мне, чтобы я не беспокоил вас, пока вы сами меня не позовете. Как вы себя чувствуете?

— Это я попросила его об этом. Я... Я чувствую себя хорошо, благодарю вас. Было кое-что, с чем я хотела разобраться сегодня утром. Я с сожалением узнала о вашей... о том, как вам не повезло с Норбертом Грейфортом. Бедный Джейми, у вас такие страшные синяки, с вами все в порядке?

— Да, благодарю вас, — ответил Джейми, ещё больше сбитый с толку. Её голос звучал спокойно, слишком спокойно, и во всем её облике читалось некое достоинство, которое он пока никак не мог определить. — Эдвард Горнт спас мне жизнь, вы слышали об этом?

— Да, он рассказал мне об этом несколько минут назад, то есть это не так, он только что приходил, чтобы передать свои соболезнования, и я встретила с ним. Мистер Скай рассказал мне о его храбрости. И о дуэли.

— О. — Джейми захотелось тут же обругать Ская за то, что он сует свой нос куда не следует.

— Бедный Малкольм, — сказала она. — Я ужасно рада, что не знала об этой глупости. Если бы мне было о ней известно, я каким-нибудь образом остановила бы её. Но Эдвард, какое счастье, что он там оказался, и какими ужасными, какими ужасными бывают некоторые люди.

— Да, но важнее всего сейчас это то, как вы действительно себя чувствуете?

— Не хорошо и не плохо. Я ничто и, ну, внутри меня пустота.

— Это верное слово, пустота. Я ощущаю то же самое. — Джейми посмотрел на Небесного Нашего, который вежливо и безразлично улыбнулся в ответ. Повисло гнетущее молчание. Испытывая неловкость, он понимал, что оба они ждут, когда он уйдет. — Я могу для вас что-нибудь сделать?

— В данный момент ничего, благодарю вас, Джейми.

Джейми в задумчивости кивнул.

— Мне нужны кое-какие бумаги.

— Пожалуйста, прошу вас. — Она откинулась на спинку высокого, массивного кресла, которое нависало над ней, как скала, сохраняя полное спокойствие и самообладание.

С тем же чувством неловкости он принялся рыться в переполненных подносах для входящих и исходящих документов, решил унести их с собой как есть и поставил один на другой.

— Если что-нибудь понадобится... только позовите.

— После того как мы закончим с мистером Скаем, возможно, несколько минут с вами, если вы будете свободны.

— Конечно, в любое время. Просто позвоните в этот колокольчик.

— Джейми, вы, случайно, не получили уже свидетельство о смерти? — спросил Скай.

— Да, оно у меня.

— Могу я взглянуть на копию, пожалуйста?

Джейми удивленно посмотрел на него.

— С какой целью?

— Чтобы проверить его.

— Маль... мой муж прибег к услугам мистера Ская, я полагаю, вам известно об этом, Джейми? — произнесла Анжелика.

— Да, я знаю. — Джейми обратил внимание на то, как она поменяла «Малкольм» на «мой муж», видел, как одобрительно кивнул при этом Скай, и в голове у него прозвучал сигнал тревоги. — И что же?

— Когда я услышал об этой чудовищной новости, — гладко заговорил Скай, — я счел себя обязанным предложить свои услуги его вдове... — он едва уловимо подчеркнул это слово, — ...и они были милостиво приняты. Тайпэн попросил меня провести для него некоторые исследования, и я подумал, что миссис Струан, возможно, пожелает их продолжить.

— Хорошо. — Джейми вежливо кивнул и приготовился уйти.

— Свидетельство о смерти, Джейми?

— Каково будет ваше желание, Анжелика... миссис Струан?

— Мистер Скай теперь является моим поверенным, Джейми. Он разбирается в этих вещах, а я совсем нет, и он согласился действовать от моего имени, — четко произнесла она все тем же ровным голосом. — Я бы хотела, чтобы вы, пожалуйста, оказывали ему всяческое содействие.

— Конечно. Будьте добры следовать за мной, Небесный Наш. — Джейми вышел из кабинета, вернулся к себе и встал за столом, притворяясь, что ищет бумаги, которые для надежности убрал в ящик. — Вы не прикроете дверь, очень сквозит. — Маленький человечек

подчинился. — Слушай, — сказал он, понизив голос, хотя в нем отчетливо слышалась угроза, — если ты будешь дурить ей голову, играть в грязные игры или тянуть с неё деньги, я своими руками выколочу из тебя все это дерьмо.

Маленький человечек подошел ближе, треснутые стеклышки его очков запотели.

— За всю свою жизнь я никогда не поступал так с клиентом, — сказал он, раздувшись, как кобра. — Несколько крупных счетов, да, но никогда ничего сверх того, что людям по карману. Ради всех святых, этой женщине нужна помощь. Я могу оказать её, вы — нет.

— Могу и окажу, клянусь Богом.

— Я так не думаю! Малкольм сообщил мне, что другая миссис Струан, женщина из Гонконга, уволила вас, верно или нет? И верно или нет то, что и вы, и Малкольм неделями получали от неё злобные, даже угрожающие письма, свидетельствующие о маниакальном предубеждении против моего клиента и её обручения и полные всевозможных безосновательных обвинений? Верно или нет, ради Христа Спасителя, что этой девушке нужны друзья.

— Я согласен, что ей нужны друзья, я не возражаю против того, чтобы вы были её адвокатом, я просто хочу быть уверенным, что вы станете действовать как подобает.

— Чёрт возьми, за свою жизнь я никогда не обманул ни одного клиента. Джейми, я могу быть голодным адвокатом, но я хороший адвокат, и мы с вами на одной стороне. Ей нужны друзья, Малкольм любил её, вы были ему другом, чёрт меня подери, он рассказал мне о письмах, за которые вы готовы были сунуть голову в петлю.

— Ладно, это де...

— Я не пытаюсь спорить с вами, Джейми, она мой клиент, и я клянусь, что сделаю для неё все, что смогу. Свидетельство о смерти, пожалуйста.

Кипя от возмущения, Джейми отомкнул ящик и протянул ему один экземпляр.

— Спасибо... а, три копии, да? Одна для вас, вторая поедет с телом и одна для неё — все как следует, хотя меня удивляет, что они сообразовали-таки подумать о ней — оригинал отправится в Гонконг особым пакетом. — Небесный пробежал документ глазами. — Боже Всемогуший!

— Что там такое?

— Хоуг и Бебкотт, — ответил он. — Они могут быть хорошими врачами, но как свидетели защиты они убийственны! Чёрт, меня следовало известить до того, как они составили это: любой дурак мог бы подсказать

им более удачные формулировки!

— Какого дьявола, о чем ты разглагольствуешь?

— Об убийстве или по крайней мере об обвинении в убийстве.

— Ты сошел с ума!

— Оно было бы не первым для Тесс Струан, — прошипел человек. — Помните боцмана? Все в Гонконге понимали, что это был несчастный случай с утонувшими детьми, но его обвинили в убийстве, признали виновным в непреднамеренном убийстве и дали десять лет!

— Виновным его признал суд присяжных, а не Тесс Струан, и...

— Но именно она настаивала на вынесении обвинительного приговора! — резко парировал Скай, не повышая голоса. — И она будет добиваться этого же и здесь. Если это зачитать в суде, где будет слушаться уголовное или гражданское дело, барристер от противной стороны заявит, что он умер, когда трахался — прошу извинить мою вульгарность, — «а вторая участница этого акта присутствует здесь на скамье обвиняемых, дамы и господа присяжные заседатели, чей отец является преступником, скрывающимся от правосудия, чей дядя сидит во французской тюрьме, которая сама является искательницей приключений без гроша за душой. Эта развратница сознательно соблазнила этого несчастного молодого человека, не достигшего ещё совершеннолетия, и заставила его жениться на себе, а затем, дамы и господа присяжные заседатели, с заранее обдуманном преступным намерением совратила его и погубила до срока — с заранее обдуманном преступным намерением, — прекрасно понимая, что его раны сделают за неё её злое дело!» Верно или нет, чёрт подери?

Джейми опустился в кресло ещё более бледный, чем раньше. Слова Хоуга тут же вспыхнули в его мозгу.

— Что вы намерены делать?

— Первым делом я попытаюсь добиться изменения формулировки. Не думаю, что это у меня получится, но я обязан попытаться. У вас есть его завещание? Малкольма?

Джейми покачал головой.

— Он никогда не упоминал при мне о завещании.

— Я сказал ему в первый его приход ко мне, что это важно, что ему непременно нужно составить завещание — это стандартное требование. Вы уверены?

— Я знаю, что у меня его нет, нет в нашем сейфе. — Джейми нахмурился. Стал бы Малкольм составлять его? Если бы я женился, я бы составил. Погодите минутку, я много лет был обручен с Морин и не составлял никакого завещания. Бог мой, интересно, как она, что она

подумала обо мне, получив мое письмо. — Он никогда не упоминал при мне о завещании. Он говорил об этом с Анжеликой?

— Нет, это был первый вопрос, который я ей задал. Возможно, он составил завещание, не ставя вас в известность. У него был какой-нибудь сейф, некое особое место, где он хранил свои личные бумаги?

— Да нет, пожалуй, нет. Полагаю, такое место есть в Гонконге, здесь же только маленький сейф в его покоях.

— Пойдемте посмотрим. — Скай направился к двери.

— Погодите минутку, я не думаю, что мы можем это сделать.

Ответ прозвучал резко и официально:

— Миссис Анжелика Струан была его законной супругой и является его вдовой, а следовательно, его прямой наследницей и наследует все его состояние, если только иное не указано в завещании. Если никакого завещания нет, значит, она вступает во владение наследством, после того как будут выплачены наследственная пошлина и все предусмотренные законом сборы и налоги. Давайте заглянем в его сейф.

— Не думаю, что мы можем предполо...

— Сейчас, без всякого шума, и все останется между нами тремя как друзьями, или я сегодня же получу через сэра Уильяма судебное предписание секвестровать все, я повторяю, все его бумаги и все бумаги компании в Иокогаме и Гонконге для поиска завещания, на которое мой клиент имеет право. — Его взгляд был тверд. — Извините, старина. Итак?

— Пойдемте спросим Анжелику. — Неуверенный в себе и понимающий, что он никогда не сможет позволить постороннему человеку рыться в документах и отчетах «Благородного Дома», Джейми последовал за Скаем назад в кабинет тайпэна. Чёрт возьми, почему я думаю о нем как о кабинете тайпэна? — раздраженно подумал он. Наверное, потому, что это и есть кабинет тайпэна. Кто теперь новый тайпэн? Господи, какая неразбериха!

Анжелика сидела там же, где они оставили её. Она бесстрастно выслушала Ская.

— Вам ни к чему сопровождать нас, миссис Струан, поверьте, я все сделаю за вас.

— Благодарю вас, но мне хотелось бы присутствовать.

Они поднялись следом за ней по парадной лестнице. Скай был здесь в первый раз и старался не выдать благоговейного восхищения богатыми светильниками и дорогими маслами. Джейми открыл дверь в апартаменты тайпэна. Угли приятно потрескивали в камине. Большая кровать под балдахинном ждала, застеленная. Чистый стол, ни одной бумаги. В ближнем

углу комнаты сидела на корточках и бормотала что-то в отчаянии А Ток, казавшаяся теперь совсем крошечной, уродливой и древней. Она не обратила на них никакого внимания. Анжелика вздрогнула всем телом, потом проследовала за своими спутниками и села в высокое кресло Малкольма лицом к ним. Пристально наблюдая за ними.

Небольшой железный сейф в стене был спрятан под писанной маслом картиной, ещё одним Аристотелем Квэнсом. Скай язвительно улыбнулся. На картине на фоне гонконгского пейзажа была изображена красивая юная китаянка, держащая на руках светловолосого, светлогожего ребенка с косичкой за спиной, мальчика. Он слышал об этой картине, но никогда не видел её. Квэнс был деканом художников-летописцев Макао и раннего Гонконга, ирландцем, который прожил здесь много лет и умер несколько лет назад в Макао, где его и похоронили. Кроме этого, он был неумным пьяницей, игроком и развратником, однако старым и преданным другом Дирка Струана. По слухам, изображенная на картине девушка была знаменитой Мэй-мэй, китайской любовницей Дирка, той самой, которая погибла вместе с ним во время тайфуна 1842 года, в его объятиях, а ребенок — их первым сыном.

Он искоса взглянул на Анжелику, которая безучастно наблюдала, как Джейми роется в связке ключей, и спросил себя, известно ли ей о евразийских родственниках Малкольма и о его дяде, компрадоре Гордоне Чене — сыне Дирка от другой любовницы, — который, если верить гонконгской молве, «знал секретов и имел золотых тэйлов больше, чем волосков на шкуре быка». Часы на каминной полке пробили три раза.

— У кого ещё есть ключи, Джейми? — спросил Скай.

— Только у меня. У меня и у... у тайпэна.

— А где его?

— Не знаю. Полагаю, все ещё у... на борту.

Дверца сейфа распахнулась. Несколько писем, на всех почерк Тесс Струан, кроме одного, которое писал Малкольм и, очевидно, не закончил, маленький мешочек из мягкой замши и бумажник. Бумажник содержал выцветший дагеротип его отца и матери, напряженно смотрящих в объектив, личную печать Малкольма, несколько расписок и перечень долгов и должников. Небесный Наш пролистал его.

— Вот здесь, Джейми, деньги, которые ему должны, может это оказаться игорными долгами?

— Представления не имею.

— Две тысячи четыреста двадцать гиней. Кругленькая сумма долга в распоряжении молодого человека. Вам, случайно, не знакомы какие-нибудь

из этих имен?

— Только вот это. — Джейми посмотрел на него.

— Мадам Эмма Ришо? Пятьсот гиней.

— Это моя тетя, — сказала Анжелика. — Она и дядя Мишель, они воспитали меня, мистер Скай. Мама, вот как я звала её, потому что она была мне как мать, а моя собственная мама умерла, когда я была совсем маленькой. Им нужна была помощь, и Мал... Малкольм был так добр, что послал им эти деньги. Я попросила его.

— Джейми, я бы хотел получить копию в виде списка, пожалуйста. — Адвокат говорил снова. — От вас требуется, чтобы вы хранили у себя оригиналы. — Он протянул руку к полудюжине писем, но Джейми опередил его:

— Я бы сказал, что это частная переписка.

— Частная для кого, Джейми?

— Для него.

— Я получу распоряжение суда ознакомиться с ними и сниму с них копии, если решу, что они представляют для нас ценность.

— Это вы, конечно, можете сделать, — процедил Джейми сквозь зубы, проклиная себя за то, что неосмотрительно выложил Скаю все про этот сейф, не посоветовавшись предварительно с сэром Уильямом.

— Можно мне просмотреть их, Джейми, пожалуйста? Полагаю, они относятся к имуществу моего мужа. Пока что его как будто так немного.

Её голос звучал так мягко, так печально, ни намёка на мольбу, что он вздохнул и сказал себе: парень, ты уже увяз настолько глубоко, что эти письма не имеют значения. Сэру Уильяму придется самому разбираться с юридической стороной. И тут, неожиданно для себя, он перенесся назад во вчерашний вечер: они втроем на причале, беззаботные, смеющиеся, уверенные в себе, все будущие грозные тучи Гонконга кажутся такими далекими, он провожает их, они уезжают на катере, впереди их ждет первая брачная ночь, Малкольм говорит: «Спасибо, мой дорогой друг, прикрывай нам спину, нам понадобится прикрытие. Обещаешь?»

Он пообещал, поклялся сделать это и точно так же оберегать Анжелику, пожелал им долгой и счастливой жизни и помахал рукой, последний из оставшихся на берегу. Как прав был Малкольм. Бедный Малкольм, неужели он предчувствовал беду?

— Пожалуйста, — мягко произнес он.

Не взглянув на письма, она положила их к себе на колени, снова сложила руки и замерла. Сквозняк шевелил выбившуюся прядь волос у виска. В остальном она была неподвижна как статуя.

Внимание Джейми привлекло звяканье монет. Скай открыл маленький мешочек. В нем оказались золотые гиней Английского банка и банкноты. Он вслух пересчитал их. Глаза Анжелики все так же неотрывно смотрели в черный провал сейфа.

— Двести шестьдесят три гиней. — Скай ссыпал их назад в замшевый мешочек. — Они должны немедленно перейти к миссис Струан — разумеется, она напишет вам расписку.

— Наверное, будет лучше всего, Небесный Наш, — сказал Джейми, — если мы, вы и я, отправимся повидать сэра Уильяма. Я никогда не занимался подобными вещами и не имею о них ни малейшего понятия... Анжелика, я надеюсь, вы понимаете меня, не так ли?

— Я тоже в них ничего не смыслю, Джейми, тоже плыву куда ветер гонит. Я знаю, что Малкольм был вашим другом, что вы были его другом, так же как являетесь и моим тоже. Он много раз говорил мне это. Пожалуйста, поступайте так, как считаете нужным.

— Мы пойдем к нему прямо сейчас, Джейми, — кивнул Скай, — чем скорее, тем лучше. Он может решить, кто является владельцем этих денег. Тем временем... — Он подошел к ней, чтобы передать ей мешочек, но она сказала:

— Возьмите его с собой, возьмите все и их тоже, — она протянула ему письма. — Оставьте мне только фотографию. Благодарю вас, мистер Скай. И спасибо вам, дорогой Джейми, я увижусь с вами, когда вы вернетесь.

Они подождали, пока она встанет, но она не шевельнулась.

— Вы ведь не собираетесь здесь оставаться, нет? Конечно же нет? — встревоженно спросил Джейми, от этого веяло чем-то жутким.

— Наверное, я останусь. Я провела так много времени здесь, в этой комнате, что она... она мне сочувствует. Дверь в мои комнаты открыта, если я... если мне понадобится отдохнуть. Только, пожалуйста, заберите с собой А Ток, бедняжку, и скажите ей, пусть не приходит сюда больше. Несчастливая женщина, ей нужна помощь. Попросите доктора Хоуга осмотреть её.

— Вы хотите, чтобы мы закрыли дверь?

— Дверь? О, это не важно, да, если хотите.

Они сделали, как она просила, убедились, что А Ток передана с рук на руки Чену, который и сам ещё не пришел в себя от горя и был весь в слезах, и вышли на Хай-стрит; оба почувствовали облегчение, очутившись на свежем воздухе, но каждый был погружен в свои собственные мысли. Скай строил планы и просеивал зыбучие пески, лежавшие впереди; Джейми был пока не в состоянии планировать, его обычно столь быстрый ум пожирала

боль случившейся трагедии и, он не мог понять почему, тревога за «Благородный Дом».

Что в ней появилось такое? — спрашивал он себя, не замечая ни улицы, ни порывистого ветра, ни прибоя, шуршащего галькой на берегу, ни запаха гниющих водорослей. Печаль идет ей. Может ли так быть, что...

Она теперь женщина! Вот в чем разница, в ней появились глубина и внутренняя сила, которых не было раньше. Она женщина, уже не девушка. Разразившаяся ли катастрофа тому причиной или то, что она перестала быть девственницей — говорят, на этом переломе наступает, или должно наступать, загадочное, мистическое преображение. Или и то, и другое вместе, да ещё, может быть, перст Господень, который помогает ей приспособиться?

— Чёрт, — невольно вырвалось у него в продолжение своих мыслей, — а что если она носит ребенка?

— Ради неё самой, я молю Бога, чтобы так оно и было, — заметил шагавший рядом человек.

Когда они ушли, Анжелика закрыла глаза и несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула. Скоро она успокоилась, встала, заперла дверь на задвижку, потом открыла свою. Её кровать была застелена, на туалетном столике стояли свежие цветы в вазе. Она вернулась в комнаты Малкольма, заперла дверь в свою спальню и села в его кресло.

Только тогда она посмотрела на фотографию — в первый раз она видела его родителей. На обороте стояла дата: 17 октября, 1861. Прошлый год. Кулум Струан казался гораздо старше своих сорока двух лет, Тесс не была ни молодой, ни старой, бледные глаза смотрели прямо на Анжелику, тонкая линия губ доминировала на лице.

В этом году Тесс исполнилось тридцать семь. Как буду выглядеть я, когда мне исполнится столько же — через девятнадцать лет, почти вдвое больше, чем мне сейчас? Появится ли у меня та же литая жесткость чёрт, которая кричит о браке без любви и непомерной тяжести семейных отношений — она ненавидит отца и братьев, они ненавидят её, обе стороны пытаются разорить друг друга, — а ведь в её случае все началось так романтично, побег и венчание в море, как у нас, но, о, Боже мой, с какой разницей.

Она подняла глаза на окно и на залив, полный кораблей: торговый пароход покидал порт — капитан и офицеры стояли на мостике, пакетбот со всех сторон окружали посыльные суда, она увидела катер Струанов и «Гарцующее Облако». Изящный корабль, которому не терпелось подняться

якорь и поднять паруса, чтобы улететь, оседлав дикие ветра. Именно так Малкольм всегда говорил про их клиперы, подумала она, что клиперы летят, оседлав дикие ветра.

Она закрыла глаза, потерла их кулаками и посмотрела снова. Ошибки не было. Весь день её глаза видели с неожиданной, поразительной ясностью и четкостью. Она заметила это, едва проснувшись сегодня утром, каждая деталь её комнаты отчетливо представилась ей: занавеси, увядшие цветы в вазе, мухи кружат, их четыре. Через какие-то секунды раздался голос А Со: «Мисси? Знахарский врач хочет вас видеть, хейа?» — словно слух её тоже стал острее, и это звук шагов А Со мягко пробудил её ото сна.

Что было ещё более странным, так это пришедшая к ней вдруг ясность ума; вся тяжесть будто бы исчезла, не печаль, печаль оставалась, но с какой четкостью её разум теперь рассматривал проблему за проблемой, без оцепенения, никогда не смешивая их, предлагая решения, ответы — и ни разу она не ощутила привычного страха, от которого начинало ныть сердце, даже намек на страх.

Тревогу — да, по-другому, понятно, и быть не могло, но больше никакой тошнотворной паники и нерешительности.

Теперь она могла вспомнить тот день и ту ночь во всех подробностях, без давящей, нечеловеческой, омертвевшей незаполненности. Во мне умерла способность что-то чувствовать? Навсегда? Правда ли то, что сказал сегодня утром доктор Хоуг: «Не волнуйтесь, вы излечились от всех недугов. Покуда вы способны плакать время от времени и не бояться мысленно возвращаться назад, если того желает ваш разум, жизнь ваша будет прекрасна, день ото дня все лучше и лучше. У вас есть молодость и здоровье, вся жизнь впереди, открыта перед вами...»

Mon Dieu, какие банальности они вечно твердят, эти доктора. После Хоуга Бебкотт. Опять то же самое. Он был внимателен, высок и нежен — нежность, которая легко могла превратиться в страсть, позволь она это. Больше никакой страсти, подумала она, не раньше, чем я буду свободна. И в безопасности. Свободная и в безопасности.

Её тело отдохнуло. Никакой слепящей боли в голове, совсем никакой, никаких пронзительных криков внутри. Она сразу же поняла, где она, кто она и почему была здесь, и почему одна, и что случилось. Пережила все снова, наблюдая себя в этом дневном кошмаре, чувствуя все, но как бы издалека, не участвуя в этом по-настоящему: она видела, как её разбудил пронзительный вой Чена, с корнем выдрал её из сна, видела, как она в панике трясет Малкольма за плечо, пытаясь разбудить и его тоже, потом замечает кровь у себя на ногах, холодеет от страха при мысли, что порез

был слишком глубоким, и тут же соображает, что это он, это его кровь и что он мертв, мертв, мертв.

Она выпрыгивает из постели нагой, не замечая этого, обезумев от ужаса и пронзительно крика, не веря своим глазам и ушам, молясь про себя, чтобы все это оказалось дурным сном, в каюту врываются другие люди, А Со, А Ток, кто-то прикрывает её наготу, голоса, крики, вопли, вопросы, вопросы без конца, пока каюта не обрушилась на неё и она не провалилась в черную пустоту и ужас. Потом капитанский мостик, она мерзнет и горит огнем, и вопросы, и никаких ответов, её рот на замке, голова объята пламенем, запах крови, вкус крови, кровь на её бедрах, руках, в её волосах, и бунтующий желудок.

А Со помогает ей сесть в ванну, вода прохладная, её никак не нагреют достаточно, чтобы смыть его смерть, новый приступ рвоты, потом слепящий яд наполнил её, увлек под воду, пока она не очнулась и не увидела себя орущей во весь голос на Хоуга, живое воплощение уродства, о, как он уродлив.

Дрожь пробежала по её телу. Неужели я должна буду стать такой же, когда состарюсь? Во сколько лет наступает старость? Для некоторых довольно рано. Что именно она говорила Хоугу, она даже сейчас не могла вспомнить, помнила только, что яд вдруг хлынул из неё стремительным потоком и, когда он иссяк, пустоту заполнил глубокий, здоровый сон.

Мне есть за что благодарить Хоуга и ненавидеть Бебкотта — это с его снотворного началось мое погружение в отчаяние. Мне больше не страшно, и я не чувствую в себе отчаяния, не знаю почему, но это так благодаря Малкольму, и Хоугу, и этому неопрятному маленькому адвокату, у которого так пахнет изо рта, и Андре. Андре по-прежнему мудр, он по-прежнему мое доверенное лицо и останется им, пока я буду платить. Да, он шантажист. Это не имеет значения. Чтобы помочь себе, он вынужден защищать меня, а потом... что ж, есть Бог на небесах, и жернова мельницы Господа мелют медленно, но мелют очень мелко.

Мне кажется, теперь я могу справиться со своей жизнью, если буду осторожна.

Пресвятая Дева, мы так давно договорились, что я сама должна помогать себе и не могу зависеть от одного или нескольких мужчин, как мои остальные несчастные сестры. Я знаю, что я грешница. Малкольм был по-настоящему единственным человеком из всех, кого я встречала, кто был мне действительно нужен, кого я любила и за кого по-настоящему хотела выйти замуж, любила так, как только может любить глупенькая девочка-подросток. Правда ли, что первая любовь — это истинная любовь? Или

любовь это зрелое чувство, доступное лишь взрослым? Я теперь взрослая. Была ли моя любовь к Малкольму взрослой? Я думаю да, я так надеюсь, что да.

Но мой дорогой мертв. Я принимаю это. И что теперь?

Тесс? Гонконг? Андре? Горнт? Дом? Тесс?

Все по порядку.

Сначала мой любимый должен упокоиться с миром. Как подобает.

Сейф был ей хорошо виден, дверца его была закрыта, но не заперта. Она встала, подошла и открыла её настежь. Вытянув руку, она коснулась маленькой, скрытой выемки в глубине сейфа. Часть левой стенки отошла в сторону. В открывшейся полости лежали ещё бумаги, другая личная печать, ещё один мешочек с монетами и банкнотами. Бутылочка с его лекарством. Маленькая коробочка.

Неделю назад Малкольм с улыбкой показал ей это тайное углубление.

— Прятать мне пока особенно нечего, все важные бумаги в Гонконге у матери, записи о том, каким должен быть тайпэн, копия завещания отца, завещание матери и так далее, печать тайпэна. Это, — он пожал плечами, глаза его сияли, — это для разных пустяков и тайных подарков, которые я, возможно, буду делать тебе, если ты будешь очень хорошей девочкой и станешь любить меня до беспамятства...

Она открыла коробочку. Золотое кольцо с рубинами. Не слишком ценное, но достаточно дорогое. Бумаги были деловыми документами, в которых она ничего не понимала, столбцы цифр.

И никакого завещания.

Чёрт, подумала она про себя без всякой злости. Это значительно бы все упростило для меня в будущем. Андре особенно подчеркнул это.

Сегодня утром Варгаш пригласил его к ней по её просьбе; она выбрала его имя из списка тех, кто заходил и оставил свои визитные карточки.

— Мсье Варгаш, сначала моего портного, я должна срочно заказать траурные одежды, после него мсье Андре, потом — мистера Ская... не нужно беспокоить мистера Макфея, пока я не пошлю за ним. Для всех остальных я отдыхаю, и, мсье, — добавила она на всякий случай, — пожалуйста, отнесите ко всему этому со всей осмотрительностью и скромностью, какой, как говорил мне муж, вы обладаете. Я приму каждого в кабинете тайпэна.

Она заметила, как сверкнули глаза Варгаша при этом слове, но он промолчал, поэтому ей не понадобилось проявлять твердость. Кабинет был выбран после тщательных раздумий, и когда старый портной вошёл вместе с Варгашем, она сказала:

— Пожалуйста, спросите его, сколько времени займет изготовление траурного платья, черного, такого, как это. — Она была в темно синем платье с длинными рукавами и высоким воротом.

— Он говорит, три дня. Траурное, сеньора? Цвет траура в Китае белый.

— Я хочу, чтобы оно было черное. Из шелка. И готово завтра.

— Через три дня.

— Если он возьмет мое другое платье, бледно-голубое, то, которое он сшил для меня, и покрасит его в черный цвет, сколько это займет?

— Он говорит, два дня.

— Скажите ему, вдове тайпэна «Благородного Дома» требуется такое черное платье завтра. Завтра утром.

Старый китаец вздохнул, поклонился и вышел. Затем Варгаш объявил о приходе Андре Понсена.

— Здравствуйте, Андре.

— Здравствуйте. Я никогда не видел вас более прекрасной. Это было сказано искренне, не как комплимент.

— Мне нужен совет, скорый, тайный. Мы должны действовать очень быстро, очень разумно. Мой брак законен, да?

— Мы так полагаем, что да, согласно британским морским законам. Мы не уверены насчет французского закона. И то и другое — серые области.

— Я не понимаю.

— Могут быть оспорены. Если возникнет разногласие между французскими и английскими законниками, британский закон останется главенствующим. Тот факт, что он несовершеннолетний, — как вы оба, по сути, но в данном случае определяющую роль играет он, прошу прощения, — и его неподчинение письменным требованиям своего законного опекуна означает, что правомочность брачной церемонии, вероятно, будет оспорена.

— Где? Здесь? Кем?

— Тесс Струан. Кем же ещё? — произнес он с издевкой.

— Смерть Малкольма для вас не имеет никакого значения, не так ли?

— Как раз наоборот, она безмерно усложнила мою жизнь, мадам, — добавил он, впервые назвав её так. — Это серьезное осложнение для нас обоих.

Она решила принять его, сидя за рабочим столом Малкольма и в его кабинете, потому что её будущее было поставлено на карту и она должна была иметь в своём распоряжении всю дьявольскую хитрость этого человека и ещё много сверх того. В своей комнате она была бы менее

уверена в себе, хотя обычно в будуаре она чувствовала себя уверенней всего. Не поэтому ли мужчины имеют кабинеты, а мы ограничены кушеткой и женственным интерьером полуспальни?

— Как можно опять все упростить, Андре?

— С первым осложнением вы уже справились.

Когда она в горе спешила укрыться в миссии, он перехватил её и почти волоком втащил к себе в кабинет, набросившись на неё с проклятиями, едва была закрыта дверь, зло тряс её и говоря: «Ты что, с ума сошла, сука бестолковая? Возвращайся в его дом, оставайся там и не смей трогаться с места, тебе нельзя прятаться здесь или ты погубишь себя! Возвращайся туда, дура, мы встретимся позже и поговорим, только, ради Христа, ничего не подписывай и ни на что не соглашайся, ну, шевелись, убирайся отсюда!»

— Вы были совершенно правы, Андре, — сказала она, не сердясь на него за грубость и жестокость, прекрасно все понимая. — Спасибо, что вы сказали мне все так, чтобы это дошло до меня, пробились через мою боль. Это было первое. Что дальше?

Морщины на его лбу стали глубже. Это была новая Анжелика, неизвестная её сторона и неожиданная. Раньше он дважды видел такую перемену в мужчинах, ни разу в женщине. Оба были вражескими шпионами, которых отпустили после страшнейших пыток. В качестве объяснения врачи могли предложить только одно: эти люди перестали бояться, бояться новых пыток, бояться смерти. Их подтащили к самому краю, и они выжили и были теперь убеждены, вне всяких сомнений, что выживут снова, что бы с ними ни делали, или умрут, а это уже не имело значения. Врачи сказали, что сама смерть перестала иметь значение до того дня, отделенного от них неделями, месяцами или годами, когда первобытный ужас снова поднимет в их душе свою мерзкую голову, как это обязательно должно было произойти.

Бедная Анжелика, она сидит передо мной такая уверенная, такая величественная. Настанет день, когда все это выплеснется наружу, разорвет тебя на куски. Справишься ли ты с этим или окончишь свои дни в сумасшедшем доме?

Сам он раньше готов был поспорить, что столько бед окажутся непомерным бременем для такой юной девушки: побег отца, похищение приданого, изнасилование и беременность, убийство насильника у неё под окном и вот теперь ещё одна ужасная смерть, о которой он и все Поселение знало в самых ярких подробностях. Он и Сератар тогда ожидали, что её рассудок помутится, по крайней мере на несколько месяцев, до сих пор ждали, когда это произойдет, так и не поверив Хоугу, которого

подробнейшим образом расспросили обо всем.

Если Хоуг способен сотворить это чудо, со злостью подумал он, почему врачи не могут вылечить эту растреклятую английскую болезнь? Это несправедливо.

— Жизнь несправедлива, не так ли?

— Да, — кивнула она. — Совсем несправедлива.

— Он оставил завещание, указав в нем вас как свою наследницу?

— Я не знаю. Малкольм никогда не упоминал о завещании.

— Анжелика, в будущем, говоря о нем, называйте его своим мужем, а себя — его вдовой.

— Зачем?

— Чтобы установить, помочь установить своё право на его имущество. — Он увидел, как она кивнула, поражаясь её самообладанию. Не воля ли это Господа, что она имеет силы казаться такой спокойной?

— Если никакого завещания нет, это что-нибудь меняет?

— Мы пытаемся выяснить это. Было бы лучше всего, если бы имелось такое, которое назначает вас наследницей. Это было бы лучше всего. Далее, вы должны вернуться с... с его останками в Гонконг. Будьте готовы к тому, что его мать поведет себя враждебно — на людях старайтесь быть с ней дружелюбной. Вы должны присутствовать на похоронах, разумеется, в соответствующем облачении. — Здесь он добавил: — Возможно, Анри мог бы дать вам письмо к нашему послу, вы уже знакомы с ним?

— Да. Мсье де Жеруар. Анри «мог бы»? Что за письмо он мог бы написать для меня?

— Если бы Анри удалось убедить, по его настоятельной рекомендации вы могли бы быть отданы под защиту Жеруара как подопечная государства. По моему глубокому убеждению, вы являетесь законной вдовой покойного тайпэна, Малкольма Струана. Если Анри уверенно поддержит нас, это могло бы стать государственной политикой.

— Значит, мне нужна серьезная поддержка?

— Я в этом уверен. Анри — нет.

Она вздохнула. Она и сама пришла к тому же выводу. Но государственная политика? Это была новая идея, возможность, которую она не учитывала. Государственная политика означала бы защиту Франции. Это стоило чего угодно — нет, ничего угодно.

— Что я могла бы сделать, чтобы уговорить Анри?

— Я мог бы сделать это для вас, — ответил он. — Я бы попытался.

— Тогда, пожалуйста, приступайте немедленно. Сегодня вечером вы мне скажете, что я могу сделать взамен. Время перед обедом вас устроит

или завтра утром — когда хотите.

Говорить больше было не о чем. Завтрашний день подошел бы лучше, сказал ей Андре и откланялся; и перед тем как принять следующего гостя, мистера Ская, она откинулась на спинку кресла и улыбнулась в потолок, гадая, какова будет цена.

Подопечная французского государства? Ей понравилось, как это звучит, ибо она понимала, что ей понадобится вся помощь, какую она сможет отыскать, чтобы вступить в сражение с великаншей-людоедом из Гонконга...

И сейчас, свернувшись калачиком в другом кресле Малкольма, в апартаментах тайпэна наверху, заперев дверь изнутри, она почувствовала, что это идея нравится ей ещё больше, и снова стала гадать о цене. Это будет стоить дорого. Этих золотых монет, о которых никто не знает, будет достаточно для начала, потом рубиновый перстень, теперь у меня есть печать, печать Малкольма.

Она положила все на место и заперла тайник.

Удовлетворенная прогрессом, достигнутым в первый день её новой жизни, она закрыла глаза и уснула без сновидений. Разбудил её стук в дверь. Часы показывали почти половину пятого.

— Пожалуйста, кто это?

— Джейми, Анжелика.

Волна радостного ожидания окатила её. Оставайся спокойной, предостерегла она себя, отпирая дверь, лед, на который ты ступила, очень тонок, а черная вода под ним сулит смерть.

— Хеллоу, Джейми, дорогой, входите, прошу вас. — Она снова опустилась в кресло мужа, показав ему на кресло напротив, в котором всегда сидела сама. Эта перемена доставила ей удовольствие. — Вы выглядите таким измученным, таким печальным.

— Я все никак не могу свыкнуться с мыслью о его смерти и, ну, со всеми переменами, Анжелика.

— Да. Это очень трудно.

— Вы тоже изменились. Позвольте... позвольте мне сказать, какая вы удивительная, такая сильная и, ну, вы знаете.

— В том-то вся и проблема, Джейми, что не знаю. Я знаю лишь то, что случилось, и могу принять это, приняла это. Мои слезы... мне кажется, я, наверное, выплакала все слезы, отпущенные мне в этой жизни. Поэтому пока что никаких слез. Вы виделись с сэром Уильямом?

— Да. Скай сказал, что вернется сюда около шести, если это удобно. — Он видел, как она рассеянно кивнула.

— Он ведь вам не нравится, Джейми, правда?

— Мне вообще не нравятся адвокаты, их появление всегда предвещает неприятности, хотя он не плохой человек. Я думаю, он вам вполне подойдет. Если почувствуете тревогу, сообщите мне немедленно. Мал... Малкольму он нравился, и вам нужен кто-то, кто будет вас представлять.

— Мне и самой трудно произносить его имя, Джейми, и говорить «муж» ничуть не легче. Даже труднее. Не нужно стесняться.

Джейми уныло кивнул и достал письма.

— Сэр Уильям сказал, что эти письма являются частью его имущества, как и деньги. Он не смог вынести определения по юридической стороне — он напишет со срочной почтой генеральному стряпчему Гонконга, — но сказал, что не видит причин, почему бы не передать вам эти письма, если вы пообещаете не уничтожить их. Что же до соверенов, оставьте их себе — я сказал ему, что, по-моему, у вас сейчас нет своих денег, — но он просит, пожалуйста, напишите ему расписку на эту сумму.

— Все что угодно. Он прочел их?

— Нет, их никто не читал. — Секунду помедлив, он положил их на каминную полку. — Есть ещё пара вещей, мы договорились ещё кое о чем — вы хотели бы услышать о них сейчас или... я вполне могу вернуться позже.

— Нет, я чувствую себя хорошо. О чем вы договорились, Джейми?

Он сделал глубокий вдох: все его существо восставало против того, что ему приходится говорить ей все это, но это был его долг.

— Посоветовавшись с сэром Уильямом, Бебкоттом и Хоугом, мы отдали распоряжения завтра отправить тело назад в Гонконг, где оно будет похоронено; мы все согласились — таково наше общее мнение, — что это наилучшее решение. Все возможное будет сделано, уже делается, чтобы облегчить вам это путешествие и, насколько это возможно, помочь его вынести. Доктор Хоуг отправится с вами, он проследит, чтобы вы были в хороших руках. — Улыбка Джейми была пустой, его лицо — отражением несчастья. — Не могу даже высказать, как мне горько из-за всего этого. А Со со временем займется укладкой ваших вещей, Чен поможет, если будет нужно, и упакует все, что должно отправиться с кораблем, который отплывает с вечерним отливом. Тем временем, если вам что-нибудь понадобится, скажите только слово.

Он увидел, как её взгляд опустился на руки, тонкие пальцы вертели печатку Малкольма на безымянном пальце. Бедная Анжелика, у неё нет даже нормального обручального кольца.

— Что ж, вот и все пока... Хотите, я составлю вам компанию сегодня

за ужином?

— Благодарю вас, но нет, я поем здесь, или в столовой, или у себя, однако, пожалуйста, присядьте. Прошу прощения, но мы ещё не закончили. Моего мужа не повезут обратно в Гонконг, чтобы похоронить там. Он будет похоронен здесь. Ни мой муж, ни я никогда больше не поднимемся на борт «Гарцующего Облака».

Она видела его взгляд, но это не отвлекло её от принятого утром решения: столкновение должно произойти при первом же упоминании об их распоряжениях.

— Вы хотели бы получить от меня распоряжения насчет похорон сейчас или предпочли бы выслушать их позже?

— Но все уже сделано, — возразил он, — распоряжения уже отданы. Так лучше всего, мы все посчитали, что так будет лучше всего, и мы... мы знаем, что так будет лучше для вас и для всех. Миссис Струан, без сомнения, отнесется к этому с одобрением и, конечно же, захочет, чтобы его похоронили дома, в Гонко...

— Миссис Струан? Я миссис Струан. Вы имеете в виду другую миссис Струан, Тесс Струан, другую миссис Струан? — Она говорила совершенно бесстрастно. — Её слово не является решающим в данном вопросе. Я его вдова и стою в этом выше его матери.

— Бог мой, Анжелика, только потому, что Скай считает, будто вы...

— Это не имеет никакого отношения к мистеру Скаю, Джейми, он не предлагал этого, и я не консультировалась с ним. Пока. Но я знаю свои права и желания своего мужа, и они будут выполнены.

— Но... но... — Джейми был настолько потрясен, что никак не мог выговорить слова; потом они хлынули потоком: — но вы не можете отменить то, что сэр Уильям и... и док Хоуг, и Бебкотт, и я считаем наилучшим для вас и для него, что, как мы уверены, лучше и для вас, и для всех. Вы переутомились, Анжелика. Это лучшее решение, Анжелика, действительно лучшее.

— Переутомилась? Я? Какой вы глупый, Джейми. — Она позволила себе едва заметную, холодную как лед улыбку. — Я вовсе не переутомилась. Я просто собираюсь выполнить желания моего мужа.

— Но все готово, «Гарцующее Облако» готово к отплытию, и... все готово.

— Я рада, что клипер готов. Обязательно отправьте корабль прямо сейчас, его мать должна услышать ужасную весть как можно скорее — вам следует сделать это самому, Джейми, отправляйтесь с «Гарцующим Облаком», вы здесь старший, это надлежит сделать вам. Умоляю вас, не

дожидайтесь завтрашнего дня, отправляйтесь сегодня же вечером, вы сможете сообщить ей это ужасное известие, тогда ей будет не так больно. Вы должны.

— Конечно, я так и сделаю, если в этом будет необходимость, — ответил он, содрогаясь от этой мысли. — Но, Анжелика, это же смешно, вы не можете говорить серьезно, вы должны понимать, что так будет лучше всего! Боже Милостивый, Анжелика, вы должны понять, что это...

— Лучше для вас и для других, возможно, но не для моего мужа и потому не для меня. Он имеет право быть похороненным так, как он...

— Вы должны позволить нам сделать так, как будет лучше всего, его тело от...

— Тело моего мужа не вернется, не вернется на этот корабль, как и я тоже, — тихо произнесла она. — Скажите мне, старый друг, если бы я отправилась на нем, как вы предлагаете, где бы я жила на борту? В главной каюте?

Он потрясённо уставился на неё, эта проблема не приходила ему в голову.

— Нет, конечно же нет, — быстро ответил он, — разумеется, вы сами бы выбрали себе лучшую каюту. Я гарантирую, что все бу...

— Я гарантирую, что все до последней мелочи будет сделано так, как пожелал мой муж.

Джейми вытер лоб, голова его работала как никогда раньше; он чувствовал легкую дурноту и был сбит с толку, тогда как было очевидно, что она полностью владела собой. Неожиданная мысль.

— Возможно, вы правы. «Гарцующее Облако» — плохой выбор, возможно. Мы зафрахтуем другое судно... погодите-ка, пакетбот должен отплыть послезавтра, мы закажем на нем место для вас, Хоуга и... и для него, а я уговорю капитана отплыть раньше. Завтра. Это разрешит все проблемы, верно?

— Нет. — Она устало вздохнула. — Извините, Джейми, нет. — Теперь в её голосе появилась чуть уловимая резкость, которая, впрочем, отчетливо слышалась. — Пожалуйста, поймите меня, нет. Нет! Он будет похоронен здесь, как пожелал бы сам. Послезавтра.

— Вы не можете. Миссис Струан... то есть Тесс Струан необходимо дать время. Мы пошлем «Гарцующее Облако» за ней, она захочет присутствовать на похоронах, должна присутствовать.

— Вы можете делать что хотите, но мой муж будет похоронен послезавтра так, как он бы пожелал — я не думаю, что за этот срок можно успеть сделать то, что вы предлагаете. Я не собираюсь спорить с вами.

Извините, старый друг, но это вы переутомились, и я прекрасно могу вас понять. Пожалуйста, попросите сэра Уильяма и мистера Ская зайти ко мне сейчас, как можно скорее, и я улажу это дело официально.

— Ради Создателя, семейный склеп находится в Счастливой Долине, там похоронены его дед, отец, братья и сестры.

— Джейми, я устала повторять: пожалуйста, пригласите сэра Уильяма и мистера Ская прийти сюда как можно скорее. Вместе.

Он не знал, что ему делать, поэтому беспомощно пожал плечами и вышел.

Несколько минут она сидела неподвижно и глубоко дышала. Получилось не так плохо, подумала она, потом потянулась, встала и прошла в свою комнату. Там она выбрала чистое платье, строгое, темно-серое, и положила его на кровать. Ветер загремел оконными рамами, но она не почувствовала холода. Зеркало манило её к себе. Она рассмотрела своё отражение. Критично. Без улыбки. То, что она увидела, доставило ей удовольствие. И та новая Анжелика, какой она стала, тоже понравилась ей. Это было похоже на примерку нового платья — нет, новой кожи.

— Надеюсь, это не износится, — сказала она своему отражению. — Мы должны много трудиться, чтобы это не изнашивалось. Эта я лучше, чем та, другая.

Затем она взяла первое из писем, писем Тесс Струан. Его письмо она хотела оставить напоследок.

Лицо сэра Уильяма было каменным. Как и лицо Джейми. Доктора Хоуг и Бебкотт хмурились. Глаза Небесного Нашего ошеломленно посверкивали. Все они сидели в креслах перед рабочим столом Малкольма. Она смотрела на них из его высокого кресла, крошечная, но прочно обосновавшаяся в нем. Платье более темного цвета, чем раньше, рукава в три четверти, квадратный вырез шеи, спина прямая, прическа безупречна. Без косметики и непостижимо величественная.

— Послезавтра? — переспросил сэр Уильям.

— Да, пожалуйста, — ответила она. — Моего мужа не следует выставять надолго для того, чтобы люди могли отдать ему последнюю дань уважения, если они пожелают это сделать. Разве три дня не обычный срок, доктор?

— Как правило, да, Анжелика, — сказал Хоуг. — Но мы уже позаботились о том, чтобы сохранить тело на пути домой. Все будет хорошо, вам не о чем беспокоиться. — Он добавил мягко: — Ему действительно следует быть похороненным там, поверьте. Мы все так

считаем.

— Вы набальзамировали его? Так скоро?

Оба врача неуютно пошевелились. Хоуг ответил:

— Нет, обычно это не применяется. Используется... э-э, используется лед, чтобы обеспечить сохран...

— Вам бы пришлось по сердцу быть упакованным в лед и отправленным в Гонконг, как баранья туша из Австралии?

Напряженность в комнате нарастала, мужчины испытывали невообразимое чувство неловкости. Её голос оставался тихим, твердым и дружелюбным, что ещё больше бесило их. Кроме Ская, в глазах которого она вырастала в фигуру совершенно иной величины.

— Дело не в этом, мадам, — возразил сэр Уильям. — Ради его блага и блага семьи мы считаем разумным провести похороны дома.

— Он ведь восхищался своим дедом, тайпэном, не так ли?

— Совершенно справедливо, — ответил сэр Уильям. Он вдруг расслабился, и все его тревоги исчезли, потому что теперь у него был ответ на эту головоломку, что бы она ни говорила. — Это всем известно. Почему вы спрашиваете?

— Много раз и в разных выражениях Малкольм говорил, что хотел быть похожим на него, хотел, чтобы его так же помнили, как деда, и так же похоронили. И именно так все и будет.

— Очень верно и разумно. — Сэр Уильям сухо добавил: — Его дед покоится в семейном склепе на кладбище в Счастливой Долине. — Он добавил мягко: — Анжелика, я согласен, что и для него должно быть сделано то же самое. Теперь я пони...

— Но Дирк Струан не был похоронен в Гонконге, — сказала она, заставив их всех вздрогнуть от удивления. — О, я знаю, что его имя выгравировано на камне, но похоронен он в море. Мой муж будет похоронен в море тем же способом.

— Простите, Анжелика, но вы ошибаетесь, — вмешался Джейми. — Я был там, я тогда только что получил место в торговом доме Струанов, новичок в китайской торговле, недавно прибывший из Англии, и присутствовал на похоронах. Это было грандиозное событие, весь Гонконг собрался там. Было даже огромное похоронное шествие в Китайском городе, организованное отдельно Гордоном Ченом.

— Простите, Джейми, но вы ошибаетесь. В склеп был помещен пустой гроб, его похоронили в море вместе с его любовницей, Мэй-мэй, в международных водах на удалении от Гонконга. — Она почувствовала, как слезы подступили к глазам. Никаких слез, приказала она себе, пока рано. —

Он был похоронен в море. Это был христианский обряд, свершенный по всем правилам, как он того желал, а свидетелями были Кулум и Тесс Струан, Гордон Чен и Аристотель Квэнс.

— Это невозможно, — произнес Джейми.

— О нет, это возможно, и именно это и произошло. Отцы вашей Церкви отказались дать своё разрешение на то, чтобы их погребли вместе, отказали им в христианских похоронах в освященной земле Счастливой Долины.

— Но, Анжелика, я видел похороны. Он был похоронен там, я не знаю, где похоронили Мэй-мэй, но я согласен: её с ним не было.

— Вы видели представление, Джейми, гроб был пуст.

— Это чепуха, — сказал сэр Уильям.

— Отцы Церкви были непреклонны в отношении совместного погребения, — продолжала она, словно не слышала его. — Это было нечто неслыханное. У них и в прошлом имелось много поводов негодовать на Дирка Струана, как вам хорошо известно, сэр Уильям, но это было уже слишком. В своём завещании, части его Завета, который передается от тайпэна к тайпэну, он написал за две недели до смерти, что, если он и Мэй-мэй умрут вместе, их должно похоронить вместе, что он намеревался жениться на ней и...

— Он своей рукой написал это? Он собирался жениться на ней? — выпалил сэр Уильям. Остальные были поражены не меньше его, ибо даже сегодня брак с китаянкой был немыслим — остракизм был бы пожизненным, даже для Дирка Струана. — Он действительно написал такое?

— Да, — ответила она, заметив, что из всех них один Хоуг не разделял ужаса сэра Уильяма.

Англичане, все британцы, во многом такие ужасные люди, думала она. Такие лицемеры, слепые, бескультурные фанатики и так не похожи на нас, только одно и знают, что противиться всеми силами браку протестанта с католичкой, не говоря уже об их отвращении к смешанным бракам с народами их империи.

Зачем видеть в смешанном браке гнуснейший грех, хотелось закричать ей, когда каждый из вас открыто имеет туземных любовниц и детей от них, какое лицемерие! Мы никогда не были такими в наших французских колониях или в империи. Если француз женится на местной женщине, она становится не только его женой, но и французской подданной и в полной мере пользуется защитой французского закона. Мы даже поощряем смешанные браки, и правильно делаем. Мужчина есть мужчина, а женщина

— женщина, какого бы цвета ни была у них кожа, но только не для вас. Да охранит меня Господь от того, чтобы стать англичанкой, благодарение Богу, я никогда не смогу отказаться от своего французского гражданства, за кого бы я ни вышла замуж...

Что это я говорю, вздрогнув, подумала она, с усилием приходя в себя и возвращаясь сознанием в эту комнату и к врагам своего мужа. Потом у меня будет достаточно времени для такой роскоши.

— Я нахожу некоторые из британских представлений трудными для понимания, сэр Уильям, относительно смешанных браков, но, с другой стороны, я француженка. Если оставить это, похороны деда моего мужа зашли в тупик: ваша Церковь пришла в негодование и ни за что не соглашалась на совместное погребение. Новый же тайпэн, его сын Кулум, настаивал на нем — ни о чем ином, кроме христианского погребения по всем правилам, для Дирка Струана нельзя было даже подумать. Для Кулума это имело большее значение, чем для Тесс, которую очень тревожили посмертные желания Дирка Струана и его пренебрежение всеми условностями, составлявшими основу основ её веры. Её отец, Тайлер Брок, теперь самый могущественный негодник на острове, яростно выступал против, как и мать Тесс, большинство торговцев — тоже, по крайней мере публично, в душе они могли чувствовать иное. Губернатор занял сторону Церкви.

— И совершенно справедливо, — тихо проговорил сэр Уильям.

— Да, — кивнула она. — Если бы Гонконг был католическим, моя Церковь была бы столь же враждебно настроена. Таким образом, колонии угрожал скандал, а это при том, что весь Гонконг лежал в руинах после тайфуна и льда нигде было не раздобыть, — язвительно добавила она.

Все опять заерзали в креслах, кроме Ская, который, сгорбившись, сидел в своём с той же чуть заметной улыбкой. Бебкотт мягко заметил:

— Это нормальная, правильная медицинская процедура для важных особ в подобных обстоятельствах, Анжелика. Ваш муж был и остается для нас важным. Вы должны верить этому.

— Я верю. — Она отвела глаза от него и, как и раньше, обратилась к сэру Уильяму, продолжая тем же размеренным тоном: — Чтобы выйти из тупика, был придуман компромисс. Этот компромисс подготовили Аристотель Квэнс и Гордон Чен, он был устным, ни слова не было записано. Без шума — следовало бы сказать «тайно», потому что именно так все и было обставлено, тела доставили на «Китайское Облако». Англиканская церемония была проведена военным капелланом и капитаном Орловым. Это были настоящие христианские похороны. Дирк

Струан и его любовница, Мэй-мэй Шень, были похоронены вместе, как он и желал.

— Если это было такой тайной, откуда вы знаете, что это правда?

— Это было занесено в корабельный журнал, сэр Уильям, который немедленно поместили в личный сейф тайпэна, а все свидетели, Кулум и Тесс Струан, Аристотель Квэнс и Гордон Чен, и, разумеется, минимум команды, имевшийся на борту, дали священную клятву хранить молчание. Капеллан, имени его я не знаю, незамедлительно был отослан назад в Англию. Другие похороны прошли со всей пышностью, приличествовавшей тайпэну «Благородного Дома».

Комната погрузилась в молчание, нарушавшееся лишь вздохами ветра за окном — день снаружи был ясный. Сэр Уильям спросил:

— Вы видели этот журнал?

— Нет, и я не говорила с... с его матерью об этом.

— Тесс Струан могла бы подтвердить это или Гордон Чен, если бы они согласились нарушить данную ими клятву и если бы захотели.

Скай выпрямился в своём кресле.

— Сегодня утром миссис Струан спросила меня, правдива ли эта история, которую ей поведал её покойный супруг. По счастью, я оказался в состоянии подтвердить некоторые детали.

— И вы знаете, что это правда?

— Я случайно встретился с одним членом команды, который менее остальных был склонен хранить тайну. Это матрос, Хеннери Фэрчайлд, — я не имею представления, жив он ещё или умер, но когда я впервые прибыл в Гонконг, сэр Уильям, я особенно позаботился о том, чтобы узнать все, что только было возможно, о «Благородном Доме», Броках, Квэнсе, о том, как был основан Гонконг, и о... о различных правонарушениях, имевших место в высших сферах.

Сэр Уильям кивнул с кислой миной, находя его гнилые зубы и дурной запах изо рта ещё более отвратительными, чем обычно. Он знал о некоторых грязных скандалах, скрытых от общественности, которые предшествовали его появлению здесь.

— Это показания с чужих слов.

— Они не имели бы большого веса в суде, сэр Уильям. Но это правда.

Как быть? — спрашивал себя министр. Я обязан принять правильное решение, клянусь Господом. Суд Париса? Нет, все это тайфун в винном бокале.

— Очень хорошо, мадам, мы обязательно должны уважать его желания. Джейми, немедленно отошлите тело в Гонконг для погребения в

море, немедленно, — сухо распорядился он и подумал: как только оно окажется там, Тесс Струан может сколько угодно напускаться на Анжелику Струан, и чёрт меня побери, если я намерен вступать между ними. Какой бес вселился в Анжелику, никогда не видел такой перемены в человеке! — Вполне понимаю, что отправляться с «Гарцующим Облаком» вам не следует. Мы пошлем пакетбот.

— Благодарю вас, — спокойно произнесла Анжелика, — но нет, сэр Уильям. Мой покойный муж не будет отослан как туша, на льду, в Гонконг. Не будет.

— Клянусь Богом, мадам, если я отдам такой приказ, это произойдет.

— Верно, если вы отдадите такой приказ. Но, сэр Уильям... — она взглянула на Ская, — что говорит на сей счет закон?

— По закону, желания мужа, поддержанные его вдовой, будут иметь приоритет.

— Прежде чем я отвечу на это, сударь, существуют ли какие-нибудь доказательства? Их нет. Что же до приоритета, то перед кем? — язвительно осведомился он. — Перед миссис Струан, Тесс Струан, вы это хотите сказать? Нам следует полностью перестать брать её в расчет.

Скай открыл рот, чтобы ответить, но Анжелика знаком попросила его замолчать и сказала:

— Вовсе нет. Если бы «Гарцующее Облако» отплыл немедленно. Быстрый путь до Гонконга — это десять дней туда и десять обратно при хорошей погоде. Несколько дней в порту. Доктор Хоуг, может ли ваш... ваш лед, — с отвращением выговорила она, — сохранять бранные останки моего мужа в надлежащем состоянии все это время, чтобы его мать могла приехать сюда — если бы она пожелала приехать?

Хоуг думал о Дирке Струане и легендарной Мэй-мэй, его красавице возлюбленной, о смешанных браках и о том, как сам он жалел, что погубил свою жену, любовь всей своей жизни.

Он часто чувствовал себя убийцей. Его любовь к ней должна была бы оказаться достаточно большой, чтобы не жениться на ней, не забирать её от безопасной, спокойной жизни в Индии в этот кошмар, который, он знал это, станет концом их жизни. И стал.

Снова твое будущее лежит на чаше весов, Хоуг, старина. Поможешь ли ты этой девушке или Тесс Струан? Не забывай, это твоя вина, что тот проклятый убийца остался жить и напугал её чуть не до смерти.

— С медицинской точки зрения это возможно, но я бы советовал не делать этого, — сказал он, послав краем глаза предупреждение Бебкотту, чтобы тот не вмешивался. — Решение, сэр Уильям, должно по сути

определить, должен ли он быть отправлен назад или нет. Если нет, я думаю, его следует похоронить так, как... как желает его супруга.

Сэр Уильям колебался, раздраженный тем, что его решение проблемы не было принято.

— Анжелика, почему вы противитесь переезду вместе с телом в Гонконг если не на «Гарцующем Облаке», то на пакетботе?

— Я выступаю против потому, что тогда его ни за что не похоронят так, как он того желал, как похоронили его деда — его мать никогда не признает истинности рассказа, который вы только что слышали, ей нельзя признавать его. Я его вдова и говорю вам, что его желания — это мои желания, говорю от всего сердца.

Сэр Уильям сомневался в юридической правомочности как своего согласия, так и несогласия, и его очень сильно заботила Тесс Струан, её положение фактической главы «Благородного Дома», её письменное выступление против этого брака и что она предпримет, если тело не будет отослано в Гонконг.

Ну, во-первых, она поднимет страшный крик, подумал он, едва не поморщившись. Совершенно очевидно, что она захочет провести похороны там, они и должны состояться там, в море или нет и правдив или нет этот рассказ; и пятьдесят фунтов против гнutoго фартинга, что она постарается аннулировать этот брак, и у неё хорошие шансы добиться этого. Так что, бедная моя леди, хотите вы этого или нет, но положение ваше весьма и весьма шатко.

— Боюсь, что вы делаете уже само по себе трагичное событие ещё более сложным и запутанным, чем следует. Несчастный юноша может быть с тем же успехом похоронен в море в Гонконге, как и здесь. Посему наилучшим...

— Извините, что перебиваю вас, сэр Уильям, — вмешался Скай, потом добавил голосом блестящего королевского адвоката, ведущего перекрестный допрос: — Но если вы официально не оспариваете законности брака моего клиента, она безусловно имеет определенные права. Вследствие чего позвольте мне просить вас согласиться с тем, что пожелания её покойного мужа и её собственные должны превалировать в данном вопросе, и дать разрешение провести похороны здесь. — Потом, тем же голосом королевского адвоката, но уже заканчивающего итоговую речь от имени защиты, он произнес так мягко, с теплотой: — Малкольм Струан был нашим, он принадлежал Июкогаме не меньше, чем Гонконгу. Его трагедия началась здесь, здесь она и должна завершиться.

Несмотря на всю свою твердость, Анжелика почувствовала, как по

щекам побежали слезы. Но они не услышали от неё ни одного звука плача.

Целый час после того, как сэр Уильям и остальные ушли, Скай и Джейми спорили друг с другом. Она слушала. Все, что они говорили, уже ничего не могло изменить. Она проиграла. Вслед за страстным призывом Скай сэр Уильям объявил:

— Сожалею, но я ничего не услышал здесь сегодня, что заставило бы меня изменить своё мнение. Тело должно вернуться в Гонконг для погребения либо на «Гарцующем Облаке», либо на пакетботе. По вашему выбору, мадам. Настоящая встреча окончена.

— Если бы мы были в Гонконге, — с горечью говорил Скай, — я бы мог потребовать письменного постановления суда, для этого есть целая дюжина оснований, но здесь сэр Уильям и суд, и судья, и присяжные. У нас нет времени, чтобы съездить туда и вернуться, что бы мы ни делали.

— Значит, мы больше ничего не можем с этим поделать. — Джейми сидел хмурым, её рассказ потряс его. — Вам придется смириться с этим, Анжелика. Мы ничего не можем сделать, будь все это проклято.

— Я не могу ехать в Гонконг, и я должна присутствовать при погребении.

— Я согласен, — сказал Скай, кивая.

— Почему? Что вас может остановить, Анжелика? — спросил Джейми.

— Тесс Струан, — ответила она.

— Но что она может сделать? Она не может помешать вам пойти на похороны и не может разрушить ваш брак. В сегодняшней передовой статье Неттлсмита говорится, что он абсолютно законен, хотя вы оба и несовершеннолетние. Отправляйтесь на пакетботе, я добьюсь, чтобы он отплыл в то же время.

— Нет. Извините, Джейми. Мистер Скай уже сказал, что эта статья — всего лишь мнение одного человека. Я знаю, что Тесс Струан не похоронит его в море, как он хотел, я уверена, что не похоронит. И она будет нападать на меня всеми способами, какие только ей доступны. Вот почитайте её письма к Малкольму.

Оба мужчины дернулись в креслах от той ненависти, с которой она произнесла это. Скай робко заметил:

— Жаль, в них нет ничего, что можно было бы использовать для привлечения её к суду. Она заявит, что это частная переписка матери с

сыном, в которой она отчаянно пытается отворотить его от этого брака, на что имеет право, даже запретить его, на что тоже имеет право. А все угрозы в ваш адрес, лично против вас, миссис Струан, в них нет ничего, что помогло бы нам выдвинуть обвинение.

— Это нечестно.

— Небесный Наш, а как насчет «если эта женщина хоть когда-нибудь появится в Гонконге, я позабочусь, чтобы...», а? — Не желая причинять Анжелике новую боль, Джейми не стал читать все, что написала Тесс Струан: «я позабочусь, чтобы все порядочные люди в Гонконге узнали её историю, историю её отца, дяди и то, что её тетя была бродячей актрисой и кочевала с толпой игроков, цыган и шарлатанов, и о состоянии её собственных финансов».

— Я не стыжусь того, что моя мама была актрисой, — резко заявила она, — хотя большинство англичан считают их продажными женщинами. Она никогда не была такой, никогда. И они не были шарлатанами. Я не отвечаю за грехи моего отца, я не была нищей, он украл и мои деньги, не только деньги других людей.

— Я знаю. — Джейми пожалел, что упомянул об этом письме. — Небесный Наш, вы можете раздобыть доказательства того, что Дирк похоронен вместе с Мэй-мэй?

— О да, от компрадора Чена и самой Тесс. Но ни тот, ни другая ничего не расскажут сами и не признают, что это так, не правда ли? Над нами станут издеваться, и нам никогда не получить распоряжения суда на вскрытие фамильного склепа. — Скай кашлянул раз, потом другой. — Миссис Анжелика Струан должна сопровождать останки своего мужа, если она откажется, то нанесет этим неизмеримый ущерб своему положению как в глазах людей, так и перед лицом закона. Но ехать в Гонконг? Опасно. — Он попросил Хоуга и Бебкотта пригласить формулировки свидетельства о смерти, но, как и ожидал, услышал в ответ, что это невозможно. — По моему взвешенному мнению, миссис Анжелика права, не желая рисковать в данный момент, Джейми. Я боюсь, что в Гонконге она окажется более беззащитной, чем здесь.

— Вы бы тоже поехали, вы можете обеспечить любое необходимое юридическое прикрытие.

— Да, но её приезд неминуемо вызовет скандал, а я хочу предотвратить это любой ценой ради блага всех. Включая Тесс Струан. Она не плохая женщина, если посмотреть на её позицию с точки зрения матери. По моему взвешенному мнению, вокруг всего этого обязательно поднимется смрад — как избежать его или уменьшить до минимума, вот в

чем вопрос.

— Возможно, это удастся сдержать как-нибудь, — сказал Джейми. — Тесс не кровожадное чудовище, она всегда была справедлива, по-своему.

— Она не будет справедлива, только не со мной, — возразила Анжелика. — Я понимаю её. Только женщина может по-настоящему понять это. Она будет думать, что я украла у неё старшего сына и убила его. Малкольм предупреждал меня на её счет.

— Чтобы сдержать её, нам нужно время, — сказал Скай. — Нам нужно время, чтобы вступить в переговоры, а до похорон его осталось слишком мало времени.

Когда они оставили её, решение так и не было найдено.

Ничего, это не страшно, подумала она. Я похороню своего мужа, как он того желал, я унаследую его состояние, если оно у него есть, я одержу верх над Тесс Струан. И я отомщу.

Письма причинили ей боль, но не такую сильную, как она ожидала. Её слезы уже не были теми слезами, что раньше. Они не терзали её, как раньше. Да я и сама не такая, как раньше. Я не понимаю. Я действительно очень странная. Долго ли это продлится? Я всем сердцем надеюсь, что да. О, Пресвятая Богоматерь, какой же глупой я была.

Взглянув на окно, она увидела, что день скоро станет ночью; в заливе штаговые огни кораблей, зажигающиеся вечером по обоим бортам и на верхушках мачт, мигали, поднимаясь и падая вместе с дыханием моря. На каминной решетке с шумом осели угли, пламя ненадолго вспыхнуло, заставив её повернуть голову в ту сторону. Что делать?

— Мисси? — В комнату вошла А Со.

— Тайтай, А Со! Ты глухая, хейа? — сердито одернула её Анжелика. Малкольм объяснил ей про тайтай, а в последний вечер сам заставил А Ток, А Со и Чена так обращаться к ней — и Скай тоже напомнил ей, чтобы она требовала от слуг именно такого обращения.

— Мисси хочет моя паковать чоп-чоп?

— Тайтай. Ты глухая, хейа?

— Ваша хочет моя паковать, чоп-чоп... тайтай?

— Нет. Завтра. Если вообще когда-нибудь, — тихо добавила она.

— Мисси?

Она вздохнула.

— Тайтай!

— Мисси-тайтай?

— Уходи!

— Знахарский человек хочет видеть.

Она собиралась опять сказать, «уходи», но передумала.

— Знахарский человек какой?

— Знахарский лягушек, мисси-тайтай.

Хоуг. Да, он и в самом деле похож на лягушку, подумала она и с удивлением обнаружила, что улыбается.

— Да. Видеть сейчас. — А когда он вошёл, она сказала: — Добрый вечер, доктор. Как вы себя чувствуете? Со мной все хорошо благодаря вам.

— Хорошо ли? — Его глаза покраснели от усталости, лицо было одутловатым больше обычного и землистого цвета, однако он по-прежнему излучал ту особую теплоту, которая так располагала к нему людей. — Да, теперь я вижу, что да. Будьте осторожны, не насилуйте себя, относитесь ко всему спокойнее, Анжелика, будьте мудрой.

— Буду, я обещаю.

— Вы были изумительны сегодня днём.

— Но я проиграла.

— Да. Джордж Бебкотт и я очень сожалели об этом, мы были возмущены после вашего рассказа и слов Небесного Нашего. Джордж сегодня ужинает с сэром Уильямом и попытается ещё раз, но я... мы... мы не питаем больших надежд. — Он увидел, как она пожала плечами, чуть заметное движение, и продолжала смотреть на него — огромные глаза на бледном лице. — Вам нужно что-нибудь? Чтобы уснуть или успокоиться — нет, я вижу, что в успокоительном вы не нуждаетесь. Я рад, так рад. Я хотел поговорить с вами, поболтать, вы не против?

— Конечно нет, пожалуйста, присаживайтесь. Как прошло расследование? О, есть виски и другие напитки, если вы желаете.

— Спасибо. — На буфете, как солдаты, выстроились уотерфордские бокалы и графины граненого хрусталя с серебряными ручками в георгианском стиле; на охватывавших горлышко серебряных пластинах было выгравировано: «Виски», «Коньяк», «Шерри», «Портвейн». Он выбрал виски и налил себе полбокала. — Расследование прошло, как и следовало ожидать, Эдвард Горнт был признан абсолютно невиновным и поощрен за храбрость. Коронер, Скай, заключил, что смерть Грейфорта была случайной, а Горнт поступил совершенно оправданно, попытавшись помешать тому, что иначе могло бы оказаться зверским убийством. Мы все были удивлены, что он использовал столь сильные выражения, хотя это была и чистая правда. — Он сел напротив неё и поднял бокал. — Ваше здоровье!

— Salut! Я рада за Эдварда. Он заслуживает всяческой похвалы.

— Как и вы сами. Ваш рассказ глубоко меня тронул.

— Я рассказала правду. Неужели вы тоже мне не верите?

— Верю. Как раз об этом я и хотел поговорить. Видите ли, я-то как раз слишком хорошо все понимаю. — Затем красноречиво, словно читая по книге, Хоуг рассказал ей свою собственную историю о службе в Индийской армии, о том, как влюбился и женился вопреки всем условностям, о том, как все немедленно отвернулись от него — ужасное время, потом возвращение домой. Где лучше не стало. — На самом деле все было ещё хуже. Арджуманд умерла, это её имя, так же звали возлюбленную султана Шах-Джахана, который построил Тадж-Махал, — говорил он, устремив неподвижный взгляд на огонь, рассказывая эту повесть и огню тоже, видя возникающие в пламени картины — вот она, вот они вместе в те неповторимые дни до свадьбы. — Мне так печально, и вместе с тем я так рад, что она не прожила долго в этой ненависти, что она простудилась и умерла быстро, как великолепный оранжерейный цветок на ледяном ветру — да-да, именно цветок, вы поверить не можете, как она была изысканно прекрасна, не больше, чем я могу поверить, что она любила меня, — я знаю, насколько я безобразен. Я любил её до безумия и убил.

— Когда вы говорите о ней, ваше лицо меняется. Вы не убивали её. Это был рок. В том не было вашей вины. — Вот, опять это слово, подумала она.

— Была, я женился на ней и увез её домой. Мэй-мэй тоже бы умерла, несчастная, одинокая и отчаянно рвущаяся домой. Даже сам великий Дирк Струан не смог бы выстоять против общественного мнения; если бы они поженились — нет. Им обоим повезло, что они умерли так.

Она смотрела на него сквозь пелену, заставшую глаза.

— А Малкольму тоже повезло, что он умер так, как умер? Я вспоминаю ваши слова о том, каким покоем дышало его лицо. Он все равно умирал?

— Боюсь, что да. Он мог умереть в любой день, в любой час. Он жил в долг у смерти, и мне кажется, он знал это.

Это потрясло её.

— Почему ему ничего не сказали, почему вы не предупредили его, не предупредили нас?

— Это была воля Господа. Мы не знали, не были так уверены, как сейчас, это невозможно было знать, иначе мы обязательно бы все рассказали.

— Я... я не понимаю. Скажите мне правду, пожалуйста, мне нужно понять.

— Его внутренности, — мягко заговорил Хоуг, — под раной и около

неё были в худшем состоянии, чем мы думали. Джордж не мог уходить вглубь от раны, когда Малкольма доставили к нему, это все равно бы его убило. Вскрытие показало, что он гнил заживо.

— А операция, она была хорошо проведена?

— О да, первоклассно. Работой Джорджа можно было восхищаться, никто не починил бы его лучше, — ответил он, и она ему поверила. — Видите ли, Анжелика, мы не можем заменять, мы можем только поправить: там были полости с гноем — причина всех болей, мучивших беднягу — и плохие спайки, которые не давали ему выпрямиться. — Он добавил печально: — Малкольм доживал свой срок. Но и в этом случае я уверен, что вы сделали его последние дни самыми счастливыми, о каких только может мечтать мужчина.

Из камина выкатился уголек. Она бросила на него взгляд. Маленькое пламя вспыхнуло, подожгло и угасло — совсем как мой Малкольм, бедный мой, моя любовь.

— Печально, — сказала она огню, — как это печально.

Хоуг мысленно взвешивал её, взвешивал себя и память об Арджуманд, которую Анжелика возродила для него. Теперь, после того как я рассказал ей об Арджуманд, принять решение легко, подумал он. Он нервно допил своё виски.

— Вы позволите?

— Конечно. Не стесняйтесь.

Хоуг налил себе ещё, уже не так щедро.

— Касательно похорон, я ведь в первую очередь об этом пришел поговорить с вами. Вы, возможно, ещё смогли бы похоронить его так, как того желали вы и Малкольм.

— Что?

Он снова опустил в кресло напротив неё.

— Похоронить его в море, как деда, как хотел он сам, как хотите вы. Я могу помочь вам.

— Как?

Он промокнул лоб.

— Вы пойдете к сэру Уильяму, скажете, что склоняетесь перед неизбежным и что, сколь ни ненавистно вам это решение, вы позволите отправить тело в Гонконг. Завтра мы, Бебкотт и я, мы официально доставим гроб на «Гарцующее Облако» из Канагавы, где оно находится в данный момент. Вы проводите гроб на глазах у всех, объяснив, что сопровождать его на «Гарцующем Облаке» для вас невыносимо, но что вы отправитесь за ним следом на пакетботе, который отплывает в Гонконг послезавтра. Все

довольны.

— Но гроб пустой? — возбужденно спросила она.

Он покачал головой, его лоб и щеки влажно поблескивали в свете камина.

— Нет, там будет тело, но не его, рыбака, корейца, который умер в Канагаве сегодня утром, в нашей клинике. Тем временем останки Малкольма будут в другом гробу, все ещё тайно в Канагаве. Если бы Джейми поддержал нас, он мог бы пригнать туда катер завтра вечером, мы выйдем в море, и, если нам удастся уговорить Твита свершить обряд, Малкольм может быть похоронен согласно вашему желанию. На следующий день вы сядете на пакетбот, и никто ничего не узнает, если нам удастся взять со всех клятву хранить молчание.

— Так много «если», — пробормотала она, чувствуя, как колотится сердце.

— Гораздо больше, чем я успел обдумать, — ответил он, вытирая лоб; горло словно сжала невидимая рука. — Это просто... Эта мысль вдруг прыгнула мне в голову неизвестно откуда некоторое время назад. Я не продумал все до конца, возможно, я слишком поспешно за неё ухватился, но мне хотелось помочь. С Джорджем или без него, я могу выполнить первую часть плана. Поменять тела. Вам придется сделать все остальное. Может быть, я смогу помочь, пока не знаю. — Он добавил смущенно: — Я плохо умею хранить секреты. Извините, но нам необходимо решить сейчас, будем ли мы... мне придется вернуться сегодня в Канагаву, пока Джордж ужинает здесь. Что вы думаете?

Она в тот же миг оказалась рядом с ним и обняла его, окутав его надушенным покрывалом своей нежности и благодарности.

— Давайте попытаемся... и спасибо вам, спасибо.

— Вы хотели меня видеть, мэм? — сказал Горнт.

— Да, пожалуйста, проходите и садитесь. — Анжелика сидела у окна в эркере кабинета тайпэна, здесь стояли мягкие кресла, дубовый стол и буфет. Неподалеку ожидал приказаний Чен.

— Позвольте мне ещё раз выразить глубокое сожаление по поводу всего этого. Если я могу что-нибудь сделать, вам достаточно лишь попросить, мэм.

— Я знаю, благодарю вас, Эдвард. Да, вы можете помочь мне, нам всем нужны друзья. Я рада, что дознание прошло как положено, — вас должны наградить медалью. Вы вели себя очень храбро, и я бы хотела поблагодарить вас за Джейми, даже не знаю, что бы я делала без него. — В

очаге пылал жаркий огонь, а занавеси из дорогого тайского шелка не пускали ночь внутрь. Чен прошел к ведерку со льдом, в котором стояла откупоренная бутылка. — Мой муж говорил, что вы любите шампанское.

— Конечно, да, мэм, да, люблю, — ответил Горнт, думая о дознании и богоданном вердикте, который закрыл опасную главу с Норбертом и предал её забвению. Коронер, Небесный Наш Скай, не зря получил своё имя.

Она сделала знак Чену, который наполнил два высоких бокала.

— Додзо, спасибо, — сказал Горнт, принимая свой бокал. Чен тупо уставился на него, словно ничего не понял, презирая этого наглого дьявола-чужеземца ещё больше за то, что он осмелился говорить на диалекте культурных людей.

— Чен, ты ждать снаружи, — распорядилась Анжелика. — Если нужный, я брать колокольчик, хейя? — Она показала на серебряный колокольчик на буфете.

— Да, мисси.

Она гневно посмотрела на него.

— Тайтай!

— Да, мисси-тайтай. — Чен вышел, довольный своими маленькими победами. Слуги в доме попросили провести собрание, на котором он председательствовал. А Ток, тронувшаяся умом от горя, хотела, чтобы они наняли гадалщицу, которая наведет дурной глаз на эту Обладательницу Колодца Смерти, но он сказал: «Нет, мы не можем, и её колодец чист. В смерти господина она не виновата. Господин женился на ней, и сам в её присутствии заставил нас называть её тайтай. Мы поступим так: будем называть её сначала „мисси“, потом „мисси-тайтай“, пока по этому делу не примет решение Светлейший Чен — мое срочное, подробное донесение ему уже находится на „Гарцующем Облаке“».

— Salut, Эдвард.

— Ваше здоровье, мэм!

Она едва пригубила вино, он выпил с явным удовольствием.

— Шампанское для меня — источник жизни, — сказал он и тут же пожалел, что произнес это с такой интонацией. — Оно всегда было мне не по карману, за исключением особых случаев.

— Мне тоже нравится шампанское, хотя не сегодня вечером. Но скоро вы сможете позволить себе все, что пожелаете, нет?

Муж говорил мне, что ваши дела пойдут теперь успешно, очень успешно, и что у вас есть много секретов, которыми вы хотели поделиться с ним — к обоюдной выгоде.

— Он так сказал? — Горнт был пойман врасплох, поскольку они с

Малкольмом договорились больше никого в это не посвящать. Норберт? Норберт в счет не шел, это была просто часть плана, чтобы сбить врага с толку, а Норберт всегда был врагом. — Секреты, мэм?

— Он говорил мне, что вы ему нравитесь, что он вам доверяет, как и я, что вы человек, который умеет хранить секреты, а также много их знает и который понимает ценность «старых друзей» — в китайском смысле этого выражения.

— В отношении этого все так и есть. Он тоже мне нравился, и я доверял ему.

— Джейми сказал, что вы заказали билет на «Гарцующее Облако».

— Да, это верно, мэм.

— Мой муж говорил, что вы собирались передать ему особую информацию о том, как разорить Броков. Вы собирались рассказать ему все вчера утром после... неужели это было только вчера? Мне кажется, что прошла целая жизнь — для Малкольма так оно и есть, бедный Малкольм.

Он вздохнул, опечалившись вместе с ней.

— Да. Вы позволите мне заметить, что вы изменились, мэм? Вы другая. Я не хочу показаться невежливым или толстокожим, но позвольте сказать, что эта перемена очень вам к лицу.

— Я бы десять тысяч раз предпочла не меняться, лишь бы мой муж остался со мной. — Её искренность удивила её, хотя, как и Малкольм, она всегда находила, что с Горнтом легко разговаривать. — Я не уверена пока насчет этой перемены, нравится она мне или нет. Взрослеть так быстро — это, я не знаю правильного слова, это больно, страшно. — Она встала и вновь наполнила его бокал, затем поставила ведро с холодным шампанским на стол, ближе к нему.

— Благодарю, — сказал он, как никогда остро ощущая её близость.

— Я решила не ехать в Гонконг на этом клипере.

— А, да, мэм. Я слышал разговоры, что-то насчет того, что вам претит снова подниматься на его борт — или видеть там тело вашего мужа, — что вы отправитесь с пакетботом. — Как только он услышал об этом, он на всякий случай встретился с агентом, чтобы забронировать и себе место, но все каюты оказались заняты. Выругавшись про себя, он попытался разыскать Джейми, но Джейми в здании не было. — Я могу понять ваше нежелание путешествовать на «Облаке».

Её руки спокойно лежали у неё на коленях, голос звучал ровно и уверенно.

— Эти секреты, которые вы собирались открыть моему мужу, вы расскажите их мне?

Он улыбнулся своей приятной улыбкой, поражаясь ей, и покачал головой.

— Извините, мэм, нет. Даже если бы они у меня и были.

Она кивнула, ничуть не обидевшись.

— Я и не ждала от вас этого. Я уверена, что, даже услышав их от вас, я ничего бы не поняла и в любом случае не сумела бы их использовать, ведь правда? — Она улыбнулась. — Но Тесс Струан сумеет, нет?

— Мэм?

— Мой муж рассказал мне, что в случае, если с ним что-нибудь произойдет, вы намеревались немедленно отправиться в Гонконг и обратиться непосредственно к его матери, договориться с ней о том же, о чем вы договорились с ним. Он сказал, что вы собирались сделать это, потому что ненавидите Броков — он не говорил, почему вы их ненавидите. — Она протянула руку и принялась поигрывать с ножкой бокала. — Тесс Струан, безусловно, пригодилась бы эта информация, если то, что вы скажете, — правда, нет? Это было во вторник, перед тем как мы поженились.

Снова он просто смотрел на неё с приятным выражением на красивом лице.

— Я могу понять, почему вы понравились моему мужу, Эдвард, господа, из вас получился бы опасный враг и ещё более опасный друг.

Это заставило его громко расхохотаться, и напряженность между ними исчезла.

— Не для вас, мэм, никогда, клянусь в этом. Никогда.

— Посмотрим. Нам предстоит преодолеть много препятствий, вам и мне, ибо, клянусь Богом, как говорил мой муж, я принимаю его надежды и мечты как свои собственные: вы в состоянии помочь дому Струанов уничтожить Броков раз и навсегда. Возможно, и ваши надежды и мечты тоже.

— Мои?

Она открыла свою сумочку и достала лист бумаги, найденный ею во внутреннем тайнике сейфа, поднесла его ближе к свету, чтобы лучше видеть, и прочла вслух: «Настоящий документ есть мое торжественное соглашение с мистером Эдвардом Горнтом, джентльменом, служащим компании Ротвелла в Шанхае: буде информация, предоставленная им, поможет торговому дому Струанов разорить компанию „Брок и Сыновья“ и послужит причиной их полного краха в течение следующих шести месяцев, от имени торгового дома „Струан и Компания“ я гарантирую, что он получит от их банкротства пятьдесят процентов акций компании Ротвелла,

принадлежащие Брокам, полностью и безвозмездно, что мы искренне и в полную меру сил будем содействовать ему в получении от банка „Виктория“ необходимой ссуды для приобретения других пятидесяти, принадлежащих Джефферсону Куперу, что с этой даты дом Струанов на двадцать лет предоставляет ему или любой компании, которую он контролирует лично, статус наибольшего благоприятствования при всех взаимно согласованных деловых операциях».

Она показала ему бумагу, но не передала в руки.

— Здесь поставлена позавчерашняя дата, Эдвард, документ подписан, но не заверен свидетелем.

Он не сделал никакого движения, чтобы взять его. Зрение у него было хорошее. Пока она читала его, он узнал подпись. Не заверенная свидетелем, она не имеет своей истинной ценности, подумал он; его ум быстро переходил от плана к плану, от вопроса к вопросу и к ответам.

— И что же?

— Я могла бы заверить подпись моего мужа.

Кружение мыслей в его голове разом остановилось.

— Заверение женой подписи собственного мужа обычно не признается действительным.

— Скажем, я могла бы заверить её тем же днём — до того, как мы поженились.

Откуда, дьявол меня подери, она все это берет? — лихорадочно соображал он. Джейми? Небесный Наш? Она как один из этих новых паровых катков Стефенсона.

— Даже если... даже если этот документ будет заверен свидетелем, он не будет обязательным для «Благородного Дома».

— Это так, но он будет иметь вес для Тесс Струан — это будет соглашение, заключенное с её сыном. Разве оно не подтверждает, что вы работали вместе с моим мужем тайно с целью осуществить самую заветную мечту в её жизни?

— Возможно... возможно, оно подтвердило бы, мэм. — Он нерешительно помолчал. — А Джейми одобряет этот документ?

— Он не знает о нем. Никто о нем не знает, кроме меня, — сказала она, веря в это. Иначе зачем было Малкольму его прятать?

В задумчивости он налил себе немного вина — он заметил, что после первого глотка она больше не притронулась к своему бокалу.

— Я полагаю, — произнес он осторожно, — такая услуга потребует услуги в ответ, мэм.

— Я бы хотела, чтобы вы поспешили на «Гарцующем Облаке», на

полной скорости, в Гонконг, как вы планировали, и встретились с Тесс Струан. И передали от меня письмо.

В его глазах промелькнула недоверчивость.

— Это все?

— Не совсем. Когда вы прибудете в Гонконг — клипер окажется там намного раньше пакетбота, — вы должны попасть к ней, прежде чем она услышит трагическую весть о смерти моего мужа от кого-то другого. Крайне необходимо, чтобы вы увидели её первым, сообщив, что вы принесли ей ужасное известие, но также и тайные сведения, информацию жизненной важности, которая гарантирует полное крушение Броков, которая разорит их быстро и навсегда. — Она сделала глубокий вдох. — Она ведь разорит их, не так ли?

— Да, — тихо признал он, не считая больше нужным отрицать это.

— Далее, скажите ей, что Броки планировали убить Малкольма, используя для этого Норберта Грейфорта. В-третьих...

— Они что?!

— Разве это не правда? Разве это не было частью замысла Тайлера Брока? Или Моргана? Джейми, безусловно, придерживается того же мнения — он готов в этом поклясться. Мистер Скай сообщил мне о дуэли, остальное я выжала из Джейми — почему именно возникла ссора. Разве Норберт не был просто пешкой в этой игре с убийством?

— Может быть, — согласился Горнт, совершенно потрясённый ею. — Вполне вероятно. Дальше?

— Дальше. — Её голос стал тише, но, вопреки ожиданиям, отчетливее: — Пожалуйста, скажите ей, что это из-за меня вы передаете ей улики, которые уничтожат Броков, — вы должны постоянно подчеркивать это.

— Из-за вас?

— Из-за меня. Да. Сделайте на этом ударение. Это важно для меня, прошу я немногого, а вы в любом случае получите то, что вам нужно.

— Вы уверены?

— Да. Вы скажете ей, что намеревались забыть об этом письменном контракте с её сыном, полагая, что теперь он утратил всякую ценность. Но когда я попросила вас, стала умолять вас встретиться с ней вместо него, вы решили поспешить в Гонконг и поговорить с ней. — Она подалась вперед. — Эта информация, с ней ведь необходимо действовать быстро?

— Да.

— Тогда сделайте на это упор. Но постоянно подчеркивайте, что это я убедила вас поехать к ней, мои мольбы убедили вас увидеться с нею и передать ей эти сведения, которые уничтожат врагов Малкольма и её

собственных... скажите, я заверила вас, что она признает подписанный контракт или составит другой, равнозначный. И она это сделает. Тесс Струан согласится, я гарантирую.

— С вашей подписью?

— Это первое, что бросится ей в глаза, поэтому упомяните о ней заранее. Скажите, что Малкольм попросил меня заверить его подпись, объяснив, что это всего лишь обычный деловой контракт между вами, что я и сделала в вашем присутствии, чисто механически, в понедельник, до свадьбы. Я не читала его и не задавала вопросов. И последнее, скажите, что у вас есть срочное письмо от меня и передайте его ей. — Анжелика взяла свой бокал. — Если она прочитает его при вас — вероятнее всего, она не станет этого делать, но если все-таки прочитает, — я бы хотела знать, что она сделает или скажет.

Закончив говорить, она пригубила шампанское во второй раз, откинувшись на спинку кресла и стала ждать, глядя ему прямо в глаза.

Её лицо по-прежнему ничего не выражало.

— Что в этом письме?

— Вы можете прочесть его, прежде чем я его запечатаю. — Она добавила легко, без издевки: — Это избавит вас от хлопотной необходимости вскрывать его.

Его ум напряженно пытался разрешить ту головоломку, в которую все вдруг превратилось.

— А известие о его смерти, вашем браке и его смерти, как мне передать ей это и все остальное?

— Я не знаю, Эдвард. Вы сами придумаете, как это сделать.

Он хмыкнул, пораженный подобным нахальством, нет, не нахальством, скорее хитростью. Ясно как день, что её цель — снискать расположение Тесс после существующей враждебности и предотвратить любые действия, гражданские или уголовные, которые такая мать, как Тесс Струан, разрываемая на части болью своей утраты, могла бы, да нет, наверняка даже предпримет, спустит, как собак с цепи, против неё — текущие ставки были пять к одному, что предпримет, и два к одному, что добьется успеха.

Ладно, ставки ставками, а эта стратегия могла бы позволить Анжелике протиснуться в круг победителей — могла бы. Действуя осторожно, не вполне так, как она предложила, гораздо тоньше и искуснее, он мог бы выполнить её просьбы, не ставя под угрозу своё положение, и заключить сделку с Тесс, которая, безусловно, даст ему все, чего он хочет, — как только первый шок при известии о смерти сына пройдет и она сможет

оценить всю огромность того, что он ей предлагает.

Мне выгоднее снять Анжелику с крючка Тесс Струан, гораздо выгоднее. Что следует попросить взамен? Её подпись, разумеется, но что ещё? Что ещё мне нужно от неё? Существуют самые разнообразные гамбиты, которые я мо...

Анжелика протянула руку к письменному прибору. Её лицо было серьезно, когда она расписалась как свидетель, поставив позавчерашнюю дату. Молча она посыпала документ, чтобы высохли чернила, сдула остатки и положила его перед ним, опустив глаза.

— Что бы вы не решили, это теперь ваше, без всяких условий, — сказала она, положившись на его широко известное чувство чести. — Что же касается всего остального, если вы поможете мне, Эдвард, — она подняла на него глаза, и что-то восхитительное шевельнулось внутри него, — вы также заслужите мою признательность, мою неумирающую признательность, навсегда.

Джейми сидел на татами в доме сёи без башмаков, скрестив под собой ноги, Хирага — напротив него. Во главе стола, где стояли sake и чай, сидел сёя.

Вот уже целый час или даже больше Джейми отвечал на вопросы и задавал их; Хирага переводил, раздумывая над незнакомыми словами, требуя объяснить подробнее, чтобы до конца все понять. Джейми устал, не из-за времени, проведенного здесь, оно явилось захватывающим и желанным отдохновением от всех других его бед и забот, но из-за того, что для них-то, казалось, и нет никакого решения. Он был расстроен отказом сэра Уильяма уступить в споре о похоронах, хотя прекрасно понимал министра — на его месте он поступил бы так же. Бедная Анжелика, бедный Малкольм, бедный «Благородный Дом». Даже чертову Тесс, и ту жаль.

Что-то должно надломиться. Это не будет Крошка Вилли. Это должна быть Анжелика — ни она, ни кто-то ещё ничего уже не могут сделать. На этот раз, я думаю, она не выдержит.

Так просто, как только мог, он изложил свои соображения по поводу совместного предприятия: сёя и его люди поставляют товары по консигнации, о которой они договорились, Джейми поставяет европейскую технологию, шестимесячная отсрочка платежа, которая даст время реализовать товары и вернуть деньги обратно или повторно вложить их в товары массового производства, которые они, в ответ, посоветуют совместному предприятию ввозить в страну. Это привело к обсуждению количеств, затем к разговору о методах массового производства, которые

могли бы сделать их всех богатыми.

— Сёя спрашивает: что стоит васа масына для массовый производства?

— Это зависит от того, что эти машины должны изготавливать.

— Дзами-сама, он спрашивает вас, паза'руста, вы говорить, какой товары де'рать, стобы продавать в Анг'рия. Не сейчас, через три дни, паза'руста. Если сёя сог'расный, мозет, де'рать акционерный компени и привозить масына для массовый производства в Ниппон.

Джейми улыбнулся.

— Налаживание массового производства изначально очень дорого обходится, машины и фабрика. Это не такое совместное предприятие, как я предложил. Мне никак не удастся раздобыть столько денег.

— Дзами-сама, васа нет ва'рноваца, нет ва'рноваца про деньги. Гъёкояма мозет Эдо купить-продать, ес'ри хочит. — Хирага хмуро улыбнулся, увидев, как Джейми заморгал глазами. — Сёя б'раго-дарит вас, и я б'рагодарит вас. Паза'руста, через три дни, вы говорить, что де'рать и какой цена. Я провозаю вас домой.

— Спасибо, это не нужно.

Хирага поклонился, сёя поклонился, Джейми так же поклонился в ответ и вышел на свежий вечерний воздух.

— Чай, господин? — предложил сёя.

Хирага согласно кивнул, готовясь уйти. Ему были нужны ванна и массаж, но он был доволен собой: дело сделано, осталось только получить три коку как предполагаемую плату для Джейми Макфея.

Сёя распорядился подать свежий чай. Когда прислужница вышла, он сказал:

— У меня есть кое-какие новости. С почтовым голубем, Отами-сама, о правителе Ёси и о тех сиси, о которых вам, возможно, захочется услышать.

— Прекрати играть в игры со мной! Конечно, я желаю услышать. — Теперь, когда они с сёей остались наедине, Хирага, не заметно для себя, снова стал надменным самураем. — Что за новости?

— Произошло новое покушение на князя Ёси.

— Он мертв? — с надеждой спросил Хирага.

— Нет, Отами-сама, вот, пожалуйста, прочтите сами. — С притворным смирением сёя протянул ему листочек бумаги, тот же самый, который он до этого показывал Райко и Мэйкин: «Попытка покушения на князя Ёси на рассвете в деревне Хамамацу провалилась. Сиси-одинокка убит его рукой. Госпожа Койко также погибла в общей схватке. Передайте дому Глицинии нашу глубокую печаль. Подробности сразу же, как только возможно».

Хирага прочел послание и охнул.

- Когда это случилось?
- Пять дней назад, Отами-сама.
- Больше ничего?
- Пока нет.

Когда он читал послание, ему показалось, что боль в голове стала ещё сильнее, мысли перепутались. Койко мертва, ещё один сиси мертв! Кто? Если она мертва, то как же Сумомо?

- Ты уже сообщил в дом Глицинии?
- Да, Отами-сама.
- Что сказала Мэйкин?
- Она была вне себя от горя, Отами-сама, естественно.
- Что ещё тебе известно, сёя?
- То, что имеет значение для вас и сиси, я скажу вам.
- Что ты знаешь о Кацумате и Такэде?
- По слухам, господин, они по-прежнему направляются в нашу сторону, как, предположительно, и князь Ёси.

— Когда он возвращается? Он теперь изменил свои планы? — спросил он, чувствуя, как кружится голова. Если Койко погибла в этой схватке, было ли это случайно или Ёси обнаружил, что нити от Койко тянутся к нам, как и от Мэйкин тоже. — А?

— Я не знаю. Может быть, дней через восемь, Отами-сама. — Сёя внимательно изучал встревоженное лицо Хираги и думал про себя: да, этому юноше есть о чем тревожиться, ибо ясно, что он в большой опасности, но, и-и-и-и, как велика его ценность! Я согласен, что он наше национальное сокровище или должен им быть. Совместный припрятий — богоданная идея! С завтрашнего дня мой сын отправится работать с этим гайдзином Дзами, станет учить варварский язык и обычаи, и тогда мне уже не будет нужен Хирага, который не представляет собой ничего, кроме прямой угрозы для меня, и, прошу прощения, обречен. Как и все мы, если только мы не проявим очень глубокий ум.

- Отами-сама, вокруг нас происходят большие передвижения войск.
- Э? Что за передвижения?
- Бакуфу послали подкрепления на три ближайшие к нам придорожные станции на Токайдо. Кроме того, пятьсот самураев перекрыли дорогу к северу и к югу от нас. — Капелька пота скользнула вниз по его щеке. — Тайро Андзё запер нас, как в коробе.

Хирага выругался и тоже ощутил гнетущее беспокойство.

- Что слышно, сёя? Он что, собирается напасть на нас здесь?
- Как бы я хотел это знать, Отами-сама. Может быть, если вы скажете

Тайре про войска, это поможет выяснить, что замышляют гайдзины.

— Они обстреляют Эдо из пушек, любому дураку это известно. — Хирага почувствовал дурноту при мысли о неизбежной победе гайдзинов, хотя она и сослужит сонно-дзёи небывалую службу. — Тайра ничего не может сделать, чтобы предотвратить... — Его сердце провалилось на миг, и он замолчал.

— Кроме, Отами-сама?

— Кроме как найти ответ в истории, обычный ответ: внезапное, беспощадное, неожиданное нападение и уничтожение базы флота. — Хирага был поражен, что поделился своей мыслью и был так откровенен со столь презренным человеком, даже хотя сёя был умен и являлся ценным союзником и скоро должен был стать деловым партнером.

И-и-и-и, подумал он, превозмогая пульсирующую боль в голове, я так многого не понимаю, мир переворачивается вверх ногами, все меняется, я меняюсь, уже не самурай и при этом больше самурай, чем когда-либо. А все эти мерзкие гайдзины с их заманчивыми, тошнотворными, поразительными, плодящими алчность идеями. Мы должны вышвырнуть их — сонно-дзёи, сонно-дзёи, сонно-дзёи, — но немного погодя. Сначала массовый производства, первым делом изготовление ружей.

— Сёя, разошли шпионов на случай, если таков план Андзё.

— Шпионов, Отами-сама?

— Пришло время прекратить играть в игры. Сёя. Ты понимаешь? Больше-никаких-игр!

— Я подчиняюсь во всем, Отами-сама. Как обычно, как я вс...

— Я очень доволен тобой сегодня, сёя. Как только ты услышишь что-нибудь о Ёси или сиси, дай мне знать, пожалуйста. — Хирага добавил «пожалуйста» в качестве большой уступки.

— Быстрее морской чайки на охоте, господин.

— Тогда спокойной ночи... а, прошу прощения, я забыл, остается ещё плата гайдзину. Он попросил меня напомнить тебе.

У сёи похолодело в животе. Из рукава он извлек маленький мешочек — было бы верхом неприличия предлагать его самому Дзами-саме.

— Здесь полтора коку в золотых обанах, Отами-сама, остальное через десять дней.

Хирага пожал плечами и с безразличным видом опустил мешочек в свой рукав, но его вес и та радость, которую он испытывал, поразили его.

— Я передам ему и позабочусь, чтобы он был здесь через три дня.

— Благодарю вас, Отами-сама. Эти передвижения войск ужасно тревожат всех. Грядет война. Мои повелители говорят, что, если бы они

могли быть предупреждены заранее о военных планах гайдзинов... они были бы глубоко признательны за любую помощь. Может быть, ваш Тайра-сама... — Он с надеждой окончил фразу на этом имени.

Сегодня прибыло ещё одно послание из главной конторы в Осаке, ещё более настоятельное, чем предыдущее. Словно я не умею читать? — сердито подумал сёя, словно я не пекусь об их интересах и не предан им. Я делаю все, что могу. Это все эти две проклятые мамы-сан. Уже два дня прошло, а от них до сих пор ничего нет!

Прежде чем расстаться с Райко и Мэйкин, он недвусмысленно дал им понять, насколько срочно ему необходимо знать все, что они знают или смогли бы узнать быстро. В нем начала подниматься злость не только потому, что обе женщины притворились, будто ничего не знают, сколько он их ни обхаживал, хотя он был уверен, что кое-что им уже известно, но ещё и потому, что его драгоценные обаны оказались в рукаве этого жадного самурая, плата, пусть и с лихвой заслуженная, для столь же ненасытного гайдзина. И где закончат свой путь мои милые обаны? Конечно же, в Золотом Ущелье какой-нибудь шлюхи.

— Большое, большое вам спасибо, Отами-сама, — елеяно затараторил сёя, когда Хирага направился к двери, не поднимая головы от татами, чтобы не был слышен скрежет немногих оставшихся, полуобломанных зубов. Ему страстно хотелось унижить Хирагу, увидеть, как он покроется потом, сказать ему, без малейшей жалости: о, прошу прощения, ваша в прошлом шлюха Койко была замешана в заговоре, как и ваша специально подготовленная женщина-убийца и будущая жена Сумомо, которой тоже снесли голову; и вашей стороннице Мэйкин, маме-сан самых влиятельных людей в Эдо — даже первых лиц Гъёкоямы, — уже недолго осталось жить на этом свете, потому что мы полагаем, что Ёси тоже все это известно.

И хотя вы самый умный самурай из всех, каких я знаю, вы обречены, обречены, обречены, и все же мои блистательные повелители ожидают, что я буду обращаться с вами как с национальным сокровищем, а также оберегать вашу жизнь. О ко!

Сегодня я напьюсь пьяным, но не раньше, чем поздравлю себя со скорым образованием совместный припрятий акционерный компени Рёси! И-и-и-и, поистине, идея, достойная богов!

Шагая домой, Джейми расстегнул пальто, хотя ночной воздух был прохладным. Ему было жарко. Приобретенные знания были значительными, а предельная сосредоточенность прогнала из головы все заботы. Все это очень интересно, думал он, но ни один из этих двоих не

имеет никакого представления о первоначальной себестоимости в массовом производстве. И все же, как Накама сказал, что Гъёкояма могут купить и продать Эдо, если захотят, — чёрт, в тот момент я действительно ему поверил. Сёя согласится на совместное предприятие, в этом я уверен.

Его шаг был бодрым, он приветствовал прохожих на Хай-стрит, потом поднялся по ступеням фактории Струанов и вступил в своё царство. Оно снова мое, с гордостью подумал он. Возможно, Тесс теперь передумает — она же не глупая женщина, а я прекрасно здесь со всем справлялся.

Варгаш ждал его.

— Добрый вечер, Варгаш, пора запирааться?

— Да, но сначала, сеньор, прошу прощения, вот это пришло со вчерашней почтой, однако каким-то образом оказалось в моем подносе для входящих документов.

Оба письма были помечены «Лично» и «Конфиденциально» и адресованы ему. На первом он узнал почерк Тесс Струан. К горлу подступил густой комок. Второе было от Морин Росс, его невесты до недавнего времени. Его беспокойство удвоилось.

— Спасибо, — сказал он. Несмотря на твердую решимость подождать несколько минут, он не удержался и вскрыл письмо Тесс. «Настоящим вы официально уведомляетесь, что мистер Альберт Мак-Струан переведен из Шанхая и прибывает 17 числа на пароходе „Уэйфонг“. Пожалуйста, введите его в курс всех японских операций. При условии вашего игнорирования моих предыдущих писем он становится во главе отделения к исходу декабря».

Его увольнение из «Благородного Дома» теперь, когда оно фактически осуществилось, не разозлило его, как он ожидал. На самом деле он даже испытал облегчение. Странно, всего несколько мгновений назад я думал, что это было мое...

Он поднял глаза на Варгаша, который пристально смотрел на него.

— Что ещё, Варгаш? — Он сложил письмо и положил его к себе на стол рядом с другим.

— Миссис Анжелика сейчас в кабинете тайпэна. Она просила, если бы вы могли, зайти к ней на минуту.

— Что там на этот раз?

— Ничего, что было бы мне известно, сеньор, вечер прошел мирно. Принесли записку от Неми, она спрашивает, не навестите ли вы её сегодня. Ещё один маленький вопрос: капитан Стронгбоу опять спрашивал приказ на отплытие. Я снова сказал ему, чтобы он набрался терпения. Они уйдут с вечерним отливом?

— Да. Думаю, да.

— Немедленно, сеньор. Значит, все решено? Останки тайпэна отправятся с «Облаком»? И, конечно, сеньора?

— Либо с клипером, либо с пакетботом, не одно, так другое, — ответил он, прошел по коридору, постучал и вошёл.

Она забралась с ногами на кресло Малкольма, которое Джейми уже начал воспринимать как её собственное, и читала «Гардиан» при свете масляной лампы.

— Привет, Джейми.

— Добрый вечер. Я решил поехать с вами на пакетботе, — он безуспешно попытался произнести это сдержанно, — это моя обязанность объяснить все Тесс Струан. — Проговорив это вслух, он почувствовал себя лучше. — Это моя обязанность, и я думаю, Мал... я думаю, он хотел бы, чтобы это сделал я, и это могло бы немножко облегчить вам жизнь.

— Да, — кивнула она со своей очаровательной улыбкой, — я уверена, что он хотел бы этого. Закройте дверь, Джейми, и присядьте ненадолго. — Когда он подчинился, она понизила голос и рассказала ему о плане Хоуга. — Вы можете доставить катер в Канагаву со всеми нами завтра вечером?

Он тупо смотрел на неё, совершенно ошеломленный таким поворотом дела.

— Вы сошли с ума. Этот план безумен.

— Нет, совсем нет. Доктор Хоуг считает...

— Он тоже спятил... вам это никогда не сойдет с рук.

— Почему? — спокойно спросила она.

— Пятьдесят причин, — ответил он. — Причин столько, что я даже не стану упоминать ни одной. Сама идея смешна, безумна, Вилли прикажет заковать вас в кандалы.

— Мистер Скай утверждает, что нет закона, запрещающего то, что мы собираемся сделать. Он говорит, погребение было бы вполне законным.

— Мистер Проклятый Всезнайка так говорит, вон что? А что ещё Небесный Наш собирается сделать, — осведомился он, — перевернет свой воротничок задом наперед и прочитает отходную, чёрт бы его побрал?

— Мистер Скай считает, что у нас есть шанс убедить преподобного Твита провести церемонию, — сказала она, словно разговаривала с раскапризничавшимся ребенком.

Он вскинул руки.

— Вы оба сошли с ума, а Хоуг — глупец, свихнулся напрочь, если предложил такое. Мы отправимся на пакетботе, вы, я и он. — Он двинулся

к двери.

— Джейми, вы можете сами справиться с катером или нам понадобится команда? — Он повернулся и уставился на неё. Она улыбнулась, не намеренная отступить, но в этой её решимости было что-то милое. — Нам понадобится команда?

— Как минимум два человека. Боцман и машинист, это как минимум.

— Благодарю вас. Если вы не захотите помочь, могу я попросить боцмана, да?

— Мои слова словно никак не дойдут до вас. Эта идея безрассудна, крайне безрассудна.

Она кивнула с упрямым видом.

— Вы, вероятно, правы, и нам не удастся это осуществить, но я собираюсь попытаться, а потом попытаться снова. Похоже, мои слова тоже никак не дойдут до вас, дорогой мой Джейми. Я обещала любить, почитать и быть послушной своему мужу и вашему другу, он был вашим другом, и я не чувствую себя отдельно от него, пока ещё нет, как и вы тоже. Тесс Струан не даст ему то, чего он желал, ведь правда?

Все то время, что она говорила, он смотрел на неё сверху вниз, не видя её и в то же время отчетливо воспринимая каждую её черточку, вспоминая все эти годы с Тесс Струан и то, что она и Кулум значили для него, и Малкольм Струан значил для него, и Дирк Струан, и «Благородный Дом». Все миновало, все растрачено впустую, все движется к концу, наш «Благородный Дом» больше не благородный, больше не первый в Азии. Ну, не совсем растрачено и не все ещё кончено, но слава его померкла, и мой друг мертв, и это факт. Я был его другом, но был ли он моим? Боже Всевышний, на что мы способны во имя дружбы?

Он сказал:

— Тесс не похоронит его так, как он хотел. Полагаю, это самое малое, что может сделать друг. Я позабочусь о катере.

Он вышел. В густеющей тишине комнаты она вздохнула, взяла газету и опять углубилась в чтение.

В тот вечер, когда доктор Хоуг прибыл в миссию Канагавы, занимавшую часть буддийского храма, его встретил сержант Тауэри, начальник караула, блестящий в своём гвардейском мундире: высокая шапка, алый камзол, белые рейтузы и черные сапоги.

— Мы не ждали вас раньше утра, Док.

— Мне просто нужно убедиться, что все готово. Завтра мы хотим начать пораньше.

Сопровождая его в ту часть храма, которая служила моргом, Тауэри рассмеялся:

— Если вы его оставили готовым, Док, стало быть, он и сейчас готов, потому как прогуляться куда у него никак не получится. — Он открыл дверь. Комната была просторной, с земляным полом и выходом во внутренние помещения через створчатые двери. Тауэри потянул носом воздух. — Не пахнут ещё. Всегда терпеть не мог трупы. Вам помочь?

— Нет, благодарю вас. — Два пустых гроба стояли на козлах, крышки лежали рядом с ними, другие стояли вертикально вдоль стены. Тела покоились на мраморных плитах, накрытые простынями. В дальнем конце помещались бочки со льдом. Из них сочилась вода, от которой темнел избитый земляной пол.

— Как насчет туземца? Долго нам хранить его здесь?

— До завтра. — У Хоуга вдруг все поплыло перед глазами, когда он сообразил, что по обычаю тело будет востребовано для кремации согласно синтоистскому ритуалу, но теперь никакого тела не окажется...

— Чего это с вами, Док?

— Ничего, просто... благодарю вас, сержант. — Его сердце забилося снова, ибо он вспомнил, что этот человек был корейцем, одним из потерпевших крушение рыбаков, которые владели здесь жалкое существование, не имея возможности вернуться домой, никому не нужные и презираемые местным населением. Бебкотт согласился на то, что тело сожгут в крематории храма. — Вообще-то, вы могли бы мне помочь, сержант.

Тело Малкольма было омыто и одето после вскрытия их японскими помощниками, находившимися у них в обучении. С помощью сержанта, который ухватился за ноги, они поместили его в гроб.

— Для трупа он выглядит прямо красавчиком. — Лицо Малкольма было безмятежным в смерти. — Давайте теперь второго, Док. К чему наживать себе грыжу, а, хотя этот коротыш весит не больше стоуна или двух.

— Давайте-ка завернем его в простыню.

Кореец был кожа да кости. Он умер от дизентерии. Вместе они положили его в гроб.

— Спасибо, я тут приберусь немного, потом лягу.

— Хорошо, Док, я пойду пригляжу, чтобы ваша комната была готова.

Оставшись один, Хоуг запер дверь на засов. С согласия Анжелики они решили, что традиционного выставления тела в открытом гробу, чтобы люди могли отдать последнюю дань уважения покойному, не будет. С

большой осторожностью он надвинул крышку на место. У него ушло всего несколько секунд на то, чтобы накрепко её приколотить.

Теперь следующий. Разница в весе будет слишком заметной. Что можно использовать? Землю. У стены сбоку он нашел лопату, принадлежавшую могильщикам, — не все тела сжигались. Земля снаружи была мягкой, ночь холодной, легкий ветерок шелестел листьями. Быстро орудуя лопатой, он таскал землю в комнату и равномерно рассыпал её поверх тела и с боков. Несколько веток заполнили остававшиеся щели. Удовлетворенный, он накрыл гроб крышкой и заколотил гвоздями. Тяжело дыша, потный, весь в грязи, он прислонился к гробу, озабоченный даже больше, чем вначале. Небесный Наш прав, подумал он, ополаскивая руки в ведре с водой. Даром нам это не пройдет.

— Вы совсем рехнулись, Док, — сказал ему Небесный Наш, сипло откашливаясь, — как и она, как и я, говоря, хорошо, я с вами.

Крошка Вилли окотится, ну да ладно, завтра вечером так завтра вечером. — Этот разговор произошел в клубе несколько часов назад, люди кругом по обыкновению шумели и спорили. — Выпейте ещё виски.

— Я выпью кофе, спасибо, а потом мне пора.

— Её рассказ напомнил мне о моей Нелли, Док. Я ведь был женат, когда служил клерком в юридической конторе, шестнадцать мне тогда было, ей пятнадцать, по крайней мере мы притворялись, что были женаты, и жили на чердаке неподалеку от Флит-стрит, рядом с пабом «Старый чеширский сыр», там хозяином Сэм Джонсон был. Она умерла при родах, и крошка, это был мальчик, тоже помер. — Он предложил Хоугу сигару и закурил сам. — Могила для нищих, два пенса за еженощную тачку, выносите своих мертвых, и больше я их не видел. Холера в том году была тяжелая, дизентерия тоже, кладбища были забиты до отказа. — Небесный Наш сплюнул в плевательницу. — Уже много лет не вспоминал я крошку Нелли. А вы были женаты, Док?

— Да, один раз, она тоже умерла в Лондоне.

— Ещё одно совпадение, а? После Нелли мне так ни разу и не захотелось жениться — я тогда поклялся, что таким бедным больше не буду, как бы оно ни сложилось, — всю жизнь в дороге, слишком много переездов. Девчонок у меня было полно, но вот болезнь я так и не подхватил. А вы, Док?

— Нет. — Хоуг скрестил пальцы. — Пока нет.

— Эй, да вы, оказывается, тоже суеверны, как и я?

— Да. Вы уверены насчет законности того, что мы делаем?

— Увереннее и быть нельзя, уверен, как в собственном дерьме, да

только ежели Крошка Вилли захочет, он вам надергает целую дюжину обвинений, как тузов из колоды, можете не сомневаться. Послушайте, как бы оно ни повернулось, Тесс Струан взбеленится так, что у неё исподнее по всем швам разлезется, а это значит конец вашему содержанию, и окажетесь вы на стремнине без весла.

— Нет. Я возвращаюсь в Индию...

Странно, как плохое ведет к хорошему или хорошее к плохому. Все это по-настоящему заставило меня решиться. На этот раз я действительно возвращаюсь, возвращаюсь в Куч-Бехар в Бенгалии, где я тогда квартировался и откуда она родом. Я разыщу её семью... а там посмотрим. Денег на это и на несколько оставшихся лет у меня хватит, наши сын и дочь теперь взрослые, нити пестротканого ковра под названием Лондон; они получили лучшее образование, какое я мог им дать, и все деньги, какие я мог им посылать, моя сестра и её муж теперь их настоящие родители — оба плоть от плоти Англии, её суть.

Я хороший врач, а, Господь свидетель, в Индии нужны врачи, даже плохие, поэтому, кто знает, может быть, я смогу найти там немного счастья... я даже не жду этого, лишь крохи покоя, какое-то отдохновение от непреходящего ужаса вины за то, что я убил её.

Чувствуя себя усталым, он внимательно осмотрел оба гроба. Последний взгляд, чтобы проверить, все ли так, как должно быть. Он взял фонарь и вышел, заперев дверь за собой.

Зловещая луна отбрасывала тень через открытые окна. Бесшумно сдвинулась с места другая тень. Сержант Тауэри заглянул внутрь морга. Он был озадачен. С чего бы это Доку Хоугу приезжать сюда среди ночи, а потом ещё копать землю в саду, словно какому подлому разорителю могил, и засыпать землей гроб туземца?

Любопытство до добра не доведет, парень, да только не вашего покорного слугу, особенно когда я тут за старшего. Завтра надобно тебе будет поподробнее все тут рассмотреть, пока наш добрый доктор не проснулся и пока сам Всемогущий Господь Бог Паллидар не прибудет с проверкой. Он-то ответ отыщет.

КАНАГАВА

Пятница, 12 декабря

— Итак, доктор? — ледяным тоном произнес Паллидар. Хоуга только что вызвали к нему. Он сидел на краю стула, бледный и взволнованный. С негнущейся спиной и в мундире, Паллидар выглядел внушительно, хотя и сильно страдал от простуды. На столе лежала его треуголка с плюмажем, рядом с ней сабля, свет раннего утра поблескивал на позументе. Позади него стоял сержант Тауэри. Колокола храма гудели зловеще. Хоуг застенчиво передернул плечами.

— Балласт.

— Ради Христа, доктор, это же не трибунал, и лично мне все равно, даже если вы станете набивать гробы коровьим навозом. Будьте добры, объясните мне, зачем вы сделали то, что сделали прошлой ночью.

— Я... я... подумал, подумал, что это неплохая мысль.

— Я хочу знать, немедленно... — Приступ кашля не дал ему договорить. В отчаянии Паллидар высморкался, прокашлялся, прочистил горло и закашлялся снова.

Хоуг оживился:

— Я... у нас тут в клинике есть кое-какая особая, новая микстура от кашля, она эту простуду мигом снимет, там в ней хинин есть, опий. — Он начал подниматься со стула. — Я сейчас принесу немного и...

— Сядьте! Речь о гробе, ради всех святых, а не о моей простуде! Сержант видел вас. Как и положено, он доложил мне. А теперь ответьте мне зачем?

Хоуг мялся и изворачивался, но знал, что он в ловушке. Обругав про себя сержанта, он сказал:

— Могу... могу я... могу я поговорить с вами наедине, Сеттри, старина, пожалуйста?

Паллидар гневно воззрился на него.

— Хорошо. Сержант! — Тауэри отдал честь и, печатая шаг, вышел. — Ну?

— Э-э... видите ли... видите ли... — Хотя Хоуг изначально решил резким тоном попросить его не совать нос в чужие дела и сказать, что, слава Богу, военная дисциплина на него больше не распространяется, а вы, проклятые офицеры, довольно попирали меня ногами, больше у вас это не

получится... он вдруг обнаружил, что выкладывает ему все как есть, со всеми подробностями, закончив: — Теперь вы понимаете, Сеттри, все дело было в весе, получалась разница в весе, земля же подходила как нельзя лучше... Послушайте, Джордж Бебкотт должен появиться в любую минуту, но он не должен ни о чем знать, никто не должен — вы ничего не знаете, мы просто пошлем неправильный, вернее, правильный гроб на клипер, а сегодня вечером, когда подойдет катер, мы, с Божьей помощью, похороним его так, как он хотел и как хочет Анжелика. — Хоуг принялся обмахиваться рукой, чувствуя себя лучше и вместе с тем слабея от сознания своей вины. — Вы ничего не знаете. А теперь, теперь я принесу эту микстуру от кашля.

— Да сядьте же вы наконец. — Паллидар буквально испепелял его взглядом. — Чертов вы дурак. Во-первых, вы сегодня в окно выглядывали?

— А? — Хоуг сделал, как было сказано. Окна комнаты выходили на море. По серой поверхности моря перекатывались тяжелые валы, дождевые облака скрыли солнце, затянув почти все небо. — О!

— Да, о! Ещё до вечера начнется шторм, чёрт подери, так что никакого погребения с катера, даже если бы это было возможно, а вам известно, что сэр Уильям приказал похоронить тело в Гонконге, стало быть, клянусь Господом, там оно и будет похоронено.

— Но, Сеттри, не...

— Ни ради вас, ни ради Анжелики, ни ради кого... — Паллидар опять закашлялся, потом хрипло добавил: — Сэр Уильям здесь главный, он принял решение и говорить больше не о чем. Вам ясно?

— Да, но...

— Никаких, чёрт подери, но, разрази меня гром. Будьте добры принести этой микстуры от кашля, и чтобы ноги вашей не было в морге. Сержант!

Голова Тауэри появилась в дверях.

— Да, сэр?

— Поставить часового у морга, никого не впускать без моего разрешения. Я хочу, чтобы никто не касался гробов.

Хоуг разразился безмолвными ругательствами, проклиная себя за то, что проговорился о решении сэра Уильяма, проклиная Паллидара, этого не в меру ретивого сержанта, но больше всех себя самого. Будь я трижды проклят, думал он, я все разрушил. В клинике он достал с полки микстуру, почувствовал искушение добавить туда касторового масла, но решил не добавлять.

— Вот, Сеттри, это должно помочь.

Паллидар попробовал, поперхнулся.

— Ну и гадость, вы уверены, что не помочились туда, просто чтобы попротивнее было?

— Мне очень хотелось. — Хоуг улыбнулся. — Извините, что оказался таким непроходимым идиотом. Вы все ещё можете закрыть на это глаза, могли бы, знаете. Нельсон закрывал.

— Да, но он служил во флоте, мы привыкли держать глаза открытыми.

— Сеттри. Пожалуйста?

Паллидар задумчиво потягивал лекарство.

— Вы должны подчиниться приказу сэра Уильяма, так оно лучше, если думать о будущем. Вас все равно бы поймали, вчера было тринадцатое.

— Чёрт меня возьми, я и не заметил. — Внимание Хоуга привлекли тревожные морщины на красивом лице капитана. — Что случилось?

— Со мной ничего, кроме этой паршивой простуды и кашля. Зато в Поселении много всего.

— Что там ещё?

— За последние дни отмечено много передвижений противника вокруг нас, отряды самураев, большая часть передвижений скрытные — просто для безопасности мы патрулировали местность до Токайдо и границ Поселения, потому их и заметили. По дороге сюда в некоторых местах самураи стоят по десятеро в ряд. Они нас не трогали, кроме своего обычного бормотания в спину. Я насчитал почти четыре сотни вооруженных ублюдков.

— Тайро Андзё пытается встревожить нас, испугать?

— Вероятно. — Паллидар кашлянул, отхлебнул ещё микстуры. — Это отвратительно, я уже чувствую себя хуже. Брр! Я рекомендую отвести всех наших отсюда на некоторое время.

Хоуг присвистнул.

— Нам бы не хотелось закрывать клинику.

— А мне бы не хотелось, чтобы вас прикончили и в гроб положили. Эти сукины дети любят нападать исподтишка. Как на несчастного бедолагу Малкольма. Кто-то за него заплатит.

Хоуг кивнул.

— Я согласен. — Он бесцельно посмотрел в сторону Иокогамы, местность была плоская и зимой выглядела неинтересной — я ненавижу холод, всегда ненавидел и всегда буду ненавидеть. Взгляд увлек его к «Гарцующему Облаку», к паровому пакетботу, торговым судам, военным кораблям, угольным баржам — везде кипела работа, люди готовились к

надвигающемуся шторму или к отплытию. Из труб военных кораблей тонкой струйкой сочился дым — приказ командования, выполнявшийся демонстративно, дабы бакуфу и их шпионы знали, что весь флот способен выступить в боевой поход в течение часа.

Глупо, весь этот обстрел, столько смертей, но, с другой стороны, что мы можем поделать? Виновные должны понести наказание. Тут он увидел дым парового катера Струанов. Тот с пыхтением направлялся в их сторону, взлетая и падая на высокой волне; брызги из-под форштевня заливали стекла капитанского мостика и главной каюты. Его возбуждение достигло предела.

— Сеттри, вам не кажется... — Он оборвал на полуслове ещё одну горячую мольбу, вдруг сообразив, что, даже если сегодня вечером они не смогут провести сами похороны, при некотором везении ему ещё вполне могла удалиться первая часть плана: отправить на борт «Гарцующего Облака» не тот гроб.

Только мне известно, какой гроб какой, кроме, может быть, сержанта, а у меня такое чувство, что он не заметит разницы. Никто её не заметит, если только гроб не открывать.

— Вам не кажется, что жизнь в Йокогаме более странная, чем в других местах, сидим тут как на пороховой бочке?

— Да везде одно и то же. Никакой разницы, — задумчиво произнес Паллидар, внимательно глядя на него.

ЙОКОГАМА

Джейми, Анжелика и Скай тесной группой стояли у эркерного окна в кабинете тайпэна. Дождь хлестал по стеклу. Время близилось к полудню.

— Сегодня вечером будет слишком опасно.

— Значит, разыграется шторм, Джейми?

— Да, Анжелика. Достаточно сильный, чтобы остановить нас.

— А «Облако» отплывет сегодня, как намечено?

— Да, его никакой шторм не остановит. Катер отправился в Канагаву, чтобы забрать другой гроб. Вы по-прежнему хотите, чтобы его доставили на клипер, а не на пакетбот?

— Это приказ сэра Уильяма, а не мой, — твердо ответила она. — Он хочет отправить моего мужа вопреки его желаниям и моим, он говорит, что тело должно быть доставлено как можно быстрее, а это значит с клипером. Этот гроб отправится так, как он того пожелал. Джейми, наша хитрость... я думаю, наша хитрость оправданна. Что же касается шторма, это будет маленький шторм. Если мы не сможем похоронить моего мужа сегодня,

значит, попытаемся завтра. Или на следующий день.

— Пакетбот уходит завтра примерно в полдень.

— Вы не смогли бы задержать его отплытие на всякий случай?

— Думаю, что смог бы. Я попробую. — Джейми на мгновение задумался. — Я поговорю с капитаном. Что ещё?

Анжелика печально улыбнулась.

— Сначала нам необходимо убедиться, что у доктора Хоуга все получилось. Если нет... возможно, я, в конце концов, должна буду отправиться с клипером.

— Более чем вероятно, что Хоуг вернется сюда с катером, тогда мы сможем принять решение. — Джейми помолчал и добавил, не веря в это: — Так или иначе все образуется. Не тревожьтесь.

— Как насчет того, чтобы попросить Эдварда Горнта присоединиться к нам? — спросила она.

— Нет, — ответил Джейми. — Нас троих с Хоугом достаточно. Я уже заказал места на пакетботе для Хоуга, вас и себя.

— Анжелика, — вмешался Скай, — вам гораздо разумнее остаться здесь. Здесь все знают, что Крошка Вилли принял решение вопреки вашим желаниям, это дает вам некоторое преимущество в общественном мнении.

— Если у нас не получится похоронить Малкольма, тогда я поеду. Я должна быть на его похоронах, иначе нельзя. — Она вздохнула. — Нам нужен руководитель нашего предприятия. Джейми, им должны быть вы.

— Я согласен, — кивнул Скай. — А пока давайтеждемся доктора Хоуга.

Джейми открыл было рот, но промолчал, потом кивнул и прошел в свой кабинет. Большая стопка писем ждала решений. Он начал разбираться с ними, работая усердно, но его внимание все время притягивал к себе ящик стола. В нем лежало письмо Морин. В конце концов он швырнул ручку на стол, вынул письмо и перечитал его. Он мог бы и не делать этого, потому что читал его уже раз двадцать.

Главное его предложение гласило: «Поскольку ответа на мои горячие просьбы и молитвы, чтобы ты вернулся и начал нормальную жизнь дома, нет, я решила всецело положиться на нашего Создателя и отправиться в Гонконг, или в Японии, где бы ты ни оказался. Мой любимый отец ссудил нам денег, которые занял, заложив наш дом в Глазго — пожалуйста, оставь мне записку в конторе Кука в Гонконге, ибо я отплываю завтра, в каюте второго класса на пароходе „Истерн Мэйл“ компании „Кьюнард“...»

Письмо было написано более двух с половиной месяцев назад.

Он простонал. Она будет в Гонконге со дня на день. Мое письмо

пришло слишком поздно. Что мне теперь делать? Улыбаться во весь рот? Спрятаться? Удрать в Макао, как старый Аристотель Квэнс? Ни за что. Это моя жизнь, и я никоим образом не могу содержать жену, мне не нужна жена... я не могу просто написать ещё одно такое же письмо и позаботиться, чтобы оно встретило её по приезду. Мне придется...

Стук в дверь прервал его мысли.

— Да? — проревел он.

Варгаш осторожно просунул голову в дверь.

— Вы можете уделить мне секунду, сеньор?

— Да, что такое?

— Вас хочет видеть один человек, — презрительно скривив губы, доложил Варгаш, — некто мистер Корниман, кажется, так он себя назвал, если я правильно расслышал.

Это имя ничего не говорило Джейми. Варгаш приоткрыл дверь чуть шире. Низкорослый, похожий на хорька человечек был одет как-то странно: наполовину европеец, наполовину японец. Рубашка, штаны, пальто на толстой подкладке, чисто выбрит, волосы чистые, заплетены сзади в косичку, нож у пояса, изрядно стоптанные сапоги. Лицо его было Джейми не знакомо, но здесь, в Японии, внешность была обманчива и незнакомцы часто оборачивались совсем не тем, чем казались на первый взгляд. Подчиняясь внезапному порыву, он сказал:

— Входите, пожалуйста, садитесь. — Тут он вспомнил про пакетбот. — Варгаш, будьте добры, попросите капитана Бидди заглянуть ко мне на минутку. Он должен быть в клубе. Присаживайтесь, мистер Корниман, если не ошибаюсь?

— У тебя есть чего выпить, приятель?

— Кто вы такой и что вам нужно?

— Джонни Корнишмен помнишь, я видел тебя с тайпэном, я да мой приятель, Чарли Янк, мы старатели, пра-ально?

— Старатели? А, да, я тебя помню. — Сейчас этот человек выглядел чистым и опрятным, тогда же он был заросшим, грязным, дурно пахнущим бродягой. Только его злобные, вороватые глазки остались теми же. — Мы заключили с вами сделку, но вы сговорились с Броками, — резко сказал он, — вы нас продали.

— Ага, продали, эт'верно. Мы ж бизнесмены. Норберт дал нам больше, скажете не так? Забудь о нем, его больше нет. Спервоначала надо выпить, а? Потом потолкуем.

Джейми скрыл свой интерес. Такой не вернется пустым, что-то они там отыскиали. Он отпер буфет и налил полбокала рома.

— Вы наткнулись на что-нибудь?

Человечек разом проглотил половину, поперхнулся и осклабился, обнажив десны, из которых криво торчали два последних потемневших зуба.

— Енто получ'че саке будет, клянусь Создателем, только я не в накладе, эти ихние маленькие шейлы^[38] заставят ты забыть про любую выпивку. — Он рыгнул и ухмыльнулся. — Только покуда ты моисся. Господи, ну и приставучи они нащёт воды да мытья, почище нашей Ёсивары, но уж когда ты вымоисся, тут они готовы задницами трясти да вертеть, пока Царствие Небесное не прииде! — Он грубо захохотал собственной шутке, потом сказал жестко: — Есть луччий пароходный уголь, тонны, приятель, хватит, штоб набить весь наш етитный флот. За половину гонконгской цены за тонну.

— Куда? С поставкой куда? — спросил Джейми, просяив. Уголь имел огромную ценность, и его не хватало, особенно для флота, и местные его поставки стали бы даром Небес, а также постоянным источником дохода. Даже по двойной против гонконгской цене он сумел бы сбуть любое его количество, не говоря уже о половинной. — С поставкой куда?

— Сюда, в Иокопоко, куда ж ещё, только шесть пенсов с тонны ты должен класть в банк для Джонни Корнишмена. — Он допил ром одним глотком. — Платить станешь золотыми или же серебряными «мексиканцами», и платить надобно вот ентому содомиту. — Он протянул Джейми листок бумаги. На нем печатными буквами вкривь и вкось было выведено: «Деревня Иокогама, сёя Рёси, купец Гъёкоямы.» — Ентот стручок знает, че к чему, веревки там, знает, че делать. Ты знаешь енту обезьяну?

— Да, он староста деревни.

— Хорошо. Хозяин так и сказал, что ты его должен знать.

— Кто твой хозяин?

Корнишмен ухмыльнулся.

— Сам Господин Главный Навозник. Имена те ни к чему. Времени не теряй. Мы договорились, да или нет?

Помолчав секунду, Джейми спросил:

— Где лежит пласт?

— То, что я нашел, оно мое, приятель, не твое. — Маленький человечек неприятно рассмеялся. — Он тут рядом, но на вражеской земле. Слушай, первый пласт я уже вскрыл, там уж целая гора угля и тыща энтих желтых содомитов, штоб рыть да таскать, хватит на двадцать флотов на двадцать лет, клянусь Богом.

— Почему я? Почему ты просишь меня иметь дело с тобой?

— Потомуштак Норберт помер, чёрт подери, а ты теперь тут самая большая шишка, когда тайпэн тоже помер. Йокопоко, выходит, прям-таки опасное место, а? — Корнишмен протянул свой бокал. — Мне бы ещё плеснуть, уж будьте так любезны, мистер всемогущий «Струан и Компания».

Снова Джейми налил ему и опять сел. Корнишмен заметил, что рома в бокале было вполовину меньше, чем в первый раз, и фыркнул.

— Это ещё что?

— Мы заплатим пятую часть гонконгской цены, за вычетом таможенных сборов, при доставке сюда, первая поставка через тридцать дней. Никакой сторонней сделки.

Глазки человечка заматались по комнате, как крысиные.

— За таможню уж ты сам плати, приятель. Мои сторонние денежки остаются. Ты послушай: послезавтра подгоняй угольную баржу к Эдо, место я укажу. Послезавтра. Мы её нагрузим, ты плотишь пятую часть, когда будет доверху, и тащишь её сюда, в Йоко, потом плотишь остальное ентому стручку, который в бумаге пропечатан. Шесть пенсов с тонны на мое имя, Джонни Корнишмен. Куда уж честней-то, а? Уголь твой ещё до расплаты и вполцены против Гонконга.

— Пятая часть гонконгской цены за все.

Острая мордочка гостя злобно скривилась.

— Покупая вполцены против Гонконга, ты загибаешь большую прибыль, чёрт подери, уголь-то здесь, а не на ентот етитном Гонконге. Ты ж 'кономишь и за провоз, и за устраховку, и ещё Бог знает за что — мы же не грабители там какие, тут у нас rispиктабельная торговля!

Джейми рассмеялся.

— Вот что я тебе скажу: за первую баржу я заплачу треть гонконгской цены. Если качество оказывается таким, как ты говоришь, и ты гарантируешь поставку одной баржи в неделю или сколько ты там сможешь, я в течение года подниму цену до половины гонконгской минус пятнадцать процентов. Три пенса за тонну сбоку для тебя. А как быть с твоим партнером, как бишь его звать, Чарли Янк?

— Шесть пенсов или ничего. — Опять глаза заматались по комнате и остановились на нем, поблескивая. — Он помер, как и твой тайпэн, только смерть у него была не такая, как у этого счастливчика.

— Ты лучше выбирай выражения, когда говоришь о нашем тайпэне.

— Поди ты к черту, приятель. Я ж со всем уважением. Кому из нас не захочется встретить Костлявую, когда у него на торчке красотка прыгает. —

Он допил ром и поднялся. — Через два дня, в самый полдень. Баржу надобно поставить здесь. — Он развернул маленькую, от руки нарисованную карту. Жирный крест стоял на побережье, в нескольких милях севернее Канагавы, южнее самого Эдо. — Ты подгоняешь грузовые баркасы, мы даем рабочие руки.

— Через два дня не получится, это воскресенье. Давай в понедельник.

— Ясное дело, Божий день есть Божий день. Через три дня. Джейми разглядывал карту. Беззащитная угольная баржа со вспомогательными баркасами и командой могла бы оказаться соблазнительным призом.

— Поскольку баржа будет из тех, что принадлежат военному флоту, и уголь предназначается для него же, я так полагаю, они пошлют с ней фрегат, который встанет у берега.

— По мне, пусть хоть весь свой етитный флот посылают. — Корнишмен старался выглядеть достойно. — Я напал на золотую жилу, и мы люди порядочные, клянусь Богом, очень порядочные.

— Я рад это слышать.

— Стало быть, шесть пенсов или ничего!

— Четыре пенса.

Корнишмен сплюнул.

— Шесть, клянусь Богом. Я знаю, чего уголь стоит, и чего он стоит етитному флоту, и чего ты можешь на нем заработать. Может, я прямо с ними столкнусь.

— Можешь попробовать, — рискнул Джейми. — Слушай, вот что: четыре пенса за первые десять барж, остальные по шесть.

Маленький человечек в ярости уставился на него.

— Теперича я знаю, почему вы «Благородный», чёрт меня раздери, «Дом». — Он протянул руку, грубую, в мозолях. — Твое слово струановского желтмена. — Они скрепили сделку рукопожатием. Потом он спросил: — Ах да, у ты есть ртути хоть сколько?

Интерес Джейми опять подскочил до высшей отметки. Ртуть использовалась при добыче золота.

— Да. Сколько тебе нужно?

— Немного для начала. Запишешь за мной?

— Хорошо. Ты остановился в «Иокогама Армз»?

— Это, етитный дух, вряд ли: мне в Пьяном Городе делать нечего, — ответил Корнишмен, презрительно скривив губы. — Я возвращаюсь прямехонько назад, а ты должен держать про уголь все в секрете, сделку в секрете, нет имен — так и по полной выкладке гонять некого. Я не хочу, чтобы какие-то чертовы держиморды зацапали мой участок. — Он

направился к двери.

— Погоди! Куда ты идешь? Как мне связаться с тобой?

— Я возвращаюсь на свой участок. — Он снова обнажил десны в злой ухмылке. — Мои самураи и мой паланкин стоят за Северными воротами, я сюда проник вроде как тайно. В другой раз, как я приду, я приду как желтмен, никакого там етитного Пьяного Города. А те со мной связываться незачем, отправляйся к ентной обезьяне. Я теперича риспиктабельный торговец, и ты про это не забывай. Ртуть пришьешь с баржой. — Он вышел.

Джейми долгое время смотрел на стены, просеивая в уме услышанное. Надежный источник угля был бы как нельзя более кстати, но он неизбежно иссякнет, когда флот разгромит Эдо. И почему ртуть? Неужели этот мерзкий плут действительно напал на золото? И кто его настоящий хозяин? Если уж на то пошло, то кто теперь мой?

До конца этого месяца — Тесс. Насколько я обязан хранить ей верность? На все сто. До конца месяца.

Дождь стучал в окно. Он встал с кресла и критическим взглядом окинул залив. Цвет моря стал ещё более грязно-серым, небо опускалось все ниже. Нет сомнений, что шторм будет опасным для катера, но не для корабля. А, вот и он!

Их катер находился примерно в паре сотен ярдов от их причала, осторожно пробираясь меж волн, на палубе вода, но не слишком много, брызги из-под форштевня были обильными; флаг Струанов приспущен — как и флаг над их зданием со дня смерти тайпэна. Его бинокль был наведен на окна каюты. Теперь он отчетливо мог видеть в ней Хоуга и Паллидара; покрытый флагом гроб был надежно пристегнут к одной из скамей, как он приказал. По нему пробежала судорога, когда он увидел переплетенных Льва и Дракона, обернутых вокруг гроба Малкольма. Потом он вспомнил, что в этом гробу покоился не его друг, а какой-то безымянный туземец, по крайней мере он надеялся на это.

— Варгаш!

— Да, сеньор?

— Забери эту часть почты, сними копии и запечатай. Остальное я разберу сегодня днём. Я вернусь попозже.

— Капитана Бидди не было в клубе, но его там ждали. Я оставил ему записку.

— Спасибо. — Не торопясь он надел пальто и шляпу и вышел, наклонившись вперед навстречу ветру с дождем. Он был почти один на Хай-стрит. Он посмотрел в сторону Северных ворот, Корнишмена нигде не

было видно. Несколько стражников-самураев сидели, прислонившись спиной к подветренной стене здания таможни. Несколько торговцев спешили в клуб, чтобы перехватить поздний второй завтрак. Некоторые помахали ему рукой. Один остановился и помочился в канаву. Южная часть Пьяного Города выглядела ещё более убогой в этот серый день. Это не место для женщины, подумал он.

— Эгей, Джейми! — крикнул Хоуг с катера.

— Привет, Док, здравствуйте, Сеттри. — Они выбрались на грубые просмоленные доски причала, опорные столбы уходили глубоко в морское дно, поскрипывая под ударами волн. Одного взгляда на Хоуга было достаточно, чтобы понять: подмена прошла успешно, хотя приземистый доктор изо всех сил изображал невозмутимость. Значит, пути назад нет, подумал он. Паллидара мучил новый приступ кашля. — Сеттри, вам лучше серьезно заняться своим кашлем, пока это не вылилось во что похуже.

— Уже вылилось, — с кислой миной произнес Паллидар. — Этот так называемый доктор дал мне питье, которое неминуемо меня прикончит. Док, — проговорил он, опять начиная кашлять, — если это случится, когда это случится, подите вы к черту.

Хоуг расхохотался.

— Двойная доза сегодня, и завтра вы будете свежи как огурчик. Джейми, все в порядке?

— Да.

— Я слагаю с себя ответственность за гроб и передаю её вам, Джейми. Он отправляется на борт «Гарцующего Облака» немедленно?

— Примерно через полчаса. Анжелика хотела... попрощаться. Преподобный Твит добавит несколько слов.

— Значит, она точно не уезжает с клипером?

— Не знаю, Сеттри, наверняка не могу сказать. Последнее, что я слышал, это то, что она заказала каюту на пакетботе, но вы ведь знаете, как устроены женщины.

— Я её понимаю. Возвращаться на клипере... у меня и самого от этой мысли мурашки по коже бегают. — Паллидар высморкался и плотнее запахнулся в свою шинель. — Если хотите, я уговорю сэра Уильяма отправить гроб с пакетботом, тогда они придут вместе.

— Нет, — вырвалось у Хоуга прежде, чем Джейми успел помешать ему, но доктор тут же спохватился и взял себя в руки, — нет, Сеттри, старина, я бы не рекомендовал это с медицинской точки зрения. Лучше оставить все как есть. Пусть гроб отправляется с «Гарцующим Облаком». Анжелика сейчас в полном порядке, но новое внезапное потрясение может

столкнуть её назад в этот кошмар. Лучше уж пусть она едет пакетботом, а гроб — клипером.

— Как вам будет угодно. Джейми, я собираюсь рекомендовать Уильяму немедленно закрыть Канагаву, за тем я и вернулся.

— Боже Всемогуций, почему?

Паллидар рассказал ему о заставах и большом количестве самураев в округе.

— Переживать не из-за чего. Мы всегда сможем отправить их к чертовой матери. Не возражаете, если я воспользуюсь вашим катером, чтобы добраться обратно, это сэкономило бы мне время.

— А почему бы вам не отправиться с ним на «Гарцующее Облако», а потом он прямиком доставит вас обратно. Вы ночуете в Канагаве?

— Нет, все, что нужно, я уже увидел, мне просто придется забрать своих ребят, — ответил Паллидар к их облегчению. — Служащие и охрана смогут эвакуироваться в течение следующих нескольких дней. До встречи. — Он повернулся и пошел, кашляя в кулак.

Паллидар был ещё достаточно близко, когда Хоуг выпалил:

— Джейми, все прошло великолепно.

— Да не сейчас же, ради бога. — Несмотря на холод и дождь, Джейми был весь покрыт потом. Он повернулся и прошел назад по Хай-стрит, под стену одноэтажного строения, где их никто не мог слышать. — Что случилось?

— Все сработало как по волшебству. Сегодня утром, сразу же как только прибыл катер, мы пошли в морг и...

— Кто это мы?

— Сеттри, сержант Тауэри, боцман и два человека команды. Мы обернули гроб флагом, закрепили его, и они отнесли его на катер. Второй гроб ждет нас сегодня или в любой другой день — все думают, что он оставлен там для кремации. — Хоуг, прищурившись от дождя, посмотрел на море. — Сегодня не получится, а?

— Никак. Но к утру этот шторм выдохнется. Я думаю.

— Хорошо. — Хоуг потер замерзшие руки. — Все прошло как в сказке. Одна маленькая проблема — туземец был крошечный, кожа да кости, поэтому я набил гроб землей, чтобы уравнять разницу в весе.

— Боже милостивый, конечно! Я об этом и не вспомнил. Это вы здорово придумали.

— Я сделал это вчера ночью, никаких проблем — никто ни слова не сказал, когда гроб несли на катер, ни один олух.

— Бог мой, все это так рискованно, — встревоженно нахмурился

Джейми. — Как нам забрать второй гроб из миссии: там же полно служащих и солдат?

— С этим все уже улажено, — весело фыркнул Хоуг. — Я приказал нашим помощникам-японцам поставить его в сарай рядом с нашим причалом в Канагаве, это недалеко от крематория. Они могут сделать это, не возбуждая ничьих подозрений. Джордж сказал мне как-то, что переносит туда гробы и тела, когда у него не хватает места. Для них это самое обычное дело.

— Чудесно! Сколько оттуда до причала?

— Шагов пятьдесят или около того. Мы и втроем легко перенесли бы его на катер, а ведь с нами будет ещё и боцман, так?

— Да. Вы чертовски лихо со всем справились. Чертовски лихо. — Джейми посмотрел сквозь дождь, сузив глаза. — Жаль, что нельзя сделать этого сегодня и покончить со всем этим.

— Не расстраивайтесь. Завтра ещё не поздно. — Хоуг был очень уверен в себе и доволен похвалой Джейми. Не стоит говорить ему о том, что его заметили, и о Паллидаре. Сегодня утром они позавтракали вместе, и когда он сказал: «Сеттри, насчет прошлой ночи...» — Паллидар прервал его словами: «Забудьте об этом, просто забудьте об этом, доктор, это лучшее, что вы можете сделать».

Это действительно лучше всего, подумал он с широкой улыбкой, забыть, что это вообще случилось.

— Мы сходим за Анжеликой? Как она себя чувствует?

Через час они вновь собрались рядом с катером. Дождь усилился, ветер налетал тугими порывами. Морские брызги залетали на причал. Надежно пришвартованный катер поднимался и падал на волнах, скрипя канатами. Анжелика была в черном, широкий черный плащ поверх её перекрашенного платья, черная шляпа с густой черной вуалью и зонтик. Зонтик был небесно-голубого цвета — резкий контраст с остальным нарядом.

Её окружали Джейми, Скай, Дмитрий, Тайрер, сэр Уильям и другие министры, капитан Стронгбоу, Горнт, Марлоу, Паллидар, Варгаш, Андре, Сератар, преподобный Твит и многие другие, все закутанные от дождя. Позади, на некотором отдалении, стоял отец Лео, спрятав руки в рукава сутаны, и мрачно смотрел на них из-под бровей. Джейми пригласил преподобного Твита, чтобы прочесть благословение.

— Было бы странно, — объяснил он Анжелике, — если бы мы не сделали этого. Я позабочусь, чтобы настоящей службы не было, как и

речей, это было бы неправильно. Просто благословение.

Немилосердная погода помогла сократить церемонию. В кои-то веки Твит был на удивление красноречив. Когда он закончил говорить, все смущенно посмотрели на неё. Над головами слышались крики чаек; сильный ветер увлекал их с собой, и они радостно парили в стремительном потоке. Сэр Уильям первым нарушил молчание:

— Ещё раз, мадам, мои глубочайшие соболезнования.

— Благодарю вас. — Она стояла прямо. Дождь барабанил по её зонту, капли мелкими брызгами разлетались во все стороны, ударяясь о него. — Я протестую против того, что мне не позволяют открыто похоронить моего мужа так, как он и я того желаем.

— Ваш протест принят к сведению. — Сэр Уильям приподнял цилиндр. Вслед за ним остальные цепочкой прошли мимо неё, принося свои соболезнования и приподнимая шляпы или отдавая честь, если были в мундирах. Стронгбоу отдал честь и ступил на катер, Паллидар последовал за ним, в тот же момент перед ней остановился Марлоу, все ещё глубоко расстроенный.

— Мне так ужасно жаль, — сказал он, отдал честь и отошел. Последним был отец Лео. Печально и торжественно он осенил катер крестным знаменем, бормоча молитву на латыни; лица его почти не было видно.

— Но он не католик, святой отец, — мягко заметила Анжелика.

— Я думаю, он был одним из нас, сеньора, в сердце своём. — Акцент отца Лео стал слышнее от горя, всю ночь он провел в молитве, испрашивая ответа свыше, что ему делать, должен ли он прийти сюда или нет. — Он узрел бы свет, вы бы помогли ему, я в этом уверен. *In nomine Patri...* ^[39]

С несчастным видом он побрел прочь. Теперь на причале с ней оставались только Джейми, Хоуг и Скай.

— Что теперь, Джейми? — спросила она; глубокая меланхолия овладела ею.

— Мы подождем здесь минуту, — ответил он.

Как и остальные, он чувствовал себя частью обмана и в то же время был глубоко тронут и не считал это обманом. Все это лишь, чтобы помочь другу, говорил он себе. Ты пообещал ему защищать его спину и её тоже. Именно это ты и делаешь. Да, но это обман, и он претит мне. Забудь об этом, ты главный среди них, поступай как главный.

— Капитан Стронгбоу, отчаливайте! Бог вам в помощь!

— Есть, сэр, благодарю вас. — Катер медленно отошел от причала, ныряя в волны, потом стал набирать скорость. Вслед ему летел крик

морских чаек. Они проводили его взглядом.

— Какое странное чувство, — прошептала она, беззвучно плача. — Странное и вместе с тем не странное. Мы ни в чем не ошибаемся, нет? Или да?

Вновь Джейми принял решение за них всех.

— Нет, — сказал он, взял её под руку и повел к дому.

Перед самым закатом Варгаш постучал в дверь кабинета тайпэна.

— К вам мистер Горнт, сеньора. Мсье Андре просил передать, что мсье Сератар почтет за честь, если вы отужинаете сегодня с ним.

— Поблагодари их, но скажи «нет», может быть, завтра, не знаю. Здравствуйте, Эдвард. Входите. — Она снова села в эркере у окон, снаружи было темно, шел дождь. Бутылка белого вина была открыта и ждала на льду. Один тонкий бокал охлаждался рядом, перевернутый вверх дном. — Пожалуйста, наливайте себе, вы сейчас на клипер?

— Да, баркас готов. Ваше здоровье, мэм.

— И ваше. Вы единственный пассажир?

— Я не знаю. — Он колебался мгновение. — Вы выглядите чудесной, воздушной и недосыгаемой, мэм.

— Мне жаль, что вы уезжаете. Может быть, все станет лучше, когда вы вернетесь, — сказала она; он нравился ей так же, как и прежде. — Вы вернетесь или сначала поедете в Шанхай?

— Это будет видно в Гонконге. Где вы остановитесь? На Пике, в Большом доме Струанов?

— Я не решила окончательно, поеду ли я вообще.

— Но... вас не будет на похоронах? — спросил он, сбитый с толку.

— Я приму решение завтра, — продолжала она, желая, чтобы он терялся в догадках, он и все остальные, даже Джейми. — Мистер Скай настоятельно советует мне остаться здесь, и я не очень хорошо себя чувствую. — Она пожала плечами. — Я решу завтра, место на пакетботе заказано. Я отчаянно желаю быть с ним, мне нужно быть там, и все же... если его не похоронят так, как желал он и желаю я, значит... значит, я предала его.

— Вы не предавали его, мэм. Все это знают.

— Вы не предадите меня, ведь правда, Эдвард? Вы доставите ей мое письмо, все, как мы договорились?

— Немедленно. Слово есть слово. Вопрос чести. Мэм. — Он посмотрел ей прямо в лицо.

— И я тоже дала вам обещание. Разве нет? Вопрос чести. Вечная дружба.

То, как она произнесла эти два слова, одновременно и было, и не было обещанием. Сколько он ни пытался, он не мог больше читать по её лицу, как раньше. Раньше он знал бы точно, как далеко позволит ему продвинуться такое обещание. Теперь он ощущал барьер. Я рад, подумал он, ибо, если существует барьер для меня, он будет существовать и для каждого мужчины. Шесть месяцев это все ещё немного и срок самый подходящий.

Значит, в Гонконге её может не оказаться. Как это повлияет на мое положение?

— Мои планы, мэм? Они зависят от Тесс Струан. — Он хотел рассказать Анжелике о своём настоящем плане, но был слишком умен, чтобы дать ей это понять даже косвенно. — Я надеюсь, что она начнет действовать на основе той информации, которую я ей предоставляю. Это займет по меньшей мере месяц. Если она пожелает, я задержусь на месяц и помогу, ей понадобится помощь, мэм. Все зависит от неё. Если вы прибудете с пакетботом, мы сможем встретиться и поговорить там. Если нет, вы позволите мне писать вам?

— Конечно, да, пожалуйста. Я буду рада. С каждой почтой. Обещаю, что буду держать вас в курсе моих планов. — Она выдвинула ящик стола и достала оттуда конверт. Он был адресован Тесс Струан. И не запечатан. — Вы можете прочесть его.

— Благодарю вас, мэм, но в этом нет нужды.

Анжелика забрала у него конверт, но не стала его запечатывать, а просто заправила клапан внутрь.

— Это избавит вас от необходимости держать его над паром, чтобы вскрыть, Эдвард.

Он рассмеялся.

— Почему вы так уверены, что я стал бы делать это?

— Я бы сделала. Это было бы слишком большим искушением. Но, пожалуйста, запечатайте его, перед тем как будете вручать ей.

Он кивнул.

— Вы как-то сказали, что теперь вы понимаете, почему я нравился вашему мужу, почему я был бы опасным врагом и ещё более опасным другом. Возможно, это относится и к вам тоже, Анжелика.

— Может быть, — просто ответила она. — Я пробираюсь на ощупь в этом новом мире, Эдвард. Он полон трудностей и невидимых глазу опасностей. Но вы увидите, что на меня можно положиться, когда я даю своё слово, как я дала его вам. Не забывайте, что я француженка. — Легкая улыбка. — Прочтите его.

Письмо гласило:

Дорогая миссис Струан, читая эти строки, вы уже будете знать ужасное известие о Малкольме — извините, что я не могу говорить с вами лично, но доктор Хоуг посоветовал мне воздержаться от путешествия и на «Гарцующем Облаке», и на пакетботе.

Я не могу высказать вам, как я убита горем, что пережила. Позвольте мне просто сказать, что я любила его всем сердцем и старалась сделать все как можно лучше, пока он был жив, и после его смерти отчаянно пыталась похоронить его так, как он желал, в море, как был похоронен его дед, которого он обожал. Но мне запретили это. Пожалуйста, я умоляю вас, пожалуйста, сделайте для него то, что не смогла сделать я.

Но я смогла выполнить другой свой долг перед ним. Податель сего письма был другом вашего сына. Он привез сведения огромной важности — те, что он обещал передать Малкольму в день, когда он умер, те, что он, Малкольм, спешил передать вам, немедленно отправившись с «Гарцующим Облаком»: средство уничтожить ваших извечных врагов, Тайлера и Моргана Броков. Мистер Горнт поклялся мне, что передаст вам все до мельчайших подробностей. Я умоляю вас воспользоваться этой информацией, если она действительно так ценна, как он уверяет. Успешное окончание этой старинной вражды и избавление вас от боли, которую она вам причиняет, будет Малкольму, я знаю это доподлинно, лучшей эпитафией, какую он мог бы себе пожелать.

Она поставила внизу дату и подписалась Анжелика Струан, Йокогама. В письме был постскриптум:

Странно, не правда ли, что мы, между кем столько общего — я тоже ненавижу своего отца, он тоже пытался меня уничтожить, — были все это время такими чужими друг другу, так напрасно.

Эдвард Горнт с задумчивым видом заклеил конверт. Он положил его в карман и поднял бокал.

— Долгих вам лет, вы замечательная женщина, замечательная.

— С чего вы взяли?

— Вы ничего не просите, даете все, — ответил он с искренним восхищением и не добавил: «И вы не упоминаете о тридцати днях, когда, будучи женщинами, именно об этом вы думаете в первую очередь — ибо, если вы носите ребенка, империя Струанов, большая её часть, принадлежит вам, будет это сын или дочь, хотя сын был бы идеальным исходом! И даже если вы не беременны, нескромная претензия на торговый дом Струанов будет столь же уместна и неопровержима. В любом случае вы все равно станете моей женой!» — Вы великая женщина, — спокойно произнес он, — и я надеюсь, что мне будет позволено разделить вашу вечную дружбу.

Он поднялся, галантно поцеловал ей руку и сразу вышел.

Вновь оставшись одна, она с удовлетворением кивнула, потом налила вина в его бокал — под рукой были и другие бокалы, но она специально выбрала этот — и пригубила вино с удвоенным удовольствием. Потом, решительно сдвинув брови, подняла бокал в сторону моря:

— Попутного тебе ветра, «Гарцующее Облако». Ещё один глоток.

И тогда она улыбнулась.

— Филип!

— Да, сэр Уильям?

— Вот, возьмите вот это. Наши остальные депеши готовы?

— Да, сэр. Я снял дополнительные копии с обоих дознаний, свидетельств о смерти и так далее. Я заберу из сейфа ваши послания губернатору с пометкой «лично и конфиденциально», и это будет все. Мне лучше самому доставить почту на «Облако».

— Да, это разумно. У меня есть ещё одно письмо. Дайте мне пару минут. — Уставший от долгого писания, неослабного напряжения последних дней и грызущего сердце сознания того, насколько Йокогама открыта для нападения, сэр Уильям встряхнулся, прогоняя головную боль, задумался на мгновение, взглянул, чист ли кончик пера, выбрал наиболее представительный из официальных бланков и твердой рукой написал:

Дорогая миссис Струан. Я посылаю вам это письмо с правительственной почтой на борту «Гарцующего Облака» по особым причинам, как официальным, так и личным.

Во-первых, я бы хотел принести вам свои глубочайшие соболезнования по поводу несчастной кончины вашего сына, коего я числил своим другом, а также коллегой. Во-вторых,

обстоятельства и факты его брака и смерти изложены под присягой в официальном дознании, полная копия которого прилагается.

По моему убеждению, их бракосочетание на борту корабля является вполне законным — я обратился к главному стряпчему за официальным постановлением по этому вопросу.

Я глубоко убежден, что миссис Анжелика Струан ни коим образом не причастна к смерти своего мужа и не несет за неё никакой ответственности — факт, подтвержденный медицинским свидетельством, которое подписали доктора Хоуг и Бебкотт (оно является частью документов проведенного дознания) и которое, без сомнения, будет передано вам лично.

По моему глубокому убеждению, причиной смерти вашего сына стали раны, нанесенные ему во время неспровоцированного нападения на Токайдо, где он фактически и был убит. Король, или даймё, отдавший приказ о нападении, до сих пор не предстал перед судом. Я заверяю вас, что он не уйдет от правосудия.

По моему глубокому убеждению и личным наблюдениям, ваш сын был влюблен в мадемуазель Ришо до степени одержимости и склонял её к браку всеми мыслимыми для него способами. Она отвечала на его чувства самым достойным образом, являя нам образец истинной леди. Она храбрая молодая женщина, и все уверения в противном могут быть только ложью, распространяемой негодяями.

И последнее, по моему убеждению, ваш сын хотел быть похороненным в море, как и его дед. Его...

Сэр Уильям остановился на мгновение в нерешительности; все это время он подбирал слова с большой осторожностью. Он сформулировал свою мысль, потом тем же твердым, сильным почерком продолжил:

Его вдова упорно настаивала на том, что это должно быть сделано здесь, желая выполнить его последнюю волю (мы пока не обнаружили ни завещания, ни другого официального документа за его подписью, указывавшего бы на это), но я верю, что он хотел именно этого. Я отклонил просьбу вдовы и решил, что его останки должны быть отосланы в Гонконг к вам. — Он снова замешкался, перебирая в уме многочисленные варианты, потом написал: — Я настоятельно рекомендую исполнить эту просьбу. Остаюсь, мадам, вашим покорным слугой.

Некоторое время он раздумывал, потом подошел к буфету, налил себе бренди, выпил и снова сел к столу. Теперь он внимательно прочитал письмо. Дважды.

Он сделал несколько исправлений и изменений и переписал письмо набело, поставив внизу подпись: Посланник Её Королевского Величества в Япониях. Перечитал ещё раз. Теперь он был удовлетворен. Ключевыми изменениями были следующие: после «она храбрая молодая женщина» он вычеркнул «и все уверения в противном могут быть только ложью, распространяемой негодяями» как инспирирующее вопрос: «какие уверения?», добавив вместо этого и я настоятельно препоручаю её вашей доброте. После слов «похороненным в море» он убрал «как его дед», не зная доподлинно, правда ли то, что он услышал.

— Гораздо лучше, — сказал он вслух. — Получается уже не так колюче. Весьма удачное выражение: «я препоручаю её вашей доброте», — подумал он, хотя одному Богу известно, что эти две женщины в конце концов сделают друг с другом. Неделю назад я был готов поспорить, что равного поединка не получится, однако сейчас я уже не так в этом уверен.

С благодарным вздохом он открыл свой настольный дневник и добавил имя Тесс Струан к длинному списку лиц, которым отправил письма сегодня с «Гарцующим Облаком». В глаза ему бросилась пометка, сделанная 9 числа, во вторник: «Малкольм Струан обвенчался с Анжеликой Ришо на „Жемчужине“ при попустительстве Кеттерера». Это было написано по-русски, как и весь дневник, — привычка всей жизни, которую воспитала в нем его русская мать, — это позволяло ему держать записи в секрете от большинства глаз, а также не терять беглость в языке. Мысль о матери напомнила ему о другом. Его пальцы отыскивали в новом, на 1863 год, дневнике страницу с 11 января, и он поставил на ней знак вопроса, сопроводив его записью: Примерно в это время мы должны уже знать, находится А в положении или нет. Ребенок Малкольма значительно облегчил бы ей жизнь, хмурясь, подумал он.

Он уже решил сделать все, что в его силах, чтобы помочь Анжелике, из-за того достоинства, с которым она держалась вчера и сегодня на причале, из-за того удовольствия, которое она доставила ему танцами, и смехом, и радостной легкостью, привезя все это с собой в Иокогаму, и ещё потому, что она была француженкой со всей утонченной кокетливостью, в которой француженки не знают себе равных.

Он улыбнулся. И в самом деле, Анжелика, вы француженка. А мы британцы и не дураки — вот почему мы правим всем миром, а французы

— нет.

— Филипп!

Сератар и Андре стояли у окна. «Гарцующее Облако» развернул фоксовые паруса, марсели, брамсели и бом-брамсели и теперь на всех парусах, с попутным ветром, устремился в просторы океана. Много других людей тоже провожали его глазами, завидуя, ревнуя, страстно желая плыть сейчас на этом красавце, владеть им или быть его капитаном. Многие раздумывали о его грузе, об Эйнджел, которая уезжает завтра, и о том, какой станет жизнь здесь без неё, и о судьбе писем, отправленных с ним.

— Даст ли посол де Жеруар своё согласие, Анри? — спросил Андре.

— Да, он обязан мне многими услугами, деятельность нашей миссии здесь становится с каждым днём все эффективнее, и тот тайный визит Ёси, который вы обещали мне и который я обещал ему, состоится. Не так ли?

— Меня заверили в этом, — ответил Андре, чувствуя, как у него внезапно пересохло в горле. Райко поклялась, что он может рассчитывать на этот визит, что переданные ей тайные военные планы уже осели в головах доверенных посредников в Эдо, которые будут вести переговоры о вознаграждении. — Сначала Ёси должен прибыть назад, Анри, тогда мы сможем назначить дату. Мне обещано, что он поднимется на борт флагмана. У меня сегодня назначена встреча, и первая выплата как раз закрепит все дело.

— Я передумал насчет выдачи денег вперед. Лучше... — Андре открыл рот, чтобы возразить, и Сератар повысил голос, — лучше подождать. Я решил, что лучше подождать! — Он отошел от окна, сел за стол и знаком предложил Андре сесть напротив, жест не был сердитым, но сама его гладкость пресекала всякие протесты. — Как только я буду точно знать, что он вернулся, вы сможете заплатить этим... этим посредникам.

— Но я обещал им деньги сегодня, вы же согласились.

— Ну так объясните, что я им не доверяю, — произнес Сератар с пренебрежительной улыбкой. — Пусть они докажут, что им можно верить. Так я говорил, де Жеруар возьмет её под опеку государства, Андре, и она таким образом станет частью государственной политики, а?

Сегодня вечером Андре ненавидел Сератара, ненавидел, потому что тот был опасен и коварен и слишком много знал, слишком многое помнил и был абсолютно бесчувственен. Сегодня утром за завтраком Сератар, прищурившись, пристально посмотрел на него.

— В чем дело, Анри?

— Ничего, у вас на шее появилось пятно, которого не было раньше, и я

подумал, не... Как вы себя чувствуете, Андре?

Это заставило его в панике бежать к зеркалу в спальне, леденя от ужаса, что первый признак болезни проявился. С того самого времени, когда он начал встречаться с Хинодэ, он стал болезненно чувствителен к малейшим пятнышкам или самому легкому повышению температуры. В большинство из вечеров она раздевала его при свете, говоря ему, как ей нравится смотреть на него, касаться его, разминать мышцы или ласкать, её пальцы и руки всегда были чувственными, но он все равно был уверен, что она отыскивала предательские знаки.

— Ни одного, пока ни одного, хвала Создателю, — пробормотал он своему раздражению, весь в поту от облегчения, что легкая краснота на шее оказалась всего лишь укусом насекомого.

— Андре, — продолжал говорить Сератар, — сегодня за ужином мы должны вместе с ней разработать план. Я рекомендую, чтобы сразу после того, как государство возьмет над нею опеку, она переехала жить в посольство и... — Стук в дверь прервал его. — Да?

Дверь открыл Вервен.

— Послание от Варгаша, мсье. Мадам Струан сожалеет, но она чувствует себя недостаточно хорошо для ужина.

— Если она в достаточно добром здравии, чтобы проводить гроб, — вспыхнул Сератар, — она, конечно же, могла бы выкроить и для нас время. Благодарю вас, Вервен. Андре, мы обязательно должны поговорить с ней до её отъезда.

— Не беспокойтесь, завтра утром я первым делом повидаяюсь с ней. Только ходят слухи, что она может задержаться. Полагают, что Хоуг высказался против морского путешествия по медицинским соображениям; Небесный же Наш Скай открыто настроен против её переезда в Гонконг.

Уголок верхней губы Сератара пополз вверх.

— Мне этот человек омерзителен, он неотесан, груб и совершенно отвратительный британец.

Анжелика наблюдала за отходом клипера из апартаментов тайпэна наверху. Редкие прохожие видели её в окне, потом спешили дальше, сырые и продрогшие, гадая, что с ней теперь станет. Одним из них был Филип Тайрер, вернувшийся на берег после доставки депеш на «Облако». Она выглядела такой одинокой, такой траурной во всем черном; раньше он никогда не видел её в черном, она носила только весенние цвета. На мгновение он остановился, испытывая искушение заглянуть к ней, спросить, не нужна ли ей какая-нибудь помощь, но решил пройти мимо, до

его встречи с Фудзико оставалось ещё столько дел, месячная плата Райко за «прошлые услуги в ожидании заключения контракта», а потом ещё урок с Накамой, который пришлось отложить из-за переписывания депеш и документов для сэра Уильяма.

Он простонал, вспомнив все фразы и слова, перевод которых хотел получить, и новую ноту Андзё, которую сэр Уильям специально отдал переводить Накаме не столько потому, что не доверял ему, сколько чтобы проверить реакцию японца на краткую, лишённую дипломатических прикрас, англосаксонскую прямооту выражений. Хуже того, он заметно отстал со своим дневником и не успел написать еженедельное письмо домой. Что бы ни случилось, оно должно было отправиться с пакетботом.

С последней почтой его мать написала ему, что отец болен:

...ничего серьёзного, дорогой Филип, обычный кашель и грудная немочь, которую доктор Фельд, как всегда, лечит кровопусканиями и слабительным. Мне жаль это говорить, но, как всегда, мне кажется, что это только ещё больше ослабляет его. Твой отец всегда ненавидел ромашковый отвар и пиявок. Брр!

Эти доктора! Болезни и боль словно следуют за ними по пятам. Четыре дня назад твоя кузина Шарлотта собралась стать матерью, она легла в постель здоровее здорового. Мы договорились с повивальной бабкой, но её муж настоял на том, чтобы роды принял доктор, и вот теперь у неё родильная лихорадка, и она вряд ли выживет. Малыш тоже постоянно плачет. Так печально, такая милая юная леди, ей нет ещё и восемнадцати.

Новости из Лондона: новая подземная железная дорога, опять первая в мире, откроется через четыре или пять месяцев! Конные трамваи пользуются жуткой популярностью, и рождественский сезон обещает быть лучшим за все годы, хотя в некоторых фабричных городах рабочие бунтуют. Парламент сейчас обсуждает и примет закон, запрещающий всем тележкам без конной тяги двигаться быстрее двух миль в час, и перед ними должен идти человек с флажком и всех предупреждать!

Корь повсюду, много смертей, тиф в этом году не слишком свирепствует. «Таймс» пишет, что в Уоппинге и в районе доков опять вспыхнула холера, привезенная торговым кораблем из Индии.

Филип, я все же надеюсь, что ты плотно укутываешь грудь и

носишь шерстяные носки, шерстяное белье и держишь окна закрытыми от ужасных хворей, коих множество витает в ночном воздухе. Твой отец и я хотели бы, чтобы ты вернулся в здравомыслящую Англию, хотя из твоих писем видно, что ты, кажется, доволен своими успехами в японском языке. Работает ли пенсовая почта (какое это чудо!) из твоих Японий так же хорошо, как от нас к тебе?

Твой отец говорит, что правительство губит нашу страну, наш дух и нашу славную империю. Не помню, писала ли я тебе, что теперь в Англии одиннадцать тысяч миль железных дорог. Едва за пятнадцать лет дилижансы исчезли совсем...

Письмо продолжалось на четырех страницах, включая самые разнообразные эпизоды, которые казались ей интересными, и они были интересными. Как чудесно, думал Филип, я в курсе всего, что делается дома. Но между строк он прочел, что болезнь отца была весьма серьезной. Его тревога усилилась. Он, может быть, умер уже, а я и знать ничего не знаю, думал он, глубоко озабоченный.

Стоя под дождем на променаде, он почувствовал, как в желудке остро кольнуло. Внезапно лоб его покрылся потом, может быть, это были дождевые капли, он не знал точно, но был уверен, что у него жар. Может быть, я действительно подхватил что-то — женскую болезнь или ещё что-нибудь! О, боже мой, что, если Бебкотт ошибается и это не просто бремя белого человека — «египетское брюхо», или обычный понос, или какая-нибудь другая такая же немочь. О, боже мой, даже хотя Андре поклялся всем, что свято, и Райко тоже, что Фудзико чище чистого, может быть, это не так!

— Ради Бога, Филип, — сказал ему Бебкотт сегодня утром, — у вас нет женской болезни, вы просто съели или выпили что-нибудь несвежее. Вот, держите, здесь немного микстуры Коллиса. Это завтра же поставит вас на ноги, а если нет, не волнуйтесь, мы устроим вам приличные похороны! Чёрт побери, сколько раз я должен повторять вам: пейте только кипяченую воду или чай.

Он промокнул лоб. Кругом быстро темнело, но ветер не ослабевал. Нет сомнения, он чувствовал себя лучше, чем в ту ночь, когда его скрутило. Если бы не Бебкотт и не эта волшебная микстура, я бы пропустил сегодняшние похороны — нет, не похороны, проводы Малкольма. Чёрт возьми, как ужасно! Бедный парень! Бедная Анжелика! Что будет теперь, спросил он себя, встревоженный, оторвал от неё взгляд и заспешил к

миссии.

Анжелика заметила его. Когда клипер проглотила тьма, она задернула шторы и села к столу. Её дневник был открыт. Три письма были запечатаны и готовы отправиться с пакетботом: её тете, с векселем Английского банка на предъявителя на пятьдесят гиней, второе Колетте, с денежным переводом на десять гиней — оба документа подготовил для неё Джейми, использовав часть тех денег, которые сэр Уильям разрешил ей оставить у себя. Она подумывала о том, чтобы воспользоваться одной из расписок Малкольма, которые хранились в его столе, пометив её задним числом и поставив на ней его печать из сейфа, но решила, что в данный момент это будет неразумно. Деньги для тети посылались просто как помощь, для Колетты — чтобы купить лучшие лекарства на время родов.

Я могу успеть к тому времени, могу и не успеть, подумала она. Надеюсь, что успею.

Последнее письмо нужно было вручить лично. Оно гласило:

Мой дорогой адмирал Кеттерер, я знаю, что лишь благодаря вашей доброте наша свадьба стала возможной. Я благодарю вас от всего сердца и клянусь, что, какая бы власть в дальнейшем ни выпала на долю сей несчастной женщины, и в компании Струана, и вне её, я использую её, дабы навсегда покончить с продажей опиума и столь же подлой продажей оружия туземцам, как поклялся это сделать мой муж. Ещё раз, с самой искренней теплотой, Анжелика Струан.

Подписываться «Анжелика Струан» доставляло ей огромное удовольствие. Эти два имени хорошо смотрелись рядом. Ей нравилось просто так, ради практики, писать их на бумаге, стремительный завиток «С» каким-то образом помогал ей думать.

Мой замысел с Эдвардом, господи, откуда взялись все эти дивные идеи? Он великолепен, если Эдвард сделает все так, как я хочу. Это должно убедить Тесс, что я не враг. Но её сын остается её сыном, и я бы не простила. Если бы это был мой сын, я думаю, я не простила бы.

Будущее чревато катастрофой, столь многое висит на волоске, может пойти не в ту сторону, у Андре по-прежнему с клыков капает слюна, как у голодного пса, ждущего, когда ему наденут ошейник или усыпят. И все же, если судить трезво, столь многое получается как нужно: нужный гроб уже в пути, Малкольм готов и ждет завтрашнего дня, я все ещё могу поехать в Гонконг с пакетботом, если захочу, я уверена, что Эдвард хочет жениться на

мне, а уж он-то из всех людей понимает, что богатая жена лучше бедной, у меня есть незаполненные расписки Малкольма и его печать, о которой никто не знает, и двадцать восемь дней впереди, совсем не таких, как в прошлый раз, Пресвятая Дева, благословен будь Всемиловитейший Господь — я молю о его ребенке.

Ах, Малкольм, Малкольм, какая чудесная жизнь нас ожидала, тебя и меня, я повзрослела бы без всего этого ужаса, клянусь, так и было бы.

Сделав над собой усилие, она стряхнула с себя меланхолию и позвонила в колокольчик на столе. Дверь открылась без вежливого стука, вообще без всякого стука.

— Мисси?

— Тайтай, А Со! — одернула её Анжелика, готовая к встрече с ней.

— Мисси-тайтай?

— Пришли Чена сюда, чоп-чоп.

— Васа кусыть здесь, внизу, мозет, мисси? Э, мисси-тайтай?

Анжелика вздохнула от бесконечных уловок, которые находила А Со, лишь бы не называть её тайтай.

— Слушай ты, кусок ослиного помета, — произнесла она сладким голосом, — я сильнее тебя, и скоро я буду оплачивать все счета, и тогда ты станешь со мной очень любезной. — Она с радостью увидела, как черные глаза на плоском лице сошлись к переносице от злости. Как Малкольм объяснил ей, если, обращаясь к А Со, говорить не на пиджине, а на правильном английском, которого служанка не понимает, это заставит её сильно потерять лицо. Какая вывернутая логика у этих китайцев, подумала Анжелика. — Чен, чоп-чоп!

А Со, надувшись, удалилась, сердито шаркая ногами. Когда вошёл Чен, Анжелика сказала ему, что ей нужно доставить письмо в Британское посольство. Он кивнул, не произнеся ни слова.

— Чен, А Ток болеть, нет болеть, хейа?

— А Ток болеть. А Ток ехать Гонконг. — Чен махнул рукой в сторону моря. — Одинаковый как господин.

— О! — Анжелика почувствовала огромное облегчение и пожалела, что первая не подумала об этом. Несколько раз она замечала А Ток, прячущуюся в тени, её черные глаза были полны ненависти, из уголка рта стекала слюна. Она протянула ему письмо к Кеттереру. — Идти большой дом, сейчас же.

Он взглянул на имя, притворяясь, что может читать на языке варваров.

— Кусыть этот место одинаковый, хейа?

— Тайтай кушать это место одинаковый, хейа? Тайтай!

Глаза Чена заискрились. Его рот растянулся в улыбке.

— Тайтай, кусьить этот место одинаковый, хейа? Тайтай-мисси?

— Ты тоже кусок ослиного помета. Наверное, я прогоню тебя — нет, это было бы слишком мягким наказанием. Я ещё подумаю о тебе. — Она улыбнулась. — Кушать внизу. Какая еда есть?

— Какая вы хочит, тайтай-мисси, мисси-тайтай?

Услышав это, она рассмеялась и почувствовала себя лучше.

— Мисси-тайтай, тайтай-мисси, одинаково хорошо. Какая еда? Ваша еда, китайская еда, — вдруг объявила она, сама не зная почему. — Одинаково как вы, Чен. Китайская еда, номер один еда. Лучшая, хейа!

Чен ошеломленно уставился на неё. Это было крайне необычно. В прошлом она едва притрагивалась к кушаньям, которые так любил господин, чтобы доставить ему удовольствие, и ела европейские блюда, мясо с картофелем, пироги, хлеб, которые он и все китайцы считали пригодными только для животных.

— Еда господина, хейа? — осторожно спросил он.

— Еда тайпэна для тайтай господина! — Повелительно, подражая Малкольму, она взмахнула рукой, отпуская его, и повернулась к нему спиной.

Чен поклонился, встревоженный, и вышел, бормоча:

— Одинаковый как тайпэн есть еда, да, мисси-тайтай.

Мне необходимо развить вкус к китайской пище и хорошо разбираться в ней, подумала она, ухватившись за новую мысль. На тот случай, если я буду жить здесь часть года. Джейми говорил, что ему нравится китайская кухня время от времени, Филип отзывается о ней с большой похвалой, а Эдвард ест её постоянно...

Ах, Эдвард, Эдвард Многоликий, столько лиц и возможностей. Я не уверена на его счет. Если...

Если я произведу на свет сына, я буду счастлива тем, что частица Малкольма останется со мной навсегда. Я вернусь в Париж, потому что тогда у меня будет много денег, очень много. Тесс Струан с радостью спровадит меня подальше, и наш сын станет воспитываться наполовину как француз, наполовину как британец и будет достоин своего отца. Если родится дочь, я тоже уеду; в этом случае придется довольствоваться меньшим, но и этого будет больше, чем достаточно. До тех пор, пока я не встречу достойный титул и достойного человека.

Если мне не повезет и ребенка не будет, тогда я могу подумать об Эдварде, одновременно выторговывая у этой женщины мои вдовьи крохи — все это при условии, что Небесный Наш ошибается.

Ошибается, говоря мне, как мстительна и беспощадна эта женщина.

Суббота, 13 декабря

На следующий день море оставалось таким же серым, небо — тоже, но шторм выдохся. Дождь прекратился. Анжелика, Скай и Хоуг ждали в каюте катера, все ещё пришвартованного у причала Струанов; катеру уже давно было пора отправляться в Канагаву. В море за чертой залива на гребнях волн были видны белые барашки. Мрачное настроение, усугублявшееся резким сырым ветром, делало ожидание едва выносимым. Джейми и преподобный Твит опаздывали на полчаса.

— Ну что же они не поторопятся, — сказала она; нервное напряжение начало подтачивать её решимость. — Что их держит так долго?

— Нам не обязательно выходить слишком далеко в море, так что пока ещё это должно быть вполне безопасно, — произнес Скай слабым голосом: катер мягко поднимался и опускался, и его подташнивало. Мужчины были в цилиндрах, свитерах и плотных пальто, Анжелика — в своём темно-зеленом костюме для верховой езды и сапожках, как более подходящих для морского путешествия.

Над каютой помещалась маленькая застекленная рулевая рубка. Боцман Тинкер облокотился на подоконник одного из открытых окон и попыхивал трубкой, слишком умудренный жизнью на море, чтобы задавать вопросы. Джейми Макфей просто сказал: «Завтра пораньше будь с катером у причала с полным грузом угля, только ты и кочегар понадежнее». Этого ему было достаточно. Остальное он и так скоро узнает, например, зачем разумным людям понадобилось выходить в море в такой день, когда всем разумным морякам лучше оставаться на берегу.

— Смотрите, вон он идет! — воскликнул Скай и выругался, не заметив этого.

Джейми был один, он спешил по Хай-стрит в их сторону. Прохожие здоровались с ним, удивленно хмурились и шли дальше по своим делам. Он запрыгнул на катер и закрыл за собой дверь каюты.

— Твит передумал, — объявил он, грудь его ходила ходуном, как и палуба.

— Чёрт бы побрал этого прохвоста, почему, он же согласился? — Скай был возмущен. Вместе с Джейми они решили, что лучше и безопаснее всего сочинить для священника такую историю, что в Канагаве умер рыбак-христианин, который перед смертью умолял похоронить его в море,

и не возьмется ли он свершить обряд, остальное можно было бы сделать потом. Его хлопоты будут оплачены.

— Он сказал, что не в такую погоду, — ответил Джейми, тяжело дыша от быстрой ходьбы и отчаяния. — Я и так и эдак пытался уговорить его, но он только твердил: «Бедняга умер, это можно сделать и завтра, и на следующий день, погода скверная, зачем рисковать, мы вряд ли вернемся до наступления темноты, а я забыл про званый ужин. Завтра после службы, а то ещё лучше в понедельник». Вот ведь мерзавец! — Он перевел дыхание. — Это гнусно, после того как он согласился.

Анжелика почувствовала тошноту от разочарования.

— Отец Лео! Я пойду и попрошу его. Он сделает это.

— У нас нет времени, сейчас уже поздно, Анжелика, да и в любом случае Малкольм не был католиком, это было бы неправильно.

— Чёрт бы побрал Твита, — сказал Хоуг, красный от негодования. — Нам придется отложить погребение. Может быть, оно и к лучшему, море сегодня не самое подходящее. Полагаю, нам придется попытаться счастья завтра? — Они все посмотрели на неё.

— На Твита нельзя положиться, — покачал головой Джейми, — завтра ему захочется отложить все до понедельника, к тому же есть ещё проблема с пакетботом, он не станет ждать дольше полудня. — Он попросил шкипера задержаться, но тот, уже и так отставая от расписания, сказал, что это все, что он может сделать.

— Нам совершенно необходимо быть на борту, никаких сомнений на этот счет быть не может, — заявил Хоуг. — Анжелика просто обязательно должна присутствовать на похоронах в Гонконге.

— Я против, — возразил Небесный Наш. — Но если она поедет, я тоже поеду.

— Отец Лео, — настаивала Анжелика. — Я обращусь к нему.

— Это было бы неправильно, — покачал головой Джейми. — Послушайте, Анжелика, есть один выход. На морских похоронах не требуется капеллана, капитан корабля может провести церемонию, так же как Марлоу поже...

В её глазах вспыхнула надежда.

— Мы попросим Джона! Скорее, давайте...

— Невозможно, я уже проверил, он на флагмане при Кеттерере и занят. — Джейми продолжал скороговоркой: — Анжелика, я капитан этого судна, у меня есть морской патент, хотя и старый, я видел достаточно морских погребений, чтобы знать, что делать и говорить, сам я никогда не проводил их раньше, но это не имеет значения. У нас есть свидетели. Если

хотите, я могу провести обряд... это было бы законно. — Он увидел смятение на её лице и повернулся к Скаю. — Небесный Наш, юридически это законно? Ну отвечайте, ради бога?

— Это было бы законно. — Скай занервничал ещё больше, когда новая волна, выше и мощнее всех прочих, с громким плеском ударилась о борт. Хоуга тоже мутило.

Джейми снова набрал полную грудь воздуха.

— Анжелика, сама эта идея, все эти похороны в море — затея причудливая, чтобы не сказать больше, ещё одна маленькая несуразность Малкольму не повредит. Я принес с собой Библию и морской устав, мне пришлось забежать за ними домой, поэтому я так задержался. Ну, что скажете?

В ответ она обняла его обеими руками; её щеки были мокрыми от слез.

— Давайте начнем. Пожалуйста, Джейми, быстрее.

Джейми Макфей прижал её к себе и обнаружил, что эта близость ему приятна.

— А как быть с боцманом и кочегаром?

Джейми резко повернулся к нему.

— Я ведь уже сказал вам, что это моя забота. — Он мягко отстранился и открыл дверь каюты. — Боцман, — крикнул он, — отчаливайте! Курс на Канагаву.

— Есть, есть, сэр-р. — Радуюсь, что какое-то решение наконец принято, Тинкер вывел катер в море и направил его на север к дальнему берегу. Катер подбрасывало и качало на волнах, но не слишком сильно, ветер по-прежнему оставался в приемлемых границах, ничто в небе не предвещало ухудшения погоды. Он затянул себе под нос морскую песню и от этого почувствовал себя ещё лучше.

Вскоре Джейми Макфей присоединился к нему.

— Держите прямо на причал миссии. Мы возьмем на борт фоб... — Он увидел, как боцман крепче закусил мундштук своей трубки. — Затем мы выйдем в море на лигу от берега, на глубоководье, и похороним его. Будет проведена церемония погребения, вы примите в ней участие, вы и наш кочегар. — Джейми посмотрел на него. — Вопросы есть?

— У меня, сэр-р? Никак нет, сэр-р.

Джейми высокомерно кивнул и опять спустился вниз. Никто не сказал ни слова, все смотрели на берег Канагавы прямо по курсу.

В рулевой рубке боцман взял металлическую переговорную трубу рядом с кормилом, открыл её и проорал вниз кочегару в машинном отделении:

— Поддай-ка жару, Перси!

Складской сарай стоял там, где сказал Хоуг, совсем недалеко от причала. Гроб покоился на деревянной скамье. Скай, Хоуг, боцман и кочегар взялись каждый за угол и без труда подняли его. Когда они вышли, Джейми закрыл дверь и последовал за ними. Он решил, что Анжелике лучше остаться в каюте. Несколько рыбаков и жителей деревни попались им навстречу, поклонились и заторопились прочь, не желая быть нигде поблизости от гайдзинов.

Втащить гроб на борт оказалось гораздо труднее. Палуба поднималась и падала и была скользкой от морской воды.

— Погодите минутку, — сказал кочегар, тяжело дыша, — дайте-ка я сначала туда проберусь.

Это был невысокий человек в потертой шерстяной шапке, с могучими плечами и огромной толщины руками. Оказавшись на палубе, он широко расставил ноги, обхватил гроб посередине и втащил его на борт и одним концом в каюту почти в одиночку. От этого неимоверного усилия вены вздулись у него на шее, и он, не удержавшись, пустил ветры, и громко.

— Прошу у всех прощения, — грубо буркнул он и для надежности просунул гроб дальше. Одним концом гроб оказался в каюте, другой высовывался на полуют.

— Будем крепить, как есть, — распорядился Джейми.

— Есть, сэр-р.

— Добрый день, доктор Хоуг. — Голос прозвучал сурово. Пораженные, они все обернулись. Сержант Тауэри и с ним ещё один солдат мрачно разглядывали их.

— О! О, добрый де... хеллоу, сержант, — сдавленно ответил Хоуг. Вместе с остальными он замер неподвижно. Тауэри подошел поближе и посмотрел на гроб.

— Та-ак, что тут у нас. Забираете этого содомита... прошу прощения, мэм, забираете гроб в Йокогаму, а?

— Мы... мы... он попросил, чтобы его похоронили в море, сержант, — промямлил Хоуг. — Он... мистер Макфэй великодушно одолжил нам свой катер, и вот мы здесь.

— В море, говорите? — Сержант Тауэри посмотрел на них, на каждого по отдельности, словно хотел, чтобы их лица навсегда отпечатались в его памяти. — Очень похвально, должен вам заметить. — Ещё одна пауза, во время которой они похолодели ещё больше. Наконец он произнес: — В море, стало быть? Лучше вам не терять времени, а то можете и сами пойти

на корм рыбам. Мэм. — Он вежливо отдал ей честь и удалился, солдат торопливо догнал его и зашагал рядом.

Какое-то мгновение они оставались без движения.

— Чёрт, — пробормотал Хоуг.

— Что вы думаете по этому поводу? — спросил Джейми.

— Неприятности, сэр-р. — Дрожащей рукой боцман поднес ко рту свою фляжку с ромом и сделал большой глоток, передал фляжку Джейми, который последовал его примеру, Хоуг покачал головой, Анжелика тоже. Кочегар был последним. Тинкер с отвращением увидел, как большая часть содержимого фляжки ухнула в его глотку. Кочегар рыгнул.

— Прошу прощения.

Желудок Джейми продолжала сжимать чья-то невидимая рука.

— Сукин сын выскочил прямо из-под земли, словно поджидал нас. Вы видели, как он подошел? — Они все отрицательно покачали головами. — Нам лучше не мешкать здесь.

Пока они привязывали гроб, боцман вывел катер в море. Катер устойчиво держался на волне, только легкие брызги залетали на палубу, раздражая тех, кто там находился. Внизу в каюте было шумно, но уютно, воздух чистый, благодаря хорошей вентиляции здесь не пахло дымом от топки парового котла снизу. Впереди, на востоке, где была глубокая вода, небо, казалось, затаило угрозу, а за этой линией — ничего до самой Америки.

— Лучше нам управиться побыстрее, сэр-р, — тихо сказал Тинкер Джейми в рулевой рубке. — Светлого времени осталось час-два, не больше.

— Вы что-то учуяли, боцман?

— Лучше нам управиться побыстрее, сэр-р.

Джейми снова поглядел на восток. Ему показалось, что небо там потемнело.

— Согласен. Так держать. — Он повернулся к выходу.

— Сэр-р, этот сержант, он ведь обязательно побежит докладывать, так?

— Да.

— Мы должны провести похороны, так?

— Да.

— А чего такого важного вот тут, — Тинкер выставил мозолистый палец в сторону гроба, — чтобы мы рисковали встретиться с тем, что вон там? — Он показал на небо у горизонта.

— Мы хороним тайпэна, Малкольма Струана.

Старик расхохотался.

— Его гроб на «Гарцующем Облаке», сэр-р, мы с вами оба это знаем.

— Да, мы оба это знаем. Это, ну, символические, как бы ненастоящие похороны. Мы проводим их, чтобы выполнить его посмертное желание — и желание его вдовы — быть похороненным в море. Она не думает, что это будет сделано в Гонконге. — Джейми понимал, на какой риск он идет, но другого пути не было. Пока что ему удавалось говорить одну лишь правду.

— Ненастоящие, сэр-р?

— Да. Только и всего. Скрывать нам нечего и бояться тоже. Тинкер кивнул, оставшись при своём мнении, и подумал: тело там есть, не может не быть при такой тяжести. Однако довольно болтать, не следует задавать большим людям вопросы, ответы на которые могут тебе не понравиться, чем меньше ты знаешь, тем лучше, и моли Бога, чтобы погода осталась благоприятной, а не превратилась в дерьмо, которое, если верить носу, уже носится в ветре.

— Благодарю вас, сэр-р.

Джейми оглянулся на залив, который был теперь далеко позади.

— Отойдите от берега как раз на столько, чтобы его не было видно, боцман. — Последний взгляд на все стороны горизонта, и он вернулся в каюту. — Теперь уже недолго.

Анжелика наклонилась к нему.

— Что сделает этот солдат?

— Доложит о нас начальству, иначе ему нельзя. Это не имеет значения.

— Нам ведь ничего не смогут сделать, правда, мистер Скай?

— Право, я не могу предсказывать, что сможет, а чего не сможет сделать сэр Уильям, — ответил Скай. Его желудок с тошнотворной чувствительностью реагировал на все подъемы и падения катера.

Джейми открыл один из шкафчиков и достал оттуда припрятанный там заранее большой британский флаг и Льва и Дракона. С помощью Хоуга он обернул оба флага вокруг гроба и закрепил их. Катер швыряло гораздо сильнее, чем раньше, и им пришлось уцепиться за поручни, чтобы не упасть. Анжелика сидела рядом с открытой дверью. Морской воздух был сырым и холодным. Она почувствовала, как к глазам подступили слезы, поэтому опустила на лицо темную вуаль и притворилась, что смотрит на берег.

— Теперь уже недолго, — повторил Джейми.

К тому времени, когда берег превратился в едва различимую линию на горизонте, было ещё довольно светло. Волнение усилилось, на гребнях вскипала белоснежная пена, ветер стал крепче, но все оставалось пока в

приемлемых границах. Дождь не начался. Джейми крикнул:

— Боцман, малый вперед, только чтобы не развернуло.

— Есть, малый вперед, сэр-р!

Резкий переход мощных машин на малые обороты оставил после себя озеро почти полной тишины, особенно приятной в их душевном состоянии, принесся долгожданное отдохновение от скрежещащего грохота и подспудного страха, что каждое биение двигателя уносит их все дальше и дальше в море; и Хоуг, и Скай все сильнее страдали от морской болезни. Теперь были слышны только завывание ветра и плеск волн о борт; успокоительное, как тиканье часов, урчание мотора больше чувствовалось через подрагивание палубы, нежели слышалось снизу — оно лишь чуть заметно толкало катер вперед, удерживая его носом к ветру. Ветер был устойчивым, он дул с востока, с океана, и ещё больше усилился. Джейми сделал глубокий вдох.

— Давайте начнем.

— Да. Что нам нужно делать? — спросила Анжелика.

— Выходите на палубу, сюда, на полуют, только держитесь крепче. Боцман, на палубу, кочегару тоже.

— Мне бы лучше остаться здесь, у руля, с вашего позволения, сэр-р. — Он проревел в переговорную трубу: — Перси, давай наверх.

Заметно похолодало. Они расположились на палубе как смогли, держась за поручни, чтобы не упасть. Джейми занял место у кормы, остальные повернулись лицом к нему.

— Шляпы долой, — приказал он, снимая свой цилиндр. Скай, Хоуг, кочегар и боцман Тинкер обнажили головы. Он открыл помеченный раздел морского устава.

Читая и импровизируя на ходу, он произнес:

— Мы собрались здесь перед лицом Господа, чтобы отдать останки нашего друга Малкольма Струана, мужа Анжелики Струан, тайпэна «Благородного Дома», морской бездне, исполняя его желание быть похороненным в море, чего желала и она тоже, поступая, как подобает истинным друзьям...

При упоминании имени Малкольма глаза кочегара расширились, и он оглянулся на боцмана, который покачал головой, предупреждая его, чтобы стоял тихо. Бормоча что-то себе под нос, кочегар, ненавидевший любые похороны, плотнее запахнулся в свою куртку от пронизывающего ветра, больше всего ему хотелось сейчас оказаться в своём теплом машинном отделении. Ветер стал крепче на один узел. Они все ощутили эту перемену. Джейми на мгновение замолчал в нерешительности, потом продолжил:

— А теперь вознесем молитву Господу. Отче Наш... Каждый на свой лад обратился к Богу, читая слова молитвы, но большинство голов занимала мысль о том, насколько круче стала вздыматься палуба. Когда молитва была окончена, Джейми, щуря глаза, на секунду посмотрел в книгу. Не потому, что забыл, что говорить дальше — он дважды перечел всю службу в рулевой рубке на пути сюда, — ему было нужно время, чтобы немного успокоилось сердце, чтобы он мог собрать свои мысли, забыв на время о море. Пока остальные стояли, закрыв глаза, он держал их открытыми. Вместе с боцманом он видел за их спинами надвигающуюся линию шквала, вскипающие под ней волны, тяжелые и безобразные.

— Как капитан катера «Облачко» торгового дома «Струан и Компания», — произнес он чуть громче, чем раньше, чтобы его слова не заглушал ветер, — я выполняю свой долг и высокую привилегию и предаю дух этого человека в руки Господа Всемогущего, и прошу Господа Всемогущего отпустить ему прегрешения его, не то чтобы мы знали за ним какие-то настоящие грехи, и отдаю тело его бездне, откуда... откуда мы все пришли сюда из Англии, нашего дома за морями. Он был добрым, прекрасным человеком. Малкольм Струан был добрым, прекрасным человеком, и нам не хватает его, нам не хватает его сейчас и будет не хватать в будущем... — Он взглянул на Анжелику, которая обеими руками держалась за стойку фальшборта так, что побелели костяшки пальцев. Порыв ветра ударил в неё, прижав вуаль к лицу. — Вы хотите сказать что-нибудь, мэм?

Она покачала головой, слезы беззвучно текли по её щекам. На правый борт залетели брызги, он сидел чуть ниже в воде из-за веса собравшихся там и веса гроба.

Он сделал печальный жест кочегару и Скаю. Неловко действуя руками, потому что их постоянно швыряло из стороны в сторону, они развязали веревки и натужно приподняли гроб на правый фальшборт и двинули его вперед. Джейми одной рукой помогал им. И когда гроб закачался на фальшборте, его собственная печаль и боль взмыли вверх, захлестнули его, и он громко произнес:

— Прах обратится во прах, море и небо востребуют принадлежащее им, и дикие ветры станут шептать друг другу, что этот добрый, прекрасный молодой человек встретился со своим Создателем слишком рано, слишком рано... — Вместе с двумя другими он толкнул гроб в последний раз, тот накренился и рухнул в океан.

Катер перевалился на другой борт, освободившись от его тяжести, поджидавший порыв ветра ударил в корпус и накренил его ещё больше.

Левый фальшборт ушел под воду. Все ухватились за поручни, кроме боцмана и кочегара, твердо стоявших на ногах. Анжелика, ослабев от слез, не удержалась и заскользила вниз. Её почти выбросило за борт, когда Джейми метнулся вперед, поймал её и отчаянным усилием втащил обратно, держась за стойку второй рукой. Ветер сорвал с неё вуаль и шляпу и, кружа, унес их; в этот миг кочегар, упираясь натренированными ногами, съехал к ней по скользкой палубе, поднял её, кое-как дотащил до каюты и с грохотом скатился вслед за ней по ступеням.

Температура упала. Начал накрапывать дождь. Шквал обрушился на них. Джейми прокричал:

— Боцман, давайте к дому!

— Вам лучше оставаться внизу, сэр-р! — прокричал Тинкер в ответ, уже решив про себя, что и как нужно делать. Он подождал, пока кочегар, грязно ругаясь и проклиная все на свете, добежал до люка машинного отделения и закрыл его за собой, а Джейми, Хоуг и Скай благополучно добрались до каюты. Дождь превратился в ливень и немилосердно хлестал по стеклу. Море вздыбилось.

Тинкер просигналил «малый вперед», переложил руль влево и стал поворачиваться боком к ветру. Нос катера зарылся в высокой волне. Судно храбро вырвалось на поверхность, вода хлынула по палубе и разбилась об окна каюты и рулевой рубки. Катер продолжал поворачивать.

— Ну-ну, потише, — процедил боцман, крепко сжимая зубами мундштук трубки, — ради бога, ведь мы же друзья, мы только что отдали тебе внука старого Зеленоглазого Дьявола.

Разворот был трудным. Волны, гонимые ветром, накренили катер так, что тошнота подступила к самому горлу, и когда тот попытался выпрямиться, они не уступили, заваливая его ещё больше набок. В каюте все четверо вцепились в поручни из последних сил, все незакрепленные предметы кувыркком полетели к противоположной стене. Снова Анжелика не удержалась, но Скай и Джейми помогли ей; в этот миг никто из них почти не думал ни о чем другом, кроме шторма. Лицо Хоуга стало грязно-серым. В горле у него заклокотала желчь, и он со стоном лег на пол.

— Это только разворот, — прокричал Джейми, перекрывая шум ветра и грохот в каюте. Катер завертелся винтом, и Анжелика испуганно уткнулась лицом Макфею в плечо. — Ещё секунда, и станет легче. — Он видел, что море разыгралось сильно, но не чрезмерно. Пока что. Кроме того, он был абсолютно уверен в боцмане и в самом судне, пока двигатель продолжал работать. — Не тревожьтесь!

Боцман Тинкер думал то же самое и решил спешить на всех парах к

подветренному берегу. При необходимости у них было достаточно времени, чтобы развернуться назад, носом к ветру, бросить штормовой якорь — ведро на конце веревки, которое поможет твердо удерживать катер носом к ветру — и переждать шторм в море.

— Если он, чёрт подери, сможет переждать то, в чем, чёрт подери, никогда не должен был оказаться, — проворчал он, налегая на рулевое колесо и борясь с давлением водяной толщи.

Катер развернулся и выпрямился. Ветер подтолкнул его, нос нырнул вниз, когда следующая волна прокатилась мимо, потом судно тошнотворно заскользило вверх, замерло на гребне и рухнуло к подножию новой волны. Все на борту поморщились. Опять то же самое, и опять падение вниз с громким всплеском; на этот раз они изрядно черпнули воды. Вниз, вниз, вниз, потом снова вверх, вверх, вверх, ещё выше, и потом трах-х-х, и вспененная вода заструилась мимо окон, окатив всю палубу. Анжелика издала тихий стон. Джейми обнимал её одной рукой, другой намертво вцепившись в поручень. Дождь хлестал по кормовым окнам и двери.

Напротив них в углу стоял Скай, наклонив голову, его рвало. Хоуг лежал на полу лицом вниз, столь же беспомощный.

Наверху в рулевой будке боцман раскачивался из стороны в сторону, легко удерживая равновесие на вздымающейся и тут же уходящей из-под ног палубе. Его судно было полностью послушно ему. Дождь и брызги заливали окна, но он мог видеть море достаточно хорошо и не давал волнам накатываться прямо с кормы, а брал их чуть наискосок, немного гася полную силу моря, швырявшего их вверх-вниз; катер при этом слегка покачивался сбоку-набок, добавляя мучений пассажирам, но они ведь целы и невредимы, верно? Он широко ухмыльнулся, довольный собой, покорившим за свою жизнь столько штормов; будет ещё время и для страха за тремя-четырьмя бокалами горячего грога на берегу перед горящим камином через час или два. С радостным видом он снова затянул свою шальную морскую песню.

И тут сердце его остановилось.

— Господь Милосердный! — вырвалось у него. Рядом с правым бортом он увидел гроб, все ещё на плаву, по крышку в воде, он нырял и взбирался на волны вместе с ними, по-прежнему обернутый двумя флагами. Джейми из каюты тоже увидел его и понял, потрясённый не меньше боцмана, что, если большая волна вдруг поменяет направление, она без труда может принести гроб с собой назад на палубу, или, ещё хуже, воспользоваться им как тараном против легкой надстройки, или, что было хуже всего, пробить дыру в их незащищенном корпусе.

Чем больше Тинкер забирал в сторону, тем ближе гроб подбирался к ним. Один раз он ткнулся в борт, потом, развернувшись, отпрянул, кружась в водовороте, как волчок, но оставаясь неподалеку и следуя за ними. Джейми выругался про себя: он должен был подумать об этом заранее и накинуть на него якорную цепь — на плаву гроб держался за счет дерева или воздуха внутри.

Джейми было трудно наблюдать за ним, держа Анжелику так близко к себе. Но он был рад, что её голова глубоко зарылась в плечо его пальто. Он опять повернулся, вытянув шею, и заметил его чуть впереди, плашмя лежащим на воде: сейчас гроб показался ему неким жутким судном, плодом больного разума. Ветер или течение повернули его, и теперь, лежа в воде параллельно волнам, он начал медленно переворачиваться, однако выпрямился и держался так три-четыре волны, потом нахлынула ещё одна волна с пенистым гребнем, перевернула его, и, к радости Джейми, он скрылся под водой. Джейми вздохнул свободнее, увидев, как гроб исчез бесследно, но тут он опять появился на поверхности, окруженный шипящей пеной, новая волна подхватила его и бросила прямо на них. Джейми непроизвольно пригнулся. На палубу гроб не вынесло, он просто ударился боком о корпус; звук был такой, словно они наскочили на риф.

Хоуг на мгновение поднял голову. Мозг его качался и переваливался в тесноте черепной коробки ещё хуже, чем сам катер, поэтому он ничего не увидел и со стоном упал назад в собственную рвоту. Анжелика тоже подняла глаза, но Джейми крепче прижал её к себе, поглаживая волосы, чтобы прогнать страх:

— Какой-нибудь обломок мачты, пустяки, не беспокойтесь...

Он не спускал глаз с гроба, развернувшегося параллельно борту в нескольких ярдах от них, его обводы были четкими и грозными, как у торпеды, оба флага по-прежнему оставались нетронутыми. Его лицо передернулось, когда позади вздыбился пенный вал, но он прошел мимо, накрыл гроб, и, когда вода спала, гроб исчез.

Затаив дыхание, Джейми ждал, оглядывая море. Ничего. Ещё минуты ожидания. По-прежнему ничего. Шквал немного стих, и ветер уже не завывал вокруг каюты. Волны оставались высокими и немилосердно швыряли их, но Тинкер великолепно справлялся со своим делом, используя все мастерство и опыт бывалого моряка, чтобы уменьшить угрозу; двигатель пронзительно взвизгивал, когда время от времени гребной винт поднимался из воды.

— Ну давай, — бормотал Джейми, — давай вперед, мягко и не дергаясь.

Тут его глаза прищурились. Гроб был в пятидесяти шагах от них, чуть сзади, повернутый головой прямо к ним. Он болтался там, поднимаясь и падая на волнах, словно был привязан к катеру невидимым канатом. Уродливый и смертельно опасный. Джейми насчитал шесть волн, а гроб ни на метр ни приблизился, ни удалился от них. Потом появилась седьмая.

Седьмая волна была выше остальных. Она подхватила гроб, превратила его в снаряд и швырнула в них с чудовищной силой. Джейми знал, что гроб врежется в их правый борт прямо посередине, а боковая качка подставит корпус под удар, сделав повреждение максимальным. Он перестал дышать.

Тинкер, должно быть, тоже заметил гроб, потому что в последний момент катер бешено развернулся в ту сторону, слегка завалившись на правый борт и касаясь воды привалочным брусом, и неистовый гроб-снаряд взлетел на гребень, перевалил через нос и запутался в канатах бушприта, наполовину торча из воды и увлекая нос судна за собой в противоположную рулю сторону.

Боцман налег на рулевое колесо изо всех сил, но волны и ветер уцепились за гроб и воспользовались им, чтобы лишить судно устойчивости. Боцман знал, что через несколько минут они пойдут ко дну. Он был бессилен предотвратить это. Сигнальный свисток переговорной трубы пронзительно свистнул. С трудом он ответил: «Да, Перси...» — но голос его утонул в проклятиях кочегара, желавшего знать, что, в тригоспода бога мать, он там себе наверху думает, поэтому Тинкер с треском повесил переговорник на место и, удвоив усилия, налег на руль, в то время как нос неумолимо увлекало навстречу катастрофе.

В этот момент он вдруг увидел, как дверь каюты распахнулась. На палубу выбрался Джейми. Цепляясь руками за что попало и ежесекундно рискуя жизнью, шотландец начал медленно продвигаться вперед. Боцман тут же высунул голову в ближайшее окно и заревел, тыча рукой:

— Пожарный топор, пожарный топор...

Словно во сне, Джейми услышал его и увидел топор, зажатый в красных скобах на крыше каюты. Палуба вздымалась и подрагивала, как будто душа катера знала, что тот переживает предсмертные судороги. Одна нога Джейми скользнула по доске, но он врезался в фальшборт и обнаружил, что держит в одной руке топор и что в этот миг ему ничего не грозит. Вода накатила через нос и поглотила его. Он снова уцелел, но, схлынув, волна оставила после себя тошнотворное предчувствие близкого конца. Его желудок непроизвольно сжался, и мерзость излилась из него. Он лежал в шпигатах, холодный и испуганный, вцепившись пальцами в стойку,

пока новый вал не накрыл его с головой. Когда ему удалось вдохнуть, он закашлялся, выплюнул соленую воду изо рта, выдул её из носа, и это встряхнуло его и подтолкнуло к действиям.

Впереди конец гроба прочно застрял в мешанине канатов и меж погнутых стоек, сам гроб ездил из стороны в сторону, когда волны с ревом прокатывались мимо, засасывая его.

— ...Ради Создателя, будьте осторожны...

Никакой топор не спустит этого ублюдка назад в море, беспомощно подумал он и обхватил рукой стойку, сопротивляясь яростной волне, которая налетела сбоку, вдавила его в гроб, а потом оттащила назад к фальшборту, задыхающегося и почти захлебнувшегося. Когда она схлынула, он поразился тому, что все ещё на борту. «Не теряй времени! — вопил мозг. — Следующий вал или тот, что придет следом за ним, утащит тебя с собой и утопит».

Поэтому он оставил своё безопасное убежище и двинулся вперед, пока не оказался над гробом, ненавидя его и то, что он здесь сейчас, и то, что позволил уговорить себя участвовать в этом безумии, попусту рискуя ею и остальными, но больше всего ненавидя свой собственный страх. Новая волна потащила его за собой, но он выстоял и, взявшись за топор обеими руками, рубанул изо всех сил, поскользнулся и ухватился за край крыши каюты, когда ещё одна волна дотянулась до него и ударила о бок гроба. Ловя ртом воздух, он с трудом поднялся на ноги и снова рубанул, на этот раз по самому гробу, ненавидя это воплощение зла, в которое он превратился.

Лезвие рассекло один из веревочных канатов, никак не повредив при этом проволочных, спутавшихся в один невообразимый клубок, глубоко вонзилось в обтянутую флагом крышку или дно — он не знал да и не хотел знать, что именно, — и расколол её. Но гроб по-прежнему висел на канатах. Напрягая все силы, он не мог сдвинуть его, ворочая, пиная ногами и изрыгая проклятия. Большая часть его все так же свешивалась за борт, болтаясь в воде, и тянула, затаскивала их в глубину.

Ещё один удар, ещё и ещё, теперь он бил тыльной стороной топора как кувалдой, пытаясь разбить гроб на куски, беснуясь и проклиная его. Деревянные доски трескались, но держались, потом сопровождавшийся звериным воем удар сокрушил боковую доску и торец, а Джейми поскользнулся и растянулся на палубе. Топор выскользнул у него из рук и упал за борт. Следующий поток ударил его о гроб и снова оттащил назад. Когда пена схлынула и он смог дышать, он с трудом открыл глаза. Все по-прежнему. Гроб держался так же прочно, как и прежде. Он снова пополз

вперед, но силы его иссякли, их едва хватало на то, чтобы не дать волнам смыть его в море.

И тут он увидел, как один измочаленный канат лопнул. Клубок тросов и канатов заскрежетал, натянувшись, перевернулся и немного распутался, потом больше, потом весь гроб целиком выскользнул нижним концом вперед и, ударившись о воду, начал разваливаться. Какое-то мгновение его верхушка держалась на поверхности, потом скрылась под водой, оставив после себя пену и пузыри. Всплыл кусок ткани, это был флаг Струанов. Следующий пенистый вал прошелся, как метлой, по поверхности моря, расчистив её, схватил Джейми за ноги, выдернул их из-под него, протащил его вперед до основания бушприта, потом поволок по палубе назад к корме, пока Тинкер отчаянно боролся за управление судном.

Поражаясь тому, что он все ещё жив, Джейми обнаружил, что лежит на корме, сплевывая воду и пытаясь отдышаться. На пределе своих сил он добрался до двери и ввалился в каюту.

Ская все так же рвало в углу, он почти ничего не соображал, Хоуг без сознания лежал на животе на полу каюты. Анжелика свернулась клубком на скамье, где он её оставил, угрюмо держась руками за поручни, постанывая и тихо всхлипывая; глаза её были плотно зажмурены. Дрожа всем телом, он рухнул на скамью рядом с ней. Грудь его ходила ходуном, голова опустела, лишь одна мысль застряла в ней: он все ещё жив, и они все ещё в безопасности.

Через некоторое время его взор очистился. Примерно в миле от них виднелась земля. Он заметил, что дождь поутих и море тоже. Теперь лишь редкая волна перехлестывала через борт. В ящике под скамьей он нашел одеяла, завернулся в одно сам и укутал в другое Анжелику.

— Мне так холодно, Джейми, где ты был? — всхлипнула она, как испуганный ребенок, лишь наполовину представляя, что происходит вокруг. — Мне так холодно, так одиноко, я чувствую себя ужасно, но я так рада, что мы сделали это, так рада, о, Джейми, мне так холодно...

Когда они подошли к причалу фактории Струанов, на небе уже проглянули несколько размытых звезд. Было ещё довольно рано, ночная тьма только-только начала сгущаться. Небо расчистилось, обещая завтра хороший день. Торговые суда и флот мирно стояли на якоре, не потревоженные штормом, горели штаговые огни — только на пакетботе кипела работа при свете множества масляных фонарей, мерцавших во мраке, как рой светлячков.

Кочегар ловко выпрыгнул на причал с канатом в руках и привязал

катер, потом помог выбраться остальным. Сначала Анжелике, потом Скаю и Хоугу. Джейми легко поднялся по ступеням, все ещё завернутый в одеяло, его знобило, но не слишком сильно. Скай и доктор появились с посеревшими лицами, их желудки ещё не улеглись, в голове шумело, ноги подгибались в коленях. Анжелика же теперь чувствовала себя гораздо лучше. Головная боль прошла. Её не рвало, она даже не почувствовала морской болезни. Ещё раз она смогла выплакаться до конца. Последние полчаса в море она провела на палубе, подальше от пропитавшегося кислым запахом рвоты воздуха каюты. Там она присоединилась к Джейми, стоявшему на полуюте, и подставила лицо сладковато-соленому ветру, который скоро вымыл из её головы всю мерзость.

Позади неё Хоуг прокашлялся и сплюнул сгусток мокроты в воду, плескавшуюся о сваи.

— Прошу прощения, — пробормотал он, отчаянно нуждаясь в глотке спиртного. Тут он заметил, что творится на носу: треснувшие брусья, носовой люк разбит, бушприт исчез, фалы тоже, большая часть фальшборта. — Чёрт, что произошло?

— Волной на палубу занесло какие-то обломки, что-то похожее на ящик. В первый момент я даже испугался, — ответил Джейми.

— То-то мне показалось, что я слышал какой-то треск... Я... думаю, я... думаю, я загляну в клуб перед сном.

— Я пойду с вами, — вызвался Скай. Ему был нужен не один бокал, чтобы желудок наконец уgomонился. — Джейми? Мисс Анжелика?

Она покачала головой, а Джейми сказал:

— Отправляйтесь, сегодня больше делать нечего. Не забывайте о плане. — Они договорились, что, если их спросят, они не скажут ничего, кроме того, что провели в море символические похороны, больше ни слова.

По счастью, никто из остальных не видел, как гроб застрял у бушприта и как он сражался с ним, кроме Тинкера. Ещё в море, сразу, как только представилась возможность, Джейми поднялся в рулевую рубку:

— Боцман, насчет того гроба, снизу никто ничего не видел, так что ты тоже ничего не видел и ничего никому не скажешь или пеняй на себя, клянусь Богом. Это будет нашим секретом.

— Воля ваша, сэр-р. — Тинкер протянул ему свою фляжку и отдал честь. — Спасибо. Если бы не вы, лежать нам на дне, всем нам — заодно с ним.

Во фляжке оставался всего один глоток, но он помог.

— Я уже думал, мне с ним не справиться. Забудем все. Так ты даешь клятву, а?

— Как скажете, сэр-р, только прежде чем мы забудем об этом, когда гроб-то рухнул и развалился и он из него выпал, ну и перепугал же он меня, клянусь Богом. Мне тогда показалось, будто он пытается забраться, чёрт меня подери, назад.

— Господи Иисусе, — охнул Джейми. — Ты все выдумываешь, я ничего подобного не видел... выдумки все это.

— А вот и нет, сэр-р, мне-то сверху было виднее, чем вам, так? И я видел это чудови... прошу прощения, сэр-р, я видел, как он вывалился из гроба и замолотил руками, пытаюсь всплыть на поверхность, прежде чем его затянуло в бездну.

— Ты все выдумываешь, клянусь Богом. Это же ужас, что ты говоришь!

— Это святая правда, сэр-р, да поможет мне Господь! Конечно, это длилось всего один миг и кругом его была морская пена, да только я его видел вот как вас сейчас! — Тинкер сплюнул на ветер, постучал по дереву, сделал знак, оберегающий от дурного глаза и от лукавого, и потянул за мочку уха, чтобы показать, что говорит серьезно. — Святая правда, сэр-р, чтоб мне провалиться на этом месте, у меня сердце тогда подпрыгнуло до небес. Прямо так наверх и рвался он, пока Дэйви Джонс не утащил его на дно, голого, как младенца.

— Чушь какая-то несусветная! Чепуха! — Джейми вспомнил, как он тоже вздрогнул и коснулся дерева на всякий случай. — Тебе померещилось все это, боцман, хотя я готов поклясться перед Богом, что у этого гроба словно был свой собственный разум, и причем злобный.

— А я о чем говорю, сэр-р, в него сам Сатана вселился. — Тинкер снова сплюнул на ветер, покрываясь потом. — Руками он молотил, наверх рвался, уже как бы другой совсем, глаза открыты и все такое, тут я и подумал, что это он по наши души...

— Да прекрати ты, ради Бога! Малкольм никогда бы не сделал нам ничего плохого, — заявил он, неуютно поеживаясь. — Это твоя голова сыграла с тобой дурную шутку.

— Мне сверху, сэр-р, было лучше ви...

— Да хватит тебе про этот чертов верх, вот заладил тоже. Рома ещё не осталось?

Тинкер кашлянул и полез в потайной шкаф, откуда выудил ещё одну фляжку. Она была наполовину пуста. Джейми сделал большой глоток, поперхнулся, глотнул ещё.

— На нашем складе для тебя будут оставлены десять ящиков рома, из которых ты сможешь пополнять свои запасы, Тинкер, это вместе с моей

благодарностью. Ты отлично справился со своей работой, и кочегар тоже — четыре ящика для него. — Тинкер от всей души поблагодарил его. Волшебное тепло от рома в желудке разлилось по всему телу, и Джейми перестал дрожать от холода. Он посмотрел на старое обветренное лицо и пронизательные голубые глаза. — Чёрт меня подери, мне ещё никогда не было так страшно, никогда за всю мою жизнь. Раз три или четыре я уже думал, я уже считал себя покойником.

— А я вот нет, сэр-р, — сказал боцман с широкой ухмылкой. — Я же знал, что вы на борту. Но все равно я прямо страсть как обрадовался, когда этот жупел вместе со своим коробом съехал за борт и его засосало в глубину, а он проклинал нас до последнего момента...

Хотя теперь он был на берегу и в полной безопасности, Джейми вновь пробрала дрожь, едва он вспомнил об этом. Анжелика заметила:

— Вам нужно скорее снять эту мокрую одежду.

— Ну, я пойду, — сказал Хоуг.

Она обняла его за шею и поцеловала в щеку, стараясь не замечать запаха рвоты.

— Большое, большое вам спасибо, мы увидимся завтра. — Потом она так же обняла Ская. Оба мужчины нетвердой походкой направились к клубу. — С ними все будет в порядке?

— Несколько порций виски и глубокий ночной сон — и они будут здоровее прежнего, — успокоил её Джейми.

— Они сейчас не очень способны что-либо обсуждать, не так ли?

— Нет. А что вы хотите обсудить?

Она взяла его под руку обеими руками и крепко сжала её.

— Просто решить насчет завтрашнего дня.

— Мы можем поговорить об этом по дороге. — Они пожелали спокойной ночи Тинкеру и кочегару, которые ещё раз поблагодарили Макфея за ром. Потом повернулись и пошли, рука об руку. — Анжелика... прежде чем вы что-нибудь скажете, я рад, что мы сделали это.

— О, и я тоже, дорогой Джейми, вы такой славный, и я действительно так рада и так счастлива, что все получилось, как мы рассчитывали, и никто не пострадал. — Бледная улыбка. — Просто пережил легкое недомогание.

— Не о чем беспокоиться. Завтра?

— Я решила не ехать пакетботом, нет, пожалуйста, не говорите ничего, я приняла решение. Здесь я в большей безопасности. До тех пор, пока не получу официального письма от Тесс. В самом деле, Джейми, так оно и есть. Здесь мне спокойнее. И я уверена, Хоуг и Джордж согласятся, что с медицинской точки зрения это было бы разумно. Я не думаю также, что и

вам следует ехать.

— Это моя обязанность рассказать все миссис Струан, миссис Тесс Струан.

— Вы можете называть меня Анжеликой, вы всегда так меня звали, и, ну, миссис Струан я была лишь один короткий миг. — Она вздохнула, продолжая идти к зданию фактории Струанов. — Будет лучше, если я останусь. Ей придется как-то объявить о своих намерениях, лучше письмом сюда. Малкольм похоронен, а это все, чего я хотела. Вам обязательно ехать?

— При таком ветре, — заговорил он, рассуждая вслух, — «Гарцующее Облако» могло бы делать от пятнадцати до семнадцати узлов, изо дня в день, и бросить якорь в гавани Гонконга через пять дней — ему придется закусить удила с такими важными новостями и таким грузом на борту. — Они все условились, что отныне и публично, и между собой они станут считать тот гроб гробом тайпэна. — Пакетбот в среднем будет делать свои восемь узлов, если ему повезет, поэтому переход займет обычные десять с небольшим дней. К тому времени, когда я попаду туда, похороны уже состоятся, Тесс будет знать все из дюжины самых разных источников — мой отчет на борту, как и отчет сэра Уильяма и, без сомнения, ещё полсотни других отчетов. Она уволила меня с конца месяца; новый парень прибывает через несколько дней, и мне было приказано показать ему, что здесь и как. — Существовали и другие причины, о которых он решил не говорить вслух: ему нужно будет снестись с другими хонгами — так иногда называли наиболее крупные компании — в поисках работы. Единственное реальное, подходящее место, вакантное на данный момент и отвечающее его опыту — место, которое, без сомнения, будет предлагаться, — это «Брок и Сыновья». Потом нужно было решить, как быть с Морин, и, кроме того, оставалась ещё Нэми. Он грустно улыбнулся Анжелике. — В итоге получается, что причин ехать нет, не так ли?

Она прижалась к его руке, не замечая прохожих вокруг.

— Я рада. Мне не будет так одиноко, если вы останетесь здесь.

— Джейми! — окрикнул его Филип Тайрер с порога британской миссии, надевая на ходу пальто и цилиндр и торопливо направляясь в их сторону. — Добрый вечер, Анжелика, Джейми, — скороговоркой выпалил он, пряча глаза от чувства неловкости, — сэр Уильям шлет наилучшие пожелания, и не будете ли вы любезны, вы двое и, э, остальные, э, пассажиры и команда катера, увидеться с ним завтра утром до церковной службы, прежде чем вы оба подниметесь на пакетбот? Он теперь отплывает в два часа.

— Для какой цели, Филип? — спросил Джейми.

— Я... я полагаю, ему хотелось бы... чёрт подери, о, извините меня, Анжелика, ясно как день, что он хочет знать, что вы вообще там делали.

— Делали?

Молодой человек вздохнул.

— Извините, старина, это не моя идея. Вы вызываетесь на ковер, я передал, что просили, только и всего. Не сердитесь на меня, я всего лишь оказавшийся под рукой мальчик на побегушках.

Они оба рассмеялись, и натянутость пропала.

— Десять часов?

— Спасибо, Джейми, так времени будет предостаточно. — Тайрер посмотрел на катер. — Похоже, вас здорово потрепало во время прогулки: что такое приключилось с вашим носом?

Джейми оглянулся. При свете фонаря, стоявшего у начала пирса, все повреждения были отчетливо видны, и он знал, что в бинокль их можно было рассмотреть из окон миссии за много миль от берега.

— Плавающие обломки, — ответил он не раздумывая. — Какой-то ящик, что-то похожее на ящик, занесло волной на борт, потом опять смыло в море. Ничего особенно страшного.

Воскресенье, 14 декабря

— Я не согласен, Джейми. Здесь налицо явная проблема. — Сэр Уильям сидел за своим столом, глядя на них. Рядом с ним сидел Филип, атмосфера в неприглядном кабинете была инквизиторской. — Давайте начнем сначала. Похоже, что вы говорите от имени всех, поэтому я буду обращаться к вам. Я особенно подчеркнул, что здесь никаких похорон не будет, тело должно быть отправлено в Гонконг и...

— Оно уже в пути, сэр Уильям, на «Гарцующем Облаке», — повторил Джейми, его подбородок говорил о твердой решимости не уступать. Они спорили уже полчаса, он и сэр Уильям; остальные — Хоуг, Скай, Тинкер, кочегар и Анжелика — отвечали на вопросы осторожно, предупрежденные Джейми и Скаем открывать рот только тогда, когда к ним обратятся непосредственно, и даже в этом случае ничего не добавлять от себя, просто отвечать на поставленный вопрос как можно проще и короче. Хоуг определенно был самым слабым звеном в цепи и дважды чуть не выпалил подлинную причину. Анжелика пришла под густой вуалью, вся в черном и одетая для церкви. — Мы провели символические похороны.

— Я знаю это, и, как я спрашивал уже несколько раз, несколько раз, если все это было чисто символически, зачем вам понадобился настоящий гроб с настоящим трупом внутри, тем более с трупом туземца, и зачем было сталкивать его за борт, проводя подобие христианского обряда погребения в море?

Джейми пожал плечами, раздавленный этим неизбежным вопросом. Сегодня утром Скай посоветовал слабым голосом:

— Нам лучше всего прикинуться простачками, начисто все отрицать и смотреть в пол, не поднимая глаз. Он ничего не может поделать, кроме как метать громы и молнии.

— Гроб стоял там, я подумал, что это хорошая идея.

— А, так, стало быть, это была ваша идея?

— Да, — упрямо ответил Джейми, свирепо глядя на Хоуга, который уже открыл было рот. — Я предложил её, а... а остальные любезно согласились со мной и приняли её. Таково было желание тайпэна... таково было желание Малкольма и миссис Струан. Никому от этого не стало хуже.

— Я категорически не согласен. От всей этой затеи веет чем-то жутким, вы осознанно пошли против моего взвешенного мнения, похоже,

мы имеем дело с поразительным нарушением способности разумно мыслить и желанием всех присутствующих здесь уклониться от того, чтобы рассказать мне правду, дать простое объяснение, и тайным сговором в целях сокрытия... сокрытия чего? Вы не согласны, Филип?

Тайрер дернулся в кресле.

— Э... да, сэр, если вы так считаете.

— Зачем было брать настоящий гроб и настоящее тело? Хоуг неуютно задвигался на своём стуле. Они все поняли, что ещё секунда и он не выдержит. Анжелика решила, что время пришло, и зарыдала.

— Почему вы не хотите оставить нас в покое, мы никому не сделали ничего дурного, просто поступили так, как считали лучшим, сделали то, чего хотел мой муж, что я хотела для него...

— Анжелика, пожалуйста, не пла...

— ...что он хотел, а вы запретили. Это все ваша вина, сэр Уильям, я думала, что вы нам друг, если бы вы были нашим другом и были бы... отнеслись бы с пониманием, у нас не было бы всех этих неприятностей, конечно, это было некрасиво — делать что-то исподтишка, даже хотя я и верю, что вы были совершенно неправы и...

— Миссис Струан, я то...

— ...конечно, это было некрасиво, никто из нас не хотел этого делать, но, по крайней мере, мы сделали это из чистых побуждений, клянусь как перед Богом, по крайней мере, эти друзья, настоящие друзья помогли осуществить как надо то, что мой муж и я... я не просила о многом...

Какое-то мгновение она собиралась броситься вон из комнаты, но мудро не сделала этого, сообразив, что её побег ничего не решит, а все остальные окажутся в его власти; она осталась на месте, растворяясь в ещё более громких, разрывающих сердце рыданиях, зная, что не солгала, что не сказала ничего, кроме правды: это была его вина!

Через несколько секунд все уже хлопотали вокруг неё, пытаясь успокоить. Все переживали ужасно, кроме Ская, который был восхищен её блистательной точностью в выборе нужного момента, и сэра Уильяма, который в душе веселился, хотя внешне, ради лица, притворялся, что расстроен наравне со всеми. Он смотрел и ждал, все ещё негодуя на них за те непонятные махинации, которые они затеяли. Что это нашло на них всех и кто был подлинным виновником? Никак не Джейми? Чертовски глупо то, что они сделали. Смешно. Глупо было так рисковать своими жизнями.

До чего люди бестолковы, чёрт подери. Даже Анжелика. Ах, но какая леди, и какое сокровище, и какая актриса — где она, во имя Господа, учится всему этому? Как и у большинства девушек её возраста,

образование у неё минимальное; в её случае это была монастырская школа, что ещё в тысячу раз хуже. Или это Небесный Наш готовит её так для судебного заседания века? Или я просто стал старым, безнадежно поглупевшим циником? В любом случае мне будет действительно грустно потерять её.

Часы на каминной полке пробили три четверти часа. Пора в церковь, подумал он, пора прекратить это — он прилежно читал урок и пока ещё не имел времени выбрать из него суть.

— Ну-ну, полно, миссис Струан, — произнес он тоном доброго, но строгого отца. — Не нужно плакать, за последнее время мы все пролили довольно слез. Должен признаться, я по-прежнему с совершенным неодобрением отношусь к вашей эскападе — очень дешевый спектакль, но, учитывая эмоциональное состояние всех нас, думаю, мы оставим все как есть, пока оставим. — Он снова притворился, что не услышал их облегченного вздоха и не заметил, как быстро утих её плач. — А сейчас пора в церковь, а потом на пакетбот, и мы все желаем вам приятного путешествия и долгой счастливой жизни. Поверьте, нам будет очень грустно увидеть, как вы покинете наши берега.

— Я... я пока не уезжаю, сэр Уильям.

— А? — Сэр Уильям и Тайрер были ошарашены.

В перерывах между всхлипываниями, не поднимая головы, она пояснила:

— Доктор Хоуг посоветовал мне не предпринимать никаких поездок по меньшей мере неделю.

— Совершенно верно, — тут же вставил Хоуг, — с медицинской точки зрения это не слишком хорошая мысль, сэр Уильям, совсем не хорошая, нет, совсем нет. — Сегодня утром Скай, поддержанный Джейми, настоял на том, что некоторое время ей лучше всего никуда не ездить. «Что ей нужно, так это медицинское свидетельство, доктор, такое, которое вы сможете подтвердить перед Тесс Струан. После стольких переживаний она, конечно же, должна остаться здесь, ей нельзя вступать ни в какое противоборство, пока она не окрепнет». Хоуг с готовностью согласился с ним и теперь говорил сэру Уильяму: — Как вы сами можете видеть, её очень легко расстроить, и я выписал ей медицинское свидетельство, хотя в нем, в общем, нет особой необходимости.

В первый момент сэр Уильям не знал, что и думать. С одной стороны, они её не потеряли, с другой стороны, тот источник раздражения, каким она уже стала, и та острая заноза, какой она непременно станет, когда гнев Тесс Струан падёт на неё и на всех них, по-прежнему останется в его

юрисдикции.

— Знаете, вы все-таки должны поехать, мадам, я бы решил, что вам очень важно быть на похоронах.

— Я хочу поехать, но... — Её голос осекся, и новый приступ рыданий сотряс её тело. — Доктор Хоуг, он... он поедет вместо меня, я действительно не чувствую себя достаточно... будет лучше...

— Но, Джейми, вы-то тоже поедете?

— Нет, сэр. Я получил распоряжения от миссис Тесс Струан; есть вещи, которыми мне предстоит заняться здесь.

— Господи, благослови мою душу. — Без особой настойчивости сэр Уильям постарался разубедить её, потом вздохнул. — Что ж, если таков совет доктора Хоуга, говорить больше не о чем, он семейный врач Струанов. — Он поднялся. Не скрывая облегчения, они поблагодарили его и направились к двери. — Одну минуту, доктор Хоуг, можно вас на два слова. — Он спрятал довольную усмешку, увидев, как побледнели Джейми и Скай, и произнес с нажимом, когда они задержались у дверей: — Всего доброго, Джейми, мистер Скай. Филип, вы можете идти.

Дверь закрылась. Хоуг чувствовал себя как кролик перед коброй.

— А теперь, доктор, спокойно расскажите мне всю правду: как она себя чувствует?

— Она чувствует себя прекрасно, на поверхности, сэр Уильям, — с готовностью заговорил Хоуг. — Это поверхностное исцеление. Что там в глубине, никто не знает. Это может продлиться дни, недели, год или больше — потом кошмар вернется. Что случится тогда... — Он пожал плечами.

— Вы увидите с Тесс Струан?

— Да, сразу же по приезде. — Хоуг ждал, дрожа всем телом. Он боялся расспросов, зная, что не выдержит и подведет всех.

С задумчивым видом сэр Уильям встал, налил в бокал виски и протянул ему. Напиток исчез.

— Вы теперь долго не вернетесь сюда, если вообще вернетесь. Мне нужно знать, это останется между нами, каковы, с медицинской точки зрения, шансы на то, что она носит ребенка Малкольма Струана?

Хоуг часто заморгал. Виски и неожиданная мягкость тона успокоили его и сбили с толку — он не ожидал вопросов на такую тему. Он ответил с полной искренностью:

— Разумеется, это в руках Божьих, сэр. Но Малкольм был здоров, и она тоже, оба они прекрасные люди, вот только жаль, оба родились под несчастливой звездой — это так печально. Я бы сказал, что шансы очень хорошие, поскольку это было не случайное влечение, их объятия, должно

быть, были очень страстными, настолько близкими к истинной любви, насколько мне когда-либо приходилось видеть.

Сэр Уильям нахмурился.

— Хорошо. Когда вы увидите с Тесс Струан... я думаю, нашей миссис Струан не будет лишней никакая помощь. А?

— Вы можете быть уверены, что я вступлюсь за неё.

Сэр Уильям кивнул и опустил руку в ящик стола. Конверт был запечатан и адресован «Конфиденциально и совершенно секретно, лично в руки сэру Стэнсхоупу, губернатору Гонконга, от сэра Уильяма Айлсбери, посланника в Япониях».

— У меня есть к вам официальное поручение, тайное. Я хочу, чтобы вы лично доставили вот это губернатору, сразу же, как только прибудете.

Он надписал внизу «Доставлено лично доктором Хоугом» и решил воспользоваться доктором, едва только узнал, что Джейми не едет пакетботом; на борту «Гарцующего Облака» не было никого, кому он мог доверять.

— Письмо должно быть вручено лично ему, никому другому, никто не должен знать, что вы курьер Её Величества. Это ясно?

— Да, сэр, разумеется, сэр Уильям, — с гордостью ответил Хоуг. Сэр Уильям знал, что Хоуг сейчас податлив, как тесто, и он может вытянуть из него все, что ему только захочется знать. Кто затеял эту безумную выходку, что им понадобилось так далеко в море, почему они вообще сделали то, что сделали, и что же в действительности произошло в Канагаве. Он улыбнулся про себя, наслаждаясь своим превосходством, и по своим собственным причинам не стал задавать ни одного из этих вопросов.

— Желаю вам счастливого плавания, и я с нетерпением буду ждать встречи с вами в Гонконге.

— Благодарю вас, сэр.

Хоуг поспешно вышел, чувствуя себя на седьмом небе от счастья, что сумел выбраться отсюда, не поступившись честью. Джейми и Скай ждали его на Хай-стрит, снедаемые тревогой.

— Ничего, честное слово, — возбужденно заверил их Хоуг, — он просто хотел задать несколько чисто медицинских вопросов, частного характера.

— Вы уверены?

— Готов поклясться чем угодно и умереть на этом самом месте. Скорее, мы как раз успеем пропустить стаканчик перед службой. У меня до сих пор ноги как ватные. — Они с радостными лицами зашагали к клубу, не заметив сэра Уильяма, который наблюдал за ними из окна.

Интересно, насколько счастливыми были бы физиономии этих олухов, прочти они мое письмо к губернатору, сердито подумал он. Пусть не думают, что соскочили с крючка, мы все ещё болтаемся на нем. Словно один гроб имеет какое-то значение, когда весь мир разваливается, Россия опять балансирует на грани войны, Пруссия облизывает бакенбарды над вспоротым брюхом Центральной Европы, потом ещё эти французы с их драчливой, раздутой до небес гордостью, в нашей индийской и азиатских колониях неспокойно из-за этих недоумков в парламенте, а мы тут сидим и ждем, когда японцы вырежут нас под корень.

Внешне письмо было самым обычным. После расшифровки оно гласило:

Срочно прошу выслать все возможные флотские и армейские подкрепления, поскольку ожидаю, что Поселение в любой день может быть атаковано самурайскими легионами бакуфу, и нам, возможно, придется оставить нашу базу в Японии.

Книга пятая

ЭДО

Четверг, 1 января 1863

Торанага Ёси вернулся из Киото в замок Эдо восемь дней назад, усталый и злой; от придорожной станции Хамамацу они двигались форсированным маршем.

Морщины на его лице стали глубже. Там, где люди раньше просто боялись его, теперь они трепетали от ужаса. Его гнев обрушивался на них, как удар плети. Во время путешествия он нещадно гнал их и себя, отводя для сна всего по несколько часов, приходя в бешенство от любой задержки, постоянно недовольный гостиницами, банями, пищей, слугами и будущим. Капитану Абэ доставалось больше всех; и каждый из них понимал, что все это — лишь отчаяние и горе, вызванные смертью Койко, любимой.

Абэ договорился о сожжении её тела и тела Сумомо тоже, а потом они вскочили в седла и помчались галопом, покрывая лигу за лигой, и каждого неотвязно преследовала мысль, что столь доблестный воин заслуживал от победителя вежливого поклона перед погребальным костром, особенно если учесть, что этим воином была сиси и женщина, о которой скоро сложат песни и сказания, как и о том ударе, что рассек её пополам. Как и о Койко Цветке Лилии, той, что бросилась к нему и подставила свою грудь на пути первого сюрикена и тем спасла жизнь их повелителю, который потом подарил ей избавление от боли.

Но Ёси, опекун наследника, лишь сказал холодно:

— Вот их посмертное стихотворение:

Из ничего в ничто,

Труп есть лишь труп,

И ничего —

Мой, ваш и даже их.

Были ль они? И есть ли мы?

Все дальше вперед, подгоняемый плетью боли и гнева, потом наконец замок. Но и здесь нет покоя: замок, Эдо и вся Кванто бурлили, наблюдая за приготовлениями гайдзинов к войне, вызванными ультиматумом тайро, как он и ожидал.

— Это было неизбежно, — сказал Ёси на Совете старейшин, который он немедленно созвал, и добавил, оставляя лазейку для Андзё: — Вам подали дурной совет — устраните того глупца, который предложил это и составил послание к гайдзинам.

— Это было повеление императора и сёгуна: все гайдзины должны быть изгнаны, — сердито возразил Андзё.

— Повеление? Повелевает сёгунат, а не малолетний мальчик, который говорит лишь то, что сёгунат вкладывает в его уста, и не император, который может лишь попросить нас сделать что-то!

— Как тайро я счел ультиматум необходимым.

— И снова я спрашиваю, что вы предлагаете нам делать, когда их флот появится здесь?

— Он не появится, мы нападём первыми, — ответил Андзё и поморщился от резкой боли, держась рукой за бок. — Я приказал окружить их. Июкогама как мертвая рыба, она ждет, когда ей вспорют брюхо. Атакующие силы почти готовы.

— А их флот? — спросил он, взбешенный тем, что все его советы были оставлены без внимания и они вновь оказались в западне, которую расставили сами для себя. Бесплезно напоминать Андзё, да и остальным тоже, о том плане, который он с такой тщательностью подготовил, чтобы выиграть месяцы и месяцы драгоценного времени и далее всеми способами затягивать переговоры с гайдзинами, давая тем самым возможность сёгунату собрать силы и более пристально заняться проблемой первостепенной важности: сокрушить враждебный союз Тосы, Тёсю и Сацумы, который уничтожит их, если ему позволить развиваться и дальше.

— Сначала мы захватим Июкогаму врасплох, сожжем её, я уже давно предлагал это, — сказал Тояма, трясаясь от возбуждения. — Сожжем их всех!

— А как вы потопите их флот? — огрызнулся Ёси. Он заметил, что Андзё сильно страдает от болей, и обрадовался этому, помня о своей договоренности с Огамой, которую необходимо было выполнить быстро, чтобы не дать тому противнику разобраться во всем и на время вывести его из игры.

— Боги потопят их корабли, Ёси-доно, — брызжа слюной от ярости, заявил Тояма, — как они сделали это с кораблями Кублай-хана и его монголами. Это Земля богов, они не предадут нас.

— А на тот случай, если боги будут отсутствовать в тот момент или спать, — добавил Андзё, — мы собираемся выслать корабли, начиненные горячей смесью, — я приказал начать строительство сотен таких кораблей,

сотен. Если враг прорвется и сквозь этот заслон и обстреляет Эдо, будут убиты только земледельцы, торговцы, ремесленники и паразиты-купцы, наши самураи не понесут урона.

— Да, они не понесут урона, — закивал Тояма, радостно осклабившись.

Андзё быстро продолжал:

— Как только с Иокогамой будет покончено, флоту гайдзинов придется убраться, потому что они лишатся места на берегу, где могли бы перегруппировать свои силы. Им придется уплыть далеко, в их колонии в Китае, здесь им уже негде будет даже ногу поставить. Если же они вернутся назад...

— Когда они вернутся назад, — поправил его Ёси.

— Хорошо, Ёси-доно, когда они вернутся назад и приведут с собой ещё больше кораблей, мы потопим их в проливе Симоносеки, Огама сделает это, или к тому времени у нас будет больше пушек, огненных кораблей, и мы никогда не позволим им высадиться крупными силами, они никогда не смогут высадить большие военные отряды на нашу землю и основать ещё одно поселение, никогда. Никаких Соглашений, которыми они могут прикрываться! Никаких. Мы закроем страну, как это было раньше. Таков мой план, — торжествующе заключил Андзё. — Я разорвал Соглашения, как того желает император!

— Вы богоподобны, тайро, боги защитят нас, послав Божественный Ветер, — прокудахтал Зукумура, отирая слюну с подбородка.

— Боги не защитят нас от ядер гайдзинов, — возразил Ёси, — как не защитят нас корабли с горючей смесью. Если мы потеряем Эдо, мы потеряем главную крепость и опору сёгуната, тогда каждый даймё в стране объединится против нас, чтобы урвать побольше от того, что останется, и возглавят их Огама из Тёсю, Сандзиро из Сацумы и Ёдо из Тосы. Без Эдо нашему сёгунату конец, почему вы не можете это понять?

Андзё дернулся, ощутив новый приступ боли, и разразился:

— Я очень хорошо понимаю, что вы воображаете себя правителем всей страны и даром богов, ниспосланным Ниппону, но это не так, не так, вы обязаны подчиняться моим приказам, я ваш повелитель, я тайро, Я ТАЙРО!

— Вы тайро и... но почему вас мучают боли? — осведомился он с притворной заботой, словно только что это заметил, желая положить конец этому спору. — Как долго это продолжается, что говорит врач?

— Говорит? Он... — Андзё снова отхлебнул из бутылочки с горьким травяным настоем. Лекарство почти совсем не облегчало его страдания.

Боли становились все сильнее, и этот новый китайский доктор оказался таким же бесполезным, как и все остальные, настолько, что Андзё даже начал подумывать о тайной встрече со знаменитым великаном-доктором гайдзинов в Канагаве. — Не обращайтесь внимания на мою боль. Я знаю вас.

Ёси видел ненависть Андзё, понимая, что её причиной является его собственная молодость и сила — мало же знает этот дурак о том, как я устал от жизни.

— Могу я...

— Вы не можете ничего. Мы нападём, когда я отдам приказ о нападении, и говорить больше не о чем! Совет окончен. — Андзё встал и стремительно вышел. Теперь, став тайро, он не терпел возражений и относился ко всем остальным с высокомерным презрением.

Ёси в ярости бродил по замку, как тигр, запертый в клетку. После первого ужасного дня он поместил Койко в дальнюю ячейку своего сознания и крепко-накрепко запер её. Но все равно время от времени она выглядывала оттуда с улыбкой. Сердито он заталкивал её назад — теперь ему уже никак было не узнать, действительно ли она бросилась вперед, чтобы спасти ему жизнь, как уверял его Абэ, не выяснить, зачем она наняла в прислужницы убийцу-сиси, Сумомо Фудзахито, имя, конечно, вымышленное, но, без сомнения, она одна из учениц Кацуматы.

И где теперь сам Кацумата?

Он уже отдал приказ найти его, где бы он ни был, и назначил большую награду за его голову, а также приказал выследить и уничтожить всех сиси и их покровителей. Затем он послал за Инэджином, своим главным шпионом.

Старик, хромая, вошёл к нему и поклонился.

— Похоже, господин, что боги охраняют вас как одного из своего числа.

— Позволяя убийце-сиси, вооруженной сюрикенами, проникнуть во внутренние покои моей наложницы, — взорвался он, — позволяя моей наложнице быть предательницей и частью этого заговора?

Инэджин покачал головой и ответил непринужденно:

— Возможно, не предательницей, господин, и не частью заговора, просто женщиной. Что же до этой сиси, Сумомо, она просто испытала ваше боевое искусство, показавшее себя безупречным — к чему вас и готовили.

Исключительная сила, звучавшая в голосе его старого вассала, прогнала его гнев до самого Китая.

— Не безупречным, — удрученно пробормотал он, — кошка оцарапала меня, но рана затянулась.

— Приволочь сюда Мэйкин, маму-сан, господин?

— А, этот главный стержень. Я не забыл о ней. Скоро, пока ещё нет. Вы по-прежнему следите за ней?

— Как её вторая кожа. Вы посылали за мной, господин?

— Я хочу, чтобы вы нашли Кацумату, живым, если сможете, — сказал он. — Вы устранили предателя-ронина, работавшего на гайдзинов, как я приказал? Как его звали? Ори Риема, из Сацумы, да, именно так.

— Этот человек мертв, господин, но, видимо, предателем был не он. Гайдзины убили Ори несколько недель назад. Они застрелили его, когда он пытался проникнуть в один из их домов. Человек, поставляющий им информацию до сих пор, это ронин из Тёсю по имени Хирага.

Ёси был поражен.

— Тот, что на портрете? Тот самый сиси, который возглавлял банду, убившую Утани?

— Да, господин. Но пока я не могу устранить его, он находится под защитой верховного анг'ричана и не отходит далеко от их здания. У меня есть шпион в деревне, и через несколько дней я смогу сообщить вам больше.

— Хорошо. Что ещё? Все эти разговоры о войне?

— Я надеюсь получить ещё сведения через несколько дней.

— Пусть дней будет меньше, а сведений больше, — недовольно бросил Ёси, отпуская его. — Когда узнаешь что-нибудь серьезное, приходи.

Инэдзин не подведет меня, думал он, сожалея, что был так несдержан. Шпионами следует дорожить как никем другим... от них зависит ваша способность принимать решения... Ах, Сунь-цзы, каким ты был гением, но даже мое глубокое знание твоих наставлений не подсказывает мне, что делать с гайдзинами, и с этим глупым мальчишкой, и моим главным врагом, принцессой Иядзу — оба они все ещё жадно вылизывают ту медовую кашу, которой их потчуют придворные лизоблюды, выполняя приказ этого пса, первого канцлера. Что сделал бы ты, чтобы разгромить врагов, которые окружают меня? Андзё, старейшины, двор, Огама, Сандзиро — список бесконечен. И невозможен. И сверху них всех — гайдзины.

Тогда он вспомнил приглашение подняться на борт французского военного корабля. Предприятие по добыче угля, которое его жена Хосаки открыла вместе с Гъёкоямой и старателем гайдзином, облегчило ему посылку в Иокогаму своего переодетого самураем рыбака-переводчика, Мисамото, который договорился о визите. Это было вчера.

Он выскользнул из Эдо на весельной галере без всякого шума и

помпы. Встреча состоялась в море, сразу же как земля скрылась из виду. Его сопровождали Абэ, двадцать телохранителей и Мисамото. То, что он увидел, ошеломило его. Размеры и мощь корабельных машин и пушек, количество пороха, ядер и угля на борту, то, что они рассказывали ему — пока он не мог определить, была это правда или ложь, — о бескрайности своей Фурансу империи, её богатстве и могуществе, о расстоянии, которое может покрыть такой корабль, количестве боевых кораблей и пушек, силе их армий, как они её описывали — все это было просто невероятно. Мисамото переводил, вместе с ещё одним переводчиком, который называл себя Андре Фурансу-сан. Хотя фурансу имели собственный язык, эта встреча проходила в основном на английском.

Многое из того, что ему говорили, Ёси не понял. Слова, которыми они пользовались, были незнакомые, и немало времени уходило на объяснение того, что такое мили, ярды, порох, смола, поршни, колесные пароходы и чем они отличаются от винтовых, затворы и чем они отличаются от замков кремневых ружей, фабрики и огневая мощь.

И все же это расширяло его познания, а некоторые сведения уже сейчас имели огромную ценность: безусловная необходимость иметь запасы угля на берегу и безопасные гавани, без которых военные корабли с паровыми машинами были просто грудями железа — они не могли взять на борт весь уголь, который был нужен, чтобы выйти в море, провести военно-морскую операцию и вернуться назад. И второе, как он заметил ещё во время встречи Совета с гайдзинами в замке Эдо и нашел для себя тогда трудным поверить в подлинные размеры этого, любое упоминание об анг'рийских гайдзинах вызывало презрительную гримасу на лицах фурансу гайдзинов, которые, без всяких колебаний, открыто демонстрировали перед ним всю глубину своей ненависти.

Это привело его в восторг и подтвердило то, что Мисамото говорил ему раньше, а именно: что анг'ричан ненавидят почти все остальные народы мира, потому что они создали самую большую империю, стали самой сильной и богатой страной, с самым многочисленным и современным флотом, самой мощной, дисциплинированной и наиболее хорошо вооруженной армией, а также потому, что они получали огромную прибыль, производя половину всех товаров в мире. Имея, что было лучше всего, неприступный остров-крепость, чтобы охранять все это.

Разумеется, их ненавидят. Как ненавидят нас, Торанаг. А следовательно, подумал он, чувствуя, как болезненно сжимаются внутренности от осознания своей прошлой ошибки, именно этих анг'рийских гайдзинов и следует обхаживать, располагать к себе и

обращаться с ними с самой утонченной осторожностью. Лучший флот? И вооружение? Чем мне соблазнить их, чтобы они построили мне флот? Предоставили мне флот? Моего угля хватит на то, чтобы заплатить за него?

— Мисамото, скажи им, что я хотел бы узнать больше об этих чудесных устройствах фурансу, — вкрадчиво проговорил он, — и да, я бы хотел иметь друзей среди гайдзинов. Я не противник торговли — возможно, я смог бы устроить так, что разработка моего угля достанется фурансу, а не англичанам.

Это вызвало в них мгновенный интерес. К тому времени они уже спустились в самую большую каюту на корме, которую он находил тесной и зловонной, пропитанной запахом масла, угольного дыма и человеческих выделений; на всем лежал тонкий слой угольной пыли. Они сели за длинным столом, полдюжины офицеров в мундирах с золотым позументом, и главный среди них — Сератар, Сэрата, как правильно произносилось его имя, в центре. Абэ и половина его охраны расположились за его спиной, остальные были на палубе.

Едва увидев Сератара и услышав его имя, Ёси сразу же почувствовал к нему симпатию — этот человек был совершенно не похож на того высокого верховного предводителя анг'ричан с кислым лицом и непроизносимым именем. Сэрата, как и Фурансу-сан Андре, выговаривались легко. В действительности эти имена были японскими. То, что вождя фурансу звали Сэрата, Ёси воспринял как чудесное предзнаменование.

Сэрата называлась его родовая деревня, в которой его предок, Ёси-сигэ Сэрата-но Миновара, обосновался ещё в XII веке. В XIII веке воин-даймё Ёси-сада Сэрата собрал армию против своих повелителей Ходзэ, уничтожил весь их род и захватил их столицу Камакуру, сделав её своей собственной столицей. С тех пор его прямые потомки, род Ёси-но Торанага-но Сэрата, по сей день правили Камакурой — сёгун Ёси Торанага был погребен там в своей величественной гробнице.

— Получается, что мы с вами дальние родственники, — пошутил он, объяснив Сератару это совпадение. Сератар рассмеялся и, пока остальные трещали не закрывая рта, как стая обезьян, в своих невообразимых мундирах, пояснил, что его собственный род тоже был древним в стране Фурансу, но далеко не таким знаменитым.

— Мой господин, — с поклоном сказал Андре, — мой господин, он великая честь быть другом и гайдзинской частью вашего великого рода, государь.

— Скажи ему, что я считаю его имя хорошим знаком, — ответил он, заметив, что этот человек был больше чем просто переводчиком.

— Мой господин говорит, что англичане обещать, фурансу обещать лучше.

— Повелитель, — подобострастно произнес Мисамото, — он хочет сказать, что они предложат лучшую сделку, более выгодную договоренность. Фурансу тоже делают пушки, хотя и не так много, как анг'ричане.

— Скажи им, я подумаю над предложением отдать им свой уголь на разработку. Они должны сказать мне, сколько ружей или пушек, с порохом и ядрами, и когда я смогу получить их, за какое количество угля. И мне нужен пароход, корабль с паровой машиной и офицерами, чтобы обучать моих офицеров и матросов. Больше того, — добавил он с невинным видом, — вероятно, я смог бы предоставить фурансу исключительное право строить, продавать и обучать будущий флот. Разумеется, я заплачу. Если цена будет разумной.

Он увидел, как глаза Мисамото широко раскрылись, но прежде чем тот успел открыть рот, гайдзин Андре, слушавший его так же внимательно, сказал:

— Мой господин уверенный, что король страны Фурансу большая честь помогать государю Ёси Торанаге с кораблями.

Он с интересом смотрел, как Андре повернулся к вождю Сэрате и начал говорить; морские офицеры слушали и кивали, быстро приходя в такое же возбуждение. Поразительно, подумал он тогда, как легко управлять этими людьми, соблазняя их торговлей и обещаниями денег в будущем. Если фурансу так быстро клюнули на эту удочку, то, конечно, того же можно ждать и от вождя англичан. Две рыбы, дерущиеся за один крючок, лучше, чем одна.

Они поговорили о других вещах. Времени поговорить обо всем не было, но он узнал достаточно, чтобы у него появилось желание узнать больше. Одна из деталей, о которых упомянул Андре Фурансу-сан, совершенно ошеломила его. Они беседовали о современных познаниях в медицине и о том, как легко было бы обучить помощников и оборудовать больницу:

— Главный целительный доктор в Канагаве хороший, государь. Слышать, тайро Андзё больной. Слышать, может, тайро видеть главный доктор-сама.

— Где и когда должна состояться эта встреча?

— Мой господин говорит: не уверенный, договорились ли ещё, государь. Может, целительный доктор поможет тайро.

— Если это встреча будет подготовлена, сообщите мне. Скажите также

Сэрате-сама, что больница — это интересная возможность.

Он решил остановиться на этом и не расспрашивать дальше. Пока что. Но это была ещё одна новость, о которой Мисамото лучше забыть. Как мне раздобыть личного переводчика, которому я мог бы доверять? Переводчик мне необходим. Может быть, мне следует обучить Мисамото, он мой пес, он зависит от меня и всецело в моей власти. До сих пор он был послушен. Без сомнения, он хорошо управлялся со старателями. Жаль, что его не было на месте — он отправился с докладом об их находках к Хосаки, — когда они разодрались между собой, разодрались, как дикие звери, по словам самураев, очень удачное выражение! Будь Мисамото с ними, возможно, ему удалось бы остановить их. Не то что это имеет какое-то значение: один мертвец означает, что забот стало вдвое меньше, да и тому, кто уцелел, без сомнения, недолго осталось. Уголь! Стало быть, у нас огромные запасы угля, говорит Хосаки, а для этих гайдзинов уголь все равно что золото.

Он нарочно переменил тему разговора.

— Спроси Сэрату-сама, почему гайдзины стреляют из ружей и пушек и посылают корабли вверх и вниз вдоль побережья, нарушая покой этой Земли богов? Они готовятся к войне?

Вопрос был встречен молчанием. Настроение в каюте изменилось на противоположное.

— Мой господин говорит, нет готовиться к войне. — Он видел, что гайдзин Андре переводил с предельной точностью. — Готовиться к обороне только. Прошу прощения, тайро говорит, все гайдзины должны уйти.

— Почему не уехать на месяц или два, а потом вернуться? — Он расхохотался про себя, увидев ужас, который вызвало на их лицах это предложение.

— Мой господин говорит, Соглашения, подписанные сёгуном и утвержденные верховным бакуфу тайро Ии и наивысочайшим императором, отводят нам Иокогаму, Канагаву, Кобэ скоро. Соглашения хорошие для Ниппона и гайдзинов. Тайро Андзё, прошу прощения, не прав сердиться.

— Многие даймё так не думают. Тайро Андзё — наш вождь. Вы должны выполнить то, что он приказывает. Это наша земля.

— Мой господин говорит: фурансу хотят помогать Ниппону быть великой страной в мире... как здесь тоже.

— Скажи Сэрате-сама, тайро — вождь, всему, что он говорит, должно повиноваться, хотя иногда, — осторожно обронил он, — даже тайро может изменить своё решение, если дать ему правильный совет. — Он увидел, что

его мысль поняли. — Прошу прощения, мы уже много раз объясняли, что все вопросы в отношении Сацумы могут быть решены только Сандзиро, даймё Сацумы.

— Мой господин говорит, надеется кто-нибудь может дать тайро правильный совет. Даймё Сацумы должен просить прощения, платить, что было уговорено на встрече в Эдо, наказать убийцу открыто.

Он кивнул, словно был серьезно этим озабочен. Внезапно он поднялся с места, вызвав ещё большее удивление и испуг — не имело смысла долее разговаривать с этой мелочью, которую можно было использовать для других целей, необходимо было найти подходы к вождю англичанин. Это полностью устраивало его. И, выдерживая в целом высокомерный и непреклонный вид, он одновременно с этим явил некоторое дружелюбие и согласился, с напускнуой неохотой, ещё на одну встречу.

— Мисамото, скажи им, что мы можем встретиться через десять дней в Эдо. Им позволено прибыть в Эдо для тайной встречи.

Когда он уже покидал корабль, гайдзин Андре сказал:

— Мой господин желает вам счастливого Нового года.

Он ошеломленно уставился на него и потом узнал, что в мире гайдзинов существует свой собственный календарь, совершенно непохожий на японский и китайский лунный календарь, который был единственным способом исчислять дни и месяцы с начала времен.

— Первый день нашего года, Сэрата-сама, — объяснил Мисамото, — приходится между шестнадцатым днём Первого месяца и двадцать вторым днём Второго месяца, в зависимости от луны. В этом году, Году Собаки, первый день, с которого начинается наше время праздников, приходится на восемнадцатый день Первого месяца. Это день, когда весь Китай говорит Кунг хей фат чой.

Весь обратный путь до Эдо на галере Ёси размышлял об этих людях. Большей частью он испытывал брезгливое отвращение — гайдзины были как чудовища в человеческом облике, которые спустились сюда со звезд, их мысли и представления лежали по ложную сторону инь и ян.

И все же, чтобы мы смогли выжить как страна, Ниппон обязательно должен иметь более крупные корабли, пушки и быть более могущественным, только так можно защититься от этого чужеродного зла. И на это время, подумал он, чувствуя прилив дурноты, сёгунат должен договориться с ними.

Они никогда не уйдут все до единого, по своей воле. Не эти, так другие придут, чтобы похитить наше наследие, китайцы, или монголы, или волосатые люди с сибирских ледяных островов, которые смотрят на нас,

истекая слюной как голодные собаки, из отнятых ими у Китая портов. И всегда вокруг нас будут англичане. Как нам с ними быть?

Это было вчера. Прошлую ночь и сегодняшний рассвет он провел в глубоких раздумьях, почти не прикасаясь к еде, почти без сна, ощущая в добавление ко всему пустоту своей постели и своей жизни — ячейка его сознания, куда он поместил Койко, протекала по всем швам, как и ячейка с Андзё, с Огамой и всеми остальными. Много раз на протяжении своего пути сюда из Киото он задумывался о чистом клинке, чистоте и покое смерти, минута, час и день, выбранные с богоподобным могуществом — ибо, выбирая время своей собственной смерти, человек уподобляется богам: из ничего в ничто. Конец скорби, которая, как острая шинковка, перетирает тебя в лепестки боли.

Так легко.

Первый луч солнца проник через ставни, коснувшись его короткого меча. Он лежал рядом с постелью подле его длинного меча, оба на тщательно рассчитанном расстоянии, позволявшем мгновенно схватить их; его ружье тоже лежало там, заряженное, то самое ружье, которому он дал имя Нори. Короткий меч был их родовой реликвией. Изготовленный мастером-кузнецом Масумарой, он некогда принадлежал сёгуну Торанаге. Ёси видел старые, потертые ножны и сквозь них, в своём сознании, совершенство клинка. Он протянул руку и погладил кожу, потом пальцы его перебрались выше, к рукоятке, и остановились на застежке, прикрепленной к ней. Его отец специально заставил своих мастеров по изготовлению мечей сделать её, прежде чем преподнес этот меч ему, со всей церемонией, в присутствии узкого круга доверенных вассалов. Ёси тогда было пятнадцать, и он убил своего первого противника, потерявшего разум ронина, который появился в окрестностях их родового замка Орлиное Гнездо.

— Это должно напоминать тебе о твоей клятве, сын мой, что ты будешь носить этот клинок с честью, что ты воспользуешься только им, чтобы свершить сеппуку, что ты свершишь сеппуку, только чтобы избежать пленения на поле боя или если это прикажет тебе сёгун и Совет старейшин единогласно подтвердит его приказ. Все другие причины недостаточны, пока сёгунат находится в опасности.

Ужасный приговор, подумал он и откинулся на подушку, отдавшись на мгновение чувству безопасности, которое испытывал сейчас в этой комнате высоко в своих покоях в замке. Когда-то он знал здесь столько наслаждения. Его взгляд вернулся к короткому мечу. Сегодня потребность

воспользоваться им была очень велика. В своём воображении он репетировал этот акт столько раз, что теперь все прошло бы так гладко, стало бы такой милостью и освобождением. Скоро Андзё пришлет своих людей, чтобы арестовать меня, это и послужит мне извинением...

Его острый слух различил звук шагов. Группа воинов шла по коридору: шаг был размеренный и твердый. Руки подхватили оба меча, и он встал в оборонительно-наступательную стойку.

— Государь?

Ёси узнал голос Абэ. Это ещё не означало, что все в порядке: Абэ мог стоять там с ножом у горла или Абэ мог быть предателем — после Койко под подозрением был каждый.

— Что такое?

— Человек по имени Инэдзин умоляет принять его.

— Вы обыскали его?

— Очень серьезно.

Ёси воспользовался веревкой, которую давно протянул от тяжелой, укрепленной двери, чтобы можно было отодвигать засов, не двигаясь с места.

За дверью ждали Абэ, Инэдзин и четыре самурая. Он расслабил напряженные мышцы.

— Входи, Инэдзин. — Абэ и четыре его личных телохранителя двинулись было следом. — Это не нужно, но будьте поблизости.

Его главный шпион вошёл и закрыл за собой дверь. Он заметил устройство засова, но ничего не сказал по этому поводу и сел на колени в десяти шагах от Ёси.

— Ты нашел Кацумату?

— Он будет в Эдо не позже чем через три дня, государь. Первым местом, где он появится, будет дом Глицинии.

— Это прибежище скорпионов? — Ёси ещё не захлопнул ловушку, расставленную для мамы-сан Мэйкин, стремясь узнать подлинные размеры заговора против него, прежде чем отомстить, — месть лучше всего смаковать в спокойном состоянии духа. А он пока ещё не успокоился. — Мы смогли бы захватить его живым?

Инэдзин улыбнулся странной улыбкой.

— Я сомневаюсь в этом, но позвольте мне изложить все по-своему, государь. — Он поудобнее расположил ноющее колено. — Сначала о гайдзинах: произошло то, на что мы надеялись и чего добивались с самого начала. Шпион из числа гайдзинов предложил их военные планы за деньги.

Внимание Ёси обострилось до предела.

— Не подложные?

— Не знаю, господин, но мне шепнули, что они содержат передвижения войск и кораблей. Цена была скромной, но и в этом случае чиновник бакуфу не стал покупать сразу, а начал торговаться, и продавец испугался. Имея Андзё во главе... — Сухой, потрескавшийся рот искривился от отвращения при этом имени. — Он бака, недостойн! Если голова сгнила, что уж говорить о теле.

— Я согласен. Глупо.

Инэдзин кивнул.

— Они опять забыли Сунь-цзы, государь: «Остаться в неведении относительно состояния противника, пожалев расстаться с несколькими сотнями унций серебра, является верхом нечеловеческого отношения». По счастью, осведомитель шепнул об этом мне. — Инэдзин извлек из рукава свиток и положил его на стол. Ёси вздохнул, довольный.

— Со ка!

— С помощью моего осведомителя я приобрел его для вас, в подарок, государь. Также с великим риском для моего осведомителя я подменил его фальшивым свитком, который бакуфу в итоге купят по низкой цене.

Ёси не коснулся списка, лишь глядел на него с нетерпением.

— Пожалуйста, позволь мне возместить твои расходы, — сказал он. Инэдзин скрыл огромное облегчение, ибо ему пришлось заложить их гостиницу у Гъёкоямы, чтобы получить требуемую сумму. — Повидайтесь сегодня же с моим казначеем. Можно ли доверять этим сведениям?

Инэдзин пожал плечами. Оба помнили ещё одно наставление Сунь-цзы: «Внутренний шпион самый опасный, тот, который продает секреты за деньги. Нужен человек гениальный, чтобы проникнуть в его сердце».

— Мой осведомитель клянется, что сведениям можно верить, как и самому шпиону.

— И здесь говорится?

— План гайдзинов пугающе прост. В день выступления, на одиннадцатый день после того, как будет вручен их ультиматум — если его требования останутся невыполненными, — весь их флот выдвигается к Эдо. В первый день нападению подвергнутся места, наиболее удаленные от берега, предел дальности для их самых тяжелых орудий с целью превратить в пыль все мосты и дороги, ведущие из Эдо, — они все четко обозначены; без сомнения, дополнительными сведениями их снабжает изменник Хирага. В ту же ночь, при свете пожаров, которые вспыхнут в городе от их ядер, они намерены обстрелять замок. На следующий день уничтожаются прибрежные районы. На третий день они высадят на берег

тысячу солдат с ружьями и двинутся к воротам замка. Там они установят осадные мортиры и разрушат ворота, мосты и такую часть замка, какую только смогут. На пятый день они отступят и уплывут.

— В Иокогаму?

— Нет, государь. В плане говорится, что они пересадят всех гайдзинов на корабли за день до дня сражения и вернутся в Гонконг до весны. Затем приплывут назад с большими силами. Стоимость военных действий — как это было во время их китайских войн и вообще является их традицией — будет удвоена и затребована в качестве возмещения у сёгуната и императора, так же как полный доступ ко всему Ниппону, включая Киото, и отдачу им в вечное владение одного из островов для прекращения военных действий.

Ёси почувствовал холод, пробежавший по спине. Если эти дикари смогли покорить Китай, Матерь всего Мира, рано или поздно они покорят и нас, даже нас. Полный доступ?

— Этот ультиматум? Какую ещё наглость они себе позволили?

— В свитке этого нет, государь, но шпион обещал сообщить подробности вместе с датой дня сражения и любыми изменениями.

— Какова ни будет цена, купите их — оказавшись подлинными, они могут решить исход всего этого.

— Возможно, государь. Часть сведений посвящена контрмерам гайдзинов. Против наших кораблей с горючей смесью.

— Но Андзё сказал мне, что о кораблях никто не знает!

— Для них это не секрет. Бакуфу — это рисовое решето для всех, кто имеет интерес, а также кто продажен, государь.

— Имена, Инэдзин, и я насажу их головы на пики.

— Начните сегодня, государь. Начните с самого верха.

— Это государственная измена.

— Но такова правда, государь. Вам нравится правда, а не ложь, в отличие от любого другого вождя, какого я знал. — Инэдзин поерзал, боль была невыносимой. — Вопрос с этим шпионом очень запутан, государь. Это Мэйкин рассказала мне о нем... — Ёси издал короткий сдавленный рык. — Да, я согласен. Но именно Мэйкин сообщила мне, Мэйкин, которая отвела посредника от бакуфу ко мне, Мэйкин, которая подменит свитки, а это крайне опасно, ибо она должна поручиться за их подлинность, Мэйкин, которая отчаянно пытается доказать свою преданность вам.

— Преданность? Когда её дом является тайным убежищем для сиси, местом встречи для Кацуматы, ложем, на котором обучают предательниц?

— Мэйкин клянется, что эта дама никогда не участвовала в заговоре

против вас, никогда. Как и она сама.

— Что ещё она может сказать — та служанка была, да?

— Может быть, она говорит правду, может быть, нет, но, может быть, из-за своего горя она видит теперь, как ошибалась в прошлом, государь. Шпион, перешедший на вашу сторону, может оказаться крайне ценным.

— Голова Кацуматы убедила бы меня больше. Если он будет схвачен живым, то ещё больше.

Инэдзин рассмеялся, подался вперед и понизил голос.

— Я предложил, чтобы она быстро сообщила вам подробности об изменнике Хираге, прежде чем вы потребуете его голову.

— И её.

— Женская голова на пике — некрасивое зрелище, государь, старая она или молодая. Это древняя истина. Лучше оставить её у неё на плечах и воспользоваться тем ядом, мудростью, хитростью или просто гнусностью, которыми обладает любая подобная женщина, себе на пользу.

— Как?

— Сначала вы получите Кацумату. Хирага — более сложная проблема. Она говорит, что он в тесной дружбе с важным английским чиновником, приближенным к верховному анг'ричанину, по имени Тайра.

Ёси нахмурился. Ещё один знак? Тайра было другим славным именем в Японии, древний род правителей, связанный кровными узами с ветвью Ёси Сэраты.

— И что же?

— Этот Тайра — чиновник, учится на переводчика. Он уже очень хорошо говорит по-японски — должно быть, у анг'ричан есть школа наподобие той, которую вы предложили и открытие которой бакуфу «рассматривают».

— Рассматривают, а? Тайра? Это не тот безобразный молодой человек, высокий, с голубыми глазами, огромным носом и длинными волосами, похожими на рисовую солому?

— Да-да, это, должно быть, он.

— Я помню его по встрече со старейшинами. Продолжай.

— Мэйкин слышала, что его владение нашим языком становится лучше день ото дня, в этом ему помогает некая шлюха по имени Фудзико, но ещё больше этот Хирага, который постриг волосы на манер гайдзинов и носит их одежду. — Старик умолк на секунду: он обожал делиться секретами. — Похоже, что этот Хирага доводится внуком важному сёе из Тёсю, которому было позволено купить титул гози для своих сыновей; один из них, как раз отец Хираги, теперь хиразамурай. Хирага был выбран для

обучения в тайной школе Тёсю, где, будучи исключительно одаренным студентом, он выучил анг'рийский. — Инэдзин подавил улыбку, глядя на лицо Ёси.

— Значит, наш шпион не гайдзин, а этот Хирага?

— Нет, государь, но Хирага мог бы стать серьезным дополнительным источником информации. Если бы её можно было выкачать из него.

— Сиси, который помогает нам? — фыркнул Ёси, желчно усмехнувшись. — Невозможно.

— Ваша встреча вчера, на борту корабля фурансу. Она была выгодной, государь?

— Она была интересной. — Невозможно сохранить в тайне такие вылазки. Он был рад, что Инэджина так хорошо и быстро информируют. Абэ и полдюжины его людей присутствовали на встрече. У кого из них развязался язык во хмелю? Впрочем, это не имело значения. Этого следовало ожидать. Он не сказал ничего, что могло бы поставить его под удар.

— Абэ! — громко позвал он.

— Государь?

— Пришли прислужницу с чаем и sake. — Он не проронил ни слова, пока все это не было подано и Инэдзин с благодарностью не принял чашку, просеивая в уме услышанное, сортируя сведения и формулируя новые вопросы и ответы. — Что ты предлагаешь?

— Не мне предлагать то, что вы, без сомнения, уже решили, государь. Но мне пришло в голову, что, когда и если главный англичанин пришлет свой ультиматум, вы один будете идеальным посредником на переговорах — вы один, государь.

— А! А затем?

— Помимо прочего вы могли бы попросить о встрече с этим Хирагой. Вы смогли бы оценить его, возможно, уговорить его принять вашу сторону. Обратить себе на пользу. Я думаю, время для этого оказалось бы самым подходящим.

— Это могло бы сработать, Инэдзин, — сказал он, уже отказавшись от этого ради гораздо лучшей мысли, той, которая отвечала плану, выработанному вместе с Огамой в Киото, и его собственной потребности приступить к своему великому замыслу. — Или этого Хирагу можно было бы примерно наказать в назидание другим. Схватите Кацумату, он голова этой змеи под названием сиси. Если Мэйкин окажется тем средством, которое позволит захватить его живым, тем лучше, намного лучше для неё.

В нескольких милях от них на дороге Токайдо в придорожной станции Ходогайя Кацумата наблюдал за толпами путников из окна чайного домика.

— Терпение, Такэда, — говорил он. — Хирага должен появиться не раньше середины утра. Терпение.

— Я ненавижу это место, — сказал Такэда. Деревня стояла на открытой местности, где почти нигде было спрятаться. Отсюда до Поселения Иокогамы было едва три мили. Они находились в чайном домике Первой Луны, том самом, где Кацумата и даймё Сандзиро остановились после того, как Ори и Сёрин напали на гайдзинов на Токайдо. — А если он не придет? — Юноша раздраженно поскреб голову: ни голову, ни подбородок он не брил с самого побега из Киото, и теперь их покрывала колючая щетина.

— Он придет. Если не сегодня, то завтра. Я должен увидеться с ним.

Они скрывались здесь уже неделю. Путь из Киото был трудным, часто бывало так, что им едва удавалось спастись.

— Сэнсэй, мне не нравится это место, не нравится, что мы изменили план. Нам следовало бы быть в Эдо, если мы намерены продолжать борьбу, или, возможно, нам следует повернуть назад и отправиться домой.

— Если хочешь идти дальше, иди. Если хочешь вернуться в Тёсю, иди, — ответил Кацумата. — В следующий раз, когда ты откроешь рот, чтобы пожаловаться, я прикажу тебе уйти!

Такэда немедленно извинился, добавив:

— Это все потому, что мы потеряли так много людей в Киото, мы даже не знаем, что случилось с сиси здесь, в Эдо. Я прошу прощения, да, но я все время думаю, что нам нужно было вернуться домой, как это сделали те, кто выжил, я — в Тёсю, вы — в Сацуму, чтобы соединиться позже.

— Ходогайя — идеальное место для нас, и эта гостиница безопасна. — Предупрежденный, что Ёси назначил высокую награду за его голову, Кацумата решил проявить осторожность и остановиться здесь. — Завтра или на следующий день мы двинемся дальше, — сказал он, радуясь, что этот юноша с ним: его ценность как щита, прикрывающего его спину, была велика. — Сначала — Хирага.

Вступить с ним в контакт было трудно и опасно. Очень немногих людей в округе имели пропуск через заставы Иокогамы или в Ёсивару гайдзинов. Постоянно выдавались новые документы, менялись пароли. Патрули сыскального ведомства бродили повсюду. Засадные отряды самураев пчелиным роем облепили Иокогаму, почти отрезав её от остальной страны.

Затем три дня назад Кацумата нашел прислужницу, чья сестра была повивальщицей и время от времени ходила в Ёсивару. За золотой обан эта

женщина согласилась передать записку маме-сан дома Трех Карпов.

— Такэда, оставайся здесь и продолжай наблюдать. Жди терпеливо.

Кацумата спустился в сад и вышел через большие ворота на Токайдо, запруженную утренними путниками, паланкинами, носильщиками, предсказателями судьбы, писцами, самураями, кое-где можно было видеть лошадей, которые перевозили женщин или всадников-самураев. Утро было холодным, и все были в теплых куртках и теплых головных шарфах или шляпах. Несколько самураев окинули Кацумату взглядом, но не грубым. Его походка, грязная щетина на макушке и на щеках, длинный меч в ножнах за спиной, второй — заткнутый за пояс, служили громким предупреждением для всех не в меру любопытных. Нет сомнения, что это был какой-то ронин и его следовало избегать.

На окраине деревни, по эту сторону отлично охранявшейся заставы, где открывался хороший обзор на море и Иокогаму, он опустил на скамейку в придорожной закусочной.

— Чай, заварите свежий и смотрите, чтобы был горячий.

Перепуганный владелец закусочной бросился выполнять заказ.

В Поселении группа торговцев верхом на лошадях простучала копытами по мосту, вежливо приподняла шляпы или приветствовала стеками стражей у Северных ворот, получив в ответ небрежные поклоны. Другие торговцы, клерки, солдаты, моряки, сброд из Пьяного Города шли пешком, все вышли на праздничную утреннюю прогулку. Сегодня был Новый год. Днём должны были состояться скачки, а затем, позже, футбольный матч между армией и флотом. День выдался холодным, хотя и ясным, ветер был небольшой, но достаточный, чтобы заносить с собой запах зимы, гниющих водорослей и человеческих испражнений дальше вглубь острова.

Одним из всадников был Джейми Макфей. Рядом с ним ехал Хирага в хорошо сшитом костюме для верховой езды, шарф скрывал большую часть его лица, шляпа была надвинута на самые глаза. Ни Тайрер, ни сэр Уильям не давали разрешения на эту вылазку, они даже не знали о ней — подарок Джейми в обмен на то, что Хирага переводил для него в разговоре с сёей, а также за предоставленную ему деловую информацию.

Вчера Хирага сказал:

— Я отвечать ещё вопросы, пока ехать, Дзами-сама. Нужна походить, ходить в Ходогайя, встречать роственник. Паза'руста?

— Отчего же нет, Накама, старина? — Макфей не был в деревне уже много месяцев, хотя она и находилась в оговоренной зоне Поселения, и был

рад предложу отправиться туда. Очень немногие торговцы рисковали отъезжать так далеко без военного сопровождения: убийство Кентербери и злая судьба Малкольма Струана никогда надолго не покидали их мыслей.

Сегодня Макфей был в хорошем настроении. Извещение от его банкиров в Эдинбурге, прибывшее с последней почтой, приятно удивило его: дела его обстояли лучше, чем он думал, средств было больше чем достаточно, чтобы начать своё дело, пусть и не на широкую ногу. «Благородный Дом» был в хороших руках, и он был рад этому. Новый директор японского филиала торгового дома Струана, Альберт Мак-Струан, прибыл из Шанхая. Он встречался с ним три года назад в Гонконге, когда Мак-Струан только начал работать в компании. Шесть месяцев обучения в Гонконге у Кулума Струана, потом — в Шанхай, где он быстро вырос до заместителя директора.

— Добро пожаловать в Иокогаму, — приветствовал его Джейми, не кривя душой. Мак-Струан нравился ему, хотя он мало что знал о нем, кроме того, что тот хорошо знал своё дело и его ветвь клана была смуглыми горцами — в его жилах текла кровь одного из тысяч испанцев, уцелевших после того, как их корабли, часть Великой армады, потерпели крушение у берегов Шотландии и Ирландии; они остались в живых, но уже никогда не вернулись домой.

Здесь его приняли бы за евразийца, хотя никто не оспаривал его происхождения. Носился шепоток, что он был ещё одним из тайных, незаконнорожденных детей Дирка Струана, которого Дирк тайно отослал домой в Шотландию вместе с его сводным братом, Фредериком Мак-Струаном, незадолго до своей смерти; обоим было назначено очень щедрое содержание.

— Ужасно сожалею, что встречаюсь с вами при таких гнусных обстоятельствах, старина. — Выговор у Мак-Струана был аристократический, Итон и Оксфордский университет, с едва уловимым шотландским акцентом. Ему было двадцать шесть лет, коренастый человек с темными волосами, золотистой кожей, высокими скулами, темными, чуть раскосыми глазами. Джейми никогда не спрашивал его о легенде, связанной с его происхождением, а сам Мак-Струан не говорил на эту тему. Когда Джейми впервые прибыл в Гонконг, почти двадцать лет назад, Кулум Струан, тогдашний тайпэн, ясно дал ему понять, что здесь вопросов не задают, особенно о семействе Струанов: «У нас слишком много секретов, слишком много темных дел, о которых нужно забыть, быть может».

«Все в порядке, и не переживайте за меня, мистер Мак-Струан, — ответил тогда Джейми. — Я готов к чему-нибудь новому». И хотя сейчас он

официально уже не работал на «Благородный Дом», он по-прежнему помогал ему, подробно рассказывая о нынешнем состоянии проектов и сделок, представляя его, вместе с Варгашем, их японским поставщикам. Бухгалтерские книги были в полном порядке, угольное предприятие с Джонни Корнишмэном было запущено успешно и обещало стать крайне прибыльным: качество угля было первоклассным, и они уже пошли дальше, договорившись об отгрузке одной баржи в неделю в течение трех месяцев, оговоренных в качестве испытательного срока.

Мак-Струан щедро выделил ему двадцать процентов прибыли за первый год и дал разрешение после этого самостоятельно вести дела с Корнишмэном: «...если этот маленький пройдоха ещё будет жив к тому времени», — сказал он со смешком.

Благодаря Хираге тайные договоренности Джейми с сёей дали плоды, и в принципе первая компания была образована: ИАК Трэйдинг — Ити Акционерный Компени — жена сёи посчитала разумным не использовать в названии компании их собственное имя. Пакет был разбит на сто акций: сёя имел сорок, Макфей — сорок, жена Рёси — пятнадцать и Накама-Хирага — пять.

На прошлой неделе он зарегистрировал свой собственный торговый дом, завтра он будет открыт для бизнеса во временных помещениях, снятых в том же здании, где помещалась «Гардиан» Неттлсмита. Вот уже целую неделю старший сын Рёси, застенчивый, нервный юноша девятнадцати лет, ежедневно приходил на работу к семи утра и уходил в девять вечера; он должен был научиться всему. Особенно говорить по-английски. В довершение ко всему, с последней почтой прибыло, неожиданно для него, выходное пособие за три месяца с вежливым посланием от Тесс Струан, благодарившей его за услуги. Три месяца за девятнадцать лет совсем не так уж плохо, подумал он с угрюмой усмешкой.

Из Гонконга пока ни слова, слишком рано, хотя «Гарцующее Облако» должно было добраться туда уже десять дней назад, если не больше; Хоуг — примерно неделю. Первые известия придут дня через четыре-пять, не раньше; говорят в южных китайских морях свирепствует страшный шторм, он может отодвинуть их прибытие ещё дальше. Без толку пытаться заранее предсказать сроки и погоду.

В один прекрасный день у нас появится телеграфная связь с Гонконгом, а когда-нибудь, быть может, провод протянется до самого Лондона. Бог мой, каким фантастическим подарком для каждого стала бы возможность передавать послание в Гонконг и получать ответ через несколько дней, а в Лондон и обратно через... сколько?., ну, скажем, от

двенадцати до шестнадцати дней — это вместо четырех месяцев! Мне им уже не пользоваться, но готов поспорить, что лет через десять-пятнадцать телеграф до Гонконга протянут. Ура Накаме и моему новому партнеру Рёси, ура моей новой компании «Макфей Трейдинг». И ура Анжелике.

Несмотря на глубокий траур, на Рождество она согласилась принять участие в званом обеде, который он давал в честь Альберта Мак-Струана и на котором присутствовали сэр Уильям, Сератар, Андре и большинство посланников. Обед прошел с тихим успехом. Хотя в Анжелике не осталось и следа былой веселости и она так мало походила на прежнюю себя, она была любезна и мила, и все отметили, насколько ещё более прекрасной она стала, обретя эту новую зрелость. Сегодня должен был состояться большой прием во французской миссии, на который они получили приглашения. Андре будет играть на рояле. Сомнительно, чтобы она стала танцевать, — ставки делались десять к одному, что не станет. По поводу того, понесла она от Малкольма или нет, ставки по-прежнему шли один к одному. О Гонконге никто не упоминал. Со времени их морского приключения и того успешного трюка в кабинете сэра Уильяма, который положил конец их пытке, они стали близкими друзьями и ужинали вместе в большинство из вечеров.

Ура этому Новому году, который будет чудесным!

Несмотря на все его прекрасное расположение духа, по телу пробежал холодок. Ситуация в бизнесе оставалась чреватой всякими неприятностями: вокруг Шанхая опять назревала гражданская война, в Макао — чума, гражданская война в Америке ужасна, голод в Ирландии, слухи о голоде здесь, бунты на Британских островах из-за безработицы и заработной платы на фабриках. Потом оставалась ещё Тесс Струан.

Чёрт, я пообещал себе не думать о ней начиная с 1 января 1863 года! Как о Морин...

Чтобы избавиться от щемящего чувства тревоги, он пришпорил лошадь. Хирага тотчас же последовал его примеру; они оба были хорошими наездниками. Для Хираги это была первая верховая поездка за долгое время, первая возможность передвигаться более-менее свободно за пределами Поселения. Он догнал Джейми, потом вырвался вперед. Вскоре они уже скакали радостным галопом. И так же скоро остались одни: их спутники повернули к ипподрому. Они перешли на мелкую рысь, наслаждаясь славным днем.

Впереди они могли видеть извивающуюся Токайдо, пересеченную то тут, то там разлившимися речушками и бродами, по обе стороны которых ждали носильщики, чтобы перенести или перевезти на другой берег людей

и сложенные у воды товары. К югу лежала Ходогайя. Её заставы были открыты. В добрые старые дни, до убийств на Токайдо, весной и осенью торговцы посещали деревню, чтобы выпить саке и пива, брали с собой еду в корзинах и устраивали пикники, смеялись и заигрывали со стайками прислужниц, которые старались затащить их в свои закусовые и рестораны. В многочисленных борделях здесь они не были желанными гостями.

— Эй, Накама, где ты встречаешься со своим родственником? — спросил Джейми, натягивая поводья у края деревни, неподалеку от заставы, остро чувствуя на себе враждебные взгляды путников. Но не переживая особенно. Он был вооружен, все могли видеть его револьвер в кобуре, висевшей на плече — Хирага был без оружия, так он думал.

— Я искать его. Лучше я ходить один на другой сторона застава, Дзами-сама, — ответил Хирага. Он был вне себя от радости, получив послание Кацуматы, и в то же время сердце его переполняли сомнения: для него было очень рискованно оказаться там, где сэр Уильям и Тайрер уже не смогут защитить его. Но он должен был узнать о Сумомо и об остальных, выяснить, что же действительно произошло в Киото и каков был новый план сиси. Каждый день сёя только качал головой:

— Прошу прощения, Отами-сама, у меня пока нет никаких известий о Кацумате или Такэде... и об этой девушке Сумомо или о Койко. Князь Ёси остается в замке Эдо. Как только я узнаю что-нибудь новое, я в тот же миг...

По-прежнему основательно закутанный в шарф, Хирага жестом попросил Джейми поехать вперед.

— Паза'руста, потом я находить харосый место для вас здать.

Стражники у заставы с подозрением посмотрели на них, слегка поклонившись и приняв в ответ их приветствия. Хирага поморщился, увидев на стене караульного помещения собственный портрет. Джейми не заметил его, и Хирага вообще сомневался, что он или кто-то другой узнал бы его с новой европейской прической и усами.

Хирага остановился у первой же гостиницы. Изъясняясь на плохом японском и подражая грубым манерам торговцев, Хирага нашел столик в саду и заказал чай, саке и пиво, несколько японских блюд и приказал прислужнице позаботиться, чтобы их не беспокоили, пообещав ей хорошие чаевые. Прислужница выслушала его, глядя в пол, но Хирага был уверен, что она видела его глаза и знала, что он японец.

— Дзами-сама, я назад через немного минут, — сказал он.

— Не пропадай надолго, старина.

— Да, Дзами-сама.

Хирага неторопливой походкой вышел на дорогу, направляясь к дальней заставе. Общая враждебность и дурные манеры бесили его, несколько воинственно настроенных самураев и кое-кто из путников заставили его сойти на обочину, чтобы дать им пройти. В то же время он с удовольствием отмечал про себя, что все принимают его за гайдзина, а его пристальное разглядывание всех подряд закусовых, чайных и ресторанчиков — за грубое любопытство гайдзинов. Зашифрованное послание Кацуматы гласило: «Приходи в Ходогайю утром в любой из трех следующих дней. Я найду тебя».

Чувствуя себя белой вороной, как оно и было на самом деле, он шагал мимо слонявшихся без дела, сидевших на скамьях или за столами или сгорбившихся над жаровнями людей, которые со злобной наглостью пялились на него. Тут он услышал тихий условный свист. Он был слишком хорошо обучен, чтобы обернуться или как-то иначе показать, что слышал его. С притворной усталостью он опустился на скамью подальше от улицы в ближайшем ресторанчике и заказал пиво. Прислужница быстро принесла его. Сидевшие поблизости крестьяне ниже опустили головы и, чавкая над чашками с утренней рисовой кашей и горячим саке, потихоньку отодвинулись подальше от него, словно он был зачумленный.

— Пока не оборачивайся, — услышал он тихий голос Кацуматы. — Я не узнал тебя, твой новый наряд безупречен.

— Ваш, должно быть, тоже, — ответил он так же тихо, едва шевеля губами. — Дважды я осмотрел это место очень внимательно.

Низкий знакомый смешок, которым он всегда восхищался.

— Урони что-нибудь, а когда будешь поднимать, оглянись ненадолго.

Хирага подчинился и, после того как, на один короткий миг, он увидел единственного человека поблизости — дикого на вид, бородатого, желчного ронина с грязной щеткой волос на голове, испепелявшего его гневным взглядом, — опять повернулся к нему спиной.

— И-и-и-и, сэнсэй!

— Забудь о сэнсэях. Времени мало, Ходогайя кишит блюстителем закона из сысского ведомства и шпионами. Где мы можем безопасно встретиться?

— Наша Ёсивара... Дом Трех Карпов.

— Я буду там через два-три дня... жизненно необходимо спровоцировать столкновение с гайдзинами, быстро. Подумай над этим.

— Какого рода столкновение?

— Серьезное.

— Очень хорошо, — сказал Хирага. — Я испытал облегчение, получив от вас известие... мы и не знали, что вы направлялись сюда. Ходят невообразимые слухи о резне в Киото... Акимото здесь со мной, но мы предоставлены сами себе, и мы потеряли много сиси во время наших нападений в Эдо. Мне столько нужно рассказать вам об Эдо и о гайдзинах. Быстро, что произошло в Киото? Сумомо, как она?

— Киото кончилось плохо. Перед тем как уйти, я пристроил Сумомо к Койко, которая возвращалась сюда вместе с Ёси, чтобы следить за ним и выяснить, кто предает нас — это должен быть кто-то из наших, — возможность была слишком хорошей, чтобы упускать её, и для Сумомо это был безопасный способ выбраться из Киото, — сказал Кацумата, постоянно рыская вокруг себя взглядом; все остальные, завтракавшие в этом ресторанчике, избегали смотреть в его сторону, хотя и сидели довольно далеко. — Мы провели два нападения на Ёси, оба окончились неудачей, кто-то выдал наше убежище, и Огама и Ёси, действуя заодно, устроили там засаду. Мы...

— И-и-и-и, — протянул Хирага, глубоко озабоченный. — Они стали союзниками?

— На время. Мы потеряли много командиров и людей, подробности я расскажу позже, но мы, Сумомо, Такэда и я и ещё несколько человек, с боем выбрались из западни. Я рад видеть тебя, Хирага. Теперь уходи.

— Погодите. Сумомо. Я приказал ей возвращаться в Тёсю.

— Она доставила мне ценную информацию об обстановке здесь и о Сёрине и Ори. Я предложил ей идти дальше, в Тёсю, но она захотела остаться, думая, что может помочь тебе. Как Ори?

— Мертв. — Он услышал, как Кацумата пробормотал проклятие: Ори был его любимым учеником. — Гайдзины застрелили его, когда он пытался проникнуть в один из их домов, — торопливо проговорил Хирага, чувствуя, как тревога поднимается в сердце, — до нас дошли слухи, что в Хамамацу на Ёси снова напали сиси, что Койко была убита в схватке и один из сиси тоже. Кто он?

— Не он, она. Мне очень жаль, это была Сумомо. — Краска отхлынула от лица Хираги. — Койко предала её, эта шлюха донесла на неё Ёси и тем самым предала сонно-дзёи и всех нас. Но она умерла с сюрикеном Сумомо в груди.

— Как умерла Сумомо?

— Как сиси, она будет жить в памяти людей вечно. Она сражалась с Ёси сюрикенами и длинным мечом и едва не убила его. Таково было её задание, если её предадут.

Значит, Сумомо имела задание, подумал Хирага, внезапно прозрев, весь он сейчас представлял собой один огненный вулкан — ты ждал, что её предадут, и все равно послал её в это логово. Горло сжала невидимая рука. Он заставил себя задать главный вопрос:

— Как её похоронили? Было ли погребение почетным? — Если Торанага Ёси не почтил её после того, как она так храбро сражалась и умерла, то тогда он будет охотиться за ним, забыв обо всем остальном, до тех пор, пока один из них не умрет. Хирага возглавлял сиси Тёсю, самый сильный отряд из всех. Сумомо, хотя и была родом из Сацумы, принесла клятву на верное служение ему и Тёсю. — Пожалуйста, я должен знать, было ли оно почетным?

По-прежнему никакого ответа. Он бросил взгляд назад. Кацумата исчез. Его шок был открытым. Другие посетители молча уставились на него. Сбоку стояла группа самураев, наблюдая за ним. Волосы зашевелились у него на затылке. Он швырнул на стол несколько монет и, держа руку на «дерринджере» под сюртуком, вышел тем же путем, что и вошёл.

КАНАГАВА

Пятница, 2 января

Когда Ёси подъехал к воротам миссии в Канагаве во главе небольшой процессии, Сеттри Паллидар, командовавший почетным караулом, проревел: «На карауул!» — и поднял саблю, отдавая честь. Солдаты сдернули ружья с плеч, взяли их на караул и замерли неподвижно: тридцать гвардейцев, тридцать шотландских горцев в килтах, его рота драгун на конях, столь же великолепные, как все остальные.

Ёси приветствовал их, подняв хлыст, и поглубже спрятал тревогу, которую испытывал при виде такого количества вражеских солдат с таким количеством безукоризненно начищенных ружей. Ещё никогда в жизни он не был так беззащитен. Только Абэ и два телохранителя, тоже верхом на лошадях, сопровождали его. Следом за ними семенили мальчик-слуга и дюжина покрытых потом, перепуганных носильщиков, которые несли тяжелые тюки на длинных шестах, концы которых лежали у них на плечах. Его остальные телохранители остались у заставы.

Он был одет во все черное: бамбуковые доспехи, легкий шлем, куртка с широкими плечами, два меча — даже его жеребец был черным, без единого пятнышка. Но украшенная кисточками сбруя, поводья, попона были ярко-алыми, оттеняя черный цвет. Минувя ворота, он проехал мимо Паллидара и заметил холодные голубые глаза, напомнившие ему глаза мертвой рыбы.

На ступенях, поднимавшихся от плотно утрамбованной земли внутреннего двора, он увидел сэра Уильяма, по бокам которого стояли Сератар и Андре Понсен с одной стороны и адмирал, доктор Бебкотт и Тайрер — с другой — в точности, как он просил. Все они были одеты в своё лучшее платье, в цилиндрах и теплых шерстяных пальто по случаю сырого, хмурого утра. Его взгляд скользнул по ним, задержался на мгновение на Бебкотте, потрясённый его ростом, потом Ёси натянул поводья и приветственно поднял хлыст. Они поклонились так же небрежно, адмирал отдал честь.

Тут же сэр Уильям, по пятам за которым следовал Тайрер, с улыбкой спустился по ступеням, чтобы встретить его — оба скрывали своё удивление малочисленностью его охраны. Мальчик-слуга бросился вперед, чтобы взять коня под уздцы. Ёси спешил с правой стороны, как было

принято в Китае и, следовательно, здесь.

— Добро пожаловать, князь Ёси, от имени Её Королевского Величества, — произнес сэр Уильям. Тайрер немедленно перевел, перевел аккуратно.

— Благодарю вас. Надеюсь, я не причинил вам каких-либо неудобств, — сказал Ёси, начиная свою часть ритуала.

— Нет, государь, это честь для нас. Вы дарите нам редкое, огромное удовольствие. — Ёси обратил внимание, насколько лучше стали произношение Тайрера и его словарь, и это ещё более укрепило его решимость нейтрализовать предателя Хирагу, которого, как выяснил Инэдзин, гайдзины знали под именем Накама. — Пожалуйста, князь Ёси, не выпьете ли чая?

Оба они уже закрыли уши для этих бессмысленных фраз, сосредоточившись друг на друге, отыскивая ключи, которые могли бы помочь им.

— А, Сэрата-сама, — сказал Ёси с приятной улыбкой, хотя его раздражало то, что они стоят: ему приходилось смотреть на них снизу вверх, их рост — обычно больше чем на голову выше — заставлял его чувствовать себя неполноценным, хотя среди японцев он в большинстве случаев опускал глаза на собеседника. — Я рад вновь встретиться с вами так скоро. Благодарю вас. — Он кивнул Андре, потом Сератару, который церемонно поклонился. Андре перевел:

— Мой господин Сэрата приветствует вас, государь, от имени своего друга, императора Фурансу, короля Наполеона III. Честь имею служить вам.

После посещения Ёси тайро Андзё он послал Мисамото с письмом к Сератару, в котором спрашивал, нельзя ли безотлагательно устроить официальную, хотя и очень приватную встречу с Сератаром, сэром Уильямом, старшим офицером флота, доктором из Канагавы и переводчиками Андре и Тайрером — только эти шесть человек, больше никого. Он прибудет неофициально, с минимумом охраны, и просит, чтобы, по возможности, все обошлось без церемоний.

— Что вы думаете по этому поводу, Анри? — поинтересовался сэр Уильям, когда Сератар вручил ему это послание; тот поспешил к нему сразу же, как только Андре закончил перевод.

— Не знаю. Этот человек производит внушительное впечатление. Он провел на корабле более четырех часов, поэтому у нас была возможность изучить его очень внимательно... возможно, вы захотите прочесть копию моего доклада?

— Благодарю вас, — ответил сэр Уильям, зная, что доклад будет

переписан и вся интересная информация удалена из него — он сам поступил бы так же. Он слегка простудился накануне и потому чихнул. — Извините.

— Как опекун наследника, член Совета старейшин, принадлежащий к древнему японскому королевскому роду, он даже связан родственными узами с микадо, императором, который выполняет, вы, может быть, не знаете об этом, чисто религиозные функции — этот человек имеет крайне хорошие связи и занимает видное место в сёгунате. Почему бы нам не принять его?

— Я приму, — сухо ответил сэр Уильям, намного обогнав Сератара по части информированности, после того как в течение многих часов он поджаривал Накаму, выуживая из него подробности о важных правителях и их родовых связях, особенно о Торанаге Ёси. — Сделаем, как он просит. Интересно, что он хочет видеть и Кеттерера тоже, а? Это чем-то пахнет. Мы отправимся туда на катере и возьмем с собой отборных солдат, оденем их как почетный караул, и пусть фрегат Её Величества «Жемчужина» курсирует недалеко от берега.

— Mon Dieu, вы подозреваете ловушку?

— Это могло бы обернуться хитрым способом принести в жертву коня, чтобы разом смести с доски всю нашу командную структуру. Им не составит труда незаметно стянуть туда самураев, — Паллидар говорит, что их отряды облепили Токайдо по обе стороны отсюда до Ходоямы и дальше. Я не чую здесь ловушки, но на всякий случай мы будем держать патрон в стволе. Никаких французских войск, старина. Извините, нет. Нет, Анри! Но зачем ему понадобился Бебкотт?

— От имени Франции я предложил, чтобы мы создали больницу для них, для укрепления связей. Он был в восторге... полноте, Уильям, не может же один человек успеть подумать обо всем. Мы поговорили о Бебкотте, который имеет скромную репутацию. Возможно, Ёси хочет услышать его мнение. — Сератар не видел никаких причин к тому, чтобы разглашать тайные сведения о плохом здоровье тайро, добытые Андре.

Японский чай был подан в большом зале для торжественных приемов. Они расселись согласно протоколу и приготовились к бесконечному обмену любезностями, который будет продолжаться не менее часа. Один глоток чая, и они застыли от изумления, услышав, как Ёси сказал:

— Причина, по которой я созвал вас на эту частную беседу, с помощью Сэрата-доно... действуя, естественно, от имени тайро и Совета старейшин... заключается в том, что пора двигаться вперед в наших добрых взаимоотношениях. — Он замолчал и, посмотрев на Тайрера,

произнес отрывисто: — Пожалуйста, сначала переведите это, затем я продолжу.

Тайрер подчинился.

— Сначала Доктор-сама, остальная часть нашей встречи его не касается. — Ёси намеренно прождал три дня, прежде чем встретиться с доктором. Можно не спешить, цинично решил он: Андзё сказал, что обойдется без меня в этом деле, пусть теперь помучается!

Внезапно его собственный желудок болезненно сжался, и горло перехватило при мысли о том неоправданном риске, на который он пошел, отдав себя на милость Андзё — тот с каждым днём становился все опаснее. Глупо было соглашаться возглавить нападение на гайдзинов и брать на себя его подготовку — эта часть выполнена без всяких трудностей, — ибо ему придется держать слово, если только он не сумеет сегодня хитростью склонить этих варваров поступить согласно его воле. — Пожалуйста, не согласится ли доктор вернуться в Эдо вместе со мной, чтобы осмотреть важного больного, чье имя не может быть названо. Я гарантирую ему безопасный проезд туда и обратно.

Сэр Уильям заметил:

— Такой важный человек, как Доктор-сама, разумеется, не может передвигаться по округе без охраны.

— Я понимаю это, но в данном случае, прошу прощения, это невозможно, — сказал Ёси. Теперь, когда они сидели, его глаза были на одном уровне с их глазами, за исключением Бебкотта, и он чувствовал себя более раскованно. — Я гарантирую ему безопасный проезд.

Сэр Уильям нахмурился, притворившись, что раздумывает над этим.

— Джордж? Что вы скажете на это?

Они уже обсудили между собой эту возможность.

— Я бы согласился пойти один, сэр Уильям. Один из моих помощников сообщил мне, что тайро, по слухам, тяжело болен. Это мог бы оказаться он.

— Бог мой, если бы вам удалось вылечить этого сукина сына — или отравить его — право, не знаю, что лучше. Я шучу, конечно.

— Риска никакого для меня нет. Я имею ценность только живой и как заложник бесполезен. Излечение важной персоны дало бы нам огромные преимущества.

— Я согласен с вами. Будем действовать по обстоятельствам. Кстати, я слышал, Анжелика вчера была у вас на приеме.

— Ха! Похоже, что все Поселение слышало об этом, вы уже восьмой, кто как бы ненароком осведомился об этом! Она простудилась, при такой

погоде все ходят с простудой, у вас у самого простуда, но даже если бы она обратилась ко мне по любой другой причине, это есть и всегда будет конфиденциальной информацией, так что отступитесь.

Сэр Уильям улыбнулся про себя, вспомнив, как он возмущенно шмыгнул носом и заявил, что вовсе не интересуется конфиденциальными вещами, как, например, её возможная беременность. Ждать осталось совсем немного, и все Поселение нервничает, никто ещё не готов поставить большие деньги на то, когда наступит «День Б», и наступит ли он вообще — и менее пяти дней остается до первого залпа с Гонконга по поводу Малкольма, похорон и дальнейших намерений Тесс Струан.

Сэр Уильям оторвался мыслями от этих проблем и вернулся к проблемам этой минуты. Бебкотт отвечал Ёси напрямую на спотыкающемся японском:

— Да, ехать Эдо, князь Ёси. Когда ехать, пожалуйста?

— Когда я поеду, Доктор-сама, — медленно произнес Ёси. — Благодарю вас. Я отвечаю за вас. Я позабочусь, чтобы вы благополучно вернулись назад. Вам понадобится переводчик, да?

— Да, пожалуйста, князь Ёси, — сказал Бебкотт, хотя в переводчике не нуждался. Он посмотрел на Тайрера. — Филип, вы набрали большинство голосов.

Тайрер широко улыбнулся.

— Я уже собирался вызваться добровольцем.

— Спросите его, как долго я там пробуду.

— Он говорит: столько, сколько нужно, чтобы осмотреть больного.

— Значит, этот вопрос решен, — подвел итог сэр Уильям.

— Я оставляю вас. У меня работа в клинике, поэтому вы знаете, где меня найти. — Он поклонился Ёси, который поклонился в ответ, и вышел.

Тщательно подбирая слова и стараясь говорить просто, Ёси сказал:

— У носильщиков снаружи пять ящиков серебряных монет на сумму сто тысяч фунтов. Эти деньги предлагаются сёгунатом для полной оплаты той компенсации, которую вы потребовали от виновного даймё. В принципе сёгунат считает эту сумму правильной. — Он скрыл своё удовольствие, глядя на потрясенные лица Тайрера и Андре. — Переведите в точности, как я сказал.

Вновь Тайрер подчинился. На этот раз перевод был не дословным, но он верно изложил суть; Андре тут и там помогал ему. В комнате повисло ошеломленное молчание.

— Государь, — слабым голосом произнес Тайрер, — мой господин спрашивать, он отвечать сейчас или Ёси-сама говорить ещё?

— Ещё. Сёгунат дает эти деньги как аванс от имени Сандзиро, правителя Сацумы. Он один несет полную ответственность. Как объяснялось ранее, он не подвластен сёгунату ни в чем. Переводите.

Опять это было исполнено. Он видел, что оба главных лица в растерянности, как он и планировал. Это доставило ему удовольствие, но не прогнало чувства тревоги.

— Мы не можем заставить правителя Сацумы Сандзиро отменить любые приказы, которые он мог отдать, а мог и не отдавать своим людям в отношении гайдзинов, или даже потребовать от него извинений, как и заставить его вернуть эти деньги, которые мы выплачиваем, дабы урегулировать этот вопрос без того, чтобы объявить ему войну. К этому мы не готовы.

На этот перевод потребовалось время, чтобы он был точным; Андре опять помогал, чувствуя растущую напряженность и то, как все стараются не пропустить ни слова.

— Государь?

— Передайте это точно и аккуратно: желая быть друзьями с анг'ричанами и фурансу, сёгунат разрешил то, что сёгунат может разрешить... без того, чтобы объявлять войну. — Ёси выпрямился, гадая, достаточно ли сочной выглядит наживка.

Его последние фразы были выслушаны в полном молчании. Он отметил, что сэр Уильям теперь сидел с бесстрастным лицом и только лишь хмыкнул почти не слышно. А вот Сератар кивнул и бросил взгляд на Андре.

Наполненный изнутри пенящимся ликованием, сэр Уильям ждал, когда Ёси продолжит. Когда этого не произошло, он сказал:

— Филип, спросите князя Ёси, желает ли он говорить дальше, или я могу теперь ответить.

— Он говорит, что пока не желает продолжать.

Сэр Уильям прочистил горло и величественно заговорил — к полному смятению Тайрера:

— Князь Ёси, от имени правительства Её Величества и французского правительства позвольте мне выразить признательность вам и сёгунату за устранение части проблемы, существующей между нами. Мы благодарим вас лично, желая сделать наше пребывание на вашей земле счастливым и благодатным для вашей страны, сёгуната и нас самих. Этот жест, безусловно, открывает новую эру взаимопонимания между нашими двумя странами, а также другими, представленными в Японии.

Он подождал, пока это будет переведено. Тайрер и Андре, постоянно

извиняясь и умоляя Ёси о терпении и снисходительности, пересказали послание более простыми словами настолько близко к оригиналу, насколько это было возможно. Когда они закончили, сэр Уильям добавил:

— С его разрешения, я бы хотел сделать короткий перерыв. Филип или Андре, пожалуйста, попросите его отнестись с пониманием, извинитесь и все такое, но объясните, что мой мочевого пузырь нуждается в экстренной помощи. Это все из-за простуды.

Оба переводчика торопливо перевели, дополняя друг друга.

— Конечно, — ответил Ёси, не поверив ему.

Сэр Уильям поднялся, Сератар тоже извинился, и когда они оказались в коридоре, направляясь к горшку, который не был нужен ни тому, ни другому, сэр Уильям возбужденно прошептал:

— Бог мой, Анри, вы поняли его так же, как и я? Он же говорит, что мы можем сами разобраться с Сандзиро.

Сератар был так же взволнован.

— Это поворот на сто восемьдесят градусов в их политике, согласно которой все должно проходить через бакуфу и сёгунат. Mon Dieu, он что, дает нам карт-бланш?

— *Pas ce crétin*,^[40] — сказал сэр Уильям, незаметно для себя переходя на французский. — Если мы сможем сделать это с Сандзиро, это создаст прецедент, и мы сможем выступить против любого другого даймё — например, этого сукина сына, который владеет проливом Симоносеки. Но где, дьявол меня заberi, тут кроется *quid pro quo*,^[41] а? — Он шумно высморкался. — А она должна быть обязательно.

— Даже представления не имею. Что бы это ни было, вещь это редкая и необычная, *mon brave*.^[42] Поразительно, что он решится отдать себя в нашу власть, никогда не думал, что он прибудет с такой малочисленной охраной. Он, без сомнения, должен был понимать, что мы могли бы взять его заложником, пока Сандзиро не выполнит все наши требования.

— Согласен. Господи, какой шаг вперед! Невероятно: он сразу перешел в делу, никакого виляния задом, я уже думал, что не доживу до этого дня. Но почему, а? Что-то тут не чисто.

— Да. Merde, жаль, что он не тайро, а?

Ха! Именно об этом я и подумал, старина, и гораздо раньше вас, сказал себе сэр Уильям. Немного подтолкнуть здесь, чуть-чуть подтянуть там, и тут все закрутится не хуже, чем в Индии!

Он уже расстегнул штаны и теперь, лениво наблюдая за струей, перестал слушать дальнейшие прогнозы Сератара и собрался с мыслями,

прикидывая, что он мог бы предложить взамен, как далеко пойти и как ему заручиться согласием Кеттерера без визы Адмиралтейства и Министерства иностранных дел. Чёрт бы побрал этого парня!

И чёрт бы побрал Палмерстона. Я запросил срочное разрешение на поддержание цивилизованной законности, так почему же он не ответил? Впрочем, он, вероятно, ответил, сказал он себе. Зашифрованное послание Лондона передали по телеграфу в Басру, и сейчас оно болтается где-нибудь на пакетботе в мешке с дипломатической почтой. Струя иссякла. Он стряхнул капли, как всегда вспомнив предупреждение ученикам Итона: «Если ты встряхнешь его больше трех раз, это значит, что ты играешь с ним». Он быстро шагнул в сторону, освобождая место Сератару, и застегнул ширинку, отметив про себя, что Сератар у ведра своей мощью и обилием напоминал маленького коня. Занятно. Должно быть, все дело в вине, подумал он, возвращаясь в зал.

Дальнейшая часть встречи прошла без осложнений. С умением и дипломатической осторожностью сэр Уильям, со столь же умелой помощью Сератара, установил в весьма уклончивых формулировках, что «если окажется, что некая сила выступила против кого-нибудь вроде Сандзиро, например, против его столицы, например, это было бы крайне печальным обстоятельством, даже если подобное действие могло бы, вероятно, расцениваться как похвальное, ввиду некоего не имеющего оправдания акта убийства иностранных подданных. Такое действие вызвало бы град протестов со стороны Эдо и заслуживало бы официального извинения, случись такому невообразимому событию действительно иметь место...»

Абсолютно ничего не было сказано прямо, ничто даже косвенно не указывало на то, что некое разрешение было дано или востребовано. Ни слова не было записано. Возможный враждебный акт такого масштаба, «особый случай», мог рассматриваться официально только при тщательном соблюдении протокола.

К этому времени и у Тайрера, и у Андре голова раскалывалась от боли, и оба они проклинали своих хозяев за то, что необходимая в этом случае уклончивость почти не поддавалась переводу.

Ёси молча ликовал. Сандзиро все равно что мертв, первое препятствие устранено, и мне это ничего не стоило.

— Я думаю, мы понимаем друг друга и можем перейти к другим вопросам.

— Да, с полной ясностью. — Сэр Уильям откинулся на спинку кресла и препоясал чресла, готовясь выслушать *quid pro quo*.

Ёси набрал в грудь побольше воздуха и повел наступление:

— Переведите следующее, предложение за предложением. Объясните, что это для точности. Скажите также, что на данный момент этот разговор должен рассматриваться между нами как государственная тайна. — Увидев непонимающий взгляд Тайрера, он добавил: — Вы знаете, что такое государственная тайна?

Посоветовавшись с Андре, Тайрер ответил:

— Да, государь.

— Хорошо, тогда переведите: согласны ли все, что это будет нашей государственной тайной?

Сэр Уильям решил, что, сказав «а», нужно говорить и «б».

— Согласен.

Сератар повторил вслед за ним то же самое. Тайрер промокнул лоб.

— Все готово, государь.

Ещё более твердым голосом Ёси произнес:

— Я хочу перестроить сёгунат и бакуфу на современный лад. Переводите. Чтобы добиться этого, мне нужны знания. Переводите. Анг'рия и страна Фурансу — самые могущественные из внешних держав. Переводите. Я прошу вас продумать различные планы, как помочь сёгунату образовать современный флот, судостроительные верфи и современную армию. Переводите.

Адмирал Кеттерер дернулся в кресле и сел прямо, его шея с пульсирующими венами пылала как огонь.

— Сидите спокойно, — тихо произнес сэр Уильям уголком рта, — и не произносите ни слова!

— Также современную банковскую систему и пробные фабрики. Одна страна не в состоянии сделать все. Вы богаты, сёгунат беден. Когда планы будут приняты, я соглашусь на справедливую цену. Она будет выплачена углем, серебром, золотом и ежегодными арендами безопасных гаваней. Я бы хотел получить предварительный ответ через тридцать дней, если это вас заинтересует. Если да, то будет ли одного года достаточно, чтобы детальные планы были одобрены вашими правителями?

Ёси было трудно сохранять внешнюю невозмутимость, и он спрашивал себя, что бы они сказали, если бы знали, что он не имеет полномочий делать такое предложение и никаким образом не сможет осуществить ни единой его части. Предложение было сделано, чтобы соблазнить их и на год оттянуть внешний конфликт — он нуждался в этой отсрочке, чтобы раздавить внутреннюю оппозицию сёгунату и покончить со своими главными противниками: Огамой из Тёсю и Ёдо из Тосы,

надеясь, что Сандзиро теперь уберут без его помощи.

В то же время это был прыжок в будущее, в неизвестное, который непонятным для него образом одновременно пугал и окрылял его. Все эти идеи основывались на сведениях о методах гайдзинов, выуженных шпионом Инэдзина у ничего не подозревающего сёи Рёси и получивших в его голове новое осмысление после всего, что он увидел и услышал на военном корабле, который был невероятно внушителен, но даже не приближался по размерам и смертоносности к анг'рийскому флагману.

Ненавидя эту действительность, но принимая её, он осознал: для того чтобы защитить себя, Страна богов должна стать современной. Чтобы добиться этого, он должен был иметь дело с гайдзинами. Он всем сердцем ненавидел, презирал и не доверял им, но они располагали средствами уничтожить Ниппон, по самой меньшей мере отбросить страну назад, воскресив период бесконечных братоубийственных войн, который длился много веков, пока сёгун Тораанага не обуздал бусидо, воинственный дух самураев.

Он смотрел, как два вождя переговариваются между собой. Потом он увидел, как предводитель анг'ричан сказал что-то молодому переводчику, Тайре, который заговорил на своём нетвердом, но вполне понятном японском:

— Мой господин благодарит вас, государь, за... за доверие. Нужно сто двадцать дней послать письмо парламенту королевы и королю Фурансу привозить... привезти, доставить назад ответ. Оба вождя уверены, ответ будет «да».

Сто двадцать дней — это больше, чем он ожидал.

— Хорошо, — кивнул он с хмурым лицом, внутренне слабея от облегчения.

А теперь лакомый кусочек, подумал он, видя, что они готовятся закрыть встречу. Око за око, смерть за смерть:

— Последнее, я уверен, Уи'рам-сама не знает, что человек, которому он дал приют, по имени Накама является самураем-отступником, ронином и бунтовщиком, чье настоящее имя Хирага, иногда его ещё зовут Отами. Я требую его немедленной выдачи. Он разыскивается за убийство.

В этот миг по ту сторону залива, в Ёсиваре Иокогамы, Кацумата говорил:

— Хирага, ты подумал о том, как мы можем привести гайдзинов в ярость, о враждебном выпаде, который настроит их против сёгуната?

Оба мужчины сидели друг напротив друга в уединенном домике в саду

дома Трех Карпов.

— Поджечь одну из их церквей было бы легче всего, — ответил Хирага, спрятав свою боль и гнев поглубже, ибо Кацумата был очень проницателен — он только что пришел, вызванный сюда каким-то полусонным слугой из своего убежища в деревне. Поблизости не было никого, не считая нескольких кухонных подручных, хлопотавших вокруг очагов и занимавшихся уборкой и чисткой. Райко и её дамы все ещё спали — немногие из них просыпались раньше полудня. — Это по-настоящему взбесит их, но сначала позвольте мне рассказать вам, чего я достиг здесь и...

— Позже, первым делом нам необходимо составить план. Церковь? Интересная мысль, — заметил Кацумата. Его лицо было холодным и жестоким, он уже изменил свой облик после Ходогайи.

Теперь он выглядел как бонза, буддийский священник. Лицо чисто выбрито, остались только усы. Отросшие волосы на голове были париком и теперь исчезли. Голову покрывала короткая щетина, как у бонзы, он был в сандалиях и оранжевой буддийской сутане, подпоясанной четками для молитв. Его длинный меч в черных ножнах лежал рядом с ним на футонах, и мон, пять знаков на сутане, возвещали, что он член воинственного монашеского ордена.

Эти добродетельные военные ордена состояли из самураев, которые отказались от своего самурайского звания, навечно или временно, чтобы служить Будде, проповедовать и бродить по стране, делая добрые дела, в одиночку или небольшими отрядами, вылавливая разбойников и бандитов, защищая бедных от богатых, богатых от бедных и некоторые монастыри. Бакуфу, как и большинство даймё, терпели их, если только их воинственность не выходила за грани дозволенного.

Вчера на склоне дня он с высокомерным видом прошел через заставу, его подложные документы были в полном порядке. Он опоздал на день, никто не предупредил Райко о его приходе, но она тут же предоставила ему лучший из свободных домиков. В отличие от других сиси, пожалуй, единственный среди них, он был из богатой семьи и всегда имел с собой много золотых обанов.

— Церковь, — повторил он, смакуя предложение Хираги. — Я бы до такого не додумался... мы подбросим записку, в которой напишем, что это было сделано по приказу Ёси, тайро Андзё и родзю как предупреждение им покинуть наши берега. Нам очень нужно отомстить Ёси. — Капля пены выступила в углу его рта, и он сердито смахнул её рукой. — Ёси — наш главный враг. Один из нас должен напасть на него, он убил слишком много

наших воинов в Киото, застрелил некоторых своей рукой. Если бы я мог устроить на него засаду, я бы сделал это. Но об этом тоже потом. Итак, будет сожжена церковь. Хорошо.

Хирага был обеспокоен: Кацумата вел себя странно, совсем не как прежде. В нем появилось нетерпение, и он говорил с ним так, будто сам был даймё, а Хирага — одним из его госи, которым можно вертеть как вздумается. Я предводитель всех сиси Тёсю, подумал он с ещё большей злостью, а не послушный ученик сэнсэя из Сацумы, пусть и знаменитого на всю страну.

— Это превратило бы всю Иокогаму в потревоженное осиное гнездо. Мне пришлось бы исчезнуть, что на данный момент было бы нежелательно — моя работа важна для нашего дела. Обстановка здесь очень тонкая, сэнсэй. Я согласен, что мы должны составить план, например, куда мы отступим, если нам суждено уцелеть?

— В Эдо. — Кацумата не мигая смотрел на него. — Что важнее: сонно-дзёи или твое безопасное пристанище среди врагов-гайдзинов.

— Сонно-дзёи, — тут же ответил он, веря в это. — Но нам очень важно знать то, что знают они. Знать своего врага как...

— Мне нужны не наставления древних, Хирага, а действия. Мы проигрываем схватку, Ёси выигрывает. У нас осталось единственное решение: направить всю ярость гайдзинов против бакуфу и сёгуната. Это приблизит сонно-дзёи к цели, как ничто раньше, поэтому и является делом первостепенной важности. Мы отчаянно нуждаемся в этом, тогда мы получим новую поддержку и лицо, воины стекутся под наши знамена, а тем временем лучшие из сиси вновь соберутся здесь и в Киото, я вызову подкрепления из Сацумы и Тёсю, и мы снова атакуем Врата, чтобы освободить императора. На этот раз мы достигнем цели, потому что Огама, Ёси и весь вонючий сёгунат будут заняты другим, разбираясь со взбешенными гайдзинами. Как только Врата будут нашими, сонно-дзёи станет реальностью. — Его уверенность не оставляла сомнений.

— А если мы взбудоражим гайдзинов, что тогда, сэнсэй?

— Они обстреляют Эдо, сёгунат ответит тем, что сожжет Иокогаму — обе стороны проигрывают.

— Тем временем все даймё выступят в поддержку сёгуната, когда гайдзины вернутся, а они обязательно вернутся.

— Они не вернутся раньше Четвертого или Пятого месяца, скорее всего, ещё позже. К тому времени Врата будут в наших руках, по нашему совету император с удовольствием отдаст гайдзинам главного виновника, Ёси, или его голову, Нобусадэ, Андзё или любые другие головы, которые

потребуется им, чтобы утолить жажду мести. И по нашим дальнейшим советам Сын Неба согласится позволить им торговать, прекратив всякие военные действия, но только через Дэсиму в гавани Нагасаки, как это было в течение веков. — Кацумата был уверен. — Вот что произойдет. Сначала церковь — как насчет корабля?

Хирага удивленно посмотрел на него.

— Что насчет корабля? — спросил он. Его голова была забита доводами против того, что рисовал себе Кацумата, он был уверен, что все произойдет совсем не так; в то же время он пытался найти способ отвлечь Кацумату, заставить его отправиться дальше, в Эдо, и вернуться сюда через месяц или два — все шло слишком хорошо с Тайрой, сэром Уи'румом, Дзами-самой и сёей, чтобы ставить это под угрозу. Времени предостаточно, привести гайдзинов в ярость, предав огню их церковь, можно и позже, когда безопасный путь отступления будет тща...

— Если потопить их военный корабль, это ведь разозлит их, не так ли?

Хирага часто заморгал.

— Как... как ничто другое.

— Мы используем церковь как отвлекающий удар, а потом пустим ко дну корабль, самый большой у них.

Онемев от изумления, Хирага смотрел, как Кацумата открывает свой заплечный мешок. В нем оказались четыре металлические трубки, перемотанные проволокой. И запалы.

— В них взрывчатое вещество, пушечный порох. Если взять одну, с запалом, и бросить в окошко или в пушечный порт или привязать к борту корабля, то взрывом разнесет весь борт; после двух на плаву не удержится ни один корабль.

Хирага был заморожен, разом забыв обо всем остальном. Он потянулся за одной из трубок. Ему казалось, что в его руке она пульсирует, как живое существо. С одного конца имелось отверстие для запала, и он тут же представил себе разбрызгивающий искры запальный шнур, увидел, как его рука бесшумно опускает бомбу в самый нижний пушечный порт, следом за ней другую — потом он быстро ныряет назад в лодку, почти невидимую в морском тумане, тихо гребет, удаляясь на безопасное расстояние, потом оглушительный взрыв, когда от бомб взорвутся другие заряды, и вот огромный корабль медленно исчезает под водой.

И вместе с ним все его собственные планы.

— Это потрясающая идея, Кацумата, — сказал он, чувствуя, как кружится голова. — Нужно будет тщательно выбрать время, чтобы луна и море помогли нам, и подробно все продумать. Весна или начало лета

подойдут лучше всего. После этого мне нельзя будет здесь оставаться, и... Мне столько нужно рассказать вам о том, что я здесь узнал. — Он едва не выпалил, что уже хорошо говорит по-английски, но вовремя опомнился. — Ещё несколько недель, и мне здесь больше нечего будет делать. Тогда церковь и корабль.

— Мы сожжем церковь и потопим корабль завтра ночью.

— Невозможно!

Кацумата с холодным весельем смотрел на его потрясенное лицо и думал, какая жалость, что Ори мертв, а Хирага жив — Ори был настолько выше его. Но с другой стороны, он ведь тоже был сацума, а не тёсю.

— Сколько раз я должен повторять, что внезапность — лучшее оружие сиси. Внезапность и стремительная решимость. Где Акимото?

— В деревне. Я решил, что сейчас лучше не приводить его с собой, — ответил Хирага, пытаясь справиться с уносящей его к водопаду стремниной. Вернувшись из Ходогайи, он не стал делиться сокровенными мыслями со своим братом, сказав лишь, что, по словам Кацуматы, Сумома погибла, когда Койко выдала её Ёси, и промолчал о том, что, по его мнению, их обеих бросила в черную бездну случайность. Как и нас без всякой пользы выбросят в этом безумном предприятии, и все мои труды окажутся напрасными. — Завтра слишком рано. Я предлагаю продумать пла...

— Один человек легко справится с церковью. Акимото. Нам понадобится динги или маленькая рыбацкая лодка. Ты сумеешь раздобыть такую?

— Возможно, — ответил Хирага. Он произнес это механически, разум его был затуманен мириадом вопросов и опасений. — Возможно, мне удастся украсть какую-нибудь лодку. Сэнсэй, я ду...

— Ты плохо соображаешь. Рыбаки всегда уносят весла, когда не пользуются лодкой. Красть не к чему. Купи её. — Кацумата достал маленький шелковый кошелек и небрежно положил его на стол. — Хирага, приди в себя! — бросил он. Голос его стал жестким. — Или, живя среди гайдзинов, ты настолько заразился их злом, что забыл клятву, принесенную сонно-дзёи? Сосредоточься, план хорош, удобнее момента не представится. Ты смог бы купить лодку?

— Да, да, но... но, сэнсэй, куда мы отступим?

— С отступлением все просто. Мы втроем, ты, Такэда и я, потопим военный корабль. Потом мы пристанем к берегу как можно ближе к Эдо и затеряемся в городе.

— А как быть с четвертым, тем, который подожжет церковь?

— Он доберется туда пешком.

— Нам понадобятся ещё сиси, это большое дело. Весь этот край станет смертельно опасным для нас.

— Так нам будет легче отступить. Четырех человек достаточно. Я возглавлю нападение на корабль, а если завтра будет ветер, огонь с горящей церкви может перекинуться на всю Иокогаму, ещё лучший подарок. Возвращаясь сегодня вечером, приводи Акимото, и я разработаю окончательный план.

— Но... где Такэда?

— Я оставил его в Ходогайе. Он будет здесь сегодня днём. До вечера, Хирага. — Кацумата коротко поклонился, показывая, что разговор окончен.

Хирага в смятении поклонился в ответ; слишком много лет он был обожающим учеником, слепо преклонявшимся перед своим сэнсэем, непревзойденным мастером меча и тактиком, чтобы возмутиться сейчас при таком надменном обращении. Он вышел и побрел через мост назад в Поселение, вдоль деревенской улицы, позже свернул на набережную, прошелся по ней обратно, ничего не видя перед собой; в голове его мешались мрачные мысли и неосуществимые планы, будущее лежало в руинах, и все потому, что этот чужак из Сацумы поставил себе целью подтолкнуть судьбу вперед.

Но сэнсэй прав, размышлял он. Сожженная церковь и потопленный корабль сведут гайдзинов с ума, их флот обрушится на Эдо, Эдо сгорит, в ответ будет разрушена Иокогама. Через несколько месяцев их корабли вернутся, на этот раз уже с целой армией. К тому времени сиси не будут хозяевами Врат, зато вся Япония будет охвачена войной. И гайдзинам это будет абсолютно все равно.

Так или иначе, нам придется открыть двери их миру. Гайдзины приняли решение. Поэтому они построят Поселения в Иокогаме и в других местах, ибо они обладают достаточной мощью, чтобы расстрелять наше побережье и закрыть наши порты, навсегда, если пожелают, и никакой Божественный Ветер не поможет нам.

— Эй, приятель, куда это ты направляешься?

— О! — Он стоял перед самой миссией. — Доброе утро, сэр часовой. Я идти Тайра-сама.

— Его тут нету, приятель, — зевнув, ответил часовой. — Мистер Тайрер и главный, они оба в Канагаве.

— О? — Хирага посмотрел через залив. Морской пейзаж был по-зимнему холодным и серым. Ему едва удавалось разглядеть Канагаву. Фрегат, он узнал «Жемчужину», медленно попыхивал трубой недалеко от

берега; корабль шел против ветра, аккуратный, красивый и смертоносный. На рейде, развернувшись носом к ветру, стоял на якоре флагман со своими сорока шестидесятифунтовыми пушками. — Я приходить потом, — пробормотал он.

Хирага уныло побрел назад в деревню. Покупать лодку. С каким бы неодобрением он ни относился к этому плану, он был прежде всего сиси.

В тот же день вскоре после полудня в офицерской кают-компании фрегата Её Величества «Жемчужина» Сератар чокнулся бокалами с сэром Уильямом, ещё раз поздравляя того с прошедшей встречей.

— Чудесный шаг вперед, Анри, старина, — весело отвечал ему сэр Уильям. Он взял бутылку и ещё раз посмотрел на этикетку. — Неплохо для сорок восьмого года. И перекусили отлично. — На столе стояли остатки холодного завтрака, который приготовил им с собой повар Сератара: холодные пироги с голубями, киш, крошки от оставшегося французского батона и несколько ломтиков вожделенного бри, прибывшего с последним торговым судном из Шанхая. — До сих пор не могу поверить, что Ёси предложил то, что предложил.

— Полностью с вами согласен. Именно «чудесный». Мы займемся обучением флота, вы возьмете себе армию, нам достанутся банковское дело и таможня, а...

— Мечтатель! — со смешком ответил сэр Уильям. — Но мы не станем ссориться из-за раздела, это за нас сделают Лондон и Париж. — Он благодушно рыгнул. — В конечном счете все сведется к традиционному «сколько», потому что совершенно очевидно, что нам придется ссужать необходимые средства для закупки наших кораблей, фабрик и всего остального — какие бы суммы они ни называли, говоря, что заплатят.

— Да, но будут предусмотрены обычные гарантии, доходы от таможенных сборов и так далее. — Они рассмеялись.

— Тут с лихвой хватит обеим нашим странам, — заметил сэр Уильям, все ещё до конца не веря в случившееся. — Но окажите мне любезность, Анри, пожалуйста, не дразните адмирала, у меня и так с ним довольно хлопот.

— Хорошо, хотя он такой... впрочем, ладно. Как быть с этим Накамой? Поразительно. Мне кажется, вам повезло, что он не зарезал вас ночью, вы ведь их враг номер один. Что подвигло вас пойти на такой риск?

— Он не был вооружен, он помогал Филипу с его японским, — ответил сэр Уильям. Насколько ему было известно, только четыре человека, Тайрер, Бебкотт, Макфей и он сам, знали, что этот человек говорит по-

английски, и он не видел причин делиться этим секретом. — За ним хорошо присматривали, — добавил он, словно между делом, хотя сердце снова екнуло, когда он подумал об опасности, которой они подвергались.

— Что вы собираетесь с ним делать?

— То, что я ответил Ёси.

То, что рассказал им Ёси, потрясло их всех — сэра Уильяма почти так же сильно, как Тайрера, — особенно то, что Накаму, помимо прочих убийств, разыскивали за убийство Утани, одного из старейшин. Он сразу же ответил:

— Филип, скажите князю Ёси, что, как только я вернусь в Иокогаму, я начну официальное расследование и, если все обстоит так, как он говорит, немедленно передам его в руки властей. Филип!

Но Тайрер, потеряв дар речи и не веря своим ушам, лишь тупо смотрел на Ёси. Андре быстро пришел в себя и перевел вместо него, потом дернулся в кресле, когда Ёси что-то резко бросил ему.

— Он... э... князь Ёси говорит: вы ставите под сомнение мои слова?

— Скажите, что совсем нет, князь Ёси. — Сэр Уильям следил, чтобы его голос звучал ровно, ибо видел, как сузились глаза японца. — Но так же как у вас есть свои законы и обычаи, например, то, что вы не в состоянии приказать даймё Сандзиро подчиниться вашему решению, так же и я должен следовать нашему закону, который, как это ясно указано в Соглашениях, является главенствующим законом в Иокогаме.

— Он говорит, сэр Уильям: ах да, Соглашения. В духе новой дружбы он готов... позволить вам выполнить обязанность по выдаче этого... этого убийцы. Он пришлет людей, которые возьмут его под стражу, завтра. Насчет Соглашений, сэр, он говорит... он сказал буквально следующее: необходимы некоторые изменения, мы можем обсудить их через двадцать дней.

— Извините, сэр Уильям, — тихо заговорил Тайрер, — по поводу Накамы, могу я предложить, чтобы...

— Нет, Филип, не можете. Андре, передайте ему в точности: мы почтем за честь обсудить вопросы, затрагивающие наши общие интересы, в любое время. — Он очень тщательно подобрал слова и облегченно вздохнул, услышав ответ:

— Князь Ёси благодарит вас и говорит: мы встретимся через двадцать дней, если не раньше, а сейчас он возвращается в Эдо с доктором Бебкоттом.

Когда ритуал вежливых прощальных фраз и поклонов закончился и Ёси вышел, Сератар заметил:

— Уильям, я считаю, вы блестяще выскользнули из ловушки. Он хитер, этот японец. Мои поздравления.

— Касательно флота, — начал адмирал, горячась.

— Сначала позвольте мне отправить в путь Бебкотта и Тайрера. Пойдемте, Филип! — сказал сэр Уильям и, когда они очутились снаружи, прошипел: — Какого дьявола, что с вами такое?

— Ничего, сэр.

— Тогда почему у вас физиономия до башмаков вытянулась? Почему вы забываете, что ваша работа только переводить, а не вносить предложения?

— Извините, сэр, но по поводу Накамы, сэр...

— Я, чёрт побери, и так знаю, что это по его поводу. Вы же практически обделались прямо за столом переговоров! Или вы думаете, что наш лукавый хозяин этого не заметил? Ваша, чёрт подери, работа заключается в том, чтобы переводить, что говорится, и сидеть с каменным лицом, и только в этом. Дьявольщина, мне уже второй раз приходится предупреждать вас об этом!

— Извините, сэр, просто дело в том, что Накама важен и...

— Вы хотите сказать, Хирага, или как там ещё он сейчас называется? Господи Иисусе, он же обвиняется в убийстве. Я согласен, он был для нас кладезем информации, но, Боже Всемогущий, беглый самурай-отступник? Нам ещё повезло, что он не прикончил нас в собственных постелях, если подумать, что он имел свободный доступ в миссию и в ваше жилище.

— Как вы намерены поступить, сэр?

— Чёрт, так, как уже сказал: расследовать это дело, и, если все подтвердится, а я подозреваю, что подтвердится, долг чести обязывает нас выдать его.

— А не могли бы вы рассматривать его как политического беженца?

— О, ради бога! Вы что, совсем уже ничего не соображаете? Мы требуем репараций и выдачи преступников, виновных в убийстве наших подданных, так как, скажите на милость, мы можем отказать им в выдаче их соотечественника, который обвиняется и, вероятно, виновен в убийстве одного из их правителей? Ёси обещал ему честный суд.

— Он мертвец, вот весь суд, который ему уготован.

— Если он виновен, ничего иного он и не заслуживает. — Он заставлял себя говорить спокойно, потому что Тайрер очень хорошо работал сегодня, и он заметил, что растущая дружба между ними играла ему на руку: — Филип, я знаю, он имел огромную ценность, но его придется передать им после того, как я с ним поговорю. Я с самого начала

предупредил его, что ему придется уйти, если его станут спрашивать. А теперь забудьте о Накаме и позаботьтесь выяснить все, что только возможно, о больном Бебкотта. Если нам хоть чуть-чуть повезет, это будет тайро.

Он вышел во двор, где Ёси сачился в седло. Бебкотт ждал рядом с лошастью, которую ему одолжил Паллидар. Почетный караул окружал их, бдительно поглядывая по сторонам. По приказу Ёси носильщики отошли на несколько шагов от своих шестов с тюками, потом он знаком подозвал к себе Тайрера, который выслушал его, поклонился и вернулся назад.

— Он сказал, вы можете... э... пересчитать деньги не торопясь, сэр Уильям, пожалуйста, завтра передайте ему расписку. Этот человек, — он показал на Абэ, — придет завтра за Накамой.

— Поблагодарите его и скажите, что все будет сделано согласно его желаниям.

Тайрер подчинился. Ёси махнул рукой Абэ.

— Икимасо! — Они двинулись вперед неторопливой рысью, носильщики и мальчик-слуга затрусили следом.

— Вы готовы, Джордж?

— Да, благодарю вас, сэр Уильям.

— Ну, отправляйтесь. Филип, вы хорошо поработали сегодня, ещё несколько таких переговоров, и я буду рекомендовать, чтобы вас повысили в должности до полного переводчика.

— Благодарю вас, сэр. Могу я присутствовать при вашем разговоре с Накамой?

Сэр Уильям едва не сорвался.

— Как, чёрт подери, это возможно, когда вы отправляетесь в Эдо вместе с Джорджем. Где ваши мозги? Джордж, дайте ему рвотного, бедняга совсем ополоумел!

— Филип мне вообще-то не нужен, — сказал Бебкотт. — Я просто подумал, может быть, ему будет важно встретиться с этим «лицом без имени».

— Вы были совершенно правы, эта встреча могла бы иметь большое значение — Накама, или Хирага, или как его там, значения не имеет. Филип, это уже дошло до вас наконец?

— Да, сэр, прошу извинить меня, сэр.

Бебкотт подался чуть вперед.

— Мне кажется, было бы неплохо придержать Накаму, пока мы не вернемся. Так, на всякий случай.

Сэр Уильям вскинул на него глаза; эта мысль одним скачком перевела

всю идею с медицинским осмотром в иную, тоже вполне вероятную плоскость.

— Вы хотите сказать, они могут попытаться задержать вас? Взять заложником? Вас обоих?

Беккотт пожал плечами.

— Накама важен для него. Никакой беды не случится, если мы проявим благоразумие, а?

Сэр Уильям задумался, нахмутив лоб.

— Я буду ждать вашего возвращения завтра. — Он подождал, пока они скроются из виду, потом вернулся в приемный зал.

В ту же секунду адмирал разразился:

— Никогда в жизни не слышал подобной белиберды! Построить им флот? Вы, должно быть, не в своём уме!

— Это не нам решать, мой дорогой адмирал, — спокойно ответил он, — этим займется парламент.

— Или, что более вероятно, император Наполеон, — резко вставил Сератар.

— Сомневаюсь, мой дорогой сэр, — сказал Кеттерер, его лицо и шея налились кровью. — Военно-морские дела других держав являются главной заботой Королевского флота, и любое вмешательство Франции в зонах британского влияния получит немедленный отпор.

— Совершенно верно, — громко произнес сэр Уильям, перекрывая их голоса, ибо лицо Сератара сравнялось оттенком с адмиральским и он приготовился пространно возражать. — В любом случае это будет политическое решение. Которое примут Лондон и Париж.

— Политика может идти к черту! — выпалил адмирал, его обвислые щеки тряслись от негодования. — Дюжина наших лучших кораблей в руках этих негодяев, когда вы сами видите, что они способны сделать с парой мечей? Я абсолютно против!

— Я тоже, — произнес сэр Уильям, — абсолютно, и буду рекомендовать именно это.

— Что?

— Я полностью согласен с вами. Такое серьезное решение находится целиком в ведении Адмиралтейства, которому будет помогать Министерство иностранных дел. То же самое и в отношении Парижа. Мы ничего не можем сделать, кроме как доложить обо всем своему начальству. Вам следует поступить точно так же. Благодарение Богу, японские власти наконец-то подтвердили наше право самим выступать против виновной стороны. Вы не согласны, адмирал?

— Если вы говорите о предложенной вами и могущей иметь самые пагубные последствия карательной экспедиции, здесь или в любом другом месте, то она ещё не одобрена Адмиралтейством и посему не одобрена мной. Я предлагаю вернуться на «Жемчужину», пока не начался дождь...

Сэр Уильям вздохнул и выглянул в иллюминатор кают-компания. Дождь на время прекратился, море по-прежнему было свинцово-серым, но не его настроение. Он получил денежную компенсацию, отпала необходимость немедленно сравнивать Эдо с землей, и через Ёси мы поможем сделать Японию современной, думал он. Мы подготовим ей счастливое место в семье народов, счастливое и для них, и для нас. Будет гораздо лучше, если это сделаем мы и привнесем в их жизнь британские добродетели, нежели французы насадят здесь свои, хотя их вина, отношение к еде и совокуплению значительно превосходят наши.

Да. Только в отношении совокупления японцы останутся в выигрыше. В этом они, без сомнения, достигли вершины. Жаль, что мы не можем перенести это в наше общество, но королева никогда бы этого не потерпела. Ужасно жаль, но такова жизнь. Нам останется лишь благословлять судьбу за то, что мы живем здесь, когда мы сделаем их цивилизованной нацией.

— Анри, пойдемте подышим свежим воздухом.

Он был рад вновь оказаться на палубе. Ветер был тяжело напоен морской солью, резкий и бодрящий; фрегат шел теперь под парусами, быстро продвигаясь вперед. Марлоу стоял на мостике — офицеры и матросы на палубе и на реях с болезненной остротой ощущали присутствие адмирала, который с желчным видом сидел на мостике в морском кресле, закутавшись в длинную шинель.

— Ради бога, Марлоу, возьмите ближе к ветру.

— Есть, сэр.

Сэр Уильям не был моряком, но приказ показался ему педантичным и ненужным. Чёрт бы побрал этого человека! И все же я не могу осуждать его за то, что он требует подтверждения приказа: его голова полетит с плеч первой, если что-то пойдет не так.

Фрегат перешел на другой галс, и он крепче ухватился за поручень. Он любил море и любил быть в море, особенно на борту британского военного корабля, гордясь тем, что корабли империи владеют морями, насколько корабли вообще могли править стихией. Кеттерер прав, что не хочет создавать ещё один флот, подумал он, только не для этих людей — у нас и так довольно неприятностей с французскими, американскими и прусскими военно-морскими силами.

Он посмотрел за корму.

Там, за горизонтом, лежал Эдо. Эдо и Ёси означают большие проблемы, с какой стороны ни посмотри и какое бы розовое будущее он ни обещал. Впереди была Иокогама. Там меня ждут другие проблемы, ну да ладно, сегодня Анжелика ужинает со мной — я рад, что она не уехала, вот только все никак не пойму почему. Разве это не играет ещё больше на руку Тесс Струан?

Странно думать об Анжелике без Малкольма Струана. Жаль, что ему выпала такая злая судьба, но его нет, мы живы, а он мертв. Йосс. Кто теперь станет тайпэном? Юному Дункану всего десять, последнему из мальчиков в семье. Как это ужасно для Тесс, ещё одна трагедия. Не удивлюсь, впрочем, если она её не доконает. Всегда восхищался ею за мужество — надо же, нести на себе бремя Кулума и Броков, не говоря уже о Дирке Струане.

Что ж, я сделал все, что мог, для Тесс и для Малкольма — живого и мертвого. И для Анжелики. Когда она уедет, после неё останется пустота, которую нелегко будет заполнить. Надеюсь, к ней ещё вернется утраченная юность, это ещё один повод для печали, однако перед ней сейчас вся жизнь — носит ли она его ребенка или нет. Ставки по-прежнему один к одному.

Его внимание на мгновение привлекли команды с мостика, но оказалось, что ничего экстренного не случилось, просто добавили парусов. Ветер надувал парусину. Фрегат прибавил скорости. До стоянки оставалось меньше часа ходу. До заката — добрых два часа. Довольно времени до ужина, чтобы привести к покорности Накаму.

Закат возвещал о себе только тем, что становилось заметно темнее; солнце умирало, скрытое плотной пеленой облаков, сожалея о потерянном дне.

Хирага сказал, обращаясь к группе рыбаков:

— Эта лодка подойдет. Рыболовные снасти не нужны, но весла и парус входят в стоимость. — Он был на берегу, неподалеку от Пьяного Города, и заплатил владельцу, сколько тот запросил, не торгуясь; он все ещё не желал терять лицо, опускаясь до переговоров с ними, хотя уже знал — Макфи слишком усердно вдавливал это ему в голову, — что его обманывают и обирают и что этот человек и его приятели станут смеяться над ним, как только скроются из виду. Он знал, что во всем виноват сам, потому что был одет как гайдзин, а не как подобает воину.

Одна его половина хотела закричать и броситься на них, наказать их за безобразные манеры и заставить ползать на брюхе по сырому песку и умолять его, как о милости, о позволении отдать свою лодку в его

распоряжение. Другая половина советовала быть терпеливым: ты сделал то, что должен сделать, лодка твоя, завтра ты умрешь с честью за дело сонно-дзёи, эти вши имеют не больше значения, чем морские раковины, налипшие на дно этого грязного суденышка, которое они продают.

— Оставьте все в лодке, — распорядился он.

Владелец подобострастно поклонился и, пятясь, отошел на почтительное расстояние, потом повернулся и, вместе со своими спутниками, засеменял прочь, благословляя судьбу за двойную прибыль.

Лодка была обыкновенной рыбацкой, вмещавшей от одного до трех человек, с небольшим парусом и единственным кормовым веслом. Обучение самураев включало в числе прочих вещей использование лодок на короткие расстояния для переправы через реку или чтобы добраться до корабля или галеры, стоявших на удалении от берега, поэтому все они умели управлять ею. Известие о том, что он приобрел лодку, мигом облетит всю деревню, но это не имело значения. К тому времени, когда сёя и остальные разгадают её вероятное предназначение, будет уже слишком поздно.

Удовлетворенный тем, что с лодкой все было в порядке, он двинулся по людным улочкам Пьяного Города, переступая через бесчувственные тела и мусор, морщась от отвращения при виде всей этой грязи. Тайра утверждает, что его Лондон самый чистый, большой и богатый город в мире, только я ему не верю — этого никак не может быть, если столь многие из ему подобных живут вот так, да и остальное Поселение выглядит немногим лучше. Срезая путь, он свернул в маленький проулок. Мимо проходили люди, нищие протягивали к нему руки, глаза подозрительно смотрели на него с порогов домов, но никто его не трогал.

Ничейная Земля, как всегда, была покрыта густым бурьяном и источала зловоние, служа Поселению главной свалкой. Несколько нищих в отрепьях разгребали свежую кучу мусора. Они мельком взглянули на него и вернулись к своему занятию. Его глаза отыскивали старый колодец с расшатавшейся кладкой. Разбитая деревянная крышка, скрывавшая тайный подземный ход в Ёсивару, казалась нетронутой. На миг в памяти возникло лицо Ори и случившаяся между ними ссора внизу, когда он готов был убить его, а Ори бросил, притворился, что бросил, золотой крестик на дно колодца. Ори был бака, что без пользы расстался с жизнью из-за той женщины. Он бы очень пригодился нам завтра. Хирага расстался с мыслями об Ори.

Теперь он целиком отдал себя предстоящему нападению. Все доводы против исчезли. Было общее согласие: Акимото радостно высказался за,

как и Такэда и сэнсэй. Значит, он тоже был за. Лодка была готова. Сейчас он заберет Акимото, они вернутся назад и уточнят последние подробности плана. В действительности он был рад. Он умрет в сиянии славы, исполняя желания императора. Чего ещё может самурай хотеть от жизни?

Он вдруг разом пробудился от грез, словно его окунули в ледяную воду, и спрятался в ближайшем дверном проеме. Перед домом сёи стояли три солдата в алых мундирах, ещё двое выходили из лачуги неподалеку, которую он снимал вместе с Акимото. Акимото шел между ними, выкрикивая во весь голос одну из немногих английских фраз, которые он выучил:

— Оцень прастити, нет панимать Накама!

— Н-а-к-а-м-а, — произнес сержант медленно и громко. — Где он? — Потом ещё громче: — Накама где?

— Накама? — И голос Акимото звучал громогласно, он явно старался предупредить Хирагу, если тот окажется поблизости. — Накама нет панимать, оцень прастити. — Потом по-японски: — Кто-то кого-то предал. — Потом опять на гортанном английском: — Накама нет пани...

— Заткнись! — зло оборвал его сержант. — Капрал, этот дурень ничего не знает. Батчер, ты и Суоллоу останетесь здесь, пока мистер, в бога душу мать, Накама не вернется, и попросите его... вроде как бы вежливо попросите его пройти с вами повидать сэра Уильяма, только смотрите, чтобы этот содомит никуда не делся. Ты, — его твердый, как железный прут, палец грубо уперся в грудь Акимото, — пойдешь со мной, вдруг сам захочет с тобой поговорить. — Громко возмущаясь на японском, Акимото отправился с ними, потом стал кричать на английском: — Накама нет панимать, — снова и снова.

Когда Хирага пришел в себя и кругом все стихло, он отделился от двери, перемахнул через забор и заспешил к Ничейной Земле. Там он незаметно нырнул в заброшенную лачугу: бежать к колодцу было ещё рано, слишком светло, и те трое нищих были слишком близко и глядели слишком злобно. Он должен сохранить существование подземного хода в тайне.

Кто предал нас?

Сейчас не время раздумывать об этом. Он отступил глубже в тень, когда один из нищих подобрался ближе, бормоча что-то под нос и чертыхаясь, что собрал так мало; в руке он держал перепачканный землей мешок. Все трое страшно исхудали и запаршивели. Один оказался совсем рядом с его убежищем, но прошел мимо, не заметив его. Через полчаса стемнеет, ему остается только ждать. Вдруг в дверном проеме выросла темная фигура.

— Думал, я ты не заметил, а? Ты чего это тут задумал? — просипел нищий с тяжелой угрозой.

Хирага медленно выпрямился. Рука сжала маленький пистолет в кармане. Тут он увидел, как в грязном кулаке, похожем на когтистую лапу, появился нож, и бродяга злобно бросился на него. Но Хирага оказался быстрее, он перехватил руку с ножом и ребром ладони ударил нищего по горлу. Тот заверещал, как прирезанная свинья, и повалился на спину. Тотчас же двое других подняли головы и заспешили к ним посмотреть, что произошло.

Вдруг они остановились на бегу. Хирага стоял в дверях, пистолет в одной руке, нож в другой, у ног его, хрипя и ловя ртом воздух, корчилось в грязи тело в лохмотьях. Оба выхватили ножи и бросились на него. Хирага, не колеблясь, сделал выпад в сторону одного из нападавших, тот, как он и ожидал, отскочил в сторону, открывая ему дорогу. Хирага проскочил мимо них и побежал в Пьяный Город, не желая тратить время на драку. Через несколько секунд он достиг боковой улочки, но в спешке потерял шляпу. Обернувшись, он увидел, как один из нищих схватил её с радостным криком. Второй тут же оказался рядом, тоже вцепился в неё, и между ними завязалась сопровождаемая дикой руганью борьба за обладание.

Тяжело дыша, Хирага наблюдал за ними, не двигаясь с места. Ещё один взгляд на небо. Будь терпелив. Когда они уйдут, ты сможешь пробраться к колодцу. Никто не должен знать этого секрета, подземный ход совершенно необходим для сегодняшнего нападения. Будь терпелив. Купи новую шляпу или фуражку. Что же случилось?

— Ну и куда, дьявол его заberi, он подевался?

— Должен быть где-то поблизости, сэр Уильям, — ответил Паллидар. — Я поставил людей у обоих ворот и на мосту в Ёсивару. Вероятно, он в одной из гостиниц. Он появится, это всего лишь вопрос времени. Вы хотите, чтобы его заковали в кандалы?

— Нет, просто приведите сюда, безоружного, под охраной.

— А как быть с этим парнем?

Акимото сидел, прислонившись спиной к стене, рядом с ним находился солдат. Его уже обыскали.

— Это я решу, когда поговорю с ним. А, Андре, входите, прошу вас. Сеттри, вы можете не ждать. Я ужинаю у русского посланника, когда Накама будет у вас, пошлите за мной. — Паллидар отдал честь и вышел. — Андре, извините, что приходится вас беспокоить, но мы нигде не можем найти Накаму. Поскольку Филипа здесь нет, не могли бы вы перевести для

меня кое-что, спросите этого человека, где он?

Он наблюдал, как Андре начал расспрашивать Акимото, стараясь сдерживать своё раздражение и жалея, что Филип Тайрер с Бебкоттом, а не здесь. Надеюсь, там все пройдет хорошо. Чёрт подери, если Накаму не поймут, Ёси не на шутку разозлится и будет прав.

— Он говорит, что не знает, — перевел Андре. Он не стал снимать пальто. В кабинете сэра Уильяма всегда стоял лютый холод, даже в самые холодные дни: посланник сэкономил на угле. — Он похож на полоумного, мямлит, что, мол, за Накама, Накама может быть везде, в Ёсиваре, возможно, в Канагаве.

— А? — Сэр Уильям был шокирован. — Он же не должен покидать Поселения без моего ведома и разрешения. Спросите его... спросите его, когда ушел Накама?

— Он говорит, что не знает, не знает Накаму, ушел ли он и где он сейчас, ничего не знает.

— Может быть, ночь в карцере освежит его память. Капрал! — Дверь немедленно распахнулась. — Поместите этого человека на гауптвахту на ночь или до тех пор, пока я не отменю этот приказ. С ним следует хорошо обращаться, это ясно?

— Так точно, сэр.

— С ним следует хорошо обращаться.

— Есть, сэр. — Капрал повернулся к Акимото и дернул большим пальцем в сторону двери, тот, согнувшись в поклоне, задом вышел из кабинета. Гауптвахта, где сидели драчуны и военнослужащие, нарушившие дисциплину, находилась дальше по улице — приземистое кирпичное здание с дюжиной камер и треугольником для публичной порки. После клуба это было второе здание, выстроенное в Поселении, — нормальная британская практика для большинства поселений.

— *Merci*, Андре.

— *De rien.* [\[43\]](#)

— У вас есть какие-нибудь соображения, где он может быть?

— Нет, мсье, ничего, кроме того, что сказал этот человек. Увидимся за ужином. — Андре улыбнулся, вышел и зашагал по Хайстрит; ветер гнал мимо него листья, обрывки бумаги, всякий хлам. Свет в небе почти совсем погас.

Я рад, что не мы отвечаем за его поимку, подумал он. Куда он мог бы бежать? Если у него есть хоть капля разума, то в Киото или Нагасаки, или спрятался где-нибудь на торговом судне, отплывшем вчера в Шанхай, если узнал, что Ёси требует его выдачи. Он, конечно же, не мог этого не знать —

у бакуфу нет секретов, как нет их и здесь. Великая встреча, и для нас тоже, потому что с Ёси у нас над ними преимущество, но чёрт побери Филипа, он становится слишком хорош. Больным, конечно, будет Андзё. Он раздраженно сплюнул. Этот шанс должен был бы стать моим — в конце концов, это моя идея; Райко и Мэйкин, видимо, нашли способ заронить эту мысль в нужную голову. Mon Dieu, власти у них больше, чем я мог себе представить.

Изнутри по нему прокатилась волна ледяного холода. Райко попросила срочно встретиться с ней сегодня ночью. Что на этот раз? Должно быть, что-то стряслось.

— Добрый вечер, сэр, — приветствовал его охранник Струанов у парадной двери.

— У меня назначена встреча с мадам Струан.

— Да, сэр. Она ожидает вас. Кабинет тайпэна вдоль по коридору. Извините за беспорядок в холле, сэр, но мистер Макфей упаковывает вещи. Ужасно, что он выезжает от нас, не правда ли?

— Да, но будем надеяться, что... — Выстрел сигнальной пушки коменданта гавани оборвал его на полуслове. В изумлении они оба посмотрели в сторону моря, потому что по расписанию сегодня никаких кораблей не ожидалось и задержавшихся в пути тоже не было. Все движение по Хай-стрит замерло на мгновение, а потом по всей Иокогаме прошелестел возбужденный шепот. Из-за дальнего мыса показался клипер, он летел на всех парусах, закусив удила. Они увидели облачко дыма, отделившееся от борта — клипер салютовал флагману, спустя некоторое время они услышали, как громыхнул ответный выстрел.

Корабль был ещё слишком далеко, чтобы можно было разглядеть флаг.

— Это один из наших, — с гордостью сказал охранник. — Должен быть. Как в старые дни... о, добрый вечер, сэр.

Джейми Макфей быстро вышел из дверей и навел свой бинокль.

— Здравствуйте, Андре, просто хочу убедиться... «Гарцующее Облако»! Аллилуйя!

Значение этого было ясно каждому. По расписанию корабль должен был отправиться дальше в Лондон. То, что он возвратился, и так быстро, означало, что он привез важные известия или пассажиров. И те и другие могли быть хорошими или плохими.

— Аллилуйя, — эхом отозвался Андре.

Он увидел Сератара с подозрительной трубой на ступенях французской миссии, сэра Уильяма в своём окне с биноклем; по соседству с ними у входа в факторию Бровок стоял Дмитрий, приложив к глазу короткую

трубу. Опуская её, Дмитрий заметил Джейми, поколебался мгновение, потом показал ему большой палец. Джейми махнул рукой в ответ, потом опять поднес к глазам бинокль. Клипер, спешивший к своей стоянке, был прекрасен.

— Возможно, она на борту? — тихо произнес Андре.

— Я подумал о том же. Мы скоро узнаем.

— Просигнальте флажками.

— К тому времени, когда я доберусь до коменданта и он распорядится поднять флажки, уже совсем стемнеет. Да и в любом случае меня это теперь не касается, решать будет мистер Мак-Струан. — Джейми посмотрел на него. — Мы скоро узнаем. Вы пришли повидать Анжелику?

— Да.

— Не нужно волновать её, пока мы не узнаем. А?

— Согласен, mon brave. — Андре оглянулся на клипер. — Пойдете встречать?

— Корабль? — Та же самая жесткая усмешка. — А вы разве нет? Они вместе прошли в фойе. По лестнице спускался Альберт Мак-Струан, наполовину одетый в вечерний костюм, с незавязанным галстуком, но элегантный.

— «Гарцующее Облако»?

— Да, — ответил Джейми.

— Я так и думал. — Его странные глаза прищурились. — Добрый вечер, Андре. Как поживаете?

— Прекрасно, благодарю вас. До встречи.

Джейми подождал, пока Андре постучится и войдет в кабинет тайпэна, который принадлежал теперь Мак-Струану.

— Вы встретите его?

— О да. — Мак-Струан шагнул с последней ступеньки, но теперь походка его уже не была такой пружинистой. — Пожалуйста, поедemте со мной.

— Благодарю, но теперь это ваша привилегия. Я послал Варгаша за боцманом, катер будет готов через пять минут.

— Поедемте со мной, — мягко сказал Мак-Струан, — встретьте корабль, как вы делали это раньше, как до сих пор должны бы делать.

— Нет, пора переезжать, теперь все это ваше. Но спасибо.

— Я слышал, банкет у Сергеева будет великолепен, поскольку Анжелика приняла приглашение. Прошу вас, передумайте, присоединяйтесь к нам.

— Не могу, сегодня — никак, я ещё не закончил паковать вещи. —

Джейми улыбнулся ему, потом показал рукой на коридор. — Анжелика договорила с вами, что воспользуется вашим кабинетом?

— О да, всегда рад пойти навстречу, и это лучше, чем принимать посетителей в её комнатах наверху, особенно этого. Не могу сказать, что он мне нравится.

— Андре в порядке, его музыка самая лучшая, безусловно, лучшая из того, что есть у нас здесь. Надеюсь, новости с «Гарцующего Облака» будут хорошими.

— Я тоже. Но я сомневаюсь в этом. Как вы думаете, Тесс на борту?

— Эта мысль приходила мне в голову. — Джейми широко ухмыльнулся, больше не состоя у неё на службе. — Это объяснило бы изменения в расписании «Гарцующего Облака». Так поступил бы Дирк.

— Она не Дирк, она гораздо хитрее, о чем приходится только сожалеть, мой дорогой друг. — Сводные братья и Тесс Струан не любили друг друга, но Дирк в дополнении к завещанию положил, что, буде оба мальчика проявят себя в учении и преуспеют в науках, они должны быть использованы в «Благородном Доме» в полную меру их возможностей. Оба были умны и имели многочисленных друзей по Итону и университету, занимавших ныне видное положение в среде английской аристократии, в Сити и в парламенте, где сводный брат Альберта Фредерик только что получил место, что делало их ещё более ценными. Но и в этом случае оба были уверены, что Тесс прогнала бы их, если бы не завещание Дирка. — Надеюсь, она не прибыла погостить — эта мысль нагоняет на меня тоску.

Макфей рассмеялся.

— Мы просто задраим люки.

— Хеллоу, Андре.

— Добрый вечер, Анжелика.

Она сидела в своём любимом кресле рядом с окном эркера, шторы были раздвинуты, открывая вид на гавань.

— «Гарцующее Облако»?

— Да.

— Хорошо. Она на борту?

Андре криво улыбнулся.

— Это объяснило бы появление клипера.

— Это не имеет значения ни в том, ни в другом случае, — сказала она ровным голосом, но внутри у неё все тревожно сжалось. — Хотите выпить что-нибудь?

— Благодарю. — Он увидел открытую бутылку шампанского в ведерке

со льдом и наполовину полный бокал на столе. — Вы позволите?

— Пожалуйста.

Это становилось её привычкой: смотреть, как садится солнце, или встречать сумерки и наступление ночной темноты с шампанским. Всего один бокал, чтобы подготовиться к длинному вечеру и затем долгой ночи. Ночи теперь проходили по-другому. Она больше не клала голову на подушку и не уплывала, чтобы проснуться на рассвете. Сон теперь бежал от неё. Поначалу она испугалась, но Беккотт убедил её, что страх только ухудшает бессонницу:

— Нам вовсе не нужно спать по восемь-десять часов, поэтому не волнуйтесь. Используйте это время с выгодой для себя. Пишите письма или дневник и думайте о хорошем — не тревожьтесь...

Дражайшая Колетта, — написала она вчера, — его совет помогает, но он забыл упомянуть о ещё лучшей возможности, а именно СТРОЙТЕ ПЛАНЫ, что очень важно, потому что эта женщина задумала сокрушить меня.

Если будет на то воля Божья, я скоро окажусь в Париже, тогда я смогу рассказать тебе все. Иногда у меня возникает такое чувство, что моя жизнь здесь напоминает пьесу или роман Виктора Гюго и Малкольма, бедняжки, никогда и не было на свете. Но мне нравятся тишина и уединение, и я спокойно жду. Осталось всего несколько дней, и тогда я буду знать о ребенке, суждено ему появиться или нет. Я так надеюсь и надеюсь, и надеюсь, и молюсь, и молюсь, и молюсь, чтобы у меня был его ребенок, а также чтобы твои роды прошли хорошо и подарили тебе ещё одного мальчика.

Мне приходится быть осмотрительной. Я могу здесь положиться только на себя. Джейми — добрый друг, но он не многим может помочь, поскольку он больше не служит в «Благородном Доме», а этот Альберт Мак-Струан добр, совершенный джентльмен, высокородный британец и терпит меня лишь до поры до времени, пока ОНА не отдаст другие распоряжения. Сэр Уильям? Он — правительство, британское правительство. Сератар? Бог знает, поможет ли он в действительности, но в любом случае это будет лишь постольку, поскольку я могу быть ему в чем-то полезной. Мистер Скай? Он делает все, что в его силах, но все ненавидят его. Андре? Он слишком умен и слишком много знает, и мне кажется, ловушка, в которой он оказался, сводит его с ума (мне так не терпится узнать, что ТЫ ДУМАЕШЬ!!!). Моя единственная надежда — Эдвард Горнт. К этому времени он уже в Гонконге и уже увиделся с ней.

Мои молитвы и, я знаю, твои тоже за его успех каждодневны и многочисленны.

Итак, я использую мои ночные бдения, чтобы строить планы. Теперь у меня так много хороших планов и мыслей, как справиться с любым возможным затруднением, и много сил, чтобы справиться с теми, о которых я даже не осмеливалась думать, например, если Эдвард подведет меня или, не дай Господи, так и не вернется — ходят слухи об ужасных штормах в китайских морях, обычных в это время года. Компания Дмитрия «Купер-Тиллман» потеряла ещё один корабль. Бедные матросы, как ужасно море и как храбры люди, которые бороздят его просторы.

Андре справедливо говорит, что я не могу уехать отсюда и не должна ничего предпринимать, пока ОНА не объявит о своих намерениях. Я вдова Малкольма, все так говорят; мистер Скай зарегистрировал у сэра Уильяма целую кучу бумаг и ещё больше отослал в Гонконг и ещё в Лондон. Денег у меня достаточно, и я могу оставаться здесь так долго, как только пожелаю — Альберт Мак-Струан сказал, что я могу пользоваться кабинетом Джейми, когда он будет свободен, и у меня есть ещё десять расписок, которые Малкольм приготовил для меня, поставив свою печать, но не заполнив сумму — только подумай, как он был заботлив, — и которые Джейми и вот теперь Альберт согласились признать, до сотни гиней на каждую.

Когда ОНА заявит о себе, я вступлю в сражение с ней. Я чувствую, что это будет сражение насмерть, но уверяю тебя, дорогая Колетта, смерть ждет не меня — это будет её Ватерлоо, не мое, Франция будет отомщена. Я чувствую себя очень сильной, очень здоровой...

Она смотрела на Андре, ожидая, когда он заговорит. Его лицо было жестким, кожа побледнела и натянулась, и он похудел. Первый бокал он выпил залпом. Второй тоже. Теперь он потягивал третий.

— Вы прекраснее, чем когда-либо.

— Благодарю вас. Ваша Хинодэ, как она?

— Прекраснее, чем когда-либо.

— Если вы так любите её, Андре, то почему ваши губы сжимаются, а глаза загораются гневом, когда я упоминаю её имя — вы сказали, что мне можно о ней справляться. — Несколько дней назад он рассказал ей об их договоренности. О части её, не обо всем. Это вырвалось у него непроизвольно, когда не стало больше сил сопротивляться отчаянию. — Если вы так настроены против того, чтобы заниматься любовью в темноте, и это при той огромной цене, которую потребовала эта Райко, зачем вы

вообще согласились на это?

— Я... это было необходимо, — ответил он, пряча глаза. Он не мог открыть ей подлинную причину — с него было довольно видеть, как кривятся губы Сератара и как он с тех самых пор пытается избегать с ним контакта, тщательно следит за тем, чтобы не пользоваться тем же столовым прибором или бокалом, хотя болезнь передается только от женщины или от мужчины, разве нет? — Я лишь взглянул на неё, и, Mon Dieu, неужели вы не понимаете, что такое любовь, как... — Андре не договорил. Он налил себе ещё один бокал, бутылка уже почти опустела. — Вы не можете себе представить, как сокрушительно, неодолимо желанна она была в тот единственный миг. — Он залпом проглотил вино. — Извините, мне нужны деньги.

— Разумеется. Но у меня осталось совсем немного.

— У вас есть бумага и его печать.

— О?

Его улыбка ещё больше съехала набок, Анжелика не стала гадать, что он ещё знает.

— По счастью, менялы разговаривают с менялами, клерки — с клерками. Заполните ещё одну завтра. Пожалуйста. Пятьсот «мексиканцев».

— Это слишком много.

— Даже не половина того, что мне нужно, chéri, — сказал он, его голос был едва слышен. Он поднялся и задернул шторы, погасив тот свет, что ещё оставался в небе, потом прибавил фитиль в масляной лампе на столе и потянулся за бутылкой. Остатки отправились в его бокал, и он с силой поставил бутылку назад в ведерко со льдом. — Вы думаете, мне нравится делать с вами то, что я делаю? Вы думаете, я не понимаю, что это шантаж? Не беспокойтесь, я не переберу, мне нужно лишь то, что вам на данный момент по карману. Сотня «мексиканцев», или их эквивалент в гинеях, сегодня, две сотни завтра, сотня на следующий день.

— Это невозможно.

— Все возможно. — Он достал из кармана конверт. Конверт содержал единственный лист бумаги, который он аккуратно развернул. Десятки обрывков зеленой бумаги были с предельной тщательностью наклеены на него, образуя цельную, как бы мозаичную картинку. Он положил лист на стол так, чтобы она не могла до него дотянуться. Анжелика тут же узнала почерк своего отца. Вторая страница её письма, которую Андре разорвал при ней так много времени тому назад.

— Вы можете прочесть это оттуда? — тихо спросил он.

— Нет.

— Ваш любящий отец написал, он поставил внизу свою подпись и дату, «и надеюсь, как мы договорились, что ты устроишь скорую помолвку и брак с ним любыми путями, какими сможешь. Это важно для нашего будущего. Струан навсегда решит все проблемы „Братьев Ришо“. Ничего, что он...»

— Довольно, Андре, — сказала она так же тихо, теперь ей уже не надо было скрывать свою злобу. — Эти слова навечно запечатлелись в моем сознании. Время не сотрет их. Я покупаю это или это постоянная угроза?

— Это страховка, — ответил он, аккуратно складывая лист и убирая его в конверт. — Теперь он отправится в надежное место вкупе с другими подробностями «Дела Анжелики» на случай, если со мной приключится какая-нибудь неприятность.

Она вдруг расхохоталась, вызвав в нем растерянность.

— О, Андре, неужели вы думаете, я попыталась бы убить вас? Я?

— Это письмо разрушит любое финансовое соглашение, которое Тесс, возможно, предложит, окажется вынужденной предложить, и посадит вас на скамью подсудимых.

— Какой вы глупенький. — Она взяла свой бокал, сделала глоток шампанского, и он с беспокойством отметил, что её рука совсем не дрожит. Она бесстрастно наблюдала за ним, думая, какой же он все-таки глупый: глупо было открывать ей, что он сделал то, что сделал, и выходил в итоге совершенным подлецом, но ещё глупее было злиться на Хинодэ за то, что она предпочитает темноту — может быть, голым он выглядит ужасно, — и ещё глупее вопить во весь голос о цене, которую он заплатил, потому что все это не имеет значения, если она действительно такова, как он рассказывает. — Я бы хотела встретиться с этой Хинодэ. Пожалуйста, договоритесь об этом.

— А?

Забавляясь выражением его лица, она сказала:

— Что же тут странного? Я вкладываю в неё деньги, я финансирую её, любовь вашей жизни. Ведь так?

Он поднялся на нетвердых ногах, прошел к буфету и налил себе бренди.

— Не хотите немного?

— Нет, благодарю вас. — Шевельнулись только её глаза.

Он опять сел напротив неё. От сквозняка задрожало пламя в лампе, и её глаза от этого заискрились.

— Сотню. Пожалуйста.

— Когда я перестану платить, Андре? — поинтересовалась она любезным тоном.

Коньяк на вкус был лучше вина. Он выслушал вопрос, не моргнув.

— Когда её контракт будет оплачен, до вашего отъезда.

— До моего отъезда? Вы хотите сказать, что до тех пор я не могу уехать?

— Когда её контракт будет оплачен, до вашего отъезда.

Она нахмурилась, потом подошла к рабочему столу и открыла боковой ящичек. Маленький кошелек содержал сумму, равную примерно двумстам «мексиканцам», в золотых обанах.

— А если денег не будет?

— Они придут от Тесс, другого пути нет. Она заплатит, тем или иным способом мы добьемся того, что это случится.

— «Мы» добьемся?

— Я обещал, — сказал он; белки его глаз были красными. — Ваше будущее — это и мое будущее. По крайней мере в этом мы оба соглашаемся.

Она открыла кошелек и отсчитала половину. Потом, сама не зная почему, положила все деньги назад и протянула ему.

— Здесь около двухсот «мексиканцев», — сказала она со странной улыбкой. — В счет причитающейся суммы.

— Как бы я хотел понимать вас. Когда-то мне это удавалось.

— Тогда я была маленькой глупой девчонкой. Теперь я другая.

Он кивнул. Потом достал конверт и поднес к огню. Она тихо охнула, когда кончик занялся, потом весь конверт вспыхнул, он положил его в пепельницу, и они вместе смотрели, как бумага свернулась, коряво выгнулась, словно в судороге, и умерла. Он раздавил пепел дном своего бокала.

— Почему? — спросила она.

— Потому что вы понимаете о Хинодэ. И, хотите вы того или нет, мы партнеры. Если Тесс вам не заплатит, я мертвец. — Он протянул руку. — Мир?

Она вложила свою руку в его и улыбнулась.

— Мир. Спасибо. Он поднялся.

— Пойду проверю «Гарцующее Облако». Если Тесс на борту, это все ускорит.

Когда он ушел, она внимательно проверила пепел, но ни одного слова нельзя было разобрать. Андре нетрудно изготовить копию, разорвать её, а потом представить как подлинник и сжечь её — и по-прежнему иметь

восстановленный оригинал письма в тайнике, чтобы воспользоваться им позже. Он как раз из тех, кто обожает подобные трюки. Зачем сжигать фальшивку? Чтобы заставить меня больше доверять ему, простить ему шантаж.

Мир? Единственный мир с шантажистом наступает тогда, когда смертельное разоблачение, которым он угрожает, больше не нужно скрывать от других. В моем случае это наступит, когда ОНА заплатит и деньги будут лежать на моем счету в банке. И после того, как Андре получит то, что хочет, — Хинодэ, возможно. А что нужно ей? Она прячется от него в темноте. Почему? Из-за цвета его кожи? Чтобы подразнить? Из мести? Потому что он не японец?

Я знаю теперь, что акт любви может быть чем угодно — от ужаса до экстаза, до призрачной мечты, со всеми мыслимыми вариациями между ними. Мой первый раз с Малкольмом был при свете, второй — в темноте, и оба были прекрасны. С ним из другой жизни — всегда при свете, и он был прекрасен и смертельно опасен, дивен был цвет его кожи и весь он, смертельно опасный, наводящий ужас, ослепительно сильный, совсем не как мой муж Малкольм, которого я действительно любила. И почитала, и почитаю до сих пор, и буду почитать всю жизнь.

Её острый слух различил гудок парового катера. Она раздвинула шторы и увидела, как катер быстро удаляется от их причала, правый и левый огни зажжены, Альберт Мак-Струан на борту, в каюте. На рейде «Гарцующее Облако» был едва виден, на клипере убирали паруса, и он медленно приближался к стоянке.

Её разум смерчем перелетел на корабль, и перед её внутренним взором возникла её противница — как всегда, с тонкими губами, бесцветными глазами, высокая, с негнущейся спиной, костистая и скверно одетая, — затем её мысли устремились дальше в море, где похоронен Малкольм, и она улыбнулась, наслаждаясь этой победой; сердце гулко стучало у неё в ушах. Потом она опять свернулась в своём кресле — его кресле, их кресле, ещё одна победа — и стала смотреть, как сгущается ночная тьма, постепенно проглатывая все, кроме штаговых огней на кораблях; ей едва удавалось сдержать волнение.

Конечно же, Эдвард будет на борту.

Дверь в кабинет Джейми распахнулась, и в комнату влетел запыхавшийся Варгаш.

— Катер отвалил от «Облака», сеньор, — доложил он. Он все ещё был в толстой, теплой одежде для улицы, в шляпе и головном шарфе, обмотанном вокруг лица, в руке держал подзорную трубу. — Четыре или пять человек пассажиров.

— Она на борту? — Джейми не поднял головы от чемодана, в который укладывал бумаги. Когда немедленного ответа не последовало, его голос зазвучал резче: — Чёрт подери, на борту или нет?

— Я... мне... я думаю, да.

— Я сказал известить меня, когда вы будете уверены, а не до того.

— Я... прошу прощения, сеньор, я стоял на краю причала, посмотрел в трубу и подумал, что мне лучше сразу доложить и спросить, что... что делать дальше.

— Возвращайтесь и встретьте её, но сначала проверьте, чтобы все слуги были готовы, пусть обязательно разожгут огонь в камине в апартаментах тайпэна, она займет их, мистер Мак-Струан обязательно найдет себе другое помещение.

— Но это будет означать, что она окажется дверь в дверь с миссис Анже...

— Знаю, чёрт побери, но это покои тайпэна и именно их она займет!

Варгаш исчез. Не в силах удержаться, Джейми поспешил к окну. Катер подходил к берегу. Снаружи лишь штаговые огни, нырявшие вверх-вниз на невысокой волне. Он навел бинокль. Смутные тени в каюте, но одна несомненно женская. Ясно был виден капор, и невозможно было спутать её высокую прямую фигуру и то, как уверенно она сохраняла равновесие на танцующей под ногами палубе.

— Чччерт! — вырвалось у него вместе с выдохом. Чтобы изображение не дрожало, он прислонился к окну. Ненамного лучше. В одной из фигур он узнал капитана Стронгбоу, больше по росту и объему, чем по чему-то ещё. Ещё двое мужчин, нет, трое — один из них Мак-Струан.

Катер быстро приближался; повреждения на носу после шторма были все ещё хорошо заметны: ремонт не успели довести до конца. Любопытные прохожие ждали на причале под раскачивавшимся фонарем, все были закутаны от зимней простуды, её очень боялись, и потому шляпы и

головные шарфы стали теперь обязательными. Лица разглядеть было трудно, но ему показалось, что он узнал Андре, и... ах да, Вербена, Небесного Нашего, и... да, и Неттлсмита. Стервятники слетаются, подумал он, хотя, как и я, главные наблюдают из своих окон.

Сегодня темнота действовала на него угнетающе. Камин в его комнате горел ярко, но теперь ему казалось, что он совсем перестал греть. Горло сдавило и болело в груди. Возьми себя в руки, подумал он. Она больше не твоя проблема.

Капитан Стронгбоу первым выбрался на причал в своей толстой морской шинели. Видно было по-прежнему плохо, но Джейми узнал его. Следом за ним... да, Мак-Струан. Оба мужчины повернулись и помогли ей сойти с катера. Она была закутана от холода — прямая спина, темная одежда, темный же капор, подвязанный неизменным шарфом. Её размер. Чёрт!

Два последних пассажира выбрались на пирс. Он узнал их. Секундное колебание, потом он вышел в коридор и прошел к кабинету тайпэна. Анжелика вглядывалась в темноту через чуть приоткрытые шторы; огонь в камине мягко светился, лампы были зажжены, комната выглядела уютной.

— А, Джейми. Я никак не могу разглядеть их. Она там?

— Боюсь, что да. — Он не заметил никакой перемены в выражении её лица. — Вот. — Он протянул ей бинокль. — Я подумал, что вы, может быть, захотите взглянуть.

— Мне незачем смотреть или бояться, Джейми. Кто ещё? — Ещё никогда её голос не звучал так тихо. — Кто с ней?

— Стронгбоу, Хоуг и Горнт.

Она повернулась к окну, чтобы что-то скрыть, но за эту долю секунды он успел заметить, как радость залила её лицо. Ничего страшного, что Джейми увидел, думала она, чувствуя, как от волнения кружится голова. Эта женщина и Горнт вместе? Они вместе, и Хоуг с ними! Разве это не предвещает успеха, успеха Эдварда, что ему удалось убедить её?

— Я буду наверху, мне нужно одеться к ужину. Если кто-нибудь захочет меня видеть, я спущусь снова. Спасибо, дорогой Джейми. — Она порывисто обняла его. И вышла.

Он удивленно смотрел ей вслед. Почему радость? Если Тесс с Хоугом, значит, подошла тяжелая артиллерия. Разве не так?

Озадаченный, он вернулся в свой кабинет, оставив дверь приоткрытой, и продолжил укладывать бумаги и книги. Его руки делали дело, а мысли были заняты другим: Тесс, будущим, сёей, сегодняшним свиданием с Нэми, «Благородным Домом», которому он отдал двадцать лет — будь честен,

ведь на самом деле тебе не хочется уходить, и ты знаешь, что сейчас неподходящее время открывать своё дело, — мрачным будущим Анжелики, завтрашней встречей со швейцарским посланником и возможным импортом продукции их оружейных заводов, все это мешалось с известием о невероятных переговорах с Ёси; Бебкотт и Тайрер сейчас в Эдо, серебро, выданное бакуфу в качестве аванса, уже пересчитано, там действительно сто тысяч — и о Накаме, вот ведь бедняга.

Бедняга? Да он же убийца, из самых худших. Я, правда, не почувствовал этого, ни разу не заметил в нем угрозы. Он должен быть в Пьяном Городе или где-нибудь в Ёсиваре. Если уж мы об этом узнали, кто-то, должно быть, шепнул и ему, и он скрылся. Чёрт подери! Теперь мне придется брать в долю Тайрера или Иоганна...

В его раздумья вторглись голоса из фойе. Целый хор голосов: Мак-Струан, Варгаш, Хоуг, хлопочущие и снующие туда-сюда слуги.

Можно и не выходить к ним. Меня и так вызовут, и очень скоро. Понуро опустив голову, он вернулся к своей работе, теперь уже почти законченной.

— Джейми!

Он обернулся. И застыл, парализованный. Морин. Его Морин стояла на пороге! Морин Росс. Темно-синий зимний капор, голубые глаза, выглядывающие из-за складок толстого шерстяного головного шарфа. Темно-синее пальто поверх темного платья того же оттенка. Морин Росс, двадцать восемь лет. Высокая, чуть-чуть выше Тесс, — средний женский рост теперь немногим превышал пять футов, королева Виктория была четыре фута одиннадцать дюймов.

— Господь Милосердный! — сдавленно выговорил он, теряя рассудок.

— Привет вам, Джейми Макфей. — Она осталась в дверях, стоя с прямой спиной, как её отец; голос звучал мелодично и весело. — Пожалуйста, могу я войти? — Она размотала шарф и неуверенно улыбнулась.

Теперь ему было хорошо её видно. То же чистое лицо, не хорошенькое, но сильное и странно располагающее к себе, темные веснушки — в точности такая же, какой он видел её больше трех лет назад на причале в Глазго, хотя тогда они расставались и она плакала. Он забыл, как её глаза...

— Привет, Искорка, — пробормотал он, не думая; когда-то он придумал ей это прозвище. — Бог и все его ангелы... Морин?

Её смех зазвенел серебристой трелью.

— Я принимаю это как утвердительный ответ, а ты отныне навек забудешь богохульничать, дружок. Один-то раз можно простить: ведь я

появилась подобно призраку из тьмы ночи, уж больно мне хотелось устроить тебе сюрприз. — Улыбка и напевный голос делали её более привлекательной, чем она была на самом деле, как и свет, танцевавший в её глазах, и любовь, в которую она облачилась, как в броню. Она закрыла дверь и снова посмотрела на него. — Ты выглядишь великолепно, Джейми, немножко устал, но все такой же красавчик, что и раньше.

Он выпрямился, но по-прежнему стоял за столом, в голове мешанина: бог мой, это ты, не Тесс, это ты, легко ошибиться в темноте, почти такого же роста, та же прямая спина — он вспомнил свои небрежные, пустые письма за прошедший год и последнее письмо, в котором разрывал помолвку, его голос беззвучно выговаривал: «Прости, Морин, я писал тебе, мы не женимся, прости, я не хочу жениться, а теперь и не могу, теперь, когда я сам по себе, более неподходящего времени и не придумаешь, и почему...»

— Ох, Джейми, — говорила она через комнату, выжидательно поглядывая на него, и её улыбка стала ещё восторженнее, — ты и представить не можешь, как я счастлива, что вижу тебя, что наконец-то сюда добралась, а уж приключений, которые я пережила, хватит на целую книгу. — Когда он не шевельнулся и не ответил, она чуть заметно нахмурилась, и её лоб прорезали тонкие морщинки. — Да ты что ж это, верно, никак в себя не придешь, дружок?

— Тесс! — проскрипел он. — Я... мы думали, что ты — Тесс Струан.

— Миссис Струан? Нет, она в Гонконге. Какая леди. Она устроила, чтобы я смогла приехать сюда, и ни пенни с меня не спросила. Езжайте, говорит, к своему Джейми Макфею с моими поздравлениями, и представила меня капитану Стронгбоу — он мне целую отдельную каюту выделил — и чудесному мистеру Хоугу, и мистеру раскрасавчику Горнту.

— А?

— Этот парень думает, что он — Божий дар для всех женщин на свете, да только не для меня. Я помолвлена, так я ему и сказала, помолвлена перед Господом с мистером Джейми Макфеем. Он сказал, что он твой друг, Джейми, а доктор Хоуг рассказал мне, что он спас тебе жизнь, поэтому я обходилась с ним мило, но держала на расстоянии. Ох, дружок, мне столько всего хочется услышать, столько рассказать.

— Господи Иисусе, — пробормотал он, не слыша её, — так просто перепутать вас, когда твое лицо закрыто шарфом, ты и Тесс — вы обе одного роста, держитесь одинаково пря...

— Кхм! — нарочито прокашлялась Морин, и глаза её вдруг засверкали. — Я буду очень тебе признательна не поминать имени Господа

всуе, и она куда как пониже будет, и гораздо потолще, и годами старше, и волосы у неё седые, а я шатенка, и даже в темноте я на неё не похожа! — Когда её улыбка собственной шутке осталась без ответа, она вздохнула. В отчаянии она обвела взглядом комнату. На глаза ей попался графин. Она тут же подошла к нему, понюхала, чтобы убедиться, что это действительно виски, носик её наморщился от отвращения, но она налила ему бокал и капнула несколько капель в другой.

— Вот, — она подняла на него глаза, в первый раз оказавшись так близко, и вдруг её лицо осветилось широкой улыбкой. — Моему па тоже понадобилось виски, когда по нем ударило известие, что Шотландия считается частью Британских островов.

Колдовские чары спали. Джейми расхохотался, обнял её и прижал к себе, приветствуя, а она едва не выронила из руки бокалы.

— Потихе, дружок, — охнула она, сумела как-то поставить их на стол и, обхватив жениха руками, отчаянно прижалась к нему — все это ожидание и то, как она стояла в дверях, читая на его лице потрясение, а вовсе не радость, которую надеялась прочесть, стараясь быть сильной и взрослой, не зная, что делать и как ей сказать ему, что она любит его, что мысль о том, что она может его потерять, была невыносима для неё, и поэтому она рискнула, рискнула всем и покинула своё убежище, вверила себя Господу, уложила в сумочку молитвенник, Библию и «дерринджер» отца и, зажмурив глаза, отправилась в путь, чтобы преодолеть десять тысяч миль страха. Внутреннего страха. Но снаружи его никто не видел — о нет, никогда, Россы не из тех, кого видят испуганными!

— Ох, Джейми-дружок, Джейми...

— Ну, по́лно, по́лно, — тихо бормотал он, прогоняя её нервную дрожь.

Через некоторое время она перестала трепетать, высвободилась из его объятий, развязала капор, и её длинная темно-рыжая коса развернулась и упала за спину.

— Вот так уже лучше, — сказала она. — Спасибо, разлюбезный мой. — Она протянула ему его бокал, взяла свой, они чокнулись. — Шотландия во веки веков, — произнесла она в качестве тоста и сделала глоток. — На вкус это просто ужас какой-то, Джейми, но я страсть как рада видеть тебя, сильнее мне и не высказать.

Её улыбка теперь была ещё более осторожной, уверенность понемногу покидала её. Его объятия были объятиями брата, а не возлюбленного. О боже, о боже, о боже! Чтобы спрятать от него лицо, она огляделась, снимая пальто и перчатки. Её платье было теплым и хорошего покроя, ещё один оттенок синего, оно выгодно подчеркивало её формы и осиную талию.

— Твой мистер Мак-Струан говорит, что ты можешь расположиться в своих комнатах, а я поселюсь в комнатах рядом, пока мы не подыщем себе что-нибудь. Ты уже закончил паковаться в своих комнатах, Джейми?

— Нет, нет ещё. — Мысли его были в расстройстве, как ему начать, он не знал, но знал, что начать должен. Скоро. — Это... первым делом я взялся за бумаги и книги, наверху я собирался начать завтра. Все, мебель здесь и наверху, принадлежит компании Струана.

— Ну и ладно. Мы можем свою купить. — Она села в кресло напротив рабочего стола и посмотрела на него. Руки на коленях. В ожидании. Уверенная, что теперь пришла пора ей прикусить язык и ждать, когда он откроет рот. Она сделала свою часть дела, приехав сюда. Возможно, взяла на себя слишком много, приехав без предупреждения, но она тщательно подумала об этом и сделала все, что могла, написав письмо, и представляла себе эту встречу час за часом во время тошнотворных месяцев, проведенных в море, во время штормов и однажды, в Китайских морях недалеко от Сингапура, во время мятежа пассажиров-китайцев, путешествовавших четвертым классом — среди них оказались пираты, — который был подавлен беспощадно и с большим кровопролитием; Джейми был её путеводной звездой, и вот теперь пришло время окончательных ответов на все вопросы.

— Он скверный человек, этот Джейми Макфей, — сказала ей мать, когда она объявила о своём решении. — Я говорила это не раз и не два, и добра ты от него не жди, девочка. Его письма не то что обнадеживают, а как раз наоборот.

— Я твердо решила поехать, ма, дорогая. Папа одолжит мне денег?

— Да, если ты его об этом попросишь.

— Я твердо решила поехать. Я должна. Мне двадцать восемь лет. Я стара. Давно прошел тот возраст, когда девушки обычно выходят замуж. Я ждала так долго и готова ждать ещё три года, если понадобится, но... это сейчас или никогда. Я приняла решение. Ты понимаешь, ма?

— Да, я понимаю. Только... ну, по крайней мере, ты будешь с ним, ты будешь со своим мужчиной, если вы поженитесь, не как я.

Она увидела слезы и выслушала советы, никогда не дававшиеся раньше, секреты, никогда не поверявшиеся даже шепотом, а потом её мать сказала:

— Благословляю тебя, девочка, езжай с Богом, милая. Пойдем скажем твоему па. — Он был отставным майором Индийской армии, в которой прослужил двадцать пять лет, восемнадцать из них — во вновь сформированном Гуркхском полку; домой в отпуск он приезжал раз в два-

три года, пока раны не заставили его выйти в отставку, с которой он так и не смирился.

— Хорошо, девочка моя, поезжай, я даю тебе своё благословение с двумя условиями, — сказал он. — Если он отвергнет тебя, передай ему, что я найду его и убью, и второе — если он когда-нибудь обесчестит тебя, обидит или сделает тебе больно, отрежь ему то, что у него меж ног болтается — я одолжу тебе свой кукри, юному Дункану он не понадобится ещё лет десять.

— Да, папа. — Этот кукри, гуркхский нож, был самой дорогой для него вещью. Она была старшей из трех сестер, их брату было восемь, и она первой покидала отчий дом — дети Британии были детьми для империи.

Джейми подбросил углей в камин и передвинул свой стул ближе к ней, прежде чем сесть в него. Он взял её за руку.

— Морин, три месяца назад я написал тебе.

— Ты написал много писем, их все равно никогда не хватало, — беззаботно ответила она, чтобы выиграть время и подготовиться.

— Во всех моих письмах за последний год я пытался, как только мог, дать понять, что здесь не место для леди. Это не Индия, где есть полковая жизнь, и...

— Я никогда не была в Индии, как тебе известно, Джейми, мама побывала там однажды и больше уже не возвращалась. — Она взяла его руку в свои. — Не расстраивайся, это место может стать чудесным, поверь мне. Это уж женская забота. Я могу сделать его чудесным.

Горло ему сжало так, что было трудно дышать. Легкого пути тебе не видать, кричал ему его мозг, говори, или ты никогда уже этого не скажешь, говори прямо сейчас! Конечно, это нечестно, но ты и так был с нею нечестен, нечестен столько лет, ты подлец, что украл у неё все эти годы, Боже, вот уже три года, как вы помолвлены, и до этого ты знал её ещё два, и ты подлец, признай это и быстро все скажи. Ну! Поток хлынул:

— Три месяца назад я написал тебе, что мне казалось... оно, должно быть, пришло после того, как ты уехала... я подумал, что будет разумно, если мы разорвем нашу помолвку и ты забудешь меня, и что мне ужасно жаль, но так будет лучше для тебя, а я не вернусь домой и буду жить и работать здесь, я не уеду из Азии, пока не буду вынужден, если заболēju или... я не уеду, не могу уехать, я люблю Азию, люблю свою работу, и нет никакой надежды, что ты будешь здесь счастлива, я не стою этого, и я признаю, что бесчестно обманул тебя, но мы не можем пожениться, это невозможно, а теперь, когда я начинаю своё дело... — Он замолчал, чтобы перевести дыхание, потом хрипло добавил: — Я не знаю, что ещё сказать,

говорить больше нечего, кроме как ещё раз извиниться... вот.

Он отнял у неё свою руку. Желудок болезненно сжимался. Из кармана появился платок, он промокнул вспотевший лоб.

— Извини, — неловко произнес он, встал, снова сел, потом повертел в руках бокал. — Извини.

Её руки лежали на коленях. Глаза смотрели сосредоточенно и открыто, её взгляд ни на минуту не покидал его лица.

— Не извиняйся, — мягко сказала она, лишь едва заметно нахмурившись. — Такое случается, дружок.

У него отвисла челюсть.

— Так ты согласна?

Она рассмеялась.

— Конечно, с частью того, что ты говорил, не со всем, конечно... Ты мужчина, а я женщина, и мы по-разному смотрим на вещи.

— Да? Как это?

— Ну, сначала о работе. Женская работа, её работа, состоит в том, чтобы заботиться о муже, создать дом, именно для этого меня готовили, дом и семья — самые важные вещи в этом мире. — Она заметила, что Джейми готов возразить, поэтому быстро добавила: — Мой па считает, что на первом месте стоит империя, но он мужчина. У мужчин есть работа, на которую они ходят, чтобы сделать её и принести домой каши, немного мяса и, да, немного виски. Но должен быть дом, куда все это можно нести. Без женщины дома нет. Для мужчины очень важно иметь кого-то, кому можно доверить разделить с тобой это бремя, пока ты работаешь, или ищешь работу, или открываешь новое дело. Мне ты можешь верить. Из этих двух вариантов тебе лучше всего постараться начать собственное дело. Мистер Горнт хочет сделать то же самое.

— В самом деле?

— Да, когда-нибудь в будущем, говорит он. Он теперь вернулся, чтобы возглавить здешнее отделение «Брока и Сыновей» и...

— Вот как? — Макфей заморгал, услышав эту новость.

— Да. Он говорит, что занимает место этого человека, который пытался убить тебя, мистера Грейфифта.

— Грейфорта. Норберта Грейфорта. — Разум Джейми принялся за работу: я, должно быть, теряю рассудок после того, как ты появилась здесь, словно привидение, я напрочь забыл о Хоуге, Малкольме, Гонконге. — Что произошло в Гонконге? Что с Малкольмом Струаном? Горнт говорил что-нибудь о Моргане Броке или Тайлере Броке?

— Терпение, мой дружок, дойдет и до этого. Возвращаясь к разговору

о тебе и мне, раз уж ты его начал как начал. Из нас получится прекрасная пара, самая лучшая, я обещаю. Мы помолвлены. Я обещаю, что буду самой лучшей женой на свете, я обещаю.

— Но разве ты не видишь, девочка, из этого ничего не выйдет, — сказал он, ненавидя себя, но абсолютно уверенный в том, что это так. — Страна эта жестокая, жизнь здесь жестокая, женщин почти нет, у тебя не будет друзей, тебе нечем будет заняться.

Она рассмеялась.

— Джейми, Джейми, да ты ни слова не слышал из того, что я говорила. Так вот что мы...

Стук в дверь прервал её.

— Одну секунду! — громко отозвалась она и встала, продолжая тем же тихим, но твердым голосом: — Это, наверное, доктор Хоуг, ему нужно было срочно повидать тебя, но я выпросила у него парочку минут, мне так хотелось тебя увидеть. А теперь я оставляю тебя с ним. — Она взяла свой капор, перчатки и шарф. — За меня не беспокойся, я переоденусь и буду готова вовремя. Я постучу к тебе. Ужин в девять, смотри не забудь.

— А? — тупо переспросил он.

— Этот русский граф, Серегов, кажется, какое-то такое имя. Мы приняли его приглашение на ужин, мистер Мак-Струан мне все об этом рассказал.

Она выпорхнула из комнаты, поблагодарила Хоуга, и, прежде чем Джейми успел произнести хоть слово, Хоуг закрыл за собой дверь, бросился к нему и, задыхаясь, выпалил:

— В Гонконге все прошло как во сне, Джейми, Малкольм был похоронен со всеми почестями в море, как хотел и он и Анжелика.

— Он что?

Хоуг весело фыркнул.

— Я и сам был поражен не меньше вашего. Тесс подготовила погребение у Шек-О — это одно из его самых любимых мест во всем свете — за несколько дней до моего приезда. Со всеми почестями, Джейми, все флаги на мачтах приспущены до половины, на кораблях флота тоже, пушечный салют, волынщики, все — похороны тайпэна, хотя он никогда им не был. В газетах все это подробно описано, я привез вырезки, в Гонконге объявлен месячный траур, губернатор заказал особую службу в нашей церкви на круглом холме в Счастливой Долине, из-за которой Кулум в своё время стал знаменитым, Гордон Чен устроил величайшую и самую шумную процессию и поминки в истории Китайского Города — за исключением той, что он устроил для Дирка — тут, конечно, опять

начались эти чертовы пожары на склонах, говорят, несколько тысяч лачуг сгорели дотла, и не только это, когда я увиделся с Тесс... могу я выпить чего-нибудь, у меня в горле пересохло!

— Конечно. Продолжайте, не останавливайтесь, — попросил Джейми и налил им обоим, его собственный бокал уже давно стоял пустой. Он заметил, что у него дрожат пальцы. Господи, почему Тесс вдруг пошла на это, похороны в море, и какого черта делает Морин, принимая приглашения на ужин, когда нам сначала нужно поговорить? — Продолжайте же, ради бога!

Хоуг сначала выпил.

— Бог мой, это славно! — Он снял пальто и сел, глубоко вздохнул и почувствовал себя лучше. — Бог мой, я рад вас видеть. Так где бишь я остановился? Ах да! Когда я в первый раз увиделся с Тесс, я так расстроился из-за неё. Это было ужасно. Она приняла меня в старом кабинете Кулума и сказала: «Рональд, расскажите мне о самом плохом во всех деталях, расскажите все так, как это происходило». Она стояла у этого огромного письменного стола, прямая, как рея, бледная, я никогда не видел её такой бледной, Джейми — портрет Дирка на стене, смотрит на тебя с вызовом своими зелеными глазами, попробуй, мол, соври. Я рассказал все как мог, конечно, она уже слышала кое-что от Стронгбоу — помните, я просил его сказать ей, что отправляюсь с пакетботом, и извинялся, что не могу прибыть с «Гарцующим Облаком», потому что была назначена срочная операция. Она даже не покачнулась ни разу, Джейми, просто слушала, как я рассказываю ей о Токайдо, помолвке, свадьбе и смерти, рассказываю как могу, стараясь по возможности щадить её, о дуэли, Норберте, о вас с Горнтом. Это все словно излилось из меня, точных слов не помню, но я рассказал ей все, как оно случилось. — Он замолчал на мгновение, немного успокоившись. — Ну, вы её знаете, всегда все держит при себе, всегда все прячет, самая неподвижная верхняя губа во всем христианском мире, она просто поблагодарила меня, сказала, что получила свидетельство о смерти и документы о дознании через Стронгбоу. Замечательная женщина. Просто жуть берет. Вот, собственно, и все — ах да, она поблагодарила меня за то, что я позаботился о гробе и обо всем договорился с похоронным бюро, что, благодарение Богу, тоже прошло как по маслу.

— А?

Глаза Хоуга заискрились.

— Я, естественно, не хотел, чтобы гроб вскрывали. Я дал указания Стронгбоу доставить его прямиком к Блору, Кристенсону, Херберту,

Херберту и Кринку, я часто имею с ними дело, и приказал им, «по медицинским соображениям», поместить наш гроб в один из их гробов высшего качества, с серебряными ручками, и немедленно наглухо его завинтить, никакого выставления тела или вскрытия гроба, я настоятельно рекомендовал не делать этого в связи с разложением и так далее и письменно уведомил Тесс о том же в самых твердых выражениях. Рад сообщить, что все обошлось прекрасно, с нашей точки зрения и Малкольма. — Хоуг вновь наполнил свой бокал. — Я рад, что поехал. Другими словами, все хорошо, что хорошо кончается.

— А вы не говорили ей о другом, о нашем погребении?

— Господи, нет, я, по-вашему, такой дурак? Это вы глупость спросили, Джейми.

— Я просто спросил, чтобы быть уверенным, — ответил Джейми, ему было неприятно: Морин воспользовалась тем же словом. Наверное, я и в самом деле глупею. Как мне, чёрт подери, с ней быть?

— Тесс говорила что-нибудь об Анжелике?

— Насчет того, что намерена делать? Нет, хотя вопросами так и сыпала. Как Анжелика?

— Прекрасно... внешне. Спокойная, большую часть времени проводит у себя, иногда выходит к ужину. Сегодня собирается к Сергееву, по просьбе сэра Уильяма. От былой жизнерадостности и следа не осталось, в глазах ни искорки... — Вот, опять это слово, горестно подумал он. — ...Но... ну, выглядит ещё очаровательнее, чем когда-либо. О чем спрашивала Тесс?

— Ни о чем особенном, только о фактах, как они были мне известны, что да, я считаю, что они любили друг друга, что это Малкольм преследовал её, а не наоборот, что она отвечала на его ухаживания как леди, она приняла его предложение и согласилась обвенчаться на «Жемчужине».

— Но ничего о том, каковы теперь её намерения?

— Нет, и это самое странное. Я-то думал, что она прямо дымиться будет по её поводу, спросит моего совета, даст мне какой-то ключ, но она этого не сделала, в конце концов, я уже много лет являюсь их семейным врачом, она наняла меня, компания платит мне жалованье, и я знаю её лучше, чем кто-либо. Она не сделала никаких замечаний, ничего не сказала от себя, вопросы касались только тех деталей, о которых я забыл упомянуть. Очень странно.

— Да, — кивнул Джейми. — План у неё должен быть.

— Я согласен. Разумеется, вся история распространилась в прессе от придорожных канав до Пика в ярких, драматичных деталях. «СМЕРТЬ

ТАЙПЭНА В ПЕРВУЮ БРАЧНУЮ НОЧЬ» — такого рода заголовки, хотя она попыталась похоронить её, извините, я и не думал играть словами. Я привез вам все вырезки и вот это. — Его глаза засветились другим светом. Он протянул Джейми конверт. Почерк Тесс. Мистеру Дж. Макфею, вручить лично в руки. — Прежде чем вы спросите, я не знаю, что внутри. Она лишь сказала: «Пожалуйста, передайте это мистеру Макфею сразу же, как приедете».

Джейми положил письмо на стол.

— Почему вы вернулись?

— Ещё одно, пока я не забыл. Старик Брок и его столь же подлый сын, сэр Морган, появились на похоронах.

— Как, без приглашения?

— Это был настоящий фурор! Произошло все следующим образом. Тесс подготовила похороны на «Китайском Облаке». Пушечный лафет с гробом до самого клипера вдоль променада. Сорок гостей приглашены на борт, губернатор, вся аристократия, адмирал сэр Винсент-Синдери, генерал Скаффер — новый главнокомандующий в Азии, от него за версту веет Индийской армией, этакий саиб, все тайпэны и Гордон Чен. Никакой прессы. Едва только «Китайское Облако» встал к ветру в море у Шек-О и служба вот-вот должна была начаться, Старик Брок и Морган прибыли на своём клипере «Охотящаяся Ведьма». Встали от них в нескольких чейнах, [44] корабль выдраен до блеска, флаг Брока приспущен до половины мачты, сам он и Морган на четвердеке, в черных сюртуках, цилиндрах, рубашки с оборками, а когда гроб скользнул в море, этот сукин сын дал залп из всех пушек и откупорил шампанское — все на борту говорят, что слышали, как хлопнула пробка. Они выпили, швырнули бокалы и бутылку в море, приподняли цилиндры и с шумом отплыли восвояси.

— Ублюдки! Чертовы ублюдки!

— Да! Позже они заявили, что хотели «почтить бедного покойного парня». Губернатор стоял рядом с Тесс. Он сказал мне, что она ничего не сделала, ничего не сказала, просто стояла там, прямая, как кочерга, он только услышал, как выдох с шипением вырвался из её губ, и ярость в нем потрясла его, он сказал, что мошонка у него сжалась и яйца под горлом запрыгали, ну, вы знаете это чувство... о, чуть не забыл, Горнт тоже был с Броками на четвердеке.

— Морин сказала, что он становится главой здешнего филиала Броков.

— Да. Но все равно, он славный молодой человек, я думаю. Даже и в этом случае. Он сказал мне, что ему было приказано появиться на «Охотящейся Ведьме» и... клянусь Юпитером, я совсем забыл про Морин!

Джейми, вы счастливчик.

— Спасибо.

— Большой счастливчик. — Хоуг протянул ему руку. — Мои поздравления.

— Спасибо. — Джейми пожал протянутую руку и притворился довольным, обуреваемый самыми мрачными чувствами. — Мы подумали... я принял её за Тесс. В бинокль, в этой темноте и с шарфом на лице было нетрудно ошибиться.

— А? Чепуха, она совсем на неё не похожа!

Джейми удрученно кивнул:

— Я знаю, но они примерно одного роста, и то, как она стояла, совсем как Тесс, ну, знаете, прямая спина...

Хоуг задумался, потом фыркнул.

— Мне это не приходило в голову. Сейчас, когда вы заговорили об этом, пожалуй, так оно и есть, хотя внешне она на Тесс совершенно не похожа, она, должно быть, лет на десять-пятнадцать моложе, и эти её темно-рыжие волосы и искрящаяся натура.

— Господи, да будет вам! Мне это известно! Ошибиться было нетрудно.

— И слава богу, что ошиблись. — Хоуг почувствовал приступ дурноты. — Путешествовать с Тесс было бы далеко не так приятно, Бог мой, нет! А ваша Морин — потрясающая девушка! Она сказала, что написала вам в своём приезде.

— Да, в Гонконг, не сюда. И никакой даты прибытия.

— А, очевидно, для этого просто не было времени, поскольку «Гарцующее Облако» вот-вот должен был отплыть, а она только что приехала. — Хоуг весело хмыкнул. — Вам лучше присматривать за ней, а то потеряете. Горнт был сражен наповал.

Джейми вспыхнул, почувствовав вопреки всему укол ревности.

— Спасибо за подсказку. Как дети Тесс? Вы их видели?

— О да. Они в добром здравии, хотя Дункан опять очень сильно простудился. Они все были на похоронах — я слышал, это было так печально, маленький Дункан старался держаться мужественно, Эмма и Роза плакали, Тесс — под вуалью, густой вуалью, — все понимали, что это конец эры, Дункан остался единственным прямым потомком Дирка, а он ещё много лет не сможет наследовать, мальчишке всего десять. «Благородному Дому» это не сулит ничего хорошего. Самая последняя сплетня в Гонконге, это что Брок держит «Благородный Дом» за горло.

— Черта с два! — Джейми постарался, чтобы его голос звучал

убедительно. — Новый тайпэн придет из ветви Робба, Робба Струана, сводного брата Дирка. Один из его сыновей или внуков станет тайпэном.

— Наверное, вы правы, но это все равно уже будет не то. Ужасно жаль Малкольма, он был надеждой Тесс. Все время, что я был в Гонконге, я думал о нашем погребении, таком ненужном, а? Лучше всего нам совсем забыть о нем. Малкольм был погребен там, у Шек-О.

— Жаль, что это не так, как хотел сэр Уильям и все мы хотели. — Прошлой ночью Джейми опять приснился кошмар про то, что видел боцман: труп, гребущий воду скрюченными пальцами, чтобы выбраться на поверхность, глаза широко открыты. Он снова ощутил озноб. — Мы сделали все, что было в наших силах. А теперь, — спросил он, — почему вы вернулись?

Хоуг поднялся.

— Тесс попросила, э... доставить почту Мак-Струану, вам и... и повидаться с Анжеликой и вручить ей письмо. — Он увидел глаза Джейми. — Я не знаю, что в них.

— В них? — резко спросил Джейми. — Вы сказали «письмо»?

Хоуг покраснел.

— О, э, да. В общем, да, письмо. Я не знаю, что в нем. Ну что ж, я, пожалуй, пой...

— Да бросьте вы, чёрт побери!

— Тесс попросила меня передать ей... э, письмо, и все.

— Бросьте, я же вас знаю!

— Я, наверное, поднимусь к ней, — раздраженно произнес Хоуг, — ей захочется узнать...

— Сядьте! Что за письма, ради всех святых?

— Я ничего не знаю ни о...

— Только не кормите меня этим дерьмом! Что за письма?

Хоуг заколебался, потом выпалил:

— Если вы поклянетесь мне головой своей матери, я... я вам скажу.

— Идет!

Доктор сел.

— Она, Тесс, она просто сказала: «Передайте этой женщине вот это письмо, подождите неделю или около того, затем передайте ей одно из этих двух писем». Всего она вручила мне три письма, я не знаю, что в них, клянусь Господом Богом, не знаю.

— Неделя? Вы имеете в виду до дня месячных? Одно из двух писем, а? Одно, если она беременна, другое — если нет?

— Одиннадцатое число будет первым днём, но сказать что-то будет

ещё невозможно, придется ждать ещё как минимум две недели, да и тогда... надежнее всего подождать месяц, и уже тогда смотреть, начнется ли... начнется ли у неё менструация. Срок может сдвинуться, иногда трудно определить на сколько, в её случае из-за того, что бедная девушка пережила чудовищный удар и ещё столько всего — Тесс попросила меня подождать, пока я не буду уверен. — Он выдохнул. — Ну вот, теперь вы все знаете.

— Тесс попросила вас подождать, пока вы не осмотрите её?

— Ну... да, пока я не буду уверен.

— Значит, одно письмо — на случай беременности, а другое — если беременности нет?

— Да... Я же говорил вам. Да.

— Кому ещё вы об этом говорили? — Взгляд Джейми прожигал его насквозь.

— Никому.

— Кто он?

— Идите к черту! — вскричал Хоуг, потом выпалил: — Горнт!

— Господи Иисусе, почему он?

— Не знаю, ему словно было все известно, он пришел к тем же выводам, к каким, я полагаю, придут и все остальные. Согласен, что теперь, когда я вернулся, это вполне очевидно. Я сказал Тесс об этом, но она промолчала, только посмотрела на меня этими своими серыми глазами. Вам легко, Джейми, — пожаловался он, кипя от обиды. — Вам и всем Горнтам этого мира легко, вы сильные, вы привыкли к бизнесу, а разве бизнес по большей части не ложь? Ну а врачи к этому не привычны. — Исполненный отвращения к самому себе за неспособность хранить секреты, Хоуг шумно выдохнул. — После стольких лет другим я уже не стану. Тесс сказала, чтобы я посвятил в причину своего возвращения сэра Уильяма, Альберта и вас, и больше никого.

— Не расстраивайтесь, вы правы, в Йокогаме, чёрт подери, не будет ни одного человека, который бы не догадался о цели вашего приезда. Чёрт возьми, бедная Анжелика! Для кого ещё у вас есть письма от Тесс?

— Я... для сэра Уильяма.

— Для кого ещё? Ради всех святых угодников, для кого ещё?

— Для Небесного Нашего Ская.

Изображая спокойствие, которого он не испытывал, Хоуг протянул Анжелике конверт, запечатанный печатью «Благородного Дома». У неё все сжималось внутри с того самого момента, когда Джейми сообщил ей, кто

прибыл с «Гарцующим Облаком», как ни пыталась она оставаться невозмутимой. Даже почти мгновенная поправка Варгаша, что прибывшая женщина оказалась невестой сеньора Макфея, а не Тесс Струан, не успокоила её. Как не успокоило и громогласное повествование Хоуга о похоронах Малкольма, которое лишь ещё больше сбило её с толку. Рукописные буквы на конверте были словно выгравированы: «Анжелике Ришо, лично».

— Почему вам не прочесть его, пока я здесь, — говорил он, обеспокоенный внезапно выступившим на её щеках румянцем.

— Вы имеете в виду на случай, если я упаду в обморок? — резко спросила она, садясь прямо в высоком кресле у камина, кресле Малкольма, которое она забрала из его апартаментов, перед тем как освободить их для Альберта Мак-Струана.

— Я имею в виду, что вам, возможно, захочется поговорить, — доброжелательно произнес Хоуг. — Я ваш друг, а не только врач. — Он устремился наверх сразу же после беседы с Джейми, радуясь, что этот инквизиторский допрос окончен, поздоровался с ней, обнял и отмахнулся от её немедленного «что случилось в Гонконге?», сказав: «Повремените секунду, дайте-ка я взгляну на вас». Он внимательно посмотрел на неё как врач, потом как друг. То, что он увидел, обрадовало его. — Я просто предложил.

— Письмо адресовано неправильно. Здесь должно стоять миссис Анжелика Струан или миссис Малкольм Струан. — Она неловко протянула письмо обратно.

— Тесс сказала, что именно так вы и поступите. — Эти слова были сказаны мягко.

— Если она такая мудрая, почему было не адресовать письмо как положено?

— Ей трудно так же, как трудно вам. Она мать, потерявшая сына. Будьте терпеливы, Анжелика.

— Терпеливой? Мне? Когда я в осаде за то, что вышла замуж и любила прекрасного человека, который... Вы на её стороне, вам ведь платит компания Струана.

— Верно, но я на стороне того, что сам считаю наилучшим, а это не продается даже вам. — Хоуг сидел в кресле с дружелюбным видом. Комната была теплой, женской и пронизанной напряженностью. Он видел, как пульсирует вена у неё на шее, как чуть заметно подергиваются пальцы. — Я помогал вам и Малкольму, но только потому, что считал это наилучшим. Для вашего личного сведения, находясь в Гонконге, я подал в

отставку. Это последнее задание, которое я выполняю для «Благородного Дома».

Она была поражена.

— Зачем вы это сделали?

Снова та же странная улыбка.

— Я возвращаюсь в Индию, я намерен попробовать отыскать то, что утерял. Сразу же, как только смогу.

— А! Арджуманд. — От этого она почувствовала себя лучше. Она подалась вперед и коснулась его рукой. — Извините. Извините, что я сказала то, что сказала. Простите меня. Это просто... извините.

— Это пустяки. Не забывайте, что я врач, я действительно понимаю, как все это на вас давит сейчас. Я готовился к худшему. — Он сломал печать и вскрыл письмо. — Она сказала, чтобы я сделал это. — Внутри оказался ещё один конверт. На нем было написано просто: «Анжелике». — Компромисс, а? Предложенный компромисс.

— Предложенный вами?

— Да.

— Вы знаете, о чем здесь говорится?

— Нет. Как перед Богом. Вы хотите, чтобы я ушел?

Её взгляд был прикован к письму. Через мгновение она отрицательно качнула головой, и он отошел к окну, чтобы дать ей место, отодвинул занавеси в сторону и стал смотреть в ночь, слыша тяжелые удары своего собственного сердца.

Она колебалась некоторое время, потом вскрыла конверт. Никакого приветствия. Никакого имени.

Я не могу простить вас за то, что вы сделали с моим сыном.

Я действительно считаю, что по наущению и с одобрения своего отца вы нацелились на моего сына, чтобы женить его на себе любым способом. Ваш «брак» с моим сыном недействителен, меня заверили в этом. Этот «брак» ускорил его смерть, меня заверили в этом — свидетельство о смерти указывает на это, меня заверили в этом. По сему поводу стряпчие компании готовят документы для дела, которое без промедления будет передано в Верховный суд Гонконга. Если вы носите ребенка моего сына, это не заставит правосудие свернуть со своего пути и не помещает объявить этого ребенка незаконным.

Я не могу найти слов, чтобы выразить вам свою признательность за бесценную информацию, переданную мне, по

вашей просьбе, неким общим знакомым.

Если, а я считаю, что так и будет, его материалы окажутся ценными, я и «Благородный Дом» будем в долгу перед вами и перед этим человеком, в долгу неоплатном. То, что он назвал плату для себя, умеренную, принимая во внимание ценность его информации, вас не касается, вы не просили никакой и никакой не получите. Но ваш дар памяти моего сына и будущему «Благородного Дома» заслуживает того, чтобы о нем задуматься.

Как же разрешить эту неразрешимую ситуацию?

Решение, если таковое может быть найдено, должно остаться тайной между нами как врагами — мы всегда ими будем — и как женщинами.

Во-первых, я прошу вас помочь доктору Хоугу, позволив ему в нужное время осмотреть вас, чтобы установить, носите вы ребенка или нет. Разумеется, для подтверждения диагноза можно проконсультироваться с доктором Бебкоттом или любым другим врачом по вашему желанию.

Во-вторых, давайте подождем ещё месяц, чтобы быть уверенными, потом мы можем двинуться дальше. К тому времени краткое письменное изложение дела будет полностью составлено и готово для подачи на рассмотрение суда — это не является угрозой, это просто факт. К тому времени сведения нашего знакомого будут запущены в работу, но частично. В настоящий момент я не вижу, как что-то может помешать предложенному им плану. То, что вы убедили его встретиться со мной, сделало, как уже указывалось выше, меня и «Благородный Дом» обязанными вам.

Возможно, к тому времени, с Божьей помощью, для этой неразрешимой ситуации отыщется решение.

Тесс Струан, Гонконг, 30 декабря, 1862.

Разум Анжелики разрывался между счастьем и ужасом, победой и поражением. Так победила она или проиграла? Тесс Струан ничего не обещала, но не помахала ли она оливковой ветвью? Письменное изложение дела? Суд? Свидетельская скамья? Посерев лицом, она вспомнила слова Ская о том, как легко будет противной стороне представить её распутницей без гроша за душой, дочь преступника, вытащить на свет другие ужасные, вывернутые наизнанку истины. «Неразрешимая ситуация» и «решение»? Разве это не означало, что она одержала победу, частичную по

крайней мере.

Эдвард! Сегодня вечером или завтра Эдвард скажет мне! И мистер Скай, он умен, он поймет, о Боже, я надеюсь, что он поймет.

Она подняла глаза и увидела, что Хоуг наблюдает за ней.

— О! Простите, я совсем забыла... — Она нервно мяла ткань рукава, нога беспокойно постукивала по полу. — О, не хотите ли выпить чего-нибудь, я могу позвонить А Со, я... прошу прощения... я, кажется, не... — Слова выговаривались с трудом, и он уловил ухом эту перемену и спросил себя, не это ли начало того срыва, который он предсказал. Признаки были налицо: пальцы рук и ног двигаются непроизвольно, лицо белое, глаза широко раскрыты, зрачки изменились.

— Что она написала? — спросил он безмятежно.

— Я... ну, ничего, кроме того, чтобы... чтобы подождать, когда... — Она не договорила и устремила взгляд в пространство.

— Когда что? — скрывая тревогу, спросил он, чтобы вернуть её назад.

Но она была целиком захвачена прочитанным. Значит, боевые порядки очерчены. Она знала самое худшее или лучшее. Её противник сделал первый ход и объявил о своих намерениях. Теперь она могла вступить в сражение. На своих условиях. Тошнота пропала. На её месте запылал огонь. Мысль о том, что она изложила все гнусное и возможное с такой ледяной холодностью, вызывала в ней ярость — ничего о ней, никакой заботы о ней, никакой, даже самой крошечной уступки за всю любовь, муки, боль по поводу смерти Малкольма, ничего. Ничего. И хуже всего «незаконнорожденный», когда они обвенчались как положено, в соответствии с британским законом... меня заверили в этом!

Не беспокойся, кипела она от негодования, это отпечатано в моей памяти раскаленным клеймом, расплавленной сталью. Она снова посмотрела на Хоуга, мелко дрожа всем телом.

— Она написала, что хочет подождать и чтобы я тоже подождала. Есть неясное... мне кажется, она говорит, что возможен некий мирный исход, нечто, что разре... — Дрожь прекратилась, когда пришедшее решение смыло её прочь, и её голос стал свистящим, шипящим и брызжащим злобой: — Я надеюсь, что все кончится миром, потому что... потому что, клянусь Пресвятой Богородицей, я вдова Малкольма Струана, и никто, никакой суд, даже ни Тесс Растреклятая Струан не отнимет этого у меня!

Он скрыл своё беспокойство, сказав осторожно:

— Мы все считаем, что это так. Но вам нужно успокоиться и не волноваться. Если вы не выдержите, она выиграет, а вы потерпите поражение, какова бы ни была правда. Нет никакой нужды...

Дверь распахнулась. В комнату, покачиваясь, вошла А Со.

— Мисси-тайтай?

— Ай-й-йа! — вспыхнула Анжелика. — Убирайся, почему нет стучать?

А Со твердо уперлась в пол ногами, втайне довольная, что эта чужеродная дьяволица не сдержалась и потому потеряла лицо.

— Письмо, васа нузна, хейа? Письмо, мисси-тайтай?

— Какое письмо?

А Со подошла, шаркая ногами, подала ей маленький конверт, сопнула носом и удалилась. Почерк Горнта. Анжелика спустилась вниз с высокой горы своего гнева.

Внутри оказалась карточка с выгравированными буквами Э. Г. На ней было написано: «Самые теплые приветствия. Поездка в Гонконг на редкость занятная. Не можем ли мы встретиться завтра утром? Ваш покорнейший слуга, Эдвард Горнт».

Она вдруг снова почувствовала себя здоровой. Сильной, наполненной решимостью, надеждой, готовой к бою.

— Вы правы, доктор, но я выдержу, клянусь, что выдержу, выдержу ради Малкольма и выдержу ради себя, и ради вас, и Джейми, и мистера Ская. Вы мой дорогой друг, и я теперь в полном порядке. Больше нет нужды говорить об этой женщине. — Она улыбнулась ему, и он знал, что улыбка эта была и хорошей, и плохой — новые признаки опасности. — Мы подождем, мы подождем и посмотрим, что будущее уготовило нам. Не тревожьтесь, если мне станет плохо, я вас тут же позову. — Она поднялась и расцеловала Хоуга в обе щеки. — Ещё раз благодарю вас, дорогой друг. Вы будете на ужине у графа Сергеева?

— Может быть. Не знаю. Я немного устал, — сказал он и вышел, скрывая свои дурные предчувствия.

Она перечитала карточку. Эдвард осмотрителен, это ещё один добрый знак, подумала она. Если бы послание перехватили и прочли, оно ничего бы не выдало. «Занятная» было удачно подобранным словом, и «покорнейший слуга» тоже было выбрано с большой тщательностью. Как и слова той женщины, чтобы ей гореть в аду.

Что делать?

Одеться к ужину. Собрать своих сторонников. Привязать их к себе. Начать осуществлять задуманные планы. И сделать Йокогаму своим неприступным бастионом против «той женщины».

— Не думай о солдатах гайдзинов, которые ищут тебя, Хирага, и

забудь об Акимото, — сказал Кацумата, раздосадованный этим неожиданным препятствием. — Нас троих будет достаточно. Мы нападём завтра, сожжем церковь и потопим корабль. Такэда, возьмишь на себя церковь.

— С радостью, сэнсэй, но почему не воспользоваться планом Ори и не сжечь Иокогаму? Хирага прав, забудьте о корабле, он прав, прошу прощения, — ответил Такэда, склонявшийся на сторону Хираги — в конце концов, Хирага был предводителем всех сиси Тёсю, и его совет продумать пути отступления был разумен. — Он справедливо говорит, что при таком море и ветре будет трудно подобраться к кораблю незамеченными. Почему не воспользоваться вместо этого планом Ори и не сжечь сразу все гнездо гайдзинов?

— План Ори требует времени и южного ветра, — заметил Хирага. — Я согласен, что его план лучше. Нам следует подождать.

— Нет, — грубо отрезал Кацумата хриплым голосом, — вооружившись мужеством, мы сможем сделать и то, и другое! Мы сможем. И церковь, и корабль! Вооружившись мужеством сиси!

Хирага ещё не оправился от потрясения, которое испытал, когда увидел солдат у своего дома, и соображал медленно. То, что он, как он считал, убил того бродягу на пустыре, ничуть его не беспокоило — человек неподвижно лежал в грязи, когда, некоторое время спустя, он прокрался к колодцу, спустился вниз, отыскивая ступени на ощупь, а потом вслепую пробрался по грозящему обвалиться подземному ходу, через ледяную воду.

— Это невозможно, когда нас только трое, — сказал он, — и завтра ночью — это слишком рано, что бы мы ни решили. Если план состоит в том, чтобы сжечь Поселение, нам нужно три дня, чтобы разместить горючие вещества и запалы. Я советую не торопиться.

Он сидел завернувшись в пестрое одеяло, голый, если не считать набедренной повязки — прислужницы сушили его одежду, промокшую насквозь под землей. В маленьком домике было холодно, ветер с тонким свистом задувал внутрь через сёдзи, и Хираге приходилось напрягать волю, чтобы не дрожать в открытую. Как только он появился, Кацумата сердито приказал Райко послать шпионов в Поселение и выяснить, что произошло, а они втроем продумали, как им выбраться из дома Трёх Карпов в случае, если солдаты станут обыскивать Ёсивару.

Теперь он смотрел, как Кацумата наливает ещё саке. Злость ещё больше заострила и без того сухие черты его лица, отчего он казался ещё более опасным.

— Хирага, мое мнение таково, что мы нападём завтра.

— Мое мнение, — ответил Хирага с той же твердостью, — таково, что мы выступим, когда у нас будет надежда на успех, и не раньше — это всегда было вашим советом, — если только нас не поймают на открытой местности и нам не придется выбирать между смертью и пленом. Такэда, каково ваше мнение?

— Сначала я бы хотел услышать ваш план? Вы знаете это место как никто другой? Как бы вы поступили?

Хирага выпил свой горячий чай, плотнее запахнулся в одеяло и притворился, что раздумывает, благодарный, что Такэда склоняется на его сторону.

— Если бы я мог передвигаться по Поселению как обычно, Акимото и я могли бы разместить зажигательные заряды за три дня — четыре у меня уже готовы, я спрятал их в своём доме в деревне, — сказал он, приукрашивая рассказ. — Нам понадобится примерно шесть, лучше всего было бы восемь: по одному в каждое из двухэтажных зданий, они деревянные, сухие, как трут, едва не сгорели при последнем землетрясении; потом в дом предводителя гайдзинов; в соседний дом; три-четыре в Пьяном Городе; по одному в каждую церковь. В поднявшейся неразберихе мы сможем ускользнуть на нашей лодке в Эдо.

— Сколько времени это займет? — спросил Кацумата ещё более грубо, и два его собеседника встревоженно пошевелились. — Сколько дней, сейчас ты не можешь «передвигаться как обычно»?

— Я смогу ответить на это сразу же, как только узнаю, почему солдаты ищут меня, — сказал Хирага сквозь зубы. Мечи Кацуматы лежали рядом с ним, его собственные — на расстоянии вытянутой руки. Едва лишь появившись здесь, он попросил у Райко мечи, которые он отдал ей на сохранение на случай, если им внезапно придется бежать через стены и рисовые поля позади Ёсивары.

Они единодушно решили, что прятаться в подземном ходе было слишком рискованно. — Такэда?

— Я предлагаю подождать, пока мы не узнаем, почему вас разыскивают. Тогда мы сможем выработать окончательный план, сэнсэй, но если бы мы могли сделать все, как говорит Хирага, я бы высказался за это.

— Мы должны напасть завтра. Это и есть наш окончательный план.

В голове у Хираги прояснилось, и он забросил наживку.

— Если бы мы смогли осуществить обе вещи, потопить корабль и сжечь Поселение, это было бы лучше всего, — сказал он, чтобы задобрить Кацумату. — Это могло бы стать возможным, если бы мы все тщательно продумали, но нам понадобятся ещё люди. Ещё несколько человек,

сэнсэй, — добавил он, используя это уважительное обращение, которого до сих пор избегал, чтобы ещё больше польстить ему. — Мы могли бы вызвать троих из Эдо. Такэда мог бы пойти туда, его там не знают, он мог бы привести их с собой через три-четыре дня. Я здесь человек меченый и должен скрываться до самого нападения. Вы поведете нас против корабля — я могу объяснить остальным, где разместить зажигательные заряды, по-прежнему могу показать, куда идти и как это сделать.

— Это хороший план, сэнсэй, — сказал Такэда, ухватившийся за возможность бежать морем — участие в нападении самоубийц его никогда не прельщало. — Я отправлюсь в Эдо и разыщу этих людей.

— Тебя схватят, — произнес Кацумата, его губы вытянулись в тонкую линию. — Ты никогда не был в Эдо, не знаешь улиц, не знаешь, куда пойти. Тебя схватят. — Его ярость была готова прорваться наружу, ибо он не мог осуществить свой план в одиночку и нуждался в этих двух или других людях, а без общего согласия ничего нельзя было достичь. Если кому-то и следует идти за подмогой, то это должен быть он. Такая мысль не была ему неприятна, ибо здесь ему не нравилось, слишком мало путей для отступления, слишком мало мест, где можно спрятаться, — в безопасности он чувствовал себя только в Киото, или в Осаке, или в Эдо, или дома в Кагосиме. И-и-и-и, было бы хорошо снова увидеть свой дом и семью. Но они должны подождать, подумал он и укрепил своё сердце. — Сонно-дзёи должно идти вперед, Ёси должен быть повержен... — В один миг все трое схватились за рукоятки мечей. На дверь-сёдзи снаружи легли чьи-то тени.

— Кацумата-сама? — Это была Райко. — Со мной прислужница.

— Пожалуйста, войдите. — Увидев, что это действительно она, они расслабили мышцы и успокоились. Она поклонилась, прислужница тоже, сиси поклонились в ответ.

— Расскажи им, Цуки-тян, — обратилась она к девушке.

— Я отправилась в дом сёи, господа. Он сказал, что Акимото-сама был доставлен к главному гайдзину, а через короткое время его отвели в их тюрьму. Пока что было невозможно поговорить с ним, но когда его будут кормить, еду относит один из наших людей, мы сможем узнать больше.

— Хорошо. Его избили и волокли за руки? — спросил Кацумата.

— Нет, повелитель, ни то, ни другое, повелитель.

— Не избили, ты уверена?

— Сёя тоже был удивлен, повелитель. Акимото-сама насвистывал и пел, и люди слышали, как он произнес, выдавая это за деревенскую песню: «Кто-то предал кого-то».

— То же самое он выкрикивал и в деревне, — мрачно сказал

Хирага. — Что ещё сказал сёя?

— Сёя говорит, что просит прощения, он не знает пока, почему солдаты ищут вас. Солдаты по-прежнему там. Как только он узнает причину, он пришлет кого-нибудь сообщить.

— Спасибо, Цуки-тян, — сказала Райко и отпустила её.

— Если его не избили, — заметил Кацумата, — он, должно быть, выдал им то, что они хотели знать, и они заточили его в тюрьму, чтобы защитить от тебя.

— Нет. Он ничего им не скажет, — возразил Хирага. Мысли его были заняты другим: кто предатель? Он бросил быстрый взгляд на Райко.

— Возможно, мне удастся что-то разузнать, — говорила она. — Вот-вот должен появиться один клиент-гайдзин, который мог бы помочь. Он, возможно, уже все знает и в любом случае наверняка может выяснить.

Андре вошёл в её комнату с деланной улыбкой на губах.

— Добрый вечер, Райко-сан, — сказал он, испытывая отвращение к себе за собственную слабость. Она прохладно ответила на его приветствие и предложила чаю. Когда чай был выпит, он протянул ей маленький кошелек с монетами. — Вот ещё деньги, прошу прощения, здесь не все, но достаточно на пока. Вы хотите меня видеть?

— Вполне справедливо подождать немного, Фурансу-сан, между друзьями, — недовольно сказала она. Почувствовав вес кошелька, она была втайне удовлетворена суммой «на пока» и тем, что первый из важных вопросов был разрешен. Затем добавила, чтобы не ослаблять давление, столь важное в общении с клиентами: — Ждать немного справедливо между друзьями, но ждать долго — не правильно, совсем не правильно.

— Я обещаю ещё через день или два.

— Прошу прощения, вы сильно запаздываете с выплатами.

Андре поколебался, потом сдернул с пальца золотую печатку.

— Вот.

— Это мне не нужно. Может быть, мне следует отпустить Хинодэ и позволить ей уйти, тогда вы...

— Нет. Пожалуйста, нет... Послушайте, у меня есть сведения...

Райко наклонилась ближе к Андре.

— Сведения, Фурансу-сан?

— Да. — Все решится сейчас или никогда с Райко и с Хинодэ. — Особые. Секреты о тайной встрече Ёси с гайдзинами.

— Со ка! — выдохнула она, обратившись в слух. — Продолжайте, Фурансу-сан.

Он рассказал ей о том, что произошло, подробно, она слушала с неослабевающим интересом, часто со свистом втягивала в себя воздух через сжатые зубы и с тихим шипением издавала восклицания. А когда неожиданно он передал ту часть, в которой Ёси потребовал выдать ему Хирагу, она побледнела. Все его тревоги рассеялись как дым, он скрыл свою радость и захлопнул ловушку:

— Так Хирага ваш друг?

— Нет, вовсе нет, он клиент моей подруги, — торопливо ответила она, обмахиваясь веером, голова гудела от чудесных сведений, которые она передаст сёе и Гъёкояме, после чего они будут полностью в долгу перед нею и Мэйкин. Ах, Мэйкин! — подумала она мимоходом, сколько тебе ещё осталось жить. Прошу прощения, тебе и твоим близким придется расплачиваться тем или иным образом, слишком уж много вложил Ёси в твою покойную Койко, но, с другой стороны, ты и сама это знаешь. Что возвращает меня к моей насущной проблеме, как, во имя всех богов и Будды Амиды, избавиться мне от Хираги, Кацуматы и тех двоих, что с ними, они стали слишком опасны и...

Тут она услышала изменившийся голос Андре.

— Значит, Хирага — клиент подруги мамы-сан в Ёсиваре? Хирага теперь у подруги. Neh?

Её сторожевая решетка с грохотом упала на место.

— Откуда мне знать, где он. Наверное, он в Поселении, как обычно. Князь Ёси требует его выдачи? Почему?

— Потому что Хирага сиси. — Андре впервые употребил это слово, хорошо представляя себе, что оно значит, после рассказов Ёси. — Также за убивать даймё. Даймё Утани. Другие убийства тоже.

Она старалась, чтобы её лицо не выдало страха.

— Ужасно. Сиси, вы говорите? Я слышала о них. По поводу этих сведений, старый друг, могу я спросить о...

— Хирага исчез, Райко. Нет в Поселении. Много солдат искать. Пропал, Райко. Искать везде. Он пропал.

— И-и-и-и, исчез? Солдаты? Куда исчез?

— Сюда. К вашей подруге. Где ваша подруга?

— Ах, прошу прощения, я сомневаюсь, чтобы он был там, — произнесла она с полной искренностью и выразительно покачала головой. — Вероятно, его предупредили, и он сбежал в Канагаву или куда-нибудь в другое такое же место, и, прошу прощения, старый друг, это нехорошо задавать такой вопрос. Ваши сведения очень интересны. Есть ещё что-нибудь?

Андре вздохнул. Он знал, что она знает. Теперь она в его власти. На некоторое время.

— Самураи Ёси приходят завтра за вашим Хирагой, — сказал он, забыв о страхе, потому что одно его слово, и патрули, японские или британские, разнесут дом Трех Карпов на кусочки, после того как Хинодэ окажется в безопасном месте. — Если у гайдзинов нет Хираги завтра, большая беда, Райко. Для гайдзинов, для Ёсивары, для всех. — От того, как он сказал это, дрожь пробежала по её телу. — Может, гайдзины поставят блюстителей закона из сыскного ведомства здесь, там, везде. — Он оставил эту фразу висеть в воздухе.

— И что же? — спросила она. На верхней губе образовалась капелька пота, Райко была испугана тем, что надвигалось на неё, забыв обо всем остальном.

— Есть идея: если вы... прошу прощения, — поправился он с любезной улыбкой, — если ваша подруга прятать Хирагу несколько дней, тайно, в безопасном месте. Потом, в правильное время отдать главному гайдзину Хирагу... может, получит много денег, хватит вам и Хинодэ, нех? — Он внимательно наблюдал за ней, и она постаралась сдержать дрожь. — Или ваши люди отдавать Хирагу Ёси. Хирага сиси — дорогой — лучше серег, — сказал он и увидел, как она вздрогнула всем телом. — Сиси дорогой, нех?

Когда громовые удары сердца немного стихли и она смогла доверять своему голосу, она изобразила самую любезную улыбку, на какую была способна, ибо он явно считал, что ей известно, что Хирага здесь, и, следовательно, мог, если ему дать повод, поставить её и дом Трех Карпов под смертельную угрозу.

— Я спрошу свою подругу, не видела ли она его и не знает ли, где он, тогда мы сможем поговорить, быстро, — сказала она примирительно, решив, что ей лучше как можно быстрее изгнать всех сиси из своей жизни. Предпочтительно сегодня же. — Какие чудесные сведения вы сумели раздобыть, какие ценные, как мудро вы поступили, узнав так много, они, без сомнения, принесут некоторую прибыль! Ах, Фурансу-сан, — произнесла она, словно вспомнив о чем-то, чтобы ещё больше отвлечь его, — мы слышали, что дама-гайдзин прибыла сегодня вечером из Гонконга. Это она знаменитая мать тайпэна?

— А? Нет, — рассеянно ответил Андре. — Нет, она... она обещать в жены одному торговцу. Почему вы спрашиваете?

— Он из числа моих клиентов, старый друг?

— Нет, кажется, гостиница Упоительной Радости, уже год, может,

больше, Джейми Макфей.

— Дзами-сан? Дзами-сан из Стру'нов? — И-и-и-и, мысли её перекатывались как ртуть, нужно скорее известить Нэми. Она должна подготовиться к встрече с этой госпожой в большом доме Струанов, чтобы поклониться ей и приветствовать её и заверить, что, деля с ней его постель, она с большим знанием дела заботилась о Дзами-сан — очень важно установить хорошие отношения между ниго-сан — второй госпожой, наложницей — и оку-сан — супругой, — потому что супруга оплачивает все счета; а затем пригласить её нанести ответный визит в дом Дзами-сана в садах Упоительной Радости. И-и-и-и, это будет великолепно, и тогда мы все смогли бы хорошенько её рассмотреть. — Фурансу-сама, ходят слухи, что гайдзины посадили японца в тюрьму сегодня вечером.

— Что? Не слышал об этом. Может, узнавать позже. Не важно. Послушайте, о Хинодэ.

Она радостно прервала его:

— Хинодэ спрашивала меня сегодня, почтите ли вы её своим присутствием. Она будет так довольна, что вы здесь, она глубоко чтит вас.

Андре почувствовал, как стеснилась грудь. Теперь, когда Райко была у него в горсти, он попросит её, нет, прикажет ей заставить Хинодэ отказаться от условия спать с ним в полной темноте. Вдруг ему стало страшно заговаривать об этом.

— Да?

— Ничего, — пробормотал он. — Я иду к Хинодэ.

Когда он ушел, Райко выпила немного бренди, чтобы привести в порядок расстроенные нервы, пожевала несколько пахучих листиков чая, чтобы прогнать запах, потом встревоженно поспешила к трем сиси и передала им часть информации, полученной от Андре, о том, что Ёси потребовал выдачи Хираги и что его люди придут завтра, чтобы заключить его под стражу.

— Прошу прощения, было бы лучше всего, если бы вы ушли уже сегодня, так было бы гораздо безопаснее для вас, — произнесла она голосом, который был пропитан страхом. — Кацумата-сама, этот клиент клянется, что блюстители закона из сыскного ведомства и солдаты гайдзинов будут здесь в любой момент, они идут, чтобы обыскать все кругом.

Трое мужчин молчанием встретили новость о тайных сделках Ёси с гайдзинами, решимость Кацуматы поссорить их между собой стала ещё тверже.

— Благодарю вас, вы оказали нам большую услугу, Райко-сан. Может

быть, мы уйдем, может быть, нам понадобится остаться, в любом случае вы будете щедро вознаграждены.

— Я действительно считаю, что вам лучше уйти и...

— В любом случае вы будете щедро вознаграждены, — проскрежетал Кацумата. — А пока мы обсудим, как нам лучше всего защитить вас.

Ей не хотелось уходить, однако она поклонилась, поблагодарила его и вышла в темноту ночи. Отойдя на достаточное расстояние, она прокляла Кацумату, всех их, Андре, решая в то же время, кому она может доверять настолько, чтобы послать к Мэйкин и быстро передать ей сведения Андре.

— Зажгите светильники, — сказал Кацумата. Все они затрещали и большинство потухло, когда Райко открыла и закрыла дверь и в комнату ворвался ветер. Дверь теперь была закрыта, и пламя нескольких оставшихся светильников выровнялось, лишь изредка тревожимое сквозняком. — Слушайте, — сказал он, понизив голос, так чтобы никто снаружи не мог его слышать. — Хирага, я найду ещё людей и вернусь через три дня. Прячься здесь, это безопаснее, чем идти со мной, измени внешность и спрячься в подземном ходе. Если у тебя хватит ума, с тобой ничего не случится.

— Да, сэнсэй.

— Через три дня мы выпустим кишки Йокогаме, потопим корабль, уьем столько гайдзинов, сколько сможем, и отступим. Я принесу облачение бакуфу. Такэда, помоги Хираге с зажигательными зарядами. Они должны быть готовы к моему возвращению.

— Лучше мне пойти с вами, сэнсэй, — сказал Такэда. — Я могу прикрывать вам спину в случае, если вас увидят или перехватят.

— Нет, оставайся с Хирагой. — Кацумате не нужна была обуза, и он чувствовал себя крайне неуютно внутри ограды Ёсивары. — Я уйду сразу же, как только откроются заграждения.

— Это наилучший план. Сонно-дзёи, — произнес Хирага.

Его мутило и в то же время голова была удивительно легкой, ужасала мысль о том, что завтра придут люди Ёси или блюстители и его могут схватить — теперь, когда Ёси лично начал на него охоту, это было неизбежно, — он понимал также, что сэнсэй снова прав: обнесенные стеной Поселение и забором Ёсивара были ловушками.

При этом он испытывал чудесное облегчение. Теперь, когда его конец стал неизбежен, он мог отбросить прочь все доводы разума и с чистым сердцем ринуться в предстоящее нападение.

Три дня — это целая жизнь. Пока Кацуматы здесь не будет, кто знает, что может случиться? Как бы там ни было, живым меня не возьмут.

— Боже, Джейми, погляди-ка! — воскликнул Дмитрий.

Джейми посмотрел на дверь. То же самое сделали два десятка других гостей, стоявших в разных местах в зале для приемов русской миссии. Все разговоры разом оборвались, потом возобновились, уже более громко. Анжелика входила в большую комнату под руку с сэром Уильямом. Простое, с длинными рукавами, черное платье оттеняло её бледную, но при этом как бы светящуюся кожу и идеально подчеркивало длинную шею, покрой безукоризненный, её тонкая талия и подъем груди были представлены скромно, как и подобало траурному платью, но нельзя было усомниться в их скрытой магии. Волосы были убраны наверх. Никаких украшений, кроме тонкой золотой цепочки и обручального кольца — печати Малкольма, теперь подрезанной так, чтобы она не спадала.

— В ней все двадцать четыре карата.

— Да, — кивнул Джейми. Потом, почувствовав новое движение в зале, обернулся. Морин через всю комнату улыбалась ему, окруженная мужчинами, Паллидар среди них. Он улыбнулся ей в ответ, ему нравилось смотреть на неё. Он все ещё не пришел в себя после её приезда, поражаясь её мужеству: надо же, проделать такой путь одной. Дьявольщина, что же мне делать?

— Просто невероятно, как все вышло в Гонконге с похоронами Малка, а?

— Ты прав, Дмитрий. Я был готов поспорить, что Тесс никогда на это не пойдет. — Что она задумала, в который раз спрашивал он себя, и что было в её письме к Анжелике — у него ещё не было возможности спросить, и по ней самой ни о чем нельзя было догадаться. Прочтя своё собственное, он просветлел.

Дорогой Джейми, мистер Горнт подробно рассказал мне, каким хорошим другом моему сыну вы были. Я благодарю вас от всего сердца. Но я по-прежнему не могу простить вам того, что вы не посчитались с моими желаниями — политикой компании, что не вернули моего сына к исполнению его обязанностей и не убедили его отказаться от ухаживания за этой женщиной или по самой меньшей мере соразмерить свои порывы и вернуться сюда; не могу простить, что вы помогали и потакали ему в этой глупости, особенно после моих многократных указаний на его несовершеннолетие и на то, что, называясь тайпэном, он не обладал всеми этими полномочиями до официального вступления

в должность, а ими, к моему сожалению, обладала я, временно.

Со слов мистера Горнта я поняла, что у вас есть намерение попытаться открыть своё собственное дело. Я желаю вам удачи и благодарю за долгие годы примерной службы. В бизнесе компания Струана никогда не будет вам враждебна. Я прилагаю вексель на предъявителя в Лондонском банке на пять тысяч гиней. Пожалуйста, передайте наилучшие пожелания вашей невесте. Я была рада познакомиться с ней.

Тесс Струан.

Он просиял при мысли о такой сумме. Это делало создание его компании реальным, разумеется, она будет небольшой, но эти деньги давали ему время, в котором он нуждался, и позволяли понемногу двигаться вперед с сёей, хотя, как эти предприятия могли процветать без Накамы-Хираги, он не представлял. Ему было жаль Накаму. И Тесс. В её случае он все понимал и прощал её, не из-за денег.

— Что, Дмитрий?

— У тебя есть все права на такое высокомерие. Твоя Морин великолепна.

— О! Да. Это так.

— Как теперь быть с Нэми? — спросил Дмитрий.

Улыбка Джейми угасла, чувство тревоги вернулось, и он встал спиной к двери.

— Чертовски большая проблема, Дмитрий. Я договорился увидеться с ней сегодня.

— Боже милостивый, в фактории?

— Нет, благодарение Богу. В нашем... в её домике.

— Чёрт, это удачно. Ты пойдешь?

— Да, почему бы нет? Боже Всемогущий, я не знаю... Когда Морин возникла словно из ниоткуда... не подумай, что она мне не нравится, я просто все ещё в состоянии шока.

— Понятное дело, но это хороший шок — ты счастливчик. Послушай, мы старые приятели и можем говорить начистоту. Если ты... если ты решишь закончить с Нэми, попрощаться и назначить ей пособие, сказать, что все, мол, хватит, ну, что угодно, могу я попросить, чтобы ты дал мне знать об этом? Она хорошо знает своё дело, с ней весело, и она говорит достаточно на нашем языке.

— Ладно, только... — Взрыв смеха среди мужчин, окружавших

Морин, привлёк их внимание. Потом оба посмотрели на Анжелику. — Потрясающе, не правда ли? — сказал Джейми. — Я имею в виду Анжелику.

Анжелика и сэр Уильям ждали, когда к ним присоединится Сергеев. Сегодняшнее платье и причёска были выбраны заранее — выбраны специально для Тесс и этого вечера, который должен был стать их первым полем битвы. И хотя её противница не прибыла, Анжелика решила не менять плана: эффект доставлял ей столько удовольствия. Она подумывала о том, чтобы надеть кольцо из императорского нефрита, которое Малкольм заказал для неё в Гонконге и которое прибыло с пакетботом через неделю после его смерти, заставив её ещё раз пролить тайком потоки слез. Если бы Тесс была здесь, она бы не раздумывала. Без этой причины надевать кольцо было ошибкой.

По сути, я рада, что её здесь нет, говорила она себе. Слава богу, что Варгаш предупредил меня. Мне нужно больше времени, чтобы подготовиться к этому поединку, один на один — ах, время, ношу я или нет ребенка Малкольма?..

— Добрый вечер, граф Сергеев, — сказала она со своей нежной улыбкой. — Благодарю вас за приглашение.

— Вы такая желанная гостья, вы уже сделали этот вечер настоящим праздником. Добрый вечер, сэр Уильям. Вы оба знакомы со всеми, кроме новой гостьи. — Посреди внезапно наступившей тишины, когда все смотрели и сравнивали, Сергеев жестом руки вызвал Морин из круга поклонников, среди которых теперь был и Марлоу. — Мисс Морин Росс, из Эдинбурга, невеста Джейми. Мадам Анжелика Струан.

Едва войдя, Анжелика сразу заметила Морин, тотчас же внимательно осмотрела её начиная от красивой головы и заканчивая аккуратной туфелькой и решила, что она угрозы не представляет — её взгляд на мгновение выхватил из толпы гостей Горнта, но она оставила его на потом.

— Добро пожаловать в самый дальний британский форпост в мире, мадемуазель Росс, — произнесла она приятным голосом, гадая, сколько ей лет, и думая про себя: да, ночью, в шарфе, её легко можно спутать с «той женщиной» — та же прямая, внушительная осанка; тот же прямой взгляд. — Джейми настоящий счастливчик.

— Благодарю вас. — Едва Анжелика вошла в комнату, Морин с интересом оглядела её от сияющих волос до крошечной ножки, признала её красоту и, несмотря на инстинктивную симпатию, тут же решила, что она представляет угрозу — её взгляд перешел на Джейми, и она увидела его

открытое восхищение, его и всех, кто стоял рядом с ним, невозможно было не услышать общий гул одобрения, — и приготовилась к борьбе.

— Я так рада познакомиться с вами, и мне было ужасно жаль услышать про вашу трагедию, я так... все так сожалеют об этом. — С искренним чувством она подалась вперед и коснулась щекой щеки Анжелики. — Я от души надеюсь, что мы станем друзьями. — Особая улыбка. — Пожалуйста, давайте будем друзьями. Подруга мне будет очень нужна, не сомневайтесь. Джейми рассказал, каким хорошим другом вы были ему.

— Не нужно говорить «пожалуйста». Морин, вы позволите мне называть вас Морин, а вы зовите меня Анжеликой, — произнесла она с особой улыбкой, подтверждая и понимая предупреждение, сделанное благожелательно и без коготков, что Джейми являлся частной собственностью и флиртовать с ним нельзя. — Хорошо, это будет очень славно — иметь подругу. Может быть, мы смогли бы выпить чаю завтра?

— О, я бы с удовольствием. Анжелика, какое красивое имя и красивое платье. — Слишком строгое, но при этом для траурного слишком узкое в талии.

— Как и ваше, этот цвет изумительно идет к вашим волосам. — Зеленый шелк, дорогой, но английский, не французский, и покрой старомодный. Ну ничего. Это можно исправить, если мы близко сойдемся. — Джейми был прекрасным другом для моего мужа и для меня, когда друг был мне очень нужен. Вам очень повезло, — сказала она от души. — А теперь, где же ваш красавец-жених? А, вот он!

Все взгляды обратились на них, когда она взяла её под руку. Все просияли, глядя на это «сердечное согласие», и, все так же находясь в центре внимания, Анжелика подвела Морин к нему.

— Будьте осторожны, Джейми, всякий может видеть, сколь драгоценна эта леди — в Июкогаме полным-полно пиратов.

Все вокруг рассмеялись, а она оставила их и вернулась к сэру Уильяму, поприветствовав по пути Кеттерера — особый комплимент и улыбка для него, а потом для Марлоу — как и для Сеттри Паллидара, соперничавшего в великолепии с Сергеевым в казацком мундире.

— Д-да, сэр Уильям, — сказала она. — Как нам повезло.

— Что... — Сергеев вовремя остановился. Он едва не бросил: «что живы». Вместо этого он взял бокал шампанского с серебряного подноса, который держал лакей в ливрее, и провозгласил: — Что находимся в присутствии двух таких очаровательных леди, нам действительно повезло! Ваше здоровье. — Все выпили за дам, продолжая сравнивать. Сергеев был

слишком встревожен, чтобы следовать общему примеру, его гораздо больше занимало, какие ещё скверные новости прибыли с «Гарцующим Облаком», особенно для других посланников.

Он получил срочную зашифрованную депешу из Санкт-Петербурга — трехмесячной давности. Во-первых, в ней пересказывались обычные проблемы с Пруссией, концентрация войск на западных границах России, шесть армий посланы туда; вскоре ожидалось осложнение с Османской империей и мусульманами на юге, три армии посланы туда; повсюду голод, просвещенные умы, такие как Достоевский и Толстой, ратуют за перемены и либеральные свободы. Во-вторых, ему приказывалось надавить на японцев и заставить их убрать рыбацкие поселения с Курил и Сахалина под угрозой «серьезных последствий». И в-третьих, новые проблемы для него лично: «Вы назначаетесь генерал-губернатором Русской Аляски. Весной военный корабль „Царь Александр“ прибудет в Японию с вашим преемником, а затем доставит вас и ваше окружение в нашу столицу Аляски Ситку, где вы и будете иметь резиденцию по меньшей мере два года для скорейшего развития дружеских отношений».

— Почему так мрачны, дружище? — спросил сэр Уильям по-русски.

Сергеев увидел, что Анжелику опять окружили, поэтому отвел его в сторону и рассказал о своём новом назначении. Но не о развитии «дружеских отношений». Это было кодовое слово для строжайше секретного государственного плана облегчить принудительную массовую иммиграцию воинственных сибирских племен на их обширные аляско-американские территории, простиравшиеся на сотни миль вглубь континента, граничившие с Канадой и тянувшиеся на юг вдоль побережья почти до самой американо-канадской границы. Выносливые, неприхотливые, воинственные народы, которые могли бы, и они сделают это, через два-три поколения просочиться на юг и на восток в безграничные прерии и теплые, неведомые для них земли Калифорнии, с тем чтобы со временем завладеть Америкой. Этот план был предложен одним из его дядьев четверть века назад.

— Два года! Это же тюремный приговор, в господа-бога-душу-мать!

— Согласен с вами. — Сэр Уильям чувствовал себя также неудобно, памятуя о переменчивости собственного Министерства иностранных дел, о его склонности к неожиданным назначениям, столь же олимпийским по своей природе. — Аляска? Брр! Ничего о ней не знаю... вам доводилось там бывать? В прошлом году корабль, на котором я прибыл, заходил в Ванкувер, в нашу тамошнюю колонию. Это просто форпост, и мы не продвигались дальше на север.

— Ситка не многим дальше. Я был там однажды в юности. Теперь там у нас постоянное Поселение, много торговцев, несколько сотен лачуг, — сказал Сергеев с кислой миной. — Меха, морозы, беззаконие, неграмотность, индейцы пьяные и никакого общества. Это место — гнусная пустыня, открытая Берингом и Чириковым сто с чем-то лет назад... Поначалу они думали, что это просто часть наших северных земель, пятьдесят с небольшим миль замерзающего залива; они не поняли, что это был пролив, который потом назовут именем Беринга. Шестьдесят с небольшим лет назад один из моих двоюродных дедов помог организовать Русско-американскую пушную компанию, наших монопольных торговцев пушниной, и назначил одного высокомерного выблядка — родственника по фамилии Баранов — её директором, который и перевел столицу в Ситку. Она стоит на острове недалеко от побережья; остров абсолютно глухой и пустынный и называется — угадайте как? — остров Баранова. К сожалению, мой род вложил в Аляску большие средства. Отсюда и назначение. В-господа-мать-так их и растак! Их обоих.

Сэр Уильям рассмеялся, и Анжелика повернулась к ним.

— Могу я разделить шутку?

— Э-э... она была... ну-у... не слишком смешная, моя дорогая, — сказал он, отложив в голове эту крайне интересную информацию для пересылки в Лондон, — простая русская вульгарность.

— Английский юмор, Анжелика, — рассмеялся Сергеев. — И с этой радостной мыслью прошу к столу.

Он галантно поклонился, подошел к Морин и проводил её в столовую залу. Сэр Уильям и Анжелика последовали за ними, затем все остальные. Богатые серебряные приборы на обеденном столе, слуги в ливреях позади каждого кресла, другие в огромных количествах подносят мясо во всех видах, борщ, пироги, графины с ледяной водкой, шампанское, французские вина и шербет. Цыганские музыканты с русского военного корабля, затем после них казацкие танцоры из собственной свиты графа, которых он возил с собой для увеселения.

Разговоры за столом не смолкали, и все по-прежнему сравнивали: крошечная и высокая, француженка против одной из нас, восхитительный французский акцент, приятный уху шотландский выговор. Обе рождают желание, Анжелика гораздо большее; обе составят достойную партию и обещают стать прекрасными женами, Морин гораздо лучшей.

Суббота, 3 января

— Масса внизу, мисси-тайтай.

— Мастер Горнт?

А Со пожала плечами, стоя в дверях будуара Анжелики.

— Квэй-ло масса. — Рукой она показала на кого-то высокого и с привычным стуком захлопнула дверь.

Анжелика быстро взглянула в зеркало. Сдерживаемое волнение добавило краски в лице, другой косметики ей не требовалось. Секунда-другая, чтобы щелкнуть замочком дневника и убрать его. Последний взгляд кругом, и она плавно выскользнула из комнаты. Черное шелковое платье с множеством нижних юбок, волосы подвязаны аккуратным шифоновым шарфом, тоже черным. Обручальное кольцо-печатка. Вниз по лестнице, не замечая слуг, занятых с раннего утра своими делами.

В кабинет тайпэна. Горнт стоял у окна, глядя на залив. Чен ждал с траурным видом.

— Доброе утро, Эдвард.

Он повернулся и приветливо улыбнулся.

— Доброе утро, мэм.

— Могу я заказать для вас кофе или шампанское?

— Благодарю, ничего не нужно, я только что позавтракал. Просто хотел рассказать вам о Гонконге и вашем списке покупок. Надеюсь, я вас не побеспокоил.

— Спасибо. Чен, подожди снаружи, хейя.

Едва они остались одни, как она тихо сказала:

— Это теперь кабинет Альберта, я заняла его на время, пока он в бухгалтерии с Варгашем, поэтому может получиться, что времени у нас будет немного — трудно найти место, где можно было бы поговорить наедине. Давайте сядем здесь, Эдвард. — Она показала на стол у окна. — Прохожие могут видеть нас, это должно быть нормально, вы были другом Малкольма. Пожалуйста, быстро, что произошло?

— Позвольте сначала сказать, что вы выглядите чудесно.

— Вы тоже. — Её нетерпение теперь было заметным. — Пожалуйста?!

— Все прошло очень хорошо, как мне кажется, — сказал он так же тихо. — Из Тесс вышел бы великий игрок в покер, поэтому я не могу быть уверен. При нашей первой встрече я рассказал ей о моей информации,

касающейся Броков, как мы договаривались, упомянув несколько раз, по разным поводам и разными словами, что именно из-за вас я решил увидеться с ней. Не то что...

— Вы были первым с корабля, кого она видела?

— Да, в этом я совершенно уверен, потому что прибыл на берег на катере портового лоцмана, прежде чем «Гарцующее Облако» бросил якорь, вместе с капитаном Стронгбоу. После того как я рассказал Тесс о Броках, особой реакции не было, она меня внимательно выслушала, задала несколько вопросов, потом сказала: «Пожалуйста, приходите завтра с вашими уликами вскоре после рассвета. Воспользуйтесь боковой дверью в проулке, её оставят незапертой, поплотнее закутайте лицо и будьте осторожны, у Броков везде свои шпионы». На следующий день...

— Погодите! Вы рассказали ей о... о смерти Малкольма и о нашем браке?

— Нет, это я предоставил Стронгбоу, — ответил Горнт. — Начну с начала. Мы вместе отправились на берег на лоцманском катере, по моему предложению, не поднимая на этот счет шума. Хоуг в этот план посвящен не был — он не умеет держать язык за зубами. Я вызвался поддержать Стронгбоу и помочь, потому что был свидетелем части всего этого... бедняга был перепуган насмерть, хотя это действительно был его долг — первым сообщить ей. Когда он выпалил, что Малкольм умер, она побелела. Стронгбоу был убит горем и пробормотал, запинаясь: «Я привез свидетельство о смерти, миссис Струан, документы дознания и письмо от сэра Уильяма, смерть была от естественных причин и случилась на борту „Гарцующего Облака“». Мы нашли его мертвым утром, на следующий день после его женитьбы...»

Она стрелой взвилась с кресла и закричала пронзительно: «Вы обвенчали моего сына с той женщиной?» Стронгбоу чуть не умер на месте и вывалил всю историю так быстро, как только смог, про «Жемчужину», про дуэль, про то, как я спас Джейми жизнь, убив Норберта, как нашли Малкольма, рассказал все, что знал, как вы были потрясены в то утро. Пот катил с него градом, Анжелика. Должен признаться, я и сам был в поту — после первого вскрика Тесс замерла неподвижно, она просто стояла и слушала, только глаза горели, как у горгоны Медузы. Потом Стронгбоу протянул ей какие-то письма, я заметил, что одно было от сэра Уильяма, проямил, что просит, мол, прощения, но таков его ужасный долг — первому сообщить ей, и на деревянных ногах вышел из комнаты.

Горнт достал платок и промокнул лоб, и Анжелика почувствовала слабость и дурноту при мысли о силе своей противницы — если даже

Горнт так покрывается потом при упоминании о Тесс, что же Тесс сделает с ней?

— Так она стояла некоторое время, а потом её взгляд упал на меня. Поразительно, как такая женщина может вдруг показаться такой... такой высокой. И твердой. Твердой в одну минуту, мягкой в другую, но всегда начеку. Мне пришлось изо всех сил напрячь ноги, которые чуть сами по себе не направились к выходу; я огляделся, притворяясь, что боюсь, как бы нас не подслушали, и скороговоркой выпалил, что мне тоже страшно жаль, Малкольм действительно был моим другом, что и вы были его другом и именно благодаря вам я стою перед ней, поскольку у меня есть информация, которая способна разорить Тайлера и Моргана Броков. Едва я произнес «разорить Тайлера», как все безумие разом оставило её, по крайней мере этот наводящий ужас огонь погас в ней, она села в кресло, по-прежнему не сводя с меня взгляда, и после долгого молчания спросила: «Какая информация?» Я сказал, что приду завтра, но она повторила — это был словно удар кинжала: «Какая информация?» Я изложил ей голую суть... Извините, Анжелика, могу я чего-нибудь выпить? Только не шампанское, виски, бурбон, если у вас есть.

Она подошла к буфету и налила ему бурбона и воды себе, а он тем временем продолжал:

— На следующий день я принес ей половину информации и оставил у неё. Она...

— Погодите... она была такой же, как и накануне?

— И да и нет. Спасибо, ваше здоровье, долгих и радостных вам лет. — Он сделал большой глоток, и у него перехватило дыхание, когда крепкий напиток обжег гортань. — Спасибо. Когда я закончил, она посмотрела на меня, и я подумал, что у меня ничего не вышло. Чёрт, эта женщина пугает, я бы не хотел быть её врагом.

— Но я её враг? Mon Dieu, Эдвард, скажите мне правду.

— Да, вы её враг, но пока это не имеет значения, позвольте, я продолжу. Я...

— Вы передали ей мое письмо?

— О да, извините, что забыл упомянуть об этом. Я сделал это в первый же день перед уходом, в точности как мы договорились, ещё раз подчеркнув, что это была ваша идея, я тогда сказал ей, что, поскольку договоренность у меня была с Малкольмом, с тайпэном, а он мертв, я посчитал сделку несостоявшейся и собирался вернуться в Шанхай, чтобы ждать назначения нового тайпэна. Но вы разыскали меня и стали умолять отправиться к ней, говоря, что это мой долг перед моим другом

Малкольмом, что он под секретом рассказал вам о моем предложении — не посвящая в подробности — и вы были уверены, что его желанием сейчас было бы, чтобы эта информация попала к его матери как можно скорее, что я должен сделать это без промедления. Поначалу я не хотел ехать, но вы умоляли и сумели убедить меня. И вот я приехал благодаря вам, и вы попросили меня передать ей письмо. Я передал его.

— Она прочла его при вас?

— Нет. Это было в первый день. На следующий день, во время нашей встречи на рассвете, после того, как я передал ей часть информации, она задала мне много вопросов, умных вопросов, и попросила вернуться после заката, опять же через боковую дверь. Я пришел. Она тут же заявила, что материалы представлены не полностью. Я ответил ей, да, разумеется, нет никакого смысла показывать все, пока я не буду знать, насколько серьезно она к этому отнесется — была ли она по-настоящему заинтересована, как Малкольм, в том, чтобы разорить Брокс? Она сказала «да» и спросила, почему я добиваюсь того же, в чем заключается мой интерес.

Я выложил ей все как есть. Всю историю про Моргана, всю правду. Я хотел пустить по миру именно Моргана, если вместе с ним разорится и его отец, что ж, я не имею ничего против. Я не упомянул, что это делало её моей сводной тетей, ни разу за все встречи, как и она тоже. Ни разу. Она только задавала вопросы. После рассказа о Моргане я ожидал, что она скажет что-нибудь, ну, что ей очень жаль или что это так похоже на Моргана — в конце концов, он был её братом. Ничего. Она не сказала ни слова, подробно расспросила меня о моей договоренности с Малкольмом, и я передал ей контракт. — Он допил виски. — Ваш контракт.

— Ваш контракт, — поправила она на грани срыва. — Как вы должны ненавидеть её, Эдвард.

— Вы ошибаетесь, во мне нет ненависти к ней, мне кажется, я понимаю, что она жила на нервах. Смерть Малкольма разорвала её на части, как ни пыталась она скрыть это и подняться выше своего горя. В этом я уверен. Малкольм заключал в себе будущее «Благородного Дома», теперь перед ней хаос, её единственный луч надежды — это я и мой план, балансирующий, кстати, на самой грани законности даже в Гонконге, где закон растягивают, как нигде более. Вы позволите? — спросил он, беря в руки бокал.

— Разумеется, — ответила она, размышляя о нем, задавая себе массу вопросов.

— Она внимательно прочла контракт, потом поднялась с кресла и стала смотреть на гавань Гонконга; с одной стороны, она казалась хрупкой,

с другой — твердой как сталь. «Когда я получу остальные материалы?» — спросила она, и я ответил, что сейчас, если она согласится на эту сделку. «Я согласна», — сказала она, села и поставила на контракте свою подпись и печать, пригласив личную секретаршу в качестве свидетельницы, потом приказала ей запереть все и выйти. Она...

— Она так и не упомянула мою свидетельскую подпись.

— Нет, хотя, как вы и предсказывали, она сразу же её заметила, в этом у меня, чёрт побери, нет сомнений. Так вот, я провел с ней около четырех часов, помогая ей разобраться в этом лабиринте документов и копий документов, не то чтобы она особо нуждалась в помощи. Потом она аккуратно сложила их в стопку и стала расспрашивать меня о происшествии на Токайдо, о Малкольме, вас, Макфее, Тайрере, сэре Уильяме, Норберте, о том, что Морган и Тайлер говорили мне в Шанхае, о моем мнении о вас, о Малкольме, он ли преследовал вас, вы ли преследовали его, ничего не говоря от себя, вопросы, ещё вопросы, избегая моих — ум у неё острый, как меч самурая. Но я клянусь Господом Богом, Анжелика, всякий раз, когда в разговоре всплывало имя Моргана или Старика Брока, всякий раз, когда я указывал ещё на один трюк, который позволяли проделать эти бумаги, или предлагал ещё одну колючку, которая вопьется в их империю, Тесс едва слюни не пускала.

По телу Анжелики пробежала дрожь.

— Есть ли... есть ли шанс на мирную договоренность со мной, как вы думаете?

— Я думаю, да, позвольте я изложу все по порядку. Она снова спросила, был ли контракт, подписанный Малкольмом, по-прежнему достаточным для меня вознаграждением. Я ответил утвердительно. Она сказала: «Завтра я заменю его более юридически правильным документом, подписанным и заверенным, как и оригинал. А теперь о последнем деле на сегодня, мистер Горнт. Что мне следует дать этой женщине?» Анжелика, я сказал ей, что меня ни о чем не просили, вы лишь хотели, чтобы чаяния и надежды вашего мужа стали ей известны, и что, если они окажутся полезными, я уже говорил ей, что вы ничего не знаете о содержании документов, это будет для вас достаточной наградой.

— Вы упомянули это слово «муж»? Она ничего не возразила?

— Нет, но тут же заметила: «Меня проинформировали, что этот „брак“, что бы ни заявляли она или сэр Уильям, недействителен».

Анжелика возмущенно открыла рот, но Горнт перебил её:

— Не так быстро, милая, будьте терпеливы. Я пересказываю её слова. Наберитесь терпения, у нас достаточно времени, чтобы разыграть свою

партию. После этой беседы она пожелала встретиться ещё раз, на следующий вечер. Чтобы держать все карты открытыми, я сказал ей, что виделся с Броками и рассказал им ту же самую историю о произошедшем в Иокогаме, особенно о дуэли, и передал им копию дознания по делу Норберта. Старик Тайлер взбесился, как бультерьер в яме, но Морган его успокоил, он сказал, что выстрел Макфею в спину повредил бы им больше, чем потеря одного менеджера, которого легко заменить.

Анжелика смотрела, как он собирается с мыслями, слушая гулкие удары своего сердца, так много вопросов все ещё оставались без ответа.

— Она... она предпримет что-нибудь по вашей информации?

— По моим свидетельствам, да. О да, и быстро. Я осуществлю свою месть, а вы уладите свои дела.

— Почему вы так уверены?

— Я уверен, мэм, не беспокойтесь. Долгие годы я прикусывал язык, низко кланялся, но скоро... вы увидите! Когда я рассказал ей о своей встрече с Броками — она беспрестанно спрашивала о них, какой была реакция Тайлера на брак и смерть её сына и так далее, и ни разу она не употребила слова «отец». Я откровенно рассказал ей, как они грубо хохотали по поводу вашего брака в море и того, что он пошел против её желаний, а Старик Брок сказал: «Так ей и надо, суке, что пошла против своих!» Я, ничего не скрывая, рассказал ей, как оба они радовались смерти Малкольма, как Морган приговаривал, что теперь, мол, они остались без тайпэна, а настанет первое февраля, так Тесс и из жокей-клуба вылетит, и в Гонконге ей места не будет, а Тайлер добавил: «А я буду тайпэн, суну Дирка носом в дерьмо, а про „Благородный Дом“ вовек и не вспомнит никто, и имя его позабудут!»

— Вы пересказали ей все это? — У Анжелики голова пошла кругом.

— Да, мэм, но Тайлер именно так и сказал — он действительно говорил это. А уже если что и приводит её в бешенство, так это он, поэтому я подумал, что мне следует передать все в точности, и, когда я это сделал, хо-хо-хо, мэм, голова у неё затряслась так, что глаза за ней едва поспевали, и я уж решил, что Медуза возвращается. Но она не вернулась, на этот раз нет. На этот раз она держала дьявольский огонь в узде, он так и не погас, о нет, мэм, уж вы мне поверьте. Но она закупорила его, она не давала ему вырваться на свободу, но и в этом случае я покрылся потом, уж это как пить... прошу прощения, мэм, уж это точно. Не к лицу женщине ярость в таких количествах, но после разговора о Тайлере и Моргане легко понять, откуда она в ней берется.

Когда она самую малость поостыла, я сказал ей, что Тайлер в конце

концов согласился с предложением Моргана, что мне следует вернуться сюда в качестве директора японского отделения, с испытательным сроком в один год, неоднократно пригрозив при этом самыми злыми карами за плохую работу. Она спросила, какое мне положили жалованье. «Отлично. Для всех мы будем врагами, втайне мы будем близкими союзниками, а если „Брок и Сыновья“ сгинет навсегда, о чем я молю Бога, ваша компания „Ротвелл-Горнт“ займет её место». Ну вот, пожалуй, и все, Анжелика, за исключением того, что она решила прислать Хоуга обратно и писала вам письмо.

Он сделал глоток бурбона, вкус стал мягким.

— Я не спрашивал, что в нем, и не защищал вас перед ней, только продолжал всегда по-разному говорить, что, если мой план поможет ей уничтожить Броков, она должна быть благодарна и вам тоже. Что она написала?

Анжелика протянула ему письмо.

— Куча навоза вперемешку с тюками хлопка, — подытожил он, возвращая его. — Это её исходная позиция, отсюда она начнет торговаться, и из этого ясно, что я сдержал своё слово: она убеждена, что ей и вас придется благодарить. Вы выиграете.

— Выиграю что? То, что меня не потащат в суд?

— Это и ещё приличное содержание. Она признает, что в долгу перед вами.

— Да, но это все, далее — одни угрозы.

— У нас есть несколько козырей на руках.

— Что? — Они слышали голоса снаружи.

— Время, среди прочих, Анжелика. Сегодня я приглашу вас на рядовой ужин, там мы сможем спокойно побеседовать и...

— Не у Броков и не вдвоем. Мы должны быть осторожны, — торопливо добавила она. — Пожалуйста, пригласите Дмитрия и Марлоу. Мы должны быть очень осторожны, Эдвард, должны притворяться, что между нами нет никакой особой близости — это вызовет подозрения у этой женщины, она непременно об этом узнает, Альберт полностью на её стороне. Если мы не сможем поговорить сегодня вечером, завтра в десять я выйду прогуляться, и мы сможем продолжить... — Упреждая объятия, которые, как она чувствовала, сейчас последуют, она быстро поцеловала его в щеку и протянула руку, благодаря его от всей души.

Оставшись одна в тиши своего будуара, она дала разуму полную свободу. Что за козыри? Какие тузы? И почему эта странная улыбка? И о чем он в действительности договорился с Тесс? Он что-то скрывает от

меня? Это правда, из её письма видно, что он убедил её в моей помощи, а это важно. Или я просто стала чересчур подозрительна? Если бы я только могла быть там!

Потом ею целиком завладели мысли, беременна она или нет, мучая и терзая её. Однажды, в испуге, она упомянула об этом Бебкотту, который ответил: «Будьте терпеливы, не тревожьтесь». На мгновение она вспомнила, что Бебкотт и Филипп Тайрер в Эдо, и задумалась, вернутся ли они из этого вражеского гнезда, в которое пошли по своей воле, посланные сэром Уильямом.

Эти мужчины с их глупыми разговорами о терпении, с их лицемерием и ложным представлением о главном, что они могут знать?

Ёси находился в своих покоях в замке Эдо, он был раздражен и охвачен нетерпением. Солнце поднялось уже высоко, а он до сих пор не получил никаких вестей о том, как прошел осмотр тайро врачом гайдзинов. Вернувшись вчера из Канагавы вместе с Бебкоттом и Тайрером, он поместил их в одном из дворцов даймё за стенами замка, который сам тщательно выбрал, расположив внутри дворца и кольцом вокруг него надежную охрану для большей безопасности, и тут же пригласил Андзё.

Тайро прибыл в неприметном закрытом паланкине под защитой своих телохранителей — покушение на него произошло в каких-нибудь ста шагах от этого места. Эта попытка, вместе с нападением целого отряда сиси на сёгуна Нобусаду и многочисленными покушениями на Ёси, усилила чувствительность старейшин к опасности и их потребность в охране.

Ёси встретил тайно прибывший паланкин во дворе, Бебкотт и Филипп Тайрер стояли рядом с ним. Они поклонились, Ёси склонился ниже всех, довольно хохоча про себя над тем, как Андзё осторожно, преодолевая боль, с чужой помощью выбирался из паланкина.

— Тайро, вот целитель гайдзинов, о котором я говорил, Б'бк'тт, и с ним переводчик Фи'рип Тайра.

Андзё посмотрел на Бебкотта, разинув рот.

— И-и-и-и, этот человек действительно огромен как дерево! Какой большой, и-и-и-и, чудовище! А пенис у него столь же велик, как и он сам? — Он посмотрел на Филиппа Тайрера и язвительно фыркнул: — Соломенные волосы, лицо как у обезьяны, голубые глаза свиньи и японское имя — это ведь одно из ваших родовых имен, Ёси-доно, нех?

— Имя звучит очень похоже, — резко ответил Ёси, потом обратился к Тайреру: — Когда осмотр будет окончен, пошлите вот этих двух человек за мной. — Он показал рукой на Мисамото, рыбака, своего шпиона,

переодетого самураем, и постоянную охрану Мисамото, самурая, которому было приказано никогда не оставлять его наедине с гайдзинами. — Андзё-доно, я верю, что ваше здоровье в хороших руках.

— Благодарю, что устроили это. Доктора отошлют к вам, когда мне это будет угодно, нет нужды оставлять здесь этих людей, и вообще ваших людей...

Это было вчера. Всю ночь он провел в тревоге, и сегодняшнее утро тоже, в тревоге и надежде. Его комната изменила свой вид. Она стала ещё более строгой. Все, что могло напоминать о Койко, было убрано. Два телохранителя стояли за его спиной, и ещё два — у двери. Он раздраженно поднялся от письменного столика, подошел к окну и оперся рукой о верхнюю перекладину рамы. Далеко внизу его взгляд отыскивал выбранный им дворец даймё во внутреннем круге. Люди тайро стояли возле него на страже. Никакого движения вокруг он не заметил. Поверх крыш Эдо ему был виден океан и далеко в нем дымные следы нескольких торговых судов и военного корабля, направлявшихся в Йокогаму.

Что они везут? — спрашивал он себя. Ружья? Войска, пушки? Какое зло они замышляют?

Чтобы успокоить нервы, он вернулся к столу и продолжил упражнения в каллиграфии. Обычно они действовали на него успокаивающе. Сегодня, однако, они не приносили ему успокоения. На бумаге постоянно возникали изящные штрихи Койко, и, как он ни старался, он не мог избавиться от её лица, упорно поднимавшегося из глубины сознания на поверхность.

— Бака! — выругался он, сделав неверный мазок и перечеркнув этим результаты целого часа кропотливой работы. Он швырнул кисть на пол, разбрызгав тушь по татами. Его стража смущенно зашевелилась, и он молча обругал себя за этот промах. Ты должен подчинить себе память. Должен.

С того злого дня она не оставляла его. Тонкость её шеи — он едва почувствовал удар, — потом поспешное бегство, вместо того чтобы зажечь её погребальный костер... тяжелее всего приходилось ночами. Один в постели, замерзший, но никакого желания ощутить рядом тепло женского тела или получить утешение, все иллюзии развеялись как дым. После её измены, её предательства, когда она провела эту женщину-дракона Сумомо в его внутренние покои... этому не может быть оправдания, никакого, повторял он себе снова и снова. Она не могла не знать правды о ней. Такое нельзя заглазить, нельзя простить, даже, как он теперь верил, за её отчаянный бросок навстречу сюрикену, который иначе пронзил бы его грудь, даже за эту жертву. Ни одной женщине нельзя больше доверять. За

исключением его жены, возможно, и, может быть, наложницы. Он не послал ни за той, ни за другой, лишь написал им, приказывая ждать, беречь своих сыновей и сохранять замок неприступным.

Он не нашел подлинной радости даже в своей победе над гайдзинами, хотя и был уверен, что это великий шаг вперед; он не сомневался, что, когда он расскажет обо всем старейшинам, они будут вне себя от восторга. Даже Андзё. Насколько болен этот пес? Смертельно, я надеюсь. Свершит ли великан своё чудо и вылечит его? Или следует верить китайскому врачу, тому, кто, по словам Инэдзина, никогда не ошибался и шепотом предрек скорую смерть?

Ладно. Андзё, больной или здоровый, теперь будет прислушиваться к моим словам, и остальные будут слушать, наконец, и согласятся с моими предложениями. А почему бы нет? Гайдзины связаны по рукам и ногам, теперь нам можно не бояться их флота, Сандзиро все равно что покойник, гайдзины об этом позаботятся, Огама в Киото удовлетворен и всем доволен. Сёгун Нобусада получит приказ вернуться в Киото, где ему место, как только он объяснит ту роль, которую должен сыграть этот мальчик в великом замысле. И не просто вернуться, но вернуться одному, оставив свою враждебно настроенную жену, принцессу Иядзу, при дворе, чтобы она «последовала за ним через несколько дней», чего никогда не произойдет, если Ёси добьется своего — вовсе ни к чему посвящать старейшин в его тайные планы. Достаточно одного Огамы.

Но даже Огама знает не все, а только ту часть, которая необходима, чтобы поймать принцессу в шелковую паутину и добиться её развода с сёгуном по императорской «просьбе». Огама проследит, чтобы она больше не вставала на нашем пути до тех пор, пока она не будет надежно и навсегда нейтрализована, довольная тем, что проведет оставшуюся жизнь в придворной трясине поэтических состязаний, мистики и церемоний потустороннего мира. С новым мужем. Огамой.

Нет, не с Огамой, подумал он, бездушно забавляясь этой мыслью, хотя я, конечно, предложу этот союз. Нет, нужен кто-нибудь другой, с кем она успокоится и будет всем довольна — тот принц, которому она была когда-то обещана и которого до сих пор почитает. Огама будет мне прекрасным союзником. Во многих вещах. Пока не отправится к предкам.

Тем временем мне не нужно делиться бессмертной истиной, которую я открыл про гайдзинов — ни с Огамой, ни с Андзё, ни с кем-то ещё: гайдзины понимают время не так, как мы, они рассматривают время и думают о нем иначе. Они считают, что время может иссякнуть. Мы так не считаем. Они тревожатся о времени: минутах, часах, днях — месяцы

важны для них, соблюдение точного времени встречи священно. Не для нас. Их представление о времени управляет их действиями. Это дает нам в руки дубину, которой мы всегда можем воспользоваться, чтобы побить их.

Он улыбнулся про себя — ему всегда нравились секреты, — размышляя о тысячах способов, как использовать время гайдзинов против настоящего времени, чтобы подчинить их себе, а через них — все будущее. Терпение, терпение, терпение.

А тем временем у меня по-прежнему остаются Врата, хотя воины Огамы следят за моими воинами, которые их охраняют. Это не имеет значения. Скоро мы будем владеть ими полностью, и вместе с ними Сыном Неба. Снова. Доживу ли я до этого? Если доживу, значит, доживу, если нет, значит, нет. Карма.

Он услышал смех Койко, и холодок пробежал у него по спине: «Ах Тора-тян вы и карма!» Пораженный, он огляделся. Это была не она. Смех доносился из коридора, смешиваясь с голосами.

— Государь?

— Войди, — ответил он, узнав голос Абэ.

Абэ вошёл, оставив остальных снаружи. Стражники внутри комнаты расслабились. С Абэ пришла одна из домашних прислужниц, жизнерадостная женщина средних лет. Она несла поднос со свежим чаем. Они оба опустили на колени, поклонились.

— Поставь поднос на стол, — распорядился Ёси. Прислужница подчинилась с улыбкой. Абэ остался на коленях у двери. Таковы были новые распоряжения: никто не должен был подходить к Ёси ближе чем на два метра без разрешения. — Над чем ты смеялась?

К его удивлению, она весело ответила:

— Над великаном гайдзином, государь, я увидела его во дворе и подумала, что вижу перед собой ками — даже двух, господин, второй — с желтыми волосами и голубыми глазами, как у сиамского кота. И-и-и-и, государь, я не могла не рассмеяться. Вообразите только, голубые глаза! Чай свежий? Последнего урожая, как вы приказывали. Пожалуйста, не хотите ли чего-нибудь поесть?

— Позже, — сказал он и отпустил её, чувствуя себя спокойнее: её добродушное настроение было заразительно. — Абэ, они во дворе? Что происходит?

— Пожалуйста, извините меня, государь, я не знаю, — ответил Абэ, все ещё в ярости от того, что вчера Андзё приказал им всем удалиться. — Капитан телохранителей тайро появился только что и приказал... приказал мне доставить их обратно в Канагаву. Как мне поступить, государь? Вы,

разумеется, сначала захотите увидаться с ними.

— Где сейчас тайро Андзё?

— Я знаю только то, что этих двух гайдзинов следует доставить в Канагаву, государь. Я спросил у капитана, как прошел осмотр, а он нагло поинтересовался: «Какой осмотр?» — и ушел.

— Приведи гайдзинов сюда.

Вскоре раздались тяжелые шаги, шаги чужеземцев. Стук в дверь.

— Гайдзины, государь. — Абэ шагнул в сторону и знаком предложил Бебкотту и Тайреру войти, потом опустился на колени и поклонился. Они поклонились стоя. Оба были небриты и явно устали. В следующий миг один из стражей у двери гневно толкнул Тайрера на колени, отчего тот растянулся на полу. Второй попробовал проделать то же самое с Бебкоттом, но доктор увернулся с невероятной для такого гиганта быстротой, схватил его за одежду у горла, одной рукой поднял в воздух и ударил спиной о каменную стену. Секунду он удерживал на весу безжизненное тело, потом дал ему мягко съехать на пол.

— Гомэн насай, Ёси-сама, — небрежно произнес Бебкотт посреди потрясенного молчания, — но этим недоумкам не стоит цепляться к гостям. Филип, будьте добры, переведите это и скажите, что я не убил его, хотя у этого бедолаги-грубияна с неделю будет болеть голова.

Остальные самураи вышли из оцепенения и схватились за мечи.

— Нет! — приказал Ёси, взбешенный поведением гайдзинов и в ярости на стражников. Они застыли на месте.

Слабея от страха, Филип Тайрер поднялся, не глядя на неподвижное тело, и сказал на своём чужом для их уха, запинаящемся японском:

— Пожалуйста, извинить, Ёси-сама, но Доктор-сама и я, мы кланяемся как чужеземный обычай. Вежливо, да? Не хотеть зла. Доктор-сама говорит: пожалуйста, извинить, человек нет мертвый, только... — он попытался вспомнить слово, не смог и показал на свою голову: — болеть, одна неделя, две.

Ёси расхохотался. Напряженность в комнате пропала.

— Уберите его. Когда он очнется, приведите обратно. — Он махнул рукой, приказывая остальным занять свои места, и предложил англичанам сесть напротив него. Когда они неуклюже устроились на татами, он спросил: — Как себя чувствует тайро, как прошел осмотр?

Бебкотт и Филип тут же ответили простыми словами и жестами, о которых договорились заранее, объяснив ему, что осмотр прошел хорошо, что у тайро была плохая грыжа — с разрывом, — что Бебкотт смог помочь снять боль с помощью бандажа и лекарства, которое нужно будет

изготовить и принести из Поселения, что тайро согласился встретиться с Бебкоттом опять через неделю, чтобы тот наложил бандаж и принес результаты анализов. А пока он дал ему лекарство, которое значительно уймет боль и поможет ему заснуть.

Ёси нахмурился.

— Эта «гры-за», она постоянная?

— Доктор-сама говорит, что...

— Я знаю, что доктор говорит через вас, Тайра, — резко оборвал его Ёси, раздосадованный тем, что услышал, — просто переводите его слова, без церемониальных титулов!

— Да, государь. Он говорит, болезнь постоянная, — новое для него слово. — Тайро Андзё нужно... нужно лекарство всегда останавливать боль, все время, прошу прощения, каждый день, и тоже каждый день носить этот бандаж. — Тайрер произнес слово по-английски и руками показал, как выглядит пояс и где он надавливает на живот. — Доктор думает тайро-сама хороший, если есть уход. Нет может... не может сражаться, легко владеть мечом.

Ёси помрачнел, результаты получались неутешительные.

— Сколько... — Он замолчал и махнул рукой телохранителям, чтобы они вышли. — Ждите снаружи. — Абэ остался. — Ты тоже. — Капитан неохотно закрыл за собой дверь. — Ёси сказал: — Мне нужна правда: сколько он ещё проживет?

— Это только Бог говорить.

— Ха, боги! Сколько, доктор думает, тайро ещё проживет?

Бебкотт колебался. Он ожидал, что тайро прикажет ему не говорить с Ёси, но как только он рассказал ему о грыже и лекарстве и дал ему немного своей настойки лауданума, которая почти сразу же прогнала боль, тайро довольно хмыкнул и поощрил его передать Ёси «добрую весть». Но грыжа была лишь частью проблемы.

Его более полный диагноз, тот, которым он не поделился ни с Андзё, ни с Тайрером, не желая выносить суждение раньше, чем будут исследованы образцы мочи и кала, чем он посоветуется с сэром Уильямом и проведет вторичный осмотр, заключался в том, что он боялся опасного разложения кишечника от неизвестных причин.

Физический осмотр занял всего около часа, словесные расспросы — много часов. В свои сорок четыре года Андзё был в плохом состоянии. Гнилые зубы, рано или поздно они неизбежно дадут заражение крови. Болезненные реакции на осторожное ощупывание желудка и внутренних органов, явные перетяжки внутри, очень увеличенная простата.

Большая часть его диагностических проблем была связана с тем, что он и Филип недостаточно бегло говорили по-японски, потому что пациент был нетерпелив, пока не доверял ему и не спешил откровенно делиться симптомами или чем-то, что могло бы послужить ключом к постановке диагноза. Потребовалось много времени и кропотливых расспросов, прежде чем он смог установить, что этот человек, вероятно, страдает запором, испытывает трудности с мочеиспусканием и не в состоянии удерживать эрекцию — последнее, похоже, заботило его больше всего, — хотя Андзё лишь пожал плечами и не признал прямо ни одного симптома.

— Филип, скажите князю Ёси, что, по-моему, он проживет примерно средний срок для человека в его состоянии и того же возраста.

К Тайреру вернулась его головная боль, которая усиливалась ещё и тем, что ему отчаянно хотелось хорошо справиться со своей работой.

— Он жить примерно так же, как человек такого же возраста.

Ёси задумался над этими словами, тоже понимая все сложности обсуждения тонких вопросов на чужом языке при неполном соответствии перевода тому, что говорилось. Следовательно, его вопросы должны быть простыми.

— Спросите: два года, три года, один год? — Он внимательно наблюдал за Бебкоттом, не за Тайрером.

— Трудно сказать, государь. Через один неделя, возможно, знать лучше.

— А сейчас? Правду. Один, два или три, что думает?

Ещё до того, как они покинули Канагаву, Бебкотт понял, что едет в Эдо не только как врач. Сэр Уильям сказал:

— Говоря без обиняков, старина, если больным окажется Андзё, вы станете ещё и важным представителем правительства Её Величества, моим, всего Поселения и проклятым шпионом вдобавок, поэтому, Джордж, пожалуйста, не обделайте нам эту золотую возможность...

Для себя он был прежде всего врачом. Для которого конфиденциальность его отношений с больным — закон. Он не сомневался, что Ёси является врагом его пациента, могущественным врагом, но также и потенциально могущественным союзником правительства Её Величества. Если взвесить обоих, Ёси оказывался более важным в расчете на будущее. Андзё направил им ультиматум с требованием оставить Июкогаму, он был главой бакуфу, главой, который умрет, безусловно, раньше, если только Ёси не постигнет насильственная смерть. Если бы тебя заставили, что бы ты ответил? — спросил он себя. Не больше года. Вместо этого он сказал:

— Один, два или три, Ёси-сама. Правда, простите, нет знать сейчас.

— Может срок быть больше?
— Простите, нет можно говорить сейчас.
— Вы сможете сказать на следующей неделе?
— Возможно, сказать могу, не больше чем три года, на следующей неделе.

— Возможно, вы знаете больше, чем говорите, сейчас или на следующей неделе.

Беккотт улыбнулся одними губами.

— Филип, скажите ему вежливо, я здесь по его приглашению, гость. Как врач, а не кудесник, и мне не обязательно возвращаться на следующей неделе или вообще когда-либо.

— Чёрт побери, Джордж, — осторожно пробормотал Тайрер, — нам не нужны неприятности, я не знаю, как будет «кудесник» по-японски, и чёрт меня подери, если я смогу справиться со всеми этими нюансами, ради бога, говорите проще.

— Что вы сказали, Тайра? — резко спросил Ёси.

— О! Государь, это... трудно переводить слова высоких повелителей, когда... когда много значений и не знать лучшее... лучшего слова, пожалуйста, извините.

— Вы должны учиться прилежней, — раздраженно бросил Ёси, злясь на то, что у него нет собственного переводчика. — Вы справляетесь хорошо, но недостаточно хорошо, учитесь прилежней! Очень важно, чтобы вы учились прилежней! А теперь, что он сказал, в точности!

Тайрер набрал в грудь побольше воздуха, покрываясь потом.

— Он говорит, он доктор, не как бог, Ёси-сама, не знает точно о тайро. Он... он здесь Ёси приглашать. Прошу прощения, если не хотеть приходить в Эдо, Доктор-сама, нет приходить в Эдо. — И он промок от пота совсем, увидев, как Ёси улыбнулся так же лживо, как и Беккотт, нельзя было ошибиться относительно значения этой улыбки, и проклял тот день, когда решил стать переводчиком. — Прошу прощения.

— Со ка! — С мрачным видом Ёси взвесил свой следующий ход. Доктор оказался полезным, хотя и скрывал от него правду. Если это так, то он заключил, что правда была хуже, а не лучше того, что он услышал. Эта мысль доставила ему удовольствие. И ещё одна мысль радовала его. Она была основана на блестящей идее, которую Мисамото, сам того не ведая, подсказал ему несколько месяцев назад. Ёси незамедлительно реализовал её через своего главного шпиона, Инэдзина, чтобы использовать в будущем: одним из способов управлять варварами были их шлюхи.

Инэдзин, как всегда, поработал обстоятельно. Поэтому теперь Ёси

многое знал о Ёсиваре гайдзинов, ему было известно, какие из гостиниц наиболее популярны, он знал о Райко и о шлюхе этого молодого и такого уродливого юноши, Тайры, старой и сменившей много имен, которую теперь звали Фудзико. И об очень необычной шлюхе Фурансу-сана. У предводителя гайдзинов, сэра Уи'рума, своей особой шлюхи не было. Сэрата пользовался услугами двух, навещая какое-то время одну, потом другую. Нэми ему назвали как наложницу главного торговца гайдзинов и особенно ценный источник информации. Великан-доктор не посещал Ёсивару. Почему? Мэйкин узнает...

Ах да, Мэйкин-предательница, я не забыл о тебе!

— Передайте доктору, что я буду рад увидеть его на следующей неделе, — произнес он ровным голосом. — И поблагодарите его. Абэ!

Абэ оказался в комнате, замерев на коленях, уже в следующее мгновение.

— Проводи их в Канагаву. Нет, доставь их к главному гайдзину лично, в Иокогаме, и приведи назад отступника Хирагу.

— Хеллоу, Джейми! Пора обедать! Вчера вечером ты сказал, чтобы я зашла за тобой в час дня! — Морин улыбалась ему с порога его кабинета. Она была в капоре, красиво одета, щеки покраснелись после короткой прогулки по набережной от фактории Струана. — Ты сказал, в час, чтобы пообедать в этом вашем клубе.

— Сейчас пойдем, девочка, — рассеянно произнес он, заканчивая письмо к своему эдинбургскому банкиру о совместном предприятии с сёей и прилагая к нему вексель на предъявителя, полученный от Тесс Струан, чтобы занести сумму на счет. Мне необходимо каким-то образом поговорить с Накамой-Хирагой, как только его разыщут, думал он. Дьявольщина, куда он мог подеваться? Боже, надеюсь, он не сбежал, как все полагают. — Присаживайся, Альберт собирается присоединиться к нам. — Он был настолько погружен в свои проблемы, что не заметил выражение разочарования на её лице.

Этот его новый кабинет располагался в здании «Гардиан» на Хай-стрит, недалеко от Пьяного Города. Он был гораздо меньше его кабинета у Струанов, но из окна открывался приятный вид на залив, а всякому торговцу было важно иметь возможность наблюдать за прибытием и отправлением кораблей. Кабинет был ещё не обставлен, не считая рабочего стола и трех стульев и полудюжины ящиков для бумаг. Стопы книг и коробок, пачки чистой бумаги, ручки, новые грессбухи, которые он стянул до прибытия его заказа из Гонконга, были в беспорядке разбросаны

повсюду. На столе громоздились новые горы бумаг, писем, заказов и большое количество почтовых отправок, возвещавших об открытии его новой компании и готовности принять деловые предложения. Все это было необходимо подготовить к отплытию «Гарцующего Облака».

— Ты хорошо спал?

Он запечатал письмо, едва слыша её.

— Да, спасибо, а ты? — И взял следующее.

Эти письма переписывали два португальских клерка в своём кабинете дальше по коридору, рядом с помещением, где стоял печатный пресс. Клерков ему одолжил Мак-Струан, пока он не подберет себе постоянный персонал.

— Альберт славный малый, не правда ли? Я предупредил его, что мы, может быть, опоздаем, — все так же рассеянно заметил он. Если бы он мог выбирать, он обошелся бы без клуба и попросил одного из клерков сделать ему бутерброд или заказал бы что-нибудь из китайской пищи, которую они ежедневно заказывали в Пьяном Городе. Через полчаса он отложил ручку в сторону.

— Пошли? — бодро произнес он.

— Да.

— Что случилось? — спросил он, увидев выражение её лица.

— Ну-у, дружок, я-то надеялась пообедать вдвоем, нам о многом нужно поговорить — ясно, что вчера вечером для этого не было времени. Вечер, впрочем, удался на славу, нет?

— О да. Эти казацкие танцы — потрясающе красивое зрелище. Времени на разговоры у нас предостаточно, извини, я не думал, что это важно.

— Анжелика тоже была потрясающе красива, да и многие из твоих друзей, Марлоу и Сеттри! — Она игриво рассмеялась.

Облегченно вздохнув про себя, он расслабился, взял пальто, шляпу и открыл дверь.

— Я рад, что тебе понравилось.

— Ты выходил вчера, после того как мы попрощались на ночь.

Защитная маска вернулась на лицо слишком поздно, и на щеках заалел виноватый румянец.

— Да... э... да, выходил.

— Я постучалась в твою дверь, и мне никто не ответил — мне просто хотелось поговорить, я не устала. Ты сказал, что устал.

— Ну да, я устал, но потом оказалось, что не очень, так мы пойдем?

— Да, я проголодалась. — Они вышли на променаду. Набережная была

почти безлюдна. День был не из лучших, море беспокойное, пронизывающий ветер. — Здесь не так плохо, как в Глазго в это время года, — приятным голосом заметила она, беря его под руку.

— Это правда, но этот холод долго не продержится, скоро настанет самая замечательная пора, весной и осенью здесь лучше всего. — Она не стала развивать разговор на опасную тему, и он задышал свободнее. — Весна и осень здесь — лучшие времена года.

— Ты ходил в Ёсивару? — спросила она тем же приятным тоном.

Он почувствовал, как острая ледяная сосулька прыгнула из мошонки вверх, вонзилась в сердце и провалилась обратно, и тысячи ответов закружились у него в голове, наилучшим из которых был: «Если я захочу пойти в Ёсивару, клянусь Господом, я пойду туда, мы не женаты, но даже если бы я и был... и я говорил тебе, что не хочу жениться, по крайней мере сейчас, когда у моего нового бизнеса появился шанс на успех». Он уверенно открыл рот, чтобы сказать ей все это, но по какой-то причине голос его зазвучал сдавленно и виновато:

— Я... э, да, ходил, но это...

— Ты хорошо провел время?

— Послушай, Морин. Есть некоторые...

— Я знаю про Ёсивару, дружочек, и про мужчин, — сказала она доброжелательно и так, словно говорила о чем-то самом обычном. — Ты хорошо провел время?

Он остановился, сраженный наповал её мягким голосом и обращением.

— Я... ну, я полагаю... но видишь ли, Мо...

— Слишком холодно стоять на месте, Джейми, дорогой. — Она дружелюбно взяла его под руку, снова увлекая вперед, и продолжила: — Хорошо, стало быть, ты славно поразвлекся. Почему ты не сказал мне? И зачем было городить это вранье про усталость?

— Ну, потому что... — Вновь дюжина ответов, но его губы выдавили лишь: — Потому что это же очевидно, чёрт побери. Я не хотел... — Он не смог сказать: «Я не хотел делать тебе больно, потому что у меня было назначено свидание, я хотел повидать Нэми и одновременно не хотел, не хотел, чтобы ты знала о ней, и, если уж говорить начистоту, все прошло просто ужасно».

Когда он вошёл в их маленький домик, Нэми встретила его в своём лучшем спальном кимоно, их маленькое убежище сверкало чистотой, еда и sake стояли на столике, а она смеялась, была счастлива и предельно внимательна:

— Хейа, Дзами-сан, харасо васа видети! Срусать харосый новость с караба'рь. Васа зеница 'реди из Скоту'ранди, зеница хейа?

Он был ошеломлен тем, как быстро распространилась повсюду эта новость.

— Откуда ты это знаешь?

— Весь Ёсивара знаис! Вазный, неһ? — радостно щебетала Нэми. — Два день я в Ба'расой Дом низка к'раница встречать скоро оку-сан васа.

— Э?

— Вазный, Дзами-сан. Када зеница? Вазный, стоба оку-сан не го-сан друзный, неһ?

— Ты что, спятила? — вырвалось у него.

Она уставилась на него, не понимая.

— Почему сердитый, Дзами-сан? Оку-сан п'ратить теперь. Оку-сан п'ратить, Джами-сан, ийе? Вазный оку-сан не...

— Так не бывает, чёрт подери.

— Нет понимать... вазный Нэми ходить оку-сан...

— Ты рехнулась!

— Нет понимать, — сказала она обиженно, в ужасе от его грубой воинственности, и решила, что бегство — лучшая защита от такого невообразимого поведения, но бегство, конечно, в слезах.

Она упорхнула, прежде чем он успел остановить её, мама-сан не смогла убедить её вернуться, поэтому, взбешенный, он зашагал домой и лег в постель, но спал плохо. Боже Всемогуций, Нэми появится в фактории Струанов, чтобы встретиться с Морин? Морин должна платить Нэми в будущем? Важно, чтобы любовница и жена были добрыми подругами? Господь Святой! Я, должно быть, неправильно её понял.

Нет, чёрт подери, ты все понял правильно. Именно это она, чёрт подери, и сказала.

В конце концов он пришел в кабинет. Ещё не рассвело. Тысяча чертей, он провел в размышлениях все утро, и вот теперь ему предстоит разбираться с двумя женщинами, чёрт бы их побрал.

— Послушай, Морин, мне жаль, что я соврал, — смущенно пробормотал он, — но... ну, я не знаю, что ещё тут можно сказать.

— Не расстраивайся так сильно, такие вещи случаются. — Она улыбнулась.

— А? Так ты не взбе... извини, так ты не сердишься?

— Нет, дружок, не в этот раз, — ответила она благожелательно, — не раньше, чем мы закончим маленький разговорчик.

Он не уловил ни в её голосе, ни в манере никакой угрозы, она все так

же нежно держала его под руку, и тем не менее в самой глубине его существа неведомый голос истошно завопил об опасности, предупреждая его: ради всего святого, придержи язык, не говори ничего.

— «Маленький разговорчик»? — услышал он словно издалека заданный им вопрос.

— Да. — И с этим словом вокруг разом настала оглушительная тишина, хотя ветер все так же громко стучал черепицей и оконными ставнями, звонили церковные колокола, из гавани доносились гудки пароходов, где-то лаяли собаки.

Придержи язык, в этих переговорах игру ведут двое, предостерег он себя.

— Ты сказала «да»? Что это значит?

— Я узнала про Ёсивару на пароходе. — Она не стала продолжать, и он тут же заглотил наживку.

— Это Горнт рассказал тебе? Или Хоуг? Это был он? Этот идиот.

— Нет, это был твой распрекрасный капитан Стронгбоу, и доктор Хоуг не идиот, друг мой. Я спросила у Стронгбоу, как вам удастся сохранять рассудок, живя без дамского общества, так же ли у вас все, как в Индии или в Китае? — Она рассмеялась, вспомнив, как трудно ей было вызвать его на откровенный разговор. Виски творит чудеса, подумала она, благословляя отца за то, что он научил её пить, когда необходимо. — Я думаю, ваша Ёсивара — весьма разумное решение.

Ему захотелось спросить: «Вот как?» На этот раз он не произнес ни слова. Её молчание мучило его. Когда она почувствовала себя готовой, она сказала:

— Завтра воскресенье.

У него голова пошла кругом от такого неожиданного продолжения.

— Да, я... да, полагаю, что да, воскресенье, а что?

— Сегодня в полдень я подумала, что мы могли бы пойти к преподобному Твиту, надеюсь, он не такой глупый, как его имя,^[45] и нам следовало бы попросить его огласить имена лиц, предполагающих вступить в брак.

Он заморгал.

— Что?

— Ну да, имена, Джейми. — Она расхохоталась. — Ты не забыл, что их должны читать три воскресенья подряд, нет?

— Но я же говорил, что послал тебе письмо и написал, что...

— Это было, когда я была там, но меня там больше нет, я здесь, и я люблю тебя, — сказала она, замолчала, подняла глаза на него, увидела, как

он хорош собой — воплощение всего, чего она желала в жизни, и в один миг все её самообладание унеслось, как пух, гонимый ветром. — Джейми, дорогой, мы помолвлены, и я считаю, что нам следует пожениться, потому что я буду самой лучшей женой из всех, какие только были на свете, я обещаю, обещаю, обещаю, и не просто потому, что я здесь, я полюбила тебя с первого мгновения, а сейчас самое чудесное время, чтобы обвенчаться, я знаю это, я уеду, вернусь в Шотландию и никогда... если ты хочешь, чтобы я уехала, я уеду со следующим же пароходом, но я люблю тебя, Джейми. Я клянусь, что уеду, если ты этого хочешь. — На глаза против воли навернулись слезы, и она смахнула их рукой. — Извини, это от ветра, дружок. — Но ветер здесь был ни при чем, все притворство исчезло, душа её раскрылась и обнажилась перед ним. — Я просто люблю тебя, Джейми... — Его руки обняли её, она зарылась лицом в его плечо, и слезы покатились градом, она чувствовала себя так ужасно, как ещё никогда не чувствовала, отчаянно желая его любви.

Когда её ужас отступил перед теплотой его объятий, она услышала его нежный, заботливый голос, мешавшийся с ветром и шумом прибоя. Он говорил ей, что любит её и хочет, чтобы она была счастлива, и не тревожилась, и не грустила, но сегодня было бы слишком рано, ему предстоит столько работы в новой компании, ведь это так трудно — начать своё дело и не дать ему зачахнуть.

— Не беспокойся о своей новой компании, Джейми, миссис Струан сказала, что она... — Морин в ужасе замолчала. Она не собиралась говорить ему, но теперь было уже слишком поздно: она почувствовала, как его руки напряглись, и он отстранил её от себя.

— Она сказала что?

— Да так, ничего. Давай...

— Что она тебе сказала? Что?.. — Его лицо было мрачным, взгляд — пронизывающим. — Она сказала тебе, что посылает мне деньги?

— Нет. Нет, не говорила... она сказала... она просто сказала, что ты хорошо умеешь торговать и тебя ждет успех. Давай поедим, я уми...

— Что она сказала? В точности.

— Я тебе ответила. Давай пойдем обе...

— Скажи мне, что она говорила, клянусь Господом. Скажи мне правду, слово в слово! Она сказала тебе о деньгах, не так ли?

— Нет, не совсем. — Она отвернулась, злясь на себя.

— Правду! — Он взял её за плечи. — Ну!

— Хорошо. — Она поглубже вдохнула и заговорила, разгоняясь все быстрее и быстрее. — Вот как все было, Джейми, в точности. Когда я

пришла в компанию Струанов, в это здание на променаде, чтобы спросить, где ты, был ли ты в Япониях или ещё где, мне сказали подождать, а потом она послала за мной, сама миссис Струан пригласила меня в огромный кабинет, откуда виден весь Гонконг, но какая в ней печаль и какая она сильная, бедная леди. Погоди, я сейчас.

Она ещё раз вытерла глаза, достала платок, высморкалась, а потом, не зная, куда девать руки, взяла его под руку, и её замерзшие пальцы пробрались в карман его пальто.

— Давай пойдём, Джейми, на ходу легче разговаривать, а то холодно. Миссис Струан предложила мне сесть и сказала, что уволила тебя, а я спросила почему, и она рассказала мне, тогда я сказала ей, что это нечестно, это не твоя вина, что её сын оказался таким дьяволенком и до безумия влюбился в искательницу приключений по имени Анжелика, которая, вишь, ему не пара — уж не знаю, искательница она приключений или нет, но после того, как я увидела Анжелику, я могу понять, почему её сын или любой другой мужчина влюбился бы в неё без памяти, а после того, как я познакомилась с его ма, я понимаю, почему они были сердиты друг на друга...

Порыв ветра вцепился в их шляпы, они ухватились за них руками, и она продолжила:

— Мы... мы повздорили, не забывай, что это было за несколько дней до того, как пришло известие о его смерти. Вышла ужасная потасовка, Джейми. Слово за слово, мы обе вскочили на ноги, и, боюсь, я потеряла самообладание, тебе было бы стыдно, если бы ты меня видел, и я ещё употребила несколько ужасных слов, которые слышала от отца.

Он остановился и в полном изумлении воззрился на неё.

— Ты подралась с Тесс?

— Ага, никогда в жизни так не дралась, даже с сестрами и братом, когда никто не видел. Я не очень-то рвалась в драку, но её несправедливость разозлила меня, все это как-то выплеснулось наружу, и я задала ей... — Природное добродушие и чувство юмора вернулись к Морин, и она нервно рассмеялась. — Ох, это была настоящая кошачья схватка, какие увидишь только в Глазго, мы сцепились, словно две торговки рыбой в доках, готовые все волосы друг другу повыдрать. Был момент, когда кто-то вошёл, так она их всех вышвырнула и... «Ну и что же, мисс Росс?» — говорит, губы узкие, как кинжал у слуги тана, обе мы запыхавшиеся и отнюдь не дружелюбно настроенные. «Что я, по-вашему, должна сделать?» — «Сделать? — говорю я. — Прежде всего вы дадите мистеру Макфею приличное выходное пособие, которое он вам десять раз

отработал за годы службы, вы поможете ему начать своё дело, и вы напишете ему хорошее письмо».

— Ты сказала это? Сказала Тесс?

— Да, сказала. — Она увидела и услышала недоверие и развеяла его в ту же секунду. — Клянусь, это святая правда, Джейми, как перед Богом. Я не собиралась тебе говорить, но ты настаивал, и я врать не буду. Господом Богом клянусь, так все и было!

— Да, извини. Продолжай, пожалуйста.

— Не извиняйся, дружок, я временами и сама в это не верю. После того как я ей высказала все, и вовсе не любезно, миссис Струан расхохоталась, она расхохоталась и сказала «садитесь». Хорошо, но без письма. Так, говорю, не пойдет. Что, спрашиваю, будет заслуженным вознаграждением? Улыбка с её лица исчезла, и она говорит, тысяча гиней. Она выплюнула ответ совсем так же, как это делает отец, когда он в гневе. Чепуха, говорю, клянусь Богом. Десять тысяч. — Морин остановилась и с надеждой заглянула ему в лицо. — Мне пришлось согласиться на пять. Это ничего? Я не знаю, достаточно этого или нет?

— Ты согласилась? Ты согласилась на пять?

— Да, на это ушло время, и ещё ругательства... в ту ночь я попросила у Господа прощения за сквернословие, все слова моего батюшки. Надеюсь, это было справедливо, Джейми, вместе с дополнительным бизнесом... и она согласилась не вредить, быть в делах друзьями, мне это показалось важным. После того как она согласилась, она добавила ещё бесплатный проезд с этой своей ледяной улыбкой, езжайте, мол, к своему мистеру Макфею с моими поздравлениями. — Морин на секунду отвернулась к волнам прибоя, собираясь с мыслями. Ещё одно нервное пожатие плечами, потом она опять подняла на него глаза и посмотрела пристально и бесхитростно. — Вот как все случилось, но это было для тебя, не для меня или для нас, я не хотела тебе говорить. Прежде чем ты скажешь хоть слово, дай мне закончить. Я не хотела рассказывать тебе про неё и про меня, это вырвалось нечаянно. Мне очень-очень жаль, я не хотела говорить тебе, это святая правда, особенно когда мы говорили, по-серьезному, про... говорили про нас, про тебя и меня. Пожалуйста, поверь мне, это святая правда.

— Я верю тебе, верю, ты на этот счет не беспокойся, и Тесс написала мне, сдержала слово, прислала мне деньги — у меня за всю жизнь столько не было, — их хватит, чтобы начать, и все это благодаря тебе.

В её глазах блеснули слезы раскаяния.

— Я тут ни при чем, с тобой обошлись несправедливо, и миссис Струан была должна тебе эти деньги, я была не права, когда сказала,

сегодня в полдень, пожалуйста, прости меня, я просто... ты прав, сегодня ещё слишком рано, ты прав, и я не должна была этого предлагать. Можем мы подождать, Джейми, пожалуйста? Можем мы подождать, скажем, неделю или две, месяц, посмотришь, как я тебе понравлюсь? Пожалуйста?

— Вот что, послушай-ка, — сказал Джейми и сжал её руку, — ты и сейчас мне слишком нравишься, и нет, я не хочу, чтобы ты уезжала, и да, мы подождем немного, и нет, я не сержусь, и да, я верю тебе и благодарю от всего сердца, и нет, ты не была не права, когда предложила это. Давай подумаем над этим и обговорим за обедом, Искорка, вдвоем, только ты и я, а?

Не успев даже сообразить, что она делает, Морин приподнялась на цыпочках и с благодарностью поцеловала его; то, что он употребил это прозвище, показалось ей радостным предзнаменованием. Её рука вернулась к его руке, и обе отправились в карман.

— Ты чудесный, Джейми, это правда, и я люблю тебя и... — Морин хотела добавить: «И тебе вовсе не обязательно говорить того же, пока ты не будешь готов». Но промолчала. Она закусила губу и отступила от края обрыва. — Ты чудесный мальчик.

— А ты чудесная девочка, — сказал он, думая о ней и испытывая спокойствие, какого не знал годами: сердечная боль и чувство вины отодвинулись на задний план. Ну и что с женитьбой? — спросил он себя, впервые без внутреннего содрогания. Никто не спорит, что мужчина должен быть женат и иметь детей, в своё время. Я не против брака, отнюдь. Когда? Когда бизнес станет на ноги и мы начнем получать прибыль? Она потрясающая девушка, умная, симпатичная, из хорошей семьи, терпеливая, преданная и любит меня — невероятно, как это она поднялась против Тесс и добилась того, чего добилась, это ясно говорит о том, что ума ей не занимать. Может, у нас что-то и получится. Люблю ли я её? Нравится она мне ужасно...

Мне тридцать девять. Я здоров, крепок, живота не нагулял и должен быть женат — давно уже следовало бы обзавестись семьей. Ей двадцать восемь — она тоже выглядит моложе своих лет, — поэтому она должна знать, чего хочет, а уж что искорки в ней так и играют, так в этом никакого сомнения.

Вчера вечером Марлоу и Паллидар тоже это подметили, они вообще подметили всего чуть больше, чем следовало бы! Этот репей Паллидар так и крутился возле неё весь вечер, хотя я был не против — стоило мне лишь слегка дернуть головой, и дорогая неслась ко мне со всех ног. Он сжал её руку, довольный этим.

— Что?

— Ничего. Я рад, что тебе понравился вчерашний вечер, — сказал он, а про себя подумал, месяца через три-четыре, спешить некуда, мысль неплохая. — Ну, вот мы и пришли.

Они свернули на небольшой двор перед клубом. На ступенях Мак-Струан разговаривал с Дмитрием, Джейми увидел, как они подняли глаза и Дмитрий весело махнул им рукой. Внутри у него опять все похолодело. Нэми! Когда Нэми закусывает удила...

Боже Всемогущий, в ужасе думал он, как, чёрт меня подери, мне справиться с Нэми, Ёсиварой и Искоркой? Это невозможно. Это должно быть сделано. Что она там говорила про Ёсивару? В этот раз она не взбеленилась... «не раньше, чем у нас с тобой будет маленький разговорчик». Разговорчик?

— Ты замерз, Джейми, дорогой?

— Нет-нет, все прекрасно.

— Филип, скажите капитану Абэ ещё раз, мне очень жаль, но Хирагу сейчас нигде не могут найти. — Сэр Уильям стоял спиной к камину в одном из приемных помещений миссии; Тайрер, Бебкотт и Абэ только что прибыли из Эдо. Вечерело. — Мы по-прежнему везде ищем. И, Филип, уберите это самодовольное выражение со своей физиономии, вы действительно хотите разозлить его?

Абэ был в гневе. Как и сэр Уильям. Он сделал все, что мог: Поселение было прочесано вдоль и поперек, солдаты и сейчас ещё не ушли из Пьяного Города и деревни. С Ёсиварой было сложнее. Люди с оружием туда не допускались, попасть внутрь гостиниц было почти невозможно, если не вламываться силой — чудовищная идея, которая неминуемо кончилась бы международным инцидентом. Если бы он пошел на это, то и самураи у своих ворот потребовали бы для себя того же права. Ещё в самом начале, когда Поселение только появилось, была заключена договоренность, что, покуда не будет беспорядков и буйства, Ёсивару оставят в покое, пусть себе плывет и служит.

— Он говорит, что не может вернуться без Хираги, а Хирага был обещан князю Ёси сегодня.

Сэр Уильям прикусил губу, чтобы не выругаться. Вместо этого он произнес любезным тоном:

— Пожалуйста, попросите его подождать в караульном помещении. Хирагу, конечно же, скоро найдут, если он все ещё здесь.

— Он говорит: все ещё здесь? Если не здесь, то где он?

— Если бы я знал, я обязательно привел бы его сюда для князя Ёси. Может быть, он бежал. В Эдо, в Канагаву или ещё куда-нибудь. — Даже сэр Уильям был шокирован черной злобой, написанной на лице Абэ, который выплюнул несколько японских слов, круто повернулся на месте и, громко топая, вышел.

— Чертов грубиян!

— Он сказал: «Пусть лучше Хирага отыщется», — сэр Уильям. — Тайрер потер небритое лицо. Он чувствовал себя грязным и с нетерпением предвкушал баню, массаж и короткий отдых перед визитом к Фудзико. Почти всю его усталость как рукой сняло при радостном известии, что Хирага не под замком и не в оковах. — Абэ нужно пожалеть, сэр Уильям. Он не может вернуться без Нак... без Хираги, его жизнь стоит дешевле.

— Ну, это его проблемы. У вас есть какие-нибудь соображения, где Накама может прятаться?

— Нет, сэр, если его нет ни в деревне, ни в Ёсиваре.

— Вы могли бы попытаться это выяснить, мне не нужно объяснять, как это важно. — Сэр Уильям поднял глаза на Бебкотта. — А теперь о вещах более важных. Джордж, этот больной? Это был Андзё?

— Да.

— Йо-хо-хо! Филип, вы выглядите совсем измученным, вам совсем не обязательно ждать здесь, поговорим с вами позже. Джордж кратко введет меня в курс дела. Если Накама-Хирага объявится, тут же заковывайте его в железо, чёрт подери. Немедленно!

— Да, сэр, благодарю вас, сэр. Прежде чем уйти, могу я спросить, что произошло в Гонконге? — Оба задали этот вопрос прямо с порога, с тревогой заметив, что «Гарцующее Облако» вернулся, но сэр Уильям сказал, сначала Абэ.

— В Гонконге все тихо, все тихо и здесь, слава богу. — Он рассказал им о похоронах, о возвращении Хоуга и его причинах. — Предполагается, что причины эти конфиденциальны, но о них уже знает каждый. Итак, это игра на выживание: Тесс ждет, и, похоже, Анжелика тоже согласилась ждать, как говорит Хоуг, хотя она мало что ещё может сделать. Либо да, либо нет.

— Если нет, она узнает это через несколько дней, — заметил Бебкотт. — И мы тоже.

— Господи, — пробормотал Тайрер. — А что будет: если да или если нет?

Сэр Уильям пожал плечами.

— Нам тоже придется подождать. А теперь ступайте, Филип. Виски

или бренди, Джордж? Вы не против рассказать мне все прямо сейчас — вы не слишком устали?

— Нет. — Они остались одни. — Бренди, пожалуйста. В Эдо было очень интересно.

— Ваше здоровье! Ну и?

— Ваше здоровье. Прежде чем пойдет речь об Эдо, нам известно ещё что-нибудь о Гонконге?

Сэр Уильям улыбнулся. Они были старыми друзьями, и Бебкотт был его заместителем.

— Все прошло как нельзя лучше. Да. Тесс прислала мне конфиденциальное письмо с благодарностью. Большую часть его я могу пересказать вам прямо сейчас: Хоуг привез три письма для Анжелики; она этого, кстати, не знает. Одно Хоуг вручил ей немедленно и сказал мне, что никакой заметной реакции не последовало ни в том, ни в другом плане, никакого ключа к его содержанию; он решил, что её просто попросили подождать. Тесс подтвердила мне содержание первого письма: она предложила временное затишье до тех пор, пока не выяснится, беременна Анжелика или нет. Если у Анжелики начнутся месячные, он передаст ей одно письмо, если нет, он подождет месяц, чтобы быть окончательно уверенным, и передаст ей другое. Хоуг поклялся, что не знает, что в этих письмах, и Тесс тоже обошла это молчанием в своём письме ко мне.

Он пригубил виски; его лицо было каменным.

— Тесс упомянула один момент, который, я боюсь, указывает на её подход в целом: юристы компании составляют краткое представление в суд с целью аннулировать эту «Смехотворную Церемонию» — она написала оба слова с заглавной буквы — вне зависимости от законности или незаконности и того, беременна Анжелика или нет; и они готовы опротестовать любое завещание, буде таковое отыщется там или в Япониях.

— Боже мой! Бедная Анжелика... какой ужас!

— Всецело с вами согласен. Мое письмо с просьбой о снисхождении не возымело эффекта. Дьявольщина, а? — Сэр Уильям прошел к столу и достал из ящика депешу. — А вот это я действительно хотел обсудить с вами — строго конфиденциально, разумеется.

Бебкотт прибавил огня в лампе. Дневной свет быстро угасал. Губернатор Гонконга официально писал следующее:

Мой дорогой сэр Уильям, благодарю вас за вашу депешу от 13 числа. Боюсь, что прислать дополнительные войска в данный

момент не представляется возможным. Я только что получил известие из Лондона, что все войска нужны в других местах, что бюджетные соображения не позволяют провести новый набор рекрутов в Индии или в любом другом месте, посему вам придется обходиться своими силами. Я, однако, посылаю вам ещё один двадцатипушечный парусный фрегат, корабль Её Величества «Мститель», во временное пользование. Будьте уверены, что в случае серьезного нападения на Иокогаму возмездие обязательно последует в своё время.

Я получил указания Лондона проинформировать вас о следующих директивах по принятию немедленных осмотрительных мер: вам надлежит получить затребованную компенсацию, а также добиться выдачи убийц (или самолично убедиться в том, что они осуждены и казнены), вам надлежит наказать и привести к повиновению того мелкого тирана, на котором лежит ответственность за это, Сандзиро из Сацумы. Далее, мне предложено сообщить вам, что находящиеся на данный момент в вашем распоряжении военно-морские и сухопутные силы считаются более чем достаточными для умирения одного незначительного князька.

Беккотт протяжно присвистнул. После продолжительного молчания он произнес:

— Они просто куча идиотов, вся их чертова шайка.

Сэр Уильям расхохотался.

— Я, знаете ли, подумал то же самое. Но, облегчив теперь душу, что вы думаете по этому поводу?

— «Немедленные осмотрительные меры»? Это лишено смысла.

— Дипломатический выверт с явной целью прикрыть собственный зад.

— Компенсацию мы получили, мы...

— Серебро передано нам как аванс от имени Сандзиро. Это заем, а не выплата виновной стороной.

— Верно. И оба убийцы мертвы, вероятно.

— Да, по случаю, и нет стопроцентной уверенности, и не как наказание за своё преступление.

— Что ж, это так. Мы... — Беккотт посмотрел на него и вздохнул. — Что я думаю по этому поводу? Между нами, я думаю, что вы уже приняли решение провести карательную экспедицию против Сандзиро, вероятно, в

Кагосиме, тем более что Ёси дал вам своё молчаливое одобрение.

— Возможно, одобрение. Достаточно ли будет этой депеши и моих ответов, чтобы убедить Кеттерера, что нападение, если оно состоится, одобрено сверху?

— Вне всякого сомнения, они передали вам директивы. Депеша однозначно делает нападение обязательным, хотя я считаю, что это большая глупость, и отношусь к нему с большим неодобрением.

— Потому что вы врач?

— Да.

— Если вам когда-либо придется занять мое место, Джордж, я надеюсь, вы забудете об этом.

— Этого можно было бы и не говорить, Уильям. Я знаю, с какой стороны на мое масло положен кусок хлеба. Тем временем «не доверяйте государям, чиновникам и генералам, они сошлются на государственную необходимость, проливая вашу кровь с безопасного расстояния». — Он поднял свой бокал. — За Лондон. Чёрт, я устал.

— Тем временем не забывайте, что Макиавелли также говорил: «Безопасность государства является первейшим долгом правителя». — Его глаза прищурились. — Теперь Андзё.

Беккотт рассказал ему. И, услышав вопрос, поделился своим взвешенным диагнозом:

— Шесть месяцев. Год, не больше. Точнее после моих анализов.

— Интересно. — Сэр Уильям надолго погрузился в напряженные раздумья. Снаружи настала ночь, флот готовился ко сну. Он задернул шторы от сквозняка, подошел к камину и пошевелил угли, чтобы ярче горели. — Отложив это в сторону на время, я склоняюсь к тому, чтобы отдать приказ о нашем немедленном военно-морском присутствии у берегов Кагосимы, немедленном её обстреле, если Сандзиро не удовлетворит наши требования — пусть на это полюбуются не только этот сукин сын Сандзиро, а и Ёси, и Андзё с его Советом старейшин, особенно Ёси.

— Послав туда флот, вы оставите Поселение без прикрытия. Как же тогда быть с сообщениями о том, что самураи тайно окружают нас — мы видели огромное их количество вокруг Токайдо.

— Это наш главный риск.

Беккотт не мигая посмотрел в глаза сэру Уильяму и больше не сказал ни слова. Решения принимал не он. Он с радостью подчинится, как и все остальные, и будет настаивать на своём участии в экспедиции. Он поднялся.

— Я, наверное, вздремну перед ужином, вчера ночью мне не довелось толком выспаться. Кстати, Филип чертовски хорошо справился с работой. Анализы я сделаю позже и сообщу вам о результатах.

— Не хотите ли перекусить слегка на ночь? Скажем, в девять? Хорошо, и спасибо за Андзё, это очень важно. После этого Ёси приобретает ещё большее значение. Если ему можно доверять. Если.

— Здесь в Японии это большая проблема. — Потом Бебкотт добавил, все ещё расстроенный отношением Тесс: — Чертовски неприятная выходит история с этим «представлением в суд». Это так осложнит все для Анжелики, ужасная несправедливость, а?

— Разве жизнь когда-нибудь была справедливой, старина?

Когда пришло время ужина, Анжелика постучала в дверь кабинета тайпэна, одетая для выхода.

— Альберт?

— Входите! Послушайте, ваша шляпка — просто прелесть. — Это была элегантная вечерняя шляпка, скромная, вполне подходящая для траура, темно-синего цвета, и однако Анжелика сумела придать ей шик, заткнув за ленту несколько цветов из шелка.

— Благодарю вас. Уже поздно, а вы все ещё здесь.

— Это входит в мою работу. — Как и все остальные, он гадал, что же было в том письме, которое написала ей Тесс. По Поселению ходили самые дикие слухи — от категорического приказа убираться из Азии до обвинения в убийстве. Он ничего не мог прочесть на её лице, кроме меланхолии, которая очень шла к ней.

В её собственном письме Тесс предупреждала его, чтобы он был осторожен в принятии новых обязательств на поставку оружия и, если такие предложения будут, держал их в строжайшем секрете. И воспользовался Макфеем, если понадобится.

Я попросила его сотрудничать с вами. Разумеется, его главный интерес будет заключаться в развитии собственного бизнеса, но вам надлежит относиться к нему так же дружелюбно. Теперь, когда мистер Эдвард Горнт встал во главе отделения Броксов в Японии, он наш враг — будьте осторожны с ним, он гораздо хитрее, чем мы полагали. Что же касается той, другой особы, доктор Хоуг согласился помочь мне. Насколько я понимаю, она по-прежнему занимает комнаты в нашем здании, предоставленные в её распоряжение моим сыном. Вы будете

извещены впоследствии о новых распоряжениях.

— Где вы ужинаете? Во французской миссии? — спросил он.

— Я приняла приглашение мистера Горнта по соседству. — Она увидела, как его лицо сразу стало жестким. — Приглашение пришло в последнюю минуту, он ужинает с общими друзьями, Дмитрием, Марлоу. Он попросил меня попросить вас присоединиться к нам, чтобы... чтобы сопровождать меня, если вы согласитесь, — вы свободны?

— Извините, не могу, с радостью провожу вас до двери и зайду за вами потом, но это «Брок и Сыновья», он здесь главный представитель, а мы «Благородный Дом».

— Вы должны быть друзьями, это не мешает вам оставаться конкурентами. Он действительно был другом моего мужа, и моим, и Джейми.

— Прошу прощения, но это моя проблема, не ваша. — Он снова улыбнулся. — Пойдемте. — Он взял её под руку, не побеспокоившись надеть пальто, и они вышли на ночной холод. Ветер вцепился в её шляпку, но даже не сдвинул её. Она прочно подвязала её шифоновым шарфом.

— Добрый вечер, мэ. — Охранник у двери Брокков поклонился.

— Добрый вечер. Благодарю вас, Альберт, не нужно заходить за мной, кто-нибудь из гостей проводит меня домой, ступайте скорей, а то простудитесь. — Он рассмеялся и ушел. В тот же миг в дверях показался Горнт и приветствовал её:

— Добрый вечер, мэ, господи, вы выглядите сногсшибательно.

Теперь, когда он принял её теплую накидку, ею опять начала овладевать тревога. Какие козыри? Из внутренней комнаты до них долетел взрыв хохота. Она узнала голос Марлоу, увидела, что охранник отошел и слуг вокруг нет, и на короткий момент они остались одни. Беспокойство возобладало над осторожностью, и она зашептала:

— Эдвард, почему вы так уверены, что у меня все будет хорошо?

— Тесс пригласила меня вернуться назад. Не волнуйтесь, все под контролем. Лучше нам поговорить завтра во время вашей прогулки — сегодняшний вечер годится лишь для беседы в кругу друзей, тихих удовольствий. Для меня действительно большая честь, что вы приняли мое приглашение — ведь это благодаря вам я стал здесь главой. — Горнт взял её под руку и произнес нормальным голосом: — Добро пожаловать в компанию «Брок и Сыновья», Анжелика. Соболаговолите пройти?

Столовая была такой же просторной, как и у Струанов, такой же роскошной, такое же прекрасное серебро, вина лучшего качества, скатерть

богаче. Китайские слуги в ливреях. Марлоу, Паллидар и Дмитрий стояли перед ревущим огнем в камине, ожидая её появления. Они поцеловали её руку, выразили восхищение её шляпкой, которую она согласно обычаю не стала снимать; Марлоу и Паллидар явились на ужин в скромных, повседневных мундирах. И пока она здоровалась с ними и с молчаливым очарованием выслушивала их комплименты, её внутренний двигатель просеивал Горнта, что он сказал и чего не хватало в его словах.

— Теперь, когда наша почетная гостья осчастливила нас, прошу к столу! — Горнт усадил её на одном конце стола. Сам сел напротив. Стол был достаточно маленьким для тесного общения в дружеской компании и достаточно большим, чтобы выглядеть впечатляюще. — Господа, тост! — провозгласил он, поднимая бокал с шампанским. — За нашу даму! — Они выпили, и его глаза ни на мгновение не покидали её глаз. Приглашение, сделанное тонко и незаметно для других. Она улыбнулась в ответ, не принимая его и не отвергая.

Время терпит, подумал он, в восторге от того, что выступает в роли хозяина и в ещё большем восторге от себя самого. Столько ещё предстоит рассказать. Возможно, самую интересную часть. Но не ей.

В его последний день в Гонконге Тесс снова послала за ним, тайно.

— Я просмотрела все бумаги, мистер Горнт. У меня нет абсолютной уверенности, что поддержка, которую эти документы обеспечивают вашему плану, приведет к падению Броков.

— Я думаю, их будет достаточно, мэм, — сказал он, пораженный тем, как глубоко она знает бизнес. — Я искренне считаю, что у вас есть все необходимое, чтобы отомкнуть «ящик Пандоры». — Это было условное название, на котором они остановились. — В этой мозаике не хватает одного последнего кусочка, чтобы картина была полной и успех гарантирован.

— И этот кусочек?

— Официальная печать Норберта. Она находится в его сейфе в Иокогаме.

Она вздохнула и откинулась на спинку резного кресла. Ни ему, ни ей не нужно было произносить вслух, что эта печать, поставленная почти на любом документе Броков, выполненном на официальном бланке компании, при условии, что он правильно составлен и датирован, придавала ему законную силу, обязывая посредством Норберта отделение в Иокогаме ко всему, что излагалось на бумаге.

Ни к чему произносить вслух, что теперь стало возможно занести на бумагу любую компрометирующую информацию, датировать задним

числом и обнаружить в общей стопке или тайком всунуть туда. Кто смог бы оспорить подобное письмо теперь, когда Грейфорт мертв?

Они оба понимали её ценность.

Морган и Тайлер Броки долго раздумывали над этим сложным, но невероятно хитроумным планом прибрать к рукам гавайский рынок сахара — в принципе уже осуществленным, — обменяв далее весь урожай сахара на хлопок южан, который они заранее, и совершенно официально, продали крупным и абсолютно надежным французским корпорациям — историческим союзникам Соединенных Штатов, которые к тому же не подпадали под блокаду северян в данном конкретном случае благодаря организованной поддержке в Конгрессе и ряду особых мер предосторожности — с тем, чтобы хлопок затем был законным порядком перевезен из Франции в Женеву, а оттуда, опять же в законном порядке, доставлен на ткацкие фабрики Ланкашира, которые почти встали и отчаянно нуждались в сырье.

Маленькая загвоздка: если бы Союзное правительство доподлинно установило конечный пункт назначения — официально Британия сохраняла нейтралитет, большинство же британцев активно выступали на стороне конфедератов — и это стало бы достоянием гласности, оно воспрепятствовало бы вывозу хлопка, перехватив корабли в море. Риск был крайне невелик, ибо существовала договоренность на высоком уровне с французским представительством, в отношении которого бумаги Горнта впервые доказывали, что под его видом выступала все та же компания Броков; невмешательство правительства дополнительно обеспечивалось ещё и тем, что изрядная доля сахара, в котором все нуждались не менее отчаянно, должна была пойти в обмен на тайную партию производимого северянами оружия, которую Броки быстро вывезут в Азию. Предполагаемая прибыль была огромной. Позиция компании Броков в Азиатско-Американском союзе станет главенствующей, кто бы ни выиграл гражданскую войну. В Азии же они вознесутся выше всех. И план этот никак не мог провалиться, потому что его гарантом выступал гонконгский БАНК «Виктория».

Этот банк, самый большой в Колонии, с готовностью поддержал это предприятие, одобренное Советом директоров, одним из которых был Тайлер Брок, выставив в качестве номинального обеспечения акции компании «Брок и Сыновья» и ликвидные средства. По сути своей банк «Виктория» являлся копилкой Броков. Старик Брок был одним из основателей банка в 1843 году, он сам выбрал всех остальных членов — навечно исключив из состава Совета любого директора из компании

Струана, — ему принадлежало сорок процентов акций, и в Совете он постоянно контролировал минимум девять голосов из двенадцати. Так вот, поддерживая Брока в его международных проектах, Совет одновременно с этим согласился разорить компанию Струана, собрав на руках все её долговые обязательства, срок которых истекал 30 января — график и сомнительные методы тайной долгосрочной операции по приобретению этих обязательств также были представлены в бумагах Горнта.

Горнт взволнованно указал, что впервые «Брок и Сыновья» оказались уязвимы — никогда ещё они не выставляли контрольный пакет своих акций в качестве обеспечения. Банк «Виктория» был ключом к «ящику Пандоры». Ключом к банку был Совет директоров. Его следовало обработать, развернуть в противоположном направлении, и внезапное прекращение финансовой поддержки Тайлера и Моргана в нужный день не оставляло им никакой надежды, лишая необходимых средств для смазки закрутившихся колес. Тем временем детали сделки из собранных Горнтом улики и уведомление, что «Виктория» не будет её долее поддерживать, необходимо было на всех парусах отослать с клипером в Вашингтон и передать в нужные руки, которые смогли бы реально воспрепятствовать её осуществлению — без поддержки банка не будет сахара, чтобы обменять его на хлопок или оружие. Но это было необходимо осуществить сейчас, до того, как расстановка голосов в Совете будет изменена.

Переворот в Совете — главный стержень плана Горнта.

Его бумаги содержали факты, выставлявшие в крайне неприглядном свете двух поддерживавших Тайлера Брока членов Совета, факты настолько серьезные, что голоса этих людей отходили любому, кто владел этими документами. Семь против пяти. Кроме этого, там были собраны факты о третьем человеке, менее острые и компрометирующие. Возможное равенство голосов, шесть против шести.

Идея Горнта заключалась в том, что Тесс должна тайно встретиться с председателем Совета, передать ему все эти факты, сообщить, что все детали плана Броков уже находятся на пути в Вашингтон, и предложить выбить почву из-под ног Броков и начать поддерживать компанию Струана, предоставив отсрочку платежей на полгода и два места в Совете, немедленно установить свой контроль над компанией Броков и продать с молотка все её активы, этого хватит, чтобы покрыть долги, оставив Тайлера и Моргана Броков тонуть в сахаре, за который они не в состоянии расплатиться.

— В обмен на что? Зачем банку играть против Тайлера? — спросила она. — Вести двойную игру, кажется, так говорят в Америке?

— Да, мэм, только это будет тройная игра. Почему Совет должен обеими руками ухватиться за эту сделку? Потому что они окажутся в огромном выигрыше, и председатель, и все остальные, поскольку втайне они ненавидят Тайлера и боятся его так же, как и все. К вам у них ненависти нет, вы «Благородный Дом» и для них не угроза. Ненависть, не одни только деньги, движет этим миром.

— Я не согласна, но не будем спорить об этом. Возвращаясь к этой мифической печати. Что вы предполагаете делать с ней? — Она цинично улыбнулась. — Если вы её заполучите.

— Все, что вам угодно, мэм.

— Возможно, вам следует привезти её сюда на «Гарцующем Облаке»?

— Нет, прошу прощения, это слишком скоро, разве что вы продержите клипер там неделю-другую. Я привезу её в своё время.

— Зачем откладывать? Пришлите её, Стронгбоу можно доверять.

— Я привезу её в своё время. — Он вспомнил, как её глаза, такие блеклые и, на первый взгляд, такие бесхитростные в большинстве случаев, прожгли его, как капли расплавленного железа. — Я обещаю.

— Отложите это пока в сторону. Цена, мистер Горнт?

— Я бы хотел назвать её, когда вернусь, мэм.

Она невесело рассмеялась.

— Я уверена, что хотели бы. Я полагала, к этому моменту вы уже достаточно хорошо меня узнали, чтобы не попытаться прижать меня или компанию. Вы могли бы тянуть до последнего момента, к этому времени мне пришлось бы начать наступление как на Тайлера, так и на банк, «Струан и Компания» были бы страшно уязвимы, и мне пришлось бы согласиться на все, что вы ни потребуете.

— Доверие должно быть обоюдным. Я предоставил вам сведения, которые нужны вам, чтобы сокрушить Тайлера Брока и Моргана, в обмен на сделку, которую вы обещаете мне в будущем, я верю, что вы сдержите слово, мэм. Попросить об отсрочке — это не много, я клянусь, что приеду вовремя. То, что я привезу из Йокогамы, будет глазурью для нашего торта, и цена будет справедливой.

— Я никогда не любила торты и глазурь, мистер Горнт — вся любовь была выбита из меня моим отцом, не одобрявшим подобной пищи, когда я была ещё очень молодой. Цена?

— Позвольте заверить вас, мэм, это будет цена, которую вы заплатите с радостью, клянусь честью и даю вам слово джентльмена.

Она посмотрела на него.

— Позвольте и мне заверить вас, мистер Горнт, со своей стороны, если

вы поведете со мной игру, двойную или тройную, я позабочусь о том, чтобы вы стали крайне несчастным человеком, кроме того, что вы окажетесь персоной нон грата в Азии и во всей империи — клянусь честью и даю вам слово тайпэна «Благородного Дома»...

Горнт похолодел, вспомнив, как слова Тесс тогда окружили его со всех сторон, как стена, ту гордость, с которой она произнесла «тайпэн „Благородного Дома“», даже когда добавила «пусть этот титул для меня и временный». В тот же миг он вдруг осознал, что сейчас эта женщина действительно была тайпэном, понял, что, к кому бы ни перешел вскоре этот титул, этот человек не получит вместе с ним и власть. Понял — и страх поразил его, как удар кинжала, — что ему ещё долго придется иметь с нею дело, что, уничтожая «Брока и Сыновей», он, возможно, создал чудовище себе на погибель.

Боже милосердный, она может разнести меня в клочья, стоит ей только захотеть! Как мне сделать её союзницей, сохранить её как союзницу? Она должна быть на моей стороне, чего бы это ни стоило.

Смех Дмитрия и Марлоу вернул его назад. Его мир снова обрел равновесие. Горящие свечи, обеденный стол, прекрасное серебро, прекрасные друзья. Он в полной безопасности в Йокогаме, печать уже убрана из сейфа и надежно спрятана, уже написано письмо, нужная дата и печать поставлены, оно подкрепляет недостаточно веские улики против ключевого члена Совета директоров; другое письмо косвенно указывает на участие в преступном сговоре его председателя. Без них весь Совет упадет на колени, как развалившийся картонный домик, так должно случиться, они не устоят перед своим единственным шансом поквитаться с Тайлером и Морганом Броками. И не нужно бояться Тесс Струан. Она в моей власти не меньше, чем мое будущее — в её.

Мне есть чем быть довольным. Вот я, мне двадцать семь, голова Моргана почти что в корзине, я тайпэн будущей компании «Ротвелл-Горнт», сижу во главе великолепного стола, слуги ждут моих приказаний. И она здесь, прекрасная, в скором будущем богатая, и любит меня, как бы она ни старалась скрыть это, моя будущая невеста при любом исходе — ребенок Малкольма только повысит цену для Тесс, смелую, но приемлемую цену, которую она с радостью заплатит!

«Здоровья, и на долгие годы», — молча произнес он тост, поднимая бокал за Анжелику, за себя, за них обоих, уверенный, что его будущее безгранично.

Для гостей его тайный тост прошел незамеченным, они были слишком

увлечены беседой, стараясь завоевать её внимание. Он спокойно наблюдал за ними. Большею частью же он смотрел на неё. Затем легонько ударил по столу.

— Анжелика, джентльмены, минуту внимания, пожалуйста. У нас есть индийский пряный суп, густой и острый, запеченная рыба с луком, оливки и охлажденное белое вино «Крю Водезир», шербет и шампанское, затем ростбиф с картофелем и красным вином «Сент-Эмильон» — шеф-повар «отыскал» прекрасный кусок струановской говядины... не волнуйтесь, мэм, — заметил он со смешком, — кусок был куплен, не украден. Затем пирог с курицей и под конец сюрприз, последний из всех сюрпризов.

— И что это будет? — поинтересовался Марлоу.

— Подождите, сами увидите. — Он посмотрел на Анжелику.

Она улыбнулась своей загадочной улыбкой, которая так волновала его, как улыбка Моны Лизы, которую он видел в Лувре во время одной из поездок в Париж — увидел и запомнил навсегда.

— Я думаю, мы должны довериться нашему хозяину, капитан, — тихо сказала она. — Вы не согласны?

Воскресенье, 11 января

Ночью Анжелика проснулась в холодном поту: она вернулась в прошлое, во французскую миссию, маленькие бутылочки мамы-сан стояли на столике у кровати, одна уже пустая, другая наготове, чтобы откупорить и выпить, как только начнутся спазмы.

Она обнаружила, что лежит в теплой постели в своей спальне, угли в камине ещё теплятся, ночная лампа отбрасывает густые тени, и ужас оставил её, колотящееся сердце успокоилось, и она стала ждать первых признаков. Ничего. Никаких спазмов или боли в животе. Минуты ожидания. По-прежнему ничего. Слава богу, подумала она, мне, должно быть, приснилось, что они начались. Она обмякла на пуховой перине, глядя на огонь, ещё не вполне проснувшись, на углях рисовались мирные картины, вот радостный вид парижских крыш на закате дня, перетекающий в летний пейзаж с домиком в Провансе, о котором она мечтала, её крошксын мирно спит у неё на руках. «Иисус, Мария, пожалуйста, сделайте так, чтобы ничего не началось. Пожалуйста».

На пороге сна её живот вдруг сжался от боли.

Ещё один спазм, отличный по характеру от первого. Потом ещё один. Сна как не бывало. Она опасливо потерла ладонями живот и лоно, но боль не проходила, и теперь она была уверена, что это та самая, хорошо знакомая ей, тянущая боль с легким ощущением, будто её раздувает изнутри.

Началось. Вскоре появилась кровь. И вместе с нею прорвались наружу вся её тоска, все её тревоги и надежды. В глубоком горе она заплакала, зарывшись лицом в подушку.

— О Малкольм, я так надеялась, так надеялась, теперь мне нечего дать тебе, ничего не осталось от тебя, нечего дать тебе, о Малкольм, Малкольм, прости меня, мне так жаль... о Боже, как мне жаль... да сбудется воля Твоя...

Слезы текли и текли, пока, после целой вечности, она не уснула, когда они иссякли.

— Мисси, вставайте! Мисси-тайтай, ко-фи, хейя!

Выбираясь из косматой паутины сна, Анжелика услышала, как А Со со стуком поставила поднос на столик рядом с кроватью, и почувствовала

теплый божественный аромат свежесваренного кофе — подарок Сератара и одна из немногих услуг, которые А Со могла выполнить и выполняла как должно, — этот аромат обволакивал её, отворяя ей двери нового дня и вводя туда без боли.

Она села на кровати и потянулась, пораженная и обрадованная тем, что чувствует себя так бодро и так хорошо. Спазмы прошли, тянущая боль утихла до привычной, даже была меньше как будто, и ощущение раздутости было не таким сильным.

И что было лучше всего, отчаяние покинуло её. Это её чудо, подумала она благоговейно. Последний месяц, вознося вечернюю молитву Пресвятой Богородице, она разговаривала с ней, вопрошала её, молила и однажды ночью, вконец измученная тревожным ожиданием, прислушалась. «Оставь это мне, дитя, это мое решение, не твое, — услышала она, услышала не ушами, а самой глубиной своего существа, — мое решение, все целиком, спи спокойно». Тревога больше не мучила её в ту ночь.

Так это было её решение, как чудесно! Анжелика была согласна принять её вердикт. Волю Господа. И она приняла её.

Подчиняясь порыву, она встала на колени у кровати, закрыла глаза и благословила её, вознося страстные слова признательности, ещё раз сказала, как ей жаль, но от всего сердца поблагодарила за то, что тяжкое бремя снято с её души, да исполнится воля Твоя... Анжелика опять скользнула под покрывала, готовая к кофе и встрече с миром. Кофе в это время, девять часов утра, был обычаем по воскресеньям, потом как раз можно было успеть принять ванну и одеться к церкви.

Церковь? Почему бы и нет? — подумала она, я должна вознести благодарность как положено, но никакой исповеди.

— А Со, приготовь мою ванну и... — А Со смотрела на неё во все глаза затуманенным взглядом. Анжелика вдруг поняла, что её горничная, должно быть, видела пятна крови сзади на её ночной рубашке.

А Со торопливо проговорила:

— Я приносить мыца. — Она засеменила к двери, но Анжелика оказалась там раньше и оттолкнула её назад в комнату.

— Если ты расскажешь кому-нибудь, я выцарапаю тебе глаза!

— Ай-й-йа, нет понятна, мисси-тайтай, — охнула А Со, смертельно напуганная злобой на лице и в голосе своей хозяйки. — Нет понятна.

— Не ври, все ты понимаешь! Дью не ло мо-а, — выплюнула она кантонское ругательство: она слышала один раз, как Малкольм бросил эти слова Чену, когда был зол на него, и помнила, как Чен побелел. Малкольм никогда не рассказывал ей, что они означают, но на А Со они произвели тот

же самый эффект, и ноги китаянки едва не подкосились.

— Ай-й-й-йа-ха!

— Если ты говорить, А Со, тайтай будет... — Анжелика в ярости вонзила свои острые ногти ей в лицо в миллиметре от глаз и оставила их там. — Тайтай делать вот так! Понятно?

— Понятна! Сик'лет, тайтай! — Перепуганная женщина простонала что-то по-кантонски и сжала пальцами губы, изображая скрепу. — А Со нет рассказать понятна!

Обуздав свою ярость, хотя сердце продолжало бешено колотиться в груди, Анжелика подтолкнула женщину к постели и снова забралась в неё. Повелительным жестом она указала на чашку.

— Дью не ло мо! Налей мне кофе!

Переполненная почтением и подлинным страхом, А Со налила кофе, протянула ей чашку и, смиренно сложив руки, встала рядом.

— Не болтать, убери всю постель, простыни, чистые. Секрет!

— Понятна тайтай, нет болтать, сик'лет, понятна.

— Не болтать! Или... — Её ногти полоснули воздух. — Мыться!

А Со заторопилась прочь, чтобы принести горячей воды, но прежде всего, чтобы шепотом передать новость Чену, который закатит глаза к небу и скажет «ай-й-йа, что теперь сделает тайтай Тесс», и припустит со всех ног, чтобы отправить это известие с самым быстрым кораблем светлейшему компрадору Чену, который приказал им немедленно уведомить его, невзирая на затраты.

Кофе был восхитителен. Он успокоил её желудок и состояние духа и прогнал легкое ощущение опухлости. Одной из самых больших, истинных радостей для Анжелики в этом мире был утренний кофе, особенно с воздушными булочками и в компании с Колеттой на Елисейских Полях, в одном из уличных кафе, читая последний «Придворный циркуляр» и наблюдая, как весь свет неспешно прогуливается мимо.

Сначала церковь. Я притворюсь, что пока ещё ничего не произошло — А Со не проболтается, она не посмеет. Кому рассказать первому? Хоугу? Андре? Эдварду? Мистеру Скаю?

Она уже беседовала с Небесным Нашим Скаем. Его совет сводился к тому, что у них не было иного выбора, кроме как ждать: смотреть, что будет делать Хоуг, и после этого, что предпримет Тесс. Письмо, полученное им от Тесс, было коротким: «Дорогой мистер Скай, я знаю, что мой сын прибежал к вашим услугам. Отступитесь и воздержитесь впредь от участия в наших делах, моего сына и моих. Ничего хорошего из этого не выйдет».

— Интересный выбор слов, — прокомментировал он.

— У вас такой испуганный тон, словно мы уже проиграли.

— Вовсе нет, Анжелика. Нашей единственной позицией сейчас может быть ожидание. Инициатива в её руках.

— Со следующей почтой я хочу написать стряпчим компании Струана и запросить отчет и опись наследства, оставленного моим мужем. — Эту идею подсказал ей Андре, который был сторонником немедленного открытия наступательных действий.

— Могу только приветствовать, если вы хотите угодить в её ловушку.

— Что?

— Единственный образ, которого вы должны придерживаться, это убитая горем, незаслуженно притесняемая вдова, совсем ещё дитя, которую склонил к раннему браку мужчина с сильной волей, а не обедневшая алчная вдова богатого мужа, распутного юноши, не достигшего ещё совершеннолетия, который пошел против желания своей матери и взял в жены юную леди без средств из семьи, имеющей сомнительную репутацию, — пожалуйста, не сердитесь, я говорю лишь то, что, может быть и вероятно, будет сказано. Вы должны выжидать, дорогая леди, делая вид, будто надеетесь, что Тесс отнесется к вам по-человечески. Если бы его ребенок был... э... если вы ждете его ребенка, это было бы большим подспорьем.

— А если нет?

— Давайте поговорим об этом, когда это произойдет, я хочу сказать, когда не произойдет. Времени на раздумье доста...

— Времени у меня не так много. У меня кончатся деньги.

— Наберитесь терпения...

Mon Dieu, терпение! Мужчины и это их терпение.

Теперь, когда у Анжелики не было ни малейших сомнений, что она не носит ребенка Малкольма, она отложила в сторону все планы, которые выстраивала на случай, если дитя родится, и сосредоточилась на втором варианте.

Немедленное и широкое наступление на эту женщину? Нет, это будет позже, здесь мистер Скай прав. Сначала мне необходимо выяснить, что она намерена делать. Для этого я должна рассказать все Хоугу или Бебкотту. Хоуг привез мне её послание, посему это должен быть он. Совсем необязательно позволять им лапать меня, что тому, что другому. Я и так могу все им сказать. Сделать это сейчас или позже? Стоит ли сначала советоваться с Андре или с Эдвардом? Не думаю.

Без ребенка, за которым нужно ухаживать, за чьи интересы нужно бороться, жизнь моя становится проще, шансы на повторный брак — выше.

Что бы ни случилось, я, как и всякая другая девушка, должна иметь защитника, подходящего мужа или, со временем, хоть какого-нибудь мужа.

Что же до моих перспектив: у меня нет достаточно денег, чтобы вернуться в Париж и обосноваться там. У меня вообще нет никаких перспектив, кроме как договориться с компанией Струана — нет, не с компанией, с этой женщиной. Даже виды на Эдварда зависят от этого. Особенно на Эдварда. Без удачного исхода для меня и без её благожелательного отношения к предложенной им сделке его матримониальные интересы растают как дым. Это справедливо, потому что мои растают ещё быстрее. Он влюблен в меня, я в него — нет, хотя он мне очень нравится, но без взаимной материальной обеспеченности этот союз лишен всякой логики.

Какая бы мысль ни возникала у меня, я всегда возвращаюсь к этой женщине, подумала Анжелика, весьма довольная тем, как работает её разум, с холодной последовательностью, без терзаний и тревог, просто охватывает и рассматривает один за другим все аспекты, как и должна поступать разумная женщина.

Я смогу протянуть ещё месяц, от силы два, если не стану давать денег Андре. Расписки у меня скоро кончатся, Альберт в любой день может получить распоряжение отказать мне в кредите и вышвырнуть меня на улицу. Я почти могу читать её злобные мысли. Ладно, я смогу переехать во французскую миссию. Но они не станут кормить меня очень долго.

Сэр Уильям? У него нет никаких причин делать больше того, что он уже сделал. Андре единственный недостижимый для неё человек, который может помочь. Очнись, Анжелика, это не так! Когда Андре увидит, что денежный источник иссякает или уже иссяк, невозможно предугадать, что он натворит с отчаяния. Он может продать Тесс ту ужасную бумагу, он может предоставить ей доказательства... прошлого. Он циник, достаточно бессердечный или достаточно умный, чтобы сохранить доказательства того, что я заплатила за лекарство потерянными серьгами. Его устроит гораздо меньшая сумма, чем меня. Но все равно, здесь он единственный человек, в котором достаточно зла, чтобы сразиться с ней. Эдвард пойдет против неё, но лишь до определенной черты. Он не откажется от компании «Ротвелл-Горнт».

Следует ли мне немедленно уговорить Эдварда вернуться в Гонконг? Или Хоуга, он мой друг более-менее, и именно его она ко мне послала. Или Андре? Нет, его — нет: я ни на миг не сомкну глаз, зная, что он в Гонконге, с этой женщиной и без присмотра.

Для неё посещение церкви было огромным успехом, даже при её меланхолии. Она оделась, как обычно, в черное, вуаль покрывала её шляпку и лицо до середины. День был ветреный. С молитвенником в руке она вышла на променад, и, когда миновала католическую церковь и присоединилась к потоку, направлявшемуся к Святой Троице, прошла по дорожке, вступила в церковь, села в пустом заднем ряду, затем опустилась на колени и начала молиться, по нефу, уже наполовину полному, волной пробежал шелест, эхом отозвался среди замешкавшихся в дверях прихожан, и поток людского изумления, набирая силу, покатился по всему Поселению и дальше — в Пьяный Город.

— Господи Всемогуций, Ангелочек-то в церковь пошла, в нашу церковь...

— В Святую Троицу? Вот те на, она же католичка...

— Вот не вот, да только в Святой Двоице она и сидит, румяная, как ягодка, вся в красном и без панталон...

— О, ради Бога, ты только сплетни не распускай...

— Ничего не сплетни, она их никогда не надевает...

— В Святой Двоице? Боже Святый! Она что же, стала одной из нас?

— Старикан Твитти штаны намочит от счастья...

Морин и Джейми шли позади неё. Они нерешительно замедлили шаг возле её скамьи, готовясь спросить: «Можно ли нам сесть рядом?» — но Анжелика осталась коленопреклоненной, словно была погружена в молитву, и не поздоровалась с ними, хотя знала, что они смотрят на неё, и очень завидовала радостному зеленому цвету платья и пальто Морин и шляпке того же оттенка, с облачком желтого шифона, ниспадавшим за спину. В следующий миг они прошли дальше, уступая напору сзади и не желая беспокоить её — чего она и добивалась. После первой страстной благодарственной молитвы за ниспосланную силу, которая помогла ей пережить глубокое разочарование, она не стала подниматься с удобной, мягкой подушечки и, скрытая вуалью, смотрела во все глаза, что же произойдет дальше. Это была первая протестантская служба, на которой она присутствовала.

Благоговения и почтительности было меньше, чем в её собственной церкви, но места были заполнены едва ли не полностью; тут и там стояли жаровни, подогревавшие сырой воздух, и все, кто только не был болен и мог ходить, собрались здесь. Витражные стекла были богаты, алтарь же и украшения — гораздо скромнее, чем она ожидала увидеть.

Другие, испытывая при виде её различные степени восторга и удивления, с удовольствием остановились бы, чтобы поздороваться или

просто кивнуть, готовые при малейшем поощрении сесть рядом. Но все прошли мимо, не желая тревожить её во время молитвы. Горнт выбрал скамью напротив.

Кончилось тем, что её оставили одну, и вскоре началась служба. Сначала был исполнен гимн, и она стала подражать остальным: вставала, когда вставали они, садилась, когда все садились, молилась, когда все молились, но только Пресвятой Богородице, и выслушала проповедь, которую, запинаясь, прочел преподобный Твит, совершенно потрясённый её появлением. Потом были ещё гимны и песнопения, и блюдо для пожертвований — неловкий момент, пока она пыталась достать несколько монет из кошелька, — потом ещё один гимн, благословение паствы, и наконец все кончилось, и раздался слышимый вздох честно заслуженного облегчения.

Викарий направился в ризницу, предшествуемый древним прислужником, и прихожане поднялись со скамей. Большинство из них начали, шаркая ногами, продвигаться к выходу, предвкушая традиционный воскресный обед, самый лучший обед недели: ростбиф, йоркширский пудинг, жареный картофель — для тех счастливиц, которые могли позволить себе хороший кусок мяса из последней партии замороженной на льду австралийской говядины.

Несколько человек остались для заключительной молитвы. В своей Анжелика молила о прощении за то, что пришла в эту церковь, но она была уверена, что Господь поймет её: это был лишь короткий и совершенно необходимый протест, направленный против отца Лео. Все глаза украдкой разглядывали её, двигаясь к дверям. Затем и она встала и присоединилась к последним из выходящих, кивая и отвечая «доброе утро» на тихие, вполголоса, приветствия. Викарий стоял снаружи у самой двери, радушно здороваясь с одними, награждая гневным взглядом других. Когда появилась Анжелика, он приобрел вид одновременно ангельский и растерянный:

— О Боже, мисс Анже... о, мадам, как чудесно видеть вас, добро пожаловать в Святую Троицу, можем мы надеяться видеть вас чаще... если у вас есть вопросы, я мог бы объяснить... О! Нет? Что ж, надеюсь, вам понравилось... э, пожалуйста, пожалуйста, приходите ещё, так чудесно вас видеть, мы все очень рады вам...

— Благодарю вас, преподобный отец, — ответила она, коротко присела перед ним, торопливо прошла по дорожке и вышла на променады.

Сэр Уильям поджидал её, Бебкотт вместе с ним; оба они, как и все, были закутаны в шарфы от резкого, порывистого ветра.

— Рад вас видеть в добром здравии и на людях, — искренне произнес

сэр Уильям, — особенно здесь. Мы весьма гордимся нашей Святой Троицей и очень рады, очень, просто счастливы, что вы здесь. Викарий сегодня был немного не в себе, прошу за него прощения, обычно он хорошо говорит и не слишком упирает на геенну огненную и разверстую пропасть под ногами. Вам понравилось богослужение?

— Это было так необычно, сэр Уильям, — ответила она. — Богослужение на английском, а не на латыни — для меня это невиданное что-то.

— Да, полагаю, что да. Можно нам поговорить с вами?

— Пожалуйста. — Они быстро зашагали по набережной, обмениваясь шутками и поддерживая приятную беседу, пряча главное, что занимало их умы, за светской болтовней: погода ужасная, не правда ли? футбольный матч вчера днём получился потрясающий; позвольте нам сопровождать вас на следующей неделе? читали ли вы последние газеты, не слышали ли, что наша труппа «Актеры Йокогамы» готовит к постановке «Ромео и Джульетту»?

— Вам доводилось появляться на сцене, играть в спектаклях, мадам?

— Только в детских рождественских постановках в монастыре, — ответила она. — И не слишком успешно... О!

Порыв ветра подхватил шляпу сэра Уильяма и помчал её кувырком, Бебкотт едва успел схватиться за свою, Анжелика оказалась не столь расторопна, и её шляпка полетела вдоль променада вместе с остальными под гром проклятий, завываний, веселых вскриков и смеха. Она присоединилась к общей толчее, пытаясь догнать свою шляпку, но Бебкотт опередил её, подхватив шляпку как раз перед тем, как та была готова выкатиться на пляж; шляпу сэра Уильяма поймал Филип Тайрер, который быстро протянул ему беглянку и бросился в погоню за своей собственной.

— Моя лучшая касторовая шляпа, — сокрушенно покачал головой сэр Уильям, стряхивая грязь, которая выглядела подозрительно похожей на навоз. Её шляпка не пострадала, Анжелика с улыбкой водрузила её обратно и, крепко придерживая рукой, заколола шляпной булавкой.

— Благодарю вас, Джордж, я уже решила, что она отправилась купаться.

— Я тоже. Вы позвольте нам занимать вас за обедом?

— Очень вам признательна, но нет, сегодня я останусь дома. Скоро они оказались у парадного входа фабрики Струанов.

Оба мужчины поцеловали ей руку, и она исчезла за дверью.

— Очаровательная леди, одновременно добропорядочная и веселая, — заметил сэр Уильям.

— Да. — Бебкотт, нахмурившись, смотрел в море.

Сэр Уильям проследил за его сосредоточенным взглядом. Он не заметил в заливе ничего тревожного.

— Что случилось?

— Её месячные начались.

— Боже Всемогуший, вы осмотрели её? Или это был Хоуг? Почему, дьявол меня забери, вы мне ничего не сказали?

— Мы её не осматривали. Я просто знаю, вот и все.

— А? Откуда же вы зна... — Он замолчал: мимо проходили Мак-Струан и Дмитрий. — Доброе утро, доброе утро, — нетерпеливо пробормотал он, потом взял Бебкотта под руку и повел по улице к миссии. — Откуда вам это известно? А?

— Ради всего святого, ведь я же врач. Я видел её вчера, а сегодня, когда она оказалась без вуали, я сразу догадался. Её лицо чуть-чуть припухло, и когда она догоняла свою шляпку, я заметил, что ей неудобно бежать.

— Чёрт меня подери, если я заметил что-нибудь подобное! Боже Всемогуший! Вы уверены?

— Нет, но готов поставить на это сто гиней против фартинга.

Сэр Уильям задумался.

— А Хоуг тоже сможет определить это, просто взглянув на неё?

— Не могу сказать.

— В таком случае ничего ему не говорите.

— А почему, собственно, нет?

— Пусть это останется между нами, так лучше всего, — доброжелательно произнес сэр Уильям. — Давайте предоставим Анжелике разыгрывать свою партию, как она этого хочет. Это её игра, её и Тесс Струан, не наша. Уже не наша.

Четверо блюстителей закона бакуфу, включая сержанта, тяжело прошагали через ворота Ёсивары. Внешне они ничем не отличались от любого другого самурайского патруля, но эти люди были крепче, злее и внимательнее. Едва минул полдень. Несмотря на погоду, по улице, согласно традиции, не спеша прогуливались в обе стороны куртизанки, сопровождаемые прислужницами. Они демонстрировали утонченность своих нарядов и макияжа друг другу и группкам гайдзинов, которые пили и глазели во все стороны, сидя в маленьких кафе и в чайных домиках; когда ветер поднимал несколько ярких зонтиков на воздух, девушки разражались веселым смехом.

Время от времени один из блюстителей подходил к привратнику гостиницы, или посетителю чайного домика, или прислужнице в ресторане. Тут же этот человек кланялся, заискивающе улыбался и бормотал:

— Нет, господин, предателя Хирагу здесь не видели, о нет, господин, благодарю вас, господин, да, господин, незамедлительно, господин, нет, я его не знаю, господин.

Почти всем им было известно, где он прячется, но они хранили молчание, ненавидя блюстителей и хорошо зная вдобавок, что никакое вознаграждение не могло спасти от мести сиси или презрения всего Плывающего Мира после такого предательства. В их мире тайны были ценнейшей пряностью и самой ходовой валютой, добавляя остроты каждому новому дню.

Патруль не спеша и, казалось, без определенной цели продвигался вперед. Затем сержант сменил направление, свернул в переулок дома Трех Карпов и забарабанил в дверь ограды.

Хирага оказался в ловушке. Всякий раз, когда поблизости появлялся патруль, его заблаговременно предупреждали, чтобы он успел скрыться в своём подземном убежище в тоннеле, куда он перетащил грубую кровать, свечи, спички, еду, свои мечи, револьвер и взрывчатку Кацуматы. Сегодня, получив предупреждение, Хирага обнаружил, что тот сад обыскивают другие самураи и у него нет никакой возможности добраться до колодца.

В панике он бросился туда, где располагалась кухня, и едва успел натянуть на себя спрятанные там лохмотья, которые передал ему Кацумата, как в нескольких метрах от него сержант, скрытый оградой, вошёл в дверь, грубо оттолкнув кланяющегося привратника, сбросил сандалии и вступил на веранду главного дома.

Не подозревая, что Хирага наверху и так близко, Райко вышла приветствовать сержанта, села на колени и поклонилась с самым любезным видом, чувствуя трепет внутри, потому что это был уже третий день обысков — слишком много для спокойной жизни.

— Добрый день, господин, прошу прощения, дамы отдыхают и не готовы принимать клиентов.

— Я хочу провести обыск.

— С удовольствием, пожалуйста, следуйте за мной.

— Идите на кухню.

— На кухню? Пожалуйста, прошу сюда. — Она с приятной улыбкой показала дорогу. Когда она увидела Хирагу, уткнувшегося лбом в грязь вместе с дюжиной поваров и слуг, у неё едва не подогнулись колени.

Хирага был в грязи, голову его покрывали клочья спутавшихся волос

— парик, который Кацумата носил в Ходогайе, — он был голый, не считая перепачканной набедренной повязки и рваной, изношенной рубашки.

Сержант с жестким, будто выдубленным лицом стоял, уперев руки в бока, и смотрел вокруг. Внимательно и терпеливо. Каждый угол, шкаф и кладовка подверглись тщательному осмотру. Ряды редких пряностей, сортов чая, бочонки саке, бутылки с крепким напитком гайдзинов, мешки чистейшего риса. Он грубо фыркнул, чтобы скрыть зависть.

— Ты! Главный повар! — Смертельно перепуганный человек с круглым брюшком поднял голову. — Встань вот здесь! Построиться в ряд, всем до единого. — Они бросились выполнять приказ, спотыкаясь и налетая друг на друга; Хирага, сильно хромая, грязный, голый, не считая набедренной повязки и драной рубахи, протолкался и занял своё место среди прочих. Бормоча под нос проклятия, самурай двинулся вдоль ряда, подолгу всматриваясь в каждого человека. Когда он дошел до Хираги, его нос сморщился от отвратительной вони, потом он перешел к следующему, от того — к следующему и дал выход долго сдерживаемому гневу, заорав на последнего в шеренге, который мешком повалился на пол, задыхаясь от страха. Затем сержант вернулся назад и встал напротив Хираги, твердо уперев ноги в пол.

— Ты! — проревел он. — Ты!

Райко вскрикнула и едва не лишилась чувств, все затаили дыхание, Хирага упал лицом в пол, униженно скуля и подвывая, и упираясь пятками в стену, чтобы броситься и схватить сержанта за ноги. Но тот вдруг разразился:

— Ты — позор для кухни, а вы, — он круто повернулся к Райко, которая от ужаса вжалась спиной в стену; Хираге между тем удалось вовремя остановить свой отчаянный бросок. — Вам должно быть стыдно, что такое перепачкавшееся в дерьме отродье, как он, допущено в кухню для богатых людей. — Твердым, как железо, большим пальцем ноги он пнул пачкуна в основание шеи, и Хирага взвыл от настоящей боли; парик едва не слетел с его головы, он в панике схватился за него, накрыв голову руками. — Избавьтесь от него. Если этот мешок со вшами будет здесь или в Ёсиваре после захода солнца, я закрою ваш дом за грязь! Побрейте ему голову! — Ещё один пинок, и он вышел наружу.

Никто не шевельнулся, пока не был подан сигнал, что все спокойно. Но и после этого все двигались с опаской. Вбежали прислужницы с нюхательными солями для Райко, которая, с трудом переставляя ноги, удалилась, поддерживаемая под руки с обеих сторон. Слуги при кухне тем временем помогли Хираге подняться. Ему было очень больно, но он не

подавал виду. Он тут же разделся, прошел туда, где жили слуги, и вымылся. Он долго и нещадно тер себя, изнемогая от омерзения — ему только-только хватило времени, чтобы опустить руки в ближайшее ведро с испражнениями, вымазаться и бежать поближе к огню, чтобы обсохнуть.

Когда он был частично удовлетворен, он, не одеваясь, прошел в свой домик, чтобы вымыться ещё раз, теперь уже в горячей воде, уверенный, что никогда в жизни не будет снова чувствовать себя чистым. Райко перехватила его на веранде, ещё не вполне оправившись от пережитого.

— Прошу прощения, Хирага-сама, нас не успели предупредить, но самураи в том саду... горячая вода и банная прислужница ждут вас внутри, однако теперь, прошу прощения, возможно, вам стоит уйти. Слишком опасно...

— Я дождусь Кацумату, потом уйду. Он хорошо заплатил вам.

— Да, ноблю...

— Бака! Это ваша вина, что нас не предупредили вовремя. Если произойдет ещё одна такая ошибка, ваша голова покатится в корзину!

Сердито хмурясь, он вошёл в баню, где прислужница рухнула на колени и поклонилась так быстро, что ударилась головой об пол.

— Бака! — прорычал он, все ещё не придя в себя после полного испуга и не избавившись от мерзкого привкуса страха во рту. Он сел на крошечный табурет, подставив прислужнице спину. — Шевелись!

Бака, в ярости подумал он. Все бака, Райко бака, но не Кацумата — он не бака, он снова оказался прав: без этого дерьма я был бы мертв или, ещё хуже, схвачен живым.

ЭДО

Вечерние сумерки были хлопотным временем для обитателей Ёсивары Эдо, самой большой и лучшей во всем Ниппоне — лабиринте крошечных улочек и красивых мест на краю города, занимающем почти двести акров, где Кацумата и другие сиси, или ронины, могли надёжно спрятаться — если их принимали.

Кацумату принимали с особым почтением. Деньги не были для него проблемой. Он заплатил обслуживавшей его девушке за съеденные суп и лапшу и не спеша направился к дому Глицинии, все в той же личине бонзы, хотя теперь он приклеил усы и был одет несколько иначе: подкладки на плечах делали их шире, одеяние было богаче.

Мама-сан Мэйкин снова уселась перед зеркалом. Её отражение уставилось на неё. Макияж, более густой, чем обычно, больше не скрывал теней под глазами и опускавшихся книзу морщин, прочерченных тревогой.

Я принимаю то, что ужасно постарела с того момента, когда сёя прервал нас — Райко и меня, — с одиннадцатого дня Двенадцатого месяца, последнего месяца, последнего дня моей жизни. Всего лишь тридцать три дня прошло, а я выгляжу как старая карга, которой уже давно перевалило за обычные для нашей жизни пятьдесят лет. Тридцать три дня слез, целое озеро слез, когда я была уверена, что слезы мне не грозят, что давным-давно я выплакала их все по любовникам, которых едва помню, по тому единственному, кого я до сих пор могу почувствовать, ощутить его запах, вкус на губах, по кому до сих пор томлюсь — мой нищий юный самурай, который покинул меня так внезапно, не оставив письма, не сказав ни слова на прощанье, покинул ради другого дома увеселений и другой женщины, забрав с собой немного денег, которые я скопила, и осколки моего разбитого сердца, которые он выбросил в придорожную канаву. А потом были ещё слезы по моему маленькому сыну, погибшему в огне в доме своих приемных родителей; его отец, старый и богатый торговец, бросил меня, как и его предшественник, мое самоубийство не увенчалось успехом.

Слишком много плывущих лет. Тридцать три года скольжения по водной глади, по одному на каждый из этих наполненных тревогой дней. Сегодня мне сорок три года, ровно сорок три года назад я родилась на свет. Что мне делать теперь? Скоро князь Ёси потребует расплаты. Карма.

Я принимаю, что обучила Койко, предложила её, поручилась за неё. Что ещё я могу предложить в искупление? Что могу сделать?

Отражение не ответило ей.

Стук в дверь.

— Госпожа, пришел Кацумата-сама, мы не ждали его так рано.

Она ощутила сосущую пустоту в желудке.

— Я выйду к нему через мгновение.

Чтобы успокоиться, Мэйкин выпила немного бренди гайдзинов, которое дала ей Райко. Почувствовав облегчение, она вышла и прошла по изысканно убранному коридору в комнату для гостей — дерево, татами, сёдзи были самые дорогие и лучшего качества. При отменном вкусе. Купленные и оплаченные с такими усилиями, сердечной болью и упрашиваниями. Однако благодаря Койко её дом приносил огромную прибыль и был источником радости и удовольствия для её банкиров. Сегодня она встречалась с ними.

— Мы заметили, прошу прощения, что ваш доход стал значительно ниже по сравнению с прошлым месяцем.

— Это все зима виновата, тяжелое время года для всех чайных домов, и столь необычные для этого месяца холода. С началом весны дела пойдут

лучше. Мы имеем огромную прибыль за этот год, нет причин для тревоги. — Но она понимала и знала, что Гъёкояме это тоже известно, что наибольшую часть прибыли ей приносила Койко, что теперь лишь занавесь из тонкого газа отделяет её от полного краха. Если так решит Ёси.

Зачем же тогда ещё больше увеличивать риск, допуская сюда сиси? — спрашивала она себя. Особенно Кацумату — он теперь для Ёси самый злейший враг. Какое это имеет значение? Всему хорошему в жизни обязательно сопутствует зло, со злом можно справиться, хорошим — насладиться. Ведь это так захватывающе интересно — быть частью сиси, их храбрость и сонно-дзёи, их борьба за освобождение от векового ига, жизни, которые они не задумываясь отдают за императора в своём трагическом и безнадежном поиске высшей истины, все они так молоды и доблестны и рождены, чтобы потерпеть поражение, как печально. Но даже если бы им было суждено победить, те, кто станет править нами вслед за сёгунатом, освободят ли они нас от векового ига?

Нет. Никогда. Только не нас, не женщин. Мы останемся там, где мы сейчас, навечно привязанные к яну шелковой нитью.

Взгляд её на мгновение приковала к себе луна, вырвавшаяся из-за багрового облака, окровавленного заходящим солнцем. Несколько секунд она сияла на небе во всей своей чистоте, потом облака вновь поглотили её, кроваво-красный цвет побурел, затем стал золотистым и обратился в цвет темнеющего пламени — только что она была жива, и вот смерть накрыла её.

— Прекрасное зрелище, нех?

— Да, Кацумата-сама, такое печальное и такое прекрасное, да. А, чай уже принесли, как жаль, что вы покидаете нас.

— Я вернусь через несколько дней. Вы получили ещё какие-нибудь известия от Райко? Что-нибудь ещё о гайдзинах, их планах?

Мэйкин налила ему чаю, задержавшись на миг, чтобы полюбоваться непревзойденной формой чашек.

— Похоже, что князь Ёси встретился с предводителем гайдзинов и хочет стать их другом. — Она пересказала ему сведения от Фурансу-сана, шепотом переданные ей посланником Райко несколько дней назад; она утаивала их от него до этого момента. — Кроме того, врач гайдзинов из Канагавы в тот же день тайно осмотрел здесь тайро и дал ему лекарства гайдзинов — я слышала, ему стало лучше.

— Бака, — с отвращением произнес Кацумата.

— Да. Этого врача следует остановить. Осведомитель Райко говорит, что он возвращается завтра или через день, чтобы осмотреть тайро ещё раз.

— Со ка? — Его интерес удвоился. — Где? В замке?

Она покачала головой.

— Нет. Это самое лучшее известие: за его стенами, во дворце Зукумуры Безмозглого, как и в прошлый раз.

Его лицо скривилось.

— Так много возможностей, Мэйкин, редких возможностей. Совсем как Утани, нех? Такой большой соблазн. Убийство Утани до сих пор гремит по всему Ниппону! Хирага? Его ещё не поймали?

— Нет, главный гайдзин отпустил Акимото, и Такэда тоже в безопасности. — Некоторое время она наблюдала за ним, гадая, о чем он думает, потом добавила тихо: — Две последние вещи, которые вам необходимо знать. Князь Ёси присутствовал на встрече врача и тайро, тоже всего с несколькими охранниками. Я слышала, он опять там будет. — Она увидела, как свет, наполнявший комнату, вспыхнул в его глазах, и ощутила внезапный страх, почувствовав его сдерживаемое бешенство.

— Ёси и Андзё вместе, эти псы за стенами замка и вместе? И-и-и-и, Мэйкин, какая редкая удача! — Кацумата весь дрожал от волнения. — Вы можете выяснить, когда точно прибудет врач?

Она подалась вперед, чувствуя, как кружится голова от забрезжившей надежды, и прошептала:

— Я жду ещё одного вестника сегодня вечером. Тогда я буду знать. Райко поймет, какой жизненно важной возможностью это могло бы стать для нас, для всех нас, чтобы все мы могли свести сразу много счетов.

По сути, возможности, подобной этой, ещё никогда не представлялось, если все действительно произойдет именно так. Он нахмурился.

— Я не могу ждать здесь или вернуться ночью ещё раз. Когда была первая встреча, в какое время дня?

— Рано утром.

Морщины на лбу стали глубже, потом разгладились.

— Мэйкин, все сиси будут в долгу перед вами. Если встреча состоится завтра, немедленно передайте мне время, гостиница Голубых Небес, рядом с мостом у Нихонбаси.

Он поклонился, и она поклонилась, оба удовлетворенные — пока что.

Мост у Нихонбаси считался первым этапом на Токайдо, у самой границы Эдо, а гостиница Голубых Небес являлась одной из дюжин других, богатых и бедных, которые были в беспорядке разбросаны по всей округе. Ночь выдалась безлунная и холодная, небо затянула сплошная пелена облаков, до полуночи оставалось все ещё несколько часов. Голубые Небеса

стояли в грязном проулке, гостиница была из тех, что победнее — неприметное, обветшавшее двухэтажное здание с пристройками, кухнями и несколькими небольшими, отдельно стоявшими домиками на одну комнату в саду, обнесенном стенами. На веранде одного из таких домиков сидел Кацумата, погруженный в глубокое раздумье. Его одежды были на стеганой подкладке и защищали его от ночного холода. Он сидел и наслаждался садом — единственным, за чем тщательно ухаживали в этой гостинице.

Яркие цветные фонари среди изысканных насаждений, окружавших маленький ручеек и мостик, успокоительное, дружелюбное журчание воды и мерное, резонирующее постукивание бамбукового стакана на поворотном стержне, который падал и ударялся о камень, наполняясь водой из миниатюрного водопада и опрокидываясь снова и снова, пока падала вода. Его телохранитель сиси молча остановился на мгновение, сделал знак, что все тихо, и продолжил свой обход гостиницы.

Клопп-клопп водной мельнички действовало на него успокаивающе. И тихое журчание воды. Его существо было наполнено жизненной энергией, планами и идеями, будущее вновь стало желанным, сегодня ночью он не чувствовал усталости, времени много, Мэйкин успеет прислать...

Меж кустов скользнула тень, ещё одна, позади домика раздался тихий звук, и он вскочил, с мечом в руке, и побежал к потайной двери, скрытой в кустарнике, но три человека в облачении ниндзя выступили из темноты и встали на его пути с поднятыми мечами. Он тут же повернулся и бросился в другую сторону, но и там оказались ниндзя, весь сад наполнился ими, одни надвигались на него, другие замерли, как камни, ожидая его приближения. В следующий миг он бросился в отчаянную атаку на легкую мишень, четырех человек, подбиравшихся к нему слева. Он убил одного, остальные исчезли так же быстро, как появились. Внезапно острая боль резанула по глазам, ослепив его — в лицо ему бросили едкий порошок. Он взвыл от гнева и муки и вслепую обрушился на врага; ярость от того, что его обманули и заманили в ловушку, наделила его руки невероятной силой, а ноги — крыльями.

Его меч нашел свою жертву, человек вскрикнул, лишившись руки, а Кацумата сжался в пружину и, ничего не видя перед собой, нанёс новый удар, метнулся влево, вправо, опять вправо, сделал ложный выпад, пытаясь протереть глаза. Он крутился, рубил мечом, метался в панике из стороны в сторону, раздирая веки ногтями.

На какое-то мгновение его взор очистился. Перед ним лежал открытый путь к свободе и высилась стена. Обезумев, он прыгнул вперед, и тут

чудовищный удар в спину бросил его на траву. В отчаянии он развернул свой меч, чтобы упасть на него, но второй удар отбросил клинок в сторону, сломав ему руку. Он пронзительно закричал. Сознание покинуло его.

Крутящаяся тьма в бездонной яме была нескончаемой пыткой, в глухой черноте перед глазами вспыхивали зеленые и красные пятна. Он не слышал ничего, кроме ударов гигантского молота, грудь горела огнем, сердце бешено колотилось, ни рот, ни глаза, ни уши не служили ему. Ледяная вода окатила его, и он судорожно открыл рот. Ещё один поток обрушился на его лицо, и ещё. Кашляя и задыхаясь, он выкарабкался из темноты. Жгучая боль в сломанной руке — острый обломок кости торчал из кожи — взмыла и ударила в голову, вернув ему зрение. Он обнаружил, что распят на земле и совершенно беспомощен: на каждой кисти и щиколотке стоял ниндзя, но это были не ниндзя. Теперь они сняли маски. Он узнал Абэ, который стоял прямо над ним. Затем он увидел поблизости Ёси, тоже в темном, но одетого иначе, чем те, кто дрался с ним. Двадцать или тридцать воинов окружали их со всех сторон. Безмолвных, как ночь и все вокруг.

— Итак, Кацумата! Кацумата Ворон, Кацумата — главный сиси, вождь сиси и покровитель женщин, — сказал Ёси, и голос его был так мягок. — Какой стыд, что вы живы. Пожалуйста, правду. Койко, она была частью вашего заговора, нех?

Кацумата лихорадочно пытался собраться с мыслями, и когда ответ не последовал немедленно, самурай, стоявший на сломанной руке, резко пнул торчащую кость, и он закричал: железная воля, которой он, как ему всегда представлялось, обладал, оказалась потерянной вместе со свободой.

— Пожалуйста, о, пожалуйста...

— Койко, она была частью вашего заговора?

— Не моего заговора, государь, её и мамы-сан, её, государь, — захлебываясь, забормотал сломленный человек, его голова горела огнем, как и рука, боль была невыносимой, — нет... она была... это была она, она и её мама-сан, не я, господин, я был ни при чем, это все она и Мэйкин, её мама-сан, не я, это они, не я...

— Со ка? А Сумомо, та сиси, которая бежала вместе с вами через поземный ход, ход в Киото, помните? Вы помните Сумомо? Вы запугали Койко и, тайно от неё, приказали Сумомо убить меня, нех?

— Сум... момо, государь? Я не знаю... кто... кто она... я ни при чем... ни при... — Слова перешли в ещё один вопль, когда человек, стоявший на его руке, переступил с ноги на ногу.

Ёси вздохнул, его лицо ничего не выражало. Он сделал знак Мэйкин,

которая стояла сбоку, так чтобы Кацумата не мог её видеть, рядом с Инэджином.

— Вы слышали своего обвинителя, Мэйкин?

— Да, государь. — Она, пошатываясь, вышла вперед, голос её звучал тихо и дрожал. — Прошу прощения, он лжет. Мы никогда не участвовали в заговоре против вас, никогда, он лжет. Нас не в чем упрекнуть. — Она опустила глаза на Кацумату, ненавидя его, радуясь, что предала его и что её месть свершилась — его трусость и то, что он был пойман живым, вознаградил её больше, чем она смела надеяться.

— Лжец! — прошипела она и отшатнулась, когда он начал яростно рваться, тщетно пытаясь дотянуться до неё, пока ещё один самурай не ударил его снова и он, потеряв сознание, не откинулся на спину, бессвязно мыча. Никто из окружавших не сочувствовал ему.

В голове у неё стучало как никогда раньше, рот наполнился горечью.

— Но, государь, прошу прощения, правда также и то, что я знала его, как и мое сокровище, но только как старого клиента, только так. Когда-то давно он был нашим клиентом, и я не знала тогда, кем он был и чем эта... — она заколебалась, подбирая слово, которое вместило бы всю её ненависть, — ...эта мразь занималась в действительности.

— Я верю вам, Мэйкин. Хорошо, наконец-то я знаю правду. Хорошо. И поскольку лжет он, вы можете владеть им, как я обещал.

— Благодарю вас, господин.

— Выполний все её приказания, — сказал он Абэ, — потом выведи её наружу.

Он удалился. Все самураи ушли с ним, окружая его, прикрывая, как щитом. Остались только Абэ и с ним те четверо, что удерживали на земле распятого, который со стоном приходил в себя. Она ждала, смакуя этот миг за себя, за Койко, за весь Плывущий Мир, где месть так редка, так безнадежно редка.

— Пожалуйста, разденьте его, — сказала она вполне спокойно. Они подчинились. Она опустилась на колени и показала Кацумате нож. Нож был маленьким, но достаточным для её целей. — Предатель, тебе не совокупляться в аду, если ад существует.

Когда по прошествии долгого времени пронзительные вопли перешли в бессознательный хрип, она обошлась с ним как со свиньей.

— Потому что свинья ты и есть, — пробормотала она, вытерла насухо нож и заткнула его за свой оби; руки и рукава её все ещё оставались в крови.

— Я заберу это, пожалуйста, — сказал Абэ, борясь с тошнотой,

которую вызвала её месть. Она молча протянула ему нож и последовала за ним во двор в окружении воинов. Ёси ждал её. Она опустилась на колени прямо в грязь.

— Благодарю вас, господин. Полагаю, он пожалел, что предал вас, предал нас, прежде чем уйти. Благодарю вас.

— А вы, Мэйкин?

— Я никогда не предавала вас, я сказала правду, я сказала вам все, что знала, и отдала сегодня предателя в ваши руки.

— И что же?

Она без страха посмотрела ему в лицо. Не многие глаза были столь же неумолимы, как у него, но она отбросила это, предпочитая видеть в нем мужчину, одного из тысяч клиентов или чиновников, которых она за свою жизнь подчинила своей воле, добиваясь от них денег или услуг для себя или для своего дома.

— Пора отправляться в дальний путь, государь. — Она опустила руку в рукав и достала оттуда маленькую склянку. — Я могу сделать это здесь, если вы пожелаете, мое посмертное стихотворение написано, Гъёкояма владеют домом Глицинии. Но я из Плывающего Мира, — с гордостью произнесла она. — Мне не к лицу покидать этот мир оскверненной, когда мои руки и одежда запачканы нечистой кровью. Я бы хотела уйти чистой. Я бы хотела вернуться в свой дом. Последнее желание, государь: горячая баня и чистые одежды. Пожалуйста?

ИОКОГАМА

Вторник, 13 января

Ранним утром Анжелика вместе с другими всадниками выехала верхом, чтобы прогулять свою лошадь на ипподроме Иокогамы. Она в одиночестве скакала по кругу легким галопом, намеренно отделившись от остальных и едва их замечая. Народу на ипподроме было много, и все внимательно следили за ней. Большие деньги скакали вместе с ней в седле в это утро. У неё была задержка. По крайней мере, на один день.

— Доброе утро, *Monsieur le docteur*,^[46] как поживаете?

— О, здравствуйте, вы выглядите чудесно.

— Ничего подобного, — ответила она. — Я не в духе. Но все равно спасибо. — Секундное колебание, потом она добавила небрежным тоном: — Женщина никогда не чувствует себя хорошо в это время месяца.

Пораженный, он дернул поводья, и его кобыла вскинулась, заржала и затрясла головой, испугав лошадь Анжелики. Через несколько секунд обе снова были в полном подчинении всадников.

— Извините, — мрачно буркнул он, — я... я ожидал обратного. — Неожданность известия и её невозмутимость так встревожили его, что он чуть было не спросил: «Вы уверены?» Должно быть, я старею, подумал он в раздражении на самого себя за то, что не заметил очевидного — очевидного теперь, когда он взглянул на неё во второй раз. — Ну что же, по крайней мере вы знаете.

— Я ужасно разочарована, из-за Малкольма, но, знаете, это как будто перестало... перестало мучить меня, я больше не чувствую себя нанизанной на вертел. Конечно, я выплакала все глаза, но теперь... — Её бесхитростная откровенность вызвала в нем желание протянуть руку и успокоить её.

— Принимая во внимание все остальное, это понятно, Анжелика. Так лучше. Я уже говорил вам, покуда вы способны плакать, никакие горести не причинят вам вреда. Могу я спросить, когда это началось?

На утесе опять заиграл горн.

— Да что же там такое? Я видела, как Сеттри и другие офицеры понеслись туда сломя голову.

— Горн просто вызывает офицеров назад, вещь вполне обычная, можете не беспокоиться. — Хоуг оглянулся, чтобы убедиться, что их никто

не слышит. — Спасибо, что сказали мне, — он нервно засмеялся, — пусть и несколько неожиданно. Мы можем поговорить, пока длится ваша прогулка?

— Разумеется, — ответила Анжелика, очень хорошо представляя себе, почему она все ему рассказала. Эта встреча с Горнтом сегодня и удачное появление доктора. И ещё потому, что она хотела наконец-то начать сражение. — Это началось в воскресенье.

— Я не знаю, что сказать: повезло вам или нет.

— Ни то и ни другое, — ответила она. — Это была воля Божья, и я принимаю её. Мне очень жаль Малкольма, не себя. Для меня это воля Божья. Что вы теперь предпримите, сообщите ей?

— Да, но сначала я передам вам письмо.

Теперь настала её очередь изумленно посмотреть на него.

— Все это время вы хранили у себя письмо и не отдавали его мне?

— Она попросила меня вручить его вам, если окажется, что вы не ждете ребенка от Малкольма.

— О. — Она задумалась над этим, чувствуя легкую дурноту. — А если бы я ждала его ребенка, что тогда?

— Ну, это теперь вопрос гипотетический, не так ли? — мягко произнес он, встревоженный её внезапной бледностью. Эта юная леди ещё не выбралась из глухой чащи, ей ещё далеко до края леса.

— Я хочу знать.

— Меня попросили передать вам это письмо, если ваши месячные начнутся, Анжелика. Вы хотите вернуться прямо сейчас? Я принесу его вам в комнату.

— Благодарю вас, но я... я подожду, пока вы его заберете, подожду у фактории Струана. — Она прищепила лошадь и закончила этот круг, не замечая остальных всадников — все они, не отрывая взгляда, смотрели на неё. Подчинившись внезапному капризу, она свернула на тропинку и пустила лошадь галопом, чтобы голова очистилась от страха. Она пустила в ход шпоры, колени, руки, и вскоре её лошадь уже стлалась над землей, несясь во весь опор.

Впереди поднимались два церковных шпиля и внешняя ограда, к которой снаружи приткнулась Ёсивара, окруженная своей собственной стеной, мост между ними и караульное помещение. На какой-то миг разум перенес её в прошлое, и ей показалось, что она в панике несется к ним бешеным галопом, оставив позади залитую кровью Токайдо, шляпка слетела с её головы, одежда порвана, горло сжимает смертельный страх. Она натянула поводья, и виденье растаяло — каким древним оно

показалось ей. С ней остался страх другого рода. Она бросила свой жребий.

Тесс писала:

Я уверена, вы согласитесь, нам нет нужды обмениваться любезностями, которые лишены меж нами всякого смысла.

Я рада, что вы не носите ребенка моего сына. Это все упрощает в будущем и избавляет нас от лишних неприятностей. Я не принимаю и не признаю вашего «брака» или того, что вы имеете юридические права на какие бы то ни было притязания, — напротив.

К тому моменту, когда вы прочтете это письмо, «Благородный Дом» начнет новую эру либо окажется на грани банкротства. В первом случае это произойдет отчасти потому, что вы послали ко мне того человека.

Поэтому в качестве награды первому, кто нашел клад, я помещу капитал в Английский банк на доверенности, необходимый для обеспечения вас доходом в две тысячи гиней в год — если, в свою очередь, вы предоставите мне в течение тридцати дней от сего числа (когда было установлено, что ваши месячные начались) письменное согласие со следующими условиями:

Первое, вы отступитесь и откажетесь раз и навсегда от всех и всяческих притязаний, которые могут возникнуть в воображении вашем и ваших представителей, на несуществующее наследство моего сына — вы понимаете, что как младший член семьи и не будучи официально признан тайпэном он не мог оставить никакого наследства.

Второе, вы согласитесь отказаться от всяких притязаний и согласитесь никогда впредь не пользоваться титулом «миссис Малкольм Струан» в какой бы то ни было форме. (Для сохранения лица вашего я предлагаю вам «с сожалением» принять такое решение, поскольку, будучи католичкой, вы принимаете тот факт, что не были обвенчаны по закону вашей веры и вашей Церкви; говоря это, я отнюдь не считаю церемонию действительной по любой иной причине.)

Третье, вы больше никогда не появитесь в Гонконге иначе чем проездом, не будете искать встречи со мной, писать мне или иметь какие бы то ни было контакты со мной или моими

потомками в будущем.

Четвертое, ваше письменное согласие, официально заверенное сэром Уильямом Айлсбери, посланником Её Величества в Японии, будет доставлено мне сюда, в Гонконг, доктором Хоугом в качестве гарантии не позже 12 февраля, немногим больше чем примерно тридцать дней от сего дня (того числа, когда было установлено, что ваши месячные начались).

Последнее, если вы повторно выйдете замуж в течение года, капитал будет увеличен таким образом, чтобы ваше ежегодное содержание составило три тысячи гиней в течение первых десяти лет. По вашей смерти капитал отходит мне или моим наследникам.

В течение трех недель после прочтения сего, пожалуйста, освободите занимаемые вами помещения в здании компании. С сегодняшним письмом я дала мистера Альберту Мак-Струану соответствующие указания, кроме того, с сегодняшнего дня ваш кредит в компании Струана закрывается и любые расписки, выданные или якобы выданные моим сыном и удостоверенные только его печатью, не принимаются к оплате — за исключением тех, на которых стоят его личная подпись и дата, каковые расписки сохраняют свою полную силу.

Если в течение трех недель ваше письменное согласие будет подписано и готово для передачи доктору Хоугу, мистер Мак-Струан уполномочен немедленно предоставить вам кредит в пятьсот гиней в счет вашего гарантированного содержания, которое будет оформлено в течение тридцати дней; годовая сумма будет выплачиваться равными частями каждые три месяца.

В случае если вы отклоните изложенные выше условия (даю вам мое честное слово, что они окончательны и не подлежат обсуждению) или я не увижу доктора Хоуга до специально оговоренной здесь даты, 12 февраля, на следующий день, 13 февраля, мои адвокаты подадут на вас в суд по полному списку обвинений, которые я и они считаем оправданными; первым из них будет то, что вы с заранее обдуманым преступным намерением вызвали смерть моего сына.

Маленький совет: мистер Скай, возможно, станет юлить, изворачиваться и вопить, что это давление, что это угрозы в адрес вашей особы. Это не угрозы. Мои юристы утверждают, что это не угрозы, что это щедрый, законный способ устранить

утомительную проблему, которую мой сын, по одному ему известным неразумным причинам, создал для нас.

Пожалуйста, попросите доктора Хоуга вернуться как можно скорее с вашим письменным согласием или отказом. Тесс Струан, 28 декабря, в год Господа Нашего 1862, в Гонконге.

Горнт поднял глаза от письма.

— Не соглашайтесь.

— Именно это мне сказал и мистер Скай. — Ярость Анжелики тут же улеглась немного. Она села в своё высокое кресло, напряженная и с твердым выражением лица, Горнт сидел напротив неё, они находились в её будуаре. — Я рада, что вы согласны. Я отплачу этой... этой женщине той же монетой, сегодня же днём!

— Нет, это было бы ошибкой. Я говорю, не начинайте с ней драку, хуже этого вы ничего не можете придумать. Договоритесь с ней.

Цвет её лица опять приобрел пепельный оттенок, это было больше чем гнев.

— Вы говорите, чтобы я приняла эти... эту мерзость?

— Я говорю только то, что со временем вы можете пойти на компромисс, — сказал он; разум его работал логично и четко, хотя грудь и горло словно сдавила невидимая рука. — Я уверен, что смогу добиться для вас лучших условий.

— Условий? Значит, вы действительно предлагаете мне в принципе принять это? Принять это? Я думала, вы боец и мой друг, но вы допустите, чтобы она протащила меня лицом по грязи и это сошло ей с рук?

— Я знаю, она сказала, что все это не подлежит обсуждению, я этому не верю, я могу добиться большего. Её исходное предложение, две или три тысячи, уже позволяет вам жить безбедно. Пять тысяч — и вы стали бы богаты.

— Это не перевешивает её гнусных манер, её злобных угроз, постоянной ненависти и враждебности! Я вышла замуж по закону. По закону! — Анжелика топнула ногой. — Не быть миссис Струан? Не появляться в Гонконге... чтобы со мной так обращались, да как она смеет? Словно я... словно я преступница!

— Я согласен. От вашего имени я возобновлю переговоры.

— Господи. Я хочу унижить её, растоптать.

— Я тоже, но время ещё не пришло.

— Что?

— Великий Дирк Струан действительно плохо обошелся с семьей

моей матери, Тиллманами, не так подло, как Морган, но достаточно плохо. — Его улыбка была жестокой. — Если я смогу раздавить Броков, почему не сделать того же со Струанами? Мне все равно. Мечь — это блюдо, которое мы сможем съесть вместе и в своё удовольствие, кусочек за кусочком.

— Мы сможем? — Неожиданное тепло разлилось по её лону, он выглядел таким уверенным в себе, красивым и сильным. — Как?

— Прежде всего, что сказал Скай?

— Он немедленно предложил бороться и показал мне бумаги, которые подготовил для представления в Гонконге, Лондоне и Париже, а...

— В Париже? Почему в Париже?

Она объяснила ему про «воспитанницу государства».

— Он говорит, в Париже, имея статус воспитанницы Франции, мы выиграем дело, брак будет объявлен действительным в соответствии с французскими законами, и тогда я буду ставить условия по своей прихоти, а не по её.

— Он упоминал о гонорах, Анжелика?

Она вспыхнула.

— Это не имеет никакого отношения к его советам.

— Чушь, — грубо возразил он. — Наш единственный залог безопасности заключается в том, чтобы смотреть правде в глаза и понимать, кто какую игру ведет. Этот маленький ублюдок, извините, но я знаю, что говорю, он, кстати, в самом деле незаконнорожденный, я выяснил это в Гонконге, так вот, этот маленький ублюдок думает о своём будущем, не вашем, воображая себя в различных судах защитником этой бедной, но прекрасной вдовы-француженки, склоняя к своему мнению различные суды присяжных и проигрывая для вас все дело.

— Я не понимаю... Почему?

— Малкольм не имеет никакого состояния.

— Но... но мистер Скай говорит, что по французским законам...

— Очнитесь, Анжелика! — Его голос стал ещё грубее. Было жизненно важно, чтобы она излечилась от этой глупой, беспомощной злобы.

Едва он сегодня вошёл в её будуар и увидел её с поджатыми губами, кипящую от негодования и с письмом в дрожащей руке, он сразу понял, что это и есть то самое письмо, о котором ему рассказывал Хоуг, и, следовательно, никакого ребенка нет и теперь можно было полным ходом приступить к плану А. Его радости не было предела.

Притворившись, что ничего не знает, он начал с бодрого приветствия, но она оборвала его на полуслове, сунула ему в руки письмо, ещё более

прелестная в гневе. Страсть к лицу нам обоим, удовлетворенно подумал он. Но сейчас эту ненависть необходимо было направить в нужное русло и придать ей отточенную осмысленность, как у него.

— Скай — болтун! Проснитесь же!

— Я не сплю, он не болтун, и я ни минуты не сомне...

— Прекратите! Где ваше здравомыслие, чёрт побери! Ведь это вы рискуете, не он! — На мгновение он задумался о том, что написала Тесс в том другом, втором письме, содержания которого теперь никто никогда не узнает. Хоуг сказал, что одним из условий его договоренности с Тесс было то, что, перед тем как вручить это письмо, он сожжет второе, не вскрывая его. Действительно ли Хоуг поступил именно так или прочел его, прежде чем уничтожить, хотя он дал священную клятву исполнить её желания в точности? Хотел бы я знать, что в этом письме, хотя, с другой стороны, это всего лишь глазурь на торте. — Анжелика, дорогая Анжелика... — Он швырнул письмо на стол так, словно оно было запачкано грязью, хотя считал, что оно просто замечательное, встал со своего кресла, сел рядом с ней и взял её руку в свои ладони. — Париж, французское законодательство и все остальное — это нужно только Скаю, не вам. Даже если бы он выиграл процесс, я готов поставить десять тысяч к одному, что решение их суда не возымело бы никакого эффекта на Тесс Струан и Гонконг... Послушайте меня, — произнес он, повышая голос, когда она открыла рот, чтобы возразить ему. — Времени у нас немного, и вы должны мыслить здраво. Пока вы будете занимать деньги, кланчить их или продавать себя, чтобы оплатить его расходы, не говоря уже о гонорарах, которые ему нужны, вы потеряете этот единственный шанс. У него за душой всего несколько долларов. Как он собирается добраться до Гонконга, не говоря уже о Париже или Лондоне? Все это пустые мечты. — Надувшись, она сердито отняла у него руку. Он рассмеялся. — Вы как избалованный ребенок, и я люблю вас за это.

— Вы... — Она замолчала. — Вы серьезно?

— Люблю вас или считаю избалованным ребенком?

— И то и другое, — сказала она изменившимся голосом.

— И то и другое, — ответил он и опять взял её руку, широко улыбнувшись, когда она попыталась отнять её. На этот раз он её не выпустил. С той же твердостью он нежно притянул её за руку к себе и крепко поцеловал. Её сопротивление было мгновенным, вскоре оно ослабло, а потом перешло в наслаждение. Для них обоих. Отпустив её, он тотчас отпрянул и пригнулся, справедливо предвидя возмездие и избежав ногтей, нацеленных ему в лицо. — Ну-ка тпру-у, — сказал он, словно

уговаривая ретивую лошадь, в восторге от того, что не ошибся в ней. — Не балуй, Нелли!

Она рассмеялась, несмотря на свой гнев.

— Вы дьявол.

— Да, но из меня получится прекрасный муж. Мэм.

Её улыбка угасла. Злость пропала. Она поднялась, подошла к окну и стала смотреть на залив и стоявшие там корабли. Она заметила большое оживление на военных кораблях. Он смотрел на неё и ждал, надеясь, что рассчитал все верно. Когда Анжелика была готова, она сказала:

— Вы говорите, пойти на компромисс, Эдвард? Как?

— Я сяду на следующий, самый быстрый корабль до Гонконга, — ответил он. — Я немедленно увижусь с ней и добьюсь изменений, о которых мы с вами договоримся и которые, по моему мнению, возможны. Я уверен, что смогу увеличить содержание. Пять вместо двух или трех тысяч были бы приемлемы, да?

— Она говорит, что эти омерзительные условия не изменятся.

— Я изменю их, некоторые из них.

— Какие?

— Мы сможем обсудить это сегодня и завтра. Я вполне уверен насчет денег.

— Mon Dieu, деньги — это ещё не все, и почему такая спешка? Тут же написано — до двенадцатого числа.

— Я должен первым доставить ей это известие, чтобы застать её врасплох. Это усилит мою позицию, когда я начну торговаться. Для вас, — добавил он.

Она повернулась и посмотрела на него.

— И для себя тоже.

— И для себя, — кивнул он.

Эти крутые повороты, выверты и уловки, риск и азарт игры, когда одно неуместное слово могло безвозвратно лишить тебя всего, завораживали и привлекали его сильнее, чем любая партия в покер, в которой ему доводилось участвовать, и ставки никогда не были так высоки. Она. Она и его будущее были неразделимы. И у неё на руках почти все тузы, говорил он себе, хотя она этого не знает: её немедленное согласие на требования Тесс, по его наущению, ещё больше склонит Тесс к тому, чтобы стать его союзницей, а это жизненно важно для его будущего; её пять тысяч гиней помогут сцементировать компанию «Ротвелл-Горнт»; а её злоба и ненависть станут залогом конца Тесс.

— Я люблю вас и хочу жениться на вас, — сказал он. — Пожалуйста.

— Сейчас ещё слишком рано отвечать на это.

— Я не согласен, вы свободны как ветер.

— Потому что я не замужем и никогда не была замужем? — вскинулась она.

— Успокойтесь, милая, рассуждайте спокойно! Мы взрослые люди, я имею право спросить, сказать, что люблю вас и хочу на вас жениться.

Она опустила глаза и смягчилась, нуждаясь в нем — он один был способен защитить её от Тесс.

— Извините, да, извините, это... это письмо расстроило меня. Но сейчас и в самом деле слишком рано давать вам ответ.

— Отнюдь. Мне кажется, вы любите меня, обещание могло бы быть тайным, не подлежащим оглашению, нашим с вами секретом. Я люблю вас, из нас получилась бы великолепная пара, — сказал он, искренне веря в это, — перед нами откроется широкое будущее, как только это... — он показал на письмо, — как только это не будет больше вам угрожать. У нас много общего и есть единая цель — уничтожить вашего врага и моего, не спеша, в своё удовольствие.

— Я не люблю вас, вы мне нравитесь, очень нравитесь, возможно, я смогла бы... возможно, я полюбила бы вас со временем, я бы постаралась, если... если мне суждено стать вашей женой... нет, не двигайтесь, дайте мне закончить. — Её пальцы играли жемчужной застёжкой, которую она купила в деревне и которая напомнила ей, что, поскольку Мак-Струан не станет больше принимать к оплате оставшиеся у неё расписки, эта застёжка, не считая обручального кольца и нефритового перстня, была единственной принадлежавшей ей драгоценностью. А Андре опять зайдет к ней сегодня днём. Она отложила эту заботу на потом и сосредоточилась. Любопытно, что у Эдварда возникла та же мысль, что и у меня. Мы во многом думаем одинаково. — Пока что позвольте мне ответить на ваш вопрос позже. Когда уходит следующий корабль в Гонконг?

— Самый удобный и быстрый отправляется завтра вечером. «Красотка из Атланты» Купера-Тиллмана, прямиком в Гонконг, оттуда в Сан-Франциско, — тут же ответил он. Расписание прибытий и отправок всегда занимало одно из первых мест в голове каждого торговца. — «Красотка» окажется в Гонконге раньше нашего клипера, «Ночной Ведьмы» — клипер придет только через три дня.

— Вы хотите попасть на неё, на «Красотку из Атланты»?

— Да.

— Тогда, Эдвард, давайте обсудим, чего, по вашему мнению, можно добиться от этой женщины, утром. Это даст мне время все обдумать. Если

мы придем к соглашению, тогда, пожалуйста, поспешите в Гонконг... и возвращайтесь быстро.

— Хорошо. Но ваш ответ на мое предложение?

— Я дам его, когда вы вернетесь.

— Я должен услышать его, прежде чем уеду.

— Зачем?

— Ради собственного удовольствия.

Она увидела все ту же странную улыбку и спросила себя, что прячется за ней.

— Нет, серьезно, зачем?

Он поднялся с кресла и встал перед ней.

— Затем, что это жизненно важно для меня. Если вы станете моей женой, только небо будет мне пределом. Вы будете без ума от Шанхая, это величайший город в Азии, в сравнении с ним Гонконг выглядит как задворки. Вы станете первой красавицей города и будете жить долго и счастливо. Я клянусь. А теперь, пожалуйста, ваше обещание.

— Я ручаюсь дать вам ответ, когда вы вернетесь, доверие между нами должно быть обоюдным, — сказала она, и он вспомнил, как говорил то же самое Тесс. — Когда вы вернетесь.

— Извините, моя дорогая Анжелика, мне нужно знать прежде, чем я уеду.

— Или вы не будете добиваться для меня лучших условий у Тесс?

Он откликнулся не сразу.

— Я буду их добиваться для вас. Я бы хотел жениться на вас завтра, сегодня — Тесс здесь ни при чем, но это невозможно. — Он подошел ближе, положил руки ей на плечи и поцеловал в кончик носа. — *Jolie*^[47] мадемуазель, ответ, прошу вас. Завтра до заката. На закате я сажусь на корабль. Ответ как перед Богом.

Позже днём известие о смерти Кацуматы и самоубийстве Мэйкин достигло Райко в её личных покоях. Она потеряла сознание. Немного придя в себя, она послала прислужницу к Хираге, чтобы тот срочно разыскал Акимото и Такэду, ибо она должна была рассказать им ужасные вещи. Они явились без промедления.

Не стыдясь слез и ломая руки, она поведала им о том, как Ёси схватил Кацумату, о его смерти и смерти Мэйкин, мамы-сан Койко, но не о том, что она предала его.

— Это конец... если Ёси узнал все о Кацумате и Мэйкин, он знает и обо мне, и о вас, нас всех предали. Кто предатель? Это лишь вопрос

времени... — Ужас опять целиком завладел ею. — Вы все должны уйти немедленно, пока блюстители не обнаружили вас... вы должны уйти...

— Прекратите! — прошипел белый как мел Хирага. Он уже избавился от наряда кухонного слуги и пришел в обычном кимоно, готовый в любой миг броситься к своему убежищу: часовые на этот раз отвечали своей жизнью за своевременность своих сигналов. Акимото и Такэда тоже были раздавлены новостью. То, что Кацумата мог умереть как трус, не укладывалось в голове.

Я не могу поверить, что сэнсэй дал схватить себя живым, думал Хирага. А Ёси поступил отвратительно, что позволил Мэйкин сделать это с ним, как бы это ни было заслужено. Быть пойманным живьем бака!

— Оставьте нас, Райко. Я увижусь с вами позже.

— Благодарю вас, господин, прошу прощения, но...

— Оставьте нас!

Она заковыляла прочь, радуясь, что уходит от них, ненавидя всех сиси, но благоразумно скрывая свою ненависть. Такэда сплюнул от злости.

— Ёси — человек без чести, раз позволил такому случиться. Кацумата должен быть отмщен!

Акимото посмотрел на Хирагу, встревоженный, как и он.

— Что нам делать, брат? Эта старая карга права, они станут искать ещё тщательнее. Нам нужно незаметно выскользнуть отсюда сегодня ночью, попытаться, а?

— Ты бака! Мы окружены, как крысы на мертвой туше. — На самом деле Хирага, хотя и притворялся разгневанным, чувствовал такое облегчение, что у него кружилась голова. Теперь, когда Кацумата был мертв, отпала необходимость в нападении. Он снова стал хозяином своей судьбы. — Мы не должны делать ошибок.

— Я согласен, что мы здесь как крысы в ловушке, — сказал Такэда. — Поэтому мы нанесем удар, как задумал сэнсэй. Бомбы у нас готовы. Сонно-дзёи!

— Нет. Пока нам ничего не грозит.

— Хирага, — заметил Акимото, — если Ёси отдал Кацумату этой Мэйкин, это было какое-то вознаграждение, нех? В обмен на то, что она предала его? Райко сделает с нами то же самое. Может быть, она и есть тот предатель, который выдал их обоих Ёси, а?

Такэда поднялся на ноги.

— Давайте убьем её и начнем.

— Сядь, — прорычал Хирага. — Райко нужна нам. Она доказала в прошлом, что полезна нам, и ты забываешь, что ни одной маме-сан никто

не доверяет до конца. Сядь, Такэда, рассуждай последовательно. Она не предаст нас, она всего лишь жадная до денег старуха, как любая другая мама-сан, которая сдерет с тебя полную цену по третьему рангу, хотя девушка будет просто уличной шлюхой, которая не стоит и медного моммэ.

[48] Мэйкин в прошлом передавала нам важные сведения, это благодаря ей мы застали врасплох Утани, любившего мальчиков. Её саму предали. У Ёси и бакуфу тысячи шпионов.

— Здесь для нас небезопасно. — Акимото вздрогнул всем телом. — Я ненавижу это место. Эта Ёсивара гайдзинов заражена их чумой. Я согласен с Такэдой. Нападем, а там убежим или умрем.

— Пока рано. Дайте мне подумать.

Такэда, прищурившись, наблюдал за ним.

— Ты знал эту Мэйкин?

— Много лет назад... — Хирага едва не добавил, и Койко тоже. Его так и подмывало рассказать им о подлинной причине этого предательства, но он решил промолчать, с наслаждением представляя себе, как умирал Кацумата. Теперь Сумомо отомщена, и Койко тоже. Теперь их дух обратится в kami или они возродятся на тридцать первый день, это уж как боги решат, если они существуют. Теперь я могу забыть о них, хотя все они всегда будут жить вечно.

Сэнсэй молил о пощаде? И все эти годы мы боготворили его, слушали его! Какими мы были остолопами, с отвращением подумал он. Ладно, этого труса осмеют и оплюют в листках с новостями, и скоро сказители и музыканты перескажут историю о том, как он предал Сумомо и Койко и как мама-сан отомстила за них, и о её последнем желании. Ах, как она умела держать себя!

У него невольно вырвался нервный смешок, и он изобразил высокий голос оннагаты — мужчины-актера, который исполнял женские роли, поскольку женщины не допускались на сцену:

— «Горячая баня и чистые одежды. Пожалуйста?» Эта фраза будет давать полные сборы кукольным театрам и театрам кабуки из поколения в поколение!

— Бака на кабуки! — негодуя воскликнул Такэда. — Сэнсэй будет отомщен. Честь будет восстановлена. Сегодня ночью мы нападаем, как было решено, вы возьмете на себя корабль, я возьму церковь, одну и вторую, и буду убивать каждого гайдзина, какого встречу, пока меня не убьют. Что ты скажешь, Акимото? — Он встал и выглянул в окно. До ночи оставалось недолго. Вдруг он заметил, как ветер прошелестел по кустам. — Смотрите! Это знак богов! Ветер набирает силу. Он дует с юга!

Акимото одним прыжком очутился рядом с ним.

— Это правда, Хирага!

На мгновение Хирага растерялся. Неужели это и в самом деле знак?

— Никакого нападения, сегодня — нет. Никакого нападения!

Такэда резко обернулся.

— Я говорю, нападение. — Горящими глазами он посмотрел на Акимото. — Ты согласен? Сонно-дзёи!

Акимото колебался. И гнев, и уверенность Такэды сильно подействовали на него.

— Пожар прикроет наш отход, Хирага.

— Маленький, может быть, — раздраженно отрезал Хирага, — но не попытка сжечь всю Иокогаму. — Его мысли метались из стороны в сторону; он не мог придумать иного решения, кроме своего окончательного плана, а его нельзя было осуществить без помощи Тайры и не разжав стальную хватку Ёси у себя на горле. — Завтра или на следующий день, мы могли...

— Сегодня, — настаивал Такэда, едва сдерживая свой гнев. — Сегодняшняя ночь — дар нам свыше, боги говорят с нами!

— В это время года ветер устанавливается надолго. Нам нужны ещё люди, чтобы сжечь Поселение. Один из нас должен отправиться за ними в Эдо. Такэда, ты мог бы пойти.

— Как? Ты же сам говорил, что блюстители повсюду. Как?

— Не знаю, Такэда. — Хирага неуверенно поднялся. — Подождите, когда я вернусь, тогда мы сможем принять решение. Я поговорю с Райко, скажу ей, что мы уйдем завтра, — мы останемся, но так я ей скажу.

— Ей больше нельзя доверять.

— Я все твержу тебе, что ей никогда и не доверяли. — Хирага вышел и отыскал её.

— Хорошо, Хирага-сама, вы можете остаться. — Райко совладала с паникой, согретая изнутри бренди, и с тупым безразличием предоставила себя своей судьбе.

— Тайра сегодня здесь?

— Нет, и завтра тоже. Фурансу-сан здесь. Я знаю, что здесь.

— Пошлите за Тайрой. Вы ведь можете это сделать, не так ли?

— Да, а когда он придет, что мне сказать ему? — равнодушно спросила она, потом вздрогнула и в один миг пришла в себя, когда Хирага процедил сквозь зубы:

— Вы скажете ему, Райко, что Фудзико приняла решение и больше не желает подписывать контракт, что другой гайдзин обратился к вам,

предложив более выгодные условия.

— Но цена её контракта фантастически хороша, он не дурак, он сравнит цены, и я потеряю его: он уйдет в другой дом, он уже побывал в некоторых. Я потеряю его.

— Вы потеряете свою голову, если из той круговерти, в которой вы оказались, не найти выход, — желчно сказал он, — а остальная часть вашего хорошо упитанного трупa пойдет на корм рыбам.

— Выход? — Она вся обратилась во внимание. — Так есть выход, Хирага-сама? У меня есть надежда? Вы знаете способ?

— Делайте, что вам велят, и, может быть, я сумею спасти вас. Пошлите за Тайрой немедленно. — Хирага холодно посмотрел на неё и вернулся к остальным. Они сидели на веранде, глядя на кусты, клонившиеся от ветра. — День или два нам ничего не грозит.

Такэда сказал с язвительной усмешкой:

— Она и не подозревает, что уже мертва, и сегодня вся Июкогама будет мертва, очищенная от этих тварей.

— Мы подождем один день. Завтрашняя ночь подойдет лучше всего.

Злость начала возвращаться к Такэде.

— Почему?

— Тебе нужна возможность спастись? Нанести смертельный удар, но остаться жить, чтобы наслаждаться им? Всем нам? Я согласен с тобой, что время пришло. Ты прав, Такэда. Но завтрашний день дает мне время, чтобы разработать план.

Помолчав секунду, Такэда спросил:

— Акимото?

— Давай согласимся подождать. Если ещё и спастись... Хирага это мудро подметил, Такэда, нех?

Недовольство росло, громоздясь над ними все выше и выше.

— Подождем. Один день. Я согласен. — Такэда встал и ушел в соседний чайный домик, служивший ему убежищем.

Через некоторое время Хирага сказал:

— Акимото, подожди немного, потом пойд и посиди с ним, успокой его.

— Он из Сацумы, брат. Кацумата был из Сацумы.

Хирага бросил взгляд на кусты, пригнутые южным ветром.

— Посиди с ним. Успокой его.

Тайрер был в ужасе.

— Контракта не будет, Райко-сан?

— Нет, прошу прощения, Фудзико передумала и получила гораздо лучшее предложение, прошу прощения, но она никак не хочет уступать.

— Пожалуйста? — попросил он, не разобрав большую часть того, что она сказала.

Она повторила ещё раз, добавив:

— Вот почему я попросила вас прийти так срочно. Прошу прощения, она не примет вас ни сегодня, ни вообще когда-либо.

Тайрер почувствовал, что летит с головой вниз, в бездонную пропасть. Он задавал вопрос за вопросом на своём лучшем, самом вежливом японском, но она лишь качала головой.

— Прошу прощения, — твердо сказала она и поклонилась, оканчивая разговор. — Доброй ночи, Тайра-сама.

Шатаясь как пьяный, Тайрер вышел на веранду. Сёдзи с легким стуком захлопнулась за ним. Деревянно переставляя ноги, он спустился на садовую тропинку и чертыхнулся, обнаружив, что забыл надеть свои туфли. Как в тумане, он сел на веранду и обулся.

— Чёрт меня подери, что же случилось?

Три дня назад, когда он вернулся с Бебкоттом из Эдо, все шло как нельзя лучше, контракт был согласован за исключением одного незначительного пункта, в течение недели он должен был внести деньги. Счет за оказанные ранее услуги был деликатно предъявлен и оплачен с улыбками и поклонами; Фудзико в ту ночь была милее и заботливее, чем когда-либо. Сегодня вечером, когда Райко прислала свою прислужницу в дом, который он делил с Бебкоттом, с просьбой срочно прийти к ней, он предположил с довольной улыбкой, что речь идет как раз о подписании документа. Чуть раньше он послал к ней сказать, что, вероятно, не сможет прийти в этот вечер, а также в следующий — он должен был отправиться в Канагаву.

И вот на тебе.

— Я не понимаю.

Порывы ветра кружили листья у его ног. Совершенно расстроенный и несчастный, он поплотнее запахнул пальто. Ночная тьма словно стала ещё гуще. С тяжелым, долгим вздохом он поднялся и зашагал по петляющей тропинке и вдруг встал как вкопанный, едва не столкнувшись с каким-то самураем.

— Боже милосердный, Накама! — вырвалось у него. Хирага схватился за меч, и Тайрер счел себя покойником.

Но меч покинул ножны лишь наполовину, и Тайрер увидел неподвижно устремленный на него взгляд, напомнивший ему взведенный

курок пистолета...

— Не надо, — произнес англичанин, слова застревали в горле при этом неожиданном появлении, — я... я не вооружен. — Он поднял руки, словно сдаваясь, замер, проклиная себя за глупость, и вздрогнул, когда Хирага бросил меч назад в ножны.

— Тайра-сама, я вас нету трогать, я думаю, вы враг. Вы друг. — Хирага улыбнулся и протянул руку.

Тайрер ошеломленно пожал её, потом разразился:

— Что вы делаете, мы-то думали, вы убежали в Эдо, что это за новости про ронина? Мы должны передать вас ему, Ёси, вы знаете, что Ёси охотится за вами, князь Ёси?

— Не здесь! — остановил его Хирага и взял за руку, Тайрер почувствовал железную хватку. — Пойдемте со мной. — Знаком показав ему, чтобы он соблюдал молчание, Хирага повел его по другой тропинке, потом свернул на третью, углубляясь в этот лабиринт узких дорожек, надежно отделенных одна от другой густыми изгородями, пока Тайрер не потерял всякое чувство направления. Затем очередная тропинка привела их к низенькому домику. Ветер шуршал соломой на крыше и завывал в потолочных балках.

Хирага знаком предложил ему подняться на веранду, скинул сандалии, подождал, пока Тайрер разуется, и подтолкнул его вперед.

— Входить, паза'руста.

Беспомощный и покрытый потом от страха, Тайрер подчинился. У него не было ни малейшего шанса спастись бегством. Он увидел, как Хирага внимательно огляделся, проверяя, не шел ли кто за ними следом. Дверь-сёдзи закрылась за его спиной. Затененная лампа тускло освещала изнутри обычный домик, состоящий из одной комнаты с примыкавшей к ней крошечной спальней. Пламя затрещало и едва не погасло на ветру.

— Садика! Паза'руста. Теперь говорить снова, но не быстро, го'рос тихо говорить. — Хирага со злобным видом достал из-за пояса короткий меч и положил его на татами перед собой. — Итак?

Стараясь сдержать дрожь, которая тошнотворно примешивалась к его отчаянию, Тайрер рассказал ему о Ёси и Абэ, об убийстве Утани и о том, как все они думали, что Хирага бежал из Йокогамы.

— Мы должны выдать вас Ёси, стражам у ворот — капитан Абэ вернулся в Эдо, Накама, и... как мне называть вас, Накама или Хирага?

— Как вас зы'раит, Тайра-сама.

— Тогда Хирага, это ведь ваше настоящее имя, не правда ли?

— Меня называют так. Но японцы имеют много имени, одно, когда

родица, другое, когда семь год возраст, другое, когда возраст муз'чины, и брать другое, ес'ри хочет. Я Накама, или Хирага, вас друг.

— Друг? — с досадой переспросил Тайрер, забыв о своём страхе. — Почему вы не сказали мне, что вы убийца? Вы убили Утани, ведь вы убили его, не так ли?

— Да, он наса це'рь, оцень п'рахой че'ровек. Ёси другой це'рь. Это нет Анг'рия, Тайра-сама, нет Анг'рия. Эти п'рахой 'рюди, бакуфу, они ворить в'расть у императора, они тираны.

С торжественным лицом Хирага объяснил как мог, кто такие сиси и как они борются за свержение деспотичного правительства — его искренность не вызывала сомнения, — он рассказал Тайреру об алчности Утани и его непомерных налогах, о том, как даймё и кланы, родственные Торанагам, владеют всем богатством страны, причем самим Торанагам принадлежит львиная его доля, поведав о продажности бакуфу и о том, что народ умирает с голоду и совершенно безвластен.

— Мы хотеть давать Ниппон обратно императору, де'рать правительство справедливый для весь 'рюди.

Под «всеми людьми» Хирага подразумевал всех самураев, хотя Тайрер понял так, что он имел в виду всех японцев. И, задавая Хираге вопрос за вопросом, замороженный этой уникальной возможностью взглянуть, как в окно, на внутренний механизм жизни Ниппона и японский образ мыслей, он все больше убеждался, что позиция Хираги заслуживает одобрения. Ему достаточно было лишь припомнить английскую историю и борьбу его собственного народа против «божественного права королей» и власти тиранов, чтобы начать слушать молодого японца со все большим сочувствием. Нетрудно было вспомнить, скольких жизней стоило англичанам создание парламента и власти народа для народа: голова одного короля, низложение других, революция, бунты, бесчисленные смерти, прежде чем британское владычество и Pax Britannica утвердились и расцвели.

Помятуя также о том, что он в долгу перед этим человеком, Тайрер хмуро заметил:

— Как бы там ни было, я не вижу, на что вам можно надеяться. Как только вас увидят, вас тут же схватят, будь то ваши люди или мои. Я ничего не могу сделать, чтобы помешать этому.

Хирага набрал в грудь побольше воздуха и прыгнул в пустоту:

— Один весчи, да, вы можете сде'рать, стоба помогать мне. Помогать мне быть на кораба'рь, кораба'рь п'рыть в Анг'рию.

У Тайрера отвисла челюсть.

— А? Вы сошли с ума!

— Паза'руста, го'рос мягкий, много враги здесь, — тихо произнес Хирага, страстно взволнованный этой ошеломляющей, переворачивающей все идеей, которая вдруг обрушилась на него из ниоткуда, словно была ниспослана ему самой Аматаэрасу, богиней Солнца. — Паза'руста, с'русайте. Много раз вы говорить мне учить про гайдзинов, про васа страна как мозна лучше, неһ? Я ехать туда с мой брат. Мы учица как луччий де'рать правительство, васа пар'раминт. Мы учица как васа есть. Ёси прави'рьный говорит про ф'рот и армия, но я думай лучше учица банки и бизнес и торговать. Нам нужный знать луччий способ, неһ? Васа способ, анг'рийский способ, неһ?

Хирага продолжал красноречиво плести свою сеть; глубокая тревога и озабоченность подсказывали ему нужные слова и мягкие, вкрадчивые интонации. Это и был его окончательный план, его единственная возможность выскользнуть из капкана Ёси. Он был уверен, что один-два года, проведенные у гайдзинов, если его сведут с нужными людьми и окажут необходимую помощь, будут иметь огромную ценность для сонно-дзёи.

Это наилучший ответ на неизбежную смерть, если я останусь, восторженно размышлял он. Через год или два мы вернемся, превосходно говоря по-анг'рийски, напичканные их секретами про производство и рынка ценных бумаги, про ружья, пушки, тактику, стратегию и те методы, с помощью которых они покорили весь внешний мир, даже подчинили себе Китай!

Это Страна богов! Китай должен принадлежать нам, а не гайдзинам. Прежде чем уехать, я посвящу наших вождей сиси из Тёсю в свой план, а потом найду способ общаться с ними через письма.

— Это простой, Тайра-сама. Вы говорить с капитан, мы тихо-тихо на борт, нет проб'рем. Никто не нужно знать.

— Сэр Уильям никогда на это не согласится.

— Мозет, не нужна он говорить. — Хирага подался вперед и предложил главный вариант, чувствуя неуверенность: — И'ри ес'ри говорить, я говорить тоза, думай, он сог'расица, неһ? Оццень вазный для анг'ричан иметь японский друг. Я хоросый друг. Дзами-сама, он тоже помогать, ес'ри просить.

— Кто?

— Дзами, с ба'рсой борода, бо'рсе как васа. Дзами.

— Джейми? Джейми Макфей?

— Да, Дзами Макфи.

Теперь, когда смысл сказанного окончательно дошел до него, Тайрер начал соображать быстрее. То, что предлагал Хирага, открывало в расчете на будущее огромные возможности. Одной из черт британской политики всегда было обучение — переобучение — тщательно отобранных иностранных студентов, предпочтительно из знатных и княжеских семей. Многие из них были у себя в стране радикалами или революционерами, особенно в Индии. Хирага был очень умен, и то, что он был врагом Ёси, придавало ему вес. «Суди о человеке по его врагам», — всегда говорил ему отец.

И, пережевывая на разные лады предложение Хираги, он задумался, как там его отец и мать, и его друзья, грустя, что не может увидеть их или рассчитывать вскоре оказаться в Лондоне — отпуск ему следовал не раньше чем через два года. В то же время он был горд тем, что состоит на дипломатической службе и является винтиком, пусть и крошечным, в колоссальной машине Британской империи.

Предложение Хираги было стоящим. Это могло бы сработать. Но как вывезти его отсюда и как добиться помощи в этом деле от сэра Уильяма? — Вилли являлся ключом ко всей затее.

Чем больше он раздумывал над этим, тем меньше надежд у него оставалось. В конце концов ему пришлось признать, что с его стороны было глупо даже рассматривать это предложение. С каждой секундой в нем крепла уверенность, что сэр Уильям не станет, не сможет дать своё согласие на подобный план — только не с этим человеком, признанным убийцей, не с Хирагой, который оставался всего лишь пешкой в гораздо более серьезной игре за благоволение Ёси. С точки зрения сэра Уильяма, в этом плане не было ничего заманчивого — никакой компенсации, никакой причины рисковать нажать врага в лице Ёси, будущего полноправного правителя, что бы там ни заявлял Хирага.

— Я постараюсь, — сказал Тайрер, изображая уверенность: он не забыл, что все ещё остается пленником Хираги и меч лежит совсем рядом. — Гарантировать ничего не могу, но я попытаюсь. Где вы будете?

Хирага был удовлетворен. Риск, на который он пошел, был огромен, хотя и оставлял ему пространство для маневра. Он убедил Тайру, тот теперь вновь на его стороне. Предводитель гайдзинов станет его союзником.

— Вы дерзать сик'рет?

— Конечно.

— Присылайте Райко знать. Я могу встретиться в деревне и'ри здесь. Вы говорить где, Тайра-сама. Я думаю, чем быстрее, тем лучший, для

кораба'рь, неһ?

— Да. Я пришлю вам записку завтра или приду сам. — Тайрер осторожно начал вставать.

Хирага просиял.

— Васа ходить Фудзико?

Тайрер помрачнел в мгновение ока.

— Фудзико больше нет.

— Что? Что васа хочет сказать?

Тайрер рассказал ему и увидел, как лицо Хираги вспыхнуло.

— Но васа давали обещаний, Тайра-сама. Мне, я сам говорить, я устроить все с Райко, неһ?

— Да, но теперь контракта не будет. Райко говорит... — Тайрер замолчал, испуганный выражением лица Хираги.

— Здать, паза'руста! — Хирага стремительно вышел.

Тайрер выглянул в боковое окошко. Он никого не увидел, только ветви качались на ветру и в воздухе пахло морской солью — беги, пока есть возможность, сказал он себе, но в этот момент ему вдруг отчаянно захотелось помочиться. Он воспользовался ведром в ванной и почувствовал облегчение. Теперь он ощутил голод. И жажду. Он огляделся. Ни чайника, ни кувшина с водой. Голод и жажда словно мельничные жернова перетирали его мозг в муку — как перетирала его идея Хираги. Он не видел способа удовлетворить ни то, ни другое, ни третье. Без благорасположения сэра Уильяма Хирага окажется беспомощным ребенком в пустыне. Даже Джейми не многим сможет помочь теперь, когда он больше не служит у Струанов. Да и с какой стати он или кто-то другой должны помогать? Никакого интереса это никому не сулило. Он снова выглянул в маленькое оконце.

Выбирайся отсюда, пока есть возможность, подумал он и направился к двери. Вдруг он услышал шаги. Тайрер метнулся назад к своей подушечке. Сёдзи рывком распахнулась. Райко втолкнули в комнату, и она упала на колени перед ним, в дверях угрожающе возвышался Хирага.

— О, прошу простить меня, Тайра-сама, — подобострастно затараторила Райко, спеша извиниться и униженно загладить свою грубость, — о, прошу прощения, я совершила ужасную ошибку...

Её слова изверглись на него, как фонтан воды. Тайрер понял немного, хотя быстро ухватил суть.

— Довольно, — твердо сказал он. — Принесите контракт сейчас. Я подписываю.

Она достала свиток из рукава и смиренно протянула ему.

— Подожди, — приказал Хирага. — Дай его мне!

Она мгновенно подчинилась и снова уткнулась головой в пол. Он пробежал глазами короткий документ, фыркнул.

— Это как договариваться, Тайра-сама, вы подписывать потом, — сказал он по-английски. — Эта женщина... — он сердито ткнул пальцем в Райко, — говорит, она де'рать асыпка, говорит, Фудзико умо'ряет де'рать честь видеть вас сейчас, просит простить асыпка. Её асыпка. Бака! — рявкнул он на неё, добавив на японском: — Обращайтесь с этим господином как подобает или я уничтожу этот чайный дом! Позаботься, чтобы Фудзико была готова, очень готова. Немедленно.

— Хай, Хирага-сама! — Бормоча бесконечные извинения, она исчезла.

Оказавшись на безопасном расстоянии, она весело фыркнула, в восторге от своей актерской игры, замысла Хираги и заключенной сделки.

Тайрер, пребывая на седьмом небе, поблагодарил Хирагу, слишком счастливый в этот миг, чтобы тревожиться о том, как его явному другу удалось вызвать в Райко такую быструю перемену. Есть вещи, которые мы никогда не поймем в этих людях.

— Я подпишу контракт и принесу его завтра.

— Не торопитесь, пусть этот зенский собака будет здать. — Хирага улыбнулся и протянул ему свиток. — Теперь я отводить вас Фудзико. Икимасо.

— Домо аригато годзаймасита. — Тайрер поклонился, как японец поклонился бы человеку, которому обязан значительной услугой.

— Друг помогать друг, — просто ответил Хирага.

Позже тем же вечером Тайрер пробудился, полностью удовлетворенный. Отлично, подумал он. Рядом крепко спала Фудзико; футоны и пуховые покрывала были такими же чистыми и пахли так же сладко, как она, теплые и удобные — гораздо лучше его собственной кровати, соломенного матраца и тяжелых шерстяных одеял с их противным, прелым запахом. Её кожа в пламени свечей отливала золотом, крошечная комнатка была залита тем же золотым светом, такая уютная; ветер шуршал по крыше, тревожил сёдзи и пламя свечей.

Ещё немного посплю, подумал он, и пойду.

Не будь глупым. Тебе совершенно ни к чему возвращаться сегодня. Все бумаги к завтрашней встрече с Ёси готовы, копия договора на японском и английском лежит в портфеле Крошки Вилли, проверенная и перечитанная сегодня днём ещё раз. Согласованный план боевых действий против Сандзиро, даймё Сацумы, готов и ожидает в сейфе подписи его и Кеттерера. Я встану с рассветом, сверкающий и чистый, как только что отчеканенная золотая гинея, после шока с Хирагой и ещё большего шока с Райко я могу себя побаловать. Он улыбнулся, шока — как это похоже на японское со ка. Глубокий довольный вздох — добрый старый Накама, то есть Хирага. Он зевнул и закрыл глаза. И придвинулся теснее. Фудзико не проснулась, но раскрылась ему навстречу.

В другой части обширного сада Хинодэ нетерпеливо ждала Андре. Райко предупредила её, и теперь он должен был появиться с минуты на минуту; она чувствовала, что почти заболевает от радостного предвкушения.

Райко сидела нахохлившись в своих покоях и пила саке. Скоро она перейдет к бренди и забвению, напиток, как водоворот, унесет с собой все её дурные мысли: её страх и ненависть к Хираге и её надежды на него, ужас по поводу Мэйкин и благоговение перед её мстостью перемешивались одно с другим после каждой опорожненной чашечки.

На другом конце сада, спрятанный в неприметном домике, Хирага сидел в классической позе лотоса и медитировал, чтобы прогнать жуткую головную боль, вызванную известием о Кацумате и беседой с Тайрером. Скоро должен вернуться Акимото. Тогда он решит, как ему быть с Такэдой.

По ту сторону соседней изгороди, в домике, стоявшем в саду чайного дома Цветущих Вишен, Акимото сидел вдрызг пьяный от саке.

Расположившийся напротив него и пьяно раскачивавшийся из стороны в сторону Такэда рыгнул и сделал большой глоток пива. Акимото, уже ничего не видя перед собой, наливал себе из новой бутылочки до тех пор, пока та не выскользнула из его пальцев. Его голова постепенно склонилась на руки. Он захрапел. Такэда улыбнулся, он не был и вполтину так пьян, как притворялся.

Удостоверившись, что Акимото спит, он отодвинул сёдзи, а потом аккуратно закрыл за собой. Ночь была холодной, ветер с юга дул сильный и устойчивый. Тугая струя воздуха хлестнула его по бокам, ероша густую щетину волос на голове, к которой он никак не мог привыкнуть. Он яростно почесался, осматривая ту часть сада, которая была ему видна. Из другого домика вышла служанка с подносом и заторопилась к главному дому. Вдалеке слышались пьяное пение мужчин и звуки сямисэна. Где-то залаяла собака. Когда служанка исчезла, он надел темную теплую куртку, засунул мечи за пояс, вступил в свои соломенные сандалии и быстро побежал по дорожке, свернул на другую, потом свернул ещё раз и оказался возле изгороди. Здесь, под кустом, он устроил тайник. Пять бомб, которые они изготовили вместе с Хирагой, с запалами различной длины.

Бомбы были сделаны из двух кусков гигантского бамбука, связанных вместе, в треть ярда длиной и в половину этого толщиной. Один стакан был туго набит принесенным Кацуматой порохом, другой — залит маслом, оба были плотно закупорены. Такэда быстро вставил в три бомбы самые длинные запалы, какие у него были, около одной свечи времени горения каждый — почти два часа. Запалы они изготовили из хлопчатобумажной веревки, пропитанной раствором пороха и высушенной. В две оставшиеся бомбы он вставил запалы вдвое короче.

Последний взгляд на небо. Облака быстро летели, гонимые ветром. Хорошо. Он взял две бомбы с длинными запалами и исчез, полностью слившись с темнотой. Через потайную дверь в ограде он проник в сад Трех Карпов, который находился южнее Цветущих Вишен, и направился к самому южному домику в саду, поднятому, как и все они, на полметра над землей на столбах. Домик был занят и освещен изнутри. Он осторожно пробрался под него и, щелкнув кремнем, поджег запал — шум ветра поглотил все звуки. Фитиль загорелся. Над его головой раздались женские шаги, и он замер. Послышался звук отодвигаемой двери-сёдзи. Через несколько секунд дверь снова закрылась.

Опавшие листья, наваленные на тлеющий запал, скрыли его почти полностью, и Такэда опять пустился в путь, тень среди других теней — и тут же нырнул в кусты, увидев приближавшегося по дорожке гайдзина.

Человек прошел мимо, не заметив его, и Такэда снова выбрался на тропу и побежал к главному дому. Вторая зажигательная бомба была с той же аккуратностью пристроена под ним.

Теперь он вернулся назад через дверь в ограде, избежал встречи со слугой, подождал, пока мимо грузно прошествует старая располневшая прислужница, добрался до тайника, забрал из него последнюю бомбу с длинным запалом и снова заторопился прочь. Эту бомбу он поджег и положил под своим собственным домом, в котором раскатисто гремел храп Акимото. Губы Такэды растянулись в улыбке. В последний раз он бросился назад к тайнику, не чуя под собой ног и покрытый потом. Пока что все идет по плану Ори. Хирага заражен идеями гайдзинов. Как и Акимото. Он, Такэда, сохранил чистоту духа. Он сделает это один.

С оставшимися бомбами он пересек сад и перелез через ограду в соседний, потом ещё в один, и вот он увидел тайный колодец. Он быстро спустился вниз, поместив крышку на место над головой и зная, что Хираги внизу нет и ему нечего бояться.

Оказавшись в безопасности подземного хода, он облегченно вздохнул и зажег масляную лампу. Кругом в беспорядке были разбросаны постель Хираги и некоторые из его вещей. Заплечный мешок Кацуматы с металлическими бомбами лежал под одеялом. Он добавил к ним две свои, закинул мешок на плечо и поспешил вглубь тоннеля. Вскоре путь ему преградила вода. Он быстро разделся и связал одежду в узелок.

Вода была ледяной, и у него сразу перехватило дыхание. Когда он достиг самого узкого участка, где потолок опускался совсем низко и он едва не касался его головой, вода поднялась почти до подбородка. Лишь с большим трудом, изо всех сил напрягая немеющие руки, ему удавалось удерживать лампу и мешок с бомбами над её поверхностью. Выбравшись из воды на другом конце, он торопливо оделся, дрожа от холода и ругаясь: впереди было ещё столько дел. Ладно, начало положено. Скоро он закончит свой труд и тогда будет жить вечно. Вспыхнувший в груди огонь согрел его и прогнал озноб.

В самом конце подземного хода, там, где железные скобы вели наверх, а колодец исчезал внизу, он остановился, чтобы отдышаться. Теперь наверх. На одной из ступеней он поскользнулся и едва не сорвался вниз, но удержался, нащупал скобу ногой и на некоторое время замер неподвижно, ожидая, пока успокоится сердце. Снова вверх. С огромной осторожностью он отодвинул разбитую крышку в сторону и выглянул наружу. Ничейная Земля была пустынна. Пьяный Город жил своей жизнью, народ бражничал, отовсюду раздавались крики и пьяное пение, несколько человек,

пошатываясь, брели по узким улочкам недалеко, на них лаяли собаки.

Пьяный Город находился к югу от деревни и Поселения, которые жались к берегу, вытянувшись в линию с севера на юг, тогда как Ёсивара в целом лежала южнее Пьяного Города. Сначала Ори, потом Кацумата и Хирага наметили, где разместить зажигательные заряды, чтобы южный ветер погнал пламя перед собой, сжигая все на своём пути.

Такэда оставил мешок в зарослях сорняков и спрятал одну бомбу с коротким запалом у покосившегося склада, а вторую — позади одной из лачуг, забросав тлеющие фитили мусором.

Спеша назад к остававшимся бомбам, он был вынужден броситься на землю и замереть позади мусорной кучи. Со стороны деревни приближался армейский патруль, совершавший свой ночной обход. Его маршрут лежал от британской миссии, вдоль Хай-стрит, через деревню, Ничейную Землю, весь Пьяный Город и назад, вдоль променада. Два обхода за ночь. Дойдя до той улицы, где Такэда оставил бомбы, солдаты остановились в тридцати шагах от него с подветренной стороны склада, чтобы перекурить и оправиться.

Такэда выругался, вжимаясь в землю.

Больше трех четвертей свечи прошло с того момента, когда он зажег первый фитиль.

— Добрый вечер, Хинодэ, — сказал Андре, входя в их убежище в саду. — Извините, что опоздал.

— Добрый вечер, Фурансу-сан. Вы никогда не опаздываете. Все, что вы делаете, правильно. — Она улыбалась ему. — Вы выпьете sake?

— Пожалуйста. — Он сел напротив и смотрел, как она наливает ему. Его ноги помещались в углублении под столом, где стояла маленькая жаровня, согревавшая воздух. Тепло сохранялось с помощью пухового одеяла, расстеленного поверх стола и обернутого вокруг них. Грация её движений радовала глаз, волосы блестели, как черный янтарь, заколотые длинными декоративными заколками, губы слегка подкрашены, длинные рукава изящно подтянуты, чтобы не задевать керамическую бутылочку.

Сегодня она надела кимоно, которого он никогда не видел раньше: великолепный оттенок зеленого, это был её любимый цвет, с журавлями, символом долгой жизни, вытканными серебряной нитью по всей ткани; из-под ворота соблазнительно выглядывал краешек однотонного нижнего кимоно. С поклоном она протянула ему его чашку, а потом, к его удивлению, налила и себе, из другой бутылочки, где sake было подогрето — его sake было холодным, как он любил. Она очень редко пила вино.

С особой улыбкой она подняла свою чашку.

— *A ta santé, chéri, je t'aime.*^[49] — Она скопировала его произношение, как он учил её.

— *A ta santé, chérie, je t'aime,*^[50] — произнес он с болью в сердце, не веря, что она сказала это, как она могла?

Они легко соприкоснулись чашечками, и она осушила свою, чуть поперхнувшись при этом, тут же налила ему снова и себе. Та же улыбка, и она опять подняла свою чашку, приветствуя его. Они чокнулись, выпили, и она снова наполнила чашки.

— Mon Dieu, Хинодэ, вы осторожны, да? — сказал он со смешком. — Непривычная к sake. Осторожно, не напивайтесь пьяная!

Она рассмеялась, сверкнув белоснежными зубами из-под пухлых, чувственных губ.

— Пожалуйста, Фурансу-сан, сегодня особая ночь. Пейте и веселитесь. Прошу вас. — На этот раз она стала пить маленькими глоточками, глядя на него поверх чашки. Её глаза посверкивали в танцующем пламени свечей, глаза, которые всегда казались ему бездонными, всегда лишали его способности трезво мыслить — часть её колдовского очарования.

— Почему особая, Хинодэ?

— Сегодня Сэйдзин-но-хи, День совершеннолетия для всех, кому больше двадцати лет — вам уже есть двадцать, нех? — радостно объяснила она, потом показала на большую свечу на столе. — Эту свечу я посвятила для вас богу Удзигами, богу моей деревни. — Она показала на сёдзи. Над ней был укреплен букет из бамбуковых и сосновых ветвей. — Это Кадамацу, символ постоянства. — Застенчивая улыбка, после которой она налила и выпила снова. — Я надеюсь, вам нравится.

— О да, благодарю вас, Хинодэ, — ответил он, тронутый её заботливостью.

В один из дней несколько недель назад он узнал, что это её день рождения, и принес шампанское на льду и золотой браслет. Она сморщила носик над шипучим напитком и сказала, что он замечателен, но выпила только после того, как он настоял на этом. На его долю пришлось большая часть бутылки, и его любовь в ту ночь была безумной.

За то время, что они провели вместе, он заметил, что бесконтрольная ярость его толчков не беспокоит её, она всегда отвечала ему с равной силой, что бы он ни делал, и под конец обмякала рядом, такая же обессиленная, как и он. Но он и сейчас не мог определить, сколько

подлинного удовольствия доставляло ей совокупление с ним, как не мог он просто наслаждаться ею, не думая больше ни о чем, оставляя её наедине с её притворством, если именно притворством это все и было, и выбросить из головы ту загадку, в которую она для него превратилась. Когда-нибудь он проникнет в эту тайну. Он был убежден в этом. Для этого требовалось лишь терпение, ничего больше. Мало-помалу он источит скорлупу этой загадки, и тогда их любовь и его безумная, ненасытная страсть утихнут, и он сможет жить в мире и покое.

Она по-прежнему оставалась для него всем. Ничто другое не имело значения. Сегодня утром он унижался перед Анжеликой, уговаривал, молил, клянчил, угрожал, пока она не дала ему брошь вместо денег. Райко приняла её.

Он посмотрел на Хинодэ и просиял.

— Что? — Она обмахнулась веером, спрятав за ним выступивший от саке румянец, кончик её языка влажно блеснул между зубами.

Он сказал по-французски:

— Я дома и свободен, любовь моя, скоро все деньги будут выплачены, и ты вся станешь моей на веки вечные.

— Прошу прощения, я не понимаю.

Перейдя на японский, он проговорил:

— Сегодня вечером я просто счастлив и говорю, вы моя. Вы такая красивая, вы моя.

Она склонила голову при его похвале.

— Вы тоже красивы, и я рада, когда вы счастливы со мной.

— Всегда. — Но это была неправда. Часто он злился и вихрем вылетал из комнаты, оставляя её одну. Проблема была всегда одна и та же, случайное замечание, после которого он сначала просил, потом зло упрекал, молил, требовал, умолял, кричал: «Нам не нужна темнота! Мы любовники, и нам больше не нужна темнота, мы не только любовники, но и друзья, я привязан к тебе на всю жизнь. На всю жизнь! Я люблю тебя, ты даже представить себе не можешь, как я люблю тебя, ты не можешь этого знать, я прошу, и прошу, и прошу тебя, а ты просто сидишь и...»

И всегда один и тот же терпеливый, смиренный ответ: голова в пол, голос тихий, со слезами или без — и непреклонный:

— Пожалуйста, извините меня, но вы согласились, прошу прощения, но вы согласились.

Она выпила ещё, и он увидел, как ярче заалели её щеки. Хинодэ снова взялась за бутылочку, но пальцы уже плохо слушались её, и она пролила каплю саке на стол. Она охнула, тихо и весело.

— О, прошу прощения. — Его чашечка опять наполнилась, и её, обе быстро опустели; захмелевшая, она казалась ему ещё более притягательной. — О, это очень хорошо, очень-очень хорошо, нех, Фурансу-сан?

Длинные пальцы с безупречными ногтями потрясли бутылочку и обнаружили, что она пуста. Хинодэ тут же грациозно поднялась; чрезмерно длинное кимоно волочилось по полу, и создавалось впечатление, будто она не идет, а скользит сначала к жаровне, где в горячей воде нагревались ещё бутылочки, а потом к полке за крошечным окном, где охлаждались остальные. На мгновение в комнату проник ветер и вместе с ним неожиданный запах. Запах порохового дыма, едва уловимый, но спутать с другим его было невозможно.

— Что это? — спросил он по-французски. Она удивленно посмотрела на него.

— Прошу прощения?

Теперь, когда она снова закрыла окно, запах исчез.

— Ничего, мне показалось... — Сегодня все в ней было для него соблазнительным. — Ничего, пожалуйста, садитесь. Вот сюда.

Она послушно села рядом, неловко толкнув его при этом и хихикнув. Она налила им ещё sake, её рука дрожала. С довольной улыбкой он выпил с ней; sake согревало его, но не так, как была согрета она. Под покрывалом её нога коснулась его ноги. Его рука потянулась к ней, вторая обняла за талию, и они поцеловались, шепот её губ был тихим и влажным, язык — чувственным. Его рука передвинулась выше, и Хинодэ со смехом высвободилась из его объятий.

— Подождите, Фурансу-сан, подождите, не здесь, сегодня...

Как взволнованная школьница, она оттолкнулась от него, поднялась на ноги и направилась в спальню с её единственной лампой, чтобы по обыкновению потушить её и лишь потом, когда она приготовится в темноте, пригласить его войти. Но сегодня она остановилась на пороге, оперлась рукой о стойку, чтобы не потерять равновесия, и повернулась к нему; глаза её горели.

— Фурансу-сан.

Не сводя с него взгляда, она принялась напевать про себя, вынимая из волос длинные заколки, пока черная волна не сбегала вниз до пояса. Теперь она распустила оби и дала ему упасть. Короткий смешок. Затем кимоно, оно тоже соскользнуло на пол. В один миг у него захватило дух, и он застыл пораженный. Золото её нижнего кимоно мерцало в пламени свечей, прозрачный шелк одновременно и обнажал, и прятал. Снова кончик

её языка пробежал по губам. Она кокетливо развязала завязки и позволила нижнему кимоно слегка приоткрыться. Под ним не было никакой одежды. Только узкая полоска её тела стала видна, от шеи до крошечной ступни. И все это время с губ не сходила та же загадочная улыбка, глаза манили, принуждая его ждать, обещая и мучая. Ветер застучал дверью-сёдзи, но они не услышали этого.

Его сердце никогда не колотилось так сильно. Он заставил себя оставаться на месте. Теперь он мог видеть, как вздымается и опускается её грудь, как напряглись под шелком соски её маленьких грудей. Когда ожидание стало невыносимым, он поднялся и шагнул к ней. Его руки были нежны, и он вложил в поцелуй всю глубину страсти, на какую был способен. Он стоял рядом с ней, высокий и сильный, и она обмякла в его объятиях. Легко подняв её на руки, он положил её на футоны в спальне и сорвал с себя одежду. И опустился рядом с ней на колени, в экстазе глядя на неё в мягком свете.

— Je t'aime, je t'aime.

— Посмотрите, Фурансу-сан, — сказала она, лежа перед ним с милой улыбкой. Её пальцы показывали на внутреннюю поверхность бедра. Какое-то мгновение он не понимал, о чем она. Потом заметил красное пятно. Сердце едва не выпрыгнуло из его груди, рот наполнился желчью. — Посмотрите, — повторила она, так тихо, все с той же улыбкой, глаза такие темные в скудном свете. — Это началось.

— Это... это нет ничего, — произнес он, задыхаясь. — Ничего.

— Это все. — Она посмотрела ему в лицо. — Пожалуйста, дайте мне нож.

Его голова дернулась назад, глаза перестали видеть что-нибудь, кроме язвы, заполнившей собой весь мир. Сделав невероятное усилие, он потряс головой, чтобы прогнать наваждение. И заставил глаза смотреть. Но это не прогнало изо рта мерзкий, тошнотворно кислый привкус.

— Пустяки, это просто... это пустяки, совсем даже не о чем говорить, — проскрипел он. Чем внимательнее он всматривался, тем менее страшным казалось ему это пятно. — Это просто потертость, только и всего.

— Пожалуйста? Вы должны говорить по-японски, Фурансу-сан, прошу прощения.

— Это... это нет болезнь. Не это. Просто... просто тугая повязка на бедрах, ничего не волноваться. — Он протянул руку, чтобы накрыть её и задуть лампу, но она остановила его. Мягко.

— Прошу прощения, это началось. Пожалуйста. Дайте мне нож. Как

всегда, его нож был в ножнах, висевших на ремне. Как всегда. Вместе с одеждой, грудой лежавшей сейчас позади него.

— Нет, пожалуйста, Хинодэ, не надо нож, нож плохо, не нужно нож. Это... это пятно ничего.

Сквозь свой кошмар он видел, как она слегка покачала головой и повторила свою просьбу, ставшую теперь приказанием. У него задрожали руки и ноги, голова начала непроизвольно подергиваться, он не мог остановить эту дрожь, как не мог остановить бессвязного бормотания на японском и французском, которое сплошным потоком изливалась из него, прося, умоляя, объясняя, что это всего лишь маленькое пятнышко, ничего больше, хотя он и знал, что это не так. Болезнь началась. Она была права. Это началось, началось. Волна горечи подкатила к самому горлу. Он едва сумел остановить рвоту, бормоча без остановки.

Она не прерывала его, хуже, просто лежала и терпеливо ждала, когда припадок пройдет. Тогда будет какое-то решение.

Он сказал умоляющим голосом:

— Послушайте, Хинодэ, пожалуйста, нет нож. Пожалуйста. Не могу... Это... это ничего. Скоро проходить. Смотрите я, смотрите! — Он в отчаянии ткнул в себя пальцем. — Ничего, нигде. Этот маленький, скоро проходить. Нет нож. Мы жить. Нет бояться. Счастливый. Да?

Он увидел, как по её лицу промелькнула тень, её пальцы снова коснулись язвы, и опять он услышал то же монотонное: «Это началось».

Он нацепил улыбку, но не знал, как уродливо она выглядит, и сколько он ни уговаривал, ни хитрил, ни изворачивался, она продолжала задавать один и тот же вопрос, тихо, мягко, вежливо, выводя его из себя все больше и больше, пока он не почувствовал, что сейчас взорвется.

— Это ничего, — хрипло произнес он. — Понимаешь?

— Да, я понимаю. Но это началась. Neh?

Он уставился на неё со злобным лицом, потом его ярость прорвалась наружу и он закричал:

— Ради Христа Спасителя, да! Да! ДА! Хай!

Посреди пронзительного молчания она сказала:

— Благодарю вас, Фурансу-сан. Тогда, пожалуйста, раз вы согласились, что это началось, пожалуйста, как вы обещали, дайте мне нож.

Его глаза налились кровью, в уголках рта выступила пена, пот катил градом, и он был близок к безумию. Рот открылся, и этот рот с непреклонностью произнес то, что он всегда знал, что он произнесет:

— Нет нож. Киндзиру! Запрещается! Не могу. Нельзя. Вы слишком ценность. Запрещается. Нет нож.

— Вы отказываетесь? — Тот же мягкий тон, никакой перемены в лице.

— Хинодэ, вы солнце, мое солнце, моя луна. Не могу. Не хочу. Никогда, никогда, никогда. Запрещается. Вы оставайтесь. Пожалуйста. Je t'aime.

— Пожалуйста, нож.

— Нет.

Долгий вздох. Хинодэ покорно поклонилась ему, свет внутри неё потух, она принесла два полотенца, влажное и сухое, и опустилась на колени рядом с постелью.

— Вот, господин.

С хмурым, покрытым потом лицом он смотрел на неё.

— Ты согласна?

— Да, я согласна. Если таково ваше желание.

Он схватил её за руку. Она оставила её безжизненно лежать в его руке.

— Правда, согласна?

— Если вы этого желаете. Как вам угодно, — ответила она, но с печалью в голосе.

— Нет просить нож, больше никогда?

— Я согласна. С этим покончено, Фурансу-сан, если таково ваше желание. — Голос звучал нежно, лицо было спокойным, оно стало другим и при этом осталось прежним, тень печали легла на него. — Пожалуйста, теперь довольно. Все кончено. Я обещаю, что больше никогда не попрошу, пожалуйста, извините меня.

Гора свалилась с его плеч. Он весь осел от облегчения.

— О, Хинодэ, je t'aime, спасибо, спасибо тебе, — заговорил он срывающимся голосом, — но, пожалуйста, нет печальная, нет печальная. Je t'aime, спасибо тебе.

— Пожалуйста, не благодарите меня. Это ваше желание.

— Пожалуйста, нет печальная, Хинодэ. Я обещаю, все очень хорошо теперь. Чудесно. Я обещаю.

Она медленно кивнула. Неожиданная улыбка омыла её лицо и стерла с него всю печаль.

— Да, и я благодарю вас, и да, я больше не печальна.

Она подождала, пока он вытрется, потом унесла полотенца. Он проводил её взглядом, упиваясь ею и своей победой. Она прошлепала босыми ногами по татами в другую комнату и вернулась с двумя бутылочками саке. С нежной улыбкой она предложила:

— Пейте из бутылочек, это лучше, чем чашки. Моя горячая, ваша холодная. Благодарю вас за то, что вы купили мой контракт. A ta santé.

— A ta santé, je t'aime.

— А, со ка! Je t'aime. — Она осушила свою бутылочку, поперхнулась, потом рассмеялась, отирая подбородок. — Это было хорошо, так хорошо. Ложитесь в постель. — Она весело скользнула под покрывала. — Ложитесь в постель, Фурансу-сан, а то простудитесь.

Великолепный вкус напитка очистил его рот от мерзости и прогнал ощущение смерти, которое у него появилось. Он медленно снял с неё покрывало, до боли желая её.

— Пожалуйста, нет больше темноты. Пожалуйста?

— Если вы этого желаете. Темноты больше не будет. Только чтобы спать, нех?

С бесконечной признательностью он склонил голову на фuton, чувствуя себя заново родившимся, поблагодарил её и лег рядом, любя и чудовищно вождедая её. Его рука потянулась к ней.

— Ах, Фурансу-сан, позвольте мне отдохнуть сначала, пожалуйста? — попросила она с нежностью, какой он ещё никогда не слышал. — Столько переживаний утомили меня. Позвольте мне отдохнуть немного, пожалуйста? Потом мы... потом, нех?

Его вспыхнувшее, как огненный шар, разочарование, едва не перешедшее в слепую ярость, было трудно сдержать. После секундного молчания он произнес так доброжелательно, как только смог:

— Конечно. — Больше не касаясь её, он лег на спину.

— Благодарю вас, Фурансу-сан, — устало прошептала она. — Пожалуйста, вы не дотянетесь до лампы? Уверните пламя, я хочу поспать немного, совсем чуть-чуть.

Он подчинился и лег опять; чресла мучительно сводило от желания.

В темноте она ощутила такой покой, какого не знала уже много лет, словно перенеслась назад в те далекие дни до смерти мужа, когда они жили в маленьком домике в Эдо со своим сыном, мальчиком, который теперь был в безопасности, уже у родителей своего отца, принятый в дом, нашедший там защиту и растущий самураем.

Фурансу-сан поступил плохо, что не дал мне нож, как обещал. Он заслуживает презрения. Но с другой стороны, он гайдзин и ему нельзя верить. Ладно, я знала, что он не выполнит свою часть договора, как я выполнила свою — что бы ни обещала мне Райко. Он лгал, когда ставил свою подпись, как лгала и она. Ладно, ладно. Я подготовилась к ним обоим, обманщику и обманщице.

Её улыбка стала шире. Старый знахарь не обманул меня. Я не ощутила никакого вкуса, не почувствовала ничего, но смерть уже бежит по моему

телу и лишь несколько минут остаются мне в этом Мире Слез.

Мне и Зверю тоже. Он сам сделал выбор. Он нарушил своё обещание. Поэтому Нечистый заплатит за то, что обманул меня. Больше он не обманет ни одной женщины. И умрет неутоленный, с торчащим членом!

Он шевельнулся, услышав её тихий странный смех.

— Что?

— Ничего. Потом мы посмеемся над этим вместе. После сегодняшней ночи темноты больше не будет, Фурансу-сан. Не будет темноты.

Хирага ударил кулаком по татами, устав ждать Акимото. Он вышел в бурную ночь и поспешил по тропинкам через сад к потайной двери в ограде. Пробравшись на ту сторону, он направился к дому Такэды, пропустив в первый раз нужный поворот. На веранде он остановился. Изнутри доносился громкий храп.

— Акимото, Такэда? — тихо позвал он; ему не хотелось входить без предупреждения: каждый из них был опасен, когда дверь открывалась внезапно.

Ответа не последовало. Храп продолжался. Он бесшумно отодвинул сёдзи. Акимото сидел, склонившись над столиком, на полу вперемешку валялись бутылки из-под пива и саке. Такэды нигде не было видно. Хирага сердито встряхнул Акимото, осыпая его проклятиями. Юноша очнулся и поднял на него затуманенный взор, не проснувшись ещё окончательно.

— Что случилось? — Слова выговаривались с трудом, лицо Хираги было размытым и постоянно уплывало куда-то.

— Где Такэда? Проснись же! Бака! Где Такэда?

— Не з'аю, мы прос'а... прос'а пили тут...

На секунду Хирага остолбенел, весь его мир перевернулся с ног на голову, потом стремительно выскочил из домика и бросился через сад к ограде и тайнику.

Его разум затуманился. Потом вдруг словно молния сверкнула в голове, и он отчетливо вспомнил их план, где лучше всего расположить заряды, план, который был хорошо известен им всем. Паника придала его ногам силы. Он заглянул под домик Такэды, но ничего не увидел, в этот миг его нос учуял запах порохового дыма, и он нырнул под дом и пополз меж низких каменных опор, но запал был слишком хорошо спрятан и сильный ветер мгновенно растворял в воздухе его дым. Он вылез наружу и бросился назад в комнату, чтобы разбудить Акимото.

— Вставай, просыпайся же!

Когда юноша пьяно попытался оттолкнуть его, Хирага залепил ему

пощечину, потом ещё раз. Боль прорезала его затуманенное сознание, и он начал приходить в себя.

— Такэда забрал бомбы, он поджигает эту гостиницу, одна лежит под нами... — Ухватив Акимото за ворот, Хирага грубо поднял его на ноги.

Тупо бормоча и наваливаясь на него всем телом, Акимото кое-как выбрался из комнаты, запнулся и полетел вниз по ступенькам на садовую дорожку; ветер яростно завывал вокруг. В этот момент бомба взорвалась.

Взрыв был несильным, он лишь сбил их с ног и проделал дыру в полу, шум ветра и толстые балки пола заметно приглушили грохот. Но брызги горящего масла были смертоносны. Пламя полыхнуло вверх и во все стороны.

— Пробирайся в подземный ход и жди меня там, — проскрежетал Хирага и побежал.

Удар взрывной волны и подобная близость смерти мигом согнали с Акимото весь хмель. Он пустился бегом, но ветер подхватил несколько тлеющих угольков и швырнул их на него. Он как безумный заколотил руками по одежде и отступил на несколько шагов, а когда вновь поднял глаза на дом, тот уже превратился в пылающий ад — татами из сухих рисовых стеблей, промасленная бумага на стенах и сёдзи, сухие доски пола, балки и соломенная крыша. На его глазах крыша провалилась, подняв к небу сноп искр, ветер тут же подхватил их и бросил на соседний дом. Солома на крыше занялась. Раздался звон пожарных колоколов — прислужницы, слуги, клиенты, куртизанки, стражники у ворот выбегали, чтобы узнать, в чем дело.

Хирага несся по дорожке к самому южному домику. Когда он был в нескольких шагах от него, бомба взорвалась. Этот взрыв был ещё слабее, но он швырнул его в кусты, где Хирага ударился о каменную фигуру дракона, украшавшую сад, с такой силой, что у него вырвался крик боли. Взрыв выбил опоры домика с одной стороны и разворотил угол, отчего все строение покачнулось и пьяно осело набок. Одна из стен загорелась.

Хирага заставил себя подняться и без колебаний прыгнул на веранду и проломился сквозь пылающие сёдзи. Разбрызганное повсюду горящее масло уже начало внутри своё губительное дело, дым не давал дышать. Его руки тут же метнулись к лицу, прикрывая его от невыносимого жара; он задержал дыхание, чтобы не наглотаться дыма.

Хирага увидел Тайрера, отброшенного взрывом в сторону и беспомощно пытающегося подняться на четвереньки, задыхающегося, окруженного пламенем, которое в следующий миг охватило сёдзи позади него, превратив их в огромную простыню огня. В других местах огонь

набросился на пропитанные маслом стены, стойки, крышу и лизнул остатки футонов и пухового покрывала, на котором лежал Тайрер. Край его изорванного ночного кимоно загорелся, Хирага одним прыжком подскочил к нему, затоптал пламя и рывком поднял его на ноги. Одного взгляда на Фудзико было достаточно: взрывом её разорвало пополам, волосы её уже сгорели, и тело начало обугливаться.

Полуслепой от дыма, Хирага вытащил Тайрера на тропинку. В этот миг пылающая крыша обрушилась, и они покатались и рухнули друг на друга. Искры и уголья взмыли вверх, ветер превратил их в струю огнемета, поджигая другие домики, ограды, соседний чайный дом. Отовсюду слышались крики, вопли и предупреждения о пожаре, уже цепочки людей бросались то туда, то сюда с ведрами воды или подавали новые, большинство уже надело влажные маски, предохранявшие от дыма, которые всегда были в достатке и наготове.

Поражаясь тому, что он все ещё жив, натужно кашляя и давясь, Хирага забил руками тлеющее пятно на груди своего кимоно; короткий меч все ещё торчал у него за поясом, длинный пропал. Насколько он мог судить, Тайрер не пострадал, но было невозможно сказать наверняка, потому что он ещё окончательно не пришел в себя, грудь его ходила ходуном, он судорожно ловил ртом воздух и его рвало от дыма, которым он наглотался. Преодолевая боль, Хирага поднялся на ноги, чтобы отдышаться и собраться с мыслями, постоянно оглядываясь, чтобы успеть заметить новую опасность. Ближайший к ним домик вспыхнул, потом соседний, отрезая им путь к отступлению.

Кацумата был прав, подумал он. При таком ветре Ёсивара обречена. А вместе с ней и Поселение.

На краю Ничейной Земли патруль солдат застыл, пораженный, как и каждый в Пьяном Городе, кто не был пьян, и смотрел не мигая поверх изгороди в сторону Ёсивары. Два столба пламени и клубящегося дыма поднялись к небесам среди далеких криков и звяканья колоколов, доносимого сюда ветром. До них докатился глухой звук третьего взрыва. Взметнулся ещё один фонтан огня. Дым начал подбираться к ним. Мимо ветер пронес несколько горячих угольков.

— Боже всемогущий, — выдохнул сержант, выходя из-за склада, чтобы получше все рассмотреть, — это что, бомба?

— Чёрт её знает, сержант, может, бочонок с маслом в огонь попал, только нам лучше бы вернуться, этот сукин сын прямо на нас прет, а...

Взорвалась бомба, которую Такэда заложил у дальней стены склада.

Они все инстинктивно пригнулись. Повалил дым, затрещал огонь, находившиеся рядом обитатели Пьяного Города заревели от ужаса, раздались крики:

— Пожар! Ведра давай, ведра! Пожар! Живее, Христа ради, на этом складе хранится масло для ламп!

Полуголые люди выскакивали из соседних домов, бросались обратно, чтобы успеть спасти самое ценное. Дальше по улице заведение миссис Фортерингилл быстро пустело, девушки и клиенты метались и сыпали проклятиями, лихорадочно натягивая на себя одежду. Раздалось звяканье пожарных колоколов. Начались грабежи.

А от Южных ворот самурай с полным самообладанием и не нарушая строя устремились к Ёсиваре с лестницами и ведрами, с влажными масками против дыма на лицах. Несколько человек отделились, чтобы сражаться с пожаром на складе, остальные продолжали бежать дальше. Пламя, охватившее крышу склада, разрослось, ветер перебросил его через улочку, где стояли ветхие лачуги. Они тут же вспыхнули.

Из своего укрытия на Ничейной Земле Такэда видел смятение солдат и ликовал от успеха: большая часть Ёсивары была уже охвачена пламенем. Пора удирать. Он быстро поправил маску на лице, эта маска, грязь и черное от сажи кимоно придавали ему ещё более злобещий вид.

В ночной тьме, постоянно прорезаемой всполохами света, он поспешил к колодцу, отыскал свой заплечный мешок, просунул руки в лямки и так быстро, как только смел, начал пробираться через свалку. Позади него раздались тревожные крики. Он решил, что его заметили, но это просто стена одного из домов обрушилась с громким треском, разбрасывая искры и огонь на разбегавшихся людей и соседние строения. Окрыленный, он побежал. Впереди была деревня и с нею спасение.

— Эй ты!

Он не понял слов, но окрик заставил его замереть на месте. Перед ним оказался ещё один отряд британских солдат под предводительством офицера, они бежали со стороны деревни, чтобы выяснить, насколько опасным было положение, и остановились в удивлении, наткнувшись на него. Они отрезали ему путь к бегству.

— Должно быть, грабитель! Или поджигатель! Эй ты!

— Боже мой, берегитесь, сэр, это самурай, и он вооружен!

— Прикройте меня, сержант! Ты! Ты там, самурай, что ты здесь делаешь? Что это у тебя за спиной?

Такэда в панике увидел, как офицер расстегивает кобуру револьвера и делает шаг вперед, а солдаты скидывают ружья с плеч; и все это время их

окружали крики и рев пожара, пламя металось, отбрасывая причудливые тени. Он резко повернулся и побежал. Они тут же пустились преследовать его.

На другой стороне Ничейной Земли пожар на складе совершенно вышел из-под контроля, солдаты безуспешно пытались организовать пожарную бригаду, чтобы защитить соседние дома и улицы. Огонь давал Такэде достаточно света, чтобы стрелой пронестись через свалку, избегая большинства препятствий; заплечный мешок тяжело бил его по спине. Дыхание толчками вырывалось из груди. Вдруг в нем вспыхнула надежда, когда он увидел спасение в пустынной улочке рядом с горящим зданием впереди. Он бросился туда, легко оторвавшись от солдат позади.

— Стой или я стреляю!

Слова ничего не значили для него, но их враждебность была ему понятна. Он продолжал стремительно бежать вперед, считая ненужным теперь уворачиваться, потому что спасение было совсем рядом. Он забыл, что свет пожара, помогший ему, помогал и им и его фигура четко вырисовывалась на фоне пламени.

— Остановите его, сержант! Раньте его, только не убивайте!

— Ясно, сэр... Погодите-ка, Господь Вседержитель, да ведь это... это разве не тот сукин сын, которого ищет сэр Уильям, Накама, этот проклятый убийца?!

— Лопни мои глаза, а ведь ты прав, он самый и есть. Быстро, сержант, снимите его, но не насмерть!

Сержант прицелился. Его мишень улепетывала вдоль по улице. Он нажал на курок.

— Достал, — радостно прокричал он и бросился вперед. — Пошли, ребята!

Пуля швырнула Такэду на землю. Она ударила через мешок в верхнюю часть спины, пробила легкое и вышла навылет из груди — ранение не смертельное, если человеку везло. Но Такэда ничего этого не знал, он лишь чувствовал, что погиб, и лежал в грязи, воя от шока, но боли не ощущая, одна рука повисла, как плеть, крики его тонули в реве пожара, свирепствовавшего поблизости. Ужас заставил его подняться на колени, жар от надвигающегося огня обжигал, спасение было в нескольких шагах впереди, в конце улицы. Он пополз вперед. Затем сквозь слезы услышал крики солдат совсем близко, у себя за спиной. Убежать не удастся!

Сознание уступило командование рефлексам. Опираясь на здоровую руку, он поднялся на ноги и с оглушительным воплем прыгнул в горнило горящего дома. Бежавший впереди всех молодой солдат остановился как

вкопанный, пятясь отступил на безопасное расстояние, прикрываясь руками от нестерпимого жара; строение вот-вот должно было рухнуть.

— Тысяча чертей! — выругался солдат, глядя на пламя, с шипением пожиравшее свою жертву; от запаха горелого мяса его едва не вырвало. — Ещё секунда, и я бы добрался до этого сукина сына, сэр, это и вправду был он, тот самый, которого сэр Уильям...

Это были последние слова в его жизни. Бомбы Кацуматы в мешке разорвались со страшным грохотом, осколок металла вырвал молодому солдату глотку, офицера и остальных солдат расшвыряло как кегли, сломав несколько рук и ног. Словно эхо этого взрыва, столь же оглушительно взорвался бамбуковый стакан с маслом, потом ещё один и ещё — впечатление было такое, будто пред ними разверзлась преисподняя. Языки пламени и красные угли взмыли вверх, и ветер, раскалившийся и набиравший в этом пекле все большую силу и ярость, безжалостно погнал их перед собой.

Первые дома в деревне загорелись.

Сёя, его семья и все жители деревни, уже в масках, готовые к пожару спустя считанные секунды после первого сигнала тревоги, продолжали работать сноровисто, но со стоической неторопливостью, заворачивая и убирая ценные вещи в небольшие углубления, выложенные жаропрочным кирпичом, которые имелись в каждом саду.

Крыши вдоль всей главной улицы были объаты пламенем.

Меньше чем через час после взрыва первой бомбы дом Трех Карпов перестал существовать, и большая часть Ёсивары выгорела дотла. Только кирпичные трубы, каменные опоры домов и укрытия из кирпича, камней и земли стояли среди груд пепла и тлеющих углей. Тут и там валялись чашки и керамические бутылочки из-под sake, большинство из них потрескалось и было обезображено огнем. Металлическая кухонная утварь. Сады погибли, кусты почернели, группы ошеломленных обитателей бродили по пепелищам. Каким-то чудом в огне уцелели две или три гостиницы, но вокруг них лежал лишь голый пустырь, черный от угля и пепла, который простирался до обгоревшей ограды и рва за нею.

По ту сторону рва начиналась деревня. Она пылала. Дальше, в самом Поселении, крыши трех домов рядом с Пьяным Городом уже занялись. Одним из них было здание «Гардиан», где Джейми Макфей открыл свою новую контору.

Неттлсмит и клерки поднимали ведра с водой. Джейми, который стоял наверху приставной лестницы, выливал их на крышу, чтобы сбить пламя;

соседний дом уже горел по-настоящему. Другие клерки, слуги-китайцы и Морин храбро вбегали в дом и появлялись оттуда с полными руками документов, типографских литер и всего, что имело наибольшую ценность. Горящие деревянные плашки с крыши дождем сыпались вокруг них. Клубы дыма из Пьяного Города вызывали кашель, рвоту, мешали дышать. Наверху Джейми проигрывал сражение. Порыв ветра качнул пламя в его сторону. Он едва не свалился, потом быстро спустился вниз, побежденный.

— Это безнадежно, — произнес он, тяжело дыша; его лицо было перепачкано сажей, волосы опалены.

— Джейми, помоги мне с прессом, чёрт возьми! — крикнул Неттлсмит и вбежал в дом. Морин готова была последовать за ним, но Джейми остановил её.

— Нет, побудь здесь! Смотри за платьем, — прокричал он, перекрывая шум, — горячие угли с крыши падали вокруг неё, — и исчез внутри.

Она предусмотрительно отступила на ту сторону улицы, которая была ближе к морю, помогая другим перенести и уложить то, что удалось спасти, в более безопасное место. Теперь уже вся крыша пылала, осыпая дождем искр Джейми и Неттлсмита, когда они появились из дверей, сгибаясь под тяжестью небольшого переносного печатного прессы. Затем, видя, что крышу не спасти и здание обречено, Джейми поспешил назад за литерами, красками, тушью и бумагой. Деревянное здание быстро стало слишком опасным, чтобы входить в него. Они встали у двери, проклиная все на свете, потом некоторые из балок рухнули, и они отступили ещё дальше.

— Чертов в три-господа-бога-мать растреклятый пожар, — выругался Джейми, зло пихнув ногой ящик со шрифтом, и обернулся, почувствовав, как Морин взяла его за руку.

— Мне так жаль, любимый, — сказала она. Её лицо было залито слезами.

Его руки обняли её, и он горячо прошептал, совершенно искренне:

— Ладно, пустяки, ты цела и невредима, а только это и имеет значение.

— Джейми, не переживай, подождем до утра, тогда можно будет спокойно во всем разобраться. Может быть, все не так уж плохо.

В этот момент мимо них протрусила пожарная команда самураев. Знаками Джейми спросил у одного из них, где можно раздобыть маску на лицо. Самурай фыркнул, вытащил пригоршню их из рукава и побежал дальше. Джейми окунул маски в ведро с водой.

— Держи, Морин, — сказал он, протягивая ей первую; вторую он отдал Неттлсмит, который сидел на бочонке на ближней к морю стороне

променада и беззвучно ругался. Крыша обрушилась, и все здание превратилось в бесформенную пылающую грудку.

— Ужасно, — сказал Джейми Неттлсмит.

— Да. Но это ещё не катастрофа. — Худой старик махнул рукой вдоль променада. Северный конец Поселения был все ещё свободен от огня: фактории Струана, Брока и все миссии стояли нетронутые. — Если нам хоть чуть-чуть повезет, пожар не продвинется так далеко.

— Этот ветер убивает нас.

— Да. На этой стороне нам в общем-то ничего не грозит...

Мимо них пробежала ещё одна группа пожарных, вооруженных топорами. Среди них был Дмитрий. Он увидел горящие развалины.

— Чёрт, какая жалость, — бросил он на бегу, — мы хотим попробовать остановить огонь, снеся несколько лачуг.

— Джейми, иди и помоги им, — сказала Морин. — Я здесь в безопасности.

— Здесь вам больше нечего делать, — добавил Неттлсмит. — Я пригляжу за ней. Здесь нас огонь не достанет, а если что, так мы отступим к зданию Струана. — Он достал карандаш и лист бумаги, с задумчивым видом пошлюнил грифель и начал писать.

Топоры впились в деревянные стойки лачуги; все строения южнее ярко пылали; ветер с каждой минутой становился все горячее и продолжал набирать силу. Топоры застучали чаще, но в следующий миг порыв ветра обдал их жаром и забросал углями, заставив отступить, потом налетел ещё один, и они отбежали на безопасное расстояние.

— Чёрт, вы когда-нибудь видели, чтобы огонь продвигался так быстро? — произнес Дмитрий, безнадежно качая головой. — Они все как пороховницы, эти лачуги, ловушки, из которых не выбраться. Что теперь?

— А если попробовать вон там? — прокричал Джейми. Он показал рукой ближе к ограде.

Все толпой бросились за ним следом в ту сторону. Но по мере того, как они приближались к ограде и Ёсиваре, дым становился все гуще, а огонь и жар все нестерпимее.

Он или любой другой из них так мало чем могли помочь. По сути, вообще ничем. Огонь распространялся слишком быстро, люди носились с ведрами туда и сюда, но едва им удавалось потушить один пожар, как поблизости вспыхивало десять новых. Позади групп ошеломленных женщин и слуг, метавшихся в поисках укрытия, некоторые с узелками, большинство с пустыми руками, те немногие из чайных домиков, что ещё

оставались, вспыхивали и пропадали в пламени — мотыльки вокруг свечи, ещё порхающие в один момент и мертвые в другой.

Почти все в Ёсиваре исчезло под багрово-черным от дыма небом, и с теми, кто уцелел, смешались мужчины, встревоженно разыскивая свою особую девушку или маму-сан. Джейми присоединился к ним, его взгляд переходил с лица на лицо, отыскивая Нэми. Он не забыл о ней. Если кому и удастся спастись, так это ей, подумал он, когда услышал о пожаре. Вдруг он почувствовал, что уже не так уверен. Уцелевших здесь было так мало. Джейми обеспокоенно искал хотя бы одно знакомое лицо. Никого.

Гомэн насай, Нэми-сан, вакаримасу ка? — говорил он, спрашивая, не видели ли они её, но все отвечали или с тупым равнодушием, или с различной глубины поклонами и принужденными улыбками: Ийе, гомэн насай. — Нет, прошу прощения.

Из дыма возникла фигура Дмитрия, он кашлял и ловил ртом воздух.

— Самураи чертовски здорово умеют бороться с огнем, нам есть чему у них поучиться, не то чтобы они могли сейчас остановить это дерьмо. Вы нашли Нэми?

— Нет, я как раз собирался спросить о том же у вас.

— Может, она на другой стороне или вон там, — проскрипел Дмитрий, грудь у него тяжело вздымалась от нехватки воздуха. Он показал рукой в сторону луга, который тянулся до самого скакового круга, там во тьме светились несколько масляных фонарей. — Некоторые из них собираются там, другие — на той стороне. Послушайте, я намерен вернуться окольным путем, через Северные ворота и канал. Вы посмотрите на лугу. Если я встречу её, что мне ей сказать?

— Только то, что, я надеюсь, с ней все в порядке и что я разыщу её завтра.

Они оба пригнулись, когда пламя прыгнуло через их головы и набросилось на деревянную хижину, стоявшую позади. В неразберихе Джейми потерял Дмитрия и продолжал поиски, помогая где мог. В один момент мимо него пронесся Небесный Наш Скай, крикнув:

— Джейми, я только что услышал: Филип погиб со всеми остальными в доме Трех Карпов.

— Боже милостивый, вы уверены? А про...

Но Скай уже растаял в темноте.

Для миссий, лежавших севернее, прямой угрозы пока не было. Как и для зданий Струана и Брока и для близлежащих домов и складов, хотя ветер крепчал и становился горячее с каждой минутой. Променад и улицы

были запружены народом, все готовились к последней схватке с огнем, подкрепления из солдат и матросов прибывали на берег с флота, который первым дал сигнал общей тревоги. Из своих барачных по ту сторону ворот на Хай-стрит высыпали самураи с лестницами и ведрами; они были в защитных масках, двигались споро и организованно. Разбившись на группы, они трусцой направлялись к опасным участкам.

Сэр Уильям, в шинели, наброшенной прямо на пижаму, взял на себя руководство по защите британской миссии. Внизу, на берегу, Паллидар распоряжался драгунами, подводившими к насосам воду из моря с помощью длинных парусиновых шлангов. Он оглянулся и увидел, как из темноты торопливо вышел генерал в сопровождении офицера инженерных войск и отряда солдат и остановился перед сэром Уильямом.

— Я направляюсь к Пьяному Городу и деревне, — доложил генерал, запыхавшийся от быстрой ходьбы. — Я планирую взорвать несколько домов, чтобы преградить путь огню — с вашего разрешения. Хорошо?

— Да, сделайте что возможно, это могло бы сработать. Если ветер не упадет, нам конец, торопитесь!

— Я тут случайно наблюдал всю картину с утеса. Похоже, что в Ёсиваре вспыхнули сразу три или четыре пожара, в одно время, в разных местах.

— Боже милостивый, вы говорите о поджоге?

— Не знаю, но было это делом Господа, дьявола или проклятого поджигателя, это выкурит нас отсюда! — Вместе с саперами он поспешил в ночь.

Сэр Уильям увидел адмирала, который тяжелым шагом поднимался по берегу от причала миссии, где высаживались все новые и новые матросы и морские пехотинцы.

— Лодки готовы к эвакуации, — сообщил Кеттерер. — Запасов у нас хватит на все население. Мы можем собрать всех на берегу, это должно быть достаточно безопасно.

— Хорошо. Все это может обернуться скверно.

— Да уж. Совершенно меняет наши планы, ну?

— Боюсь, что так. Более неподходящего момента и не придумаешь. — Трижды растреклятый пожар, подумал сэр Уильям. Теперь все усложняется — завтрашняя встреча с Ёси и обстрел Кагосимы, и надо же, именно тогда, когда Кеттерер наконец согласился подчиняться распоряжениям. Дьявольщина, что же нам делать, эвакуироваться или что? Посадить всех на корабли и убраться в Гонконг, поджав хвосты, или перевезти всех в Канагаву, и чёрт с ними, с японцами, пусть делают что хотят? Нет, не могу.

Канагава — ловушка ещё похуже этой, залив там слишком мелок, и флот не сможет нам помочь.

Он бросил взгляд на Кеттерера. Лицо адмирала было жестким и обветренным, маленькие глазки неподвижно смотрели вдаль. Он-то однозначно будет ратовать за возвращение в Гонконг, подумал сэр Уильям, ощущая пустоту в желудке. Чёрт бы побрал этот ветер!

Дальше по улице Мак-Струан распорядился приставить лестницы к южной стене своего здания. Слуги и клерки подавали ведра с водой наверх, и те, кто сидел там, выливали их на деревянные плашки крыши. По соседству с ними, в фактории Броков, Горнт и его люди делали то же самое.

— Господи, глядите! — раздался чей-то крик. Огонь теперь сплошным ковром накрывал всю деревню и Пьяный Город. Обжигающий яростный ветер дул им прямо в лицо, налетая на них и воя со злобной насмешкой.

— Mon Dieu, — пробормотала Анжелика. Она была в толстом пальто поверх пеньюара и головном шарфе — оделась в спешке при первом же тревожном крике и выбежала на улицу. Было очевидно, что огонь скоро доберется и до них, поэтому она поспешила назад в здание и поднялась в свою комнату. Здесь она быстро побросала в сумку свои расчески, щетки, мази, кремы, румяна, за ними последовало её лучшее белье. Секундное раздумье, потом, успокоившись и забыв о страхе, она распахнула окно, крикнула стоявшей внизу А Со, чтобы та оставалась на месте, и принялась сбрасывать ей платья и пальто.

А Со шмыгнула носом и замерла, как статуя. Мак-Струан, находившийся поблизости, проклятиями привел её в движение и показал на их причал через дорогу, где клерки уже охраняли ящики с документами, провизией и ружьями; Варгаш с несколькими помощниками, обливаясь потом, подносили им новые пачки и тюки — Мак-Струан решил положиться на судьбу и оставить наличные деньги, серебро и некоторые из бумаг в своём металлическом сейфе.

— А Со, подлая шлюха без роду и племени, — прокричал он на безукоризненном кантонском диалекте, — отнеси вещи тайтай вон туда, охраняй их и оставайся там, даже если все адское пламя обрушится на тебя или подошвы твоих ног превратятся в кровавое месиво под моей палкой! — Она мгновенно подчинилась. — Анжелика, — крикнул он с веселым смешком, — нас успеют предупредить вовремя, оставайтесь в тепле, пока я не позову вас!

— Спасибо, Альберт! — Она увидела, что Горнт смотрит на неё с порога соседнего здания. Он махнул ей рукой. Она помахала в ответ. Теперь в ней не оставалось и тени страха. Альберт заранее предупредит её,

спасение совсем рядом, по ту сторону дороги, или в лодках, собиравшихся на берегу или стоявших на мелководье. Разум её очистился ото всех тревог. Ещё раньше она решила, как ей быть с Андре, Скаем и Женщиной из Гонконга. И с Горн-том завтра, и что делать дальше.

Напевая из Моцарта, она достала расческу и присела перед зеркалом, чтобы предстать перед всеми ними в гораздо более подобающем виде. Все было, как в старые времена. Так, что же мне надеть, какой наряд будет самым подходящим?

Райко следовала за коренастым слугой по пепелищу своей гостиницы. Он нес в руке масляную лампу и продвигался вперед с осторожностью, ступая, где было можно, по плоским камням, обходя кучки углей, которые светились слишком ярко — предупреждение в темноте, — раздуваемые горячим едким воздухом. Её лицо почернело, волосы отяжелели от пепла и пыли, кимоно обгорело и висело лохмотьями. Они оба были в масках и все равно время от времени кашляли, шумно втягивая воздух.

— Держись левее, — проскрипела она пересохшим горлом, продолжая осмотр; только пеньки каменных опор, возвышавшиеся над черными головешками по углам правильных квадратов, отмечали места, где стояли дома.

— Да, госпожа. — Они побрели дальше.

За шумом ветра они едва могли расслышать, как люди криками созывали друг друга, время от времени раздавался плач или крик боли, далеко в деревне и в Поселении, которые теперь яростно пылали, не прекращалось звяканье пожарных колоколов. Паника, охватившая её в первый момент, прошла. Пожары случаются. Это все в руках богов. Ладно, я жива. Завтра я выясню, из-за чего начался этот пожар, был ли это в самом деле взрыв, как утверждали некоторые, хотя в такой неразберихе этот гнусный ветер мог сыграть со слухом любую шутку и «взрыв» может легко оказаться неудачно поставленным горшком с маслом, который свалился в кухонный очаг и разорвался там, где начался пожар. Дома Трех Карпов больше нет. Как нет и всех остальных или почти всех. Я не разорена, пока ещё нет.

Из темноты возникла группа куртизанок и прислужниц, многие из них плакали, кое-кто сильно обгорел. Она узнала в них женщин из дома Зеленого Дракона. Из её собственных девушек среди них никого не было.

— Прекратите плакать, — приказала она. — Ступайте в дом Шестнадцати Орхидей, все собираются там, он не сильно пострадал, для каждой найдется постель, еда и питье. Помогите тем, кто страдает от боли.

Где Чио-сан? — Так звали их маму-сан.

— Мы её не видели, — ответила одна сквозь слезы. — Я была с клиентом, я только и смогла, что выбежать вместе с ним и укрыться в погребе.

— Хорошо, ну, ступайте, идите вон туда и будьте осторожны, — сказала она, удовлетворенная и довольная собой, вспомнив, как при строительстве Ёсивары чуть более двух лет назад, когда их гильдия только что выбрала маму-сан для каждого дома — после предварительного и дорогостоящего одобрения соответствующим департаментом бакуфу, — она предложила, чтобы каждый чайный домик имел рядом с центральным строением жаропрочный погреб и для большей безопасности ставил кирпичные сейфы ниже уровня земли. Не все мамы-сан одобрили её предложение, говоря, что эти дополнительные затраты не обязательны. Ладно, это их потери. Посмотрим завтра, сколько их будет стенать и плакать и колотить себя в грудь, жалея, что не последовали моему примеру.

Она только что окончила осмотр своего погреба. Ступени вели вниз к обитой железом двери. Внутри помещение совершенно не пострадало. Все ценности были на месте, все контракты, договоры на обучение девушек, долговые документы, ссуды, предоставленные Гъёкояме, и банковские отчеты, расписки, лучшие постельные принадлежности и парадные кимоно — и её и её девушек, завернутые в рисовую бумагу, совсем как новые. С самого начала она взяла за правило, чтобы все дорогие простыни и одежды, не предназначенные для использования и ношения в этот вечер, убирались в этот подземный склад — почти всегда это вызывало стоны и жалобы на лишнюю работу. Сегодня на рассвете стонов не будет, подумала она.

К её огромному облегчению, все её дамы, слуги, прислужницы и клиенты нашлись, кроме Фудзико, Хинодэ, Тэко, Фурансу-сана и Тайры, двух слуг и двух прислужниц. Но это не тревожило её. Они, конечно же, в безопасности где-нибудь в другом месте. Слуга сообщил ей, что видел гайдзина, может быть, двух, бежавших целыми и невредимыми к Воротам.

Наму Амида Буцу, помолилась она, пусть с ними ничего не случится, и благослови меня за мою мудрость, ибо я всегда заботилась, чтобы мои люди были хорошо натренированы на случай пожара.

Она усвоила этот урок после ужасного пожара, поглотившего Ёсивару Эдо двенадцать лет назад. Тот пожар едва не убил её и её клиента, богатого торговца рисом в Гъёкояме. Она спасла его, пробудив от пьяного бесчувствия и волоком вытащив из дома с риском для собственной жизни. Убегая через сад, они вдруг обнаружили, что пламя окружило их со всех сторон, отрезав все пути к спасению, но они все же спаслись от смерти, в

бешеной спешке вырыв яму в мягкой земле с помощью кинжала, который она носила в оби. Они укрылись в ней, и огонь прошел над ними. Но и в этом случае нижняя часть её спины и ноги сильно обгорели, положив конец её карьере куртизанки.

Однако её клиент не забыл про неё, и когда она поправилась настолько, что снова смогла ходить, он замолвил за неё слово в Гъёкояме, и ей одолжили деньги на открытие собственного чайного домика. После этого он стал клиентом другой дамы. Вложенные деньги были возвращены в пятикратном размере. В том пожаре погибли более ста куртизанок, шестнадцать мам-сан, бесчисленное количество клиентов и прислужниц. Ещё больше жизней унес пожар в Ёсиваре Киото. За долгие века сотни и сотни погибли в других пожарах. Во время Великого Пожара Длинных Рукавов, через несколько лет после того, как мама-сан Гъёко построила первую Ёсивару, огонь полностью стер её с лица земли и обошелся Эдо в сто тысяч жизней. Через два года она была уже отстроена заново и процветала, чтобы опять сгореть и опять возродиться в бесконечной череде. И сейчас, как и раньше, поклялась Райко, мы заново построим нашу и сделаем её лучше, чем прежде!

— Дом Шестнадцати Орхидей как будто в той стороне, госпожа, нех?

Слуга остановился в нерешительности, потеряв направление в клубах сизого дыма. Их окружали только угли и пепел, да несколько жалких каменных опор; ни петляющих тропинок, ни камней, которые могли бы указать дорогу. В этот миг порыв ветра как метлой прошелся по пепелищу, обнажив краеугольные камни и каменного дракона, потрескавшегося от огня. Она узнала его и сразу сообразила, где они находятся. Домик Хинодэ.

— Нам нужно немного вернуться, — сказала она, и тут что-то привлекло её внимание. Отблеск. — Погоди. Что там такое?

— Где, госпожа?

Она подождала. Новый порыв ветра пробежал над тлевшими углями, и снова она заметила отблеск чуть впереди и вправо от них.

— Вон там!

— А, вижу. — С большой осторожностью он расчистил тропинку голой почерневшей веткой, сделал шаг вперед, поднял лампу и всмотрелся. Ещё один осторожный шаг, но тут ветер засыпал его искрами и он поспешно отступил.

— Возвращайся, придем посмотрим завтра!

— Сейчас, госпожа. — Морщась от жара, он быстро расшвырял веткой угли и отпрянул. Два обуглившихся тела лежали рядом, левая рука одного в правой руке другого. То, что посверкивало, оказалось золотой печаткой,

покорёженной и оплавившейся. — Госпожа!

Объятая ужасом, Райко замерла рядом с ними как изваяние. Фурансу-сан и Хинодэ, это должны быть они, подумала она тут же, он всегда носил печатку, даже предлагал её мне несколько дней назад.

И в одно мгновение с этой мыслью её дух воспрянул при виде их сомкнутых рук, при виде той картины, которую они составляли на своём ложе из горячих углей, казавшихся ей колыбелью из драгоценных камней, рубинов, посверкивающих, живущих и умирающих и вновь возрождающихся с дуновением ветра — как и эти двое будут возрождаться до конца времен.

О, как печально, подумала она, и слезы навернулись ей на глаза, как печально и вместе с тем как прекрасно. Каким покоем они объаты, лежа здесь, как они благословенны, умерев вот так, рука в руке. Должно быть, они остановили свой выбор на чаше с ядом, чтобы уйти вместе. Как мудро. Как мудро для них обоих.

Она смахнула слезы и пробормотала в качестве благословения:

— Наму Амида Буцу. Мы не будем тревожить их покой, я решу, что нужно делать, завтра. — Она отступила назад, ощущая во рту горько-сладкий вкус слез, но просветленная красотой того, что увидела. Они опять осторожно двинулись к месту сбора.

Случайная мысль вдруг завладела ею.

Если эти двое Фурансу-сан и Хинодэ, значит, уцелевшим гайдзином должен быть Тайра. Это хорошо, гораздо лучше, чем наоборот. Я теряю ценный источник информации, но приобретаю ещё больше в расчете на будущее. Тайра и Фудзико более послушны и у них все впереди. В умелых руках Тайра легко станет таким же обильным источником сведений, скоро я смогу беседовать с ним напрямую, его японский становится лучше день ото дня, он уже очень хорош для гайдзина. Я должна буду устроить для него дополнительные занятия, чтобы он научился языку политики, а не только языку постели и Плывущего Мира — все, на что способна Фудзико, — и, кроме того, освоил приятный выговор. Без сомнения, с дальним прицелом вложенные в него деньги выглядят гораздо более обещающе и...

И хозяйка, и слуга остановились в один и тот же момент. Они недоуменно посмотрели друг на друга, потом резко подняли глаза на южную часть неба. Ветер стих.

Среда, 14 января

— С Йокогамой покончено, Уильям, — сказал генерал с первыми лучами рассвета, в голосе его звучала горечь. Они стояли на краю утеса, возвышавшегося над Поселением, Паллидар чуть поодаль, все трое верхом. Дым все ещё поднимался к ним снизу. Лицо генерала было в грязи и кровоподтеках, мундир порван, фуражка вспорота, козырек обгорел. — Я подумал, что стоит попросить вас подняться, отсюда лучше все видно, прошу прощения. Воля Божья.

— Я знал, что дело плохо. Но это... — Сэр Уильям не договорил. Все его члены словно одеревенели.

Никто из них не спал. На всех лицах читались следы усталости и тревоги, одежда была прожжена и в грязи, мундир Паллидара был порван и выглядел хуже всех. По мере того как солнце вставало над горизонтом, их глазам открывалась вся панорама до Ходогайи на Токайдо.

Ёсивара перестала существовать, как и деревня, а также большая часть Пьяного Города и половина Поселения, включая стойла для лошадей. Проверенных сообщений о человеческих жертвах пока не поступило, но слухов ходило полно, все плохие. Никаких сведений о причинах катастрофы. Многие кричали, что это поджог и устроили его японцы, но какие японцы и по чьему приказу, никто не знал, хотя разрушение Ёсивары и деревни, видимо, не остановило ни одного из них в стремлении достичь своей цели.

— Вы отдадите приказ об эвакуации сегодня утром?

Голова сэра Уильяма разламывалась от тысячи вопросов и опасений.

— Сначала полная инспекция. Благодарю вас, Томас. Паллидар, вы поедете со мной. — Он пришпорил свою лошадь вниз по склону. У миссии он на минуту натянул поводья. — Есть что-нибудь новое, Бертрам?

— Нет, сэр, никаких проверенных имен или цифр не поступало.

— Пошлите за старейшиной деревни, сёей, попросите его выяснить, сколько человек у него погибло, и пусть немедленно встретится со мной.

— Я не говорю по-японски, сэр, а Филипа Тайрера здесь нет.

— Так разыщите его, чёрт бы вас побрал! — проревел сэр Уильям, радуясь возможности выплеснуть наружу часть накопившейся и запертой внутри тревоги, беспокойства за Тайрера, и был тут же вознагражден, увидев, как побледнел этот женоподобный юноша. — И, чёрт подери,

выучите японский, или я отправлю вас в Африку, чтобы вы там у них на шее сидели! Соберите всех ведущих торговцев здесь через час... Нет, не здесь, лучше в клубе, и... так, давайте прикинем, сейчас двадцать минут седьмого, назначьте собрание на половину десятого, и, ради Христа Спасителя, выньте соску изо рта и начните работать своей чертовой башкой! — Идиот, подумал он и затрусил дальше, испытывая изрядное облегчение.

Под светлеющим небом жители Йокогамы собирали по кусочкам свои пожитки и свою жизнь. Поначалу сэр Уильям в сопровождении Паллидара оставался на Хай-стрит, здороваясь с каждым, отвечая на все вопросы так:

— Сначала дайте мне самому все осмотреть. На половину десятого я назначил собрание в клубе, к тому времени я буду знать больше.

Ближе к Пьяному Городу вонь от сгоревших домов усилилась. Рано утром, около двух часов, когда ветер стих, огонь быстро умер и уже не перескакивал через вырубленные полосы и от дома к дому. Только это спасло Поселение от полного уничтожения. Все миссии остались целы, а также здание начальника гавани, фактории основных торговцев — Струана, Брока, Купера-Тиллмана и других — и их склады.

Огонь остановился перед самой церковью Святой Троицы, не причинив ей вреда, и он возблагодарил Бога за это чудо, пришедшееся как нельзя более кстати. Стоявшая дальше по улице католическая церковь потеряла большую часть своих окон и крышу; обугленные и ещё дымившиеся балки, торчавшие из стен, напоминали разверстый рот, полный гнилых зубов.

— Доброе утро, где отец Лео? — спросил он у человека, который работал в саду, расчищая его от головешек.

— В ризнице, сэр Уильям. Доброго утречка и вам, рад видеть вас в добром здравии, сэр Уильям.

— Благодарю вас. Очень жаль, что церковь пострадала. Я назначил собрание в клубе в половине десятого, передайте другим, будьте любезны. Разумеется, мы будем рады видеть отца Лео. — Он тронулся дальше.

В отличие от деревни и Ёсивары, где ветер гнал и кружил чистый пепел, словно снег, выгоревшие участки Поселения и Пьяного Города представляли собой невообразимую свалку кирпичей, каменных плит, искореженного металла, остатков оборудования, паровых двигателей, инструментов, ружей, пушек, наковален и других предметов промышленного производства, пришедших теперь в полную негодность. Гноящаяся язва Ничейной Земли, впрочем, стала чистой, за исключением металлического хлама, и это его порадовало.

Заглядывая туда и сюда, сэр Уильям добрался до Южных ворот. Караульное помещение исчезло. На пустом месте было возведено временное заграждение, и самураи стояли на посту, как обычно.

— Вот ведь полудурки, — заметил Паллидар. — От чего им теперь баррикадироваться, скажите на милость?

Сэр Уильям не ответил, слишком погруженный в то, что видел, и в то, что мог сделать. Впереди, у канала и рва, он смог разглядеть жителей деревни и других японцев, бродивших вокруг или сидевших на корточках унылыми группками. На той стороне рва, где ещё вчера была Ёсивара, возле единственного отчасти уцелевшего строения сидели или стояли кучками женщины, повара, слуги; большие куски материи, натянутые на прутья, служили им укрытием. Там и тут самураи ещё тушили огонь. Легкий ветерок доносил до них плач и рыдания многих.

— Ужасно, сэр, — произнес Паллидар.

— Да. — Сэр Уильям вздохнул и сделал над собой ещё одно усилие — он должен подавать пример, и, чёрт подери, он будет вести себя так, как подобает посланнику Её Королевского Величества в Японии. — Да, но посмотрите туда, клянусь Богом! — Палаточный лагерь на утесе остался нетронутым. — Все наши солдаты живы и здоровы, пушки целы, артиллерия в полном порядке, все вооружение, склад боеприпасов стоит, как стоял. И посмотрите туда!

Флот в заливе покачивался на невысокой волне как ни в чем не бывало, гордо реяли на ветру кормовые флаги и «Юнион Джеки». Новый день набирал силу, и каждый свободный катер без перерыва сновал от кораблей к берегу и обратно, доставляя людей в Поселение или забирая их на борт, чтобы накормить, напоить и дать отоспаться.

— Все остальное можно заменить, клянусь седалищем великого Генриха, кроме людей. Возьмите солдат, начните пересчитывать всех по головам, лошадей тоже. Мне нужно знать, кого мы потеряли, к этой встрече в половине десятого. Отправляйтесь!

— Слушаюсь, сэр. Большинство из конюшен успели открыть, и лошади унеслись к ипподрому или к утесу. Я видел там жеребца князя Сергеева с несколькими конюхами. — Паллидар вдруг просиял, понемногу приходя в себя от потрясения. — Вы правы, сэр Уильям, клянусь Господом, как вы правы. Пока армия и флот невредимы, мы все в полном порядке, и все кругом в полном порядке. Спасибо. — Он пустил своего коня галопом.

Сэр Уильям обратил свой взгляд на сушу. Что же делать, что же делать? Его лошадь нервно затрясла удилами и ковырнула землю копытом, почувствовав его тревогу.

— Доброе утро, сэр Уильям. — С серым от усталости лицом к нему приближался Джейми Макфей. Он появился из-за груды исковерканных металлических рам, остовов кроватей, разбитой и обгоревшей мебели и обугленных досок, которая когда-то была зданием. Его одежда была порвана и прожжена в нескольких местах, волосы спутались. — Скольких мы потеряли? Каковы последние данные?

— Пока ничего определенного. Боже милостивый, это... это все, что осталось от редакции «Гардиан» и прессов?

— Боюсь, что да. Но вот смотрите-ка. — Джейми придержал повод и протянул ему скверно отпечатанный листок со смазанным заголовком, который кричал, развернувшись на листе подобно знамени: ИОКОГАМА В ОГНЕ. ПОДОЗРЕВАЕТСЯ ПОДЖОГ. ФАКТОРИИ СТРУАНА И БРОКА НЕ ПОСТРАДАЛИ, АРМИЯ, ФЛОТ И ВСЕ КОРАБЛИ ЦЕЛЫ. ОЖИДАЕТСЯ БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО ЖЕРТВ В ЁСИВАРЕ И ДЕРЕВНЕ. Далее следовала короткая передовица с обещанием, что дневной выпуск выйдет обязательно, и с извинениями за низкое качество печати.

— Неттлсмит вон там. — Под наспех сколоченным навесом они увидели Неттлсмита, взъерошенного и грязного. Он прилежно налегал на ручной пресс, его помощники сортировали шрифт по ящикам, продолжая отыскивать в пепле все, что ещё можно было спасти.

— Я слышал, вы вытащили несколько деревенских жителей из горящего дома, спасли им жизнь, Джейми.

Джейми все ещё соображал с большим трудом. Он смутно помнил, что так и не нашел Нэми и ничего о ней не узнал, остальное было покрыто туманом.

— Я мало чего помню, тут везде был полный хаос... другие делали то же самое или помогали бедолагам добраться до больницы... — Его голова плыла от изнеможения. — Вчера кто-то сказал, что Филип погиб. Это правда?

— Не знаю. Молю Бога, чтобы это было не так, хотя я и сам слышал об этом. — Сэр Уильям шумно выдохнул. — Мне говорили то же самое, и ходит много слухов, но я научился не верить им. Мне доложили, что Сергеев сгорел в Ёсиваре, как и Андре, но совсем недавно я видел его своими глазами, я имею в виду Сергеева. Поэтому, как я уже сказал, лучше подождать. — Он показал на газетный листок. — Я могу оставить это себе, Джейми? Спасибо. Я созвал собрание в половине десятого, нужно обсудить, что нам следует предпринять в этой ситуации, ваше мнение было бы ценным.

— Обсуждать особенно нечего, как будто. Меня вымело подчистую.

— Обсудить нужно многое, Джейми. Если разобраться, нам очень повезло. Армия и флот... — Сэр Уильям взглянул поверх его плеча и приподнял шляпу. — Доброе утро, мисс Морин. — Она была все в той же одежде, но выглядела чистой и свежей и радостно улыбалась.

— Доброе утро, сэр Уильям, рада видеть вас в добром здравии, и миссия тоже не пострадала. Доброе утро, милый. — Её улыбка расцвела ещё шире. Она взяла Джейми под руку, благоразумно воздержавшись от поцелуя, который мог показаться нескромным, хотя ей очень хотелось поцеловать его — он выглядел таким красивым в обгоревшей одежде, лицо небритое, хмурое и измученное тревогой, но ничего, что не вылечил бы горячий суп, бокал подогретого виски и глубокий сон. — Ты выглядишь прекрасно, Джейми, просто совсем выбился из сил.

— Не больше, чем другие.

Понимая, что о нем забыли, и испытывая изрядную зависть, сэр Уильям поднял арапник, прощаясь.

— До встречи, Джейми. Мисс Морин.

Они проводили его взглядом. Джейми с удовольствием ощущал руку Морин и её близость. В один миг все его горе и опасения за будущее вдруг взмыли на поверхность, и он повернулся и обнял её с полной мерой своего отчаяния. Её тело словно растаяло, она прижалась к нему, такая счастливая, и стала ждать, передавая ему часть своей силы.

Со временем он почувствовал, что его разум оживает, мужество возвращается и вместе с ним ощущение, что здесь его дом и его жизнь.

— Благослови тебя Господь, я не могу в это поверить, но ты снова вернула меня к жизни, благослови тебя Господь. — Тут он вспомнил Тесс и те пять тысяч, которые Морин вытянула из неё, услышал, как Морин говорит: «Завтра все будет не так плохо», и радость взорвалась в его груди. — Клянусь Богом, Искорка, — воскликнул он, снова прижимая её к себе, — ты права! Мы живы, нам повезло, все будет прекрасно, и все это благодаря тебе!

— Полно, дружок, не преувеличивай, — сказала она с чуть заметной улыбкой, пряча лицо у него на плече, не отпуская его пока от себя. — Я здесь ни при чем. — Это промысел Божий, думала она, это Его особый дар нам, женщинам, как Его дар мужчинам заключается в том, что они делают то же самое для женщин в особые моменты. — Это просто жизнь. — Она сказала «жизнь», когда могла бы сказать «любовь», но не сделала этого, хотя и была абсолютно уверена, что именно любовь всему причиной.

— Я горжусь тобой, девочка. Прошлой ночью ты была великолепна.

— Ладно-ладно, только я вообще ничего не делала. Пойдем, тебе пора отдохнуть.

— Отдыхать некогда, мне необходимо увидаться с сёей.

— Ты поспишь немного перед собранием, я разбужу тебя и приготовлю чашку чая. Ты можешь воспользоваться моей кроватью, Альберт говорит, что это наша комната до тех пор, пока она нам нужна, и я вышвырну из неё любого.

Улыбаясь, несмотря на совершенное изнеможение, он спросил:

— А ты-то что будешь делать?

Она обняла его.

— Буду держать тебя за руку и расскажу тебе сказку перед сном. Пошли.

Тайрер открыл глаза и очутился в аду, каждая кость болела, каждый вздох раздирал грудь, глаза жгло огнем, кожа пылала. В едкой, дымной тьме он разглядел над собой японские лица без тел, два лица, их губы кривились в злобной усмешке — вот-вот они вытащат свои вилы и снова начнут мучить его. Одно лицо придвинулось ближе. Он отшатнулся и вскрикнул от боли. Сквозь туман он услышал сначала по-японски, затем по-английски:

— Тайра-сама, просыпаца, васа нет опасный!

Туман, окутывавший его сознание, рассеялся.

— Накама?

— Да. Васа нет опасный.

Теперь он видел, что свет исходил от масляной лампы, сами они находились, как ему показалось, в какой-то пещере, и Накама улыбался ему. Как и то, второе лицо. Сайто! Родственник Накамы, тот, который интересовался кораблями... Нет, это не Накама, это Хирага, убийца!

Он рывком сел и упал спиной на стену подземного хода, головная боль на секунду ослепила его, он зашелся в приступе кашля, желчь и мерзкий привкус дыма подступили к самому горлу, и его вырвало. Когда в желудке больше ничего не осталось и спазм прошел, он почувствовал, как к его губам поднесли чашку. Он жадно выпил ледяную воду, слегка поперхнувшись.

— Прошу прощения, — пробормотал он. Хирага снова обернул одеяло вокруг его спального кимоно. — Спасибо.

Через минуту он отдышался. Разум медленно переходил от полной пустоты к калейдоскопу образов, сливавшихся в целые картины: пылающие стены, Хирага вытаскивает его из пламени, он бежит, падает, ему помогают подняться, чайные домики рушатся вокруг него, кусты вспыхивают

огненными шарами прямо в лицо, невозможно дышать, он давится дымом, невозможно дышать, Хирага кричит: «Быстро, сюда... нет, сюда, нет, назад, сюда...» — чего-то не хватает, но он поднимается на ноги, бежит то туда, то сюда, его направляют сквозь стены огня впереди, сзади, с боков, истошные крики женщин, дым, а потом колодец, огонь тянется к ним, почти настиг их, вниз, вниз, скорее, он ныряет в колодец, огонь обжигает, внизу свет, светлый шар в темноте, лицо Сайто, а потом словно удар молнии...

Фудзико!

— Где Фудзико?! — завопил он.

Хватая ртом воздух, Хирага прокричал, перекрывая рев пламени:

— Быстро, спускаца, она мертвый в комнате, Фудзико мертвый, когда васа находить... быстро или васа мертвый!

Теперь он отчетливо вспомнил, что было дальше. Он выпрыгнул из колодца и бросился назад, огонь жег ещё сильнее, чем раньше, впереди верная смерть, но он должен был добраться до неё, чтобы знать точно, в следующий момент он ударился лицом о землю, слепящая боль в шее, он попытался подняться на ноги, жар был чудовищным, и все, что он успел запомнить потом, это твердое как камень ребро ладони, врезающееся сбоку в его шею.

— Вы... я бежал к ней, но вы остановили меня?

— Да. Нет мозна спасать. Фудзико мертвый, прошу прощения, я виде'р. Она мертвый, васа тоза ес'ри ходить назад, поэтому бить и носить сюда. Фудзико мертвый в комнате, — ответил Хирага ровным тоном. Тайрер все ещё вызывал в нем отвращение за то, что поставил их жизни под угрозу из-за подобной глупости. Он едва успел взвалить Тайрера на плечо и спуститься вниз, в безопасное место, чуть было не сорвавшись вниз и спасшись от пламени каким-то чудом. И все это время он думал, кипя от возмущения, что даже самый бака человек должен был бы знать, что её там не найти, никак не выжить, когда весь сад, все чайные домики объаты пламенем, и даже если она не была мертва в первый момент, сейчас она умерла уже пятнадцать раз. — Ес'ри нет бить, то васа мертвый. Мертвый 'ручке?

— Нет. — Тайрер утонул в своём горе. — Извините. Я опять обязан вам жизнью. — Он провел по лицу ладонями, пытаясь прогнать боль. Фудзико мертва, о боже, о боже. — Извините, Нак... извините, Хирага-сама, где мы?

— Подземный ход. Рядом с Три Карпа. Он ходить в деревня, под ограда, под ров. — Хирага показал рукой вверх. — День сичас.

Морщась от боли, Тайрер поднялся на ноги. Выпрямившись, он

почувствовал себя немного лучше. Дневной свет у отверстия колодца был приглушен клубящимся дымом, но он определил, что наверху, видимо, наступил рассвет.

— Додзо. — Акимото с улыбкой протянул ему набедренную повязку и новое кимоно.

— Домо, — ответил Тайрер, пораженный тем, насколько обгорело его собственное. Он заметил несколько ожогов на ногах, но ничего по-настоящему серьезного. Хирага взбирался по шатким скобам, чтобы выглянуть наружу, жар загнал его обратно.

Спустившись к ним, Хирага сказал:

— Не хоросый. С'риском заркий. Здесь. — Он снова предложил ему воды, которую тот принял с благодарностью. — Тайра-сама, 'ручке ходить туда. — Он показал вглубь тоннеля. — Вы в порятки?

— Да. Фудзико, она была мертва? Вы совершенно уверены?

— Да.

— Что случилось? Я спал, а потом... это была бомба? Я помню... мне кажется, меня отбросило взрывом в противоположную сторону от... от Фудзико. Чувство было такое, что под домом взорвалась бомба. Так это, и почему пожар, все в огне?

Акимото с улыбкой коснулся Тайрера и сказал по-японски:

— Тайра-сама, вам повезло. Если бы не Хирага, вы бы погибли. Вы понимаете?

— Хай, вакаримасэн. — Тайрер торжественно поклонился Хираге, добавив на японском: — Благодарю вас, Хирага-сама, опять в долгу. Благодарю вас за жизнь. — Он вдруг почувствовал слабость во всем теле. — Извините, сначала немного отдохнуть. — Тайрер неуклюже сел. — Что случилось?

— Мы говорить анг'рийски. Почему пазар? П'рахой чи'равек есть огненный бомба. Устроить здесь пазар, ветер носит огонь Иокогама, а по...

Шок вернул Тайрера к жизни.

— Поселение тоже сгорело?

— Не знаю, Тайра-сама. Нет время смотреть, но Ёсивара нет бо'рса, думай, деревня тоза. Мозет, Иокогама тоза.

Тайрер поднялся на ноги и направился к колодцу.

— Нет, нет наверх, сюда нузна. — Хирага зажег ещё одну лампу. — Васа ходить с'редом, да? — Он повернулся к Акимото и сказал по-японски: — Ты останешься здесь, я провожу его часть пути, хочу посмотреть, что случилось, потом вернусь. — Двинувшись вглубь тоннеля, он опять заговорил по-английски: — П'рахой чи'равек есть огненный бомба. Хочет

п'рохо гайдзин. Юзный ветер де'рать ма'ренький огонь ба'рсой огонь.

Тайрер тут же понял важность южного ветра в этом замысле:

— Бог мой, тут все кругом такое сухое, вспыхнет, как порох. Бог мой, если... — Он замолчал, цепenea от тревоги. По стене тоннеля стекала вода. Он набрал немного в пригоршню и промокнул лоб. Холод помог. — Извините, продолжайте, плохой человек? Что за плохой человек?

— П'рахой чи'равек, — мрачно повторил Хирага, но мысли его спутались, разделились: он был взбешен тем, что Такэда взял на себя инициативу и уничтожил его собственное безопасное убежище, в то же время он был в восторге от успеха, который принесли бомбы. При таком южном ветре и подожженной Ёсиваре деревня неминуемо должна была сгореть, и дома гайдзинов тоже. А лишившись своей базы в Иокогаме, гайдзины будут вынуждены убраться отсюда, как предсказывали сначала Ори, а потом Кацумата. Сонно-дзёи продвинулось вперед.

Примерно час назад он попытался выглянуть из колодца в Пьяном Городе, чтобы окончательно убедиться в своих предположениях, но жар был слишком силен и ему пришлось спуститься назад. Возможно, сейчас кирпичная кладка колодца наверху остыла и ему удастся увидеть, насколько велико вызванное пожаром опустошение. Он спрятал поглубже свою надежду. Ему ещё предстояло разобраться с Тайрером.

Успех его рассказа зависел от того, был Такэда захвачен живым или нет. Риск, что его схватили, был невелик, и тогда его история, большей частью правдивая, покажется вполне последовательной:

— П'рахой чи'равек хочет унистозать весь гайдзин, прогонять из Ниппон. Чи'равек из бакуфу. Бакуфу хочет прогнать весь гайдзин, Ёси хочет весь гайдзин уехать. П'рати'р шпиона де'рать огонь, ругать сиси, но чи'равек из бакуфу.

— Вы знаете этого человека?

Хирага покачал головой.

— Чи'равек из Сацума, мама-сан говорить мне.

— Райко-сан?

— Нет, Вакико, другой дом, — ответил Хирага, на ходу придумав имя. Они дошли до воды. — 'Руччи снимать одезда. Нет опасный. — Они разделись и, держа лампы над головой, двинулись через преграду. На другой стороне, пока Тайрер, морщась от боли и клацая зубами, надевал набедренную повязку и кимоно, Хирага пространно говорил о том, что бакуфу — это зло, они свалят вину на кого-то другого, на ронина или сиси, но они сами подготовили и осуществили это злодейство, Андзё, старейшины и особенно Ёси.

Тайреру все это казалось очень правдоподобным. Очень. Снова сацума, один из дьяволов Сандзиро.

Дойдя до колодца, Хирага показал наверх.

— Такой за как другой. Сначала я смотреть. — Он передал Тайреру свою лампу и вскарабкался по скобам наверх, кирпичи все ещё были горячими. Осторожно приподняв крышку, он выглянул наружу. У него закружилась голова от того, что он увидел. Там, где когда-то Ничейную Землю окружало кольцо лачуг и домов, он теперь мог видеть все до самого моря, сквозь то место, которое когда-то было Пьяным Городом, сквозь то место, которое когда-то было деревней, до самой северной окраины. Многие строения гайдзинов остались нетронутыми, но это его не беспокоило. В общем и целом Июкогама перестала существовать. Он спустился вниз.

— Что случилось, Хирага-сама?

— Васа ходить смотреть. Я здать. Васа теперь уходить, друг. Хирага нет уходить, ни'рзя — самураи так же искать, нех?

Тайрер увидел темно-карие глаза, пристально наблюдающие за ним, — этот странный чужеземец, который, несомненно, рисковал своей жизнью, чтобы спасти его. И спас его уже во второй раз. Чем ещё можно доказать дружбу, как не рискнуть своей жизнью ради жизни друга?

— Если бы ни вы, я знаю, я был бы мертв. Я обязан вам жизнью. Просто сказать спасибо не достаточно.

Хирага пожал плечами, не сказав ни слова.

— Что вы станете делать?

— Поза'руста?

— Если я захочу увидаться с вами, связаться с вами?..

— Я здесь. Тайра-сама, нет забывай, сто Ёси цена за мой го'рова, нех? Паза'руста, нет говорить про подземный ход. Бакуфу и Ёси хочет меня си'рна. Если Тайра-сама говорить, скоро мертвый, нет мозна куда безать.

— Я никому не скажу. Как мне передать вам записку?

Хирага задумался.

— Сонца садица, приходить сюда, говорить вниз. Я здесь, сонца садица. Панимаити?

— Да. — Тайрер протянул руку. — Не бойтесь, я не скажу и попытаюсь помочь. — Пожатие Хираги было таким же крепким.

— Филип! Филип, мальчик мой, хвала Господу, вы живы! — Лицо сэра Уильяма светилось от облегчения, он поспешил к нему навстречу и радостно схватил за плечи. — Мне сказали, что пожар в Ёсиваре поглотил

вас, проходите, присаживайтесь, ах вы бедолага. — Он подвел его к лучшему креслу в кабинете, у самого камина — Боже милосердный, выглядите вы ужасно, что же такое приключилось с вами, вам необходимо выпить! Сейчас принесут бренди!

Тайрер блаженно расслабился в высоком кресле, чувствуя себя гораздо лучше. После первого ужаса, который он испытал при виде огромного пепелища, он встретился на берегу с несколькими людьми, увидел ожоги и перевязанные раны, но никто не говорил о гибели миссии. Фактории Струана, Брока и другие главные здания Поселения не пострадали, армейский лагерь и весь флот — тоже, и это сняло часть напряжения. Никто толком не знал, сколько человек погибло и кто именно, поэтому он поспешил прямо сюда. Он сделал большой глоток из бокала.

— Я и вправду чуть не попался в Ёсиваре. Я был с... э-э, со своей девушкой, и... в общем, она умерла. — Горе опять нахлынуло на него, словно морской прилив.

— Боже мой, как жаль. Странно, этот ваш друг, Накама, Хирага или как его там зовут, он тоже мертв.

— Сэр?

— Да, — ответил сэр Уильям, сел в кресло напротив и с живостью продолжил: — Ошибки быть не может. Наш патруль заметил его на Ничейной Земле в самом начале пожара в Пьяном Городе, поначалу они приняли его за мародера и пустились в погоню, но потом узнали его, выстрелили по сукину сыну, чтобы остановить, ранили его, но вы только вообразите себе, этот безумец поднялся на ноги и бросился в пылающее здание — старый склад, где хранилось масло. Как рассказывает сержант, через несколько секунд раздался страшный взрыв, и все строение словно взлетело на воздух.

— Это невозможно, по...

— Я согласен, что это маловероятно — броситься в самое пекло, смешно говорить, на такое никто не способен. К сожалению, двое наших ребят погибли, пытаюсь задержать его, попали под взрывы. Чертовски обидно! Накама, конечно, вполне мог бы быть поджигателем, если это действительно поджог, весьма сомнительное утверждение, если хотите знать мое мнение. Как бы там ни было, бочки с маслом рвались повсюду. — Он увидел, в каком Тайрер возбуждении, заметил его бледность и от души посочувствовал ему. — Мне очень жаль, Филип, жаль, что он умер, потому что, я знаю, он вам нравился, но, с другой стороны, я об этом не сожалею — он был убийцей, и его смерть вызволяет нас из той ужасной ситуации с Ёси, в которой мы очутились, нет? — Он выжидательно замолчал, давая

Филипу возможность согласиться с ним, но увидел перед собой лишь опустошенное, ничего не выражающее лицо. — Извините, это, должно быть, ещё один шок для вас, помимо... другого. То, что вы пережили, наверное, было ужасно?

Тайрер был в полной растерянности, эта путаница со смертью Хираги никак не укладывалась в голове.

— Ёсивара, да, да, ужасно, — и как раз когда он собирался поправить сэра Уильяма, тот заговорил снова.

— Должен вам сказать, Филип, что нам невероятно повезло. Армия в целостности и сохранности, флот тоже, из наших погиб только один человек, хотя мы ещё не окончили проверку. Вчера ночью вы видели в Ёсиваре кого-нибудь из наших ребят?

— Нет, сэр, из наших никого, нет. — Тайрер никак не мог заставить свой разум соображать нормально. — Ни единой души. Видите ли, я бы...

— Чёрт! Трудно проследить каждого, нам никак не удастся получить точные цифры. В Пьяном Городе это вообще бесполезно, хотя даже там называют лишь с полдюжины бродяг, известных только по имени, какой-нибудь там Чарли, Том или Джордж. Рад заметить, что все юные леди миссис Фортерингилл живы и здоровы. Просто поразительно, что всем нам удалось спастись. Если бы ветер не упал... но, с другой стороны, он упал, и хвала Всевышнему за это... вы видели, что Святая Двоица тоже уцелела? Конечно, убытки составят сотни тысяч фунтов. Благодарение Богу, у нас есть страховка, ну? Ладно, допивайте и идите отдохните немного. Если хорошенько подумать, вы увидите, как нам повезло с Накамой, он вырастал в крупную дипломатическую катастрофу. Я ухожу, просто собираюсь обсудить дальнейший план действий с нашей общиной. Почему вам не прилечь, пока я не вернусь, а?..

Стук в дверь. Голос Бертрама:

— Сёя прибыл, сэр Уильям.

— Как кстати, приводите его сюда. Филип, прежде чем уйти, вы можете перевести для меня. Входите, входите, мистер сёя.

Сёя почтительно поклонился, держась настороже.

— Мой господин приветствует вас, сёя, — перевел Филип, все ещё не пришедший в себя, мысли его были далеко отсюда, и ему отчаянно хотелось лечь и тщательно все обдумать, — пожалуйста, говорить, сколько терять при пожаре.

— Пожалуйста, поблагодарите его за его доброту, что он спросил, но, пожалуйста, не тревожьтесь о наших трудностях. — Заданный вопрос поразил сёю, ибо все это совершенно не касалось гайдзинов. Какую

ловушку они мне готовят? — гадал он.

— Мой господин хочет знать, каковы ваши потери?

— О, прошу прощения, я не уверен в точном числе, но пять рыбаков и две семьи отправились в дальнее странствие, — вежливо ответил сёя, взяв эти цифры из головы, поскольку предводитель гайдзинов подчеркнуто спросил «каковы потери», ожидая услышать в ответ какие-нибудь цифры. На самом деле все его люди, дети и лодки были целы, у них было достаточно времени, чтобы подготовиться.

— Мой господин говорит: очень жаль. Может он помогать деревне?

— А! О да, да, пожалуйста, поблагодарите великого господина, семьям пригодились бы несколько мешков риса и немного денег, любая помощь пищей или... — Сёя не стал договаривать, предоставив им самим принимать решение. Это ещё одна ловушка?

— Мой господин говорит, что он посылать пищу для деревни. Пожалуйста, скажите, как начался пожар?

Сёя подумал про себя, насколько сумасшедшими должны быть эти люди, если ожидают ответа на такой вопрос. Опасно быть замешанным в политике, ещё хуже оказаться между сиси и бакуфу. Хотя он горько сожалел о потере всей прибыли, когда гайдзины уплывут от их берегов завтра или на следующий день, не все было потеряно, потому что все его книги, долговые расписки и серебро находились в надёжном месте, и ещё благодаря его договоренности с гайдзином Дзами, которая теперь приобрела ещё большее значение. Я уверен, что моя акционерный компени не пострадает.

В то же время он был доволен тем, что сиси осмелились выдворить их отсюда, свалив вину на подлых бакуфу. Сонно-дзёи. Без гайдзинов нам здесь будет житья лучше. Надо бы вообще запереть их на крохотной Дэсима в заливе Нагасаки, как в старые времена. Я открою своё отделение в Нагасаки и буду готов к их возвращению. Если они когда-нибудь вернутся.

— Прошу прощения, но, вероятно, масло пролили на кухне, — сказал он со смиренным поклоном. — Только Ёсивара готовит по ночам, мы не готовим, пожалуйста, извините меня, это все, что я знаю.

— Мой господин говорит, этот Накама, или Хирага, сиси, который нужен князю Ёси, его видели солдаты, пытались поймать его. Он убегал и умер в огне. Вы его знаете?

Дурные предчувствия сёи утроились, хотя об этой смерти, к его восторгу, ему тоже докладывали.

— Пожалуйста, извините меня, — проскрипел он, — я знаю его только

как клиента, никогда как сиси. Умер? Как чудесно, что этот убийца мертв. Замечательно!

Сэр Уильям вздохнул, устав от вопросов и от ответов.

— Филип, поблагодари его и отпусти.

Старик удалился. Сэр Уильям сказал:

— Ну, идите, будьте готовы выехать в полдень.

— Сэр?

— В Канагаву, на встречу с Ёси. Вы не забыли, я надеюсь?

Тайрер ошарашенно посмотрел на него.

— Но он, конечно же, не будет ждать нас сегодня, — чуть слышно произнес он; мысль о том, что придется переводить все нюансы договора, вызвала тошноту и слабость во всем теле. — Конечно же нет!

— Именно поэтому мы и отправляемся. — Сэр Уильям просиял. — Собьем его с толку, а? Мы британцы, а не кучка лилейнощеких полудурков. У нас только что случилось маленькое непредвиденное осложнение, крохотная заминка. — Он надел пальто. — Увидимся в полдень, быть при полном параде.

— Но он не приедет, только не после того, что случилось.

— Приедет. Если не приедет, потеряет лицо, мы — нет.

— Я не могу, сэр Уильям, переводчиком никак не могу. Я... я совершенно без сил и просто не могу, сегодня — нет, извините.

— Боюсь, что придется. Выше голову, бедам не сломить нас, и все такое.

Тайрер увидел натянутую улыбку, привычная холодность возвращалась. И твердость.

— Извините, я не могу, сэр. Я чуть живой. Пожалуйста, пусть Андре переведет, он делает это лучше меня.

— Вам придется сделать это, — произнес сэр Уильям; теперь в его голосе не было и тени юмора, — Андре Понсен мертв.

Тайрер едва не свалился со стула.

— Он, не может быть... как?

— В Ёсиваре. Меня известили как раз перед вашим приходом, поэтому я и почувствовал такое облегчение, когда увидел вас целым и невредимым. — Говоря это, сэр Уильям вспомнил о запечатанном конверте, который Андре оставил у него в сейфе миссии с просьбой вскрыть в случае его смерти. — Анри опознал его, насколько вообще можно было опознать труп в таком состоянии. Его печатка осталась на пальце... В общем, — сказал он, чувствуя подступившую дурноту, — бедняга сгорел, обуглился в своей garçonière.^[51] Насколько я понимаю, она находилась всего в

нескольких шагах от вашей в том же чайном доме. Я бы сказал, что вам крайне повезло, Филип. Будьте готовы к полудню.

Сэр Уильям вышел из миссии и зашагал по улице, направляясь к клубу. Люди стекались туда со всех сторон. Проходя мимо конторы Струана, он бросил взгляд на здание, благодаря судьбу, что оно уцелело, вместе с факторией Брока — доброе предзнаменование, подумал он, ни один так другой точно будет «Благородным Домом», а контора Брока производит гораздо, чёрт побери, лучшее впечатление с Горнтом во главе, чем с Норбертом. Он заметил Анжелику в её окне и помахал ей рукой. Она помахала в ответ. Бедная Анжелика, интересно, Анри уже сообщил ей об Андре? Затем, услышав гвалт, доносившийся, несмотря на ещё приличное расстояние, из клуба — обычные крики, ругань и звон стаканов, — он вздохнул и переключился мыслями на дела Поселения.

Шум стих, когда он вошёл. Клуб был набит до отказа, те, кто не поместился внутри, остались стоять на ступенях снаружи.

Толпа раздвинулась, освобождая для него узкий проход меж плотными, пахнущими потом рядами, и он прошел на своё обычное место рядом со стойкой и поздоровался с остальными посланниками, Сератаром, Эрлихером и Сергеевым, у последнего было забинтовано обожженное лицо и рука висела на перевязи. Все имевшие вес люди собрались, а также много тех, кто не имел никакого веса; многие были перевязаны, у некоторых были сломаны кости, но лица у всех раскраснелись. Несколько человек уже успели упиться, и их вынесли отсыпаться на улицу.

— Доброе утро. Я счастлив сообщить, что нам очень и очень повезло...

Свист и вой прервали его, раздались крики:

— Чёрт, я разорен... О каком везении ты толкуешь, чёрт подери... Дайте ему сказать... Нечего заливать, он что, сам не видел... О, да заткнись же ты, ради бога!..

Он подождал, потом продолжил, уже более жестким тоном:

— Нам действительно повезло, получено подтверждение только о смерти Андре Понсена... — по залу прошелестел шепот сожаления, все очень ценили его музыку, — больше никого во всей нашей общине. Мистер Сератар опознал тело, и похороны состоятся завтра. К сожалению, мы потеряли двух солдат, их похороны тоже завтра. В Пьяном Городе пока не нашли нескольких человек, но это не те, кого мы знаем по имени. Наша армия в целости и сохранности, все оружие, ядра, боеприпасы целы, флот тоже — нам действительно очень повезло, и я предлагаю вознести

благодарность Господу. — Посреди мертвого молчания он добавил: — Я прошу падре прочесть на закате специальную вечернюю молитву, приглашаются все. Какие-нибудь вопросы пока есть?

— Как быть с нашими компаниями? — выкрикнул кто-то. — Моя контора сгорела.

— На это у нас всех и существует страховка от пожаров, мистер Ланкчерч. — Рев хохота не дал ему договорить. — Что такое?

Небесный Наш Скай, экспедитор страховых фирм Гонконга, где принимались все полисы, в Иокогаме, пояснил:

— С сожалением довожу до вашего сведения, сэр Уильям, что страховка его истекла на прошлой неделе, и, дабы сэкономить деньги, он отказался возобновлять её раньше первого числа следующего месяца. — Последние его слова опять утонули в буре веселья и язвительных шуток.

— Мне жаль это слышать. В любом случае с сегодняшней почтой губернатору Гонконга я официально объявляю Поселение зоной бедствия для всех... — Одобрительный рев и крики «Добрый Старый Вилли» покрыли это его заявление, ибо оно означало, что возмещение убытков пройдет без проволочек. — ...Зоной бедствия для всех законных требований на возмещение убытков, каждое из которых должно быть подтверждено документально, будет признаваться только с моей подписью и...

Опять рев, на этот раз ярости, потому что все знали его как человека пунктуального, в отличие от некоторых чиновников в правительстве Гонконга, и пожар автоматически рассматривался многими как посланная свыше возможность раздуть огнь своего имущества.

Когда шум достаточно стих, он любезно добавил:

— Никакие исключения из правил не будут рассматриваться, и чем скорее требования лягут ко мне на стол, тем скорее они будут одобрены, подписаны и отправлены... — Началось общее движение к двери, и он проревел неожиданно могучим для такого худощавого человека голосом: — Я ещё не закончил, клянусь Богом! Следующее, некоторые недалёковидные, глупые люди полагают, что самым разумным для нас будет убраться с нашего плацдарма здесь. Правительство Её Величества не имеет ни малейшего намерения оставлять Японию. Абсолютно никакого. — В толпе раздались доводы против, но он холодно оборвал их. — Следующее, от вас требуется, чтобы вы помогали друг другу как английские джентльмены и...

— А как насчет чертовых янки? — крикнул кто-то, вызвав лавину насмешек, криков за и против.

— И им тоже, — крикнул он в ответ, юмор вернулся к нему. — Некоторые из них ими являются, и ещё больше могли бы ими стать. — Новый взрыв хохота. — Поэтому ведите себя как джентльмены и отстраивайтесь как можно быстрее. Это важно. Мы должны укрепить своё положение здесь, потому что, последнее и самое серьезное, ходят слухи, что пожар вызван умышленно.

— Это верно, моя мусумэ так и сказала.

— Одно заслуживающее внимание сообщение указывает на то, что поджигателем был самурай, Накама, тот самый парень, чьей выдачи как революционера добиваются бакуфу, хотя мистер Тайрер и я, а также мистер Макфей, если не ошибаюсь, находили его приятным, вполне безобидным, и он был для нас щедрым источником информации.

— Это так, — подтвердил Джейми, оживленный нежностью Морин. — Я не верю, что он мог бы оказаться поджигателем, по крайней мере таково мое мнение.

— Как бы там ни было, нам доподлинно известно, что он мертв и был пойман при подозрительных обстоятельствах. Все должны держать ухо востро на тот случай, если это поджог, лично я в этом не убежден, но если этот пожар был насильственным актом против нас, то будут и другие, если же это была воля Божья... что ж, сие в Его руках...

— Аминь, — сказали многие, преисполненные благодарности за то, что остались живы.

— ...Поэтому не забывайте о возможной опасности, но давайте вести себя нормально и дружно примемся за работу. Благодарю вас, до свидания.

— А как же быть с Ёсиварой и с учреждением миссис Фортерингилл?

Сэр Уильям сморгнул. Боже милостивый, должно быть я старею, подумал он. Проблема Ёсивары даже не пришла ему в голову, а ведь именно это делало Японию сносной, даже желанной для большинства мужчин.

— Миссис Фортерингилл, безусловно, возместит все свои убытки за счет страховых выплат. Что же касается первого... Мы немедленно учредим фонд. На одну неделю. Я открываю его двадцатью гинейми, и, ну, поскольку это входит в зону бедствия, правительство Её Величества вернет вкладчикам все деньги, фунт за фунт.

Под одобрительные крики и звуки радостных шлепков по спине он коротко переговорил с остальными посланниками, сообщив им, к их удивлению, что встреча с Ёси состоится, он и Сератар сами проведут переговоры, но не откажутся ли они отужинать с ним сегодня для частной беседы. Оказавшись на променаде, он вытер вспотевший лоб.

Удовлетворенный, он двинулся к дому.

— Эй, смотрите! — крикнул кто-то за его спиной. Он обернулся и вместе с другими покидавшими клуб стал наблюдать, охваченный удивлением и завистью.

На черном пустыре, где вчера стояла деревня, повсюду кипела работа; мужчины, женщины и дети трудились с муравьиной прилежностью, расчищая и строя, объединенные одной целью: восстановить все то, что исчезло. Два дома, с крышами и стенами-сёдзи, были уже возведены целиком, другие возвышались наполовину. Многие подносили новые бревна и стены-сёдзи, уже сложенные в штабеля с той стороны Южных ворот.

Жаль, что наши ребята не так скоры на подъем, подумал он, с уважением глядя на японцев, и тут вдруг заметил, что по другую сторону рва, у починенного моста, Моста В Рай, тоже царило оживление, там уже воздвигли временные ворота, покачивавшиеся на ветру.

Со своего места он мог прочесть милые сердцу и хорошо знакомые китайские иероглифы на воротах — английский перевод тоже уже был нацарапан, только каллиграфия выглядела несколько причудливо: «Страсть не может ждать, она должна быть утолена».

Тем же днём катер Струана повернул к своему причалу в Иокогаме, возвращаясь со встречи с Ёси в Канагаве. Ветер гнал невысокую волну, небо выглядело тревожно. Вымпел сэра Уильяма трепетал на верхушке мачты. В каюте сэр Уильям и Сератар дремали, Тайрер спал как убитый. Боцман свистнул в свою дудку, прося катера, скопившиеся у их причала, освободить дорогу, но получил в ответ лишь громкие крики: «Жди своей чертовой очереди» с широким набором ругательств вместо знаков препинания.

Сэр Уильям открыл глаза и крикнул боцману:

— Высадите нас у причала Броков, — и когда боцман заметил, что мистеру Мак-Струану это совсем не понравится, сэр Уильям проревел: — Делайте, что вам говорят!

Остальные, вздрогнув, очнулись ото сна. Кроме Тайрера, который промычал что-то и снова затих. Сератар потянулся и подавил зевок.

— Великолепный обед, Уильям, славная рыба, — и добавил по-французски, не заметив перехода: — Я бы предпочел чесночное масло и соус с петрушкой. Впрочем, ладно, ваш повар англичанин, он сделал что мог.

— Он китаец, — сказал сэр Уильям с добродушной усмешкой. Встреча

прошла точно так, как он планировал. То есть она не состоялась. Они прибыли в назначенное время, подождали полчаса, потом послали за местным губернатором, Тайрер сказал, что они не могли понять, куда подевался князь Ёси.

— Он заболел?

— Ах, прошу прощения, я не знаю о князе...

— Мой господин говорит: спросите про здоровье князя Ёси, скажите: мы здесь, как он просил. Пожалуйста, как можно быстро делать новый день. — Тайрер нарочито опустил все по-настоящему вежливые обороты.

Губернатор густо покраснел, поклонился им как старшим, ещё раз извинился и заторопился прочь, брезгливо морщась от того, что гайдзины все ещё были здесь — естественно, каждый цивилизованный человек отсюда до Эдо видел пожар и полагал, что гайдзины, те из них, кто остался в живых, зализывают сейчас ожоги и садятся на свои корабли, чтобы присоединиться к общему исходу и уплыть восвояси.

После отъезда губернатора с его свитой сэр Уильям предложил легкий обед, провожая Сератара в основательно загруженный погреб британской миссии.

— Мы заслужили маленькое торжество, Анри. Что бы вы хотели выпить? Нам по-настоящему повезло прошлой ночью — за исключением Андре, бедный малый.

— Да. Жаль. Воля Божья. — Сератар нахмурился, все ещё изучая этикетки. — Ага! «Монтраше», пятьдесят первый год. Две бутылки?

— Как минимум две. Джордж присоединится к нам. Можно было бы заодно отведать и «Марго» — я рекомендую вот это, сорок восьмого года, «Шато Пишон-Лонгвиль» и бутылочку «Шато д'Икем» с пудингом.

— Превосходно. Какая жалость, что у нас нет сыра. А Ёси уже не появится?

— Если появится, мы его не примем.

— На собрании в клубе вы упомянули об ужине сегодня вечером. Вы хотите обсудить нечто особенное с остальными?

— Да. — В погребе было прохладно и уютно. Несколько бокалов стояли на буфете позади стоек с винами. Сэр Уильям выбрал бутылку шампанского и начал открывать её. — Я думаю, мы должны притвориться, что пожар вовсе не стал тем бедствием, каким он на самом деле является, и не откладывать выступление против Сандзиро и его столицы Кагосимы.

— Сейчас? — Сератар был крайне удивлен. — Но, конечно же, посылать туда флот, когда мы так беззащитны и уязвимы, очень опасно, разве нет? Для них это будет большое искушение, нет?

— Очень, но в этом-то все и дело. Я предлагаю следующее: мы посылаем только британские военные корабли, оставляя здесь ваш и русский флагманы вместе с вооруженными торговыми судами. Мы отменим посылку армейских частей для намечавшейся высадки и пошлем только морских пехотинцев. Превратим это просто в бомбардировку с моря. — Пробка вылетела из бутылки, и он разлил вино по бокалам. — Это значительно облегчит задачу Кеттереру, его никогда не привлекала мысль о командовании морским десантом во время высадки. Теперь он сможет просто встать в заливе и вытрясти из них к дьяволу всю душу. Ваше здоровье!

Они чокнулись. Сератар мысленно обкатывал предложение англичанина со всех сторон, отыскивая скрытые ловушки, любые места, где его противник мог заложить мины для подрыва французских интересов. Он не нашел ни одного. Напротив, это способствовало его долгосрочному плану заслужить через благодарность доверие Ёси, открывая ему глаза на то, что это британцы, а не французы были варварами и что Франция, которую он отождествлял со своей особой, заслуживает доверия и готова проявить большее терпение и дальновидность.

— Прекрасное вино, Уильям. *En principe*,^[52] да, но я бы хотел посоветоваться со своим адмиралом.

— Почему же нет? Тогда вот что мы сделаем...

Обед был приятным. Они не торопясь поели и вернулись на катер, и вот теперь сэр Уильям деревянно покачнулся, когда судно пришвартовалось к причалу Броков, событие поистине неслыханное. У ступеней пирса он увидел Горнта и одного из его клерков, стоявших рядом с какими-то сундуками.

— Надеюсь, вы не возражаете, мистер Горнт, — сказал он. — Это я направил сюда катер, он идет под моим флагом, не под флагом Струанов.

— Сделайте одолжение, сэр Уильям. Как прошла встреча?

— Этот чертов парень не явился, не ждал нас, надо полагать.

— Он потерял лицо отсюда до Тимбукту.

— Да уж. — В чем и заключался весь замысел, подумал сэр Уильям с тайной усмешкой и показал на сундуки. — Вы, конечно же, не уезжаете?

— Нет, сэр, но я отправляюсь в Гонконг с сегодняшним пакетботом, чтобы договориться о поставках строительных материалов для нас и для других.

— Хорошая мысль. Удачного вам путешествия и счастливого возвращения. — Он приподнял цилиндр и удалился вместе с Сератаром. Тайрер, вконец измотанный, двинулся за ними, пьяно покачиваясь; Горнта

он едва заметил.

— Грузите их на борт, Перейра, — распорядился Горнт. — Скажите капитану, я буду вовремя. О, хеллоу, док. — Хоуг торопливо приблизился к нему в сопровождении носильщиков, сгибавшихся под тяжестью огромного сундука и сумок.

— Послушайте, Эдвард, я слышал, вы тоже отплываете на «Красотке из Атланты». — Хоуг запыхался и выглядел усталым, одежду и руки покрывали пятна крови и грязи, веки покраснели. — Могу я попросить вас, ребята, закинуть их на борт для меня, мне ещё нужно вправить с дюжину рук и ног, и ещё ожоги... огромное спасибо. — Он поспешил назад, не дожидаясь ответа.

— Загрузите их, Перейра. — Горнт озабоченно нахмурился. Почему это Хоуг так спешит уехать? — спрашивал он себя.

Все, что следовало упаковать, упаковано, все сделано, чтобы обеспечить правильную работу японского отделения Броков в его отсутствие: кому из торговцев можно открыть кредит, кому отказать; завтра или через день должны были появиться представители Тёсю, чтобы обсудить поставку им оружия — выгодный бизнес, который он приобретет для себя, когда Броки пойдут ко дну и когда он, это тоже было запланировано, купит здешнее помещение вместе с сотрудниками по... «пожарным» ценам. Он рассмеялся про себя своей шутке. Далее, угольная концессия Ёси. Он слышал, что она может быть передана от Струанов Сератару через торговую компанию ныне покойного Андре Понсена. Возможно, эта концессия пока ещё открыта и для других предложений. Он дал указания своему меняле тайно сделать Ёси такое предложение.

Перейра оставался за старшего. Вчера ночью, услышав от Морин, что новая контора Джейми сгорела, он решил назначить Джейми, но, к его удивлению, сегодня днём Джейми поблагодарил его за предложение и отказался, сказав, что чувствует себя в силах заново начать своё собственное дело.

Джейми был бы глазурью на глазури, подумал он. Впрочем, он и так никуда не денется, Джейми займет мое место, когда эта компания станет называться «Ротвелл-Горнт». Он пошарил в кармане.

Печать Норберта и два помеченных задним числом письма для Тесс были на месте. Его пояс с деньгами был туго набит серебряными «мексиканцами» Брока и золотом — больше чем достаточно, чтобы покрыть любые расходы. Хорошо. Все готово.

Теперь — Анжелика.

— Здравствуйте, Эдвард, — сказала она с теплой улыбкой. Сегодня она в первый раз принимала его в своём будуаре наверху. А Со стояла у ведерка с охлаждающимся вином, и он обратил внимание на то, что дверь в спальню закрыта, шторы задернуты, хотя дневной свет за окном ещё не погас, зажжены масляные лампы, комната дышит женственностью, негой, а Анжелика держится как бы отстраненно, не похоже на себя. Его напряженность усилилась.

— Белого вина для разнообразия, — предложила она приятным голосом. — «Ля Дусет». Бурбон, если желаете.

— Вино, пожалуйста, мэм. Я не помню, что бы вы когда-либо выглядели лучше.

— Как и вы, мой друг. Прошу вас, присаживайтесь вот сюда, к огню. — Её дневное сине-черное траурное платье было новым, покрой подчеркивал фигуру, вырез был квадратным и скромным. Но для его удовольствия, и своего тоже, она набросила на плечи разноцветную шелковую шаль. Эффект получился поразительный — дыхание весны в холодный январский день.

— А Со, вина, — распорядилась она и, когда А Со подала им бокалы, приказала: — Подожди снаружи! Я хочу, я позову! — Китайка вышла, шаркая ногами, и небрежно хлопнула за собой дверью.

— Её ухо сейчас припечаталось к двери, — тихо заметил Горнт.

Анжелика рассмеялась.

— Чтобы подслушать секреты? Какие секреты могут быть у нас с вами? За благополучное путешествие, Эдвард! — Она сделала глоток и поставила бокал на столик. — Вы уже уложились в дорогу?

— Да-да, все готово. Вы выглядите восхитительно, я люблю вас и хотел бы получить ответ на свой вопрос.

Её веер раскрылся, и она начала использовать его, как подобает юной леди из высшего общества в компании холостого интересного мужчины из высшего общества, а также тех, кто имел сомнительную репутацию, чтобы дразнить и мучить, флиртовать, обещать, ничего не обещая, давать ответы или уклоняться от них, когда вопросы были слишком опасными, чтобы говорить о них открыто.

Веер затрепетал.

— Вы вызываете у меня огромное восхищение, Эдвард.

— Не большее, чем вы у меня. Но все же: да или нет?

Веер с треском закрылся. Потом она улыбнулась, открыла шкатулку на бюро и протянула ему конверт. На нем было написано: «Миссис Тесс Струан».

— Пожалуйста, прочтите это письмо. Я отсылаю его с Хоугом в Гонконг в ответ на её.

Почерк был аккуратным:

Дорогая миссис Струан, благодарю вас за ваше письмо и щедрость.

Я соглашаюсь на все ваши условия: я торжественно клянусь и без принуждения соглашаюсь отказаться от всех и всяческих притязаний на наследство вашего сына, я соглашаюсь больше никогда не называться «миссис Струан», я соглашаюсь, что я католичка и не была обвенчана по законам моей Церкви, я соглашаюсь никогда не появляться в Гонконге иначе как проездом и никогда не стану пытаться вступить в контакт с вами или с кем-либо из членов вашей семьи, я соглашаюсь освободить занимаемые мною здесь комнаты в течение недели и принимаю, с искренней благодарностью, предложение о передаче в траст капитала, который будет приносить мне две тысячи гиней в год до моей смерти.

Место для её подписи пустовало, а ниже его стояло: *Подлинность подписи удостоверена сэром Уильямом Айлсбери, посланником в Японии*, рядом было оставлено место для его подписи и даты.

Горнт поднял глаза.

— Вы не можете всерьез намереваться отослать это. Это дает ей абсолютно все.

— Разве вы не советовали мне принять её условия?

— Да, но чтобы достичь компромисса — пересмотреть их.

— Ах да, я запомнила это. Если вы согласны, я попрошу сэра Уильяма засвидетельствовать его до вашего отъезда. Доктор Хоуг пообещал забрать его сегодня вечером на ваш корабль, так что оно будет в Гонконге вместе с вами.

— Но вы не можете не понимать, что это полная капитуляция, тогда как я или кто-то другой можем добиться для вас большего!

— Есть ещё вторая страница. — Она достала её из шкатулки, её веер бесшумно распахнулся и начал покачиваться. Слегка.

Он опять сосредоточился. Почерк был уже не таким четким и в нескольких местах смазан. Могли это быть капли слез? — спросил он себя.

Дорогая миссис Струан, по очевидным причинам эта часть

должна быть приложена отдельно, поскольку касается только нас и не имеет отношения к сэру Уильяму. Я ещё раз благодарю вас за вашу щедрость. Любезное предложение третьей тысячи в случае, если я во второй раз выйду замуж или просто выйду замуж, как бы сказали вы, в течение года, я не могу принять, потому что не имею намерения выходить замуж ни во второй раз, ни в первый, какой бы из этих вариантов вы ни посчитали правильным...

Он снова поднял на неё глаза, пораженный.

— Это и есть ваш ответ?

Веер затрепетал.

— Закончите читать, — сказала она.

Теперь его глаза молнией скользнули по странице:

Клянусь Господом Богом, я не могу перестать верить, что я была замужем, хотя полностью отказываюсь от любых публичных или юридических претензий на этот статус, как сказано выше. Я не приму другого... мне не хочется причинять вам боль или оскорблять вас, но выйти замуж ещё раз... Нет, я намереваюсь как можно скорее обустроиться в Лондоне, я чувствую себя в большей степени англичанкой, чем француженкой, язык моей матери был скорее английский, нежели французский, моя тетя была моей настоящей матерью.

Я никогда не буду пользоваться титулом «миссис», как я согласилась, но я не могу помешать другим обращаться ко мне таким образом. Сэр Уильям не примет просто «Анжелика» или «Анжелика Ришо», он будет настаивать, чтобы я подписалась как миссис Анжелика Струан, урожденная Ришо, чтобы придать вышеизложенному законную силу, ибо в его представлении и понимании английского закона таково мое теперешнее юридическое имя до второго замужества.

— Он действительно это сказал? — резко спросил он.

— Нет, но мистер Скай говорит, что, если его спросить, ему придется согласиться.

— Ага. — Горнт кивнул с задумчивым видом, сделал большой глоток вина и продолжил чтение, уже медленнее и более внимательно:

Если что-то из всего этого окажется неприемлемым,

пожалуйста, изложите на бумаге, что ещё от меня требуется, передайте документ мистеру Горнту, который говорит мне, что собирается увидеться с вами ещё раз, а потом почти сразу же вернуться сюда, и я подпишу его. Я поручаю его вашему покровительству, он был очень хорошим другом вашему сыну и был добр ко мне — он посоветовал мне принять ваши милостивые условия, тогда как мистер Скай высказался против. Искренне ваша... Анжелика.

Горнт откинулся на спинку кресла, шумно выдохнул и уставился на неё в полном восхищении.

— Это гениально! Гениально! Вы соглашаетесь на все и при этом продолжаете держать дамоклов меч над её головой.

Веер замер.

— Как это так?

— Вы намерены жить в Лондоне и, следовательно, под охраной английского закона — до времени спящая очевидная угроза. Вы ни разу не употребили слово «муж», но угроза присутствует, вы выводите меня в самый центр сцены, представляя как друга обеих сторон, то есть даете мне идеальную позицию для ведения переговоров. И сколь бы она ни была изобретательна, что бы ещё ни предложила вам подписать, вы лишь прольете ещё больше слез, вздохнете смиренно «Крепись», и вы победите. Гениальность самой высшей пробы!

— Значит, мне следует просить сэра Уильяма засвидетельствовать мою подпись?

— Да, — ответил он, завороченно глядя на неё, такую умную и смелую, и опасную. Возможно, слишком опасную. — Это шах и мат.

— Объяснитесь?

— Тесс будет в безопасности только в одном случае: если вы во второй раз выйдете замуж, а вы заблокировали этот ход. — Хотя веер остановился, её глаза продолжали смотреть на него поверх кромки. Затем покачивания возобновились, и он протянул ей письмо назад, думая: дьявольски умно для тебя, но не для меня.

— Скай дал вам блестящий совет.

— Никто мне ничего не советовал, кроме вас, кое-что из того, что вы говорили, направило меня к этой мысли.

Его сердце подпрыгнуло.

— Этого больше никто не видел?

— Нет. И никто не увидит. Это может стать нашим секретом.

Он отметил про себя это «может стать» и задумался, куда ведет эта фраза, он сильно упал духом, но не показывал этого. Огонь на каминной решетке требовал внимания, поэтому он поднялся и пошевелил угли кочергой, давая себе время все обдумать. Воздух по-прежнему сильно пах дымом и гарью, но он не замечал ничего, только её.

Как, чёрт побери, она все так сумела рассчитать? Замысел просто блестящий, все фигуры на доске, для нас обоих. Она победила, она одолеет Тесс, но я проиграл. Мне по-прежнему придется торговаться в её пользу, и уж теперь-то я больше чем уверен в том, что мне удастся повисить её содержание, но Анжелика ничего не уступила и оставила свой план игры открытым. Я проиграл. Главный приз мне не достанется: она.

— Значит, ответ на мой вопрос — «нет», должен быть «нет»?

Шевельнулся только веер.

— Почему? — спросила она совершенно бесстрастно.

— Потому что, как только вы выйдете замуж снова, вы проиграете всю партию, вы утратите всякую власть над Тесс Струан.

— Да, я бы утратила. — Она бесшумно сложила веер и положила его на колени. Её глаза ни на миг не покидали его глаз, и ни на секунду не ослабевала пронзительность её взгляда.

Внезапно он почувствовал себя загипнотизированным, потом в голове полыхнуло, ум его деятельно заработал, и внезапная надежда горячей волной разлилась по всему телу.

— «Я бы утратила», вы сказали, имея в виду, что вы бы утратили. Но не я? Я бы не утратил власти?

Теперь она улыбнулась. Это тоже был ответ.

Снова Мона Лиза, подумал он, странно, как меняется её лицо, как мне кажется, что оно меняется, как она на самом деле хитра и каким бдительным мне придется быть, чтобы обуздать эту резвую молодую кобылку. Я все ещё не понимаю, но робкому сердцу красавицы не завоевать. Ему понадобилось собрать всю свою волю, чтобы его ноги остались там, где были.

— Я люблю вас по всем обычным причинам, и я люблю ваш ум. А теперь официально прошу вас, вы выйдите за меня замуж?

— Да, — сказала она.

— Аллилуйя! — воскликнул Горнт, чувствуя, как закружилась голова, но по-прежнему остался стоять у камина.

Веер замер.

— Аллилуйя? И это все? — тихо промурлыкала она, и её сердце забилось быстрее.

— О нет, но сначала скажите мне, каковы ваши условия.

Она засмеялась.

— А должны быть условия?

— Я начинаю понимать, как работает ваш ум часть времени.

— Когда вы поднимитесь на «Красотку из Атланты»?

— В самый последний момент. Нам так много нужно... обсудить.

— Да. Эдвард, будут ли наши дети воспитаны как католики, и состоится ли венчание в католической церкви?

— Это условие?

— Вопрос.

Он задумался, спуская разум с поводка, чтобы тот устремился вперед и обежал все кругом; ему хотелось быть осторожным в этом море, изобиловавшем подводными рифами.

— Не вижу причин, почему бы нет. Я не католик, как вам известно, — медленно проговорил он, — но если таково ваше желание, я бы не стал возражать... — Последний фрагмент мозаичной головоломки встал на место, ослепив его своей силой. — Аллилуйя!

— Что?

— Просто идея. Мы поговорим о ней через минуту. А теперь игры в сторону, Анжелика, — сказал он, строго глядя на неё. — Условия? Что кроется в этой вашей волшебной умной головке?

Она встала. Поднявшись на цыпочки, она коснулась губами его губ в нежном поцелуе. Её губы были мягкими, дыхание сладким.

— Спасибо, что спросили, и за все, что вы уже сделали для меня. Он положил руки ей на бедра, чуть ниже талии. Оба заметили, что их тела словно подогнаны друг к другу, но ни он, ни она не признали этого вслух.

— Условия?

— Скажите мне сами, каковы они, Эдвард.

Теперь, когда она ответила на главный вопрос и вручила ему все ключи, он не спешил.

— Я отгадаю три, — сказал он с улыбкой. — Если угадаю правильно, вы назовете мне остальные?

— Согласна.

Ей было приятно чувствовать так близко его крепкое тело. Как и её мягкие изгибы доставляли ему удовольствие, отвлекая его внимание. Без малейшего усилия. Осторожно, это её главный козырь, и игра вступила сейчас в свою самую опасную стадию — определяется будущее. Чёрт подери! Так нетрудно сделать этот поцелуй более серьезным, даже слишком легко, и так легко подхватить её сейчас на руки, отнести к кровати в соседней комнате и проиграть — каков бы ни был результат — ещё до того, как ты дойдешь до двери.

Его больше возбуждало то, что необходимо было сдерживаться, ждать самого подходящего момента — как с Морганом Броком, — принять как факт свою страсть к ней и отложить её в сторону, пытаясь вместо этого проникнуть своим разумом в её. Три условия? Мне известны по меньшей мере пять, подумал он, стремясь выйти победителем, нуждаясь в этой победе, ибо привык всегда побеждать.

— Не обязательно в том же порядке, — начал он. — Первое, я добиваюсь повышения содержания, скажем, не меньше четырех тысяч в год. Далее, мы станем проводить некоторое время в Париже и Лондоне, скажем, один месяц каждые два года, учитывая время на переезд, получается почти полугодовое путешествие. Следующее, деньги, переданные Тесс в траст, какова бы ни была сумма, останутся под вашим контролем, не моим. — Он увидел, как танцуют её глаза, и понял, что победил. — Ну и ещё одно для ровного счета, я должен до безумия любить вас до скончания века.

— Вы так умны, Эдвард, я знаю, мы будем очень счастливы. — Странная улыбка вернулась к ней. — Теперь, пять было бы лучше четырех, и два месяца лучше одного.

— Я попытаюсь устроить пять, хотя обещать не могу, — тут же ответил он, — и согласен на два месяца, если все остальное уравнивается. Что ещё?

— Ничего важного. Нам понадобится дом в Париже, но как только вы его увидите, он вам тоже очень понравится. Больше ничего, кроме того, что вы пообещаете обожать меня.

— Об этом можно было бы не просить, но я обещаю. — Его руки сжали её сильнее. Она припала к нему, сливаясь, чувствуя себя под защитой, хотя все ещё не уверенная в нем. — Вы желаннее любой другой женщины из всех, кого я когда-либо встречал, — сказал он. — Уже одно это

достаточно плохо, но ваш ум поражает не меньше, и ваши хитросплетения... нет, это плохое слово... ваши всплески гениальности... — Он на мгновение отстранил её от себя и пристально взгляделся в её лицо. — Нет, вы потрясающее создание, с какой стороны ни посмотри.

Она улыбнулась, но осталась в его объятиях.

— Почему вы так говорите?

— Католический брак.

— А!

— Да уж, а! — Он рассмеялся. — Это, моя юная умница-леди, и есть ваш волшебный ключик, потому что, вспомнив ваше письмо, я вдруг догадался о том, что вы уже решили для себя: католический брак раз и навсегда устраняет вас как угрозу для Тесс. Для Тесс католический брак полностью аннулирует ваш протестантский брак в море, каким бы он ни был законным, законным согласно английскому законодательству.

Она мягко хохотнула, поудобнее устраиваясь у него на груди.

— А если бы вы сказали, что вы, по вашему мнению, смогли бы уговорить меня выйти за вас замуж, и, будучи сами протестантом, предложили бы добровольно пойти на подобную жертву, эта женщина, бесспорно, с радостью дала бы вам все, что вы у неё попросите, для нас обоих, если ваши просьбы будут разумными. Нет?

— Да. — Он вздохнул. — И что за просьба у вас на уме?

— Ничего особенного, но Малкольм как-то объяснил мне значение жокей-клуба и в Гонконге, и в Шанхае. Он говорил, что, наряду с советами Гонконга и Шанхая, вся власть в мире бизнеса сосредоточена именно там. Её влияние обеспечило бы вам должность стюарда в одном и членство в другом. Нет?

Он захохотал и крепко обнял её.

— Вы живая классика, мадам. Ради этого я даже стану католиком.

— В этом нет нужды, Эдвард.

— Вы полюбите Шанхай всем сердцем. Теперь мои условия.

— О?

Он с радостью отметил, как в глубине её глаз промелькнула тревога, но скрыл своё удовольствие и придал лицу более суровый вид. Мне ни к чему выдвигать предварительные условия, подумал он с затаенной улыбкой: муж имеет некие неотъемлемые права, как, например, право собственности на все имущество своей супруги. Благодарение Богу, мы живем в мире мужчин.

— Первое условие заключается в том, чтобы вы любили меня всем

сердцем и душой.

— О, я постараюсь, и постараюсь быть лучшей женой на свете. — Она теснее прижалась к нему. — И?

Чутким ухом он уловил в её голосе подспудную тревогу и рассмеялся.

— Это все, кроме того, что вы дадите обещание позволить мне обучить вас игре в бридж и маджонг — тогда вам в жизни не понадобятся деньги на булавки ни от меня, ни от кого-то ещё.

Мгновение она пристально смотрела на него, потом потянулась вверх. Их поцелуй скрепил сделку, и потом он бережно отстранился, чувствуя, что кровь ударила ему в голову.

— Я жду не дождусь, Анжелика.

— Я тоже.

— Теперь мы должны выработать план, времени у нас немного. Сначала получите подпись сэра Уильяма, быстро туда и обратно. Моя дорогая, я так счастлив, что вы приняли мое предложение.

Ей захотелось тихо заурчать, как кошке.

— Я так счастлива, что не могу выразить. Когда вы вернетесь, мы останемся здесь или уедем в Шанхай?

— В Шанхай, и как можно скорее, как только Броки пойдут ко дну. — Он поцеловал её в нос.

— А, Броки. Вы уверены? Вы уверены насчет них? Все наше будущее, вообще все зависит от этого, не так ли?

— И от Тесс, однако я уверен, моих улик достаточно, а её злоба сцементирует их и обеспечит их гибель — она тоже должна понимать это, иначе она никогда не сделала бы даже такого жалкого предложения. Но и в этом случае мы должны быть осторожны. То, как мы будем вести себя наедине, — одно дело, но в течение шести месяцев — столько времени уйдет у меня на то, чтобы перевезти вас в Шанхай, защитить вашу незапятнанную репутацию, запустить в дело компанию «Ротвелл-Горнт», привести в порядок ваши финансы, — мы должны выглядеть в глазах всех только добрыми друзьями. Я обожаю вас.

Вместо ответа её руки обняли его. Потом она сказала:

— У вас принято составлять брачные контракты?

— Нет. Но если вам так хочется, мы составим. — Он увидел её джокондовскую улыбку, которая прикрывала, как маска, обещала и снова прятала. — Это ведь не обязательно, не так ли? Мы связаны накрепко, ваше и мое будущее соединились, мы теперь одно целое. Успех зависит от наших общих усилий и от того, как мне удастся защитить наши интересы. Никогда не забывайте, что Тесс искусна, хитра и обмануть себя не даст, сделка с ней

есть сделка. Но даже и в этом случае вы получите, что хотите, я обещаю.
Да, получу непременно, подумала она.

Потрясённый, сэр Уильям положил последнюю страницу из оставленных ему Андре на маленький столик, все они были на французском языке и написаны рукой Андре.

— Боже мой, — пробормотал он и встревоженно шевельнулся в своём потертом, но удобном старом кресле. Его приемная была уютной, в камине весело пылал огонь, тяжелые шторы были задернуты от сквозняков.

Он встал, чувствуя себя очень старым, налил себе выпить, долгим взглядом посмотрел на тонкую стопку бумаг, словно не веря своим глазам, потом снова сел и начал разбирать их лист за листом. Заключительная часть письма отца Анжелики, аккуратно склеенная на отдельном листе, ясно указывала на хладнокровно продуманный план завлечь Малкольма Струана в сети, другие страницы содержали даты и подробности изнасилования убийцей-ронином в Канагаве и его смерти во французской миссии при весьма странных обстоятельствах, имя мамы-сан, которая раздобыла лекарство, как оно было оплачено «потерянными серьгами» и как Андре вышел на лодке в море, чтобы избавиться от улик — нескольких полотенец, трав и одной из двух бутылочек, вторая, оставленная им в качестве доказательства, лежала сейчас в ящике его рабочего стола в миссии.

Записка, лежавшая снизу, гласила:

Сэр Уильям, к тому времени, когда вы прочтете это, меня уже не будет в живых. Эти показания должны быть использованы в случае, если моя смерть будет насильственной. Я открыто признаюсь, что использовал свои знания, чтобы получать деньги от Анжелики, да, шантажировать её, если вы хотите называть вещи своими именами, но, с другой стороны, шантаж — привычный инструмент дипломатии, к которому вы прибегали так же, как и все мы. Эта информация предоставляется в ваши руки, поскольку я могу быть убит или моя смерть будет подстроена как случайная, не обязательно ею самой, но из-за неё, с её помощью — ещё одна истина заключается в том, что найдется немало людей, способных пойти ради неё на убийство (Беккотт, Макфей, Горнт), потому что уникальные знания, которыми я обладаю, и мое участие в её... «преступлениях» слишком сильное слово... махинациях делают меня мишенью.

Эти страницы помогут вам схватить убийцу и обвинить того,

к кому в итоге приведут мои показания. Я не желаю зла Анжелике, я использовал её так, как мне было нужно, хотя никогда не спал с ней. Если моя смерть покажется случайной, она может не быть таковой на самом деле. Если же в ней никто не виноват, что ж, так тому и быть, я исповедался перед смертью (хотя ничего из того, что вы прочли, отцу Лео не известно) и отправляюсь раньше вас в великое странствие — такой же нечистый, как и большинство из нас, гораздо более нечистый, чем большинство, да поможет мне Бог.

Почему я передал все это вам, а не Анри? В самом деле, почему?

Внизу послания стояла четкая, уверенная подпись.

— В самом деле, почему мне? — пробормотал сэр Уильям. — И как это возможно, чтобы такая кроха могла скрывать все это так долго, скрывать от Малкольма Струана, чёрт побери? От Джорджа и Хоуга, чёрт побери? Невозможно, совершенно невозможно, Андре просто лишился рассудка, и все же...

Помимо письма её отца, а даже оно, вырванное из контекста, может быть преувеличенным искажением истины, остальное — лишь собственное мнение Андре, если только она сама не сознается, когда от неё потребуют объяснений. Все эти истории могут быть плодом помутившегося разума. Конечно, он тоже её хотел, сколько раз мы все замечали, как он вьется вокруг неё пиявкой, и потом этот любопытный случай, когда Вервен застал его у неё в комнате. И чертовски странно, что он употребил «нечистый» в этом смысле, ведь он и был таким самым буквальным образом, бедолага.

Сэр Уильям вздрогнул всем телом. Сератар шепнул ему о тайне Андре. Сифилис был распространен во всех слоях общества, во всех городах, городках и деревнях, в Санкт-Петербурге, Лондоне и Париже, во дворцах и в самых грязных трущобах Касбаха, он мог притаиться в любом борделе или в теле любой ночной дамы, в Китае или в нашем Плывущем Мире здесь.

Ах, Андре, зачем было передавать все это мне? Любопытно, что вы умерли такой смертью: рука в руке с той девушкой, которую вы купили, чтобы погубить. Какое злодейство! За исключением того, что у неё, как нам предложено считать, был выбор. Ваша смерть была несчастным случаем. А была ли? Анри не так уверен.

— Все это очень странно, Уильям, — заметил ему Сератар сегодня утром. — Тела, точнее сказать скелеты, лежали так, словно они умерли ещё

до начала пожара. Никаких признаков того, что они пытались спастись, ни у неё, ни у него. Просто лежат бок о бок, сомкнув руки. Я совершенно сбит с толку, потому что, несмотря на все его недостатки, Андре умел находить выход из любых передрыг, а при пожаре человек инстинктивно пытается выскочить наружу, а не просто лежит без движения, этого никто не вынесет, просто невозможно.

— Тогда каков ваш ответ?

— Даже не знаю. Они могли договориться вместе лишиться себя жизни и осуществили это намерение до начала пожара. Яд, ничего другого в голову не приходит. Это правда, что в последнее время его болезненная угрюмость граничила с безумием, и ему отчаянно нужны были деньги, чтобы расплатиться за неё. Но если отбросить это, Андре — самоубийца? Вы верите в такое?

Нет, только не Андре, подумал сэр Уильям, вновь забеспокоившись. Был отравлен он один или они оба? Теперь появился мотив для убийства. Господь Всеблагий и Милосердный, неужели это возможно? Да, возможно, но тогда — кто?

Устало, в большой тревоге, он закрыл глаза. Чем упорнее он старался найти ответ на этот вопрос, тем дальше уплывали его мысли. Дверь неслышно отворилась. В комнату вошёл его Номер Один Бой, открыл рот, чтобы поздороваться, но, увидев бледность и годы, проступившие на лице хозяина, нахмурился, решил, что он спит, поэтому налил в бокал виски и поставил на столик рядом с ним. Его глаза пробежали по письму Андре, лежавшему поверх других бумаг, потом так же бесшумно он вышел.

Через несколько минут раздался стук в дверь. Сэр Уильям, вздрогнув, пробудился, в двери показалась голова Бебкотта.

— У вас есть минута времени?

— О, хеллоу, Джордж, конечно. — Сэр Уильям убрал исписанные листы в папку, мрачно ощущая на себе ту притягательную силу, которую они, казалось, излучали. — Присаживайтесь, наливайте выпить, что там нового?

— Ничего. — Бебкотт ещё никогда так не уставал. — Я ненадолго, просто заглянул сказать, что пойду прилягу на несколько часов. Счет пока такой: три человека из Пьяного Города, один бармен-австралиец и двое бродяг, документов никаких — в развалинах могут оказаться ещё тела, но один Бог знает, когда их закончат расчищать. Никто как будто особо не переживает.

— Что насчет деревни и Ёсивары?

— Цифр от них мы никогда не получим. — Бебкотт зевнул. — Похоже,

они считают сведения такого рода государственной тайной. Не стану их осуждать, мы для них люди чужие. Я так полагаю, что жертв немного. То же самое и в нашей Ёсиваре, благодарение Богу. Вы слышали, что при каждой гостинице есть погреб на случай подобных бедствий?

— Чертовски разумно. Нам следует перенять эту идею.

— Жаль, что так получилось с Андре... — сказал Бебкотт, и по телу сэра Уильяма вновь пробежала дрожь. — ...Нам жутко повезло, что больше никто из наших не попался в Ёсиваре. Как Филипу удалось выбраться оттуда живым, я до сих пор не понимаю. Уильям, он сильно потрясен потерей своей девушки, почему бы вам не дать ему отпуск на пару недель, пусть съездит в Гонконг или Шанхай?

— Работа будет для него лучшим лечением, и он нужен мне здесь.

— Возможно, вы правы. — Ещё один зевок. — Господи, как я устал. Вы знаете, что Хоуг отплывает с сегодняшним пакетботом?

— Да, он говорил мне. По крайней мере, сказал, что поговорил с вами и что вам он не нужен. Видимо, Тесс приказала ему вернуться сразу, как только он будет знать... если окажется, что она не в положении.

— Да. Между нами, Уильям, он вдруг спешно засобирился назад в Индию, думает, что там его счастье. Надеюсь, он отыщет его, он великолепный врач, вот только болтает слишком много. — Нахмуренный лоб и подавленный зевок. — Он не рассказывал, что Тесс написала в своём письме?

— К Анжелике? Нет. Сказал, что она ему письмо не показывала. Трудно погонять этого быка, когда нельзя щелкать бичом над его головой, — сказал сэр Уильям, внимательно наблюдая за Бебкоттом. — Днём заходил Небесный Наш, тоже ни словом не обмолвился об этом, сказал только, что Анжелика хотела, чтобы я удостоверил её подпись на письме, которое она посылает Тесс.

Бебкотт немного оживился.

— Хотелось бы мне знать, что в нем.

— Мое дело лишь засвидетельствовать подпись. По всем правилам мне не обязательно знать его содержание.

Бебкотт вздохнул, снова зевнул.

— Мне так ужасно жаль её, так хотелось бы ей помочь, я бы все что угодно сделал... такая славная девушка, и как несправедлива к ней судьба. К ней и Малкольму. Ну что же, я пойду. Рад, что она пока нас не покидает, она станет кому-то редкой женой. Через несколько часов увидимся.

— Выспитесь хорошенько, и спасибо вам, вы здорово поработали. Кстати, — остановил его сэр Уильям. Он не хотел, чтобы Бебкотт уходил, и

в то же время боялся, что, если тот останется, его одолеет искушение показать ему письма Андре, спросить его совета. — Когда вы в следующий раз встречаетесь с Андзё?

— Через неделю или две, когда кончится лауданум, без него старику придется совсем туго.

— Так он безнадежен?

— Совершенно. Ему осталось лишь несколько месяцев, анализы указывают на это достаточно четко — внутренности у него ни к черту. Наш человек Ёси. — Ещё один болезненный зевок. — Как вы считаете, это Андзё, или Ёси, или оба они отдали приказ о поджоге?

— Тот ли, другой ли, оба ли или ни один из них — этого мы никогда не узнаем. — Он смотрел, как Бебкотт, прихрамывая, направился к двери. — Джордж, с медицинской точки зрения, если женщине дать снотворное, мог бы мужчина овладеть ею, а она бы при этом ничего не почувствовала?

Бебкотт часто заморгал и повернулся к нему; всю усталость как рукой сняло.

— Почему это вы вдруг спрашиваете об этом?

— Да просто к слову пришлось, когда вы упомянули о лаудануме. Пару дней назад Сергеев развивал какие-то дикие теории насчет наркотиков, какая от них польза и вред. Могло бы такое случиться?

После некоторой паузы Бебкотт утвердительно кивнул, не поверив этому объяснению. Он знал, насколько тонко действует ум Вилли, и пытался угадать, почему он задал этот вопрос, но был слишком умен, чтобы повторять свой.

— Если бы доза была большой, а мужчина — не слишком диким, да, без всяких проблем.

Он подождал, но сэр Уильям лишь задумчиво покивал, поэтому он махнул рукой, прощаясь, и вышел. Сэр Уильям опять открыл папку.

Его пальцы дрожали, когда он перечитал заключительное письмо Андре. Все достаточно ясно. Вся цепочка событий началась с дозы снотворного в Канагаве, снотворного, которое ей дал Джордж. Если бы она проснулась, тот человек убил бы её, в этом не может быть никакого сомнения. Значит, она была спасена, но при этом погублена. Но почему тот человек не убил её потом, зачем ему было оставлять её в живых? Это лишено смысла, с какой стороны ни посмотри. И что произошло во французской миссии в ту другую ночь, когда он вернулся? Если бы не Джордж...

А что Джордж? Если он мог дать ей такое лекарство, чтобы помочь ей уснуть, чтобы сохранить её рассудок, он, конечно, с легкостью мог

проделать то же самое и с Андре, чтобы избавить от шантажиста женщину, которую он явно любит. Чрезмерно большая доза того же самого лекарства...

Джордж Бебкотт? Господи, я, должно быть, схожу с ума. Не мог он пойти на такое!

Или мог?

А Анжелика, не может быть, чтобы она проделала все это! Или может?

Чёрт побери, что же мне делать?

— Извините, сэр. Пришла мисс Анжелика, — доложил Бертрам.

— Проводите её сюда. Потом можете быть свободны. Ужин в девять. Проследите, чтобы «Красотка» не отплыла без моих депеш.

— Слушаюсь, сэр. Она одна, мистера Ская с ней нет.

Сэр Уильям с трудом поднялся со старого кресла, он устал, и на душе у него было скверно; папка Андре лежала лицом вниз на его рабочем столе.

Она вошла, физически притягательная, как всегда, но другая, с застывшим лицом, и что-то ещё было в её облике, что он не смог определить. Пальто, капор, перчатки. Черный цвет ей к лицу, подумал он, оттеняет белизну кожи, она так красива и молода. Любопытно, она что, плакала?

— Добрый вечер, как вы себя чувствуете, Анжелика?

— О, хорошо, благодарю вас, — механически ответила она, не похожая на себя, обычно такую собранную и уравновешенную. — Мистер Скай сообщил вам, что мне нужно заверить у вас подпись сегодня вечером?

— Да. — Он подошел к столу, картины, столь живо описанные Андре, мешали ему сосредоточиться. — Я... пожалуйста, садитесь. — Она подчинилась, и когда он посмотрел на неё, ещё одна тень промелькнула в глубине её очаровательных глаз. — Что случилось? — мягко спросил он.

— Ничего. Я... сегодня днём я услышала об Андре, что он... что он погиб. Я бы пришла раньше, но мне... — С видимым усилием она отвлеклась от этих мыслей, достала из сумочки конверт и положила письмо на стол. — Пожалуйста, как мне его следует подписать?

Он сложил пальцы домиком, обеспокоенный тем, что снова, и так скоро, призрак Андре вторгся в его комнату — не по его прихоти.

— Даже и не знаю, что вам сказать. Насколько я понял со слов мистера Ская, вы согласились с миссис Тесс Струан, помимо прочих условий, отказаться от своего титула «миссис»?

— Пожалуйста, вы можете прочесть письмо, если желаете, — предложила она тусклым голосом.

— Спасибо, но это не обязательно, — ответил он, сопротивляясь необоримому порыву прочесть короткий документ. — О чем вы договорились с ней, меня не касается, если только вам не нужен мой совет.

Она безразлично покачала головой.

— Что ж, тогда... Скай выдвинул юридическое соображение, я не

уверен, что он прав, но не вижу причин, по которым оно не может быть удовлетворено. Вы отказываетесь от титула «миссис» на все времена. Но, как он совершенно справедливо указал, только после того, как поставите свою подпись, поэтому вам лучше всего подписаться «миссис Анжелика Струан, урожденная Анжелика Ришо», и это должно предусмотреть все возможные варианты.

Он наблюдал, как она наконец сосредоточилась на происходящем и взяла в руки перо; его сознание заполнял чудовищный рассказ, который Андре передал из своей пылающей могилы, — невозможно, чтобы она сумела так много скрыть от нас, просто невозможно, чёрт меня подери.

— Вот, — сказала она. — Теперь готово.

— Я чувствую себя обязанным спросить: вы уверены, что поступаете правильно — никто никоим образом не заставляет вас подписывать этот документ, что бы он ни содержал?

— Я подписываю его по своей воле. Она... она предложила мне соглашение, сэр Уильям. И если говорить правду... если говорить правду, оно справедливо. Некоторые из условий изложены грубо и могли бы быть смягчены, возможно, будут смягчены, но Малкольм был её сыном, она имеет полное право забыть о приличиях. — Анжелика встала, убрала письмо в конверт и в сумочку, желая уйти побыстрее, желая остаться. — Благодарю вас.

— Задержитесь на секунду. Вы не... может быть, вы не откажетесь отобедать завтра? Будут лишь несколько близких знакомых. Я думал пригласить Джейми и мисс Морин.

— Э-э, да, благодарю вас, думаю, да, только я... Они славные, а она такая милая. Они поженятся, как вы думаете?

— Если он на ней не женится, то совершит большую глупость — её миглом уведут, если он станет медлить. — И прежде чем он успел остановить себя, он сказал: — Печальная история вышла с Андре, не правда ли? Анри вам рассказывал, как они нашли его? — Он увидел, как её глаза вмиг наполнились слезами и самообладание покинуло её. — Извините, я не хотел вас расстраивать.

— Вы не расстроили, я уже так расстроена, что мне... Я все ещё не могу... Анри рассказал мне примерно час назад, как Андре и она вместе... Божья воля для них обоих, как это печально и при этом как удивительно чудесно.

Она села и вытерла слезы, вспомнив, как едва не потеряла сознание и, после того как Анри ушел, бросилась в церковь, приклонила колени перед статуей Пресвятой Девы — церковь странно преобразилась, став

величественнее и выше без крыши, но свечи горели как всегда, и как всегда здесь обитал покой. И она вознесла благодарность, отчаянную благодарность за своё освобождение от кабалы — и с внезапным, до самого сердца проникшим пониманием за избавление и его от мучений, осознав в этот миг, что Андре страдал не меньше неё.

— Теперь я это понимаю. О Благословенная Мать, благодарю Тебя за то, что Ты благословила нас, благословила меня и благословила его, он сейчас с нею и в мире, когда на земле мира не знал, но ныне они упокоились в Твоих руках, да исполнится воля Твоя...

Её глаза едва различали сэра Уильяма сквозь застилавшие ей взор горе и признательность.

— Анри рассказал мне о болезни Андре. Бедный человек, как это ужасно и как ужасно любить с такой силой, он ведь был влюблен, вы знаете, беззаветно. Андре был добр ко мне и... и если говорить откровенно, — сказала она, чувствуя потребность произнести правду вслух, — он был и ужасен тоже, но он был другим. Он просто безумно любил свою Хинодэ, все остальное в мире потеряло для него всякий смысл, поэтому его следует простить. Вы когда-нибудь видели её?

— Нет, ни разу, я даже не знал её имени. — Несмотря на решимость не ворошить прошлого, он спросил: — Почему вы говорите, что он был ужасен?

Она промокнула слезы носовым платком и сказала печально и без злобы:

— Андре знал о моем отце и дяде и... и пользовался этим и другими вещами, чтобы... чтобы дать мне почувствовать себя обязанной ему, и беспрестанно просил у меня денег, которых у меня не было, давая какие-то невысказанные обещания и, если откровенно, угрожая. — Она испытующе посмотрела на сэра Уильяма. Теперь в ней не было ни капли притворства, душа её раскрылась, исполненная бесконечной благодарности к Господу и Пресвятой Деве за своё и за его освобождение, прошлое кануло вместе с ним и вся мерзость. — Это была воля Господа, — истово произнесла она. — Мне и радостно, и горько. Почему мы не можем забыть дурное и помнить только хорошее — в этом мире довольно зла, чтобы мы могли расплатиться за наше забвение, вам не кажется?

— Да, довольно, — ответил он с необъяснимым сочувствием. — О да.

При этом столь редком у него проявлении чувств что-то словно подтолкнуло её изнутри, и, даже не успев сообразить, что она делает, она поделилась с ним своим самым сокровенным страхом:

— Вы мудрый человек, а мне необходимо рассказать кому-то, я

чувствую в себе очищение, какого ещё не знала в своей жизни, но мой Малкольм, он меня тревожит: ведь у меня от него ничего не осталось, ни имени, ни фотографии — тот дагеротип так никогда и не проявился, — ни портрета, и я словно не могу отыскать и вернуть себе его черты. И с каждым днём это становится все хуже и хуже.

Мне страшно, — говорила она, и слезы бесшумным потоком струились по её лицу. Она сидела напротив него, и он боялся даже шевельнуться. — Порой мне кажется, что его никогда не было и все это путешествие, все время, проведенное в Йокогаме, похоже на... на *Theatre Macabre*.^[53] Я замужем и нет, меня обвиняют в ужасных вещах, которые никогда не происходили или никогда не были намеренными, я невинна и нет, Тесс ненавидит меня, когда я хотела лишь одного: сделать все, что в моих силах, для моего Малкольма, о да, я понимаю, он был завидным женихом, а мой отец в родственники не годился, как и я в жены, наверное, нет, но я не сделала ничего, что могло бы причинить ему боль, он любил меня и хотел жениться на мне, и я старалась изо всех сил, клянусь, что это так, и теперь, когда он умер, я так стараюсь вести себя разумно, я одна, его больше нет, а мне приходится думать о будущем, мне страшно, я была ребенком, когда приехала сюда, теперь я другая, все это произошло слишком быстро, и хуже всего то, что я не могу вспомнить его лицо, он ускользает от меня, и я ничего... Бедный Малкольм.

В вечерних сумерках на краю Ничейной Земли, под стеной наполовину законченного деревенского дома, шевельнулась тень. Рядом с нею ещё одна. Два человека притаились у стены и ждали. Где-то в глубине временной деревни из навесов, загоронок и недостроенных хижин, среди приглушенного говора, раздался плач ребенка, но быстро стих.

Там, где когда-то Ничейная Земля являла собой череду холмов и долин из мусора, отбросов и всевозможного хлама, большая часть теперь сгорела дотла, остальное глубже осело в землю, и поверх всего лежало толстое покрывало из пепла, от которого поднимались тонкие струйки дыма. Только кирпичный колодец выделялся на сером пустыре. Первая тень у стены превратилась в Филипа Тайрера. Низко пригнувшись, он подбежал к колодцу и присел на корточки рядом с ним.

Осторожно приподняв голову, он огляделся кругом. Насколько он мог судить, его никто не заметил. От Пьяного Города напротив осталось одно лишь дымящееся пепелище, кое-где ещё догорали отдельные постройки, стояли наспех возведенные навесы, брезентовые или парусиновые палатки. Филип увидел несколько человек, хмурых и ищущих, на ком бы сорвать зло, большинство сидели на перевернутых бочонках, сгорбившись от холода, и потягивали краденое пиво или что-нибудь покрепче.

Он осторожно перегнулся через край колодца и свистнул. Снизу донесся ответный свист. Филип снова спрятался и подавил нервный зевот. Через мгновение на кирпичи сверху легла чья-то рука. Появилась голова Хираги. Филип подозвал его коротким взмахом руки. Хирага молча опустил на корточки рядом с ним, потом Акимото. Оба были в теплых куртках на подкладке и кимоно поверх просторных штанов, оба взяли с собой мечи, прикрыв их второй сменой одежды. В следующий миг они настороженно пригнулись: со стороны Пьяного Города появились три человека, они пересекли пустырь неподалеку от той улочки, где стоял склад, и двинулись вдоль неё, пробираясь через его развалины. Один из них напевал матросскую песню. Ещё долго после того, как они пропали из виду, ветер доносил до них его рокошующий баритон.

— За мной, но быть осторожно! — Тайрер побежал к деревне и остановился рядом со вторым человеком в тени недостроенного дома. Джейми Макфеем. Дождавшись безопасного момента, Хирага и Акимото присоединились к ним, двигаясь гораздо проворнее и тише.

— Держите, быстро, — сказал Джейми Макфей. Он открыл мешок и протянул им грубую одежду матросов, шерстяные шапки и башмаки. Они переоделись, уложив свою одежду в тот же мешок, который Акимото закинул за спину. Тайрер заметил, что Хирага сунул в боковой карман «дерринджер».

Это заняло едва минуту или две. Джейми повел их там, где когда-то была главная улица деревни — и скоро будет вновь. Со всех сторон они чувствовали следящие за ними глаза. Луна в небе ненадолго вышла из-за облака. Хирага и Акимото инстинктивно замерли, превратившись в две тени, готовые в любой миг выхватить мечи и внутренне проклиная бестолковую беспечность своих спутников. Луна исчезла, и они двинулись дальше.

Дом сёи был отстроен на три четверти, лавка впереди была пуста, но жилые помещения кое-как закончили и там уже можно было жить. Джейми осторожно пробрался через сложенные у дома брусья и сёдзи и постучал в наспех устроенную дверь. Она открылась, и он вошёл. Дверь закрылась.

Через секунду чиркнула спичка и загорелся фитилек свечи. Сёя был один, посеревший от усталости и страха, который он тщательно старался скрыть. На низком столике были приготовлены бутылочки с sake и немного еды. Хирага и Акимото жадно набросились на угощение и мигом осушили две бутылочки.

— Благодарю вас, сёя, — сказал Хирага. — Я не забуду вас.

— Вот, Отами-сама. — Сёя протянул ему маленький мешочек с монетами. — Здесь сто золотых обанов и двадцать «мексиканцев».

Кисточка лежала на столе, рядом с бумагой был приготовлен брусок туши. Хирага подписал расписку.

— А как насчет моего родственника?

— Прошу прощения, это все, что мне удалось собрать за такой короткий срок, — ответил сёя и искоса посмотрел на Джейми, никто не заметил этого взгляда.

— Ладно. — Хирага не поверил ему, но, с другой стороны, у Акимото, в отличие от него, не было кредита и никто не мог вернуть за него эту ссуду. — Спасибо. И, пожалуйста, проследите, чтобы мой поручитель обязательно получил вот это. — Он протянул сёе небольшой свиток. Это было прилежно зашифрованное прощальное послание матери и отцу, в котором он объяснял им свой план и сообщал о смерти Сумомо. Для безопасности настоящие имена в нем не упоминались. По-английски он сказал: — Тайра-сама, готово. Здесь закончи'р.

— Готовы, Джейми? — спросил Тайрер, испытывая странное

ощущение, похожее на дурноту; он не знал, было оно вызвано возбуждением, страхом, усталостью или отчаянием. С самого пожара каждые несколько минут из глубин подсознания возникало лицо Фудзико, пронзительно кричащее и объятые пламенем. — Лучше поспешить, Отами-сама, — сказал он Хираге. Они договорились больше никогда не употреблять имена Хирага или Накама. — Натяните шапку пониже на лицо. Домо, сёя, матанэ. Спасибо вам, сёя, доброй ночи.

Он снова вышел на улицу. Убедившись, что кругом все тихо, он подал знак остальным.

— Идите вперед, Джейми, — прошептал он. Внезапно паника охватила их, и они скользнули в тень: гренадерский патруль приблизился и прошел мимо. Снова задышав, Тайрер пробормотал: — Они ищут мародеров, воров, вакаримасу ка?

— Вакаримасу.

Джейми снова заторопился вперед, повернул и запетлял через развалины к причалу на другой стороне променада, рядом с тем местом, где стояло здание «Гардиан». Людей кругом было много, они, разинув рот, взирали на ущерб, причиненный деревне, Ёсиваре и Пьяному Городу, или просто тупо бродили, потому что спать было ещё слишком рано. Узнав некоторых из них, Джейми замедлил шаг, не желая привлекать внимания. Он заметил Дмитрия, направлявшегося в сторону дома, и криво усмехнулся. Сегодня утром Дмитрий, радостно сияя, отыскал его и сообщил, что нашел Нэми рано утром, что с ней все в порядке, лишь несколько синяков, и она совсем не пострадала.

— Слава Богу, Дмитрий.

— Первое, что я от неё услышал, было: Дзами-сан о'кей? Я ответил, что да, и она на радостях обняла меня. Тогда я передал ей твое послание, что вы найдете её сразу же, как только сможете.

— Спасибо, вы сняли у меня с души большой камень. Я боялся, что она не выбралась. Вчера я разыскал-таки её гостиницу, но она превратилась просто в груды пепла, включая и её домик. Я так никого и не встретил... Слава Богу.

— Вы помните, что я...

— Помню, но сначала я должен поговорить с ней. Она же, чёрт побери, не мебель.

— Эй, легче, старина, о чем вы говорите? У меня и в мыслях ничего такого не было...

Джейми вздохнул, пробираясь через обгорелые развалины лавки, где продавали sake, — теперь до променада было уже недалеко. Дмитрий

достаточно славный малый, думал он, но Нэми — это дело особое и...

— О бог мой, смотрите! — Он показал рукой. Группа усталых самураев, сражавшихся с огнем, сидела на корточках у костра и готовила чай. Он быстро взвесил альтернативы. Их не было. — Ничего не поделаешь, пойдёмте.

Джейми зашагал к причалу, там он вежливо приподнял шляпу, приветствуя самураев, их офицер рассеянно кивнул в ответ. Шаткие сваи причала и дощатый настил тянулись в море на пятьдесят метров. Его сердце упало. Катера, который должен был ждать его здесь, не было, он повернул голову на север и посмотрел на причал Струана, надеясь увидеть спешащее к ним оттуда судно — и ничего не увидел. Далеко в заливе «Красотка из Атланты» была ярко освещена, облепленная огромным количеством шлюпок и весельных баркасов, прибывавших и отчаливавших.

Сегодня днём Джейми спросил Мак-Струана, нельзя ли ему ненадолго одолжить катер компании, чтобы съездить вечером на «Красотку» — повидать капитана Джонни Тумаства, старого друга. Филип, оставив сэра Уильяма, подтвердившего, что Хирага, судя по всему, погиб, бросился напрямик к нему. Спотыкаясь от возбуждения чуть не на каждом слове, Филип сообщил ему, что Хирага жив и прячется в колодце рядом с Пьяным Городом. Джейми пришел в восторг от этого известия. Тайрер рассказал ему, как японец спас ему жизнь, и выложил свой план его спасения.

— Мы просто доставим его незаметно на «Красотку», и никто ничего не узнает.

— Он жив? А я-то слышал, что он сгорел на пожаре — так он жив?

— Да. Все, что нам нужно сделать, это провести его на корабль.

— Я попрошу Джонни Тумаства спрятать их, но только если вы заручитесь одобрением Вилли. Хирага, как ни крути, убий...

— Хирага мертв, Накама, Хирага — не имеет значения, официально он мертв. Вилли заявил об этом, и сержант подтвердил его смерть в огне. Накама мертв и никогда не воскреснет, как и Хирага. Посадить его на корабль будет идеальным решением, а он стоит того, чтобы его спасти! Мы только помогаем двум студентам-самураям увидеть мир, наш мир, на год или около того, одного из них зовут Отами.

— Если нас поймают, Вилли будет кровью харкать, нашей кровью.

— А почему нас должны поймать? Отами есть Отами, это его настоящее имя, и он рассказал мне, что вы настряпали с сёей целую кучу самых разных деловых проектов, вы окажетесь в выигрыше, когда он вернется, мы все от этого выиграем. Мы должны ему помочь!

В конце концов Джейми согласился и встретился с сёей, чтобы договориться о ссуде, которую он же и гарантировал. К тому времени, когда он все уладил, солнце уже садилось. На закате Тайрер отправился к колодцу, чтобы подготовить Хирагу и Акимото, и вот теперь они все ждали на причале.

— Где катер, Джейми? — нервно спросил Тайрер.

— Придет. — Чувствуя себя как на ладони, все четверо ждали у конца причала рядом с шаткими, осклизлыми от водорослей ступенями, остро ощущая близкое соседство самураев, чей капитан с надменным видом прохаживался туда-сюда от нечего делать.

Хирага прошептал:

— Тайра-сама, этот капитан, помните? Он б'рюстити'рь закона, помните его, у ворот?

— Каких ворот?

— В Эдо. В васа Ба'рсой дому в Эдо. Когда первый раз встречаться.

— О боже! — Теперь воспоминания хлынули потоком — тот самый непреклонный самурай, который настаивал на обыске их миссии, когда их окружили и заперли там, как в ловушке, перед эвакуацией; Хирагу тогда вынесли на носилках под видом больного оспой.

— Что там ещё? — спросил Джейми. Тайрер объяснил ему. Поверх плеча Филипа Джейми увидел, как офицер бросил взгляд в их сторону. Его тревога усилилась. — Что-то он слишком любопытен, чёрт бы его побрал.

— Теперь я его узнаю, — говорил Тайрер. — Нам лучше... Смотрите, вон он! — Катер, пыхтя, выполз из темноты, его штаговые огни были зажжены, но горели тускло. Боцман помахал им рукой, они помахали в ответ. Волны, ударяясь о сваи, обдавали их солеными брызгами.

— Сразу на борт, не медлить ни секунды, — сказал Джейми с растущим волнением. Филип убедил его, что Хирага — не убийца, а борец за свободу, а сам он уже имел возможность видеть, насколько Хирага может быть полезен. Теперь он был ещё больше уверен, что приобретает ценного союзника в будущем: сиси, говорящего по-английски, друга, которому он помог и которого направлял в его добровольном изгнании — он подготовил список людей, с которыми Хираге нужно будет встретиться в Англии и Шотландии, написал, куда съездить, что посмотреть, и собирался объяснить ему все это до отплытия корабля.

Филип — гений, весело фыркнул он про себя, оглянулся на него и вдруг резко и шумно вдохнул. Позади Филипа он увидел того самого офицера-японца, который все тем же неспешным шагом приближался к их причалу.

— Бог мой, этот ублюдок направился по наши души! — Они ошеломленно посмотрели на него, потом бросили быстрый взгляд на катер. Катер никак не успевал к причалу раньше капитана. — Нам конец.

Хирага уже пришел к тому же выводу. Он рванул кимоно, в которых они прятали свои мечи.

— Акимото, мы убьем его.

— Подождите! Вот! — Тайрер торопливо сунул ему в руки большой пакет, содержащий рекомендательные письма к его отцу и дяде, а также к юристу и к декану его университета. — Я собирался объяснить все на катере, — быстро проговорил он, — теперь времени нет, Джейми, сделайте это за меня. — Глубоким взглядом он посмотрел на Хирагу в последний раз и протянул ему руку. — Спасибо, я всегда буду вашим другом, возвращайтесь живым и здоровым. — Он ощутил крепкое рукопожатие, увидел мимолетную улыбку, потом повернулся и в холодном поту направился навстречу своему врагу.

Капитан прошел уже до середины причала, когда Тайрер твердо встал на самой середине и с большой церемонностью поклонился. Человек, хмыкнув, остановился в нерешительности, держа руку на рукоятке длинного меча, затем поклонился в ответ. Когда он попытался пройти, Тайрер поклонился ещё раз и сказал на своём лучшем японском, намеренно избрав тяжелый, нудный тон:

— Ах, господин офицер, я хочу сказать, как мужчины самураи хорошо сражать огонь. Помните Эдо, да? Пожалуйста, извините меня, от имени мой господина, верховного гайдзина в Ниппоне, примите большая благодарность за помощь спасти все дома наши.

— Да, благодарю вас, а теперь я бы хотел взглянуть...

— Видите? Посмотрите там, господин офицер! — Тайрер показал рукой на город и всю округу, его японский становился все более бессвязным, по мере того как капитан хотел обойти его, и он всякий раз становился у него на пути. — Смотрите, какой огонь на...

— С дороги! — сердито рывкнул самурай, от него сильно пахло дайконом. — Отойдите!

Но Тайрер притворился, что не понял, и замахал руками, мешая ему пройти; он старался, чтобы это выглядело ненамеренно, и внимательно следил за тем, чтобы случайно не коснуться его, говоря, какие ужасные разрушения вызвал пожар и как здорово проявили себя самураи. Джейми и остальные находились за его спиной, поэтому он никак не мог определить, сколько у него времени. Офицер вдруг прорычал: «Бака!» Тайрер увидел, как его лицо исказилось в гневе, и приготовился принять удар, но в ту же

секунду услышал голос Джейми: «Отчаливайте же, чёрт подери!» Его грубо отпихнули в сторону, и японец побежал к катеру.

Тяжело дыша, Тайрер поднялся на ноги, чувствуя облегчение. Он увидел, как катер на всех парах отвернул от причала, а три его товарища нырнули в каюту; боцман стоял у руля, матрос — на носу, свет в каюте погас, едва самурай добежал до края пирса, и его ревущий окрик, приказывавший им вернуться, утонул в грохоте двигателя. За миг до того, как свет в каюте погас и Хирага и Акимото повернулись к ним спиной, Тайреру показалось, что он отчетливо увидел их лица, а если увидел он, то офицер должен был увидеть непременно.

— Почудилось, — охнул Филип, уже торопясь прочь самым быстрым шагом, на какой отваживался. Он приподнял шляпу, здороваясь с самураями у костра, они равнодушно кивнули, и когда до него долетел окрик на японском: — Вы, подойдите сюда, — он уже растворился в толпе. Отойдя на безопасное расстояние, он припустил трусцой и вдохнул первый раз только тогда, когда благополучно добрался до своей миссии.

— Боже милостивый, Филип! — воскликнул Бертрам, выпучив на него глаза. — Бедный вы бедный, да на вас лица нет, что случилось?

— О, подите вы на... — отрезал Филип, ещё не придя в себя после всего, что пережил только что.

— Это почему же так далёко? — поинтересовался сэр Уильям с порога своего кабинета, голос его звучал резко, лицо застыло в напряжении.

— О... о, прошу прощения, сэр, это была... просто шутка.

Его слова были встречены раздраженным хмыканьем.

— Филип, да у вас умственное расстройство! Где, дьявол меня забери, вы пропадали? У вас на столе лежат послание от бакуфу с пометкой «срочно», которое необходимо перевести, депеша сэру Перси, которую необходимо переписать — она должна попасть на «Красотку из Атланты» сегодня же, — а также четыре требования на возмещение убытков по страховке, на которые нужно поставить печать, я уже подписал и проверил их. Когда закончите, возвращайтесь и разыщите меня. Я буду либо здесь, либо на причале, провожать пассажиров... ну что вы стоите как истукан! Живо за работу!

Сэр Уильям вернулся к себе, закрыл дверь и привалился к ней спиной. Взгляд его неизменно возвращался к папке Андре, которая аккуратно лежала посередине стола. Его опять охватила печаль.

Когда Анжелика ушла, он просидел без движения целый час, если не больше, пытаясь принять решение, отчаянно боясь ошибиться, ибо поистине это был вопрос жизни и смерти. Мысли бродили по закоулкам его

собственных воспоминаний: детство в Англии, работа в Париже, в Санкт-Петербурге, его дом там, и сад, и смех, который он делил с Вертинской весной и летом, осенью и зимой, сгорая от любви; потом снова Англия, поля сражений Крыма, а потом мысли забредали в темные, окутанные клубящейся мглой уголки сознания, которые пугали его.

Он был рад, что голос Филипа вернул его к нормальному состоянию. Его взор снова рассеянно прошелся по комнате, остановился на огне в камине, потом папке, потом скользнул мимо неё — к очаровательному юному лицу, улыбавшемуся ему с миниатюрного портрета. Его сердце разбилось на тысячу осколков, как разбивалось всегда, затем само, без его помощи, вновь сложилось воедино. Только каждый раз он недосчитывался крохотной его части.

Он подошел к столу, взял портрет в руки и внимательно посмотрел на него, каждый мазок кисти уже давно нестираемо отпечатавшись в его памяти. Если бы у меня не было её портрета, забыл бы я её лицо, как Анжелика забывает своего Малкольма?

— На это нет ответа, Вертинская, любовь моя, — печально произнес он, ставя портрет на место и с трудом сдерживая слезы. — Может быть, и забыл бы твое лицо, но тебя — никогда, никогда, никогда, никогда.

И как он ни старался вернуться в прошлое и заново пережить то время, когда острее всего чувствовал себя живым, бумаги Андре глухой, железной дверью вставали между ним и его воспоминаниями.

Будь он проклят!

Ладно, что толку сыпать проклятиями, принимай решение. Довольно предаваться воспоминаниям и колебаться, приказал он себе. Берись за работу, закончи с этой проблемой, чтобы можно было заняться вещами куда более важными, как, например, Ёси и грядущая война против Сацумы — ты посланник Её Королевского Величества. Веди себя как пристало посланнику!

Правильным и единственно верным ответом на вопрос, как поступить с папкой Андре, будет запечатать её, написать тайный отчет о том, что и в какое время происходило, что говорилось и кем, запечатать и его также и отослать все это в Лондон, предоставив им самим принимать решение. Архивы и подвалы министерства и так хранят много секретов. Если они захотят держать все это в тайне, что ж, это их дело.

Хорошо, это верный, правильный и единственный путь.

Уверенный в том, что принимает достойное решение, он собрал страницы и, одну за одной, стал бросать их в огонь, напевая про себя, наблюдая, как они скручиваются, чернеют и вспыхивают. Это не является

необдуманном поступком. Бумаги не содержат бесспорных доказательств, да и в любом случае девушка была жертвой, а Андре — опасным и очень деятельным агентом враждебной державы, и если даже половина злодеяний, описанных в этом тайном досье, действительно имела место, он дюжину раз заслужил билет на тот свет. Правда это или ложь, в данном случае прах обращается во прах.

Когда догорел последний лист, он поднял бокал, обращаясь к миниатюрному портрету и чувствуя себя превосходно.

— За тебя, любовь моя! — произнес он.

Время шло к полуночи, когда Тайрер наконец торопливо вышел из миссии и направился к причалу компании Струана. Голова у него болела как никогда, он не успел поужинать, ему некогда было думать о Хираге и Фудзико, времени не было ни на что, кроме работы. Он нес в руках особый мешок для официальных депеш правительства Её Величества; в кармане у него лежал перевод, который он сделал последним, а сделав, пожалел, что не начал именно с него. Тайрер прибавил шагу.

Причал был забит людьми. Несколько человек провожали последних пассажиров, большинство же образовали шумную толпу вокруг начальника интендантской службы с «Красотки», который принимал последнюю почту в главные конторы в Гонконге и Шанхае — страховым агентам, поставщикам, перевозчикам, банкам, всем и каждому, кому следовало знать о пожаре и убытках. Тайрер увидел Анжелику и рядом с нею Горнта, они непринужденно беседовали. С другой стороны толпы Паллидар разговаривал с несколькими офицерами, которые отплывали на «Красотке» простыми пассажирами, а у самого края причала он заметил сэра Уильяма, увлеченного беседой с Морин Росс. Увидев её, он сразу вспомнил о Джейми и Хираге и о своём обещании шотландцу решить вопрос о «студентах» со своим начальником. Он начал протискиваться через толпу.

— Добрый вечер, мисс Морин, извините меня, сэр Уильям, но вам, вероятно, захочется ознакомиться вот с этим. — Он протянул ему перевод. — Я позабочусь о том, чтобы депеши были доставлены на корабль в целости и сохранности. — Он заспешил к начальнику интендантской службы, не желая оказаться под рукой у сэра Уильяма, когда произойдет неминуемый взрыв. Интендант был низеньким человечком, страдавшим несварением желудка, а путаная очередь, где каждый с помощью локтей пытался пролезть поближе к нему и не пустить вперед соседа, была ещё длинной. Тайрер протолкался в голову, не реагируя на предложения «встать, черт'тя разорви, в очередь, как все», и сказал: — Извините, распоряжение сэра Уильяма, государственное дело. Квитанцию, будьте любезны.

— Ладно, ладно, что за чертова спешка, ну? — Пока интендант прилежно заносил отправление в журнал, Тайрер украдкой посматривал на сэра Уильяма, который встал под масляным фонарем и, прищурившись, читал переведенный документ. Он увидел, как его лицо исказилось, а губы

задвигались, выговаривая грязные ругательства; те, кто стоял рядом, шокированные, отшатнулись, правда, смутил их не сам язык, а то, что произошло это так неожиданно. Филип издал протяжный стон и повернулся спиной.

Документ, полученный от родзю и подписанный тайро Андзё, был оскорбительно краток, лишен обычных цветистых фраз и высокомерно адресовался предводителю гайдзинов, он так и перевел его, сохранив, насколько это было в его силах, тот же стиль и разбавляя своими вставками те места, где это было необходимо:

Родзю поздравляет вас и других гайдзинов с тем, что вам удалось сохранить свои жизни и мало что ещё помимо них в пожаре, устроенном смутьянами и революционерами. Завтра губернатор Канавы пришлет 500 носильщиков, чтобы помочь вам оставить Йокогаму в соответствии с явным предупреждением богов и согласно с желаниями императора, которые неоднократно доводились до вашего сведения. Когда вы вернетесь, если вы вернетесь, предупредите нас задолго до срока. Для избранных гайдзинов будет подготовлено место на острове Дэсима в порту Нагасаки, откуда, как в прошлом, и будут вестись вся торговля и все дела с гайдзинами. Сердечное послание.

— Тайрер!

Он притворился, что не слышит, продолжая стоять спиной к сэру Уильяму, и принял квитанцию от интенданта; из очереди позади него доносились разные по степени грубости крики:

— Живее там, ради Создателя, нам что тут, всю ночь торчать... давай быстрее, вон он уж подошел!

Пустой катер, возвращавшийся с «Красотки», швартовался у причала. Тайрер заметил, что Джейми на борту не было. Боцман высунулся из своей будки и проревел:

— Все на борт, кому на борт надо!

В поднявшейся толчее к нему подошла Морин.

— Филип, когда Джейми вернется?

— Обязательно с последним рейсом, если не раньше, — ответил он, не зная наверняка, рассказал ей Джейми об их плане или нет. — Времени ещё много, целый час, а то и больше.

— Тайрер!

— Прошу прощения, мне нужно идти. Да, сэр? — выкрикнул он,

набрал в грудь побольше воздуха, мысленно препоясал чресла и поспешил на зов.

— Через полчаса, Филип, — начал сэр Уильям, чуть не окосевший от ярости, — через полчаса вы понадобится мне, чтобы перевести ответ, предельно, чёрт побери, точно и буквально в высшей степени.

— Слушаюсь, сэр, кстати, сэ...

— Отправляйтесь и разыщите мне... а, вон он, то-то мне показалось, что я его видел. — Одного взгляда на лицо сэра Уильяма было достаточно, чтобы толпа вмиг замолчала и расступилась перед ним; все обратились в слух. — Паллидар, соберите драгун, я хочу, чтобы вы доставили «сердечное послание» губернатору Канагавы немедленно.

— Сегодня, сэр? — Паллидар, уставился на него, разинув рот, увидел выражение его лица и торопливо добавил: — О! Слушаюсь, виноват, сэр, сию минуту, сэр.

— Извините, сэр Уильям, — торопливо заговорил Тайрер, видя, что сэр Уильям намеревается уйти. — Все времени не было сообщить вам, но я помог попасть на корабль двум японским студентам, которые хотели совершить путешествие, посетить Англию; вчера ночью они спасли мне жизнь, надеюсь, вы не будете возражать.

— Они спасли вам жизнь? Интересно. — Колючий взгляд впился в его глаза. — Если вы превратились в бюро путешествий, используя время, отведенное для службы Её Величеству, полагаю, вы сумеете дать сему удовлетворительное объяснение, буде таковое потребуется. Паллидар, будьте там с драгунами через час и, вручая мое послание, не слишком с ними церемоньтесь, клянусь Богом! — Он сердито зашагал прочь.

Паллидар шумно высморкался, простуда все ещё изрядно донимала его.

— Какой это бес в него вселился? — Тайрер наклонился поближе к нему и пересказал содержание ультиматума. — Бог мой, тогда ничего удивительного. Какая, чёрт меня подери, наглость! Вообще-то это чертовски здорово, теперь, надо полагать, дойдет и до драки, а то слоняемся тут без дела, у генерала из-за этого шея багровеет не хуже, чем от чечуйной болезни на толчке. — Он рассмеялся больше от взвинченных нервов, нежели от старой шутки.

В этот момент на причале появился Хоуг. Он так и не успел снять своего рабочего сюртука, рукава и грудь которого заскорузли от крови, и натужно дышал, обремененный цилиндром, чемоданами и коробками.

— А я уже думал, что опоздаю. По какому поводу смех?

— Времени у вас ещё много, — сказал Тайрер и задумался над тем,

что было в письме Анжелики, заверенном сэром Уильямом, которое Хоуг теперь увозил с собой в Гонконг как ответ на то письмо, врученное им Анжелике, когда он убедился, что она не ждет ребенка от Малкольма, и тоже до сих пор окутанное тайной. С самого первого дня возвращения Хоуга из Гонконга общие черты ультиматума Тесс были известны всем и являлись предметом горячих споров торговцев между собой. — Надеюсь, ваше плавание будет безопасным. Вы ведь потом направляетесь в Индию, не так ли?

— Да, я буду там уже в следующем месяце. — Его уродливое лицо осветилось улыбкой. — Жду не дождусь, приезжайте в гости, вам очень понравится.

— Индия — мое следующее назначение, — сказал Паллидар, — мне как раз только что об этом сообщили. Граница с Афганистаном, Гиндукуш, Хайберский проход.

Хотя тон его голоса был беззаботный, в глубине души Паллидар относился к новому назначению с отвращением. Слишком много смертей в этом проклятом аду, слишком много подлых убийств: пуля из ниоткуда, кинжал из темноты, отравленные колодцы; славы никакой, знай тyani лямку до седьмого пота, убивай и старайся выжить в этом бесплодном, гиблом каменистом краю, где не росло ничего, кроме смерти. И все же край этот имел жизненно важное значение для империи, ибо именно здесь лежал исторический путь вторжения в Британскую Индию для монгольских, персидских или российских орд. Тошнотворное предчувствие овладело им, и он добавил, не удержавшись:

— Там уж в море не хоронят, док.

— Да, это верно, никогда, — ответил Хоуг, по-своему истолковав его слова, и положил ему на плечо теплую дружескую руку. — Вы хороший товарищ, Сеттри, если я смогу помочь в Индии, найти меня нетрудно. Индия вам понравится, удачи! — Он отошел, чтобы попрощаться с Анжеликой и Горнтом.

— О чем это вы? — поинтересовался Тайрер. Он заметил внезапную перемену в Паллидаре.

Паллидар пожал плечами, проклиная свою нервозность, слова, сорвавшиеся с языка, и неожиданную острую зависть к Хоугу.

— Док Хоуг сказал мне, что не любит похорон в море, сказал, что был рад, не попав на похороны Малкольма в Гонконге. — Он криво усмехнулся. После того как о необычном поведении доктора Хоуга в отношении двух гробов в Канагаве, которое наблюдал его сержант, было доложено сэру Уильяму, Паллидар, получив соответствующие указания и поклявшись

хранить все в секрете, тайком поменял гробы местами, предварительно проверив их. Он не заметил между ними никакой разницы. Таким образом, в гробу, отосланном с «Гарцующим Облаком» в Гонконг, лежал Малкольм Струан, а в том, который Хоуг, Анжелика, Джейми и Скай похоронили в море, были останки рыбака из деревни, как приказал сэр Уильям. — Жаль, что Малкольм получил тот удар мечом, — тяжело произнес он. — Любопытная штука жизнь, а? Никогда не знаешь, когда это произойдет.

Тайрер кивнул, угнетенность была несвойственна драгунскому капитану. Паллидар ему нравился, и он на время забыл о своей боли.

— Что с вами, старина?

— Ничего. Вам чертовски повезло вчера ночью, не так ли, когда вы выбрались...

Тени заметались на лице Тайрера, и Паллидар обругал себя за глупость.

— Извините, Филип, я не хотел расстраивать вас, даже не знаю, что это на меня нашло сегодня.

— Вы слышали о... о...

Ни за что на свете Тайрер не смог бы сейчас произнести имени Фудзико, горе окатило его, словно кипяток, загоняя в бездонные глубины, где он никогда не бывал раньше. Его рот заговорил, стараясь не выдать страха:

— Когда что-то такое, что-то ужасное случается, мой старик обычно... у меня была сестренка, которая заболела корью и умерла, когда ей было семь лет, такая миловидная девчушка, мы все её любили... мой старик всегда говорил: «Эти вещи посылаются нам во испытание. Ты плачешь и плачешь и... и собираешься с силами, и говоришь, что это была воля Божья, и стараешься не возненавидеть Его...»

Он почувствовал, как слезы побежали по щекам, но ему было все равно. Ноги понесли его прочь, он очутился на берегу, и там, наедине с прибором, небом и ночью, он по-настоящему подумал о Фудзико, вспомнил её со всею страстью, затем убрал её образ в маленькую коробочку и поместил эту коробочку покоиться рядом с сердцем.

На борту «Красотки из Атланты» капитан Тумаст говорил:

— Хорошо, Джейми, я возьму их с собой, что бы ни решила миссис Струан, но ты её знаешь, она не склонна к широким жестам.

— Ты просто передай ей мое письмо, когда придешь в Гонконг. — Джейми рассказал Тумасту всю правду об Отами и его родственнике, не желая подводить своего друга, и выступил гарантом их платы за проезд

туда и обратно, если Тесс не согласится на его предложение выдать им эту сумму в качестве аванса вместе с тщательно подобранными рекомендациями в Англии и Шотландии под обеспечение половинного участия в совместном предприятии, которое он образует и возглавит, чтобы воспользоваться всеми преимуществами, которые сумеет извлечь из них по возвращении.

Он написал:

Я понимаю, что это очень дальний прицел, миссис Струан, но у Отами редкая голова и хорошие связи, насколько я могу судить, и он представляет будущее в Ниппоне. В случае если вы не согласитесь, пожалуйста, вычтите деньги на их проезд из того щедрейшего золотого подарка, которым вы меня наградили. Тем временем у Альберта Мак-Струана все получается хорошо, ваше имущество и здания здесь не пострадали от пожара, и все сулит светлое будущее, — я стану помогать и впредь, если он попросит. Последнее, позвольте предостеречь вас против нового управляющего Броков Эдварда Горнта. Он хороший, храбрый человек, но опасный соперник.

— Это дорого тебе обойдется, Джейми, — заметил Тумаст, худощавый коротышка с обветренным лицом, темными волосами и карими глазами. — По меньшей мере сто фунтов. Стоит ли так рисковать?

— Это её корабль, проезд не стоит ей ни пенса.

— Все равно это дорого, а она приглядывает за пенсами не хуже, чем за фунтами. Ладно, это уж ей решать. Я обналичу твой вексель на предъявителя в Лондоне, если она не подпишется под счетом. Ты уверен, что твои джапо понимают, что должны повиноваться мне?

— Да. Я сказал им, что на борту корабля ты король, даймё. Они должны во всем слушаться тебя и не покидать корабля, пока ты не высадишь их в Лондоне. Но, Джонни, обращайся с ними как с благородными. Ты будешь вознагражден.

Тумаст засмеялся.

— Да, но на небесах. Ладно, после всех этих лет за мной числится должок-другой, так что я это сделаю.

— Спасибо. — Джейми окинул взглядом каюту: маленькая, в углу койка, стол с картами, стол на четверых, аккуратная, суровая, пригодная для любого плавания — как и сам Джонни Тумаст, норвежец по происхождению и родственник Страйда Орлова, горбуна, который

командовал флотом Струанов после Дирка. «Красотка из Атланты», торговый пароход водоизмещением в тысячу тонн, мог разместить на борту четырех пассажиров первого класса, десятерых — второго, пятьдесят человек — третьего и ещё оставалось место для солидного груза. — Где они будут спать?

— С командой, где же ещё?

— Ты можешь выделить им каюту, пусть самую крохотную.

— Все каюты распроданы, а с командой они быстро выучатся, изучат наши обычаи, им придется.

— Дай им каюту хотя бы до того, как вы выйдете из Гонконга, я не хочу, чтобы их узнали.

Джонни Тумаст ответил:

— Они могут занять каюту третьего помощника, там две койки. Они вооружены, Джейми?

— Конечно, они вооружены, они же самураи.

— Никакого оружия, только не у самураев, клянусь Богом.

Джейми пожал плечами.

— Скажи им, но, пожалуйста, обращайся с ними как с господами, а не с дикарями, странными, но все же аристократами, важными японцами, они ведь благородного происхождения, ты знаешь.

— Эй, там! — крикнул капитан. — Пришлите их сюда! Хирага и Акимото вошли; Джейми успел им все подробно рассказать.

— Который из вас говорит по-английски? Я, Андзин-сама.

— Я — Отами-сама.

— Мистер Макфей поручился за вас, Отами-сама, за ваше хорошее поведение до самого Лондона. Вы согласны подчиняться мне, оставаться на корабле, если я так скажу, сходить на берег и возвращаться назад, как я скажу, до самого Лондона, подчиняться мне так, как если бы я был вашим вождем, вашим даймё?

— Мы сог'расный де'рать, как говорит Андзин-сама, — осторожно ответил Хирага.

— Хорошо, но никакого оружия, пока вы на борту. Мне нужны все ваши мечи, пистолеты, ножи. Они будут возвращены вам. — Тумаст увидел на лице краску гнева и отметил это про себя. — Вы согласны?

— Но ес'ри 'рюди нападать на нас?

— Если мои люди нападут на вас, отбивайтесь кулаками, пока я не появлюсь. Они будут предупреждены, пятьдесят плетей каждому, если они начнут драку. Вы не должны её начинать, понятно?

— Нет, прошу прощения. — Джейми объяснил, что матросов

привяжут к мачте и высекут за неповиновение. Ужасаясь подобной жестокости, Хирага пересказал все это Акимото, потом спросил: — Андзин-сама, вас нет бояца? Ес'ри чиравек свободный на корабарь, пос'ри такой осокараб'рений, нет бояца этот чиравек убивать вас?

Джонни Тумаст рассмеялся.

— Тогда ему не миновать петли, уж это как пить дать. Наказание за бунт на корабле — смерть. Я прикажу команде не цепляться к вам, вы не цепляйтесь к ним — это тоже важно, понятно?

— Понятна, Андзин-сама, — ответил Хирага, разобрав только часть сказанного, голова у него раскалывалась от боли.

— Если что, приходите ко мне. Никаких драк, если только на вас не нападут первыми. Ваше оружие, пожалуйста. — Хирага нехотя отдал ему замотанные в одежду мечи. И «дерринджер». — Мистер!

Дверь каюты распахнулась.

— Да, сэр?

— Эти двое займут каюту третьего помощника, я провожу их.

Джейми встал и протянул руку Хираге.

— Счастливого плавания, вы можете писать мне, когда захотите, и Филипу... Тайре-сама. Как я вам говорил, я буду писать вам через свой банк, Гонконгский банк на Малле. Все это есть в тех бумагах, которые я вам отдал, вместе с объяснениями, как получать и забирать почту. Не ждите ответа раньше чем через четыре месяца. Удачи вам и счастливого возвращения. — Они пожали друг другу руки, потом Джейми пожал руку Акимото.

— Вы двое, идите со мной, — сказал Тумаст. Он провел их по коридору и открыл дверь. — Спать вы будете здесь, и старайтесь никому не попадаться на глаза, мистер Макфей не хочет, чтобы вас узнали. После Гонконга будет легче. — Он закрыл дверь.

В молчании Хирага и Акимото огляделись. Каюта больше напоминала посудный буфет, чем жилое помещение. Места едва хватало, чтобы встать рядом. Масляный фонарь на шарнире тускло мерцал. Две грязные койки, одна над другой, у перегородки, под нижней — ящики. Матрасы, набитые грязной соломой, и шерстяные одеяла. Вонь. Резиновые сапоги, повсюду разбросана нестираная одежда. На крючках висят штормовые макинтоши.

— А это для чего? — ошеломленно спросил Акимото.

— Какая-то одежда, но она такая жесткая, как можно сражаться в этих штуках? Я чувствую себя голым без мечей.

— Я чувствую себя мертвым, не просто голым.

Палуба качнулась под их ногами, и они услышали громкие приказы наверху, вслед за ними матросы затянули размеренную морскую песню, готовя корабль к отплытию, загрохотала паровая машина, и сразу задрожали все перегородки и палуба, усилив их тревогу. Теснота каюты, неприятный запах угольного дыма и смазки, затхлый воздух и ещё более затхлый дух, исходивший от коек, давили на них. Палуба вновь ушла из-под ног, когда корабль качнулся на якоре, и Хирага метнулся к койкам и сел на нижнюю.

— Ты полагаешь, что мы на них будем спать?

— На чем же ещё? — пробормотал Акимото. Зорко прищурившись, он откинул мягкое одеяло в сторону. Все четыре угла матраса почернели от клопов, живых и мертвых; грубый холст матраса пестрел пятнами засохшей крови, отмечавшими места, где были раздавлены целые их поколения. Ему удалось сдержать приступ рвоты. — Поедем на берег, — проскрипел он. — С меня достаточно.

— Нет, — отрезал Хирага, преодолевая свой собственный страх. — Мы совершили чудо, мы спаслись от бакуфу и Ёси, и мы направляемся в самое сердце вражеской страны как гости, мы сможем выведать их секреты и научиться, как их уничтожить.

— Научиться чему? Как запороть человека до смерти, как месяцами жить в этой помойной яме? Ты видел, как грубо капитан обошелся с нами, он просто зашагал прочь, не ответив на наши поклоны. Пойдем... даже если мне придется добираться до берега вплавь! — Акимото взялся за ручку двери, но Хирага схватил его за рубашку и оттащил назад. — Нет!

Акимото оскалился и зарычал на него, вырвался из его рук и тут же врезался спиной в дверь: в каюте негде было развернуться даже для драки, потом прокричал:

— Ты не один из нас, ты заражен гайдзинами! Пусти, лучше умереть достойно, чем жить вот так!

Внезапно Хирагу охватил ужас. Время остановилось. В первый раз он до конца осознал все огромность того, куда толкнул их его план: перед ними открывался чужой мир, мир варваров, оторванный от всего цивилизованного, и они уходили туда, оставляя позади все, что имело истинную ценность в этой жизни: сонно-дзёи, Тёсю, сиси, родительский дом, не оставляя ни жены, ни сыновей — ах, моя храбрая и такая удивительная Сумомо, как мне не хватает тебя, уезжать вместе с тобой было бы легче, но теперь...

Его руки и ноги задрожали, сердце молотом стучало в груди, дыхание перехватило, каждая его частичка пронзительно кричала ему, чтобы он

бежал из этого ада, воплощавшего все, что он презирал и ненавидел. Если и Лондон такой же, что угодно будет для него лучшим выходом, что угодно.

Он отпихнул Акимото с дороги и бросился к двери. Но вдруг остановился.

— Нет, — выдохнул он. — Я вынесу это! Вынесу! Мы должны сделать это ради сонно-дзёи, брат, мы должны вынести это, но что бы ни случилось, мы умрем как самураи, мы сложим наши посмертные стихотворения, вот что мы сделаем, мы сложим их сейчас, прямо сейчас, тогда больше ничто уже не будет иметь значения в этой жизни...

У причала на берегу боцман выкрикнул:

— Последний рейс на «Красотку», все на борт!

— Что ж, удачи, Эдвард, и счастливого возвращения, — сказала Анжелика, все ещё снедаемая меланхолией, но с робкой улыбкой, которая осветила все его существо. — Будьте осторожны!

Попрошавшись ранее с сэром Уильямом, она доплакала оставшиеся слезы в уединении своей комнаты — столь о многом приходится плакать в эти дни, подумала она, откуда берутся все эти слезы, и все же, когда сердечная боль утихла, голова её просветлела и ясность мысли вернулась к ней. Вновь овладев собой, она сошла вниз и, опять наедине, встретила с Горнтом. Они сказали друг другу все, что нужно было сказать. Сила, уверенность в себе и любовь, которые он излучал, оттеснили все дурное в сторону.

Эдвард будет для меня хорошим мужем, подумала она, глядя на него, хотя и никогда не заменит моего Малкольма, это совсем другое.

— Теперь с вами все в порядке? — спросил он.

— Да, спасибо, дорогой. Возвращайтесь скорее.

Он поцеловал её протянутую руку.

— Всего доброго, мэ. — Сияющее лицо делало его ещё больше похожим на мальчишку.

— Не забудьте. — Она попросила его сказать Тесс, что надеется, однажды они смогут встретиться как друзья. — Это важно.

— Да, это важно, и я не забуду, и я вернусь, прежде чем вы успеете оглянуться. — Для ушей тех, кто стоял поблизости, он добавил погромче: — Я прослежу, чтобы о вашем счете из магазина позаботились, не тревожьтесь. — Он напоследок чуть заметно сжал её руку и беспечно вспрыгнул на скользкую палубу, удерживаясь одной рукой, последний из всех пассажиров. Боцман свистнул в свою дудку, дал «полный назад», и катер, пятясь, отошел от причала. Горнт махнул рукой, потом, не желая

показаться нескромным, спустился в каюту.

— Красивая девушка, — задумчиво произнес Хоуг.

— Да, сэр, красавица из красавиц.

Они смотрели, как причал отступает во мглу.

— Вы когда-нибудь бывали в Индии, Эдвард.

— Нет, никогда. Вы бывали в Париже?

— Нет, не довелось. Но Индия — лучшее место на земле, и там лучшая на земле жизнь для англичан, вы ведь большей частью англичанин, не так ли? — Внутренним взором Хоуг видел, как он появляется в доме её родителей за высокими стенами, буром и пыльным снаружи, но прохладном и зеленом внутри; бормотание фонтана сливалось с журчащим смехом, который наполнял главный дом и домики для прислуги вместе с дружелюбием и покоем, жившими в каждом из этих людей благодаря их глубокой вере в рождение, смерть и возрождение, сменяющие друг друга в нескончаемой последовательности, пока, через благодать бесконечного, они не достигнут нирваны — обители небесного покоя. Арджуманд будет там, подумал он, о, как я надеюсь, что и мне удастся отыскать туда дорогу.

Он нашел глазами причал, Анжелику и остальных, всех тех, кого, вероятно, никогда больше не увидит. Вот Анжелика помахала рукой в последний раз и подошла к Морин Росс, которая ждала её у фонаря. Надеюсь, они станут подругами, подумал он, размышляя о них. Через мгновение и они, и причал слились с ночной тьмой. Анжелика поступает правильно, что склоняется перед Тесс, думал он, не то чтобы у неё был какой-то выбор. Он рассеянно опустил руку в карман, убедившись, что её письменное согласие по-прежнему там.

Печально вышло с Малкольмом, даже трагично. Бедный Малкольм, прилежно трудиться всю жизнь ради чего-то, что никогда не будет ему принадлежать, чем ему никогда не суждено было стать. Малкольм Струан — тайпэн, который никогда им по-настоящему не был, — всю свою жизнь он провел как страдающий снежной слепотой человек, искавший в злоую метель белую палатку, которой там никогда и не было.

— Печально вышло с Малкольмом, вам не кажется? — Но Горнта рядом уже не оказалось. Хоуг обернулся и увидел его на палубе: Горнт стоял спиной к Йокогаме и смотрел на «Красотку» впереди, он был без шляпы, ветер играл его волосами.

Почему эта улыбка и что за ней кроется? — спросил себя Хоуг. Такая жестокая и вместе с тем... Есть в этом молодом человеке нечто странное. Кто он, будущий король или человек, отважившийся на цареубийство?

Большинство людей, оставшихся на причале, разошлись. Анжелика стояла рядом с Морин под фонарем, глядя на «Красотку» и исчезающий в темноте катер. Вскоре они остались одни, не считая Чена и Варгаша, которые тихо переговаривались друг с другом, ожидая возвращения катера компании, чтобы разгрузить его, если понадобится, и по собственной инициативе присматривая за обеими женщинами.

— Морин... — Анжелика взглянула на неё. Её очаровательная улыбка угасла, когда она заметила глубоко несчастное выражение на лице своей новой подруги. — Что случилось?

— Ничего. Впрочем, нет, это... нет, в самом деле, не стоит вам переживать. Просто... просто я целый день не видела Джейми, он был так занят, а я... а у меня было нечто важное... — Она не договорила.

— Я подожду вместе с вами, если хотите. Даже лучше, Морин, почему бы вам не пойти со мной? Давайте подождем в моей комнате, мы будем смотреть из окна. Когда покажется катер, у нас останется ещё много времени, чтобы выйти и встретить его.

— Наверное, я... ну, наверное, я лучше подожду здесь.

Анжелика твердо взяла её за руку.

— В чем дело? Что случилось, могу я помочь?

— Нет, не думаю, дорогая Анжелика. Это, это просто, это просто... — Морин вновь замолчала в нерешительности, потом, запинаясь, выговорила: — О боже, я не хочу обременять вас, но его, Джейми то есть, его любовница приходила ко мне сегодня днём.

— Из Ёсивары?

— Да. Она пришла, чтобы поклониться, выразить почтение и сказать мне, чтобы я не беспокоилась, потому что все это время она ухаживала за ним превосходно, а также спросить, следует ли ей в будущем присылать мне счет каждый месяц или раз в год.

Рот у Анжелики беспомощно открылся.

— Она это спросила?

— Да. — В свете масляного фонаря лицо Морин было зеленым, слова застревали у неё в горле. — Она также сказала, что, если мне хочется знать что-нибудь о... о, о Дзами, как она его называет, брр! о его привычках в постели, по... позах и так далее, поскольку я девственница и не могу знать этих вещей, она будет счастлива подробно со мной всем поделиться, потому что она профессионалка второго ранга, и обещала принести мне книгу с картинками, которая называется «Книга игр на подушках», где она пометит его... его пристрастия, но я не должна беспокоиться, потому что Дзами весьма искушен в этих вещах, а его... его... она назвала это его

Одноглазым Монахом и сказала, что он в превосходном состоянии. Ну вот, теперь вы все знаете!

Анжелика была потрясена.

— Mon Dieu, ах вы бедняжка, какой ужас! Но... но она, стало быть, говорит по-английски?

— Нет, это была почти бессвязная смесь из какого-то детского бормотания, пиджина и некоторых словечек Джейми, но главные моменты я уж действительно прекрасно поняла. По... похоже, что она... она была его содержанкой год, а то и больше. Она оказалась совсем крошечной и вовсе не хорошенькой, в ней и пяти футов нет, и я сказала... я не знала, что сказать, поэтому сделала замечание о её росте, какая, мол, она маленькая, а эта бесстыжая девчонка... эта девчонка хохотнула и говорит: «Сирьна хватит ба'рсой, Дзами тайтай, на спине подходит все одинаковый, хейа? Васа 'част'ривый зенчин».

— О, mon Dieu!

— Да уж. Что мне делать?

Анжелика вдруг обнаружила, что её собственная голова гудит как улей.

— Вы могли бы... нет, это не пойдет...

— Возможно, я могла бы... нет, не могу. Это слишком...

— А что, если вы...

Анжелика покачала головой. В бессилии она уставилась на подругу, в этот миг Морин повернулась к ней, и обе они увидели друг в друге своё отражение, одни и те же чувства — шок, отвращение, возмущение, презрение и ярость — ясно читались на обоих лицах. Какое-то мгновение они стояли словно замороженные, потом Анжелика сдавленно прыснула, следом за ней Морин, и через секунду обе уже заходились в бурном хохоте.

Чен и Варгаш пристально посмотрели в их сторону, переливы их смеха сливались с шумом прибоя и плеском волн о сваи причала. Анжелика вытерла эти добрые слезы, первые слезы веселья, пришедшие к ней после такого долгого перерыва.

— Его Одноглазый... — Они опять взвизгнули от смеха и согнулись пополам, и так хохотали, сотрясаясь всем телом, пока у них не заболели животы и они, обессилив, не повисли друг на друге.

Этот приступ смеха оборвался так же внезапно, как и начался, оставив после себя тупую, ноющую боль.

— Это забавно, Морин, но забавного тут ничего нет.

— Да. Смеяться нечему, — тяжело проговорила Морин. — У меня такое чувство... теперь я хочу вернуться домой. Мне казалось, что я смогу

справиться с Ёсиварой — Джейми ничем не отличается от других мужчин, но я не могу, теперь я это знаю. Я не могу принять эту жизнь, где... где Ёсивара есть и всегда будет, и нравится нам это или нет, Анжелика, через год или два появятся дети, а ещё через несколько лет он станет считать нас старухами, кто бы он ни был, и мы действительно состаримся, волосы наши поседеют, зубы выпадут, и, кто бы он ни был, он отвернется от нас. Женская доля не из счастливых. Как бы я хотела быть сейчас на «Красотке из Атланты», на пути домой, а не здесь, не здесь. Я все равно уеду, сразу же, как только смогу. Я так решила.

— Подумайте об этом ещё раз, не говорите ему сегодня.

— Лучше сказать все сегодня же. Это... так лучше.

Анжелика нерешительно помолчала.

— Я подожду, пока мы не увидим катер, потом я уйду.

— Спасибо. Мне будет жаль расстаться с вами после нашего знакомства. У меня никогда не было настоящей подруги. — Морин взяла её под руку и вновь устремила взгляд на «Красотку из Атланты».

— Ай-й-йа, — с отвращением прошептал Чен на диалекте «четырёх деревень», которым Варгаш владел свободно. — Почему эти две шлюхи не могут поступить разумно и спрятаться в доме, пока не придет катер, тогда и нам не пришлось бы ждать, стоя на холоде.

— Дзами не понравится, что ты так её называешь!

— По счастью, он не говорит на этом диалекте, он не говорит даже на кантонском, да я и не стал бы называть её шлюхой, разговаривая с ним или с любым другим чужеземным дьяволом, хотя, как тебе известно, именно так мы и называем всех их женщин, не стал бы я пользоваться таким грубым словом и в их присутствии. Я бы сказал «Утренний Цветок» или выбрал любое другое из тысячи подобных имен, оно, как мы оба знаем, означают «шлюха», но чужеземные дьяволы думают, что оно означает «Утренний Цветок». — Чен весело фыркнул, ему было тепло в длинной куртке на толстой подкладке. Он поднял глаза на небо, когда луна на короткий миг вышла из-за облаков. — Этот Утренний Цветок думает, что она станет тайтай Дзами. — Он снова фыркнул. — Ей никогда ею не стать.

— Нет, после того, что было сегодня, уже нет, — мрачно согласился Варгаш. — Она подходит ему по размеру, ему уже пора жениться, и было бы хорошо, если бы здесь появились дети. — Варгаш сильно скучал по своим, их было шестеро, он оставил их с двумя своими женами в Макао до тех пор, пока не сможет приобрести здесь собственный дом. — Что насчет мисси-тайтай и этого шанхайского Горнта? Он увеличит её деньги?

— Если и увеличит, то для своей пользы, а не её. Что я хотел бы знать, так это то, что было в тех бумагах.

— Каких бумагах?

— Тех, которые попались на глаза Луну, когда тайпэн Виллум задремал у камина. Бумаги от Длинного Острого Носа. Дью не ло мо, что Лун не может читать по-французски. Тайпэн Виллум был в большом шоке, как сказал Лун.

— Что стал бы Длинный Нос посылать Виллumu из могилы?

Чен пожал плечами.

— Беду для мисси-тайтай. Может, он написал про Затмение Луны, а?

— Это всего лишь слухи.

Чен промолчал, держа этот секрет при себе, как приказал «Благородного Дома» Чен после смерти Малкольма.

— Что бы ни случилось, тайтай Тесс сотрет мисси-тайтай и чужеземного дьявола из Шанхая в порошок.

— О? Что ты такого слышал?

Чен закатил глаза.

— Тайтай Тесс теперь тайпэн, так говорит «Благородного Дома» Чен — он известил нас об этом с последней почтой и сказал: «Берегитесь». Ты когда-нибудь слышал об императрице, которая отказалась бы от власти, однажды получив её? О любой женщине, раз уж на то пошло? Никогда за все пятьсот веков истории. Она теперь тайпэн, так говорит «Благородного Дома» Чен, а уж он-то должен знать.

— А я думал, тайпэном должен стать Альберт из Шанхая.

— Никогда. Она и его сотрет в порошок — Старый Зеленоглазый Дьявол навязал его и его брата «Благородному Дому». Ходят слухи, что тайтай Тесс ненавидит их, потому что они незаконнорожденные ублюдки, произведенные на свет дочерью чужеземного миссионерского дьявола от самого Зеленоглазого Дьявола — той самой, у которой была куча любовников.

— Женой начальника гавани Глессинга? Мэри Синклер? Никогда!

— Может быть, это и правда. Она дюжину раз заставляла Одноногого Глессинга носить зеленую шляпу.

— Наставляла ему рога? Это ещё одна выдумка, — уверенно заявил Варгаш, оберегая её репутацию, как и все из её бывших любовников. Теперь ей уже за сорок, красота её померкла, но она все так же ненасытна, подумал он, полная противоположность Тесс Струан, которая всей душой ненавидит соитие и довела своего мужа Кулума до пьянства и других женщин. — Тайтай Тесс следовало бы выйти замуж за тайпэна, а не за его

сына Кулума. Он смог бы смазать её Золотые Врата по-королевски, чего ей всегда по-настоящему недоставало, и его с лихвой хватило бы и на вторую жену, Мэй-мэй, и на третью жену, Йэн Хси.

— Верно, — кивнул Чен, — тогда мы были бы сильны, имея множество сыновей для продолжения дела, а не ослабели бы и не спасались бегством от Одноглазого Дьявола Брока. — Он добавил, сделав зловещее лицо: — «Благородного Дома» Чен встревожен.

— Жаль, что Номер Один Сын Малкольм умер так, как умер.

— Боги находились в отлучке в тот день, — с мудрым видом заметил Чен. — Слушай, ты поклоняешься богу чужеземных дьяволов, он не говорил тебе, почему боги проводят больше времени в отлучке, чем присматривая за нашими делами?

— Боги есть боги, они говорят только друг с другом... смотри, «Красотка» отправляется...

Морин сказала:

— «Красотка из Атланты» отправилась в путь, Анжелика.

Бог ей в помощь, подумала Анжелика, щурясь от легкого ветра; корабль двигался в темноте едва различимой тенью.

— А вон и катер.

— Где? Боже мой, какие у вас острые глаза, я его чуть вижу. — Анжелика по-дружески сжала руку Морин. — Я уверена, вы и Джейми... — Она увидела, как кровь отхлынула от её щек. — Не волнуйтесь, Морин, все будет хорошо, я уверена.

— Мне кажется, — пробормотала Морин, — я не смогу говорить с ним.

— Тогда... тогда бегите к себе, я скажу, что у вас разболелась голова и вы увидите с ним завтра, это даст вам время все обдумать, завтра все будет уже не так плохо.

— Сегодня ли, завтра, я приняла решение.

Обе женщины смотрели, как штаговые огни катера приближаются и становятся все отчетливее.

— Спокойной ночи, Морин, — сказала Анжелика, — до завтра.

— Нет. Пожалуйста, останьтесь, я не смогу сделать это одна. Пожалуйста, не уходите.

Катер был всего в пятидесяти метрах от причала. Они увидели, как Джейми высунулся из окна и помахал рукой. Морин не вернула приветствия. Позади них вдоль всего променада и во всех домах, не тронутых пожаром, ярко горели масляные фонари. Кое-где слышалось

мужское пение. Во французской миссии Вервен играл на флейте. Морин не отрываясь смотрела на приближавшегося Джейми. Он снова помахал рукой, потом выскочил на палубу.

— Мори-ин! — раздался его радостный крик, он был явно счастлив от того, что видит её.

Анжелика оглянулась, увидела, как взгляд Морин смягчился, и поняла, что о ней сейчас забыли. И правильно, подумала она, улыбаясь про себя. Морин будет плакать и злиться, устроит ему скандал и поклянется, что уедет, но она останется, она заставит его страдать, но простит, и никогда ничего не забудет, и никуда не уедет, она останется, потому что любит его, — какие мы, женщины, глупые создания.

Тихо, не замечаемая никем, она зашагала к берегу, радуясь возможности побыть одной.

Ночь была приятной. В заливе на кораблях отбивали склянки. Далеко в море, за мысом, её посланник отправлялся на «Красотке из Атланты» в свой поход завоевателя, поход, из которого не было пути назад ни для него, ни для неё. Ни для их главного врага — Женщины из Гонконга.

Эдвард выжмет деньги из этой ужасной женщины, и мы будем жить долго и счастливо. Мы станем проводить больше двух месяцев каждый второй год в Париже, лето — в Провансе, и я положу начало династии с пятью тысячами гиней собственных денег, я богатая наследница, и каждый су, который я потрачу, будет напоминать мне о ней.

Как глупо со стороны Эдварда думать, что я когда-нибудь стану, смогу стать её другом, когда-нибудь захочу этого.

Эта женщина — воплощенное зло. Я никогда не прощу её за все то, что она сделала и написала. Незаконнорожденный, а? Этого я никогда не забуду, и мы будем отомщены, мой Малкольм и я, за всю ту боль, что она нам причинила, ему и мне. Я отомщу этой ведьме.

Мне нравится это слово, сказала она себе с улыбкой. Это один из моих новых секретов. С самого первого момента, как я увидела её, я поняла, что именно ведьма она и есть, и потом тоже, за те несколько раз, что мы встречались, и те несколько раз, что обедали вместе, когда она едва достаивала меня словом, всегда давая понять, что я ей не нравлюсь, сколько я ни старалась. Она ведьма. Даже хотя ей всего тридцать семь. Она ведьма и всегда будет для меня Ведьмой Струан.

Несколько дней назад Анжелике минуло восемнадцать с половиной лет, и она вошла в просторный холл фактории Струанов, пройдя под Красным Львом Шотландии, переплетенным с Зеленым Драконом Китая, и поднялась по величественной лестнице в свои собственные покои. Там она

заперла дверь на засов и после этого, такая радостная и счастливая, легла в постель, чтобы уснуть крепко и без сновидений.

Семь дней спустя, по его просьбе, Ёси встретился с сэром Уильямом и всеми посланниками в Канагаве, успокоил их и смягчил их гнев, довольный тем, что Андзё опять угодил в его ловушку и прибег к большой дубине, которая дубиной вовсе не была, хотя и сам был поражен не меньше, что гайдзины не уплыли после столь разрушительного пожара. Он умастил их посулом устроить встречу с сёгуном, как только сёгун вернется.

«И когда же это произойдет?» — поинтересовался сэр Уильям, и он ответил: «Я договорюсь об этом быстро, вопреки решению тайро, если понадобится, он бедный больной человек, хотя по-прежнему тайро. Тем временем, я надеюсь, что информация, которая требуется мне для наших возможных соглашений в будущем, будет готова в ближайшее время и что мой совет будет принят во внимание?»

Впоследствии корабль Её Величества «Жемчужина» был послан в Кагосиму с официальным требованием к Сандзиро принести извинения, выплатить компенсацию и передать преступников английскому правосудию или назвать их. Сандзиро расценил это как наглую выходку. На следующей неделе сэр Уильям со своими помощниками поднялся на борт флагмана и боевая эскадра выступила в поход — корабли Её Величества «Эвриал», 35 пушек, «Жемчужина», 21, «Персей», 21, «Скакун», 14, «Разрушитель», «Кокетка» и колесный шлюп «Аргус», 9 — и вскоре бросила якорь в устье залива Кагосима, вне досягаемости береговых батарей, размещенных в четырнадцати фортах по обоим берегам залива. Погода испортилась.

Обстановка осложнилась, и Сандзиро колебался. Четыре дня. На рассвете пятого дня, при бурном море, под проливным дождем, три парохода, приобретенные Сацумой за границей, которые стояли на якоре недалеко от города, были захвачены и потоплены, и англичане сделали промеры глубин в нескольких местах. В полдень все береговые батареи открыли огонь, и адмирал Кеттерер отдал приказ начать сражение. Выстроившись в линию, возглавляемый флагманом, флот на парах двинулся в незнакомые воды. По мере того как каждый корабль оказывался в пределах досягаемости пушек фортов, эскадра обрушивала на них один бортовой залп за другим; ответный огонь оказался гораздо плотнее, чем ожидалось.

Через час после начала сражения «Эвриал» вдруг нарушил строй. По чистой случайности корабль был направлен между фортом и хорошо

пристрелянным береговыми канонирами участком, после чего ядром снесло головы его капитану и командиру, стоявшим на мостике рядом с Кеттерером и сэром Уильямом, и десяти дюймовый снаряд разорвался на палубе, убив ещё семь матросов и ранив офицера. Вместо него строй возглавил фрегат «Жемчужина». Перед заходом солнца «Персей» сел на мель под пушками одного из фортов, но «Жемчужине» удалось стащить его на глубокую воду без потерь.

Сражение продолжалось до заката. Несколько фортов были повреждены, большое количество пушек уничтожено, несколько складов с боеприпасами взлетело на воздух, по Кагосиме были выпущены зажигательные снаряды. Все корабли остались на плаву, англичане потеряли только убитых на флагмане. В ту ночь Кагосима запылала, как до неё пылала Иокогама. Шторм усилился.

Ранним утром, невзирая на беспросветную непогоду, погибшие были с честью похоронены в море и последовал приказ о возобновлении сражения. «Эвриал» возглавлял эскадру. Вечером флот вновь бросил якорь на безопасном расстоянии, все корабли были целы, боевой дух высок, и боеприпасов оставалось в достатке. Кагосима была разрушена, большинство батарей выведены из строя. На рассвете, при ураганном ветре и непрекращающемся ливне, к отворачиванию большинства офицеров и матросов корабля и вопреки протестам сэра Уильяма, Кеттерер приказал флоту возвращаться в Иокогаму. Хотя корабли вышли далеко за пределы досягаемости, несколько береговых орудий с вызовом продолжали вести огонь им вслед.

Кеттерер объявил это победой: город был сожжён, Сандзиро повержен, и, что было важнее всего, флот не потерпел урона — он настаивал, что только погода вынудила его принять такое решение.

В Киото, как только Огама, правитель Тёсю, узнал, что Кагосима уничтожена, а Сандзиро, по слухам, убит, он тут же нанёс внезапный ночной удар под кодовым названием Багряное Небо, чтобы вернуть себе безраздельный контроль над Дворцовыми Вратами, завлеченный Ёси в одну из его ловушек. Немедленно Ёдо, правитель Тосы, и все выжидавшие до поры до времени даймё выступили против Огамы на стороне сёгуната — лучше пусть слабый сёгунат охраняет Врата, чем один всесильный Огама. Поэтому переворот был подавлен. Огама был вынужден бежать из Киото и отступил в Симоносеки, поклявшись отомстить всем, в особенности своему прежнему союзнику, Ёси. Там, у своего пролива, он начал зализывать раны. И готовиться к войне.

Ни одна из проблем Ниппона не была решена. И Сандзиро не был убит

— ещё один ложный слух, распространенный шпионами Ёси. Но это не имело значения, Ёси знал, что сделал огромный шаг к тому, чтобы стать хозяином будущего: теперь он добился единоличного, пусть и непрочного, владения Вратами, Огама был изгнан, Кагосима разрушена, сёгун Нобусада возвращался в Эдо без своей принцессы, убежденный, что Киото — небезопасное место для его особы, сиси были почти полностью истреблены, Андзё уже недолго осталось жить на этом свете, и гайдзины на время были приручены.

Но примерно месяц спустя из Сацумы к сэру Уильяму в Иокогаму прибыли посланники с предложениями о мире. Сандзиро признал свою вину, выплатил компенсацию, назвал имена убийц, поклялся быть другом гайдзинов, обвинил во всех бедах разлагающийся сёгунат и пригласил гайдзинов в заново отстроенную Кагосиму для торговли и обсуждения всех сторон грядущих обновлений и усовершенствований, помимо прочего они сказали: «Князь Сандзиро хочет, чтобы вы знали, Сацума является древней морской державой и должна иметь флот такой же, как ваш. Он богат и может заплатить золотом, или серебром, или углем столько, сколько нужно за английские корабли и английских наставников...»

Ёси с досадой услышал об этом предложении почти сразу от своего шпиона Инэдзина и был им до крайности раздражен. Оно не было учтено в его планах, никогда даже не приходило ему в голову и изменяло баланс власти.

Ладно, хмуро думал он в тот особый вечер. Солнце садилось. Он был в своём неприступном гнезде, в башне замка Эдо, глядя поверх стены на город; небо прочертили кроваво-красные полосы, пожары там и тут освещали приход ночи. Ладно, боги все время играют с нами шутки, если боги существуют. Впрочем, боги или не боги, значения не имеет, именно это и делает жизнь тем, что она есть. Возможно, я одержу победу, возможно, нет. Карма. Я буду помнить Завещание. И запасусь терпением. Этого достаточно.

Нет, никогда не достаточно!

Он сознательно открыл заветную ячейку и вызвал в памяти Койко во всей её красоте, все те чудесные дни, что они провели вместе, весь её смех. Это обрадовало его и успокоило, и мысли о ней вскоре привели его к Мэйкин и её последнему желанию: «Баня и чистые одежды. Пожалуйста». Он улыбнулся, довольный, что исполнил его тогда, но только из признания её достойных манер.

— В этой жизни, — произнес он со смешком в вечерний воздух, — в этом Мире Слез человеку нужно чувство юмора, нех?

---

notes

Примечания

Ничего, и завтра никуда не денется. Но, мой бог, мадемуазель, какой же отвратительный запах (фр.). — *Здесь и далее примеч. пер.*

Благодарю вас, мсье, вы очень любезны (*фр.*).

3

Дорогой (фр.).

Нити, изготавливаемые из кишок мелкого рогатого скота для применения в хирургии. Рассасываются в тканях через несколько недель.

5

Мера сыпучих тел, равная 36,35 л.

В общем ($\phi p.$).

Что происходит? (*фр.*).

Все хорошо? (*фр.*).

Хорошо? У меня? Конечно... Почему вы спрашиваете? Что происходит? (*фр.*).

10

Откройте дверь, прошу вас, это я (*фр.*).

Прошу прощения... позвольте (*фр.*).

Очень приятно с вами познакомиться (*фр.*).

Мсье тайпэн «Благородного Дома» (*фр.*).

Известный юмористический журнал, основанный в 1841 году.

Не так ли? (*фр.*).

Господи, отец небесный! *(нем.)*.

Дерьмо (голл.).

Теперь — вперед! (*фр.*).

Не за что, старина (*фр.*).

За теб! (фр.).

Последний удар, которым рыцарь в поединке добивал противника, чтобы избавить его от мучений (*фр.*).

Японский музыкальный инструмент, напоминающий гитару, с очень длинным узким грифом и струнами, по которым ударяют пластинкой.

Кавалер ордена Бани 2-й степени.

Южный Вьетнам.

Я люблю тебя, милый... я люблю тебя... (фр.).

Набережная (*порт.*).

Во имя Отца и Святого Духа, отпускаю тебе грехи твои (*лат.*).

Сокращенное название Сан-Франциско.

Разумеется (*фр.*).

Что и требовалось доказать (*лат.*).

Друзья мои (фр.).

Я люблю тебя (фр.).

Я тоже люблю тебя (*фр.*).

Радость жизни (*фр.*).

Ничего не поделаешь (фр.).

Великолепным развлечением (*фр.*).

Храбрец мой и да здоровствует Франция (*фр.*).

Разговорное название женщин у австралийцев.

Во имя отца... *(лат.)*.

Не такой он кретин (*фр.*).

Услуга за услугу (*лат.*).

Мой храбрец (фр.).

Не за что (*фр.*).

Чейн — около 20 м.

Tweet (*англ.*) — чириканье, птичий щебет.

Господин доктор (*фр.*).

Здесь — милая (фр.).

Японская мера веса, равная 3,75 г.

Твое здоровье, дорогой, я люблю тебя (*фр.*).

Твое здоровье, дорогая, я люблю тебя (*фр.*).

Холостяцкая квартирка (*фр.*).

В принципе (*фр.*).

Театр ужасов (*фр.*).